Элисон Бэрд

Камень Звезд

Империя Звезд

Элисон Бэрд

Камень Звезд

Империя Звезд

Золотая серия фэнтези

Элисон Бэрд

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ALISON

BAIRD

The Stone of the Stars

The Empire of the Stars

ЭЛИСОН БЭРД

Камень Звезд

Империя Звезд

ACT
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХРАНИТЕЛЬ
МОСКВА

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Б97

Серия «Золотая серия фэнтези» основана в 1999 году

Alison Baird
THE STONE OF THE STARS
THE EMPIRE OF THE STARS

Перевод с английского М.Б. Левина

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн С.В. Шумилина

Печатается с разрешения издательства Warner Books, Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

**Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 13.04.07.
Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага газетная. Печать высокая с ФПФ.
Усл. печ. л. 39,48. Тираж 3000 экз. Заказ 2050.**

Бэрд, Э.

Б97 Камень Звезд. Империя Звезд: из цикла «Трон Дракона» : [фантаст. романы] / Элисон Бэрд; пер. с англ. М.Б. Левина. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. — 748, [4] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 978-5-17-045985-8 (ООО «Изд-во АСТ»)
ISBN 978-5-9713-5778-0 (ООО Изд-во «АСТ МОСКВА»)
ISBN 978-5-9762-4287-6 (ООО «ХРАНИТЕЛЬ»)

Камень Звезд...

Таинственное сокровище, обладающее ВЕЛИКОЙ МАГИЧЕСКОЙ СИЛОЙ.

Согласно древнему пророчеству, тот, кто обладает Камнем Звезд, держит в своих руках СУДЬБУ МИРА...

Пророчество — это всего лишь красивая легенда?

Но в мрачные времена, когда безумный тиран-завоеватель и его союзник — принц драконов-оборотней, владеющий могущественной драконьей магией, — собирают огромную армию, готовую вторгнуться в мирные земли, — времени на поиски истины в легенде остается все меньше.

Юные храбрецы, уже неоднократно спасавшие жизнь противостоящей Тьме принцессы Эйлии, принимают командование над армией последних защитников Света — а сама принцесса вступает в смертельно опасную игру с принцем драконов...

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-985-16-2565-5
(ООО «Харвест»)

© Alison Baird, 2004
© Перевод. М.Б. Левин, 2007
© ООО «Издательство АСТ», 2007

Камень Звезд

Пролог

Вначале были элы, первые дети Создателя, которых древние звали богами. Они пробудились во тьме, когда еще не были созданы Земля и Небо, и созерцали Сотворение. А когда оно завершилось, одни из элов решили обитать среди звезд небесных, и стали они *элирами* — высокими богами. Другие же выбрали себе пристанище на Земле, и стали *элайями*, и много других имен есть у них: гении, феи, боги суши и моря. Элайи полюбили создавать вещи, придавая форму камню и дереву, драгоценностям и рудам: это они создали заговоренные талисманы, что вели героев старых времен. Но еще до того, на самом рассвете времен, создали они сокровище для элиров. Оно было подобно самоцветному камню, прозрачно, как вода, и сверкало бесчисленными гранями, такое маленькое, что могло поместиться в ладони. Хоть и сделанное из вещества Земли, оно сияло так, будто содержало в себе все звезды Неба, и название ему поэтому было Мераалия, что значит Камень Звезд. Элайи сделали его, дабы показать высоким богам, что вещи низшей Земли могут не уступать в красоте вещам небесным. И Модриан, кто был первым среди элиров, принял драгоценность и украсил ею корону свою.

Но Модриан оставался безразличен к миру смертных и созданиям его и пользовался этими созданиями для своего удовольствия, как рабами или игрушками. Это раскололо богов, и часть их осталась с Модрианом, другая же часть пошла против него. И последних было больше, чем первых, и они, под предводительством сверкающего бога Атариэля, обрушились войной на Модриана и присных его, и звезды содрогнулись на тверди небесной. В последней же великой битвой Атариэль ударил мечом по короне Модриана, и

священный Камень выбило из оправы его. К земле устремился он, сияя падающей звездой, и остановился на севере мира, на вершине горы, которую называют с тех пор Элендор — Святая Гора. Там осталась драгоценность и тогда, когда разбит был Модриан и заключен в Пропасти Погибших, которую создал сам для других.

Ныне земля, где упал Камень Звезд, зовется Тринисия. Там было царство льда и стужи, пока не пришли там обитать элайи, искусством своим сделав землю эту зеленой и плодоносной. В те дни многие элайи брали себе смертных подруг, и родились от этих союзов элеи, волшебный народ, народ фей. Происходя от богов, владели они многими родами волшебства, и время их на Земле во много раз превосходило срок, отведенный иным смертным. Элайи взяли с собой волшебный народ обитать в Тринисию, научили его своим искусствам и поделились своею мудростью.

Особо благоволила народу фей Эларайния, богиня Утренней Звезды. Часто спускалась она на Землю и ходила среди элеев, приняв образ женщины, и делилась с ними знаниями. И дети богов любили ее и называли царицей Неба и царицей Ночи, потому что звезда ее сияла светлее прочих. Многих из них взяла она к себе в свои земли, что лежали за краем мира. И просила она тех из волшебного народа, что остались жить в Тринисии, оставить Камень Звезд на вершине горы и охранять его усердно, дабы не пришли те, кто все еще служит Модриану, завладеть им ради черных своих дел, потому что силы Неба и Земли соединились в Камне, и предсказано было, что наступит день, когда Камень сокрушит прежнего своего владельца, который явится в силе и мощи, чтобы завоевать мир.

И построили элеи храм, названный Храмом Небес, на вершине горы, над тем местом, где лежал Камень Звезд. Шли годы, и великий город основан был у вершины, священный город, где обитали жрецы, прорицательницы и астрологи, и назван был тот город Лиамаром — городом Звезды. Драконы стерегли врата его, грифоны же охраняли храм, и много было чудес в этом городе, созданных элайями и детьми их: заговоренные самоцветы, что повелевали ветрами и водами, сияющие камни, лившие свет взамен ламп, и магический кристалл, открывающий Элиане, королеве фей, все дела мира. Но чудеснее всех чудес был Камень Звезд. Посещали его духи небесные, и храм стал местом поклонения им. Иногда огненная птица поднималась с камня и летала по храму: то был сам священный Элмир, птица небес.

И не было числа паломникам, взыскующим священного града, ибо в свое время элеи разослали паруса кораблей во все концы мира, сдружились с тамошними народами, и так было создано Со-

дружество, земной образ Небесной Империи, создавший гармонию Земли и Неба. Однако не только почитание и благочестие рождал Камень Звезд среди людей, но и жажду обладания. Ибо он, будучи сердцем страны элеев, ненавистен был врагам элеев, жестоким и воинственным правителям, по-прежнему поклонявшимся Модриану.

И день настал, когда королева и чародейка народа фей Элиана собрала народ свой и так сказала ему:

— Хоть никогда темный бог не покинет темницы своей в Пропасти, есть у него еще слуги. Есть среди них смертные, есть и могущественные духи, и всем им дано будет обрушить на нас многие удары. Свирепствовать будут войны на Земле, звезды упадут с мест своих в высотах Неба, и тьма покроет на время всю Землю. И ничего в конце не останется от страны Тринисии, кроме памяти, сказки, что будут слушать дети у огня. И тогда пошлет Модриан великого воина опустошать мир во имя свое. Мощь темного бога пребудет в этом муже и поведет его, будто Модриан сам принял новый облик. Все побежит пред лицом князя Тьмы, и страшные орды пойдут по следам его.

Наполнились души элеев скорбью и страхом, и стали они просить у королевы своей хоть слова ободрения. И сказала она им такое пророчество:

— Не отчаивайтесь, ибо у сил Света тоже найдется поборник. Царице Ночи предназначено выносить и произвести на свет деву, и назовут ее Трина Лиа, принцесса Звезд. Властью матери своей будет она править, сидя на лунном троне, и призовет она с Небес могучую силу восстать на врага. И будет она искать священный Камень погибшей Тринисии, ибо в нем сила Земли и Неба, которая одна только может сокрушить силу Модриана. Когда видите вы в небе Утреннюю звезду, помните это и знайте, что в ней надежда.

Так впервые узнали элеи о Трине Лиа, той, кто спустится на Землю и войной пойдет на их врагов. Но час ее пришествия не был открыт, и неведом он никому среди смертных.

Апокрифический текст, ок. 1080 н.э.
Из архивов Королевской Академии Маурайнии

Часть первая

ПРОРОЧЕСТВО

1
Эйлия

И пришли черные дни, предсказанные королевой Элианой, — нараспев говорила Эйлия, разводя руки широким жестом. — Модриан, заключенный в Пропасти, повелел своим слугам напасть на весь мир от имени своего. Повиновался ему злой дух Азарах, сдернул звезды с мест их в небесах и бросил вниз на землю. И одни страны сгорели, другие же утонули в море, и лицо луны затмилось, и тьма пала на мир. Ни даже благословенный остров Тринисия не избежал дня разрушения. Тогда элеи, что оставались еще в живых, покинули развалины царства своего: одни ушли жить в Элдимию, страну богини Утренней звезды, что лежит за краем мира, другие же остались обитать в землях смертных, где постепенно рассеялся и вымер народ их. Так исчезли элеи из нашего мира. Но их чародейная королева много лет назад предсказала им, что не вечно будет торжество врага их. Вернется народ фей, скрывшийся в Элдимии, и воссоздастся древнее Содружество, когда Трина Лиа придет править Землею.

Эйлия с деревенскими детьми собирала — точнее, должна была бы собирать — хворост в тощем кустарнике, который она звала Заколдованным Лесом. Почти все стволы на Большом острове давным-давно спилили на дрова и доски, оставив только молодые отдельные рощицы вроде этой. Деревца клонились под ветром в глубь суши и будто прятались от него друг за друга. Но под рассказ Эйлии крошечный лесок менялся в глазах слушателей: выше вырастали деревья, гуще и зеленее становилась тень. И Эйлия преображалась из образа в образ, каждый раз становясь тем, о ком она говорила. Вот стоит она прямо и царственно в неясном потустороннем свете, почти созданном ею самой, и это сама королева Элиана

обращается к ним, а вот голос ее становится угрожающим шепотом дьявола Модриана, и слушатели замирают, бледнея.

Эйлия вообще-то просто хотела облегчить работу, развлекая ребят историями. Но стоило ей начать сказку, тут же и она, и дети начисто забыли про хворост. Только народ фей и священная драгоценность его были у них перед глазами, и святой город на горе, и беспощадный дождь падающих звезд. Когда Эйлия кончила рассказ, стало тихо. Но очарование развеялось, и дети увидели перед собой всего лишь девчонку, на вид чуть моложе своих семнадцати лет, худощавую, среднего роста. Одета она была так же просто, как и они — белая полотняная блузка под туго завязанным коричневым корсажем, юбка с потрепанным старым фартуком вокруг талии. И все же было в ней что-то иное, такое, чего в других людях нет. Может быть, глаза — такие огромные, совершенно темно-серые в тени, но чуть играющие сиреневым отсветом на солнце, как кусочки аметиста, иногда находимые среди камней. Волосы свободно спадали ей на плечи и спину, и они тоже были странно переменчивы. Каштановые в тени деревьев, они казались темными по контрасту с бледностью лица, но вот она шагнула на солнце, и лучи заиграли в них, превращая почти в витое золото.

Самая маленькая девочка из группы первой обрела голос.

— Эйлия, расскажи еще что-нибудь! Расскажи, как украли Камень, — попросила она, не сводя оленьих карих глаз с рассказчицы.

Эйлия подняла левую руку и показала на юго-восток, где аспидно-синее море поблескивало в просветах древесных стволов.

— Когда-то, давным-давно, в те дни, когда процветала Тринисия, в далекой Зимбуре правил царь по имени Гуруша, и говорили о нем, что отцом его был злой демон в людском обличье. Он повелел народу Зимбуры почитать бога по имени Валдур, который требовал страшных жертв, и замыслил он погибель Содружества. В те времена каждый вновь посвященный паладин Маурайнии обязан был совершить путешествие в Тринисию и преклонить колена в Храме Небес перед Камнем Звезд, и вот так Гуруша отправил отряд своих воинов похитить священную драгоценность. Тайно вошли они в храм, переодетые паломниками, схватили Камень и убили рыцарей, что охраняли его. Вернувшись к себе в Зимбуру, они поднесли Камень своему царю Гуруше, а тот велел укрепить его во лбу идола Валдура.

Дети эту сказку слышали уже много-много раз. Они все знали, как прежнее Содружество пошло священной войной на Зимбуру, какие страшные битвы разыгрались в открытом море. Знали, как

соединенные силы Маурайнии и Тринисии одержали окончательную победу. И все равно ловили каждое слово Эйлии.

— Король Маурайнии Браннар Андарион сам явился во дворец Гуруши и вызвал царя демонов на бой. И Гуруша принял вызов. Он был ужасен на вид, и была в нем темная мощь его бессмертного предка. Но и Андарион не был простым смертным, ибо его отец был из рода фей. Сошлись два царя в единоборстве, и Гуруша осыпал насмешками Андариона каждую секунду битвы. И воспылал негодованием король Маурайнии...

— Чем-чем воспылал? — перебила одна из старших девочек.

— Разозлился, значит, — пояснила Эйлия. — И пронзил Гурушу мечом до самого сердца! — Подхватив с земли палку, она сделала выпад. — И тогда наполнились отчаянием сердца присных Валдура...

— А кто такие «присные»? — спросила та же девочка.

— Элин Рыбак, будь добра не перебивать меня! А то я забываю, на чем остановилась.

Дети посмотрели на Элин укоризненно, и она притихла.

— Они сложили оружие свое, — продолжала Эйлия, — и взмолились о мире. Паладины же вошли в главный храм Валдура и разрушили его. Объявил король Андарион, что этот бог зимбурийцев был на самом деле злым дьяволом, не кем иным, как самим Модрианом в ином обличье, и запретил поклоняться ему. — Эйлия выпустила из рук свою палку-меч. — И тем окончилась война, и вернулся Камень на подобающее ему место в Тринисии.

— Хорошая сказка, — выдохнула младшая из девочек, Линна. — Я, когда слушаю, все думаю, откуда пришел народ фей, и был ли на самом деле Камень Звезд.

— Спорить могу, что не было, — фыркнула Элин Рыбак. — Мой папа говорит, — лицо ее стало знающим и уверенным, — папа говорит, что элеи нарочно все это придумали, чтобы пустить пыль в глаза нашим предкам.

— А где она была, эта Тринисия? — спросил Кеван, сын плотника.

— Далеко-далеко на севере, — ответила Эйлия. При этих словах она ощутила легкую дрожь, и сердце ее потянулось к северу, к далекой земле драгоценных дворцов и светлых городов, окруженных снегом и льдом. — Далеко-далеко, — повторила она. — Никто не знает, как далеко. А Элдимия, страна Утренней звезды, лежала еще дальше — за краем мира.

— Нет у мира края, — снова перебила Элин. — Он круглый, как мяч, так мой папа говорит. Нет такого края, за который можно

уйти или свалиться. А мой папа моряк, и он плавал по всему миру, так что он знает! И все это вранье, про богов и богинь, потому что все знают, что есть только один Бог и Единая Вера. Все это неправда!

Эйлия вздохнула:

— Элин, это просто так рассказывают.

Она ни за что не призналась бы в этом перед детьми, но глубоко в душе она хотела во все это верить. Не только в элеев и в их древние войны, но и в волшебство, в летающих драконов и в драгоценный Камень, упавший с Небес.

— А жалко, что нет сейчас рыцарей, — заметил Кеван. — Вот они бы точно остановили царя Халазара с его армиями! Эйлия, а зимбурийцы не пойдут на нас снова войной? Я слышал, так иноземцы говорили в гавани.

Эйлия снова посмотрела на далекий горизонт, за которым лежала Зимбура, невидимая, но грозная, как приближающаяся ночь. Она поежилась, и на миг древние легенды вдруг показались не такими уж далекими.

— Нет, конечно, — сказала она, сделав над собой усилие. — Уже сотни лет нет войн. А теперь давайте, ребята, собирать хворост, и я с вами.

Она стала подбирать валежник. Что бы она делала, если бы не было этих детей, которым можно рассказывать старые сказки? Вокруг крохотной рощицы простирался унылый ландшафт: поля, где ничего не росло, кроме травы по пояс, китовые спины гранитных валунов, торчащие из бедной почвы. Домишки деревеньки под названием Бухта сгрудились у берега: лишь небольшие клочки земли на острове годились под пахоту, и островитяне кормились рыболовством.

«Как здесь плохо, — подумала Эйлия с дрожью. — Почему я этого никогда раньше не замечала?»

Но в детстве все было по-другому. Тогда Большой остров был вовсе не Большим островом, а всем, чем она только хотела вообразить его, — то чудесной Тринисией, то волшебной страной Элдимией, то Маурайнией золотого века, когда правил Браннар Андарион. А Эйлия со своими двоюродными сестрой и братом — Джеммой и Джеймоном — и прочим босоногим ребячьим народом жили в долгой идиллии, созданной верой: они были королями и королевами, рыцарями и волшебниками, бились с драконами и побеждали в войнах. На острове ни мифы, ни легенды не водились. Закаленные суровые изгнанники, первыми высадившиеся на этих исхлестанных ветром берегах, имели одну задачу —

выжить, а в каменистой бедной почве острова негде было укорениться романтике. Так было до того дня, когда Эйлия, вдохновленная сборником волшебных сказок Старой Родины, который она нашла на книжной полке отца, восполнила эту нехватку. Она сама создала местную мифологию, в которой каждое дерево, каждый холмик и валун имели свою волшебную историю, и стала рассказывать эти сказки завороженным подругам и друзьям. Огромная подводная скала у входа в гавань, ежедневно грозившая рыбачьим лодкам, оказалась окаменевшим морским чудовищем, которое превратил в камень один герой с помощью магического талисмана. Искривленная от старости дикая яблоня с белой россыпью цветов выросла из черенка волшебной яблони из земли фей — ну и так далее. В мыслях она называла все, что видела, именами, которые придумала сама — скала Морской Девы, пещера Людоеда, Заколдованный Лес.

Вспомнив это, она и вздохнула, и улыбнулась одновременно. Друзья детства выросли, переросли ее. Джемма стала женой и матерью, Джеймон — моряком на торговом корабле и плавал в далеких морях. Вдруг навалилось, оглушило одиночество, и чувство это оказалось похоже на отчаяние.

«Мне почти хочется, чтобы *могла* быть война. Хоть какая-то перемена...»

— Парус! Парус! — внезапно вскричал Кеван Плотник. — Почтовый идет!

Вскочив на ближайший пень, он тыкал рукой в сторону моря.

Эйлия обернулась, рассыпая набранный в передник хворост. На западном горизонте облачной грудой вздымались паруса. К Большому острову приближался корабль с материка, который привозил почту и товары.

С тихим возгласом она бросилась вперед, обгоняя даже быстроногих детишек в стремлении к причалу. А вдруг ей письмо? Может быть, от кузена Джеймона, с рассказами о путешествиях в дальних морях? Или даже *то письмо* — от Королевской Академии в Маурайнии, с настоящей печатью Академии? Сердце колотилось в ритме стучащих на бегу ног — Эйлия летела к гавани по улицам деревушки.

Собравшаяся на пристани пестрая толпа полошилась и галдела не хуже стаи кружащих над ней чаек. Из-за беженцев-антиподов, ищущих здесь пристанища, Большой остров иногда напоминал весь мир в миниатюре. Сначала приехали люди запада, маурайнийцы, маракиты, риаленийские купцы и миссионеры, спешно возвращавшиеся на материк. Когда лето назрело, начинали

наплывать с юго-востока к берегам Большого острова настоящие антиподы: зимбурийцы с землистыми лицами и угольно-черными волосами, шурканцы в своих халатах и тюрбанах, даже иногда темнокожие мохарцы из пустынных земель. Все они бежали к этой, самой дальней из колоний Содружества, первой ступени к свободе. Но не у всех хватало средств добраться до материка, и приходилось им оставаться здесь. Сейчас они уже заполнили до отказа единственный постоялый двор.

На этот двор Эйлия захаживала при каждой возможности. Родители ни за что бы не позволили ей войти в общий зал, набитый грубыми матросами, но она любила сидеть в теплые летние вечера под окнами. Устроившись на пустой бочке или перевернутом ящике, она жадно ловила обрывки разговоров, долетающих из открытого окна вместе с табачной вонью и кислым дрожжевым запахом несвежего пива. Слышались песни и рассказы морей и чужих стран, истории о китах и пиратах, о причудливых бледных огнях — говорили, что это призраки утонувших моряков, — светящихся на снастях судов в южных морях, о погибших кораблях и затонувших кладах. Когда появились беженцы, рассказы стали страшнее, но и завораживали больше. Душераздирающие воспоминания о гражданской войне в Зимбуре, о легионах бога-царя, штурмующих города, о пушечной пальбе, от которой люди разбегались, как охваченное паникой стадо. Истории опасных побегов через океан в покалеченных и шатких судах, трагические расставания и разделенные семьи. Эйлия горела сочувствием к этим несчастным, которых судьба забросила далеко от родины, но не могла не ощущать болезненного интереса. Каково это — пережить такие времена? И еще беженцы принесли с собой аромат чужих стран, мучительно-манящую ауру далекой своей родины, мелькающую в этих лицах, одежде, звучащей в непривычных акцентах чужих земель.

Эйлия вбежала в толпу на причале, протиснувшись среди плотно стоящих тел, голодным глазами глядя на почтовое судно — новый корабль, с прямыми парусами, с корпусом цвета морской зелени. Носовой фигурой ему служила русалка с широким хвостом и золотыми волосами, а название корабля гордо читалось золотыми буквами на носовых скулах: «Морская дева». Эйлия вздохнула с завистью и восхищением. Подумать только, что вот этот самый корабль ходил к дальним пределам океана, заходил в самые далекие порты мира! Что за счастье — быть моряком и плавать по всем океанам!

Но тут она увидела, как по палубе корабля идет молодой мужчина с волосами песочного цвета, и аж подпрыгнула с криком безумной радости:

— Джейм! Джейм!

Молодой моряк обернулся и помахал рукой:

— Привет, сестренка!

Она пробилась сквозь толпу и прыгнула на палубу через перила.

— Джейм! Отчего ты так долго не писал? Когда ты поступил на этот корабль? Тебя отпустили на берег? Ты был в Маурайнии, в Академии? Там тебе ничего для меня не дали?

— Давай вопросы по одному, сестренка, — улыбнулся он, закидывая на плечо сумку.

Вот так вот. Ничего он ей сразу рассказывать не будет. Проглотив свое разочарование, Эйлия все же спросила:

— А книги, Джейм? Книги ты мне привез? Ты же обещал в последнем письме...

Джеймон улыбнулся во весь рот.

— А я-то думал, что это ты меня так рада видеть. — Снова сбросив сумку с плеча, он пошарил там рукой. — Вот, держи. Полного собрания Барда из Блиссона я не достал, но баллады его привез, а вот «Анналы Королевской...»

Тихо взвизгнув, Эйлия вцепилась в два потрепанных тома, прижала к груди.

— Джейм, спасибо, спасибо! Ты представить себе не можешь, что они для меня значат. Я бы *все* отдала, чтобы попасть в студенты. Я думала, Академия мне сейчас скажет, приняли меня или нет.

Джеймон с озабоченным лицом отвел взгляд.

— Ну, Эйлия, ты же знаешь, как туда трудно попасть, даже мужчинам. А у богатых сейчас стало модно давать дочерям образование. В общем, туда попадают, как правило, только те, у кого деньги есть.

— Но я все равно подала заявление на прием, — ответила Эйлия. — Хотя, наверное, очень многие тоже подали. Джейм, это же нечестно! Я так хочу узнать все про историю, и про поэтов, и про философию. Я все папины книги перечитала по десять раз, а больше ни у кого здесь читать нечего. А для меня читать — это как мир посмотреть. — Она на миг замолчала, ощущая, как покачивается под ногами палуба в ритме моря. — Будь я мальчишкой, я бы сбежала на «Морской деве», уплыла бы с тобой.

Сказала она это будто в шутку, но неудержимая тяга наполнила ее при этих словах.

— Тебе бы не понравилось быть мальчишкой, — сказал Джеймон, дернув ее за выбившуюся прядь. — Ни тебе ленточек в волосы, ни повздыхать над романтической балладой...

— Ну, да, — поправилась Эйлия, вместе с ним спускаясь по сходням, — я только хотела бы, чтобы девушкам можно было все то же, что и ребятам. Вот ты, например, стал мальчишкой при каюте всего в пятнадцать лет, объездил весь мир, а я только и могу, что дома торчать! — Она обернулась на корабль. — Я наполовину серьезно насчет этого, честное слово. В смысле, чтобы уплыть зайцем.

Джеймон усмехнулся:

— Тебе бы не понравилось. Когда поймают мальчишку-зайца, отправляют юнгой на камбуз.

Она тоже засмеялась:

— Ладно, тогда переоденусь мужчиной и стану моряком.

— Еще хуже! Заставят палубу драить. Поверь мне, жизнь в море — это не жизнь.

— Что-то у тебя не очень недовольный вид, Джеймон Моряк! — Она хлопнула его книгой по плечу. — Ну ладно — сейчас мне надо домой, наверное. Пригласила бы тебя на ужин, Джейм, но только сегодня моя очередь готовить, а ты знаешь, как я это ужасно делаю. Мама изо всех сил старалась меня одомашнить, но каждый шаг ей дается с боем. И тетя Бетт захочет, чтобы ты ужинал сегодня дома, с ней. Но можете с ней зайти потом, и дядю тоже, конечно, взять, если он вернется с моря. Как, Джейм? Здорово будет — как в старые времена. И я так хочу послушать, что ты будешь рассказывать.

— Конечно. Скажи тете Нелл, чтобы ждала нас. И есть одна вещь, о которой мне надо с тобой поговорить.

— Нет, правда? О чем, Джейм?

— Потом расскажу.

Он снова улыбнулся, но что-то ей показалось не совсем так в этой улыбке — будто она была какой-то жесткой и вымученной. Джеймон повернулся уходить, и она неохотно оставила его в покое. Но пройдя несколько шагов, она повернулась спросить его еще одно — и промолчала. Кузен стоял неподвижно, глядя на море. И она увидела, что он смотрит на юго-восток, туда, где находится Зимбура.

Дом Эйлии был причудливым строением, который отец кое-как собрал из отходов своего кораблестроительного ремесла. Кое-где окна заменяли маленькие круглые иллюминаторы, а вместо крыши наверху лежал перевернутый корпус старого судна. Киль

служил коньком, и пушечные порта заменяли слуховые окошки. Стоящий на сером гранитном выходе недалеко от берега, дом больше всего походил на обломок кораблекрушения, выброшенный высоким приливом.

Эйлия сидела у себя в тесной комнатке и мрачно смотрела на открывающийся перед ней вид. Деревянный топчан, один стул, ночной столик и умывальник стояли там же, где она привыкла их видеть, сколько себя помнит. Книжки аккуратно выставлены на полке, которую отец сделал из досточек, выброшенных прибоем. Даже с двумя новыми их было так мало, что пустое место приходилось заполнять другими предметами. Это были сокровища, подобранные после прилива: раковины, камешки, панцири крабов, пустые стеклянные шарики, которые рыбаки используют как поплавки для сетей. Над полкой круглый иллюминатор, обрамляющий вид на луг — и на море. Тихие его вздохи и шепоты убаюкивали ее по ночам и заполняли дни, так что этот звук стал частью ее самой, как шум пульсирующей в ушах крови. Все перемены жизни на острове повторялись по кругу, одни и те же: смена приливов и отливов, зим и весен, восходы и заходы солнца и луны.

Она вздохнула и взялась за гребень. Волосы у нее были переменчивы не только оттенком: они меняли настроение, как море, иногда лежали ровно и гладко, иногда струились волнами. Сейчас, однако, цвет у них был определенно мышиный, и они сбились в массу переплетенных и перепутанных прядей, застревающих в зубьях расчески. Сражаясь с ними, чтобы уложить их в косу, она начала злиться все сильнее. «Мне всегда хотелось иметь волосы, как у принцессы из волшебной сказки, золотые и такие длинные, чтобы хоть сидеть на них». Еще один пункт в списке того, в чем отказала ей судьба. А приключения — другой. И почему она так их жаждет? Приключения, если вообще случались, то лишь с мужчинами и с мальчишками. А для девушки есть только две возможных судьбы: быть женой или быть сестрой. И то, и другое значит быть прикованной к дому.

Вздохнув от такой несправедливости, она вышла из своей спальни и спустилась по узкому проходу в большую комнату. Деревенскую ее простоту причудливо разнообразила отцовская коллекция экзотических предметов, которые он собрал в дальних землях, когда еще был моряком на купеческом корабле. Секстант и медные корабельные часы, полированный панцирь морской черепахи, большое белое яйцо страуса моа на резной деревянной подставке. С западной стены смотрела черная церемониальная маска из земли Мохара, с любопытно вытянутыми щелками глаз, кото-

рых Эйлия побаивалась, когда была маленькая. И еще величественная завитая раковина с архипелага Каан, по сравнению с которой собственная коллекция раковин Эйлии казалась просто мусором, и здоровенный шип слоновой кости, больше всего похожий на рог носорога из «Бестиария Бендулуса», хотя отец говорил, что на самом деле это бивень кита. И еще несколько морских карт в рамах с изображением далеких стран. В некоторых отец бывал, а других даже он не видел.

Мать стояла у каменного очага, помешивая в булькающем на огне котле. Зачерпнув ложкой, она попробовала варево и слегка скривилась.

— Нехороша уха, матушка? — спросила Эйлия. — Я опять забыла лук положить? Или треска не проварилась?

— На вкус ничего, но слишком жидкая. Ты никогда себе мужа не найдешь, если не научишься готовить лучше. — Нелла покосилась на тщательно заплетенные косички Эйлии. — И волосы уже пора бы носить как взрослой. Надо бы вам, барышня, своему возрасту соответствовать.

— Ненавижу я мой возраст, — не сердито, а с тихой грустью отозвалась Эйлия.

Отвернувшись, она погладила рукой гладкую полированную поверхность китового бивня.

Грязновато-серые глаза Неллы задумчиво смотрели на дочь.

— Эйлия, ты знаешь, что уже пора, — сказала она. — Пора искать себе мужчину, строить свой дом, свою семью.

Эйлия ничего не ответила — слишком часто она последнее время это слышала. По-настоящему хорошо она знала только троих мужчин — Джеймона, своего отца и своего дядю. Ей вспомнились рыбаки и корабельщики деревни, гулкие и мощные их голоса, грубая сила рук и спин, тянущих сети или бревна, ввезенные в порт, обшивающих досками китовые скелеты судов. У нее же были мечты, взращенные волшебными сказками, мечты о романтических прекрасных принцах. Но только мечты, и ей хотелось, чтобы так они и остались мечтами.

Нелла обратила призывный взор к мужу. Но Даннор Корабельщик смотрел глазами цвета серого моря, как Эйлия наливает уху ему в миску, и ничего эти глаза не выражали, как и всегда.

— Чем тебе плох был бы молодой Курз Рыбак? — спросила Нелла, не ожидая ответа и садясь за стол. — У него уже есть своя лодка, а девушки пока нет. Или Армин Тележник, что в прошлом году овдовел: уж лучше и добрее его нет на свете мужчины.

Половник остановился в воздухе:

— Да он же настолько старше меня! — воскликнула Эйлия. — Он же почти как папа! И не могу я присматривать за всеми этими его детьми!

— А что? Ты же любишь малышей — сказки им рассказываешь...

— Это совсем другое!

— Надо научиться ухаживать за маленькими, Эйлия, а то как же ты будешь со своими управляться? Твоя кузина Джемма всего на два года старше, а у нее уже двое.

Эйлия села и уставилась в пространство. Перед ее мысленным взором как призрак проплыла фигура женщины: суроволицая седеющая жена рыбака, которую ревущие дети дергают за подол. Много таких видала Эйлия в деревне, но эта была от них отлична: в глазах ее горел голод острее ножа, голод, ничего общего с пищей не имеющий. И вид ее наполнил Эйлию страхом, потому что этой женщиной была она сама.

— Не хочу я замуж, — сказала она тихо. — Никогда не пойду.

— И что же вы, барышня, делать намереваетесь? В монашки податься? Не можешь же ты вечно жить со мной и отцом. Ты знаешь, что ты у нас поздняя, и мы хотим еще при жизни видеть, что ты пристроена. Я же только добра тебе желаю.

И снова Эйлия не ответила: в горле застрял какой-то странный ком, и трудно было и глотать, и говорить. Мать больше ничего не сказала. Три разных вида молчания — безмятежное, обиженное и отчаянное — слились за столом с паром от мисок с ухой. Сразу после еды Эйлия вскочила убирать со стола и мыть посуду.

— Здравствуйте все! — раздалось от двери к невероятному ее облегчению.

Джеймон стоял в проеме, облитый медовым светом раннего вечера, а за ним — тетя Бетта и кузина Джемма с двумя своими малышами. Они вошли, завязался оживленный бессмысленный разговор, и настроение у Эйлии стало лучше. Беседой завладели отец и Джеймон, разговор зашел про морские путешествия. Отскребая котел, она слушала мужской разговор, уносясь вместе с ними к далеким странам. К теплым, как баня, морям, где рыбы пестрее бабочек, где протянулись изумрудным ожерельем острова архипелагов, к берегам страны Мохара, где греются на солнышке крокодилы в высыхающих лужах дельты и черные женщины склоняются к реке, наполняя глиняные кувшины. И даже звезды там другие, и луна висит вверх ногами. А мужчины заговорили уже о северной стране, прошлись по побережьям антиподов и до самой Зимбуры. Когда-то корабли Содружества ходили в порты этой язы-

ческой страны наполнять трюмы поклажей караванов пустыни, шелками и благовониями, слоновой костью и пряностями, но даже просоленные моряки старались не заглядывать в кипучие и буйные города той земли. Дальше к северу раскинулась каменистая и неровная Шуркана, где слоны и носороги отрастили себе мохнатые шубы, а гордые и воинственные горцы обитали в своей орлиной крепости.

И беседа вмиг перенеслась через океан, к великому западному материку: вдоль солнечных южных берегов Маракора с его виноградниками и душистыми апельсиновыми рощами, и снова к северу, к лесистым террасам и горам Маурайнии. Ветхие руины — башни, храмы, акведуки — служили немым свидетельством древнего правления элеев.

— Элеи, говорят, произошли от своих собственных богов, — объяснил Джеймон матери Эйлии. — Боги спускались с Небес на Землю, говорят, и брали себе людей в жены и мужья, и научили их читать и писать, строить дома и обрабатывать землю.

— Подумать только! — сказала Нелла. — Значит, они такие же язычники, как зимбурийцы.

— Зато у них была великая цивилизация, тетя Нелл, — рассказывал племянник. — Искусство, здания — у *нас* ничего похожего в наши дни нет. И это у них было, когда наши праотцы бегали в шкурах с копьями за зверями.

— В легендах говорится, что элеи пришли с острова Тринисия, — вставила Эйлия, перестав уже притворяться, что моет посуду, — с далекого севера. И там не счесть прекрасных дворцов и садов.

— Тринисия — это только сказка, Эйлия, — ответил Джеймон. — Ее никто так и не нашел. Просто такая придуманная страна.

— Ты серьезно так думаешь?

— А как же? Ты вспомни: в легендах говорится, что Тринисия далеко к северу, но по описанию — теплые края! И россказни насчет драконов и фей, и зданий, крытых золотом и драгоценными камнями! Не один царь посылал экспедиции в северные моря, и ничего там не нашли, кроме льда.

Нелла нетерпеливо отмахнулась рукой, как от назойливой мухи.

— Хватит этих глупостей. Расскажи, что нового в мире? Дочь короля уже вышла замуж? И что там за новый тиран в Зимбуре?

— Халазар. — Лицо Джеймона будто погасло изнутри. — Он сверг царя Шурканы Яндара и теперь правит всеми антиподами.

Моряки с торговых судов говорят, что дальше он направится на запад, на Южный архипелаг.

— Его народ верит, что он что-то вроде бога? — то ли спросил, то ли сказал Даннор.

— Я так слышал. На самом деле он помешан на власти. Хочет править всем миром.

Джеймон покачал головой.

— Всем миром! — Джемма покрепче прижала к себе младенца Дани и тревожно поглядела на малыша Лема, который гонял ручками игрушечную лодку по истертым половицам.

— Ну, не волнуйся, моя милая, — успокоила ее тетя Бетт. — Ты же знаешь, эти язычники воюют друг с другом с начала времен. К нам это отношения не имеет.

Наступило короткое молчание, прерванное только звоном старых судовых часов, отбивающих вахту не существующего уже корабля. Потом снова заговорил Джеймон.

— Все переменилось, мама. Шурканская столица пала под ударами зимбурийской армии всего за три дня. Дело, говорят, в этих новых пушках: они в сто раз сильнее катапульт и таранов. Стены крошатся от их ударов. И ты ошибаешься, если думаешь, что нас это не коснется. Имея в своих руках весь строевой лес и пастбища Шурканы, царь Халазар может построить флот побольше и прокормить армию посильнее. Дальше он захватит архипелаги Каан как гавань для своей армады. И до нашего острова ему будет рукой подать.

Он остановился, ожидая, чтобы его слова возымели действия, но лица, обернувшиеся к нему, были спокойны. Никто не мог себе представить, чтобы кому-нибудь понадобился Большой остров. Именно это и сказал Даннор, помолчав.

Джеймон приподнял брови.

— Ты так думаешь? Это будет отличная база для его кораблей — совсем рядом с материком.

— Ты правда думаешь, что так и будет? — встревоженно вскрикнула Джемма. — Он нападет на материк?

Младенец проснулся и скрипуче захныкал.

Джеймон слегка пожал плечами.

— Увидим. Если он захватит архипелаг, значит, готовит войну против Содружества. Можем только надеяться, что король пошлет военный флот нас защитить.

— Пошлет, если до этого дойдет, — произнес Даннор в своей неспешной, рассудительной манере. — Содружество защищает своих. И я так скажу, что тиран не посмеет тронуть колонию Содружества.

— Как бы там ни было, а лодки уже возвращаются с лова, — произнесла тетя Бетт, поворачиваясь к двери. — Мне надо помочь разбирать улов, тиран там или что. Джемма, а ты оставайся здесь и занимайся своими детками.

Нелла посмотрела на Эйлию:

— А почему *ты* не поможешь тете, Эйлия? Ей наверняка лишние руки не помешают. Оставь мне посуду.

Они с Беттой переглянулись, как два заговорщика. Эйлии это не понравилось.

Она вышла вслед за теткой и по хорошей грунтовой дороге направилась в гавань. Солнце уже зашло за холмы, унеся с собой золотой свет. Небо на западе светилось розовой полоской, на востоке между морем и небом вставала тень. На полпути к пристани Эйлия вдруг остановилась и воскликнула:

— Там же сейчас холодно, у воды, тетя Бетта! Я сбегаю домой за шалью.

И не успела тетка ничего сказать, как Эйлия припустила назад. Бетта позвала ее, но девушка притворилась, что не слышит.

Подбежав к дому, она перешла на шаг. Прокравшись к входной двери, Эйлия остановилась послушать разговор. Ребенок орал добросовестно, и пришлось напрягать слух, чтобы услышать голоса взрослых. Ей неловко и совестно было подслушивать, и она пыталась оправдаться перед собой. Взгляд, которым обменялись мать и тетка, не оставил сомнения, что разговор пойдет не о чужеземных тиранах. А о ней.

Наконец она услыхала свое имя.

— Глупости, Нелл, — произнес отец. — Расскажи Эйлии. Она имеет право знать.

— Что рассказать, Данн? Что в конце концов она все равно не поедет? Дай ей подать на обучение, ты говорил. Дай ей надежду. А я уже тогда говорила, что не надо давать ей ложные надежды.

— Я думал, — произнес отец, помолчав, — что если она подаст прошение в Королевскую Академию и получит отказ, то смирится с жизнью здесь, а не будет всю жизнь страдать, что не попыталась.

«Письмо! — отчаянно подумала Эйлия. — Джейм привез письмо — отчего же он не сказал мне? Наверное, не хотел быть гонцом дурных вестей...»

— Ничего себе уху заварили! — продолжала Нелла. — Ты только послушай: «Работа написана исключительно хорошо... обучение начинается осенью текущего года...» и вот еще: «Плата за ваш проезд по морю и обратный проезд сопровождающего лица».

— Плата за места в этом кошельке, — сказал голос Джеймона. — В деньгах, естественно, — натурального обмена у них нет.

Послышался шелест, какой-то звон, и молчание. Потом приглушенный голос матери:

— Никогда не видала настоящую монету. Это серебро? Такое блестящее, такое красивое — и как его много!

— Слишком много, — засмеялся Джеймон. — Эти люди в Академии отнесли наш остров к другому краю мира. За эти деньги можно всю деревню послать на материк!

— Что ж, это придется отправить обратно, — сказала Нелла. — Ну и влипли мы! Размечтались, что ее не примут, и что делать теперь, когда она узнает, что ее приняли, а ехать ей нельзя — ума не приложу. Она будет еще несчастнее, чем была. Джеймон, это все твоя работа. Ты задурил ей голову.

— А почему она не может ехать? — спросил Джеймон.

Ошеломленное молчание. У подслушивающей девушки упало сердце.

— Что делать ей тут? — спросил Джеймон, не ожидая ответа. — Выйти за рыбака? Всю жизнь латать сети и потрошить рыбу? Ей такой жизни не вынести, и вы это знаете!

— Только потому, что у нее голова забита всяким вздором из книг, — решительно оборвала его Нелла. — Их вообще не надо было ей давать, они ее с толку сбили. А насчет выйти замуж — так вы с ней отлично всю жизнь ладили, и я думала, что когда-нибудь составите партию. Двоюродные братья и сестры иногда женятся. Но ты ушел в море, оставив ее одну.

— Послушайте, — возразил Джеймон, — мы с Эйлией всегда были добрыми друзьями, и останемся, надеюсь. Но она за меня выходить не хочет, и зачем бы ей? Зачем ей вообще замуж, если она не хочет? С тем, что она уже знает, она может быть даже учительницей или кем еще.

— Не обсуждается, — твердо сказала Нелла. — Ни одна женщина с нашего острова никогда учиться не ездила.

— Ты про это говоришь как про что-то непристойное, тетя Нелл.

— Она наше единственное дитя, Джеймон. А если... если она уедет, она может и не вернуться.

Голос матери переменился — чуть-чуть дрогнул, и Эйлия отпрянула в страхе. Сердце ее сейчас страдало так же, как и совесть. Она стала тихо отступать, когда услышала голос Джеймона:

— Я не мог отложить свой уход в море, но с той самой минуты дня не прошло, чтобы я не подумал о родных местах и родных лю-

ях. Эйлия любила бы Большой остров больше, если бы могла на время его покинуть.

Но Нелла уже взяла себя в руки.

— Я не отпущу ее в морское путешествие, пока в мире творится такое. Я удивляюсь, что твои родители тебя снова отпускают в море, а ведь ты мужчина, а не хрупкая девушка. Элия никуда не поедет, и разговор окончен.

Даннор ничего не сказал, и это могло значить только одно: он согласен со своей женой. Элия повернулась и пошла по тропе мало что соображая. Никогда она не верила всерьез, что ее примут в Королевскую Академию. Сейчас она поняла: это был только сон наяву, мечта, исчезающая надежда, которая все же поддерживала дух и на какое-то время делала жизнь терпимой. Она не позволяла себе думать, что будет делать, когда придет наконец отказ. И вот, невероятно, ответ все же пришел: ее *приняли* в Академию — и об этом она тоже заранее не думала.

«Голова моя была в облаках, как всегда. Чтобы я поплыла по морю — поехала жить в другую страну сама себе хозяйкой! Нет, я не думала. Конечно, они все равно меня не отпустили бы».

— И где же твоя шаль? — возмутилась тетя Бетт, когда Эйлия появилась наконец на причале.

— А, — промямлила девушка, — я... я подумала, что она мне все-таки не нужна.

Некоторые рыбачьи лодки уже стояли у причалов, другие только подходили к берегу. Когда-то она любила смотреть, как они плывут в густеющих сумерках, лампы на носу и на мачте сияют, возвращаясь в тихую гавань из опасного темного моря. А сейчас она рвалась взять такую лодку и уплыть — далеко-далеко за море, к дальнему горизонту, к краю света. Тусклыми глазами смотрела она, как дядя Недман подводит лодку к пристани и зачаливает, и он со своим зятем Арраном Рыбаком подхватывает сети, чтобы вывалить блестящей кучей улов сельди. Эйлия пошла к рыбакам и занялась той же работой: привязывать лодки, разбирать рыбу, вскрывать длинным ножом и бросать внутренности в воду, где чайки, хлопая крыльями и щелкая клювами, дрались за пищу. Возмущенные крики птиц глушили редкие обрывки разговоров. Люди работали почти молча, редко поднимая глаза от измазанных слизью и кровью рук. За причалом плескалось море, набегая на берег и откатываясь с глубоким вздохом, будто тоже слишком устало за день.

В молчании Эйлия снова осталась наедине со своими перепутанными мыслями и оглядывалась вокруг в поисках чего-нибудь,

на что можно было бы отвлечься. Небо над качающимся лесом мач уже засверкало звездами, мерцающими, будто ветерок то раздува их, то грозил погасить, но сияли они, ничем не затмеваемые, пото му что луна еще не взошла. На севере плясал призрачный свет, пе реливаясь и посверкивая, как солнечные лучи на морской ряби северное сияние. Эйлия вспомнила, чему учила ее когда-то давно одна старая рыбачка: «Это свет городов народа фей отражается в небе. Сегодня у них большое веселье». Быть может, Джеймон не прав, и Тринисия все-таки существует, и живут там до сих пор элеи и когда-нибудь она посмотрит на них... или поплывет на запад вслед за движением солнца и луны и звезд, на континент, в Мау райнию... Но все это были только пустые фантазии, и пришлось ей наконец это понять. Эйлия посмотрела на «Морскую деву», ка чающуюся на якоре с убранными парусами, и ощутила укол не утоленного желания и физической боли. Если бы только она ро дилась мужчиной, как Джейм! Кем угодно, только не женщиной! Птицы — и те летают каждый год на южные острова и сидят на резных карнизах языческих храмов, глядя чернильными капель ками глаз на чудеса, которых ей никогда не увидеть. «Никогда ни чего я не увижу, кроме этого острова. До самой смерти».

Отвратив взор от раскинувшейся водной глади, Эйлия подня ла глаза к небу и мыслями унеслась к звездам, подальше от вони и слизи мертвой рыбы. Даннор давно научил ее названиям главных звезд и созвездий — он, моряк, хорошо знал ночное небо. Ее соб ственное имя на древнем элейском языке эленси значило «Путе водная звезда» — подходящее имя для дочери моряка, хотя она его считала и очень романтичным. «Фаранда — Берилион — Анатар ва», — бормотала она про себя имена звезд, продолжая работать, будто заклинание читала. И еще видны были в эту ночь две плане ты: желтая Ианта, высоко в зените, как искорка от костра, и низко на западе большая, набухающая капля синего блеска, ярче всего, что было в небе. Это была Арайния, которую старинные поэты называли Утренней звездой, хоть ей случалось иногда сиять и по вечерам, как вот сейчас. Еще ниже на приземистой скале стояла башня маяка, и в ней, в высокой нише, статуя богини Эларайнии. Вырезанная из серого камня, она простирала руку, беря моряков под свою защиту. Лицо давно стерлось под ударами штормовых ветров и соленых брызг, но все еще можно было разглядеть над ним звездную диадему. Для моряков прежних времен Эларайния была охраняющим духом: Алмаилия, Звезда Морей. Но патриархи Истинной Веры не одобряли многобожия вообще и женских бо жеств в частности. Имя ее не называлось на острове уже сотни лет.

А наверху сверкающей полосой протянулась Мерандалия — Звездный Путь, и по обе стороны от него выстроились созвездия конца лета: Сфинкс, Кентавр и Дракон со звездными кольцами. Эйлия глядела на них, и сердце ее наполнялось, как всегда, тоскливой жаждой странствия. Для древних эти созвездия не только указывали путь морякам, но были обителью их богов, звездными царствами в составе Небесной Империи. И когда-то давным-давно элеи (как гласят легенды) путешествовали в эти звездные страны, на родину своих божественных предков, лавируя среди крылатых драконов на волшебных летучих кораблях.

— Это еще откуда? — вдруг воскликнула тетя Бетта, опуская нож.

Эйлия, как раз передававшая тетке рыбу, оглянулась и посмотрела на нее недоуменно. Тетя Бетт таращилась, показывая рукой, в сторону моря, и туда же смотрели остальные обитатели деревни. Теперь и Эйлия увидела огни на темном море, десятки и десятки огней. Новые рыбацкие лодки идут к берегу? Но все уже прибыли, да и в любом случае весь рыбачий флот Бухты и вполовину таким большим не был. Как будто светились уличные фонари города, плывущего по волнам. И они приближались.

Селедка выскользнула из пальцев Эйлии. «А что если это царь Халазар? — подумалось ей, и сердце ударило в ребра. — Если Джейм был прав — и это Армада?»

Пока рыбаки стояли, восклицая и жестикулируя, она повернулась и бросилась бежать по тропе к дому.

В деревне царил переполох. Люди бежали к гавани с фонарями в руках, и где-то кричал мужской голос — деревенский глашатай, наверное. Из кухонного окна Эйлии было видно мельтешение огней на пристани и отражение матери, метавшейся туда-сюда, запихивающей одежду, караваи хлеба и какие-то горшки в старый морской сундук Даннора.

— Что это ты делаешь, тетя? — удивился Джеймон, входя в дверь вместе с Беттой и Даннором.

— Надо бежать, — бормотала Нелла, — бежать прочь от моря. Уйдем вглубь суши, в пустоши...

— Остынь, Нелл, — перебил ее муж. — Эти корабли вовсе не зимбурийские. Они с Каана.

— С Каана! — вскрикнула Эйлия. — Но зачем же они сюда пришли, отец? Это значит, что архипелаг...

— Южные земли захвачены, — подтвердил Джеймон. — Каанцы говорят, что Халазар их поработил, и дальше очередь Северного архипелага. Все как я говорил: Армада в походе.

Эйлия метнулась мимо него к двери и встала у начала тропы, глядя на гавань, на чужие корабли. Был среди них один большой, но остальные вряд ли больше рыбачьих лодок островитян. Все потрепанные, некоторые сидели низко, будто в них течь, и волны плескали в широко раскрытые глаза, нарисованные на носах кораблей. Ребристые паруса изорваны, на палубах народу толпами.

Она быстро вернулась в дом. Джеймон как раз спорил с ее матерью.

— Тетя Нелл, если зимбурийцы сюда явятся, они весь остров захватят. И побережье, и пустоши. Прятаться в глуши бессмысленно — выследят и убьют, как дичь.

Нелла не ответила — только взялась за сердце. Джейм обвел взглядом комнату.

— Каанцы сюда только зашли пополнить припасы и подлатать корабли, если выйдет. Но даже если не выйдет, они поплывут дальше — как только смогут. Лучше утонуть в море на этих гнилых корытах, чем дожидаться Армады. Теперь ты поняла?

— Но что же нам делать, Джеймон? — всхлипнула тетя Бетт. — Мы же не можем уехать с острова!

— Не можем, — признал Джеймон. — Сейчас, во всяком случае. Плыть надо на материк, к Маурайнии, но рыбачьим лодкам океан не переплыть, а каанские корабли и без того переполнены. Остается только «Морская дева», а мой капитан говорит, что никакой опасности не видит. Его ждет груз на Северном архипелаге, и он не изменит курса — если не получит за это денег. Глупец!

— Но у нас же есть деньги! — выскочила вперед Эйлия. — Все серебро, что прислала Академия!

Мать в удивлении уставилась на нее:

— Откуда ты...

— Я подслушала, — перебила ее Эйлия и повернулась к Джеймону. — Ты же сказал, что там хватит на проезд для всей деревни!

У Джеймона был слегка растерянный вид.

— Я просто пошутил. На это серебро могут поехать только двое.

— Это на пассажирском судне, Джейм, с каютами и прочей роскошью. А грузовой корабль разве не обойдется дешевле? Твой капитан может прихватить больше людей за те же деньги. — Эйлия повернулась к отцу. — Папа, прошу тебя! Ведь не обидится же Академия, что мы использовали их деньги в такой крайности! И не обязательно уезжать в Маурайнию навсегда: опасность минует, а мы тем временем заработаем себе на обратную дорогу. И каанцев надо тоже с собой взять — им ни за что не переплыть океан на своих дырявых лодках. Если денег не хватит, отдадим капитану все,

то есть, и пообещаем отдать остаток по прибытии. Ведь там же ы как-нибудь заработаем? И еще: кто-то же *должен* известить ороля. Мы приедем на материк, расскажем ему, что здесь делает- я, и попросим послать еще кораблей забрать остальных островитян. Или военный флот, чтобы их защитить. Мы обязательно должны направить «Морскую деву» в Маурайнию...

Здесь Эйлии пришлось замолчать, потому что воздух кончился, но она так и не отвела глаз от отца.

— Я остаюсь, — произнес Даннор, и лицо его будто было вырублено из грубого камня. — Здесь моя родина. И я говорил вам: Халазар не посмеет ее тронуть.

— Этого ты не можешь знать, отец! — воскликнула Эйлия. Какое-то резкое, острое ощущение возникло где-то возле желудка, и вдруг она подумала: «Вот что, значит, называется страхом». Ничего романтичного в этом чувстве не было. — Ты ведь слышал Джеймма: царь Халазар ищет места для своих кораблей, чтобы напасть на материк!

Джеймон вышел вперед.

— Дядя, — сказал он, — Эйлия говорит правду. Может быть, серебра здесь не хватит на проезд для всей деревни и для каанцев. Но мы можем хотя бы отправить наших женщин и детей, и каанских тоже, пока угроза не минует. Если не хочешь ехать — можешь не ехать. Я буду на борту, и когда мы прибудем, я уйду с корабля и присмотрю за Эйлией и остальными. Пока не станет возможно вернуться домой.

Эйлия глядела на отца со странным смешанным чувством страха и восторга. «Пусть он согласится, ну пожалуйста...»

Даннор раздумывал, поглаживая щетинистый подбородок, но ничего, как всегда, нельзя было прочесть на изрезанном морщинами лице.

Потом он поднял глаза на племянника и едва-едва, почти незаметно кивнул.

— Что ж, ладно.

2
Дамион

Отец Дамион Атариэль стоял один перед вратами неба.

Они возвышались над зеленым гребнем холма, сияя под солнцем тропиков: две высокие колонны белого камня, поставленные

за десять футов друг от друга, будто столпы невидимых ворот. Ка дый был изукрашен резным драконом, и каменные изгибы вили вокруг столпа изящной спиралью, а рогатая голова лежала на к пители. Врата духов, подобные вот этим, можно было найти в всему архипелагу Каан. Они восходили ко временам еще элейск го Содружества, и потому их назначения или смысла уже никто н знал. На каждом острове было не более одних ворот, и никогда н дороге или возле развалин старых городов, где можно ожидать ув деть их. Всегда они стояли одиноко, ведя из ниоткуда в никуд Кааицы, живущие в городе у подножия, заявляли, что это рабо чародеев, и врата ведут в мир духов. И хотя маурайнийские мисс онеры то и дело ходили между столпами в обе стороны, дабы пе срамить суеверие, ни одного кааица нельзя было уговорить посл довать их примеру.

Дамион не мог не признать, что такие же суеверия есть в ек родной стране. Пара древних торчащих камней в северной Ма райнии считалась — по крайней мере местным народом — отме кой волшебных ворот в мир фей. Но те древние менгиры пораж ли грубостью по сравнению с вратами духов.

Он подошел поближе к правому столбу, рассматривая выре занного дракона. Прекрасное создание — гибкий, волнообразны чешуйчатый, как зеркальный карп, он лишь отдаленно напомина огнедышащих бестий родной Дамиону западной мифологии. В древнеэлейских и каанских легендах «драконы» означали не чудо вищ, но небесных созданий, вроде богов и ангелов. Обиталище и было в мире духов, но они проявлялись в материальном мире ко да хотели, и всегда свою волшебную силу пускали в ход ради доб ра. Герои каанского эпоса не выезжали с ними на смертный бой, наоборот — искали их помощи и наставления. Небесные драконы использовали эти врата, как гласили легенды, летая между ними невидимые для смертных глаз. Закон по-прежнему запрещал воз водить какие-либо сооружения на вершине этого холма, потом что подобное строение, как объясняли кааицы, может перекрыт путь полету дракона.

Дамион вздохнул. Именно чтобы искоренить языческие пред ставления вроде этого он с прочими миссионерами Истинной Вер проделал весь путь от Маурайнии до архипелага. Верные особ подозрительно относились к почитанию драконов, потому что западных землях дракон служил символом Врага, Модриана-Вал дура. Однако теперь, прожив здесь достаточно долго, он испыты вал по этому поводу смешанные чувства. В восточных предания многое оказалось и красивым, и одухотворяющими. Дамион шаг

ул назад и вгляделся в пейзаж, обрамленный столбами. Ничего ім не было похожего на иной мир: перистая листва по склону хол- а, косые крыши города Ярдъяна, бирюзовая гладь гавани и бух- ы. Вдалеке высились зеленые вулканические вершины Медоши, вященного острова, где не ступала ничья нога, кроме самых выс- их каанских жрецов. И дальше из моря поднималось множество стровов, синих и затуманенных далью, так что их даже можно было ринять за низкие облака. А на дальнем горизонте громоздились астоящие облака с высокими вершинами, как острова еще боль- ей и фантастической формы.

Дамион шагнул между столбами и спустился по травянистому клону холма. Остров Яна с шумным портовым городом уже боль- е года был местом его обитания. Поначалу экзотическое и не- ривычное, место это стало ему родным домом. Дома с крутыми рышами, с резными коньками и свирепыми керамическими стра- ами у дверей, дома бедняков, построенные на сваях в воде, пото- у что на суше места не хватало, и они казались стаей морских птиц, ачающихся на водах прилива. Буря запахов — благовония из хра- овых курильниц, свежая рыба, пряности, коровий навоз, густая онь сточных канав; короткорогие водяные буйволы, младшие ратья тех, что живут у антиподов, тащили хозяев и поклажу на ынки; прилавки под открытым небом, заваленные манго и коко- ами, ползающими крабами... все это теперь было знакомо, как ривычная одежда. Но до сих пор Дамион не понимал, что полю- ил архипелаг. До тех пор не понимал, пока не пришла пора с ним асстаться. Последняя, прощальная прогулка вокруг города.

В прошлые дни Дамион ходил по улицам Ярдъяна, накрыв го- ову капюшоном — как от испытующих взглядов каанцев, так и от алящего солнца. Белая ряса до лодыжек выделяла его в толпе как вященнослужителя Истинной Веры, но нынешние каанцы уже ривыкли видеть на своих улицах облачение западной религии. Их нимание привлекала яркая внешность Дамиона: светлые волосы кожа, ошеломительно синие глаза. Однако сейчас прохожие его очти не замечали. Охваченные паникой горожане метались по лицам, нагрузившись собственными пожитками, стараясь поки- уть город ради сомнительной безопасности холмов вдали от по- ережья. Беженцы с завоеванных островов кишели на улицах и в ереулках, некоторые пытались себе оборудовать какие-то убежи- а в сточных канавах. Посреди всего этого смятения в туче мух покойно сидели нищие, похожие на груды выброшенного тряпья.

Зимбурийский царь велел изгнать всех граждан Содружества з островных государств, которые объявил захваченными. Губер-

натор Яны, зная, что прочие острова уже пали и что его кораб флоту зимбурийцев не противники, даже не попытался возрази Люди с западного континента — купцы и миссионеры — заби припортовые гостиницы, готовясь отплыть при первой предст вившейся возможности — у них были деньги. Туземцы же в мас своей могли лишь безнадежно таращиться на немногие оставши ся корабли и ждать Армады вторжения. Сегодня утром в порт уж пришла небольшая темная зимбурийская галера. На веслах сидел рабы.

Рассказы о зверствах зимбурийцев давно уже переполошил город. Завоевывая страну, зимбурийцы сравнивали с землей ц лые деревни и сотни людей предавали мечу — «Чтобы вселить стр в остальных», как сказал Дамиону один каанец, дрожа от ужас Сомневаться в его словах не было причин. Хорошо было известн что зимбурийские правители именно так обращаются и со свои народом, и не задумаются распространить такое обращение н иноземцев. Некоторые из каанцев в отчаянии погрузились на ры бачьи лодки и наспех сооруженные плоты в безнадежной попытк переплыть океан, разделяющий остров и ближайшую колони Содружества.

«А мы уплываем, предоставляя их собственной судьбе».

Мрачные мысли Дамиона прервала суматоха, возникшая пе ред ним на улице. Вытянув шею, он заметил несколько жрецов черных одеждах, стоящих на ступенях какого-то здания — необы ного строения, золотые шпили которого отражались в воде окр жающего его неглубокого рва. Это было местное святилище, п форме повторяющее Священный остров. Но жрецы на его ступе нях не были каанцами. Это были зимбурийцы, высокие и почт смертельно бледные. Скорее всего с пришедшей галеры. На глаза у Дамиона один из них спустился со ступеней и пошел прямо в тол пу, которая задрожала и расступилась перед ним, будто перед за чумленным. Еще несколько дней назад, подумалось Дамиону, этог человека побили бы камнями и разорвали на части за подобну дерзость — подойти так близко к святому месту.

«Сейчас его никто не посмеет тронуть, и он это знает».

Чтобы не встречаться со жрецами, он быстро свернул в бо ковую улочку. Но сразу же раздался быстрый перестук сапог, и из-за угла вышла небольшая процессия одетых в черное. Эт тоже были зимбурийцы, и Дамион отодвинулся дальше в пере улок, чтобы пропустить их, шагающих, как победители на пара де, хоть их и была горстка. Они знали, что остров уже принадле жит им. Впереди шагал коренастый бородатый капитан в чер

ных кожаных доспехах. На жарком солнце обычно бледное лицо зимбурийца обрело густой красный цвет. С десяток его подчиненных шагали следом, и один тащил что-то за собой. При виде этой последней фигуры у Дамиона от неожиданности перехватило дыхание.

Это не был зимбуриец: кожа его была чернее черного дерева, и черные волосы не прямые, а вьющиеся. По крайней мере наполовину он был мохарцем, хотя как мог возникнуть такой союз — совершенно непонятно. Зимбурийцы считали мохарцев низшей расой, и смешанные браки сурово преследовались. Чудо, что полукровке вообще разрешили жить, не то что стать солдатом. Вид у него был вызывающий: черная кожаная рубаха раскрыта на груди, показывая отличную мускулатуру, а в левом ухе сверкало медное кольцо, в котором болтался клык какого-то зверя — льва, наверное? Свирепого вида усы закрывали верхнюю губу, под тяжелыми бровями угольями сверкали глаза. На миг они встретились с глазами Дамиона, и огонек в них вспыхнул вдруг ярче: злостью — а может, презрением? Чернокожий демонстративно отвернулся и зашагал дальше. Дамион смотрел ему вслед со смешанным чувством жалости и негодования, пока этот человек не скрылся в толпе вместе со всей процессией. Наверное, он у зимбурийцев раб — но тогда откуда такое презрение к западному священнику?

Эти солдаты, как понял Дамион, шли к святилищу. Снова шевеление в толпе, потом крики — и звук, которого Дамион в жизни не слышал, разорвал воздух.

Это был вопль человека — резкий, отчаянный, полный страдания.

Зимбурийские солдаты возвышались над худощавыми, малорослыми островитянами, и в руках их предводителя что-то было — то ли сверток, то ли свиток темно-коричневой материи. Разумеется, какая-то священная реликвия, вырванная из храма актом намеренного кощунства. Толпа застонала. И вдруг взревела. Мелькнуло что-то, и грузный потеющий капитан споткнулся и постыдно рухнул, исчез под напором тел. Неужто кто-то посмел подставить ему подножку?

В глубине сознания Дамион понимал, что дело пахнет опасностью и надо уходить, но он остался, прикованный к месту разворачивающейся перед ним драмой. Кто-то бежал в его сторону через толпу. Молодой священник не видел этого человека, но за бегущим оставался след машущих рук и покачнувшихся тел — так качается высокая трава, когда по ней бежит зверь. Снова над толпой возникла голова и плечи предводителя зимбурийцев: он сумел под-

няться, но свертка при нем уже не было. Лицо его стало еще краснее, теперь уже от злости. И он крикнул в толпу по-каански:

— Держи его!

Суматоха смещалась в сторону Дамиона, к переулку, где он стоял. Вглядываясь в налезающие друг на друга тела, он увидел, как мелькнула тощая жилистая фигурка, виляющая среди рук и ног. Мальчишка с виду лет четырнадцати, одетый в нищенские лохмотья, с грязным матерчатым тюрбаном на голове. К удивлению Дамиона, лицо чертенка было таким же светлым, как у него самого, с веснушчатым носом и прядями белокурых волос из-под тюрбана. Уличный мальчишка — с запада! Светлые голубые глаза вскинулись на Дамиона, снова отвернулись, и парнишка стал пробиваться сквозь шевелящуюся толпу.

Под мышкой он держал тот самый сверток.

Зимбурийцы с криками раздвигали толпу ударами мечей плашмя. Двое солдат в черном одновременно бросились на вора, который ловко увернулся, и они столкнулись. Мальчишка перекатился набок, уходя от третьего преследователя, тут же снова оказался на ногах, летя изо всех сил к Дамиону.

— Эй, поп, быстро за мной!

Беспризорник схватил Дамиона за руку и дернул в переулок.

Дамион сам не заметил, как побежал с ним рядом.

— Что у тебя тут?

— Времени нет, — выдохнул мальчишка на бегу. Он быстро оглянулся и произнес мерзкое и отчетливое каанское ругательство. — Я слышу, они бегут сюда. Отнесите это в монастырь, святой отец, а я заманю их в другой переулок.

Дамион не успел сообразить, что происходит, как у него в руках оказался этот предмет. Разинув рот, он только и мог сказать:

— Эй, погоди...

Но парнишка только нетерпеливо пихнул его.

— Беги! — рявкнул он и припустил со всех ног в другой переулок.

Раздались крики — преследователи заметили, куда метнулась их дичь, и бросились следом. Только топот сапог прогрохотал и стал затихать.

Дамион стоял будто вкопанный. «Мне полагалось бы испугаться», — подумал он, все еще не в силах поверить, что это наяву. С каким-то странным любопытством смотрел он, как приближаются зимбурийцы. Потом они завопили, увидев, как стоит перед ними Дамион, служитель соперничающей религии, держа в руках их добычу.

Более Дамион не размышлял. Он повернулся и со всех ног побежал по узкой полоске в лабиринт переулков. В полном смятении мыслей он даже не подумал выбросить сверток: наоборот, прижимал его еще крепче. Единственное, о чем он мог думать, это был гнев на лице предводителя зимбурийцев и хриплый крик, который донесся тогда из святилища. Глянув мельком на сверток, он с неприятным чувством заметил красный мазок на собственной рясе. Кровь?

Эти задворки оказались настоящей трассой бега с препятствиями: валяющиеся в грязи попрошайки, бесцельно шляющиеся бродячие собаки, кучи мусора, веревки с бельем от стены до стены. Он бежал, пригибаясь и виляя, вскоре запыхался, но не смел остановиться: топот сапог слышался за спиной, доносились ругательства и выкрики — это солдаты налетали на те же препятствия. Он рискнул оглянуться: их не видно было. Подобрав рукой подол рясы, Дамион сделал отчаянный рывок, хотя в боку жгло огнем.

Он даже не знал, какое деяние совершил невольно, но знал только, что возврата уже нет. Разве они поверят, будто он не имел отношения к похищению свертка? Могли бы, если бы он сдался им сразу. Но теперь они уверены, что он соучастник какого-то плана, что был в сговоре с тем мальчишкой в тюрбане... что бы ни было в этом свертке.

Жара стала невыносимой, но он не смел даже остановиться смахнуть со лба струйки пота. Только моргал, когда заливало глаза. Резко завернув за угол, он споткнулся о поломанную тачку посреди мостовой и растянулся во весь рост. Секунду он пролежал оглушенный, тяжело дыша. Потом с усилием поднял упавший сверток и с трудом встал на ноги, держась за перевернутую тачку. При попытке опереться на левую ногу голеностопный сустав пронзило кинжальной болью. Ободранная голень кровоточила. Морщась и вздрагивая от боли, Дамион заставил себя прохромать несколько шагов. Переулок здесь расширялся в продолговатый двор между домами, стены этих домов осыпались и сочились сыростью. На земле была здоровенная куча самого разного мусора — от грязных тряпок и рваной одежды до гниющих овощей. С гудением кружились над ней мухи. За дальней аркой начинался другой мерзкий переулок. Надо бежать — но так болит нога...

Солдаты приближались. И Дамион понял вдруг, что ему не удрать от них — в таком состоянии.

Отчаянным взглядом он обежал двор и остановился на куче мусора.

* * *

— Именно так, брат: идут зимбурийцы. Уже одна галера вошла в порт, и армада всего в дне пути от сюда, как я слышал.

Аббат Шан произнес это, не изменившись ни в лице, ни в голосе, но приор Дол в ужасе отвернулся.

— Отец наш небесный! — выдохнул он.

В стенах монастыря Неизменного Покоя, который стоял на втором по высоте из холмов Ярдъяна, царил дух осажденной крепости. Никогда еще не было названия монастыря настолько не соответствующим моменту. Монахи в нарушение традиции превратили священные внутренние покои обители в убежище, и когда-то безмолвные коридоры звенели взволнованным говором беженцев.

— Я думаю, друг мой, что вам и вашим маурийским братьям лучше всего уехать, пока это возможно, — продолжал аббат-каанец тем же звучным и спокойным голосом. — Ваша миссия завершена. Я рад, что мог предоставить вам сегодня убежище, но вскоре и эти стены не смогут вас защитить. Зимбурийцы не питают любви к гражданам западного Содружества, как вам хорошо известно. В гавани еще есть корабли, и охрана купеческого поселка маурийцев согласилась сопроводить туда ваших людей. Соберите своих монахов, брат мой, и езжайте с ними. Завтра для вас уже не будет охраны и не будет кораблей.

Приор Дол грустно кивнул:

— Я сейчас же соберу братьев.

Он с тяжелым вздохом вышел из крытой галереи во двор. Монастырь был триумфом Веры: бывший дворец развлечений, подаренный ордену неким уверовавшим дворянином. С тех пор монахи неустанно трудились, стараясь придать зданиям более строгий вид, закрашивая фривольные картины на стенах и преобразуя женский солярий в часовню. Работа многих десятилетий дала заметные результаты — но скоро от нее ничего не останется. В ветвях строгих кипарисов чирикали птицы и стрекотали цикады и плескалась вода в синих плитках фонтана посреди двора. Изнуряющий зной обрушился на лысину приора, когда он шел через двор к фонтану, где собрались монахи миссии.

— От отца Дамиона по-прежнему ничего не слышно? — спросил он, вытирая лоб.

Все только покачали головами.

Приор застонал. Дамион Атариэль вырос в монастырском приюте в Маурайнии и был рукоположен в сан около года назад. Прекрасный теолог для своего возраста, искренне преданный работе миссии, но слишком часто дает приору повод волноваться.

— Если где-то случается какой-то беспорядок, — всегда ворчал он, скрывая беспокойство под маской суровости, — в одном можно быть уверенным: Дамион всегда ухитрится оказаться в самой гуще.

Очень на него похоже: пойти на последнюю прогулку по городу в последнюю минуту перед известием, что сюда идет Армада!

Приор вернулся в галерею и остановился в главном зале, моргая, пока глаза снова привыкали к полумраку. Вокруг сновали люди.

— Пришла зимбурийская галера с солдатами и жрецами, и еще идут корабли! — крикнул кто-то.

Эта новость отдалась гулом, будто в улей сунули палку. Приор Дол, подавляя в себе панику, протолкался к каанским монахам, стоящим у главных дверей. Да, сообщили они, отец Дамион вышел, и никто не видел, чтобы он вернулся.

— Мне очень жаль, — сказал один из монахов с тем же спокойным фатализмом, что и аббат, — но ничего сделать нельзя. Я понимаю, вам очень дорог этот молодой человек, и я обещаю: если мы его найдем, то вернем сюда. Но вам нужно поскорее доставить ваших людей в гавань, или не уедет никто.

Приор Дол знал, что спорить бесполезно. Он повернулся, собираясь отойти, но тут снова донесся взрыв криков и восклицаний с другого конца зала. Беженцы разбегались в явной панике. «Неужто уже зимбурийцы?» — подумал приор, с тревогой вглядываясь в суматоху. Но тут он увидел одинокий силуэт, весь в лохмотьях, который, хромая, входил в двери. Лицо и руки этого человека были полностью покрыты какой-то грязью, и даже через весь зал чувствовался разящий от него мерзкий запах разложения.

Господи Боже — прокаженный! Очевидно, страх перед зимбурийцами погнал его сюда, в святилище, несмотря на его страшную болезнь. Один из монахов бросился к оборванцу и с безопасного расстояния сделал угрожающий жест. В ответ этот человек размотал повязку с головы, обнажив, как ни странно, совершенно чистое молодое лицо, обрамленное светлыми волосами. Что-то он сказал монаху, который шагнул вперед с радостно-удивленным видом, и протянул ему нечто вроде свертка грязных тряпок.

Приор Дол бросился вперед.

— Дамион Атариэль! — рявкнул он. — Во имя милосердия Небес, что это ты вздумал? И где тебя носило?

У него даже колени подкашивались от радостного облегчения.

— В городе, отец мой, — ответил Дамион.

И стал высвобождаться из своих вонючих тряпок, как насекомое, выбирающееся из куколки.

— Что за игры ты затеял? — Когда стало ясно, что Дамион цел и невредим, приор Дол мог дать волю своему гневу. — Священнослужитель Истинной Веры, переодетый прокаженным! Что означает подобное поведение? Что ты себе позволяешь?

Дамион наклонился, потирая голень. Очевидно, хромота была неподдельной.

— Я... честно говоря, я случайно ввязался в какое-то приключение, отец мой. Мне пришлось прятаться под мусорной кучей — прошу прощения за этот запах, — а чтобы вернуться сюда, пришлось переодеться в эти тряпки. С прокаженным никто не хочет связываться, поэтому...

— Что ты только что передал этому брату?

— Не знаю, отец мой.

— Не знаешь?

— У меня не было возможности посмотреть. Я только хотел помочь мальчишке, который мне это передал, хотя в результате здорово влип. Надеюсь, парень сумел удрать от зимбурийцев...

Зимбурийцев!

— Армада, значит, уже здесь?

Дамион вытаращил глаза:

— Армада? Нет, это были только солдаты с галеры, что вошла в гавань. Значит, Армада идет сюда? Тогда понятно, отчего они так обнаглели.

— Я так и знал, что ты опять что-нибудь выкинешь, — пожаловался огорченный приор. — Да, флот на пути сюда, и мы уезжаем, слава Господу, так что у тебя больше не будет возможностей ввязаться в *приключение*.

— Брат Дамион! — позвал вернувшийся монах, который встретил Дамиона у дверей. — Аббат хотел бы переговорить с тобой в часовне как можно скорее.

— Иду немедленно, — недоумевая ответил Дамион. Почему в часовне? Он повернулся к приору: — А каанские монахи, отец мой? Они едут с нами?

— Нет, естественно! Они остаются. Все-таки это их родина.

Лицо Дамиона омрачилось:

— Отец мой, мне страшно покидать этих людей. Я полюбил этот монастырь — будто здесь мой дом. И мы ничего не пытаемся сделать, а просто бежим в Маурайнию, поджав хвост. Как пресловутая крыса с корабля.

— А я всегда считал, — сказал вполголоса приор, когда Дамион уже не мог его услышать, — что эта пресловутая крыса поступает очень и очень разумно.

Аббат Шан встретил его у дверей часовни.

— Вы посылали за мной, отец мой? — спросил Дамион.

— Да, — кивнул аббат. — Войди.

В прохладном каменном помещении тропическое солнце, проникая через цветные витражи, покрыло пол цветными пятнами. Дамион вошел — и остановился как вкопанный. В часовне был еще один человек, сидящий в резном позолоченном кресле возле мраморного алтаря. Этот человек был одет не в белую рясу западного стиля, как у монахов, а скорее как каанский святой: мантия с пестрым узором красного, золотого и шафранового, и высокий головной убор с бахромой из алых кисточек. Из-под них со светлокожего лица смотрели светло-голубые глаза.

Тот самый беспризорник.

Но сейчас не было на нем грязной тряпки в виде тюрбана. Вдоль спины висела светлая коса, а на изящном, покрытом легким шелком теле виднелись изгибы, которые раньше скрывала грязная рубаха и мешковатые штаны.

— Вы... — Дамион потерял дар речи, потом обрел его снова: — Вы *девушка*!

Она усмехнулась из-под своего причудливого головного убора. Лицо ее теперь было чистым, и он рассмотрел его получше. Резкие и правильные черты, не классические, но обладающие своей суровой красотой.

— А вы не догадались? — произнесла она чистым контральто. — Я одеваюсь как мальчишка только когда выхожу в город. Так безопаснее. А здесь, дома...

Он вытаращился на нее:

— Дома? То есть вы здесь *живете*?

— Да. Всю свою жизнь. — Девушка повернулась к аббату, взмахнув кисточками вокруг лица. — Можно мне уже уйти, отец мой?

— Да, Лорелин. Возвращайся к себе и уложи вещи. Вскоре я тебя приглашу.

Лорелин. На староэлейском это означало «Дочь Небес».

Когда девушка встала, он заметил, какая она высокая — вровень с ним. Она выплыла из часовни в шорохе шелкового платья, и аббат проводил ее задумчивым взором.

— Пути Господни непостижимы человеку, — заметил он, когда она ушла. — Много лет мы старались не давать Лорелин покидать безопасные пределы обители, но она умела перелезать через стены и прокрадываться наружу, чтобы гулять на улицах сама по себе. Девушка по-настоящему не понимает опасности, поскольку всю жизнь прожила под защитой монастыря. Когда мы предупредили ее о том риске, которому подвергается в городских трущобах существо ее пола, она просто стала переодеваться мальчиком, подбирая выброшенные тряпки из мусорных куч. Мы считали ее своевольной и трудной, а оказалось, что это был промысел Всемогущего, чтобы помешать нашим врагам. Это Он предназначил ей быть сегодня в городе и совершить то, на что не осмелился бы никто другой.

Дамион уставился на аббата в недоумении.

— Отец мой, почему в вашем монастыре живет *женщина*? Откуда она взялась?

— Мы не знаем, — ответил аббат. — Она появилась совершенно таинственным образом шестнадцать лет тому назад. Однажды утром мы поднялись на рассветную молитву, и она сидела на траве посреди главного двора. Как будто упала с неба. Естественно, некоторые из братьев сочли это чудом. Она была тогда еще очень мала, еле умела ходить и говорить, так что мы ни о чем не могли ее расспросить. Обычно мы не принимаем сирот: наш орден — созерцательный, и мы, однажды приняв обет, никогда не покидаем стен монастыря. Но это был особый случай.

Дамион ничего не понимал. Можно было бы с отчаянным риском пронести в монастырь дитя каанской нищенки, но нищий с запада — такого на архипелаге не было и быть не могло. Сюда, как правило, приезжали только купцы, если не считать миссионеров, давших обет целомудрия. Эта девушка — незаконнорожденная? Но она не была похожа на метиску. И если она была нежеланной, почему ее не бросили сразу после рождения? Почему мать ждала, пока она подрастет и научится ходить?

— Необъяснимое появление — это еще не все ее странности, — продолжал аббат Шан. Он жестом предложил Дамиону сесть на скамью, и священник с радостью повиновался: у него уже немного кружилась голова и в голене пульсировала боль. Аббат сел рядом.

— Она слышит голоса — голоса святых и ангелов. То есть мы считаем, что это так. В раннем детстве она часто смеялась без причины, или лопотала что-то в пустоту, или следила глазами за тем, чего больше никто не видел. Иногда мы не могли до нее докри-

чаться — будто она обитала в каком-то своем мире, отделенном от нашего, земного.

— И что же говорят ей эти... э-э... голоса? — спросил Дамион.

— Она не может передать. Они недостаточно ясны, чтобы разобрать.

— Простите, отец мой?

— Небесные голоса неотчетливы — она говорит, это как слышать разговор людей в закрытой комнате через коридор. Звук голосов доходит, а слов не различить. Но я уверен, что со временем они станут яснее. Мы верим, что она — священное создание, и когда-нибудь станет пророчицей. Может быть, даже святой.

Вспомнив ее резкое и грубое поведение в переулке, Дамион подумал, что у девушки не слишком много шансов на канонизацию. Но не стал говорить этого вслух.

— Когда она достигнет еще более высокой степени благодати, — продолжал аббат, — ей, несомненно, все станет открыто. Она будет говорить с ангелами и святыми, передавая их откровения людям. Мы учим ее священному писанию и житиям святых, чтобы подготовить к предназначенной ей роли.

«Бедная девушка безумна, аббат, безумна! Вот почему родители ее бросили: они заметили эти признаки».

Дамион, однако, не позволил себе выразить на лице ничего подобного — оно было маской заинтересованного внимания. Он никак не хотел оскорблять хорошего и доброго человека, давшего приют Дамиону и западным монахам, рискуя собой. Может быть, всего несколько дней отделяют аббата от смерти.

— Мы были бы благодарны, если бы вы сочли возможным взять Лорелин с собой в Маурайнию, — сказал аббат. — Цвет ее кожи выдает ее, и зимбурийцы убьют ее, если найдут.

— Я отвезу ее на Континент, — пообещал Дамион и подумал: «И оставлю в Королевской Академии. Они ее приютят, примут в школу. Может быть, даже вылечат».

— Если, как мы верим, она воистину святая, то ей надлежит исполнить великую судьбу. Быть может, она уже совершила свой подвиг, отобрав у зимбурийцев эту реликвию.

Только теперь Дамион заметил тот самый узел, лежащий на алтаре.

— Что же это за реликвия, отец мой? — спросил он.

Аббат ответил не сразу, глядя в пространство перед собой.

— Пятьсот лет назад, перед последним вторжением зимбурийцев, смелые монахи твоей страны принесли Истинную Веру на наш архипелаг. В те дни в Ярдъяне был монастырь, где хранилась вели-

кая тайна. — Он посмотрел на Дамиона: — Знаешь ли ты о Мераалии — Камне Звезд из Тринисии?

— Камень Звезд... — Дамиону вспомнился заплесневелый запах страниц древних книг, долгие счастливые часы в библиотеке Королевской Академии с другими ребятами из приюта. — Да, конечно. Он упоминается в писаниях, и в некоторых апокрифах.

Что-то сверкнуло в глубине старческих глаз аббата.

— Тогда ты знаешь, что Камень — священная драгоценность, созданная ангелами, которых древние называли богами. И ангел Модриан, которого мы называем Враг, носил его в короне своей, пока не был низвергнут с Небес. Враг строит козни, чтобы завладеть им снова, и в том ему помогают его земные слуги, чтобы сила Камня не попала в руки его противников.

— То есть, — перевел Дамион слова аббата, — зимбурийцы хотят найти Камень.

— Разумеется. Потому что для них Камень Звезд тоже исполнен великого значения: он принадлежал Модриану, которого они зовут Валдуром. Для них он — бог. Они хотят вернуть Камень ему — точнее, его новому воплощению, тому великому полководцу, которого Враг послал нам на погибель, тому человеку, в уме и теле которого будет обитать Модриан-Валдур.

— Царь Халазар, — кивнул Дамион. — Кажется, теперь я понял. Если Халазар покажет своему народу Камень, это докажет, что он — их бог, вернувшийся в виде человека. И все жречество будет у него в кулаке. Но почему бы ему просто не притвориться, что Камень у него? Любой большой самоцвет...

— Ты не понял, — перебил Шан. — Халазар *верит* в Камень так же искренне, как мы, так же твердо, как верит в свою великую судьбу. Поддельный Камень не даст ему сил для победы над предсказанным ему противником.

Шан встал, подошел к алтарю. Дамион последовал за ним. Аббат осторожно убрал измазанные тряпки, развернув деревянный ларец длиной в две человеческих ладони. Стенки ларца покрывала узорная резьба, где повторялись шестиконечные звезды и полумесяцы, а на крышке смотрели друг на друга два грифоноподобных создания, и над ними — еще одна звезда. В середине каждой звезды сиял маленький самоцвет, а глазами грифонов служили кусочки какого-то желтого камня — возможно, топаза или алмаза с желтизной.

Дамион посмотрел на ящичек, на аббата, снова на ящичек.

— Не хотите же вы сказать, что там внутри — Камень Звезд?

— Нет, не сам Камень.

Шан поднял крышку — она была не на петлях, а отдельная, — и вынул из ларца небольшой пергаментный свиток — очень старый, судя по виду, потемневший от времени и покрытый паутинкой тонких трещин.

— Что это? — спросил Дамион.

Шан медленно, с бесконечной осторожностью развернул свиток.

— Той реликвией, о которой я говорил, был утерянный свиток Береборна. У нас есть предание, что рыцарь с этим именем явился сюда давным-давно, после падения Тринисии, и принес с собой свиток из святого города Лиамара — и этот свиток монахи ордена Святого Атариэля стерегли здесь на Яне денно и нощно в начале Темных Веков.

— Да, теперь я вспомнил, — сказал Дамион. — Но разве свиток этот не был уничтожен?

— Был. В начале Темных Веков зимбурийцы вернулись к почитанию Валдура, и тогда опустошили архипелаг, разрушая монастыри всех прочих религий и сжигая священные предметы. Не миновали этого и монахи западной веры на Яне. Но хоть священный свиток и погиб в том набеге, было сказано, что однажды пророчество возродится в виде письмен. Мы думали, что речь идет о чуде, но, как видишь, объяснение намного проще.

Дамион прищурился на древний пергамент.

— Вы хотите сказать, что это... это список того свитка?

— Он был найден только недавно, — продолжал Шан. — Пятьсот лет тому назад зимбурийцы напали внезапно. Похоже, монахи едва успели спрятать эту копию свитка Береборна до прихода мародеров с огнем и мечом. Добрых братьев перебили, и тайна второго свитка была утеряна — до недавнего времени. Жрецы каанского святилища, желая спрятать свои священные сокровища от царя Халазара, вчера стали искать тайники в своем доме, и нашли вот это. Видишь ли, дело в том, что их храм построен на фундаменте старого западного монастыря. Их верховный жрец послал мне сегодня утром весть о своей находке и спросил, хочу ли я ее получить. Он готов был прислать ее с кем-нибудь из своих братьев. Но в святилище ворвались зимбурийские жрецы, и не окажись там Лорелин, он сейчас мог бы уже быть на пути к Халазару.

— И что там говорится, отец мой? — спросил Дамион.

Оттуда, где он стоял, было видно, что начало свитка написано каанскими буквами.

Аббат Шан помолчал, потом начал медленно читать вслух:

— «Я, брат Харан, служитель Единой Истинной Веры в сем доме Божием, удостоен был чести выполнить великую задачу: переписать наново слова нашего священнейшего завета, свитка Береборна, в год сей 2530 новой эры. Свиток сей, ветхий уже тогда, когда попал к нам, весьма пострадал от времени, и настоятель, тревожась, чтобы не обветшал он до невозможности прочесть святые слова, благословил меня создать список, дабы, когда истлеет свиток, не истлела священная истина.

Слова сии написаны просвещенными мужами севера, чьи земли ныне утеряны. Свиток Береборна, откуда списываю я их, сам есть список грамоты еще древнейшей, и никто уже не скажет, сколь древни слова, переписываемые мною, недостойным».

Аббат замолчал, потом пододвинул свиток по алтарю к Дамиону.

— Дальше по-элейски, — сказал он.

Дамион, как все западные клирики, был обучен древнему языку эленси. Глядя на тонкую вязь, он стал читать вслух:

— «Услышьте же ныне слова Элианы, величайшей среди пророчиц: "Узрите, царица Ночи принесет дитя-деву, принцессу Звезд, в ней же надежда мира. Ибо князь военачальников восстанет во имя Модриана, и ярость его будет на Земле, как дракон, несущий войну и разрушение"».

Это Дамиону было знакомо: пророчество о пришествии Трины Лиа и ее врага встречалось не в одном апокрифе. Но дальше свиток гласил:

«По сим признакам узнаете вы, что время ее настало. Солнце в земле Запада спрячет лицо свое в полдень, и великая звезда засияет днем, и многие из сынов и дочерей человеческих восстанут и воспророчествуют. В те дни будет принцесса ходить по Земле, и будет искать она Камень Небес, где лежит он на священной горе своей. Ибо с ним единым может она повергнуть князя воинов, вассала Темного, и будет он преследовать ее на суше и на море, дабы вырвать Камень из рук ее».

Здесь кончался текст. Ниже расположилась грубо начерченная карта какой-то незнакомой суши, окруженной водой. И все.

Шан протянул к пергаменту дрожащую руку.

— Обретение пророчества не может быть случайным. Оно должно значить, что близко уже время Трины Лиа.

Дамион отвел глаза к фреске на стене над алтарем: летящие ангелы, облаченные в доспехи, как для войны, бьются с ордами мерзких кожистокрылых демонов. На переднем плане черный чешуйчатый дракон с венцом драгоценных камней меж рогов атаку-

ет женщину в белой мантии. На ней тоже корона, и в ней предмет, похожий на звезду, окруженный ореолом лучей.

— Чтобы победить его, ей нужен Камень Небес и сила, в нем заключенная, — сказал Шан, тоже глядя на стену. — Теперь царь Халазар знает о существовании свитка и разыскивает его. Нельзя, чтобы он его нашел! Ведь он вполне может оказаться тем князем зла, о котором говорит писание, тем чудовищем, что послано уничтожить нас всех. И в этом самом древнем варианте пророчества победа Трины Лиа не гарантируется. Враг может вырвать у нее Камень, оставив ее безоружной!

— Но как он это сделает, если в Камне сила, способная его победить?

Дамион не мог не указать на это противоречие.

— Я не знаю. Быть может, Трина Лиа в чем-то уязвима, пусть она и божественное создание? Быть может, ему помогут внезапность или коварство? Я изучал пророчества и писания на эту тему много лет, но никогда не мог себе такого представить. Я всегда верил, что победа ее вернее верного. Сейчас, когда зимбурийцы идут на наш остров, я не стал говорить братьям об этом открытии. Они могут выдержать мученическую смерть, но не потерю последней надежды. — Он сжимал и разжимал кулаки, стараясь взять себя в руки. — Ты понимаешь важность этого пергамента — здесь морская карта, где показана Тринисия. Представляешь, что было бы, если бы Халазар завладел ею и попал к Священной Горе *раньше* Трины Лиа? И помешали ему только ты и Лорелин.

Дамион снова рассматривал фреску. Оторвавшись от нее, он ответил безразличным тоном:

— Просто удача.

— Некоторые назовут это так, — сказал Шан. — Я предпочитаю назвать это провидением — или, как говорят у нас на востоке, судьбой.

Дамион промолчал. Эти кааицы с детским энтузиазмом, как все новообращенные, воспринимали писание буквально, не только его учение, но явно мифические эпизоды. Кстати, Трины Лиа не было в книге «Кантикант», Священной Книге Веры, о ней говорилось лишь в апокрифических рукописях. Не желая быть бестактным, Дамион не стал говорить, что таких документов, как этот пергамент, полно, и происхождение их сомнительно. Не сказал он и того, что в его стране небесная принцесса и страна Тринисия воспринимаются как аллегории. Первая символизирует победу Истинной Веры, вторая — государство божественного просвещения. Бороться с теперешней бедой надо ак-

тами организованного сопротивления, а не надеясь на священные реликвии.

Нет, Шану этого говорить не следовало. Такие аргументы его не убедят, а только увеличат его страх и смятение.

Но аббат будто догадался о его мыслях. Темные глаза его вгляделись в светлые глаза Дамиона.

— Это не было случайностью, что ты и Лорелин оказались в нужном месте в нужное время и спасли свиток. — Он вложил пергамент в ларец и закрыл крышку. — Несомненно, оба вы были избраны для этой миссии. Теперь же ты должен взять этот ковчег с собой в Маурайнию.

— Дамион! — раздался за дверью голос приора Дола. — Ты здесь? Нам пора! Стражники готовы нас проводить через город в гавань, но говорят, что *ни минуты* больше ждать не будут!

— Иду, отец мой! — откликнулся Дамион.

Аббат вложил резной ларец в руки священника.

— Иди с Богом, брат, — сказал он тихо, — и да сохранит Он тебя в целости на пути домой. Дело идет о большем, нежели твоя жизнь.

Дорога к порту по забитым улицам запомнилась как смесь мельтешения и страха. Лица с вытаращенными глазами, панический визг, режущий уши. Стражникам пришлось оттеснять не только зимбурийских солдат, но и толпы потерявших голову от страха каанцев, которые молили взять их на борт. Дамион не мог смотреть им в глаза: такое было чувство, будто он лично их предал. Сквозь хаос слышался голос капитана, подгонявшего их. Лорелин, идущая рядом с ним в одежде монаха и с клобуком на голове, то и дело останавливалась оглянуться. В конце концов пришлось схватить ее за руку и тащить за собой. Но поврежденная нога не давала ему самому идти достаточно быстро, и они вдвоем сильно отстали. Их группа шла в самом конце, а в ней они последними успели проскочить по сходням маурийского корабля. Не успели они ступить на палубу, как судно тут же отчалило.

Лорелин не выказывала ни малейшего страха — потому что не чувствовала его. Про зимбурийцев она знала мало, кроме того, что они враги. Но монахи убедили ее, что враги Веры восторжествовать не могут, и она крепко держалась за надежду, что каанцам ничего не грозит. Океанское путешествие также не таило для нее никаких ужасов, поскольку место назначения было не загадкой, а ответом. Даже если бы монахи ей этого не говорили, даже если бы не была она светлой среди всех темных каанцев, все равно она каж-

дой косточкой, каждой жилкой знала, что она не отсюда, не с этих островов. Далеко, за самыми далекими островами архипелага лежит ее страна. Может быть, это та самая Маурайния, куда везет ее отец Дамион.

Но не мысль о том, чтобы найти свою истинную родину, погнала Лорелин к носу жадно вглядываться в громоздящиеся на горизонте облака. Ее вело чувство цели, нечеткое, как солнечный свет сквозь туман, но такое сильное, какого никогда еще у нее не было. И это даже сильнее, чем наполовину слышный рокот голосов на краю сознания, заставляло верить монахам: она рождена исполнить некую предназначенную ей судьбу. И с каждой милей движения корабля вперед она ощущала, как приближается ее цель.

Матрос на мачте что-то крикнул, и она обернулась и увидела, что все на палубе смотрят за корму. Остров Яна уходил назад, скрываясь в дымке, вливаясь в синюю цепь других островов. Что-то слегка стиснуло ей сердце, будто невидимая нить связывала ее с островом, и сейчас она натянулась. А потом на фоне расплывающихся линий Яны показался черный корабль, который гнался за ними. Он был еще далеко, но ясно видно было, как поднимаются и опускаются весла в быстром ритме, и видна была черная звезда на каждом из треугольных парусов.

Тревожные крики зазвучали на палубе, но капитан лишь презрительно рассмеялся.

— Безмозглые зимбурийцы! Этой старой калоше «Дельфина» в жизни не догнать, и они это знают. Просто хотят нас напугать. Зачем им гоняться за монахами и купцами, на которых им наплевать?

— И правда, зачем? — согласился отец Дамион.

Только сказал он это очень тихо, почти про себя, и слышала его одна Лорелин.

3
Ангел и свиток

— Ну? — спросил Джеймон. — Что скажешь?

Эйлия молчала. Она видала картинки знаменитой Королевской Академии в книжках, но сейчас в закатных лучах перед ней высилась настоящая Академия. Горгульи сидели на крыше, как странные дикие звери на склоне фантастической горы: грифоны,

драконы, рогатые бесенята в недвижной игре света и тени под темными башнями.

— Потрясающе! — смогла она наконец прошептать.

Уже несколько недель они были в Маурайнии, в столице ее Раймаре, и девочка с далекого острова иногда просыпалась по утрам, боясь, что все это ей приснилось. Такое далекое путешествие было неслыханной вещью для островитян. Для них «путешествие» означало поездку в фургоне через холмистый остров или вдоль его изрезанного берега, а многие до самой смерти дальше чем на полллиги от дома не удалялись. Эйлия была будто не просто приезжей, а путешественником, исследователем давних времен, приплывшим к берегу неизвестного континента. Ее завораживало все, что она видела — от высоких морских стен, построенных когда-то для защиты Раймара от набегов зимбурийских пиратов, до улиц города за этими стенами, широких, бурлящих повозками и каретами, улиц не земляных, а вымощенных. Над крышами набухал купол Высокого Храма Веры, горящий золотом посреди медных куполов храмов поменьше — как солнце в окружении подчиненных ему планет. А потом мраморный дворец короля Стефона с королевскими стягами на крыше, стягами с мечом и короной. Даже высокие прямые деревья, выстроившиеся вдоль бульваров, поражали ее в сравнении с низенькими перекрученными деревьями домашнего «леса». А уж толп таких она никогда в жизни не видела: на каждой улице народу больше, чем в любой деревне.

А над всем этим, высясь над городом на крутом откосе, вставали серые разбитые стены древней крепости Браннара Андариона, и посреди них — башни восстановленной цитадели. Именно в ней сейчас располагалась Королевская Академия. В пыльном гаснущем свете раннего вечера стены и башни казались нарисованными на небе кистью.

Но они были настоящие, все было настоящее. Эйлия наконец приехала в Маурайнию.

Первую ночь Эйлия и ее родные провели в гостинице в нижнем городе, недалеко от пристаней. В тесной комнатке, которую Эйлия делила с теткой, матерью, Джеммой и детьми, она лежала без сна до рассвета, глазея на причудливые дома с крутыми крышами за окном, слушая грохот проезжающих повозок на булыжниках мостовой. Зато успокаивал вид тех же самых созвездий над крышами, что и на родном острове: Кентавр, Единорог, Дракон. Звезды уже смещались к осени. На востоке восходило созвездие Модриана — червь, пожирающий собственный хвост. Глазом червя служила звезда Утара, и в здешних более прозрачных небесах

она горела красным, как огонь. Лотара, хвост червя, сияла неподалеку. Легенды гласили, что рядом с ней есть еще одна звезда, там, где пасть червя — звезда Вартара, черная и невидимая людям, она глотает свет, а не испускает его. А к северу виднелся Фонарщик, держащий в руке недвижную звезду полюса, маяк мореплавателей. Эйлия ее видела и во время плавания, ночью над мачтами. И радовалась — будто кусочек родины плыл вместе с ней.

Днем Эйлия с Джеймоном пошли в город пешком. Они вошли в Высокий Храм, прошли меж огромными колоннами его врат под высокие своды, где длинные полосы солнечных лучей из главного фонаря купола косо падали сквозь клубы благовоний, а возле Святилища Пламени стояли большие каменные изваяния святых. Этого Эйлия до конца дней своих не забудет. Как не забудет и той минуты, когда открытая карета, окруженная всадниками в ливреях, остановилась в десяти шагах от нее и Джеймона, и они увидели девушку, ровесницу Эйлии. Она была одета в золотую парчу, а на светлых волосах, спадающих кудрями на плечи, лежала диадема из настоящих бриллиантов — потому что это была Паисия, принцесса, дочь и единственная наследница короля Стефона, на пути к своей королевской помолвке.

— Я уж боялся, у тебя глаза выскочат, и придется подбирать, — поддразнил Эйлию Джеймон.

Но долго жить в гостинице не было денег, и вскоре пришлось перебираться на постоялый двор, где уже обосновались другие островитяне и каанские женщины. Условия здесь были суровые, еда похуже, постель пожестче и помещения забиты. Было решено, что Эйлия должна отправиться в Королевскую Академию, где ее по крайней мере будут как следует кормить и дадут жилье, а Джеймон найдет работу, чтобы оплатить для всех проезд домой. Так что она в конце концов оказалась там, куда так долго стремилась, и поднималась по крутой тропе к башням из волшебной сказки. Все бы хорошо, но радость пронизывало чувство вины.

— Ты чего, сестренка? — спросил Джеймон, заметив ее подавленный вид.

— Джейм, я чувствую себя полной дурой, — простонала она. — Это я все натворила: притащила всех в такую даль из-за пустой тревоги.

Власти, получив от них известия, послали к Большому острову и военные корабли, и суда поменьше, чтобы увезти женщин и детей. Вернувшись, моряки сообщили, что женщины острова не захотели покидать своих мужей, а губернатор не стал их заставлять.

— Они такие смелые, — говорила Эйлия, — они решили остаться и встретить опасность с мужчинами. Как я теперь вернусь и посмотрю им в глаза? И царь Халазар не стал нападать на Большой остров, и сейчас в городе ходят разговоры, что будет заключен мир.

Джеймон твердо взял ее за плечи:

— Разговоры? Слухи! Горожане не все знают, и верят в то, во что хотят верить. Халазар — человек опасный, и война еще может быть.

— Ты просто стараешься меня утешить, — буркнула она.

Джеймон мужественно подавил смех и сохранил серьезное лицо.

— А насчет наших островитянок — еще посмотрим, было это мужество или глупость. Если Халазар все-таки явится, они могут пожалеть, что остались.

Но Эйлию по-прежнему мучила совесть, и на лице сохранялось трагическое выражение.

— Это вся я наделала, Джейм. Я устроила панику насчет зимбурийцев, настояла на том, чтобы все плыли в Маурайнию. — Она подняла на него большие серо-сиреневые глаза. — Наверное, я в глубине души думала — то есть хотела найти предлог уехать с Большого острова сюда.

— Во какой коварный план! — усмехнулся он. — Ладно, ты здесь, в Королевской Академии, куда и хотела попасть. Поздно уже поворачивать. Давай просто радоваться, что все получилось. — Джеймон пошел вдоль стен, увлекая за собой Эйлию. — Смотри! Вот Халдарион, самая старая в Маурайнии крепость. Ты подумай — это ведь живая история. Когда строили эти стены, элеи еще правили своим Содружеством!

— И здесь жил король Браннар Андарион со своим двором и рыцарями, — сказала она. — Пятьсот лет тому назад. И он хотел, чтобы ему служили просвещенные паладины — вот с чего началась Академия. Он призвал знаменитых философов всего континента, великих мыслителей, таких как Элониус Мудрый.

Да. Все это было *здесь*. Эйлия всматривалась до боли в глазах.

— Значит, ты читаешь те книги, что я тебе привез?

Эйлия кивнула. Современную историю Академии она тоже знала. Центральную цитадель полностью перестроили в правление Харрона Третьего, прадеда сегодняшнего короля. Мечтой Харрона было вернуть всей крепости прежнюю славу, но ему не хватило ни денег, ни времени, и внешние стены вместе со сторожевыми башнями так и остались жертвами медленного распада. Сейчас некоторые бастионы с выветренными каменными стенами, порос-

шими бурьяном, больше походили на природные скалы, чем на творение рук человеческих. Выбитые ворота зияли в заросших плющом стенах как гроты пещер, в опустевших башнях гнездились вороны и совы. Ров превратился в позеленевшую канаву, во многих местах перекрытую деревянными мостами.

И не все разрушения были делом беспощадного времени. Пятьсот лет назад Халдарион подвергся осаде и штурму, а то что осталось после битвы, растащили в Темные Века окрестные крестьяне как материал для изгородей и домов. Их современные потомки, обитатели ближайших деревень, побаивались развалин. О них ходила зловещая слава, и прошлое жило здесь как беспокойный дух. Под мрачной цитаделью располагалась сеть подземных ходов — так гласили слухи, — и эти ходы расходились вокруг темными тайными корнями. Крестьяне были твердо убеждены, что ничего хорошего из этих развалин ждать не следует, и если упоминали о них, то тут же суеверно стискивали освященные талисманы. Ничто на свете не могло бы заставить их появиться возле этих стен после захода солнца.

— А чего именно они боятся? — спросила Эйлия.

— Ну, есть старая легенда про принца Морлина — сына Андариона. — Джеймон показал на верхушку заросшей лианами стены. Эйлия, подняв глаза, увидела там каменное чудовище. Ваятель дал ему рычащую морду, но время стерло клыки и превратило пасть в зияющий беззубый оскал. Сложенные кожистые крылья прижимались к бокам изваяния, а в когтях чудовище сжимало щит с давно и безнадежно стертыми гербом и девизом.

— Его личный символ, дракон, — пояснил Джеймон. — Рассказывают, что дух принца бродит в этих руинах глухою полночью. Ты веришь в призраков, Эйлия?

— Нет, конечно! — ответила она чересчур громко.

Мрачная стена со стражем-драконом вдруг показалась ей зловещей в закатном свете, и девушка слегка поежилась.

Джеймон засмеялся и повел ее в проем внешней стены. Внутренний двор замка зеленел аккуратно подстриженной травой.

— Вон там — старый монастырь. — Джеймон показал на прямоугольное строение между Академией и шпилем часовни. — Его восстановили примерно одновременно с цитаделью, и сегодня там живут сто монахов ордена Святого Атариэля. Когда-то паладины тоже были членами ордена, и давали священные обеты, как монахи, и жили в монастыре, когда не сражались с врагами Маурайнии.

— Это я знаю, — ответила Эйлия. — А в Темные Века инквизиторы называли их еретиками и преследовали за ворожбу и идо-

лопоклонство. Некоторым паладинам удалось избежать казни и скрыться, но орден перестал существовать.

Подумать только, что она, Эйлия, будет учиться там, где когда-то учились сами паладины!

Джеймон улыбнулся ей и повел к зданию.

— Пойдем внутрь.

— А туда женщин пускают? — неуверенно спросила Эйлия. — Я думала, что нам положено оставаться в монастыре.

Они уже проходили мимо этой белокаменной обители по дороге к цитадели. Там Эйлия оставила сундучок со своими пожитками. Девушки-студентки жили вместе с молодыми послушницами в крыле Соискателей, которое выдавалось из главного здания. Эйлия уже видела мельком святых сестер в белых балахонах сквозь ворота обители, но еще ни с кем из них не говорила.

— В праздник допускают — все студентки молятся в главной часовне раз в неделю и обедают в мужской трапезной, так что бедные послушницы могут соблюдать посты со старшими монахинями, обретая мир и покой. Пошли, я тебе покажу дорогу.

Он зашагал по серым каменным ступеням Академии в открытые двери.

Она робко шла за ним по выложенным песчаником коридорам. Окна под самым потолком пропускали внутрь не слишком много света. Со старого портрета смотрело повелительное лицо дворянина прежних времен с тонкими чертами лица, и смотрело строго. Эйлии захотелось извиниться перед ним за невольное вторжение.

— Здесь часовня, — сказал ее кузен, показывая на массивные двустворчатые двери из дуба в конце коридора. — Сейчас там все молятся. Иди туда.

— И ты тоже? — спросила она, чуть сжавшись.

Он покачал головой:

— Я хочу вернуться в город до темноты. Давай, — подбодрил он ее. — Все студентки Академии там будут. Главная у них — такая высокая с каштановыми волосами, Арианлин ее зовут. Хороший человек, она за тобой присмотрит. Я с ней познакомился в последний раз в увольнении — я тогда пришел спросить о твоем письме, и мы с ней очень подружились. То есть настолько, насколько могут позволить мне монахини.

Эйлия едва заметно улыбнулась:

— А я-то думала, откуда ты столько про эти места знаешь?

Он улыбнулся широко:

— Передай ей от меня привет. — Какая она маленькая и беззащитная, подумалось ему. Большие глаза вытаращены от страха, волосы изо всех сил зачесаны назад. Он подумал о том, что может ждать ее впереди, и запнулся. Потом сказал вот что: — Эйлия! Я тебя прошу, запомни одну вещь.

— Какую?

— Насчет Большого острова. Говорят, он меняет всех, кто на нем живет. Кусочек его гранита — в наших душах, и вот почему островитяне такие суровые, мрачные и упрямые. Так говорят, но в этих разговорах больше правды, чем многие думают. Остров действительно делает нас крепкими, крепкими как камень, вот почему мы можем выдержать такое, что не под силу другим. Мягкую землю сдувает ветром, но камень остается. Никогда об этом не забывай.

Сделав над собой усилие, он повернулся и пошел прочь по коридору. На ходу он насвистывал веселый мотивчик — не столько для нее, сколько для себя.

Эйлия провожала его взглядом, пока он не свернул за угол и не скрылся из глаз. С чувством тяжелого одиночества она пошла к массивным деревянным дверям, отворила одну створку и вошла в церковь. Там сидели рядами молодые люди — мужчины и женщины, и кое-кто поднял голову, глядя на вошедшую. Только она их почти и не видела. Все ее внимание захватила сама капелла.

Конечно, она и близко не была такой большой и внушительной, как Высокий Храм в Раймаре, но и у нее была своя красота и свое величие. Эйлии казалось, будто она стоит в лесу — в лесу, сделанном из камня. Большие колонны как стволы столетних деревьев, и ветви их сплетаются в высокие своды каменной листвы. Подобно птицам, парили в этих ветвях ангелы, схваченные ваятелем в замершем миге полета. А прямо перед ней горел на алтаре Священный Огонь: вечное Пламя Веры, коему никогда нельзя погаснуть, и для того его постоянно поддерживают священнослужители. Жаровня стояла на мраморном жертвеннике, за каменным экраном с отверстиями амбразур — это и были священные врата, куда вход разрешен лишь посвященным клирикам. Для мирян же занавешенная дверь символизировала пределы людского знания и запретное святая святых, обитель божественной тайны. На мраморных парапетах стояли бронзовые фигуры ангелов в рыцарских доспехах. Самый большой из них, как знала Эйлия, и был святой Атариэль, покровитель ордена, в который когда-то входили паладины. У ног его валялся свергнутый за дерзостную попытку штурмовать

небо Модриан-Валдур: извивающееся тело с крыльями нетопыря, получеловек-полудракон. Пока Эйлия глазела на статуи, чисто и ясно ударил колокол на колокольне.

Это не было восстановленное здание — такой же, как была, осталась церковь Халдариона, сохраненная людьми Браннара Андариона во время осады крепости. Здесь рыцари-священнослужители молились вместе с другими монахами, и перед ними находилась фигура ангела-воина, божественного образа для подражания. Сейчас же сюда на молитву сходились школяры Академии вместе с монахами и мальчиками из монастырского приюта. Когда Эйлия вошла в центральный проход, хор мальчиков запел первый гимн службы. Она поначалу их не видела — галерея хора находилась прямо над ней и позади. Чистые высокие голоса нисходили будто со сводчатого потолка, из уст каменных изображений.

Ошеломленная, она села на ближайшую скамью. Гимн кончился, снова отчетливо и ясно прозвонил колокол за священными вратами, и процессия клириков направилась в святилище. Благоговейному взору Эйлии они казались неземными созданиями. Все, кроме одного, были облачены в серые монашеские рясы с клобуками. У последнего же сутана была белой — белизна рукоположенного священника. Наверное, капеллан, хотя выглядел он очень молодо — чуть-чуть за двадцать, не больше. Когда монахи расселись на скамьях, он вышел и встал возле алтаря, озаренный языками Священного Пламени. Эйлия не могла отвести от него зачарованных глаз. Он был красив — нет, более того, *прекрасен*. Такого слова она никогда еще не употребляла по отношению к мужчине. Лицо чисто выбрито, глаза темно-синие, волосы белокурые — не льняные, а золотые, и с ярким блеском этого металла. Колеблющееся пламя бросало на кожу алебастровые отсветы, нимбом сияло в волосах и искрилось в глазах, так что они стали будто синим ядром пламени горящей свечи. Будто тот же художник, что отлил идеальные черты бронзового архангела, вылепил и это лицо.

Эйлия глядела, завороженная. Потом он отошел, и мгновение миновало, но, хотя вряд ли это длилось дольше двух вдохов, Эйлия знала, что у нее в памяти этот миг останется навсегда. Еще долго после того, как клирики закончили литургию и удалились за тот же занавес, она сидела в том же блаженном состоянии. Нет сомнения, что это ангел предстал перед ней. Пусть смертный, но все равно ангел. Ибо ангелы — вестники, и этот явился к ней как посланец царства красоты, большого мира, о существовании которого она и мечтать не смела.

Молящиеся уже шли к выходу из церкви, и Эйлия, придя в себя, поспешно встала и пристроилась в конце группы студенток, выходящих в холл. И сколько же их здесь было, и все говорили одновременно! И какие же на них были красивые платья! Сама Эйлия была одета в платье соискательницы, которое сшила ей мать. Оно вполне удовлетворяло требованиям монахинь — белое, с длинными плотными рукавами, со стягивающим корсетом и широкой юбкой до лодыжек. Но сшито оно было наспех и из самой дешевой ткани, какая только нашлась в доме. Рядом с дорогими атласными или парчовыми платьями других девушек оно выглядело как мешок. И у всех у них волосы не были убраны назад, а спадали локонами или косами, украшенными лентами. Значит, в Маурайнии девушки вообще волосы не зачесывают? Она почувствовала себя провинциальной деревенщиной, и вдруг вспомнилось, что сказал Джеймон: как правило, в Академию попадают только дочери богатых семейств.

Увидев идущую за ними Эйлию, девушки прервали разговор. Одна из них, с каштановыми волосами, повернулась к ней:

— Могу я чем-нибудь тебе помочь?

— Я ищу старосту студенток, — ответила Эйлия, преодолев застенчивость.

— Я Арианлин Река, — ответила собеседница. — Что ты хотела?

— Я... я новая студентка, — промямлила Эйлия. — Кузина Джеймона Моряка.

Тут же ее оглушил шум недоверчивых возгласов:

— Что она сказала?

— Как это студентка?

— *Чья* кузина?

— Как тебя зовут? — спросила властным голосом худощавая девушка с темными волосами.

— Эйлия Корабельщик.

— Что за причудливая фамилия! — заметила другая, хорошенькая блондинка с шелковыми локонами до плеч. — Откуда ты?

— С Большого острова.

Девушка сделала непонимающее лицо.

— Это в колониях, Белина, — пояснила темноволосая. — В таких местах людям дают фамилии по занятию отца.

— Неужели? Как это... оригинально!

— Что-то я слыхала о Большом острове. Там, кажется, до сих пор колония каторжников? — вступила в разговор еще одна.

— Что? — возмущенно воскликнула Эйлия. — Конечно, нет! Уже сто лет как...

Она прервалась, поняв по блестящим глазам девушек, что это была подначка.

— Ну, Лорелин, — сказала черноволосая, поворачиваясь к высокой девушке с длинными льняными косами, — вот тебе для компании такая же беженка.

— Наверное, ты выиграла право на обучение, чтобы сюда приехать? — предположила еще одна девушка.

— Да, — согласилась Эйлия.

— Что ж, это все объясняет, — отозвалась новая собеседница, обводя подруг понимающим взглядом. От ее тона Эйлия поежилась, чувствуя себя бедной деревенщиной, которой здесь ну никак не место.

Вдруг девушка по имени Лорелин шагнула вперед, и длинные косы качнулись.

— Так, вы, хватит! — приказала она звенящим голосом. — Оставили ее в покое, все!

Кто-то что-то буркнул, но никаких комментариев не последовало.

— Ну, — прерывая неловкость, объявила Арианлин, — все идем обратно в монастырь. Время трапезы. Вот смотрите, сестра Вера уже ждет нас в холле. Эйлия, ты пойдешь со мной и расскажешь, как там твой кузен.

Она говорила ласковым тоном, как будто обращаясь к совсем малому ребенку. Ответа не было. Обернувшись, она увидела, что и Эйлии тоже нет.

Островитянка бросилась бежать по коридору, как только внимание остальных отвлекла монахиня. Недолгая радость испарилась, как дым, сменившись миазмами сомнения и злости.

«Зачем я приехала? Я здесь чужая, и никогда не буду своей! Об этом-то Джеймон и пытался меня предупредить. Если я останусь, они же меня заживо съедят!»

Какой-то другой внутренний голос говорил о стойких скалах и гордости островитян, но он был едва слышен и тут же исчезал, стоило только вспомнить колкие взгляды девушек. «Я не могу вернуться. Не могу, не могу!»

Коридор вдруг оборвался высокими дубовыми дверями. Не думая, куда они ведут, желая только как-то отгородить себя от источника своего унижения, Эйлия распахнула створку и вбежала внутрь, захлопнув за собой дверь. На миг она прислонилась к две-

рям, тяжело дыша и полузажмурившись. И вдруг глаза ее широко распахнулись, и она тихо вскрикнула от изумления.

Помещение было не меньше церкви — и заполнено книгами. *Заполнено*! Старыми и новыми, матерчатыми томиками и огромными томами в переплете из телячьей кожи забиты были нескончаемые ряды полок вдоль стен. И посередине высокие полки шли рядами, и стояли длинные учебные столы, засыпанные книгами, которые студенты небрежно бросили, торопясь на обед. Лампы с абажурами на столах приглушенным золотым сиянием освещали весь зал. Библиотека Академии. Эйлия стояла в самом средоточии мирового знания. И никого больше здесь не было, потому что был обеденный час. Даже библиотекарь ушел, оставив на столе записку, что будет через полчаса. Все это принадлежало ей и только ей.

Она бросилась вперед, хватая книги со столов. Ух ты, «Война Небес» Дайнара! Эйлия открыла переплет с медными застежками, пролистала пожелтевшие страницы с темными гравюрами. Перед ее глазами взлетели ангелы с огромными крылами в битве со злыми демонами среди туч. Она глянула на другую книгу, и тоже бросилась на нее. *Полный* сборник стихов Барда из Блиссона — наконец-то! А рядом — «Бестиарий Бендулуса». У отца была такая книга, но здесь — древнее издание с иллюстрациями ручной работы. Непонятные звери прыгали по страницам в полном великолепии цвета: драконы, единороги, сфинксы с телами львов и головами женщин.

Эйлия подбежала к полкам. Экземпляр «Теогонии» Галдимана, «Аннотированные апокрифы» и даже «Хроника Семи Царств». Книги, о которых она не слышала, книги, у которых она знала лишь манящие заглавия, упомянутые в других книгах, — и все это здесь, у нее в руках. Она жадно наваливала книги себе на руки. «Грамматика Элензиа» — для изучающих древний язык элеев. А вот эта маленькая книжица в кожаном переплете, на полке в уголке? Эйлия вытащила ее, подняв облачко пыли. На обложке — тисненный вздыбленный дракон, но заглавия нет. Сдвинув пачку книг у себя на руке, она раскрыла обложку, чтобы прочесть титульный лист. Но тут же отвлеклась на картинку: ксилографическое изображение людей в мантиях, танцующих в роще под огромной сияющей звездой.

Она подошла к столу, не отрывая глаз от картинки. И потому не увидела двоих мужчин, пока с ходу не налетела на одного из них. Она отпрянула, и книги посыпались из рук на пол.

— Ой... простите! — воскликнула она, опускаясь на колени, чтобы подобрать рассыпанные книги.

У человека, с которым она столкнулась, был недовольный вид. Неприметный мужчина средних лет, черноволосый, с хмурым лицом. Можно было бы принять его за одного из магистров Академии, но на нем не было длинной черной мантии ученого. За ним — другой, куда более примечательной внешности. Молодой, высокий, и кожа его светилась под лампами как полированное эбеновое дерево. Ей вспомнилась мохарская маска у отца, та самая, что смотрела беспощадным взглядом с кухонной стены.

— Где янский свиток? — сурово и коротко бросил пожилой. — Не могу его найти.

В его речи слышался едва заметный акцент.

— Простите? — переспросила Эйлия, все еще собирая книги.

— Брось, ты должна знать, где он, — ответил он, не скрывая раздражения. — Ты же ставишь тома на полки и стираешь с них пыль?

«Он считает меня уборщицей!» — подумала Эйлия, снова униженная.

— Я *студентка*, — произнесла она настолько гордо, насколько позволяла коленопреклоненная поза.

Человек недоверчиво поднял бровь, но не успокоился.

— Тем более вы должны знать об этом знаменитом свитке. Его привезли в Королевскую Академию едва ли месяц назад с Каанских архипелагов, с острова Яна.

Эйлия встала, с трудом сохраняя равновесие под тяжестью рассыпающейся стопки книг.

— Я новенькая. Я не знаю, где что лежит.

Пожилой прищурился. Его темнокожий спутник стоял за ним, подавляя своим молчаливым присутствием. Эйлия вдруг ощутила тишину огромного полутемного зала, лабиринта коридоров, которые отделяют ее сейчас от трапезной, где собрались обитатели Академии.

— Значит, — сказал человек тихо и кротко, — вам велели о нем не говорить? — Он шагнул к ней, и она машинально отступила, продолжая прижимать к себе книги. — О да, я понимаю: это очень ценный документ, и ваши магистры проявляют вполне правомерную осторожность. Но сейчас она излишня. — Он слегка поклонился, прижимая руку к груди. — Мое имя — Медалар Хирон. Я тоже ученый.

— Правда? — Эйлия уперлась спиной в стол. Дальше отступать было некуда, и она, держа книги перед собой, как щит, спросила: — Почему вам тогда не обратиться к магистрам? Они будут рады помочь коллеге.

Тяжелое лицо собеседника потемнело, и какой-то миг Эйлии казалось, что он хочет ее ударить. Он снова раскрыл рот, но не успел ничего сказать, как его перебил другой голос:

— Могу я чем-нибудь быть полезен?

Пожилой резко обернулся. Его спутник уже смотрел на двери. Там стоял молодой светловолосый человек в рясе священника и смотрел на них, слегка нахмурясь. Эйлия уставилась на него, отвесив челюсть. «Ангел» из церкви? Ее почти ошеломило, что он настоящий — что может войти в обыкновенную комнату и говорить с обыкновенными смертными, как любой человек из плоти и крови. И давно он уже стоит и на них смотрит?

— Я отец Дамион Атариэль, капеллан Академии, — представился «ангел», заходя в зал. — Прошу прощения, но должен сообщить вам, что после обеда библиотека закрыта. Не затруднит ли вас зайти завтра?

Показалось сперва, что темноволосый хочет возразить, но он только пожал плечами.

— Разумеется, — спокойно ответил он и повернулся к своему спутнику, который стоял, как статуя, и ни слова за все это время не произнес. — Пойдемте, Йомар. Зайдем в другой раз.

И он вышел в сопровождении своего безмолвного спутника.

— Эти люди помешали вам? — спросил «ангел» у Эйлии.

Она покачала головой, утратив дар речи.

— Они не говорили, зачем пришли? — не отступался он.

Эйлия как-то совладала с языком.

— Они что-то искали, какой-то свиток... янский свиток.

Ангел издал какое-то тихое восклицание, быстрыми шагами подошел к низкой двери, которую Эйлия сперва не заметила, с надписью «Архив». Выделив ключ из связки, висящей у него на поясе, он отпер дверь и вошел. Когда он вернулся, в руке у него была коробочка, деревянная, резная. Он поставил ее на стол, снял крышку и вытащил свиток пергамента. Потом долго смотрел на него, похожий на Ангела Апокалипсиса со свитком Откровения в руке. Кажется, он глубоко задумался.

— Лучше его куда-нибудь переложить понадежнее, — сказал он и положил свиток в ящичек. Тут он увидел, что Эйлия кладет книги и направляется к двери. — *Вам* уходить не обязательно.

— Но... вы же сказали, что библиотека закрыта?

— Только для посторонних, — объяснил он, — но не для студентов. В конце концов, это же ваша библиотека.

С этими словами он направился к двери, держа коробочку под мышкой. Снова книжные сокровища оказались в полной ее влас-

ти, их можно было изучать в блаженном одиночестве. Но Эйлия застыла на месте, глядя вслед молодому священнику. Теперь она знала его имя, и оно было прекрасно, так же прекрасно, как и он сам. Так велик был ее восторг, что она, не успев подумать, произнесла это имя вслух:

— Дамион Атариэль!

4
Вечер мертвецов

— Так что же такое на самом деле этот Камень Звезд? — подумал вслух Дамион.

Он стоял у окна приемной, выходящего на Высокий Храм. Храм, господствующий над центральной площадью Раймара, с огромными колоннами портика и вознесенным куполом, сверкающий мрамором и сусальным золотом даже в неярком осеннем солнце. Главный из домов Аана — Единого Бога Единой Веры. Под золотым куполом, под закрытым этим куполом святилищем горело Священное Пламя: исходное и вечное Пламя, от которого зажглись все огни других храмов Истинной Веры. Маурийский пророк Орендил увидел (так сказано в Писании), как молния ударила сюда, и услышал божественный голос, обратившийся к нему из языков пламени. Повинуясь велению, он основал новую веру, которая распространялась вместе с зажженным Небесами огнем, вдохновившем ее. И никогда с тех пор не давали огню погаснуть, но построили над ним святилище, дабы хранить его от снега и дождя. После смерти пророка ученики его поддерживали жизнь огня, и далее потомки их из рода в род. Почти три тысячи лет до сего дня горел огонь, не угасая, и постоянный поток паломников шел к нему, по обету зажигая от него лучины. Пять столетий назад над святилищем возвели Высокий Храм, чтобы защищать и хранить его. Кроме великолепного фасада храма, внушительной архитектурой отличался дворец верховного патриарха и административные здания, окружающие площадь. В центре ее на вознесенном пьедестале стоял бронзовый колосс с поднятой к небу рукой: Орендил призывает смертных обратиться к Богу. Иногда в грозу в статую ударяли молнии, соединяя огненной нитью руку пророка с Небом. Да, здесь было подходящее место для пророка — в центре величайшей религии мира, — место,

откуда исходили, подобно лучам солнца, священные эдикты, прощения и заветы.

— Что если этот Камень существует на самом деле? — снова спросил Дамион.

— Ну, Дамион! — поморщился отец Каитан, подходя, чтобы снова наполнить кубок друга. — Не говори глупостей.

— Именно это я себе тогда и сказал. Нет-нет, спасибо, больше не наливай. — Дамион рассеянно оглядел изящную обстановку приемной и снова обратился к круглому дружелюбному лицу Каитана. С их последней встречи Каитан здорово прибавил в весе. — Отлично выглядишь, Каит, — сказал он, усаживаясь в вышитое кресло.

— Мы живем при храме, — ответил второй священник, возвращаясь к своему креслу. — Даже младшие клирики вроде меня. Какие же мы, священники, лицемеры! Напускаем на себя такой благородный вид насчет нашей жертвы воздержания от богатства и от жен, а на самом деле почти ни у кого из нас и шанса нет на богатство, не говоря уже о хорошей партии. Нам куда выгоднее носить рясу. Но ты, Дамион, — при твоей красоте мог бы получить любую девушку, может быть, даже богатую. Однако не для тебя домашний очаг и потомство, играющее у ног твоих. О нет — тебе надо быть миссионером, нести свет в далекие варварские земли...

— Ну, не такие уж варварские...

— Ты ничуть не изменился, Дамион. — Каитан довольно усмехнулся и глотнул вина. — Ты еще в приюте бредил рыцарями и подвигами. Говорить ты можешь о призвании миссионера, но я тебя знаю — тебе нужны приключения. И ты себе нашел такое — Камень Тринисии, не меньше.

На этот раз он рассмеялся глубоко и от души.

— Я не говорил о волшебном самоцвете, — возразил несколько уязвленный Дамион. — Сам знаю, что это сказки. Но если в основе этих сказок лежит что-то реальное? Если был какой-то камень — естественно, просто обычный кусок камня, — который элеи когда-то почитали? Скажем, упавшая звезда. Древние верили в Небеса в буквальном смысле слова, и любой упавший оттуда предмет был бы для них священным. Если их почитание этого куска небесного железа продолжалось достаточно долго, то могло оформиться в религию. Посмотри, как поступили мы с ударом молнии. — Он махнул рукой в сторону окна. — Теперь допустим, что этот небесный камень до сих пор лежит в каком-то храме, на всеми забытом острове крайнего севера. Что, если какая-нибудь зимбурийская экспедиция найдет его и привезет к себе на родину?

Каитан сменил положение в кресле:

— Сегодня никто не поверит, что он волшебный.

— *У нас* не поверит, — поправил его Дамион. — А в Зимбуре поверят. Просвещения, как у нас, у них не было, и верят они все в те же древние суеверия. И даже на нашей стороне океана есть люди, которые могут поверить. У нас свой процент фанатиков, в том числе и среди клира. Вспомни солнечное затмение месяц назад. Сколько тогда народу верило, что это знамение? Теперь представь себе, что они прочитали в свитке насчет солнца, которое спрятало лицо свое в полдень. Видишь, как один маленький камешек может потрясти самые основы Веры? Вызвать религиозную войну? Если этот свиток *и есть* ключ...

— Друг мой и коллега, все это чистейшее вранье, и ты не хуже меня об этом знаешь, — веско прервал его Каитан. — Я говорил с местными учеными, которые видели этот твой свиток. Чистейшая подделка. Пергамент, на котором он написан, никак не старше нескольких сот лет.

— Считается, что это копия более старого документа.

— Который, к очень удобному несчастью, уничтожен, и потому недоступен изучению. Ха!

— Ладно, а морская карта?

— Еще большая чушь. Ни Тринисию, ни Камень Звезд никто никогда не найдет, потому что их просто нет! — Каитан подчеркнул свои слова хлопком ладони по ручке кресла. — Слишком много времени ты провел среди восточной экзотики, друг мой. И у тебя еще прибавилось воображения, хотя казалось бы... но священные камни и утерянные рукописи — брось, Дамион!

Дамион нетерпеливо отмахнулся рукой.

— Я же не говорю, что это настоящий свиток Апокалипсиса — мы оба знаем, что это чушь. Но есть люди, которые в это верят, и один из них — царь Зимбуры. Если его слуги принесут ему этот свиток, он вполне может принять это за знак начала священной войны.

— Ага. Но тут Дамион Атариэль разрушил его злокозненные планы и спас мир! — Каитан захохотал, когда Дамион поставил кубок на стол и стал нашаривать подушку, чтобы запустить в друга. — Да ладно, сам подумай, как это все звучит.

— По-детски, глупо, невероятно. Знаю! Именно так и я поначалу думал. А теперь не так уверен. Царь Зимбуры хочет получить Камень. Он считает Камень знаком своей судьбы, и думает, что Камень поможет ему править своим народом — не говоря уже обо всех нас. Теперь царь знает, куда увезен свиток.

— А твое воображение тебя обгоняет.

— Ты так думаешь? Пару недель тому назад в Академию проникли двое зимбурийцев. Я был в трапезной, когда подошел служитель и сказал нам, что какие-то чужие люди ищут библиотеку. Это были полукровки. Их выбрали, потому что вид у них не слишком зимбурийский, но я различаю. И одного из них я точно узнал. Это метис, зимбуро-мохарец. Я его видел на Яне, он шел в строю зимбурийских солдат. Ты можешь мне прямо в глаза сказать, что здесь нет связи?

— Ерунда. Все иноземцы на одно лицо. — Каитан осушил кубок. — Давай лучше об этой твоей девушке, святой в процессе становления. Вот она меня действительно интересует.

Он ухмыльнулся. Дамион досадливо застонал.

— Она не святая, и не *моя* девушка. Как мне надоело, что ее так называют! «Отец Дамион, ваша девушка снова опоздала на занятия. Отец Дамион, ваша девушка стукнула по дароносице и разбила ее». Лорелин ничего такого со зла не делает, но она здоровенная девка и неповоротлива, как бык в посудной лавке, бедняжка.

— Она все еще слышит «голоса»?

— Время от времени, но ей было сказано ни с кем об этом не говорить. Странно другое: если не считать этих голосов, она вполне в своем уме.

— А сумасшествие здесь может быть вообще ни при чем. Врачу ее показывали? Может, у нее со слухом что-то.

— Знаешь, я об этом не подумал, — признался Дамион. — Спасибо, Каит. Попрошу сестер, чтобы они это организовали.

— А насчет царя Халазара — так пусть себе получит этот свиток! Если хочет плыть к северному полюсу за Камнем, которого никогда не было, так флаг ему в руки. Может, он сделает нам любезность и погибнет в кораблекрушении. Из арктических экспедиций возвращается далеко не каждая. Но если тебя действительно так тревожит этот потрепанный кусок пергамента, так возьми его и сожги, и делу конец. Я лично не вижу, чего тут стоит бояться. Нет ни одной реальной причины думать, что Камень — не миф, вроде всех прочих мифов, которые элеи скармливали нашим темным предкам. Дело все в том, дружище, что ты *хочешь*, чтобы в этих рассказах была доля правды, и ты теперь запугиваешь сам себя.

Наступило молчание — Дамион обдумывал, что на это сказать.

— Мы уже не мальчишки, Дамион, — добавил Каитан. — Нас учили читать любой текст — и даже Святую Книгу — глазами разума. А разум скажет тебе, что я прав.

— Но мы священники, Каит, и наш долг — некоторые вещи принимать на веру, — возразил Дамион. У него закрадывалось подозрение, что друг вполне прав, но так легко сдаться в споре он не мог.

Каитан снова покачал головой.

— Век Веры миновал, Дамион. И если мы, клирики, этого не поймем, то останемся позади. Посмотри на нас — ходим в этих архаичных рясах, произносим обрядовые слова на мертвом языке. Мы — реликты ушедшей эпохи, вот кто мы. И наши верования — тоже. Например, Бог и Небо — ты действительно веришь в пожилого бородатого господина, сидящего на облаке?

Дамион вытаращил глаза:

— Нет, но...

— Вот именно. Божество — это, скажем так, абстрактная идея. Эта идея блестяще служила нам несколько тысяч лет, но мир изменился со дней Орендила.

— Каитан! — воскликнул Дамион. — Не хочешь ли ты сказать, что ты утратил веру?

— Нет, этого я не говорю. — Он улыбнулся, но глаза его избегали взгляда Дамиона. Глядел он в свой пустой кубок. — Никоим образом. Но надо идти в ногу со временем. Нельзя все понимать так *буквально*. Ты же сам только что говорил, дружище: если не научимся пускать в ход мозги, то так и будем всегда бояться затмений, или затевать войну из-за священных булыжников, или верить, что девушка, у которой в ушах шумит, — святая. Кто только что насмехался над молнией Орендила?

— Но я же не имел в виду... то есть... ну... — залепетал Дамион.

— Теперь понимаешь? — развел пухлыми ладошками Каитан.

Дамион смотрел в пол.

— Думаю, ты прав, — сказал он наконец.

— Ладно, ты не обиделся?

— Да нет. Ты ничего такого не сказал, чего я сам себе не говорил бы.

Но вышел Дамион со свинцовой тяжестью на сердце.

Стояла лучшая пора осени. Примерно с месяц погода на восточном побережье Маурайнии держалась по-летнему мягкая, деревья и луга еще не тронуло заморозками, густой воздух был почти неподвижен. Большие задумчивые кучевые облака плыли по небу, как корабли с провисшими парусами во время штиля, далекие холмы и горы затянуло синеватой дымкой. Потом задул северный ветер от Риалайн. Он схватил медленные облака и погнал по небу, а

под их бегущими тенями сухие сжатые поля будто пытались подняться с места, подхваченные тем же приливом. Солнце побледнело, тени стали резче, деревья меняли зелень на алое и золотое, сверкая в лучах солнца неограненными драгоценностями. Лето покинуло страну.

С его уходом завяли последние цветы, ветер зашелестел в окостеневшей стерне на полях. Перелетные гуси оглашали ночь высоким тоскливым криком, медведи и мелкие землеройки искали себе расщелины для зимовки. В деревнях, где жители еще придерживались старых обычаев, зажигали огромные костры, чтобы осветить ночь, били в горшки и кастрюли и подвешивали на окнах фонари с мордами гоблинов, чтобы отпугнуть блуждающие тени. Это время года, когда жизнь земли уходит и засыпает, называется еще временем мертвых. Даже Королевская Академия, бастион здравого рассудка, не устояла перед переменами. Беспокойный ветер бродил по каменным зданием стаей не знающих покоя призраков, отдергивая шторы с окон, хлопая дверьми, листая открытые книги, оставленные на столах. И пробуждая суеверия.

— Снова принц ходит, — объявила одна студентка, когда группа шла через главный двор Академии стайкой диких голубей. Короткие пелеринки развевал ветер.

— Принц? — переспросила Арианлин, глядя на нее. — Что еще за принц, Венда?

— Призрак Морлина — сына короля Андариона, — ответила девушка. Какие-то пугливые нотки слышались в ее голосе. — Помните, тот, который погряз в черной магии, когда был жив.

— Черная магия! Чушь собачья! — воскликнула Дженет Луговина. Она была одной из самых разумных и рассудительных студенток — дочь магистра.

— Это правда, — вмешалась Белина Белая. Глаза ее, зеленые, как крыжовник, и чуть навыкате, были наполнены страхом. — То есть насчет призрака. Мне тоже рассказывали. В развалинах замка он всегда одет в доспехи паладина. А в часовне он в рясе монаха с надвинутым клобуком, а под клобуком — только темнота и два глаза, как горящие угли...

Венда Лощина тихо пискнула, и Арианлин, вспомнив о своих обязанностях старосты, посмотрела сурово — насколько умела.

— Белина, не говори глупостей. Ты знаешь, что призраков не бывает. Это просто языческие суеверия. Духи мертвых не болтаются на Земле, а уходят на Небеса.

— Это хорошие. А плохие? — не уступала Белина. — Его ребята из Академии *видели*. Феррел Лес и Берк Сильный его оба виде-

ли, как он скакал из развалин на призрачной вороной лошади. И Дэйл Перелесок его тоже один раз видел. Дэйл спускался вниз, чтобы ночью пробраться в кладовую, и в главном коридоре увидел в темноте два глаза — просто два *глаза*, — и они горели, как свечи. Он как припустил обратно наверх!

— Наверное, это была кошка кого-нибудь из магистров, — сказала Дженет.

— Кошка ростом с человека? — возразила Белина. — Я вам точно говорю, все так и есть. Принц ходит по древним частям замка — развалины и часовня, и еще библиотека — там был у монахов скрипториум. Библиотекари, приходя утром, находят на столах книги и рукописи, даже если с вечера расставили их по местам и заперли дверь!

— И деревенские его тоже видели, — добавила Венда. — По дороге на Каирнес живет паустух, который однажды видел его на тропе к замку, а за ним шла старая Ана.

— Что за чушь вы несете! — врезалась в разговор Люсина Поле.

— Действительно, полная чепуха, — согласилась Жанет. — Чего это Ане ходить за призраком?

— А говорят, что она ведьма, — пояснила Венда. — Она живет сама по себе на Туманной Горе, в Пещере Фей, так говорят деревенские. И еще она умеет...

— Девушки! — упрекнула всех Арианлин. — Как вы можете слушать такие глупости?

— Ага. Только дураки слушают сказки. И только дураки их рассказывают, — заметила Люсина, кинув косой взгляд на Эйлию Корабельщик.

Островитянка вспыхнула, услышав презрение в голосе Люсины. Ее репутация рассказчицы была теперь известна всей обители — к большому ее огорчению. С первого несчастливого дня ей никогда не было легко с одноклассницами, и она сошлась с малышками из сиротского приюта, стала помогать монахиням за ними ухаживать, рассказывала им сказки, которые завораживали детей на Большом острове. Она пересказала им историю Неизвестного Рыцаря, который был так скромен, что никогда не поднимал забрала, чтобы никто не приписал ему его же доблестные деяния. Рассказала о дворянской дочери Лирии, которая переоделась пажом, чтобы пойти на войну со своим любимым паладином, про Ингарда Дикаря, которого воспитали волки в Темном Лесу, и он жил в пещерах, пока король Андарион не победил его в единоборстве и не стал его другом. Сиротам страшно нравились ее рассказы, и дети ходили за ней хвостом, упрашивая: «Эйлия, расскажи

еще раз про Лирию! И про Медного Коня, и про волшебный летучий корабль...» Одноклассницы дразнили ее за это безжалостно.

— Как поживает твой кузен Джеймон, Эйлия? — спросила Арианлин, стараясь тактично сменить тему.

— Спасибо, хорошо, — ответила Эйлия, бросив на нее благодарный взгляд. — Он нашел работу в доках и обеспечивает и свою, и мою семьи.

Джеймон был у нее пару раз и рассказал, что мать ее и тетка тоскуют по дому и хотят вернуться на Большой остров.

— Я им сказал, что еще рано, — пояснил Джеймон. — Пока еще не ясно, что царь Халазар не нападет. Скорее, даже похоже, что нападет, раз король Стефон отозвал от острова свой флот. Самый лучший момент для внезапного нападения. Не могу понять, чего он ждет — его Армада достаточно сильна.

— Но ведь зимбурийцы очень суеверны? — спросила Эйлия. — Может быть, он ждет какого-то знамения.

— Вполне возможно. Хотя, наверное, его авгуры не замедлили бы ему таковое представить. Есть во всем этом что-то очень странное.

Эйлия, вспоминая этот разговор, заново ощутила, как совесть рвет ее на части. Конечно, она должна надеяться, что зимбурийский царь не начнет войну. Но тогда мать заставит ее вернуться домой, бросив Академию, ежедневные лекции, чудеса библиотеки...

— Что ж, передай ему мои наилучшие пожелания, — сказала Арианлин.

— Бедняжка Ари! Забыла бы ты лучше про красавца Джеймона, — насмешливо обратилась к ней Люсина, когда группа входила в библиотеку. — Он ведь уже дал обещание своей кузине — правда, Червячок? — Она обернулась к Эйлии. — На Большом острове заключают ведь браки между двоюродными?

— О Небо! Неужто правда? — воскликнула Белина, еще шире открывая крыжовниковые глаза.

— Не часто, — ответила Эйлия. Воздух в зале был прохладен, но ей почему-то вдруг показалось, что он знойный.

— Но это вполне разумный обычай, — продолжала Люсина, глядя на Эйлию поверх аристократического носа. — Жить на этой скале посреди моря — тут уж никуда не денешься от близкородственных браков. Слушай, а ты могла бы рассказать об этом хорошую сказку, Червячок! Сказка о светловолосой деве острова и ее бессмертной любви к двоюродному брату...

Девушки прыснули, и Арианлин досадливо поморщилась. Эйлия бросилась к учебному столу; щеки у нее горели. За столом ни-

кого не было, кроме одной девушки: Лорелин, сироты с архипелага. Она читала книгу, держась за обложку своими довольно крупными руками с сильными пальцами, будто боролась с ней. Эйлия ощутила теплое сочувствие. Лорелин тоже была здесь не в своей тарелке: высокая и неуклюжая, довольно обыкновенная, если не считать великолепных волос, которые спадали до колен и вызывали у островитянки жгучую зависть. Все знали, что Лорелин здесь из благотворительности, и за это ей досталась своя доза колкостей и дразнилок (похоже, что принятые из благотворительности ученики считались низшей формой жизни даже по сравнению с теми, кто выиграл право обучения). Говорили, что ее вырастили в каанском монастыре, и она понятия не имеет, как должна вести себя юная леди. Она не опускала застенчиво ресницы, когда к ней обращались, как учили маурийских девушек, а смотрела человеку прямо в глаза своим приводящими в замешательство светло-голубыми глазами. Ей не хватало достоинства ходить семенящим шагом, как положено девушке, а вместо того она вышагивала широко, по-мужски. Однажды даже видели как она бежала, опаздывая на урок, подобрав рукой юбки так, что коленки видны были. Монахини только головой качали над ней в скорбном отчаянии.

«Бедняжка Лорелин! — подумала Эйлия. — В сказке бы выяснилось, что совсем она не сирота, а дочь какого-нибудь князя. И другие девушки, узнав, что так обошлись с богатой наследницей, очень бы устыдились».

— Тебе трудно учиться? — спросила Эйлия.

Лорелин кивнула с мрачным видом.

— Ох уж эти книги! — простонала она. — Ненавижу эту мерзость!

Эйлия не могла себе представить большего кощунства.

— Как можно не любить книги? — воскликнула она, не веря своим ушам. — Они же чудо! Из них столько узнать можно!

— Вот и Дамион то же говорит. Он всегда дарит мне книги.

Эйлия разинула рот.

— *Дамион*? Отец Дамион, капеллан? Ты с ним знакома?

— И очень даже хорошо.

Эйлия так и смотрела, не закрывая рта. Ее до сих пор наполняло теплой благодарностью, когда она вспоминала первую — и единственную — встречу со священником. Для нее это было как рассказы о божественных существах, принимавших людское обличье и живущих среди простых смертных, благословляя и исцеляя мир своим прикосновением. Имя архангела Атариэля давалось вместо фамилии каждому мальчику, выросшему в приюте монастыря, но

Дамиону оно шло идеально. Она глазела на него в капелле Академии и в часовне у монахинь, во время его службы, и так ее захватывало восхищение, что иногда она забывала подпевать гимну. Но *знать* его, и знать *очень даже хорошо* — о таком она и мечтать не смела.

— И как же ты с ним подружилась, Лорелин?

— А тебе не рассказывали? Он мне помог сбежать с архипелага. До того как стать здесь капелланом, он был на Яне миссионером.

— Сбежать? — едва выдохнула завороженная сразу Эйлия. — То есть ты была *в опасности*?

— Что да, то да, — ответила девушка тем же спокойным обыденным тоном. — Мы с Дамионом уплыли из ярдъянского порта на последнем корабле. И зимбурийцы гнались за нами по следу. — Она ткнула пальцем в книгу. — Что это за слово? Меня один монах учил еще в монастыре читать по-маурийски, но вряд ли сам умел как следует. Чертова уйма есть слов, которых я не понимаю.

Эйлия подвинулась к ней ближе, не сводя зачарованных глаз. Что за жизнь была у этой девушки — как из книги сказок! И знать Дамиона Атариэля — *хорошо* знать! Ее подмывало расспросить Лорелин о нем подробнее, но какая-то странная стеснительность мешала это сделать.

— Я всегда ошибаюсь, — продолжала светловолосая. — Вчера я девчонкам говорю, что нашла в развалинах кошку со с котятами. А они ржать. Слушай, а как правильно?

— С котятами, — подсказала Эйлия, с трудом сохранив спокойное лицо. — Не обращай на них внимания. Ты умеешь говорить на *двух* языках, а этого никто из них не может. Ты учись спокойно, а я тебе помогу, если хочешь.

Лорелин вздохнула:

— Как мне все это надоело — сидеть взаперти! Я в монастыре иногда залезала на внешнюю стену и смотрела вниз на улицы, на людей, видела корабли в гавани. Монахи меня одну не выпускали, а сами никогда не выходили. Тогда я стала убегать украдкой по ночам, когда они все спали, — и в город. Я понимаю, это было нехорошо, но так несправедливо было торчать взаперти и никак не участвовать в жизни снаружи. И надо было, чтобы зимбурийцы приплыли, тогда только мне удалось уплыть по морю на корабле, но тут отец Дамион привез меня сюда, и я опять в стенах. За ними целый мир, и я хочу его видеть, а не только читать про него!

Эйлия душой понимала ее. Ей помнилось, как она сама рвалась с Большого острова, но она заставила себя произнести правильные слова:

— Отец Дамион хочет тебе добра, Лорелин. Мир — не слишком безопасное место, особенно для женщин. Нам нельзя путешествовать одним. И еще для этого деньги нужны.

Они заговорились и забыли понижать голос. К ним семенящим шагом, как положено воспитанной девице, подошла Люсина Поле и пригрозила:

— Если вы двое не прекратите разговоры, я пожалуюсь библиотекарю. Вы мне мешаете заниматься.

Лорелин совершенно невоспитанным образом фыркнула:

— Чем заниматься? Вот этими? — Она ткнула пальцем в сторону стола, где группа студентов, пересмеиваясь, глядели на девушек.

Люсина побагровела и обратилась к Эйлии:

— Даже от тебя я не ожидала, Червячок, что ты будешь водиться с подобной особой. Одно лишь Небо знает, кто ее родители, но вряд ли это приличные люди.

Лорелин вскинулась, но не из-за оскорбления в свой адрес:

— Ты почему ее «червячком» называешь? — спросила она с угрозой?

— Ласкательное сокращение от «книжный червь». Она вечно что-нибудь читает, — с невинным видом пояснила Люсина.

Лорелин вскочила на ноги.

— Врешь. Ты просто над ней издеваешься! Так вот, оставь ее в покое!

Эйлия глядела с восторгом и ужасом. Монахини часто говорили, что Лорелин воображает, будто она послана в мир исправить все его несправедливости. Однажды она навлекла на себя немилость, подравшись с шайкой деревенских мальчишек, которые мучили собаку. Она вернулась в грязном и рваном платье, но явно выдала не меньше, чем получила. Сейчас она возвышалась над столом, как риаланская дева-воительница. Только доспехов и копья в руке не хватало. Люсина даже попятилась.

— Это же только шутка, — промямлила она.

— Не смешная.

В этот момент на них обрушился старший библиотекарь, который если и считал церковь святее своего читального зала, то не намного, и требовал такого же почтительного поведения. Ему вообще было обидно, что женщинам разрешили сюда вход.

— Если вы пришли сюда болтать, можете идти на все четыре стороны! — громыхал он, сдвинув кустистые брови. — Не мешайте мужчинам работать.

Люсина сжалась и вернулась за свой стол. Эйлия съежилась, стараясь уйти поглубже в кресло. Но Лорелин встретила взор библиотекаря обычным прямым взглядом своих спокойных глаз.

— Если так, то я, пожалуй, пойду, — сказала она и широким шагом пошла к двери, вызывающе болтая косами.

Библиотекарь проводил ее гневным взглядом, еще раз посмотрел так же неодобрительно на Эйлию и вернулся за свой стол. Островитянка быстренько ухватила первую книжку из своей стопки — с драконом на обложке, та, которая попалась ей в первый день в библиотеке. Ее уже давно тянуло прочитать этот том: на титульном листе вязью читалось заглавие «Странствия Велессана: Описание удивительных и чудесных путешествий Велессана Даурца из Маурайнии по миру Божию и за пределы его, составленное им самим». Чуть ли не на всю страницу заглавие.

Эйлия застыла в нерешительности, держа в руках книгу. На самом деле ей надо было заняться эленсийскими переводами, для чего она и принесла с собой свою «Грамматику Эленсиа». Но почему-то невозможно было устоять перед книжкой о путешествиях. Что имел в виду автор, говоря «и за пределы его»? Эйлия перелистнула страницы. Оказалось, что Велессан Даурец жил в Раймаре за полсотни лет до Темных Веков, и он утверждал, что объездил весь мир по суше и по морю, побывав не только у антиподов и на архипелагах, но и в легендарной стране Тринисии. Его описание сей последней, хотя явно сказочное, было столь живописным, что вскоре Эйлия ушла в него полностью. Автор рассказывал о чудесах родины народа фей, о блеске двора королевы фей и о своем паломничестве в Храм Небес:

И ежели паломник зело добр и достоин есть, то дозволено будет ему пройти меж Херувимов Святых что Врата Храма стерегут грозно и предстать имеет пред Богинею Элариайною. Ибо Она есть Путь и Она же есть Дверь для всякого, кто Звездного Камня взыскует. Правдиво говорю вам сие, ибо я, Велессан Даурец, лицезрел его.

Эйлия читала эти слова с таким чувством, будто домой вернулась. Как часто в детстве мечтала она об этой далекой и волшебной земле — как часто глядела на древние карты, где на севере мира изображена была Тринисия, но в границах ее — белое пятно и, быть может, легенда: «Место, где обитают драконы». Она стала читать дальше:

И вот, ведомый Священною Сивиллою, вошел я в Благодать, и Дух мой изошел из тела моего и покинул сию юдоль смертную, воспарив в Сферу Луны на Небе Первом, и поднялся затем к Небу Второму, где

Сфера Утренней Звезды обретается. Звезду же ту народ Фей кличет Арайния: в сфере ея лежит Парадиз Небесный, чудеса же его неисчислимы. Источник Вечной Юности есть в нем, и драгоценные Камни и Цветы красоты удивительной...

Эйлия не могла оторваться. Обрывки речей и перешептываний от стола Люсины не доходили до нее: она, как Велессан, покинула тело свое и странствовала среди сфер.

Дамион отдался своим мыслям, поднимаясь по извилистой дороге к вершине утеса. Совет Каитана насчет свитка казался надежным, но встреча со старым другом вызвала и другие мысли, не слишком радостные. Дамион понял, что с каждой встречей ему все меньше и меньше есть о чем говорить с Каитаном. Дружба, столь крепкая и драгоценная для него в отрочестве, постепенно таяла по мере того, как все сильнее разнились их личности и интересы. Сегодня он резче обычного осознавал неизбежность ее потери. Когда-то ему нравились эти словесные поединки, но после сегодняшнего осталось лишь ощущение пустоты и подавленности.

«Мы уже не мальчики...»

Он оглянулся и увидел раскинувшуюся панораму стен и старого города, купол Высокого Храма, точно в его центре, как круглый выступ на рыцарском щите. Он вспомнил день приема в орден, когда в процессе посвящения ему было позволено войти сквозь врата в святая святых и увидеть наконец, что там лежит: ветхие реликвии в пыльной и темной комнате. Не открылся ему там мир чудес, и он теперь знал, что в каждом храме Веры — то же самое: пыль, пустота и старые слэманные вещи. Сначала он сказал себе, что, конечно же, всякий юный член ордена проходит через эту стадию разочарования. Но все остальные вроде бы довольны были своим призванием, а неудовлетворенность Дамиона со временем только росла.

И вот прошлой ночью ему привиделся сон — такой живой, такой тревожащий, что Дамион счел нужным рассказать его на ежедневной исповеди приору Долу. Сейчас этот сон повторялся перед ним наяву, закрывая вид на город.

Во сне он стоял на каком-то холме под ночным небом. Звезды затянуло облаками, но туманная луна светила сквозь тучи, озаряя их голубым серебром и им же заливая все вокруг. Местность была Дамиону не знакома. Внизу светились огни большого города, а вокруг него складками ткани вставали холмы, гладкие и пологие, а еще дальше — горы. Но какие горы! Ничего подобного Дамион в

жизни не видел. Совсем не похожие на горы Прибрежного хребта Маурайнии — низкие и вытянутые, выветренные и сглаженные временем, — эти горы во сне взлетали и повисали в воздухе — огромные каменные волны с нависшими гребнями. Что-то было в них необычное, но он сперва не понял, что именно, и лишь потом заметил, что, хотя они несравнимо выше гор Прибрежного хребта, ни одной снежинки нет на острых вершинах.

Во сне он медленно повернулся, оглядывая местность. Завершив полный круг, он вдруг увидел нечто еще более чудесное. На холме, где он стоял, возвышался, венчая вершину подобно короне, дворец, рядом с которым царственная резиденция короля Стефона показалась бы лачугой. Построенные из белого камня, сверкающего в серебряной голубизне облаков, вздымались стены, увенчанные поразительным рядом башен и куполов. Круглые башенки с крышами бледного блестящего золота, огромные полусферы стекла, испускающие свет изнутри подобно фонарям, и высокие шпили, кончающиеся изящными конусами, изображающими устремленные к небу вершины гор. Пока он смотрел, завороженный, мощные двери, не защищенные ни рвом, ни подъемным мостом, распахнулись, и вышли оттуда две высокие фигуры.

И сразу же, хоть он не сдвинулся с места, он увидел их так ясно, будто они были рядом. Первой была женщина, высокая и стройная, укрытая синим плащом. В хлынувшем из дверей свете она сверкала невиданной красотой. Глаза того же цвета, что и плащ, и золотые волосы, обрамляющие плавные черты лица. На руках она держала младенца-девочку, едва ли не грудную. Ребенок крепко спал, и ее вьющиеся белокурые волосы лежали на плече матери. Рядом с женщиной шел мужчина, высокий и царственный, с темными волосами и глубоко посаженными глазами.

Эти двое переглянулись, и видно было, что они оба завороженны одним и тем же глубоким чувством. Вдруг мужчина обнял женщину, они так постояли немного, держа ребенка между собой, будто защищая своими телами. Потом внезапно взметнулся вихрем плащ женщины — она помчалась вниз по склону, а мужчина остался смотреть ей вслед глазами, полными скорби, но не сдвинулся с места.

Когда Дамион изложил этот сон приору, последний ответил торжественным тоном:

— Но смысл этого видения прост, брат Дамион. Замок без укреплений — это твоя душа, уязвимая козням Темного, ибо нет у нее защиты. Владелец замка — это ты сам...

— Но он же не был на меня похож...

— Не перебивай! Женщина и ее дочь — это жена и ребенок, которых у тебя никогда не будет, ибо ты дал обет целомудрия: ты видел, как они символически уходят из твоей жизни. Чисто человеческое сожаление ощутил ты — вот откуда скорбь в глазах владельца замка. Силы Небесные желают тебе напомнить, что ты дал священный обет, он же да не будет нарушен. — Приор поднял указующий перст: — Дамион, первые годы призвания священнослужителя — самые трудные, ибо он все сильнее осознает, что никогда не будет жить подобно прочим мужам. Лично ты одарен благословением — или лучше сказать проклятием? — красоты, которая делает тебя желанным в глазах женщин. И тебе дан пытливый и беспокойный ум, который может быть опасен для тебя, если не укротить его. Все мы подвержены соблазну, Дамион, но у тебя более прочих есть причины его опасаться, и ты должен укрепить сердце свое против него.

Каитан лишь рассмеялся, когда Дамион рассказал ему сон и толкование приора.

— Сны — пустое, Дамион. Твой вполне мог быть вызван расстройством пищеварения, как и чем угодно иным.

Королевская Академия была уже совсем рядом, но Дамион еще не чувствовал в себе желания вернуться. Вместо этого он свернул в поля, направляясь к старой мощеной дороге, что вела в горы. Прогулка на свежем воздухе — вот что ему нужно, чтобы прочистить мозги.

Плоские вспаханные поля в низких каменных изгородях вскоре сменились крутыми пастбищами. Здесь начинались подножия холмов Прибрежного хребта. Стада овец бродили или лежали на лугах, похожие на небольшие белые валуны среди зелени. Стояли, наблюдая за ними, пастухи, и их было больше, чем Дамиону помнилось по старым временам. Потом он увидел, что одна из этих фигур в мохнатой шапке идет к нему, держа в руке посох: высокий мужчина с лицом морщинистым и обветренным, как утес.

— Вы направляетесь в горы в такой час, ваше преподобие? — окликнул его пастух. — Кто-нибудь заболел в тамошних деревнях?

Дамион улыбнулся:

— Нет-нет, друг мой, я просто гуляю для удовольствия.

— На твоем месте я бы этого не делал, сынок... то есть я бы не советовал вам, святой отец. — Пастух подошел ближе, обдав Дамиона тяжелым мускусным запахом овчарни. — Я бы не стал ходить на холмы один, когда уже темнеет.

— Ну, мне бояться нечего, — успокоил его Дамион. — Я эти горы хорошо знаю, еще мальчишкой в них играл.

— Это все хорошо, но последнее время странные вещи здесь творятся, — сказал пастух, понизив голос, хотя подслушивать было некому. — Мы ни на миг не решаемся оставить отару. Что-то недоброе тут завелось — утром находим мертвых или изувеченных животных. И все здешние крестьяне то же говорят. Кур и коров крадут, сараи и амбары поджигают.

— Разбойники, конечно, — посочувствовал Дамион. — Наверняка целая шайка прячется в лесу.

— Не верите? — Человек наклонился ближе к Дамиону. — Здесь уже двести с лишним лет как нет разбойников. Это знаете кто? Колдуны и ведьмы. Почитатели демонов. Целые ковены их там, в горах. Старуха, что живет на Туманной Горе — Ана ее зовут, — так вот она из них, мне говорили. И еще призрак принца снова видели. Он по ночам ездит по Старой Дороге на вороном коне, опустив забрало, и глаза у него огнем горят.

Пастух показал посохом на Старую Дорогу.

Очень было похоже на описание знаменитого призрака Академии, и Дамион заподозрил, что сельчане и студенты слегка ревнуют эту легенду друг к другу. А старая Ана, чудаковатая старуха, живущая в горах одна, считалась ведьмой давно и прочно. В своем высокогорном уединении жители гряды еще не вошли в Век Разума, восторжествовавший на остальных территориях страны. Он остановился, подобно приливу, не дойдя до горных склонов, где орлиными гнездами расселись деревни.

— Спасибо, что предупредили, — сказал Дамион пастуху. — Я пройдусь до Селенны, посмотрю, не встречу ли эту вашу Ану, и поговорю с нею.

Пастух повернулся и зашагал к своим овцам, бормоча и покачивая лохматой головой.

Дамион направился дальше, осторожно выбирая путь среди разбитых булыжников мощеной дороги. Великая Прибрежная Дорога была построена еще элеями, древняя настолько, что этого даже представить себе не могли те, кто сегодня ею пользуется. На сотни лиг тянулась она вдоль Маурайнии змеиными извивами, потом вдруг сворачивала к горам прямее полета стрелы. Ту часть дороги, что шла параллельно берегу, постоянно чинили и следили за ней, как за ценным торговым путем, но та часть, что вела к горам, была нужна лишь их немногочисленным обитателям, и потому булыжники здесь остались теми же, которые положил народ фей тысячи лет тому назад. В те дни склоны были испещрены точками домов, замки венчали вершины гор. Их ставили не для того, чтобы наблюдать за врагами из низин, потому что укреплены они не были:

просто элеи любили строить на высотах, чтобы быть поближе к небесам и к богам, от которых считали свой род. На их древнем языке гряда называлась Мари Эндори, то есть «Горы Матери» — по главной богине их пантеона. Но все эти дома лежали в развалинах; никто не жил теперь в горах, кроме обитателей деревенек да пастухов овечьих стад.

Дамион слегка приободрился, пока шел. Эти старые горы он хорошо знал, знал во всех их настроениях. Ему они были знакомы и за завесой дождя и тумана, и увенчанные снегом, и покрытые тенями от света звезд. Нетрудно было понять, откуда они получили название: они поднимались из окружающей равнины как разбухшее вымя огромной самки зверя, чьим брюхом была земля. Сейчас закругленные вершины и верхние склоны золотило солнце, а низины уходили в прохладную вечернюю тень — острова света в темнеющем море. Самой высокой из гор была Селенна — «Завеса Тумана»; на ее вершине всегда лежали облака. Сельчане относились к ней суеверно. На ней, единственной из всех, не было развалин, и хотя овец на склонах пасли, никто не ставил там себе дома. Если провести ночь одному на Туманной Горе, то сойдешь с ума — если вообще вернешься, если тебя не унесут феи...

Однажды, на спор с самим собой, Дамион, куда моложе чем сейчас, пошел один на эти таинственные кручи, прямо в легендарную Пещеру Фей. Он все еще помнит, что там обнаружил: тишина, полное безмолвие, прерываемое поначалу только криками птиц да ветром. Постепенно он стал воспринимать и другие звуки: далекое овечье блеянье, стрекот насекомых, журчащую песню далекого потока где-то наверху, и этот яркий гобелен звуков будто висел на фоне тишины, как вышитое знамя на голой каменной стене, не отвлекая, но привлекая внимание к окружающему спокойствию. В этот момент он понял истину, лежащую в основе фантазий о Туманной Горе: древние не боялись Селенны, они почитали ее.

Ему вспомнились кааицы и их священный остров. Западные миссионеры не одобряли языческого обычая посвящать обиталища богам и много раз пытались его искоренить, но Дамион не мог с ними согласиться. Разве земля, где стоят храмы самой Веры, не считаются священной, наполненной божественным присутствием? Для кааицев остров Медоша был природным храмом, и то же самое можно было бы сказать о Туманной Горе. Другие горы использовались для различных целей, но не эта. Селенна существовала сама для себя.

Он глядел на Старую Дорогу, которая вела вверх, исчезая в лесу, и был рад снова идти по ней. Поднимаясь по ее извивам, он чув-

ствовал, как заботы взрослой жизни медленно уходят, уступая изумленному любопытству детства и отрочества. Дубы и клены покрыли лес бронзой и золотом осени, выстелили подстилку палой листвы. Среди них были гиганты, насчитывающие сотни лет, такие, что несколько человек не обхватят. Под их кронами когда-то скакали рыцари в кольчугах, преследуя разбойников и диких зверей, когда здесь еще был Темный Лес легенд. Как он в детстве сам хотел быть рыцарем! Над кроватью у него висела выцветшая гравюра, купленная за медяки на ярмарке, — на ней паладин скакал спасать деву из когтей дракона со змеиным хвостом. Рыцарство. До чего же он тогда был наивен! Думал, будто можно любую несправедливость исправить, размахивая мечом. Рыцари больше не нужны, даже в этих диких землях. Разбойников давно нет, как нет и ужасных волков и пещерных медведей, скрывавшихся когда-то в переплетении корней. Сам Темный Лес нынче отступил в горы, и его войско сильно поредело из-за растущего спроса на бревна; только здесь еще их щадили. Дамион шел вверх, полной грудью вдыхая сырой запах осенней земли, и мысли его вертелись вокруг далекого прошлого.

Его вернуло к действительности ощущение холода. Вечерело, звезды стали ярче в глубоком небе над деревьями. Дамион узнал Единорога, Модриана-Валдура с его красным глазом. Надо повернуть домой, пока не стемнело по-настоящему, и оставить задуманное до другого раза. Непонятно, где сейчас может быть эта сумасшедшая. Дамион присел на камни, давая ногам отдохнуть перед обратным путем. Он увидел, что прошел уже две трети пути в гору и сейчас сидит возле так называемой Пещеры Фей. Вон она зияет в живом камне горы, всего несколько шагов отсюда: треугольный вход, куда ему теперь не войти не пригнувшись. Часто он гадал, почему местные жители не выбрали более внушительную пещеру для своих легенд. Здесь собираются феи на праздник Середины Лета, пируют и пляшут в лунном свете. Феи, которые раньше были элеями и их забытыми богами, теперь стали всего лишь персонажами фольклора в умах невежественных горцев.

Здесь кто-то недавно побывал, решил Дамион, увидев на земле у входа в пещеру небольшую фигурку из высохших кукурузных початков и пшеничных колосьев. Он встал с камня, подошел, поднял этот предмет и повертел в руках. Кукурузная куколка, какую часто делают крестьяне во время жатвы из последних накосов. Они давным-давно забыли, что эта фигурка изображает элейскую богиню земли. Но тот, кто положил эту фигурку сюда, помнил. Это могло быть только одно: языческая благодарственная жертва бо-

гине, или феям, или им всем вместе. Значит, пастух правду говорил про сборы ведьм и колдунов здесь, в горах?

Какой-то звук прервал его мысли: тихий шорох, будто шаги по камню, сзади. По коже побежали мурашки, он бросил куколку и резко повернулся, глядя в Пещеру Фей. Волосы на шее встали дыбом, и он невольно шагнул назад.

У входа стояла крошечная фигурка, похожая на эльфа, и бледные ее одежды чуть светились в сумерках.

После первых секунд полного остолбенения Дамион понял, что перед ним такое. Но сердце все равно стучало, не унимаясь, когда одетая в серое фигура двинулась из пещеры к нему.

Не стоит удивляться, что он на краткий миг затмения рассудка подумал, будто перед ним — некое сверхъестественное существо. Старуха вполне могла быть гномом или кикиморой из детской книжки сказок, такая она была крошечная и морщинистая. Ручки костистые, как птичьи лапки, круглое лицо изрезано морщинами. Страннее всего были у нее глаза: закрытые беловатой пленкой, и цвета не различить. Он сперва решил, что она слепая, но слишком уверенно она шла к нему, тяжело опираясь на узловатую клюку, однако не нащупывая дорогу и не спотыкаясь.

— Добрый вечер, святой отец, — поздоровалась она сухим и скрипучим голосом.

Значит, не слепая. По крайней мере частично видит одним или двумя глазами, если смогла определить рясу в сумерках. Дамион выдохнул задержанный воздух, чуть не рассмеявшись. Ну конечно же! Это Ана, местная «ведьма». Поклонившись, он ответил:

— Добрый вечер и вам, госпожа.

Она остановилась в двух шагах от него и улыбнулась. Морщины дружелюбно обозначились вокруг глаз и рта.

— Не задержитесь на минуту, отец мой? Ко мне сюда нечасто гости заходят.

Он улыбнулся в ответ. Поведение ее было приветливым, и ничего в этой женщине зловещего не было.

— Вы Ана, я угадал? Я отец Дамион Атариэль.

— Я знаю, — неожиданно ответила она. — Мы уже виделись когда-то, хотя вы этого можете не помнить.

Старуха снова улыбнулась и зашагала ко входу пещеры, поманив его за собой.

— Правда? — спросил он.

Он наверняка бы запомнил встречу с подобной неординарной личностью. Обуреваемый любопытством, Дамион нагнулся и во-

шел вслед за ней по короткому коридору в естественный грот в камне. Так далеко он в пещеру раньше не заходил, и огляделся с интересом. Пол пещеры был совершенно ровный, и обставлена она была несколькими ящиками и бочками, старым согнутым пюпитром, голым тюфяком и столом, заваленным различными предметами, в том числе пучками травы, ступой с пестом и шаром из стекла или хрусталя размером с мужской кулак. Имелись также два много повидавших на своем веку кресла, весьма вероятно, подобранные на свалке. Естественные выступы камней служили полками, на которых стояли горящие свечи, а выложенные кругом камни у входа образовывали примитивный очаг. Ана повела рукой, приглашая входить, изящно, как если бы светская дама пригласила бы гостя в свой особняк.

— Несколько, гм, необычное место для жилья, — заметил он.

— Это мой летний дом, — ответила Ана. — Скоро я перееду, еще до первого снега.

Повсюду, как заметил Дамион, были животные. Кошка с выводком котят спала в одном из ящиков, другие кошки подозрительно наблюдали за ним с кресел и стола. На одной из каменных полок сидел скворец со сломанным крылом в шине — в импровизированной клетке из палочек, связанных веревкой. Клетка явно предназначалась для защиты от кошек. В глубине пещеры имелась большая расселина, ведущая в другую «комнату». Оттуда доносился запах хлева, и Дамион заметил в полумраке козу, маленького серого ослика и нескольких кур, что копались в куче соломы. А на полу пещеры развалился огромный серый пес. Поджав уши, он бросил на Дамиона острый взгляд и зарычал с вызовом, блестя холодным желтыми глазами. Священник попятился. Он слыхал об этих здоровенных горных овчарках, выведенных для защиты овец от хищников. Но одно дело — слышать, другое дело, когда на тебя рычит ощетинившаяся реальность.

— Тихо, Волк! Повежливее с гостем, — укорила его старуха, и тут же здоровенная башка мирно улеглась между лап. — Хотите чаю? Без всяких волшебных зелий, — сказала она с улыбкой, подходя к заваленному столу. — Просто травяной чай, я его сама собираю.

«Может быть, — подумал Дамион, — стоит остаться и вытащить из старухи какие-нибудь сведения; на всякий случай: а вдруг она знает что-нибудь о тех ворах скота, на которых жаловался пастух?» Он согласился выпить чаю и сел, праздно глядя, как Ана кладет в очаг какой-то хворост и разжигает его. Когда она отодвинула свою широкую шаль от пламени, он заметил, что серое платье под

ней бесформенное и ветхое, больше всего напоминающее старый мешок, но волосы увязаны в аккуратный узелок на затылке. Так все это было не похоже на безумную старуху, которую он себе вообразил, что он только таращился, не в силах найти слов. Потом снова оглядел пещеру.

— Как-то это странно... — пробормотал он, хмуря брови.

— Что именно? — спросила Ана, наполняя из глиняного кувшина похожий на тигель чайник.

— Нет, ничего. Просто вдруг это место показалось мне знакомым — будто я здесь уже был когда-то. Бывает ведь такое, правда? Ложная память.

— На самом деле, — ответила Ана, — вы здесь действительно бывали. Но это было так давно, и мне странно даже, что вы помните. Вы тогда были всего лишь младенцем.

— Как? — вытаращился Дамион. — Что вы такое говорите?

— Вы здесь родились, — объяснила Ана, — в этой пещере. Здесь я вас нашла двадцать один год тому назад.

5
Видения и призраки

В повисшей тишине все звуки казались Дамиону неестественно отчетливыми — шипящий шепот пламени очага, шелест ветра в деревьях снаружи. Пес уснул, положив морду на толстые лапы и тихо похрапывая.

Наконец Дамион смог произнести:

— Вы? Вы меня нашли?

— Да. — Ана стояла, глядя на него, серые с бельмами глаза непроницаемы. — Я день-другой с тобой повозилась, потом отнесла к монахам. Как интересно, что ты вернулся. Впрочем, лосось возвращается именно в тот ручей, где вылупился из икринки, не зная сам, откуда он знает дорогу. А вот и вода закипела. — Она сняла чайник с треноги над огнем и опростала его в старый заварной чайничек, который тоже будто был спасен от гибели на свалке. В тот же чайничек посыпалась щепоть трав. — Пусть теперь настоится.

Он уже оправился от потрясения и смотрел на Ану подозрительно.

— А почему вы раньше не пришли и не рассказали мне?

— Не хотела отягощать мальчика мыслью о том, что родная мать его бросила. Не огорчай себя этим, юный Дамион. Все это в прошлом.

Он помолчал, глядя в огонь. Ана говорит правду? Или хорошо придуманную ложь, или она страдает ложной памятью? Неизвестно. Он решил, что пора идти, и встал.

— О нет, посиди еще! Чай готов, — сказала старуха, разливая медового цвета жидкость по двум обливным чашкам. — Или тебе претит общество ведьмы? — улыбнулась она.

Он вспомнил остережение пастуха и причину своего прихода. Ее поразительное заявление следует пока отложить: тут, может быть, надо узнать кое-что поважнее.

— Послушай, Ана, — я не верю в эту чушь насчет того, что ты ведьма, — ответил он твердо, устраиваясь снова в кресле и принимая кружку с чаем. От нее пахло цветами, и вкус напитка был сильный, сладкий, с какой-то незнакомой пряностью.

Затуманенные глаза старухи смотрели на него так проницательно, что он усомнился, действительно ли зрение у нее ослаблено.

— Ну, это зависит от того, как определить это слово, не правда ли? Если ты веришь, как наш святейший патриарх, что колдуны и ведьмы суть слуги Дьявола, то я не ведьма. — Она подошла к клетке скворца, открыла дверцу и достала раненую птицу. Скворец спокойно лежал на ладони, не сопротивляясь, когда она осторожно расправила сломанное крыло. — Этого бедняжку мне какие-то детишки принесли. В деревне знают, что они ко мне таскают всех раненых птиц и зверей. Я им овец и коров тоже лечу. — Она вернула скворца в клетку, взяла свою чашку и села напротив Дамиона. — Немереи — так называли в старину тех, кто занимается волшебством.

— То есть ты хочешь сказать, что ты — белая колдунья?

— Можешь называть меня так — хотя все равно это ставит меня вне Веры? Но немереи черной магией не занимаются. Мы — слуги той силы, Дамион, что служит жизни. Что есть жизнь, ее радость и сила, если не твой всеблагой Бог? Разве мы с тобой не одно и то же?

— Интересная мысль, — осторожно согласился он. — Но я не думаю, что должен высказать ее патриарху.

— Да, это было бы не слишком мудро. Вряд ли нас бы полностью одобрили.

— Нас? — переспросил Дамион, насторожив уши. — Ты хочешь сказать, что ты здесь не единственная колдунья?

— Да, нас много — и не все, к сожалению, придерживаются белого пути... но большинство. Мои друзья и я почитаем многое из

того же, что и ты, поскольку священное писание Веры содержит кое-какие древние элейские тексты, которые священны и для нас. Истории о древней Тринисии и Камне Звезд — как тот весьма интересный свиток, что ты привез с архипелага. Да не удивляйся ты так! Мы об этом тоже слышали. А теперь, — сказала Ана, пока он не успел развить тему, — могу я тебе еще что-нибудь предложить? Перекусить, например?

Он отказался и минуту сидел, оглядываясь и прикладываясь к своей кружке. У одной из каменных стен стояли несколько прислоненных картин без рам — очевидно, работа обитательницы пещеры. На одних были очень подробно прорисованы птицы и растения, а другие исполнены в странном стиле, будто зарисовки сновидений: рощи танцующих, изгибающихся деревьев, птицы и животные, соединенные причудливыми светящимися линиями, мерцающие и вспыхивающие звезды, заливающие небо потоками света. Самой странной картиной был чистый полет фантазии: замок с невозможно высокими и утяжеленными кверху башнями, вокруг которых летали — да, люди, только с крыльями вместо рук. В темном небе светили звезды и невероятно огромная луна, ярко-синяя, но и солнце тоже присутствовало и ослепительно сияло. При виде этой картины Дамион подумал, не тронулась ли Ана все-таки умом.

Он отвернулся от картины и вдруг увидел что-то еще более странное и тревожное: в темной глубине одного ящика горела живыми углями пара глаз.

— Это моя Серая Метелка, — сказала Ана, увидев, куда он смотрит. — Метелка, дорогая, выходи. У нас гость.

Тощая серая кошка вылезла из ящика, потянулась, широко зевнула розовой пастью, прошла под самым носом здоровенного пса (который и ухом не повел) и дружески потерлась пушистым боком о ноги Дамиона, громоподобно мурлыча. Глаза ее, хотя и отражали красный огонь очага, были на самом деле зелеными: она одобрительно посмотрела ими на священника, когда тот почесал ей спинку.

— В деревне кое-кто считает ее демоном, — заметила Ана. — Мой фамилиар, как видишь.

— Ты извини, но я в духов тоже не верю, — сказал он кошке, тыкающейся мордой ему в ладонь.

— Скажите, отец Дамион, как это можно — не верить в духов? А те существа, которых вы называете ангелами, они не духи? А Темный?

Ана погладила кошку, и та прыгнула ей на колени.

— Ты о Валдуре?

— Так его называют зимбурийцы — и Верные, со времен Священной войны. В старые дни он звался Модриан. Но не слишком важно, как его называть — зло всегда зло.

— Я не думаю, что Верные до сих пор верят в Валдура — то есть я говорю об образованных людях, — пояснил Дамион. — Он всего лишь олицетворение зла — как ангелы олицетворение добра.

— Ну-ну! Священник, который ни во что не верит! — засмеялась Ана.

— Есть вещи, в которые я верю, — ответил он, слегка задетый.

— И можно спросить, в какие?

— В справедливость, — неожиданно для себя ответил Дамион.

— Интересно! — заметила Ана. — Я бы сказала, что в нее как раз труднее всего верить — если посмотреть, как мало ее проявлений.

Голос Дамиона стал тверже:

— Тем больше причин работать, чтобы ее создавать.

Лицо Аны осветилось, как у старателя, который вдруг увидел самородок.

— А! Идеалист! Как это прекрасно. Так мало вас осталось в наше время. Но вернемся к вопросу о вере в вещи невидимые, — заговорила она другим голосом. — Ты, конечно, читал Мелдегара.

— И ты тоже? — удивленно перебил Дамион.

— Я знакома с его писаниями. Именно Мелдегар первым заявил, что всю реальность можно объять пятью человеческими чувствами. Но всякий, кто имел дело с животными, знает, что этого не может быть. Например, собака видит и слышит то, чего не видит и не слышит человек. Кошка легко движется в темноте, где человек спотыкается и не может понять, куда идти. Как же может человек быть мерою вещей?

— Тебе бы в Академии преподавать, Ана, — ответил Дамион, пытаясь скрыть удивление за легкомысленным тоном. Где она могла всему этому научиться? Студенткой быть она никак не могла: в дни ее далекого детства ни одна женщина не была бы допущена в Академию. Но Дамион вдруг понял, к собственному удивлению, что этот неожиданный разговор ему приятен. Хотя он не был согласен с ее точкой зрения, аргументировала она хорошо. Он наклонился вперед — привычка, приобретенная в диспутах с Каитаном. — Дело в том, что человек *понимает*: некоторые вещи должны лежать вне пределов его чувств, и таким образом он все равно включает их в круг своего знания.

— Именно это я и хочу сказать! — воскликнула Ана. — Ум, Дамион, именно ум — вот в чем ключ. Разум, как его определяет Мелдегар, фактически ограничивает знание, сводя его к зависимости нас от наших чувств, которые зачастую притуплены и легко поддаются обману. Уж мне ли не знать, — добавила она, махнув рукой возле покрытых пленкой глаз. — Мир явлений может быть даже преградой для понимания. Раз мы признаем его безмолвные звуки и невидимые атомы, мы должны также признать возможность существования иных, незнаемых вещей. Ангелы, демоны, феи — все это лишь слова для иной, нематериальной реальности. Ум должен принять этот предел для его определенного знания и согласиться, что вселенная может быть причудливей, чем он способен себе представить.

Удивление Дамиона росло с каждой минутой. Он не мог найти слов для возражения и долго еще сидел безмолвно. Снаружи уже стало темно, откуда-то издалека доносилось невеселое уханье совы и листья, еще не опавшие, вздыхали и бормотали на ветвях. И снова, как в отрочестве, ощутил он сплетающиеся звуки гор, а за ними — глубокую тишину. Но теперь эта тишина говорила ему о бесконечной глубине свода небес, о вечно странствующих по кругу небесных телах и черной непроницаемой пустоте над ними. Вдруг он потерялся в этой подавляющей необъятности, и когда-то огромный мир холмов и леса съежился в исчезающую точку.

Голос Аны оборвал молчание и разбил навеянные им же чары.

— Скажи, Дамион, слыхал ли ты о ясновидении — Втором Зрении, как называют его наши рилайнийские друзья?

— В общем, да, но никогда в него не верил.

— Надо же! Еще одна вещь, в которую ты не веришь. Им, кажется, конца нет. Но посмотрим, не могу ли я тебя переубедить насчет именно этого.

Ана сняла кошку с колен и поставила чашку на стол. Подойдя к столу, она взяла в руки стеклянный шар.

— Посмотри сюда, — сказала она, вкладывая шар ему в руку. — Не бойся, это не магия. Хрусталь только помогает сосредоточиться, как ваши молитвенные талисманы. Всмотрись в него, всмотрись поглубже.

Дамион поставил кружку на пол и заглянул в блестящий шар. Отсветы пламени плясали в его глубинах, и видны были контуры языков, горящих в каменном круге, и открывающийся выход из пещеры за ними...

Дамион моргнул. Он знал, что в стеклянном шаре предметы должны представать перевернутыми, но то, что он видел, было

показано правильно, и возле очага стоял человек. Он резко поднял глаза от шара — никого. Посмотрел через шар — и снова человек, стоящий у огня.

Дамион судорожно вдохнул. Человек этот был строен, светловолос... это была женщина. Она подошла ближе, еще ближе. Одета в длинную зеленую мантию или платье. Вот стало видно ее лицо: глаза зеленые, как одежда, белая кожа обрамлена плавно вьющимися волосами, падающими на плечи...

— Потрясающе! — послышался голос Аны над ухом. Старуха стояла прямо за ним. — Это, очевидно, твоя мать — увиденная твоим еще неосознанным младенческим зрением. Давнее-давнее воспоминание.

Он посмотрел поверх шара, обернулся к Ане.

— Не понимаю. Как это получается? — прошептал он. Подняв хрусталь, он вертел его в руках, вглядываясь в его глубину, теперь пустую и прозрачную.

— Ты видел образ, который находится у тебя в мозгу. Хрусталь лишь помог тебе собрать мысли воедино.

— В мозгу... — Дамион затряс головой. И вдруг резко вскинулся: — А откуда *ты* знала, что я вижу? Я же ничего не говорил!

Она взяла хрустальный шар из его руки.

— Ты не слыхал о мысленной речи — общении умов? Сильнее всего оно было у элейских чародеев, которые в давние времена общались так на большие расстояния...

— Да это же... это же просто легенда.

Во рту у него пересохло, руки дрожали. «Должно быть какое-то разумное объяснение, не может не быть. Это какой-то фокус...»

Дамион резко встал. Ногой он зацепил кружку, и она перевернулась, залив каменный пол чаем.

— Милый мой Дамион, ты что, испугался? Чего тут бояться? Тебе дан дар, и дар чудесный. Вот и все.

Свечи догорели и погасли. Пещеру освещал только пульсирующий огонек очага, от которого плясали тени на каменных стенах. И тот же отсвет играл на Ане: сморщенное лицо, полуосвещенное, полускрытое темнотой, глаза не видны. Шар в руке светился желтым, сверкал плененным светом. И большая тень легла за ее спиной. Дамион смотрел на нее, ладони у него вспотели, и пещера будто закружилась вокруг.

«Старая Ана. Ана, ведьма...»

Не говоря ни слова более, он метнулся прочь от нее, к выходу.

Дамион слышал, как она его окликнула, но не остановился. Слепой, бессмысленный страх гнал его, владел им полностью, и

об одном только он мог думать: скорее вернуться под надежные своды Академии. В темноте он потерял тропу, сучья цепляли его за одежду, когда он, оступаясь и спотыкаясь, спешил вниз, что-то скрежетало и пищало в подлеске. Столетние деревья тянули искривленные руки, обращали к нему разинутые рты дупел. Уже не жалкая отступающая с долин роща, но Темный Лес древних времен окружал его, тот лес, что наполнял ужасом сердца заблудившихся рыцарей.

Он пустился бежать, наудачу нащупывая дорогу от дерева к дереву, как человек, одержимый бесом.

Эйлия сидела у очага в общей комнате для студенток, и девочки из приюта сбились вокруг нее тесной стайкой. Рядом на столе стоял фонарь с мордой гоблина, светя огненной гримасой на стену. Только он да еще огонь из очага освещали зал. Время отбоя давно прошло, но вечер был очень подходящий для страшных сказок, и девочки упросили Эйлию рассказать про принца-призрака. Старшие девочки считали подобные сказки ниже своего достоинства, и только Лорелин осталась сидеть среди малышек, положив подбородок на руку и слушая так же жадно, как и они.

— Давным-давно, — нараспев говорила Эйлия, — когда еще великим и сильным было старое Элейское Содружество, случилась война с зимбурийцами. Король Бранар Андарион со своими рыцарями вошел в их столицу. Светловолосый он был и синеглазый, муж божественной красоты (она описывала Дамиона Атариэля), ибо был он сыном мужа из народа фей, то есть одного из низших ангелов, которые еще кое-где встречались в те дни на Земле. И потому единственный он мог сразиться с царем демонов Гурушей и повергнуть его.

Восторжествовав над врагом своим, Бранар Андарион не сразу покинул Зимбуру, а проехал сначала по всем ее храмам, всюду повергая идолы Валдура. Войдя в одно из нечестивых капищ, увидел он страшное зрелище: прекрасную деву, цепями прикованную к алтарю. Неописуема была красота ее, волнистые темные волосы, кожа цвета слоновой кости и глаза, как самый темный из янтарей. Король Андарион освободил деву от цепей, и она в благодарности пала к его ногам. Имя ее, сказала она ему, Мориана, и была она предназначена в жертву Валдуру ради победы над паладинами. Благороден и древен был ее род: не только зимбурийская, но шурканская и каанская кровь текла в ее жилах, и восходил этот род к великим императорам древности. И в доказательство правды своих слов достала она кольцо, которое спрятала в своих одеждах.

Печать была в том кольце, а на ней — свернувшийся дракон, знак древнего императорского дома Каана. И король Андарион предложил ей вернуться к ее роду. Но она сказала, что все родичи ее мертвы, и стала умолять короля взять ее с собой в Маурайнию. Согласился Андарион, потому что как только глаза его увидели Мориану, сердце его исполнилось любовью к ней. И так случилось, что после возвращения в Раймар он предложил ей руку и сердце, и она согласилась.

Но не прошло и года, как закрались в сердца маурийцев подозрения насчет новой королевы. Слух прошел, что солгала она королю, притворившись жертвой идолу, а на самом деле она жрица Валдура и занимается черной магией у себя в покоях. Однако Андарион и слышать не хотел ни слова против своей жены, даже от самых доверенных советников.

Однажды, когда отряд паладинов приехал в Храм Небес на Тринисии взглянуть на священный Камень, подошла к ним сама королева фей Элиана и сказала так: «Остерегайтесь! Ибо невеста вашего короля не та, кем кажется. Никогда не приносили ее в жертву: этой уловкой завоевала она сочувствие вашего короля и поймала его в западню. Пусть король войдет в те покои, где исполняет она свои тайные песнопения, и пусть узнает истину, ибо она злая чародейка».

Когда же паладины передали Андариону слова королевы, пришел он в великий гнев и сказал, что не станет шпионить за своею возлюбленной. Но закралось в ум его подозрение, и в одну темную ночь вошел он в покои Морианы, чего она много раз просила его не делать. То, что открылось там ему, никогда не рассказал он ни одной живой душе. Но вышел он оттуда с лицом бледным и страшным, и в ту же ночь Мориана исчезла из замка. И никто никогда ее больше в Маурайнии не видел.

Прошло еще десять лет, и королева Элиана явилась ко двору короля и на этот раз привела с собой мальчика. «Вот, — сказала она Андариону, — сын твой и Морианы...»

Арианлин подняла глаза:

— Эйлия, вряд ли эта история годится для детских ушей...

— Да не обращай внимания! — крикнула Лорелин, когда Эйлия запнулась. — Рассказывай дальше!

— Так вот, чародейка умерла, и Элиана взяла к себе мальчика, имя которого было Морлин. «Надзирай за ним неустанно, — предупредила Андариона королева фей, — ибо он рожден быть жестоким чародеем и тираном. И если не будет он научен состраданию,

это зло может случиться». И она отбыла, оставив ребенка на попечение отца.

Бранар Андарион принял сына в дом свой, и когда Морлин достиг возраста мужей, был он принят в орден паладинов. Но была у его души темная сторона, и отец его опасался сына. Когда же сын выбрал гербом своим дракона, символ царственных предков матери, Андарион впал в печаль. И хоть стал принц Морлин рыцарем великой славы и много совершил деяний доблести, был он одинок и мало имел друзей и никогда не сходился с отцом, который страшился его. Когда же стареющий Андарион уехал навсегда на Тринисию, Морлин получил замок Халдарион и титул вице-регента. Все дни свои он проводил в изысканиях над запрещенными книгами по черной магии, желая познать силу слуг Модриана-Валдура и тем найти способ победить их. Но, читая, подпадал он под обаяние темных искусств, и испытал искушение самому применить их.

Много лет прошло с отбытия Андариона в Тринисию, и снова беда пришла в Маурайнию. Стали страну потрясать загадочные бедствия, наводнения сменялись засухами, бури бушевали на суше и на море. Прорицательницы Тринисии сказали об этом Андариону, просвещая его, что все это не природными причинами вызвано, но силами зла, что освобождены на его родине. И назвали они причиной бед вице-регента Морлина.

«Нет, не может того быть!» — воскликнул король. Но поведали ему прорицательницы, что сын его впал в чернокнижие, ибо за многие годы сумел Враг сманить его на пути зла. Морлин выпустил силы зла на земли короля, потому что стал он заклинателем, как мать его.

И наполнилось скорбью сердце Андариона, но он знал долг свой. С другом своим сэром Ингардом Храбрым и великим войском рыцарей высадился он в Маурайнии. Замок Халдарион вооружился против него, и сын его не вышел к нему навстречу. Тогда рыцари осадили замок, и силы короля одержали победу. Проломив оборону внутренней цитадели, Андарион со своими людьми вошел в замок. Но хоть и обыскали цитадель от крыши до погребов, даже следа принца-изменника не нашли они.

Тогда сэр Ингард отыскал потайную лестницу, ведущую из самого глубокого подвала в некую пещеру. И лежало там озеро, которое чернокнижнику-принцу служило всевидящим стеклом. Пока рыцари в страхе созерцали черное лицо озера, налетел на них из темноты принц Морлин. Но его чернокнижие бессильно было против Андариона, сына фей, и тогда принц выхватил меч. Сразились

отец с сыном, и отступать стал Андарион, и казалось, что придется ему умереть от руки врага, которого сердце его не хотело сразить. И бросился тогда вперед сэр Ингард и сразился с принцем. Долго боролись они в темноте, и наконец нанес Ингард Морлину смертельный удар, и упал принц в черное озеро, ушел в глубины вод и более не показывался. Так погиб принц Морлин, чернокнижник.

Но Ингард тоже был ранен смертельно, и взмолился он к плачущему Андариону, чтобы вынесли его на поверхность земли, чтобы умереть ему, глядя в небо. Паладины поступили, как он просил их, вынесли его из этой пещеры ужаса в тепло и свет солнца, и держал его Андарион в объятиях, и принял его последний вздох. Так избежал Андарион пролития крови собственного сына и так избавилась Маурайния от принца-чернокнижника.

Эйлия откинулась назад, в прыгающие тени, отбрасываемые пламенем.

— Магистры же говорят, что принц Морлин действительно существовал и был обычным человеком, а после его смерти люди стали складывать о нем легенды. Но есть и те, кто говорят иное: что он действительно был чернокнижником, что есть подземное озеро глубоко под стенами замка. Иногда из его темных глубин встает дух принца и бродит по развалинам своих владений.

— Но ведь это просто сказка, да, Эйлия? — пискнула одна малышка с вытаращенными от страха глазами. — Это же сказка, это не на самом деле?

Видя эту тревогу, Эйлия поспешила успокоить детей:

— Конечно, сказка. А теперь — всем пора спать.

— Если у них из-за тебя будут кошмары, я не удивлюсь, — с легким упреком сказала Арианлин, когда девочки стайкой устремились к двери.

— А мне чертовски понравилось! — заявила Лорелин. Она смотрела в огонь, в синих глазах плясали язычки пламени. — Хотелось бы мне быть рыцарем — вроде Ингарда.

Все уставились на нее, кое-кто засмеялся.

— Рыцарем? Это невозможно, — объявила Белина. — Ты девушка!

— И что с того? — Лорелин схватила кочергу и несколько раз взмахнула ею на пробу, как мечом. — Наверняка я могла бы владеть мечом не хуже любого мальчишки. А как хорошо было бы скакать по земле, исправляя несправедливости!

— В наши дни рыцари ничем таким не занимаются, — сказала Эйлия. — Рыцарство — это всего лишь почетный титул, даваемый королем. И только мужчинам он дается, Лори.

— Ради всего святого, положи ты эту кочергу! — взмолилась Арианлин. — Пока никого не стукнула.

— Смотрите, какая странная штука, — вдруг сказала Венда, показывая в окно рукой. — Только что я видела свет в мужской церкви. Такой, знаете, тусклый, и он двигался туда-сюда.

— Призрак! — заверещали малышки, застряв у дверей и вцепляясь друг в друга.

— Чушь! — бросила Арианлин. — А тебе, Венда, стыдно должно быть так пугать маленьких.

— Нет, она права, — заявила Лорелин. Отбросив зазвеневшую кочергу, она прыгнула к окну. — Там действительно кто-то ходит.

— Наверное, кто-нибудь из монахов что-то там забыл и теперь ищет, — предположила Жанет.

— Нет, не может быть. Что-то тут не так, — возразила Лорелин. Казалось, она смотрит невидящими глазами, слегка покачиваясь. — Я это чувствую... что-то такое... *темное*.

— Опять у Лорелин припадок! — воскликнула Венда с испуганным видом. Кое-кто из девушек попятился подальше.

— Лорелин, хватит! — резко сказала Люсина. — Прекрати немедленно, или я скажу матери-настоятельнице.

Высокая девушка вдруг вышла из транса.

— Я пойду туда и посмотрю, как там и что.

— Лорелин, нельзя! — ахнула Венда. — А если это... если это призрак?

— Так что с того? Я никогда не видала призрака, — ответила Лорелин, направляясь к двери.

— Ты туда не пойдешь, Лорелин, — твердо высказалась Арианлин. — Тебе известно, что нам запрещается выходить за стены монастыря после захода солнца. Если там призрак, пусть им занимаются мужчины.

— Кто-то же им должен об этом сказать, — так же твердо ответила Лорелин.

И не успел никто ничего сказать, как она уже вышла быстрым шагом.

— О Господи! — вздохнула огорченная Эйлия. — Теперь она непременно попадет в беду. Не надо было мне рассказывать эту глупую сказку.

— Не беспокойся, — устало сказала Арианлин. — Монахини ее в такой час из здания не выпустят.

— Она из окна вылезет. Ей уже приходилось. Я должна пойти за ней: если она попадет в беду — будет моя вина. — Эйлия встала.

— Сядь, Эйлия, — велела староста. — Нет смысла тебе попадать в беду вместе с ней. Ей, чтобы чему-то научиться, надо себе шишек набить.

Дамион тщетно старался заняться своими набросками к завтрашней проповеди. Но слова расплывались и прыгали перед глазами, а мысли возвращались к тревожным событиям дня.

Родители... Он последнее время редко о них думал. В детстве, конечно, он часто гадал, кем бы они могли быть. Еще грудным его оставили у стен монастыря, и монахи не видели, кто его принес. В приюте родителей ни у кого не было, и потому его это мало волновало. Тяжесть нераскрытой тайны его происхождения стала ощущаться лишь последние годы, когда он вышел из монастыря в мир. Кое-кто из его друзей детства, например, Каитан, кое-что смутно помнил о родителях, другие даже знали их имена и свой род. Но для Дамиона — две безымянные фигуры, не имеющие лиц, становящиеся все более призрачными с каждым ушедшим годом, как на осыпающейся фреске. Он смирился с фактом, что никогда не найдет ответа, как это бывает в романах. Ни предсмертная исповедь старой няньки, ни древний медальон с локоном, спрятанный в пеленках подкинутого младенца, не раскроют ему тайну его происхождения.

И вот сегодня вечером это тревожное видение в пещере Аны...

«Видение — чушь какая!» — одернул он себя. Ана известна как ведьма и гадалка — естественно, у нее в рукаве полный набор фокусов. Испробовала на нем какой-то вид внушения, загипнотизировала и заставила «видеть» то, что сама рассказывала. И кто знает, что за травы она положила в свой «чай»?

Далеко в ночи за окном виднелись желтые языки пламени охранного огня на поле какого-нибудь крестьянина — отгоняющие души тех, кто умер без покаяния. Вспомнились слова Каитана: «Мы будем вечно бояться затмений, вести войны за священные камешки или верить, что девушка со свихнутыми мозгами — святая».

«Или верить в Бога», — подумал он вдруг.

И сам содрогнулся, но произнесенное вслух внутреннее сомнение уже было не заглушить. Ранее он ходил в Вере по узкому срединному пути меж двух пропастей: с одной стороны — современная наука и ее космос, лишенный смысла, с другой — суеверия, язычество, первобытный страх. Но уже какое-то время что-то подтачивало устои его веры, и почва под ногами становилась все более зыбкой. Вот как сегодня, когда он спотыкался от выбоины к выбоине. Встреча со старой колдуньей всего лишь обнажила дрем-

лющие сомнения, воззвав сперва к иррациональной, а потом к рациональной стороне. Как легко овладели им суеверия в те страшные мгновения, когда он действительно поверил в ее сумасшедшие слова, и как поспешно стал он искать утешений здравого смысла. И ни на секунду — сейчас до него дошло — он не обратился к Вере за руководством в беде. Для верующего, для священника именно эта мысль должна была быть первой.

После этого осознания мысли, которые он отодвинул и заставил молчать, с шумом ворвались в сознание. Как часто говорили ему, что природа есть зеркало ее творца, истиннейшее и древнейшее писание, что многому можно научиться у ручьев и цветов, у камней и деревьев? И в каждой рощице, на любом лугу, в прудике с безмятежным зеркалом, прямо у тебя под ногами бесчисленные клыки, когти, жала и челюсти непрестанно творят свою мерзкую работу. Яды прячутся в кореньях и ягодах, язва и лихорадка готовы в любой момент ринуться из смрадных болот. Ястребы рвут на части визжащих зайцев, бешеные волки терзают беспомощных ягнят, умирают родами женщины. Мир — не божественно упорядоченное Творение, но Хаос, порожденный бессмысленной материей, без плана и цели, летящий или ползущий к неминуемой окончательной гибели. И что теперь сказать юным студентам, что придут завтра в церковь на проповедь? Он себе-то не знает, что сказать.

Неожиданно постучали в дверь.

— Да? — раздраженно отозвался он, но и благодарно тоже, за то, что прервали его размышления. Кто бы это мог быть в такой час?

— Прошу прощения, отец Дамион. — Заглянул служитель с несколько виноватым лицом. — Ночной привратник просил сказать вам, что у входа стоит молодая женщина, которая хочет вас видеть.

Дамион поднял недоумевающие глаза:

— Женщина?

— По имени Лорелин, отец мой.

— А! — Дамион потер лоб. — Да. Я велел ей приходить, если у нее будут какие-нибудь трудности, но в такой час? — Отодвинув недописанную проповедь, он встал. — Иду.

Лорелин стояла у привратницкой главного входа, что-то возбужденно пытаясь втолковать мрачному ее обитателю. При виде Дамиона она прервалась на полуслове и бросилась к нему.

— Отец Дамион...

— Лорелин, ты знаешь, что тебе не положено выходить из монастыря одной, тем более после захода солнца.

— Но, отец Дамион, мы смотрели в окно и увидели странный свет в церкви, и я подумала, что кто-то должен вам сказать...

«Ну нет, хватит», — подумал Дамион. Всю неделю среди студентов гудели слухи насчет странных огней, блуждающих среди руин.

— Надеюсь, ты прибежала не рассказывать мне сказки о призраке?

— Кое-кто из девушек так думает. Но я хотела спросить, отец мой: янский свиток разве не в церкви?

Дамион секунду смотрел на нее, потом резко повернулся и со всех ног бросился по коридору.

Сперва эта история со старухой Аной, теперь еще вот это! Если это кто-то из студентов решил пошутить, то пусть бы его, но свиток в церкви, и рисковать нельзя. Почему он его не сжег, когда была возможность?

Лорелин присоединилась к нему без приглашения, понеслась рядом длинными шагами, как молодая гончая. До двери она добежала первой, он едва успел остановить ее.

— Останься здесь.

С этими словами он распахнул тяжелые дубовые двери и вошел.

Мрак в церкви разгоняли только лампа из коридора да косые столбы лунного света из витражей. Не горели свечи, и Священное Пламя было убрано в святая святых. Не привычно, мирно и возвышенно выглядела сейчас церковь, а таинственно и опасно. Над головой в сумраке парили ангелы, расправив недвижные крылья, и бронзовый Модриан-Валдур казался черной тенью, вцепившейся гигантским нетопырем в каменные стены святилища. Но тут на глазах Дамиона раскрылась завеса врат, и на миг показалось внутреннее святилище, как озаренная огнем пещера. В этом тусклом красном свете шевелилась тень: высокая фигура в черной рясе монаха, с надвинутым клобуком. Только ни один настоящий монах не крался бы так, закрыв клобуком лицо. И вряд ли это был студент. Кто бы это ни был, он осквернил святилище, и причина для этого могла быть только одна. Обуреваемый возмущением, Дамион шагнул вперед, отбросив осторожность.

— Кто ты? — крикнул он, приближаясь к алтарю.

Стоявший обернулся к нему. Мелькнули две огненные точки в черной впадине клобука. Лорелин за спиной Дамиона тихо ахнула. Он сам застыл, разинув рот, а человек в рясе двинулся к двери, которая вела в церковный склеп, и исчез в темноте.

Дамион взял себя в руки. На этот раз он не поддастся суеверным страхам, тем более на глазах у Лорелин. Лишь мгновение колебался он перед тем, как броситься за ушедшим. Этот человек — разумеется, это всего лишь человек! — скроется, если Дамион не будет действовать быстро. Схватив ближайшую свечку, он стал нашаривать огниво. Целую вечность провозился он, пытаясь зажечь свечу, потому что пальцы не слушались, но он знал: из склепа другого выхода нет. Взломщик сам поймал себя в ловушку.

Со свечой в руке он осторожно спустился вниз, Лорелин шла за ним. Они остановились в широком каменном зале, где мощные колонны поддерживали низкий свод. Свет пламени показывал лишь тени от колонн и осыпающиеся каменные статуи давно умерших рыцарей.

— Никого не вижу, — шепнула Лорелин.

— Он спрятался, — ответил Дамион.

— Будем его искать?

— Нет. — Дамион сунул руку в карман и достал свой ключ от церкви. — Давай вверх по лестнице.

Они поднялись, и Дамион, закрыв дверь, повернул ключ в замке.

— Вот теперь он попался. Лорелин, беги приведи сюда ночного привратника — быстро!

Она посмотрела на него расширенными глазами, потом побежала прочь.

С бешено колотящимся сердцем он побежал по центральному проходу к алтарю и поставил свечу на пол. Там, на полках, лежал деревянный ковчежец со свитком. Дамион схватил ящичек и сорвал украшенную крышку.

Ящик был пуст.

Он снова выбежал из алтаря к двери склепа.

— Кто бы ты ни был, — крикнул он через дверь, — лучше выходи! Я знаю, что пергамент у тебя.

По ту сторону — ни звука.

— Ладно, посмотрим, что тебе скажет привратник.

Он остался ждать у двери. Вскоре раздался шум шагов, свет ламп, и вошли Лорелин с ночным привратником — последний нес свою увесистую дубинку. Дамион снова отпер дверь, и все трое спустились вниз, но на их призывы выходить ничто не шевельнулось в могильном спокойствии склепа. Привратник двинулся внутрь, держа оружие наготове. Обшарив склеп вдоль и поперек, он повернулся к Дамиону и Лорелин, подняв брови.

— Здесь никого нет.

— Как?!

Дамион вбежал в склеп, размахивая свечой. Его взору предстали только голые стены, колонны, каменные рыцари. Человек в рясе исчез, будто его никогда и не было.

6
Судьба танца

В Маурайнию пришла зима, принеся с собой обычный на восточном побережье снегопад. Три дня ровно валил снег, укрывая теплой периной ветви деревьев и заледенелые берега озер и прудов, ложась на каждую крышу и каждое крылечко круглым белым караваем. Он преобразил даже беднейшие кварталы Раймара, превратив навозные и мусорные кучи в белые пушистые холмы, выгладив выщербленные грязные мостовые. В Королевской Академии маленькие лавины скатывались, грохоча, по крутым крышам, горгульи украсились ледяными бородами и снежными шапками.

На третий вечер снегопада Дамион, которому наскучило сидеть в четырех стенах, вышел вдоволь пройтись по окрестностям. Он закутался в тяжелый плащ священника и зашагал по белому безмолвию зимних полей. Было так тихо, что Дамион будто слышал едва различимый шелест, с которым большие хлопья ложились друг на друга, на каждую веточку и кустик, превращая их в белое кружево и филигрань.

Мохнатые пряди дыма поднимались из труб далеких домишек, но никаких других признаков жизни не было видно, и ни прохожий, ни проезжий не нарушал девственную белизну места, где раньше была дорога. Дамион брел через наметенные сугробы, погрузившись в собственные мысли. Уже два месяца прошло после странного события в церкви, но он все никак не мог успокоиться. Хотя рассказ Лорелин о появлении призрака вызвал переполох среди ее одноклассниц, но само похищение практически не оставило следа. Сильно сомневаясь в подлинности свитка, ученые Академии вряд ли ценили его дороже пергамента, на котором он был написан. Ни настоятель монастыря, ни приор не проявили никакого беспокойства по поводу его исчезновения. Любое предположение, что может быть война, если свиток попадет в руки Халазара, все встречали с тем же снисходительным интересом, что и Каитан.

Дамион жалел, что не знает истинного похитителя. Легче легкого было проникнуть в церковь и обыскать ее, переодевшись призраком Академии, чтобы каждый, кто его встретит, принял за шутника-студента (или даже поверил, что это и есть знаменитый призрак, если свидетель достаточно суеверен). Как был осуществлен побег из склепа, Дамион до сих пор не знал, но сейчас он отложил эту загадку в сторону и задумался о том, кем же может быть этот вор. Это мог быть один из двух зимбурийских лазутчиков-полукровок, скорее всего тот полумохарец, Йомар, более высокий из них. Если пергамент у зимбурийцев, сделать ничего нельзя, и остается только надеяться, как предложил Каитан, что их экспедиция на север закончится катастрофой. Но, может, вовсе и не зимбурийцы захватили свиток. Дамион поглядел туда, где высилась Селенна. Сейчас она снова закрыла свое лицо: видно было только засыпанное снегом подножие, а выше склоны уходили в низкие облака. Старая Ана могла уже оставить свой дом и уйти в зимнее убежище — где бы оно ни было. Дамион подумал, не могли ли украсть свиток она и ее немереи. Как повествование о вещах, для них священных, он мог представлять очень большую ценность. Но если даже Ана с друзьями похитили свиток, зимбурийские соглядатаи могли найти их потайное хранилище и похитить его оттуда. Надо было послушаться Каитана и уничтожить этот мерзкий пергамент, когда была возможность. А сейчас свитка у него нет.

Уже наступил ранний зимний вечер, когда Дамион вернулся в Академию. Ее внушительные строения почти не были видны в сумерках: ни одно окно не светилось в стенах и башнях. И в монастыре тоже не было света, а за краем откоса, где должно было мерцать и переливаться большое созвездие Раймара, виднелась только темнота. Был день зимнего солнцестояния, давно превращенный Верой из языческого шабаша в священный праздник. Для Верных рост дневных часов после самого короткого дня года означал победу добра над злом. Целую неделю город и окружающие его деревни и поселки были погружены в мрак Темных Веков, когда по древнему обычаю ни один огонь не должен был светить ночью, и даже лампы дозволялось зажигать лишь за плотно зашторенными окнами. В домах жизнь шла по-прежнему, горели очаги, светили лампы и свечи, но ни один лучик не выбивался на покрытые мраком улицы. Даже корабли у причалов в порту стояли темные. Сегодня в полночь вдруг вспыхнут свечи и фонари в каждом окне каждого дома, бросая тьме вызов. А в деревнях будет выполняться старый-старый обряд: юная девушка, выбранная по жребию, поведет процессию мимо всех домов деревни. В короне из свечей и

со скипетром в руке, королева праздника изгонит несчастье из каждого дома. Этот любопытный обычай восходил к древнему элейскому пророчеству о приходе Трины Лиа, которая, когда наступит день, спустится с небес воевать силы тьмы, и праздник так и назывался в ее честь: Триналии.

Дамион вошел в приемный зал цитадели и стряхнул с клобука снег. Огромное дерево Таунара, собранное из отрезанных ветвей, занимало почти половину прихожей. На верхних ветвях сияли фонари, позолоченные звезды, символизирующие мир Небес, ниже, на средних ветках, висели вырезанные из цветной бумаги фигурки зверей, птиц, цветов. На самом же верху восседал Элмир — птица небес, подножие ствола обвивал кольцами Вормир, змей хаоса. Обычай строить Таунару, древо жизни, тоже восходил к временам древних элеев. Задумчиво глянув на древо, Дамион направился по широкой центральной лестнице к себе в келью.

Повесив заснеженный плащ, он задернул штору перед тем, как зажечь лампу, и сел за письменный стол, на котором лежали несколько библиотечных томов: книги по колдовству и чародейству.

Хотя многие книги описывали такие вещи, как ясновидение, призывание демонов и наложение заклятий, трудно было сказать, где здесь подлинные немерейские предания, а где — суеверия невежественных крестьян. Наконец в одной книге он нашел фрагмент, который его заинтересовал. В «Верованиях древних» Мелбрина утверждалось, что немереи — приверженцы древней религии, восходящей к элейским дням. Они поклоняются старым богам элейского пантеона, которых впоследствии Орендил отнес к «ангелам-прислужникам». Немереи называют этих богов «элами» и верят, что они обитают невидимо в земле, в реках, в горах и лесах. Есть также и элы неба: солнце, луна, каждая звезда и планета имеют обитающее в них божество.

Также немереи верят в «плоскости существования»: физическая плоскость и еще две, находящиеся «вне» ее или «над» ней. Эфирная плоскость создана не из земли, воды, огня или воздуха, как царство смертных, но из иной, священной стихии, называемой квинтэссенцией или «чистой энергией». «Вне» и «над» ней лежит еще одно небесное царство — Эмпиреи. Боги и духи обитают в двух «высших» плоскостях, и тот, кто овладел искусством немереев, умеет с ними общаться или может даже научиться перемещаться между плоскостями, подобно духам. Эти любопытные немерейские предания вполне мирно сосуществовали с вероучением ранних дней. Культ ангелов был объявлен вне закона лишь в начале Темных Веков, когда патриарх заявил, что существа, коих по-

читают немереи, суть на самом деле падшие ангелы, стремящиеся ввести человека в обман и уничтожить род человеческий. В рыцарском ордене паладинов многие были из немереев, и посему подверглись истреблению вместе с прочими «колдунами и ведьмами» во времена Инквизиции.

«Находятся иные, — писал Мелбрин, — кто утверждает, будто до сих пор существует тайный культ немереев, и приверженцы его встречаются в тайных местах в ночи, дабы исполнять таинственные обряды свои. Но подобные заявления можно смело отвергнуть как неразумие невежд».

Дамион не разделял его уверенности. Скорее, он был склонен считать, что Ана и ее друзья входят в небольшой, но вполне реальный ковен немереев — либо новая попытка оживить старую религию, либо даже наследники уцелевших в инквизиционных чистках.

Он потянулся за другой книгой, «Демонологией» Галдимана, и когда открыл ее, на пол выпал клочок бумаги. Дамион поднял его и посмотрел повнимательнее. Это было письмо, адресованное ему.

Преподобному Дамиону Атариэлю.

Дошло до моего внимания, что Вас видели в обществе членов секты немереев. Вряд ли я должен напоминать Вам, что общество ведьм и колдунов запрещено для приверженцев Истинной Веры, не говоря уже о ее священнослужителях. Более того, именно Вы передали немереям, пусть ненамеренно, тот свиток, что был привезен Вами из Зимбуры. Сейчас Вам уже должно быть ясно, что этот предмет является центром многочисленных интриг. Оказавшись к ним причастным, Вы подвергли опасности многие жизни, в том числе и свою.

Вы знаете, в чем состоит Ваш долг в указанном деле. Вы должны немедленно выдать колдунью и ее секту иерархам Веры в Раймаре. Если Вы хотите прожить долгую и спокойную жизнь, Вы последуете моему совету.

Подписи не было.

Поднеся письмо к лампе, Дамион стал его тщательно изучать. Написано беглым изящным почерком. И начертание, и построение фраз отдавали старомодностью, напоминали о читанных не раз документах из архивов Академии, датированных прошлым веком. Кто же написал эту анонимную записку и вложил в его библиотечную книгу? И что это за намек на угрозу в последних строках?

Дамион бросил письмо на стол. «В одном нет сомнения — моя жизнь стала куда как «неспокойна», как только я взял в руки этот злополучный свиток!»

Он повернулся и решительно зашагал к выходу. «Призраки и ведьмы, таинственные письма и волшебные камни! Ну точно как в дурацких сказках, которые так любят девчонки из монастыря! Но в этих самых сказках всегда есть еще одна вещь — потайные ходы...»

Дамион шел в церковь.

Надо было об этом раньше догадаться. Сколько раз он слышал байки о двери паладинов, тайном проходе, ведущем в паутину подземных ходов под замком? Строили их, чтобы защитить обитателей от осад; впоследствии там скрывались рыцари, преследуемые инквизицией. Дамион с ребятами из приюта долго искали таинственную дверь в мрачных сводчатых подвалах Академии. Они не сомневались, что монахи знают о ней, только им не говорят, чтобы не заблудились в лабиринте катакомб. Ребята были убеждены, что дверь — в церковном склепе, потому что именно туда их не пускали. Сейчас рукоположенный священник Дамион мог войти куда только пожелает, но забыл грезы детства — до вот этой минуты. Никаких призраков не бывает, нет другого выхода из склепа, значит, должна быть где-то потайная дверь. Дамион провел руками по темно-серой стене, нажимая на все камни, до которых мог дотянуться. Чувствовал он себя последним дураком, но был твердо намерен разгадать загадку.

И все равно не был готов к тому, что камень северной стены вдруг поддастся от прикосновения.

Скрежещущий звук наполнил зал, и кусок стены под руками сдвинулся. Дамион отскочил. На миг ему показалось, что он нарушил какое-то хрупкое равновесие, и сейчас на него рухнет вся стена. Но в следующую секунду перед ним открылся зияющий проем в рост человека, и оттуда пахнуло сыростью.

На долю секунды он вдруг снова стал мальчишкой. «Я был прав! — воскликнул он про себя. — Вот она — дверь паладинов! Не обманула старая легенда! Сюда и ушел тот «призрак» — в катакомбы, вниз!»

Дамион стоял у проема в нерешительности. Там было темно, как в угольном погребе, и чем-то зловещим зияла эта дыра Но любопытство Дамиона было задето. Этим путем ушли сотни паладинов, исчезли из истории, из мира, где их преследовали. Остались ли в этом безмолвном проходе какие-нибудь их следы? Под-

няв фонарь, Дамион приблизился к входу. По проходу вполне можно было идти, хотя и пригибаясь. Снедаемый любопытством, Дамион вошел внутрь и двинулся путем паладинов.

Коридор уходил вниз, виляя и поворачиваясь, и шел довольно далеко. Но так и должно было быть: обитатели замка хотели чувствовать себя в безопасности от атакующих войск. Через три минуты пути пол выровнялся, и Дамион оказался в обширном гулком зале, где свет фонаря не доставал до стен. Поводя фонарем, Дамион разглядел нечто вроде лабиринта каменных ходов, стены и сводчатый потолок грубой серой кладки, неотделанные арки, ведущие в мрачные пустые камеры. Он подошел, подняв повыше фонарь. От его света тени пятились, съеживались и уходили в арочные проемы, бежали перед ним. Слева открылась длинная аркада, а за ней — невысокая каменная стена. Дамион поднял над ней фонарь и увидел пробивающийся снизу свет. Это оказалось отражение его фонаря, и рядом с ним — отражение самого Дамиона, глядящее на хозяина. Внизу лежала водная поверхность, черная и гладкая, как камень под сводчатым потолком. Такие емкости необходимы были, чтобы снабжать водой осажденных. Впоследствии эта вода пригодилась и скрывающимся паладинам.

Повернувшись к ближайшей стене, Дамион с забившимся сильнее сердцем увидел, что она покрыта письменами — короткими сообщениями по-элейски, написанными беженцами прошедших веков для тех, кто придет потом. Он придвинулся, рассматривая нацарапанные слова.

И услышал пение.

Высокое, чистое, далекое, как звезды, сопрано пронизало тишину катакомб, и этот голос пел что-то вроде гимна. Звук отражался и перекатывался под сводами, так что непонятно было, откуда он слышен.

Зверь и тварь, звезда и призрак —
Всех закружит в свой черёд.
Ты не знаешь, что вступаешь
Во вселенский хоровод?

Под небесные оркестры,
Проходя сквозь свет и тьму,
Каждый делает свой выбор,
Предоставленный ему.*

* Здесь и далее перевод стихов М. Вайнштейна.

На последнем стихе песнь подхватили другие голоса, высокие и низкие, грубые и чистые, и катакомбы загудели мелодией. У Дамиона поднялись дыбом волосы. Это могли быть голоса призраков, тех, кто спасался в этих темных подземельях много веков тому назад.

Свет иль тьма вершит победу,
Обрывая струн финал, —
Этот путь определился
Тем, что выбор наш решал.

Так весь мир богов небесных
Кружится на тонкой нити
Танца, где любые твари
Выбирают ход событий.

— Кто это поет? — воскликнул Дамион, не успев подумать. — Кто здесь?

Внезапная тишина охватила лабиринты катакомб. Пока Дамион стоял, думая, не опрометчиво ли он прервал пение, перед ним возникли ищущие лучи фонарей, длинные световые пальцы вырвались из арок и туннелей. За ними вышли силуэты — черные тени на фоне света, и все они шли к нему. И вдруг из-за них вышла яркая и стройная фигура, увенчанная светом.

Она была одета в обрядовую одежду королевы праздника, или принцессы: белое платье, похожее на мантию, позолоченная корона на голове и шесть зажженных свечек в короне. Трепещущий свет фитилей падал на ее лицо, и узнав его, Дамион воскликнул, не веря своим глазам:

— Лорелин! Ты-то что здесь делаешь?

— Отец Дамион! — воскликнула она в ответ. Бросилась к нему, пламенная корона отклонилась назад. — Я не знала, что и вы здесь! Мне не говорили...

Но не успела она добежать до него, как вышел из тени коренастый мужчина и встал перед ним:

— Кто ты такой и что здесь делаешь?

— То же самое мог бы я спросить у вас! — резко ответил Дамион.

Из-за спины этого человека появилась, спеша, старуха, и трость ее быстро стучала по каменному полу.

— Отец Дамион! — воскликнула она. — Спокойно, Браис, все в порядке, это свой. Как я рада видеть тебя, Дамион! Смею наде-

яться, это значит, что ты решил примкнуть к нам. — Она повернулась к Лорелин: — Погаси-ка свечи, дорогая, пока не случилось несчастья.

Это была старая Ана. Значит, это ее ковен немереев? Первое абсурдное впечатление — что это потомки древних немереев, все еще живущих в катакомбах, где укрывались их предки, — быстро рассеялось, когда он оглядел собравшихся. В основном это были простолюдины — крестьяне из деревень, ремесленники и торговцы из города. Одно лицо он даже узнал — Ральф, деревенский дурачок с одного горного хутора. Он махал руками и что-то стонал. Ана обернулась и нему и вроде бы внимательно прислушалась к бессловесному бормотанию.

— Да, верно, — сказала она. Честное слово, будто поняла эту бессмыслицу! — Это он нашел свиток.

Она снова повернулась к Дамиону.

— Что вы все тут делаете? — требовательно спросил он.

— Обсуждаем планы. Мы составляем заговор против правления Валдура, — ответила Ана. — Мы немереи, пророки и служители Света.

— Как вы сюда попали? Через церковь вам было не пройти.

— Есть и другие входы, хорошо укрытые и далеко отсюда, — объяснила Ана. — Строители подземелья хотели, чтобы обитатели замка могли уйти от осаждающей армии, пробравшись достаточно далеко под землей.

Дамион повернулся к Лорелин, которая сняла свой золоченый убор и задувала свечи.

— Лорелин, как ты здесь оказалась?

Девушка не успела ответить, потому что ее опередила Ана.

— Дамион, давай отойдем с тобой в сторонку, и я все тебе расскажу. — Она повернулась к Лорелин. — А тебе, милая, лучше бы вернуться в церковь и подождать, пока начнется шествие Академии. Янина! — позвала она одну из молодых женщин. — Покажи ей дорогу, будь добра. И возьми с собой двоих мужчин — просто на всякий случай.

— Ана, я не понял, — сказал Дамион, когда девушки с провожающими скрылись из виду. — Что здесь происходит?

— Это мои друзья, другие немереи, о которых я тебе говорила на Селенне. Мы празднуем Триналии — это и для немереев праздник, как тебе известно.

— Но почему здесь?

— Естественно, потому что здесь безопаснее.

Дамион оглядел всю группу, высматривая фигуру достаточного роста, чтобы это мог оказаться вор в рясе, которого он видел в церкви.

— И кто из вас изображал принца-призрака? — спросил он в упор.

Говор прошел среди собравшихся и затих.

— Кажется, я знаю человека, которого ты имеешь в виду, — сказала Ана, помолчав. — Он пользуется катакомбами, но он не из наших.

— Он должен быть из ваших. Разве не он передал вам свиток? Я видел его в церкви...

— Свиток? Нет, этот пергамент к нам попал еще до зимы.

Дамион уставился на нее, и она улыбнулась:

— Пойдем со мной, Дамион.

«Спокойно, — сказал себе Дамион. — И она, и ее люди могут быть не в своем уме, но они не опасны».

Он пошел за старухой в один из боковых ходов, заканчивающийся низкой дверью. За этой дверью находился просторный прямоугольный зал, уставленный деревянными креслами и скамьями, а в дальнем конце похожий на примитивный алтарь стоял стол, и две свечки горели на его концах. Между ними лежал пергаментный свиток.

А перед свитком, склонив голову будто в молитве, стоял невысокий согбенный человек в серой рясе монаха. Он повернулся к вошедшим, и Дамион увидел под клобуком лицо приора Дола.

Наступило долгое молчание. Дамион подался вперед — и остановился. Голос изменил ему. Ана стояла позади, не мешая разговору двоих мужчин.

Наконец приор прокашлялся.

— Гм, брат Дамион! — сказал он. — Я удивлен. Не знал, что и ты допущен. Кто тебя прислал?

— Прислал? Не понимаю, — хрипло ответил молодой священник. — Что здесь происходит, приор?

Монах посмотрел на Ану, снова на Дамиона.

— Значит, аббат тебе не сказал? Не он прислал тебя сюда?

Аббат?

— Почему он должен был меня прислать? Приор Дол, что вы здесь делаете?

— Наблюдаю обряды немереев. Наше братство занимается этим давно. Уже не первый век, — пояснил приор, подходя к Дамиону.

Дамион продолжал таращиться.

— Мне лично никто об этом не говорил! — выпалил он.

— Ну, видишь ли, местонахождение двери паладинов и катакомб — очень старая тайна. Первые монахи ордена Святого Атариэля в годы Междуцарствия дали священную клятву защищать немереев от инквизиции. Только немногим из старших монахов позволено знать, где находится дверь — сохранение ее тайны входило в обет.

— Приор, но они же колдуны!

— Мы их никогда так не называли. Учение Веры и учение немереев не слишком отличаются. Во многом мы верим в одно и то же.

Но приор говорил это так, будто сам не до конца убежден был в правоте своих слов.

Дамион оглядел тускло освещенный свечами зал. Стены украшали барельефы, изображающие людей, птиц, зверей и звезды — судя по тонкости работы, их создали еще элеи. Дамиону вспомнилась резьба на ковчежце свитка. Изображения людей были совершенны — чтобы не сказать идеализированы. Такая красота была свойственна всем элейским скульптурам. На стене позади стола был вырезан Элворон, старейший из элейских символов. Он изображал птицу Элмира и змея Вормира, и каждый вцепился в хвост другого; изогнутые тела образовали круг. Элмир — свет, порядок, дух; Вормир — тьма, хаос, материя. Вместе они создавали целое, и их кажущаяся борьба напоминала соревнующиеся напряжения каменных сводов храма, создающие равновесие. За ними изображена фигура женщины — королевы Небес, а может быть, ее дочери, самой Трины Лиа. Над ней — солнце и звезды, под ее ногами — перевернутый полумесяц.

Ана произнесла от дверей:

— Боюсь, что сегодня среди монахов есть сомнения насчет этого. — И она добавила, поглядев в лицо приора: — Но, разумеется, они и помыслить не могут нарушить священный обет своих предшественников.

— Вот — видишь? — Монах беспомощно развел руками. — Аббат Холм с этим согласен, а он — глава нашего ордена. Я не могу его ослушаться.

— Кто из братьев взял свиток из святилища? — гнул свое Дамион, вспомнив фигуру в рясе.

— Аббат отдал свиток на хранение немереям еще осенью, после того как те двое приходили в библиотеку, — объяснил приор Дол. Он показал на пергамент. — Некоторые из патриархов хотели объя-

вить этот документ еретическим и подлежащим уничтожению. Поэтому мы не могли оставить его там, где он был. Сначала мы хотели сделать вид, что уничтожили его. Но вышло так, что нам не пришлось лгать, потому что никто не заметил его исчезновения. До того вечера, когда ты открыл ковчег, — но ты подумал, что его украл тот, кто переоделся принцем-призраком. Аббат решил позволить тебе и Лорелин об этом рассказывать. Нам это дало объяснение отсутствия свитка, на случай, если его будут искать.

Он закашлялся и замолчал.

— Послушайте, — начал молодой священник, чувствуя поднимающуюся изнутри злость, — вы знаете, что поступили неправильно, приор. Этот ваш обет привел вас в паутину лжи! И вы знаете больше, чем мне рассказали, это совершенно ясно. *Кто* был тот человек в рясе монаха и что он делал? Ему явно известно о существовании катакомб. Ана говорит, что это не из ее присных, но...

— Я говорю правду, — перебила Ана. — Он ни на чьей стороне, только на своей собственной.

Дальнейших объяснений не последовало, и Дамион снова обратился к приору.

— Как можете вы, муж священного ордена, иметь дело с подобной тайной сектой? В округе творятся страшные вещи — преступления, которые местные жители приписывают колдунам...

— Мы не имеем к этому отношения, — спокойно возразила Ана.

— Ладно, тогда почему вы не исполняете обряды своей... своей религии открыто, раз все это так невинно? Междуцарствие давно закончилось. Опасности больше нет.

— Вы так думаете? Мы не хотим скрываться, отец Дамион, но факт остается фактом: многие бы не одобрили выполнение наших обрядов при свете дня.

— И все равно вы должны были доложить патриархам, приор.

— И нарушить наш торжественный обет? — воскликнул Дол. — Прошу прощения, Дамион, но аббат этого не позволит. И с тебя он тоже возьмет клятву молчать.

— Но...

— Господа, вы этот вопрос решите потом, — твердо вмешалась Ана. — Сегодня надо решить вещи более важные.

— Например? — спросил Дамион.

— Явившиеся ныне знаки. Знаки, которые свидетельствуют, что пророчество начало исполняться. Солнце спрятало лицо свое в полдень, и те, кому дано, стали пророчествовать и видеть. Вскоре новая звезда явится в небе, сияя даже днем.

— То есть вы верите, что близится Апокалипсис, — сказал Дамион, вспомнив описанные в свитке знаки. Он покосился на приора. Много было в истории сект, которые верили, что последняя битва уже на пороге, и имели дурацкий вид, когда ничего не случалось. — Потому вы и хотели получить свиток. Но причем здесь Лорелин? И как *она* узнала об этом, если все это такая тайна?

Приор смутился еще более.

— Я... — начал он, путаясь в словах.

— Мы попросили, чтобы нам дали ее увидеть, — ответила Ана. — И приор ее привел. Он не сказал ей истинную причину, пока не привел ее в церковь паладинов.

Дамион, не веря своим ушам, повернулся к Долу:

— Вы солгали девушке?

Дол покраснел:

— Строго говоря, это не была ложь. Аббат...

— Аббат попросил монахинь поставить Лорелин на сегодня ведущей процессию света в церкви, — вмешалась Ана. — Естественно, она думала, что ей дадут последние указания перед началом. Почтенному приору незачем было лгать.

— Что вам от нее нужно? — сурово спросил Дамион.

— Она немерей, как и мы. И очень сильный, одаренный с раннего детства. Голоса, которые она слышала, — это неслышимые голоса других немереев, общение разума с разумом. Ее надо научить, как пользоваться этим даром. И она может оказаться ключевой фигурой в наших планах. Присядьте, и я объясню это вам обоим.

Ана повернулась и показала на дверь. Дамион проследил за ее жестом и увидел Ральфа, Браиса и еще многих за ними. По знаку Аны они молча вошли внутрь и расселись на скамьях и стульях. Дол последовал их примеру. Дамион постоял минуту, крепко сжимая кулаки опущенных рук. Потом сел рядом с приором.

Ана подошла и встала возле стола-алтаря.

— Мои дорогие друзья и добрые братья Святого Атариэля! — начала она несколько более официальным голосом. — Пришла пора нам обсудить наши планы. День, которого мы ждали издавна, близится. Первым делом я должна истолковать видения, которые являлись некоторым из вас.

— Ты про дворец? — спросил неуверенный женский голос сзади. — У которого стены из белого мрамора и башни...

— Я тоже видел, я тоже видел этот сон! — воскликнул в волнении кто-то из мужчин. — Дворец стоял на холме, а вокруг горы, и я видел даму в синем плаще, и дитя у нее на руках.

Дамион попытался заговорить, но выдавил из горла только едва слышимый звук.

— А мне снилось не совсем то, но похоже, — сказала еще одна женщина. — Я видела даму, сидящую в кресле, и она укачивала дитя на руках. В моем сне это была еще совсем грудная крошка, такая красивая, с огромными глазами, синими, как у матери. Синими, как небо.

Зазвучали другие голоса, и Ана подняла руку, успокаивая собрание.

— Как это может быть? Почему все мы видели одинаковые сны? — вопросил Браис.

— Потому что это были не сны, друзья мои, — ответила Ана. — Это были видения. Некоторым дан дар Второго Зрения, и сейчас все обладатели этого дара видели мельком то, что было, и то, что еще только будет. Зная, что среди вас есть новички в нашем круге, я постараюсь объяснить все, что можно.

Я говорила вам раньше, что многие из нас умеют общаться с другими на расстоянии, не говоря слов вслух. Почти все такие живут в Маурайнии, хотя нам приходилось касаться разумов и в других землях.

— Но что это был за дворец? — спросила с места первая женщина. — Кто эта дама? И что это за страна такая с высокими горами? Маракор, Шуркана...

— Нет, маракиты темнокожие, и шурканцы тоже, — возразила ей вторая. — А женщина и ее младенец были светлые, с синими глазами. Ана, что сталось с нею и с ее ребенком?

— Простите, — твердо ответила Ана, — но сейчас я не могу ответить на все ваши вопросы. На некоторые — потому что ответы неизвестны мне, на другие — потому что знание этих ответов может быть опасным. Не забудьте, что никому, помимо здесь собравшихся, вы не должны открывать, что видели. Одно я могу сказать с уверенностью: дитя из ваших видений — это дитя, которое ждали много поколений. Это святое дитя, Трина Лиа. Пришло время ее земного царствования.

— Погоди! — перебил Браис, нетерпеливо взмахнув рукой. — Ведь попы говорят, что Трина Лиа — это всего лишь образ, что она символизирует Веру?

Он повернулся при этих словах к приору и Дамиону.

— В старых письменах это не сказано, — ответила Ана, не дав приору или Дамиону шанса ее опередить. — Сказано, что она — дочь Утренней звезды.

— Да, да, — продолжал Браис, — и элеи говорили, что она спустится с неба, то есть она ангел или дух. Как может она быть дочерью человеческой?

— Это может казаться странным, — согласилась Ана. — Но среди немереев всегда считалось, что Трина Лиа примет облик смертной, когда придет в мир.

Вы хотите знать, как может быть Трина Лиа человеком? Видели вы когда-нибудь падающую звезду? В высоте она ярко пылает, но у земли огонь ее гаснет. Если кто найдет ее, то примет за обычный камень среди других камней, и никогда не подумает, что она сияла в небе. Так и Трина Лиа, дочь Земли и Неба. Она покинула царство небес, чтобы родиться смертной и жить среди смертных.

— Так где же она сейчас? — настойчиво спросил Браис, скрестив руки на груди.

— Я не знаю наверняка. Но могу вам сказать, что бывшие вам видения показывают далекое прошлое. Небесные силы не откроют ее воплощения, пока она не войдет в возраст, когда сможет защитить себя от врагов. Она должна сейчас уже быть взрослой, хотя вряд ли что-то знает о своей подлинной сути. Но я думаю, — Ана понизила голос, — я думаю, что знаю, кто она.

Тишина — ни вздоха. И вдруг та же женщина из задних рядов вскрикнула:

— Это вот эта девочка, Лорелин? Сирота, найденная каанскими монахами! Она и есть Трина Лиа!

— Нет! — выкрикнул Дамион и вскочил, не замечая, что приор пытается удержать его за руку. — Оставьте ее в покое! У нее нет ничего общего с вами и вашим ковеном!

Дол снова поймал его за рукав, и на этот раз Дамион стряхнул его руку.

— А насчет дворца — так это вы хотели меня потрясти? Чтобы я думал, что я один из вас, раз у меня общие с вами видения? Я же понимаю, что вы о нем узнали от приора Дола!

— Дамион, как ты можешь такое говорить? — возмутился приор.

— Этот сон про даму с младенцем видел я и рассказал вам, а вы пришли и передали им!

— Как ты можешь? — налился кровью приор Дол.

— Приор ничего подобного не делал, — сообщила Ана спокойным голосом.

Дамион поднял свой фонарь и решительно зашагал к двери. Ана окликнула его:

— Дамион! Я знаю, что тебе тяжело в это поверить. Но я думаю, что ты действительно один из нас. Иначе что привело бы тебя сюда, и в этот час? Такого совпадения быть не может. Что-то тебя привело, потому что ты — немерей.

— Вот что! — Дамион оглянулся, посмотрел на нее свирепо. — Ради своей чести священнослужителя я не нарушу вашу клятву. Но при одном условии. С этой минуты вы оставите Лорелин в покое и даже не шепнете ей ни слова этой чуши, будто она — Трина Лиа.

— Я не намеревалась ей сообщать, — ответила ему Ана. — Это знание может создать для нее опасность; кроме того, я еще не до конца уверена. Если же это действительно ее судьба, она вскоре узнает о ней.

— Оставьте ее в покое, я сказал! — бросил через плечо Дамион, выходя из зала. — Или, обещаю вам, я пойду прямо к верховному патриарху и доложу все как есть, несмотря ни на какие обеты!

— Брат Дамион, постой! — крикнул вслед ему приор Дол.

Голоса еще летели за ним, пока он бежал по туннелю, и они отдавались эхом в древней темноте, но шума погони не было. Дамиону все это казалось невероятным. Нет, все это просто дурной сон — он проснется сейчас в своей келье со вздохом облегчения. Но нет. Все было взаправду, и виноват был он. Виноват, что привез в Маурайнию этот проклятый свиток, зная наперед, какое смятение он может произвести в нестойких умах. Виноват, что не уничтожил его, когда мог это сделать. А теперь еще и Лорелин в это дело втянута...

Когда он проходил мимо очередного арочного проема, темнота будто зашевелилась, и Дамион вдруг увидел глаза, отражавшие пламя его фонаря, — вроде звериных, но на высоте человеческого роста.

Он бросился бежать, изо всех сил размахивая фонарем, вверх по наклонному туннелю, вверх, к склепу. У потайной двери он уронил фонарь и начал лихорадочно шарить руками по стене. Где ключевой камень, возвращающий стену на место, — здесь? Или здесь? Ничего не помогало; камень не находился. А из туннеля доносился шуршащий, крадущийся звук. Потом снова показались те же глаза: два желтых ярких круга, огненные глаза дьявола.

Дамион схватил фонарь и бросился к винтовой лестнице. Шаги неслись за ним. Он продрался в дверь из склепа в церковь, готовый звать на помощь, но тут с дальнего конца пролета раздался звук песнопения и стал разгораться свет.

* * *

Эйлия шла в процессии несущих свечи студентов, монахов и монахинь, распевая с ними слова древнего гимна. Впереди шла Лорелин, неожиданно великолепная в белом церемониальном платье и короне из свечей, и расплетенные волосы до колен спадали золотым водопадом. Наверное, монахини и выбрали ее за рост и золотые волосы. Но она слишком скованно вела себя в этом великолепии, свой жезл со звездой держала неуклюже, забывая им поводить, как ее учили. «Настоящая принцесса выглядела бы куда достойнее», — мелькнула у Эйлии мысль.

И тут из склепа паладинов вырвался отец Дамион с фонарем в руке. (Почему фонарь вместо традиционной свечи?) Он резко остановился при виде процессии, и уставился на Лорелин — конечно же, любуясь ее праздничным нарядом. Эйлия вдруг ощутила укол, похожий даже на ревность: таким пристальным, напряженным был взгляд молодого священника. Хотелось бы ей, чтобы он так когда-нибудь смотрел на нее.

Свет огненной короны Лорелин и свечей процессии придвинулся ближе, и тени разбежались по углам, будто от страха. Одна темная тень за спиной Дамиона показалась на миг зловещей, будто человек в плаще навис над священником, и это не была тень самого Дамиона, потому что таковая лежала справа от него. С приближением света эта другая тень тоже отодвинулась, скользнула вниз по лестнице, ведущей в склеп. Действительно, будто кто-то отступил назад, и с дрожью Эйлия вспомнила жутковатый рассказ Лорелин о призраке в церкви. Но когда процессия прошла мимо Дамиона, облив его сиянием, Эйлия глянула в двери и никого на лестнице не увидела.

7
Звезда знамения

Со вздохом Эйлия заворочалась в кровати. Хотя рассвет был уже близко, она все еще висела между сном и явью; как ныряльщик, зависший между темной глубиной моря и залитой солнцем поверхностью. Ей виделся сон, но лишь обрывки его остались в памяти, осколки сна, медленно уходящие снова в глубины, откуда она только что вынырнула. Наверное, интересный был сон, потому что осталось от него ощущение зачарованности, чувство путе-

шествия в какие-то волшебные дивные места. Она пыталась удержать ускользающие воспоминания, вернуть их, как тонущее сокровище, в мир яви.

Что-то там было такое о женщине... *Красавица в золотой короне, нет — это были золотые волосы, великолепные толстые косы золотых волос, как у Лорелин, уложенные вокруг головы. И еще осталось от нее впечатление царственности. Откуда я знаю, что это была королева? Почему-то я в этом уверена. И эти роскошные волосы! Она, помню, расколола их, и они упали золотыми канатами, прямо до пола, и она села их расплетать, и тогда волосы разлетелись вокруг нее, сияя, как морская рябь на солнце.* Эйлия попыталась вернуть видение. *Чего бы я не отдала за такие волосы, такие синие глаза! Но она не выглядела счастливой. Скорее встревоженной. Да, когда ее муж — то есть, наверное, это был ее муж, человек с темными волосами и печальным лицом, — вошел и заговорил с ней. Я еще помню их голоса — они говорили насчет пришествия Врага, и что надо защитить... Кого? Их дочь? Да, дочь. И ее звали... а как? Эл... что-то такое...*

Мокрое полотенце хлопнуло ее по щеке, и весь сон исчез из памяти.

— Червячок, вставай! — раздался голос Люсины. — Утренний колокол!

Эйлия со стоном села.

«Что за гадость! Никогда еще не было у меня такого яркого сна, и такой вышел бы из него рассказ, а теперь уже никогда не вспомнить».

Забавно, как всегда забываются подробности снов, подумала она, стоя уже в очереди в умывальную. А ведь есть еще сны, наверное, про которые сама не помнишь? Это как будто ты не один человек, а двое, и у одного есть от другого тайны.

Люсина все поглядывала на нее и подхихикивала, но Эйлия не обращала внимания. Злоба этой девицы теперь была скорее исключением, чем правилом. После того как Лорелин так решительно защитила островитянку, Люсина и ее подруги научились не обсуждать Эйлию в глаза. И к тому же сейчас, когда экзамены уже близко, многие из них обращались к Эйлии за помощью.

— Ну и наглость! — возмущалась Лорелин. — Сначала ведут себя по-хамски, а потом одалживаются у твоих мозгов!

— А мне все равно, — отвечала Эйлия. — Они такие робкие становятся, когда просят, это даже смешно. Я уже на них не сержусь.

Она выглянула в окошко. Только несколько жалких клочков снега еще кое-где держались, затаившись под кустами и в ложбин-

ках. Зима решительно кончилась. Эйлия все думала, что это ранняя оттепель, пока не заметила зеленые ростки, пробивающиеся из земли, и начинающие распускаться цветы: подснежники, фиалки. «Зимой!» — подумала в радостном изумлении Эйлия, потому что на Большом острове до цветов было бы еще не меньше месяца. Ветви деревьев, еще пару недель назад черные и голые, как головешки в очаге, набухали бесчисленными почками, расширяющиеся зеркальца талой воды отражали синеву небес, и трава под рябью их поверхностей зеленела, как водоросли в приливных лужах. Ветер становился теплее и влажным живым запахом весны дул в окна, открытые снизу для притока свежего воздуха.

С весенним равноденствием год начался заново в празднике Тамалий, Зажигания Звезд, которым отмечалось Сотворение. Вчера вечером девочки были на всенощной в церкви паладинов. Подобный гроту, ее зал был освещен сотнями свечей, символизирующих только что сотворенные звезды, и вел службу отец Дамион, облаченный поверх сутаны в золотую праздничную мантию, дар от монахинь церкви. На спине этой мантии был вышит святой Атариэль, покоряющий дракона. Эйлия не могла оторвать глаз от священника. Он был так красив, что сердце щемило. И никогда в жизни она не старалась так запомнить все подробности. Ожидая своей очереди умыться, она глядела на лучи солнца, как знамена, висящие из окна, но видела только обстановку церкви, сплетение света и тени, и посреди всего этого — мужчина, будто созданный из света.

Ее самое волновали странности ее поведения, связанные с Дамионом. Ранее удовлетворяясь молчаливым обожанием издали, сейчас она старалась, к своему собственному осуждению, появляться повсюду, где будет он. Вчера она добавила в прическу ленты и причесалась по-новому, заплетя косички у висков, в надежде, что его взгляд на миг осветит и ее тоже. Это было глупо, и она сама это знала: ничего она для священника не значит и значить не может. Но на краткий миг она наполовину уговорила себя, что он, конечно же, посмотрел на нее, хотя и мельком, и когда служба кончилась, она вышла в блаженном тумане.

— А правда, отец Дамион был сегодня великолепен? — произнес позади голос Белины.

Эйлия чуть виновато вздрогнула, услышав высказанные вслух свои мысли.

— Капеллан? — спросила она, имитируя удивление.

— Ну, Эйлия! — воскликнула Белина. — У тебя всегда голова в облаках. Не верю, что ты никогда не обращала внимания на Дамиона — он же так красив! Мы *все* в него влюблены!

— Белина, Дамион — священник! — укорила ее Арианлин. — Девочки, вы все ведете себя глупо. Он же дал обет целомудрия.

— Знаю, — с сожалением сказала Белина. — Такой мужчина пропадает.

И несколько вздохов донеслись ей в ответ.

Слушая, как одноклассницы обсуждают Дамиона, Эйлия испытала непонятную ревность. Она, которая никогда не отказывались ничем поделиться, разозлилась за то, что они тоже радуются ангельской красоте священника. И говорят о нем так грубо, так... обыденно — будто он обыкновенный! И все равно она жадно слушала разговор по дороге на завтрак, надеясь узнать что-нибудь интересное.

— Девушки, выше голову! — как можно ироничнее заявила Жанет. — В Академии ходят слухи, что он нетверд в вере. Несколько раз за последние месяцы обращался к аббату и приору — а они его исповедники. Может, он вообще сложит с себя сан и на комнибудь из вас женится.

Эйлия чуть не подавилась. Дамион *женится!* Об этом было думать еще ужаснее, чем если он просто уйдет из Академии. Вдруг на нее накатил бессмысленный приступ ненависти к этой предполагаемой жене.

— А у него, наверное, уже есть любовь, — заявила Люсина.

— Не может быть! — ахнула Белина.

— Он все время уходит на долгие прогулки по округе. Наверняка навещает какую-нибудь девицу, спорить могу.

— Люсина! — воскликнула возмущенная Арианлин. — Нельзя говорить такие вещи!

Люсина упрямо тряхнула темноволосой головой:

— Вот увидите — все дело в женщине. Как же, в вере нетверд! Есть только одна причина для мужчины сложить с себя сан.

Эйлия больше не могла выдержать. Она постаралась отстать от них, щеки у нее горели от возмущения и досады, пока щебечущие голоса не затихли впереди.

Лорелин тоже шла позади процессии, и лицо у нее было вытянуто — только по другой причине, как знала Эйлия. Накануне мать-настоятельница вызвала Лорелин к себе в кабинет — наверняка не для похвалы. С тех самых пор девушка и ходила как в воду опущенная. Эйлия оглянулась на нее с некоторым чувством вины. Еще после службы в праздник Триналии она держалась от высокой блондинки несколько поодаль. Зависть к ней, пусть даже мимолетная, испугала Эйлию. Вопросив свою совесть, она стала беспокоиться, что обхаживает Лорелин не ради истинной дружбы, а что-

бы поближе быть к отцу Дамиону. И потому постаралась отдалиться от нее.

Но сейчас поникшая фигура, опущенные глаза Лорелин излучали такое отчаяние, что Эйлия, которая собиралась незаметно пройти мимо, замедлила шаг.

— Лори, что с тобой?

— Ничего, — ответила Лорелин мрачным тоном. — Ничего хорошего.

Она подняла глаза и прямо посмотрела на Эйлию, которой, как всегда, нелегко было выдерживать ее взгляд. Глаза были такие светлые, ясные и синие, и в то же время — воздушные и проницательные. Иногда они казались Эйлии глазами ангела, иногда — глазами ребенка. Под горящей чистотой этих глаз она как-то тушевалась, хотя в них не было ни обвинения, ни упрека.

— А что такое? — спросила она. — Преподобная мать тебя за что-то песочила?

Лорелин покачала головой, будто в сомнении.

— Песочила? Если бы так. Нет, она меня вызвала и велела мне подумать насчет пострига. Я ей сказала, что не хочу быть монахиней, но она велела мне не отказываться, а подумать. Монахини будут за мной смотреть, кормить, одевать и укрывать, если я приду жить с ними. Я понимаю, что она мне добра желает, Эйлия, и на самом деле у меня почти и нет иного выбора. Я сирота и бедна как церковная мышь. Но мне сама мысль об этом невыносима: сменить имя на какой-нибудь ужас вроде Чистота или Набожность и таскаться всю оставшуюся жизнь в рясе и покрывале.

Эйлия попыталась взять бодрый тон:

— Не так уж это ужасно — быть монахиней. Я сама об этом подумываю.

Светлые глаза Лорелин чуть не вылезли на лоб:

— Ты *хочешь* пойти в монастырь?

— А что такое? — ответила Эйлия с несколько излишним нажимом. — Чем это так уж хуже, чем выйти замуж и рожать детей, пока не помрешь от истощения? Будь я монахиней, я бы всю жизнь могла учиться — читать рукописи и диссертации. Может быть, даже сама написала бы свою...

Она замолчала — собственная горячность удивила ее самое.

— Ну, так ты же умная, — с некоторой завистью возразила Лорелин, — так потому тебе и все равно. А я вот тут как в клетке.

Она выглянула из окна на высокие закрытые ворота внутренней цитадели, и на лице ее явно читалось отвращение.

— Монастырь — не тюрьма, — начала было Эйлия.

— А с виду не отличить. И вообще, я думаю, что для пострига нужно это... как ты его называешь? Прозвание.

— Призвание, — поправила Эйлия. — Может, у тебя оно есть, только ты его еще не осознала.

Лорелин помолчала недолго.

— Есть одна вещь, — сказала она, — о которой я точно знаю, что хотела бы это делать, только монастырь здесь ни при чем. И если меня здесь запрут, это никогда не получится.

Эйлия не поняла:

— А что же это такое?

Лицо Лорелин погасло.

— В том-то и беда. Я не *знаю* — просто чувство такое. Помнишь тот вечер, когда я говорила, что хорошо бы быть рыцарем? Вот тогда мне казалось, что еще чуть-чуть — и я пойму, зачем я здесь. — Она стояла неподвижно, глядя в пространство. — Сражаться, защищать что-то. Если бы я только знала, что именно!

— Не понимаю.

Долговязая девушка вздохнула:

— Сама не понимаю. И это самое худшее. И никто мне тут помочь не может.

Эйлия поискала слов утешения, но не нашла. Через секунду Лорелин резко повернулась и зашагала прочь, грустно ссутулив плечи.

— Я не могу согласиться, святой отец, — ответил Дамион аббату. — Все это просто безумие.

Они стояли вдвоем в пустой церкви, залитой солнцем. На худом морщинистом лице пожилого аббата в тревоге сошлись брови.

— Так говорят некоторые из монахов. Разумеется, те, что знают. Такая тайна не может не быть бременем. Но священные обеты, они... священны, и весь сказ. Братья веками хранили в тайне расположение катакомб, даже когда там не осталось ни паладинов, ни немереев. Мы обязаны чтить наше обещание.

Дамион обернулся к нему:

— А тайна исповеди? Ее мы обязаны чтить или нет?

— Ты все еще думаешь, что наш добрый приор ее нарушил?

Дамион снова отвернулся:

— Я *не хочу* в это верить. Он клялся всем святым, что не нарушал. Но если связать все вместе, святой отец, какое еще может быть объяснение? Единственный человек, которому я рассказал сон,

помимо приора, — это Каитан Атариэль, и у него-то точно ничего не может быть общего с этими людьми!

— Второе Зрение, — спокойно сказал аббат. — Так называют его у меня на родине, в Риалайне. Очень многие риалайнийцы рождаются со Зрением. У нас его считают даром Божиим.

Дамион уставился на него:

— Но я слыхал и мнение, что это — работа Врага!

— Некоторые так думают, но я лично в нем ничего плохого не вижу. В Риалайне те, у кого есть Зрение, помогают другим — например, ищут потерявшихся детей. У моей родной матушки, благослови ее Господь, часто бывали предчувствия. А разве у святых пророков не было видений будущего? Как же тогда может Зрение быть злом?

Но Дамион не хотел разговаривать с человеком, верящим в ясновидение. Ему надо было, чтобы кто-то сказал: да, все это чушь, Ана и ее последователи — мошенники, никто из них ничего общего с ним не имеет и иметь не может...

Почему он так старается во все это не поверить?

«Потому что это все меняет, — подумал он с внезапной ясностью. — Мне хочется быть как Каитан: верить, что Бог — это всего лишь синоним справедливости, Вера — дисциплины, упорядоченной вселенной, которая повинуется Разуму... И если я дам себе поверить в ясновидение, я поверю вообще во все — волшебство и чудеса, в абсолютное Добро... в абсолютное Зло».

Он поежился.

В эту ночь ему снова снился сон — красивый и тревожный одновременно.

Аббат смотрел на него понимающими глазами.

— Немереи — наши братья, Дамион. Я выполняю их обряды уже много лет, и они так же далеки от черной магии или поклонения демонам, как наши. Но есть на свете люди, которые хотели бы видеть всех их в тюрьме. Первый среди них — патриарх Норвин Зима из Высокого Храма. Он бы возродил инквизицию, будь то в его власти. Ныне он всюду высматривает еретиков. Ездит по окрестностям под охраной группы зимбурийцев...

— Зимбурийцев? — Дамион похолодел.

— Да. Новообращенные нашей веры, беженцы от правления царя Халазара. Так они по крайней мере говорят.

— Знаю я таких новообращенных! Куда вероятнее — лазутчики. Соглядатаи. Может быть, они приехали украсть свиток для своего царя!

— Это правда. И попытка будет не первой. Но патриарх Зима не желает расставаться со своей стражей. Он, говорят, поглядывает на трон верховного патриарха, поскольку святой старец весьма дряхл. И ему приятно глядеть на обращенных язычников у ног своих. У людей создается впечатление, что это он их обратил. — Старик пошел прочь по проходу, качая головой. — Если он станет верховным патриархом, неспокойные нас ждут времена.

Дамион нахмурился. Беспокойство насчет колдунов и ясновидения исчезло, прогнанное более реальной и непосредственной угрозой. Несколько мгновений он постоял, борясь с собой. Потом зажег свечу и открыл дверь, ведущую в склеп, к катакомбам.

Обширный и мрачный лабиринт туннелей был пуст, но Дамион слышал далекие голоса и пошел на звук в ту комнату, где лежал свиток. Там на стуле возле самодельного алтаря сидела Ана. Перед ней сидел на корточках деревенский дурачок Ральф, испуская свои траурные чаячьи крики и мотая головой. Ана внимательно слушала, кивая иногда или сама вставляя реплики — будто это нормальный разговор! Когда Дамион подошел ближе, Ральф повернулся и завыл, показывая синюю щеку и фонарь под глазом.

Ана улыбнулась Дамиону.

— Кажется, сегодня у меня день посещений. Буквально одну минуту, святой отец.

Она взяла ладонями левое предплечье Ральфа. Чуть выше локтя Дамион увидел кровоточащую рану, а ладонь была забинтована.

Ожидая, пока Ана закончит с лечением, он оглядел комнату. Темное, едва освещенное свечами пространство было забито предметами, которых он в первый раз не заметил. Сейчас он узнал в них ящики и прочую скромную меблировку жилища Аны в пещере. Волк лежал на полу неподалеку, Метелка сидела у ног старухи. При виде Дамиона здоровенный пес заворчал низко и угрожающе, но кошка встала и направилась прямо к священнику, ластясь к его ногам всем телом. Дамион подошел взглянуть на рану Ральфа, большую и рваную, багровеющую по краям и заполненную какой-то белой массой в центре. Он чуть не помянул Господа всуе, но прижал руку ко рту и отшатнулся с отвращением. В открытой ране шевелился клубок белых извивающихся личинок.

Ана пробежала пальцем по краям раны, потом кивнула:

— Отлично. Заживление идет очень хорошо, Ральф.

Дурачок еще раз издал лающий звук и захлопал свободной ладонью. Дамион глядел, стараясь подавить омерзение. Разве она не видит?

— Ана, у него рана полна червей...

— Я знаю, — прервала она его. — Это я их туда посадила.

— Посадила?

— Чтобы вычистить рану. — Она спокойно взяла личинку двумя пальцами, оторвала от раны. Открыв деревянную коробочку на столе, она бросила червячка туда. — Они выедают мертвую ткань, и их присутствие останавливает заражение. Сейчас они свою работу сделали, Ральф. Так, теперь кисть.

Она вытащила из раны последнего червяка и положила в коробочку, потом взяла левую руку Ральфа и размотала бинт. Ладонь была вся в шрамах, большой палец распух и побагровел. Кожу у его основания удерживали грубые швы.

— Ему, видишь, почти отрезало палец. Непростая была работа — пришить его обратно. Но кровь в нем не течет как надо, все время забиваются сосуды. Надо поставить тебе пару пиявок, — сказала она Ральфу.

Испытывая тошноту, но слишком завороженный, чтобы отвернуться, Дамион смотрел, как она из дальнего угла вытащила бадейку и запустила туда руку. В бадейке плавали какие-то темные существа. Одно Ана вынула — что-то скользкое, зеленое, с красными полосками по бокам, похожее на слизняка. Дамион счел своим долгом воспротивиться:

— Ана, сейчас уже никто пиявок не применяет!

— Я применяю, — услышал он спокойный ответ. — Невежественные врачи использовали эти бедные создания когда надо и когда не надо, но если их применять правильно, от них бывает большая польза. — Она приложила пиявку к распухшему пальцу, подождала, пока присоска не возьмется твердо. — Не больно, Ральф? — спросила она. Дурачок не ответил, но избитое лицо было блаженным. — Вот и хорошо. Болеть не должно, — объяснила она Дамиону. — Пиявки выделяют жидкость, убивающую боль — вот почему они умеют присасываться незаметно. Так, теперь она отсасывает кровь.

Тело пиявки начало набухать.

— Видишь, отец Дамион, как тварь, проклинаемая человеком, может принести ему пользу? Так, Ральф, можешь идти домой. Только не стряхни пиявку, пока она не напьется досыта. Эти ткани надо осушить, и тогда кровь снова потечет свободно. Когда пиявка отвалится, промой рану хорошенько и приходи ко мне через день или два.

Раненый поднялся и поплелся прочь, все еще стеная и жестикулируя здоровой рукой. Дамион смотрел ему в спину.

— Как его угораздило?

— Он встретился в городском переулке с весьма неприятными людьми. Жив он остался только по одной причине: нападавшие не боялись, что глухонемой дурачок расскажет о них властям. Но он рассказал мне. — Она встала и подошла к столу, на котором лежал свиток. — Ты ведь пришел из-за этого? И ты совершенно прав в том, насколько он опасен. Но свиток Береборна будет сохранен в наших руках, это я обещаю.

— Ты уверена? — спросил он с вызовом. — Я только что узнал, что в Маурайнии есть еще зимбурийские лазутчики. Те, которые выдают себя за обращенных.

— Я о них знаю. Это они напали на беднягу Ральфа.

— Они? — Дамион вытаращил глаза. — Но зачем им это надо было?

— Он за ними следил. Мы решили, что его они не заподозрят, потому что все верят, будто он безмозглый, и он в любой момент мог прикинуться, что просит милостыни. Но зимбурийцы увидели, как он крадется за ними переулками, и тогда избили его и исполосовали ножами. Очевидно, они не хотят рисковать.

Голос ее был спокоен.

— Это мерзко! — Дамионом овладела горячая злоба. — Чтобы они такое творили здесь, с нашими людьми? Я пожалуюсь патриарху, советникам магистрата! Я сам прослежу, чтобы восторжествовала справедливость...

— Боюсь, это будет бесполезно. Ральф не может говорить, и потому не может давать показания в суде. Я тоже не могу говорить от его имени: ни один судья не поверит, что я его понимаю.

— А ты понимаешь? — спросил Дамион.

— Мы говорим на бессловесном языке, — ответила она, относя бадейку и коробочку в дальний угол. — На языке мыслей. Слова слишком часть искажают или скрывают мысль вместо того, чтобы ее выразить. Когда мы говорим с Ральфом, мы можем иногда по привычке произносить что-то вслух, но на самом деле общаемся умами, а не языками. — Ана покачала головой. — Бедняга Ральф! С умом у него все в порядке, только он из-за родовой травмы лишился речи. Он не идиот — тьфу, какое противное слово!

— Таким образом, бессловесный язык — это способность немереев?

— Да. — Она улыбнулась. — Сердце нашего заговора.

Дамион всматривался в морщинистое лицо. Кто же она такая? Никто не знал, откуда она взялась, сколько она здесь живет, сколько ей вообще лет. Сельчане рассказывали о ней легенды. Говори-

лось, что ей подчиняются животные. Кролики, птицы, олени — никто из них, гласили рассказы, нисколько не боится Аны, и все они приходят на ее зов, даже позволяют себя трогать. Видели, как она берет мед из дупла старого дуба, и «Дикие пчелы ее не тронули!» — выкатив глаза, сообщали пораженные свидетели. Дамион знал, что некоторые люди глубоко понимают животных и умеют их успокаивать ласковыми движениями и тихим голосом. Но в деревне верили, что Ана владеет чародейскими силами.

А может, и владеет?

Дамион впрямую встретил ее непроницаемый взгляд:

— Ана, скажи, что я прямо сейчас думаю.

Она покачала головой:

— Нет, Дамион. Это делается не так. Немереи не умеют читать мысли. Мы можем сообщать друг другу те мысли, которыми хотим поделиться, но залезть в них не может никто. Это похоже на монастырь в Академии: в коридорах, в церкви, в трапезной монахи собираются вместе, но на ночь расходятся по своим кельям, каждый сам по себе. Мы, немереи, умеем открывать двери своего разума для других, но никто не может войти без разрешения. И если мы выходим в общее пространство, где можно встречаться разумами, то лишь по собственному выбору. Если ты решил *послать* мне мысль, то сформулируй ее. Сосредоточься на чем-то, *пожелай*, чтобы я это увидела — и тогда эта мысль может стать мне доступной.

Дамион закрыл глаза. Сразу же на ум пришел сон, который привиделся накануне ночью, сон о золотоволосой женщине из первого его видения. Она сидела в кресле, вспомнил он, облаченная в темно-синюю мантию, и волосы уложены на голове венцом сияющих кос. На руках она держала дочь: в этот раз не младенца, а постарше. Белое платье на крошечной девочке спадало до пола, а волосы золотыми завитками окружали голову. Огромные глаза, синие, как у матери, широко раскрылись в удивлении, глядя будто прямо в глаза сновидца. Проснувшись, он сказал себе, что немереи на встрече в катакомбах описывали сны, похожие на этот, и неудивительно, что его перегруженный ум воссоздал образ. Но такой живой, такой настоящий...

Дамион изо всех сил постарался сосредоточиться на этой сцене.

— А, маленькая Трина Лиа с матерью, — тихо сказал голос Аны. — В то время она уже не могла быть недельным младенцем.

У Дамиона распахнулись глаза. Он уставился на нее, потрясенный.

— Как... как ты это делаешь?

— Это дар, способность, общая для нас обоих. У твоей матери тоже было Зрение: оно часто передается детям от родителей.

— У моей матери? Откуда ты знаешь?

— Я ее узнала в том видении, которое было нам обоим в пещере. — Ана села на скамью, и кошка прыгнула ей на колени. Рассеянно поглаживая ее, Ана продолжала: — Я бы тебе сказала, но ты слишком быстро удалился. Да, я ее помню... Ее звали Элтина. Она жила одиноко в горах — можешь назвать ее свободным духом. Я с ней довольно часто встречалась, и еще мы общались мысленно. Но много лет назад она ушла из гор. Был в городе такой человек, Артон, который мечтал когда-нибудь возродить орден паладинов. Она сильно его любила. Они встречались в лесах Селенны. Но когда он умер, не осуществив своих честолюбивых планов, ей была невыносима мысль вернуться обратно в горы. Когда я нашла тебя у себя в пещере, то не сомневалась, что принесла тебя Элтина, и потом наше с тобой видение это подтвердило. Я тогда подумывала вырастить тебя сама, как, очевидно, Элтина того хотела. Но решила, что лучше будет тебе жить среди детей твоего возраста, и потому отнесла к монахам.

Дамион отвернулся, переваривая все, что услышал, все еще не до конца желая верить ей, но не имея причин сомневаться. Мать-немерейка, отец, бредящий рыцарством и дворянством... это многое объясняло бы в его жизни. Но он не мог это высказать вслух — еще не мог. Вместо этого он сказал, все еще озираясь:

— Ты и твои друзья злоупотребляете этой... силой. Пусть даже вы не умеете читать мысли, но вы можете все время плести интриги, и весь остальной мир даже знать об этом не будет.

Тень печали мелькнула на лице Аны.

— Я не скажу, что немереи никогда не использовали свой дар во зло, Дамион. Случалось это, и не раз. Но почти все мы используем его ответственно, чтобы нести пользу, а не вред. Мы никогда не стали бы использовать его ради интриг против остальных людей.

Он снова повернулся к ней лицом:

— Почему же тогда вы называете себя заговорщиками?

— Потому что нет более подходящего маурийского слова. «Заговорщики» — то есть те, кто сговариваются действовать вместе, — наилучшее из возможных. «Немереи» в буквальном переводе означает: «те, кто думают совместно».

— Я думал, это слово переводится как «чернокнижники».

— И снова этот маурийский термин не совсем точен. В так называемом чернокнижии содержится намного больше, чем в самых

поразительных магических искусствах, хотя в давние времена в Академии Андариона преподавались многие из этих умений — например, видение на расстоянии, поиск образов путем разглядывания отражающей поверхности, искусство глаумерии — наведения безвредных иллюзий или, скажем, передача образов без помощи слов. Многие паладины освоили эти искусства; вот почему их казнили за колдовство в годы инквизиции. Но в Академии Андариона всегда преподавалась лишь белая магия.

Все это кончилось в 2497 году в день Крушения. — Голос Аны зазвучал скорбно. — В этот день на землю обрушились сотни падающих звезд, сокрушая все, к чему прикасались. Облака пыли и дыма от горящих городов заполнили небо и многие месяцы висели над землей, отчего увядали посевы и возникло название Темные Века для последующей эпохи. Хотя это время было временем тьмы и в переносном смысле. Многие из Верных не сомневались, что Крушение послано провидением в наказание, что адептов магии постиг гнев Господа Аана. Что еще ухудшило положение — Бранар Андарион не оставил наследника править Маурайнией, а Тринисия, метрополия прежнего Содружества, лежала в развалинах. Пустоту власти заполнили святые патриархи.

— Они навели в королевстве порядок, — перебил Дамион. — И в свое время возвели нового короля на трон.

— Это правда. Но в первые дни Междуцарствия страх перед магией заполнил сердца людей, и тогда патриархи велели инквизиторам очистить страну от немереев. Конечно, они не могли рассчитывать уничтожить великих чародеев, которые могли бы ускользнуть с помощью своего искусства. Но многих невинных по ошибке объявили немереями и казнили либо просто разорвали на части руками толпы. Академия паладинов была отменена и уничтожена, невежество и страх охватили страны, бывшие некогда упорядоченным Содружеством.

Ана вздохнула.

— Но надо что-то сделать с этими зимбурийцами! — Дамион настойчиво хотел вернуть разговор к тому, что его беспокоило. — Я знаю, что они еще в Маурайнии. Их царь хочет получить тот клочок пергамента, что лежит вон у тебя на столе.

— Я знаю, — ответила она. — В прошлом месяце Халазар направил к королю Стефону посольство с предложением мирного договора в обмен на одну вещь — свиток пергамента, содержащий священные для зимбурийцев древние письмена. В предложении говорилось, что документ этот находится в распоряжении Королевской Академии, хотя последняя не имеет на него прав. Стефон

послал людей за свитком, но они только доложили, что он, очевидно, украден. — Она слегка улыбнулась. — Посольство немедленно отбыло из Маурайнии — остались лишь несколько зимбурийцев, попросивших политического убежища и разрешения остаться в стране.

Дамион чуть не перестал дышать. Потрясение от совместного видения, история его родителей — все это отступило на задний план. Если все это правда, подтверждаются его худшие подозрения. Он снова посмотрел на свиток, старый и покоробленный, такой с виду безобидный.

— Его надо уничтожить, Ана. Что, если они его найдут? Может быть, он сам по себе и бесполезен, но их царь готов ради него на войну...

— Это самый сильный твой страх? — перебила Ана. — Зимбурийцы — это еще наименьшее зло из всего, что нам противостоит, Дамион. Они всего лишь орудия темной силы, Модриана-Валдура, орудия его воли. А у него есть и другое оружие, подревнее и посильнее, чтобы пустить в ход против нас. — Серая Метелка вдруг выгнула спину и зашипела — наверное, среагировала на резкий тон хозяйки. — Именно этих великих сил и начал следует нам бояться, а не людей-зимбурийцев. — Лицо ее было мрачным. — Халазар — всего лишь заблуждающийся человек; быть может, истинному воплощению Врага еще только предстоит явиться. Халазар не опасен. Руками этого царя и подобных ему тиранов Валдур хочет извратить и разрушить мир. Один и тот же сюжет, та же старая сказка уже много веков: лицо нашего врага есть всего лишь маска Валдура.

— У вас, немереев, довольно опасные враги, выходит?

— Вряд ли я хотела бы видеть их своими друзьями, — небрежно ответила она и отошла к самодельному алтарю, глядя вниз, на свиток. — Нужнее всего мне сейчас корабль, чтобы отвез меня на крайний север. Я должна найти Тринисию и Камень. Так что, как видишь, я не могу сжечь свиток. Мне нужна карта и священные письмена. Делать копию — не решение, потому что и она может попасть не в те руки.

— Ана, тебе ни за что не найти капитана, который пойдет в арктический океан. Слишком много было невернувшихся экспедиций.

Она кивнула:

— Да, это серьезная проблема. Но я должна как-то туда попасть.

— Ты боишься, что зимбурийцы первыми захватят Камень Звезд? — спросил он и понял, что выразил собственную тревогу. —

Халазар его найдет и увезет к себе, а потом попытается завоевать мир?

— Да, зимбурийцы будут его искать, но они хотя бы не знают, где он. Свитка они так и не видели. Другие наши враги — великие силы — тоже его желают, и они точно знают, где его искать. Я должна ехать в Тринисию. Приходит время Трины Лиа.

— Ты имеешь в виду Лорелин? Не думаешь же ты всерьез, что эта девушка и есть... и есть...

— Лорелин, — ответила Ана, — всего лишь имя, данное ей монахами Яны. У нее вполне может быть и другое. Истинное имя Трины Лиа — Элмирия. — Пленчатые глаза затуманились. — Это имя дала ей мать.

— А кто была ее мать? Богиня или смертная?

— Я бы сказала, что в некотором смысле — и та, и другая.

— Опять загадки! — простонал Дамион.

Ана посмотрела задумчиво.

— Когда-нибудь, хочется надеяться, я смогу дать тебе прямой ответ. Правда в том, что я сама еще всего не знаю. А пока что я должна попросить тебя сдержать твое обещание и никому ничего не говорить об этом — вообще никому. Если об этом узнают зимбурийцы — узнают, что Лорелин — наша предсказанная предводительница, наша принцесса — сам знаешь, что они сделают.

Он смотрел на нее с растущим ужасом — ее слова постепенно доходили до сознания. Трине Лиа предназначено биться с князем тьмы, воплощением Валдура — и считается, что царь Халазар и есть это воплощение. Если Лорелин сочтут принцессой из пророчества...

— Да. — Ана, глядя на его лицо, кивнула. — Они ее убьют, Дамион.

В этот вечер Эйлию и ее одноклассниц отпустили на весеннюю ярмарку в Раймаре в сопровождении двух послушниц. Лорелин с ними не пошла. Она весь день держалась поодаль и витала в облаках, не отвечая сразу, когда к ней обращались. Будто ее мысли вообще не были настроены на восприятие реального мира, а бродили где-то в ином царстве, куда никому другому дороги не было. Когда Лорелин объявила, что не пойдет, Эйлия слегка забеспокоилась, хотя не понимала до конца почему. Но она подавила это чувство и присоединилась к группе, сопровождаемой двумя послушницами.

Когда девушки спускались к городу по крутой тропе, праздник уже был в разгаре. На улицах танцевал народ, звуки веселой

музыки взлетали вверх по склону холма. Вертелись на ветру, посверкивая, звезды из золотой и серебряной бумаги, вдоль широких улиц висели на деревьях цветные фонарики. Сама ярмарка расположилась на главной площади города. Эйлия никогда до сих пор не видела открытого рынка: на Большом острове из-за вечно мерзкой погоды торговля и обмен велись в больших сараях, воняющих плесенью и рыбой. И такого разнообразия товаров она тоже никогда в жизни не видела. Леденцы и цукаты всех видов, украшения, вышивки, резьба по дереву, скульптуры из огромных кусков масла, причудливые заморские плоды и пряности из Маракора. И повсюду — яйца, символ Творения. Настоящие яйца, окрашенные или завернутые в золотую бумагу, яйца из сахара, из стекла, из фарфора. В праздник Тармалий было принято делать подарки в виде яиц. Детишки, которые находили по утрам подарок у себя на подушке, искренне верили, что он принесен Элмиром, птицей неба.

Под присмотром сестры Чистоты и сестры Надежды девушки шли от прилавка к прилавку, покупая дешевые безделушки и сладости, крашеные яйца, обходя уличных жонглеров и певцов, веселящийся народ в маскарадных костюмах. Свернув за одну лавку, Эйлия лицом к лицу столкнулась с принцессой давних дней. Рукава кремового платья доходили почти до лодыжек, на развевающихся темных волосах сияла корона из позолоты и стекляшек. Рядом шагал человек на ходулях в сопровождении толпы вопящих от восторга ребятишек. Чудеснее всего был рыцарь в очень правдоподобных доспехах — он ехал на крупном вороном коне в полном турнирном вооружении. Забрало у него было опущено, на шлеме — стальная корона, которую поддерживал дракон с расправленными крыльями. На щите и плаще — изображения вздыбленного красного дракона, и такое же — на черном чепраке коня. «Принц Морлин, конечно, — подумала с восторгом девушка, провожая всадника глазами. — Как жаль, что Лорелин не пошла. Как бы она была рада!»

Обернувшись снова к прилавкам, она вдруг заметила кузена Джеймона и чуть было не окликнула его, как разглядела, что он не один. С ним была светловолосая девушка в крестьянском уборе, и Эйлия не могла не обратить внимание, как близко они друг к другу стоят — почти соприкасаясь плечами. У нее на глазах Джеймон взял девушку под руку без какого-либо протеста с ее стороны, и эти двое пошли дальше, потом остановились посмотреть на группу молодежи, танцующей вокруг маленького деревца — его еще голые ветки усыпаны были украшениями к празднику Танауры. Тела танцоров щедро украшали гирлянды, веточки фруктовых деревьев, сре-

занных и расцветших в сосудах с водой. Они смеялись и пели молодыми крепкими голосами под живую мелодию, которую наигрывал паренек на деревянной флейте.

Что-то в глубине души Эйлии откликнулось на эту музыку. Ритм ее забился в крови, подобно пульсу, подобно пробуждающемуся нетерпению самой весны. Она пристально смотрела на Джеймона и его девушку. Не столько это была ревность, сколько внезапное осознание. Но Эйлия отчаянно отогнала явившуюся мысль.

«Я не влюблена, — сказала она себе твердо. — Нет, не влюблена!»

Она давно и твердо решила не влюбляться. Любовь, как ей было известно, ведет неизбежно к браку и тяжелому бремени дома и детей. В романтических балладах и легендах любовь прекрасна, но в жизни — совсем другое дело. Ее собственная жизнь будет посвящена учению и наукам. И сейчас она глазела на смеющуюся светловолосую девушку, на ее крупную голую руку на плече у Джеймона, и с тревогой ощущала какой-то трепет под собственным костяным корсетом. С той девушкой она не поменялась бы местами: к кузену она испытывала лишь теплую привязанность, с раннего детства и до сих пор.

А если бы это был Дамион Атариэль? — шепнул ей внутренний голос.

Сердце прыгнуло вперед, а разум отпрянул от этой мысли. Нет, что за глупости! Так она опускается на уровень Белины и ей подобных.

Однако тут же вспомнилось, что говорили девушки о Дамионе, и с тревогой она осознала, что не может не слушать мучительно-внимательно, когда они о нем говорят. Она отвернулась от танцующих, лицо ее пылало. Джеймон и его девица пошли дальше, посмотреть на открытой площадке представление, посвященное Сотворению. На помосте человек, одетый Богом, в золотой мантии и маске, обращал речь к актерам, одетым животными. С виду было интересно, но Эйлии не хотелось сейчас встречаться с двоюродным братом. Еще подумает, что она за ним таскается, а ему наверняка хочется побыть вдвоем со своей милой подругой. Эйлия оглянулась на других девушек — они встали перед палаточным городком, занимавшим восточную часть рыночной площади. В одной давали представление пронзительно вопящие куклы, в другой фокусник обманывал зрителей ловкостью рук. Девушки из монастыря столпились вокруг него, но глаза Эйлии привлекла палатка поменьше. На ней в окружении серебряных звезд висела вывеска: «Предсказания судьбы». Охваченная любопытством, Эйлия подошла поближе и заглянула.

В полутемной палатке сидела перед столиком старуха, одетая в газовое серое платье. Голову и плечи ее обматывал серый шелковый шарф, украшенный узором звезд. Перед ней на столе стоял шар прозрачного стекла, и она будто бы в него глядела. Но когда она подняла голову, Эйлия увидала, что глаза у нее тусклые и пленчатые. Очевидно, слепая.

— Привет? — вопросительно окликнула ее старуха. — Кто ты? Хочешь узнать свое будущее?

Эйлия не верила в астрологию, но такая надежда прозвучала в голосе старухи, что как-то неловко было бы ее разочаровать. Все остальные глазели на фокусника, который только что превратил букет цветов в смотанный шарф и выпустил оттуда живого голубя. Эйлия нашарила в кармане монетку.

— Если можно, хотела бы.

— Ага, — улыбнулась старуха. — Отлично!

«Все это просто для потехи», — сказала себе Эйлия, садясь напротив. С подушки в темном углу поднялась серая кошка и потерлась боками о ноги девушки. Эйлия опустила руки ее погладить, и киса громко замурлыкала.

— Ее зовут Серая Метелка, — сказала старуха. — Значит, ты из монастыря. — Девушка удивилась и подняла глаза на старуху. Очевидно, не слепая, раз видит белое платье. Но старуха улыбнулась: — Я вижу не только глазами, но и внутренним Зрением. Я колдунья. Меня называют старая Ана.

Старая Ана. Эйлия смутно припомнила, что слыхала о ней от одноклассниц. Кажется, она сумасшедшая? Девушка всмотрелась в старое, хранящее следы прожитых лет лицо напротив, но оно было безмятежным и ласковым. «Когда-то она была красива», — мелькнула незваная мысль.

— Так что, милая моя, ты хочешь узнать свое будущее?

— Да, пожалуйста, — ответила девушка. — Кстати, меня зовут Эйлия Корабельщик.

— Очень приятно, — улыбнулась в ответ старуха. — Ну что ж, посмотрим, что у Судеб для нас в кладовке. — Так добрая бабушка могла бы предложить чашку чая. — Ты не пугайся, бояться здесь нечего. Некоторые люди Веры не одобряют предсказаний будущего, они говорят, что это работа Нечистого, но на самом деле это не так. Все, что ты должна сделать, — это сидеть и думать, думать только о себе, о своей жизни, обо всем, что для тебя важно, и тогда посмотрим, что я смогу прочесть.

Она села неподвижно, пока Эйлия стала думать, а потом чистым спокойным голосом произнесла:

— Ты прошла долгий путь по большой воде.

— Да, — признала Эйлия, про себя подумав, что это — типичная фраза из запаса предсказателей. Но совпадение все-таки интересное.

— Ты снова поедешь по большой воде, — продолжала Ана, — и у тебя будут спутники в этом путешествии. Многие жизни, я вижу, соприкасаются с твоей. Но вижу я и тот путь, по которому тебе придется идти одной. Путь этот темен, но я вижу в конце его свет.

Странные пленчатые глаза открылись, и вроде бы она мгновение смотрела на Эйлию — нет, сквозь нее. В недолгое молчание вторгался сквозь матерчатый полог далекий ритм танца с улицы.

— Это все? — спросила наконец Эйлия, прилично разочарованная.

— Это все, — ответила Ана. — Я не притворяюсь, как некоторые предсказатели, будто знаю будущее насквозь. Я просто нахожу вероятностные картины, возможные пути развития, корни которых лежат в настоящем. Будущее, знаешь ли, не вырезано в камне. Мы не похожи на тех лицедеев на площади, играющих то, что написано для них заранее. Свободная воля никуда не девается — таков путь Танауры, древа жизни.

Элеи считали вселенную огромным деревом, в ветвях которого обитает все живое. Они были правы, как часто случается с создателями мифов. Вселенная пространства и времени подобна дереву, многочисленные ветви которого вечно растут и дают новые побеги. Когда один из нас выбирает себе некий образ действий, тем создается цепь последовательных событий, будто новый побег отходит от родительской ветки. Ты ведь сомневалась, заходить тебе в мою палатку или нет? Если бы не зашла, у нас бы не было этого разговора, и те мелкие изменения, которые совершил он в тебе, не произошли бы. Вселенная пошла бы не этим путем. Но ты вошла, и мы говорим, и потому новая ветвь вырастает на древе бытия. Кто знает, какой принесет она плод?

— Но я же самый обычный человек, — озадаченно сказала Эйлия. — Неужто я могу изменить строение вселенной?

— Будущее всего великого связано со всем, что есть малого, — улыбнулась Ана. — Ты — часть общей картины, и гораздо более значительная, чем ты думаешь.

— Но ты же говорила о Судьбах, — напомнила Эйлия, все так же недоумевая.

— Я не имела в виду предопределение. Просто воспользовалась старым словом «Судьбы»: древние силы земли, моря и неба с небесными телами. — Ана показала на звезды, вышитые на ее шар-

фе. — Естественно, они тоже влияют на картину. Когда-то в давние дни эти силы приписывали народу фей.

— В детстве я в них верила, в фей, — сказала Эйлия задумчиво.

— И больше не веришь? Какая жалость. Наверное, ты представляешь себе какие-то вымышленные существа, придуманные древними людьми. Для тебя народ фей — это какие-то маленькие человечки, живущие в цветочках и под грибочками. Элеи лучше понимали их суть. Они считали фей обитателями высших сфер, силами добра — и зла тоже.

— Высших сфер?

Ана кивнула.

— Есть и другие слои или плоскости, или сферы, кроме той, где мы живем, и миры за пределами мира. Я знаю их все. Мое зрение не совершенно, как у древних прорицательниц, закрывавших лица, чтобы не видеть материального мира, и потому мне приходится полагаться на зрение ума, а не глаз. Так человек может видеть внутренний мир: лесных нимф на дереве, саламандр в пламени, дух в оболочке тела. Высшие плоскости лежат за пределами мира, познаваемого нами с помощью глаз, ушей и других чувств. Ты ведь с Большого острова?

— Да, а что? — снова удивилась Эйлия. По акценту, что ли, догадалась эта женщина?

— Представь себе, что твой остров — мир. Он со всех сторон окружен морем, малый кусок суши, и те, кто живут на нем, хорошо его знают — или думают, что знают. Для тебя островитяне — обитатели гор, хотя ты еще этого не знаешь. Твоя родина на самом деле находится на вершине могучей морской горы, выпирающей сквозь поверхность океана. А глубоко внизу, на сумеречных кручах ее склонов, живут многие иные твари, странные обитатели моря, рыбы и звери, которых ни один островитянин и мельком не видел. Так и наша вселенная. Физический мир, известный нам, всего лишь малая часть ее. У нее есть иные измерения — глубины, которых тебе не постичь, обитатели, которых тебе не увидеть.

Эйлия слушала, все сильнее подпадая под чары этих речей, и вдруг на самый краткий миг она развлеклась мыслью: «Положим, что она права». Что, если реальность, в которую она всю жизнь верит, не более чем ложное восприятие? Что, если этот мир — всего лишь часть иного, большего мира? Такая гипотеза не страннее, чем многое, узнанное ею на лекциях по философии.

И тут мелькнула иная, тревожащая и манящая мысль, тут же сменившаяся виноватым испугом.

«Она назвала себя колдуньей! Она меня тоже хочет колдуньей сделать?»

Эйлия вскочила, как подброшенная, чуть не опрокинув стул.

— Мне пора.

— Ты испугалась, — заметила Ана. — Извини, я этого не хотела.

Она говорила как будто искренне, и Эйлия ощутила некоторое раскаяние.

— Просто я не могу надолго уходить от других девушек, — быстро добавила она. — Иначе они подумают, будто я потерялась. Спасибо тебе за все.

Она положила монету на стол, но Ана не потянулась за ней.

— До свидания, Эйлия, — тихо сказала старуха. — Думаю, что мы еще встретимся, но ты совершенно права: тебе пора. Сестры тебя будут искать.

Эйлия чуть не пробкой выскочила из палатки. Она огляделась, ища взглядом студенток, и вдруг слегка вздрогнула.

Человек в костюме рыцаря на крупном жеребце под чепраком въехал прямо на рыночную площадь и остановился напротив палатки Аны. Что-то в его облике выдавало враждебность, даже злобу, и хотя глаз не видно было под щелями стального забрала, у Эйлии возникло неприятное впечатление, что человек смотрит прямо на нее.

Через несколько часов, когда усталые ученицы поднимались крутой дорогой к монастырю, Эйлия рассказала Арианлин о странной встрече со старой Аной.

— Астрология — сплошная чушь, — заявила услышавшая Жанет. — Звезды — всего лишь большие искры Первоначального Огня, из которого возникла вселенная, а планеты — почти догоревшие угли. Так говорит преподаватель астрономии. И все равно есть люди, которые объясняют свою вспыльчивость тем, что родились под Аркурионом.

— Причем здесь Аркурион? — спросила Арианлин.

— Холерическая звезда, — объяснила Эйлия. — Считается, что каждая из планет отвечает одной стихии. Аркурион — планета Огня, Таландрия — планета Воды, Валдис — планета Земли, Ианта — планета Воздуха, а Арайния — планета Квинтэссенции, святой стихии. О них обо всех писал человек по имени Велессан. Он говорил, что они движутся по небу, потому что вставлены во вращающиеся хрустальные сферы, каждая следующая больше предыдущей — как слои луковицы, а в самой середине — Мера, мировая сфера. Велессан говорит, что каждая такая сфера — отдельное

Небо, населенное ангелами и другими духами. Он их сам видел в некотором видении, которое явилось ему в храме Лиамара. Он вместе с одной прорицательницей странствовал в виде духа к Луне, и там они стояли и смотрели на наш мир. Потом они отправились на Второе Небо, сферу Утренней звезды, где расположен прекрасный рай. На Третьем Небе Велессан видел равнину с реками огня, и там плавали саламандры. То есть духи огня, а не мелкие животные вроде тритонов.

— А на что были похожи остальные сферы? — спросила заинтересовавшаяся против воли Жанет.

— Четвертое Небо оказалось сферой Солнца, где правит богиня Солнца. Пятая сфера принадлежит Таландрии, и она полна воды: там живут русалки, они вроде морских дев. На Валдисе живут гномы Земли, на Ианте Велессан сквозь облачные гряды видел крылатых сильфов. А за Седьмым Небом прорицательница понесла его выше, в Звездную сферу, и он увидел под собой все Меньшие Небеса «как поворачивающееся колесо», — так он их описал. Затем он отправился к Девятой сфере, которую зовут Среднее Небо, родина ангелов, и там наполнился радостным светом, но в последнюю сферу, Высокое Небо, ему было не войти из-за ее святости, и тогда прорицательница вернула его снова в тело. Мне очень нравится, как Велессан пишет о сферах. Такое впечатление, будто они на самом деле существуют и он там был.

— Ну и шарлатан! — фыркнула Жанет. — И дураки же были люди в те времена. На самом деле в центре вселенной солнце, а не наш мир. А если бы там существовали гигантские хрустальные сферы, их бы в клочья разнесло вот этим.

Она показала вверх на большую комету, недавнее появление которой на небосклоне так оживило и ученых, и суеверных. Эйлия всегда смотрела на нее с восторгом — эта небесная гостья царственно шла среди звезд, оставляя за собой светящийся шлейф.

— Ее уже даже днем можно увидеть, если знать, куда смотреть, — добавила Жанет.

— Звезда, сияющая в свете дня, — вдруг сказала Арианлин. — В янском свитке говорилось ведь, что это знак Трины Лиа?

— Комета — не звезда, — поправила ее Жанет.

— Ой! — вдруг пискнула Венда. — Я же забыла принять кометные таблетки!

— Какие-какие? — не расслышала Жанет.

Венда высыпала на ладонь несколько таблеток из стеклянного флакончика.

— Кометные — они защищают от ядовитых паров и вредного влияния комет. Купила сейчас на ярмарке у разносчика.

— Чушь! — объявила Жанет. — Кометы не дают пар, дурочка. А насчет знамений — это просто смешно.

— Действительно, истории Трины Лиа нет в каноническом Писании, Арианлин, — согласилась сестра Чистота. — И даже в апокрифах она описана как символ. Нельзя же говорить всерьез о рождении человека от богини небесной или о битве с драконами.

— Конечно, драконы — это символ Валдура, — не стала спорить Арианлин, — и все насчет лунного трона Трины Лиа — тоже символизм. Но я верю, что сама принцесса — реальна. Она не может быть обычным человеком, как вы или я, и она настоящая, и может быть, скоро явится.

— Я всегда хотела в нее верить, — добавила Эйлия. — Так было бы приятно знать, что придет кто-то и устроит на всей земле справедливую жизнь. И чем быстрее, тем лучше. А то такие творятся ужасы — эти зимбурийцы и их деспот-царь...

Ее перебили восклицания. Падающая звезда, сброшенная с неба проходящей кометой, прочертила на западе дуговую вспышку. След дрожащей пыли горел еще долю секунды, когда уже пылающая голова его скрылась с глаз.

— Как красиво! — ахнула Эйлия. — Никогда не видела такого неба. Мне в такие ночи хочется летать. И мне это часто снится, как паришь в воздухе, всегда это кажется очень настоящим. А просыпаясь, я плакать хочу от огорчения, что это только снилось.

— Когда-нибудь и мы летать научимся, — уверенно сказала Жанет. — Что может птица, сможет и человек. Один наш магистр сделал чертежи летающей машины вроде большого воздушного змея с сиденьем и парусиновыми крыльями, которыми можно будет махать.

— Так он ее только начертил! — фыркнула Люсина. — Это еще не значит, что она полетит.

— Какая-нибудь когда-нибудь полетит. И мы покорим небо, как покорили моря.

— Мне об этом ничего не известно, — строго заявила сестра Надежда. — Я лично думаю, что если бы Бог хотел, чтобы мы летали, Он бы дал нам эту способность.

— А почему? — вдруг возроптала Эйлия, что было для нее не характерно. — Почему Он дал нам только душу, а не крылья? — Она жаждущими глазами смотрела в небо. — И если мы даже научимся летать, к звездам нам не добраться. Наверное, поэтому так

много спускается к нам рассказов о звездах — о богине Утренней звезды, о Звездном Камне...

— А кто это там? — вдруг перебила Белина.

Эйлия неохотно вернулась на землю и посмотрела в ту же сторону, что и Белина. В темноте к ним шли две фигуры в белом, как скользящие привидения. Они приблизились, и стало видно, что это послушницы, такие же, как Чистота и Надежда, с покрывалами на лице и в подрясниках послушниц, а не в полной одежде монахинь.

Сестра Надежда подняла фонарь повыше.

— Это сестра Вера, — воскликнула она, — а с ней сестра Ангелика. Что-нибудь случилось, сестры?

— Мы надеемся, что нет. Лорелин с вами? — спросила подошедшая послушница, обводя девушек фонарем.

— Нет, — ответила сестра Надежда. — Она решила не ходить на ярмарку, Ангелика. Я думала, ты знаешь.

— У нас оставалась надежда, что она передумала и нашла вас в городе. — Лицо молодой послушницы побледнело, в голосе звенели близкие слезы. — Мы искали всюду, но не нашли. Она сбежала.

8
Черный рыцарь

Дамион сидел за письменным столом, опираясь подбородком на руки, и глядел в окно.

Перед ним лежали две записки. Первая, написанная неуклюжим детским почерком, гласила: «Простите меня, я не хочу быть монахиней. Пожалуйста, не ищите меня». Подписана она была просто: Лорелин. Вторая же была написана тем же изящным старомодным почерком, что и столь таинственно появившееся в библиотечной книге письмо. Записку от Лорелин Дамиону передали монахини, а вторую он нашел в тот день, когда вернулся из катакомб от Аны. Она лежала на столе на самом виду. Дамион расспросил всех слуг и коллег, живущих на том же этаже, но никто не видел и не слышал, чтобы кто-то заходил в его комнату. Он недовольно смотрел на текст:

Преподобному Дамиону Атариэлю.

Вижу, что мое предыдущее письмо не возымело желаемого действия. Я честно Вас предупреждаю: Вы ходите опасным путем, на-

рушая правила Веры, которой поклялись служить, а также (что намного серьезнее), испытывая мое терпение.

Поэтому предупреждаю Вас: разоблачите монахов, выдайте немерейскую секту, или это вместо Вас сделаю я — и Вы будете осуждены вместе с ними.

Кто же этот аноним: сотрудник Академии, монах или магистр, или даже студент, который знает о немереях и осуждает древний обет монахов? Но почему ему грозят намеками, а не прямо в лицо? И почему только ему? Аббат и приор подобных писем не получали. Почему этот человек не пошел прямо к верховному патриарху, если его все это так беспокоит? Почему ему надо, чтобы ответственность на себя взял Дамион?

Разболелась голова у висков. Как бы хотелось поговорить об этом с Каитаном Атариэлем! Но обет, данный монахам и немереям, заставлял молчать. Наверное, надо просто отойти в сторонку от всего этого. Сделать он ничего не в силах: все изъято из его рук, включая свиток. А Лорелин — тут он был уверен — она снова в катакомбах, и даже сейчас она с немереями. Кольнула совесть — он все-таки должен был за нее отвечать. Он ее сюда привез, и он знал, кем ее считают немереи.

Извините, я не хочу быть монахиней. Значит ли это, что Лорелин как-то узнала о своем «предназначении» вождя-мессии? Если так, то Ана и немереи нарушили свою часть договора. Решили, наверное, что опасность слишком велика и нельзя оставлять девушку в неведении, а потому призвали ее в катакомбы, под свою защиту. Но вечно она там оставаться не сможет... Наверное, надо было отвезти ее куда-нибудь, пока еще было время? А куда? Денег, чтобы заплатить кому-то за заботу о ней, у него нет. А если бы она не захотела никуда уезжать? Против ее воли он бы ее увезти не мог. А он ведь обещал Шану уберечь девушку от опасностей и сохранить свиток. Последнего он не смог сделать, и то, что это не только его вина, утешало слабо. Второй раз неудачи быть не должно.

Немереям ее не уберечь. Один человек уже знает о собраниях в туннелях — это автор анонимных писем. Если ему надоест ждать, пока Дамион начнет действовать, он наверняка выполнит свою угрозу самому выдать немереев. Тогда высокие патриархи узнают о Лорелин и о том, кем ее считают немереи. Узнают об этом и зимбурийские телохранители патриарха Норвина Зимы.

«Они убьют ее», — сказала Ана. Вспомнив, как зимбурийцы отделали Ральфа, Дамион слегка поежился. Если они так могли

обойтись с безобидным попрошайкой, что сделают они с девушкой, которую считают главным врагом своего царя-бога?

Он заходил по комнате. Что делать? Надо спасти девушку, и только он может это сделать, потому что помимо членов ковена и монахов только он знает об опасности. Но как? Выполнить совет безымянного корреспондента и пойти прямо к высоким патриархам, сказать им о потайных туннелях, о секте, об опасности, в которой находится Лорелин? Можно попросить не говорить о ней Норвину и его зимбурийцам. Но тогда ему придется предать монахов — нарушить священную клятву, которую дал он им как священнослужитель Истинной Веры, клятву не выдавать расположение убежища немереев. Пока что эта клятва его сдерживала, и у него не было прямых доказательств, что немереи нарушили свою. В Маурайнии ценность человека определяется его верностью своему слову. От священника требуется даже больше: священные обеты связывают сильнее мирских обещаний. Наказание за нарушение такого обета по любой причине — лишение сана. Нарушив слово, он может спасти Лорелин, но обойдется ему это очень дорого. Разве что...

Разве что он сперва попросит патриархов освободить его от сана, поскольку клялся он своей честью священнослужителя.

Дамион остановился, пораженный этой внезапной мыслью. В приливе внутренней ясности он увидел, что лучше решения быть не может. В любом случае он не сможет остаться в ордене, а отказавшись официально от своего призвания, он хотя бы сохранит какие-то обрывки достоинства. Вернувшись к столу, он отодвинул обе записки, взял перо и бумагу и начал писать свою — аббату Холму.

Несколько черновиков потребовалось, чтобы написать все как надо, и тогда, закончив с первым письмом, он начал писать еще одно — в приемную верховного патриарха. Больше часа прошло, пока он наконец положил перо и расправил ноющие плечи. Усталость была такая, будто он долго боролся с сильным противником. Но дело сделано: написав эти письма, он закончил самую важную главу своей жизни. Что из того, что они пока еще не доставлены и его обеты не разрешены формально? Решение принято. Как остров Яна, уменьшающийся за кормой корабля, уходил в прошлое мир священства со своей аурой достоинства, святости, древности, с манящим великолепием облачения и обрядов. Вера останется с ним, утешение ее будет ему предложено, храмы ее не закроют перед ним своих дверей. Но учреждения, укрывавшие и питавшие его с раннего детства, более не будут этого делать. Он снова сирота,

без родных, без дома и родины, брошенный в этот мир пробиваться своим путем. Больше нет перед ним безопасного и надежного будущего, есть лишь темный простор неопределенности.

Зато Лорелин будет спасена. В конце концов, только это и важно: не его будущее, не его призвание, но человеческая жизнь, повисшая сейчас на ниточке.

Он тупо посмотрел на письма, потом подошел к платяному шкафу. Кроме зимнего плаща и запасных сутан там висела мирская одежда. Каждому священнику полагалось держать ее на случай, если священноначалие решит снять с него сан и изгнать из монастыря. Грубая полотняная рубаха и холщовые штаны служили постоянным напоминанием о каре за ослушание: изгнание в мир. Дамион потрогал ткань, потом, поддавшись побуждению, стянул с себя сутану и натянул запретную одежду. Она странно ощущалась на теле после почти двух лет свободной и удобной рясы. Но ничего, привыкнет.

Вдруг ему стало душно в тесной комнате. Он открыл дверь, все еще в мирских одеждах, и пошел по пустому коридору среди запертых келий. Вниз по широкой каменной лестнице, через парадный вестибюль к наружным дверям. На пороге он остановился, приотворив дверь, чтобы вдохнуть вечерний воздух с обертонами весны. Ночь была тиха и спокойна: полумесяц плыл в темно-синем небе, подобный выпяченному парусу, звезды над головой сияли в больших призрачных гало, будто раздувались в атмосфере земли. Среди них распустила пушистый хвост Великая комета. Даже после восхода она останется сиять на дневном небе, световая точка, видимая простым глазом.

Явится в небе новая звезда, сияющая даже днем...

Сверкнула огненным следом падающая звезда, и вспомнились слова Аны: «Видели вы когда-нибудь падающую звезду? В высоте она ярко пылает, но у земли огонь ее гаснет. Если кто найдет ее, то примет за обычный камень среди других камней, и никогда не подумает, что она сияла в небе. Так и Трина Лиа, дочь Земли и Неба».

Будто сами небеса вступили в заговор с немереями: каждый знак возникал в свое время, будто ими управлял часовой механизм. Но что же здесь такого странного? Древние хорошо знали небесные тела и законы их движения. Есть геометрическая картина, симметрия орбит и траекторий, и достаточно искусный астроном сможет рассчитать путь на столетия вперед...

Что не объясняло ни предреченного явления свитка, ни странных умений немереев. Это на совпадение не спишешь.

Вдруг ему показалось странным, что он после всех этих месяцев растущего сомнения должен оставить сан как раз тогда, когда вселенная начала являть следы разума, лежащего в ее основе.

Дамион спустился вниз и пошел через поля напрямик.

Лорелин тоже шла одна под сияющим небом. Как следует подумав, она решила, что в городе ее найти будет легче, чем в окрестностях. Слишком много людей там ее увидят и потом смогут рассказать. План у нее был такой: перебраться через горы и поискать работу на фермах. Поэтому она пошла от монастыря по Старой Дороге, ведущей к хребту. А приятно будет, говорила она себе, работать на ферме: доить коров, носить ягнят на руках, а вокруг — только деревянные стены какого-нибудь хлева. Такое место, куда можно прийти и уйти, когда захочешь.

— Вот эта жизнь по мне, — говорила она себе, шагая по дороге. — Свободы навалом — и никаких больше стен!

И когда-нибудь, быть может, заработав достаточно денег, она поедет по стране искать свою семью, своих родителей. Очень мало людей с запада приезжало жить на архипелаг. Наверное, найдется человек, который расскажет ей, кто были ее родители и откуда. А быть может — и тут резко кольнуло душу давним желанием — она найдет ответ на самый важный свой вопрос: почему в ней живет жгучая уверенность, что есть нечто такое, что она *должна* сделать, что не без причины живет она на свете. Та Цель, что манит ее, может оказаться где-то в неизведанных землях или сама ее найти. Но Лорелин точно знала, что это знание, эта Цель никогда не придет к ней в стенах женского монастыря. И потому она уходила с высокими надеждами, и с каждым шагом прочь от монастырского заточения светлее становилось на сердце. Через плечо перекинут был узелок с запасным платьем и бельем, запасом еды и прочей необходимой мелочью.

Только одна мысль заставила ненадолго замедлить шаг. Лорелин все думала об Эйлии Корабельщик, о ее тихом голосе и сочувственных глазах. Островитянка была единственной за всю ее жизнь, кого можно было назвать подругой, и на миг Лорелин сбилась с шага, решимость уступила печали при мысли о том, как сейчас тревожится Эйлия. Может, надо было оставить записку и ей, объяснить, почему ушла? И что, если девчонки снова начнут изводить Эйлию, лишенную защиты Лорелин?

— Не удивлюсь, если они на нее навалятся, — говорила вслух сама с собой Лорелин. — Она из тех, кто никогда не даст сдачи, и они это знают, мерзавки!

На миг она остановилась, споря сама с собой и оглядываясь на монастырь. Но снова представила себе, что проведет остаток жизни в четырех стенах, и заставила себя идти дальше, хотя и ссутулила плечи, будто шла против ветра.

Дойдя до начала подножий гряды, она услышала за собой стук копыт. Может быть, всего лишь какой-то крестьянин едет по своим делам, но это мог быть и кто-нибудь, кого послали монахини найти ее и привести обратно. Прятаться было поздно: всадник наверняка уже увидел ее в свете луны. И она осталась стоять, где стояла, вызывающе скрестив руки на груди, и ждала, пока он подъедет. Кто бы это ни был, если он думает, что она вот так просто даст уволочь себя обратно в монастырь, пусть лучше подумает еще раз.

Темный силуэт всадника на лошади быстро приближался, залитый светом луны и звезд. Лорелин ахнула, когда он стал ясно виден, и застыла как завороженная, а когда до нее дошло, что надо бежать, — было уже поздно.

Дамион сам не знал, зачем пошел в развалины. Что-то его звало оттуда: какая-то сила, неясная, но настойчивая, направляла его. Впереди лежали руины голых стен, обнажившийся фундамент, поросший лианами, ночной ветерок нес волнующий запах теплицы и старого влажного камня. Дамион остановился, вдыхая этот запах. Мальчишкой он приходил сюда играть. Он был рыцарем, скачущим на битву с воинством зла или мчащимся спасать попавшую в беду прекрасную даму. Утраченные детские мечты вернулись к нему в холодном весеннем воздухе. Он подумал о своем отце, подумал, не лелеял ли и тот подобные грезы в детстве — грезы, которые дожили до его зрелых лет, если верна догадка Аны о том, кто его родители.

Он вошел в осыпающуюся арку, зашагал по заросшим травой булыжникам двора. Выветренные стены и корпус башни возвышались контуром в ночи, каменный дракон на бастионе оскалил в безмолвном рычании сломанные зубы. Этот призрак давнего детства должен был бы ощущаться как знакомый и надежный, но почему-то в темноте было в нем нечто необъяснимо зловещее. Дамион стоял и смотрел, но тут услышал звук, заставивший встрепенуться: подковы стучали по камням. На старой элейской дороге.

Что-то за пределами чувств, недавно проснувшееся в нем, успело его предупредить. Он быстро спрятался за осыпавшейся стеной.

Из тени за полуразрушенными внешними стенами выехал всадник на лошади, оба странного вида. На лошади было убранство боевого коня древних времен, развевающийся чепрак и стальная

броня, так что видна была только вороная шея и длинный струящийся хвост. И всадник был в доспехах, в поножах и наручах и в кирасе под черным плащом. Гербом на плаще и на щите был вздыбленный дракон.

«Принц-призрак! — мелькнула мысль у пораженного Дамиона. — Кто-то снова его изображает. Но что это такое белое он везет?»

Похоже было на полуразвернутый рулон ткани, притороченный к боку лошади. Конь и всадник приблизились, и Дамион разглядел обмякшее девичье тело, переброшенное через луку седла, и белое платье послушницы, светящееся при луне. Голова ее наклонилась, длинные светлые косы свесились вниз.

— Лорелин! — крикнул Дамион.

Отбросив всякую осторожность, он вскочил на ноги. Конь фыркнул и затанцевал. Всадник натянул поводья и застыл на миг, блестящий под луной, невероятный.

Дамион с воплем бросился к всаднику и схватил свисающую руку Лорелин. Ни на крик, ни на прикосновение она никак не отреагировала. В обмороке — или мертва?

— Отпусти ее! — завопил Дамион, пытаясь вырвать безжизненное тело из хватки противника. Кем бы тот ни был, бесплотным духом он быть не мог: Дамиону никак было не разжать хватку металлических рук. Он гневным взором вперился в лишенную лица голову, пытаясь заглянуть в глазные щели забрала, и оттуда на него глянули два бледных горящих глаза.

Дамион отпрянул; ярость сменилась страхом — но поздно. Тяжелая рука в металлической перчатке обрушилась на его затылок, когда он еще пытался вывернуться, ослепительный свет вспыхнул под веками, и Дамион рухнул в ринувшуюся ему навстречу темноту.

Он оживал, чувствуя пульсирующую в затылке боль. Со стоном он шевельнулся, ощутил спиной твердый камень. Веки, затрепетав, раскрылись. Он лежал на земле, в просторной темноте, где на неровных каменных стенах плясали красные отсветы. Свет исходил от прыгающих языков пламени, а перед ним сновали темные демонические силуэты. Спертый воздух разъедал глаза дымом, но постепенно картина прояснялась...

Никогда Дамион не верил в буквальном смысле в Пропасть Погибших...

На звук его стонов одна из фигур приблизилась, пнула его сапогом в ребра. Сапог ощущался весьма реально.

— Вставай! — приказал демон.

Дамион застонал и с трудом поднялся на ноги. Чувства прояснились, и он увидел, что находится в большой продолговатой комнате с грубо выложенными каменными стенами. Инфернальное пламя превратилось в факелы на стенах. *Катакомбы?* Пока он стоял, держась за ноющие ребра, подошли двое, заломили ему руки за спину и потащили куда-то назад, где мельтешили другие фигуры. Примерно с десяток мужчин и женщин, лица наполовину скрыты тенями от дрожащих факелов. Неужто это немереи?

— Отпустите меня, — прохрипел он.

Они не отреагировали.

Он вспомнил схватку с рыцарем, подумал на миг, не привиделась ли она в кошмаре. Все это невозможно — абсолютно невозможно. Это сцена из его детских фантазий. Злой рыцарь, скачущий в цитадель замка, дама в беде. И он, как герой его молодости, бросается в опасное приключение... Но голова болела именно там, куда пришелся удар.

— Где она? Где Лорелин?

Ему ответил верзила, который пнул его в ребра:

— Ее забрал Мандрагор.

— Кто такой Мандрагор? Я хочу видеть Ану!

Издевательский смех прозвучал ему в ответ.

— Это вряд ли, — фыркнул кто-то из тени.

— Она меня знает! Скажите ей, что я хочу с ней говорить!

— А чего это вдруг мы пойдем к ней?

— Она ведь ваша предводительница?

— Эта старая карга? Сдалась она нам!

Он вытаращил глаза:

— Так вы не немереи?

— Немереи? Они нам не друзья.

— Кто вы? — сумел прохрипеть Дамион.

Подошел еще один человек, тощий и нечесаный, и осклабился в лицо Дамиону. Гримаса перешла в смешок, открывающий желтые гнилые зубы. Дамион вдруг понял.

— Так это вы жгли сараи, нападали на скот! Но зачем? — вскрикнул он.

Ответа не было, но никто не стал отрицать. Дамион постарался, чтобы его голос звучал ровно.

— Послушайте, я служитель Веры, и ничего вам не сделал.

— Вот как? — издевательски-враждебно отозвался тощий. — А это не ты разве привез свиток с архипелага? Не ты отдал его старой

Ане? А что это ты делал в развалинах в такой ранний час? Искал свою драгоценную Лорелин?

Он пододвинулся, смеясь прямо в лицо Дамиону, обдавая вонючим дыханием из щербатого рта.

— Вы лучше ее отпустите, да и меня тоже, иначе у вас будут крупные неприятности с властями.

Он попытался вложить в голос силу и строгость.

Тощий замотал космами:

— Ну нет, ты видел наше место сбора. Ты слишком много знаешь.

Дамион раскрыл рот — и промолчал. Эти люди совершенно безумные, нет смысла пытаться их урезонить. Его наверняка пойдут искать, когда убедятся, что он пропал... и тут сердце нырнуло вниз при мысли о письмах, которые он оставил аббату и патриарху. Они же так и лежат на столе на самом виду, и в них он заявил, что оставляет Академию и свое служение. Аббат их прочтет и решит, что заблудший капеллан просто сбежал, как Лорелин, и оставил эти письма, чтобы его не искали.

Недолгий прилив уверенности в себе тут же увял. Оставалась лишь одна надежда — что Ана и ее немереи узнают о его пленении и предупредят аббата. А пока надо ждать — и надеяться, что его пленители не захотят срывать на нем свои злобные капризы.

Шли часы. Он сидел, держа руки на коленях, полудремал. Прошла ночь и, наверное, весь следующий день. Глаза постепенно привыкли к тусклому свету факелов, и Дамион разглядел, что находится в похожем на туннель помещении с закругленными кровлей и стенами, и в обе стороны туннель теряется в темноте. На ближайшей стене черной краской был нарисован символ: дракон в короне, схвативший себя зубами за хвост. Иногда так изображают Вормира, как змею уроборос, кругообразное тело которой символизирует бесконечность. Но обычно без короны. Здесь, очевидно, изображен символ Модриана-Валдура — дракон, пожирающий сам себя.

Как загипнотизированный, смотрел на него Дамион. Книги по чародейству, которые он читал, говорили о культе Модриана. Некоторые авторы утверждали, что падший архангел, коварный Враг Веры, был когда-то у древних одним из богов. Но поклонение ему было запрещено из-за жестоких обрядов, и Модриана из старого пантеона выбросили. Таким образом, говорили эти авторы, возник миф о «низвержении Модриана с Неба». У антиподов Модриан постепенно почти слился воедино с зимбурийским богом Вал-

дуром, обряды поклонения которому были почти такими же; и так возникло мнение, что это по сути один и тот же бог. Если в современной Маурайнии может существовать ковен немереев, почему не может быть и ковена модрианистов? Ничего невозможного в этом нет. Если же такой ковен существует, то его члены и немереи Аны должны быть заклятыми врагами, потому что и те, и другие верят в Трину Лиа. Для немереев она спасительница, для модрианистов — злейший враг, противник их темного бога. Естественно, обеим группам нужен свиток, в котором говорится о местоположении Звездного Камня и силах, которыми может воспользоваться либо принцесса, либо князь тьмы. А те зимбурийцы, что сейчас здесь? Они могут быть союзниками модрианистов, или считать их своими соперниками, или даже не знать о них...

Вскоре он заметил, что его тюремщики жарко спорят, пытаясь решить, что следует с ним делать. Он подумал, не попытаться ли сбежать, но тут же эту мысль отверг и стал внимательно прислушиваться. Было такое впечатление, что колдуны, или модрианисты, или кто они там, должны спешно покинуть туннели: кому-то стало известно про них. Несколько раз говорилось слово «патриарх», хотя что о нем говорили, расслышать не удалось. Наконец здоровенный неотесанный мужик заявил:

— Сделать нужно только одно, и вы все знаете, что. Попа с собой брать нельзя, его должен забрать Мандрагор.

— Да он же еще в отключке, — бросил кто-то.

— Скоро оклемается. Суньте попа в дыру: Мандрагор его там быстро найдет.

«Опять Мандрагор. Кто же это такой?»

Дамион не успел это подумать, как двое здоровых парней подхватили его под руки и поволокли по проходу, ведущему куда-то вниз.

«И что такое «дыра»?»

Катакомбы тянулись куда дальше, чем он себе представлял. Будто идешь по необъятному лабиринту кроличьих или кротовых ходов, переходя из туннеля в туннель. Остались позади мощеные коридоры, начались узкие расщелины, вырубленные прямо в скале, и Дамион ощутил что-то очень похожее на паническ ий страх. Невыносимый вес земли и камня опасно навис над головой, давя почти физически. Огни факелов, которые несли конвоиры, едва горели в недвижном затхлом воздухе. Может быть, его ведут в какой-то нижний мир язычников, подальше от земель живых.

Наконец его ввели в широкую камеру, похожую на пещеру, и в каменном ее полу зияла дыра — как раз пролезть человеку. Конвоиры подтолкнули к ней Дамиона.

— Туда, — сказал один, для верности поддав ему в спину.

Дамион отшатнулся:

— А что там внизу?

Не говоря больше ни слова, они скрутили его и сунули в дыру. Он завопил, но падение оказалось не таким долгим, как он боялся, и Дамион удачно приземлился на руки и ноги. Мелькнули факелы, осветив склонившиеся над дырой лица, а потом оба приведших его направились туда, откуда пришли — поспешно, будто даже в испуге. Свет факелов задрожал и погас, оставив Дамиона в угольной темноте ямы. Он не видел даже поднесенной к лицу руки.

Пол этой темницы был природным камнем, шероховатым и неровным. Вдали слышалась капель, падавшая в какое-то невидимое озерцо, и гулкое эхо создавало впечатление обширного помещения, шире и выше, чем ему сперва показалось. Дамион медленно пошел вперед — и ободрал голень о вертикальный камень. Не удержавшись от крика боли, он услышал эхо, загудевшее по всей темнице. Тогда он остановился, боясь провалиться в какую-нибудь трещину. Его наполнил ужас — ужас перед тьмой и ее коварными опасностями: ямы, трещины, затаившиеся во мраке звери. Ужас самой темноты, слепящей, окутывающей, безжалостной.

Дамион осторожно сел, прислонился на ощупь к другому выступающему камню и опустил на колени все еще пульсирующую болью голову.

«Куда же это я попал? И где Лорелин?»

Кто-то звал ее по имени.

Но это был не тот голос, что настойчиво призывал ее через темноту, лежащую позади ее мыслей. Не тот неясный и приглушенный, как голоса, которые она слышала раньше внутри себя, но ясный и четкий: каждое слово доходило до нее отчетливо, будто произносилось прямо в ухо. Она застонала, пошевелилась и ощутила под собой мягкость постели.

Лорелин! — звал голос.

Она открыла глаза. Желтая паутина света засияла перед ней, переливалась, превращаясь в дрожащие языки нескольких свечей. Они были расставлены по всей большой комнате, в канделябрах на столе или в подсвечниках на стенах. Она лежала на кровати с

красным балдахином и смотрела в щель занавесей. Откинув их, Лорелин вскочила на ноги. Комнату загромождали всякие предметы: разрисованные ширмы, вазы с изображением свернувшегося дракона, шахматные фигурки из меди или резного дерева. Стены построены из больших каменных блоков, завешены гобеленами. Окон не было. Узел Лорелин лежал на полу рядом с кроватью. Больше никого в комнате не было, и все равно она ощущала чье-то присутствие.

— Где я? — громко спросила Лорелин.

И ей ответил тот же голос.

Не бойся, — сказал он, точнее, подумал у нее в голове.

Но Лорелин, наверное, первый раз в жизни испугалась по-настоящему. Она потерла виски, пытаясь вспомнить. И снова увидела черного рыцаря на коне, и тогда дико осмотрелась в тускло освещенной комнате.

— Ты... ты тот, кого мы с отцом Дамионом видели в церкви!

Это был я. Да.

Принц-призрак. Голос Лорелин упал до шепота:

— Ты дух?

Нет. Я настоящий — такой же как ты. Призрака нет и не было никогда. Это лишь сказки для ребят. Я переоделся призраком, чтобы меня боялись.

— Но зачем? — Она завертелась, всматриваясь в темноту за свечами. — Кто ты? Где ты? Я тебя не вижу.

Потому что я не там, где ты. Но недалеко. Я иду. Скоро ты меня увидишь.

— Что это за комната? Где я?

Ради твоей безопасности я не могу ответить тебе.

— Отпусти меня!

Пока нет. Тебе грозит опасность, Лорелин. Из-за твоих особых способностей есть много людей, которые желают тебе зла, и есть другие, которые хотят тебя использовать. Но не бойся: пока ты со мной, тебе ничего не грозит. Я буду твоим защитником и другом. Я оставил тебе еду: видишь накрытые тарелки на столе? Верь мне: я дам тебе все, что нужно.

Она задрала подбородок, стараясь быть смелой.

— Я здесь не останусь. Я не дам снова себя запереть. Почему все хотят меня куда-нибудь запрятать? Я этого терпеть не буду, слышишь? Я убегу! — крикнула она в темноту.

В голосе послышался не гнев и не досада, а скорее веселое добродушие.

Попробуй, если хочешь. Но это невозможно.

9
Йомар

Эйлия глядела в окно общего зала, ощущая себя ужасно несчастной. Еще и близко не наступил вечер, но день выдался такой темный, что время казалось куда более поздним: с гор спустился туман, закрыв собой солнце и всю землю. Не видно было ни Академии, ни развалин. Будто глядишь в серую пустоту.

— Пока ничего нового? — спросила она тревожно у вошедшей Арианлин.

— Боюсь, что нет.

— В таком тумане им ее ни за что не найти. Придется ждать, пока прояснится, — сказала Жанет.

— Но туман может продержаться весь день. Кто знает, когда он поднимется? А она, может быть, лежит где-то в поле, раненая...

— Да перестань ты каркать, Эйлия! — раздраженно буркнула Жанет. — Если бы она была ранена, ее бы уже нашли. Она, не сомневаюсь, уже очень далеко. Вспомни, что она написала.

Сестра Вера показала им тот клочок бумаги с каракулями, когда расспрашивала вчера вечером о Лорелин. Эти несколько слов до сих пор еще жгли мозг Эйлии раскаленным тавром.

— Я же знала, что она несчастна, но никогда не думала, что она и в самом деле сбежит, — застонала Эйлия. — Бедняжка Лорелин! Куда же она могла пойти?

Люсина рассмеялась никак не добродушно:

— Вопрос не в том, *куда* она пошла, Червячок. Вопрос — с кем.

— Ты это о чем? — повернулась к ней Эйлия.

— А ты подумай головой! Кто еще исчез?

Обычно розовое лицо Белины сильно побледнело:

— Отец Дамион!

Действительно: Дамиона в это утро в церкви не было. На службе его заменил один из деревенских священников.

— И поэтому патриарх Норвин прибыл в Академию? — спросила Арианлин. — А зачем он тогда привел с собой всех этих людей?

— Этого я тебе не скажу. Но я знаю, что Дамион вчера вечером ушел из Академии, — заявила Люсина. — У мальчишек в дортуарах ходит слух: он просто сбежал, оставив аббату записку. Монахи и магистры держат язык за зубами, но ребята кое-что услышали. Какое-то время тому назад ему перестало нравиться его призвание, и он решил наконец все бросить. Ушел насовсем.

— Не верю! — в отчаянии крикнула Белина.

— Не веришь? — усмехнулась Люсина. — Феррел Лес мне говорил, что видел, как вчера вечером отец Дамион уходил в поля. *И был одет в штаны и рубашку!* Ну, так куда он направился так поздно и так одетый, и почему он не вернулся? — победно спросила она.

— Может быть, он искал Лорелин, — предположила Эйлия, пытаясь погасить растущее в сердце отчаяние. — А ходить по полям в длинной сутане трудно.

— Или сбежал ее догонять, — хихикнула Люсина. Она обращала эти слова к Белине, чтобы нарочно ее помучить, и потому не заметила пораженного горем лица Эйлии. — Наверняка они давно уже это задумали. Он, естественно, в нее влюблен: юная дева, которую он спас с ужасного архипелага! Сейчас он спасает ее от монастыря и рясы. Как это романтично! — Она усмехнулась шире, глядя на Белину: — «Простите меня, я не хочу быть монахиней»!

В ее язвительных устах эти слова приобретали иной смысл.

Эйлия встала из кресла и вышла из комнаты.

Сняв свой плащ с гвоздя в прихожей, она открыла дверь. Бледные клочья тумана поплыли внутрь, влажный воздух стал пробирать до костей, но это была приятная перемена после душной рекреации. Эйлия встала на пороге, всматриваясь в серую пелену. Мощеная дорожка изгибалась и уходила в ничто — только несколько первых пар деревьев длинной аллеи еще были видны, и туман завесил их темные сучья капельками воды.

«Куда могла пойти Лорелин? Если бы я только стала ей другом! — виновато подумала Эйлия. — Она могла бы мне довериться, рассказать о своих планах. Может, я бы даже отговорила ее от бегства».

Эйлия пошла через раскисшее поле, пока перед ней вдруг не встали материализовавшись из тумана стены куртины. Лорелин часто пряталась в развалинах, когда ей бывало грустно, находила временное убежище в их пустых комнатах. Вполне возможно, что она опять здесь, быть может, в одном из скрытых подземелий — пережидает, пока утихнет переполох и кончатся поиски, чтобы уйти потом. Руины замка покрывают не один акр, так что спрятаться просто. Эйлия шла вперед, осторожно выбирая путь между каменными проходами и кордегардиями с сорванной крышей, где ползучие растения осторожными усиками ощупывали выбитые окна, покрывая одинаково и внутренние, и внешние стены.

— Лорелин! Лорелин, ты здесь? — звала она. — Я никому не скажу, Лори, только отзовись, пожалуйста!

Эйлия задержала дыхание, ожидая ответа. Молчание после затихшего вдали эха. А потом — жуткий, рыдающий вопль.

Эйлия резко обернулась, уверенная, что это был голос Лорелин, что она лежит где-то в развалинах — со сломанной ногой, быть может! Но тут же этот голос был подхвачен еще несколькими — бессловесный, нечеловеческий хор. «Что это может быть?» — подумала, дрожа, Эйлия. Как будто хором вопит шабаш ведьм или все призраки замка оплакивают кого-то...

Но тут она увидела какие-то фигурки, сидящие под сломанной аркой в нескольких шагах от нее. У нее на глазах одна из них подняла голову и испустила высокий, вибрирующий вопль. Остальные подхватили хором.

Дикие кошки, живущие в развалинах! Кажется, среди них и серая кошка старой Аны, сидит в середине группы. Со вздохом облегчения Эйлия позвала их, протянув руку, но при звуке ее голоса они растворились в тумане — наверное продолжать свои серенады где-нибудь в другом месте. Эйлия двинулась дальше.

Никаких признаков Лорелин нигде не было. Эйлию наполнили сомнения, стали царапать ядовитые коготки подозрений. А что, если злобное замечание Люсины было правдой? Если Дамион ради Лорелин бросил свое служение и сбежал с нею? Эйлия отчаянно хотела верить, что этого не может быть, но... чем что-то ужаснее, подумала она печально, тем оно вероятнее оказывается правдой.

«Ужаснее? Лицемерка ты! Все просто: ты ревнуешь. Признайся хоть перед собой: тебе хочется, чтобы это с тобой он готов был сбежать».

— Нет! — вскрикнула она шепотом, будто произнесенное вслух «нет» могло заглушить внутренний голос и осознание, которое он ей принес.

Она влюблена — наконец она это признала, влюблена, как принцесса Лира, как все героини старых легенд. На краткий миг восторга ей вдруг стали ясны все романтические легенды так, как никогда раньше, она ощутили их радость и их желание — и горечь разбитого сердца. Эйлия попыталась смотреть на свое положение с точки зрения трагедии и романтики — но это было бесполезно. Слишком глубока была рана, чтобы залечить ее воображением.

— Почему ты никогда не пыталась хоть заговорить с ним? — упрекала она себя шепотом. — Ты могла бы стать ему другом — и тогда у тебя хоть какие-то счастливые воспоминания остались бы. Но нет — ты только таращилась на него, разинув рот, дура ты, и теперь он ушел, навсегда ушел! — Она замолчала, потом, мучая

себя, еще раз произнесла: — Навсегда! — Древние стены эхом вернули ей это слово.

В унынии Эйлия смотрела на них — на памятники миновавшему времени, где каждый камень дышит древностью. Подойдя к одному из них, она тронула его кончиками пальцев, потом прильнула к стене щекой. Эта стена — мост, подумалось ей, мост через время, через пропасть столетий. На той стороне этой пропасти люди, которые давным-давно жили в этом замке и — вдруг пришло осознание — были такими же живыми, как она сейчас. Внутренним зрением она увидела их, не застывшими стилизованными фигурами в иллюстрированном тексте, а просто как людей: владетельные дворяне с супругами в дорогих уборах, рыцари и монахи, незаметные слуги. Не по этим ли бастионам ходил король Андарион, хмуря брови, отягощенный бременем своего царствования? А его сын, злосчастный и коварный принц Морлин, — может, и он когда-нибудь останавливался здесь, погруженный в мрачные думы, вот на этом же куске каменной мостовой, где стоит она? Придя сюда, она соединились с ними со всеми, включилась вместе с ними в тот великий поток, которым был Халдарион все долгие века своего существования. Сколько людей прожило жизнь в этих стенах, любя и тоскуя, свидетелями приходящих и уходящих войн, и моровых язв, и голода? Что ее несчастья по сравнению со всеми их страданиями? Капля в океане — мимолетная секунда вечности. И сколько еще людей придет страдать и скорбеть после нее?

Но от этой новой точки зрения боль не стала слабее, а лишь усилилась. Она подумала о Большом острове, ровном и голом, не тронутом бурями истории, и вдруг сердце ее потянулось туда. Мать с теткой навещали ее несколько дней назад, говорили о том, чтобы вернуться на остров, к мужьям, раз зима прошла, а война так и не началась, и ясно было: они ждут, что она поедет с ними. Тогда она была полна отчаяния и внутреннего протеста. Но сейчас перспектива расстаться с Академией не ужасала, потому что в Академии нет Дамиона, и больше не встретиться с ним случайно в библиотеке, не увидеть мельком его лицо за окном его комнаты. Эйлия остановилась, пытаясь проглотить застрявший в горле ком. Да, она вернется к родным, вернется домой, в свою деревушку, к крошечному иллюминатору своей комнаты.

«Но что за жизнь у меня там будет? Как я буду жить? Выйду за человека, которого я не люблю, просто по необходимости — потому что как я могу любить кого-то, кроме Дамиона? А либо так, либо остаться старой девой, обузой своим родственникам, чело-

веком, которого все жалеют. — Мысль об этом была невыносимой. — Я могла бы остаться здесь и стать монахиней, вступить в сестричество монастыря. Мне бы разрешили изучать и писать трактаты, учить пансионерок. Я была бы занята настолько, что для одиночества не останется времени, и иногда меня навещал бы Джейм, сходя на берег. — Она искала, чем себя утешить. — Я никогда на самом деле не хотела влюбляться: может быть, поэтому я выбрала того, кого никогда, никогда не могла бы получить. Сейчас мне легче будет примириться с мыслью никогда не выйти замуж».

Но в душе осталось беспокойство, будто что-то там ворочалось, собираясь вот-вот проснуться — что-то, чему теперь надо бы заснуть навеки. Ей послышался звон закрывающихся ворот монастыря, отрезающих ее от мира, закупоривающих внутри, и на миг ее охватила паника. Женщина, имеющая истинное призвание, не испугалась бы. У нее были бы другие чувства. Она бы пошла в монастырь как в объятия любви.

Как это говорила Лорелин? «Мне надоело сидеть взаперти в четырех стенах!»

Голос в памяти звучал тоской, отчаянием. Девушка была так несчастна! Может быть, если бы Эйлия так не уходила в себя, действительно попыталась бы стать Лорелин другом, ничего бы этого не случилось. Лорелин осталась бы в Академии, утешенная ее дружбой; может быть, она бы даже смирилась с жизнью монахини, если бы они с Эйлией вместе приняли постриг. И Дамион, быть может, остался бы здесь. «Все это я наделала — я навлекла это на себя».

Эйлия спрятала лицо в ладонях, раскачиваясь взад-вперед.

Потом подняла голову и огляделась, и еще раз позвала в призрачной надежде, что услышит ответ.

— Лорелин! Ты меня слышишь? Лори, это я, Эйлия! Ответь, прошу тебя, пожалуйста!

Ответа не было. Эйлия побрела дальше.

В одной из разрушенных сторожевых башен она остановилась и огляделась. В заросшей лозами стене справа показалось отверстие, хотя Эйлия могла бы поклясться, что раньше его не было: низенькая дверь, ведущая в проход, каменный свод которого наклонно уходил вниз, в темноту. Дверь заросла густым плющом — поэтому, сказала себе Эйлия, она ее и не замечала никогда. Но сейчас она была видна совершенно ясно, будто появилась по волшебству. Эйлия смотрела, думая, куда ведет этот ход и не опасно ли по нему идти, но тут из темного отверстия послышался звук шагов. Кто-то шел оттуда.

— Лорелин! — шаги затихли, потом снова стали приближаться, быстрее. Эйлию заполнила радость облегчения. — Лорелин, слава небесам! Я знала, что ты здесь...

Но из двери появился человек — и это не была Лорелин. Вышел высокий монах, одетый в черную рясу, с надвинутым на лицо капюшоном. Он пригнулся у выхода и вышел на открытое место, выпрямился во весь рост.

Эйлия смотрела на него в недоумении. Братья Святого Атариэля носили серые одежды. Кто же этот человек? Не успела она задать себе этот вопрос, как вспомнился дрожащий голос Белины: «Он одет в рясу монаха, лицо его скрывает капюшон». Нет, это смешно! Но когда из рукавов явились длинные, белые, тонкопалые руки, воображение Эйлии подсказало, что сейчас из-под капюшона явится лицо чудовища, сверхъестественный ужас. Как завороженная, она смотрела, не в силах ни шевельнуться, ни заговорить.

И потому потрясением для нее было увидеть под капюшоном лицо вполне человеческое — и даже красивое. Верность не позволила бы ей признать, что он так же красив, как Дамион, но определенно он был хорош. Худое лицо с тонкими чертами, глаза чуть раскосые под темными, хорошо очерченными бровями, нос почти орлиный, широкие скулы. Цвет лица неестественно белый — цвет кожи, которая редко видит солнце. Но волосы, спадающие длинной свободной волной на плечи, переливались богатством оттенков: золото с примесью красного, как львиная грива. С невероятным облегчением, что перед ней не призрак, а человек, она не успела подумать, что от этого он не менее, а более опасен.

— Ты либо невероятно храбра, либо необычайно глупа, — произнес человек. Голос его тоже был красив — глубокий и звучный.

— Простите? — переспросила она неуверенно.

— Я тебя узнал. Я тебя видел со старой Аной, в вечер ярмарки. Ты из ее сброда? Это она тебя сюда послала?

— Меня? — повторила она, отступая. — Я не понимаю. Малейшего понятия не имею, о чем вы говорите.

Мужчина приподнял выразительную бровь:

— Ах, не понимаешь?

Глаза его сузились, и он шагнул к ней. Слишком поздно Эйлия поняла опасность: она одна в диких развалинах с каким-то зловещим незнакомцем, и никто не услышит, если она позовет на помощь. А этот человек был разъярен, по причине, которая была ей непонятна. Глаза его горели холодным, яростным светом. Что-то было неправильно в этих глазах. Он подошел ближе, она рассмот-

рела получше — и кровь застыла у нее в жилах. Таких глаз она никогда не видела у человека. Не серые и не синие, не карие и не зеленые. Они были желтыми: светло-золотистыми, как у дикого зверя. И зрачки не круглые — это были *щели*, рассекающие радужки как зрачки у кота.

Эйлия не могла вскрикнуть, не могла шевельнуть пальцем. Как в кошмаре, она стояла и только смотрела беспомощно. В ушах ее раздалось рычание, серая муть заклубилась перед глазами. Она свалилась, охваченная оглушающей мягкой тьмой, и ничего больше не помнила.

Дамион брел по бесконечным вьющимся туннелям глубоко в недрах земли. Он шел через просторные залы, каждый больше предыдущего: огромные пространства, в дальние углы которых не доставал свет, уходящие в вечную ночь. Зияющие арки открывались перед ним, черные, как выходы шахт. Что-то в этих глубинах земли наполняло его холодным ужасом, ничего общего не имеющим с прозаическим страхом заблудиться или сломать ногу. Не было конца лабиринту, не было и признаков дневного света — только зал за залом, и снова залы, тянущиеся в бесконечность. Шаги рождали унылое эхо от дальних стен. Дамион в отчаянии остановился. Но, хотя он стоял неподвижно, эхо не затихало — слышались призрачные шаги. Значит, эти звуки — не от его ног. Он резко обернулся — и в темноте позади увидел два горящих глаза.

— Кто ты? — крикнул он, и ответ пришел в виде хриплого шепота, разбудившего несчетное эхо невидимых стен:

Мандрагор... Мандрагор...

Дамион вздрогнул и проснулся.

Он свалился просто от усталости, лежал на полу пещеры. В полной темноте священник не сразу понял, где он. Потом ощутил под собой твердый неудобный камень, боль в голени и ноющий затылок — и все вспомнил. Сколько же он продремал — часы или минуты? И померещилось ему или он в самом деле слышал шаги? Сделав над собой усилие, он сел, дрожа от холода. И вот тут увидел свет.

Сначала с забившимся сердцем он подумал, что это свет дня пробивается сквозь какую-то дальнюю щель в каменной стене. Но свет двигался — это было желтое пламя свечи. Ближе — и еще один огонек появился под ним, отражение. Значит, поблизости подземное озеро. Кто-то, пока невидимый в темноте, шел по другому берегу.

Дамион поднялся и пошел вперед, на свет, как загипнотизированный зверь, пока не оказался у края обширной водной глади.

В отблеске свечи можно было только разглядеть береговую линию, и он пошел вдоль нее к тому берегу — свеча служила ему маяком. И куда бы ни шел этот свет, ему навстречу выплывала красота. Из темноты поднимались изящные колонны с каннелюрами, канделябры сверкающего хрусталя, странные драпри, висящие богатыми узорчатыми складками переливающихся оттенков — от зелени и синевы до густо-красного.

Звук шагов прекратился, свет остановился на месте.

— Кто это? Кто здесь? — прозвучал женский голос.

Он заколебался, отвечать или нет: это могла быть почитательница Модриана. Но свет метнулся к нему, быстрый, как светлячок.

— Там кто-то есть, я знаю! Выходи! — крикнул голос. Он звучал знакомо.

Дамион шагнул на свет, увидел его обладательницу — высокую молодую женщину в белом, светлые косы до колен. Сумка или узел переброшена через левое плечо, а в правой руке — свеча в медном подсвечнике.

— Лорелин! — крикнул Дамион, не справляясь с дыханием. — Это ты? Где мы, во имя Семи Небес?

— Дамион! — ахнула она. — Отец Дамион!

Она так поспешно поставила подсвечник, что он опрокинулся и свеча чуть не погасла. Бросившись к Дамиону, девушка схватила его за руки.

— Глазам своим не верю! Как вы меня нашли? Вы меня искали?

— Нет, я тоже пленник, — ответил он. — Почитатели Модриана — они меня бросили в эту пещеру.

Он в удивлении огляделся.

— Все это так необычно — я будто странствовал по какой-то волшебной стране.

Она слегка вздрогнула.

Он протянул руку и коснулся складки свисающей драпировки. Она оказалась не матерчатой, а каменной, твердой, как мрамор, переливающийся тонкими оттенками розового и светло-зеленого. На руку ему упала капля воды. Подняв голову, он увидел бахрому сосулек на потолке, и капельки наливались на их концах.

— Красиво, — выдохнул он, поднимая руку потрогать сосульку.

Она тоже, как занавес, была каменной и непрозрачной. От скального пола поднимались маленькие конуса, натекшие от падающих капель. Некоторые из них слились с потолочными образованиями в перетянутые посередине колонны.

— Похоже, это создано природой, капающей с камня водой.

Он подумал, сколько же надо было времени, чтобы из крошечных капелек образовались эти причудливые формы? Столетия, если не эпохи.

Лорелин прервала его мысли:

— Но я не смогла найти путь наружу. Он бы и не оставил дверь открытой, если бы был способ уйти.

— Он? — Дамион обернулся. — Кто это — он? И какую дверь? Тебя тоже бросили в дыру?

— Какую дыру? Нет, я попала сюда через дверь.

Он взял ее за руку.

— Давай-ка начнем с начала, Лорелин. Что с тобой произошло?

Она опустила глаза:

— Я сбежала из монастыря, пока девушки были в городе, на ярмарке. Я знала, что не могу быть монахиней, и не могла больше жить на всем готовом у сестер. Это было неправильно.

— Ты могла прийти ко мне.

— Я думала, что раз вы священник, то будете согласны с матерью-настоятельницей. И еще есть эта подруга монахов Ана и ее люди, но если бы я пошла к ним, то пришлось бы прятаться вместе с ними в туннелях, а это тоже не по мне. Я хотела совсем уйти — начать новую жизнь. Побродить по свету. Может быть, даже узнать, кто мои родители и откуда они.

На это он не нашел, что сказать: слишком это было созвучно его собственному настроению. А она продолжала:

— Но я не успела еще далеко уйти, как услышала сзади на дороге всадника. Он был в броне, как рыцарь. А глаза — помните того человека или кто это был, в церкви ночью?

Она вздрогнула.

— Рассказывай дальше, — попросил он.

— Я хотела убежать, но он — или оно — поскакал за мной, меня схватила чья-то рука, и мне зажали рот чем-то вонючим, и я вроде бы потеряла сознание. А проснулась в комнате, которой никогда раньше не видела, там был *он*. То есть был, но его самого там не было. Был только его голос.

— То есть он где-то прятался?

— Нет, его голос звучал у меня в голове. Как те голоса, что я слыхала раньше, только куда яснее — каждое слово было слышно. Он сказал, что скоро придет. Я ответила, что сбегу, а он только засмеялся и пропал. Я нашла снаружи коридор и много дверей, но некоторые были заперты, и ни одна не вела наружу. Потом я про-

голодалась и потому вернулась в комнату, а там была еда, которую он мне оставил, а потом мне захотелось спать, и я снова легла. Когда я проснулась, Мандрагор был уже в комнате.

— Мандрагор?

— Это его имя. Он стоял возле кровати и смотрел на меня. Я не испугалась — он был совсем не страшный, хотя вид у него очень необычный.

— Необычный? В чем именно?

— Ну, во-первых, глаза. Они желтые, и вообще как у кота, а не как у человека. Он подошел ближе и заговорил со мной, но не говоря ни слова.

— Это как?

— У него губы не шевелились. Он говорил прямо у меня в голове. От него исходила какая-то доброта и понимание, такое теплое, уютное ощущение. Я его спросила: «Ты волшебник? Как ты это делаешь?» Он ответил, что да, он волшебник, из очень древних волшебников, которые называют себя немереями. «Как Ана и ее друзья», — сказала я, забыв, что нельзя говорить о них. Но он мне ответил, что Ана и ее ковен не настоящие немереи, а злые колдуны, которые хотят меня использовать, то есть мою силу, и он сказал, что если я позволю им это, моей жизни будет вечно грозить опасность от людей, желающих мне зла. Если только я не останусь с ним. Он обо мне позаботится, увезет далеко, где они меня не достанут. Наконец он ушел, и я снова стала искать дорогу наружу. Я нашла лестницу, ведущую вниз, и так оказалась в этой пещере.

Лорелин подняла свечу и схватила Дамиона за руку.

— Пойдемте, вы должны помочь мне уйти! Я еще не смогла найти выход из пещеры, она все тянется и тянется, но в одном конце этого прохода есть дверь, и я уверена, что она выводит наружу. Она заперта, но вдвоем мы сможем ее вышибить.

— Тогда веди!

Дамиону никогда не забыть этого пути по залам и переходам. По дороге к тюрьме Лорелин они шли мимо картин неземной красоты, полузнакомых, получужих. Сильванитовые рощи, каменные натеки, как застывшие водопады или склоненные кроны плакучих ив. Из пола, будто со дна южного моря, росли хрупкие ветвистые кораллы, переливающиеся постельными оттенками. Стеклистые пряди висели с потолка хрустальной паутинкой. Неожиданно для себя Дамион взбодрился. Даже здесь, в темноте и духоте нутра земли, есть красота. Эти пещеры — храм, воздвигнутый землей самой себе.

И потом, как из сна в сон переходит сновидец, они с Лорелин оказались в новой пещере, больше и просторнее предыдущей. Пол ее был устлан чем-то вроде каменных цветков, синих, розовых и лиловых, и между ними журчал ручеек, через который переброшен был каменный мостик. Вот он выглядел как настоящий мост, сотворенный руками человека, а не как природное образование. И действительно, этот мост создали люди, а не природа: видна была ведущая к нему тропинка, вьющаяся среди известняковых цветов. Тропинка заканчивалась у двери — арочного проема, невероятным образом сделанного в стене и скрытого наполовину бахромой каменных сосулек.

Лорелин нетерпеливо тянула Дамиона вперед, по дорожке, через мост, к двери. Толкнув тяжелую дубовую створку, она потащила священника по узкому коридору из грубо обтесанного камня, потом по винтовой лестнице, еще в одну дверь, в коридор, по обеим сторонам которого тянулись деревянные двери. В простенках стояли безмолвные фигуры, сверкая плитами брони. Забрала опущены, в железных перчатках зажаты боевые топоры.

— В чем дело? — недоуменно спросила Лорелин, когда Дамион невольно отпрянул с возгласом.

Дамион рассмеялся над собой, но не сразу пришел в себя. На миг ему показалось, что это стоят не доспехи, а воины. Примерно десять полных комплектов вооружения — доспехи паладинов, судя по виду. В музее Академии такие же.

— Вот здесь меня держали. Посмотрите.

Лорелин открыла дверь и пригласила его входить.

Дамион остановился на пороге, осматриваясь. Даже королевские апартаменты в раймарском дворце не могли быть обставлены более пышно, чем открывшаяся комната. Огромные гобелены на каменных стенах, у дальней стены — широкая кровать под красно-золотым балдахином на резных столбах. В открытом платяном шкафу не менее полудюжины платьев, таких, что королеве не стыдно надеть: парча, бархат, золотое шитье. Пушистый красный ковер под ногами вился золотыми узорами и был так толст, что ноги утопали, как во мху. Вазы из хрусталя и тонкого фарфора, серебряные подсвечники. В углу лакированный ларец, переполненный ожерельями, браслетами и кольцами с драгоценными камнями.

«Этот Мандрагор, — подумал Дамион, — много путешествует. Гобелены — маракитской работы, ларец — каанский, а ковер — шурканский. Мебель, судя по виду, маурийская, и самой тонкой работы: столы с мраморными столешницами и ящичками черного

дерева. А украшения, а статуи — некоторые наверняка еще элейские. Тюремщик Лорелин — человек с огромным и тайным богатством. Вряд ли честно заработанным».

Дамион взял подсвечник, вернулся к двери и выглянул в коридор.

— А куда ведет дверь в том конце коридора? — спросил он.

— Не знаю. Она заперта, — ответила Лорелин и вдруг прервалась на середине фразы и застыла неподвижно, склонив голову, будто слушая. Синие глаза смотрели в никуда.

— В чем дело? — спросил Дамион. Он ничего не слышал.

— Да... хорошо, как скажешь. — Слова девушки были обращены не к Дамиону, и ему стало слегка жутко. Она говорила с кем-то, кого он не видел и не слышал. — У меня ведь нет выбора?

Она обернулась к Дамиону — глаза у нее расширились.

— Это Мандрагор! Говорит, что идет сюда. И ведет с собой кого-то, кто составит мне компанию, как он сказал. А потом он нас обоих куда-то увезет.

Он сжал ее руку:

— Лорелин, надо уходить. Сразу!

— Не буду спорить, — ответила она. — Пошли!

И побежала в коридор.

Дамион за ней. Остановившись возле ближайших доспехов, он вывернул из стальной руки алебарду и прикинул на ладони. Потом набросился на дверь. Лезвие боевого топора глубоко вгрызлось в старое дерево. Тяжело дыша, Дамион выдернул его и замахнулся снова. После каждого удара он оборачивался, ожидая, что похититель Лорелин ворвется в коридор. Когда он устал, Лорелин взяла оружие у него из рук и стала рубить сама. «Для девушки она необычайно сильна», — подумал он с удивлением.

Казалось, прошли века, пока они вдвоем, сменяясь и тяжело дыша, смогли вырубить замок. Изувеченная дверь отворилась, за ней оказалась каменная лестница.

— Пробились! — победно вскрикнула Лорелин, и Дамион не успел даже слова сказать, как она заключила его в мощных объятиях.

Это было всего лишь детское проявление восторга и нежности, внезапное и искреннее. Но Дамион чуть не потерял сознание, и не только от силы охвативших его крепких рук. Вдруг как-то сразу он ощутил ее тепло, ее прижавшееся тело, слабый аромат ее густых волос. Когда Лорелин его отпустила, он отшатнулся, ошалелый и несколько встревоженный.

— Побежали наверх! — сказала она, снова поднимая свечу.

— Минутку. — Дамион подошел к ближайшим доспехам и разобрал их, надев на себя нагрудник, перчатки и шлем. Подумав, надел также и перевязь с мечом. Одним Небесам ведомо, что может ждать за лестницей: этот Мандрагор мог поставить в развалинах стражу. — Я пойду первым.

Он устремился по каменным ступеням, почти забыв о Лорелин в стремлении скорее оказаться на поверхности. Лестница вывела в арку, а та — в очередной просторный зал. Дамион огляделся, моргая: здесь было совершенно пусто, только осыпающиеся каменные стены. Пол укрыт соломой, и когда он вошел в зал, две лошади подняли головы и уставились на него. Одна из них — огромная, черная как ночь, другая — изящная, под дамское седло, белая с кремовой гривой. На стене висела сбруя обоих коней, а также старинные доспехи, которые Дамион видел на вороном — неужто всего лишь вчера вечером?

«Вороной для Мандрагора, а белая — для Лорелин», — мрачно подумал Дамион. Он оглядел древние стены зала, понял наконец, где он, какая это часть развалин замка. Подземной тюрьмой Лорелин, как и следовало ожидать, послужили подземелья замка.

Она встала позади:

— Дамион, что будем делать? Отсюда нет выхода.

— Есть, — ответил он. — Смотри!

Перед ним в серой стене не очень отчетливо, но вполне достоверно можно было разглядеть контуры двери — каменной двери без ручки. Дамион стал ощупывать камни, не поддастся ли один из них, как в церкви паладинов. Через несколько минут поиска потайной механизм сработал. Дамион рванулся вперед по очередному коридору. В конце его тоже была лестница уже более поздней работы: ступени очень широкие и низкие, чтобы лошадь могла пройти. Лестница вела вверх, и там виднелись очертания новой двери. Еще один нажатый камень, еще один распахнувшийся проем — и они вышли наружу, в заросли развалин замка.

Дамион остановился первым. Он стянул с себя тяжелый шлем и остался стоять, тяжело дыша, слушая пение птиц, шорох ветра в деревьях. Бледный свет дня, ослепительный поначалу после темноты подземелья, стал слабеть, когда глаза привыкли: густой туман висел возле башен замка и клубился среди деревьев. Дамион наполнил легкие влажным свежим воздухом и обернулся позвать Лорелин.

— Стой где стоишь! — приказал голос.

* * *

Дамион застыл, потом медленно повернулся. В нескольких шагах от него стоял конь, вороной с белой звездочкой во лбу и белым чулком, а на спине коня — темнокожий всадник. Сердце Дамиона упало — он узнал Йомара, полумохарца на службе у зимбурийцев. Одет он был в черную кожу со стальным нагрудником, и на боку у него висела кривая зимбурийская сабля.

— Я тебя знаю, — буркнул темнокожий, разглядывая Дамиона. — Ты тот поп, что всюду суется? Который заварил всю эту кашу еще на Яне. И теперь ты удрал и пристал к этим дуракам в подземельях.

— Что ты о них знаешь? — спросил Дамион.

— Патриарх Норвин получал безымянные письма о них. Сперва он не обращал внимания, но мы уговорили его действовать. Вот он и послал меня и других своих телохранителей постеречь ваши крысиные норы. Мы знали, что кто-нибудь рано или поздно вылезет подышать.

— Я не вхожу в их секту. Я сбежал от них.

Даже самому Дамиону эти утверждения показались не слишком убедительными.

— Как же! — фыркнул Йомар.

— Ты же служишь не патриарху? — с вызовом спросил Дамион. — Ты служишь зимбурийцам.

— Где прячется твой ковен ведьм, *святой отец*? — отпарировал мохарец, издевательски подчеркнув титулование.

Дамион не ответил. Он развернулся и бросился бежать — но тут же с разгону налетел на Лорелин, которая оказалась сразу на ним. Они споткнулись, цепляясь друг за друга, и свалились в кучумалу.

— Беги, Лорелин! — крикнул Дамион, поднимаясь и выдергивая ее рывком с земли.

— Лорелин! — повторил мохарец. Искра интереса мелькнула у него в глазах, и он подъехал поближе. — Значит, ты и есть та самая девчонка. Та, о которой говорилось в записках, что колдуны ее называют Трина Лиа.

— Трина Лиа? — повторила Лорелин. — О чем ты?

Дамион схватил ее за руку и поволок в развалины. Но тут же за ними застучали копыта — всадник не отставал. «Нам его не перегнать», — подумал Дамион, но тут вороной споткнулся на выбоине мостовой и упал на колени, бешено заржав. Мохарец, выругавшись, спрыгнул с него и погнался за ними пешком. Послышался скрежет извлекаемой из ножен стали.

Хоть у них и была фора, он без труда догнал их и схватил Лорелин за правую руку. Угрожающе наставив клинок на Дамиона, он стал отступать, крепко сжимая протестующую девушку.

— Ой! Пусти, больно! — крикнула она возмущенно, пытаясь вывернуться.

— Будет еще больнее, если не пойдешь по-хорошему, — огрызнулся он.

Держа девушку за руку и не обращая внимание на удары, которыми она осыпала его свободной рукой, мохарец возвращался к коню, все еще стоявшему посреди двора на коленях. Угрожая острием клинка, он заставил Лорелин сесть коню на спину, потом вскочил в седло и дал коню шенкеля. Фыркнув, конь с трудом поднялся, дрожа и мотая головой. Метания Лорелин тревожили лошадь: девушка орала и размахивала руками и ногами, случайно даже угодила ногой в лицо Дамиону, когда он подбежал, чтобы вырвать ее у похитителя. Священник рухнул на разбитую мостовую. Мохарец, держа меч у горла девушки, схватил поводья свободной рукой, повернул коня и направил его к ближайшему мосту через ров. Стук копыт и вопли Лорелин затихли на каменной дороге.

Дамион, потирая ушибленную щеку, поднялся на ноги и побежал за лошадью, потом понял, что это бесполезно и остановился в отчаянии.

«Я пытался ее спасти, а вместо того отдал прямо в руки зимбурийцам!»

Тихий звук позади заставил его обернуться. Белый конь подошел к нему сзади и стоял, глядя на стену куртины с выражением легкого вопроса в глазах. В ответ на пристальный взгляд Дамиона он тихо заржал.

Дамион поежился. Он давно не ездил верхом и не было времени седлать лошадь. Но ничего другого не оставалось — он подбежал к коню. Отличное оказалось животное, с добрым нравом и хорошей выучкой: конь склонил переднюю ногу «в поклоне», давая священнику взобраться на спину. Захватив горстями гриву, Дамион послал лошадь вперед. Она сразу же повиновалась. Через секунду Дамион уже скакал по траве внешней ограды, потом по разбитым камням и по деревянному мостику.

Лорелин и ее похититель далеко не ушли: мохарец остановил коня и боролся с девушкой. Дамион ударил лошадь каблуками в бока, но она, очевидно, была обучена ходить не быстрее, чем легким галопом. Дамион видел, как Йомар и Лорелин свалились с коня и продолжали бороться, катаясь по дерну. Оба они посмотрели в его сторону. Мохарец вытаращил глаза и захохотал:

— Сперва этот поп вообразил себя воином, теперь он думает, что умеет ездить верхом! Осторожнее, святой отец! — вскрикнул он насмешливо, когда Дамион обнажил свой короткий меч и неуверенно выставил перед собой. — Как бы вам не порезаться!

Он вспрыгнул в седло.

Дамион молча и угрюмо приближался к нему. Мохарец развернул коня, поднял меч и ждал. Лошадей будто заразила враждебность всадников: сближаясь, они вращали глазами, фыркали, старались друг друга укусить. Мохарец взмахнул клинком, и Дамион как-то поймал удар своим мечом, удачно парировал, хотя сам удар отдался вверх по рукам и по груди. И снова встретились клинки. Йомар выбил у Дамиона из руки оружие, но когда он наклонился нанести удар, священник схватил его за руку. Йомар потерял равновесие и свалился, увлекая за собой Дамиона.

Первым сумел встать мохарец. От ярости он двинул Дамиона по лицу, забыв об оружии. Дамион упал на спину, схватившись за скулу: именно туда же ранее пришелся удар Лорелин. Взмыленные лошади отбежали подальше, а Йомар повернулся к девушке.

— Так, ты пойдешь со мной! — рявкнул он, подходя к ней и хватая за руку. — Меня убьют, если я тебя сейчас потеряю. Так что пойдешь волей или неволей.

Не говоря ни слова, Лорелин отвела свободную руку назад, сжала кулак и ударила его в челюсть.

Мохарец вскрикнул, отшатнулся и упал. Девушка завопила и отпрыгнула, держась за поврежденное запястье.

Дамион снова вскочил на ноги.

— Йомар! — крикнул он. При звуке своего имени чернокожий обернулся. — Как ты можешь? — продолжал Дамион. — Как ты можешь служить зимбурийцам после того, что сделали они с Мохарой...

— Заткнись! — яростно заорал чернокожий. — Ты сам не знаешь, что говоришь. Вообще ничего не знаешь!

Он стал наступать с занесенной саблей, но Дамион пошел ему навстречу, протягивая пустые руки. Мохарец остановился.

— Йомар, послушай! Ты ведь в Маурайнии. Ты можешь в любой момент уйти и быть свободным! Оставь зимбурийцев, останься здесь, с нами!

— Уйти? — Йомар гневно засверкал глазами. — И что делать? Осесть в городе или в деревушке? Да, меня среди маурийцев никак не найти! — Он показал на свое черное лицо. — Меня выследят. И убьют. Не понимаешь? Я теперь слишком много знаю...

— Мы тебя спрячем, — пообещал Дамион. — В катакомбах, где зимбурийцам тебя ни за что не найти. Переправим в другую страну.

Он был в двух шагах от мохарца, на расстоянии удара саблей. Острие приподнялось — но удара не последовало.

— Йомар, они ее убьют, если ты ее им доставишь, — сказал он тихо, так, чтобы слышал только Йомар.

Темнокожий посмотрел на него, на Лорелин, стоящую неподалеку с опечаленным и встревоженным лицом. Судорога чего-то, похожего на страдание, исказила его лицо, и голова опустилась на грудь, будто у побежденного в битве. Клинок опустился, рукоять выскользнула из руки. Тишина окутала троих на Старой Дороге. Она крепла, сливаясь с широким безмолвием, туманом, повисшим над округой.

На лугу белый конь и вороной стояли рядом, все еще фыркая и отдуваясь. Потом они опустили головы и начали пастись.

10
Мандрагор

Эйлия зевнула, потянулась и вернулась в явь.

Она видела еще один сон, странный и темный сон, будто ее несут на руках по длинному туннелю, где возникают и исчезают какие-то фигуры у стен; помнилась пещера с лесом каменных деревьев, озеро, как лист темноты, растянутый в пустоту. Озеро — это ведь из древних легенд? Подземное озеро под замком, всевидящее стекло для принца Морлина и место его последнего упокоения...

Эйлия смутно помнила два голоса где-то в темноте. Она часто слышала голоса, пока лежала на неопределенной границе сна и бодрствования, и знала, что это обычное явление полусонного состояния: звуковые призраки, порожденные дремлющим мозгом. Но эти были слишком отчетливы. Один мужской, как она поняла, другой женский, и оба мучительно знакомы, но если они реальны, то лица от этих голосов никак не удавалось вспомнить.

— Ладно, — сказал мужской голос, — если она не из твоих, то что она здесь делала? И откуда она знала, что Лорелин здесь?

— Ты твердо уверен, что она знала? — спросил женский.

— Не валяй дурака! Я видел ее в твоей палатке, и знаю, сколько у нее было времени, чтобы выйти снова. Она из твоих — из вашего заговора!

— Я только рассказала ей о старых поверьях. О немереях она ничего не знает.

— Не важно. Даже если ты ее еще не совратила, то наверняка собиралась.

— Когда-то ты мне верил. Жаль, что не веришь теперь. — Эти слова сопровождались вздохом. — Давай не будем доводить дело до ссоры. Я тебе не враг. Вспомни, я тебе жизнь спасла...

— Еще как помню! Как мне это забыть, если ты при любом случае напоминаешь? Ладно. Сохрани при себе этот кусок пергамента, хотя пользы тебе в нем нет. Но девушку не трогай, оставь в покое, предупреждаю, иначе я не отвечаю за то, что с ней будет.

— Ты про Лорелин? Я хотела только одного — освободить ее, как и того молодого священника. Где они сейчас?

— Честно сказать, не знаю. Когда я вернулся, ее не было, и дверь на лестницу разнесли боевым топором. Я это отнес к твоей манере всюду совать свой нос.

— Я тебя заверяю: ни я, ни мои немереи никакого отношения к этому не имеют.

Эйлия неуверенно открыла глаза. Сквозь щель в тяжелой красной драпировке видна была со вкусом обставленная комната, освещенная лишь свечами. Девушка снова закрыла глаза: очевидно, она еще спит. Такая комната не может быть наяву.

— Интересно мне было, что тебе понадобилось там, наверху, — продолжал женский голос. — Нарядиться в доспехи и притворяться призраком — зачем?

— Допустим, я просто развлекался.

— Это привлекло недружественное внимание поселян, ты согласен? Ты хотел их напугать, чтобы сюда призвали изгонятелей злых духов, а тогда нашли бы катакомбы и немереев. Понимаю. Но зачем тогда прятать здесь Лорелин?

— Это временно, пока не найду лучшего укрытия.

— А это бедное дитя?

— Да просто компания для Лорелин. Чтобы ей не коротать одной пожизненное заключение. Видишь, я умею быть заботливым.

Ирония в голосе мужчины была очевидна.

Раздались шаги, и говорящие вошли в узкий просвет, открытый Эйлии щелью занавесей. Женщина, очень невысокая и худая, стояла к девушке спиной; плечи и голова закутаны серой шалью.

Перед ней ходил туда-сюда мужчина, беспокойный, как зверь, — тот самый, со странными желтыми глазами. Сейчас он был одет во что-то вроде старинных рыцарских доспехов — стальные пластины брони и длинный темный плащ.

— Если хочешь, можешь ее выпустить — я всегда найду другую. А сейчас я поищу Лорелин в округе, и тебе бы лучше не быть здесь, когда я вернусь. Или я могу забыть, чем обязан тебе.

Человек в доспехах посмотрел женщине в глаза, произнося эти слова, и в них, в кошачьих зрачках, отразился огонек свечей, превратив их в желтые диски пламени.

Эйлия попыталась сесть, но в ушах зашумело, и она свалилась обратно, провалившись в сумерки дремоты, откуда только что вынырнула.

Через какое-то время она снова ожила. Когда она осторожно открыла глаза, странная комната была на месте. Эйлия зажмурилась, приказывая ей уйти. Иногда так бывает: не раз вообразишь, что ты уже проснулась, пока не проснешься по-настоящему. Через миг она очнется полностью, и в окна спальни будет бить по-весеннему яркое солнце, а тем временем Арианлин — она всегда встает первой — будет поднимать остальных: «Вставайте, сони! Смотрите, какой веселый день!».

Эйлия улыбнулась и открыла глаза.

Никуда не делась ни комната, ни кровать под красным балдахином.

«Что со мной сталось?» — подумала она, переставая улыбаться. Резко сев, она тревожно осмотрелась. Потрогала балдахин, взяла в руку спадающие складки ткани.

— На ощупь — настоящее, — произнесла она вслух, гладя шероховатую материю. — Не похоже... не похоже на сон.

И в тот же миг раздались тихие шаги по ковру. Эйлия быстро обернулась и увидела худощавую женщину в шали. Та шла к ней, опираясь на трость. И вид у нее был знакомый.

— Здравствуй, дорогая, — сказала старуха. — Значит, ты снова у нас.

Ну конечно! Старая Ана, гадалка с ярмарки.

— Не понимаю, — произнесла Эйлия, проверяя, может ли она сохранять равновесие. — Что случилось? Как я оказалась... — она осмотрелась еще раз, — здесь?

— Похоже, что тебя спутали с кем-то другим, — объяснила Ана. — Но не бойся, все уже выяснилось.

Эйлия приложила руку к виску. Голова плыла, и все было по-прежнему будто во сне.

— Наверное, лучше мне будет тебя проводить, — заботливо сказала Ана. — У тебя неважный вид. Я думаю, он тебя одурманил.

— Одурманил? — про себя сказала Эйлия.

Она поднялась, шагнула вперед, и ковер на полу будто поехал из-под ног, как палуба корабля, когда он взлетает на волну. Эйлия не успела упасть, как старая Ана подхватила ее под руку и поддержала, насколько могла, сама опираясь на трость.

— Ну-ну, — произнесла она, успокаивая девушку, как испуганную лошадку. — Давай пойдем.

Медленно и неуклюже они вдвоем пошли через комнату к двери, потом по внушительному коридору, где стояли доспехи в простенках между дверями, потом — с большим трудом — по длинной лестнице и еще через несколько голых комнат. Наконец арка, заросшая плющом, и они оказались снаружи. Эйлия узнала руины замка, одичавшие сломанные стены, поросший сорняками мощеный двор. Вечерело, и рваный туман все еще бродил среди развалин.

Впереди послышались шаги, и из темноты появился большой серый зверь, приветствовавший старуху как хозяйку. Таких огромных псов Эйлия в жизни не видела. Ана положила ему на голову сморщенную ручку.

— Здравствуй, Волк! — сказала она. — А Метелка тоже здесь? — И повернувшись к Эйлии, добавила: — Не бойся, милая. Он тебя не тронет.

Но Эйлия и не боялась. Все это было какое-то далекое, не настоящее. Ум будто отделился от тела, глядя на него издали. Прибывающая луна всходила над клочьями тумана, но разглядеть дорогу Эйлия не могла. Почва еще качалась под ногами, девушка спотыкалась, грозя потянуть за собой Ану. Пес шел за ними, повизгивая. Вдали, сквозь брешь в сломанной стене, Эйлия увидела длинную цепочку красных огней, похожих на факелы, текущую от Академии к развалинам. Она казалась далекой и никакого отношения к ней, Эйлии, не имеющий. Но Ана, судорожно вздохнув, повернула назад.

— Кажется, дорогая, нам придется пройти другой дорогой, — шепнула она. — Нехорошо для тебя будет, если тебя увидят здесь со мной.

Эйлия хотела было спросить почему, но пришлось бы слишком напрягаться. Она послушно направилась в другую сторону. Уже

наполовину они обошли внешнюю стену, когда раздался голос, где-то вблизи:

— Ана! Ана, это ты?

Эйлия уставилась на всадника, выехавшего из развалин цитадели на белом коне. Он был одет в серебристый нагрудник паладина, сверкающий под луной, и видно было, что он молод и красив — очень похож на Дамиона Атариэля. Снова закружилась голова, откуда-то вынырнуло глупое желание рассмеяться. «Дамион — рыцарь в сверкающих доспехах! Это уж слишком, даже для сна». Потому что это, конечно же, был сон. За спиной рыцаря на лошади сидел еще один человек — девушка с длинными светлыми косами, как у Лорелин. И за ними ехал еще один всадник. У него было странно темное лицо, которое даже луна осветить не могла. Ей вспомнился молчаливый мохарец из библиотеки в ее первый день в Академии.

Человек, похожий на Дамиона, велел своей лошади остановиться и соскочил с седла. Он шел к Ане, собираясь что-то сказать, но этих слов никто так и не услышал.

— Я так и знал! — послышался злобный ликующий голос.

Все они обернулись. У них за спиной сидел на лошади еще один всадник, в полной броне под темным плащом. У Эйлии снова закружилась голова, и она, выскользнув из ослабевшей руки Аны, резко села на землю.

Первым пришел в себя мохарец.

— Кто ты такой и что тебе надо?

Всадник подъехал на боевом коне и снял шлем. Длинные темно-каштановые волосы упали свободно, и сквозь темные локоны блеснули холодные, как иней, глаза. Да, это был тот человек с глазами рыси, с которым говорила Ана, тот, в доспехах рыцаря.

— Я спросил, что тебе надо? — с угрозой повторил мохарец.

— Мне нужна эта девушка, — ответил незнакомец холодным и сдержанным голосом. — И немедленно.

Большой пес Аны зарычал, и боевой конь фыркнул и ударил об землю огромным копытом.

— Волк! — резко сказала Ана. — Стой!

Эйлия смотрела и слушала, ничего не понимая. Глядя то на одного, то на другого, она пыталась понять, что происходит, но от всего этого снова поплыло перед глазами.

— Она никуда не пойдет, — сказал Дамион рысеглазому, — кроме как обратно в монастырь.

Человек его не слышал — он глядел только на Ану. Волк снова зарычал. Только рука Аны на загривке будто сдерживала его

от нападения — не слабый подвиг, подумала Эйлия, поскольку пес весил никак не меньше Аны. Рысеглазый подъехал к белому коню и схватил его за уздечку рукой в стальной перчатке. Голос его звучал повелительно — он обращался к девушке на белом коне.

— Пойдем со мной, Лорелин. Ана тебе не друг. Я тебе говорил — ей всего лишь нужно тебя использовать.

«Значит, это Лорелин! — подумала Эйлия, заинтригованная оборотом, который принимал ее «сон». — Я должна все это запомнить, это просто чудесно. Лорелин — Дамион — старая Ана — этот мохарец из библиотеки... Странно, как много встреченных когда-то людей сходятся в одном сне». Голова опять пошла кругом, и захотелось засмеяться.

— Зато ни Ана, ни ее друзья не удерживали меня против воли! — возразила Лорелин, спрыгивая с лошади и подбегая к старухе. — Никуда я с тобой не пойду!

— Слышал, Мандрагор? — спросила Ана. — Тебе не удержать ее и не помешать ей исполнить свое предназначение.

— Тогда ее кровь на твоих руках, — буркнул он и ударил коня шпорами. Бронированный скакун пронесся между людьми, разрывая туман в клочья, и полным галопом устремился к пролому в стене куртины. В наступившей тишине вдали затихал стук копыт.

— Чудесно, — едва слышно пробормотала Ана и тоже свалилась на траву.

Дамион подбежал к Эйлии, наклонился над ней, лежащей без сознания.

— Что с ней? Кто это, Ана? Лицо знакомое...

— Это Эйлия Корабельщик, — ответила Лорелин. — Я ее знаю.

— Мандрагор по ошибке принял ее за одну из моих немеерек и похитил, — объяснила Ана. — Думаю, он ее одурманил.

— Я ее отнесу обратно в монастырь. Лорелин, ты тоже со мной. — Он поднял Эйлию на руки и встал, мотнув головой в сторону мохарца, который так и не спешился. — Ана, это Йомар — он беженец из Зимбуры. Если вы сможете дать ему временное укрытие в катакомбах, он будет вам очень обязан.

— Он сказал, что я — Трина Лиа, — сообщила Лорелин Ане.

Йомар фыркнул:

— Я сказал, что эти дураки *думают*, будто ты — Трина Лиа, — бросил он презрительно, спешиваясь и подходя к ней.

Она не обратила внимания.

— Ана, это правда? То, что он говорит?

— Боюсь, дорогая, что на это очень похоже, — осторожно ответила старуха. — Я тебе раньше не говорила, потому что не знала точно.

— Лорелин, *идем*! — резко позвал Дамион. — Ана, я тебя просил ей этого не говорить.

— Кажется, она уже знает, и не от меня, — ответила старуха. — Больше нет смысла скрывать от нее правду.

— Мы с тобой договорились... — начал он и осекся, вспомнив собственное решение нарушить свое слово.

Но Ана не обращала на него внимания. Она стояла неподвижно, склонив голову набок, будто слушая что-то вдалеке. И он тогда тоже услышал: зловещий звук, будто река вышла из берегов. Людские голоса, и многие — в гневе. Разбитые стены куртины осветились желтым пляшущим светом факелов. И свет шел к ним через развалины вместе с гулом голосов и топотом ног.

Громкий ревущий голос прорезал ночь:

— Мы знаем, что вы здесь! — пронеслось над двором. — Вы окружены, выходите! Все выходите!

Сквозь внешние стены повалил народ — Дамиону эти люди показались похожи на окрестных поселян. Одежда простая и грубая, и хотя было с ними несколько крепких женщин, в основном это были мужчины. При них была крытая двуколка, влекомая большой серой ломовой лошадью, и в двуколке — несколько юнцов с факелами.

Ана спокойно пошла им навстречу, и шум над толпой стих, будто людей застало врасплох такое появление их дичи перед ними. Некоторые, стоявшие впереди, подались назад, вытягивая вперед руки со сложенными пальцами — знамение, отгоняющее зло. В задних рядах Дамион заметил несколько человек, держащихся отдельно, некоторые верхом. Это уже были не поселяне: у верховых были бледные лица и черные волосы зимбурийцев, а коренастый пожилой человек был одет в мантию патриарха Веры. По бокам от него стояли два монаха в сером.

Дамион испустил долгий выдох. Этими монахами были аббат Холм и приор Дол.

В звенящей тишине голос Аны прозвучал ясно и без страха:

— Я Ана. Чего хотите вы от меня?

К ней бросился поселянин, размахивая факелом:

— Чтобы ты убралась отсюда, ведьма! — заорал он. — Ты и все, кто шастает в этих катакомбах! Чтобы не лезла в наши дела!

— А что я вам сделала? — спросила она.

— Чего ты только не делала! Жгла амбары, резала и увечила скот! Это ты все это делала, ты и твой проклятый ковен! — Он с подозрением поглядел на Дамиона и остальных. — Нет у тебя права жить здесь среди порядочных людей!

Он еще шагнул вперед, и Волк заворчал, ощетинившись.

— Не зли собаку, — предупредил Дамион.

— Собаку! — Человек язвительно засмеялся. — Это не собака. Это *волк!*

Снова серый зверь зарычал, и свет факелов отразился от его клыков и желтых глаз.

— Чушь, — произнес Дамион неуверенно.

— Ты думаешь, я не отличу чистокровного волка от собаки? Я, который жизнь прожил в этих горах? Она ведьма, говорю тебе, заклинательница зверей! — Он повернулся к толпе. — И это еще не все ее пакости! Все мы видели принца-призрака среди развалин — это она его вызвала. Это место проклято!

Сердитый гомон прошел над толпой поселян. Но стих, когда Ана заговорила снова:

— Призрака нет. Это был живой человек, которого вы видели. А ваши амбары и ваш скот мы не трогали — это черные колдуны, поклоняющиеся Модриану. Я вас о них предупреждала.

Но тут выступил вперед клирик высокого ранга. Дамион узнал эти густые брови и седеющую бородку, и у него упало сердце. Патриарх Норвин Зима, из Высокого Храма. Он заговорил суровым голосом:

— Женщина, ты обвиняешься этими людьми в колдовстве, почитании демонов, наложении чар и некромантии. Люди Господа терпели, что ты живешь здесь и занимаешься своим черным искусством, хотя долг каждого богобоязненного человека — немедленно доносить церковным властям о подобных вам личностях. — Он сурово посмотрел на монахов. — Когда ко мне явились выборные от поселян, я искренне надеялся, что рассказы о колдовстве окажутся всего лишь досужими вымыслами. Но я призвал к себе приора и аббата монастыря, и под святой присягой они не могли более отрицать свою роль в этом богопротивном заговоре. Свиток, который якобы *дополняет* святое Писание — сам по себе достаточное кощунство, и если бы от меня зависело, он бы давно был уничтожен. Но отдать его заведомым ведьмам! А когда я лично являюсь выполнить ритуал изгнания бесов из этих развалин, что нахожу я, как не общество ведьм, прячущих среди себя одну из них в чародейском трансе!

Он гневным жестом показал на беспамятную Эйлию, обмякшую на руках у Дамиона.

Аббат Холм вышел вперед в сопровождении приора Дола.

— Мне очень жаль, что так вышло, Ана. Не знаю, как это произошло — могу поклясться, что никто из братства ничего никому не говорил...

Приор с видом одновременно беспокойным и робким прокашлялся и добавил:

— Знаешь, Ана, наверное, вам действительно лучше бы уйти.

— Нет! — Один из помощников патриарха пришпорил коня, и в свете факелов Дамион узнал его лицо. Это был тот темноволосый, коренастый, который проник в библиотеку Академии с Йомаром. — Нельзя ее отпускать! Она должна быть наказана!

— Она будет наказана, Хирон, — мрачно заверил его патриарх. — И другие ведьмы тоже.

Дамион вдруг до тошноты ясно понял, как выглядит, стоя здесь среди развалин, одетый в ошметки доспехов паладина, с бесчувственной юной девой на руках и рядом с ним женщина, только что признавшая себя ведьмой. Подавляя дикое желание засмеяться, что было бы катастрофой, он положил Эйлию на траву и начал стаскивать с себя броню.

— Мы не колдуны, ваше преосвященство. Я только освободил Лорелин и вот эту другую девушку. Их держали в плену в развалинах...

— Слышите? Это она — эта девушка Лорелин, источник ереси! О ней говорилось в тех письмах, что приходили вам. Ее надо сейчас же взять, и священника тоже! — выкрикнул человек, которого звали Хироном.

Дамион подошел к монахам, но аббат Холм опустил глаза к земле.

— Прости, Дамион, — сказал он.

— Это и есть Дамион Атариэль? — Глаза патриарха были как льдины. — Отойди со мной в сторону. Я желаю говорить с тобой.

Дамион неохотно повиновался. Они отошли на несколько шагов по освещенным факелами развалинам.

— Горестно мне, сын мой, видеть тебя в подобном облачении, — произнес патриарх Зима. — Тебе известно, конечно же, что ты совершил серьезный проступок, облачившись в одеяние мирянина без благословения. Не говорю уже о том, что ты взял в руки оружие.

Дамион посмотрел на перевязь, которую так и не успел снять.

— Я... — начал он, но патриарх перебил:

— Я получил письмо, оставленное тобою у тебя в келье, где ты просишь освободить тебя от обетов священнослужителя. Я рад, что тебе хотя бы хватило чести снять с себя священный сан раньше, чем броситься в это сомнительное предприятие — не перебивай меня! — в отличие от тех монахов, что все еще облачены в одежды своего ордена. Услышав впервые о твоей роли в доставке того свитка в Маурайнию, я посчитал, что ты не хотел дурного и был лишь орудием в чужих руках. Не перебивай! Ты еще можешь быть прощен, вероятно. Тебя прельстила, очевидно, эта юная женщина, эта Лорелин, заманила в свой ковен...

— Я не участвовал ни в чем таком, ваше преосвященство, я могу подтвердить это под любой клятвой! И Лорелин тоже. Нас обоих держали здесь в плену, в подземелье этих развалин, и мы помогли друг другу сбежать. Я хотел вернуть ее сестрам...

— Боюсь, для этого уже слишком поздно, — произнес старший из двоих, качая головой. — Подобная ересь распространяется, как зараза, ее трудно искоренить, когда она закрепится в умах людей, и она способна перекидываться на других. Если Лорелин вернется в монастырь, она заразит других учениц. Что до тебя, то на возвращение твое к служению нет надежды, чего, хочется думать, нельзя сказать о спасении твоей души.

— Моей души? — Дамион вдруг разозлился. — А вас не смущают души тех зимбурийцев, с которыми вы прибыли и которые почитают Валдура?

— Ничего подобного они не делают. Они отвергли своего языческого бога и обратились к Вере.

— Правда? Вот этого вашего помощника Хирона я уже видел. Он рыскал по библиотеке, выискивая свиток. Можете спросить его — зачем!

Патриарх остался невозмутим.

— Дабы искоренить его вредное влияние на вас, разумеется. Медалар Хирон муж достойный, и пользуется моим безоговорочным доверием.

— Он лазутчик! — Дамион почти кричал. — Лазутчик царя Халазара!

Патриарх Зима покраснел от гнева, но с усилием взял себя в руки, вернув лицу серьезно-мрачное выражение.

— Не возвышай голоса, сын мой, равно и не противоречь мне. Ты не освобожден еще от своих обетов, в том числе обета послушания. Я дам тебе последнюю возможность искупить вину. Помо-

ги мне вытоптать эту ересь раньше, чем она распространится. Открой мне тайное место, где собирается этот ковен и лежит свиток лжеписания, который ты им отдал.

Дамион оглянулся на вооруженных зимбурийцев, увидел на их лицах выражение наглого удовлетворения.

— И что вы... с ними сделаете? — спросил он.

— То, что должно. Дело не только в том, что они искали спасения в этой юной особе, а не в Вере. Они также совершили серьезные преступления, за которые должны дать ответ.

Дамион колебался. Последователи Модриана заслужили наказание, но, насколько ему было известно, люди Аны никого не обидели, а открыть место сбора одной группы значило выдать и другую. Несправедливо ведь будет наказывать одних за преступления других?

Подождав немного, патриарх пожал плечами — красноречивый жест.

— Я тебе дал все возможности спастись, но ты твердо решил погубить себя. Теперь ни слова более: все, что ты скажешь, может быть использовано против тебя на суде.

— На суде? — повторил Дамион. — То есть... то есть инквизиция?

— Не будь глупцом. Это дело властей светских, и им в руки будешь ты передан.

— Но вся эта чушь насчет демонов — это же Темные Века!

— Эти поселяне до сих пор живут в Темных Веках, — ответил патриарх. Голос его изменился, стал почти проникновенным. — Суеверия не всегда можно искоренить разумом. Для тебя это, быть может, чушь, но для них реальность. Эти люди пришли ко мне с верой, что я смогу избавить их от страхов, и я должен проследить, чтобы это было сделано, даже если в чем-то мне придется притвориться. Это я обязан сделать ради них.

Дамион глядел, холодея, в это непроницаемое лицо. Наконец-то он понял. Он сам, Ана, Лорелин, монахи, немереи — этот человек воспользуется всеми, как и своими зимбурийскими «новообращенными», ради собственной выгоды и карьеры. Никакие доводы Дамиона поколебать его не могут. Планы его уже составлены.

Возвращаясь к остальным, Дамион искал глазами взгляд аббата Холма — и встретил его. Старик с несчастным и тревожным видом заговорил:

— Ваше преосвященство, можно ли нам...

— Замолчи, монах! — громко и звучно прервал его патриарх Зима. — Ты и твой приор позволили этим немерейским колдунам заниматься своим богомерзким искусством и вредить добрым людям всей округи! Лишь развращенный пастырь дозволит волкам рыскать возле его овец. Вы также хранили свиток, который есть источник ереси. Возвращайтесь же со мной в Академию и покажите мне потайное гнёздо этих ведьм.

Полузимбуриец жестом велел Йомару следовать за собой: очевидно, он не подозревал предательства со стороны раба. Йомар повиновался с опущенной головой, не глядя на Дамиона и его спутников. Глаза чернокожего стали как погасшие черные угли. Хирон достал из седельной сумки свернутый в трубку пергамент и помахал им перед Дамионом с мерзкой улыбочкой.

— Вот письмо от самого верховного патриарха, за его подписью и печатью. Братия ордена Святого Атариэля обвиняется в нарушении обетов, выразившемся в общении с колдунами. Предводительница ковена Ана должна понести кару за преступления перед Богом и людьми, а с нею все ее присные, равно как и ее демонские фамилиары, вселившиеся в тела серой кошки и волка...

Перед глазами Дамиона мелькали буквы, начертанные трясущимся почерком выжившего из ума старика. Что еще мог наплести ему Норвин Зима?

— Одержимые демонами животные подлежат уничтожению, и обряд изгнания демонов должен быть выполнен на развалинах, дабы изгнать оттуда призрака. Но приговор Аны может быть смягчен, буде она чистосердечно раскается и назовет все имена членов своего ковена. Подпись: его преосвященство Пий Девятый, верховный патриарх.

Тут раздался жуткий вой, и Дамион повернулся к Серой Метелке, которая устроилась на залитом светом бастионе подобно горгулье, злобно глядя на толпу. Не меньше дюжины других кошек выстроились рядом с ней. Глаза их отражали огни факелов, производя сильнейший эффект.

— Демоны! Демоны! — крикнул кто-то.

Волк вырвался из рук Аны и бросился в толпу, щелкая зубами и рыча на тех, кто угрожал его хозяйке. Охваченная паникой толпа бросилась врассыпную. Но патриарх, монахи и зимбурийцы остались стоять, как и Ана и окружившие ее молодые люди.

— Вы, аббат и приор, идите со мной, — повторил Зима. — Я раскопаю ваш заговор до донышка, даже если это будет последнее из деяний моей жизни. Хирон, обвиненных в ведьмовстве пору-

чаю тебе. Отвези их в город и сдай в тюрьму. Я займусь ими, когда закончу здесь.

Он и два монаха зашагали обратно к Академии, оставив Ану, священника и девушек с зимбурийцами.

— Вы пойдете с нами, — распорядился Хирон. Он и его люди окружили пленников.

— Нет! — закричала Лорелин. — Я ничего плохого не сделала! Никто из нас ничего плохого не делал!

Хирон не ответил — только положил руку на рукоять меча. Дамион в отчаянии встал перед Лорелин и вытащил свой клинок. Зимбурийцы спешились и стали надвигаться на него, и тут он со свистом взмахнул мечом — они остановились от неожиданности. На сопротивление они явно не рассчитывали. У Дамиона мало было надежды победить при таких шансах, но хотя бы он оттянет момент пленения. Он снова взмахнул мечом, и звук рассекающего воздух клинка опьянил, как вино. Он не бессилен. Он не сдастся без боя.

— Остановись, дурак! — мрачно буркнул Йомар. — Не видишь, что ли, насколько их больше?

— Обезоружить его! — велел Хирон.

Трое вышли вперед с обнаженными клинками. Дамион на миг застыл в нерешительности, кровь еще бурлила в жилах. Его окружили, и он опустил меч. Старший презрительно взмахнул своим оружием и выбил меч из руки Дамиона.

Ана вышла вперед и положила руку ему на локоть. Прикосновение было легче сухого листа, но успокоило Дамиона. Ана повернулась к Хирону:

— Нет необходимости действовать силой. Мы идем с вами.

Раздался еще один вой сверху, и Метелка прыгнула на землю, подбежала к Ане и вскочила в ее сложенные руки.

— Фамилиар! — вскрикнул кто-то из зимбурийцев, поднимая оружие.

— Дурак! — фыркнул Хирон. — Неужто ты веришь в чепуху, которую накарябал их выживший из ума верховный жрец? Это просто облезлая старая кошка, ничего больше. Внимание, пленники! Вперед!

Эйлию донесли до повозки, которая стояла рядом, брошенная, и загрузили туда ее бесчувственное тело. Ану, все еще с кошкой на руках, и Лорелин заставили туда влезть, а за ними Дамиона. Закрыли и застегнули задний борт. Один зимбурийцев встал перед конем, взял под уздцы и повел. Остальные, включая Йомара, сели

на коней и поехали, ведя в поводу лошадь своего товарища и белого коня, которого зимбурийцы посчитали военным трофеем.

В мрачном молчании они ехали, казалось, несколько лиг. Внезапно Дамион, смотрящий за дорогой, обратился к конвоирам:

— Куда вы нас везете? Это не дорога в город!

— К морю, — ответил Хирон, поворачиваясь в седле и оскалбясь.

Дамион уставился недоуменно:

— То есть как это — к морю? Вам приказали доставить нас в тюрьму!

Хирон рассмеялся — как ворон закаркал.

— В тюрьму? Ну что вы, как можно! Вы едете к монарху.

— Зачем королю Стефону...

— Царю Халазару, — изогнулись в усмешке тонкие губы командира. — Он вас ждет на корабле недалеко от берега.

Ана встала и выглянула из-за деревянного борта повозки:

— Командир, — сказала она своим спокойным голосом, — вам нужна только я. Чтобы найти то, что вы ищете, вам понадобится моя помощь. У меня есть то, что вам нужно. — Она полезла в глубокий карман платья и вытащила свиток пергамента. Несколько зимбурийцев невольно ахнули, и Дамион с ними. Хирон что-то позимбурийски выкрикнул, и процессия остановилась. Он подъехал к телеге и выхватил пергамент из старческой руки.

— Да, это документ, который вы ищете, — сказала старуха, — тот свиток с морской картой, где показан путь в Тринисию. И я знаю то, чего карта не показывает: точное местоположение Камня Звезд. Отпустите этих молодых людей, и я буду вам проводником. Буду помогать вам не за страх, а за совесть.

Полукровка-лазутчик еще раз хрипло засмеялся.

— И еще как будешь! Я уж постараюсь, старая карга. Но твоя драгоценная принцесса, — он показал на Лорелин, — тоже поедет. Неужто ты думаешь, что зимбурийцы хуже тебя знают пророчества? Халазар не будет спускать глаз со своей соперницы.

И он дал сигнал человеку у коня двигаться дальше.

— Она никак здесь не замешана, как и вторая девушка, — попыталась возразить Ана, показывая тростью на неподвижно лежащую Эйлию. — И священник. Они не из моего ковена.

— И ты думаешь, я тебе поверю, ведьма? Они были там с тобой. Теперь они поедут с нами — или ты предпочитаешь, чтобы мы их убили? Я вижу, тебе они небезразличны, или ты не пыталась бы выторговать им свободу. Ты бы вполне могла солгать нам, если бы речь шла только о твоей жизни, но если их жизнь будет от этого

зависеть — тогда ведь другое дело, так? За каждый ложный поворот, по которому ты нас поведешь, за каждую «ошибку», которую ты сделаешь, мы будем убивать одного из них. А если ты нас разозлишь, мы тебя заставим выбирать, кто из них должен будет умереть.

Телега ехала под вооруженной охраной по долгой проселочной дороге, ведущей к морю. Вскоре в воздухе завоняло гниющими водорослями, и копыта застучали глуше по песку у края моря. Мокрый пляж тускло отсвечивал серебром. А среди черных скал стояли, будто выброшенные из глубин прибоем, длинные низкобортные темные лодки с безмолвными гребцами. Зимбурийцы спешились и передали лошадей двум поджидавшим солдатам. Но повод белого коня привязали к корме одной лодки: кажется, эти люди намеревались заставить лошадь плыть в море с ними. Телега остановилась, и пленников выгнали оттуда мечом, всех, кроме Эйлии, которая еще не очнулась и которую пришлось нести до самых лодок. Солдаты и гребцы не обменялись ни словом. Как только все оказались на борту, безмолвный экипаж начал грести прочь от берега, прочь от Маурайнии к неясному горизонту, где ждали галеоны. Пленникам предстали их приближающиеся силуэты под парусами, нависающие темные груды под светлой парусиной, горящие красными огоньками.

Эйлия проснулась навстречу новому кошмару. Она лежала на твердом деревянном полу в тесной и душной комнате, такой темной, что ничего не было видно. Голова прояснилась, но все равно комната будто качалась туда-сюда, норовя куда-то ускользнуть.

— Где я? — вскрикнула она, с трудом поднимаясь на ноги и пытаясь нащупать что-нибудь руками в темноте.

Слева оказалась деревянная стена, но она как-то по-сумасшедшему наклонялась, и невозможно было за нее удержаться.

— Они думают, мы ведьмы, — произнес голос Лорелин слева. — То есть это вы двое, а я — Трина Лиа. Как они говорят.

Эйлия с облегчением услышала знакомый голос, но не могла сообразить, что это он такое сказал. Ноги подогнулись, и она свалилась на качающийся пол.

— Ведьмы? — произнесла она вслух. — Значит, я еще сплю. До этого мне снился сон, Лори, про тебя и отца Дамиона, и про старую Ану — можешь себе представить?

— Прошу прощения, Эйлия, — прозвучал из темноты голос Аны, — но это все наяву.

Эйлия резко повернулась:

— Ана — ты здесь? То есть — где это?

— Нас захватили в плен зимбурийцы.

— Зимбурийцы?

Снова зазвучал голос Лорелин:

— Ну конечно! Ты же потеряла сознание раньше, чем прибежали поселяне и приехал патриарх и...

По потолку застучали тяжелые сапоги, зазвучали крики. Комната покачнулась и закружилась, и раздался плеск и журчание воды о стены.

— Мы на корабле! — ахнула Эйлия.

— На зимбурийском галеоне. И, судя по звукам, — продолжал удивительно спокойный голос Аны, — мы уже плывем.

Часть вторая

КАМЕНЬ НЕБЕС

11
«До края света»

Дамион привык к монотонному движению, которое поначалу выматывало душу. Даже спертый и зловонный воздух не вызывал более тошноты, и постоянное потрескивание и вздохи напряженного дерева не мешали заснуть. Иногда возникало ощущение, что ничего не было в жизни, кроме этой качки, сотрясающей судно до самого остова; и вся остальная жизнь казалась сном, который даже и не вспомнить. Сколько времени он уже пробыл в море? Не вечность, конечно, как это казалось, но наверняка уже много недель, не меньше месяца прошло, как впервые подняли паруса. И за все это время зимбурийский корабль ни разу не пристал к берегу.

Сейчас, проснувшись, Дамион снова увидел ту же мрачную обстановку, которая стала его миром. На зимбурийском корабле были каюты для офицеров, но никаких кубриков для солдат или матросов — как и для невольных пассажиров; было только вот это длинное открытое пространство вдоль всей нижней палубы, где обитали солдаты и матросы. Лошади и прочая живность стояли в стойлах на том же уровне, и их присутствие атмосферы не освежало. Все остальное место занимали бочки и ящики с припасами. Кое-кто подвешивал самодельные гамаки к бимсам, но в основном люди спали прямо на палубе, используя вместо подушек мешки, узлы или тряпье. Иллюминаторов на этом уровне не было, ночь неотличима была от дня, и Дамион даже гадать не мог, в какой части Великого океана они сейчас могут быть. Хотя воздух вроде бы становился со временем прохладнее.

Значит, корабль идет к северу, в океаны, еще не освободившиеся от зимнего льда. Неподалеку должны лежать тощие земли, где худосочные леса сменяются пустошами и далее чистой белизной,

на которой уже ничего не растет. В обнаруженных журналах погибших арктических экспедиций нашли записи: грустные истории о плавании среди изрезанных льдин, о поспешной выгрузке на ледяные поля с затертых кораблей, раздавленных, как орешки в мельничных жерновах. Страшной ценой заплатили эти люди за горькую истину: ничего нет на дальнем севере, кроме вечной и беспощадной зимы. А во всех рассказах Тринисия представала теплой и зеленой! Неужели им всем тоже предстоит погибнуть, как тем несчастным исследователям, в попытке выполнить дурацкое поручение? У зимбурийцев была морская карта, на которой, как они считали, показано расположение легендарного острова, и вел их приказ бога-царя и собственное безрассудное рвение. Несомненно, что они будут рваться и дальше того предела, где сдавались другие мореплаватели, пока наконец их суда не попадут в ледяные челюсти и не будут поглощены темной глубиной.

Дамион встал, с трудом сохраняя равновесие. Тюремщики давно уже не связывали ему ноги и даже не заботились ставить охрану. Куда он денется? Сейчас ему можно было ходить по нижней палубе, если держаться подальше от матросов. Почти все они были рабами: тела их носили знаки жестокого обращения — шрамы от кнутов, перебитые носы, сросшиеся вкривь и вкось. Многие были в железных ошейниках, на запястьях и лодыжках — все еще гноящиеся раны от кандалов. Почти у всех виднелись синяки и ушибы недавнего происхождения, явно полученные во время работы на верхних палубах. Они были такими же пленниками, как Дамион и женщины. Если бы даже разрешалось с ними говорить, все равно их языка он не знал. Однажды он попытался отдать свой дневной паек размоченных сухарей одному матросу, потому что его тогда тошнило от морской болезни. Тут же на них обоих обрушился охранник с кожаным бичом, вопя что-то на своем языке и хлеща обоих по плечам и спинам. Дамион сбежал и в ужасе смотрел, как свалился матрос, пытаясь закрыться от ударов, раздирающих и без того рваные лохмотья. Лишь когда жертва потеряла сознание, охранник прекратил избиение. У Дамиона потом тоже долго болели незаживающие шрамы от кнута, мешая спать и усугубляя тошноту. Сначала он приписал поведение охранника чистой злости, и только потом до него дошло, что офицеры, очевидно, опасаются мятежа многократно превосходящих их численно рабов.

Он мрачно размышлял над судьбой женщин и своей, о которых мало что знал с тех пор, как корабль вышел в море. И еще он волновался за своих друзей в Маурайнии. Как им объяснили его внезапное исчезновение, и объяснили ли вообще? Может быть,

патриарх объявил, что Дамион и остальные сбежали, сопротивляясь аресту? Ему еще надо было объяснить исчезновение своих «обращенных», и так, чтобы самому выйти сухим из воды. Одно ясно: Каитан Атариэль ни за что не поверил бы выдвинутым против друга обвинениям. Колдовство! Он почти слышал презрительный смех Каитана. Но Каитан, конечно, ничего не мог сделать, да и никто не смог бы. Аббат и приор наверняка в тюрьме, а людей Аны нашли и покарали. «Никто никогда не узнает, что сталось со мной и с женщинами, — подумал он. — Наверное, все думают, что мы погибли. И это в любой момент может стать правдой».

Он искал способа отвлечься от этих тяжелых мыслей. Мохарец Йомар тоже оказался на этом корабле, но Дамион редко его видел. Йомар всегда, когда можно было, держался особняком. Может, предрассудки зимбурийцев не позволяли им допускать его в свое общество или сам Йомар этого общества не искал. Пока зимбурийские солдаты и моряки коротали время за игрой в кости и драками, мохарец держался сам по себе, отхлебывая из фляжки, которую всегда таскал в кармане. Он нашел себе темный угол где-то за бочками, недалеко от конюшен, и там предавался этим запоям. За бочками было темно, воняло гнилой соломой и навозом, и туда мало кто совался. Чувствуя, что уже сто лет не говорил ни с одной живой душой, Дамион рискнул как-то пробраться к мохарцу и шепотом начать разговор. Насчет содержимого фляжки у священника сомнений не было: несколько глотков снимали обычную сдержанность Йомара, и язык у него развязывался. Очевидно, он совершал время от времени набеги на бочки с ромом. Иногда в этом раскованном состоянии он забывал понижать голос и гудел своим глубоким баритоном, к тревоге священника, но зимбурийцы не обращали на него внимания — им явно были знакомы припадки Йомара.

Общаясь с ним во время приступов разговорчивости, Дамион смог сложить воедино кусочки его прошлого, как фрагменты старой мозаики. И полная картина не была особо приятной. Йомар, несколько раз отказавшись назвать свой возраст, наконец открыл, что не знает его. Отец его был высокопоставленный зимбуриец, рискнувший вступить в незаконную связь с мохарской женщиной. Узнав об этой непозволительной связи, разгневанные служители Валдура ворвались в его дом, когда Йомар еще не родился, отца арестовали, а злополучную мать с ребенком во чреве сунули в трудовой лагерь. Дамион слыхал страшные рассказы об этих учреждениях, о царящих там нищете и жестокости.

— И как же ты оттуда выбрался?

Глаза Йомара затуманились воспоминаниями.

— Когда я подрос, меня послали с рабочим отрядом строить дорогу через пустыню по велению царя Зедекара. Днем пекло, ночи холодны, как... как сердце зимбурийца. — Он оглянулся, явно надеясь, что его подслушали, но ни одного зимбурийца не было достаточно близко или ни один не понимал по-маурийски. — У нас даже палаток не было. Спали вповалку на земле, группами, чтобы безопасней было, и разводили костер для защиты, если было из чего. Дикие звери подходили в темноте прямо к лагерю. Иногда лев или леопард кого-нибудь утаскивали. Тогда мы слышали ночью крик, а потом, бывало, видели кровь на песке.

Однажды на мой лагерь напал лев и схватил моего соседа. Я на него бросился — а при мне было только большая кирка. Наверное, я просто рехнулся. Следующее, что я помню — это как лев лежит у моих ног, а в черепе у него торчит кирка.

— Ты убил льва киркой? — спросил Дамион. Причем сразу поверил: от лишенного украшений рассказа исходил дух правды. — Вот это храбрость!

— Глупость, — уточнил мохарец, мрачнея. Хлебнул из фляжки. — Зимбурийцы об этом прослышали, и не успел я оглянуться, как попал в город — на царскую арену. Меня прозвали Мулатом и заставили драться со львами и шурканскими саблезубыми тиграми. С гладиаторами тоже. Я был для них трудной задачей — против меня бросали все, что у них было, чтобы убить. И не могли. Мулат каждый раз побеждал, — свирепо улыбнулся Йомар.

Дамион тоже улыбнулся:

— Ага! Я сразу догадался, что ты не в полную силу сражался со мной там, в Маурайнии. А скажи, как тебе удалось уйти с арены?

— Один генерал меня купил. Решил, что использует мою силу с толком.

В деле он оказался во время восстания против царя Зедекара. Ему повезло драться с войсками этого ненавистного монарха, и дрался он так, что если бы не цвет кожи, после победы Халазара его ждал бы высокий пост. Но вместо того его стали посылать соглядатаем в чужие страны — сначала в Шуркану, потом на архипелаги и в Маурайнию. Эта роль была ему ненавистна, и взялся он за нее лишь в надежде как-нибудь сбежать в чужой стране. Но его, как особо ценного раба, стерегли неусыпно. На многих заданиях его напарником был тот самый Медалар Хирон, настоящее имя которого было Зефрон Шеззек.

— Гад он, — буркнул Йомар. — Гнилая душа. Говорят, его мать была маурийкой, которую похитили пираты и продали зимбурий-

скому дворянину. Полукровок в Зимбуре не жалуют, вот он и прорывается наверх зубами и когтями. Сумел убедить генералов Халазара, что может быть хорошим лазутчиком, поскольку не похож на зимбурийца. Они согласились, и с тех пор без работы его не оставляют.

— Зачем тогда его послали на север? Там для лазутчика наверняка нет работы.

Йомар пожал плечами:

— Не знаю. Но Шеззек любую работу исполняет чуть-чуть лучше, чем надо. А Халазар любит, чтобы самые опасные его слуги были подальше от дома, не в руках его возможных соперников. — Наступило недолгое молчание, потом Йомар снова глянул на Дамиона. — Я в том переулке, на Яне, знал, что ты в мусорной куче. Больше тебе деваться было некуда. И мог сказать об этом зимбурийцам.

Дамион удивленно посмотрел на него:

— Отчего же не сказал?

— Никогда не помогаю им больше, чем приходится. Когда генерал Мазур меня купил, он сказал, что каждый раз, когда я его ослушаюсь, он будет убивать одного мохарского раба, и если я попытаюсь сбежать — тоже. Эта угроза сдерживала меня годами, я ему поверил. Мой народ считает меня предателем. Если я проезжаю мимо трудового лагеря, мне плюют вслед, и ничего я не мог бы объяснить. Я нашел маленькие способы бросать вызов зимбурийцам, но способы эти должны быть тайными.

Дамион вдруг понял.

— Когда ты узнал, что Лорелин убьют, тебе пришлось выбирать одну из двух жизней.

Йомар как следует приложился к фляжке и ничего не ответил. Дамион с растущим гневом отметил, что зимбурийцам, похоже, забавно было, что Йомара считают предателем, когда он на самом деле спасает жизнь своим соплеменникам. Как это должно было быть больно и как вывихнуло разум этого человека за многие годы! Если бы только судьба позволила ему остаться в Маурайнии, а не обрекла на это безнадежное путешествие! Тревога Дамиона за себя отступила, отогнанная мучительной тенью того Йомара, каким тот мог бы быть.

В это время три женщины сидели взаперти в кормовой каюте без окон. Из мебели в ней были только две дощатых койки с грязными матрасами, еще один матрас валялся прямо на полу. С потолка на цепи свисала масляная лампа. За наклонными стенами

слышался рев и удары волн, сквозь закрытую дверь долетали вопли зимбурийцев. Три раза в день дверь открывали и женщин выпускали на нижнюю палубу, где им давали тот же паек, что и матросам: корабельные сухари, размоченные в бадье, иногда соленую рыбу или жилистое сушеное мясо. Для питья в каюту ставили небольшое ведерко. Иногда его наполняли, но реже, чем хотелось бы, и часто жажда сводила с ума.

Им дали и одежду — грубые балахоны, которые у зимбурийцев носили мужчины, потому что у двоих женщин были только те платья, в которых их схватили. Уже не особо чистые. Лорелин поделилась с подругами по плену содержимым своего узла, который ей оставили. Иногда давали для умывания ведро морской воды.

Не слишком помогало и то, что истории Лорелин и Аны звучали фантастически, вроде как из волшебной сказки. Разговоры Лорелин о том, что она слышит чьи-то голоса, были совершенно невероятны, а стоическое спокойствие Аны выводило из себя еще больше. Дело в том, что старуха утверждала, будто обладает похожими способностями.

— Я вижу все, что мне надо видеть, — объясняла она, показывая на затянутые пленкой глаза. — Свет и темноту. А остальное вполне могу воспринимать внутренним зрением.

Иногда Эйлии казалось, что она заперта в сумасшедшем доме, а иногда — что она сама сходит с ума.

— Меня... похитили, — произнесла она вслух, будто стараясь убедить себя, что это все на самом деле. Настолько это было похоже на ее собственные истории или грезы наяву, что даже сейчас казалось ненастоящим. — Меня схватили, потому что решили, будто я *колдунья*...

Эйлия осеклась и подтянула ноги, убирая их от проскочившей по полу крысы.

Ана повернулась к ней.

— Я знаю, что вам это все очень тяжело, — сказала она, обращаясь к обеим девушкам. — И для бедного Дамиона тоже. Мне действительно жаль, что так вышло. Но что до меня — мне не на что жаловаться. Я хотела поехать на север и не могла найти ни одного капитана, который согласился бы туда плыть. Теперь я еду именно туда, куда хотела, — это положительно воля провидения.

Она отломила кусок корабельного сухаря и протянула крысе, которая взяла его у старухи из пальцев, как ручная, и быстро скрылась.

— Ана! — возмутилась Эйлия.

— Условия, конечно, не те, о которых я мечтала бы, это так, — добавила старуха, — но опять же не мне жаловаться, поскольку проезд бесплатный...

— Но Ана, ты же пленница! Мы все пленницы! — почти завопила Эйлия.

— На некоторое время. Мы покинем общество наших неприятных хозяев, когда прибудем на место.

Эйлия впала в безнадежное молчание. Интересно, что расскажет патриарх ее родным? Они ни за что не поверят, что она участвовала в колдовстве! Но если и не поверят, что они смогут сделать? Они же даже не знают, куда везут ее зимбурийцы.

Эйлия поерзала, устраиваясь поудобнее. Ноги затекли. Она попыталась встать, но качка корабля сбила ее с ног, и она легла снова, застонав. «Уйдите, не будьте настоящими!» — приказала она деревянным стенам, но они упрямо продолжали существовать.

— Ничего этого нет. Все это мне только снится.

— Эйлия, уже много дней прошло, недели. Не можешь же ты столько спать, — с беспощадной логикой указала Лорелин.

— Значит, у меня лихорадка, и это бред, — с надеждой предположила Эйлия. — На самом деле я не здесь, а на больничной кровати в бреду... ой! — завопила она, когда Лорелин ущипнула ее за руку. — Зачем ты?

— Больно?

— Конечно, больно!

— Ну, значит, тебе не снится. — Лорелин отвернулась к Ане. — Так ты считаешь, что тебе было *предназначено* оказаться на этом корабле? Ладно, а мы? Зачем здесь я, и какое это все ко мне имеет отношение? Ты бы рассказала мне, что все это значит.

— Да, полагаю, мне следует так поступить. Я не хотела тебя пугать, но определенно настало время тебе узнать. Ты в центре всех этих событий, — сказала Ана. — В некотором смысле мы все здесь из-за тебя. Этот человек, Йомар, получил от обоих своих хозяев приказ тебя найти, Дамион пытался спасти тебя от Мандрагора, Эйлия пришла искать тебя в развалины, чтобы утешить. И я тоже пошла искать тебя, когда узнала, что ты исчезла. Несмотря на записку, которую ты оставила, я подумала, что Мандрагор вполне может иметь отношение к этому событию. Ты — или Судьбы — свели нас всех вместе ради некоего общего предназначения.

— Моя Цель! — выдохнула девушка.

— Я тебе говорила о Трине Лиа, — сказала Ана.

— Да, но я все равно не понимаю. Я думала, что ее не считают реальной личностью.

— В западной традиции она стала символом, олицетворением Веры, — пояснила Ана. — Но в исходном элейском предании говорится о настоящем, живом человеке. Пришествие Трины Лиа было предсказано королевой Тринисии более двух тысяч лет тому назад. Элеи верили, что наступит время великого зла и страдания, когда мир подпадет под власть злобного тирана. Но они же верили, что родится другой великий вождь, женщина, которая будет носить титул Трины Лиа — принцессы Звезд. Она родится человеком, но истинная ее природа будет божественной. Видишь ли, у элеев было поверье, что боги поклялись никогда более впрямую не вмешиваться в жизнь смертных, если только смертные об этом сами открыто не попросят. Также они не будут принимать телесный образ иначе как путем воплощения — то есть рождения в человеческом образе, когда они обретают не только людскую плоть, но и всю уязвимость человеческой природы. Поэтому элеи считали, что божественная принцесса родится среди них.

— И ты считаешь, что это я, — сказала Лорелин. — Тогда кто мои родители? Чтобы быть принцессой, я же должна быть дочерью короля?

— Не обязательно. Это слово есть всего лишь женская форма слова «принц», которое может означать любого правителя.

Эйлия посмотрела на Лорелин и нахмурилась. Она ни на миг не верила во всю эту чушь, будто ее одноклассница на самом деле... та самая женщина. «Она нормальный человек — как я, как всякий другой!» Ей вспомнилась принцесса Паисия, которую она видела мельком во всем ее величии в королевской карете. Вот это истинная царственность. *Принцесса* Лорелин? Невозможно. А насчет ее божественной природы — так это просто смешно. Однако зимбурийцы, кажется, считают иначе.

— У меня иногда бывают странные сновидения, — медленно произнесла Лорелин. — То есть я считаю, что это сновидения. Я вижу картины, как если засну: места, где я никогда не бывала, лица людей, которых никогда не видела.

— Белый дворец с множеством башен? — подсказала Ана. — И женщина с длинными золотыми волосами?

Лорелин вздрогнула — на лице ее выразилось удивление.

— Откуда ты можешь знать? — спросила она, понизив голос. — Эти сны я вижу много лет, но никогда никому не говорила.

— Потому что у меня были такие же видения, и много раз. Как и у других немереев. Лорелин, эта женщина может оказаться твоей матерью.

— Матерью... — тихо повторила Лорелин. — Когда я была еще маленькой, мне казалось, будто я что-то помню... Руки, которые меня держат, и ласковый голос. Но лица не было никогда, не могла увидеть — я не думала, что это лицо золотоволосой дамы моих снов. Я не думала, что она есть на самом деле. Если она действительно моя мать, что с ней сталось?

— Этого я не знаю.

— Она была из элеев? И я тоже? — спросила Лорелин.

— Я думаю, что да. У тебя определенно элейская внешность: ты, как и они, необычайно высока и у тебя есть необычные способности.

— Эйлия мне говорила, что элеи вымерли много веков назад.

— Так и есть, — подала голос Эйлия из угла.

Ана улыбнулась:

— Может быть, это еще не так.

Эйлия смотрела на нее, потом перевела взгляд на долговязую светловолосую девушку. «Живая элейка! Может ли это быть? Нет, чистейшая чепуха».

Но что-то в глубине сознания зашевелилось при этой мысли.

— Если я и есть этот вождь из предсказания, то что именно должна я сделать? — не отставала Лорелин.

— Задача Трины Лиа — объединить Землю и Небо, то есть установить новую эру мира и справедливости, чтобы земное царство стало больше похоже на небесное. Но для этого она сначала должна победить князя тьмы.

— А это кто такой?

— Ах, если бы мы знали, насколько легче было бы нам! Мы бы тогда могли следить за его действиями, а не гадать, с какой стороны света может он напасть. Князь тьмы — поборник нашего врага, могучий полководец, который восстанет, послушный приказам Врага. Немереи говорят, что этот человек потеряет душу свою и станет всего лишь пустым сосудом для темной воли Врага, и таким образом наш древний противник убежит из бездомной Пропасти, куда заточен в незапамятные времена. А зимбурийцы считают, что этот князь будет воплощением Валдура. В это верит царь Халазар, и верит он также, что это он есть предсказанный, и жизнь тебе сохранили намеренно. Пророчество свитка ясно гласит не только, что князь и Трина Лиа будут биться за Камень Звезд, но и то, что она прибудет к нему первой. Вспомни, что царь весьма суеверен и принимает пророчества буквально. Хоть тебя ненавидит и боится, он не пытался тебя убить, потому что верит также, что судьбу обойти нельзя. Ты должна направиться в Тринисию, потому что так

начертано в пророчестве, ты должна взять Камень, и лишь тогда может он вырвать его из твоих рук. Он не может сразить тебя, пока нет Камня, равно не может он завладеть Камнем, пока ты не найдешь его первая. Я знаю, что все это звучит дико, но в Зимбуре считается, что даже боги подчиняются судьбе. И будем благодарны за такие верования, иначе тебе не сохранили бы жизнь.

— Но только на время. Потом он меня убьет, — отозвалась Лорелин. Голос ее был сух и безжизнен, но глаза с тревогой глядели в лицо Аны.

Эйлия ахнула, и Ана вытянула сморщенную руку к руке Лорелин.

— Нет, дорогая. Я не дам ему этого сделать.

— Но как ты сможешь ему помешать? Особенно если он и есть тот князь, о котором ты говорила...

— Он в это верит, а я нет. Сомневаюсь, чтобы Модриан-Валдур так рано высунул голову. Он будет прятать от немереев своего представителя столько, сколько сможет, чтобы застать нас врасплох. Думаю, что сейчас истинный князь уже знает, кто он и в чем состоит его миссия. И он вряд ли верит в предопределение. Он мог попытаться уничтожить тебя еще когда ты была младенцем, и потому мать тебя спрятала и подкинула. Монахи сохранили тебе жизнь и вырастили. Благодаря им ты выжила и выросла достаточно, чтобы ему противостоять. Тебе придется быть очень смелой, дорогая.

Рука старухи сжалась на руке девушки.

— Я знаю, Ана, — спокойно ответила Лорелин. — Я не испугана. Я всегда знала, что родилась для чего-то важного. Я верю, что мне предназначено быть... быть бойцом.

— Но ты заслужила право хотя бы знать, почему тебе придется сражаться. Это для того, чтобы защищать людей, чтобы спасать слабых от сильных. — Белые глаза Аны будто пытались заглянуть в душу Лорелин. — Будешь ли ты истинно готова рисковать своей жизнью, чтобы спасти чужую? Это очень важно, Лорелин: ты должна принять свою миссию по собственной воле.

— Я принимаю ее, Ана, — теперь, когда наконец знаю все.

— Наверное, еще не все, дорогая моя, но пока этого хватит. — Старая женщина улыбнулась и отпустила руку Лорелин, несколько успокоенная. — Если нам предназначено добиться мира, то Трина Лиа должна будет победить князя и его присных — но я надеюсь, что до этого пройдет еще много лет.

— Я буду биться с ним, где он захочет, — объявила Лорелин. — Кем бы он ни был, я заставлю его расплатиться за зло. Особенно если это он убил моих отца и мать!

У нее чуть задрожала нижняя губа.

— Мы не знаем, он ли это сделал, дорогая. Но боюсь, что это весьма вероятно.

Лорелин на миг склонила голову к коленям.

— Это моя вина, — прозвучал ее приглушенный голос. — Если мои родители погибли, то это из-за меня, из-за того, кто я. И аббат Шан, и монахи Ярдъяна. Они меня защитили, и теперь погибли из-за этого.

— Лорелин, милая...

Девушка подняла голову. Веснушчатое лицо побледнело, но слез на нем не было.

— Все хорошо, Ана. От этих мыслей мне еще сильнее хочется драться.

В этот момент стражник открыл дверь. Эйлия узнала темнокожего мохарца, которого впервые видела в библиотеке Академии целую вечность назад.

— Обед, — мрачно объявил он, жестом приказывая выйти из каюты.

— Йомар... — начала Лорелин, но он ее оборвал.

— Молчать! — бросил он коротко и угрюмо и повернулся спиной.

Когда женщины подходили к двери, что-то серое и быстрое проскочило внутрь. Эйлия отпрянула, на миг подумав, что это огромная крыса. Но потом разглядела, что это кошка Аны, Метелка.

— А, вот и ты, моя милая! — приветствовала Ана свою любимицу. Кошка вспрыгнула на бочку и замурлыкала. — Что ты здесь делаешь?

— Надеюсь, охотится на крыс, — заметила Эйлия. — Только лучше бы поосторожнее. Если зимбурийцы ее поймают, могут и за борт выкинуть.

— Я их самих за борт покидаю, пусть только попробуют! — крикнула Лорелин, подставляя руки. Кошка прыгнула в них и стала тыкаться носом в лицо девушки.

Ана провела девушек в общий отсек нижней палубы. Эйлия подумала, что надо бы порадоваться этому выходу из тесной клетушки, но в большой каюте было немногим лучше. Запах там стоял ужасный — пот и немытые тела, и ей не слишком нравилось, как поглядывают некоторые мужчины на нее и на Лорелин. Хотя почти все старались смотреть в сторону. Либо они боялись ведьм, либо не смели посягать на законную добычу своего тирана.

Один из них встал. Светлые волосы его смотрелись подозрительно среди темных голов. Эйлия, как всегда, уставилась на него.

В этой фантасмагории Эйлии труднее всего было принять одну вещь — ту, которая более всего заставляла считать эту явь сном: присутствие Дамиона Атариэля. Она слушала рассказ Лорелин о свитке, который он привез с архипелага, рассказ Аны о его встрече с немереями, и это было так похоже на выдуманные сказки, которые она любила читать, что легко было поверить, будто все это — из ее распухшей головы. Молодой священник бывал в стольких ее снах; а потому это тоже такой сон. Она смотрела на него, стоя в очереди за своей долей тощей водянистой похлебки, которая была сегодня на обед. Он *был похож* на того Дамиона, которого она знала в Академии. Хотя подбородок покрыт щетиной и глаза затуманены усталостью, но все такие же ярко-синие, и нечесаные волосы такие же золотисто-светлые.

Он на миг поднял глаза и встретился с ней взглядом.

— Мне очень жаль, что так вышло, Эйлия, — сказал он тихо, подвигаясь к ней. — Надо было мне знать, что не стоит влезать в это дело. Но ты была вообще ни при чем...

— Эй, ты! Пленный! С женщинами не разговаривать! — рявкнул солдат.

Священник поднял руки беспомощным жестом и снова отвернулся.

Чуть позже в мрачные мысли Дамиона ворвался низкий голос.

— Вставай, поп!

Дамион поднял покрасневшие глаза и увидел, что к нему обращается Йомар. Мохарец был одет в длинную меховую шубу и держал под мышкой такую же.

— Пойдешь на палубу. — Он протянул шубу и бросил: — Напяливай.

— Но зачем...

— Без разговоров! — рявкнул мохарец.

Дамион видел, что Йомар трезв, а потому в плохом настроении. Он натянул тулуп, потом за своим мрачным вожатым подошел к деревянной лестнице, выводящей на палубу. Не хотят ли зимбурийцы бросить его за борт акулам? Но тогда они вряд ли дали бы ему шубу.

Холод на палубе обрушился как удар, и Дамион ахнул. Ветер резал лицо, вода и небо имели одинаково свинцовый цвет. В этот северный океан весна не пришла: Дамион видел, как застывает на ветру его дыхание. Матросы и солдаты стояли вокруг, неотличимые друг от друга — не похожие на людей фигуры в громоздких мехах. Вздымались и опадали возле корабля серые волны, покры-

тые паутиной пены, и палуба постоянно качалась, иногда становясь круто, как скат крыши. Чтобы сохранить равновесие, Дамиону пришлось яростно махать руками и качаться, как в ритуальном танце. Льдины мотались на волнах, и еще два корабля пробивались справа сквозь ледяную черноту воды. Это были не весельные суда с треугольными парусами, какие он видел на архипелагах, а галеоны, как тот, на котором ехал он: большие суда, предназначенные для плавания против ветра, с прямоугольными парусами, как корабли запада, и только один треугольный парус на корме.

На одном корабле он заметил царский флаг Зимбуры с солнцем и задрожал совсем не от холода. Зачем царь-бог решился на такое опасное путешествие, бросив царство на милость возможных узурпаторов?

«Он верит в судьбу, верит, что вернется победителем с Камнем Звезд в руках, и никто не сможет против него выстоять...»

Слева по курсу виднелась далекая земля — несколько испещренных снегом гор и серый пустой берег, но корабль шел не туда. Впереди не было ничего, кроме льда: несомненно, остатки полярных паковых льдов, лишь недавно начавших трескаться. Проплывали мимо опасные айсберги, вылепленные морем и ветром в странные формы. Пока Дамион смотрел, корабль прошел почти вплотную от огромной глыбы льда размером с Высокий Храм в Раймаре. Она даже похожа на храм, подумал Дамион, глядя завороженно — гладкая и белая, как лучший мрамор, и две огромные вырезанные морем колонны, обрамляющие вход в темную синеву. Остальные, кажется, тоже были потрясены этим зрелищем: по сравнению с этой горой суда казались щепками.

Он глянул на Йомара. Мохарец стоял, равнодушно глядя на море, и Дамиона кольнула жалость при виде этого темного профиля, такого неуместного на фоне серого моря и льда. Ему бы место в зеленых джунглях или раскаленной пустыне.

Тут подошел капитан, почти уткнувшись широким бородатым лицом в лицо Дамиона. Священник молча ждал. Капитан захохотал, обдавая его гнилостным запахом сломанных зубов.

— Пора поработать на палубе, мальчик, — сказал он по-мауриийски с резким акцентом. — Тут тебе не круиз. — Капитан поднял глаза к пустому «вороньему гнезду» на качающейся мачте и осклабился. — Может, попробовать тебя вон там? — Он что-то крикнул остальным на своем языке, и все заржали. — Ага! Будешь впередсмотрящим. Пошел наверх!

Дамион вздрогнул. Но не оставалось ничего иного, как повиноваться: кое-кто из солдат уже трогал пальцами оружие, наде-

ясь, что он начнет упираться и даст повод себя изувечить. Йомар все так же задумчиво смотрел на море. Дамион подошел к мачте, размахивая руками, чтобы не упасть, и взялся за ступень веревочной лестницы. Тут же пальцы онемели от холода, а лестница тянулась, кажется, в самое небо, исчезая в облаках вздутой парусины. Медленно, с трудом он полез вверх; давно не знавшие работы мышцы протестовали, руки окостенели от холода и почти не держали. Иногда приходилось останавливаться, вцепившись в шероховатую деревянную ступеньку и изо всех сил стараясь не смотреть вниз. Однажды у него соскользнула нога, и он повис на окаменевших руках, пронзенный ужасом, размахивая ногами в поисках опоры. Люди внизу смотрели с интересом, и он знал: им бы хотелось, чтобы он сорвался и грохнулся на палубу. Дамион стиснул зубы, твердо решив не доставлять им такого удовольствия.

Вверх, вверх, рука за рукой, нога за ногой... Ветер свистел в ушах, морозя мочки, а паруса надувались и хлопали, как флаги. «Воронье гнездо» было уже совсем рядом, качалось при наклонах корабля — рукой достать можно...

Через многие часы, как показалось ему, он влез в корзину, ловя ртом воздух и содрогаясь всем телом, сунув замерзшие руки в рукава шубы. Сейчас он уже мог взглянуть на палубу, расстилавшуюся под ним где-то очень далеко, и на группки людей, смотревших на него разочарованно. Ну нет, обратно он не собирается — пока не отдохнет, во всяком случае. Если он им нужен, пусть идут за ним сюда.

Дамион скрючился на дне корзины, дыша на руки. Отсюда, с этой высоты было видно дальше, но открывался взору только плавающий лед. Замерзшие уши пульсировали болью, и он накрыл их ладонями. Повалил снег, море и небо исчезли в серо-синей пустоте падающих хлопьев. Вскоре они сгладили очертания других галеонов, подобно густому туману. Во все стороны было видно не дальше полета стрелы, и ничего не было, кроме белых гребней волн, с ревом набегающих из пустой серой пелены. Море стало еще неприветливей, чем было. Цепляясь за деревянный край «вороньего гнезда», Дамион вдруг заметил, что ветер сменил направление, и теперь дует прямо в лицо. Он встрепенулся.

Ветер был теплым.

Теплым и влажным, как тропический бриз. Это, наверное, разыгралось воображение... Нет, вот опять. Дыхание горячего душного ветра, снова сменяющееся порывом холода с моря. Это дыхание ударило в лицо, будто пахнуло жаром из печи, и у Дамиона закружилась голова.

Теплый ветер дул *с севера*.

Снег стал влажным и повалил гуще, как крупа. Нет — это уже не снег, а дождь с грозного неба. Серая пустота впереди — это уже были не снежные хлопья, а стена густого тумана. В щелях этой клубящейся массы мелькали просветы океана, вздымающегося тяжелыми волнами. Сверкнула сквозь туман молния, ей отозвался раскат грома. Корабль вздыбился, как испуганный конь. «Воронье гнездо» резко пошло вниз и стало описывать в воздухе широкие круги, захлопали под ним паруса с паутиной черных звезд, затрещала парусина в порывах ветра, так что звук перекрывал гром с неба. Дамион вцепился в край корзины, но руки скользили по мокрому от дождя дереву.

Сквозь струи дождя Дамион видел матросов внизу на снастях, отчаянными усилиями пытавшихся подобрать паруса и заставить судно слушаться. Рулевой не мог держать курс, потому что корабль болтало, и руль зачастую повисал в воздухе вместе с кормой. Дамион рухнул на колени и обхватил мачту обеими руками, охваченный ужасом, что может вылететь из «вороньего гнезда». В этом случае он улетел бы в воду со вставшего дыбом корабля, хотя падение на палубу — это тоже верная смерть. Пригнувшись пониже, он цеплялся изо всех сил. Ударила вторая молния, кажется, прямо над головой, и Дамион в ужасе огляделся. Он знал, что молния первым ударит в него, в самую высокую точку корабля. Поглядев в небо, он ахнул, дыхание перехватило. Грозовые облака нависли над самой водой, и в них клубилось что-то, кипело. В рваной нижней поверхности облаков вздулся вниз бугор, вращаясь воздушным водоворотом. Отпустив мачту, Дамион выглянул за край «вороньего гнезда». Люди внизу тоже заметили вертящуюся тучу: они орали и показывали руками, не обращая внимания на вздувающиеся волны.

Из серой пугающей воронки появился бледный, длинный и зловещий отросток. Он устремился вниз, навстречу морю, и море поднялось ему навстречу, набухая чудовищной волной, водяной горой в шапке пены. Вода и туча встретились и образовали серый наклонный столб, соединивший море и небо. Снова полыхнула молния, озарив край воронки, и Дамион заметил, что она вся пульсирует, как живая.

Смерч. Зубы застучали от страха — серая масса надвигалась. Шла к ним. Что, если она ударит по судну? Тогда живых не останется. Разрывающих сил водяного вихря не выдержит ни один корабль...

— Слазь! — Две огромные лапы схватились за край «вороньего гнезда», а за ними появилась голова зимбурийца, густая борода и прилипшие мокрые волосы. — Слазь! — приказал он повторно, переваливаясь через край. Дамиона отбросило в сторону массивной тушей.

— Но...

— Слазь, а то скину.

Дамион без дальнейших возражений перелез через край и схватился за лестницу, из последних сил отчаянно цепляясь за скользкие мокрые ступени, а ветер злобно мотал его, ударяя о мачту. Дамион глянул вниз. Палуба покрылась бурлящей пеной и обломками: безумием было бы спускаться туда, рискуя оказаться смытым за борт. В пене и брызгах сновали люди, по пояс в воде, крича друг на друга. Потом один из них что-то завопил, указывая на мачты.

Дамион поднял глаза. Странное свечение прыгало и танцевало на снастях: каждую веревку, каждую рею окружал призрачный ореол зеленоватых мечущихся огней. Люди внизу застонали и сжались от страха. «Огни моряков», — подумал Дамион, цепляясь за болтающуюся лестницу. Он знал, что они безвредны — видел это редкое явление однажды на корабле в южных морях. Каанские мореплаватели, как ему сказали, считали эти огни душами утонувших моряков. Наверняка зимбурийцы их тоже раньше видели, почему же они относятся к этим огням так суеверно?

Но не успел он додумать эту мысль до конца, как призрачное свечение начало бледнеть и гаснуть, и буря пошла на спад. Гром и молнии прекратились. К своему облегчению, Дамион увидел, что смерч сломался у основания и медленно втянулся обратно в тучу. Буря кончилась так же внезапно, как и началась.

Он начал спускаться вниз, на палубу, и тут сверху донесся крик.

Эйлия озабоченно поглядела на Ану: старуха целый день не ела, а лишь сидела в углу, держа кошку на коленях, и вид у нее был бледный и изможденный. Когда девушки с ней заговаривали, она будто не слышала. Волны бухали в корпус корабля, скрипела обшивка, стонали снасти, а издали перепуганная скотина вносила в эту какофонию свой вклад мычанием и грохотом копыт в стойлах, но Ана будто не замечала. Лицо ее было слегка нахмурено, губы шевелились, но не издавали ни звука, а узловатые пальцы на коленях беспокойно и непрестанно двигались. Эйлия подумала, не молится ли Ана, и если да, то к каким богам обращены ее просьбы. Сама она изо всех сил старалась выбросить из головы все слышанные когда-либо рассказы о кораблекрушениях. Много лет назад одна

такая страшная катастрофа случилась у южного побережья Большого острова. Эйлия была тогда еще слишком маленькая и не помнит, но сельчане до сих пор, когда говорят об этом ужасе, понижают голос. Глядя на широкие беспорядочные размахи масляной лампы над головой, она молча молилась сама.

— Мне только кажется, — вдруг подала голос из угла Лорелин, — или действительно буря стихает?

Все затихли, прислушиваясь. Действительно, ярость ветра и волн несколько ослабела.

— А вы заметили, насколько стало теплее? — спросила Лорелин.

У Аны открылись глаза.

— Я полагаю, — сказала она вполголоса, — что мы приближаемся к месту нашего назначения.

— Ана, тебе нехорошо? — спросила заботливо Эйлия, повернувшись к старой колдунье.

Ана была все так же бледна, но сейчас она улыбнулась и чуть помотала головой:

— Спасибо, ничего серьезного.

— Ана, я все время вот о чем думала, — начала Лорелин, тоже подходя к ней. — Что будет, если первыми Звездный Камень найдут зимбурийцы? Что они тогда сделают?

— Вот мы и не должны допустить, чтобы это случилось, — ответила Ана. К ней вернулись ее уверенность и спокойствие.

— Но ведь мы у них в плену!

— Это ненадолго, могу вам обещать. Мы должны будем направиться в горы Тринисии и найти Стражей.

— Кого? — не расслышала Лорелин.

— Стражи — это те, кто принесли обет служения Камню, — объяснила Ана. — Давным-давно этому ордену было доверено охранять священный самоцвет до тех пор, пока не придет за ним Трина Лиа, пусть это будет даже через десять тысяч лет. Еще они обещали оказывать ей и всем, кто с ней придет, любую необходимую помощь. Береборн сказал монахам Яны, что Стражи остались в Тринисии даже после Крушения. Они скрылись в северных горах, чтобы не спускать глаз с Камня. И этот обет связывает не только их, но и всех их преемников.

— Ничего такого я не помню в легендах, — заметила Эйлия.

— Это тайный орден. Мало кто в Тринисии о нем знал.

Над головой загремели тяжелые сапоги, заорали громкие голоса. Радость Эйлии, вызванная окончанием бури, растаяла. Какая новая опасность угрожает им?

* * *

Дамион в изумлении огляделся.

Дождь перестал, море успокоилось. Отдельные льдины качались на волнах, все не больше весельной лодки. Воздух согрелся, стало даже жарко: моряки сбрасывали шубы. Дамион заметил невдалеке Йомара и шатаясь направился к нему. Мохарец, не говоря ни слова, протянул флягу. Дамион жадно приложился к ней, глоток обжег горло.

— Что случилось? — просипел он, возвращая фляжку. — Где мы?

Йомар только пожал плечами.

Зимбурийский капитан и его люди жарко о чем-то совещались.

— Что они говорят? — спросил Дамион.

Йомар нахмурил брови.

— Капитан говорит, что отказали все судовые компасы. В грозу такое бывает — молния действует на магниты. Но кто-то из моряков думает, что это колдовство. И дрожит от страха. — Йомар фыркнул. — Кретины.

— А по солнцу они тоже плыть не могут при таком затянутом небе.

— Если бы оно и было видно, толку мало. Ты не мог заметить там, под палубой, но солнце последнее время тоже странные штучки выкидывало.

— Какие?

Тут раздался крик с «вороньего гнезда», и все, кто был на палубе, посмотрели вперед. Дамион тоже. Небо над парусами все так же клубилось тучами, но далеко впереди, на северном горизонте, в облаках открылся просвет, похожий на окно. Там на далеком голубом небе сияло солнце, а под ним что-то потемнее возвышалось над поверхностью моря, подобно айсбергам. Облака? На глазах у Дамиона широкий дуговой просвет медленно изменил форму, но темные силуэты под ним остались прежними: они казались твердыми и стали ближе, чем раньше. Горы — абрис далекой земли?

Он с интересом их рассматривал, пока суда шли вперед, и эти контуры все четче превращались в далекий синий берег. Неужели Тринисия? Если так, то им удалось то, что не удавалось ни одному путешественнику...

Теплый ветерок с воды ласкал лицо, которое еще несколько минут назад грыз холод. Каким образом здесь держалась своя погода, Дамион не понимал, но в географии он не был силен, а потому не стал тратить время на пустые размышления. Это действи-

тельно могла быть Тринисия, «теплая и цветущая» земля Севера. Дамиона охватил невольный восторг.

Кое-где из воды торчали камни, но не настолько большие, чтобы назвать их островами. Другие камни скрывались под поверхностью воды, как спины морских чудовищ, темные и опасные. Дамион смотрел в сине-зеленые глубины с правого борта, как вдруг поверхность воды прорвало струей белых брызг почти рядом с корпусом, мелькнуло и скрылось что-то серое и блестящее, так быстро, что Дамион подумал, не померещилось ли ему. Но тут же эта штука появилась снова — длинный гладкий предмет, не отстающий от режущего волны корабля. Это могла быть огромная рыба, больше человеческого роста, но на блестящих боках не было чешуи, а плавник, рассекавший поверхность моря, был гладок, изогнут, как серп, и не похож на костистый плавник рыбы. Дельфин! Он же столько раз видел, как они резвятся в каанских морях! Только Дамион думал, что они любят лишь теплые воды юга.

Дельфин высунул голову из воды, показав клювообразные челюсти с мелкими жемчужными зубками, и глянул на Дамиона большим глазом. Восхитительный взгляд, такой непохожий на рыбий! В нем будто блестел разум — будто океан, до сих пор выдерживая любознательность Дамиона, теперь решил в свою очередь его изучить. Дамион глядел на дельфина, и дельфин на него, и что-то между ними промелькнуло: зубастая улыбка морского создания стала шире, и дельфин что-то весело и громко чирикнул.

И в тот же миг Дамион пожалел о том, что так пристально приглядывался к дельфину: это заметил один из солдат, метнулся в каюту и выскочил с копьем в руке, замахиваясь на ходу. В последний момент его увидел кто-то из матросов и бросился наперерез. Схватившись за тупой конец копья, он яростно что-то закричал по-зимбурийски. Солдат помрачнел и ударил моряка наотмашь. Тот покатился по палубе, но солдат опустил копье и отошел от борта.

— Что произошло? — спросил Дамион у Йомара.

Мохарец скривил губы.

— Так, суеверия. Моряк говорит, что элеи дружили с дельфинами и говорили на их языке. Если мы убьем дельфина, элейские боги рассердятся и пошлют другую бурю, такую, что наши корабли разобьет в щепки.

— Я теперь припоминаю, что каанцы тоже уважают дельфинов, — задумчиво сказал Дамион. — Они никогда дельфинов не трогают, даже для пропитания.

Но даже если отбросить суеверия, обитатели корабля вскоре обрадовались, что не убили дельфина. Он вынырнул перед кораблем, поплыл на идущей от носа волне, и стало ясно, что это создание по каким-то своим причинам ведет корабль между опасных камней. Может, у этих животных сохранилась память предков, плывших перед элейскими судами?

Дамион, глядя вслед дельфину, не мог избавиться от мысли, что из темного блестящего глаза на него смотрела душа.

Женщины подняли глаза, когда тяжелые шаги приблизились к двери. Она распахнулась, и Эйлия сжалась, но двое зимбурийцев входить не стали. Они остановились и жестом приказали выходить.

Ана встала, тяжело опершись на бочку. Девушки бросились ей на помощь.

— Вы мне не дадите мою трость, дорогие мои?

Эйлия передала ей клюку, и старая дама встала, с трудом, но решительно. Лорелин подхватила ее под руку своей молодой и сильной рукой. Эйлия нагнулась поднять серую кошку, которая озабоченно замяукала.

— А что случилось? — вслух поинтересовалась Лорелин, помогая Ане пройти по нижней палубе и — что было труднее — подняться по лестнице. Сомнений быть не могло: веющий в люк ветер был *теплым*. Поднимаясь по лестнице позади Лорелин, Эйлия услышала, как подруга заорала:

— Земля!

Эйлия вылезла из люка, слегка замешкавшись из-за кошки, которую держала в левой руке. Она передала зверя Ане, потом встала, глядя поверх воды.

И вот он — крутой песчаный берег, над ним — буйная зелень и гряда зеленых туманных холмов.

— Здесь кончается наше плавание, — сказала Ана. — Но не наша миссия.

Эйлия заметила, что старуха выглядит намного лучше. Наверное, от свежего воздуха. Страх и унижения отступили перед удивлением.

— Прав был Велессан! — воскликнула она. — Действительно есть теплая земля на севере.

И морская карта в свитке тоже оказалась верной. Она привела похитителей прямо к цели.

— Это... это должна быть...

— Тринисия, — прозвучал сзади голос Дамиона. — Они нашли ее.

12
За спиной северного ветра

Пленники сбились на берегу молчаливой кучкой, глядя на шумные веселые группы солдат и матросов. Лодки перестали подходить к берегу: очевидно, царь Халазар решил не рисковать и остаться на галеоне, пока солдаты проверят, что на берегу нет враждебных туземцев и других опасностей. Корабль бога-царя стоял отдельно от других, и его густо позолоченный и украшенный орнаментом ют сверкал под лучами закатного солнца. Флаг Зимбуры, черная звезда на красном поле, висел на снастях, а над ним — царский штандарт: мужское лицо в ореоле солнца.

— Подумать только! — произнесла Эйлия с дрожью. — *Он* на том корабле. Так близко!

— Лучше об этом не думать, — буркнул Дамион.

Матросы были заняты выгрузкой живности на большие плоскодонки, похожие на плоты. У берега овец, коз и лошадей сбрасывали на мелководье, и они выскакивали на берег, тяжело дыша и отряхиваясь. Белый верховой конь Мандрагора выпрыгнул на берег в туче пены, фыркая и тряся мокрой гривой. С корабля также спустили несколько сторожевых псов злобного вида. Дамион узнал в этих здоровенных черно-белых тварях страшную зимбурийскую породу — наполовину гончая, наполовину волкодав. Огромные челюсти обрамляли кожаные намордники, и даже проводники этих собак обращались с ними уважительно. Зимбурийцы явно подготовились к опасностям неизведанной земли.

Впереди возвышались низкие песчаные обрывы, а за ними — крутые зеленые холмы, почти горы, вершины которых терялись в низких тяжелых туманах. Вдруг солнце скрылось за ними, и его шафрановое сияние постепенно погасло. В сгущающихся сумерках группа офицеров сгрудилась над свитком при свете костра, о чем-то споря и жестикулируя. Один из них воткнул острие меча в песок и что-то крикнул. Сначала Дамион решил, что это приступ злости, но потом сообразил, что человек выполняет нечто вроде ритуала — объявляет эту землю зимбурийской. Полумесяц обрывов отразил крик эхом, будто передразнивая.

Неподалеку готовился к выходу отряд разведчиков, люди седлали и вьючили коней. Дамион пожалел, что не понимает по-зимбурийски: разговор шел оживленный, почти накаленный. Через некоторое время к пленникам подошел Шеззек и заговорил по-маурийски.

— Вы все пойдете с нами. Делайте, что вам говорят, и вас не тронут.

И он что-то добавил Йомару по-зимбурийски. Мохарец утвердительно что-то буркнул, потом презрительно посмотрел вслед удаляющемуся Шеззеку.

— Что он сказал? — спросила Лорелин.

— Что я пойду у них следопытом, — ответил Йомар. — Диких зверей, небось, боятся.

Ана наклонилась поднять Метелку, но когда она с кошкой направилась к лошадям, Шеззек шагнул вперед, что-то крича и с угрозой размахивая руками. Серая кошка зашипела на него, потом спрыгнула с рук хозяйки и бросилась по берегу. Эйлия и Лорелин закричали.

— Она же погибнет! — возмущалась Лорелин.

Полукровка хмуро обернулся к ней, и Ана положила руку на плечо Лорелин.

— Серая Метелка может сама о себе позаботиться, дорогая моя. Ей случалось жить в диких местах.

— Это жестоко!

Лорелин сердито посмотрела на Шеззека, но он уже повернулся спиной, крича команды своим солдатам.

Пленников посадили на лошадей, зимбурийские всадники взяли этих лошадей в повод и повели. Лорелин достался белый конь. Дамиону что-то показалось неуловимо тревожным в этом выборе лошадей, а потом он вспомнил: в древности приносимых в жертву людей везли к алтарю зимбурийских богов на белом коне. В отряд входило с дюжину верховых солдат, в том числе Йомар, пара проводников и несколько собак в кожаных намордниках и на длинных поводках. Шеззек резко скомандовал по-зимбурийски, и отряд пустился в путь по берегу, туда, где обрыв переходил в пологий песчаный подъем. Дальше вверх подъем становился круче, сменяясь травянистым склоном, уходящим в свою очередь в густо поросшие лесом холмы. Между ближайшими двумя лежал широкий проход, в котором вообще ничего не было видно, кроме серости блуждающих туманов. Но во время подъема сумерки не сгущались: Эйлии даже показалось, когда въехали в лес, что под деревьями будто светает. «Но это же невозможно, — подумала она. — Солнце только два часа как село...» Она глянула на северо-восток. И действительно, там разгорался рассвет, заливая небо золотом и багрянцем!

Вспомнилась фраза из старой легенды: «В Тринисии солнце не заходит летом и не восходит зимой».

Отряд поднимался по склону к ложбине, и солнце пылающим ореолом вставало над холмами совсем рядом с тем местом, где только что скрылось.

Спускаясь в сопровождении своих похитителей по дальней стороне хребта, Дамион очнулся от тревожных мыслей и стал смотреть вокруг. Перед ним внизу лежала широкая долина, и по ней вилась сияющими петлями река с востока на запад, а на том берегу долины возвышались новые холмы, а дальше уже настоящие горы, куда выше маурийской прибрежной гряды, и на торчащих зазубринах каменных пиков сверкал снег. Отряд спускался не спеша меж сосен и елей, которые сменились лиственным лесом, превосходившим густотой древние рощи Селенны. Лишайник и мох нарос на столетних дубах и вязах, не уступающих в обхвате храмовым колоннам. На некоторых деревьях пробивалась молодая зеленая листва, другие цвели. Дамион, который был в ботанике не намного сильней, чем в географии, все же узнал белые и розовые соцветия диких вишен и яблонь, набухающие бутоны миндаля, кипень боярышника, как белая метель. Теперь его взгляд остановился на купе древних деревьев, с такими серыми и искривленными стволами, что они скорее были похожи на скалы, чем на живые растения. Наверное, это оливы, вроде тех, которые он видел на Каанских архипелагах. А по стволу и ветвям массивного кедра, прямо по его устремленной вверх кроне тянулись переплетения вроде бы дикого винограда. Дамион много видел таких лоз — уже окультуренных, в ухоженных рядах маурийских виноградников. Но как они могут жить и процветать здесь, где зима должна быть куда суровее?

Сквозь деревья пылало золото-оранжевое сияние, будто огонь разгорался меж ветвей — свет уже возвращающегося солнца. И это была еще одна странность. Отчего здесь не только неестественно теплый климат, но и такие короткие ночи? Дамион вспомнил прочитанное о северных землях — где по полгода никогда не заходит солнце, месяцами не наступает ночь. Не понимая, как такое может быть, он всегда считал это фантазиями. Теперь выяснялось, что и у этой старой басни есть реальная основа.

Спереди раздался крик: похитители велели остановиться. Кто-то из солдат спешился, очевидно, рассмотреть что-то в лесной подстилке. Псы обнюхали это место и возбужденно заскулили сквозь намордники. Там было что-то вроде следа большого животного. Йомар, изучив отпечатки с вниманием опытного следопыта, сказал, что не узнает оставившего их зверя.

— Какая-то кошка, но не лев и не леопард, — бормотал озадаченный мохарец. — Похоже на помесь этих двоих.

— Леббард, — сказала Эйлия.

— Кто? — уставился на нее Йомар.

— Леббард, лев-леопард. Я о них читала в путевых дневниках Велессана. Считается, что это мифические создания вроде единорогов или драконов. Но, может быть, они есть на самом деле.

— Звучит как опасный зверь. Надеюсь, он не прячется в кустах, — сказал Дамион.

Йомар покачал головой:

— След старый.

Шеззек, обернувшись в седле, рявкнул:

— Прекратить разговоры!

Йомар с угрюмым лицом отступил, и Дамион встревоженно оглянулся. Тринисия как изолированный континент вполне может иметь свою неповторимую фауну. Он вспомнил гигантских нелетающих птиц и других странных животных, живущих на Внешних островах далеко в Малом океане. Деревья в здешнем лесу вроде бы знакомые, но кто знает, какие причудливые твари могут здесь обитать?

Глубже в лесу появились и более явные признаки присутствия животных. На одной прогалине отряд спугнул у ручья молодую оленуху и видел, как она скрылась прыжками, — смесь изящества и страха; на другой из травы с шумом вспорхнула стая диких голубей, и от внезапного хлопанья крыльев лошади заржали и заплясали. И тут же вдали удалось заметить стадо каких-то зверей вроде безрогих антилоп, серых в яблоках, но когда потревоженные животные вылетели из-под деревьев на солнце, цвет их шерсти оказался синевато-пурпурным с белыми пятнами вроде звезд.

— Пантеоны! — воскликнула Эйлия, забыв, что разговаривать запрещено.

Звездные звери! О них Велессан тоже писал. Они жили в стране Эларайнии, в Элдимии, но несколько экземпляров волшебный народ привез в Тринисию. Эйлия попыталась вспомнить, что же еще прочла она в книге Велессана Странника. «Тринисия, кою зовут иногда Долом за Спиной Полночного Ветра, далеко на Полночь располагается, где Океан Льда оточает ея. В доле том солнце в лето не садится, ниже в зиму не поднимается. Обитают там Элеи, дети Фей, купно с Духами Вод и Лесов, тако же звери чудные населяют ея, как-то Грифоны, Уникорны, сиречь Единороги, Черви великие и иныя твари сходныя...»

Неужто это на самом деле Тринисия? Если да, то Велессан все-таки не лгун. Конечно, ничего похожего на «Червей великих» здесь нет, и знаменитые «видения сфер» можно отмести как полет фантазии, но уже нельзя сказать, что его описания Тринисии ненадежны. Теплый и цветущий остров на севере существует, именно как он и описывал.

Через несколько часов отряд вышел на поляну — широкое травянистое поле со светлыми камнями, окруженное такими же серыми стволами олив. Шеззек скомандовал привал, и все спешились. Ану и остальных пленников отвели туда, где зимбурийцы собрали хворост и сложили два каменных круга для костров. Как только пламя разгорелось, над огнем повесили два железных котла, чтобы сварить какой-то суп из солонины, взятой с кораблей. Пленникам есть не дали. Йомар, который вызвался их охранять, тоже не имел права есть, пока его не сменили. Дамион решил, что мохарец вызвался охранником, чтобы потом поесть в одиночестве, а не в компании зимбурийцев.

Эйлия, Дамион и Лорелин сидели устало на земле, но Ана подошла к кострам и вежливо что-то посоветовала кашеварам. Совет восприняли злобно, и в ответ на сердитый выкрик Шеззека старая женщина пожала плечами и вернулась к своим товарищам. Все они были голодны и очень старались не смотреть на котлы и не вдыхать запах их содержимого. Эйлия прислонилась к большому камню, торчащему из травы. Сверху он был плоским, но форму имел круглую. Пальцы девушки, бездумно блуждая по белой как мел поверхности, нащупали бороздки, расположенные слишком правильно, чтобы иметь естественное происхождение. Когда она присмотрелась пристальнее, то увидела еще несколько белых обломков на той стороне поляны. Она поняла, что это сломанные колонны, которые сперва невозможно было отличить от поваленных стволов — так сильно покрывали их лишайники и ползучие растения. Она вскочила, забыв усталость, разглядела повнимательнее. На мраморе безошибочно, хоть он и был сильно стерт, угадывался барельеф цветов и листьев.

— Глядите! — шепнула Эйлия друзьям.

Они повернулись и посмотрели на камень.

Дамион присвистнул сквозь зубы.

— Я все думал, не была ли эта земля обитаемой. Слишком многие растения из культурных — оливы, фрукты. Наверное, здесь были сады и виноградники, которые за много сотен лет одичали.

— А кто посадил их? Элеи? — спросила Эйлия.

Ана кивнула.

— Остатки, очевидно, от одного из больших зданий, — показала она на валяющиеся камни. — Пятьсот лет миновало, как оно рухнуло, но построено оно было намного раньше. Лет за тысячу или больше до нас.

Элеи. Эйлия всегда их подсознательно считала персонажами волшебных сказок, полусмертными детьми младших ангелов. Величественные создания в развевающихся мантиях и с лицами неземной красоты. Но наверняка это были обычные люди, не менее настоящие, чем живущие сегодня... И жили они здесь, на этом острове. *Мы в Тринисии.*

Как уставший пловец, более не в силах биться с волнами, перестает сопротивляться и отдается на их волю, так Эйлия сдалась перед накатившей на нее волной событий, не вопрошая больше, но просто приняв эту новую реальность. Посреди неизвестности и множества грозящих опасностей она думала не о них, а об элеях, пытаясь себе представить, каково было жить на этой земле при древнем Содружестве, когда Тринисия была величайшим средоточием культуры и знания.

— Если элеи действительно здесь жили, — сказала она вслух, — то их священный город тоже может оказаться реальным. Лиамар. — Все посмотрели в сторону далеких синих гор на севере. — И Камень Звезд — тоже!

— Да. Случай, судьба, провидение, — задумчиво начала Ана, — назовите как хотите, привели нас сюда, в землю Камня. Вопрос в том, что нам теперь с ним делать?

— Делать? — изумилась Лорелин.

— Нам? — не веря своим ушам, спросила Эйлия.

— Нам, — повторила Ана твердо и спокойно. — Больше никого нет.

Дамион уставился на Ану.

— Ты хочешь сказать, — медленно начал он, — что мы должны отобрать Камень у зимбурийцев?

— Или найти его раньше, чем они! — воскликнула Лорелин, загораясь этой идеей.

Эйлия глянула с тревогой:

— Но для этого нам придется сбежать!

— Именно это мы и должны сделать. Но я не могу сказать вам, где находится Камень, ибо иначе, если нас поймают, вас могут заставить рассказать все, что вы знаете. Я вас туда отведу, если вы мне доверитесь.

При этих словах Эйлия задрожала. Она знала, где лежит Камень: Велессан описал святилище Камня в своей книге. Если ее

поймают и будут пытать, расскажет ли она? Эйлия открыла рот — и снова закрыла. Если это знание опасно, то лучше ее спутникам не знать, что ей оно известно.

— И как же мы можем сбежать? — спросила она вместо этого. — Может быть, Йомар нам поможет? Разве он не пытался раньше уйти от зимбурийцев, отец Дамион?

— Да, но сейчас положение другое. Мы не можем предложить ему свободу и безопасность, как в Маурайнии.

— И все же, может быть, стоит спросить? Может быть, он и согласится.

Дамион встал, отошел в сторону охранника и сказал, понизив голос:

— Йомар, послушай...

Йомар продолжал с недвижным лицом смотреть в пространство.

— Нагнись, будто ищешь чего в траве, — прошипел он уголком рта.

Дамион так и сделал, притворяясь, что изучает сломанную капитель.

— Ладно, — сказал Йомар после паузы. — За нами наблюдал офицер, но он отошел. Так что тебе нужно?

— Сбежать, — шепнул Дамион.

— Больше ничего? — фыркнул Йомар. — Ты не заметил, что мы на острове? На случай, если ты не знаешь: так называется часть суши, со всех сторон окруженная *водой*. Собираешься домой вплавь?

— Вообще-то я думал, что можно вернуться к кораблям, подбить рабов на мятеж или... или... — Под насмешливым взглядом Йомара Дамион опустил глаза. — Я думал, у тебя может быть идея.

— И чего я тебя только слушаю? — буркнул Йомар, уставясь в землю. — Там, в Маурайнии, была возможность, но сейчас — что толку? Остров необитаем. Даже если сбежим от зимбуров, застрянем здесь...

— Не необитаем, — таким же тихим голосом уточнила Ана. — Стражи все еще здесь живут.

— Кто? — хором спросили Дамион и Йомар.

Ана объяснила:

— Если Стражам были те же видения, что и маурийским немереям, то они будут предупреждены о нашем приходе. Когда мы дойдем до горы Элендор, они будут ждать и смотреть. Если они придут к мысли, что Лорелин — действительно та, кто предсказана в пророчествах, то отдадут ей Камень, как обещано.

— А потом? — спросил Дамион.

— А потом они помогут ей и ее спутникам покинуть Тринисию, если мы об этом попросим. Даже отведут нас в Элдимию, если мы пожелаем.

— И Элдимия тоже есть на самом деле? — спросила с интересом Лорелин.

— Да.

— На той карте ее не было, — заметил Дамион. — Где же она находится?

— С самого Крушения ее местонахождение держится в тайне — ответила Ана. — Но Стражи знают его.

- В древних легендах Элдимия вроде как волшебная страна, иной мир, — сказала Лорелин.

— Это правда, — признала Ана. — Но в некоторых Элдимию называют Землей за краем света. Будто это обыкновенная страна, до которой можно добраться, если только достаточно далеко уехать.

— Но где же она точно? — спросил Дамион.

— К востоку от солнца и к западу от луны, — ответила Эйлия с виноватым видом. — Только такие указания есть в легендах.

— Весьма полезные! — фыркнул Йомар.

Наступило молчание, и снова заговорил Дамион:

— А что, если Стражи Камня *не признают* Лорелин как ту, которую ждут?

— Тогда, — ответила Ана, — мы будем предоставлены сами себе.

— Но ведь они же не дадут зимбурийцам захватить Камень?! — воскликнула Лорелин.

— Боюсь, что дадут. Его уже однажды украли, как вы знаете, и потом вернули на подобающее место. Стражам приказано ничего не делать, пока не появится сама Трина Лиа и не потребует их помощи. Таков их священный обет, и они сдержат его что бы ни случилось. Они верят, что ей предопределено взять Камень, и ни одна земная сила не может помешать ее приходу. А потому похищение Камня зимбурийцами для них будет лишь очередным поворотом судьбы. В конце концов, однажды зимбурийцы его уже похищали, и он вернулся в Лиамар. Они будут ждать своего часа, ждать возвращения Камня и пришествия Трины Лиа.

— Ну ладно, так Трина Лиа пришла, — заявила Лорелин. — Если ты насчет меня права, конечно.

— Трина Лиа! — фыркнул Йомар, поворачиваясь к ней. — Неужто ты веришь в эту дребедень? Из тебя принцесса, как из меня царь зимбурийский.

— Трина Лиа не такая принцесса, которая дочь короля, — серьезно объяснила Лорелин. — Это просто значит, что она поведет народы.

— *Меня* ты никуда не поведешь, и уж точно не поведешь ловить журавля в небе. Лучше я уж как-то с зимбурами перекантуюсь.

— Йомар, но нам же нужна твоя помощь! — взмолилась Эйлия. — И разве ты не хочешь быть снова свободным?

— У вас по-прежнему нет *плана*, — тяжело вздохнул мохарец. — Как вы собираетесь удрать из лагеря? Повернуться и пойти?

— Нет, лучше поехать, — ответила старая Ана вполне серьезно. — Возьмем несколько лошадей и припасов. Уже есть навьюченные лошади. Но сначала надо подождать, пока зимбурийцы заснут.

— Они одновременно все не заснут! — рявкнул Йомар, уже начинающий выходить из себя.

— Заснут, как только подействует сонное зелье, которое я бросила им в котел.

Молодые люди замолчали и стали оглядываться. Действительно, в лагере было *необычно* тихо. Один солдат клевал носом над миской. Другие растянулись на траве, и слышался храп.

— Им следовало бы меня обыскать, когда они меня задержали, — сказала Ана, покачивая седой головой. — Я всегда ношу с собой травы — никогда не знаешь, когда тебя позовут кого-нибудь лечить. Пару мешочков со снотворными травами я положила в рукава и высыпала в котлы, когда повара не смотрели. Что же ты теперь скажешь, Йомар? Пойдешь с нами, поможешь нам? Твоя помощь может быть нам очень полезной.

— С вами! — Широкая ухмылка расплылась на темном лице, будто солнце пробилось сквозь тучи. Йомар обнажил меч, подбросил его в воздух и снова поймал за рукоять. — Эх, зубы Валдура! — крикнул он. — Украсть у зимбурийцев их сокровище — чего я только за это не отдам!

— Значит, решено, — сказала Ана. — Но мы должны спешить: трава, которую я подсыпала, заставит их проспать всего лишь около часа. Если мы будем мешкать, они проснутся.

Йомар широким шагом перешел поляну и остановился над растянувшимся в траве Шеззеком. У мохарца зашевелились губы, руки сжимали рукоять оружия, не успевшего вернуться в ножны. У него за спиной Ана произнесла, будто в пространство:

— Мохарские воины не убивают спящего врага.

Йомар сунул меч в ножны.

— В другой раз, — буркнул он.

Пленники поспешили туда, где стояли привязанные кони, но никто из похитителей не шевельнулся. Эйлия со страхом поглядела на раскрасневшиеся лица спящих солдат.

— Если они проснутся...

— Не думай об этом, — прошипел Йомар. — Шевелись!

— Возьмите всё оружие, но немного еды оставьте, — велела Ана. — И отвяжите всех лошадей. Это задержит погоню.

Йомар потянулся к уздечке крупного жеребца Шеззека.

— Вот так просто? — пробормотал он.

В тот же миг сзади раздалось громкое рычание.

— Псы! — зашипел Дамион. — Они же не спят!

Ана повернулась к сторожевым псам, которые летели к ним, перемахивая недвижные тела своих хозяев, рыча и щетинясь. Намордники с них сняли, чтобы дать им поесть, и в оскаленных пастях виднелись страшные клыки. Ана, подняв руку, что-то тихо сказала. Псы остановились, насторожив уши, будто в удивлении, шерсть на загривках улеглась. Вожак подошел к старухе и на глазах изумленных путешественников лизнул Ане руку. Она улыбнулась, погладила страшную черно-белую башку.

Йомар что-то пробормотал на своем языке.

— Она точно ведьма, — добавил он по-маурийски.

— С животными на самом деле нетрудно поладить, — заметила Ана, почесывая пса за ушами. — Жаль, что с людьми все гораздо сложнее. — Она подошла к самому маленькому из приземистых пони. — Если кто-нибудь поможет мне сесть, можно ехать.

Лорелин села за спиной Дамиона, а Эйлия — за седлом Йомара на вороном жеребце — «Не вздумай падать!» — предупредил он, а за ними пристроилась Ана на своем пони, ведя двух вьючных лошадей. Все оставшиеся лошади тоже двинулись за ними: то ли повинуясь инстинкту, то ли подействовала загадочная власть Аны над животными. Путешественники поспешно отъехали от лагеря, часто оглядываясь. Они углубились в лес, направляясь к далеким вершинам, скрытым за тучами.

Сперва отряд двигался споро, подгоняемый страхом. Через несколько минут лошади без всадников стали отставать, пасясь в нетронутой траве или останавливаясь попить у лесных ручьев. Какое-то время собаки шли следом как стая прирученных волков, но потом их отвлек какой-то запах, и они с яростным лаем метнулись в чащу.

Йомар был доволен.

— Трудно будет зимбурам за нами гнаться — без лошадей и без собак!

— Но они же найдут своих коней и псов? — тревожилась Эйлия, которой это предприятие начинало казаться авантюрой. — А тогда погонятся за нами, и злы же они будут...

— Мы уже тогда будем далеко, — возразил Йомар, поворачиваясь к Ане. — Но хотелось бы, чтобы ты не ошиблась насчет Стражей, иначе мы все покойники.

Ана ничего не ответила: похоже, все ее мысли были заняты тем, чтобы удержаться в седле и не дать отстать лошадям с провизией. Она вела их не в поводу, а лишь время от времени оборачиваясь и тихо окликая.

Целый час прошел в быстром движении, а потом отряд вышел к реке. Погони не было слышно. На середине реки торчали сваи от давно рухнувшего моста, но было достаточно мелко, чтобы коням идти вброд. Гора, до которой надо было добраться, находилась на той стороне.

— Лучше всего переправиться здесь, — объявила Ана. — Дальше, у подножия гор, река становится и быстрее, и глубже.

Отряд стал спускаться к берегу, как вдруг рядом зашуршали кусты, и Эйлия обернулась. Из зелени выскочил серый зверь и неспешно направился к людям. Сначала девушка приняла его за рысь, но потом вскрикнула:

— Смотрите-ка, Метелка! Как она нас нашла? Я боялась, что бедняжка сгинет в глуши.

Лорелин спрыгнула с коня с криком восторга и ухватила кошку, которая громко замурлыкала и стала тереться об ее щеку.

Ана ни капельки не удивилась.

— Успела вовремя, умница. Еще немного — и нас бы разделила река. А ты, киса, воду не очень любишь.

Единственным ответом Метелки был высокомерный взгляд и довольное мурлыканье. Ана посадила кошку на луку седла, и кавалькада двинулась дальше.

Переправа оказалась нетрудной. В самом глубоком месте вода доходила лошадям до груди, и ноги всадников промокли до колен, но дно оказалось ровным, без камней и слизи. На другом берегу Ана высказала предположение, что сейчас можно без риска сделать короткий привал, и люди, проехав по берегу еще сотню ярдов, спешились, размяли затекшие мышцы и дали лошадям попить из реки. Солнце так и не поднялось в небо, решив вместо того кружить над горизонтом этой далекой гиперборейской земли. На отдыхе Ана объяснила спутникам этот феномен полночного солнца:

в летние месяцы день здесь тянется круглые сутки из-за наклона оси огромного шара, который представляет собой планета, и его положения на длинной орбите вокруг Солнца. Зимой все происходит наоборот, и на северном полюсе свет дня не виден. Но для Эйлии это все равно казалось волшебством — раз уж здесь в Тринисии все законы природы, правящие в остальном мире, действовали по-особенному.

— Здесь в северных землях лето — один долгий день, не тронутый ночною тьмой, — сказала Ана, — но все равно его обитатели любили зимнюю тьму. Хотя зима обрекала эти земли на лютый холод и долгую ночь, элеи радовались, что могут снова увидеть звезды. Ибо из Небесной Империи пришли в незапамятные времена их божественные предки.

— А почему здесь растут деревья и виноград, — тут же спросил Дамион, — когда все другие земли, что я видел с корабля, были пусты и покрыты льдом? Как может существовать подобная страна так далеко на севере?

Ему ответила Лорелин:

— В легендах, которые рассказывала Эйлия, такой Тринисию сотворили боги. В начале остров был покрыт льдом, но они сделали его теплым и наполнили деревьями и зверьми. Они здесь выращивали все что хотели.

— Но это всего лишь миф, — возразил Дамион. — Я хотел знать, каково настоящее объяснение.

Ни у кого не было никаких предположений.

Ана достала из вьюка кожаное ведро и склонилась у реки зачерпнуть воды.

— Боюсь, что ее нельзя пить некипяченой, — предупредила она. — А это значит, что придется развести огонь. Но надо постараться, чтобы дым нас не выдал, и потом как можно лучше закопать яму, где был костер.

— И отдыхать особо долго не стоит, — посоветовал Йомар. — Зимбуры наверняка уже пустились в погоню. Я Шеззека знаю: он так просто не отступится.

— Я бы не удивился, если бы они испугались нас преследовать, — заметил Дамион. — Зимбурийцы ведь — народ суеверный? Они придут в ужас, когда очнутся как от колдовского сна, и не только нас не найдут, но ни собак, ни оружия, ни лошадей. Решат, что Ана их заколдовала.

— Халазара они будут бояться больше, — возразил Йомар. — Многие верят, что он — бог. Они скорее решатся преследовать нас без собак, лошадей и оружия, чем явиться ему на глаза и до-

ложить, что мы сбежали. К тому же всегда можно послать гонца за подмогой.

Эйлия сидела молча, прислушиваясь к беседе. Снова и снова глаза ее останавливались на лице Дамиона. В Академии она вела с ним нескончаемые воображаемые беседы, и все они искрились (как ей хотелось думать) мудростью и остроумием, а теперь, в его присутствии, в этой очарованной и потрясающей стране, она точно язык проглотила. Наконец она все-таки обрела голос, чтобы сформулировать свои мысли:

— Я думаю, что ждет нас на Элендоре, — сказала она. — Знаете, я почти боюсь увидеть Камень Звезд. Не хочется мне, чтобы это оказался всего лишь кусок некрасивого метеоритного железа. Так хочется, чтобы он был как в легендах — красивая волшебная драгоценность.

— Я тебя понимаю, — согласился Дамион. — Но Камень был важным символом, как, скажем, Священное Пламя Веры, а символы — вещь мощная. В древних войнах между Маурайнией и Маракором наши солдаты несли факелы, зажженные от Пламени — и этими факелами поджигали целые города и деревни.

Эйлия уставилась на него, потрясенная. Священное Пламя Орендила служило делу разрушения, уничтожения?

— Я не знала.

Дамион смотрел на далекие вершины.

— Для элеев Камень был символом всего, что им дорого: красоты, чистоты и великодушия их богов. А для зимбурийцев это был бы знак, что пришло время им восстать и покорить мир. Правда это или нет, не важно: они будут так думать, а потому поступать соответственно. Если мы не найдем Камень первыми, его найдут люди Халазара, и целый мир будет охвачен войной из-за этого булыжника.

— Страшно! — сказала Эйлия. — Но еще страшнее думать, что судьба мира зависит от нас!

— Мы просто должны сделать все, что можем, — ответил он.

На этом разговор прекратился. Йомар пошел к реке наловить форели — делал он это луком и стрелами, по-мохарски. Ана, Дамион и Лорелин сели на берегу. Лошади пили из мелких луж рядом с урезом воды. Эйлия уселась, прислонившись спиной к дереву, и вытянула ноги: мышцы все еще ныли от сжатия боков лошади. Кружащееся арктическое солнце светило косыми мягкими лучами, будто к вечеру. От этого света края неба горели золотисто-пыльным сиянием, напоминая Эйлии тускло-золотой фон старинной живописи. Раскинувшаяся перед ней местность могла быть пасто-

ральной сценой с такой картины, и навевала такое же спокойствие. Деревья, земля, вода — и все это в густом медовом свете казалось слегка преображенным. Лучи его пробивались сквозь молодую зелень ветвей над головой, высвечивая каждую жилку, каждую сеточку листьев, он проливался сквозь прозрачные тела поденок, вьющихся над водой, превращая их в танцующие огоньки, он превращал капельки в камышах в радужные призмы, переливающиеся гипнотизирующими цветами. Этот свет нес томность, уносящую девушку в себя, как в сон, легкую и мирную. Басом гудели в камышах лягушки-быки, а дальше по берегу синяя цапля стояла, как часовой, наблюдающий за водою. Эта усыпляющая сцена вместе с усталостью убаюкали Эйлию почти до дремоты, и она вздрогнула, когда цапля вдруг, захлопав крыльями, взлетела прочь от берега.

Тревожно оглянувшись вокруг, Эйлия никого не увидела на том берегу. Остальные не заметили взлета цапли. Наверное, она просто слишком нервничает. Эйлия легла обратно. И тут обратила внимание, что лягушки замолчали.

Она снова села, оглядываясь. Река текла, спокойная и глубокая, поверхность ее была гладка, как стекло. Но у дальнего берега вода зарябила, колебля отражения деревьев. Под таким углом река была непрозрачна, и в ней отражалось небо, но все равно оставалось впечатление, что там, под водой, движется какое-то крупное тело. Неужто крокодил? Эйлия не была уверена, что тут для них достаточно жарко, но ни одна рыба такой ряби не могла бы сделать. Разве что Эйлии померещилось...

Снова забурлила вода, пенная воронка завертелась на течении, и что-то большое и блестящее, как камень, только там, где раньше камня не было, вынырнуло и тут же скрылось.

— Йомар! — заорала Эйлия.

Мохарец опустил лук и глянул недовольно:

— Что такое? Ты мне всю рыбу распугаешь.

— В реке что-то есть, что-то большое!

Йомар резко повернулся. Теперь уже не было сомнений — он тоже увидел что-то движущееся под водой, рассеянную тень, как будто смотришь через неровное стекло.

— Крокодил? — спросила Эйлия, когда Йомар спешно выскочил на берег и присоединился к остальным, стоящим у камышей.

— Если это крокодил, — ответил мохарец, — то такого здоровенного я никогда не...

Еще раз заклубилась пена, и высунулось что-то, похожее на черный камень. На глазах у людей эта штука взмыла в воздух на длинной жилистой шее и закачалась из стороны в сторону, роняя

капли. Шею и голову покрывала серо-зеленая чешуя, тускло блеснувшая на солнце. Высунулся черный раздвоенный язык. Лошади зафыркали, забились на привязи.

— Что-то вроде большой водяной змеи, — объявил Йомар, поднимая лук.

— Еще одна! — воскликнула Лорелин, показывая на вторую чешуйчатую голову, взмывшую над водой неподалеку от первой.

— И вон еще! — показал Дамион.

Вода бурлила, как в котле. Йомар вытаращил глаза, опуская лук.

— Да тут вся река ими кишит...

— Отступаем от воды, медленно, — сказала Ана, понизив голос и наклоняясь, чтобы подобрать кошку.

Все молча повиновались, отступили к фыркающим лошадям и отвязали их. Длинные тускло-серые шеи — теперь их было несколько — опускались, вились и переплетались, ритмично высовывались и прятались раздвоенные языки. Потом несколько голов одновременно повернулись к путешественникам, и послышалось многоголосое шипение.

— Нас увидели, — сказала Ана, когда Дамион помог ей влезть в седло. — Скачите прочь — как можно быстрее!

Такого повелительного голоса они от нее еще не слышали.

Лошади не меньше людей рвались ускакать прочь. Покинув берег, они припустили лесом, и вскоре оставили реку далеко позади.

— Значит, твое волшебное умение чаровать зверей на змей не распространяется, Ана? — язвительно спросил Йомар, когда люди остановили взмыленных коней.

— Они бы на нас напали? — спросила Эйлия.

— Не они, — ответила Ана, одной рукой держа все еще ощетинившуюся кошку, а другой поглаживая пони по шее. — Это она. При всех этих головах — только одно тело.

Все уставились на нее:

— То есть? Что это было? — спросила Лорелин.

— Гидра. У них всегда больше одной головы. Бывает даже семь или девять.

Йомар фыркнул. Но Эйлия вспомнила большое темное тело, смутно угадывающееся под поверхностью реки, вспомнила, как странно-согласованно двигались змеиные головы, будто их вела единая воля.

— Они опасны? — спросила Лорелин. — Эта за нами погонится?

Лицо Аны стало серьезным:

— Думаю, нет. Гидры быстро не бегают. Им это не нужно. Они ядовиты, но яд у них не в зубах, как у змей: они его выдыхают смертельным туманом, который движется почти со скоростью стрелы и примерно на такое же расстояние. И их очень трудно убить. Если отрезать гидре одну голову, на ее месте вырастут две. Говорят, что они не созданы природой, но сотворены слугами Валдура, которые их выпускали на страны своих врагов — отравлять реки и озера. Очевидно, враги элеев потеряли нескольких, когда напали на остров, и эти создания с тех пор здесь живут и плодятся. Если бы я знала, что здесь живут гидры, я бы не разрешила никому так близко подходить к воде.

— А мы были прямо в воде, — вздрогнула Эйлия. — Хорошо, что не было гидры, когда мы переходили реку.

— Если зимбурийцы идут по нашему следу, — сказал Дамион, — им тоже придется переходить реку. Такой опасности они не ждут.

— И хорошо, — отозвался Йомар.

Ана посмотрела озабоченно:

— Наверное. Но если счастье улыбнулось нам, то так же может улыбнуться и им. Мы не можем рассчитывать, что река их задержит. Вперед!

13
Затерянная земля

Все разделяли желание оставить как можно большее расстояние между собой и возможной погоней. До снежных шапок хребта было не менее двух дней пути, по оценке Йомара.

— Хорошая погода тоже не будет стоять вечно, — сказала Ана. — Бури начнутся раньше, чем мы доедем до гор.

Она говорила с уверенностью человека, сообщающего общеизвестный факт, хотя день был хрустально ясен, на небе ни облачка. Наверное, прожив столько времени на природе, Ана научилась распознавать признаки перемены погоды, другим не видимые.

Йомар тоже оказался весьма ценным приобретением для группы. Когда отряд останавливался на отдых, он учил спутников реагировать на предупреждающий свист, подражающий крику птиц, который он испускал всегда, когда подозревал близкую опасность.

По этому сигналу надо было прекратить все дела и бежать к ближайшему укрытию. Еще он, используя украденное оружие, учил Дамиона обращаться с мечом, показывая выпады, стойки и защиты — на случай, если зимбурийцы догонят отряд и придется защищаться. Лорелин, глядя на это, тоже хотела обучаться, но сперва Йомар просто отмахнулся.

— Она должна уметь защитить себя, — озабоченно возразил Дамион. — Зимбурийцы хотят ее убить. Она в большей опасности, чем все мы.

Эйлия при этих словах поежилась. Раньше она никогда никакой опасности не подвергалась: самые серьезные приключения происходили за обложкой книг. Такие путешествия, как вот это, — они для сильных и храбрых, думала она мрачно, а не для таких слабаков, как она. Но своими страхами она ни с кем не делилась. Чтобы взглянуть на Лиамар и на Камень Звезд, она пойдет на любой риск. Тем более что задача на них возложена серьезная.

Йомар неохотно показал Лорелин, как пользоваться мечом. Как только он вложил рукоять ей в руку, глаза у девушки загорелись. Она замахала стальным лезвием, завороженно глядя на него.

— Такое ощущение... будто так и надо, — сказала она, когда урок закончился. — Будто я уже держала когда-то меч. Конечно, не было такого, но ощущение почти... знакомое. Не могу объяснить.

Она с большой неохотой вернула оружие.

Странно было видеть девушку с мечом в руках, тем более в грубых штанах и рубахе. Мужчины нашли зимбурийскую одежду во вьюках и переоделись. Лорелин тоже себе взяла кое-какие вещи, потому что при своем росте могла носить мужское. Остальным женщинам пришлось обойтись небольшим запасом Лорелин, но ее платья были Эйлии велики, даже если подвязать их веревкой, а про Ану и говорить нечего.

Снова наступила короткая ночь — чуть темнее, чем синий занавес, пронизанная очень яркими звездами. Все еще не было слышно шума погони, и так как все вымотались, Ана предложила встать на несколько часов лагерем. Во вьюках нашлись и две палатки, и Йомар с Лорелин поставили их, пока Ана привязывала и кормила лошадей.

— Поразительный конь, — сказал Дамион Ане, гладя белого коня по шее. — Один на тысячу, правда, Артагон?

Эйлия назвала белого коня и вороного жеребца Йомара именами знаменитых скакунов Андариона и Ингарда. Калигон был конем норовистым и иногда взбрыкивал, но мохарец умел с ним

справляться. А вот Артагон был всегда ровен и послушен. Сейчас он стоял тихо, пока Дамион его гладил, а когда подошла не спеша кошка Аны, он опустил голову и обнюхал ее розовый носик.

— Наверное, Мандрагор будет в бешенстве, — говорил Дамион. — Представь себе: его призовой скакун угнан далеко на север!

Ана улыбнулась, положила руку на твердую косточку между глаз жеребца.

— Зная Мандрагора, я не уверена, что он эту лошадь получил в свое распоряжение честным образом. Кроме того, в некотором смысле можно сказать, что Артагон вернулся домой. Чистокровные лошади Маурайнии происходят от трех знаменитых элейских жеребцов — волшебных коней, как называли их, вывезенных из Тринисии в давние времена.

Эйлия посмотрела с интересом:

— Об этих волшебных конях говорится во многих старых легендах. Они из трех видов животных, которые могут видеть духов. Кроме них, еще волшебные гончие и кошки.

Ана улыбнулась:

— Возможно, предки этого нашего друга служили боевыми конями волшебного народа и носили на себе всадников благородных кровей.

Йомар, заявив, что не выдержит еще одной трапезы из корабельных запасов, взял лук и стрелы и пошел на охоту. Через полчаса он вернулся, неся связку кроликов. Эйлия и Лорелин, с ужасом глядя на пушистые трупики, решили, что не смогут съесть ни кусочка, но вкусный запах нежного мяса, жарящегося над огнем, поколебал их решимость. Ана к мясу не прикоснулась и ела только сушеные фрукты из седельной сумки. Лорелин предложила кусочек своей порции Метелке, но кошка при виде жареного мяса только наморщила нос и посмотрела по-кошачьи презрительно, а потом скрылась в луговых травах поискать себе еду, которая будет больше ей по вкусу.

Дамиона во время еды одолевали тревожные мысли, и это отражалось у него на лице.

— Ана, — вдруг сказал он, когда с едой покончили, — что там с Мандрагором? Мне он показался опасным человеком, и он по-прежнему на свободе в Маурайнии. Тебя это не беспокоит? И кто он на самом деле?

Ана ответила не сразу.

— Мандрагор, — сказала она медленно, — невероятно сильный и опасный немерей. Я впервые встретилась с ним в Зимбуре много лет назад.

— Ты была в Зимбуре? — с изумленным интересом воскликнула Эйлия.

— Много лет назад, — повторила Ана. На лице ее появилось отсутствующее выражение, голос понизился до шепота. Она будто говорила не со спутниками, а только с собой. — Мандрагор был сиротой: мать его умерла при родах, и благодаря его... изъяну зимбурийцы решили, что он — дитя какого-то демона. Одно время о нем заботились жрецы Валдура, считая созданием своего темного бога. Но на них напали жители окрестных деревень и прогнали ребенка, а впоследствии, стоило ему лишь показаться, швыряли в него камнями. Он почти одичал, когда я его нашла, — прятался в пещере, до безумия боялся людей. Я сумела завоевать его доверие и увезла с собой, потому что, хотя он был всего лишь ребенком, я сразу ощутила его немерейский дар. И я знала, что из-за пережитых обид и преследований он может, когда вырастет, злоупотребить своей силой. Так что я поступила, как сочла наилучшим: отвезла его к другим немереям и научила всему, что сама знаю. — Ана глубоко вздохнула. — До сих пор иногда сомневаюсь, правильно ли я поступила. Он рассорился со мной и другими немереями, это было уже очень давно, и расстался с нами. С тех пор я его мало видела.

— Ты его боишься, — заявил Йомар тоном обвинителя.

— Нет, но я боюсь того, что он может сделать. — Ана уставилась на огонь. — И я боюсь за него.

— Я в колдовство не верю, — бросил Йомар. — И в чудеса не верю, и ни во что подобное. Колдуны, волшебники, жрецы, ведьмы — все вы одинаковы. Каждый кричит, что может такое, чего никто не может.

— В твоем народе волшебство сильно развито, Йомар. Мохарские шаманы славятся в мире. — Ана повернулась, будто оценивая его глазами. — Возможно, и у тебя есть дар — я могла бы проверить...

— Ну уж нет! — попятился Йомар. — Ко мне с этими штучками не лезь!

— Но ты же не веришь в колдовство? — улыбнулась Ана.

— Откуда я знаю, какие у тебя штучки в рукаве припасены? — возразил Йомар.

Ана посмотрела на него прямо.

— Ты до сих пор шел со мной. Я думаю, ты мог бы мне и доверять хоть немного.

Мохарец отвернулся. Лицо Аны смягчилось — она будто видела стоящего перед ней человека насквозь.

— Йомар, я прошу прощения. Мои соболезнования, — сказала она.

Он повернулся, ответил ей долгим взглядом.

— Откуда ты знаешь? — шепнул он наконец.

— Ты мне сам сказал. Твой тон, выражение твоего лица. Тут не надо волшебства, чтобы понять. Ты потерял дорогого тебе человека — друга? родственника? Шаманы ничего не смогли сделать, и ты с тех пор затаил на них злобу...

Йомар ничего не сказал, но все заметили мелькнувшее в глазах страдание. Ни слова не говоря, он встал и отошел от костра.

Эйлия глядела в освещенное огнем лицо Аны. Ей, как и Йомару, трудно было поверить в истинную чародейную силу старухи, но... все-таки что-то необычное в ней было. Эйлия вспомнила тревожащий сеанс гадания в палатке ярмарочной предсказательницы, вспомнила, как на миг сама чуть не поверила, что перед ней — колдунья. Она огляделась. Изогнутые ветви деревьев, далекие горы в сумерках. Тринисия, родина легенд. И здесь, подумала Эйлия, может случиться, все что угодно.

Тут что-то коснулось ее ноги, и Эйлия вздрогнула, тихо взвизгнув, но это была всего лишь Серая Метелка.

— Я думаю, пора отдыхать, — сказала Ана.

— Я первый буду на часах, — заявил Йомар. — Придется дежурить по очереди, чтобы не проспать зимбуров.

Эйлия пошла в палатку, отведенную женщинам, и с нею Лорелин. Но заснуть не удалось, она ворочалась и металась: тревожные мысли не давали покоя.

— Тоже не спится? — вскоре спросила Лорелин.

— Ага, — ответила Эйлия. — Все думаю о разном: о нашем путешествии, о том, что там впереди...

— А может, расскажешь какую-нибудь сказку? — предложила Лорелин.

Эйлия согласилась и стала рассказывать, что помнила, о путешествии Велессана в эту страну и о его видении Небесных сфер:

— Велессан и сивилла стояли пред лицом богини Луны, которая обитала в жемчужном дворце, и прислуживали ей феи Луны. Они были похожи на очень красивых людей, а на плечи надевали мантии из перьев и летали на них, подобно птицам. «Но что это за огненные звери, которых вижу я и которые парят под сводом Неба?» — спросил Велессан, указывая в широкое стрельчатое окно прямо на небо. И священная сивилла ответила грустно, качая головой: «Увы! Ты зришь войну в Небесной Империи. И теперь ты

знаешь, отчего люди воюют на земле: разве может быть мир внизу, когда в небесах война? Великие владыки сфер и их армии и сейчас сражаются с врагами на полях небесных. И ведут их силы королевы Ночи...»

Эйлия осеклась.

— Давай дальше, — поторопила ее Лорелин. — Что потом было?

— Знаешь, я что-то устала. Потом расскажу.

Она лежала тихо, гадая, кто же на самом деле эта девушка, что так внимательно слушает старую сказку, и где сейчас зимбурийцы, и что сейчас думают ее родные на Большом острове, и что станется с их маленьким отрядом, даже если они найдут, что ищут. И когда в конце концов она погрузилась в сон, ей приснилось, что за ней и ее спутниками гонятся тени в бескрайнем лесу, темном и зловещем.

Когда она проснулась, солнце снова сияло на небосклоне, и лучи его рисовали на пологе палатки скелетные тени папоротников и стеблей трав. Откинув полог, она выглянула, спугнув тучного серого кролика, который тут же скрылся в деревьях, хотя она отвела виновато глаза. По земле стелилась легкая дымка, но небо наверху было чисто. Невдалеке по траве кралась Метелка, подергивая хвостом: наверное, учуяла кролика. На краю полянки паслись Артагон и Калигон в обществе пони Аны и коренастых вьючных лошадей. Ана кормила лошадь овсом из мешка, а Дамион, насвистывая, рылся в седельных сумках другой лошади.

— Да прекратишь ты когда-нибудь этот свист! — раздраженно воскликнул Йомар, высовывая из палатки всклокоченную голову. — С ума сойти можно!

Дамион тут же перестал свистеть и стал напевать себе под нос. Йомар посмотрел на него с явным неодобрением.

— Терпеть не могу людей, которые с утра радуются, — проворчал он и снова втянул голову в палатку, как разозленная черепаха.

— Меня никто не разбудил подежурить, — сказала Эйлия. — И Лорелин тоже. Я бы проснулась, если бы она через меня перелезала.

— Я решила дать вам отдохнуть и подежурить сама, — ответила Ана.

Эйлия и Дамион уставились на нее:

— Но ты же страшно устала? — спросила Эйлия.

Ана улыбнулась и покачала головой.

— Я стара, дитя, а старые люди очень мало спят. Только юным созданиям вроде вас нужен отдых. А как спал ты, когда я тебя сменила? — обратилась она к Дамиону.

— Глаз не сомкнул, — ответил Дамион, снова завязывая сумки. — Йомар храпит, как вепрь. Странно, что он себя своим храпом не будит.

— А ты во сне разговариваешь, — отозвался Йомар, снова выползая из палатки. — Трещишь, трещишь, трещишь часами подряд?

— Интересно, как это я разговаривал, когда я вообще не спал? — спросил его Дамион.

— Прошу прощения, господа, — вмешалась Ана, — но так как у нас нет возможности организовать сон по-иному, не нарушая приличий, вам придется как-то привыкнуть друг к другу.

Лорелин вылезла из палатки, всласть и широко зевнула и потянулась, подняв руки к небесам.

— Что тут творится с погодой? — спросила она недоуменно.

Поднялся ветер, холодный ветер с севера. Вдали рокотал гром, деревья беспокойно шелестели. Никогда в жизни Лорелин не видала такой внезапной смены погоды. Люди быстро соорудили себе завтрак — фляги с кипяченой водой, набранной по дороге в ручье, и корабельные сухари, которые положили размачиваться в котле. Собрав вещи и тронувшись в путь, они увидели, что весь север затянут серым брюхом тучи, и верхний ее край бурлит и вспучивается. Она надвигалась сплошной массой, подавляя своим размером даже горы, съедая синеву неба с невероятной скоростью.

— Ты была права насчет погоды, Ана, — сказал Дамион. — Откуда ты знала?

— Мне эта туча не нравится, — заметила вслух Эйлия. — Она будто живая.

— Неправильная буря, — заявила Лорелин. Глаза ее снова приобрели странное, невидящее выражение. — Совсем неправильная. Ее не должно быть.

Так быстро, что даже не верилось, темная масса поглотила небо полностью, перекрыв мягкий северный свет солнца и погрузив все в сумерки. Люди натянули поводья, в оцепенении глядя в небо.

— Видели вы что-нибудь подобное? — спросил потрясенный Дамион?

— Похоже, что будет такой дождь, который адское пламя зальет, — высказался Йомар.

Мелькнула ослепительная сине-белая вспышка, и из самых глубин тучи раздался грохочущий рев. Лошади заметались, закусывая удила. Молния осветила небо кусками — огромные облач-

ные пропасти зияли в темноте, плотные гряды выдавались хребтами гор. Над головой раскачивались и стонали деревья, мелкие ветки и мусор плясали в воздухе. Со страхом глядя вверх, люди видели, как бьют синие молнии из тучи в тучу, и на миг Эйлии показалось, что она еще что-то увидела: вспышку зеленоватого огня, прыгнувшей из тучи в тучу с той же дикой силой, что и молнии. Она проморгалась — и ничего там не было, только облачный навес, темный, как дым, в голубых прожилках молний. «Померещилось», — подумала она.

И тут хлынул дождь, косыми струями тут же промочив всех до нитки.

— Надо найти укрытие — пещеру или еще что-нибудь! — проорал Йомар и повернулся в седле бросить сердитый взгляд на Ану. — Вряд ли мадам побеспокоит свои волшебные возможности и поможет нам его найти?

— Боюсь, что нет, — ответила Ана серьезно, будто не замечая язвительности мохарца. — Я не могу себе позволить такое заметное использование силы, поскольку оно привлечет недружественное внимание.

Метелка у нее на руках жалобно мяукнула, и старая женщина прикрыла ее плащом.

Отряд поехал дальше, натянув капюшоны на лица, чтобы закрыться от дождя, и пытаясь успокоить фыркающих и мечущихся коней. Над головой ударил гром, будто небо раскололось, и молния ударила впереди. Эта била не из тучи в тучу, а прямо в землю. Послышался звук тяжелого удара и едкий запах.

Серая Метелка взвыла, кони встали на дыбы и остановились. Ана натянула поводья своего пони и осталась неподвижной. Эйлия глянула на нее и увидела с тревогой, что старуха побледнела как мел, и лицо ее так же заострилось, как когда галеон проходил сквозь бурю. Ана медленно подняла руку, губы ее зашевелились.

— Прекращается! — воскликнула Лорелин.

Облака начали расползаться, как шерсть, в них проявились промоины, хотя вид неба оставался таким же зловещим. Ана вздохнула и жестом показала своим спутникам, что можно ехать дальше. На востоке небо приобрело призрачный оттенок — резкую и яркую желтизну, его грозовой свет наполнил перевернутые долины и лощины облачных слоев. Потом вынырнуло солнце, а позади повисла исполинская радуга, соединив ярким цветным мостом оба края мира.

— Посмотрите — это не дым? — вскоре воскликнула Лорелин. — Там, впереди.

— Молния подожгла, наверное, — предположил Дамион.

Но приблизившись к поднимающимся столбам дыма, люди увидели, что он идет не от горящих деревьев, а из дыр в земле. Дамион всмотрелся в одну из них. Там, внизу, что-то светилось красным. Лавовые выходы? Если в Тринисии есть вулканы, этим может объясняться ее теплый климат.

— Норки хобов, — рассеянно заметила Ана. — Трубы подземных обиталищ хобгоблинов.

— Больше похоже на вулканы, — высказал свое мнение Йомар, повторяя мысли Дамиона.

Какое-то время отряд ехал молча.

— Боюсь, что мне необходимо отдохнуть, — сказала Ана, когда отряд достиг уединенной рощицы. Лицо старой женщины было смертельно бледным. — Если вы не будете против остановиться и подождать меня.

Все снова спешились, с тревогой глядя на Ану, которая села на поваленный ствол и стала глубоко дышать. Метелка села у нее в ногах, вылизывая свой мокрый мех. Воздух был влажен, с деревьев еще капало после ливня, и четверо молодых людей сильно упали духом. Йомар и Лорелин не могли прийти к согласию, действительно ли кончился дождь или это просто затишье. Никто не хотел уступать, и спор становился все ожесточеннее. Лорелин нахваталась от мохарца красочных выражений, не зная, что они значат, и Эйлия всякий раз краснела, когда с невинных губ девушки слетали непристойности.

— Вам бы тоже лучше отдохнуть, — вмешалась наконец Ана. — И разведите костер, если найдете что-нибудь сухое. Мне кажется, все несколько устали и раздражены.

— Я лично за собой такого не заметил! — отпарировал Йомар и повернулся к Дамиону. — Перестань!

— Что перестать? — удивился Дамион.

— Пинать меня ногами — вот так!

Он пнул Дамиона в лодыжку, и священник отскочил, схватившись за ногу.

— Я тебя и не думал трогать! — сказал он, морщась.

— Кто-то трогал.

— Не знаю, кто, но это не я. — Он осторожно потер ногу. — И не надо меня увечить.

— Если не ты, то кто?

— Йомар, кажется, ты с ума сошел, — сказала Лорелин, изумленно глядя на него.

Тут в кустах вдруг зашуршало и послышались высокие визгливые звуки, до жути напоминающие человеческий смех. Ана встала, опираясь на трость.

— Мы должны немедленно уйти, — сказала она. — Они не хотят, чтобы мы здесь оставались.

— Кто — они? — подпрыгнула Лорелин.

— Народ хобгоблинов.

— Гоблинов! — ахнула Эйлия, бледнея.

— Хобгоблинов, — поправила ее Ана. — Совершенно другого вида создания. Гоблины коварны и злы, а хобгоблины — их еще называют «хобы» — всего лишь проказливы. Они ближайшие родственники человека и не опасны, но я думаю, что нам не стоит задерживаться на их территории, или они могут нам устроить какую-нибудь мелкую каверзу.

— Пусть только попробуют, — проворчал Йомар.

Из подлеска донесся хор писка и щебета. Йомар, схватив камешек с земли, запустил им в кусты. Камешек тут же полетел обратно, на волосок мимо головы Йомара.

— Не провоцируй их, Йомар, — посоветовала Ана. — Давайте соберемся и поедем.

Снова упаковавшись, отряд поехал дальше. Смеха больше не было слышно, только иногда в людей летела палка или камень из нависших ветвей. Эйлия, глянув вверх, увидела мелькнувшее лицо, и волосы у нее на голове встали дыбом. Ей вспомнилась виденная однажды ручная обезьянка, сидящая на плече у матроса: личико в ветвях так же жутковато и насмешливо напоминало человека. Круглая головка, не больше чем у годовалого ребенка, уши и глаза больше человеческих, а нос почти плоский. Кожа неестественно бледная, чуть темнее среза гриба, на черепе путаница тонких волос, как на одуванчике. Поймав взгляд Эйлии, это создание тут же исчезло, и яростный стрекот раздался сверху, сопровождаемый градом палок и камней. Какое-то время этот град осыпал путешественников, спешащих выбраться из-под полога леса, только Ане ничего не досталось. Эйлия решила, что лесные жители сочли ее не опасной из-за ее миниатюрности.

Лес стал редеть, сумерки под кронами посветлели, и град камней и палок стих вместе со стрекотом. Очевидно, хобы не стали преследовать людей на открытом месте. Солнце снова засияло в небе, но над горами клубились облака, обещавшие дождь.

Лес остался позади, и раскинувшаяся впереди земля несла на себе следы прошедших когда-то ледников. Поля усеивали большие валуны; там, где выходило гранитное основание, даже камень

был исчерчен и изрезан шрамами, будто следами грызущих зубов на старых костях. И в просвете деревьев появилось еще кое-что, на этот раз не природного происхождения: старая мощеная дорога, очень похожая на древние элейские дороги в Маурайнии. Отряд выехал на старые потрескавшиеся камни, проросшие травой. Дорога шла прямо к двойной вершине, стоящей чуть впереди синего хребта.

— Элендор, — сообщила Ана. — Нам еще примерно день пути.

По дороге люди заметили, что не все раны земли обязаны своим происхождением исчезнувшему льду. Луга пестрели глубокими ямами и воронками, в некоторых стояла вода. Ана сказала, что они образовались в земле во время Великого Крушения: могилы упавших звезд. Среди воронок попадались более пятидесяти футов глубины, окруженные валом рассыпанных больших камней. Воронок становилось все больше, пока у путников не появилось ощущение, что они едут по Луне. Но здесь, хотя уже не росли деревья, растительность была в изобилии, в основном полярных видов: дикие травы и осока, а еще низкий узловатый вереск покрывали землю. Даже голые валуны, поднимающиеся из земли, поросли яркими лишайниками, будто на них плеснули серо-зеленой, желтой или алой краски. И еще кишела пернатая живность, долетевшая до этого островного убежища через суровые северные моря: дикие гуси и морские утки плавали стайками на лужицах и болотцах, с криком поднимаясь на крыло при приближении отряда.

Через несколько часов пути равнина сменилась подъемом к подножиям скал, и дорога пошла вверх. Впереди маячил Элендор. Хотя он и был ниже стоящих за ним гор — может быть, семь тысяч футов от подошвы до вершины, — но казался выше их, потому что был ближе.

— Мы почти на месте, — сказала Эйлия с волнением в сердце, когда отряд остановился у подножия на отдых.

Лорелин открыла мешок, чтобы покормить лошадей, а Йомар снова взялся за лук и стрелы.

— Надо как следует запастись мясом, пока есть возможность, — сказал он. — Здесь дичи полно, но в горах ее может не быть.

— Тебе обязательно надо убивать? — упрекнула его Лорелин. — Необходимости нет, припасов у нас хватит.

— Корабельные сухари и мука? И эти сухари еще надо размачивать, чтобы можно было есть. От кролика, я заметил, ты не отказалась.

— Знаю, и теперь сама жалею, раз ты будешь мне это при каждом случае в глаза тыкать. Так вот, я ничего, что ты убьешь, есть не буду!

— Дело хозяйское.

На равнине по дороге попадались пантеоны — причудливая раскраска шкур со светлым созвездием пятен выделяла их на монотонном фоне тундры. Но сейчас ни одного видно не было. Если не считать парящих ястребов и мух, гудящих тучами над травой, ни одно живое существо не показывалось.

— Надо было мне подстрелить несколько уток, когда была возможность, — буркнул Йомар, оглядывая местность.

Дамион склонился у прудика возле дороги, глядя в его поверхность, как в зеркало. Он обнаружил в припасах твердый брусок мыла и намылил им лицо, а теперь кривился, пытаясь побриться зимбурийским кинжалом.

— И тебе не лень? — спросил его мохарец.

Сам он почесал щетинистую бороду, отросшую еще на корабле.

— Чешется, — пожаловался Дамион. — Не привык я к бороде. И в ней, похоже, какая-то живность завелась.

Эйлия уставилась на него. Когда исчезли светло-желтые волосы, скрывающие его подбородок и щеки, возникло более знакомое лицо: молодой священник из Королевской Академии, тот Дамион Атариэль, которого она знала. К некоторому своему удивлению она ощутила знакомую боль в груди и отвернулась.

«Просто смехотворно! — подумала она. — Столько с тех пор произошло, столько изменилось. Откуда же у меня то же самое чувство, будто мы снова в Академии и все спокойно и обыкновенно?»

Мысли ее прервали шорох, треск и рев, а потом — крик Йомара. Все повернулись к мохарцу, и тут вереск перед ним будто расступился, и оттуда выскочило животное, похожее на белоснежную антилопу. Оно фыркнуло раздутыми ноздрями и затрубило снова, закинув увенчанную изогнутыми рогами голову. Йомар, слишком пораженный в первый момент, чтобы схватиться за лук, смотрел, разинув рот, как эта антилопа скачет по вереску, продолжая реветь.

Лошади зафыркали и заржали, и Дамион с Лорелин бросились их успокаивать. Йомар, придя в себя, поднял лук. Но не успел он выстрелить, как весь луг вокруг людей взорвался еще дюжиной таких же козерогов, будто выпрыгнувших из самой земли. Только теперь путешественники рассмотрели и другие лежащие фигуры, которые поначалу приняли за бугорки или ледниковые валуны, а это были антилопы. Те, что лежали в вереске, были серо-золотыми точно под цвет растительности, а те, что среди валунов, — каменно-серые. Вскакивая, они меняли цвет на чисто белый, будто бледнели от страха. Все стадо с топотом покатилось вниз по склону.

Йомар преодолел оцепенение и нацелился в одно из бегущих созданий.

— Не стреляй! — крикнула Лорелин, хватая его за руку. Белоснежные звери были так величественны, так красивы в полете!

— Почему это?

Йомар натянул лук.

— Йомар, пожалуйста, не надо! — взмолилась Эйлия. — Нам не нужно. В этом нет необходимости.

Йомар надолго застыл, глядя вдоль стрелы. Потом опустил лук, так и не выстрелив. Поглядел на своих спутников, прокашлялся и снова отвернулся.

— Слишком много мяса, чтобы унести с собой, — буркнул он. — Перевод продукта.

Разрушенная дорога теперь вилась в холмах длинными петлями и зигзагами, но все ближе к двуглавой вершине. Вскоре появились и многочисленные развалины домов. Кое-где еще стояли разбитые стены, но в основном остались только очертания фундаментов, усыпанные щебнем и заросшие травой. Опустелые скорлупы башен возвышались на вершинах холмов, и сквозь их окна смотрело небо. «Очень заброшенный вид у них», — подумала Эйлия.

— А что это были за животные, там, на привале, Эйлия? — спросил Дамион, когда отряд остановился перекусить. — Ты не знаешь?

— Я думаю, стадо парандусов. Велессан о них пишет, и Бендулус тоже. Это как гибрид хамелеона с антилопой, — рассеянно ответила Эйлия, глядя на бесконечный ряд манящих вершин, сливающихся голубизной с фоном неба. — Нумендоры, горы Луны. И Элендор уже так близко!

Голос ее слегка задрожал, и рука вдруг сама собой потянулась к руке Дамиона будто за поддержкой. Он сомкнул пальцы, сжал успокаивающе, и она глянула на его руку — изящная, с длинными чуткими пальцами, и там, где рука выходила из рукава грубой льняной рубахи, блеснули на солнце золотые волоски. Тогда Эйлия подняла взгляд на то лицо, которое никогда даже не мечтала увидеть так близко, — на глаза цвета неба с темными ресницами и четко очерченными бровями, на прямой нос, решительные губы и подбородок, более не скрытый светлой бородой. Дамион улыбнулся ей, и она ответила улыбкой.

— Пора! — объявил Йомар. — Собрали все, что можно, — не надо оставлять следов, если можно их убрать. И кто-нибудь, найдите эту проклятую кошку!

Облака над хребтом серели и становились плотнее, скатываясь с высоты навстречу людям. Вскоре снова пошел дождь — на этот раз не яростный ливень, но медленная, противная морось, вскоре пропитавшая одежду и забирающаяся во вьюки и седельные сумки. Тучи закрыли солнце, вершины скрылись в клубах серого тумана. Снова начался лес, но здешние деревья со скудной листвой не давали укрытия. У Эйлии вся тяга к приключениям кончилась начисто. Волшебные сказки и романтические баллады никогда не описывали путешествия под дождем, и насчет спанья в одежде и умывания водой из ручья они тоже молчали, и про то, каково спать втроем в тесной палатке. Эйлия сжалась в комок под тяжелым зимбурийским плащом, натянув на лицо капюшон. Йомар тоже был в мрачном настроении и изъяснялся односложно. Вскоре после выезда он обнаружил, что Калигон выкинул с ним старую конскую шутку: надул брюхо, когда его седлали, а потом медленно выпустил воздух, и теперь седло съезжало. Йомар заставил Эйлию слезть, пока затягивал подпругу, ругаясь на трех языках. Когда же он сел обратно, Калигон встал на дыбы и сбросил его в кусты. После этого Эйлия опасалась садиться на вороного жеребца. Почему Дамион ей никогда не разрешает проехаться с ним на белом коне? Лорелин он иногда даже сажал впереди и давал ей править. А как хорошо было бы держаться за его пояс...

— Да не обращай ты внимания! — сказал ей как-то Дамион. — Йомар, он как вулкан: ему надо время от времени взрываться. Вулкан никого не хочет обидеть, и Йомар тоже. Просто жизнь у него была суровая.

Эйлия поняла и никогда с мохарцем не ссорилась. А вот с Лорелин у него то и дело происходили перепалки. Самая горячая схватка у них случилась в тот же день, когда моросящий дождь сменился густым туманом, и горы совсем скрылись из виду. Лорелин предложила продолжать двигаться.

— В этом вот? Я на два шага впереди себя не вижу, — возразил Йомар. — Я так скажу: надо остановиться и подождать, пока эта пелена поднимется. Все равно лошадям нужен отдых.

Он начал раскладывать костер, поскольку в тумане дыма все равно видно не будет, но мокрое дерево не хотело гореть.

— А если подойдут зимбурийцы? Мы их в этом тумане даже не увидим, — настаивала Лорелин. — По-моему, куда разумнее двигаться дальше.

— Не строй из себя начальника! — оборвал ее Йомар. — Может, ты там какая-то царственная особа, а мне...

— Кто строит начальника? Я только сказала, что разумнее будет двигаться! — возразила возмущенная Лорелин.

Эйлия после двух безуспешных попыток их помирить отошла в сторону — она терпеть не могла сцен — и стала рассматривать деревья. Вскоре она заметила то, что сначала скрывали от нее ползучий туман и листва: нечто большое и темное, наверное, валун, размером с лошадь. Но что-то странное было в его форме: непонятная симметрия, и поверхность глаже, чем у простого камня, и черная, как чугун. И странный узор борозд и выступов спереди, почти...

Эйлия ахнула. Сомнений не было: у «валуна» были зубы. Большие, как видно было сквозь листву, и резкие контуры, оказавшиеся впадинами между черными бивнями. «Камень» был кончиком исполинской морды. Эйлия закричала, и тут же прибежали остальные. Мужчины на ходу вытаскивали мечи.

— Что случилось? — воскликнул Дамион, хватая ее за плечи.

— Чего стряслось? — одновременно с ним спросил Йомар.

Эйлия без слов показала рукой. Через мгновение они тоже увидели это сквозь листву и на миг застыли.

— Да это же куча старых костей! — сказала Лорелин. — Не знаю, что это, но оно уже сто лет как мертвое.

— Я знаю, — ответила Эйлия.

— Чего ж тогда было так орать?

— Да разве вы не видите, что это? — нетерпеливо воскликнула девушка.

Все подошли поближе к темному предмету. За огромным черепом на земле распростерся весь скелет этого создания. Эти кости тоже были черные и огромные. Ноги большие, как у слона, но кончались когтями вроде кос, грудная клетка возвышалась над головами людей, как у кита, выброшенного на берег. Сквозь ребра проросли деревья, и ползучие растения обвили конечности. Метелка прыгнула на костистую морду и заглянула в пещеру глазной впадины. Оттуда с шумом вылетел лесной голубь, свивший там гнездо.

— Смотрите, вот кости крыла! — показала Эйлия на две кости, похожие на стволы поваленных деревьев, наполовину скрытые подлеском. — Как у птицы или летучей мыши.

— Это не могут быть крылья. У животного такой величины... — начал Дамион и осекся.

— Ты понял? — вскрикнула Эйлия. — Они были на самом деле, Дамион, на самом деле!

— Ты права. Это скелет огнедракона, — сказала Ана то, что все подумали. — То есть огнедышащего дракона.

Йомар фыркнул:

— Ерунда. Драконов не бывает. Если бы они дышали огнем, то сами себя сожгли бы.

— О нет, огнедраконы были очень хорошо защищены изнутри и снаружи, — объяснила Ана. — Живот у них был как большая печь, полная горящих газов. И великая храбрость требовалась от рыцаря, чтобы выступить против дракона.

Она с задумчивым видом провела рукой по исполинскому мшистому ребру.

— Люди *дрались* с этими тварями? — спросил Йомар недоверчиво, махнув рукой в сторону скелета. — Интересно, как драться с противником такого размера?

— Люди с ними воевали, потому что другого выбора не было. Эти создания были слугами Валдура: извращенными отпрысками истинных драконов, лоананов.

— А... а есть еще в Тринисии огнедраконы? — спросила Эйлия, восторг которой уступил место опасению.

— О нет! Этого рода давно уже нет на земле. И за это мы можем быть благодарны паладинам.

— Эта штука здесь лежит не одну сотню лет, — заявил Йомар. — Посмотрите на эти проросшие деревья.

Дамион глядел на рухнувшие останки чудовища, на его невероятные размеры, на строение страшных челюстей и сочленений. *Драконы*. Значит, они действительно существовали, и не только в волшебных сказках. Здесь, в Тринисии, где до сих пор живут не менее уникальные создания, когда-то парили в небе исполинские летающие рептилии, отбросившие свою тень на баллады, романы и мифы людей, наводили ужас на поселения и лежали, свернувшись, в пещерах, пока не приходил храбрый рыцарь вызвать их на бой. Какие глаза смотрели когда-то из этих пустых глазниц? Какая страшная чешуйчатая плоть одевала когда-то эти чудовищные кости? Дамиону вспомнилась картинка, висевшая в детстве у него над кроватью, — гравюра, на которой конный рыцарь пронзал копьем дракона. Он всегда с разочарованием думал, какое это чудовище маленькое: художник так увлекся героической фигурой рыцаря и коня, что дракон получился не больше собаки, и Дамиону казалось, что куда большая опасность грозит ему от копыт коня, чем от копья. Но увидев вот это... как может человек набраться смелости на такую битву?

— Представить себе только, каково было поднять глаза и увидеть в небе такую тварь! — сказал он вслух. — Мы этого не узнаем, но, наверное, страшно было. — Дамион прошел вдоль скелета, туда, где массивный хребет переходил в длинный изгиб хвоста. — И задние ноги тоже есть, — сообщил он. — Четыре ноги — и крылья. Кто-нибудь слыхал про зверей о шести конечностях? И как могла такая масса летать? Я бы сказал, что этот зверь слишком тяжел для полета.

— Огнедраконы были магическими созданиями, умеющими левитировать, — объяснила Ана. — Крылья держали только часть веса. А что до формы, необходимо помнить, что, согласно преданиям, драконы вообще не из этого мира.

— Но это всего лишь сказки, — возразил Йомар.

— И они действительно собирали клады золота и драгоценных камней? — с любопытством спросила Лорелин. — Или это тоже сказки?

Ана улыбнулась:

— Они действительно собирали клады.

— Зачем зверю золото и камни? — недоверчиво фыркнул Йомар.

— Драконов привлекали драгоценные камни, потому что в них есть сила: то, что элеи называли «духом» самоцвета. Древние считали, что в каждом рубине, изумруде или аметисте обитает некоторый дух — отсюда все наши легенды о судьбоносных алмазах, джиннах, обитающих в драгоценных кольцах и так далее. На самом деле естественные кристаллы наполнены магией земли — это такая сила, подобная силе магнитов. Драконы ее чуяли, поскольку сами они колдовские создания, чувствительные к любой силе. А золото — очень мощный металл, наполненный магией звезд.

— Магией звезд? — переспросила Лорелин.

— Давным-давно, как говорится в легендах, когда мир еще только образовывался, вещество звезд упало в его сферу и вошло в нее. Видите ли, некоторые звезды, когда кончается время их жизни, взрываются как созревшие коробочки семян, раскидывая свой внутренний огонь по небесам. На нашей Мере тоже присутствует вещество звезд — в камнях, в земле, по которой мы ходим, даже в нас самих. Но в самой чистой и сильной форме оно в металлах: золото, серебро, железо и так далее. Алхимики сотнями лет пытались создать золото, но тщетно: оно зарождается лишь в огненном сердце звезд. Глубоко внутри этого металла таится магия звезд, самая древняя магия нашей вселен-

ной, и потому драконы любили золото. Лежа изо дня в день на грудах золота и серебра, они увеличивали собственную силу, получая способность летать и колдовать. Но железо драконов не интересовало. А оно — тоже мощный звездный металл: магия в нем так сконцентрирована, что превосходит и отменяет любое другое колдовство. Вот почему в прежние дни железо использовали против ведьм и фей.

— Опять бабьи сказки, — буркнул Йомар.

— Что ж, я думаю, нам нет смысла задерживаться. Вряд ли клад находится где-нибудь неподалеку, а драконтии скорее всего изъяты.

Она заглянула в глазницу, которую покинул лесной голубь.

— Драконтии? — не понял Дамион.

Ему ответила Эйлия:

— У драконов были драгоценные камни внутри головы. Такой камень назывался драконтий. С виду обычный самоцвет, но обладает волшебными свойствами, как аликорн, рог единорога. Человек готов был на все пойти, лишь бы завладеть драконтием, даже организовать экспедицию для охоты на дракона. Следует его взять, если он еще здесь...

— Его нет. И драконтий огнедракона можно использовать только для злых дел, — сказала Ана.

— Действительно, — согласилась Эйлия. — Я знаю одну легенду...

— Тихо! — вдруг прошипел Йомар, каменея. — Никому не двигаться!

— Что такое? — спросила Эйлия, и сердце у нее заколотилось.

Йомар резко повернулся, меч уже был у него в руке.

— Вон там! Слышали? На востоке от нас.

Дамион повернулся, бросая руку на рукоять меча. Шаги — тяжелые шаги. Значит, не хобгоблины.

— Люди, — сказал он мрачно. — Идут сюда.

— Зимбурийцы! — воскликнула Лорелин. — Бежим?

— Поздно! — Йомар пригнулся, готовясь к схватке.

Подлесок затрещал. Ана схватила Лорелин за руку неожиданно твердой хваткой, заставив ее отступить, и тут из тумана шагах в двадцати выскочили какие-то люди. Дамион насчитал не меньше десяти высоких плечистых фигур в каких-то уродливых масках. Значит, не зимбурийцы...

— Чудовища! Это чудовища! — раздался сзади крик Эйлии.

Тут он заметил, что эти уродливые лица — вовсе и не маски.

14
Священная гора

Дамион остолбенело смотрел на нападавших. Это не были зимбурийские солдаты — это были вообще не люди. Тела приземистые и нескладные, с тяжелыми сутулыми плечами и массивными торсами. У одного не было носа, только щелочки ноздрей, как у змеи, у другого торчали клыки изо рта. Все одеты в звериные шкуры и кожу, а в массивных руках зажато оружие — дубины, палицы, ржавые мечи.

На миг эти твари остолбенели, глядя на людей. Потом рванулись вперед, потрясая оружием. Ругаясь на чем свет стоит, Йомар прыгнул им навстречу. Нагнувшись на ходу, он подхватил горящую головню из костра, размахивая ею, а в другой руке держа меч. Зверолюди завизжали и завыли от страха при виде огня, и вой этот стал сильнее, когда Йомар налетел на ближайших двоих и поджег на них шкуры. Они взревели, катаясь по траве, а их товарищи отступили, рыча, как дикие звери.

Дамион подбежал встать рядом с Йомаром. За его спиной Ана уводила девушек.

Вдруг самый большой из зверолюдей, широкоплечий высокий тип в примитивных кожаных доспехах, бросился вперед и своей шипастой дубиной ударил по горящей головне, развалив ее пополам. Искры полыхнули в воздух и зашипели, умирая, на траве.

А дальше была лишь неразбериха и шум, когда воины бросились в туман, мечи и палицы засвистели в воздухе, разя наудачу. Йомар ткнул клинком вперед и свалил противника больше по случаю, нежели по плану, Дамион распорол руку другому, и тот бросил кистень, завыв нечеловечьим голосом. Дамион и Йомар перекрикивались, чтобы не напасть случайно друг на друга.

— Дамион! Проклятие, где ты!

— Я здесь!

Женщинам не было видно, что происходит. Они медленно пятились от шума битвы, нащупывая дорогу среди деревьев. Отойдя на безопасное расстояние, Ана велела всем остановиться.

— Я пойду помогу им, — сказала она.

— Я тоже! — крикнула Лорелин.

Но Ана уже исчезла в тумане, с невозможной легкостью передвигаясь в его непрозрачной гуще. Высокая девушка глянула ей вслед, и тут же сделала движение в том же направлении.

— Что ты делаешь? — закричала Эйлия, хватая ее за рукав. — Ты же не можешь драться, Лори, ты же не умеешь!

Лорелин глянула в сторону туманных силуэтов лошадей, все еще привязанных к дереву. Лицо ее прояснилось, и Эйлия не успела ее остановить, как она подбежала к белому коню и отвязала повод.

— Кинь мне меч! — велела она.

— Но...

Лорелин, не дослушав, выхватила меч из вьюка ближайшей лошади и взлетела в седло.

— Лори, ты с ума сошла! — отчаянно крикнула ей вслед Эйлия. Но подруга уже скрылась галопом в тумане.

Дамион вертелся, размахивая кривым зимбурийским мечом, стараясь защититься одновременно со всех сторон. Он звал Йомара, но ответа не было. Перед ним мелькнула тень, испускающая низкое рычание. Он ударил острием, промахнулся, когда чудовище с неожиданной ловкостью увернулось, и получил скользящий удар в висок. Дамион отшатнулся, на миг ослепленный собственной кровью. Нападавший удвоил напор и обрушил палицу на меч Дамиона со скрежетом стали о сталь.

Сталь! Шипастая палица! Такая была только у вожака, одетого в доспехи. Дамион левой рукой провел по лицу, пытаясь смахнуть кровь с глаз. Мокрая от дождя земля предательски скользила под ногами.

— Йомар! — позвал он на судорожном вдохе.

Ответа не было — неужто мохарец без сознания? И только он, Дамион, стоит между этими чудовищами и женщинами?

Женщины!

Снова перед Дамионом возникла огромная тень, взметнулся контур палицы. Он поднял меч; перед глазами плыли лица Аны, Лорелин, Эйлии. *Нельзя допустить этих тварей к женщинам...*

Гигантская тень прыгнула, и Дамион прыгнул ей навстречу. Удар палицы обрушился на меч, отбросил клинок, но Дамион успел отдернуть лезвие и сделать выпад. В тот же миг раздалось дикое ржание, и белая громада возникла из тумана: скакун, в седле которого пригнулась Лорелин. Она потрясала мечом и орала что-то воину, который полуобернулся на крик.

Дамион воспользовался этим мгновением для нападения, ощутил, как его лезвие вошло в чужое тело, — дрожь соприкосновения пошла от меча в руку. Раздался хриплый вопль боли.

Сзади вспыхнул свет, и Дамион увидел, что вожак пронзен острием его меча — клинок прошел в грудь под поднятой рукой. Он позволил себе на миг оглянуться через плечо — там стояла Ана, подняв горящую ветвь. На той стороне поляны поднимался с земли

Йомар, покрытый грязью и кровью, а белый конь ржал и вставал на дыбы неподалеку — Лорелин каким-то чудом держалась в седле. У ног мохарца лежал убитый враг. Остальные сбежали в туман.

Вожак с визгом попятился, слезая с клинка Дамиона, споткнулся и рухнул назад с глухим воплем, а потом застыл.

Эйлия стояла неподвижно, прислушиваясь. Шум битвы стих. Туман уползал, редел и рассеивался, оставляя за собой лишь россыпь капель на веточках и листьях. Солнце постепенно возвращалось в лес, придавая форму деревьям и кустам. Где-то вдалеке зачирикала птица, ее песню подхватила другая, и вскоре щебетал целый хор. Прояснилось, и Эйлия с изумлением обнаружила, что все севернее небо заполнено склоном Элендора. В тумане отряд подошел к своей цели, не заметив того. Эйлия молилась про себя, одна в лесу: «Пожалуйста, пусть никто из них не будет ранен. И молю, прошу, пусть ничего не случится с Дамионом».

Из лесной чащи вышла Метелка и направилась к девушке через подлесок. Кошка распушила хвост так, что он стал вдвое толще обычного, но никаких признаков паники не выказывала, и когда Эйлия тихо позвала ее, она подошла и потерлась о колени. Ощущение густого мягкого меха как-то успокаивало. Эйлия наклонилась и погладила кошку.

Тут она услышала голоса с поляны, где была битва. С облегчением в душе она узнала своих спутников. К ней шли Ана, Йомар и Дамион, и Лорелин на белом коне, который все еще фыркал и мотал головой.

«Они живы! Они целы!»

Она бросилась вперед, потом остановилась, ахнув, при виде лица Дамиона: рана на виске, хотя и не серьезная, обильно кровоточила, как всякая лицевая рана. Эйлия бросилась к нему:

— Дамион! Дамион, ты живой?

Он лишь кивнул, слишком усталый, чтобы говорить.

— Дамион! А я? — произнес Йомар. Эйлия повернулась к нему — и вздрогнула.

— Йомар, ты весь в крови!

— Ага, но не в своей, — ответил он довольным тоном. Эйлия побледнела и чуть попятилась.

— Эйлия, дорогая, что, если тебе вскипятить остаток воды из бутылок? — предложила Ана. — Лорелин, ты могла бы помочь мне перевязать им раны.

Ни один из мужчин не пострадал серьезно, и осмотрев их в течение нескольких минут, Ана объявила, что им не грозит ни зара-

жение, ни другие осложнения. Но лицо ее стало озабоченным, когда она посмотрела на Дамиона. Молодой священник был очень молчалив; когда Метелка подошла к нему потереться о его руку, он не заметил ее, а когда Йомар поздравил его с победой над вожаком, он отвернулся.

— Я бы предпочел об этом не говорить, если вы не против.

— Что его грызет? — спросил Йомар, глядя, как Дамион встает и идет к лесу.

— Я думаю, ему необходимо побыть одному, — ответила Ана.

— А что это были вообще за твари? — задал Йомар другой вопрос. — На хобов они совсем не похожи.

— Это одна из древних рас моругеев, — сказала Ана. — То есть так называемого «семени демонов». Эта конкретная раса известна под названием антропофагов. Они люди, но сильно изуродованные. Может быть, вы заметили, что у некоторых было пальцев больше обычного или ноги странной формы.

— Я читала про моругеев, — тихо сообщила Эйлия. — В книгах говорится, что предки их были людьми, но они сочетались брачными союзами с демонами, и потому их потомки уродливы и жестоки. Эти антропофаги — каннибалы.

Ее передернуло.

— Да, они практикуют каннибализм, — подтвердила Ана, — но в основном между собой. У них есть поверье, что сила мертвеца переходит к тому, кто съест его мясо. Нет сомнения, что сегодня у них будет пир из тел павших товарищей, и таким образом они почтят своих убитых. Другие расы моругеев куда опаснее антропофагов — тролли, огры и гоблины. К счастью, они, подобно огнедраконам, полностью исчезли с лица земли. И антропофаги — тоже вымирающая раса.

— Хм! Неудивительно, если они друг друга жрут, — заметил Йомар и повернулся к Лорелин. — Какого лешего ты влетела в бой галопом, девонька? Из ума выжила?

— Вот тебе благодарность! — возмутилась Лорелин. — Я прискакала вам на помощь — и помогла.

— Мне помощь не была нужна — я и без тебя отлично справлялся.

— Но когда я появилась, они побежали, — указала девушка.

— Это правда, — поддержала ее Ана. — Они сбежали при ее появлении, Йомар. Не думаю, что им приходилось раньше видеть лошадь. Вполне может быть, что вмешательство Лорелин спасло вас обоих.

Эйлия ощутила укол зависти. Она еще видела мысленным взором, как Лорелин на белом коне смело бросается на помощь мужчинам. Какая храбрость! А Лорелин будто и не взволновала близость опасности. Лицо ее горело восторгом и рвением.

— Когда я села на коня, такое было чувство, будто... будто я выросла. Будто этот конь — продолжение моего тела. Я его ощущала — не под собой, а как-то умом... нет, не объяснить.

— Это элейская кровь. Твои предки обладали многими любопытными способностями, в том числе дар общения со зверями. Даже дикие животные любили элеев. Дельфины, жившие вдоль берегов Тринисии, приплывали к отмелям играть с детьми и плавали перед носом элейских кораблей.

— А может быть, в тебе тоже есть элейская кровь, — предположила Лорелин. — Хотя с виду непохоже, если ты простишь мне такие слова, но твое умение обращаться с животными — просто чудо.

— А эти, как вы их назвали, вернутся? — перебил Йомар, кривясь от боли, когда сгибал правую руку.

— Нет, — ответила Ана. — Антропофаги — трусливые создания при всем их пугающем виде. На это место они вернуться не посмеют.

— Спасибо лошади! — засмеялась Лорелин.

Эйлия кое-как поднялась и пошла прочь от лагеря.

Дамион стоял на месте битвы, опустив глаза к вытоптанной и залитой кровью земле. Тела убитых антропофагов уже исчезли, и от этого у Дамиона кольнуло в сердце — напоминание о том, что противники были не зверьми или чудовищами, но людьми. Они унесли своих мертвых.

«И одного из них убил я или смертельно ранил, что то же самое: он должен был умереть. Я убил человека».

Его охватила густая печаль, которую даже лучи вернувшегося солнца не могли рассеять. Не такое ли чувство должно быть у солдата после первого убитого — чувство невозвратимой утраты, необратимого преображения? Дамион стал прохаживаться по поляне. Огромный череп огнедракона будто издевался над ним, скаля челюсти, безглазый взгляд не отпускал Дамиона. Он будто говорил: «Так вот чего стоят все твои священные обеты, твой драгоценный Разум? Налет глянца, не более того. Твоя первая мысль была о мече, как у твоего отца: разве не сразу ты схватился за оружие? Под шкурой у человека и у зверя одно и то же: битва и кровь, победитель и побежденный. Меч — лишь образ когтя или клыка. Называй себя человеком, если тебе угодно, будто это что-то не-

повторимое и святое, но ты такой же зверь, как и я, и всегда им будешь».

— Нет, — прошептал он.

Но безмолвное обвинение повисло в воздухе вместе с кровавой вонью.

— Дамион?

Он повернулся и увидел Эйлию, которая глядела на него с любопытством.

— Дамион, что случилось?

Эйлию переполняло восхищение. В ее глазах Дамион был героем, достойным встать рядом с Андарионом и Ингардом Храбрым: он рисковал жизнью для спасения ее и остальных женщин от страшных лап антропофагов, и даже рану получил ради них. В ее мыслях царапина на виске стала тяжелой раной, свидетельством стойкости паладина. Отчего же он глядит такими затравленными, почти виноватыми глазами, будто просит у нее прощения?

— Ты был очень храбр, Дамион, — сказала она. — Храбрее любого рыцаря!

Он посмотрел на стоящую перед ним девушку в монастырской рясе, с доверчиво открытыми большими глазами, и невинность ее была ему упреком, будто она пришла из другого мира, из того, от которого он отделил себя навеки.

— Ты не понимаешь, Эйлия, — ответил он. — Я убил человека.

Эйлия при этих словах замолчала. Ей, конечно, неприятно было думать, что Дамион кого-то убил, пусть даже антропофага. Теперь она поняла, что его гнетет.

— Но, Дамион, — серьезно сказала она, — вам с Йомаром пришлось биться. Иначе они бы убили нас. — И она добавила: — Браннар Андарион и его паладины тоже убивали.

Дамион посмотрел на нее в упор с мукой на лице:

— Андарион не был священником.

— Паладины были — они принимали на себя обеты.

— Не те, что я. Я клялся никому никогда не причинять вреда — покуда жив. Не сражаться на войне, не поднимать оружия против человека. И пока верховный патриарх не призовет меня и не разрешит официально мои обеты, я ими связан.

Эйлия застыла, судорожно сцепив руки, ища какие-нибудь слова утешения, чтобы отдать хоть часть того, что ему задолжала, но таких слов не было. И она тихо удалилась, оставив Дамиона предаваться унынию.

«Зачем я вообще здесь нужна? — спрашивала она себя печально. — Я не могу не только помочь ему, никому из них, я даже

не могу найти нужных слов. От меня нет никакого толку, только лишний человек, которого приходится защищать. Хотелось бы мне быть смелой как Лорелин. Тогда и от меня могла бы быть польза».

Она брела куда глаза глядят в совершенно разбитом состоянии. Вскоре она заметила впереди каменные развалины. На квадратных постаментах застыли в боевой стойке два каменных дракона: они, как и статуя вставшего на дыбы Халдарионовского дракона, сильно пострадали от непогоды, кожистые нетопырьи крылья отломились, чешую на кольчатых телах почти смыло дождями и ветрами. За ними стояли двойные шпалеры обломанных колонн и осыпающиеся стены, обступившие узкую дорожку, зеленеющую мхом. Шпалеры и дорожка вели к одинокой арке, за которой тоже валялись обломанные колонны и блестела вода.

Потом Эйлия заметила каменные столбы ворот, которые и охранялись драконами: они были обломаны на уровне колена, и к ним вели три низкие каменные ступени. Эйлия затаила дыхание. Она знала это место, хотя никогда здесь раньше не бывала. Когда-то это был храм, и его покрывала крыша. Поднявшись по ступеням, Эйлия зашагала по зеленому пролету.

Ползучие лианы закрыли слоем листьев разбитые стены, где когда-то висели тщательно вышитые гобелены, на растрескавшихся полах со стертыми цветочными орнаментами распускались дикие цветы. Туман рассеялся, и над разбитыми стенами, где когда-то поднимался свод крыши, раскинулось небо, синее, безмятежное, как поверхность спокойного моря, кое-где тронутая пеной облачков. Эйлии подумалось, что всем храмам надо бы быть такими — без крыши, открытыми небесам, с незастекленными окнами, открытыми для ветров и птиц. Конечно, с дождем были бы трудности. И зимой в них тоже служить нельзя. Но в ясный день, такой как сейчас, как легко было бы здесь молиться!

Как в руинах Халдариона, она ощутила прошлое почти рядом. Тысячи и тысячи людей побывали здесь до нее, шли той же дорогой мимо охраняемых драконами врат к бассейну в конце пролета. Она понимала, что это пруд не естественного происхождения. По древним потрескавшимся камням она обошла мраморный парапет, густо заросший травами и мхом, и остановилась заглянуть в воду. Абсолютно недвижная поверхность отражала кроны и небо, и в бесконечной глубине ее, в зеркале Небес, плыли облака. На Эйлию глянуло ее отражение, глаза расширились от восторга и трепета. Девушка сбросила башмаки и погрузилась в пруд, как была — в рясе, во всей одежде.

* * *

— Что с тобой стряслось?

От резкого голоса Йомара Дамион вздрогнул.

— Оставь меня одного, — сказал он не оборачиваясь.

Йомар испустил тяжелый вздох раздражения.

— Дамион, нам надо подниматься в гору. Зимбурийцы могут нагнать нас в любую минуту. Пошли заберем этот ваш камень — и мотаем отсюда.

— А потом? — спросил Дамион, обернувшись к нему. — Потом что делать будем? Еще несколько зимбурийцев поубиваем, пока сами не ляжем? Я вот думаю, Йомар, сколько людей совершали убийства за этот кусок камня на горе, и сколько из них считали себя при этом правыми? Я не буду убивать ни за Камень, ни за что другое.

— Ты будешь убивать ради самозащиты, как и я.

— Но я — рукоположенный священник, понимаешь? Для меня убивать...

— Отлично понимаю! И понимаю, что ты ничем от нас, прочих, не отличаешься, — оборвал его Йомар. — Я *действительно* убивал людей, и убивал, чтобы они меня не убили, а они убили бы, если бы я не дрался. Но мне это простительно, да? Я не священник, я — как вы это называете? — *грешник*, да? — Черные глаза пылали гневом. — В том-то и беда с вами, попами и шаманами, чистюлями и святошами — вы считаете себя лучше других. А потом, выяснив, что это не так, тут же впадаете в печаль? Так вот, я в печаль не впадаю, потому что слишком хорошо о себе и не думал. Да, у меня на руках кровь, и будет еще кровь, пока это все кончится. И ты знаешь, мне начхать, что ты обо мне думаешь.

Дамион уставился на него, пораженный:

— Послушай, Йо, я же не хотел сказать...

— Что ты хотел сказать, я уже понял. И я тебе не Йо. Так вот, я ухожу. Я иду на эту дурацкую гору забрать этот проклятый камень, и помоги Небо тому, кто попытается встать у меня на дороге. Ты не думал, насколько *больше* людей погибнет, если зимбуры заполучат камешек? Так подумай. Можешь идти со мной или не идти — дело хозяйское.

Он зашагал прочь. Дамион минуту смотрел ему вслед, бледный, сцепив окостеневшие руки, а потом побежал за ним.

Ана облегченно вздохнула, увидев, как мужчины возвращаются в лагерь, но тут же лицо ее стало озабоченным.

— Разве Эйлия не с вами?

— Эйлия? — недоуменно посмотрел на нее Дамион. — Она пришла и поговорила со мной, а потом ушла — я думал, обратно в лагерь.

— Сюда она не возвращалась, — сказала Лорелин.

— Да что это за девчонка такая? — возмущенно воскликнул Йомар. — Стоит отвернуться, как ее заносит куда-нибудь в сторону. Может, стреножить ее, как лошадей?

Дамион застонал, стукнул себя по лбу:

— Это я виноват. Она пришла за мной. Йомар, надо ее найти.

Они встали все вместе и пошли в лес.

Дамион первый увидел руины храма. Он пошел по мшистому пролету и вытаращил глаза, когда над мраморным парапетом поднялась женская голова. Кончики ее волос плавали на воде, но сверху они были сухие, и солнечные лучи, просвечивая сквозь пушистую массу, окрашивали ее золотом заката. Щеки девушки слегка порозовели, кожа казалась почти прозрачной, алебастровой и светящейся теплым светом, ухо, пойманное солнечным лучом, просвечивало, как раковина. Полы белой рясы легли вокруг нее кругом, как цветок водяной лилии.

Элейка, не иначе, потомок какого-то уцелевшего племени волшебного народа... и тут он ее узнал.

— Эйлия? — неуверенно спросил Дамион.

Какая-то интересная игра света, наверное. Вообще он считал ее хорошенькой, но сейчас она преобразилась совершенно непонятным образом: лицо, обращенное к нему, лучилось светом, восторгом — таким он себе всегда представлял лица святых. Серые глаза с чуть лиловым оттенком, цвет дикой фиалки. Она глянула на него этими преображенными глазами, подплывая к краю бассейна.

— Что случилось, Эйлия? — спросил он, протягивая ей руку. — Ты упала?

Она покачала головой и вылезла, облепленная мокрыми юбками. Йомар, подойдя с остальными, стал отчитывать ее за самовольный уход, но девушка сразу перебила его:

— Мы все должны омыться в этом бассейне.

— Шутишь? — Йомар несколько сдал под уверенным напором ее слов. — Тут все может быть, от пиявок до водяных змей...

— А по мне, вода достаточно прозрачна, Йомар, — сказал Дамион, глядя в бассейн.

— Дна все равно не видно, — недоверчиво сказал Йомар. — С виду глубоко. Я туда не полезу.

— Я бы на твоем месте полез, — сказал Дамион, который сейчас был от него с подветренной стороны.

Мохарец глянул на грязь и кровь, покрывающие его одежду и кожу, и пожал плечами:

— Само отвалится.

Ана и Лорелин осматривали развалины. Головы каменных драконов были вымазаны чем-то, напоминающим засохшую кровь, и корочки отслаивались от челюстей и шей. Метелка поднялась на задние лапы, обнюхать.

— Здесь были антропофаги, — заключила Ана. — Из этих старых статуй они сделали идолов. Похоже, что они приносят им жертвы.

— Но ведь не антропофаги их построили? — спросил Дамион, подходя и ней и к Лорелин.

— Нет, — ответила Эйлия. — Эти драконы были стражами храма. Им полагалось иметь устрашающий вид и напоминать приходящим о святости места. Чтобы войти сюда, надо было сначала победить все свои страхи.

Ана кивнула:

— Да, это был храм очищения. Он был посвящен Тринолоанану, небесному Царю Драконов. Такие храмы всегда строились вокруг пруда или возле озер или рек, потому что истинные драконы воду любят.

Есть два вида драконов: огнедраконы, носители зла, и другие — не злобные чудовища, но духовные создания, как боги или феи. Их называют лоананы, то есть «Владыки Ветра и Воды», потому что им повиновались силы неба, воды и ветра. Они могли насылать дождь или заставить вздувшуюся реку войти в берега. И это не были еще все их силы. Небесные драконы могли менять по желанию свой облик, превращаться в кого хотят — в птицу, в зверя, в человека.

— В нечто подобное верят каанцы, — вспомнил Дамион.

— Они узнали это от элеев. Каанские императоры заявляли, что лоананы в образе человека сочетались союзами с их предками, а императоры прежних дней умели принимать облик дракона.

— Но зачем антропофагам поклоняться этим драконам? — спросила Лорелин.

— Возможно, они считают, что это изображения Модриана-Валдура в облике дракона. А быть может, они все еще боятся Тринолоанана и приносят жертвы, чтобы смирить его гнев за свое вторжение. Так что не приходится удивляться их нападению — мы слишком приблизились к их святилищу.

— Так не стоит ли нам покинуть это место? — спросил Дамион.

Ана покачала головой:

— Они не посмеют вернуться.

Эйлия подошла к каменному берегу бассейна.

— Это бассейн очищения.

— Совершенно верно, — подтвердила Ана.

— В прежние времена, когда паломники шли со всего мира, чтобы увидеть Камень, им следовало сперва приготовиться, — объяснила Эйлия своим спутникам. — Велессан говорит, что в горах этих есть три уровня. Сначала надо омыться в воде этого бассейна храма Дракона — это ритуал очищения. После выхода паломнику давали зеленую мантию, и он шел на следующий уровень — так называемый Уровень Зверей. Он находится на полпути в гору. К приходу туда человек должен был подчинить себе звериную сторону своей натуры, и если это у него получалось, немерейский мудрец давал ему красную мантию и разрешал идти дальше, на Уровень Людей. Там надо было научиться владеть своим разумом — управлять чувствами и так далее. И если у тебя все это получалось, тебе давали белую мантию и разрешали идти в Святой город и лицезреть Камень. У некоторых паломников на подъем в гору уходили недели, у других — годы. Нужна была духовная готовность.

Йомар громким фырканьем высказал свою точку зрения на пилигримов и их процедуру подъема.

— Я уж точно не буду столько мешкать, могу вас заверить. И плавать я тоже не собираюсь.

Дамион вдруг внимательно уставился на воду:

— Вон там! Что-то там шевелится!

— А что я говорил? — Йомар перегнулся через парапет. — Где? Я не вижу...

Дамион подтолкнул его сзади, и Йомар с шумным всплеском бухнулся в воду.

— Ах ты... — можно было разобрать, когда он всплыл, а остальное потерялось за шумным отплевыванием.

— Будешь знать, как пинать меня в лодыжку, — объяснил Дамион. — Как вода?

— Пиявок полно. Прыгай давай.

— Ладно, Йо. Ты не обиделся?

Йомар подплыл к краю, ухватился за него одной рукой, а другую протянул вверх.

— Нет. Помоги вылезти.

— Ага, как же. На такой старый фокус я не попадусь.

Йомар широко оскалил белые зубы.

— Припоминаю вроде бы, что поп должен помогать всем, кто попросит. Так что давай руку, ваше преподобие.

Дамион вздохнул, протянул ему руку и очутился в бассейне.

— Дети, дети! — квохтала Ана.

Вода ощущалась на коже прохладой и гладкостью серебра. Дамион поплыл длинными медленными толчками, плавные круги, колышущие облака, разошлись от него по воде. Будто плывешь прямо по небу. Неизъяснимое спокойствие снизошло на него — скорее даже какая-то всепоглощающая радость. Он был одновременно и умиротворен, и очищен от грехов.

— Ну-ка, девушки, вперед! — позвал он радостно. — Последняя курица жмурится!

Обе девушки засмеялись и прыгнули одновременно. Они обрызгали мужчин, которые стали платить им тем же, и через миг закипела водяная битва. Сторон в ней не было: каждый брызгал на всех без разбора со смехом и визгом.

Ана не присоединилась к этой игре, а только наклонилась омочить лицо и руки, а потом села на камень разрушенного храма, давая отдых ноющим ногам.

— Как ты переменилась!

Голос раздался сзади. Она не изменила положения, не выдала удивления и не повернула головы, когда из-за статуи дракона вышел высокий мужчина в плаще и встал перед нею. Мандрагор смотрел на нее сверху вниз, в смертельно-бледном лице ярко сверкали золотые глаза. Молодежь плескалась в бассейне, ни на что не обращая внимания.

— Как и ты, — спокойно ответила она.

— Не так, как ты. Ты посмотри на себя! Старая, слабая, высохшая, как осенний лист! Как ты это терпишь? Подумать только, кем ты была раньше!

Нотка печали слышалась в этих словах.

— Достигая определенного возраста, — спокойно стала объяснять Ана, — начинаешь понимать, что тело есть всего лишь обуза. Я бы с удовольствием оставила ее и доверила бремя жизни другим.

— Я тоже не намерен жить вечно, — ответил Мандрагор. — Но я говорю не о смерти, а о старости. Это последняя шутка жизни за наш счет.

— Мне не верится, что ты проделал весь этот путь ради обсуждения подобных вопросов.

Золотистые глаза задумчиво сощурились.

— Быть может, ты все-таки не настолько уж переменилась. Но уже не те между нами отношения, Ана, потому что ты правду сказала: я переменился.

Вот это она видела отлично. Его аура пылала перед ее мысленным взором, но в ней была тень, как пятнышко на солнце: язва на светлом. Ану пробрало дрожью предзнаменования, холодным ветром из будущего.

— Я хочу, чтобы ты знала, чего от меня ждать, — продолжал Мандрагор. — Не думай, будто я на стороне твоих врагов. Я не больше люблю зимбурийцев — как и вообще почитателей Валдура, — чем ты. Культ Модриана в Маурайнии оказался для меня удобен на время, но не более — я в него никогда не входил. Но я и не на твоей стороне. Когда я помогаю одному отряду, это лишь для того, чтобы помешать другому. И я не хочу, чтобы *кто-либо* из вас, ты или они, достигли поставленной цели. Как это было в твоем духе — использовать этих зимбурийских дураков! — Нотка удивленного одобрения мелькнула в голосе и тут же исчезла, сменившись суровостью. — Буря на море должна была служить предупреждением, как и гроза. Я могу наколдовать кое-что куда серьезнее, и ты это знаешь. А твоя сила тает, Ана. Ты долго так не выдержишь.

Он снова замолчал, но Ана ничего не ответила. От бассейна неслись радостные звуки: молодежь вдруг обнаружила, что отлично может петь на четыре голоса, и сейчас распевали народную песенку — несильное сопрано Эйлии, хрипловатое контральто Лорелин, чистый тенор Дамиона и великолепный баритон Йомара.

— Да, ты действительно спасла мне жизнь, — сказал Мандрагор, помолчав. — Хорошо. Я хочу заплатить этот долг, пощадив твою жизнь и жизнь твоих спутников. Да, даже Лорелин. Но не ожидай от меня большего. Я буду и дальше делать все, чтобы тебя задержать.

Он шагнул назад, в тень деревьев, и пропал.

Молодые люди вылезли из бассейна, все еще распевая и хохоча, шутливо колотя Йомара, который заменял слова песни собственными — не слишком приличными. Бассейн выполнил свою извечную работу — очищения, разрешения. Люди вышли из него возрожденными, с них смыло все, отягощающее отношения между ними, — напряжение, неприязнь. В этом не было никакой магии, ничего, кроме удовольствия от воды, от чистоты. Шумной веселой гурьбой молодежь вернулась к Ане, отжимая мокрую одежду.

— Мы искупались, а заодно и постирались!

— Мне так на месяц хватит.

— Противный ты, Йомар!

Ана сидела собранно, неподвижно. Храм за ее спиной был пуст.

* * *

Подъем на гору отряд начал в отличном расположении духа, переодевшись в сухое и просушив мокрое над огнем. «Все это, — думала Эйлия, — такой будет отличный рассказ! Когда-нибудь. Я уж жду не дождусь, пока будет, кому рассказывать». А самая лучшая часть рассказа, его кульминация — впереди, на вершине.

В основном радужное настроение Эйлии было вызвано тем, что она ехала с Дамионом. Поменяться предложила Ана, и Эйлия, сидя на белом жеребце и вцепившись в пояс Дамиона, от всего сердца это предложение приветствовала.

Сперва езда была приятной, уклон несильным, древняя дорога, вьющаяся по склону, сохранилась на удивление хорошо. Вскоре отряд заметил двух огромных каменных львов по разные стороны дороги — они обозначали ворота на таинственный Уровень Зверей. Время и непогода обошлись с ними круто, и теперь они были больше похожи просто на два камня, смутно напоминающие львов: круглые выступы там, где были гривастые головы, остатки мощных сложенных лап, покрытые пятнами лишайников. «Какие же они невероятно старые! — подумала Эйлия. — Старше, чем можно себе представить».

За изваяниями начинался густой лес, но у Эйлии сейчас не было мыслей об опасности. Здесь же святое место, Священная гора, описанная и в Писании, и в преданиях народа фей. Уж сюда-то ни один антропофаг не сунется.

Проехав около часа, отряд сделал привал в укрытом месте — у группы деревьев возле скального выхода, где рядом журчал родник и белая завеса воды спадала с каменной полки. Лошади как следует напились, Ана заправила кожаные бутыли. С горных пиков справа, с их ледяных полей задувал холодный ветерок. Йомар ежился и бурчал насчет холода, потеснее запахивая плащ, но все остальные были рады свежему бодрящему воздуху и жадно втягивали его в легкие. Пока все отдыхали, мохарец встал на краю скального выхода, держа лук и стрелы наготове и оглядывая долину — не видно ли погони. В своем темном облачении он был похож на ониксовую статую. Глядя на него, такого сильного и уверенного, Эйлия благодарила судьбу, что он с ними. Бывало, что с ним неудобно, но Йомар — из тех людей, которых хочешь иметь рядом в минуту опасности.

Но пока что опасности не было, и Эйлия чуть отошла вверх по склону среди диких цветов, пробивающихся яркими пятнами в траве: изящные желтые высокогорные лилии, горные анемоны с синевато-лиловыми лепестками, как крокусы. В теперешнем

приподнятом настроении Эйлия больше не считала себя обузой для отряда. Может быть — всего лишь, может быть, — ей предназначено стать летописцем этих необычайных событий. С радостным возбуждением она поняла, что это значит: она станет писателем. Как Велессан Странник, или Элониус, или сам Бард из Блиссона! Писателем, книги которого печатаются, ее имя войдет в каталоги, студенты будут изучать ее работы! «Мое путешествие в Тринисию» Эйлия Корабельщик. Или «Волшебный остров. Легенда, ставшая правдой», «Бестиарий Тринисии: флора и фауна забытой земли», «Путешествие на край света: мое участие в величайшем приключении нашего времени».

Все эти заглавия промелькнули в мозгу; она смаковала их, перебирала, как скряга — золото.

Больше она не завидовала Лорелин. Снова вернулось сочувствие, которое она когда-то испытывала к этой странной, сиротливой женщине-ребенку. Лорелин — всего лишь девчонка, никакая не богиня, что бы там ни думали немереи и зимбурийцы. Эйлия с легкой дрожью вспомнила, что сделают зимбурийцы, если поймают Лорелин.

У Дамиона были свои заботы. Он подошел к скале, где стоял Йомар, и сказал негромко:

— Тревожат меня наши женщины, Йо.

Йомар посмотрел на них и пожал плечами:

— Бабы — народ покрепче, чем ты думаешь.

— Не эти, — возразил Дамион. — Эйлия совсем не сильна, а Лорелин слишком смела, ее заносит. Кажется, она не понимает, что значит *опасно*. Ана тоже плохо выглядит, что неудивительно, учитывая возраст. Надо за ними присматривать.

— Особо возиться мы с ними не можем, — заметил Йомар, — если хотим добраться до вершины раньше зимбуров. Как я понимаю, они уже идут по нашему следу, да еще и с подкреплением. Когда они чего-то хотят, они легко не отступятся.

— Я тоже, — сказала Ана, услышавшая эти слова, и вдруг улыбнулась бесовской улыбкой.

— Да? И что же ты будешь делать? — спросил Йомар. — Отбивать зимбуров этой вот клюкой? Или натравишь на них свою боевую кошку?

— Нет, дорогой, Метелка драк не любит, — ответила Ана с совершенно серьезным лицом.

— Ладно, проехали, — буркнул он. — Пошли на эту гору, а то зря время теряем.

Отряд пошел дальше пешком, ведя в поводу усталых лошадей, потому что подъем стал круче. Светлохвойные породы сменились темнохвойными. Однажды люди увидели горную антилопу с длинными, прямыми, наклоненными назад рогами — она стояла как статуя на скальной полке. Ближе стало видно, что рога у животного шевелятся, ходят по кругу, как у улитки. Они склонились вперед, угрожающе выставив острые кончики.

— Это иаль! — с восторгом заявила Эйлия. — Они тоже считаются мифическими. Бендулус про них писал — говорил, что они направляют рога вперед, если хотят драться, и убирают назад, когда отдыхают.

— Давайте обойдем его подальше, — предложил Йомар. — А то еще набросится.

Люди шли в гору, продолжая вести в поводу лошадей. Только Ана осталась верхом на пони, потому что для ходьбы слишком устала. Никогда раньше Эйлия не была так близко к какой-нибудь горе: возможности исследовать прибрежный хребет в Маурайнии ей так и не представилось. В изумлении смотрела она на водопады, струящиеся с крутых утесов, на клочья облаков, застрявшие в вершинах сосен, как паутина в траве. Действительно будто рядом с небом, подумала она благоговейно. Здесь земля встречается с небесами.

Дамиона пейзажи не интересовали — он тревожно оглядывался на Ану. Вид у нее был изможденный, седая голова склонилась к шее пони. Она уже не пыталась нести кошку на руках, и Серая Метелка свернулась в седельной сумке. Глядя на осунувшееся, морщинистое лицо, Дамион подумал, что делать, если старуха заболеет. Никаких лекарств в отряде не было, кроме запаса трав у Аны.

Сейчас отряд вел Йомар. Военный человек, он знал, что вполне можно идти вперед, даже если болят ноги и спина, и безжалостно подгонял спутников вверх по склону. А они, хотя и злились на него, сами знали, что будут ему потом благодарны. Кое-как бредя вперед, они вышли к двум большим статуям. Два конных изваяния образовали проход.

— Всадники на лошадях, — сказала Ана, поднимая голову. — Идеал элеев: человек правит природой, ум — материей, разум укрощает звериную натуру. Мы дошли до Уровня Людей.

Только голос у нее был слаб.

Все оглянулись назад, на долину. До сих пор все мысли настолько занимал подъем, что никто не интересовался открывающимся видом. Земля окрасилась индиговой дымкой дали, река преврати-

лась в поблескивающую полоску, а дальше виднелась более светлая синева моря. Небо очистилось, если не считать нескольких ватных облачков, так близко, что, казалось Эйлии, только протяни руку — и коснешься их. Они были на высоте вершины, и темные тени их ползли по долине внизу.

Ана нахмурилась.

— Что-нибудь не так? — спросила ее Эйлия, встревожась.

— Вон та тучка, — ответила Ана. — Она плывет против ветра.

Все посмотрели туда. Кучевое кудрявое облако, серое снизу и снежно-белое сверху, двигалось к ним непонятно быстро, выпуская за собой длинные лохматые ленты. В его туманных глубинах вспыхивал сине-белый свет и слышался низкий рокот, вроде рычания зверя.

— Грозовое облако? — подумал вслух Дамион. — Но слишком оно маленькое для грозового фронта. И все остальное небо чистое.

Эйлия вспомнила страшную бурю в долине. От этого непонятного, одинокого и быстрого облака ей стало так же жутко, как тогда. «Оно живое, — подумала она. — Или что-то внутри него живое».

Все повернулись, не сговариваясь, и поспешили вверх по склону. Лошади тоже беспокоились, чувствуя приближение бури. Эйлия оглянулась через плечо и ощутила укол страха, когда увидела, как серая масса облака спускается к ним, закрывая почти все небо. Вот сейчас оно столкнется с вершиной горы, обернет ее и людей своими душными глубинами. И бежать некуда, и спрятаться негде.

Солнечный свет погас, будто задули лампу. Огромная серая тень наползла сверху со скоростью чистокровного скакуна, и тут же вниз потянулись первые шарящие щупальца облака. Вскоре оно было повсюду, густое и липкое. Люди очутились в дымно-темной парной пустоте.

Ана слезла с пони, вид у нее был мрачный.

— Прошу всех стоять неподвижно и тихо, всех!

Все спешились. Мужчины придерживали морды коней, а те фыркали и закатывали глаза. Ветвистая молния ударила в горную вершину, на долю секунды выхватив из тьмы ее силуэт. Снова воцарилась серая тьма, и гром прокатился по каменистым полям вершин. Лошади пронзительно заржали, а Метелка протяжно взвыла.

«Это не просто гроза, — подумал Дамион, глядя на раздутые ноздри лошади. — Животные чуют что-то, чего не замечаем мы...»

Послышался шелестящий шум и стеной налетел порыв ветра, будто воздух рванулся в пустоту, оставленную каким-то огромным пролетевшим телом. Дамион вцепился в уздечку Артагона, но конь

взвился на дыбы, колотя копытами воздух, и тут снова полыхнула молния. Снова высветился склон горы: деревья, статуи, торчащий каменный выступ странной формы... Дамион вгляделся пристальнее — это был совсем не камень.

На выступе скорчился демон.

В свете молнии Дамион увидел его совершенно ясно: чудовищный образ с двумя огромными темными крыльями, полуопущенными по бокам, массивная рогатая голова и глаза горят огнями. Он таращился со своего каменного пьедестала.

«Враг... Враг собственной персоной...»

Снова сгустилась тьма, и видение исчезло.

— Йо! Ана! Вы видели? Видели его? — закричал Дамион, указывая рукой. Снова пылающая вспышка озарила гору, и на этот раз существо на выступе заметили все. Оно изменило положение, и теперь Дамион увидел, что демон стоит на четырех когтистых лапах, а огромная рогатая голова повернулась в профиль, вытянутая звериная морда.

Это был не демон. Это...

— Дракон! — крикнула Лорелин.

15
Здесь водятся драконы

— Быстро все! — приказала Ана в темноте. — Соберитесь вокруг меня!

Все тут же повиновались, в том числе и Йомар. Что-то в напряженном голосе Аны исключало ослушание. Несколько молний подряд осветили людям испуганные лица друг друга и снова показали гору. Две конные статуи прыгнули из тумана. Брюхо тучи, поглотившее их, то зияло непроницаемой чернотой, то озарялось бело-синим огнем. Лошади визжали и метались во все стороны.

Дракона на скале не было.

— Не двигайтесь! — крикнула Ана, когда снова навалилась тьма. — Стойте ближе ко мне!

В горах и ущельях бушевал гром. Когда он стих, послышался иной звук, будто буря рвет парус прямо над головой. Люди в ужасе смотрели, как пролетел над ними дракон, едва видимый в серой туче, и деревья трещали под ветром от его крыльев. И не стало дракона, только барабанил с шипением начавшийся дождь.

— В странноприимный дом — вон, видите? — При свете очередной молнии Ана показала на продолговатый контур в тридцати шагах за статуями. — Бегите!

Все бросились к развалинам под струями нещадного ливня. Добежав до дверей здания, люди увидели, что оно без крыши и двух стен нет, но была лестница, ведущая в какой-то погреб. Они бросились вниз, потом обернулись ко входу.

— Где Ана и Дамион? — ахнула Эйлия.

Йомар выругался и двинулся обратно вверх, но тут раздался звук, скрипящий и скрежещущий, и тускло-серый квадрат входа в погреб сменился сплошной тьмой. Оттуда раздалось низкое рычание и сопение, обнюхивание. Дракон никуда не делся, притаился, как кот над мышиной норкой.

«Дверь маленькая, ему не пролезть, — пыталась уговорить себя полная ужаса Эйлия, прижимаясь к стене. — Ему не пролезть...»

Темная тварь задвигалась, пропуская толику света и показав блестящую броню из мокрых от дождя чешуй. Потом на людей взглянул глаз. Огромный, с угольно-черным зрачком, окруженным тонким желтым кругом радужки. Йомар попятился и непослушными руками сорвал с плеча лук. Глаз убрался, и снова в дыру просунулась чешуйчатая мокрая морда. Черные прорези ноздрей раздувались и дергались, вбирая в себя запах.

Первая стрела Йомара ударила в нижнюю челюсть и отскочила, как от стальной брони. Рыло превратилось в черную яму, отороченную белыми клыками, и скрежещущий рев наполнил тесный погреб, отдавшись в сердцах и головах людей как дрожь самой земли. Челюсти убрались, просунулась лапа. Она была цвета ржавчины и похожа на гигантскую петушиную ногу, только в чешуе, три огромных когтя впереди и один сзади.

— Осторожнее! — крикнула Лорелин.

Йомар, выхватывая меч, отпрыгнул в сторону, когда лапа попыталась его схватить. Когти скрежатнули в воздухе. Но Йомар в спешке споткнулся, и меч его со звоном запрыгал по полу. Когтистая лапа металась, стараясь поймать человека.

— Нет! — вскрикнула Лорелин.

Она бросилась за мечом, обеими руками схватила рукоять и наотмашь ударила по чешуйчатой лапе. Дикий рев потряс всех до самых костей. Лапа слегка отодвинулась, потом еще раз раскрылась и дернулась вперед, выбив оружие из рук Лорелин. Девушка покатилась к стене, и в этот момент Йомар вскочил на ноги.

— Назад! — заорал он, хватая ее за руку. — Назад!

Он толкнул ее к стене, но меч остался лежать на полу, недоступный под когтями дракона. Эйлия закричала.

* * *

— Ана, нет! — крикнул Дамион, стараясь перекрыть шум дождя.

Снова сверху полыхнула молния, и в ее яркой вспышке он увидел огромный силуэт. Чудовищной летучей мышью дракон пригнулся над развалиной, и натянутый тент его полуразвернутых крыльев закрыл ее начисто. Тело блестело, как мокрый металл; оно казалось красноватым, хотя при свете молний точно сказать было трудно. Ана стояла неподалеку от Дамиона, лицом к чудовищу. Воздух вокруг оживал зелеными светящимися разрядами, пылающими на верхушках деревьев, на выступах камней, как пылали они на мачтах во время бури. Ана подняла деревянную трость, и из ее набалдашника тоже запылал бело-зеленый огонь, подобный призрачному факелу. Дракон встал на дыбы, и рогатую голову его тут же окутало зеленое сияние, будто корона огня.

— *Ил мариен литаи, Тринолоанан!* — крикнула Ана по-элейски.

В ответ дракон зарычал, перекрывая гром. Потом он прыгнул в воздух, и снова полыхнула молния. Дамион увидел, как мелькнули огромные жилистые крылья, надулись, как поймавшие ветер паруса. За ними потянулось медного цвета туловище и мощные конечности, потом длинный змеевидный хвост. И снова опустилась тьма, но дракон был виден по-прежнему, потому что он взмыл в небо в сверкающем ореоле и пылал падающей звездой. Чудовище бросилось в низко нависшее облако, стало пылающей зеленой точкой и исчезло в слоях пара. Скрылось из глаз.

В тот же миг Ана, стоявшая совершенно неподвижно с поднятыми руками, закрыв глаза и шевеля губами в молитве, тихо вскрикнула и упала ничком. Дамион подбежал и нагнулся к ней, перевернул на спину. Глаза у нее были закрыты, лицо обмякло. Она не отвечала, даже когда он слегка встряхнул ее за плечи. Три его спутника бросились из дома, сталкиваясь друг с другом в узком проходе.

— Быстро назад! — рявкнул он на них, стараясь перекричать бурю. Подняв Ану на руки, он направился в здание вслед за ними.

— Ана, Ана! — звал он ее почти прямо в ухо, укладывая на каменный пол. — Ана, ты меня слышишь?

Но Ана не отвечала. Она лежала неподвижно, будто в глубоком оцепенении.

— Что с ней, Дамион? — спросила Эйлия. — Дракон ее ранил?

Он покачал головой, ощущая собственную беспомощность.

— Нет. Она просто стояла, кричала на дракона...

— Кричала? — переспросил Йомар.

Дамион кивнул:

— А потом — просто упала.

— Сердце прихватило? — спросил мохарец.

— Не знаю.

Молчаливым кругом они обступили потерявшую сознание Ану. Костер развести было нельзя — не из чего: все деревья промокли от дождя. Припасы пропали вместе с лошадьми. Даже одеял не было, чтобы укрыть Ану. Дамион завернул ее в ее плащ и сверху накрыл своим, а Лорелин, сложив свой, подложила его Ане под голову. Эйлия заметила, что ноги у нее дрожат, как перепуганные зверьки, и она бросила попытки стоять и села на каменный пол, поджав ноги, но они все равно дрожали. Долгое время все молчали: сидели или стояли в безнадежной тишине, беспомощно глядя на Ану. Но вскоре раздался кошачий вопль, и снаружи из-под дождя в погреб прыгнула Серая Метелка, отряхивая мокрую шерсть. Увидев Ану, кошка замолкла, потом подошла и свернулась возле хозяйки, прижав уши и подергивая хвостом.

При каждом порыве ветра и раскате грома люди вздрагивали, страшась, что это вернулся дракон. Метелка так и оставалась рядом с Аной, свернувшись в серый шар и тревожно глядя зелеными глазами. Действительно ли кошки и собаки дежурят возле одра хозяина? Лорелин протянула руку и тихонько погладила кошке уши.

— Что с ней, киса? — спросила она шепотом. — Что такое?

Кошка ткнулась носом ей в руку и продолжала свое бдение.

— Если бы только Ана сказала нам, где находится Камень! — вздохнула Лорелин. — Она говорила, что точно знает место. Как же мы его найдем, если она... если она не поправится?

— Я знаю, где он, — едва слышно произнесла Эйлия.

— Ты? — воскликнул Йомар, поворачиваясь к ней.

— Да. Я читала, в той книге. «Странствия Велессана». Он говорит, что Камень хранят в храме.

— Отчего же ты раньше не сказала? — изумилась Лорелин.

— Я боялась. Ана говорила, что это опасное знание и... но какая теперь разница?

Снова наступило молчание, прерываемое только грохотом грозы. Наконец, к общему неимоверному облегчению, Ана зашевелилась. Светлые глаза открылись и будто посмотрели на всех. Когда Дамион наклонился к ней, она села, откидывая плащи.

— Тело мое поправилось, но сила не вернулась, — почти неразборчиво сказала она. — Он намеренно ослабил меня многими стычками, и сейчас во мне не осталось достаточно сил.

— Он? Кто он, Ана? — спросил Дамион.

— В этой земле есть иная сила, — сказала Ана. Она протянула руку, и Дамион помог ей подняться. — И очень мощная. Она и сто-

ит за всеми нападениями. Сперва гидра, потом буря, потом антропофаги, теперь вот это. Вы думаете, это случайности? Все это было оружием, и держала это оружие одна и та же рука. У нас есть враг, который не хочет успеха нашему предприятию, а средоточие его гнева — я. Он ощущает мою силу, где бы мы ни были, и реагирует на нее.

Молодежь переглянулась, и Йомар постучал себя по виску.

— Нет, Йомар, я не безумна. Но большего я сейчас сказать не могу, — добавила Ана тоном бесконечной усталости. — Я уже говорила вам, что знание может быть опасным, и сейчас как раз такой случай. Но одно вы должны знать: пока я с вами, вы в смертельной опасности. Я должна на время отойти, оставить вас.

— Оставить нас! — вскричала Эйлия. — Но это невозможно! Куда ты пойдешь?

— Куда — это не важно. Пока я вдали от вас, вы в безопасности — насколько это возможно, должна я добавить, поскольку есть и другие опасности. Но с ними вы сможете справиться, а с этой, с этим противником — нет. Идите вверх, завершите нашу миссию. Грозовое облако было результатом его чародейства, но обратите это оружие против него: облако спрячет вас от его взора, и он какое-то время не будет знать, куда вы направились. Я пойду в иную сторону, вниз по склону, и он пойдет за мной, полагая, что я с вами, что мы отказались от своей цели. Я как мать-куропатка, изображающая сломанное крыло, отвлеку лису от гнезда.

— Нет! — сказала Лорелин сильнее и тверже, чем когда-либо от нее слышали. — Я не отпущу тебя одну навстречу опасности!

Ана подошла к ней и положила сухонькую ручку на плечо девушки.

— Дорогое мое дитя! Я не могу позволить себе быть опасностью *для вас*. Как только я смогу, я вернусь к вам, но на это может уйти время. И если судьбой так предназначено, если ты действительно та, кто мы думаем, то Камень придет к тебе, буду я с тобой или нет. Помни, что я говорила тебе о Стражах!

Ана заковыляла вверх по лестнице, держась за стенку. Кошка пошла за ней, и через минуту — все остальные.

Небо снаружи было все еще затянуто тучами. Ни следа от лошадей, хотя Дамион и Йомар на скорую руку осмотрели место и нашли несколько мешков с рассыпанным по земле содержимым. Нашлись одеяла и свечи, и еще кое-что полезное, но еды было очень мало, да и та почти вся размокла под дождем. Все, что можно было, собрали, как и хворост для костра. Ана подобрала с земли трость и обернулась к своим спутникам.

— Еще одно: не возьмете ли вы с собой мою кошку?

Лорелин, не говоря ни слова, выступила и взяла Метелку. Кошка печально мяукнула, но не стала противиться.

— Ну вот, — сказала Ана. — Тучи уже редеют. Мы теряем время, а оно становится драгоценным. Теперь идите, все идите. Держите путь к городу и ждите меня там.

С огромной неохотой они повиновались. Очень старой, маленькой и дряхлой казалась Ана, опирающаяся на клюку. Не у одного из ее спутников мелькнула мысль, удастся ли увидеть ее еще раз, не бросают ли они ее на смерть? Но ясно было, что она все равно никак не сможет преодолеть подъем к вершине. Они повернулись продолжать путь вверх, хотя и оглядываясь назад. Последний раз мелькнула сгорбленная фигурка Аны, уходящая вниз, в туман — серое растворилось в сером.

Чем выше они шли, тем сильнее расходились и рассеивались облака, пропуская свет угасающего дня. Оглядываясь, путники видели под собой серую массу бури, скользящую вниз по склону. На секунду люди остановились, захваченные зрелищем, а угасающие вихри шторма раздували полы плащей. Потом отряд двинулся дальше. Вскоре деревья остались позади, и начался крутой склон с редкими кустиками и шершавой луговой травой. С одной стороны уходила в синюю глубину каменистая осыпь, с другой, сверху, возвышался каменный шпиль. Самого Лиамара никак не было видно — его скрывали нахмуренные брови утеса. Очень неспокойно было находиться на открытом месте, без прикрытия, на виду у парящих в небе драконов. Но ни одного из этих не было видно — небо над головой было чисто и пусто.

— Как вы думаете, Ана верно говорила? — спросила Эйлия своих спутников. — Действительно против нее борется какая-то сила?

— Да нет, — ответил Йомар. — Все дело в гонке между нами и людьми Халазара. Ана нас задерживала, и в глубине души она это знала. Без нее мы пойдем быстрее.

— Да что ты такое говоришь, Йо? — воскликнула Лорелин, с упреком поворачиваясь к нему. — Ей там может грозить страшная опасность — когда вокруг драконы и зимбурийцы. Надо было кому-то из нас с ней остаться. Я думаю, не надо ли мне вернуться.

— Она была бы против, — возразил Дамион. — Лорелин, она права: самая большая опасность от зимбурийцев грозит тебе. А я вернусь. Йомар вас вполне защитит.

— Нет, Дамион, — выступила Эйлия. — Лорелин нужны вы оба. Пустите лучше меня.

— Но ты не боец, Эйлия, — сказал Дамион. — И ты знаешь, где лежит Камень.

— Это я вам расскажу, — ответила Эйлия. — Он в Храме Небес, конечно — это самое большое здание в городе. Камень в святилище в самой середине храма.

Эйлия с тяжелым сердцем повернулась назад, собираясь спускаться обратно к облакам, клубящимся вокруг склона. Ей так хотелось увидеть город на вершине, и душа наполнялась ужасом при мысли о драконах и зимбурийцах, притаившихся внизу в тумане. Но чувство вины и тревога за Ану были сильнее. Она помнила спокойствие и уверенность, которое внушала старая женщина своим спутникам в долгие недели океанского путешествия. Как же можно было ее бросить?

— Лорелин права, нельзя было нам ее оставлять. Она, кажется, была испугана, и старалась это скрыть. Где у нас у всех голова была? Я вам не нужна, и могу составить компанию Ане. Вместе мы найдем, где спрятаться.

Эйлия направилась вниз, и услышала за спиной шаги. За ней шли Дамион и Лорелин. Йомар с досадой заговорил им вслед:

— Что это вы все придумали? Я вам говорил, к вершине надо идти! А старуху вы в таком тумане все равно не найдете.

— Иди ты, Йомар, — откликнулась Эйлия. — Ты самый сильный. И я знаю, как тебе важно опередить зимбурийцев. Но мы просто не можем бросить Ану.

— Она права, — согласился Дамион. — Никого нельзя бросать по дороге. Если надо будет, я понесу Ану до самой вершины.

И они пошли вниз. Через миг к ним присоединился Йомар.

— Никто из вас толком драться не умеет, — буркнул он едко. — Уж если делать такую глупость, так всем вместе.

И люди продолжали молча спускаться, поглядывая на раскинувшееся внизу облако. Оно все еще полыхало молниями, но по краям стало разрываться. Как будто, с уколом страха в душе подумала Эйлия, там идет какая-то великая битва противоборствующих сил.

Вдруг Йомар застыл и напрягся.

— Гляньте вправо, на склон. Кажется, там кто-то есть.

Люди остановились.

— Ана, кажется, говорила, что антропофаги так высоко не забираются? — спросил Дамион.

— Может, это зимбурийцы, — шепнула Эйлия.

«Что же теперь с ними будет?»

Сверху по тропе спускался широкими шагами человек в черном. Но он не был похож ни на зимбурийского солдата, ни на антропофага — высокий мужчина в черном плаще с капюшоном. Они смотрели на него, остолбенев от изумления, а он крикнул сверху:

— Какого черта вы тут делаете?

Голос Мандрагора! Они смотрели на него, не веря своим глазам, а он откинул черный просторный капюшон, встряхнул гривой длинных волос.

— Какого дьявола вас сюда занесло? — повторил он, не сбавляя шага. — И почему Ана не с вами?

Первой обрела голос Лорелин:

— Она осталась позади, — ответила она. — Но мы решили вернуться. Ей помочь.

— Дракон, — произнесла Эйлия придушенным голосом. — Там был дракон...

— Еще бы. Вы что, не знаете, что эти горы — территория драконов?

— Но что здесь делаешь ты? — воскликнула Лорелин. — Я думала, ты остался в Маурайнии.

— Последовал сюда за вами, — ответил Мандрагор. — Дорогу я знаю по прежним странствиям, много раз здесь бывал. На самом деле я здесь вроде как дома.

— Кто ты такой? — крикнул Йомар, угрожающе выступив вперед.

— Можете называть меня Мандрагор. — Он иронически поклонился.

— Что это за имя такое? — скривился Йомар.

— Я не сказал, что это мое имя, — холодно ответил собеседник. — Я сказал, что вы можете так меня называть.

Речь была вежливой, но тон презрительный. Он улыбнулся, показав все зубы. Эйлия заметила, что клыки и резцы необыкновенно остры и длинны.

Когда Мандрагор приблизился, Серая Метелка напряглась, прижала уши и зашипела.

— Ты ей не нравишься, — заметил Йомар.

— Это у нас взаимно, — ответил Мандрагор, глядя на кошку таким же враждебным взглядом. Потом желтые глаза повернулись к людям. — Почему вы бросили Ану?

— Она... устала, — начал объяснять Дамион, медленно и тщательно подбирая слова. — Впереди был трудный подъем, возможно, опасный. Это путешествие было для нее слишком трудным.

— Слишком трудным? — оборвал его Мандрагор. — Да если бы не Ана, вас бы уже всех в живых не было! — Он обвел группу сердитым взглядом. — Это Ана спасла вас от дракона, Ана освободила вас из рук зимбурийцев, Ана своим колдовством доставила вас на берег, когда буря терзала галеоны. Только ее сила спасала вам жизнь, снова и снова. Она ради вас истощила себя до предела. И помощь ваша ей не нужна. Вы ничего не можете для нее сделать.

На это никто не нашел, что возразить. А Эйлия внезапно вспомнила бледное собранное лицо Аны в темноте швыряемого волнами корабля, странное отсутствующее выражение. Она тогда подумала, что старушка больна. И еще Эйлия вспомнила, как Ана не позволяла себе во время переезда по морю спать, и всю ночь бодрствовала, охраняя остальных. Наверное, только она могла справиться с поджидающими опасностями?

— Она... она умрет? — испуганно спросила Эйлия.

— Нет, — ответил Мандрагор с неожиданной горячностью. — Ее сила крепка, а тело слишком старое и хрупкое, чтобы выдержать напряжение, которого эта сила требует. Но умереть она не умрет. — Он выпрямился, возвышаясь среди них. — Что вообще вас сюда погнало? Почему, во имя Валдура, вы в эту кашу полезли?

— Потому что нехорошо будет, если зимбурийцы завладеют Камнем Звезд, — возразила Лорелин. — Дамион говорит, что из-за этого может начаться война.

— Где уж мне спорить с таким авторитетом, как Дамион, — сказал Мандрагор, бросив на священника ледяной взгляд.

— Мы пойдем и будем его искать, — спокойно произнес Дамион. — И никто нас не остановит.

Желтые кошачьи глаза Мандрагора сузились. Раньше Дамион никогда не видел этих глаз так близко, и сейчас вдруг мелькнула мысль, человек ли Мандрагор или скорее родственник антропофагов? Он не был похож на уродливых созданий, что напали на них в лесу, но эти неестественные глаза, эти почти клыкообразные зубы... Да, Ана говорила, что Мандрагор родом из Зимбуры. Но разве не могли представители этой странной нечеловеческой расы попасть туда в далеком прошлом?

«Не удивительно, что Ана в Маурайнии так загадочно говорила о Мандрагоре — я бы ей ни за что не поверил, скажи она мне правду. Потомок древней расы, жупел из сказки у огня!»

На боку Мандрагора висел меч в ножнах с изображением дракона на рукояти. Но Дамион не сомневался, что этот человек опасен и без оружия. Он глядел настороженно, помня, что этот чело-

век похитил Лорелин. «Почему? Потому что возврат Трины Лиа означает новое открытие Тринисии, отнятие ее у народа Мандрагора? Зимбурийцы уничтожат антропофагов, если займут остров».

И он понял. Мандрагор, очевидно, услышал о янском свитке и понял, что морская карта выдает расположение его страны и народа. И потому он бродил по Академии призраком — в буквальном смысле, — разыскивая рукопись, это он писал анонимные письма, побуждающие Дамиона уничтожить свиток и нарушить обет, предоставляющий укрытие его хранителям. И это он, отчаявшись, написал патриарху о «ереси» и похитил Лорелин: все ради того, чтобы положить конец тайному обществу немереев Аны, а главное — драгоценному свитку.

Эйлия нерешительно шагнула к Мандрагору:

— Скажи, пожалуйста, ты не мог бы повести нас? Если, как я знаю, ты не на стороне зимбурийцев. — Она подошла еще на шаг, глядя умоляющими глазами. — Я думаю, Ана тебе не безразлична. Она тебе помогла в детстве, когда тебя обижали зимбурийцы. Ты не хочешь помочь ей — и нам? Если зимбурийцы найдут Камень, будет война...

— Которая меня совершенно не волнует.

Йомар сердито посмотрел на Эйлию:

— Что это ты делаешь? Он нам не нужен. Ты помнишь про старухиных Стражей?

— Стражей? — повторил Мандрагор.

— Ана говорила об одном элейском ордене, — пояснил Дамион, — который поклялся остаться в Тринисии, пока не придет Трина Лиа владеть Камнем.

— Здесь, в Тринисии? — приподнял брови Мандрагор. — Ничего живого здесь нет, кроме птиц и зверей, да еще хобов и антропофагов. Элеев и следа не осталось.

— Они могут быть в горах... — начала Лорелин.

— Я эту землю изучил вдоль и поперек, леса и горы, долы и холмы. Здесь никто не живет. Я бы нашел таких обитателей много лет назад.

Путешественники переглянулись, упав духом. Нет Стражей! Они так надеялись, что получат помощь у цели. Так что же делать теперь? Самим им никогда не выбраться с острова.

Разве что Мандрагор им поможет, подумала Эйлия. Она сделала еще одну попытку:

— У тебя должен быть свой корабль. Ты ведь не приплыл на зимбурийском судне?

— Нет, — ответил Мандрагор с бесстрастным лицом.

Дамион шагнул и встал рядом с Эйлией.

— Послушай, что я скажу, Мандрагор. Если ты дашь нам найти Камень и уплыть с острова, я тебе обещаю, что никто и словом не обмолвится о нем.

Эйлия вздрогнула, увидев, как все задуманные книги о путешествии испаряются на глазах, но промолчала. А Дамион продолжал говорить:

— Мы все поклянемся не выдавать Содружеству тайну Тринисии.

— А Камень?

— Мы его не повезем в Маурайнию, это я тоже обещаю. Спрячем его, выбросим в море — все что угодно, лишь бы он не попал в руки зимбурийцев. Помоги нам это сделать, и острову никогда ничего не будет угрожать. Царь Халазар растеряет всех своих сторонников, если не сможет найти Камень.

Мандрагор приподнял бровь, раздумывая, переводя взгляд с Эйлии на Дамиона и обратно.

— Хорошо. Я принимаю ваше предложение. Обычно я в таких вопросах не становлюсь на чью-либо сторону, но в вас ощущается некая такая коллективная растяпистость, в чем-то трогательная. Но я буду вас сопровождать и за вами присмотрю.

Йомар было стал протестовать, но Дамион обернулся к мохарцу и сказал:

— Йо, нам не нужна драка. Я предлагаю дать ему нам помочь, раз у него есть такое желание.

Мандрагор, глядя на Дамиона так, будто читал его мысли, с очевидным удовлетворением кивнул.

— Тогда можете прямо сейчас отправляться.

И с этими словами он быстрыми шагами стал удаляться, не оглядываясь, идут ли они за ним. Чуть помешкав, они двинулись следом. Йомар тащился в самом конце процессии, сохраняя на лице весьма мрачное выражение.

— Надеюсь, что дракон не вернется, — сказала Эйлия, оглядывая свод неба.

— Старуха говорила, что драконы вымерли, — проворчал Йомар.

— Она говорила, что уже нет *огнедраконов*, — уточнила Эйлия. — Могут существовать другие, более древнего вида, которых почитали элеи. Повелители Ветра и Воды.

— А разве они не придуманы?

— Она такого не говорила. По ее словам выходило, что они существовали на самом деле, — припомнила Эйлия. — Ты не заметил, что тот дракон не дышал огнем? Я не сомневаюсь, что он

бы нас сжег, если бы мог. Это был дракон Ветра и Воды, а не дракон Огня. Та власть, которая у него, видимо, была над погодой — я не сомневаюсь, что это он послал на нас ту грозовую тучу...

— Ты придумываешь, — буркнул Йомар.

— Нет, она права, — сказал Мандрагор, приостанавливаясь и оборачиваясь. — Драконы умеют натягивать на себя тучу, когда летят, и в ней прячутся. Древние считали, что в любом облаке странного вида скрывается дракон.

— Но если он весь обернут тучей, как же он видит, куда лететь? — подозрительно спросила Лорелин.

— Драконы не ограничены пятью жалкими человеческими чувствами, — ответил ей Мандрагор несколько высокомерно.

Путники замолчали, медленно поднимаясь к вершине. Дамион время от времени кидал на небо быстрые взгляды: небосвод был по большей части голубым и чистым, но одно-два раскинувшихся кучевых облака могли скрывать сотню драконов. И если они «драконы Ветра и Воды», не могут ли они тогда жить в глубинах? Каждое небесного цвета озерцо в каменных складках гор могло быть засадой. Но Мандрагора это все, казалось, нисколько не интересует. Дамион глянул на его бесстрастный профиль. Молодой священник считал себя знатоком выражений лиц, но Мандрагор ставил его в тупик. С тем же успехом эти черты могли быть высечены в камне, настолько они скрывали эмоции обладателя. С виду Мандрагору было не более тридцати, но почему-то циничное, усталое выражение лица говорило о куда более старшем возрасте. Дамион вспомнил когда-то прочитанное, что продолжительность жизни элеев была куда больше, чем у прочих людей. Не может ли так же быть и у антропофагов?

Он оглянулся на Йомара. Еще один повод для беспокойства: дружба с мохарцем стала давать трещину. Йомару не нравился Мандрагор, и мохарец этого не скрывал. Он явно не доверял этому человеку и вроде бы ощущал, что взятая им на себя должность командира отряда узурпирована.

— Кто он вообще такой, этот Мандрагор? — спросил он, когда новоявленный проводник ушел чуть вперед.

— Я думаю, он из антропофагов... — начал Дамион.

— Это уж точно, что он из этих антро-как-вы-их-там-зовете! Достаточно посмотреть на его глаза. Я про то, что он себе думает? И какой у него во всем этом деле интерес? Очень хотелось бы узнать о нем чуть больше.

— Мне тоже, — признался Дамион. — Ана что-то слишком мало о нем рассказывала. Здесь какая-то тайна. Она будто бы вообще не хотела об этом говорить.

— Эта старуха из всего делает тайну, — буркнул Йомар. — Я бы на твоем месте не верил ему ни на грош. Вспомни, как он поступил с Лорелин.

— Может быть, он только хотел защитить ее? — ответил Дамион, стараясь подавить собственные сомнения. — Я думаю, это он выдал патриарху ее и немереев, а после этого считал своим долгом защитить ее от зимбурийцев. Не будем обострять отношений с ним, Йо. Может быть, мы о нем неправильно судим?

Ответом Йомара было лишь гробовое молчание.

К вершине подходили в полной тишине. Что-то подавляющее было в облике этой горы — теперь, когда плоть лесов и полей осталась позади и встали перед людьми голые вулканические кости. Нависали крутые обрывы, серые, как пасмурное небо. Эйлия все сильнее робела перед этой гранитной хмуростью. Она смотрела на окружающие хребты, укрытые зеленью склоны, на каменные вершины в снежной оторочке. А еще выше шли дальние горы, полностью покрытые мантией ледников.

Мандрагор заметил, куда она смотрит.

— Великие ледяные поля, — тихо сказал он. — Когда-то эта земля вся была покрыта льдом, и ничего здесь не росло. Первые обитатели Тринисии изменили ее климат чародейством. Они расставили по стране кристаллы, которые умели разогревать вокруг себя воздух на достаточное расстояние. Эти «погодные камни» еще стоят, но сила их убывает и когда-нибудь исчезнет совсем. Тогда и кончится Тринисия тем же, с чего началась: ледяные просторы, погребенные подо льдом леса и поля. И забудется ее история.

Эйлия поежилась при мысли о неумолимости огромной массы медленно наступающего льда. Ледники будто ждут момента, когда снова поглотят всю Тринисию. Глянув на лицо Мандрагора, она отметила его странное выражение — самое точное описание, которое она могла потом дать, было таким: «Будто одновременно траурное и ликующее», — и поспешно отвела глаза.

Тропа шла вверх и вверх, крутая, как лестница. После долгого подъема сверху показалась стена, построенная из серого гранита гор и сливающаяся с обрывами почти до полной невидимости. Над стеной возвышалась башня, бойницы ее окон выходили на дорогу, а под башней открывалась арка, глубокая и темная. Тропа вела прямо в нее, а на той стороне должен был быть...

— Лиамар! — выдохнула Эйлия, нарушив молчание.

Тучи клубились над горой, рыча раскатами грома, и в середине этой круговерти стояла Ана, устало опираясь на гранит. В серой вышине парили крылатые тени, пикировали и взлетали вверх, когда

она поднимала свободную руку. Но каждый раз драконы спуска лись все ниже, будто невидимый потолок, который Ана над собой воздвигла, поддавался вместе с ее силой. Глаза ее были закрыты, голова склонилась.

«Он теперь с ними, — думала она. — Он был прав: я не могла этому помешать. Надо ли было предупредить их о нем? Но тогда они попытались бы вступить с ним в битву — Лорелин так нетерпелива, и Йомар тоже».

Раздался треск, мир побелел, потом стал темным, запахло гарью. Они бросили в нее молнию, пытаясь пробить ее щит. Она и последних сил выпрямилась — драконы летали ниже, так низко, что плащ и волосы Аны развевались ветром от их крыльев.

«Нет, они не должны с ним драться. Если Трина Лиа зачерпнет своих неиспробованных сил, попытается бросить их против него, это будет конец. Он ударит изо всей своей мощи. Но пока что ни он не боится ее, ни она его. Пусть неведение будет ей щитом. Она не должна догадаться, кто он, какую угрозу он для нее представляет. И не должна заподозрить, кто...»

Ана медленно опустилась наземь. Драконы над головой заревели в ликовании.

16
Королева Небес

Путники стояли в древних воротах, озирая дикое поле разбросанных каменных обломков. Дома стояли впритык друг к другу из-за тесноты; выходящие на узкие улицы стены наполовину выветрились. Над рухнувшими крышами сиял восходящею луною купол Храма Небес. Но декоративная позолота давно с него слезла, и по южному фасаду бежала длинная извилистая трещина. Все так же храня молчание, путешественники вышли на пустынные улицы. Развалины не были для них неожиданностью, но в самой атмосфере этого места было что-то гнетущее. Высокогорная тишина царила в разрушенном городе, и только ветер жутковато и тихо завывал в выбитых окнах и дверях, будто оплакивал кого-то.

В самом центре города находилась круглая площадь в окружении разбитых зданий, отдельных фундаментов и сломанных колонн, похожих на пни мертвых деревьев. Многие из них почернели, как после гигантского пожара. Здесь стоял Храм Небес, а сбо-

ку от него — королевский дворец. При виде его Эйлия ощутила, как покидает ее прежнее радостное воодушевление. На глаза навернулись слезы. Вот и все, что осталось от дворца элейских монархов, чуда света! Исчезли изукрашенные стены, золотая листва, мозаика — все великолепие, с таким восхищением описанное Велессаном Странником. Остался лишь каменный скелет, потрескавшиеся, осыпающиеся стены и одинокая башня. Еще резче подчеркивалось разрушение сохранившимися следами прежней роскоши — гордые арки дверных проемов и окон, летящие контуры уцелевшей башни.

— Лучше бы я этого не видела! — брякнула наконец Эйлия, нарушив молчание. — Я бы тогда представляла его себе в блеске и красоте, как в легендах. А теперь я не смогу думать о нем иначе, как о развалинах.

Она оглядела безжизненный город. Будто кладбище, где лежат все надежды и мечты ушедшего народа.

— Ладно, давайте делать то, зачем пришли, — сказал Йомар с видом человека, имеющего право распоряжаться, и явно желая вернуть себе положение вождя.

— Сначала найдем укрытие, место, где вы сможете оставить вещи, — ответил Мандрагор и направился к разрушенному странноприимному дому. У Йомара не оставалось иного выбора, как вместе с остальными пойти за ним.

Мандрагор по лабиринту каменных ходов с давно обрушенной кровлей вывел отряд к комнате с крышей, где путники оставили свои скудные припасы и Серую Метелку. В одной стене открывалось отверстие огромного очага, такого, что можно было войти в него не нагибаясь.

— Здесь сможете спать спокойно, — сказал Мандрагор.

— А драконы? — тревожно спросила Эйлия.

Вопрос, кажется, его позабавил.

— В эту узкую дверь ни один дракон не пролезет. Теперь давайте пойдем в храм и закончим дело. Захватите с собой факел.

Длинные тени легли к востоку от колонн, статуй и разбитых стен, а исполинская тень западных гор погрузила половину Лиамара в преждевременную темноту. Видна была шестиконечная звезда, образованная внешними укреплениями, на каждом острие башня, и лучистый рисунок главных улиц, сходящихся к площади храма. Хотя и заполнявший все плато на вершине Элендора, Лиамар был не особенно велик: в Раймаре он мог бы поместиться много раз без особой тесноты. Это даже не был город в собственном смысле слова, потому что постоянно здесь жили только прорицатель-

ницы да монарх в королевском дворце — куда меньшем, чем монаршие резиденции современного мира. Все остальные здания, кроме храма и библиотеки, были гостиницами и странноприимными домами для паломников, приезжающих сюда со всего мира.

При свете уходящего дня люди прошли через разрушенную площадь, время от времени останавливаясь ради какого-либо интересного зрелища. Вился неподалеку длинный змеевидный канал или водовод, наверное, для отвода дождевой воды, но сейчас он был сух, как пыль. Некоторые статуи еще стояли, хотя у них не хватало то руки, то головы. Среди них возвышалась одна — король на мощном боевом коне.

— Андарион, — бросил, проходя, Мандрагор, едва глянув на изваяние. — Воздвигнут в честь победы в Зимбуре, когда он вернул Камень.

Дальше стояла еще одна статуя — женщина на высоком постаменте, венчанная звездами и стоящая на перевернутом полумесяце.

— Эларайния? — спросила Эйлия.

— Нет, это ее дочь, Трина Лиа, — ответил Мандрагор, показывая на элейскую надпись на боку постамента.

Эйлия украдкой глянула на Лорелин, переводя глаза с девушки на статую и обратно, и покачала головой. Эти двое — одна и та же женщина? Не может быть! У Лорелин был такой же оборванный и неухоженный вид, как у всех ее спутников: длинные косы полурасплелись, веснушчатый нос обожжен и облезает. Ничего такого божественного в ней в данный момент не было.

Лорелин тоже призадумалась, глядя на статую.

— Значит, это и был мой народ, — сказала она тихо. — Я всегда гадала, откуда я и кто я.

— Я думал, элеи давно вымерли, — сказал Дамион.

— Как народ — да, — подтвердил Мандрагор. — Они ушли из этого мира. Но кровь их по-прежнему течет в жилах многих ныне живущих.

Эйлия поглядела на Дамиона. Невероятная мысль пришла ей в голову, и она с трудом подавила волнение. Лепные черты лица Дамиона так походили на каменные черты статуй — не может ли и он быть элейской крови? Как Лорелин, он был подкинут в детстве. Если есть потомки волшебного народа, до сих пор живущие в этом мире, почему не может быть таким и Дамион? Ее подмывало поделиться с ним этой мыслью, но показалось, что это будет глупо, и она промолчала.

Неподалеку три белых колонны сходились сверху фрагментом антаблемента. Как объяснил Мандрагор, только это и оста-

лось от библиотеки, сгоревшей при Великом Крушении и унесшей с собой почти все знания древнего мира. Путники начинали радоваться обществу Мандрагора — так захватывали их те сведения, которыми он делился, так ярко оживлял он историю этого города.

Лорелин показала на западную вершину:

— А вон там тоже две статуи.

Все посмотрели и убедились, что она права: высоко на огромном скалистом роге стояла пара каменных фигур в двадцати шагах друг от друга — драконы на каменных колоннах.

— Как врата духов на каанских островах, — заметил Дамион, вспоминая колонны с драконами.

— Это врата луны, — объяснил Мандрагор. — Последний этап подъема на Элендор. Почти все прекращали здесь свой путь созерцанием Камня и уходили вниз, но некоторые решали идти дальше в своем поиске Божественного. Они восходили на самую вершину высочайшего пика, и там проходили через ворота, образованные этими двумя колоннами.

Йомар поглядел на портал со смешанным выражением недоверия и неприязни:

— Сквозь вот это — и куда? Утес небось на той стороне круче стены. И не меньше семи тысяч футов.

— Они проходили через портал, — ответил Мандрагор, — чтобы их перенесли в то место, которое вы зовете Небом. В царство звезд.

— На Небо! — воскликнул пораженный Дамион. — То есть они погибали — это ты хочешь сказать? Намеренно проходили через эти ворота и падали навстречу смерти? Что-то вроде ритуального самоубийства...

— Нет! — возмутилась Эйлия. — Этого не может быть! Велессан про такое ничего не говорит. Какой ужас!

На лице Мандрагора было написано снисходительное терпение.

— Вы ничего не поняли. Если вы пройдете через врата луны *сейчас*, то погибнете. Но во времена элеев эти каменные ворота открывались в портал Эфира.

— Чего? — спросили путники в один голос.

— Плоскости, которая лежит вне известного вам материального мира. Элеи звали ее Эфирной плоскостью. Используя ее, можно перемещаться с места на место, не покрывая расстояние физически. Древние элейские чародеи много построили таких порталов и научили этому искусству немереев иных стран. Каанцы строи-

ли порталы, чтобы соединять свои многочисленные острова, исключить необходимость морских путешествий. Но в конце концов эти ворота стали слишком опасны в работе, и все они были закрыты. Потому что как смертные могут войти в Эфир, так и... другие существа из того измерения могли проходить в наше. Элендорский портал закрыт не был, но сместился: он более не находится между этими колоннами, но поднят высоко в небо, куда может добраться лишь искусный волшебник. Когда-то его охраняли настоящие драконы, не пропуская никого в Высшие плоскости. Это была специальная порода, имперские драконы, выведенные в древние времена именно как сторожевые. Они были золотистые, и на каждой лапе у них было по пять пальцев вместо обычных трех или четырех.

— И они были *ручные*? — спросила Лорелин, глядя во все глаза.

— Да, они умели подчиняться. Элеи даже ездили на них верхом.

— Ездили — на драконах! — воскликнула Эйлия. — Как это было чудесно! Лететь по воздуху...

— Да, — согласился Мандрагор, впервые улыбаясь без насмешки. — Но элеи использовали драконов как верховых зверей лишь по необходимости. У них были другие способы путешествовать по небу, намного проще и удобнее.

— Летающие корабли! — выдохнула Эйлия. — Корабль-Плывущий-Над-Землей-и-Морем!

— Да. Они умели строить корабли с крыльями вместо мачт, летавшие по воздуху, как птицы. Конечно, на таком корабле мог летать только волшебник, но в те времена волшебники были обыденней соли.

Дамион оглянулся на опустошенный город и с грустью подумал о чудесах, которыми город мог когда-то гордиться.

— Подумать только, что когда-то весь мир был объединен этим городом и его правителями... Если бы уцелело прежнее Содружество, каким бы сейчас было человечество?

— Вероятно, таким же, как сейчас, — выразил свое мнение Мандрагор. У него была циничная жилка и острый язык, который путники уже научились не провоцировать. — Элеи были умным народом, но во все вмешивались. Так и не научились, что не всюду они нужны. Слишком много они брали на себя, стараясь навязать свою волю всему миру, вылепить его по своим идеалам. И вот результат всех их усилий.

Холодные золотистые глаза оглядели разрушенный город. Судя по выражению лица, все это значило для Мандрагора не более, чем раздавленный муравей.

Лорелин заметила небольшой кустик, проросший сквозь трещину мостовой, и остановилась его рассмотреть. На нем были одновременно цветы и плоды, как на тропическом дереве. Сливочного цвета лепестки испускали тонкий пряный запах, а плоды размером со сливу пахли соблазнительно спело. Лорелин все еще грыз голод после скудного завтрака из размоченных сухарей. Разве может быть ядовитым растение с таким чудесным запахом?

— Поглядите! — позвала она остальных. — Как вы думаете, это съедобно?

Она сорвала плод и подняла вверх. Он был полупрозрачен, как самоцвет: свет проникал через янтарную мякоть, а ямка, откуда выходила веточка, казалась темной глубиной.

— Я знаю, что это! — сказала Эйлия, дрожа от волнения. — «Пища богов» — это наверняка она. Растет на дереве, которое называется «дерево неба» и растет только в Элдимии, как пишет Велессан. Но элеи привезли сюда несколько его семян и посадили в Тринисии. Тут эти деревья растут чахлыми и мелкими, им подходит только почва Элдимии. Но плоды их все равно волшебны — так он писал. Есть их может любой, но если такой плод съест немерей, у него будут видения.

— Дурь, — отмахнулся Йомар. — Вроде опиума.

— Я хочу попробовать, — с энтузиазмом сказала Лорелин.

— Ни в коем случае. Средства такого рода опасны.

— Но...

— Йомар и Эйлия правы, — вмешался Мандрагор. — Этот плод небезопасен.

— Но я немерей, и Дамион тоже, так Ана говорила. Может быть, если я его съем, это нам поможет.

— А может быть, и нет. Я бы не стал пробовать на твоем месте. Пойдемте дальше.

В молчании путники подошли к Храму Небес. Мраморные ангелы с распростертыми крыльями стояли на парапете высокого портика, будто готовы были взлететь. Но Эйлия тут же поняла свою ошибку: это не ангелы, это элы, крылатые боги элеев — и их предки, как когда-то считалось. У некоторых статуй не хватало голов или конечностей, но лица в основном остались неповрежденными и склонялись над городом с тем же безмятежным и царственным выражением, которое видели в старые дни люди, заполнявшие улицы, звучащие музыкой и смехом. Что за сцены представали перед этими каменными лицами?

— Они не были богами, — сказал Мандрагор, проследив ее благоговейный взгляд. — Прежние были богами не больше, чем ты и я.

— Прежние?

— Так элеи называли существ, которых почитали как богов. Ученые магистры Королевской Академии могли бы сказать, что Прежние — всего лишь миф, но истина посередине. Я нашел тому свидетельства.

— Какие? Расскажи! — взмолилась Эйлия, сгорая от любопытства.

— Будто его просить надо, — буркнул сзади Йомар.

Мандрагор словно и не слышал.

— Давным-давно, — начал он тихо, — когда еще не возник род человеческий, великий и чародейный народ жил на этой земле. Он был старше элеев, старше всего, что живет на земле. Те существа, которых вы зовете богами и ангелами, эльфами и феями — мифы, выросшие из рассказов, что передавались в этом народе. Эти народы научились управлять всеми стихиями и силами природы, подчиняя их своей воле, — вот как возник этот теплый цветущий остров на самом дальнем севере. Так называемые талисманы — знаменитые мечи и кольца и так далее, которыми дорожили элеи, были просто изделиями Прежних. В северных горах до сих пор можно видеть следы их городов, похороненных под льдами глетчеров. И сокровища, и другие чудеса, которых вы себе даже представить не можете. В ледяных пещерах этих гор до сих пор можно найти отлично сохранившиеся в холоде останки древних созданий, непохожих ни на что в этом мире. Львы-орлы, крылатые змеи, существа странного смешанного строения — создания Прежних, которые в незапамятные времена научились управлять самой сутью жизни по своему желанию. Они создавали химер — огромных зверей с телом, как у дракона, но не с одной, а с тремя длинными шеями, и на каждой голова своей формы. Одна как у исполинской змеи, другая львиная, а третья — козлиная.

— Этого не может быть, — недоверчиво возразила Лорелин.

— Да? — Он приподнял бровь. — Я сам видел эти останки во льду в горах. Природа сама по себе никогда такого не создала бы. Может быть, Прежние умели даже собственные тела менять волшебством.

— То есть... — выкатила глаза Эйлия, — то есть... они могли иметь крылья?

— Возможно. Этого мы никогда не узнаем: Прежние жили много тысяч лет тому назад. Очень долгоживущая была раса, я думаю, но все же смертная. Некоторые из них даже снисходили до брачных союзов с представителями первобытных племен континентов, а отпрысков привозили сюда, в Тринисию. Так, должно быть, воз-

никла раса элеев. Впоследствии волшебный народ верил, что происходит от богов. Хотя нельзя сказать, что Прежние были благостными. Например, их властитель Модриан был таким же мелочным тираном, как любой человеческий деспот.

— Он был на самом деле? — воскликнула Эйлия.

— Я так думаю. Как и ваш архангел Атариэль, и Эларайния — богиня Утренней звезды, и божественные существа древних легенд. Все эти легенды, очевидно, основаны на реальных давно забытых деяниях Прежних. А что подумали бы эти существа о своем обожествлении — гадайте, кто хочет.

— А что с ними сталось, если так? Куда они все девались? — спросил Йомар с ноткой вызова в голосе.

Мандрагор направился к храму.

— Легенды говорят, что они были вообще не из этого мира, но прибыли со звезд и впоследствии туда вернулись. Но я полагаю более вероятным, что они друг друга перебили в своих войнах. Никто из них так и не вернулся за своим Камнем Звезд, как бы ни был он для них драгоценен. Я считаю, что они действительно его сделали, а не выкопали из земли, потому что они с легкостью умели преобразовывать неживое, как и живое. Когда они отправились на войну и стали гоняться по небесам друг за другом, Камень выпал из венца Модриана и упал на вершину горы. Люди поначалу слишком боялись к нему приближаться, но потом пришли, построили над ним храм и стали поклоняться ему.

Они шли за Мандрагором к ступеням храма.

— Не верю я, — шепнула Эйлия Дамиону. — Ангелы из плоти и крови, смертные, как мы, — *не хочу* верить!

— Я бы тоже не всему верил, что он говорит, — шепнул в ответ Дамион. — Он очень знающий человек, Эйлия, но все же ему известно не все.

Эйлия оглядела башни и фасад храма.

— Последний Уровень — не знаю, как-то это неправильно. Нам следовало приготовиться, как паломникам.

— Чушь, — жестко бросил Мандрагор.

Он решительным шагом поднялся по широким каменным ступеням. Путники прошли за ним к колоннам входа. Два исполинских бронзовых зверя стояли там на страже — фантастические создания, наполовину львы и наполовину орлы, перед каждым — бронзовая чаша, где когда-то горел священный огонь.

— Грифоны! — воскликнула Эйлия.

— Херувимы, — поправил ее Мандрагор.

— Но ведь херувимы — ангелы, — сказал озадаченный Дамион. — Ангельский чин, охраняющий врата небес.

— Так тебя учили твои наставники-попы, но они ошибались. Херувимы — волшебные звери, наполовину львы, наполовину орлы, созданные богами как стражи их сокровищ. Писатели Темных Веков — Бендулус, например, — которым попадались много сотен лет спустя изображения этих созданий, считали их чудовищами. Отсюда и ваши мифические грифоны. Художники, которые читали писания, но никогда не видели херувима в живую, решили, что речь идет о сторожевых ангелах, и так их и рисовали.

— Велессан Странник утверждал, что никто не может увидеть Камень, если сперва не «пройдет между херувимами», — заметила Эйлия, глядя на статуи. — Он их имел в виду?

— Несомненно. — Мандрагор повернулся к храму. — Ну что, пойдем? — предложил он как бы между прочим.

Путники шагнули вперед, только Эйлия замешкалась.

— Велессан пишет, что необходимо быть духовно готовым, чтобы войти в храм.

— Очередная чушь, — коротко заметил Мандрагор. — Ты не слышала, что я только что говорил? Нет ни богов, ни ангелов, Эйлия, и святых мест нет.

Все пошли за ним, но Эйлия продолжала отставать. Но все же даже ее настороженность не приготовила ее к тому, что было дальше.

Мандрагор прошел между медных фигур, и они ожили. Эйлия отчетливо увидела, как повернулся бронзовый глаз, глянув на отряд черной дырой зрачка. Завороженная так, что даже крикнуть не могла, девушка резко остановилась, а два огромных зверя со скрежетом встали на согнутые задние лапы, расправив металлические крылья. Потом открылись орлиные клювы, и донесся одновременный ржавый скрип.

Путники отпрянули, хватаясь друг за друга. Но бронзовые звери более не шевельнулись. Мандрагор обернулся через плечо:

— Пошли, это абсолютно не опасно.

— Это волшебство? — спросила Лорелин, не в силах оторвать глаз от изваяний.

— Нет, просто тонкая механика. Когда вы проходите через порог, тяжесть тела включает машину. Короли и королевы элеев много знали таких игрушек в давние времена. У королевы Элианы было золотое дерево с механическими птицами. Они пели и хлопали крыльями, если нажать на рычажок.

— Мог бы и предупредить, — упрекнул его Дамион, беря Эйлию за руку, чтобы успокоить. Она дрожала.

— Забыл, — безмятежно ответил Мандрагор и скрылся в храме.

— Ага, забыл! — буркнул Йомар. Он тоже встревожился, и теперь за это злился. — Нарочно хотел, чтобы мы дергались.

Все вошли в огромный зал храма, и то, что увидела Эйлия, прогнало все прочие мысли.

По стенам круглого необъятного зала расположились арочные ниши, всего семь. В пяти из них стояли скульптуры во много раз выше человеческого роста. Одна изображала юношу в момент прыжка, и волосы его развевались языками пламени: статуя была высечена из красного гранита, а волосы сделаны из меди, которая, наверное, когда-то тоже сияла красным, но теперь покрылась тусклой патиной. Рядом с ним на троне сидела Эларайния, держа в руке скипетр со звездой на конце. Ее ниша была покрашена синим и испещрена фоном звезд, на котором изображена была Трина Лиа на своем лунном троне. В самом центре зала стояло строение под куполом, будто уменьшенный храм. Сторона, обращенная ко входу, зияла, открываясь в темноту. Купол украшала женская фигура больше натуральной величины, покрытая листовым золотом: от головы исходил ореол золотых лучей, и стилизованные языки пламени вспыхнули под светом факела.

— Элаура, королева Солнца, — сказал Мандрагор. — У элеев солнце было женского рода, а не мужского. Кружащее солнце сияет летом сквозь дверь, освещая статую своей богини. — Он показал рукой на остальные ниши. — Вот это — боги стихий и соответствующие им планеты: мальчик — Элакурион, бог ближайшей к яростному солнцу планеты, сферы Саламандр. Вот эта, с рыбьим хвостом — Элталандрия, которая правит водным миром русалок. Ианта — планета воздуха, дом Сильфид, а Валдис — планета гномов земли...

Роскоши, подобной этим изображениям, путешественники никогда не видали. Верхняя половина тела Элталандрии состояла из розовато-белого мрамора, с прожилками, как на живой коже, а рыбья половина — из зеленого мрамора с белыми прожилками. Королевской диадемой служила пенистая масса жемчужин, круглых или каплевидных, по всему телу раскиданы самоцветы, алмазы на груди и изумруды среди чешуек блестели в свете так, будто сухой камень нес в себе влагу. В следующей нише стоял Элвалдис, и его мрачная тяжелая фигура, вытесанная из цельного куска серо-черного гранита, сверкала чешуйками слюды. Элианта, по контрасту с ним, была сделана из воздушного алебастра и хрусталя, готовая взлететь на четырех прозрачных распростертых крыльях. Вокруг ее сверкающих турмалиновых юбок будто танцевали и порхали

как стрекозы сильфы поменьше. А в самой большой нише стояла статуя женщины из молочно-белого мрамора, вырезанная так тонко, что белые волосы и одежды будто развевались на ветру. К ногам ее ласкались звери — олени, львы, медведи, а руки были полны каменных плодов и цветов. Путники остановились в молчании, любуясь, а на них из своих затемненных ниш смотрели холодные каменные глаза древних богов.

Над головами возвышался купол малым небом, и можно было увидеть, что это действительно модель неба, испещренная и разрисованная звездами и созвездиями. Снизу видна была большая зазубренная трещина, сужающаяся к концу как черная молния. Кое-где в потолке виднелись провалы, там где камни кладки выпали и разлетелись по полу. В самом зените имелась круглая дыра, где полагалось быть фонарю купола — около десяти шагов в диаметре, незастекленная. Сначала путешественники решили, что стекло разбилось, когда треснул купол, но Мандрагор им объяснил, что круглый проем всегда был открыт небу и стихиям, и указал на свесы крыши центрального святилища с резными львиными головами по углам — водосточные трубы для отвода дождевой воды и талого снега в неглубокие канавки в полу. Восхищаясь строением здания, Дамион вертелся на месте, пока ему не показалось, что весь купол будто кружится вокруг него, как небо над землей. В храмах Веры много бывало круглых окон и орнаментов, предназначенных для изображения божественной бесконечности, но лишь элеи построили храм, сам по себе круглый.

— Я вижу Полярную звезду, — сказал Дамион, показывая сквозь дыру в куполе. — Этот проем построен так, чтобы быть ее рамой?

Мандрагор кивнул.

— Да — но это здание было построено, когда другая звезда висела над полюсом, а созвездия, которые вы знаете, занимали иные положения на небе. Настолько оно древнее.

Эйлия подошла к изображению Элараннии. Ее будто тянуло к этой богине. Она глянула на безмятежное мраморное лицо в короне звезд — на холодные, как снег, черты, одновременно и юные, и несказанно древние. Это было лицо божества — застывшее в вечности и притом по-человечески живое, неизменное и неизмеримо мудрое, старое и молодое, девственное и материнское. Как утешительна должна быть молитва, обращенная к такому божеству! Стоять перед ней не как проситель, но как дитя, ищущее утешения у колен матери. Она почти уступила порыву, почти коснулась протянутой рукой мраморных ног, выступающих из-под каменного

платья. Между ними была заметная разница: правая высечена с удивительными подробностями, до ногтей и ремешков сандалии, а левая — совершенно гладкая, будто она стерлась прикосновениями неисчислимых паломников. И ее тоже потянуло положить рука на этот мрамор...

Но в голове завопил какой-то голос: *Кощунство!* Возник грозный образ бородатого Аана, бога-отца Истинной Веры, и в смущении и чувстве вины Эйлия отпрянула.

— Мандрагор! — спросила Лорелин. — Вот тут место еще для одной статуи, но там пусто. А почему?

— Седьмая ниша — для Элазара, божества планеты, которую ваш народ еще не открыл. Когда-то элейские астрологи предсказали, что появится на небесах однажды чужая звезда и принесет новую планету. Они создали для этой планеты нишу и поставили туда статую.

Но эта новая звезда Азарах и сопровождающая ее планета Азар прошли через огромное облако комет далеко в небесах и возмутили его, и тысячи лет можно было видеть, как кометы полосуют ночные небеса. Азарах нарушил в небесах порядок, который элеи почитали божественным, и потому его объявили злой звездой, которой правит недобрый дух. Азар, естественно, тоже оказался планетой со злыми наклонностями, и изображение его божества убрали из Храма Небес. Они еще очень мало тогда знали о том, какую катастрофу принесет это возмущение. В один судьбоносный день в атмосферу Меры вошли несколько комет и разрушили все земли, на которые упали. Великое Крушение. Те, кто пережил его, проклял имя седьмой планеты.

— *Седьмой*? — переспросила Эйлия. — Но их же всего пять, если не считать Азара. Где же еще одна?

— Прямо у тебя под ногами, — серьезно ответил Мандрагор. — Наш мир — тоже планета. Планета Мера, третья от солнца. Элеям этот факт был хорошо известен, хотя вашим просвещенным астрономам еще только предстоит на него наткнуться. Женщина белого мрамора в этой нише — Элмера, богиня этой планеты и всего, что на ней растет.

Мир — планета! Эйлия подумала, что бы сказала на это умная Жанет. Слишком фантастично.

Йомар, который беспокойно расхаживал, пока остальные восхищались статуями, нетерпеливо перебил:

— Так где этот ваш Камень?

— Под этим святилищем в центре, — сказала Эйлия, показывая на строение, увенчанное статуей богини Солнца. — Это пер-

воначальное святилище, построенное над Камнем, а большой храм возвели вокруг позже.

Йомар всмотрелся в темную дверь:

— Там ничего нет.

— Там лестница. По ней надо спуститься, а внизу пространство вроде крипты, и вершина горы служит для нее полом. Камень всегда лежал точно там, где упал. Если не считать того раза, когда его украли зимбурийцы, он никогда не покидал своего места.

Йомар скептически поднял брови:

— Естественно думать, что любой камень рассыпется, если упадет с небес на каменную вершину.

— Считается, что Камень Звезд очень тверд — тверже алмаза.

— Ничего нет тверже алмаза.

— Ничего на *земле*, — уточнила Эйлия.

— Так где эта лестница, по которой надо спускаться?

— Не знаю, — призналась Эйлия. — Но должна быть. Велессан пишет, что она есть.

— Ты уверена, что она внутри этой часовни?

— Нет... если подумать, он не сказал точно, где она. Я просто предположила, что она в часовне. Он в подробности не вдавался.

Все столпились внутри строения. Оно было как уменьшенная и упрощенная копия большого храма — круглое, с изображениями планетных богов, вырезанными на стенах. Но никакой лестницы нигде видно не было, да и места не было для нее.

— А она не в середине пола? — предположил Дамион. — Посмотрите на это круглое пятно в центре: вроде бы не совсем такой камень, как надо. Похоже, будто его когда-то сюда положили, очень давно.

— Нет, здесь лестницы не было. А был проем в полу, через который паломники могли заглянуть в нижнее святилище, где лежал Камень, — сказал Мандрагор. Он стоял в дверях, глядя на путников с тенью улыбки на лице. — Дыру заделали, когда самоцвет вернули после похищения — чтобы предотвратить подобные попытки. Впоследствии паломникам приходилось входить через дверь, если они хотели видеть Камень Звезд.

— Ладно, так где эта дверь? — нетерпеливо спросил Йомар.

Но Мандрагор лишь пожал плечами и вышел, разглядывая статуи внешнего храма.

— Скотина, — буркнула про себя Лорелин. — Спорить могу, что он знает.

Дамион устало вздохнул:

— Ладно, поищем и посмотрим, может, найдем какой-нибудь вход.

Они вышли наружу и около часа безуспешно искали вход. Никакой двери в часовне не было видно, кроме той, в которую они вошли, и никакой лестницы во всем храме, у которого тоже, кажется, был единственный вход. Разочарованная Эйлия вернулась к статуе Эларайнии.

— Прошу тебя, — сказала она почти про себя, — прошу тебя, помоги нам. У нас кончается время. Зимбурийцы скоро будут здесь.

Она знала, что молится языческому божеству, но положение было отчаянное, и почему-то воззвать именно к Эларайнии казалось уместным. *В конце концов в Писании ее называют ангелом.* И Велессан Странник что-то говорил, что Эларайния — Путь и Дверь для всех, кто желает увидеть Камень...

Эйлия склонилась к ногам статуи, разглядывая левую. Повинуясь непонятному импульсу, она положила руку на холодный камень. Гладкий, как морской камешек, обласканный бесчисленными волнами.

И отпрянула с тихим удивленным возгласом. Нога поддалась под ее ладонью.

Этот вскрик и раздавшийся вслед за ним скрежет заставил ее спутников броситься к ней. Но все остановились как вкопанные, глядя, как задрожала каменная фигура и потом двинулась вперед. Медленно, величественно, резной трон двинулся со скрежетом по полу, неся на себе королеву Неба, которая все так же улыбалась мраморной улыбкой — гордая и сильная властительница, совершающая царственный выход. Потом так же внезапно, как двинулась, статуя остановилась за несколько шагов от опустевшей ниши.

Лорелин бросилась вперед.

— Глядите!

В полу ниши, там, где прежде стояла статуя, зияла темная квадратная дыра — и в ней пролет каменной лестницы, ведущей вниз.

— Дверь! Дверь! — вскричала Эйлия в волнении. — Она ведет к Камню, я теперь знаю! Вот что написал Велессан — Эларайния действительно «путь и дверь»! А я-то гадала, что он хотел сказать. Ее нога работает как рычаг — нажимаешь ее, и она открывает дверь к лестнице!

— Молодец, Эйлия! — сказал Дамион. — Мандрагор, не дашь ли ты мне этот факел?

По одному люди спустились в проем по винтовой лестнице, ступени которой были стерты посередине бесчисленными подошвами. Внизу оказался проход с низкой кровлей, а пол его был камнем самой горы. Он привел к низким бронзовым дверям.

— Смотрите, видите разницу в кладке вот здесь, вокруг дверей? — почти шепотом сказала Эйлия, будто в церкви. — Это должен быть фундамент часовни — мы точно под ней!

Дамион передал факел Лорелин, потом с Йомаром попытался открыть двери, сначала толкая, потом пытаясь потянуть на себя.

— Кажется, ты нам не собираешься помогать? — резко спросил Йомар, сердито глядя на Мандрагора, который спустился вместе со всеми, а сейчас смотрел с лицом бесстрастным, как у каменных богов.

— Это ваша миссия, а не моя, — ответил тот равнодушно.

— С ума сойти! — воскликнула Лорелин. — Дойти почти до конца и напороться на преграду в двух шагах от Камня!

— Погодите, — сказал Дамион. — Кажется, эта дверь чуть сдвинулась.

Йомар присоединился к нему, навалившись на левую дверь. Раздался скрежет, стон, и вдруг дверь поддалась. Она открылась внутрь, в темноту, которую Лорелин поспешно осветила факелом.

Глазам предстала сцена причудливого богатства. Синие занавеси балдахина с коваными серебряными звездами возвышались в полумраке, и стены укрывали гобелены из серебра и золота, и лежали на каменном полу приношения в виде венков и гирлянд цветов. На миг лишившись дара речи, путешественники застыли. Потом раздался будто вздох, и недвижный воздух шевельнулся. Цветы и гобелены рассыпались в пыль, балдахин обвис и распался на глазах. Будто вторжение людей осквернило святилище, с ужасом подумала Эйлия, когда они все, чихая и откашливаясь, отпрянули в клубах пыли. Факел замигал.

— Осторожнее, — раздался сзади голос Мандрагора. — Воздух после стольких лет будет весьма спертым.

Это просто бесило, но пришлось отойти и подождать, пока проветрится. Потом путники снова двинулись вперед, Йомар и Дамион впереди, и вошли в развалины комнаты. Мохарец отбросил в сторону обломки балдахина — они рассыпались даже от его прикосновения. Наступило молчание.

— Где должен быть этот Камень? — спросил Йомар, обернувшись.

Ответила Эйлия:

— На полу есть узор в виде серебряной звезды, отмечающей место приземления Камня. Он должен быть в самой ее середине.

Прозвучал усталый голос Йомара:

— Нету тут такого.

— Чего — звезды нет?

— Камня нет.

17
День Крушения

Путешественники вернулись в странноприимный дом — без Мандрагора, который остался бродить в развалинах, — усталые и угнетенные. «А я только-только начала ощущать себя полезной», — горестно подумала Эйлия. Наступила ночь, и в свете факелов руины казались не только заброшенными, но и жуткими. Все четверо совсем упали духом — их терзала тревога за Ану, разочарование, что не нашелся Камень, и просто физическая усталость. Йомар и Лорелин снова заспорили — на этот раз о том, как сварить водянистую овсянку, которая только и была у них на ужин. Двое других, устав их слушать, ушли в другой угол комнаты и говорили между собой.

— Ты уверена, что Камень был именно в этой камере, Эйлия? — уже в третий раз спрашивал Дамион.

Она кивнула, слишком угнетенная, чтобы говорить.

— Не могло быть другого места, где его хранили бы?

— Нет. Я уверена в словах Велессана — он всегда был на одном и том же месте.

«Это имело смысл, раз Камень был целью стольких паломничеств, — подумал Дамион. — Люди должны были знать, где он лежит».

— А не могли его украсть? — подумал он вслух. — Тот же Мандрагор, например?

— Чушь, — заявил низкий голос у него за спиной. Все вздрогнули и обернулись. Для своих крупных размеров Мандрагор умел двигаться очень тихо — сейчас показалось, будто он просто возник из пола. Эйлия невольно поискала взглядом у него за спиной люк, изрыгающий дым, как при появлении демона в пантомиме. Метелка посмотрела злобно и поднялась, вздыбив шерсть.

— Если хоть минуту подумаешь, поймешь, насколько это нелепо, — стал спокойно объяснять Мандрагор без малейшего гнева или возмущения. — Ты сам видел, как было запечатано святилище. Никто не мог бы туда войти, не потревожив содержимого. Ты не думал, что последние элеи Тринисии могли взять Камень с собой, а Береборн об этом не знал? И Камень может быть тогда на континенте или на архипелаге.

— Достаточно правдоподобно, — согласился Дамион. У Эйлии упало сердце. Она так хотела увидеть этот самоцвет!

— Сколько шума из-за какой-то гальки, — задумчиво сказал Мандрагор. — Гибель людей, рухнувшие царства, бесконечные

войны, а ради чего? Не знаю даже, назвать это комедией или трагедией. Если вас это хоть как-то утешит, могу сказать, что от вас все равно мало что зависело. Уже несколько столетий нет войны между Содружеством и Зимбурой. Они друг другу слишком много задолжали, будет у кого-нибудь Камень или не будет.

— Все равно мы должны его поискать, — не сдавался Дамион. — Он может быть где-то здесь, в городе — ничего против этого не говорит. Я не хочу рисковать, зимбурийцы могут набрести на него случайно. Обшарим все развалины — на всякий случай.

Эйлия снова воспряла духом.

Наступило недолгое молчание, прерванное очередной перепалкой Йомара и Лорелин. Она сопровождалась сильным запахом горелого.

— Что там с ужином? — спросил Дамион.

— Ее Высочество Принцесса Звезд изволили спалить его к свиньям, — сообщил Йомар.

— И вовсе нет! — возразила Лорелин. — Это ты сказал, что надо еще его поварить.

— При этом не мешало бы его *помешивать*. Ты что, вообще ничего не умеешь?

Видя, что перепалка грозит перейти в скандал, Дамион вмешался.

— Ладно, этому горю уже не помочь. Давайте посмотрим насчет других припасов. Мне помнится, где-то есть сушеные фрукты. Тебе холодно, Эйлия? — спросил он, видя, что она завернулась в плащ и дрожит.

— Нет. Просто эти стены такие старые и пустые. Какое-то странное от них чувство.

Он кивнул в знак понимания.

— Ты не бойся, Эйлия. Мы здесь долго не пробудем.

— Нет, я не боюсь, — заверила она его. — Просто мне здесь печально, вот и все. Я думаю о людях, которые сюда приходили, в этот город. А теперь здесь уже не будет людей, никогда. Ни паломников, ни королев и королей...

— Кроме Принцессы Лорелин. И вот Его Величества, — осклабился Йомар, ткнув пальцем в сторону Мандрагора.

Мандрагор поклонился, отвечая насмешкой на насмешку.

— Я позволю себе удалиться от вас, раз вы твердо намерены терять время зря, — сказал он, — но останусь пока здесь, на случай, если понадобится вас проводить вниз с горы.

Йомар ощетинился, но Дамион заставил себя ответить учтиво:

— Мы благодарны тебе за твое предложение.

Мандрагор последний раз глянул на четверых. Когда он повернулся к огню, в его кошачьих глазах сверкнул огонек.

— Мудро было бы с вашей стороны его принять.

Не говоря больше ни слова, он решительно вышел из комнаты, и силуэт в плаще растаял на фоне ночи.

Весь долгий полярный день они обыскивали развалины — и без успеха. Это была трудная, если не безнадежная задача, и они это знали: Камень, если он вообще в Тринисии, мог валяться в любой мусорной куче. Но они знали, что если зимбурийцы откопают его или какую-то драгоценность, на него похожую, — война неизбежна.

Вороша мусор, люди настороженно поглядывали на небо, но драконы не появлялись. Видны были только маленькие черные птицы — клушицы, как подумала Эйлия, — метавшиеся над крышами развалин. В полдень — или когда полагалось быть полдню, если бы солнце поднялось в небо, а не кружило по южному небосклону, — настало время поесть, что люди и сделали в угрюмом молчании, сгрудившись у подножия статуи Андариона. Особенно недоволен и вспыльчив был Йомар — для него идея украсть у зимбурийцев их сокровище стала чем-то вроде одержимости. Как только покончили с едой, тут же снова приступили к поискам. Дамион и Лорелин взяли на себя развалины дворца, а Йомар прочесывал мусор у здания неизвестного назначения напротив Храма Небес.

Эйлия бродила по городу сама по себе. Спина болела от несчетных сгибаний и разгибаний. Сейчас девушка подняла глаза к небу. В высоком синем просторе она заметила точечку бледного исчезающего света. Не Великая комета: это небесное тело давно ушло с небосвода. Наверное, Утренняя звезда. Отец когда-то ей сказал, что она иногда видна днем, когда находится в противостоянии и ярче обычного. Внезапно Эйлия ощутила языческий порыв поклониться этой далекой дневной звезде. Слова гимна Эларайнии, который она перевела в Академии, сами по себе пришли на ум:

Как ты сияешь в высоте!
Ты — словно королева Ночи.
Твой путеводный свет в мечте
Провидцам открывает очи.

А мы оставлены тобой
На звёздном бреге океана, —
Бредём сквозь Божии поляны
Под оголённою луной.

Несём тяжёлый жребий свой:
Трудясь попасть в твои чертоги, —
Как унесённые волной
И не обретшие дороги.

Владычица страны без битвы,
Не знавшей горе и слезу!
О, Цвет Ночей, услышь молитвы
Детей, потерянных внизу!

Гимн назывался «Плач элея» и относился ко временам сразу после Великого Крушения. Слова самой Эйлии, как она с огорчением понимала, не передавали прелесть элейского оригинала. Она стояла и смотрела на бледное мерцание планеты, пока ее не скрыла блуждающая тучка. Еще немного Эйлия смотрела просто на небо, пытаясь определить, какую погоду оно предвещает. Отец ее умел читать погоду по небу, как все моряки, — жаль, что она у него этому не научилась. Она знала совсем немного. Например, белые высокие пряди облаков через зенит, распушенные на краях, являются знаком сильного ветра в верхних слоях воздуха, а вот какую они предвещают погоду, она не помнила. Но как красивы эти белые кудри на синем! И как величественны пушистые белые вершины кучевых облаков на тысячи футов выше высочайших горных пиков! Там, наверху, есть иной мир, земля обитающих в ней богов. Глаза Эйлии искали ее посреди воздушных пропастей и белых узловатых утесов, где серыми пастями зияли облачные пещеры, открывая туманные внутренние гроты; бухты, заливы и широкие озера синего неба сияли в окружении облачных берегов. Что бы только не отдала она за элейский летучий корабль! Или если бы можно было стать птицей, парить так легко на высотах, куда она достает только воображением! Несправедливо, подумала она, глядя на крылатый силуэт, ушедший прямо в туманное облако и скрывшийся с глаз. Глядя в небо с тоской и восторгом, она заметила, что пытается вложить свои чувства в слова.

Взгляни же вверх! Какое очарованье взорам!
Там дивные погоды царят на небесах!

Давно уже она не пыталась сочинять стихи. Губы шевелились, беззвучно произнося приходящие слова.

Там голуби гуляют воздушным коридором!
Там облачные башни в заоблачных дворцах!

Не переложила ли она метафор? Эйлия решила, что это все равно. А какую сюда рифму? Укором, раздором, вздором (очень к месту), простором... Ага!

Серебряные свитки по голубым просторам —
Как ангельские локоны — парят на парусах!

Эйлия села на большой камень. На миг разочарование от недостигнутой цели рассеялось, и она запрокинула голову, чтобы без остатка наполнить зрение небом. Далекий летающий силуэт вынырнул с другой стороны облака, и солнце блеснуло на его крыльях. Что это за большая такая птица — может быть, орел? Но даже для орла он должен быть велик, чтобы его можно было так издалека разглядеть...

Предостерегающий свист Йомара прорезал покой вершины.

Он так хорошо их натренировал, что они на сигнал отвечали сразу же, бросаясь в укрытие, как мыши при появлении ястреба. Эйлия вскочила на ноги, сердце сжалось в груди. Летающее создание снижалось со страшной скоростью, и теперь ясно виден был его змеиный силуэт, извивающийся в воздухе в такт мощным взмахам огромных крыльев. Со страхом сообразив, что лишенные крыш развалины — не укрытие, Эйлия бросилась бежать по мостовой. С неба послышался звук, будто раскаты грома от нескольких молний подряд. Она не смела оглянуться, но видела, как стремительно надвигается на землю темнота, подобная тени облака. Огромные крылья тени перекрыли улицу от края до края, темные очертания длинного тела...

— Эйлия!

Чья-то рука дернула ее в ближайший дом, и Эйлия увидела перед собой побледневшее лицо Дамиона. Он на нее не смотрел, но вытаращенными глазами уставился в соседнее окно. Она тоже выглянула в пустую раму и увидела, как пронеслась по улице огромная тень и закружились на мостовой пыльные вихри. Громоподобные хлопки крыльев стали на миг оглушительными и снова начали слабеть. Припав к стене, Эйлия выглянула.

И действительно, дракон улетал прочь над крышами. Тело зверя, коричневатое снизу и золотистое сверху, играло чешуями под лучами солнца, будто обожженный металл. Четыре огромные лапы опустились вниз и вперед, выставив когти, и рогатая голова поворачивалась из стороны в сторону, как делают орлы, когда ищут на земле добычу. Дракон лег на крыло и повернул — стали видны острые спинные чешуи гребня, как частокол копий, и плоская че-

шуя была здесь не коричневатой, а красной, как кровь, как розы, как рубины. Сеть жил в исполинских красных крыльях просвечивала на солнце, как прожилки в листе.

И еще другие драконы были в вышине — дюжина этих изящных красно-золотых силуэтов пикировали из облаков над горами. Первый еще раз пролетел над городом, потом поднялся к остальным, хлопая крыльями, как знаменами на ветру. Он был больше других драконов и, кажется, главнее их, потому что они повернулись и устремились в небо вместе с ним. Эйлия и Дамион, не смея вздохнуть, смотрели им вслед. Огромные летающие твари пронеслись низко над западным пиком, выстроившись плотной стрелой, и тени их мелькнули на скалах. Потом они направились к соседней горе, пронзая клубящиеся облака, расправив паутину крыльев, чтобы ловить восходящие потоки над крутыми утесами. Как страшно — и как поразительно чудесно было видеть этих небесных богов, играющих в своем царстве воздуха и камня!

— Как они красивы! — вздохнула Эйлия.

Дамион поглядел на нее с изумлением.

— Я думал, ты их боишься.

— Еще как! — восторженно ответила она.

Дамион высунулся, насколько посмел, из дверей. Не удивительно, что антропофаги поклоняются драконам. Как они ужасны, насколько превосходят любой ужас животного царства, и все же — как величественны, как прекрасны! Особенно ведущий дракон привлек его внимание: Дамион поймал себя на мысли о волке — вожаке стаи, о льве во главе своего прайда. По надменному величию им даже близко не сравниться с этим созданием, владеющим всем небом, в котором он летит.

Царь драконов.

Драконы прекратили игру и поднимались в небо. Через несколько секунд они промелькнули над мелями тонких редких облаков, стали строем едва заметных теней, потом исчезли в плотной массе туч. Через некоторое время они вынырнули подальше, теперь лишь блеском чешуи в синеве.

Йомар из своего укрытия подал сигнал отбоя тревоги, и все выбежали на улицу, глядя в небо и восклицая.

— Вы видели того, большого? Видели, как он близко подлетел? — кричала Лорелин.

— Ну и чудовище! — сказал Дамион, стараясь говорить бодро. — Интересно, это тот, который напал на нас там, на горе? Мне он показался тех же размеров.

Эйлия молчала, потирая ладони: от подоконника на них остался отпечаток, когда она вцепилась изо всех сил. У девушки не было слов для чувства, которое вызывали у нее драконы: она была рада, что они улетели, и все же воспоминание о них вызывало что-то, близкое к экстазу.

— Наверное, Мандрагор прав был, что надо уходить, — сказал Дамион, качая головой. — Слишком здесь опасно.

— Мы не можем бросить все так! — возразила Лорелин. — А вдруг зимбурийцы найдут Камень!

— Мы не бросим. — Йомар оглядел остальных трезвым взглядом. — Но теперь, пока ищем, будем приглядывать за небом.

Долгий день подходил к концу; тени, двигаясь по кругу, провожали солнце к месту отдыха. Вскоре Дамион шагал отдельно от своих спутников, направляясь к южной стене укреплений, где встал под входной аркой, оглядывая панораму гор, речной долины и далекого океана. Айсберги казались белыми пушинками на бескрайней синеве.

Мандрагор был прав: они зря теряют время. Чистейшая глупость — искать драгоценный камень, исчезнувший давным-давно, если он вообще существовал вне легенд. Истинная цель — безопасность Лорелин. Зимбурийцы упрямо верят, что она — Трина Лиа, или по крайней мере верит их безумец-царь, и они сделают все, чтобы снова ее схватить. Они не посмеют не выполнить этот приказ, когда царь их вместе с ними в Тринисии. Тот или другой камень они найдут — белую гальку, осколок безвредного кварца — и представят Халазару как легендарную драгоценность, а с ним и беспомощную девушку. А потом Лорелин умрет от меча царя-бога, на глазах у него и его восхищенных солдат. И смерть ее будет лишь первой каплей в волне крови и зверств, которая захлестнет весь мир.

Он отошел немного вниз по склону и остановился, озирая остров из края в край. Безнадежность положения была неоспоримой. Уехать не на чем, а укрытия рано или поздно кончатся. Будь он один, мелькнула мысль, он бы давно уже сдался. Но были еще женщины и Йомар, никак не оставляющий надежду найти Камень, а потому отчаяние было той роскошью, которой Дамион себе позволить не мог. Ум его стал строить один за другим дикие планы. Что если построить плот или лодку? А Элдимия — есть такая земля на самом деле? Место «за краем света» — это, наверное, значит, что она далеко от всякой другой суши. Не слишком бодрящая мысль. Предпочтительнее была бы Маурайния, но как туда доб-

раться? У Мандрагора должен быть корабль, где-то спрятанный, но, хотя он и заявлял, что заботится о благополучии Лорелин, можно ли ему верить? Йомар был об этом человеке невысокого мнения, да и сам Дамион не мог бы довериться ему с легким сердцем.

Он сел на плоский камень рядом с тропой. Ветерок вдруг донес приятный запах, и Дамион, повернувшись, увидел небольшое изогнутое деревце «пищи богов» в трещине между камней. Он протянул руку и тронул плод. Правда ли то, что говорила Эйлия? Может ли сок этих плодов действительно вызывать видения по заказу? Не для того ли используют его прорицательницы? Что если попробовать — не увидит ли он будущее, не возникнет ли понимание, что оно держит в своих закромах для них для всех? Йомар эту идею отверг, Мандрагор сказал, что она слишком опасна. Но Мандрагору не во всем можно верить, а Дамион достаточно отчаялся, чтобы пробовать все что угодно. На самом деле золотой плодик уже был у него в руке: он упал со стебля, зрелый и тяжелый, от одного прикосновения, и лежал теперь на ладони, будто приглашая следовать своему желанию — попробовать, увидеть самому... Дамион надорвал кожицу ногтями — мякоть была сочная, как у нектарина, источала медового цвета сок, стекающий по пальцам. Дамион посмотрел на них нерешительно, потом поднес к губам и облизал. Рот наполнился сладостью, свежестью сорванной ягоды на солнечном лугу, и вдруг странно закружилась голова. Дамион обмяк, прислонившись спиной к валуну.

Когда он пришел в себя, оказалось, что солнце уже село.

Небо было темнее, чем он здесь видел — иссиня-черное, мерцающее звездами. И луна тоже светила, но уже была не растущим полумесяцем: яркий серебряный диск с зеленоватыми пятнами, как патина, и накрытый любопытными крапинками и клочьями белого. А над всем этим были кометы, десятки комет, скользящих по небу и тянущих за собой пылающие хвосты по черному своду. Были великаны вроде Великой кометы, другие поменьше — наверное, более далекие. Никогда он ничего столь прекрасного и столь ужасающего в небе не видел.

Дамион вскочил на ноги. Склон покрывал свежий слой снега, но дыхание холода не ощущалось. Глядя в недоумении на белый склон, он заметил всадника, который ехал в его сторону. Всадник был одет в угольно-черную броню и шлем странного вида, с забралом в форме человеческого лица, с лепными стальными чертами и зияющими дырами вместо глаз. Защитный шлем лошади имел форму рогатой головы дракона. Рыцарь пришпорил коня прямо

на Дамиона, будто собираясь затоптать его. Дамион отпрыгнул, и лошадь галопом пролетела мимо, но всадник не стал натягивать поводья и поворачивать для новой атаки. Он просто поехал дальше по тропе к воротам в город.

Дамион повернулся, глядя ему вслед, и увидел, что рассыпавшаяся башня чудесным образом восстановилась. Облицованная теперь тонким мрамором, она ярко блестела в незнакомом свете луны. Дамион, смотря во все глаза, тоже пошел по тропе к воротам. И прошел внутрь, на улицы Лиамара.

Развалин не было. Вокруг поднимались высокие дома из белого мрамора. За побеленными снегом крышами возвышался огромный купол храма, невредимый, сияя позолотой меж пятнами снега. Улицы кишели народом, все одеты в свободные платья вроде тог и подбитые мехом плащи. Воздух гудел, как в улье, — Дамион даже вспомнил свои последние дни на Яне. Эти люди покидали город — не в панике, но как можно быстрее. Позади Дамиона раздался звук, подобный фанфарам, громко и отчетливо; священник резко повернулся — и остался стоять с разинутым ртом. На него с дальнего конца улицы двигалось что-то огромное и неуклюжее. Эта тварь размахивала змеевидным хоботом, который и издавал трубные звуки, и хлопали подобно крыльям большие круглые уши. Еще это создание было покрыто густым коричневым мехом. Шерстистый слон, как те, что бродят на севере Шурканы. Дамион слыхал, что эти звери не приручаются, но у этого на шее сидел погонщик в ливрее, положив руку на шерстяной купол головы, а на спине громоздился балдахин с алыми занавесями. Огромный зверь прошествовал мимо, и странный свет каменных ламп блеснул на мощных бивнях, не уходящих вниз, как у обыкновенного слона, а изогнутых вверх, как натянутые луки. Дамион вытянул шею, вглядываясь в занавеси балдахина, но не смог увидеть ни что, ни кто там внутри.

Но он видел людей на улицах, а на некоторых даже таращился в изумлении. Впервые человек его поколения видел элеев во всем блеске их величия. У Дамиона заныло сердце при виде их. Не то чтобы они не были похожи на людей — скорее именно так и должны выглядеть люди, а все прочее кажется по сравнению с ними грубой и слабой имитацией. Они вроде бы были все не одной расы, и цвет кожи варьировался от фарфорово-белого до бронзового, но все, помимо необычайно высокого роста, отличались еще изяществом пропорций, благородством черт лица, которое изредка можно увидеть на идеализированных изваяниях. Каменные изображения, оставшиеся после них, не льстили им, но честно отражали их

внешность. Первобытный варвар вполне мог хлопнуться перед ними ниц, приняв за богов! А эти прохожие на него не смотрели и с ним не заговаривали. Как будто он был дух, и при том самый бесплотный из духов — призрак будущего. Для этих людей он не существовал, его еще просто не было. Если бы эти уходящие паломники могли его видеть, он бы рассказал им о судьбе города, о катастрофе, которая обрушится на Тринисию и внешний мир. *Великое Крушение.* Он смотрел на мраморные стены и башни, мысленно видя опустелые развалины, в которые им суждено превратиться. Он был пророком судьбы, лишенным голоса.

Дамион шел по людным улицам, наполовину ожидая, что его кто-нибудь заденет плечом, встретится с ним взглядом. Однажды на балкон странноприимного дома вышла красивая девушка с длинными золотыми волосами, одетая в платье небесного цвета. Она посмотрела в сторону Дамиона, и лицо ее озарилось узнаванием; он уже открыл рот заговорить, но тут увидел, что ее взгляд адресован не ему, а юноше в зеленом плаще у него за спиной.

Это не было похоже на видения, которые бывали раньше: сейчас все, на что он смотрел, имело точные очертания будничной реальности. «Пища богов» выполнила его желание: он был невидимым наблюдателем ушедшей эпохи, свободным перемещаться куда хочет. Он мог пойти во дворец и увидеть королеву фей на троне, мог пойти в старую библиотеку и подобрать давно утерянные знания элеев.

«Камень Звезд! Я могу пойти в храм и посмотреть на Камень Звезд, узнать, как он выглядит!»

Дамион поспешил к огромному куполу.

Выйдя на заснеженную площадь, он увидел сбоку высокое здание с колоннами, очевидно, библиотеку сивилл. А на другой стороне высилось великолепие мраморных башен и развевающихся флагов: дворец в славе своей, трон правителей мира — в том самом городе, в развалинах которого однажды укроются Дамион и его друзья. Он повернулся к Храму Небес, к его заснеженному куполу. На портике стояли каменные ангелы, расправив еще не отломанные крылья. И два грифона — херувима, поправил он сам себя, — отполированные до слепящего сияния меди, и чаши меж их лапами горели священным огнем.

Стражи Света.

Кто-то рядом с ним вскрикнул и показал на небо. Все головы поднялись вверх, в том числе и Дамиона.

Огромный сверкающий предмет нырнул с неба вниз, оставляя за собой султан дыма и пламени. А над ним еще один, и еще

один, и еще, и еще. Это были падающие звезды, но какие огромные! Дамион стоял, завороженный, но тут воздух наполнился воплями.

Прямо на его глазах первый пылающий шар рухнул в далекое заледенелое море с оглушительным ревом и в огромных клубах пара, засеребрившихся под луной. Но звезда, хотя огонь ее погас, не все еще сделала, что могла. Через миг Дамион скорее заметил, чем почувствовал, содрогание горы под собой. Людей сбивало с ног, они с криками падали в снег. По стенам побежали трещины, вспыхнули пожары. Дамион повернулся — и увидел с чувством обреченного, что белые колонны библиотеки объяты дымом и их лижет пламя; три колонны, которым суждено было остаться одним навеки, отделились от других расширяющейся трещиной. Внутри огненной смертью погибало элейское знание. На юге поднялись столбы дыма и пламени, будто кто-то разжег гигантские костры в низинах. Но недолго суждено было им гореть: прямо на глазах движущаяся стена воды под чудовищным белым гребнем обрушилась на побережье.

А Лиамар горел. Дома обращались в раскаленные докрасна печи, башни вспыхивали факелами. Горящие угли мотало ветром по небу, бросало на крыши, которые пока еще избежали огня. Для наблюдателей снизу Элендор должен был казаться вулканом, изрыгающим огонь и дым в ночное небо. Город на вершине выгорал дотла. Растаявший снег журчал ручьями по канавам. Люди бежали по улицам с воплями, к воротам, вниз по склону. Но были и другие — с изуродованными и жестокими лицами, нечеловеческими, омерзительными — эти бежали с мечами и дубинами в руках. Они воспользовались Крушением, чтобы обрушить на элеев месть.

В небе заполыхали красные языки пламени, и оно не было рождено бушующим внизу пожаром. Что-то большое и черное рухнуло вниз, раздирая дымовую завесу. Огненное дыхание этой твари смешивалось с мерцанием пылающих углей внизу, освещая ее костистые крылья и чешуйчатую броню боков. Она пронеслась низко над городом, как летал уже во времена Дамиона алый дракон. Только вот этот был куда больше и весь черный, кроме брюха, красного как кровь. Он опустил голову вниз, и сквозь зубастую пасть вылетел клуб пламени.

Огнедракон.

Да, такого нетрудно испугаться, хотя сейчас Дамион инстинктивно чувствовал, что в его бестелесном образе ему ничего не грозит. Еще несколько таких тварей кружили в небе, подобно воронам, ловя восходящие потоки от пожарища. Дамион с трудом ото-

рвал глаза от страшного разрушения и бросился бежать. Он должен попасть в храм.

На верхней ступени стояла высокая стройная женщина в белом, и серебристо-белые волосы свободно спадали из-под повязки. Высшая прорицательница, наверное, или женщина благородного сословия: лицо ее не было скрыто вуалью. Группа омерзительных человекозверей вбежала по лестнице, и она прогнала их, выставив руку спокойным жестом отказа. Какую-то непонятную силу излучала она, невидимую, как ветер. Длинные светлые волосы относило назад порывами жара от горящего города, но даже летящие угли не могли ее тронуть. И все же нападавшие не бросились бежать в страхе, но остановились и стали ждать. Что они почуяли? Что силы ее надолго не хватит?

Но сам Дамион мог подняться по лестнице незаметно. Он побежал вверх. Внутри огромного здания метались в смятении женщины в белом и под вуалями. Многие встали вокруг центрального святилища, окруженного свечами в золотых канделябрах, курильницами и вазами с цветами. Дамион видел, как несколько сивилл бросились к статуе Эларайнии и открыли дверь, ведущую в святилище. Он поспешил за ними. Бронзовые двери в конце коридора стояли распахнутые. Он увидел святилище: гирлянды свежих живых цветов, синий балдахин со звездами.

— Камень! — крикнул женский голос. — Камень!

И на глазах у Дамиона сивилла раздвинула звездные занавеси и подняла какой-то белый футляр, похожий на алебастр, украшенный вырезанными изображениями лучистых звезд. Внутри — Камень Звезд внутри, в этой коробочке! Когда сивиллы проходили мимо, Дамион безуспешно попытался схватить его своей нематериальной рукой — Камень был в их времени, а не в его. Он мог только смотреть с бессильной досадой, как его уносят.

Мандрагор был прав. Камень действительно вынесли из святилища. Но куда же понесли его сивиллы?

Он последовал за носительницами Камня в главный храм. Там теперь стояла группа рыцарей в серебристой броне, и у каждого на синем плаще вышита белая звезда. Один из них принял футляр, обернув его полой плаща. Высокая женщина в золотой повязке тоже была здесь, и она обратилась к рыцарям голосом высоким и чистым, но полным настойчивости.

— Идите, — повелела она, — и защита богов да пребудет с вами! Я же останусь, чтобы враг верил, будто Камень все еще в святилище.

— Да, ваше величество.

Рыцари низко поклонились, и Дамион уставился на женщину, поняв наконец, кто это: сама Элиана, повелительница элеев и правительница прежнего Содружества.

Снова заскрежетали херувимы, когда рыцари с обнаженными мечами бросились прочь из храма. Клинки засверкали на свету: они были не из металла, но из хрусталя, прозрачного, как стекло. Он побежал за ними вниз по храмовой лестнице, в город. Глядя на суматоху внизу, он увидел, как люди в доспехах спешат через площадь со своей ношей.

За ними, за ними! Посмотри, куда они его отнесут!

Голова Дамиона была теперь вровень с толпой, и ему стало не видно паладинов. Он определил общее направление, куда они двинулись, но только через несколько минут он смог увидеть их снова — они спешили по узким улицам. Он припустил за ними, радуясь, что толпа его не задерживает и антропофаги тоже не повредят его нематериальному телу. Город чадил и плевался углями, как горн, а в небе продолжали вспыхивать падающие звезды. Ветер поднимал пепел пожарища, смешивая его с пеплом от звезд.

На полпути через площадь Дамион увидел, как проскакал рыцарь в черном и натянул поводья коня. На мгновенье конь и всадник застыли, как статуя из тусклого черного металла, возникшая на площади по волшебству, потом гору сотрясла дрожь, конь всхрапнул и стал косить глазом, замотал головой в броне, странно напоминавшей морду рептилии. Человек снял шлем и сидел в седле, глядя на храм. Огни пожара осветили его лицо, и Дамион остановился как вкопанный. Эти красно-золотые длинные волосы, убранные назад и завязанные в пучок, эти резкие, резные черты...

Мандрагор!

Значит, Мандрагор как-то был здесь в прошлом, участвовал в этом сне. Он тоже съел плод амброзии? Дамион окликнул его:

— Мандрагор, что случилось? Как мы...

Но Мандрагор просто не замечал его и продолжал смотреть на ту сторону площади. Потом он пришпорил коня, и Дамион шагнул назад, когда конь и всадник проехали медленным шагом мимо, будто его здесь и не было.

— Мандрагор! — крикнул он и побежал следом.

Всадник не замедлил шага, не оглянулся. Дамион бросился вперед, заступил ему путь, крича и размахивая руками. Мандрагор продолжал ехать прямо на Дамиона. И снова священник отскочил с дороги, но протянул руку, чтобы схватить за стальную перчатку проезжающего всадника.

Рука его прошла сквозь сталь и тело, как раньше через футляр, хранящий в себе Камень Звезд.

Дамион глядел, как Мандрагор едет по площади. Подъехав к группе антропофагов, он остановился, что-то крикнул им на лающем незнакомом языке. Уродливые воины выслушали его и склонили головы. Он надел шлем и поехал прочь.

Дамион ахнул. Мандрагор не был здесь призрачным гостем, как он сам. Антропофаги на него реагировали, а Дамион не мог его коснуться. Каким-то образом, каким-то невероятным волшебством этот немерей *вошел* в прошлое, включился в него. Дамион было бросился за ним, но передумал, вспомнив несущих Камень рыцарей. Он обернулся — паладины уже сворачивали за угол и скрывались из виду. Тихо выругавшись, он оставил мысли о загадке Мандрагора и припустил за Камнем.

Обежав угол, он увидел, что на рыцарей насела целая толпа антропофагов.

Дамион стоял и беспомощно смотрел, не в силах вмешаться. Перед его полными ужаса глазами мелькали мечи, красные не только от пожара. Хрустальные клинки паладинов были тверже любого алмаза: они глубоко врезались в тела нападавших, отделяя руки и ноги, перерубая направленные против рыцарей стальные мечи. Глазам Дамиона они казались вспышками синего огня.

Но на место одного убитого антропофага становились десять других. Один за другим рыцари падали, одолеваемые превосходящими силами противника, и огни пожара блестели на красных расширяющихся лужах, пропитавших снег. Все рыцари пали, кроме одного: рыцарь в плаще, носитель Камня, все еще бился как одержимый. Он прорубился сквозь орду, и Дамион увидел, как он спешит к западному пику вершины. Зачем туда? Но тут Дамион заметил там устье пещеры в скале, и именно туда стремился одинокий паладин. Несколько антропофагов увидели, как он вырвался, и бросились в погоню. Но остальные были слишком заняты трофеями битвы и ликующе выли, сдирая с поверженных паладинов серебряную броню, подбирая оружие и выискивая теплые еще тела.

А на вершине горы горстка антропофагов, гнавшихся за уцелевшим рыцарем, билась за свою жизнь. Но их было слишком мало, чтобы выстоять против этого человека. Синей молнией мелькал хрустальный меч, выбивая их оружие, и двое уже лежали у его ног мертвые. Остальные отступили, передумали и бросились назад, к своим товарищам. Их тревожные крики наконец привлекли внимание других антропофагов, и они все как один обернулись к рыцарю, бегущему к пещере.

— Камень! Камень!

Был это голос самого Дамиона или чей-то еще? Потом он никак не мог вспомнить с уверенностью. В следующий миг видение милостиво кончилось...

И он открыл глаза и понял, что сидит все на том же камне. Тени не сдвинулись, солнце все еще светило. Ни секунды не прошло за время его путешествия в век элеев. Ужас, охвативший разум, отступил, растаял под волной радостного удивления.

Его желание было удовлетворено. Он знал теперь, где Камень.

18
Царь драконов

— И ты хочешь, чтобы я тебе поверил? — сказал Йомар, прищурясь.

Мохарец устал и начинал сердиться. Он работал усерднее всех прочих, так решительно он был настроен не дать зимбурийцам ни одного шанса на победу. И вот приходит этот Дамион, шатавшийся в развалинах, как помешанный колдун, и заявляет, что в чудесном видении ему открылось, где Камень.

— Такое бывает от горного воздуха, — успокоил его Йомар. — Видишь то, чего нет. У многих солдат были такие глюки, когда мы переходили хребет Канья в зимнюю кампанию в Шуркане. На высотах воздух разрежен, и с мозгами, бывает, творится чертовщина.

— Дело не в горном воздухе, — возразил Дамион и рассказал про плод. — Лорелин все время была права. Ответ — дерево.

— Ответ? Да ты просто наелся дури, — с отвращением бросил Йомар.

— Это не дурь, это магия, — поправила его Эйлия.

— Магии не бывает! — отрезал Йомар.

— Йо, — убедительно начал Дамион, — я не жду, что ты это поймешь, потому что я сам не понимаю. Но дурь это или нет, я уверен теперь, что Камень на вершине, в горе. Я туда поднимался, и там действительно есть вход в пещеру, а за ним — туннель.

— Значит, ты его раньше видел.

— Клянусь тебе, что нет. — Дамион оглянулся на разрушенный город. Он был гол, как кость, очищенная прошедшими веками от всех следов жизни. Даже намека не осталось на прошедшие

ужасы — те, которым он был свидетелем, — даже следа от былой красоты. Но он же видел этих людей, видел своими глазами, как они жили и погибали, он будто даже знал их. Что сталось с сивиллами, с девушкой в синем и с ее возлюбленным? Если все они погибли, то пусть это будет не напрасно. — Город мы обыскали, его здесь нет. Нам понадобятся факелы...

— Нам?

— Да ладно, Йо, давай хоть попробуем! Если я прав, получим Камень, а если нет, ты позлорадствуешь от души. Или у тебя есть план получше?

У Йомара такового не нашлось. Не имея возможности найти в плане Дамиона серьезных недостатков, он стал цепляться к подробностям.

— Ладно, а откуда ты знаешь, что его не вынесли из пещеры потом?

— Единственный способ узнать — посмотреть. — Дамион не стал говорить, что в прошлом он видел Мандрагора. Способность Йомара верить и без того достаточно была напряжена на сегодня, да и сам он уже не был до конца уверен, что тот человек был именно Мандрагор. В конце концов, говорят же, что у каждого где-то есть двойник. Может быть, он просто видел кого-то из дальних предков Мандрагора. — Я просто предпочел бы не идти один на случай, если там провалы, ямы и прочее.

— Я пойду с тобой, — предложила Лорелин.

— Нет, там может быть опасно. Сперва мы с Йомаром проверим.

— Ладно, — произнес Йомар, сдаваясь. — Вряд ли это хуже, чем продолжать тут копаться в мусоре. Я все равно думаю, что ты псих, но ничего другого предложить не могу. Пошли.

Эйлия прикусила губу:

— А что если придут зимбурийцы или...

— Мы недолго, — перебил ее Дамион. — Так что выше нос! Сидите здесь и поглядывайте, не появится ли Ана. Может, она сюда доберется, а у нас к тому времени уже будет Камень.

Подземный ход, ведущий от устья пещеры, вскоре разделился на два. Один проход с вырезанными ступенями вёл вверх, как винтовая лестница, и Дамион с Йомаром решили, что он идет к вратам луны на вершине. Другой, с неровным полом, уходил вниз. Дамион и Йомар решили пойти по нему. Держа в руках факелы, взятые из зимбурийских вьюков, они стали осторожно спускаться. Свод был низок, и приходилось почти все время идти согнувшись.

Казалось, что идти приходится вниз по кишкам горы — частые узкие повороты вызывали легкое головокружение. Целую вечность протискивались они в этот узкий ход, но наконец оказались в большом подземном зале. Наверху — неровный скальный свод, справа — очередной туннель в черноту.

— Еще этого не хватало! — пожаловался Йомар. — Так он и будет тянуться и тянуться. Может, бросим прямо сейчас?

— Мы должны идти дальше, Йо. Ты же не хочешь, чтобы Камень достался зимбурийцам?

Дамион от отчаяния готов был пуститься на любые ухищрения. Йомар зловеще помолчал секунду, глядя в темное отверстие входа.

— Такое чувство, что мне становится на это наплевать, — буркнул он. — На самом деле все это ради ничего. Халазар все равно начнет войну, что бы ни было, и вряд ли будет какая-то разница от наших действий.

— Вот это как раз говорил Мандрагор, — ухватился за его слова Дамион. — Так ты с ним согласен?

Йомар заиграл желваками. Он готов был на что угодно, но не на согласие с Мандрагором.

— Пусть Халазар объявит войну, если хочет, — продолжал Дамион, — но это еще не значит, что солдаты пойдут воевать по его приказу. Ты же был в этой армии, Йо. И ты думаешь, что эти люди способны воевать, если не боятся своего предводителя? Представь себе, что Халазар вернется отсюда с пустыми руками после всего своего бахвальства. Это же все, ему тогда конец.

Йомар промолчал. Потом, так и не сказав ни слова, он встал и пошел впереди по второму туннелю. Так и было, как предвидел мохарец: туннелю не было конца. Дамион вспомнил катакомбы и ощутил тот же панический страх, желание во что бы то ни стало немедленно увидеть небо и деревья. Он старался сдержать это чувство, овладеть собой, но это требовало усилий. И он уже почти поддался панике, когда вдруг туннель открылся в зал, больше чем первый. Дамион и Йомар остановились, всматриваясь в глубину. А потом лишились дара речи, увидев, что перед ними.

Невообразимые сокровища наполняли пещеру от края до края, наваленные грудами на полу, — древние богатства элеев. Были здесь монеты, браслеты, кубки и диадемы; соблазнительно блестело золото, играли как иней драгоценности. Большие хрустальные шары, урны, обрамленные жемчугами, ожерелья, как бриллиантовые паутинки, ограненные рубины краснее огня и неограненные, как сгустки крови. Покрытые резьбой громадные бивни шер-

стистых слонов, огромные слезы медового янтаря и неимоверные скопления кристаллов граната. Стояли рыцари из мрамора или обсидиана возле своих каменных коней, и все подробности облика людей и коней были точно переданы резцом скульптора до полного жизнеподобия, если не считать, что у людей не было рук — потому что это были манекены, поддерживающие еще более ценные сокровища: высокие шлемы с гребнями и кольчуги из золота или серебра, либо броневые нагрудники, плащи и чепраки витого золота, ножны, из которых торчали украшенные каменьями рукояти мечей. Очевидно, церемониальные доспехи — такая красота вообще не предназначалась для поля боя.

В просторной камере было абсолютно тихо, если не считать едва заметного шелеста — быть может, ветер играл в трещине где-то далеко вверху. На долгие минуты друзья застыли недвижно, потом вместе бросились вперед.

— Конечно! Королевская казна! — воскликнул Дамион. — Вот почему мой рыцарь сюда направился! Где еще лучше спрятать драгоценность, как не в полном зале самоцветов? Тут можно искать годами, и ты так не будешь знать: а тот ли камень нашел?

«А мы-то как его найдем? — подумал он. — И это если он еще здесь».

Но его спутника ни капельки не интересовала легендарная драгоценность, когда столько их лежало вокруг. Темные глаза блестели, он копался в сверкающих кучах, набивая карманы камнями, брошками, розоватыми жемчужинами размером с виноградину.

— Поверить не могу! Да я бы мог купить себе свободу за один такой камешек! — хрипло выкрикнул Йомар, выхватывая из кучи на полу золотой слиток. — А на это посмотри! И на это!

Он подобрал кинжал с рубиновой рукоятью и поднес к свету факела. Тусклые красные огни в глубине камня, пробужденные пламенем, казалось, что-то говорят. Йомар бросил кинжал, чтобы схватить перевязь мраморного рыцаря. Устроив факел на полу, он схватил одной рукой ножны, а другой взялся за золоченую рукоять и вытащил клинок. Тот странно заблестел в свете факела, и стало видно, что он сделал не из стали, но из прозрачного хрусталя или стекла.

— Что за... — поперхнулся Йомар, уставясь на меч.

Дамион посмотрел на оружие. По золотой рукояти вились изображения драконов. Это даже трудно было назвать оружием — скорее, произведение искусства.

Йомар пожал плечами:

— Стеклянный меч. Церемониальный, наверное. Красиво, но бесполезно.

— Да нет, Йо, это меч паладина.

— Бери его себе, если хочешь. А я поищу настоящий, который режет.

Дамион опустил факел на пол и взял меч. Он был куда легче зимбурийского оружия — его можно было держать одной рукой.

— Он режет, Йо. У всех паладинов были такие мечи, и они ими воевали. Клинок не стеклянный, а алмазный. Алмаз режет почти все. — Дамион осторожно тронул край блестящего лезвия, но все же порезался. — Может быть, это меч самого короля Андариона. У него была золотая рукоять с драконами, как вот эта, так говорят легенды. Давай, выставь свой меч вперед.

— Что ты лепечешь? — буркнул Йомар, но вытащил меч из ножен и встал в стойку. Дамион поднял хрустальный клинок над головой и махнул им вниз. Раздался звон, сноп синих искр — и Йомар, выругавшись, отскочил назад. Зимбурийское оружие оказалось аккуратно обломанным у рукояти, прорезано насквозь, как брусок мягкого дерева.

— Вот, видишь? — Дамион достал свой собственный зимбурийский меч и бросил Йомару рукоятью вперед. — Алмаз. Говорят, что это лезвие в руках паладина играло огнем.

— Валдуровы зубы! Поверить не могу, — просипел Йомар, не в силах оторвать глаз от рассеченной стали.

Дамион поднял свой факел левой рукой и пошел по пещере. Его взгляд привлекло что-то — небольшое, светлое и поблескивающее в тусклом свете. Глаза у него полезли на лоб.

— Йо! — выдохнул он, роняя хрустальный меч на каменный пол. — Вот он!

— Кто он?

— Камень, — ответил Дамион, направляясь к какому-то предмету. — Футляр, коробочка, в которой он был. Та, которую я видел в грезе...

— *Что? Где?*

Дамион не ответил: в своем стремлении он уже направился в сторону основной массы сокровищ. Когда он подошел поближе, свет факела отразился от огромной кучи красного золота, а на дальнем конце ее лежал вроде как опал размером с кулак. Свет факела разбудил в нем игру огней. А еще чуть дальше виднелись два острия слоновьих бивней — или рогов носорога, торчащих из кучи. Но Дамион даже не отвлекся на все это — он не сводил глаз с футляра.

Несомненно, это он и есть. Антропофаги, значит, пропустили его, обшаривая сокровищницу. Алебастровый ковчежец, содержащий Камень — он все еще здесь, хоть столько времени прошло.

Так велико было радостное волнение, что сперва он не обратил внимание ни на гулкий бухающий звук в этом конце пещеры, ни на странный запах, сладковатый и едкий, как курящееся благовоние. Он шагнул еще раз — и остановился как вкопанный.

Куча красного золота шевельнулась.

Это не было игрой неверного света. У него на глазах по куче еще раз пробежала медленная дрожь, чуть звякнули сдвинутые монеты и камни. Часть кучи, где лежали опал и два слоновьих бивня, зашевелилась, чуть приподнялась и снова с гулким вздохом и тяжелым гулом улеглась на место.

Перед Дамионом была двурогая голова и распростертое тело дракона, спящего на груде сокровищ.

Дамион застыл в оцепенении. Он теперь видел этот глаз, прикрытый тонким рубиновым веком, видел чешуйчатый красно-золотой бок, который ритмично поднимался и опадал. Тихое завывание ветра — это было дыхание чудовища. Дамион оглянулся на Йомара. Мохарец тоже смотрел на страшного зверя, которого осветил факел товарища. Губы Йомара безмолвно произнесли: «БЕЖИМ!»

Дамион застыл в нерешительности. Йомар прав, надо бежать, пока не проснулась эта громада. Но как же Камень?

Алебастровая коробочка лежала в нескольких шагах, окруженная телом дракона. Камень Звезд. Ради него он рисковал жизнью, более того — убивал сам. Как же он может уйти и бросить его здесь?

Дамион неуверенно шагнул вперед — и остановился. Футляр был совсем рядом с драконом, ближе к голове, чем к хвосту. Он лежал на расстоянии вытянутой руки от самых челюстей зверя и так же близко к вытянутой лапе. Но дракон спал. Может быть, получится тихо украсть ее, схватить коробочку и утащить, не разбудив чудовище. А если оно проснется... нет, об этом думать нельзя. То, что надо сделать, надо сделать сейчас.

Дамион медленно двинулся вперед. Про себя он смутно отметил, что сердце почему-то бьется в горле, а не в груди.

Йомар за спиной стоял недвижно и, не веря своим глазам, смотрел, как приближается Дамион к дракону. Мохарец открыл рот, но ничего не сказал, сообразив, что от этого дракон может проснуться. Положив руку на рукоять зимбурийского меча, он осторожно вытащил его из ножен и придвинулся ближе к дракону.

Дамион едва осознавал присутствие Йомара. Хвост дракона, толщиной с молодое дерево, лежал прямо перед ним. Дамион перешагнул его, в круг страха, и остановился. «А если он нас учует?» От одной этой мысли прошиб пот. Вряд ли Йомар сумеет убить дракона: пластинки чешуй выглядели как броня, и если ударить, он скорее всего просто очнется, и это решит судьбу и Йомара, и Дамиона. Молодой священник на миг застыл, потом снова двинулся вперед. В шести шагах от него шевельнулся во сне коготь, царапнув пол со звуком стали по камню. Дамион отключил мысль и зрение от дракона, сосредоточившись только на белой коробочке, измеряя расстояние, которое нужно еще пройти.

«Можно прыгнуть туда и обратно за две секунды! Давай!» — велел он себе.

Йомара сзади не было слышно. Неужто мохарец сдался и отступил? Хотелось на это надеяться — ради женщин хоть один из них должен уцелеть. Не смея обернуться, Дамион шел вперед. Еще два шага, и Камень у него в руках. Он сунет его в сумку на боку и бегом, бегом...

Тело дракона окружало его кольцом, и он не смог удержаться, чтобы не взглянуть. Размером со слона, только не такое широкое и куда как длиннее. Огромная голова с длинными челюстями и чешуей, как у пресмыкающегося, но длинные рога, как у быка, и два остроконечных уха. За головой шейное кольцо вроде оборок, дальше воротник, как мех, цвета ржавчины, и куст шерсти на подбородке, как козлиная борода. Крылья, как у нетопыря, только другого цвета и размера: огромные паруса полупрозрачной алой пленки, натянутые на тонкие кости скелета. Сейчас они были наполовину сложены и лежали кожистыми складками на спине зверя. Толстая броня налезающих друг на друга чешуй покрывала тело дракона, красно-золотистая на боках и темно-красная на спине, а чешуя на спине — как кованая золотая броня. Ряд пластин в виде ножей выстроился гребнем вдоль позвоночника от начала шеи до конца хвоста, развернутого многолистным веером как у геральдической рыбы.

Пресмыкающееся, млекопитающее, птица, рыба — странная смесь всех этих свойств, но почему-то он напомнил Дамиону гигантское насекомое. Огромные крылья переливались металлической радугой, как у бабочки или как надкрылья жука, пара длинных усов из носа качались из стороны в сторону, как антенны муравья. Круглая опалесцирующая чешуя на лбу, которую Дамион принял сперва за камень, будто глядела на него как третий глаз. Огромный, причудливый, совершенно непонятный зверь лежал перед

ним, опасный даже во сне. Дамион глядел на него со смешанным чувством ужаса и восхищения.

Футляр! Он прямо под ногами. Едва осмеливаясь дышать, Дамион наклонился и подобрал его, ощущая кожей лица теплое дыхание дракона. Очень хотелось открыть коробочку и взглянуть на Камень, но желание убраться подальше от дракона было сильнее. Он начал свое долгое отступление, все еще не отрывая глаз от дракона, двигаясь на ощупь...

Глаз дракона открылся.

Дамион застыл.

Целую вечность он глядел в этот огромный шар. Зрачок был чернее обсидиана, чернее мрака сердца горы, и окружен тонким золотым кольцом. Он зиял, как отверстие в бездонные глубины. Странно закружилась голова, ноги приросли к полу.

— Дамион!

Крик пришел откуда-то сзади, голос Йомара. Дамион стряхнул с себя оцепенение и бросился назад, будто от края пропасти. Сунув футляр в дорожный кошель, он повернулся бежать. Йомар оказался рядом с поднятым мечом.

Медленным, почти ленивым движением дракон поднял голову и с кожаным шорохом расправил крылья. Их чудовищный размах наполнил пещеру, кровля заиграла переливами алого шелка. Дракон сложил крылья и пополз вперед. Туша его блестела тускло-красным в свете факелов, и чудовищная тень на стенах повторяла ее движения.

Йомар завопил, но дракон не обратил на него внимания — его интересовал только Дамион и футляр. Медленно-медленно он продвигался вперед ленивыми движениями кота, знающего, что добыча никуда не денется. Эта неторопливость была хуже любого резкого нападения — хотя Дамион знал, что и это может случиться в любой момент — страшно и быстро, как молния. Он отступал, дракон надвигался, и страшную тишину нарушало лишь рокочущее дыхание чудовища.

Дамион отбросил факел и кинулся за алмазным мечом. Перекатился, сомкнул пальцы на рукояти и успел его поднять, когда дракон прыгнул. Челюсти раскрылись. Горячее дыхание коснулось лица Дамиона, и пахло оно не гнилостной вонью из пасти хищника, а сухо-сладким, пьянящим ароматом, от которого закружилась голова и поплыло перед глазами. Дамион споткнулся, и дракон выбросил вперед лапу. Она не ударила Дамиона, но меч выбило из его руки, и он зазвенел по полу. Дамион отшатнулся назад, дико озираясь.

— Беги! — крикнул Йомар, устремляясь вперед с поднятым мечом.

Дракон остановился, подобрался. Он прижал уши, глаза сузились, и сразу в нем появилось больше от кошки, чем от рептилии. Меховая грива лисьего цвета будто ощетинилась. Из пасти послышались рычащие и шипящие звуки, похожие на какую-то жуткую речь, безумное заклинание на тайном языке. Огромные глаза распахнулись, до самого дна — тьма и огонь, будто и сами они были гигантскими и недобрыми драгоценными камнями, выкопанными из глубины горы. Дракон злобно глядел, но не на Йомара, а на хрустальный меч. Клинок светился, и не отраженным светом, а собственным, синевато-белым. Алмаз горел будто внутренним пламенем.

Дамион, придя в себя, бросился снова за своим мечом и сделал выпад. Дракон зашипел громче и попятился. Тут Йомар с криком ухватил Дамиона за вторую руку и потащил прочь.

— За мной! — крикнул он, показывая на дальнюю стену пещеры. Там было отверстие, вход в другую пещеру, едва видимый при свете факелов. Слишком узкий проход для дракона...

Они бросились туда вместе, со всех ног рванули по подземному ходу, а сзади ревел дракон, и стены пещеры дрожали эхом от его голоса, будто в морском гроте бушует шторм.

Когда Дамион и Йомар устали так, что бежать стало невозможно, они привалились, с трудом дыша, к стене туннеля.

— Дамион, — произнес Йомар, когда смог говорить, — я беру назад все слова, которые про тебя говорил. Да заткнись ты — это я пытаюсь извиниться! Я ошибался на твой счет, поп. Такой смеси идиотизма, глупости и *смелости* я в жизни не видел.

Дамиона эти слова согрели, но честность заставила сказать:

— На самом деле спас нас не я, это сам меч. В нем есть какая-то... сила.

Он с удивлением посмотрел на клинок. Странный огонь в лезвии погас, и меч снова стал прозрачней стекла.

— Знаю, видел. А где эта коробка? — спросил Йомар. — Давай глянем на этот камешек, ради которого с нас чуть шкуру не содрали.

Дамион достал из сумки алебастровый футляр. Хотя и небольших размеров, он был весьма тяжел. Дамион нерешительно, почти неохотно взялся за крышку. Сейчас он увидит то, чего не видел ни один из ныне живущих. Будет это чудо, как алмазный меч, или просто самоцвет, похожий на все прочие?

— Открывай давай, — бросил Йомар нетерпеливо.

Дамион поднял крышку, затаив дыхание. В молчании оба друга глядели внутрь.

— Пусто! — в отчаянии произнес Дамион.

19
Лунные врата

Лорелин! Лорелин, ты здесь?

Услышав призыв, Лорелин подняла голову. Голос говорил с ней как тогда в подземельях замка: не словами, а прямо в голове.

— Мандрагор? — ответила она вслух. — Ты где?

Совсем рядом. Через секунду ты меня увидишь.

Лорелин резко села, прислушалась. Ни звука не слышно было ни в главном зале развалин странноприимного дома, ни за стенами его, только тихо дышала Эйлия, которая прилегла отдохнуть на одеяло и задремала. Метелка куда-то ушла — на охоту, наверное. Лорелин было очень одиноко.

Вскоре послышались тихие шаги в коридоре за стеной. Лорелин выпрямилась, всматриваясь в полуосвещенную дверь. Чья-то темная фигура подошла и остановилась в проеме. В тени лица не было видно. Молчаливое приглашение скользнуло в мозгу мысленной лаской, передавая тревогу и беспокойство за нее, Лорелин:

Лорелин, ты должна пойти со мной.

— Почему ты говоришь мысленно, когда ты прямо здесь? — спросила она с пробуждающимся подозрением.

Он ответил вслух, но тихо:

— Тише — не разбуди Эйлию. Нам с тобой надо поговорить, Лорелин. Выйдешь со мной на минутку?

Она заколебалась, потом поглядела на бледное изможденное лицо Эйлии. Да, нехорошо было бы ее будить.

— Ладно, погоди минутку.

Лорелин протянула руку за плащом.

Они вышли на улицу. Небо хмурилось тучами, отдельные снежные хлопья падали на головы, на плечи, закрытые плащами.

— Лорелин, зимбурийцы уже близко, — сказал Мандрагор. — Их основные силы подходят к горе, я их видел. Надо отсюда уходить.

— Зимбурийцы! — воскликнула она. — Но мы еще не можем уйти, мы не нашли Камень! Если царь-бог...

— Камня давно нет, Лорелин. Его много веков назад увезли из Тринисии. Тебе никогда не найти его, но и врагам твоим тоже. У тебя нет причины здесь болтаться.

— И куда нам деваться? На этом острове нам нигде не скрыться. Разве что ты доставишь нас всех домой...

Он повернулся к ней лицом, положил руки ей на плечи.

— Я могу взять вас в Элдимию, Лорелин, — туда, где ты родилась. Где еще живут наследники элеев — твой народ.

— В Элдимию? Ты действительно можешь нас туда доставить?

Он кивнул. Она всмотрелась в его лицо:

— Мандрагор, скажи мне — ты тоже веришь, что я — Трина Лиа?

Он тяжело вздохнул:

— Да, верю. На самом деле я это уже не первый день знаю, и я надеялся освободить тебя от твоей судьбы, похитив и спрятав в безопасном месте. Теперь я вижу, что это было бесполезно. Я, как дурак, пытался бороться с судьбой. Больше я этого делать не буду.

— И ты увезешь нас на своем корабле? Я должна сбегать за Йомаром и Дамионом — они обследуют пещеру в горе. И Ана еще не появилась.

— Я не повезу Ану в Элдимию, и никого больше не повезу.

— Как? — воскликнула она и отступила назад, стряхнув его руки.

— Лорелин, постарайся понять. Ана должна вернуться к своему народу, к немереям. Она им нужна. У Дамиона и Эйлии есть друзья и родные в других землях. Йомар может поехать с ними. Ему придется теперь налаживать собственную жизнь, поскольку он свободный человек и ему нет дела до Элдимии.

Она пятилась, глядя на него настороженно:

— Ерунда. Как они доберутся до своей земли без корабля? Их *нельзя* здесь оставить!

Он отвернулся в сторону:

— Я здесь не один. У меня тут есть слуги и союзники. Они по моей просьбе доставят твоих спутников на континент. — Мандрагор подступил на шаг. — Верь мне, Лорелин. Пока мы говорим, твои враги подбираются все ближе. Ана тебе сейчас помочь не может. Поверь мне — я не хочу твоей смерти.

Он говорил мягко, убедительно. И все же Лорелин продолжала отступать.

— Кто эти твои слуги? Они здесь?

Он поднял руку к небу.

— Вот один как раз сейчас здесь будет. Смотри!

Лорелин подняла глаза вверх и вскрикнула в испуге. С облаков штопором спускался дракон — парил, расправив недвижно огромные крылья.

— Не бойся, — успокоил ее Мандрагор, беря за руку. Она попыталась высвободиться, но он крепко сжал ей пальцы. — Он тебя не тронет.

— Вот этот?

— Поверь мне.

Лорелин не могла освободить руку. Дикими глазами смотрела она, как дракон плавно опустился на площадь. Холодный ветер от крыльев поднял длинные волосы Мандрагора, раздул плащ, как будто этот человек тоже имел крылья. Отпустив руку Лорелин, он шагнул к огромному созданию цвета меди без всякого страха. Черная грива и борода чудовища взметнулись в воздух, когда двурогая голова повернулась к Мандрагору. Холодно блеснули глаза. Лорелин снова вскрикнула — на этот раз от непомерного удивления. Чудовище стояло перед Мандрагором ручное, как конь, тихо вздыхая громадными ноздрями. А он сам, стоя в потоке парного дыхания, потрепал рукой по чешуйчатой шее.

— Не может быть! — выдохнула Лорелин.

— А почему? Тебе разве Ана не говорила, что я — чародей? Тебе хотелось приключений — как тебе полет на драконе и путешествие в легендарную страну Элдимию?

Он снова пошел к ней, протягивая руку.

— Нет! — крикнула она. — Я не брошу друзей в опасности!

Повернувшись, она бросилась бежать, но он был быстрее. Поймав ее за одну руку, он перехватил и вторую, когда Лорелин повернулась и попыталась ударить его. Больше ни в голосе, ни в руках его мягкость не ощущалась.

— Прости, но у тебя действительно нет выбора.

Эйлия вздрогнула и очнулась от мрачноватого сна. Минуту она сидела, промаргиваясь, гадая, где это она вообще находится, потом нашарила свечу и огниво. Дрожащий свет не очень ее успокоил. Теперешнее место отдыха казалось ей тревожным, дрожь пробирала при мысли о множестве пустых комнат странноприимного дома — холодных, безмолвных свидетелях долгой истории. Даже во сне эти мысли не оставляли ее. Эйлия подняла свечу и увидела, что Лорелин в комнате нет и что она себе никакой постели не приготовила.

«Наверное, ей просто не спится, и она вышла подышать», — подумала Эйлия, но глубоко в душе зашевелилось беспокойство. Оглянувшись, она заметила, что плаща Лорелин тоже нет.

От огня, который мужчины развели в большом очаге, остались только тусклые угольки. Стоящий на каминной полке геральдический зверь, нечто вроде льва с загнутыми бараньими рогами, будто смотрел с язвительной усмешкой, как она ходит туда-сюда по комнате и переживает.

— Ана, Ана, почему ты не пришла? — простонала девушка. — Я для всего этого ну никак не гожусь. Что мне делать — идти искать Лори? И что мне делать... если мужчины не вернутся?

Сколько же она проспала? И сколько времени уже нет Дамиона и Йомара — давно, наверное? Может быть, *слишком* давно? Эйлия подумала отстраненно, что живое воображение иногда может быть проклятием — ужасающие видения несчастий носились перед ее глазами. Эйлия понимала, что она, как говаривала ее мать, «помирает прежде смерти». Нет смысла предполагать худшее. Скорее всего Лорелин надоели попытки заснуть. Но все равно надо выйти и поискать ее — просто чтобы успокоиться.

Эйлия вышла в коридор. От тусклой свечи в руках темнота впереди и позади казалась еще чернее. Но на улице оказалось, что свеча вообще не нужна. Выпал легкий снежок, ночное небо очистилось и покрылось звездами. Эйлия поставила свечу на ближайший камень и огляделась. Два пика горы закутались белым, в глубоких трещинах и на каменных карнизах длинными строками белого свитка нависли сугробы. Одетый снегом город будто восстановил свои мраморные мостовые, и рассыпающаяся кладка стен сверкала драгоценностями инея. В чистом холодном воздухе четко просматривалась каждая складка, каждая трещина на лесистых склонах и ледяных венцах Лунных гор. Над северными бастионами низко повисла половинка луны, такая большая и близкая, что чуть напрячь воображение — и почувствуешь, будто и в самом деле стоишь на пороге небес, рукой подать до Первой сферы. Высоко-высоко поднялся Фонарщик с Полярной звездой в руке. Эйлия смотрела, завороженная, и тут из-за гор возникло красное свечение, будто зарево пожара, и взметнулся зеленоватый, как лед, столб. Он замерцал, удлинился, превратился в широкое колесо, завертевшееся вокруг зенита, — полярное сияние, яркое и живое, несмотря на бледность неба. Прямо над головой.

Так это было красиво, что все страхи покинули Эйлию. Она глядела на сполохи, пока они не побледнели, оставив небо звездам и заходящей полулуне. Не удивительно, что элеи считали себя божественными, раз жили так близко к небу, жили здесь, на вершине горы, так высоко, как только могут жить люди, и только крылатые создания, птицы или драконы, могут подняться выше. Ей вспом-

нились легенды о крылатых кораблях элеев и рассказы Мандрагора о путешествиях верхом на ручных драконах. О, был бы сейчас летучий корабль или ручной дракон, чтобы поднять ее в это сияющее небо!

Поглядев на снег, Эйлия увидела, что у нее не одна тень, а две: нечеткая тень от луны и еще одна, еле заметная. Конечно, вторая — от Утренней звезды. Сине-белое сияние Арайнии сегодня соперничало с неполной луной. Эйлия глядела, завороженная, переводя глаза от еле уловимой звездной тени на эту планету и обратно.

Но Утренняя звезда снова навела на мысль о Лорелин. Эйлия огляделась. На снегу не было следов, значит, подруга ушла раньше, чем он выпал. Лишенные крыш развалины лежали в полной тишине. Эйлия неуверенно зашагала по белому ковру снега в безмолвных комнатах и коридорах, одна под высоким молчанием неба.

— Лорелин, Лорелин! — позвала она тихо и осторожно.

Ответа не было. Не могла девушка пойти в пещеру вслед за мужчинами? Такой безумный непредсказуемый поступок был бы вполне в ее духе. Эйлия замедлила шаг, взглянула в сторону темного входа, где днем скрылись мужчины. Ей совсем не понравился его вид. «Не могу я туда! — подумала она, охваченная страхом. — Не могу!»

Минуту она стояла, дрожа в нерешительности. Так хотелось снова услышать голоса своих спутников, ощутить их дающее уверенность присутствие. Они поймут, что делать с исчезновением Лорелин, они вернутся и снова возьмут все на себя, и все опять будет правильно. Она больше не будет одна...

Эйлия вернулась к своей свече и подобралась к отверстию пещеры, заглянула. Там начинался подземный ход, и она вошла, прикрывая рукой свечу, и шла до того места, где ход разделился на два.

Каменная лестница могла вести только к лунным вратам. Туда они не пошли бы. Поколебавшись, Эйлия выбрала коридор, ведущий круто вниз.

Она ни за что не могла бы потом сказать, сколько времени спускалась. Один раз она тревожно позвала: «Дамион! Дамион!» Но крик отразился эхом от стен и затих в темноте. Эйлия всегда побаивалась темноты, еще с самого детства. Сейчас она шла в глубины горы, и рука со свечой дрожала, отбрасывая на стены пляшущие тени...

«Ну-ка успокойся! — Эйлия закусила губу. — Бояться совершенно нечего!»

Когда она уже была уверена, что достигла самых корней горы, коридор кончился, и она оказалась в широком зале. С тревогой она

заметила, что огонек свечи горит очень тускло. Как же это она не взяла с собой запасную? Если она сейчас не найдет Дамиона с Йомаром, свеча погаснет, и она окажется в полной темноте...

Она ходила туда и обратно по бесконечным коридорам, выкрикивая имена спутников. Наконец она вышла по одному из коридоров к устью какого-то грота и заглянула туда, а потом отпрыгнула назад, чуть не уронив свечу.

Ей случалось читать о пещерах сокровищ, но реальность превзошла ее воображение. Робкий огонек ее свечи блестел на золоте и серебре, горел в сердцах ограненных камней. Она осторожно вошла в обширный зал, пошла от груды к груде, перебирая руками монеты и драгоценности, хотя ничего не клала в карман. Не ценность сокровищ ее манила, но просто присутствие таких редких и красивых вещей в таком ошеломляющем изобилии.

«Были они здесь до меня? Видели это?»

— Дамион! Йомар! — позвала она.

Ответа не было, только глухое молчание. Эйлия двинулась вперед, вытягивая перед собой свечу... и споткнулась об догоревший факел.

Подсвечник выпал из ее рук, с гулким жестяным звуком стукнув по полу. Огонек вспыхнул лихорадочно, затрепетал и потух.

Темнота нахлынула как наводнение, а с ней ужас, какого Эйлия не ведала в жизни. Один из первейших страхов детства стал явью: она заблудилась, одна и в темноте. В эти страшные секунды она отчаянно звала Йомара и Дамиона, а потом перестала, испугавшись эха, порожденного ее голосом. Как ей теперь добраться до коридоров, до этой каменной лестницы в непроглядной тьме?

— Дамион, Дамион, услышь меня, прошу! — крикнула она.

Она не ожидала ответа — и его и не было.

Потом глаза привыкли к темноте, и Эйлия поняла, что в этой камере не совсем темно. Мрак пронизывал еле заметный бледный свет. Как будто свет звезд — проникший, наверное, в эту глубину через какую-нибудь трещину в высоком своде. Но тут она заметила, что свет идет не сверху — скорее эти лучи исходили из-за большой груды сокровищ.

Эйлия стала двигаться туда, инстинктивно стремясь к свету. И когда нашла его источник между грудой и стеной, то забыла обо всем на свете.

Дыра как будто меньше ее ладони уходила в каменный пол — в самую ткань мира. Из этой крошечной отдушины лились потоки белого сияния, будто вихри из царства чистых лучей вне матери-

ального мира, из вселенной света. Эйлия ахнула и отшатнулась, моргая. Секунду она ничего не видела, ослепленная лучами, кроме фиолетового пятнышка, как бывает, если случайно взглянешь прямо на солнце.

Круглое пятнышко. Круглый небольшой предмет. Да ведь это...

— Камень! — выдохнула Эйлия.

Она осмелилась взглянуть еще раз, и свет будто изменился, стал тише, мягче, и теперь можно было смотреть и не слепнуть на этот круглый предмет и его сердце.

Это была драгоценность, шар с многими гранями, сделанный из прозрачного, как вода, кристалла. В центре его горела капля белого света, будто звезда в сияющем ореоле, и оттуда шли потоки лучей. Как сама Трина Лиа, это был предмет Земли и Неба — камень и звездный свет. Лучи его отражались на других камнях сокровищницы, повторялись в их сердцах, и Эйлии стало казаться, что она стоит в окружении звезд тысячи разных цветов. Девушка протянула руку к кристаллу — и отдернула ее.

— Нет, — шепнула она. — Нет, я не могу, не могу!

Ее била дрожь. Она не боялась, что Камень Звезд сделает ей плохо — она боялась вреда, который сама может ему причинить своим неумелым неразрешенным прикосновением. Ей вспомнились драгоценные реликвии в святая святых храма, обратившиеся в прах при вторжении путников. Наверняка ее рука осквернит и замарает это сверкающее чудо.

Обернув руку полой плаща, Эйлия этой импровизированной перчаткой осторожно потянулась к лучистому камню.

Сам Камень осветил ей обратную дорогу по длинным туннелям и лестнице, бросая неземной свет вокруг. Он не терпел мрака, он посылал ищущие лучи в каждый темный угол и во все трещины, мимо которых она проходила, рассеивая тени, а вместе с ними и страхи самой Эйлии. Как будто она теперь была не одна, но с ней было что-то живое и сильное. Сердце ее пело, когда она вышла к развалинам.

— Я нашла его, нашла Камень Звезд, — шептала она. — И он настоящий, он именно такой, как мне виделось... и даже больше того.

Свет Камня наполнил комнату странноприимного дома, будто сами стены теперь светились. Но ее спутников здесь не было. Расстроенная, Эйлия остановилась и стала гадать, что же ей теперь делать. Лорелин тоже не вернулась. Что же еще можно придумать, кроме как сидеть и ждать?

— Стражи Камня — где вы? Почему вас здесь нет? — шептала она. — Вы нам сейчас так нужны!

Ей померещилось — или действительно Камень вдруг стал ярче? Ей вспомнились легенды о паломничествах паладинов, о небесных видениях, которые реют вокруг священного самоцвета.

— Прошу вас — помогите нам! — молила она. — Если вы на самом деле есть, защитники Камня, придите к нам на помощь, сейчас! Не дайте зимбурийцам победить...

И тут она это услышала: приближающийся грохот множества сапог. Сердце у нее подпрыгнуло. На миг она почти вообразила себе, что на ее призыв явились стражи-рыцари из мертвого города. Она сунула Камень в мешок, потом вскочила на ноги и бросилась в коридор выглянуть через главный вход. Да, в развалинах горят факелы! Эйлия осторожно стала подбираться к ним, держась в тени, выглядывая из-за разбитых стен. Друзья это или враги?

Незнакомый голос что-то пролаял на языке не элейском и не маурийском. Эйлия остановилась как вкопанная, в ужасе глядя на стоящих на снегу людей — которые могли быть только зимбурийцами. На ее глазах к ним подошли еще несколько — целая рота солдат.

Она повернулась и побежала, откуда пришла, — и налетела прямо на другую группу вооруженных людей.

На миг они застыли недвижно, как и она. Потом их предводитель шагнул вперед — это был Зефрон Шеззек.

— Эй, ты! — крикнул он по-маурийски с сильным акцентом. — Только побеги, соплячка, — получишь копье в спину! Говори, где остальные, тогда, может быть, останешься жить.

Эйлия, охваченная страхом, ахнула и отшатнулась. Вопреки его словам, она повернулась и бросилась бежать.

Ни стрела, ни копье вслед ей не полетели — слышались только крики и топот обутых ног. Они хотели взять ее живьем. «Конечно! Заставить меня говорить...»

Она летела по коридору, где по обе стороны было множество дверей, но скорость ее и подвела: нога споткнулась о занесенный снегом камень, и Эйлия с криком боли пошатнулась и упала на колени. Но тут же вскочила: крики и топот зимбурийцев слышались почти за спиной. Они услышали ее крик? Эйлия нырнула в одну из дверей, но за ней была лишь пустая комнатка. Забившись в темный угол, Эйлия затихла. Толку в этом не было: они ее здесь найдут и вытащат. Она уже ощущала на себе эти грубые руки...

Что-то задело ей ногу, и если бы у нее хватило дыхания, она бы взвизгнула, но сейчас только отпрянула. В следующую секунду она узнала кошку Аны. Серая Метелка мурлыкала и снова потерлась пушистым боком о ногу девушки, будто утешая. Эйлия сжалась в темном углу. Снаружи, у самой двери, зазвучали грубые голоса.

Вдруг серая кошка стрелой метнулась в двери, вопя изо всех сил. Раздался еще один крик, водопад сердитых слов загремел по коридору, и вдруг — невероятно — топот сапог удалился.

Эйлия сидела, ничего не соображая, не в силах поверить. Спасена — спасена кошкой! Увидев Метелку и услышав ее кошачий концерт, преследователи, наверное, решили, что кричала кошка. Значит, они не будут обыскивать эту комнату. У Эйлии появился шанс убежать, покинуть эти развалины и пробраться обратно в пещеру, спрятаться в темноте.

Но как же Камень? Он же в сумке в той комнате, где очаг, прямо на виду!

Медленно, с ужасом, Эйлия поняла, что должна делать. Метелка, пусть и бессознательно, показала ей, что можно еще спасти драгоценность. Надо только отвлечь врага — как кошка увела их от Эйлии, так она сама должна увести их из развалин, подальше от единственной комнаты под крышей, где лежит Камень. Она слишком замерзла, слишком устала, чтобы долго скрываться от солдат. Но Камень зимбурийцам достаться не должен. Время еще есть: если она побежит, они погонятся за ней, не будут болтаться здесь в развалинах.

Эйлия набрала в грудь воздуху, обжигая холодом легкие. И бросилась прочь из укрытия.

На звук ее убегающих шагов тишина отозвалась криками: зимбурийцы были неподалеку, и она знала, что скоро будут прямо у нее за спиной. Она припустила прочь из здания через улицу. Грудь еще жгло огнем, мышцы правого бока будто рвались пополам. Но она заставляла себя бежать дальше и дальше, потому что теперь они ее видели.

Глубинная, животная паника охватила ее, придавая скорость, о которой она и помыслить не могла. Но долго ей было не выдержать. Через секунду этот короткий рывок вымотал ее, и силы начали оставлять девушку. Легкие горели на каждом вздохе, в боку поселилась грызущая боль.

Вот — устье пещеры зияет впереди темнотой. Там можно спрятаться где-нибудь — эти люди напорются на груды сокровищ и, быть может, все забудут от жадности и возбуждения при виде несказанных богатств. Эйлия сделала вдох, обжигающий горло, и

полезла в туннель, нащупывая путь. Вот здесь были ступени, ведущие наверх. Она заколебалась. Может быть, именно вверх надо идти, а не вниз? Если вниз, она может оказаться в ловушке этих подземелий: сокровища там или что, но в конце концов ее загонят в угол. Но может быть, есть путь бегства через вершину пика — какая-нибудь тропинка или не слишком крутая скала, по которой можно будет спуститься.

Эйлия наполовину ползла по каменным ступеням от усталости, хватаясь за них онемевшими от холода пальцами. Вскоре сверху появился едва заметный свет, постепенно усиливающийся по мере подъема.

Эйлия вылезла наверху из квадратного отверстия на плоскую площадку перед порталом — точнее, перед тем, что от него осталось. На каменном полу намело неглубокие сугробы, а на низком помосте за ними стояли два полуразбитых столба, обвитые изображениями драконов. Сбоку у порога портала стоял еще один дракон — медный, а может быть, золотой. Он свернулся кольцами, как змея, положив голову на хвост, и был он огромен — больше каменных драконов, больше даже живых драконов, летавших в небе над городом.

Эйлия в отчаянии огляделась и сразу поняла, что приняла неправильное решение. Здесь негде было спрятаться, а свет луны и звезд, отражаясь от сугробов, заливал все пространство. Можно бы спрятаться за статуей дракона или за каменным столбом, но это не укрытие: там ее найдут сразу же.

Снизу раздались крики: солдаты разделились, и, судя по звукам, несколько их направилось вверх. Эйлия завертела головой, озираясь. Вот лунные врата — но не настолько она еще отчаялась, чтобы принять тот выход, который они предлагают. Тяжелые сапоги застучали уже у самого выхода лестницы, и оттуда выскочили солдаты, что-то крича на своем грубом языке, а потом заорали, увидев ее. Она рухнула на колени, скорчилась в снегу, беспомощно глядя, как они бегут к ней, держа оружие наготове.

Но тут один из них что-то громко заорал, показывая мечом в сторону помоста.

Большая статуя дракона — та, что с золотой чешуей, — двигалась. Со скрежетом металла по камню разворачивались огромные кольца, поднялась рогатая голова, расправились чудовищные крылья. Раскрылись веки, показав холодные изумрудные глаза, отразившие огненные точки факелов. Эйлия разинула рот. Ну конечно! Это механическая статуя, вроде грифонов у двери храма. Зимбурийцы отпрянули, завыв в ужасе, а золотой дракон испустил

скрежещущий рев, и сверкнули под звездами зубы размером с наконечники копий. Зимбурийцы бросились в паническое бегство. Эйлия изможденно засмеялась — ее снова спасли, на этот раз — статуя. С трудом она стала подниматься на ноги.

И тут увидела сверкающую пещеру пасти чудовища: длинный бегающий язык, клубы пара от дыхания. Дракон медленно развернулся во всю свою золотистую длину.

Живой. Это живой дракон. Все-таки не статуя. Настоящий дракон, пробудившийся ото сна на вершине. Эйлия попятилась, пошатнулась и снова рухнула на колени.

20
Царь-бог

— Выходит, мы зазря шеей рисковали, — буркнул Йомар.

Они остановились после бесконечных, казалось, блужданий по извивам и поворотам подземного коридора. Факелы остались в зале царя драконов, и на двоих у них была только последняя свечечка из сумки Йомара, так что идти приходилось медленно. Страхи, что коридор упрется в тупик, не проходили, но сейчас каменный пол стал уходить вниз, и это тоже не обнадеживало.

— Тебе не пришло в голову сначала заглянуть внутрь этой коробки? — бурчал Йомар, когда они сели отдохнуть, привалясь спинами к стене.

Дамион закусил губу. Его воспитывали как служителя Веры, и запас выразительных слов у него был невелик, а те, которыми он располагал, были явно недостаточны.

— Ну, это уже сверх всякой! — выпалил он наконец. — Я был несколько занят большим и опасным животным, или ты не заметил?

— Да ладно, это все равно не важно. Я лично никогда в грош не ставил этот дурацкий камешек. Мы его не нашли, но и зимбуры тоже.

— Но они еще могут его найти! Если футляр был там, то и Камень тоже должен быть. Он где-то в этой груде...

— Ну, я-то туда точно не пойду, когда там ждет эта тварь! Пусть зимбуры с ним возятся, если хотят.

Дамион промолчал. Ему тоже не хотелось опять оказаться лицом к лицу с драконом. Глядя в глубину коридора поверх пламени

свечи, он вдруг вспомнил большой темный глаз дракона и мысленно снова схватился с ним. Этот глаз наполнял его страхом сильнее клыков и когтей чудовища: бездонный зрачок, где светится злобный ум. На кратчайший миг ему показалось, что он ощущает огромный нечеловеческий разум, лабиринт темных пещер и коридоров мысли. Он не мог избавиться от чувства, что и дракон узнал его разум, проник в его намерения и действовал не как бессмысленный зверь, защищающий свою территорию по инстинкту, но в гневе за попытку Дамиона похитить Камень Звезд. Был ли там этот Камень, в сокровищнице? А если да, то одержимость царя драконов этим Камнем была ли просто завороженностью бессмысленного зверя блеском побрякушки? Или чем-то большим?

— Йо, — сказал он тихо. — Можешь считать меня глупцом, но — мне кажется, дракон понял, за чем мы пришли. Как-то он это *знал*.

— Хватит этих сказок! — простонал Йомар. — Дамион, они просто животные!

— Да? — возразил Дамион. — Почему ты так уверен? Мы ничего об этих созданиях не знаем — им подобных на всей земле нет. Кто сказал, что они не могут быть разумны — почти так же разумны, как человек? — Ему вспомнился плавающий вдоль корабля дельфин, взгляд его больших и мудрых глаз. — Может быть, царя драконов влечет Камень Звезд...

— Царя драконов?

— Так его назвала Ана. Тринолоанан.

— Ты еще хуже Эйлии — веришь в любую ерунду. Они животные, Дамион. Откуда у них царь?

— Есть же царицы у пчел? Это просто выражение такое. А этот вроде бы господствует над другими драконами.

— А что до того, что дракон *хочет* хранить Камень, — продолжал Йомар, не обращая на него внимания, — так это просто смешно.

— Да? Многие животные собирают яркие блестящие предметы. Сороки, например. А дракон должен быть куда разумнее сороки.

— Не будь глупцом. Он всего лишь животное и ничего больше, говорю тебе! — И он добавил мрачно: — Пойдем-ка отсюда, пока *оба* не спятили. Пошли дальше.

— Йо, так мы можем вечно бродить по недрам этой горы. Ты это сам сказал. Мы даже не знаем, где он — путь наружу.

— Есть шансы выбраться, если мы пойдем в эту сторону. А туда, к дракону — там шансов ни одного.

Дамион вздохнул и ничего больше не сказал, но прислонился к стене и закрыл глаза. Должен быть путь наружу — в этом он не сомневался. Они забрались так далеко, преодолели столько препятствий, что он, как Ана, начал видеть нечто, стоящее за их усилиями: не судьбу — не что-то столь далекое и равнодушное, но какое-то благое и направляющее влияние — быть может, руку Господа, которого он почти что отверг. Дамион углубился в себя, надеясь увидеть еще одно видение или какое-то небольшое чудо, пытаясь снова установить связь с тем таинственным провидением, которое он чувствовал или воображал.

— Мог бы хоть какой-то интерес проявить, — язвительно заметил Йомар.

— Помолчи, я молюсь, — ответил Дамион, не открывая глаз.

— Толку-то от этого?

— А что толку от твоих упражнений в остроумии? — отпарировал Дамион, открыв глаза и укоризненно глядя на Йомара.

Мохарец сунул фляжку в сумку.

— Ладно! Я тоже не знаю, что делать. Но не вижу смысла возвращаться тем же путем мимо огромного разозленного дракона.

Дамион встал со вздохом:

— Хорошо, пошли дальше.

Они встали и пошли, и вскоре коридор снова выровнялся, расширился гигантской кроличьей норой. И закончился зияющим отверстием, освещенным странным голубым светом...

— Небо! — воскликнул Дамион.

Он радостно бросился вперед, Йомар за ним, и они вышли из широкого отверстия пещеры на северный склон горы. Здесь был крутой, почти вертикальный обрыв, но два пика и северная стена Лиамара находились совсем рядом.

— Ну? — ликующе бросил Йомар. — Что я тебе говорил?

Дамион даже не мог улыбнуться. Они опять не нашли Камня, и это второе разочарование было почти невыносимо.

— Лорелин? Эйлия?

Никто не ответил. Комната была пуста, обе девушки исчезли.

— Какого нечистого? Где они обе? — взорвался Йомар, оглядывая комнату. — Им было сказано никуда не ходить! Только не говори, что они пошли сами его искать!

— Лорелин! — звал Дамион, пробегая по коридору. — Эйлия, где вы?

Темные холодные комнаты отражали голос эхом, но другого ответа не было.

— Зачем они ушли из этого здания? Искали нас?

Он похолодел при этой мысли, вспомнив дракона в логове.

— Может быть, их что-то напугало, и им пришлось быстро убираться, — предположил Йомар.

— Давай их поищем, — устало отозвался Дамион.

Они вышли наружу. Снег был хорошо утоптан, явно не одной парой ног.

— Но это один человек, — заключил Йомар, разглядывая следы. — Ушел, пришел и — да, снова ушел. Следы слишком малы для Лорелин, значит, это Эйлия. Но где Лорелин? Ничего не понимаю.

Они пошли по следам. Один вел к пику, другой — к площади. Йомар решил, что второй свежее. Они с Дамионом пошли по нему, пока не пришли на площадку, утоптанную множеством ног. В сапогах. Мужчины переглянулись.

— Антропофаги? — спросил Дамион.

— Нет, — ответил Йомар, изучая следы. Он выпрямился, вид у него был мрачный. — Зимбурийские сапоги.

— Зимбурийцы! — воскликнул Дамион. — Они опередили нас и захватили женщин! Не надо было их оставлять!

— Остынь, — бросил Йомар, хотя вид у него тоже был несчастный. — Эйлия нарвалась прямо на них, — добавил он.

Сердце у Дамиона болезненно сжалось, когда он увидел маленькие следы, теряющиеся среди больших.

— Если здесь как-то замешан Мандрагор, — поклялся Йомар, — он мне головой ответит... разве что они и его взяли, — сказал он, чуть повеселев от этой мысли. Он пошел дальше, пялясь в землю, потом крикнул: — Дамион, смотри! Они ее не схватили! Она убежала!

Направляясь посмотреть, Дамион вдруг услышал странный свист и неясный металлический щелчок. У подножия сломанной колонны лежала стрела.

— Стоять! — крикнул чей-то голос.

Из развалин высыпали люди — зимбурийские солдаты в своих черных одеждах. Дамион и Йомар выхватили мечи, но один взгляд сказал им, что это безнадежно. Колоссальное численное превосходство противника, не говоря уже о том, что мечи против лучников бессильны.

— Какая встреча! — произнес голос из задних рядов. Дамион и Йомар оба застыли при виде приземистой фигуры его обладателя. — Ну-ну! — продолжал Шеззек, выступая вперед. — Давайте только без глупостей, и вам ничего плохого не сделают. Пока что.

Оружие у них выхватили, потом заломили им руки за спину. Послышался топот копыт по мягкому снегу: из развалин появилась еще одна группа солдат, ведя лошадей в поводу. И Артагона тоже.

— Предатель! — прошипел Шеззек Йомару. — Где Камень?

— Время теряешь, — ответил мохарец скучающим голосом. — Мы не больше вас об этом знаем.

Шеззек ударил его наотмашь по лицу. Дамион вздрогнул, но Йомар явно привык к такому обращению: он даже не застонал, только стоял молча и непокорно, злобно глядя на своего бывшего командира.

— Где остальные? — обратил Шеззек следующий вопрос к Дамиону.

Дух священника от этих слов воспрянул. «Остальные! Значит, они не схватили женщин!»

— Отвечай! — рявкнул Шеззек. — Принцесса и старая ведьма — где они?

— Нас спрашивать нет смысла, — ответил Дамион, сам удивляясь своей безрассудной смелости. — Если честно сказать, они без нас куда-то ушли.

— Вот это ты мне впариваешь? Ладно, послушаем, что другая девчонка скажет, — осклабился полукровка.

«Другая девчонка». У Дамиона кольнуло в сердце.

— Что вы сделали с Эйлией? — крикнул он, обуреваемый страхом и яростью.

— Пока ничего. Эта дурочка сбежала. Но мои люди ее ищут, и когда поймают...

— Оставьте ее в покое! — перебил Дамион. — Она не имеет к этому отношения, случайно к нам попала. Для вас она бесполезна!

— Ты так думаешь? — Шеззек всмотрелся в лицо Дамиона. — Как-то она тебе очень не безразлична, поп. Это полезно. Если мы начнем ее пытать у тебя на глазах, ты вспомнишь, где эта девчонка Трина Лиа, и где найти Камень, тоже припомнишь.

Внезапно Йомар изо всей силы обрушил правую ногу на ногу державшего его солдата, вывернулся из хватки завопившего от боли противника и подхватил со снега свой меч. Почти в тот же миг он повернулся, полоснув зимбурийца, который держал Дамиона. Тот отскочил, выпустил пленника, чтобы схватиться за оружие, но Йомар сделал выпад и располосовал ему руку с мечом от локтя до кисти. Дамион тут же нырнул за своим алмазным мечом. Раненый завопил и упал на снег, прижимая искалеченную руку, но другие солдаты тут же оказались рядом, ощетинившись стеной мечей.

Дамион и Йомар встали спиной к спине, чтобы видеть всех врагов сразу.

— Ты уж прости, — тихо сказал Йомар Дамиону, — но я предпочитаю умирать в бою. Мохарская традиция.

— Дурак! — зарычал Шеззек и сделал знак своим людям.

Один из солдат напал на Йомара, скрестил с ним клинок, но Йомар парировал его выпад и ответил встречным. Теперь уже двое раненых катались по снегу, вопя от боли. Дамион дико размахивал мечом, надеясь, что выглядит внушительно. Зимбурийцы заржали и навалились гурьбой — и тут же отпрянули, потрясенные и растерянные, когда алмазное лезвие прорезало сталь. Но еще несколько стали заходить с флангов, заставляя Дамиона расширять размахи меча, чтобы отбить все атаки. Дело было безнадежное: даже оружие паладинов не помогает сражаться более чем с одним противником. А лучники уже натягивали тетивы.

И тут дрожащий нечеловеческий крик раздался из храма.

Все — атакующие и защищающиеся — повернулись лицом к темной двери. Там стояла хрупкая фигурка с развевающимися серебряными волосами. Правую руку женщина подняла в жесте предупреждения, а у ног ее стояла серая кошка, и глаза ее горели красным в свете факелов.

— Отродья Валдура! — крикнуло это видение по-элейски, и кошка сопроводила его воем. — Покиньте это священное место, или познаете гнев элейских богов!

— Это Ана! — прошептал Дамион, не веря своим глазам.

Солдаты попятились, но Шеззек тут же пришел в себя и рявкнул что-то по-зимбурийски. Его люди неохотно пошли вперед. Женщина подняла обе руки к небу и снова вскрикнула:

— Берегитесь! Вам не дозволено входить в храм элеев! Боги поразят вас смертью на месте!

Метелка поддержала ее воем — жутким звуком, от которого кровь стыла в жилах.

Солдаты бросились вверх по лестнице к старухе, держа мечи в руках. Но стоило им переступить порог, как два грифона встали на дыбы, расправили медные крылья и оглушительно заскрежетали.

Подвывая от ужаса, солдаты кинулись назад — один споткнулся и растянулся на ступенях. Окружившие Дамиона и Йомара люди отпрянули в стороны. Шеззек попытался устоять на месте, но без поддержки его людей храбрость изменила ему, и он тоже бросился бежать.

— Дамион, Йомар! Идите ко мне быстрее! — крикнула Ана.

Они устремились к ступеням, не обращая внимания на вопящих херувимов. Ана наклонилась подобрать трость, и длинные белые волосы коснулись мостовой. В левой руке у нее было что-то сверкающее, как кусок льда.

— Как ты сюда добралась? — воскликнул мохарец.

— Нам не следует здесь стоять и вести разговоры, Йомар. Зимбурийцы, слава небесам, весьма суеверны, но царь Халазар уже на пути сюда.

Дамион не мог двинуться. Он стоял, глядя на предмет в ее руке, не в силах оторвать от него глаз. Сейчас, поближе, он видел, что это огромный кристалл, прозрачный как бриллиант и ограненный бесчисленным числом граней.

— Это он? — спросил Дамион. — Как, во имя Семи Небес, ты его нашла?

— Да, это Камень Звезд. — Ана сунула самоцвет в карман платья, потом нагнулась подобрать шипящую кошку. — А нашла я его несколько минут назад, когда искала вас. Я пошла сюда по вашим следам и увидела, что вы в затруднительном положении. А теперь быстрее! Надо найти безопасное место, где можно будет подождать.

— Подождать чего? — спросил Йомар.

Но она только сказала:

— Быстрее, быстрее!

Они вбежали в портик. Йомар показал рукой в сторону:

— Вон туда — в ту башню, что уцелела.

Они стали подниматься по винтовой лестнице. На половине ее из башни на крышу портика открылась арка без двери. Каменные ангелы стояли на парапете, обратясь к путникам крылатыми спинами. За ними выдавался мощный купол, закругленная мраморная гора.

Другого входа, кроме лестницы башни, не было: с противоположной стороны шел крутой обрыв до самой мостовой. Галерея была достаточно широка — по ней могли двигаться двое в ряд. Когда-то она соединяла обе передние башни, но теперь частично обвалилась, и тот кусок, где они сейчас стояли, был отделен от других. Его, как объявил Йомар, легко будет защитить. Из другой башни зимбурийцам до них не добраться. Им придется идти по лестнице цепочкой по одному, так что защитнику дверей тоже не придется драться более чем с одним человеком. Йомар и Дамион могут делать это по очереди, подстраховывая друг друга.

Но они знали, что во всех его речах нет смысла. Зимбурийцы могут просто подождать, пока они ослабнут от усталости и голода.

— А что же с Эйлией? — спросил встревоженный Дамион. — Наверное, они ее уже поймали.

Йомар нахмурился:

— Тогда они ее могут использовать как заложницу, чтобы заставить нас сдаться.

— Они ее не поймали, — произнесла Ана с этим своим странным выражением лица, будто видит что-то далекое. Она снова спустила кошку на пол и сунула руку в карман.

— Они сказали, что солдаты...

— Они ее не поймали, и этого не случится и впредь.

Дамион знал, что спорить нет смысла. Взгляд его перешел на сверкающую драгоценность в старческой ладони.

— Где ты нашла Камень, Ана? — спросил он.

— Он лежал в сумке, в комнате, где были все ваши вещи.

— В комнате? — уставился на нее Дамион. — Но кто... но как...

Йомар выглянул через парапет и повернулся к своим спутникам с угрюмым лицом:

— Они возвращаются. Найти нас у них много времени не займет.

Вооруженные люди пошли через заснеженную площадь, и сапоги превращали белизну в серую слякоть. Позади ехал человек на крупном вороном коне.

Дамион увидел, как окаменело лицо Йомара при виде этого зрелища.

— Халазар, — буркнул он.

— Спасение уже в пути, — сказала Ана.

— Если ты про Стражей, то нету их здесь! — отрезал Йомар, поворачиваясь к ней. — Мандрагор сказал, что их давно уже нет. Кстати, он тоже в Тринисии.

Ни капли удивления не выразилось на лице Аны.

— Он был здесь, — ответила она. — На самом деле это он и был той силой, той опасностью, о которой я говорила вам. Я пыталась отвлечь его внимание от вас, но тщетно. Он нападал на меня снова и снова и чуть не уничтожил, насылая своих драконов, и довел меня до такой слабости, что я еле могла двинуться. Я не предупредила вас о Мандрагоре, когда мы расставались, потому что иначе вы могли бы попытаться вступить с ним в битву и пробудили бы его ярость. Лучше было для вас не бросать ему вызова: менее вероятно, что он причинил бы вам вред, если бы вы казались безвредными. Не могла я вам сказать и того, где лежит Камень, потому что он бы непременно напал на вас при вашей попытке его взять. Но я вижу, что один из вас все же добился успеха в его поисках. Как я уже говорила, это было предназначено.

— Он почти убедил нас, что Камня здесь вообще нет. Так где же сейчас Мандратор?

— Боюсь, что он снова исчез. Вот почему я смогла соединиться с вами — его сила нам более не угрожает. Но он взял с собой Лорелин.

Дамион повернулся на месте:

— Он опять ее похитил? Куда же на этот раз?

— В страну Элдимию.

— В Элдимию? Зачем бы ему ее туда везти? — не понял Дамион.

— Я хорошо знаю Мандрагора. У него всегда есть несколько планов, на случай, если один из них не удастся. План спрятать Лорелин был разрушен еще в Маурайнии, сейчас он пытается осуществить иной. Он посадит ее на трон Элдимии, но останется рядом с ней, заставляя поступать по своей воле. И окажется, что Элдимией правит Мандрагор, а не Трина Лиа. — Ана глянула на мертвый город и сказала будто про себя: — Как же все теперь ясно! И как я этого раньше не видела? Он хочет ее использовать для своих целей!

— Тогда ему нет смысла нас спасать, — сказал Йомар. — Или это Эйлия придет нам на выручку?

— Нет, не Эйлия, — ответила Ана. — У Камня есть свои Стражи, обетовавшие защищать его в час нужды.

Йомар встал в дверях с обнаженным мечом.

— Прах побери этих Стражей! Я же тебе сказал, женщина: *нет тут никаких Стражей!* Нам придется драться за себя самим. Хотя толку в этом не слишком много: вечно нам зимбуров не удержать. — Черные глаза вспыхнули. — Но я сначала прихвачу несколько штук с собой на тот свет!

— Сдерживайте их, сколько сможете, — сказала Ана и повернулась к горам, будто в молитве. — Я буду ожидать Стражей.

Закрыв глаза, она прижала Камень к груди.

— Долго же тебе придется ждать. Они уже несколько веков как мертвы.

Ана не открыла глаз:

— Нет, Стражи Камня не умирали. Они до сих пор живут.

— Это как это? Пятьсот лет назад это было! Никто столько жить не может...

— Стражи могут, — перебила она. — Они не люди.

— Не люди? — эхом повторил Дамион. Мерзкое сомнение закралось в его сердце. Он уставился на седую старуху, на бьющиеся на ветру вокруг лица седые пряди. — Ты говорила... мне кажется, будто ты говорила, что это люди, готовые нам помочь...

Ана открыла глаза и посмотрела на него.

— Я так не говорила, но, боюсь, позволила вам так меня понять. Вы бы никогда не поверили правде: Стражи вообще не из этого мира.

Закрытые пленкой глаза будто смотрели пристально на мраморных ангелов, готовых взлететь с пьедесталов.

У Дамиона подкосились колени, и он едва смог остаться стоять на ногах. Значит, вот как все кончится. Они умрут на бастионах, в битве, как говорил Йомар.

Эйлия медленно подняла голову. Дракон оставался на том же месте: огромный, серебристо-золотой в свете луны и звезд, он снова свернул змеиные кольца вокруг помоста, а голову повернул к девушке. Сложенные крылья более не наполняли воздух громом, и дракон будто стал меньше, хотя все равно оставался больше любой живой твари на свете. Он лежал, тихо дыша, и клубы пара поднимались вверх от его дыхания. Время от времени зверь поднимал когтистую переднюю лапу поскрести шею. Увидев, что Эйлия шевельнулась, дракон снова развернул длинное тело и встал на все четыре лапы. Эйлия застыла. Ей от такого зверя не убежать, даже если бы хватило сил на попытку. Лежа совершенно неподвижно, она смотрела, как идет к ней дракон на мощных когтистых лапах. Очень отстраненно она отметила, что лапы у него как у орла: с загнутыми когтями зловещего вида.

Эйлия достигла того состояния, когда жертва теряет страх вместе с надеждой. Затуманенному сознанию казалось невероятно важным количество когтей на лапах дракона — Эйлия в уме подсчитывала их, пока зверь шел на нее. Пять на каждой лапе — почему-то существенно было, что именно пять. Она таращилась на них бессмысленно; потом глаза ее отвернулись к колоннам, где свернулись, рыча, вырезанные в камне драконы. Имперские драконы — что там говорил Мандрагор об их лапах? Только у них было по пять когтей на лапе...

Ручные драконы!

Эйлия подняла глаза и встретила взгляд чудовища. Оно остановилось в нескольких шагах, глядя на нее. Она осмелилась шевельнуться, медленно встать, не отрывая глаз от дракона. Он не шевелился; зеленые глаза пристально смотрели на нее, но без той враждебности, которую проявил зверь к солдатам. Пар от дыхания, вылетающий из дыры между клыками, согревал дрожащее тело девушки. Оно как-то сладковато пахло, как курильница. У дракона была грива густого меха на шее, как у льва, и борода на подбородке.

Зверь поднял мощную лапу, и Эйлия сжалась, но дракон не напал на нее, а лишь снова почесал шею. Тут она заметила, что дракон прикован к правому столбу. За головой шею охватывал тугой ошейник из тяжелого черного железа. Вот именно эта цепь и звенела металлом, когда двигался дракон. Но кто же мог такое сделать с таким мощным зверем?

Она шагнула вперед. Дракон следил за ее приближением, по-прежнему не проявляя злобы.

— Так ты ручной! — выдохнула она. — Он тебя приручил? Да? Ты дракон Мандрагора?

Огромный зверь потрогал когтями железную цепь и замычал, будто от боли. Кожистые крылья за спиной зашелестели, задвигались и вдруг резко развернулись. Над головой Эйлии взметнулись две арки прозрачного золота, натянутого на косточки. Она ахнула. Крылья раскрылись во всю ширь горного пика, на шестьдесят шагов от конца до конца. На миг они напряглись, трепеща и закрывая небо, потом обвисли, упали и снова свернулись на боках чудовища. Дракон был прикован к земле и беспомощен, как любое привязанное животное. Мандрагор держал его пленником. Бедное создание. Ему место в воздухе, в небе, и только цепь его здесь держит: ни когтями, ни клыками ему не разорвать железные звенья.

Но она может снять с него цепь. Для нее уже выхода нет, но дракон хотя бы может получить свободу. Он ее спас от зимбурийцев, и она у него в долгу.

И снова заговорил в памяти голос, на этот раз Аны, и он говорил о драконах и магии земли:

Лежа изо дня в день на грудах золота и серебра, они увеличивали собственную силу, получая способность летать и колдовать. Но железо драконов не интересовало. А оно — тоже мощный звездный металл: магия в нем так сконцентрирована, что превосходит и отменяет любое другое колдовство.

Тогда отстегивать цепь у основания столба нет смысла — дракон все равно связан магией железа. Чистое, «холодное» железо уничтожает волшебство, а драконы летают с помощью чар, — так говорила Ана. Чтобы его освободить, надо расстегнуть ошейник. Эйлия увидела на нем замок, как на ожерелье, слишком маленький, чтобы его могли нащупать мощные когти. Но она может его расстегнуть. Правда, это значит, что надо будет подойти прямо к исполинской голове.

Робко, но наполненная решимостью, Эйлия приблизилась, и дракон будто понял ее намерение: он стоял тихо, опустив голову,

чтобы замок ошейника оказался у девушки на уровне плеч. Протянув руку, она взялась за железо. Под пальцами ощущались пластины чешуи, и они, как ни странно, были теплые и сухие — Эйлия почему-то думала, что они будут холодные и скользкие, как у рыбы. Схватившись за металлический рычажок, Эйлия оттянула его назад. Замок щелкнул, железный ошейник со звоном упал на камень и вытянулся длинной черной змеей.

От входа на лестницу донеслись крики: зимбурийцы возвращались, и, судя по звукам, их стало больше.

— Лети, — шепнула девушка дракону. — Ты теперь свободен. Улетай!

Но он не расправил крылья. Вместо этого, он, так же глядя ей в глаза, подогнул передние ноги и положил голову и шею на землю. На миг ей показалось, будто дракон благодарит ее — очень уж это было похоже на поклон. Но дракон почти сразу же встал, шагнул к ней поближе и повторил жест, на этот раз положив голову прямо к ее ногам.

Вдруг вспомнилась похожая старая картинка: дама в изящном платье, а перед ней встает на колени верховая лошадь под дамским седлом. Есть лошади, обученные подгибать колени, чтобы всаднику удобнее было сесть. И ручные драконы тоже так поступают?

Злобные вопли наполнили воздух: целая рота солдат бежала к девушке и дракону. Она прыгнула на протянутую шею, схватилась за спутанную гриву. Дракон медленно и осторожно понес ее по площадке, как несет своего погонщика зимбурийский боевой слон. Впереди девушки возвышались изогнутые рога, позади — длинная чешуйчатая спина и сложенные крылья. Посмотрев вниз, Эйлия увидела огромную тень дракона, шагающую рядом по снегу. Позади выстроились солдаты, пуская стрелы из луков. Дракон заревел, когда несколько попали в него. Пар от рева поднялся клубами, задрожала массивная колонна шеи. Но Эйлия в какой-то странной легкости чувств совсем не боялась. «Давай! — думала она про себя. — В бой с ними, разгроми их!»

Но дракон шагал к порталу. И теперь Эйлия увидела обрыв — освещенная луной скала уходила в страшную пропасть, теряющуюся в темноте. Дракон прошел между столбами, к самому краю, и Эйлия вцепилась руками в гриву, когда длинная шея вытянулась над бездной, и перед девушкой открылись синие глубины воздуха — а внизу зазубрины скал и лес, как мох, покрывающий склоны. Снова вернулся страх, но с какой-то странной примесью восторга. Стрела пролетела у нее над головой, свистя оперением, и стала падать, падать, падать в бездонную пропасть.

За спиной раздался треск и шелест, будто паруса взлетают на мачту — это снова расправил крылья дракон. Огромный зверь подобрался перед прыжком — и земля исчезла. Ушла назад покрытая снегом скала: только темнота шумела вокруг, ветер завывал в ушах, ударил порыв холода в ужасающем прыжке в ничто, от которого желудок стал проваливаться в бездонную яму. Бесконечный миг они падали в глубину.

И тут прозвучал тяжелый удар, как будто парус корабля поймал ветер — заработали крылья дракона. Но все же пока еще железо сброшенной цепи оказывало свое зловещее влияние, и дракон продолжал падать. Ревел ледяной ветер. Снова ударили крылья, на этот раз сильнее, с большей твердостью и уверенностью. Железо сюда уже не доставало, и дракон мог помочь себе волшебством. Он взмыл вверх, воспарил навстречу звездам, а утес исчезал вдали, уменьшаясь, и зимбурийцы казались черными муравьями на краю между двумя крошечными колоннами.

Эйлия завизжала, не только от страха.

Она летела. *Летела!*

Мощные крылья били воздух мерными взмахами, унося дракона с девушкой ввысь, и вот уже сама гора уменьшилась, стала одной из многих, чуть выдававшихся над земной поверхностью. Сменяли друг друга горные хребты, как волны на море, потом и само море стало видно вдали, и белая ледяная пустыня, и река далеко внизу, бегущая как серебряная нить по темному ковру леса.

А дракон все рвался в небо, пока сама земля не наклонилась внизу и не стала уходить, как раньше гора. Отсюда, из обители богов, горные хребты казались лишь чуть заметными подъемами земной поверхности, как вывороченная земля за плугом. За несколько мгновений дракон пролетел всю длину реки — на что по земле ушли бы многие дни — и летел теперь над морем. Эйлия глянула вниз, и у нее перехватило дыхание при виде края белых волн, лижущих берег... Что-то серое мелькнуло мимо, как дым, закрывая обзор, потом дракон влетел в холодный туман, где ничего не было видно, кроме широкого размаха крыльев. Эйлия вспомнила облако, скрывающее вершину горы.

«Облако! Я в облаке!»

Снова дракон вырвался в синий простор, над вторым морем — морем, созданным из туманных форм, рифов и наковален, грибов и плоскогорий над воздухом. Между этими большими массами плавали перышки потоньше: будто взметнувшиеся над водой клубящиеся волшебные мосты, перекрывающие широкие пространства тьмы, и только на самом дне было видно настоящее море, сверкаю-

щее на свету, и кое-где — блеск плавающих льдин. Эйлия подняла голову выше, схватившись за рог, чтобы оглядеться, и снова ахнула. Невозможно стало дышать. Легкие работали изо всех сил, горло раздувалось. Холод пронизывал тело, пробирал до костей, а облачный слой впереди потемнел до искрящегося и клубящегося мрака. Эйлия опустилась в танцующие пряди гривы — и снова голова прояснилась. Вокруг дракона был слой и воздуха, и тепла, обволакивающий его невидимым коконом, атмосфера, которую он нес с собой в полете, но этот слой кончался в двух футах от его тела.

Голова закружилась, Эйлия закрыла глаза. Когда она снова решилась посмотреть вниз, то увидела, что теперь и облака уменьшаются, как раньше горы: они стали похожи на отражение тучек в пруду, на снежное взрыхленное поле, если смотришь на него с вершины холма. Восторг уступил место ужасу. Изо всех сил она вцепилась в косматую гриву, думая, как же управлять таким конем. Хватит ли слов или для управления ручным драконом нужна магия? Как заставить его снова лететь к земле?

Пока она над этим раздумывала, буйство красок заиграло за восточным краем мира — кривизна которого была Эйлии уже вполне заметна, — и со скоростью молнии в небо вылетело солнце.

Эйлия и ее верховой дракон поднялись так высоко, что неожиданно увидели солнце, ждущее за горизонтом, и теперь парили в лучах утра, еще не пришедшего на землю внизу. И все равно в небе над головой виднелись звезды. Все на земле стало невероятно маленьким, а все в небе выросло: звезды перестали быть мерцающими точками и стали ровно горящими дисками, а луна у круглого горизонта из сверкающего полукруга превратилась в шар, наполовину скрытый тенью, а на освещенной его половине явно были видны все ямы и черные оспины. Почти достанешь, если протянуть руку.

«Если хоть еще чуть поднимемся, то попадем прямо на Небо...»

Воздух отворился перед ними в пылающий туннель света.

21
Дворец

Дамион выглянул из-за каменного ангела, высматривая идущих снизу врагов. Ана ждала рядом, неподвижно, хотя голова ее теперь склонилась. Метелка сидела на парапете, глядя вниз на зим-

бурийцев, и хвост у нее подергивался. Йомар у двери вдруг подобрался.

— Я их слышу. Поднимаются по лестнице.

Мохарец и священник стали готовиться к бою — хотя, как про себя подумал Дамион, при таком численном преимуществе противника дело совершенно безнадежное. Камень, столь недолго находившийся в их руках, можно заранее считать утраченным.

Он выглянул через парапет. Минуту назад показался дракон, пролетевший над южным пиком — огромный зверь, больше всех, которых Дамион видел, и чешуя его сверкала под звездами серебром и золотом. Дамион понадеялся, что его вид отпугнет зимбурийцев, но зря. Дракон лишь проплыл высоко в небе и исчез. Солдаты несколько испугались, но в бегство никто не обратился. Внизу ждал царь Халазар на коне: крупный коренастый мужчина в богатой алой мантии с золотом под черной меховой шубой. Мясистое лицо шеголяло пышной черной бородой, завитой в тугие кудри. Высокий алый убор венчал голову, руки держали обнаженный меч с длинным изогнутым клинком.

«Для Лорелин, — подумал Дамион. — Слава Богу, что ее здесь нет». Дамион испытал чуть ли не благодарность к похитившему ее Мандрагору.

Красное зарево коснулось подпушки облаков. Что за усмешка судьбы — гибель придет к ним на заре того дня, вечера которого им видеть не суждено. Ана подняла голову еще раз и незрячими глазами уставилась в небо, шевеля губами как в молитве. Огромный кристалл она держала перед лицом, и он светился изнутри кровавым светом.

Раздался грохот сапог на лестнице, и Йомар выглянул, подняв меч.

— Еще шаг, и будешь короче на голову, — предупредил он.

Сапоги застучали быстрее, и Йомар сделал выпад в дверь, ударив мечом. В ответ раздался вопль боли и ярости, потом выкрики множества голосов.

Йомар дико засмеялся.

— Ха! Приходите за добавкой, собаки зимбурийские!

—Йомар! — крикнул голос с лестницы. — Ты уже предатель, не становись еще и дураком!

— А, это ты там, Шеззек? — ответил Йомар. — Как всегда, в задних рядах? Может выйдешь со мной один на один — господин начальник!

— Мохарец, у тебя еще есть время, — сказал голос Шеззека. — Твоим спутникам надеяться не на что, но ты, если бросишь меч и выйдешь тихо...

— Мне все простят, — осклабился Йомар и еще раз сделал выпад мечом. Второй раз ответом был вопль боли.

— Взять его, трусы! — крикнул Шеззек и добавил целый поток зимбурийских слов.

И тут Йомар отпрыгнул с ужасным воплем. Пораженный Дамион увидел древко стрелы, торчащее у Йомара из спины ниже правого плеча.

— Нет! — крикнул он.

Ликующий вопль заставил его оглянуться: несколько лучников устроились на остатках разбитой западной башни.

— Лучники! — крикнул он. — Ана, ложись!

Дамион бросился на помощь Йомару. Мохарец отшатнулся, хватая острие стрелы свободной рукой: она торчала из груди. На долю секунды Дамион встретился взглядом с его глазами, расширенными, полными боли. Ноги Йомара подогнулись, и он упал.

— Йо!

Молодой священник бросился к месту, которое занимал Йомар у двери башни, но опоздал: уже один солдат прыгнул в узкий проем, тут же и другой. Бросившись между ними и своим упавшим товарищем, Дамион опустил меч на первого солдата со всей яростью отчаяния. Сталь поддалась блестящему алмазу, и мечник отскочил в страхе. Но уголком глаза Дамион увидел, как второй проскользнул мимо и бросился к Ане, а та стояла, подняв лицо к небу, безразличная к идущей за ее спиной битве. Сейчас все, кто был сзади, роем выкатывались на крышу. Пока Дамион дрался с одним из нападавших, другой сделал молниеносный выпад: раскаленная боль пронзила правую руку Дамиона, и оружие выпало из пальцев. Он ушел от рубящего удара, который снес бы ему голову, бросился в сторону и сумел подобрать упавший меч Йомара. Держа его двумя руками, Дамион сумел отбить третий удар, но от самой силы его отлетел назад. Парапет был теперь прямо за спиной; еще один удар — и Дамион свалится. Колени у него подгибались, перед глазами плыло. Снова подняв руки, он увидел, как алеет правый рукав его собственной кровью.

Зимбуриец снова нанес рубящий удар. Дамион парировал, но не смог раненой рукой удержать оружие, и меч снова выпал из его рук. Падая спиной на парапет, он успел увидеть, как в двери входит Шеззек, а за ним — высокая фигура в мантии: царь Халазар. Черные глазки последнего повернулись к Ане, все еще недвижно стоящей с камнем в руке. Самоцвет пылал как встающее солнце, отраженное его гранями. Лицо Халазара исказила уродливая победная гримаса, мясистые губы оскалились волчьей усмешкой.

Серая кошка в бессильной ярости зашипела на Шеззека, который, повинуясь нетерпеливому жесту своего царя, выхватил меч и шагнул к старухе.

Солнце стояло над снежными вершинами, и от его лучей и собственных слез Дамион видел все как в тумане, но сумел разглядеть несколько блестящих предметов, летящих в воздухе над вратами луны. Он заморгал — на миг они исчезли в блеске. Казалось, они летят из самого солнца. Огромные крылатые создания, несущиеся быстрее молний. Яростные вопли загрохотали эхом между утесами, когда эти создания собрались к вершине Элендора.

Драконы.

Шеззек, Халазар и их люди застыли от страха, глядя в небо.

Дамион закрыл глаза, вдохнул воздух всей мощью легких. Потом он вскочил на ноги, бросился к Камню и выхватил его из руки Аны. Она окликнула его, но он не обратил внимания. Сунув кристалл в карман, он метнулся прочь от парапета с возвышающимися ангелами и помчался в другую сторону: к огромной выступающей поверхности купола.

Зимбурийцы пропустили этот миг, занятые летающими чудовищами. Сейчас они забыли о старухе и устремились за Дамионом — как он и хотел. Он залез на четвереньках на купол храма, как жук: купол был не идеальной полусферой, как у Высокого Храма в Маурайнии, а более плоский, и его выветренная истесканная поверхность давала упоры для рук и ног. Но сверху он был скользкий от снега. К счастью, лучники были заняты приближающимися драконами, да и он тоже помнил о пикирующих на город созданиях, когда лез, оскальзываясь, по каменной круче купола.

Враги подняли крик. Дамион рискнул быстро оглянуться и увидел, что за ним гонятся только двое: Шеззек и один из его солдат.

Больше увидеть не было времени. Оставалось только надеяться, что Ане пока что ничего не грозит, раз Камень не у нее, и Дамион изо всех сил лез по куполу. Пробрался мимо одного из зияющих квадратных отверстий на месте выпавшего каменного блока, глянул в глубокий полумрак храма. Если поддастся другой камень, когда он будет через него перелезать... нет, об этом не думать, когда его и так догоняют. Слышно было хриплое частое дыхание преследователей, как дышат гончие на следу. Он ранен, а они нет — и это разница существенна.

Он уже добрался туда, где выпуклость купола уменьшалась, становясь почти плоской, как дно перевернутой чаши. Невдалеке виднелась громадная круглая дыра десять шагов в поперечнике,

пропускающая свет к часовне внутри. Дамион встал и побежал, размахивая руками для равновесия. Через долю секунды преследователи тоже побегут, и тогда они его схватят. И Камень тоже.

— Стой! — заорал сзади Шеззек. — Стой, дурак! На что ты рассчитываешь...

Дамион продолжал бежать. Дыра была уже прямо перед ним и казалась куда больше, чем снизу. Он устремился к ее каменному краю, стараясь отделить себя ею от Шеззека. Далеко внизу виднелся купол часовни и стоящая на нем богиня Солнца, сверкающая в полутьме.

— Дай сюда Камень! — приказал Шеззек.

Он попытался обойти дыру, и Дамион тут же бросился в другую сторону. Так они и мотались вперед-назад, меняя направление. Мелькнуло неясное воспоминание об игре в пятнашки вокруг стола. Только эта ничья долго не продлится, второй зимбуриец уже рядом, и он быстро закончит игру. Дамион попытался бежать, но лишь сделал несколько неуверенных шагов: голова звенела от потери крови. На ту сторону купола ему уже не перебраться: последний рывок истощил все его силы.

— Все, хватит, — сказал Шеззек, шагом направляясь к дыре. — Ты лишь оттягиваешь неминуемое.

Дамион вытащил Камень из кармана. Халазар видел его в руках Аны — это хорошо: он не поверит теперь, что искать надо какой-то другой самоцвет. Дамион бросился обратно к дыре. Они не успеют его остановить...

— Ты куда? Хочешь с нами поторговаться? — прошипел Шеззек, стоя неподвижно на другой стороне дыры, и махнул своим солдатам, чтобы не подходили. — Нет, не бросай его! Я оставлю тебе жизнь, и старухе тоже, если отдашь мне Камень.

Дамион посмотрел на него.

— Торговаться не будем. Я бы не стал с тобой договариваться, даже если бы верил, что ты сдержишь слово. Ни для меня, ни для моих друзей надежды уже нет, и мы это знаем. Но еще я знаю, что мои друзья согласились бы погибнуть, чтобы не дать тебе получить вот это.

Он держал кристалл над дырой. Конечно, драгоценность не выдержит падения на мраморный пол с высоты сорока шагов. Рука его дрожала, он колебался. Если Камень не разобьется и если враг войдет в храм и завладеет им, все будет напрасно.

«Зато хоть Лорелин сбежала от них».

Какое-то утешение в конце.

Солдаты, лезшие на купол, закричали, но их голоса перекрыл высокий пронзительный металлический скрежет. Он становился громче, ближе, что-то кружилось над куполом, и холодный ветер от этого предмета сбивал людей с ног. Дамион поднял голову. Создание, которое спланировало и село в десяти шагах от него, не было драконом. Размер тот же, но с виду совсем другое: огромные расправленные крылья не кожистые, а с маховыми перьями, как у птицы, и главные из этих перьев торчали к небу подъятыми мечами, а солнце играло в них, переливаясь радугой. Но тело этого животного не было покрыто ни шерстью, ни перьями, а четыре массивных ноги заканчивались мягкими львиными лапами. Голова зверя повернулась в строну, показывая в профиль крючковатый клюв и гребень из перьев над остроконечными ушами.

Шеззек и один из его солдат с криком отпрянули назад. Другой упал и покатился по куполу, отчаянно вопя. Шеззек повернулся бежать, но увидел перед собой других пернатых зверей, которых Дамион сперва принял за драконов — они летели прямо на него. Шеззек отпрянул, и не успел Дамион даже крикнуть, как он замахал руками на краю зияющей дыры, не удержался и полетел вниз, внутрь. Его панический предсмертный вопль отразился эхом от стен храма и прервался тошнотворным ударом о каменный пол. Оставшиеся зимбурийцы добрались до вершины купола, сверкая мечами на солнце, но такие же крылатые твари налетели на них сверху и крыльями, хвостами и когтями разогнали или сбросили с купола. Один из зверей поравнялся с башней, где стояли лучники. Те в паническом страхе попытались удрать, толкаясь и мешая друг другу, и полетели с воем на землю. Крылатые создания обменивались высокими дикими бессловесными криками, ныряя и взмывая над шпилями и куполом храма, как ангелы мщения.

Дамион сообразил, что у его ног лежит блестящий предмет, сияющий, как огонь. Камень! Он уронил его, когда отступал от первого зверя, и Камень упал не в дыру, а на поверхность купола. Священник тупо глядел на кристалл, и ему начинало казаться, будто тот не просто отражает свет солнца, но сам испускает лучи.

Летающее чудовище село на купол не дальше пяти шагов от Дамиона и свернуло огромные крылья. Повернув голову в сторону, оно золотистым глазом, лучистым как мандала, глянуло на Дамиона.

Священник с почти затуманенным от боли и кровопотери сознанием все еще пытался вспомнить, где он такое видел, но тут мир в его глазах исчез, и Дамион ощутил, что уходит в темноту.

* * *

Когда Эйлия пришла в себя, то поняла, что лежит на чем-то теплом и мягком. Тихо шептало и вздыхало что-то, будто дыхание моря в ушах, и теплая поверхность поднималась и опускалась в такт этим вздохам.

Моргая, девушка села. Они с драконом были в пещере, девушка лежала, вытянувшись, поперек шеи дракона, под ней был мягкий мех его гривы, а огромное тело свернулось вокруг. Громадный зверь крепко спал, и бока его плавно поднимались и опускались. Из ноздрей шел пар: окружающий воздух был разрежен и холоден, как в горах.

Эйлия повернулась посмотреть отверстие пещеры и открывающийся за ним вид. Пещера расположилась высоко на склоне холма или горы: ниже — широкая равнина, серая, совершенно плоская. Холмы и равнина полностью голы и лишены жизни как животной, так и растительной: ни ящерки или пятна лишайника на всем суровом ландшафте. И полная тишина: ни жужжания насекомых, ни журчания ручейка. Что-то еще в этой сцене казалось очень странным, хотя не до конца проснувшийся мозг не мог это определить. Стояла ночь, и небо было темным, таким темным, как Эйлия никогда не видела, почти черным, и все звезды светили так, как никогда раньше. Утренняя Звезда стала отчетливым диском, и бледный бело-синий свет сгустился до сапфирового оттенка. Холмы и равнина купались в резком белом свете, сильнее лунного, тени каждой скалы и камня прорисовывались на серовато-белой земле чернее чернил. Эйлия подошла к выходу из пещеры, выглянула и чуть не ослепла от пылающего шара солнца.

Солнце — в ночном небе? Солнце и звезды одновременно? Эйлия не могла ничего понять. Голова стала легкой, как воздух, — нет, все тело стало легким, будто вес ее уменьшился вполовину. Когда она попыталась идти, то оказалось, что она прыгает, с каждым шагом поднимаясь в воздух, и это не требовало никаких усилий.

«Куда я попала?»

Внимательное изучение ландшафта ничего не дало, только принесло еще больше загадок. Холмы образовывали длинную закругляющуюся арку. В нескольких шагах парил, как котел на костре, небольшой кратер с приподнятыми краями.

Тихий звук позади заставил Эйлию обернуться. Дракон проснулся и сейчас смотрел на нее. Эйлия совсем его не боялась, было только ощущение чуда от близости такого большого существа. Крылья он аккуратно сложил, как складывают спущенные паруса

на корабле. В свете солнца пластины чешуи на спине пылали как золотые монеты, а на брюхе переливались перламутровой радугой. Голова дракона сверкала при движении, будто огромный золотой орнамент, украшенный самоцветами — это были его глаза, а белый опалесцирующий бугор над и между ними мерцал полускрытыми огнями. Длинную разумную морду украшали усы, как у карпа. Обрамлявшая морду грива сияла бронзой и темным золотом, и только борода на нижней челюсти оставалась чисто белой.

Дракон направил изумрудные глаза на дымящийся кратер, потом снова на Эйлию. Будто хотел, чтобы она что-то сделала.

Она вышла — или выплыла прыжками — из пещеры и остановилась, пораженная еще одним чудом. В небе висела исполинская, невозможная луна, более чем вдвое больше обычной и куда как ярче. Она была освещена наполовину, и светлое полушарие было не беловато-серым, а синим, как морская волна с прожилками и пятнами ослепительно-белого.

Подойдя к краю круглой дымящейся ямы, Эйлия увидела, что она до краев налита водой. Девушка нерешительно опустила туда палец: не горячо, а тепло и приятно. Закатив рукава, она погрузила в воду руки по локоть, плеснула себе в лицо. Сразу же покалывающее ощущение появилось в теле. Это было не как в бассейне очищения, который наполнял миром и спокойствием: этот горячий ключ пробуждал неожиданной бодростью и новыми силами, он целил не разум, а тело. Ноющая усталость покинула мышцы; царапины и синяки, от которых она мучилась всю дорогу, перестали болеть. Она чувствовала себя обновленный, полной сил и жизни.

«Я не мертва — я точно чувствую себя не как бесплотный дух! Но где же я? Куда я попала?»

Она снова посмотрела на огромное синее полушарие и впервые отметила, что на нем видны неровные цветные пятна, под белыми мазками. Пятна зеленого и коричневого и ржаво-красного. Что-то они ей напоминали...

Эйлия ахнула — у нее перехватило дыхание.

Долго смотрела она на эти вытянутые формы, не в силах поверить своим глазам. Она знала их, давно знала по старым навигационным картам и атласам отца. Не было границ, не было пастельных цветов, которые их определяют, но эти неровные очертания была знакомы ей, как черты собственного лица. Вот береговая линия Маурайнии, вот длинная зеленая полоса Восточного побережья... а вот Большой остров, наполовину скрытый вихрем облаков, и протянулись по голубизне океана Северный и Южный ар-

хипелаги... Антиподов она видеть не могла, они были на той стороне шара, скрытые тенью ночи. Глаза ее поднялись к северному полюсу, за долю мгновения пройдя путь, на который у галеонов ушли недели — и вот она, Тринисия, одинокое зеленое пятно в окружении белых льдов...

Мир. Она смотрела на свой мир с какой-то невообразимой высоты.

«Значит, я на самом деле на Небе».

Не так она представляла себе жизнь после жизни, не такой голой пустыней. Где же все прочие духи ушедших, ангелы, Небесный Город?

Дракон вылез из пещеры и встал рядом с нею. В зеленой глубине глаз светился благожелательный разум.

— Скажи, я умерла? Или нет? Я могу вернуться домой? — спросила она, подвигаясь к нему.

Остроконечные уши наклонились вперед, как у лошади или собаки, услышавшей команду. Потом дракон вытянул на траве шею, приглашая Эйлию сесть. Она так и сделала, вцепившись в хризантемовую гриву, а дракон поднялся и осторожно прошагал к краю холма. Снова напряглись огромные мышцы, потом Эйлию прижало к дракону, когда он взмыл в воздух.

Снова они летели, паря над мрачной пустыней. Ширококрылая тень дракона плыла по серой равнине, а больше ничто внизу не двигалось, даже ветер не заметал сухую пыль.

И все же когда-то в этой пустыне была жизнь. Пролетая над серой мертвой равниной, Эйлия далеко за высокими холмами видела неглубокие впадины и извилистые русла, которые когда-то должно быть были озерами и реками. Равнина, или котловина внизу была полностью окружена холмами — эта цепь была почти идеально круглой, как с удивлением увидела девушка, когда дракон набрал высоту. В самой ее середине резко вырастал из плоскости равнины крутой каменистый выступ. Его окружали высокие четкие образования, и Эйлия уставилась в изумлении: они не казались естественными.

А когда дракон пролетал над этим выступом, у нее перехватило дыхание. Действительно эти каменные шпили совсем не были природными — это были башни дворца, подобного которому девушка в жизни не видела. Ничуть не похожий на элейские или маурийские здания, он казался дворцом, построенным не для людей, а для богов или великанов. Высокий и узкий, с крутыми высокими стенами, с башнями тонкими, как копье, изящными и уравновешенными, и длинные резкие тени этих башен ложились изломами

на неровные камни, где белая мощеная дорога уходила к дальним холмам. А на одном склоне холма мелькнули ворота, очень похожие на ворота Элендора: два высоких белых столба, торчащих из земли.

Чаша котловины когда-то была озером, а центральный холм — островом. Глаза Эйлии снова приковал к себе дворец: все здание казалось ей как-то странно тяжелым кверху. Но ведь это невозможно, эти игольчатые башни давно бы упали, сломанные собственным весом? А стены под ними, заметила она, были кое-где проломлены, будто силами вторжения, а за этими рваными ранами, сквозь стрельчатые окна и высокие зияющие ворота смотрела темнота, беспросветная и глубокая. Ощущение древней катастрофы, какого-то невообразимого несчастья охватило ее, когда она на своем сказочном скакуне пролетела над двором, наполовину погруженным в тень высоких стен.

Наверное, это был просто обман зрения, игра пыльных вихрей, случайно поднятых пролетевшим ветерком, но на миг Эйлии показалось, будто она видит идущего через двор... даже не человека, слишком высок был для человека этот силуэт, одетый в бело-серые одежды, развевающиеся за ним, как погребальный саван. Эйлия моргнула — ничего там нет, кроме голых булыжников мостовой. Потом странный дворец в своем величии и тайне остался позади, слился с голым пейзажем.

Дальше лежала пустыня, и видна была та же круглая котловина позади и много еще таких же вдали, огромных и мелких, кое-где перекрывающихся краями, как круги на воде. Они напоминали те воронки в Тринисии, выбитые в земле падающими звездами. Но здесь их было больше, и они были куда крупнее. Вся серость равнины рябила оспинами и ямками до самого горизонта.

Но только когда горизонт изогнулся в дугу, и бледная сверкающая поверхность приняла форму огромной полусферы, Эйлия поняла, где была сейчас. И от этого знания у нее закружилась голова, когда снова открылся перед ними воздух бездной света.

Через некоторое время она снова проснулась и обнаружила, что лежит на мягких подушках. Солнце било в лицо, обдувал теплый воздух, пахло цветами. Где-то пели птицы.

Эйлия открыла глаза и села. Она лежала на мягком диване, в бельведере или в летнем доме, построенном, кажется, из мрамора. Где же она? Она заснула? Секунду девушка просидела совершенно неподвижно, пытаясь разобраться с воспоминаниями и понять их. Она вспомнила дракона и — с легкой дрожью — сновиденческую

странность лунного пейзажа. То, что она видела сейчас, было от него невозможно далеко.

Лунная страна была пустой и безжизненной, а эта земля — обильной и цветущей, полной жизни. Вокруг стояли высокие стройные деревья, отягощенные цветами: запах их был сладок, проникал в душу, искушал своей насыщенностью. Траву под деревьями кто-то коротко подстриг, как лужайку зеленого бархата. Солнце близилось к закату в потоках мягкого абрикосового света за дальним горным хребтом. Оно казалось огромным — наверное, из-за того, что так низко спустилось. Весь небосвод укрывали облака, снизу окрашенные закатом в розовато-золотой цвет, а над ними можно было рассмотреть бледную ленту тоже вроде облака, но более плотную на вид, выше самых высоких перистых облаков: она выгибалась дугой, следуя изгибу небесного купола. Эйлия минуту поломала себе голову, что бы это могло быть, а потом стала смотреть на горы. Они были высоки, громоздились, стремясь вверх острыми пиками, выше, чем даже Нумендоры.

Она наконец-то была уже не на луне, но и не вернулась в Тринисию. «Я в каком-то парке», — решила она в конце концов. Земля здесь была ухожена, деревья и кусты аккуратно подстрижены. Может быть, это действительно Небо? И она в телесном облике попала туда, куда Велессан мог проникнуть только в видениях? «Луна — это было Первое Небо. Над ним находится сфера Арайнии, та, в которой рай. Неужто я здесь — на Втором Небе?»

Дракона даже и видно не было: Эйлия была совсем одна. Она поднялась и пошла вдоль аккуратных упорядоченных рощиц, в удивлении озираясь. Трудно было бы ощущать тревогу в обстановке такой красивой, столь явно созданной для наслаждения. Девушка то и дело останавливалась понюхать цветы, погладить влажные лепестки и поднести их к лицу. Одна пышнолиственная изгородь была покрыта цветками, похожими на розу с запахом лимона, таким резким и сладким, что рот наполнился слюной. Более тонкий аромат исходил от рощицы деревьев за изгородью, покрытой оранжевыми и белыми цветами. У Эйлии дома в северных землях была весна, но здесь, в неизвестном царстве, стоял самый разгар лета.

Внимание девушки привлекала пролетевшая птица с пестрой грудкой. Эйлия подняла глаза и увидела просвет в листве, а в нем — стоящий на вершине холма дворец, и на этот раз — не печальные и пустые развалины. Белые стены и башни стояли целые и невредимые, светясь в закатных лучах. Они действовали на зрение так же, как фанфары — на слух: от них захватывало дыхание. Перед ней

был дворец из волшебных сказок, из ее грез наяву, и Эйлия в тот же миг поняла, что должна туда пойти — почему-то она была уверена, что в этих стенах найдет ответы на все свои вопросы. Даже объяснять себе не надо было, почему так, и Эйлия, не успев додумать до конца эту мысль, почувствовала, что ноги сами несут ее в ту сторону, неудержимо стремясь к дворцу ее грез.

Сады становились все пышнее, появились беседки и тенистые скамейки, иногда павильон или круглый храм с колоннами. Изгороди стали самшитовыми, верхушки их были подстрижены в виде сказочных созданий, шаров, пирамид, птиц, зверей. Каменные беседки, увитые зеленью, большие каменные урны, аллеи устремленных ввысь кипарисов и длинная дорога, обсаженная очень высокими и стройными деревьями, у которых кора была как чешуйки ананаса, а кроны — как распушенные метлы из перьев. Как же эти метелки называются? Ах да, пальмы. Она видела их изображения в книгах о дальних странствиях, но никогда не попадались они ей воочию, настоящие. Она даже подумать не могла их увидеть, и это еще больше усиливало чувство нереальности.

И ни одной человеческой души. В какой-то момент Эйлия вздрогнула, увидев в нескольких шагах от себя женщину, но это оказалась лишь мраморная статуя — грациозная девушка в свободном платье, несущая на сгибе руки кувшин. И были еще статуи, расставленные там и сям: мужи и девы, боги и богини, львы, гончие псы, олени, кони — зверинец из мрамора и позеленевшей бронзы. Группами стояли такие статуи в бассейнах, скорее всего фонтанах: колесницы, влекомые лебедями или скачущими лошадьми, стайки резвящихся нимф. «Какое, должно быть, великолепное зрелище, когда бьет вода», — подумала Эйлия мимоходом.

Вскоре она набрела на тропу, которая небрежными зигзагами вилась по саду и выводила к озеру — небольшому искусственному озеру, полностью покрытому листьями и цветами лилий, белых, золотых, винно-красных. Под ними в зеленых просветах воды плавали зеркальные карпы с мудрыми усатыми мордами. Озеро питал неспешно текущий ручеек. Дальше расположилось еще одно озеро, побольше и без всяких лилий — там лениво скользили царственные лебеди, выгибая шеи, будто любуясь красотой своего отражения. По лужайкам расхаживали павлины, синегрудые с зелеными хвостами, и белые с хвостами, как кружевные веера.

Тут Эйлия осознала, что издали доносится звук — низкий постоянный шелестящий рокот — будто водопад по скалам, и она, обернувшись, увидела белую пену сквозь деревья и побыстрее побежала туда.

И это был наконец-то действующий фонтан, большой и великолепный, весь в русалках, дельфинах и морских конях, вокруг которых играла, плещась, вода. Мелкие брызги увлажнили ей щеки, но она шла вперед, все сильнее восторгаясь видом и захваченная ревом воды. Помимо всего прочего, это был приятный признак обитаемости. Кто-то же запустил этот фонтан, значит, здесь не может совсем никого не быть.

Впереди и чуть слева поднимался зеленый холм, и узкая дорожка вилась по его склону. Башни дворца над ним будто плавали в исчезающем послезакатном свете, легкие, как облака в небе, и яркие цветные знамена трепетали языками пламени. Подавив невесть откуда вдруг взявшееся беспокойство, Эйлия решительно вступила на дорожку и начала подъем.

22
К востоку от Солнца, к западу от Луны

«Что за поразительный сон», — подумал Дамион.

Он потянулся, зевая.

— Йо? — позвал он, не открывая глаз. — Проснись, Йо, ты опять храпишь! А знаешь, какой мне странный сон приснился? Как будто из рассказов Эйлии...

Голос его осекся, когда открылись глаза. Минуту он пролежал неподвижно, таращась в потолок. Белый, с декоративным плетением листьев и цветов. Они с Йомаром лежали на аккуратных белых кроватях в просторной комнате с большими окнами, и в эти окна широко лился свет предзакатного вечера. Дамион сел и увидел, что одет в просторную белую тунику, а на правой руке у него — едва заметный бледный шрам.

И тут он заметил за окном горный хребет.

Где и когда он уже видел такие горы? Вытянутые в высоту, с остроконечными вершинами без признаков льда и снега, они подстегнули память как хлыст. Он выскочил из кровати и подбежал к окнам. Они были открыты, веял ароматный ветерок. Это не была — не могла быть — Тринисия. Дамион оглядел гладко стриженные лужайки, тенистые деревья, клумбы, скамейки. Растительность была буйная, перистая, как в тропиках. А за белыми стенами поднимались верхушки деревьев и крыши других зданий.

Высунувшись в окно, Дамион увидел еще одну загадку. Низко в краснеющем небе в просвете закатных облаков наблюдалось еще какое-то атмосферное явление. Как будто радуга, широкая дуга изгибалась от самого горизонта, пропадая в розовато-золотых облаках, но это не могла быть радуга, потому что она была не цветная. Она была бледная, серебристо-белая, и поблескивала сверкающей пылью, будто усаженная бриллиантами. Дамион в затруднении снова посмотрел на что-то смутно напоминающую горную цепь — единственное в этом странном пейзаже, что казалось знакомым. Покрепче ухватившись за раму, он высунулся из окна дальше.

И тут увидел дворец.

Он был чуть слева, за крышами и деревьями, стоял на крутом холме. И ошибки здесь быть не могло: это был многобашенный дворец из его видения.

— Куда нас, к нечистому, занесло?

Дамион повернулся на голос и увидел Йомара. Мохарец проснулся и сидел, мотая встрепанной головой и морщась со сна. Одет он был в такую же тунику, как Дамион, и поперек груди — бинт из белой ткани.

— Где это мы? — переспросил Йомар.

Дамион ответил не сразу.

— Думаю, — сказал он, — что не иначе как в Элдимии.

— В Эл... *где?* — нахмурился Йомар. — Я последнее, что помню — как дрался на крыше с зимбурами. Как мы сюда попали?

Дамион решил не говорить о крылатых созданиях, поскольку все еще не был уверен, были они на самом деле или померещились затуманенному болью сознанию, и ответил уклончиво:

— Сам не знаю. Я потерял сознание почти сразу же после тебя.

В этот момент открылась дверь, в проеме появилась миниатюрная фигурка в белом и остановилась, улыбаясь. Это была Ана, но она сильно переменилась. Больше не гнули ее к земле возраст и усталость, и она шла почти прямо, и трости не было. Платье на ней было из мягкой тонкой ткани, а волосы снова аккуратно увязаны в пучок.

— Мне показалось, что я слышу голоса, — сказала она радостно.

Тут с громким мяуканьем в дверь проскочила Серая Метелка. Кошка вспрыгнула на кровать Йомара и замурлыкала.

— Куда это нас занесло? — спросил Йомар.

— В гостиницу, — ответила Ана. — Вас сюда принесли для исцеления.

— Да нет, в какую страну? Это что, эта ваша другая страна — Элдимия?

— Разумеется. Здесь нам ничто не угрожает, Йомар. Твоя рана не болит, не беспокоит тебя?

Йомар ощупал свою грудь через бинт.

— Рана... да, помню. Стрела попала... но как мы очутились в Элдимии? И где она вообще в этом мире?

— Элдимия, — медленно ответила Ана, — вообще не в этом мире.

Они уставились на нее, не находя слов, а она присела на край кровати Йомара, поглаживая кошку.

— Дорогие мои, это очень трудно объяснить... Видите ли, нас перенесли за пределы известного вам мира и доставили в другой.

— То есть мы на Небе? — спросил Дамион почти шепотом.

Губы Аны тронула легкая улыбка.

— В некотором смысле — да.

— На Небе? — прищурился Йомар. — Так что ты хочешь сказать, что мы мертвы? Та стрела убила меня там, в развалинах?

Ана рассмеялась.

— Мертвы? Дорогой мой Йомар, как это может быть? — Она положила ладонь ему на руку. — Ты слишком телесен для духа, а для трупа — слишком разговорчив. Нет, Йомар, мы не умерли. Мы были тяжело ранены, и всем нам грозила смертельная опасность, но Стражи Камня спасли нас. Они наконец дали себя убедить, что мы — спутники Трины Лиа и имеем право на Камень Звезд. По моей просьбе они перенесли нас в Элдимию вместе с самоцветом.

Они оба таращились на нее, а она встала и подошла к ближайшему окну.

— Это может оказаться трудным для вашего понимания, но я постараюсь объяснить все, что смогу. Элдимия лежит в Ином Мире: это область за краем мира, между солнцем и луной. Мир, как вы знаете, кругл, и потому вы могли бы сказать, что у него нет ни края, ни конца, но все же этот край существует. Край света, его внешняя граница и предел его влияния, находится на орбите луны. Далее лежит безвоздушная пустота, а за ней планеты — так называемые Высшие сферы, куда давным-давно проникали элеи с помощью магии. Планеты же, обратим внимание, никак не принадлежат к какому-нибудь царству духов. Они — часть нашей материальной вселенной, и потому смертный может до них добраться, не перенеся смерть.

О таких вещах говорил Велессан Странник. Многое в его рассказах неверно, но это не его вина. Его ум находился под влияни-

ем современной ему космологии — семь небес, пять стихий и так далее. Чужие земли, мелькнувшие в его видениях, он отнес к легендарным хрустальным сферам, о которых слышал с самого детства: небесные царства, обители бессмертных духов. Но на самом деле они просто находятся на планетах. Во Второй сфере, как он ее назвал, он видел не посмертный рай, а реальную страну в реальном мире.

Ана показала рукой на сад, на крыши и деревья, залитые послезакатным светом.

— Здесь обитают элеи, покинувшие ваш мир в прошедшие века, вместе с народами множества других рас. Здесь, в городе Мирамаре, на острове-континенте Элдимия, на планете Арайния, которую вы называете Утренней звездой.

Наступило долгое молчание. Наконец Дамион задал вопрос:

— А как мы сюда попали?

— Как я вам уже говорила, нас принесли сюда херувимы, назначенные Стражами Камня. Они согласились, что Трина Лиа явилась наконец, и потому они имеют право передать Камень в ее руки. Но она была перенесена в Элдимию, и, таким образом, чтобы она вступила во владение Камнем, необходимо было доставить его сюда. Херувимы, как и драконы, обладают способностью перемещаться между планетами, входя в Эфирную плоскость. Когда они увидели наше бедственное положение, то не бросили нас, но принесли сюда через Эфир. Поскольку мы — спутники истинной Трины Лиа, нам было позволено сюда войти.

«Херувимы, — подумал Дамион. — С крыльями орлов и телами львов, слуги Прежних, Стражи Света».

— Я их видел на крыше храма, — сказал он почти про себя. — Я думал, это бред... но что с остальными? Лорелин здесь? И что сталось с Эйлией?

— Обе они в Элдимии. Но они пока не в безопасности, — добавила Ана, будто встрепенувшись. — Настоящая битва все еще впереди. Камень у нас, но Лорелин во власти Мандрагора. Он ее держит во дворце Халмириона.

— Мандрагор! — Голос Йомара стал беспощадным. — Я о нем и забыл. Когда я до него доберусь...

— С Мандрагором тебе биться нельзя, — произнесла Ана с непривычной для нее твердостью. — Он куда опаснее, чем ты можешь себе представить. Царь Халазар со всеми своими людьми — ничто по сравнению с ним. Пусть он на Элендоре прикинулся вашим союзником, но именно он истинный враг, тот великий князь, с

которым нам предопределено биться. — Печаль промелькнула на ее лице и снова исчезла, как тень от облака. — Теперь я должна идти. Король Тирон, отец Трины Лиа, и те немереи этого мира, что верны ему, хотят бросить вызов Мандрагору, и я должна быть с ними. Потому что для победы над ним нам понадобятся все наши силы.

— Погоди минутку! Я тоже пойду! — вызвался Йомар.

— И я, — добавил Дамион. — Мы уже оправились от ран.

— Нет, эта битва не для вас, друзья мои, — ответила Ана. — Она ведется тем оружием, которым вы не владеете. Мне очень жаль, но я вынуждена просить вас остаться здесь.

С этими словами она повернулась и вышла, оставив их тупо таращиться ей вслед.

Когда Эйлия оказалась перед дворцом в сгущающихся сумерках, он выглядел еще внушительнее.

И если бы его чудовищные ворота не были распахнуты в явном приглашении, Эйлия так и не решилась бы войти.

Она миновала передний дворик, отметив конюшни по обе его стороны. И здесь стояли самые разнообразные роскошные кареты: теплый свет ламп блестел на позолоте, стекле и тонкой полировке дерева, из стойл доносились фырканье и топот лошадей. И при этом — ни одного человека. Мраморные широкие ступени поднимались к величественному входу, двери которого были отворены так же широко, как и ворота.

«Как будто я вхожу в рассказанную мною сказку», — подумала Эйлия с восторгом.

Вестибюль был облицован белым мрамором, а потолок изукрашен позолотой круговых узоров из цветов и листьев, зверей и птиц. И никого не видно, даже привратника или слуги. Минуту Эйлия постояла, набираясь решимости. Направо и налево уходили два коридора, а прямо вперед и вверх — величественная лестница с мраморными статуями, держащими огромные канделябры. Она вела на площадку, потом разделялась на две и уходила на второй этаж. Большое круглое окно в стене на площадке обрамляло вид на башни и деревья. Наверное, оно выходит во внутренний двор.

— Эй, есть кто-нибудь? — с беспокойством спросила Эйлия.

Голос ее отразился от стен и замолк.

«Куда могли все деваться? Не могу поверить, что из такого огромного дворца все отлучились сразу. Ведь оставили бы хотя бы одну-двух служанок?»

Эйлия, все больше обеспокоенная как собственным долгим одиночеством, так и подавляющим величием обстановки, начинала тосковать по виду человеческих лиц.

Но нельзя сказать, что ей не хотелось идти дальше в этот дворец. Выбрав наудачу левый коридор, она устремилась по нему. Шаги ее в тишине отдавались очень громко, и все равно никто не вышел ее окликнуть. Мраморные статуи глядели из стенных ниш белыми пустыми глазами. Ей показалось, что слышится далекая музыка струнных инструментов, но так тихо и далеко, что Эйлия подумала, не померещилось ли ей. Коридор привел к двустворчатым позолоченным дверям, а потом свернул направо, и Эйлия, заглянув туда, увидела марш ступенек, ведущих к другой паре дверей. Она решила сперва попробовать первые двери, толкнула одну из них, вошла и огляделась.

Это была церковь, но во много раз больше церкви Королевской Академии. Стены белого мрамора согревало множество горящих ламп, потолок расписан был облаками в голубом небе, а в святилище стоял не портал с резными воротами, не образ бородатого бога Аана в хитоне, но женщина в синем платье на круглом пьедестале. Лицо ее было безмятежно, белокаменные черты его застыли в вечно юном покое, золоченые волосы волнами спадали к ногам. В мраморных руках женщина держала гирлянду живых цветов, у подола ее платья играли изображения детей и животных, а на голове сияла корона звезд. Эларайния, богиня Утренней звезды.

Где же это все находится? Это у нее видения далекого прошлого, как у Дамиона? Но он говорил, что в своем сне ничего не мог коснуться, а здесь все было реальным на ощупь. Эйлия протянула руку, положила ладонь на ближайшую скамью. Дерево — прочное, твердое.

И слишком пусто было в этой церкви: ни жрецов, ни молящихся. Была здесь лишь гулкая тишина, как бывает в святилищах, и она казалась гуще оттого, что Эйлия была одна. Но ведь цветы на руках статуи свежи, и лампы зажжены перед приходом ночи. Кто-то здесь был, причем недавно.

Она решила пойти ко вторым дверям. Они тоже оказались открыты. За ними находился просторный пиршественный зал с длинными рядами темных деревянных столов и возвышением у дальней стены. Там стоял высокий стол и несколько кресел, и одно из них было величественно, как трон. Зал украшали знамена и гобелены, высокие окна забраны цветным стеклом, и в ближнем к Эйлии конце расположились хоры для менестрелей. На столах стояли вазы со срезанными цветами, а также чаши со свежими фрук-

тами: ананасами, гранатами, нефритово-зеленым виноградом и другими, которых Эйлия не узнала. Скульптуры из сахарной ваты, изображавшие замки, лебедей и корабли, перемежались подносами разноцветных сладостей и высокими графинами с темными наливками или винами. При виде этой роскоши живот у девушки свело от голода. Кажется, вечность прошла от последней трапезы, состоявшей из размоченных корабельных сухарей, но она не решалась украдкой взять что-нибудь с блюд.

«Как в волшебной сказке. Стоит мне только прикоснуться, как распахнутся двери, и ворвется людоед, или страшное чудовище, или черный рыцарь...»

Она оглянулась на дверь, наполовину ожидая, что кто-нибудь из этих волшебных гостей сейчас явится, не ожидая повода. Но никого не было.

И тут снова заиграла музыка, на этот раз громче — и ближе. В стене за помостом Эйлия заметила полуотворенную дверь, и эти звуки доносились оттуда. Девушка медленно пошла к помосту. В таком величественном месте, даже безлюдном, ощущалось какое-то достоинство, и Эйлия чувствовала, что должна вести себя уважительно. Поэтому перед ступенями помоста она замялась в нерешительности, но музыка тянула ее к себе своей красотой, своим обещанием человеческого общества. Если, конечно, эти музыканты — люди. Заглянув осторожно за дверь, девушка увидела винтовую каменную лестницу, ведущую вверх. Музыка катилась по ней водопадом.

Очевидно, над этим залом должен быть еще один, где сейчас происходит веселье. Эйлия поспешила наверх. И — да, теперь слышались людские голоса, далекий говор! Подавив почти истерический вскрик облегчения и нетерпения, девушка бросилась вверх по каменным пролетам. Увидеть снова людей, кого угодно!

Ступени заключались внутри колонны резного камня, а на площадке открывалась выводящая из колонны дверь со стеклянными панельками, как окошки. Эйлия шагнула за порог и оказалась в каком-то широком коридоре. Он почти сразу сворачивал за угол, а на другой стороне кончался стеной с окном. Но на полпути к нему открывалась другая дверь в большую комнату или зал, и там было полно народу.

Вдруг Эйлию обуяла застенчивость — такое величие исходило от этой комнаты, как и от пиршественного зала внизу. Она заглянула осторожно в дверь. Зал был роскошен так, что поверить невозможно, весь изукрашен золотыми листьями. Но так же поразительны были и находящиеся в нем сейчас люди, собравшие-

ся перешептывающимися группами. Они были убраны в самые драгоценные ткани, шелк и парча блестели повсюду. Руки и шеи этих людей украшали драгоценные камни, горящие каждый своим огнем, и по всему залу будто танцевали блики света, огоньки фей всех возможных цветов. И все же куда величественнее были сами эти люди; их черты напоминали элейские статуи в Лиамаре. «Элеи! — подумала девушка. — Это они! Значит, действительно есть в мире элеи...»

Но были и другие люди, более обыкновенного вида, одетые попроще и стоящие возле стены. «Значит, вот где все слуги — они пришли посмотреть на то, что здесь происходит! Значит, это невероятно важно!»

Как ни тянуло Эйлию к людям, она не решилась ворваться в это величественное собрание. Эти люди, блестящие своей утонченностью, наверняка представители благородной крови, собравшиеся ради какого-то важнейшего случая. Она заметила, что они часто оглядываются на двери, очевидно, ожидая чьего-то появления. И она вздрогнула, представив себе переполох, который она бы вызвала, появившись так, непрошеной гостьей в рваном и обтрепанном с дороги наряде. Она подалась назад, радуясь, что никто не заметил, как она глазела из-за двери.

С конца коридора донесся звонкий крик глашатая:

— Она грядет, Владычица Света грядет! Дочь Небес, Трина Лиа!

«Трина Лиа?»

Эйлия бросилась назад к лестнице, выглядывая из окошка. Из-за угла появилась любопытная процессия. Во главе ее шли женщины, одетые в белое и с покрывалами на лицах, неся серебряные подсвечники. Конечно, это сивиллы, как в прежние времена. И этот древний орден тут тоже существует.

Четверо этих женщин несли синий балдахин со звездами. Под ним шла фигура в спускающемся до пола покрывале, и сначала видны были только контуры ее, размытые столбом туманного света: женская фигура, высокая и стройная, в развевающихся белых одеждах. На лбу ее сверкала диадема, а вокруг вилась золотая мантия — нет, это ее длинные золотисто-белокурые волосы спадают до колен. Женщина подошла ближе, и Эйлии стало видно ее лицо. Она ахнула и бросилась в коридор.

— Лорелин? Лорелин!

— Эйлия!

Вуаль отлетела в сторону, и Лорелин предстала в жемчужно-белом платье, с расплетенными косами. Так величественна она была, что Эйлия только могла глазеть, разинув рот. Процессия ос-

тановилась, сбитая с толку. Свита, группа благородного вида кавалеров и дам, обменивалась озадаченными взглядами и тихо переговаривалась.

— Лорелин, это правда ты? — воскликнула Эйлия. — Ты и есть принцесса?

— Так они говорят, — ответила девушка, махнув рукой в сторону свиты. — Похоже, что Ана была права.

— Тогда это твой дворец? Но где мы, Лорелин? Где это все находится?

— Мы в Элдимии. Ана и в этом была права.

Элдимия! Значит, она все-таки существует, как и Тринисия. Сколько же времени прошло с отлета с Элендора и до появления здесь? У Эйлии голова шла кругом.

— Но ты-то как сюда попала? — выпалила Лорелин, хватая Эйлию за руки. — Меня привез сюда Мандрагор на летающем драконе — он выполнял его команды, и мы летели на спине верхом! Мы летели через какую-то там Эфирную плоскость — странное такое место, все заполнено светом. Мандрагор мне объяснял, но я все равно не смогла понять, надо будет тебе его самого спросить. Он великий чародей, Эйлия, и он все-таки на нашей стороне. Мне жаль, что я его подозревала. Он собирается мне здесь помочь, научить править.

— Меня тоже привез сюда его дракон, — сообщила Эйлия. — Наверное, он приучен сюда летать. Только я мало что помню об этом полете.

Она не стала упоминать о похожей на сон остановке на Луне — Эйлия сама не была теперь уверена, что это так и было.

— Мы теперь в другом мире, и он совсем другой, — говорила Лорелин. — И этого я тоже не понимаю! Но вот они мы, и здесь нам придется оставаться, полагаю — разве что ты уговоришь Мандрагора отправить тебя домой.

— В другом мире? — повторила Эйлия.

Она увидела теперь Мандрагора в свите; он был одет в темно-синий камзол и чулки, а за спиной у него развевалась черная мантия с оторочкой алого шелка. Колдун и девчонка-островитянка глазели друг на друга: впервые она увидела Мандрагора, пораженного неожиданностью.

— Это что еще? — повернулся он к стоящему рядом с ним человеку. — Я дал строгий приказ, чтобы никого не пропускали через главные ворота, помимо выборных представителей.

— Ни один человек с такой внешностью не входил через внешние ворота, господин, — прозвучал почтительный ответ. — Я не

знаю, как она могла сюда попасть, если не была уже здесь перед тем, как выставили охрану.

— Но ты же одна! — продолжала Лорелин разговор с Эйлией, не обращая внимания на Мандрагора. — Что сталось с Дамионом и Йомаром и со старой Аной? И с кошкой?

Мандрагор решительно шагнул вперед, опустил вуаль на лицо протестующей принцессы и подтолкнул ее вперед вместе с царственным балдахином.

— Продолжим, — бросил он коротко свите. — Люди ждут.

И все подчинились ему как в трансе — неожиданное отклонение от торжественного протокола будто сбило всех с толку. Мандрагор остался позади, глядя на Эйлию.

Одного взгляда в его прищуренные глаза было достаточно. Проглотив все свои возражения, Эйлия повернулась и бросилась обратно к лестнице.

Дамион и Йомар в молчании шли по улицам города. Они переоделись в чистую новую одежду — рубашки и штаны из мягкой ткани, которые дала им хозяйка гостиницы. Она и ее помощницы мало говорили с гостями, но смотрели на них с явным любопытством и даже с некоторым трепетом. Дамиону трудно было не смотреть на них в ответ — хозяйка была элейкой: очень высокой, с тонкими чертами лица, с распущенными рыжевато-каштановыми пышными волосами за спиной. Кажется, по ремеслу она была целительницей, и она ушла из дома вместе с Аной и еще несколькими людьми, в основном элеями, хотя был среди них миниатюрный каанец с длинной белой бородой и еще высокий темноволосый мужчина, которого Дамион узнал по своему видению, когда ему явились дворец и принцесса-младенец. Ана назвала этого человека королем Тироном.

— Он не то, что ваши наследственные монархи, — объяснила она. — Он был коронован как консорт матери Трины Лиа, королевы Элараинии, и титул его чисто почетный, как и у нее. Реальной власти у него нет. Но его очень любит здешний народ.

Человек этот мало переменился по сравнению с видением Дамиона, если не считать серебра на висках, которые могли побелеть не от старости, а от горя и скорби.

Дамион и Йомар подождали, пока Ана и ее спутники ушли, потом тоже пошли прочь из гостиницы. Сговариваться им не надо было: каждый читал мысли другого по глазам. Они, вопреки предупреждению Аны, шли во дворец — предложить свою посиль-

ную помощь. Каждый из них надел свою перевязь с мечом, и эти перевязи привлекали любопытствующие взгляды прохожих. А сами они глазели в изумлении на все, что видели. Мирамар, кажется, вдвое, если не больше, превосходил по величине Раймар в Маурайнии, но выглядел более упорядоченным и спокойным. Не было здесь ни нищих, ни мусора в сточных канавах, ни вонючих темных переулков. Были фонтаны, зеленые парки, обсаженные деревьями улицы, изящные дома и особняки. Доминировал мрамор, в основном, белый. Окруженные колоннами дворики давали приют садам, которые излучали аромат цветов и деревьев. Господствовало над городом здание под белым куполом, превосходившее по размеру Высокий Храм в Раймаре. Дамион смотрел на башни, взлетающие к небу как вызов привязавшей их к себе земле. Рука смертного не могла возвести такой город: он должен был вырасти сам, как растет лес, рощами живого камня, стекла и хрусталя, прорвавшихся цветами колоколен, куполов, башен. Они с Йомаром прошли под высокой триумфальной аркой, покрытой алебастром и инкрустированной узором разноцветных драгоценных камней. Сапфиры, изумруды, бирюза, гранат, халцедон — Дамион слышал, как эхом отдаются у него в голове эти слова. Такие камни украшали Небесный Град в Писании. Не от этих ли зданий возникли предания о нем?

Разглядывая лица на улицах, Дамион снова и снова поражался красоте элеев, которых в городе была, кажется, половина всего населения. Все были одеты по моде ушедших веков: мужчины в камзолах и панталонах, женщины в длинных развевающихся платьях. Как будто он снова погрузился в свое видение прошлого Тринисии, но на этот раз элеи его видели, он мог смотреть им в глаза и обмениваться любезностями, проходя мимо. Повсюду разыгрывались интригующие сцены. В одном парке люди собрались послушать бородатого старика — поэта? пророка? философа? — вещавшего что-то по-элейски. В другом группа детей играла со странным мохнатым зверем, чем-то средним между собакой и обезьяной, а вокруг танцевали люди под музыку странствующего менестреля. Вообще атмосфера была какая-то праздничная: яркие флаги и вымпелы на улицах, в воздухе звон голосов и раскаты смеха.

— Отчего вы такие мрачные? — спросила одна женщина из толпы, приблизившись к ним в танце с гирляндами цветов на руках. — Разве вы не слышали? Трина Лиа вернулась к нам с небес, чтобы снова жить в Халмирионе!

— А можно ли увидеть Лор... то есть Трину Лиа? — спросил Дамион.

Женщина покачала головой:

— Только эмиссаров и носителей высших титулов допускают войти — ну, и, конечно, короля Тирона. Говорили, что недавно он прошел по улицам к Халмириону. Еще говорят, что у принцессы множество свирепых врагов, и ее стража должна быть бдительной. Но вы не бойтесь: она в надежных руках. Потому что с ней, как говорят, чернокнижник, повелитель Эфира, и владеет он несравненной магией, и может странствовать куда пожелает, даже за пределы мира. Он ее и привез сюда из изгнания на Синей звезде.

Синяя Звезда... Дамион посмотрел в ночное небо. Между окрашенными серебром облаками сверкала синяя точка, больше и ярче любой звезды. Дома, в Маурайнии, он бы назвал ее Вечерней звездой. Но этой звездой не была планета Арайния: та была повсюду вокруг него, город, и горы, и земля, по которой он ступал. Это значит, что Синяя звезда...

Дамион поглядел на яркий синий свет, озарявший улицы, и поежился. Он уже заставил себя как-то поверить в то, что рассказала Ана — что город и местность, где он находится, принадлежат иному миру, и что смертный может выйти за пределы своей родной земли и ступить в иную планетную сферу. Люди, которые ходили, болтали и веселились вокруг, были потомками тех, кто неведомым искусством пересек пустоту между мирами и поселился на Арайнии. Это до него еще доходило, но остальное... поверить, что Синяя звезда — его родной мир, что Тринисия, Маурайния и Зимбура, все их города и леса, пустыни и поля, океаны и архипелаги, монастырь, где он вырос — все, что он когда-то называл словом «мир», сжалось в эту далекую и маленькую точку света...

— Ты не слушаешь! — упрекнул его Йомар.

— Что? — рассеянно переспросил Дамион.

— Что с тобой? — рявкнул Йомар. — Как будто тебя сильный солнечный удар хватил. Ты что, в самом деле поверил во всю эту муть насчет планетных сфер? Пусть это другая страна, но мир все тот же, наш.

Дамион ничего не сказал. Это не был, и не мог быть его родной мир. Во-первых, странное ощущение легкости, будто он весит меньше, чем раньше, и теперь и ходить, и бегать, и подниматься по лестнице стало куда проще. Потом этот разреженный воздух — как в горах, да только они здесь на уровне моря. И небо: на Элендоре луна была в первой четверти, а здесь она круглая, полная и

непривычного цвета — с оттенком светло-синего. А звезд таких ярких он вообще никогда не видел. Анатарва пылала теплым желтым светом, звезды в Единороге синим и белым, красная звезда Утара в Модриан-Валдуре горела как тавро. Созвездия тоже были не весенние, а осенние, начало осени. Между крупными звездами виднелись многочисленные мелкие, которых Дамион вообще никогда до того не видел. Необычная белая дуга на небе тоже присутствовала: облака начинали расходиться, и видно было, как она тянется от восточного до западного горизонта. Блестящая протяженность ее казалась твердой, с отчетливыми краями, которые не расплывались и не бледнели.

И сами элеи, давно исчезнувшие из известного ему мира...

Однако спорить с Йомаром не было времени. Мохарец был раздражительнее, чем обычно: быть может, мысль о пребывании в чужом мире его пугала, и он ее отвергал, чтобы сосредоточиться на ожидающей их схватке. Драться — в этом он понимал. Это он умел делать лучше всего другого.

Теперь они видели, что холм, на котором стоит дворец, находится за городской чертой в окружении лесного массива, как частный парк за белой стеной. А в золотых его воротах стояли люди в сине-серебряных ливреях.

— Нам туда не попасть, — произнес Дамион при виде этого зрелища.

Белые зубы Йомара блеснули в его прежнем веселом оскале:

— Ты так думаешь? А стена не слишком высокая, и ни шипов, ничего такого у нее наверху! Часовые тоже только у ворот. Эти люди понятия не имеют об охране зданий. Перелезем легко: если найдем бочку или что-нибудь такое, на что встать, я тебе влезу на плечи, а потом втяну тебя за собой.

— А что там внутри? — спросил Дамион. — Дозорные? Собаки?

«Драконы и трехголовые чудовища?» — добавил он про себя. Кто может знать, что там затаилось в этих безобидных с виду стенах? Может, потому и нет шипов и вооруженных часовых, что их не надо...

Йомар пожал плечами; глаза его свирепо и весело сверкнули. Теперь, когда у него был план действий, обескуражить его было невозможно:

— А у нас мечи.

Он зашагал вперед, и Дамион следом. Они шли навстречу белым стенам и тому, что ждало их внутри.

23
Тьма и Свет

Эйлия проснулась от болезненной пульсации в левом виске. И что-то неприятное застряло в глубине сознания, как после тяжелого сна.

Потом она вспомнила.

Мандрагор!

Она вздрогнула, вспомнив выражение его лица, когда он подошел к ней там, в коридоре — выражение удивления и гнева в этих кошачьих глазах. Она тогда побежала от него, споткнулась и упала головой на лестницу. После этого она уже ничего не помнила. Наверное, он ее унес, пока она была без сознания. Открыв глаза, Эйлия со страхом огляделась, мигая по мере того, как прояснялось сознание.

Но эта комната ей знакома... Застеленная красным кровать, на которой она лежит, каменные стены, гобелены. «Это та странная комната в подвалах замка. Подземная тюрьма, где Мандрагор держал меня и Лорелин. Как же я сюда снова попала?»

Она села, потирая ноющий висок, и увидела, что одета в ночную рубашку из какой-то грубой серой материи. Когда она стала ощупывать незнакомую ткань, открылась дверь и вошел Дамион. Он был одет в лохмотья, усталое лицо в трехдневной щетине. Что-то было странное в нем, в том, как его синие глаза встретили ее взгляд.

Она подпрыгнула и пошатнулась, когда боль снова ударила в голову.

— Дамион! Как мы попали сюда — в Маурайнию? Это меня тот дракон принес? А как ты...

Дамион стоял, сложив руки на груди, глядя на нее синими отчужденными глазами.

— Значит, ты к нам вернулась, — бодро сказал он. — А то мы уж не знали, что с тобой делать.

— *Делать?* Не понимаю. — Почему он на нее так смотрит, будто едва с ней знаком? Она была в недоумении и растерянности. — Дамион? Расскажи, прошу тебя, что случилось? Как мы сюда попали?

Он сел рядом на вышитый стул.

— Эйлия, что ты помнишь последнее?

— Помню? — Она вернулась мыслями назад. — Дворец. Я была в красивом дворце, в стране из волшебной сказки. В Элдимии. И

еще там была Лорелин. Она на самом деле Трина Лиа, Дамион, — это правда! — Эйлия остановилась и нахмурилась: — И еще там был Мандрагор.

— Еще что-нибудь?

Синие глаза просто сверлили ее.

— Еще... дракон. Вот как я туда попала. Он меня спас. Мы летели в небо, к луне... — она замолчала, когда он приподнял брови. — Дамион, это *правда*. Когда вы с Йомаром ушли в ту пещеру...

— Мы с Йомаром? — повторил он ее слова с озадаченным видом. — В какую пещеру? Эйлия, ты ведь не знаешь, что случилось?

— Случилось?

Он встал и начал расхаживать по комнате.

— Тебя и Лорелин здесь держал несколько недель назад один человек по имени Мандрагор...

— Да, чародей.

Дамион нетерпеливо встряхнул головой:

— Да не чародей, обыкновенный человек. Он хотел удержать Лорелин подальше от нас...

— От нас?

— От колдунов. — Он остановился и посмотрел на нее в упор. — Ладно, начну с самого начала. У нас есть ковен, мы встречаемся в катакомбах. Ана — наш предводитель, а Лорелин выбрана, чтобы стать новым предводителем — верховной жрицей, если хочешь. Вот почему я вообще привез ее с архипелагов. Глупая девчонка пока упирается, но мы сумеем ее уговорить.

Эйлия посмотрела на него пристально.

— Это неправда, — сказала она тихо. — Все было не так.

— Мандрагор узнал про нас и выдал нас патриарху, который явился с толпой поселян, чтобы нас выгнать. Некоторые из наших стали несколько неосторожны — жгли амбары и так далее. Нас с Аной нашли в развалинах, а еще тебя и Лорелин. А этот перебежчик Йомар снова удрал к зимбурийцам, конечно, как только унюхал, куда ветер дует. Но мы сбежали от охраны и прячемся здесь с тех самых пор. Как только все стихнет, мы возьмем с собой Лорелин и отправимся в горы. Если повезет, доберемся до Маракора без приключений.

Эйлия вскочила:

— Нет! Я тебе не верю! Все неправда! — Ее наполнил панический страх. — От охраны мы не сбежали — они нас взяли на свой корабль, отвезли на север, в Тринисию. Это *там* мы сбежали от них, и Йомар с нами, и он помог нам, и мы искали Звездный Камень...

Она смутилась, замолкла под его неотрывным взглядом.

— Да, ты что-то такое все время несла в бреду. Это от зелья, которым мы тебя напоили.

Зелье? Она рухнула обратно на кровать, руки и ноги тряслись. В голове что-то будто стучало молотом.

— Нам пришлось тебя здесь держать последние три недели, а ты оказалась очень шумным и непокладистым пленником. Мы тебе дали зелье, чтобы успокоить, но у тебя тогда начался бред. Пока что мы еще не можем тебя выпустить, сначала надо переправить из страны Лорелин. Пойду расскажу Ане, что ты наконец очнулась.

Он повернулся, будто собираясь уходить.

— Бред. Значит... ничего этого не было.

Океанское плавание, поиск Камня, полет на спине дракона, прекрасный элейский дворец. И дружба Дамиона — ничего этого не было. Этот холодный и жесткий Дамион не был тем Дамионом, которого она знала. Но тот, кажется, вообще был горячечным сном.

— Нет! — простонала она. — Нет! — Она посмотрела загнанными глазами. — Не может быть, чтобы это был только сон! Не может...

Она осеклась, закрыла лицо ладонями. Да, это была иллюзия — разве она не сомневалась все это время? Лорелин, старая Ана, Дамион, Камень, остров фей. Теперь ясно, как горячечный мозг все это сложил воедино, сплел все пряди ее жизни и старых сказок в одно полотно!

— Но все было так... по-настоящему, — сказала она, запинаясь. — Плавание, и поход к горе, и потом Камень Звезд! Он был точно такой, как я себе воображала...

— Вот именно. Ты его *воображала*. Ты нигде не была, Эйлия Корабельщик, только здесь все это время. Зелье убрало некоторые твои воспоминания и заменило их иллюзиями. Ана говорила, что так может случиться. У тебя голова болит? — Эйлия кивнула. — Она предупреждала, что может немного потом поболеть. Это все травы, Эйлия. — Он наклонился вперед. — Ты можешь вспомнить свою настоящую жизнь? Скажи мне, откуда ты приехала?

Слова выпадали из ее губ как свинцовые:

— С Большого острова.

— Так, это воспоминание не утеряно, уже хорошо. Где ты родилась? Кто твои родители?

— В деревне Бухта, на южном берегу. Отец мой — Даннор Корабельщик, мать зовут Нелла.

Синие глаза будто прожигали в ней дыры.

— Говори дальше, с самого начала. Что ты помнишь самое первое в жизни?

— Я... я не знаю.

Кровь стучала в виски молотками, не давая ни о чем думать.

— Говори, говори, первое воспоминание есть у каждого. Найди его, Эйлия. Вспомни, кто ты.

Голова плыла, проваливалась. Эйлия охватила ее ладонями.

— Оставь меня. Зачем ты про это спрашиваешь? Оставь меня в покое!

— Я хочу тебе помочь. Ты должна мне верить...

— Верить тебе? — воскликнула она, охваченная страданием и горечью. Неужто это и есть настоящий Дамион Атариэль, этот холодный лжец? Если так, лучше было бы ей не выходить из бреда. — И ты еще зовешь себя священником! — бросила она ему в отчаянии и злости.

— Уже нет. Я лишен сана и не делаю из этого тайны, все знают. Я ведь и рукоположен был только год назад.

— Два года! — отрезала она — и остановилась.

В комнате вдруг наступила полная тишина. Стены заколебались перед глазами, как от жара. Эйлия начала вставать с кровати, все еще глядя на стоящего перед ней человека.

— Тебя опять подводит память, — сказал он. — Ты думаешь, я не помню день своего рукоположения?

Но она успела заметить минутную нерешительность перед ответом.

— Как звали твоего лучшего друга в приюте? — спросила она.

Он ничего не сказал, глядя на нее сердито, потом так же сердито спросил:

— Причем здесь это?

И его глаза стали похожими на лед.

Теперь она была уверена.

— Не знаешь! — Эйлия спустила ноги на пол. — А я знаю. Мне Лорелин сказала. Его звали Каитан. — Она встала прямо перед ним. — Ты не Дамион.

— Эйлия, ты же не думаешь, что...

— *Ты не Дамион!* — вскрикнула она решительно.

Этот человек был похож на него, и все же не до конца. Не Дамиону принадлежала душа, что смотрела из этих холодных синих глаз.

Тогда он сбросил маскарад, как сбрасывает человек плащ с плеч: глаза Дамиона исчезли, и перед ней стоял Мандрагор.

— Дура ты! — прошипел он. — Не хочешь, чтобы было по-хорошему.

Стены качались, как занавеси под ветром, мотаясь и растворяясь в воздухе. Потом они исчезли, и Эйлия оказалась в другой комнате — отлично убранной, просторной, с лепным потолком. А за ее высокими окнами виднелись на фоне темного неба башни.

«Я все еще во дворце!»

Она посмотрела на человека перед дверью — изящной, высокой и золоченой дверью с резьбой у притолоки.

— Иллюзия. Это была иллюзия?

Он кивнул.

— Я хотел тебе помочь. Хотел вернуть тебя в Маурайнию, в развалины Академии. Ты бы проснулась и быстро убежала бы, и всю жизнь считала бы, что у тебя была галлюцинация...

— И ты хотел, чтобы я поверила в такую ужасную ложь про Дамиона и Ану!

Она пятилась, он наступал. Эйлия заметила, что одета не в ночную рубашку, а в истрепанную за время путешествия одежду воспитанницы. Истерический смех рвался из горла. Значит, все это было, было на самом деле, и приключения в поисках Камня действительно происходили!

— Послушай меня, Эйлия, — стал говорить Мандрагор. Из его голоса ушла злость, он звучал успокоительно и мягко. — Я не хотел причинять тебе вреда. Иллюзия должна была только облегчить тебе возвращение в Маурайнию. Я пытаюсь тебе помочь, указать правильную дорогу.

— А почему ты здесь, с Лорелин? — возразила она. — Где остальные? Ты с ними тоже что-нибудь сделал?

— Пора вернуться домой, Эйлия. Тебе здесь не место.

Она не должна была слушать. Голос звучал тихо, гипнотически, и с каждой фразой он подходил чуть ближе. Надо что-то сделать, но что? В отчаянии она стала вспоминать древние легенды, героев и героинь, чьей стойкостью и находчивостью она так восхищалась.

Отвернувшись от Мандрагора, она бросилась к ближайшему окну, выходящему в передний двор.

— Дракон! — вскричала она. — Ручной дракон, который меня сюда привез, — он летит сюда!

— Ты думаешь, я поддамся на такой фокус? — спросил он презрительно.

— Но это ведь он! — Эйлия с усилием вытащила задвижку, распахнула окно. — Здесь! Я здесь! — крикнула она в ночь.

И краем глаза заметила, как Мандрагор шагнул к другому окну, выходящему во двор.

Она тут же метнулась к двери.

Не заперта. Меньше чем за секунду Эйлия отворила ее и побежала по коридору. Услышав сзади его шаги и окрик, она припустила изо всех сил. Коридор упирался в тупик у нее за спиной и сворачивал за угол впереди, но прямо посередине он превращался в открытую галерею с ограждением, и двойная мраморная лестница вела вниз под резным потолком. Да, это та самая парадная лестница! Подхватив рваные юбки, Эйлия бросилась вниз, уверенная, что Мандрагор бежит за ней, хотя оглянуться даже на миг не смела. Она вылетела из дверей на мощеный двор.

Здесь все так же никого не было, кроме лошадей и карет; помощи ждать неоткуда. Но и препятствий тоже. Эйлия бежала со всех ног, не обращая внимания на колики, снова расползавшиеся в боку, бросилась в большие ворота и вниз по мощеной дороге, будто за ней гнались все демоны Пропасти.

Небо над головой потемнело, облака громоздились на нем, скрывая звезды. Надвигалась буря: сверху слышался гром. Эйлия не знала, куда бежит, и сейчас ей это было все равно. Единственная мысль — скрыться от чародея. Может быть, можно спрятаться от него где-нибудь в саду замка? Столько павильонов, беседок и прочего...

Она не видела человека, пока он не схватил ее за руку так, чтобы она не вырвалась, хотя и не так сильно, чтобы стало больно.

Она закричала, стала выдираться изо всех сил, но их было недостаточно, чтобы разорвать его хватку.

— Действительно Эйлия! — воскликнул его голос.

А голос этот был ей знаком — голос Йомара! Рядом с ней стоял мохарец; только настоящий ли — или это опять иллюзия?

— Эйлия! — воскликнул второй голос, и из темноты появился Дамион. Он подошел к ней и положил руки ей на плечи. — Мы слышали твой крик. Что ты здесь делаешь?

Эйлия обмякла от радости. Это не иллюзия, это действительно тот Дамион, которого она знает, которому верит, которого любит. Как он оказался здесь, она не знала и знать не хотела: главное, что он был. Она упала в его объятия и закрыла глаза.

— Кажется, — произнес голос позади, — что у меня посетители.

Все одновременно обернулись — в воротах внутреннего двора стоял Мандрагор.

— Нельзя сказать, что неожиданные посетители, — продолжал он, направляясь к ним. — Я знал, что вы придете, раз Ана ожила. В

Тринисии я сохранил вам жизнь в счет уплаты старого долга. Но сейчас ничего меня не сдерживает.

Йомар шагнул вперед и выхватил меч:

— Если ты хочешь драться, я буду рад сделать тебе одолжение!

— Не будь дураком, — холодно бросил Мандрагор.

Раздался скрежет — это Дамион вытащил меч; оружие, которого Эйлия еще не видела. Клинок блестел, как алмаз. Дамион подошел и встал рядом с мохарцем. Мандрагор не отступил при виде двух приближающихся людей и глядел на них с неприкрытым презрением.

— Йомар, Дамион, остановитесь! — крикнула Эйлия. — Он прав, вам против него не биться!

Дамион был уже в двух шагах от Мандрагора, когда услышал ее предупреждающий крик. Но глаза его были прикованы к лицу врага. В полутьме глаза Мандрагора стали еще страннее, щели зрачков расширились, захватив почти весь глаз целиком. Где же он видел такие глаза, глубокие, как черная ночь, окруженные тонкой ленточкой золота?

Мандрагор выпрямился во весь рост, распростер руки, длинный плащ с подкладкой из красного шелка поднялся на ветру подобно крыльям. Из ниоткуда возник туман, заливая траву; неестественный туман, который не уступал ветру, но вскипал плотной белой колонной. В этой темноте высокая фигура чародея будто стала больше прямо на глазах. И за ним действительно распростерлись крылья, красные с черным, полупрозрачные и костистые, как у нетопыря... И лицо его изменилось: огромные расширенные глаза стали еще больше, из спутанной гривы волос вырвались наверх два рога. Руки с острыми когтями тянулись к людям.

Будто в кошмаре возникала в тумане новая сущность — огненного цвета, в броне чешуи, с крыльями, затмевающими небо, с двурогой головой, где горели черным огнем глаза. Мандрагор не гломерию наводил на людей, чтобы сбить их с толку — это все было на самом деле. Земля затряслась под его шагами. Дамион смотрел на чудовище, оцепенелый. Этот был вроде больше того, что видел Дамион в пещере в горах. Мрачные злобные глаза, черные с золотом, пылали светящимися дисками. *Глаза Мандрагора*. Но на этот раз не было времени думать над страшным превращением — царь драконов напал на людей.

За спиной вскрикнула Эйлия, и этот звук хлыстом бросил Дамиона в действие. Он поднял меч, вспомнив, как испугался его дракон в темноте пещеры. Царь драконов остановился посреди

движения, горящие глаза сощурились, со злобной пристальностью глядя на меч.

Потом дракон взметнулся на дыбы, ревя от ярости, потому что Йомар, оправившись от первого потрясения, напал на него сбоку. Повернувшись к нему, дракон махнул лапой, и мохарец кубарем отлетел прочь.

Дамион тут же бросился вперед, следуя примеру Йомара, и нанес удар в левый бок.

Но царь драконов был не просто животным, чтобы так легко перехитрили его противники. Рыча в гневе, он поднялся в воздух, ударяя сверху клыками, хвостом и когтями. Его ярость все так же наполняла ночь шумом, и так же он преграждал путь в Халмирион.

Во двор высыпали встревоженные люди, очевидно, на шум битвы, и остановились как вкопанные, увидев дракона. В центре их была Лорелин, и она с криком протолкалась сквозь толпу, подхватив левой рукой длинные юбки. В правой руке у нее было что-то, сиявшее при свете ламп блеском стекла.

Эйлия в ужасе застыла как вкопанная. Она видела лежащего на земле Йомара, видела, как отмахивается мечом Дамион от щелкающих челюстей. Она заставила себя вглядеться в хлопающее крыльями чудовище: это был дракон, но это был и Мандрагор. Двое были одно, и это всегда так было. В голове прозвучал голос Аны: *Небесные драконы могли менять по желанию свой облик, превращаться в кого хотят — в птицу, в зверя, в человека.*

Она глядела, охваченная страхом, как Дамион нацелил удар в коготь, летящий на него, но не заметил заходящего одновременно сзади хвоста.

— Дамион, осторожно! — закричала Эйлия.

Средняя часть хвоста, толщиной с талию девушки, ударила Дамиона в спину и свалила на колени. Алмазный меч вылетел из его руки.

— *Нет!* — крикнула Лорелин и бросилась вперед с Камнем Звезд в руке.

Дракон опустился на землю и обернулся к ней. Воздух, и без того тяжелый перед грозой, уже затрещал электричеством, когда эти двое стали сходиться. Напряжение зашипело между ними, как молния.

Лорелин побледнела, но она встала между драконом и двумя упавшими воинами, сжимая в руке Камень. Она держала его угрожающим и охранительным жестом, но его хрустальные глубины не горели уже, как раньше, звездным светом. Это был всего лишь

прозрачный самоцвет, холодный и безжизненный. Дракон шагнул к ней, ничуть не устрашенный, вытягивая вперед чешуйчатую шею.

Лорелин с криком отбросила Камень и нырнула вбок за алмазным мечом Дамиона, сверкавшим на траве. Схватив украшенную рукоять двумя руками, она подняла клинок навстречу дракону. Оружие запылало синим огнем, и дракон с ревом расправил крылья.

«Нет, — подумала Эйлия. — Это неправильно. Трина Лиа должна встретить дракона Камнем Звезд. Иначе ей не победить...»

Лорелин, воодушевившись, взмахнула мечом, метя в вытянутую морду чудовища, но он убрал голову и прыгнул в воздух. Золотые волосы Лорелин развевал ветер от его крыльев.

— Лори, не так! Камень! Твое оружие — Камень!

Эйлия отчаянно огляделась. Толпа на крыльце все еще сгрудилась в страхе. Дамион на земле пошевелился, оглушенный, попытался встать. Йомар тоже ворочался, пытаясь подняться, тряся головой и оглядываясь в поисках меча.

Камень Звезд — единственное оружие, нужное Лорелин, то, которым она рождена владеть. Собрав всю свою смелость, Эйлия побежала к брошенному самоцвету. Он снова начинал разгораться, бледным светом, как луна, полуприкрытая тонкими тучками. Эйлия упала на колени и сомкнула руку вокруг кристалла. Сразу же он разгорелся сильнее, ярче — ослепительно. Она отвернула глаза.

Царь драконов снова понесся к земле, и огромная голова метнулась вперед, как у нападающей змеи. Лорелин стояла твердо, готовясь встречать выпад, но это был всего лишь финт, и когда она послала клинок ему навстречу, дракон ушел в сторону. Лорелин не смогла в своем длинном платье удержать равновесие — она споткнулась при попытке развернуться к врагу лицом. Эйлия не успела вскрикнуть, как левая лапа ударила девушку, меч выпал на траву, а она сама упала, покатилась, перевернулась раз, другой — и застыла.

— Лори, Камень! — взвизгнула Эйлия. — Возьми, возьми его!

Но подруга лежала недвижимо. Эйлия побежала к ней, размахивая пылающей драгоценностью.

— Эйлия, назад! — крикнул в ужасе Дамион, когда дракон повернулся к ней.

Лорелин все еще лежала недвижно — без сознания или мертва? Эйлия потрясла ее за плечо, потом повернулась к этому ужасу клыков, чешуи, когтей — в пяти шагах от себя. Камень в руке разгорелся белым, лучи пробивались сквозь пальцы, окрашивая их

красным, сияние било в глаза дракону, заставляя эти зрачки сужаться в щелки, в глубокие трещины, откуда смотрело мрачное зло. Но он боялся — она видела, что боится! Не Камня, но света, исходящего из него.

Изо всех сил, со всей мощью отчаянного страха она бросилась вперед и сунула самоцвет в чешуйчатую морду.

Чудовище с ревом отпрянуло. Она пошла на него, шаг за шагом, вытянув руку ладонью вверх, чтобы свет от Камня бил без препятствия, держа его как щит между драконом и Лорелин. И снова отступил дракон. Дамион и Йомар воспользовались этой минутной передышкой, чтобы поднять свои мечи и снова встать на ноги, напав на дракона справа и слева. Клинок Дамиона нашел щель между двумя брюшными пластинами и вонзился глубоко в тело, а лезвие Йомара разорвало машущее крыло. Хлынула кровь, темнее алых чешуй, и дракон с ревом отскочил. У Дамиона вырвало из рук меч.

С мечом в боку огромная тварь взмыла в воздух, но лететь дракон не мог: распоротое крыло свернулось, как зарифленный парус, и дракону пришлось спланировать, исчезнуть в густой растительности, покрывающей склон холма. Треск поваленных деревьев отмечал его спуск.

— За ним! — хрипло крикнул Йомар и бросился вниз по склону, держа меч в замахе. Дамион, поколебавшись, устремился за ним. Свет Камня так далеко не доставал, и склон был покрыт переплетенной тенью. Они рвались сквозь колючие кусты, отбрасывая с дороги ветки, летели вперед по широкой борозде растоптанной зелени.

Но на полпути вниз кровавый след вдруг оборвался: здесь лежал меч Дамиона, покрытый запекшейся кровью. Вокруг него клубился дымом туман, уносясь и рассеиваясь прямо на глазах. Дамион наклонился поднять оружие, потом выпрямился и уставился на Йомара, а тот так же безмолвно — на него. Дальше уже не было борозд от гигантских когтей, не было вообще никакого следа. Дракон просто исчез.

В небе расходились и таяли тучи, снова появлялись звезды.

Медленно и устало Дамион с Йомаром поднялись обратно к дворцу.

Лорелин, застонав, села, держась рукой за голову. Эйлия стояла как статуя, бледная и недвижная, и Камень Звезд горел в ее руке. Вокруг нее собралась толпа. Здесь же были Ана и король Тирон, но они не пытались к ней подойти. Дамион приблизился к девушке, тронул ее за плечо: она вздрогнула и оглянулась.

— Эйлия! — сказал он тихо и удивленно. — Эйлия, ты одна из них — из немереев.

Ана теперь подошла вместе с королем. Темноволосый король дрожал и повторял:

— Это она, она!

— Тише, ваше величество! — предупредила Ана негромко, но внушительно. — Не напугай ее. — Благородные дамы и господа! — обратилась она к безмолвному народу во дворе. — Я имею честь представить вам Элмирию — дочь королевы Эларайнии.

Эйлия поняла, что все смотрят на *нее* — не на Лорелин.

— Что ты говоришь? — спросила она, внезапно испугавшись. Камень выпал из ее руки, она попятилась. — Я тебя не понимаю, что ты говоришь.

У Аны был торжественно-серьезный вид.

— Трина Лиа — это ты, Эйлия. Мы тебя искали многие годы, с тех пор, как твоя мать скрылась вместе с тобой. Наконец ты вернулась домой.

— *Домой?* — прошептала Эйлия.

Она оглянулась на остроконечные башни дворца, горящие, как фонари на фоне вечернего неба, на знакомые звезды, светящие с неба, на сапфировую луну, вырвавшуюся из меняющихся облаков.

— Домой, — повторила она, пораженная.

24
Принцесса Звезд

— Понимаете, — говорила Ана, — это был вопрос жизни и смерти — чтобы Трина Лиа не знала, кто она. Пока она пребывала в неведении, враги ее были ей не опасны...

Спутники шли вместе по парку дворца. С неба лила лазурный свет странная луна, и бледное свечение исходило от небесной дуги. Элеи звали ее аркой небес, как сообщила Ана, но на самом деле это была система колец, окружающая планету. Под этим люминесцентным небом лежала залитая серебром и синевой земля. Путешественникам казалось, будто они действительно подошли к концу жизни и попали на Небо, оставив позади мир страхов и страданий. Ана шла во главе небольшой группы, Дамион и Лорелин — чуть сзади. Впереди резвилась и прыгала, как котенок, Серая Метелка. Король Тирон шел рядом с Эйлией, обняв ее за плечи, будто

боясь, что вдруг она улетит и снова его покинет. Эйлия время от времени взглядывала на его сильное бородатое лицо и думала: «Неужто это мой отец?» Он был очень красив, полон достоинства, темные волосы и глубокие серо-фиолетовые глаза были очень похожи на ее собственные. Он не выглядел достаточно старым, чтобы быть отцом взрослой женщины — Эйлия, кажется, была старше, чем сама думала: одно из плетений пелены обмана, которым окружили ее в самые ранние годы, обмана, который сохранил ей жизнь. Она всегда выглядела моложе своего возраста, и теперь знала, что правду рассказывали об элеях: они жили дольше отведенного людям срока и старели медленнее.

А как же та, другая семья, оставшаяся на беспокойной Мере, чья любовь взрастила и воспитала ее? Нелла и Даннор, Джеймон и другие, кто сейчас, наверное, гадает, что случилось с их дочерью, племянницей, кузиной — с их Эйлией.

«Если я еще Эйлия».

Ее мысли прервал Йомар. Необычно тихий и скромный, он вдруг спросил у Аны:

— А почему ты нам все это раньше не сказала? Про Арайнию, про другие миры?

— Потому что вы бы не поверили мне. Столько прошло времени с тех пор, как кто-либо путешествовал между мирами, что такие путешествия стали считать мифом. Вы бы сочли меня за совершенно безумную старуху и не стали бы мне доверять. Даже сейчас мне кажется, что вы не до конца верите, будто действительно попали сюда.

Она улыбнулась.

Наступило недолгое молчание, в котором отчетливо ощущался шум любопытствующего ожидания, охватившего всю эту землю, — ожидания чего-то большего, чем просто наступление рассвета. В городе, во дворце, откуда они только что вышли, тысячи людей ждали возможности впервые взглянуть на Трину Лиа после ее раннего детства. Эта короткая идиллия при лунном свете была последним мигом спокойствия, доступным Ане и ее друзьям перед долгими волнениями.

— Сегодня великий день для народа Арайнии, — произнес своим глубоким голосом Тирон — *ее отец*. — Два десятилетия люди ждали восшествия хозяйки на лунный трон. Когда ты родилась здесь в Халмирионе, Эйлия, люди радовались, что им суждено было дожить до этого дня. Ты не правитель в старом смысле этого слова: истинных королей или королев в этом мире не было уже много веков, и народом управляет совет. Твоя роль — духовная, как была у

твоей матери. Эти люди верят, что ты послана избавить их от грядущей опасности. И не только этот мир, но еще и Меру, откуда пришла ты и твои спутники, возрадуется, когда ты взойдешь на свой трон. Твоя миссия, Эйлия, избавить оба эти мира от Валдура: биться с теми, кто хотел бы захватить Арайнию, и спасти Меру от тех сил, что порабощают ее.

— Ты говоришь о зимбурийцах? Но я же одна не смогу! — возразила Эйлия.

— Нет, но здесь ты можешь собрать для этого армию и послать ее через пустоту освобождать Меру. Этот народ сбежится на твой зов, потому что ты и есть тот вождь, которого они ждали так долго. И они жаждут воссоединиться с братской Мерой. Пришел наконец поборник Света, враг всех, кто служит Темному Владыке.

Эйлия потупилась, глядя в землю.

— Все равно не понимаю, — прошептала она. — Почему я?

На это Ана улыбнулась.

— Дорогая моя Эйлия, этот вопрос звучит с тех пор, как был создан мир. Когда-то его задавал Андарион, как и все, кто был рожден для великих деяний и великого служения. Я не могу говорить от имени сил, ведущих вселенную по ее пути, но могу предложить тебе другой вопрос: почему это должна быть не ты?

— А когда ты впервые узнала, что я — ну, та, кто я есть?

— Первый раз у меня было странное чувство, когда ты пришла в мою палатку на Весенней Ярмарке. Я под маской безобидной гадалки просматривала население в поисках потенциальных немереев. Когда вошла ты, я ощутила в тебе бездействующую силу, ожидающую пробуждения, — как будто весна спит в земле. Но лишь когда мы оказались в Тринисии, я стала по-настоящему подозревать, кто ты такая, хотя у меня не было доказательств. То, что небесный дракон перенес тебя через Эфир на Арайнию, было еще одним признаком. И я ждала последнего испытания — испытания Камнем Звезд, — чтобы получить доказательство, исключающее все сомнения. Камень сиял только для тебя.

— Но как же это могло случиться? Если я рождена была в этом мире, как вышло так, что я жила на Большом острове?

— Достоверный ответ, — ответила Ана, — известен только бывшему моряку по имени Даннор Корабельщик и его жене. Но я думаю, что теперь могу сложить все кусочки вместе.

Восемнадцать лет назад королева Эларайния увезла свою малютку-дочь из Халмириона и магическим путем покинула свой мир, укрывшись на соседней планете Мера. Отец девочки остался на Арайнии — обеспечивать безопасность своего народа и готовить-

ся к возвращению дочери. Оба они знали, что слуги Валдура и Мандрагор хотели бы захватить ребенка. Они знали, что ее надо прятать, пока она не вырастет настолько, что обретет свою полную силу и защитит сама себя; но в ее родном мире такого безопасного убежища не было. И в любом случае Камень Звезд находился на Мере, а это было и ее оружие, и ее единственная защита. Поэтому Эларайния решила сделать то, что много веков уже никто не делал в ее мире: улететь в другой мир на летающем корабле, послать свой крылатый корабль через плоскость Эфира в небеса Меры.

Но корабль был захвачен страшной бурей, бушевавшей меж небом и морем: может быть, обычная гроза, может быть, и нет. При всем искусстве Эларайнии она не смогла удержаться на крыле и рухнула в море возле Большого острова.

— Обломок кораблекрушения на южном берегу! — воскликнула девушка.

Ана кивнула:

— Разумеется, были найдены только обломки корабля — недостаточно, чтобы островитяне поняли, насколько необычно было это судно, умевшее летать по небу. И только один человек выжил — младенец, то ли выброшенный на берег на обломке судна, то ли спасенный островитянами из волн. Эту девочку взял в свой дом Даннор Корабельщик. Его жена, очевидно, была бесплодна и обрадовалась до небес. Приемные родители решили, что вся семья девочки погибла в кораблекрушении, потому что никто ее не искал, и сочли своим правом оставить ее себе. — Ана повернулась к Тирону: — Прости, если тебе больно это слушать.

— Я давно уже понял, что не вернется ко мне моя Эларайния, — медленно произнес король Тирон. — Конечно, я понимаю, что нечто подобное она предвидела, когда покидала Халмирион. У нее было слишком печальное настроение, когда она прощалась со мною... А теперь она лежит на дне чужого моря.

— А может быть, и нет, — сказала Ана с задумчивым видом. — Она вполне могла найти где-то укрытие, устроив ребенка в надежные руки. Надежда еще есть, Тирон.

— Я помню ее, — тихо сказала Эйлия. — В монастыре мне приснилась прекрасная женщина, королева, с золотыми волосами до пят. Но я никогда не думала, что это тот же сон, который видела Лорелин.

— У многих немереев был такой сон или видение, — ответила Ана, — но у тебя он был порожден долго подавляемыми до того воспоминаниями.

— Она действительно была прекрасна, — сказал Тирон, — и была великой провидицей и чародейкой. Ни в одном человеке я не видал ни такой красоты, ни такой силы. Вполне понимаю, почему здешний народ считал ее воплощением богини! И в тебе, дочь, есть что-то от нее. — Он посмотрел на Эйлию. — Хотя у тебя не тот рост и не тот цвет волос, но есть какое-то сходство в лице. И я слышу, как ты говоришь ее голосом — именно ее голосом.

— Это объясняет то, чего я не мог понять, — заметил Дамион. — Ты все время казалась мне знакомой, Эйлия, — я предположил, что как-то видел тебя в Академии и запомнил лицо, но теперь я понял истинную причину. Ты мне чем-то напоминала женщину из моих видений.

Ана посмотрела на него задумчиво:

— Может быть, здесь скрыто что-то большее, юный Дамион. Вполне может быть, что вам с Эйлией предназначено было встретиться — и твоя душа узнала ее, увидев. Вы с Лорелин до сих пор играли серьезную роль в ее жизни, и я не могу поверить, что это просто совпадение.

— Может быть — меня сейчас ничем не удивить. Но есть одна вещь, которой я все-таки не могу понять, — продолжал он. — Я во втором видении очень ясно видел принцессу в младенчестве, и уверен, что у нее были голубые глаза, а не фиалково-серые, как у Эйлии.

Ана улыбнулась:

— Я и забыла, как вы, священники, далеки от жизни! Дорогой мой Дамион, у всех младенцев глаза сперва голубые! — Лицо ее стало серьезным. — Ни Мандрагор, ни мои немереи ничего о случившемся не знали. Но все мы слышали через много лет после этих событий о юной девушке, привезенной с архипелагов Каана. Эту девушку подкинули в монастырь, очевидно, ее бросили родители, и она была одарена умственной речью. Немереи решили, что, быть может, ее они и ищут. Мандрагор тоже в это поверил, и решил похитить ее раньше, чем немереи доставят ее в Тринисию и дадут ей Камень.

Видите ли, Мандрагор откололся от немереев уже давно, усомнившись в их верованиях и недовольный строгостью законов, которые ограничивают чародейство. Так и получилось, что он увидел в Трине Лиа врага, существо, которое придет владеть миром и преследовать отбившихся от стада немереев вроде него самого. Для него Камень Звезд был усилителем мощи, орудием Прежних, которое она когда-нибудь использует, чтобы создавать собственные чары и сокрушить любого соперника. Он знал, где лежит Камень,

потому что побывал на забытом острове Тринисия и узнал все его секреты. Но уничтожить самоцвет он не мог. Это потребовало бы величайшего из чародейств, силы, которая освободила бы самую материю. Такое чародейство уничтожает и того, кто его выполняет. И в любом случае у Камня были Стражи. Херувимы не вмешивались в действия простых смертных, но имели власть защищать свое сокровище от любого темного колдовства, и это они сделали бы без колебаний. И вместо безнадежной битвы с ними — безнадежной, настолько их сила превосходила его, — Мандрагору пришлось довольствоваться тем, что он поставил драконов сторожить пещеру, где лежал Камень. Херувимы смотрели за этими наблюдателями, но не трогали их. А сам он стоял на страже в пещере, когда мы подходили к горе, намереваясь прогнать нас — и зимбурийцев тоже, подойди они слишком близко. Он хотел, чтобы Камень Звезд вообще не покидал горы.

Ана обернулась к Лорелин:

— Бедное мое дитя! Подумать только, каким ты подвергалась опасностям! И все же ты сослужила Трине Лиа самую величайшую службу: сохраняя ее неведение о том, кто она такая, ты спасла ей жизнь. Вот почему я спрашивала тебя, уверена ли ты, что можешь рискнуть своею жизнью ради других. Видишь ли, дело в том, что Мандрагор в конце концов начал подозревать, что ты не та, кто он думает, но из-за твоей искренней веры в себя он решил, что может тебя использовать. Любой немерей на Арайнии увидел бы, что эта вера истинная и неподдельная: ты прошла бы все их испытания и была бы воспринята этими людьми как спасительница, а тобой управлял бы Мандрагор. И когда истинная Трина Лиа явилась бы с Камнем Звезд, она бы нашла свой трон уже занятым, и многие верные подданные готовы были бы драться, защищая его от предполагаемой узурпаторши. Как это было отлично спланировано! Однако его планы обернулись против него же. Твоя вера и вера всех остальных, включая Эйлию, гарантировала, что Трине Лиа ничего не грозит. Неведение было ее щитом, и оно выдержало изощреннейшие испытания. Сам Мандрагор при всем его искусстве иллюзии и обмана нашел при своем допросе только воспоминания простой девушки с захолустного острова.

Эйлия вздрогнула, вспомнив этого инквизитора с лицом и голосом Дамиона.

— Вот почему он хотел знать мое первое воспоминание.

— Ты права, — кивнула Ана. — Мы едва избежали гибели. Кто знает, что мог бы он вытащить из глубин твоей памяти? Но ты, к счастью, устояла. — Она повернулась к Лорелин: — У тебя, доро-

гая, я должна просить прощения, что позволяла тебе верить, будто ты и есть принцесса. Но если бы ты перестала верить, Мандрагор обнаружил бы изменения в твоем разуме и сделал бы свои выводы. Он мог бы куда раньше догадаться, кто на самом деле Трина Лиа.

— А мне все равно, — безразлично ответила Лорелин. — Я вообще никогда не хотела быть Триной Лиа.

— Лорелин! — обернулась к ней Эйлия. — Тебе и вправду не обидно?

— Обидно? С чего это вдруг? Мне это с самого начала казалось скучным до невозможности! Меня бы заперли в том дворце — снова в четырех стенах! А теперь я могу делать что захочу и быть кем захочу. Так что я стану рыцарем.

— Это у тебя не получится! — фыркнул Йомар. — Девчонки рыцарями не бывают.

— Кем захочу, тем и буду, мастер Йомар! — огрызнулась девушка.

Остальные пошли вперед, оставив их ругаться.

— Если эти двое не перестанут грызться, — спокойно заметил Дамион, — то года не пройдет, как они поженятся.

Какое-то время все шли в молчании. Теплый субтропический ветерок нес обильный аромат жасмина и гардений — и еще какие-то незнакомые запахи. Голубая луна Меры почти зашла, и арка небес, частично скрытая тенью планеты, еще светилась, но ее сияние тоже стало бледнеть. Эйлия, подняв голову, обрадовалась, что все еще видны звезды над головой, такие надежные и знакомые. Вечерней звездой теперь стала Мера, и Полярная звезда была другая, а сами созвездия шли не к западу, а к востоку, но это были все те же любимые созвездия, знакомые с детства.

— Небесная Империя! — вздохнула девушка. — Я любила глядеть на нее давным-давно, на острове. Но никогда она не была такой яркой и красивой. Ана, а элеи действительно летали к далеким звездам, как говорят волшебные сказки? Раз все прочее правда, то и это тоже должно быть?

— Да, это правда, — подтвердила Ана. — С помощью магии, унаследованной от Прежних, элеи умели проходить через плоскость Эфира и достигать звезд. Это не так странно, как ты могла бы подумать, потому что звезды — это солнца, вроде нашего солнца, и вокруг них множество миров, подобных Мере и Арайнии. Арайнийцы издавна были звездными путешественниками, и твои предки когда-то ходили под лунными деревьями Мирии, посещали своих родственников на Мере и других планетах, и летали к мирам

далеких звезд. Арайния входила в великую Звездную Империю, которой правил Небесный Император из одного очень далекого мира. На Мере Великое Крушение и Темные Века затмили память об этом, превратив Империю в миф, но она до сих пор существует, и правит ею император, сидящий на троне дракона. Я верю, Эйлия, что одной из твоих задач будет восстановить не только древнюю торговлю между Мерой и Арайнией, но и связи обоих этих миров с внешним звездным царством. Вспомни: в пророчествах говорится, что Трина Лиа примирит Землю и Небо и сделает их одним целым.

— Я сделаю все, что должна буду. На Мере остались бедные люди, рабы, каким был Йо, и монахи Лорелин на Яне. И мне так хочется снова увидеть Джейма и моих родителей — то есть приемных родителей — и сказать им, что все у меня хорошо, и поблагодарить их. Мне их очень не хватает, а они, наверное, сильно переживают и волнуются.

— Конечно! Они были твоей семьей почти всю твою жизнь, и Мера была твоим домом — истинным домом в любом смысле этого слова. Но здесь — мир, где ты родилась, и трон твоей силы. Вот почему царь драконов не смог возобладать над тобой при всей своей превосходящей мощи.

Эйлия слегка поежилась:

— Царь драконов... значит, Мандрагор на самом деле дракон, и вообще не человек?

Ана ответила не сразу.

— Нет, — сказала она наконец. — Он и человек, и дракон. Вы глубоко ошибались, считая его антропофагом — с чего вы это взяли, я просто не могу себе представить...

— Моя ошибка, — повинился Дамион. — Мне это казалось тогда разумным объяснением.

— То, что я вам говорила раньше, было правдой: я нашла его почти младенцем в Зимбуре. Мать Мандрагора была лоанеи, червь-оборотень, как их называют — то есть волшебница, умеющая по своему желанию принимать образ дракона. Она была отпрыском древнего императорского дома в антиподах, которые причисляли к своим предкам превращенных лоананов. — Глаза ее будто смотрели в какую-то невероятную даль. — Поэтому в природе Мандрагора всегда была доля дракона: он унаследовал глаза дракона, и его мощь, и его долголетие. Лоанан может жить больше тысячи лет.

— Я его видел в Лиамаре, — сказал Дамион, — в дни Великого Крушения. Тогда я подумал, что он как-то проник в прошлое.

— А на самом деле он просто там был пятьсот лет назад. Он часто бывал в Тринисии, — сказала Ана. — В старые времена он там был известен под именем Морлин.

— Принц Морлин! — ахнула Эйлия. — Сын Андариона!

Ана кивнула.

— Значит, он не был убит в битве с сэром Ингардом, — заключила девушка.

— И не был уничтожен здесь в садах, — сказал Дамион. — Значит, он все-таки ушел от нас.

— Боюсь, что да, — подтвердила Ана. — Князь еще не закончил свой путь, я думаю. И позже он еще доставит нам хлопот. До сих пор он был сам по себе, и угрозы не представлял. Но твой приход, Эйлия, является знаком, что он меняет пути свои и станет тем, кого предвещали пророчества: сильным колдуном и военачальником, слугой нашего Врага. Тебе же предстоит стать защитником Меры и Арайнии, встав на пути его планов господства над ними. Он не смог не допустить тебя на твой трон, и в будущем станет более беспощадным. Однако напасть на тебя в твоем царстве он больше не осмелится, Эйлия. А теперь — не вернуться ли нам во дворец?

— Еще минутку, — попросил Дамион. — Есть одна вещь, которой я не понимаю. Ты говорила, что знаешь Мандрагора — или Морлина — с детства.

Эйлия посмотрела на старую женщину вытаращенными глазами:

— Но тогда... тогда тебе тоже должно быть много сотен лет. И ты...

— Элиана, — тихо назвал имя стоявший сзади Тирон.

Эйлия и Дамион не сводили глаз с Аны, стоящей в бледном лунном свете, сияющем на белых волосах. Она улыбнулась.

— Древнее имя, — сказала она. — Я им уже давно не пользовалась. Вы вполне можете и дальше называть меня Аной.

Эйлия ждала в коридоре за высокими дверями большого зала. Одета она была в официальный наряд, который принесли ей сивиллы. Над этим нарядом небольшая армия арайнийских швей трудилась целых три долгих арайнийских дня. Такие платья носили в давние времена знатные элейские дамы на Мере — остроконечные рукава до самого пола. Материалом для него служила тончайшая парча, вышитая узором жемчугов и бриллиантов, игравшая переливами света при каждом движении, а шлейф тянулся за ним, как кометный хвост. Волосы Эйлии, тщательно расчесанные, висели свободно за спиной, а поверх них женщины надели на нее

покрывало сивиллы, длиной до пола и легкое, как туман. Венок лилий удерживал эту вуаль на голове. Потом его снимут, чтобы надеть венец королевского серебра.

Эта вуаль будто слегка скрывала окружающее, и у Эйлии немного шла голова кругом. Последние три дня почти целиком ушли на посещение родственников отца, стремящихся увидеть утраченную и наконец обретенную принцессу. Голова гудела именами, лица сливались в одно сплошное пятно. Только несколько часов осталось на репетицию церемонии, когда к наряду прикалывали скатерть, обладающую весом и длиной королевской мантии. Эйлия очень нервничала из-за всего этого и постоянно твердила про себя подробные инструкции, полученные от церемониймейстеров дворца. Но сейчас вся эта помпа и церемонии казались ей очень далекими, ничего общего с ней не имеющими. Все это мероприятие было куда масштабнее, чем одна девушка, и она просто проходила его, будто движется во сне.

Из-за дверей запели звонкие фанфары, и Эйлия слегка встрепенулась. Потом двери отворились, и процессия двинулась вперед. Четыре фрейлины внесли королевский балдахин из синей ткани со звездами, а сами эти фрейлины были знатнейшими дамами этого мира — и встали, держа навес над Эйлией. Весталки под покрывалами со свечами в руках пошли в двери, распевая торжественную песнь, и носительницы балдахина двинулись следом, так что Эйлии пришлось идти с ними — в тронный зал Халмириона.

Зал был огромен, не меньше собора. Стены белого мрамора, в окнах высокие пластины хрусталя, а потолок, как в церкви, покрыт росписью в виде облаков, написанных столь искусно, что они словно двигались, будто зал открывался вверх, в небо. Среди облаков порхали ангелы, херувимы и драконы, а еще — боги в воздушных каретах. Эйлии говорили, что ночью эта роспись теряется в темноте, и вниз светят тысячи звезд, потому что потолок утыкан созвездьями кристаллов *венудора*, которые святятся сами по себе. В конце зала находился помост, а на помосте — трон. На стене за троном блестел узор светлых кристаллов, вырезанных в виде пятиконечных звезд, а выше поднимал огромные рога сверкающий полумесяц, так что сидящий на троне смотрелся на фоне звездного неба. И сам трон был вырезан из полупрозрачного кварца. На этом троне, поняла Эйлия с трепетом, никто никогда не сидел: это был Мелдрамир, лунный трон, сделанный для одной только Эйлии. Все эти века он ждал ее: до бегства элеев с Меры, все Темные Века и Век Просвещения; он ждал ее, пока она была ребенком на Боль-

шом острове, пока она жила в Академии, все время путешествия в Тринисию и сквозь нее.

На стене слева Эйлия углядела очертания двери, которая вела в ее личные покои: туда войдет она со своими друзьями и служителями, когда закончится церемония, и там будет пир, веселье и смех. Как ей мечталось об этой тихой гавани — подальше от всех жадно смотрящих глаз!

Путь по проходу, мимо собравшихся людей длился, казалось, вечность. И все эти глаза смотрели на нее, и не только эти: многие из присутствующих были немереями, и они передавали то, что видели, другим немереям по всему этому миру. И на помосте тоже было людно: жрецы и жрицы десятков различных орденов, которым она как главная жрица суверенного божества Араїнии станет номинальной главой, символически объединив в своем лице все секты, веры и храмы этого мира. Что ей трудно было себе представить, потому что сейчас эти облаченные в мантии величественные фигуры внушали ей сильнейшую робость. Были также светские официальные лица, губернаторы и главы территорий, и канцлер мирового совета с золотой цепью в драгоценных камнях. И отец ее тоже стоял здесь, и она была рада видеть рядом с ним своих друзей: Ана в простом белом платье со своей кошкой на руках, сверкающей и самодовольной в алмазном ошейнике, Йомар, которому не по себе было в дорогих одеждах и который тщательно пытался это скрыть, Лорелин, высокая и стройная в золотом платье, с горящим от восторга лицом. И Дамион, в таком же изящном наряде, как прочие, и его радостное лицо будто отдаляло всю показную пышность церемонии. Увидев, что она на него смотрит, он ободряюще ей улыбнулся. Она ответила такой же яркой улыбкой.

Верховная сивилла что-то сказала. Тогда другие сивиллы и прочие жрецы приблизились к звездному балдахину и сняли с Эйлии вуаль. Она услышала шум толпы, подобный шуму моря — долгожданная принцесса наконец-то предстала перед ними, — и она почувствовала себя будто раздетой под взглядами тысяч глаз. Очень тихо и медленно она опустилась на колени, и на нее надели королевскую мантию — широкий кусок полночно-синей материи более двадцати шагов в длину, вышитый серебряными звездами. Под его весом плечи чуть не согнулись.

Несколько жрецов в мантиях принесли огромный дубовый сундук, поставили перед Эйлией и вытащили оттуда серебряный скипетр с шестиконечной звездой, в середине которой сверкал бриллиант размером с куриное яйцо. Приняв скипетр правой рукой, как ее учили, Эйлия с удивлением обнаружила, что он совсем не

так тяжел, как кажется. Потом принесли королевскую корону — кольцо кованого серебра. До Эйлии эту корону носила ее мать, и когда венец надели ей на голову, Эйлия заметила, что он сидит на ней как влитой. Корону покрывали бриллианты, жемчуга и звездные сапфиры, а впереди ее сиял Камень Звезд с росяной путаницей сверкающих граней. Эйлия задрожала, представив его себе на том лбу, для которого впервые был изготовлен самоцвет.

Но верховная сивилла жестом велела ей встать и пройти к лунному трону. Одна, без свиты, прошла она туда, и мантия струилась позади, и Эйлия заняла свое место на троне. Теперь толпа была прямо перед ней. Глядя на это живое море, она попыталась выделить из его необъятности отдельные лица. Вот ребенок, вот высокий, потрепанный жизнью мужчина, а вот изящная элейская дама... И она поняла. Она только ради них должна здесь быть, стать ощутимым воплощением их стремлений, символом того, что всего им драгоценнее. Им принадлежит реальная власть и сила, они — свет, а она — только линза, сквозь которую он светит, зеркало, возвращающее этот свет им. И в этот момент чистый белый свет брызнул из Камня Звезд и показалось многим, что они видят в самой середине его — ярче, чем само свечение, — образ огненной птицы.

Трина Лиа взошла наконец на трон, предназначенный ей судьбами, и радость была по всей Элдимии и за пределами ее.

Империя Звезд

Digitized by Google

Пролог
(Выдержки из «Истории Арайнии» Мауриана)

Нам, изучающим эти анналы, трудно представить себе описанные в них события и персонажи — настолько фантастичны для нас эти события, настолько далеки и даже богоподобны действующие в них лица. Однако мы не должны упускать из виду, что эти существа были такими же людьми, как мы, — по крайней мере внешне. Эйлия и Дамион, Морлин и Ана жили и дышали, знали слабости, сомнения и страхи, присущие нам, смертным. А потому главная задача любого хрониста той странной и чудесной эпохи — облечь эти имена плотью. Что до их истории, она приведена полностью в других источниках, нам же для наших целей достаточно будет краткого изложения.

Когда королева Эларайния, почитаемая на планете Арайния как воплощение богини этого мира, родила дочь, народ возрадовался, увидев в том осуществление пророчества: Трина Лиа, принцесса Звезд, родилась в смертном обличье, дабы избавить вселенную от козней темного бога Модриана-Валдура. Когда принцесса Элмирия была еще совсем крошкой, мать увезла ее с родной планеты и с помощью волшебства перенесла на соседнюю планету Мера, чтобы укрыть от опасности, ибо Морлин, воплощение Валдура, знал, что когда-нибудь она бросит вызов его владычеству. Кроме того, именно на Мере лежал Камень Звезд. Только этот волшебный самоцвет мог дать Трине Лиа силу победить предвечного ее врага. Но во время прибытия на Меру королева Эларайния пропала, и маленькая принцесса осталась не на попечении благочестивых монахов острова Яна, как полагали впоследствии и друзья, и враги, но куда севернее — на берегах Большого острова, где ее нашла бедная семья — корабельщик и его жена. Они приняли най-

деныша и воспитали как свою дочь. Став старше, девочка не стала доискиваться до своего происхождения, потому что приемные родители не мешали ей верить, что они ее истинные отец и мать.

На семнадцатом году Эйлия (как назвали девушку) со многими другими островитянами пустилась в путь, спасаясь от вторжения армий царя Халазара — зимбурийского тирана. Вместе со своей семьей Эйлия обрела убежище в стране Маурайнии, и в Королевской Академии Раймара она впервые встретила Дамиона Атариэля — священника Веры Орендиловой. Девушка тайно влюбилась в него, хотя такая любовь была запретной, но она не гадала тогда, что волею судьбы их жизненные пути переплетутся.

И многих еще связал с ней рок. Среди них была пожилая женщина, известная только под именем Ана, жившая в прибрежных горах и слывшая ведьмой. Ковен, который возглавляла Ана, на самом деле был группой немереев — чародеев и ясновидцев, хранивших магию прежних дней. Это Ана рассказала отцу Дамиону об обычаях немереев и о предназначенной правительнице, которая когда-нибудь снизойдет со звезд. В то время Триной Лиа считали девушку по имени Лорелин, успевшую вместе с Дамионом покинуть остров Яна, когда туда вторглись орды зимбурийцев. Дамион впоследствии снова пришел на помощь Лорелин, когда принц-чародей Морлин, называвший себя тогда именем Мандрагор, похитил ее и заключил в глубине развалин старейшей крепости Маурайнии.

После этого зимбурийский царь, веривший, что судьба предназначила ему владеть Камнем Звезд и победить Трину Лиа, захватил в плен Лорелин, а с нею Дамиона, Ану и Эйлию. Со своими пленниками он пустился в дальний путь к забытому далекому острову Тринисия, ибо там лежал священный самоцвет, ждущий, чтобы им завладели либо Трина Лиа, либо поборник темного бога Валдура. Но Ана своим волшебством освободила пленников после высадки на остров, и они сбежали. С ними ушел Йомар, раб-полукровка, ненавидевший своих зимбурийских хозяев и обрадовавшийся возможности лишить их добычи. Камень лежал среди руин священного города Лиамара, высоко на вершине Священной горы Элендор, и Лорелин с ее отрядом были решительно настроены найти его, опередив зимбурийцев.

Но путь их был полон опасностей. Им угрожали не только мстительный царь и его солдаты, но и уродливые злобные зверолюди, жившие на острове, и драконы, устроившие себе логово на вершине Элендора. Морлин, волшебством принявший облик громадного дракона, впоследствии возглавил нападение на отряд Аны. Ибо

желание его было в том, чтобы никто никогда не приблизился к Камню, не пробудил его чудодейственной силы.

Но, хотя ему удалось отделить Ану от ее подопечных и хотя он сражался с Йомаром и Дамионом в пещере, где хранил он Камень, и сумел снова похитить юную Лорелин, планы его были разрушены Эйлией. Девушка, которую он считал безобидной дочерью корабельщика, сумела одна пробраться в пещеру и взять оттуда священный Камень. Ей помогал в бегстве с Элендора огромный золотистый дракон, слуга небесного царства, освобожденный ею от цепи, которой связал его Морлин. Полубожественные Стражи, чьим священным долгом было хранить Камень, пока не придет владеть им Трина Лиа, спасли ее оставшихся спутников. Все они пронеслись через небеса и встретились на далекой Арайнии — в мире, который для них был до того всего лишь мифом.

Морлин встретил их там и еще раз попытался бросить им вызов, не давая войти в королевский дворец Халмирион. Но тут, под удивленными взглядами своих спутников, Эйлия извлекла Камень Звезд и освободила его силу, которая обратила в бегство мага-дракона. Так открылась ее истинная суть, и на глазах народа Арайнии она вернулась на свой трон.

Но впереди ждали бесчисленные опасности, потому что Эйлия не уничтожила своего предвечного врага, и на других мирах много было жестоких и сильных созданий, которых мог он призвать себе на помощь в битве с нею.

Часть первая

ТРИНА ЛИА

1
Принц драконов

Огненно-красный дракон вырвался из Эфира в верхних слоях атмосферы, сверкнул в небесах планеты красной вспышкой, которую вряд ли можно было разглядеть в многоцветных переливах полярных сияний. Земли под ним лежали безмолвные и тихие, скованные льдом зимней тьмы. Ничто не шевелилось здесь, кроме него да нескольких скрытно передвигающихся созданий в укрытых снегом лесах, и еще — далеких сполохов северного сияния. Нечувствительный к морозу, пробирающему до костей, он летел к своей цели — одиноко стоящей горе, будто судьбою выделенной для той роли, которую суждено ей было играть в истории. Двойная гранитная вершина ее не достигала той высоты, что у пронизывающих облака окрестных пиков, но куда выше была ее слава. В давние дни называли ее Элендор, Священная гора.

Для народа элеев, жившего когда-то ниже в долине, эти два пика стояли часовыми — пара огромных зверей или сторожевых великанов, надзирающих за городом, что находился между ними на вершине горы. Но давно уже лежал в развалинах Лиамар, и только обломки стен и зданий выступали кое-где из тени. Ничего уже не охраняли каменные часовые, и давно уже не было людей на этом острове. Все легендарные сокровища элеев лежали грудой в огромной пещере в толще горы: их поместили туда много веков назад, и теперь, когда древняя раса исчезла, дракон объявил их своими.

Он спланировал на более низкую из двух вершин, сложил крылья и стал смотреть на развалины.

В небе над ним раздались крики, высокие и дикие: другие лоананы — небесные драконы — приветствовали его на лету, признавая его власть. Он был для них Тринолоанан — господин и по-

велитель. Они считали его одним из своих. И никто не догадывался о его родстве с теми, кто жил когда-то внизу, в городе, никто не знал, что даже в этом облике он обладает душой человека. Тайну своей двойной природы он хранил так же ревниво, как груду своих сокровищ. Но в этом облике она терзала и мучила его, будто тело его и разум боролись друг с другом, стараясь друг от друга избавиться. Когда-то он жил человеком среди людей, наследником далекого царства, принцем Морлином из Маурайнии. В той далекой стране до сих пор знали его имя, история его стала легендой.

Он помнил времена, когда город внизу кипел жизнью, ибо он был стар, по крайней мере по людскому счету: пять веков прошло с его рождения, хотя по драконьим меркам он еще и зрелости не достиг, и даже в человеческом облике сохранил живость молодости. Здесь, в Лиамаре, элеи хранили Камень Звезд, который ценили превыше других сокровищ: зачарованный камень богов, упавший с Небес в последней великой битве. На самом деле город вырос вокруг него, храмы, дома и укрепления расходились концентрическими кругами от того места, где он упал. Но пуст был сейчас Лиамар — оправа, лишенная своей драгоценности. Дракон был здесь, в Тринисии, когда обрушился на мир дождь комет, и без сожаления смотрел он, как превращается в развалины царство элеев. Камень изъяли из святилища и спрятали в потаенной пещере. И там хранил его дракон, когда ушли люди, и поставил других драконов охранять Камень в свое отсутствие. И там лежал Камень веками... пока не рухнули все планы дракона.

Ему вспомнились другие картины, более недавние. Он видел солдат далекой земли, преследующих двух мужчин и одну старуху, которая несла в руке Камень Звезд. Крылатые звери — не драконы, но странные создания, полуорлы-полульвы, — склонялись над вооруженными людьми, а те бежали за пленниками, стремящимися на крышу главного храма. Прогнав преследователей, крылатые взяли носительницу Камня и ее спутников и унесли прочь, в безопасное место. Последней он видел девушку, бегущую по вершине высокого пика, напротив места, где он сейчас расположился, и за ней тоже гнались солдаты. На его глазах она покинула гору на спине золотого дракона, опережая стрелы своих врагов.

Образы таяли перед его внутренним взором, призраки возвращались в прошлое.

Трина Лиа. Пятьсот лет была она для него безликой фигурой, провозвещенным противником, как говорили воспитавшие его зимбурийские жрецы. За протекшие столетия он мог и за-

быть о ней, но теперь смутные угрозы стали явью. И все же на эти пугающие мысли накладывались его воспоминания об этой девушке, которую он впервые встретил в Маурайнии, потом снова на острове Тринисия: обыкновенная с виду девчонка, бесхитростная, наивная, совершенно не ведающая о своем предназначении. Но в руках старой Аны и ее заговорщиков-чародеев юная Эйлия испортится, из нее тщательно скуют живое оружие, которое когда-нибудь станет угрожать царству слуг бога Валдура и — если следует верить пророчеству — его, Морлина, собственной жизни. И у нее здесь нет выбора. В глазах немереев она обречена своей судьбе так же верно, как и он, и нет ни у кого из них иного выхода, кроме смерти другого. Он должен найти способ вытащить ее из ее родного мира в другой, где сила ее не будет столь велика. Пророчество гласит, что она явится на Меру со своей армией, дабы вырвать этот мир из рук слуг Валдура. Если бы он только мог поторопить ее, заставить попытаться выполнить пророчество раньше, чем разовьется ее сила, тогда он мог бы и победить ее.

Дракон взмыл с пика и воспарил в небо на крыльях цвета пламени, будто пытаясь оставить за спиной собственные мысли. Ибо если бы он продолжал свои размышления, то мог бы и пожалеть Эйлию, а жалость в борьбе — та роскошь, которой он себе позволить не может. Он и так потратил ценное время на эти мрачные раздумья. Другие драконы развернулись и попытались последовать за ним, но он предостерег их рычанием, и они неохотно удалились. Его ждал далекий путь, ждали союзники, которых надо обрести далеко за замерзшим морем. Быстрее любого ветра этого мира летел он на юг, и солнце вернулось на небо, но он летел и летел, почти не останавливаясь, чтобы отдохнуть. Позади остались вращающиеся звезды полюса, склонилась над ним луна в тропиках и наконец остановилась, перевернутая, посреди ярко горящих созвездий Антиподов.

В Зимбуре, на вершине самой высокой башни каменной твердыни, творил заклинание царь Халазар.

Стояла ночь, и комната была погружена в тень. В окне сверкали звезды — единственный источник света помимо нескольких оплывших свечей. Их неровный свет играл на россыпи любопытных предметов на полках вдоль стен: переплетенные тома по некромантии, пучки сухих трав, деревянные жезлы, астролябии и планетарии, хрустальные шары разных размеров. Были там кости птиц и животных, несколько человеческих черепов безмолвно

смотрели пустыми глазницами из темных углов. На большом дубовом столе выстроились все инструменты алхимического ремесла: пробирки, колбы, тигли, но все это было покрыто пылью и затянуто паутиной. Владыка Зимбуры сидел на полу посреди комнаты, скрестив ноги. Распущенные черные волосы и борода, чуть тронутые сединой, изборожденное морщинами лицо, ставшее несколько мясистым от подступающей старости. Рука его, которой он кровью чертил магический круг на полу, никак не хотела перестать дрожать. Заклинание было новым, и слишком многое зависело от его успеха.

— Ахатал, азгарал, Гурушакан рамак та-вир...

Заклинание вызова призрака Гуруши, древнего царя-демона Зимбуры: для необходимой работы не годился бы ни один младший дух. Если Халазар не добьется успеха, то он точно не та аватара, которую ищет его народ.

Все было неладно в его молодой империи. Северные равнины и леса, бывшие ранее страной Шурканой, принадлежали ему, с их обильным урожаем зерна и древесины. Но шурканские бандиты, обосновавшиеся в горах, продолжали досаждать его войскам. Архипелаги Каана принадлежали ему, но на западе лежал непокоренный континент. Народы этого континента победили его народ в древней битве и могут опять это сделать. Ему принадлежал северный остров Тринисия, но океаны, отделявшие его от Зимбуры, непроходимы зимой, и населен этот остров лишь страшными и враждебными дикарями. Возрождающаяся Зимбурийская империя растянулась до предела своих сил, тонкая, уязвимая, и немногочисленные ее войска не способны контролировать беспокойное и горячее население покоренных стран.

А теперь даже в столице, Фелизии, вспыхивают голодные бунты и восстания, как очаги лесных пожаров. Позарез нужны союзники, но нет их ни одного во всем этом мире. И потому Халазар обратил взгляд к единственному другому миру, о котором он знал: к миру духов. День и ночь творил он заклинания, предназначенные для вызова сверхъестественной помощи. Но ни один дух пока не ответил на его призыв, ни один даже самый мелкий бесенок или инкуб.

Много лет уже верил Халазар, что он не простой смертный, а земное воплощение бога — и не какого-нибудь мелкого божка, но величайшего из всех божеств, главного бога своего народа: Валдура Великого. Годами он ни разу не усомнился в собственной божественности. Мальчиком он улыбался про себя, когда слышал, как жрецы Валдура говорят о грядущем воплощении бога, и знал, что

он и есть это воплощение, что он уже пришел. Он презирал своего предшественника, царя Зедекару, даже когда служил ему, поскольку этот монарх просто прикидывался божественным, чтобы увлекать толпу. Восстав вместе с соратниками против правления Зедекары, Халазар не сомневался в победе и не удивился, когда обрел ее. И когда ему сообщили, что Камень Звезд — зачарованный самоцвет, предназначенный во владение аватаре Валдура, — наконец найден, он в этом увидел лишь еще один знак, что предназначение его близко.

Но он утерял Камень. Его захватила какая-то старуха, ведьма, обладающая властью вызывать устрашающих крылатых джиннов с небес, и среди ее спутников была девушка, называющая себя Триной Лиа, дочерью царицы Ночи, воплотившейся в человеческом облике. Когда они сбежали, Халазар вернулся домой и впал в отчаяние, но потом его осенило, что и это было в пророчестве — другие боги пантеона готовы были на все, чтобы не дать Валдуру взять верх, и Трина Лиа — выбранный ими воин. Аватара Валдура должна противостать ей — и разве тогда ее появление не является *подтверждением* его сути?

Но если он и есть аватара, шептал мучающий его внутренний голос, почему же *он* не смог призвать джиннов себе на помощь? Разве воплощенный Валдур не должен обладать властью и над миром духов? Может быть, он все же не Валдур?

И эта мысль не давала ему покоя, пока он бодрствовал. Он обратился к некромантии, ища совета у духов умерших, которые, как всем известно, посвящены в тайны, недоступные живым. Много месяцев он произносил заклинания над трупами (их нетрудно было найти в беспокойной стране), но ни одного не заставил говорить. Сейчас, в растущем отчаянии, он обратился к другому виду некромантии — вызову духов из загробного царства.

Во время произнесения заклинания ему вдруг показалось, что в комнате что-то шелестит, но он не решился прервать ритуал. И только закончив заклинание должным образом, Халазар опустил руки и открыл глаза. Комната осталась пустой и безмолвной, как и была. Выругавшись, он встал и готов был уже выйти из магического круга, но какое-то едва слышное движение в углу заставило его резко обернуться.

В темноте у дальней стены стояла фигура: высокий человек — или тень человека, облаченного в плащ с капюшоном темнее той тени, в которой он стоял. Дверь была заперта изнутри на засов, и пришелец не мог через нее войти. Окно открыто, но на четырнадцатом этаже над землей и на гладких стенах башни никакой опоры

не было. Халазар стоял, разинув рот, а пришелец беззвучно двинулся к нему. Безбородое лицо под капюшоном было бледнее смерти, а глаза призрака горели желтым огнем, и под этим неземным светом царь содрогнулся. Дух, без сомнения, не мог быть Гурушей: не зимбурийское лицо было под капюшоном.

— Прочь! Изыди! — закричал Халазар, съежившись в круге. — Изыди, я не призывал тебя!

Призрак откинул капюшон, и длинные волосы цвета львиной гривы рассыпались по плечам.

— Брось, Халазар, — произнес незнакомец глубоким вибрирующим голосом. — Не в том ты положении, чтобы отвергать какую бы то ни было помощь. Будь разумен.

— Кто ты? — просипел царь, не имея возможности отступить далее, не покидая круга.

— Морлин мое имя, — ответил призрак. — Я был принцем великой славы в давние времена. Наверняка даже вы здесь, в Зимбуре, обо мне слышали?

Морлин. Темный принц-чародей Маурайнии, мертвый уже пять веков. Даже обливаясь потом и дрожа перед этим странным явлением, Халазар ощутил мгновенную вспышку восторга. Он вызвал призрака! Не того, которого стремился вызвать, но все равно — настоящего призрака, и великого — дух воина и архимага! Еле слышный победный смешок слетел с его трясущихся губ.

— Ну? — произнесло видение, складывая закрытые плащом руки на груди. — Тебе нечего сказать мне, царь, когда я явился к тебе? Что ты хотел бы, чтобы я сделал?

— Сокруши... сокруши моих врагов, — прохрипел Халазар.

— Работа не малая. У тебя их, кажется, в избытке. — Назвавший себя Морлином медленно обошел периметр магического круга, и огненные глаза его, не отрываясь, насмешливо смотрели на Халазара. — Начать мне с шурканцев? С Западного Содружества? И уж не стоит упоминать тех, кто здесь, в Зимбуре, строит планы на твой трон? Да, еще эта мелочишка с Триной Лиа.

Халазар пугливо вертелся, стараясь все время быть лицом к Морлину. В книге заклинаний говорилось, что духи всегда послушны своему заклинателю, но вот этот как-то никакого уважения не выказывал.

— Чем ты можешь мне помочь? — спросил он, вложив в голос толику властности.

— Мы друг другу можем помочь, Халазар. Объединиться против нашего общего врага. Я не питаю любви к Трине Лиа и рад

буду видеть гибель ее и ее соратников. Примешь ты мое предложение?

Халазар в задумчивости смотрел на пришельца. Тяжело вздохнув, темный призрак шагнул вперед и весьма подчеркнуто поставил сапог внутрь круга крови. Царь с криком отшатнулся, но длинные пальцы сомкнулась у него на локте, не давая уйти. Он забился, обуреваемый ужасом и возмущением. Этого не может быть! Ни один дух не может войти в магический круг — и эти пальцы у него на руке явно из плоти и крови! Глядя в мертвенно-белое лицо, Халазар увидел, что «горящие» глаза просто отражают свечи, как у кошки, а на самом деле они золотистые, со щелевидными зрачками — глаза не джинна и не человека, но зверя.

— Кто ты такой?

— Твой союзник, Халазар Зимбурийский.

На миг Халазару подумалось, что он теряет сознание: стены закружились вокруг него. Потом он заморгал, оглушенный, не веря своим глазам. Комната исчезла, с ней исчез замок и, кажется, Зимбура тоже. Он и его нечеловеческий спутник летели в непостижимой тьме, пронизанной лишь серебряными точками звезд. Звезд над головой — и *под ногами!*

— Где мы? — дико вскрикнул царь.

— Не страшись, Халазар, — ты все еще в своей комнате, по крайней мере тело твое в ней. Мы теперь путешествуем духом сквозь великую пустоту, окружающую этот мир. Смотри.

Протянулась длинная рука, и Халазар, проследив за ней взглядом, увидел большой голубой шар, висящий в темноте и наполовину затененный.

— Это, царь, мир, который ты знаешь, — мир, который будет принадлежать тебе. А теперь — оглядись вокруг! Вот — великая Ночь, и звезды лежат в ней густо, как пыль. Они — солнца, и многие из них больше и ярче того солнца, которое ты знаешь, и многие окружены мирами, такими же, как твой. Как же мало твое честолюбие, если ты готов довольствоваться только *одним* миром! — Рука протянулась снова. — Далеко отсюда, так далеко, что тебе не видно, есть другое, меньшее солнце, вращающееся вокруг твоего, и вокруг него вращается планета Азар, в честь которой ты назван. Ты зря терял время, пытаясь призвать мелких бесенят земли и воздуха, когда великие духи, суверенные повелители сфер, ждут твоего призыва. Элазар, Эломбар — правитель планеты, кружащей вокруг красной звезды Утара, — все небесные рабы Валдура живут в этих высотах. Но у тебя есть здесь и враги.

И снова взмах руки в плаще.

— Видишь ли вон ту планету, возле солнца, — ту, что сияет так ярко бело-голубым светом?

— Я вижу ее, дух.

— Это Арайния, которую вы в своем мире зовете Утренней звездой. Но она тоже мир, планета, и там обитает величайший из твоих врагов.

И снова Халазар ощутил головокружение, снова заморгал и стал оглядываться. Звезды исчезли. Он стоял ясным днем в парке, среди пышной зелени, и ветвистые кроны колыхались на фоне неба, и вокруг были деревья в светлой зелени и распускающихся цветах. За ними высились башни города, да такого, который и не снился Халазару: огромный и просторный, выстроенный по какому-то плану, не окруженный защитной стеной. Изящные дома, парки, солнце играет в пылающих струях фонтанов.

Морлин повел его по дороге к воротам парка, вывел в город. Халазар шел как в забытьи. Хотя он вроде бы шагал, но ничего не ощущал под ногами, и ни он, ни его высокий спутник не отбрасывали тени. Улицы, по которым они шли, были полны людьми в одеждах ярких цветов, высокими, изящными людьми, подобных которым он в жизни не видел.

— Что это за город? — воскликнул Халазар, а странные люди проходили сквозь него, не задевая. — Я никогда не видел подобного...

Морлин повел его к воротам какого-то особняка.

— Смотри, — сказал он тихо. — Ворота золотые, Халазар, — из *золота*, которого в этом мире столько, что его даже на детские игрушки пускают. А вот столбы ворот, погруженные в мрамор, — видишь этот многоцветный узор, цветочный рисунок? Приглядись, и ты увидишь, что каждый лист, каждый лепесток — это драгоценный камень: изумруд, рубин, ляпис-лазурь. Одни эти ворота стоят целого города Зимбуры, а ведь это всего лишь дом скромного купца.

Зимбурийский царь тщетно попытался вынуть блестящий изумрудный лепесток из оправы и выругался от досады, когда его призрачные пальцы прошли насквозь.

— Смотри! — Морлин махнул рукой в сторону крыш, и Халазар, подняв глаза, увидел огромный дворец с башнями, достигающими солнца, весь бронзовый и золотой. Он стоял на вершине высокого холма, как парусный корабль, оседлавший гребень волны. — Это, о царь, Халмирион — дворец величайшей волшебницы этого мира Трины Лиа. Она совсем не та простая девушка, которую ты встретил на Тринисии: это, я боюсь, была ошибка. Ис-

тинная принцесса обитает здесь: Эйлия Элмирия, дочь Эларайнии, королевы Ночи.

Халазар молчал, охваченный внезапным ужасом, и глядел на эти башни, такие яркие под солнцем, такие непоколебимые. Сколько раз уверял он себя, что его враг — всего лишь женщина, а значит, слабее его умом и телом. Встреться он с ней в битве один на один, наверняка успех был бы на его стороне. Но сейчас у него упало сердце. Кто может победить монарха такой силы, обладающего таким необозримым богатством? Ей вообще незачем с ним встречаться: наверняка она может послать сотню армий на одну его и полностью разгромить его на поле битвы. Да еще у нее есть союзники, вроде тех страшных джиннов, что видел он на Тринисии...

— Помоги мне, — сказал он, с трудом отводя взгляд от ненавистного зрелища. — Если есть у тебя сила, помоги мне победить эту злую колдунью!

— Мою помощь ты получишь, — ответил Морлин. — И помощь валеев, слуг Валдура в других сферах, кто ненавидит этот мир Арайнии и его обитателей так, как тебе и не снилось. Но у тебя тоже есть сила, Халазар: она в твоих армиях, в преданности, которую ты умеешь им внушать. Когда твои армии объединятся с армиями валеев, это будет сила, которой могут испугаться сами Небеса, о аватара Валдура! Этот мир настолько богат и прекрасен, насколько пустынна и безводна Зимбура. Лишь делай то, что я скажу тебе, и золото, драгоценности, леса и дичь этого мира, его народ — и его принцесса — все это будет твоим.

— Согласен! — вскричал царь.

И эхо этого крика отразилось от каменных стен его комнаты — он вернулся в свой дворец, в свое тело.

Халазар обернулся. Никакой фигуры в темном плаще с ним не было, и даже возник соблазн предположить, что это была иллюзия или сон. Но из-за окна снова раздался тот же шелестящий звук, будто крылья птицы взмахнули в ночном воздухе.

2
Призрак на пиру

Кто я?

Она лежала неподвижно, мутными со сна глазами уставясь в белый балдахин. В первые дни здесь, в Халмирионе, она, просы-

паясь, прежде всего думала, где она, а после этого приходил другой вопрос, куда более тревожный. На первый вопрос ответить было просто, как только полностью возвращалась память, и со временем он перестал возникать, но второй продолжал беспокоить. Она уже не была Эйлией Корабельщик, и от этого факта было не уйти, хотя она все еще цеплялась за это знакомое имя вместо истинного — Элмирия. Ощущение собственного «Я», такого же постоянного и привычного, как черты лица, улетело в миг, оставив девушку в растерянности и замешательстве. Эйлия Корабельщик была воспитана в ином мире в буквальном смысле слова, семьей, которую она до сих пор не могла считать чужой. Ее «родители» Нелла и Даннор, ее «двоюродные брат и сестра» — Джеймон и Джемма — теперь для нее утеряны. Они — на той стороне пустоты, через которую нет дорог, как через любое море, только куда более протяженной — такого расстояния она до сих пор себе и представить не могла. Но не только это отделяло ее от прежней семьи. Их не объединяла общая кровь — она всегда была чужой среди них.

И все равно она по ним скучала и беспокоилась о них. Ана ей сказала, что община немереев на Мере свяжется с ее приемной семьей и сообщит, что Эйлия в безопасности. Но им никогда не понять, где она сейчас, и, наверное, они о ней тоже беспокоятся — пусть даже Нелла с Даннором знали, что она не их родная дочь и когда-нибудь должна вернуться к своему роду. Эйлия вздохнула. Нелла и остальные первые сказали бы ей, как практичные островитяне, что нет толку лежать и обдумывать это снова и снова. Где бы она ни выросла, здесь ее родной мир, жизнь, которую ей теперь следует вести. Сегодня же — годовщина ее рождения, то есть официальное празднество, в котором она обязана принимать участие.

Эйлия выбралась из кровати, раздвинула белые шторы и встала, оглядывая свою спальню. Это была просторная круглая комната, повторяющая форму цветка, с окнами, выходящими на три стороны. На мраморном столике рядом с кроватью лежали игрушки из ее детства, которых Эйлия не помнила: заводная птица в золотой клетке, кукольный дом, построенный ремесленниками города, с миниатюрными окнами в свинцовых переплетах и крошечной мебелью. Игрушки стояли точно там, где она оставила их, когда мать увозила ее из дворца более двадцати лет назад. У Эйлии не хватало духу их убрать: это была связь с ее далеким прошлым. Ведь должны же у нее быть какие-то смутные воспоминания о тех днях? Не юный возраст, а душевное потрясение стерло ее ранние воспо-

минания — так говорили придворные врачи. Дело в том, что среди них — страшная память о бурном море, о пробитом тонущем корабле...

Эйлия оделась, подошла к глубокому окну и выглянула на улицу. Крыши дворца заполняли весь вид: нагромождение башен, куполов, золотых шпилей и флагштоков, где полоскались длинные флаги. Отсюда небо казалось совсем рядом, и ночью на нем сияли яркие звезды, маленькая голубая луна Мирия, и арка небес (на самом деле — система колец вокруг планеты) мерцающим мостом опоясывала небо от края до края. Эйлия жила в этом мире всего три его коротких года, но уже трудно было вспомнить время под другими небесами, лишенными таких чудес. Небесами с более тусклыми звездами, большой белой луной и без сияющей арки, где солнце казалось меньше, потому что не было так близко, и поднималось не на западе, а на востоке. Мир, где она была не Триной Лиа, провозвещенной правительницей элеев, но простой девушкой с Большого острова, для которой дворцы были несбыточной мечтой. До сих пор ей иногда казалось, что она — персонаж когда-то прочитанной книги, в которой негодяи подменили сына владетельного дворянина, годами жившего в роскоши, пока не вернулся истинный наследник.

— Я все еще жду, что появится *настоящая* Трина Лиа, — сознавалась она неохотно своим друзьям, — и выгонит меня из своего дворца.

Но она не говорила, что иногда ей этого очень хочется.

Несмотря на свой титул, она не была *правителем* в полном смысле слова. Титул у нее, как у ее отца, в основном означал почет. Высокий совет собирался в большом зале города, состоял из представителей всей Элдимии, территории и островов, и этот совет определял государственную политику. Вопросами духовными занимались религиозные вожди многочисленных вер Арайнии. На самом деле, как поняла с чувством унижения Эйлия, ей мало что оставалось *делать*, кроме как читать иногда речи (написанные другими), утверждать каждое действие совета (чистая формальность) и устраивать приемы для сановников. Население ее почти не видело: для людей она была так же далека, как луна, полубогиня, живущая во дворце на обнесенном стеной холме, недоступная людям этого мира. Во многих смыслах Эйлия и ее вассалы ступали по тонкому льду: до времени правления ее матери у народа Элдимии не было монархии, и хотя существовали высокородные и благородные семейства, их титулы также были всего лишь почетными и не давали реальной власти. Хотя все арайнийцы знали пророчество о

Трине Лиа, некоторые считали его легендой или аллегорией. Такие люди хмурились, когда королеву Эларайнию провозгласили богиней после нескольких «чудес». Да, волшебные способности у нее были выдающиеся, но такие способности не так редки в этом мире, как на Мере.

Те, кто возражал против коронации и обожествления Эларайнии, испытали облегчение, когда она покинула планету, забрав с собой свою столь же почитаемую дочь. Возвращение Эйлии и восхождение ее на трон вызвало недовольство этой части граждан. Их возражения несколько ослабли, когда стало ясно, что Эйлия не собирается злоупотреблять своим положением в личных целях. Уж скорее она была испугана обожанием толпы. Быстро составили документ, ограничивающий ее влияние и гарантирующий, что она будет на самом деле только символом. Хотя все это не имело значения. Верующих было куда больше, чем неверующих, а первые повиновались бы любому эдикту, который ей бы захотелось издать, невзирая на любое сопротивление светских чиновников. Этот факт, как она с беспокойством отметила про себя, должен весьма тревожить некоторые политические силы, хотя она никак не собралась им пользоваться.

В башне поменьше рядом с ее башней находилась кордегардия, куда часто захаживали ее друзья Йомар и Лорелин поиграть в кости со свободными от службы гвардейцами, и Эйлия, завидев их в окно, высовывалась и звала их. Но сейчас их там не было. Дальше стояла круглая башня с высоким стрельчатым окном, выходившим навстречу ее окну: это была комната Дамиона. Ночью можно было видеть, как горит у него лампа, и знать, что он там. Эта мысль была приятной. Дамион... Она всегда представляла его себе таким, каким увидела его впервые в Церкви Паладинов: в белой рясе священника, сияющего в золотом свете, будто именно он, а не священный огонь в алтаре, был источником этого света. Сперва этот образ показался ей ангельским, а не человеческим. Но впоследствии она восхищалась не внешностью, а внутренним миром Дамиона: его добротой, храбростью, беззаветной преданностью друзьям. Когда-то она робко обожала его издалека, сейчас он стал ей другом дороже любого другого. И все же этого было мало.

Она подумала, где сейчас Дамион — у себя в комнате, в садах дворца или за стенами, в городе? Дамион в отличие от нее был волен идти куда хочет, Йомар и Лорелин — тоже. Эйлия надеялась, что хоть один из них во дворце, потому что ей сегодня хотелось дружеского общения. Ведь не скажешь же, что ей одиноко — во дворце с тремя сотнями придворных и слуг.

Она вышла из спальни и пошла по другим комнатам своих покоев. Все они были просторные и роскошно обставленные. И все же Эйлия ходила по ним беспокойно, как заключенный по камере. Халмирион — клетка из бархата, мрамора и золота, и сегодня Эйлия сильнее обычного ощущала ее решетки. Она остановилась около трюмо взглянуть на отражение в золоченной раме. С прибытия на Арайнию девушка слегка выросла — эффект чуть более слабого тяготения планеты, — и арайнийское жаркое солнце добавило золота в волосы, хотя закрученные кончики (их Эйлия заметила с огорчением) все еще не хотели расти ниже талии. Она небрежно оделась в повседневное платье с высокой талией и простыми узкими рукавами, но сшито было платье из полотна цвета сапфира, более легкого, чем могло даже присниться девушке с острова.

Собака-имитатор, вытянувшаяся как меховой коврик на полу, подняла голову и посмотрела на Эйлию большими карими, почти человеческими глазами. Эйлия присела рядом, обняла массивную шею с густой рыжей шерстью и погладила длинную морду, очень похожую на собачью. Собака-имитатор — это арайнийский зверь, забавное сочетание собаки с обезьяной, который ценился за преданность и веселость. Эти создания можно было обучить любым фокусам и даже простой домашней работе — они ловко выполняли ее, действуя лапами, похожими на руки. Они же были идеальными игрушками и нянь ками для малышей, и этот когда-то был стражем Эйлии. Она его не помнила, но он явно не забыл молодую хозяйку.

— Гулять пойдем, Безни? — предложила Эйлия.

Зверь вскочил, размахивая хвостом.

Стоявшие в коридоре часовые в сине-золотых мундирах тут же вытянулись в струнку, вытаращив глаза.

— Ваше высочество! — прошелестели они, склоняя головы, когда она проходила.

Эйлия почувствовала их благоговение: Трина Лиа, официальная глава всех церквей Арайнии, номинальный глава государства, по верованиям большинства — смертная дочь воплощенной богини. Ей было неловко, идя по коридору, ощущать на себе их взгляды. Один из часовых был с виду не старше нее.

Возле первой двери справа она на секунду остановилась, перед тем как войти. Эти покои были так же изящно убраны, как ее собственные, с такими же фресками и лепными потолками. Розовые занавески висели на окнах и того же оттенка ковер покрывал пол. Воздух благоухал ароматом свежих лилий, поставленных в вазе на мраморный стол под большим ростовым портретом.

В этой комнате Эйлия родилась, и вполне естественно было прийти сюда в день рождения.

Она подошла к портрету и остановилась, разглядывая его. Изображенная на нем женщина вполне могла бы быть самой Эйлией — идеализированной Эйлией, более красивой, одухотворенной, безмятежной. Только глаза у этой женщины были синие, как платье, в которое Эйлия была одета, а не серо-фиолетовые, как у Эйлии, и восхитительные волосы до пят чуть посветлее. Но черты лица были будто отражением черт Эйлии, как и бледный цвет кожи, и изящная грациозная шея. Женщина на портрете стояла в садах дворца на фоне туманных синих цветов и зелени. Эларайния, провозглашенная королева Элдимии, названная элеями по имени богини, величайшая в истории волшебница. Глядящий на этот портрет тонул в его спокойствии, хотя для Эйлии он всегда отзывался и ноющей болью. Ее мать исчезла много лет назад на планете Мера, и большинство теперь склонялось к мысли, что она мертва.

Эта комната да локон белокурых волос, хранимый в украшенной раке в церкви, — вот и все, что осталось от королевы. Когда-то, когда никого рядом не было, Эйлия достала священную реликвию и прильнула щекой к мягкому шелку волос. На миг проснулись смутные воспоминания и впечатления раннего детства — длинные волосы цвета меда, щекочущие лицо, мягкая теплота объятий, в которых уютно устроилась девочка — когда-то, давным-давно. Глаза Эйлии затуманились.

— Она была красива, — внезапно произнес голос за спиной.

Эйлия обернулась. В дверях стоял отец.

— Прости, что помешал тебе, — сказал он. — Нет-нет, и не говори ничего больше. Я понимаю твои чувства.

Эйлия и король Тирон неловко замолчали. Им по-прежнему было слегка неуютно друг с другом — мешала пропасть времени и расстояния, проложенная между ними ее матерью. Трудно было восполнить столько упущенного времени.

— Она была красива, — повторил он после долгой паузы, входя в комнату. Темные глаза его со скорбью смотрели на портрет. — Но истинная красота была в ее душе: сострадание, доброта, мудрость. Они — они освещали ее, как свеча, вставленная в фонарь. Неудивительно, что люди считали ее богиней. Они превратили бы эту комнату в святилище, если бы я позволил. Но мне нужно было место, где я мог бы остаться наедине с ее памятью.

Эйлия нерешительно спросила:

— Отец... ты не думаешь, что она может быть еще жива?

Он положил руку ей на плечо.

— Мне хочется верить, что это так. Но разум подсказывает, что она не могла пережить крушение летающего корабля...

— Я тоже не должна была выжить, но я выжила. — Эйлия снова посмотрела на портрет. — И как бы могла я выжить одна, если была всего лишь младенцем, почти грудным? Если она погибла, как могла бы я выбраться на берег живой и невредимой?

— Не знаю. Это тайна, и может остаться тайной навсегда.

— Если бы я только лучше знала ее! — вырвалось у Эйлии.

Все ее знали, кажется, — отец, придворные, народ, даже собака-имитатор помнила ласковые руки королевы, видела ее прекрасное лицо. Клирики города провозглашали, что божественная Элрайния перешла обратно в царство бессмертных и духом осталась со своим народом, — так они утешали себя самих и верующих. Но Эйлии нужна была та смертная, что была ее матерью.

— Ты редко говоришь о ней, отец, — сказала она. — Я не спрашивала тебя, зная, что тебе больно вспоминать. Но я так мало о ней помню.

Тирон посмотрел на нее печально:

— Я всегда был эгоистичен. Ты потеряла мать, пусть даже я потерял жену, и твое право — знать о ней. Но если бы ты могла что-нибудь о ней вспомнить, дочь, ты бы поняла, почему мое горе о ней не утихает.

Он замолчал, и она подумала, что он ничего больше не скажет. Но он заговорил снова тихим голосом:

— Она жила на Южном берегу Элдимии, в диких полях — как все истинные элеи.

— Лесные элеи ведь сильно отличаются от городских? — спросила Эйлия.

— Да. В нашей части Элдимии волшебный народ жил среди мереев — истинных людей — много поколений, вступал с ними в браки и рожал детей смешанной крови, таких как мы. Но те, кто остался в лесах, с остальным человечеством контактов не имеют. Не ведут торговли, только для себя изготовляют украшения, которые и не думают продавать. Они даже не занимаются земледелием. Каждый берет для себя все, что ему нужно, прямо из леса. Он дает им фрукты и овощи, коренья и орехи, а многие травы, цветы и даже кора определенных деревьев обладают целительными свойствами. Одежду они изготовляют из волокнистых растений; кое-кто окрашивает их натуральными красителями, но в основном просто оставляют белыми.

Много лет назад я поехал туда путешествовать, чтобы больше о них узнать. Ушел глубоко в леса, даже в тень Хиелантии, страны Облаков...

— Я слышала о ней. Где это?

— Возле берега, где когда-то было широкое плоскогорье. За много веков его почти смыло дождями, остались лишь несколько громадных каменных столбов и плато. Давным-давно там жили древние, как гласят легенды, и еще множество странных тварей, зверей и птиц исчезли с тех пор с планеты. Элеи почитают эту страну как место обитания своей богини. Там жила твоя мать, у подножия одного из гороподобных столбов. Жилище ее было в пещере на обрыве, выстеленной мхом и укрытой вьющимися растениями. Неподалеку есть бухта, расцвеченная коралловыми рифами, и там она любила плавать по утрам. У нее не было родственников, не было друзей, кроме нескольких зверей, приходивших к ней, — у нее был дар привлекать к себе любых созданий, мохнатых или пернатых, с плавниками или чешуей. Лесные элеи почитали ее как божество — они воистину считали ее богиней и спрашивали ее совета о многом. Узнав о ней, я загорелся любопытством и тоже захотел ее найти.

Я полагал, что увижу старую мудрую колдунью вроде тех, что бывают в лесных общинах: знающую науку трав из многолетнего опыта. Но я увидел женщину молодую и прекрасную, с золотыми волосами до пят. И сразу был поражен в самое сердце, хотя у меня не было надежды... Пусть теперь меня называют королем, но во мне нет ни королевской, ни благородной крови. Я даже не самый красивый из мужчин, а она... как только я увидел ее, вдруг наконец понял, что значит «небесная красота».

Я спросил ее о родителях, но она будто не поняла меня. Слово «отец» не вызвало никакой реакции, а на вопрос о матери она только показала в небо и сказала: «Она там». Либо она хотела сказать, что мать ее на Небесах, либо что верит в какую-то небесную богиню, покровительствующую ей. Я решил, что она осиротела в раннем детстве из-за какой-то трагической случайности и не помнит, как это было, потому что ее совершенно не волновало собственное одиночество. Я присоединился к ее почитателям, сел у ее ног и днями и ночами стал слушать ее речи. Прошли недели, и она сказала мне, что отвечает на мою любовь, — я не поверил собственным ушам. Как будто богиня снизошла до любви к простому смертному.

Голос Тирона задрожал, и он не смог говорить дальше.

Они оба молчали. Отец погрузился в воспоминания, созерцая портрет, а Безни дергал поводок у его ног. Эйлия погрузилась в собственные мысли.

По молчаливому согласию день рождения Эйлии всегда считался всенародным праздником. Никто не издавал по этому поводу никаких указов, но народ Элдимии просто оставлял работу и каждый год радостно выходил в этот день на улицы. Халмирион всегда отмечал этот день балом и вечерним пиром.

Эйлия смотрелась в зеркало, пока ее фрейлины хлопотали, одевая ее, заплетая косы и тщательно укладывая их в корону. С такой прической она казалась старше, и Эйлии это нравилось. Сегодня ей не надо было надевать официальные регалии, и на ней было легкое ярко-голубое платье с газовой накидкой, спускающейся ниже талии. На правой руке кольцо с сапфировой звездой, принадлежавшее когда-то ее матери, а на шее — подарок Дамиона на день рождения: серебряная цепочка с большой белой жемчужиной. Дамион, подумала она, будет сегодня на балу и должен хоть раз взглянуть на нее — не на принцессу или друга, но на женщину. Только Дамион, знавший ее еще тогда, когда она сама не знала, кто она, может любить ее ради нее самой.

Если бы только он любил ее!

Старая няня Бениа вошла в комнату и просияла:

— О, милая моя, это прекрасно! Ты великолепно выглядишь.

Эйлия улыбнулась. Бениа все еще ворчала на злую судьбу, отобравшую у нее «ее» девочку столько лет назад, и Эйлия, зная об этом, разрешала ей над собой хлопотать. Честно говоря, она радовалась, что кто-то иногда обращается с ней по-матерински.

С няней вместе вошла графиня Лира, главная фрейлина. В руках у нее что-то блестело инеем.

— Вам необходимо надеть хотя бы тиару, ваше высочество.

Три года назад Эйлия радостно вскрикнула бы при виде такой драгоценности, сегодня же она только почувствовала раздражение.

— Необходимо? Нельзя ли мне хоть один вечер побыть просто самой собой?

— Вы — Трина Лиа, — напомнила ей графиня Лира. — И вы всегда должны быть ею.

Эта маленькая, похожая на птицу женщина с блестящими глазами, с копной рыжеватых волос и острым носом имела невероятно властный вид, компенсировавший недостаток роста. Она твердой рукой прикрепила тиару перед короной кос Эйлии, а принцесса покорно это вытерпела.

— Она принадлежала твоей матери, — сказала Бениа, и глаза ее заблестели от слез при виде драгоценности.

Эйлия провела рукой по тиаре, украшенной жемчугами и бриллиантами в золотой оправе. Значит, Эларайния тоже носила ее. И на миг Эйлия ощутила близость к матери.

На улице раздался треск, за ним взрыв и вспышка красного света. Эйлия подошла к окну и выглянула в сад. Королевский фейерверк разгорался, и ночь заполнялась огненными контурами: огромные свечи, спускающиеся с неба, как с потолка, и медленно угасающие, искрящиеся кометы и вспышки разноцветных молний, сопровождаемые раскатами искусственного грома. Внизу на земле играли огненные узоры, били пламенные фонтаны и каскады, каждая капля в которых искрилась огнем, и дрожали в декоративных прудах отражения колес белого пламени под громкую стройную музыку.

Эйлия открыла окно и глубоко вдохнула вечерний воздух, насыщенный запахами цветов. Мирия, маленькая голубая луна, уже взошла — та луна, чье имя носила девушка. То есть это луна была названа ее именем. Эйлия знала древний миф о происхождении этой луны: как богиня-мать Эларайния поместила ее в ночное небо для развлечения любимой дочери. И правдой было, что у этой луны есть атмосфера, потому что в подзорную трубу были видны леса и воды. В те времена, когда элеи летали среди звезд, они посетили Мирию — по крайней мере так рассказывали. Теперь же туда было не добраться. Что за цветы там цветут, что за ароматы напитывают воздух?

Эйлия снова посмотрела на земные сады. Всегда ей приходилось подавлять дрожь, когда она смотрела туда, на восточный склон холма, где пал раненый Морлин в обличье дракона, изрезав землю и уничтожив растительность. Все следы давно уже убрали, но воспоминание было живо. Принц Морлин, самый опасный ее враг — он все еще жив, где-то скрывается, и сказано было, что ей придется когда-нибудь снова встретиться с ним — быть может, когда он явится во главе армии вторжения...

— Вы готовы, Трина Лиа? — спросила другая фрейлина, заглянув из-за двери.

Эйлия отодвинулась от окна и закрыла его.

— Никогда я не чувствую себя готовой к этим церемониям. Любая мелочь может все испортить. Если вы, скажем, наступите себе на юбку — это будет небольшой конфуз. Если я это сделаю, наутро весь мир узнает.

— Эйлия, милая... — начала Бениа.

— Соберутся советы, — продолжала Эйлия подчеркнуто спокойным голосом, — дабы обсудить последствия инцидентов. Вера народа будет подорвана, мои политические противники восстанут, и у меня не будет иного выхода, как покинуть дворец и жить всю оставшуюся жизнь в лесах, питаясь кореньями и...

— Чушь, ваше высочество, — резко, как всегда, прервала ее фрейлина Лира. — Пойдемте.

Сопровождаемая фрейлинами Эйлия вышла в зал, семеня на каблуках, специально изготовленных для увеличения роста. Поскольку она почти всю свою юность провела на Мере, где тяготение намного сильнее, рост ее был несколько неприличен по меркам Арайнии. Перед ней шли закрытые вуалями пророчицы с серебряными канделябрами, распевая:

— Владычица Света близится! Дорогу дочери Небес Трине Лиа!

Этот ритуал казался Эйлии донельзя нелепым, но она не осмеливалась попросить их перестать.

Отец уже ждал в бальном зале, приветствуя гостей вместе со своими родителями и бабкой, стоящими сбоку от него. С ними была и Ана, старуха, которая помогла Эйлии и ее спутникам найти на Мере Камень Звезд. Рядом с другими она казалась крошечной и сгорбленной, но Эйлия видела, что все обращаются с ней уважительно — даже благоговейно. Ибо на самом деле Ана была королевой Элианой — немерейкой, великой волшебницей, прожившей более пятисот лет. На руках она держала свою кошку, Серую Метелку. Кошка рассеянно подергивала серебристо-серым хвостом, глядя на праздничную суету. Там клубилась масса роскошных платьев и уборов, голов в серебре и золоте, белых рук и шей, украшенных браслетами и ожерельями с настоящими драгоценностями. На Мере, где драгоценности были отличительными признаками богатства, такое сборище показалось бы почти вульгарным. Но Арайния изобиловала самоцветами, и были среди них даже неизвестные на Мере: например, сориг морской зелени, который добывали на крайнем юге, огненно-желтый рефламбин и чудесный бледный венудор, сияющий в темноте собственным внутренним светом. Их здесь ценили просто за красоту, хотя некоторые элеи почитали «силу», которую полагали присущей им: духи, живущие в кристаллических решетках натуральных самоцветов, превращали их в проводники между царством материи и высшими сферами. Считалось, что сам Камень Звезд служит домом для духа, проявляющего себя в виде огненной птицы, — Элмира. Многие сторонники этой тео-

рии клялись, что видели, как он поднимается, подобно фениксу, из глубин кристалла.

Эйлия остановилась перед массивными дверями, слушая менестрелей и людской гомон. Побывав на нескольких таких приемах, она научилась преодолевать природную стеснительность, выделяя в толпе несколько знакомых лиц. Сегодня это будет нетрудно: есть только одно лицо, которое она по-настоящему хотела бы увидеть. Эйлия сделала глубокий вдох и плавно вошла в зал — шаль развевалась за ее спиной газовыми крыльями. Голоса мгновенно смолкли, и все глаза одновременно обратились к ней, но она видела только Дамиона. Он стоял возле высокого окна, одетый ради торжественного случая в придворные одежды: небесно-голубой камзол с белыми бриджами и сапогами. С ним стояла Лорелин, и платье на ней было красное — ярко-алое, неслыханный цвет даже для праздника. Белая стена, рядом с которой она стояла, окрашивалась отраженным светом, будто краснея от смелости девушки. Но платье ей почему-то шло. Она смотрелась как экзотический дикий цветок, дерзновенно проросший среди пастельных лепестков сада. Дамион посмотрел в сторону Эйлии и тут же быстро отвернулся к Лорелин. Уязвленная Эйлия тоже отвела глаза и продолжала приветствовать гостей, стараясь изобразить воодушевление. Но все равно временами косилась на Дамиона. Как он красив — эти белокурые волосы, тонкие черты лица, — к нему обращаются взгляды даже в мире, где красота — явление обыденное. Эйлия неслышно вздохнула. Три коротких слова, которые так легко произнести — *было бы легко*, если бы не эта непреодолимая пропасть между умом и языком. *Я тебя люблю*. На Мере девушек учили никогда не говорить мужчине этих слов, если он не произнес их первым; но арайнийские девушки, как знала Эйлия, не так стеснительны. И все равно она не могла этого сказать. Ей тут же представлялось, как она говорит эти слова, и знакомые черты Дамиона искажаются удивлением, неловкостью, смущением. Может быть, он даже будет ее избегать потом, стараясь не оставаться с нею наедине.

«Терять дружбу Дамиона я не могу, — подумала она, охваченная внезапной паникой. — Не могу, и все!»

Но тут какой-то музыкант заиграл соло на элейской арфе в рост человека, и ноты, сорванные им со струн, долетали до Эйлии, как лепестки с цветущего дерева. Все элеи, как она знала, одарены музыкально — сами они верили, что это наследие ангелов. Женский голос запел:

Гляжу в лицо твое — и мне
Невольно чудится, о милый,
Что некогда, в иной стране,
Тебя я знала и любила.

То было в дальнем далеке,
До сотворения, в начале:
Бродили мы, рука в руке,
И мир еще не знал печали.

Пускай мы здесь разделены
Преградою неодолимой,
Но жизнь пройдет — и вновь должны
Нас небеса свести, любимый.*

Это была старая песня с Меры, записанная неизвестным Бардом из Блиссона. При дворе не уставали слушать песни и сказки с Меры: Эйлия часто рассказывала своим фрейлинам давно забытые народные легенды и волшебные сказки этого далекого мира, и уж просто глупо было бы пускать слезы, слушая их. Она села и стала смотреть на начавшиеся танцы — элейские танцы, которые так же приятно было наблюдать, как и участвовать в них, выстраиваясь в изощренные переплетения узоров. Ни в одном из них Дамион не пригласил Эйлию к себе в партнерши, хотя несколько раз танцевал с Лорелин.

— Что за славная пара твои друзья, моя милая!

Эйлия обернулась к своей прабабке и проследила за ее взглядом. Даме было больше ста пятидесяти лет, потому что в ней была элейская кровь: волосы полностью седые, и все равно она выглядела куда моложе, чем меранская женщина лет в восемьдесят. Взгляд у нее был по-прежнему острый, а ум проницательный.

— Они оба такие высокие, такие светловолосые! — воскликнула она, улыбаясь.

Эйлия только кивнула, боясь выдать себя дрожью в голосе. Может ли быть, чтобы эти двое...

Зазвенел звонок, и гости потянулись из бального зала в пиршественный. Дамион и Лорелин шли вместе.

Это был блестящий пир в элейском стиле, который требовал, чтобы еда была так же прекрасна на вид, как и на вкус, и потому ломтики фруктов были выложены в виде яркокрылых бабочек и

* Перевод Р. Шустеровича.

пышных цветов, корка дынь изрезана рисунками, и все охлаждалось кусками льда в виде дельфинов, лебедей или танцующих дев — это поразило тех из гостей, кто в жизни не видел замерзшей воды. Синие яйца зимородков лежали в зеленых гнездах мха, маленькие пирожки в виде полумесяцев покрыты были слоями съедобного золота или серебра. Эйлия почувствовала, что настроение у нее слегка улучшилось. Приятно угощать людей, смотреть, как они разговаривают и наслаждаются вкусной едой, приготовленной королевскими поварами.

Она подняла глаза и увидела входящего в зал Йомара: ее не удивило, что он опаздывает, потому что он терпеть не мог дворцовых приемов. Не будь это ее день рождения, он мог бы и вообще не появиться. С ним была большая собака на поводке — то есть он был на одном конце поводка, а пес — на другом, и они будто выясняли по дороге, кто кого ведет.

— А зачем собака, Йо? — спросил Дамион. — Я думал, ты не настолько зверей любишь.

— Это *ей*, — ответил Йомар, махнув рукой в сторону Эйлии. — Мой подарок на день рождения. Води всегда этого пса с собой, — сказал он принцессе. — Я его натаскал бросаться на каждого, кто попытается на тебя напасть или тебя похитить.

Пес радостно напрыгнул на Эйлию, потом на Дамиона, покрывая их слюнявыми поцелуями.

— Понял. Он натаскан зализывать до смерти, — сказал Дамион, пытаясь избавиться от назойливого внимания собаки.

— Не будь дураком, он злобный только на тех, кто нападает, — огрызнулся Йомар. — Смотри! Эй, я нападаю!

Он направился вперед со зловещим видом. Пес с веселым визгом бросился вперед, стараясь лизнуть его в лицо. Йомар высказал свои предположения о родословной пса — совершенно верные, но непроизносимые в приличном обществе. Остальные трое рассмеялись.

— Ну, значит, его еще надо натаскивать, — невозмутимо произнес Йомар.

— Ты думаешь, здесь может быть опасно, Йо? — спросила Лорелин. — Элдимия кажется такой мирной...

— Пока кажется, — скептически ответил Йомар.

Но Эйлия подумала, что права Лорелин: этот новый элдимийский год начинался как все предыдущие — в нерушимом мире и согласии. Арайния меньше Меры и по размерам, и по населению, и события здесь тоже меньшего масштаба: происходят мелкие драмы, которые случаются всюду, где есть люди, но ни войн, ни на-

родных бунтов не наблюдалось. И все же на сердце у Эйлии было неспокойно.

— А правда здорово мы живем? — продолжала Лорелин, ничуть не обескураженная хмурым лицом Йомара. — Как в тех книгах, что ты нам пересказывала, Эйлия. Правда, будто мы просто попали в такую?

— Да, — согласилась Эйлия. — Я часто думала, что жизнь подобна книге, только люди, в ней живущие, сами ее пишут. От них тоже зависит, что будет дальше и чем все кончится.

Лорелин задумалась.

— Никогда в голову не приходило. И как бы ты написала собственную историю, Эйлия?

— Не знаю. Пока что, кажется, ее пишут за меня.

И Эйлия замолчала.

Йомар с отвращением оглядел пиршественный стол.

— Мяса нет. И выпить нечего. Не могу я такого терпеть!

— Выпей нектара, Йо, — предложил Дамион, протягивая стакан прозрачной золотистой жидкости. — На вкус отлично, и не пьянеешь.

— А что тогда толку? — буркнул Йомар. Но сел на стул и стал накладывать себе еду.

— Что с тобой такое, Йо? — напрямую спросила его Лорелин.

Йомар мрачно посмотрел на тарелку, бесцельно перебирая пальцами ломтики фруктов.

— На таких пирах я все думаю о Зимбуре, о всех рабах, что мучаются там в трудовых лагерях. Неужто мы ничего не можем сделать? Отправиться и освободить их с боем?

Эйлия ничего не сказала — она снова подумала о своей приемной семье на Мере. Остались они на Западном континенте или вернулись на Большой остров? Ни там, ни там они не будут в безопасности, если царь Зимбуры двинет свои армии на завоевание мира.

— Вспомни, Йомар, — возразил Дамион, — в этом мире никто не умеет драться. Здесь сотни лет не было войны.

— И еще вопрос, как нам преодолеть пустоту, отделяющую нас от Меры, — добавил король Тирон. — Только королеве это удалось. Никто другой не знает, как построить летающий корабль, даже немереи. И нам не помогут драконы или херувимы. Сейчас любую армию мы можем создать только для своей защиты, на случай вторжения.

Эйлия хотела бы сменить тему — слишком это напоминала пророчество о ней самой.

«Мне — вести армии на Меру? Будто бы я смогу! — подумала она. — Но народ верит, что я сделаю это когда-нибудь. А я себя чувствую гнусной обманщицей».

После пира были и другие увеселения. Выступали жонглеры, певцы, и наконец — демонстрация магии, которую выполнили немереи в белых мантиях из академии чародеев в Мелнемероне. Таких превосходных фокусов еще никто никогда не видел. Стаи радужных птиц и огненные шары, появляющиеся из пустоты бьющие фонтаны, тут же исчезающие по мановению руки фокусника. В какую-то минуту пиршественный зал обратился в лес: расписной потолок сменился зелеными кронами, возле обеденных столов выросли деревья, а посередине скрывшегося под дерном пола заструился журчащий ручей. Потом иллюзорный пейзаж исчез, люди, моргая, разглядывали вернувшуюся обстановку.

— Ну, — сказал Дамион, когда стихли аплодисменты, — эти ребята оставили бы без работы всех заклинателей Меры?

— А кто вообще такие эти немереи? — спросил Йомар несколько презрительно. — Просто фокусники чуть поумнее и порукастее?

— Вовсе нет. Немереи не только хитрыми фокусами занимаются.

Это был мастер Ву, старый и почтенный придворный волшебник. Низкорослый крепкий мужчина каанского происхождения, он щеголял серебристой бородой до пояса. Никто не знал, сколько ему лет: он жил в Мирамаре давно, а до того был преподавателем в Мелнемероне. Как всегда он был одет пестро, для торжественного случая выбрав мантию из бордового шелка, расшитого серебряными звездами и рунами, и остроконечную шапку с тем же орнаментом. Но он был немереем немалой силы, и Эйлия давно привыкла уважать его мудрость и совет.

— Наша сила вполне настоящая, — сообщил волшебник Йомару с легким упреком. — Немереи — целители, предсказатели, воины, послы. Когда еще не было жрецов — посредников между богами и смертными, — до рассвета философии и целительства немереи уже были. Мы присутствуем во всех мирах, среди всех народов, во все времена. Древние жители Меры называли наших предшественников разными именами: пророки, шаманы, колдуны, ведьмы.

— Но как вы все это делаете? — с любопытством спросила Лорелин.

— Источник того, что вы называете магией, лежит в плоскости Эфира. Некоторые из нас ее смутно ощущают, другие осозна-

ют ее полностью, и немногие умеют черпать из нее силу. Немереи стоят на границе двух реальностей, используя одну, чтобы влиять на другую. Мы умеем эфирной силой лечить физические раны, провидеть возможные события, читать чужие мысли.

— Но любая сила может быть использована во зло, — сказала Ана своим тихим голосом.

Ву склонил голову.

— Воистину так, королева Элиана. Магия может ранить так же легко, как и исцелять. Король Меры Андарион создал орден паладинов, чтобы противостоять жестокости других вооруженных рыцарей. Точно так же пришлось объединиться немереям против тех, кто злоупотреблял магией. Чародей много раз подумает, прежде чем обратить магию во зло, если будет знать, что он понесет наказание. Истинные немереи всегда должны быть бдительны.

Они замолчали, и стали слышны обрывки разговоров других гостей за столом:

— ...страшные видения — звезды падают с неба, драконы парят над головой...

Йомар повернулся лицом к говорящему:

— Видения? Что еще за видения? Вам, немереям, все время что-то мерещится.

Ответила ему главная прорицательница Марима. Она за ужином откинула покрывало прорицательницы, и молодое, но одновременно и мудрое элейское лицо ее было торжественно-серьезно.

— Многие иногда видят вещие сны, но когда так много людей видят похожие сны, это само по себе предзнаменование, которое нельзя не замечать. Великая Комета, появившаяся в наших небесах, была всего лишь предупреждением. Какое-то зло действует в нашем мире — возможно, влияние зловещей звезды или планеты.

— Звезды *и* планеты, полагаю, — возразил Ву.

Эйлия уставилась на них:

— Вы имеете в виду Азар и Азарах? — В элейских преданиях говорилось о маленькой тусклой звезде с планетой, кружащей вокруг этого солнца, в далеких глубинах пустоты. — Мастер Ву, пожалуйста, расскажите подробнее.

Но что собирался сказать в ответ Ву, так и осталось неизвестным. Ярко блеснула гигантская вспышка, подобная молнии, и в середине зала выросла человеческая фигура. Она была облачена в мантию, на голове — какая-то странная корона, черная борода обрамляла бледное лицо, глаза светились адским огнем.

— Я Халазар Зимбурийский! — прозвучал громовой голос.

Серая Метелка взвыла и вспрыгнула Ане на плечи. Тирон вскочил в гневе.

— Что это такое? Кто вызвал эту иллюзию? — спросил он сурово.

Но немереи в белых мантиях были удивлены не меньше остальных.

— Это не их работа, — заявил Ву, тоже поднимаясь.

— Это на самом деле Халазар! — Йомар прыгнул вперед, отшвырнув стул. — Стража! Взять его! — крикнул он.

— Это невозможно, — прозвучал спокойный голос Аны. Только она осталась спокойно сидеть, поглаживая ощетинившуюся кошку. — Его здесь на самом деле нет, Йомар. Это его эфирный двойник — проекция его изображения.

Темный царь приблизился, и стало видно, что он действительно нематериален и прозрачен — за его алой мантией с золотым шитьем можно было разглядеть предметы. Призрачные глаза со злостью глядели на Эйлию.

— Злобная колдунья! Дни твоего нечестивого правления сочтены! Мои армии обрушатся на твою планету, сокрушат и покорят ее, а мужчин вырежут всех, до грудных младенцев. Арайния будет принадлежать мне — со всеми ее городами и богатствами, женщинами и скотом. А ты, ведьма, слетишь со своего трона!

Он распахнул мантию, сверкнул перевязью, скрытой за ее золотым шитьем, и торжествующе выхватил огромный ятаган.

Эйлия каким-то чудом обрела голос.

— Почему? — спросила она, а Дамион и ее отец встали по обе стороны от нее, будто хотели защитить. — Что мы тебе сделали?

Призрачная фигура уже начала таять, как туман на солнце.

— Я ухожу, ведьма, — крикнул пришелец хриплым голосом, — но я вернусь в полной мощи, во главе своих армий!

И эфирный образ исчез, оставив пирующих таращиться в пустоту.

3
Повелители ветра и воды

По императорскому приказу великий совет лоананов собрался на обычном месте — в алмазном дворце императора. Это был самый большой из многих подобных дворцов, построенных древ-

ними, и, как все они, гордился башнями и шпилями, поднимавшимися величественно и высоко, сверкающим, подобно бриллиантам. Они были вырезаны из хрусталя, чистого и прозрачного, как тонкое стекло, и никакое оружие не могло бы оставить на нем даже царапины. Как и многие из таких же дворцов, этот был построен без фундамента и мог быть поднят с места волшебством. Бескрылые создания, посещавшие это чудо, дивились, глядя сквозь полы, прозрачные, как окна: головокружительное зрелище долин и хребтов под ногами, изгибы морских берегов, облачные шапки. Дворец императора сейчас висел в небесах Алфарана, родного мира. Под ним простиралось море синевы, золотых и пурпурных облаков, а на горизонте виднелась багровеющая воронка бури. Суши не видно было за туманной завесой, лишь воздушные пропасти с облачным дном: облака над облаками. Далеко внизу оставалась поверхность планеты, где никто не жил. На таких планетах живые организмы обитали не на поверхности, а в верхней атмосфере. Геральдические ласточки и орлы Алфарана, гигантские духи в облике птиц, реяли среди облачных вихрей и ветвистых молний столетних бурь, в воронках которых могли бы затеряться сотни планет поменьше. Там же обретались и чешуеголовые сафаты, прилетавшие отложить яйца в воздух. Жемчужные шары плавали на ветрах, легкие, как пузыри, и молодые сафаты, едва вылупившись, уже умели летать. Алфаран — мир крылатых.

Тысячелетиями прилетали лоананы на эту планету играть в ее многоцветной облачной мантии, но сейчас настроение в стенах хрустального дворца было серьезным. Все монархи Империи драконов собрались в просторном центральном зале — короли и королевы четырех рас, получившие имена по тем местам, где они обитают: живущие в пещерах драконы Земли, водяные драконы из рек, озер и глубин океана, небесные драконы с возвышенных горных пиков и эфирные драконы, почти всегда живущие в верхней плоскости, далеко от миров, состоящих из материи. Пятая раса, имперские драконы, была специально выведена лоананами для защиты межзвездного царства во времена раздоров. Шесть представителей этой касты воинов сейчас следили за Орбионом, императором лоананов и повелителем миров. Других монархов окружали их собственные помощники и стражи.

Драконы мерцали в хрустальном зале как радуга в призме, и у каждой расы был свой отличительный оттенок. Небесные драконы — синие, как ляпис-лазурь; водяные — изумрудно-зеленые; драконы Земли — красные, как расплавленные огни недр. Эфирные же драконы были белы как снег, имперские драконы — золо-

тые. Но если присмотреться, не было ни одного одноцветного лоанана. Чешуя небесных драконов чуть отливала фиолетовым, как переливаются крылья синей бабочки; у зеленых крылья играли серебристым инеем, земные драконы отливали золотом. Сменяли друг друга, мерцая, жемчужные радуги на шкуре белых драконов. А глаза лоананов сверкали как самоцветы: рубиновые у водяных драконов, сапфирные у эфирных, изумрудные у стражей империи и дымящийся топаз у тех, кто обитает в толще земли. Во лбу каждого дракона находился круглый кристалл драконтия, сияющий опаловым огнем.

Император драконов заговорил трубным голосом, и остальные замолчали. Он был древним эфирным драконом, грива и борода — как свежевыпавший снег, воздетые высоко над головой перламутровые крылья шелковой кроной окружали трон. По его призыву к нему приблизился один из имперских драконов, и шкура его блестела, как чешуйки зеркального карпа, всплывающего со дна пруда. Он встал в почтительную позу, низко склонив рогатую голову к ногам императора. Глаза Орбиона, холодно-синие, как горное озеро, надолго остановились на золотом драконе. И он заговорил на языке лоананов:

— Говори, Аурон. Ты сказал, что у тебя есть новости величайшей важности, но ты не осмеливаешься говорить мысленно.

— Да, мой император. Это слишком важное дело, и враг мог подслушать меня в Эфире.

— Теперь, когда ты здесь, мне судить, был ли ты прав. Здесь нет врагов. Говори!

Имперский дракон повиновался и поднял на императора взгляд сине-зеленых глаз.

— Вот что желал я сказать тебе, о Сын Неба: я теперь уверен. Она действительно та, и в этом нет сомнений.

По собранию лоананов прошел говор и шелест крыльев, легкий ветерок от которого пробежал по хрустальному залу. Но старый император не шевельнулся.

— Та женщина, что ты спас на Мере? — спросил он. — Почему ты уверен?

— Мы спасли друг друга, Сын Неба, — почтительно поправил золотой дракон. — Я никогда бы не смог улететь с той горы без ее помощи.

— Да, ты был связан железом, насколько я помню. Беспечность с твоей стороны, Аурон.

— Непростительная беспечность, мой император, — ответил дракон, склонив голову. — Много дней пробыл я на той вершине,

охраняя врата неба и ожидая путников, о которых говорил херувим. И я очень устал. Морлин пришел и приковал меня, пока я спал перед вратами, лишил меня возможности летать, изменять форму и даже разговаривать мысленно с херувимом. Эта девушка, Эйлия, стала моим спасением. Она не знала тогда, что я — мыслящее существо, как и она. Она считала меня просто зверем, только самым большим из всех, которых она видела. То, что она сделала, требовало не только обычного сочувствия, но и необычайного мужества. Это она, мой император: я заподозрил это с самого начала. С тех пор я наблюдаю за ней на Арайнии, принимая различные формы, естественные для той планеты. Среди них и человеческое обличье.

Тихое шипение раздалось из пасти императора.

— Опас-с-с-но.

Аурон снова склонил голову:

— Я принял все предосторожности: никто не догадывается о моей истинной сути.

Наступило молчание, нарушаемое лишь пронзительными вскриками геральдических ласточек, пронизывающих комнаты дворца под невообразимо высокими потолками. Они были похожи на меранских ласточек, но у них не было ног: всю жизнь они проводили на крыльях, питаясь летающими насекомыми, не способные приземлиться даже во сне. Сквозь стеклистую крышу били свирепые лучи белого солнца. Девятьсот лет назад такие же лучи пронзили полупрозрачную скорлупу яйца и вызвали Аурона к жизни, к исполнению долга перед Небесной Империей. Более семисот лет прошло, как Аурон оставил свою родную звезду и через многие странствия добрался до планеты Мера, где был тогда золотой век. И там веками охранял дворец элеев на острове Тринисия.

Но когда наступило буйство Темных Веков, небесный император запретил любое общение с людьми, даже с элеями. Чужая, беспокойная раса — он счел за лучшее предоставить их собственной судьбе. Все же лоананы продолжали наблюдать за Мерой и Арайнией, и иногда лоанан получал разрешение жить среди их обитателей под волшебной личиной. Многие среди людей забыли со временем лоананов, и никто не знал о тайном наблюдении драконов.

Вперед шагнул красный дракон Земли.

— Ты не представил доказательств своего утверждения.

На глазах императора и собрания Аурон повернулся лицом к красному дракону, опустив голову и крылья, но эта почтительная поза не соответствовала его словам.

— Каких доказательств ты требуешь, король Торок? А может быть, ты предпочитаешь идти за принцем Морлином? Я видел много драконов твоей расы, сопровождавших его в небе Меры. Он и тебя обманул и совратил?

Царь земных драконов издал рычание, похожее на рокот из жерла вулкана. Он вытянул шею, принял позу нападения, расправив багровые крылья.

— Мой народ свободен поступать так, как ему хочется. Мы, лоананы Земли, не подчинимся чужой власти. И многие среди нас желают избирать предводителя старым способом, по доблести в бою.

Он с лязгом захлопнул пасть, и стук мощных зубов эхом загремел в хрустальном зале.

Тревожный шелест и говор пробежали по рядам драконов при виде столь неожиданной воинственности. Это было примитивное, атавистическое, тяжелое напоминание об их происхождении. Сто миллионов лет назад их предки парили над первобытными морями на малой луне, где можно было летать, не левитируя. Качаться на океанских ветрах, хватать морских рыб и змей из волн, драться друг с другом за территорию и подруг. Природа создала лоананов хищниками, не знающими себе равных. Но потомки их давным-давно бросили охоту, открыв в волшебстве куда более надежный источник пищи: лоананы стали просвещенной расой, презирающей насилие.

— Ты хочешь вернуться к варварству, король Торок? — спокойно и сухо спросил его император. — Предлагаешь нам вернуться к убийствам и пожиранию сырого мяса? Дракам за самок? Выбирать предводителей из молодых и бесшабашных, а не из опытных и мудрых?

— Быть может, то, что ты называешь варварством, — и есть та жизнь, что нам предназначена, — возразил красный король. Но крылья сложил и склонил шею, не желая бросать вызов императору — или его страже.

— Ваше величество говорит словами зверя, — сказал Аурон Тороку. — Мы давно оставили это позади, обратившись к царству мудрости.

— И это говоришь ты, *воин* Империи?

Аурон испустил глубокое горловое рычание:

— Я воюю, когда нет другого выхода — или по приказу императора.

Красный дракон снова обнажил все зубы:

— А что ты скажешь нам о Мераалии — Камне Звезд? Многие из нас надеялись, что это всего лишь миф. Было сказано, что владеющий им будет править Империей. Теперь он найден, и ты хочешь вручить правление обыкновенному человеку?

— Этому человеку — да. Ей я доверяю безоговорочно, ваше величество. Совершенно ясно, что древние предназначили этот Камень для нее. И я говорю вам, что она — истинная наследница их царства — нашего царства. Если правы люди ее мира, то мать ее была совсем не их породы, она была архоном — одной из последних представительниц этой расы во всех мирах. И Эйлия законно может претендовать на Небесную Империю.

— Невозможно! — отрезал король Торок. — Наш род древнее и выше ее рода, какая бы кровь ни текла в ее жилах. Космос был наш задолго до того, как вообще появились люди. Мы что, станем ее домашними животными?

Раздалось шумное хлопанье крыльев и шипение. Кто-то вспрыгнул и залетал в возбуждении по залу.

— Тишина! — скомандовал Орбион, и от его громового голоса стихла буря гнева. — Послушайте себя! Бывало ли, чтобы так бранились между собой лоананы? Один только раз — много веков назад, когда Валдур разделил нас и бросил в битву друг с другом.

— Не мог ли взять Камень кто-нибудь из херувимов, о Сын Неба? — спросил кто-то из небесных драконов. — Они тоже считают свой род от архонов. Так что они, вполне возможно, сочли Камень своим, раз он снова найден.

Император промолчал, но ответил Аурон:

— Ни один херувим не претендовал ни на Камень, ни на титул наследника, королева Каури. Они с охотой пойдут служить новому правителю, но никто из них не хочет *быть* этим правителем.

— Ты отлично знаешь, что лоананы, т'кири, херувимы и древние расы поклялись повиноваться тому, кто владеет Камнем. Если ты ошибся, ты обратишь нас в рабов каприза глупой девчонки!

— Вашему величеству не довелось ее видеть, — ответил Аурон, — так, может быть, не стоит так о ней судить? — Он повернулся к императору: — Я почтительнейше прошу позволить мне и дальше защищать ее, Сын Неба. Наши враги также знают о ней, и она в большой опасности.

— Тебе позволено вернуться на Арайнию, Аурон, и наблюдать дальше за этим человеческим созданием, — ответил император. — Но не открывай ей себя, какая бы опасность ни угрожала ей. Ибо я все еще не до конца уверен, что она — та, кого мы ищем. И если не

появятся доказательства, что именно ее мы ожидаем, я буду искать своего преемника в иных местах.

По голосу и осанке было ясно, что Орбион не станет вступать в спор. Аурон склонил голову, взметнул золотые крылья и покинул тронный зал.

Перед троном дракона на Неморе выстроились молчаливыми рядами с тысячу человек.

Посторонний наблюдатель принял бы их за людей, но все это были лоанеи — дети драконов. Зал, где они стояли, украшали бесчисленные фрески, отчасти тронутые временем и плесенью. Они в картинах рассказывали древнюю дивную историю этой расы, падения этой Империи. Начинались фрески с ее возникновения, когда драконы приняли человеческий облик, чтобы сочетаться браком с мужчинами и женщинами (ради любви, как говорили некоторые, хотя лоанеи утверждали, что их человеческие предки были избраны среди лучших из лучших). Потом появились первые люди, обладающие всей мощью лоананов, умеющие по желанию управлять стихиями, свободно странствовать между мирами и — что самое чудесное — принимать облик дракона, когда только захочется. Они были изображены в виде богоподобных фигур, принимающих почести от своих вассалов-людей. В нынешний век таких созданий уже не было: лишь немногие лоанеи, самые старые, могли принимать облик дракона, да и то ненадолго. Дети Ветра и Воды стали малочисленны, выродились от близкородственных браков, и магическая сила их осталась лишь бледной тенью мощи их предков. Многих лоананов возмущала мысль о родстве с людьми. В прошлые века они стремились уничтожить расу лоанеев — не истребив их, но рассеяв по множеству миров и вынудив спариваться лишь с обыкновенными людьми. С каждым новым поколением люди-драконы проявляли все меньше и меньше признаков своего драконьего происхождения, в том числе и силы, которую оно давало, но все так же считали себя высшей расой. Лоанеями.

Здесь собрались самые сильные представители рассеянной когда-то расы, одаренные и искушенные в волшебстве. На эту планету Немора, к развалинам гордых башен городов своих предков, они прибыли, чтобы стать свидетелями казни.

Приглушенный свет с затянутого туманом неба струился в заросшие плющом щелевидные окна, тускло мерцая на позолоченном троне в конце зала, на вышитых шафрановых одеждах сидящего на нем. Только самый сильный волшебник мог претендовать

на титул великого дракона. Обладатель этого звания сидел на троне с безмятежной уверенностью, глядя на пленника, стоящего лицом к нему меж двух стражников. Закованный в железо человек был молод и высок, каштановые волосы спадали на широкие плечи. Сам же повелитель Комора был тощ и стар, с изборожденным морщинами лицом, с глазами, почти исчезавшими за складками век. Но среди лоанеев ценилась не молодость, а старость. Чем моложе лоаней, тем сильнее разбавлена в нем драконья кровь человеческими предками. Великий дракон Комора — почти двухсот лет от роду — был ближе других к драконьим предкам, и кровь его сильнее заряжена была магией лоананов. И ум его не ослаб с возрастом, скорее укрепился мудростью и опытом. Он сидел, теребя лохматую бороду — все еще, несмотря на возраст, более серую, чем белую, — и ничего не говорил. Какое-то время он издали наблюдал за этим драконом-чародеем: сила и растущее влияние этого молодого человека Коморе не слишком нравились.

Мандрагор стоял молча, не отводя взора под взглядом старика. Много лет он хотел быть среди лоанеев, с тех самых пор, как узнал, что некоторые представители этой древней расы скрываются от драконов в потайных местах и пользуются своей неослабевшей силой, чтобы поддерживать связь с теми, в чьих жилах еще течет запретная кровь. Но Мандрагору они навстречу не шли. Как будто этот народ — его народ — и не ведал о его происхождении и не подозревал, что на самом деле он — принц Морлин. Они хитроумно скрывали свои убежища от его многовековых поисков, и было очевидно, что по своим причинам они не желают, чтобы он их нашел. Когда сила его открылась в столкновении с Триной Лиа на Арайнии, они стали ставить ему ловушки, чтобы захватить его в плен. Даже другие маги-драконы считали его угрозой.

От первых их попыток его поймать он уклонился с легкостью. Но сейчас он дал себя схватить, потому что это казалось единственной возможностью наконец-то встретиться с ними в их тайном месте сбора. На этой планете они недавно, как он предположил, — всего лишь век или два. Он и сам жил на Неморе лет двести назад, привлеченный слухом, что лоанеи все еще обитают в разрушенных городах. Прочесывая заросшие развалины, он обнаружил, к своему разочарованию, что слухи его снова обманули: хотя скульптуры, изображающие людей его народа, глядели на него с разбитых стен, живых людей-драконов здесь не осталось.

Но они наконец вернулись сюда, и даже трудно было не дать своему восторгу затуманить мысль. А затуманивать было нельзя, потому что опасность была реальной. В этих железных оковах он

не сможет использовать магию, и если план его не удастся, он поплатится собственной жизнью. В этом, очевидно, и была причина, что лоанеи избегали его прежде: повелитель Комора и его предшественники явно видели в нем потенциального соперника в борьбе за власть. Удачно получилось, что Комора собрал весь народ вместе, и аргументы Мандрагора получат широкую огласку. Но сейчас еще рано было обращаться к народу. Даже для приговоренного преступника этикет обязателен: властитель должен заговорить первым.

Наконец Комора перестал поглаживать бороду и выпрямился на троне.

— Несомненно, тебе интересно, Мандрагор, для какой цели ты был привезен на Немору. Но, быть может, лучше этого не знать.

Интонация была достаточно зловещей.

— Расскажи, повелитель, — ответил Мандрагор ровным голосом и не отводя взгляда.

— Говорится в нашем народе, — начал Комора, — что свежепролитую кровь дракона можно перегнать в магическое зелье, передающее свою силу тому, кто его выпьет. Дабы зелье возымело действие, кровь должна быть взята из сердца, так что, боюсь, тот, кто даст кровь, должен быть убит. Нас слишком мало, чтобы кто-нибудь из нас мог принести такую жертву даже ради столь благородного дела. Вот в чем причина того, что я искал тебя, Мандрагор, и приказал доставить тебя ко мне.

«Досужие басни и суеверия, — подумал с отвращением Мандрагор. — Неужто мой народ дошел до такого?»

Но он стал тщательно подбирать слова, зная, насколько велика опасность.

— В этом, повелитель, ты ошибся, — ответил он, сохраняя уважительный тон. — Я не в облике дракона, как ты, несомненно, видишь. Я — человек. Если ты убьешь меня в этом облике, пользы не будет.

— Ты хитер, — улыбнулся Комора. — Я бы даже хотел, чтобы можно было тебя не убивать, а сохранить как союзника. Однако ядовитую змею не сделаешь домашним зверьком. Я знаю, что ты — истинный оборотень и умеешь принимать облик дракона по желанию. Вот почему тебя назвали Мандрагор на этом неуклюжем меранском языке! Ты думал, я не догадаюсь о значении этого имени? Я стар и, помимо многого другого, знаю языки.

Как вышло, что столь юный умеет принимать облик дракона, я не знаю. Может быть, ты нашел какое-то заклинание, сокрытое от мудрых, — но это не важно. Ты оборотень, и твоя кровь так же

сильна в этом облике, как и в том, и будет твое сердце, пронзенное ножом, сердцем человека или дракона — результат одинаков. Зелье приму я, и твоя сила перейдет ко мне, укрепит меня и позволит лучше служить моему народу. Так что утешься, смерть твоя будет не напрасна. — Он махнул слугам: — Принесите кинжал и чашу и разведите огонь для тигля.

Время вежливости миновало.

— Кем же мы стали? — воскликнул Мандрагор, когда слуги побежали исполнять приказ повелителя. — Разве у нас, лоанеев, мало врагов, что мы убиваем друг друга? Разве не должны мы сплотиться против общего противника?

— Ради битвы с этим противником и нужно мне кровавое зелье. Я стар и силен, но сильны и наши враги.

Слуги вернулись, принеся большую бронзовую чашу и кривой кинжал. С глубоким поклоном они положили принесенное к ногам повелителя.

— Не убивай меня как скотину! — воскликнул Мандрагор, когда Комора взялся за кинжал. — Позволь мне умереть в битве, ты же знаешь, что я не выстою против тебя, повелитель.

Комора приподнял серебристые брови:

— Тогда зачем биться? Только трус пытается оттянуть неизбежное.

— Смерть в битве придаст мне достоинства и чести. Неужто лоанеи забыли значение этих слов?

Мандрагор выпрямился и оглядел собрание. Его слова тронули их — видно было по лицам. Сохранились еще какие-то остатки гордости у этой древней расы.

И старый повелитель тоже уловил в воздухе предвестие бунта и нахмурился. Теперь он понимал, что лучше было убить этого молодого лоанея на месте, не привозя сюда. Сам он в кровавое зелье не верил: это был лишь удобный повод, чтобы истинный мотив — страх перед соперником — не был слишком очевиден. Но Мандрагор высказался, и действие его слов необратимо. Комора оказался вынужден проявить бесстрашие. Если он не станет сражаться, могут подумать, что он не осмелился.

Старый властелин не сумел бы прожить так долго, пользуясь только волшебством. Тонкий ум уже оценил ситуацию, прикинул возможные выходы и увидел возможные выгоды. Да, он даст своему сопернику высочайшую оценку, вызвав его на поединок. Это все равно будет казнь, прав Мандрагор: у него нет надежды на победу. Так что Комора завоюет уважение подданных еще и тем, что победит в единоборстве, — старая традиция выбора предводите-

лей у лоанеев. А само убийство еще и продемонстрирует его мощь. Пусть тогда осмелятся посягнуть потенциальные претенденты на царство!

Он молча встал и жестом велел стражам вывести пленника наружу. Сам великий дракон пошел следом, и за ним лоанеи толпой повалили во двор.

Никто не расчищал заросли, покрывавшие стены и крыши древнего города, потому что так они вызвали бы меньше подозрений у лоананов, если те будут пролетать сверху. Но в переднем дворике лианы расчистили и оставили мощеную площадку — достаточную, чтобы на ней поместилось все собрание лоанеев. В наступившей тишине правитель велел стражам снять с пленника цепи. Их унесли со двора, чтобы сила сражающихся не была ослаблена железом.

Первым начал действовать Комора. Подняв тощие руки в раздувающихся шафрановых рукавах, он призвал силу из воздуха. Ослепительная молния выгнулась между облачным небом и пленником. Но молодой соперник отбил ее в сторону быстрым жестом, направив в деревья за двором. Деревья с ревом вспыхнули. Комора вздернул руку к небу, туман над ним заклубился и закипел, выпустив ливень, чтобы залить пламя. Но противник выпрямился, развел руки в стороны — а волосы его развевало ветром волшебства великого дракона, — и туман успокоился, а дождь тут же перестал. По толпе лоанеев прошел говор.

Комора его услышал. Он был поражен, хотя и не смел этого показать. Неужто столь молодой чародей обладает силой, равной его силе, — умением, которое он совершенствовал почти целый век? Объяснение могло быть только одно: у него среди ближайших предков есть лоанан. Это объясняло и умение принимать облик дракона.

На морщинистом лбу старика выступил пот, но он знал, что нельзя терять ни секунды.

Разведя руки как крылья, он обратился в огромную птицу с головой дракона, которая с криком налетела на юношу, схватила его когтистыми лапами и взмыла в воздух. Мандрагор тут же изменился сам — он превратился в змеедракона, и кольца его обвили крылья птицы. Оба создания устремились вниз и с плеском рухнули в затянутый ряской декоративный бассейн. Птица превратилась в рыбу-дракона, и скользкое тело ее легко выскользнуло из колец змеи. Извернувшись, она напала на змею, разинув пасть, полную острых акульих зубов, — но в тот же миг преобразилась и змея, превратившись в огромную черепаху с головой дра-

кона. Зубы рыбы не могли оставить на панцире даже царапины. А черепаха мотнула головой, сомкнула капкан зубов на хребте рыбы. Потом тяжело выползла из бассейна и положила тяжело дышащую добычу на его борт.

Противники снова обратились в людей. Комору охватило отчаяние. Он уже потерял лицо — и не однажды, а трижды за последние минуты. Он горько упрекнул себя за глупую гордость, что принял вызов молодого лоанея, а просто не убил его, пока тот был закован. Надо сейчас быстро с ним покончить. Но даже если это удастся, вернется ли тот благоговейный страх, который раньше испытывал к нему народ?

Он превратился в дракона с зеленой чешуей, взмыл в воздух в грохоте хлопающих крыльев и ринулся оттуда на врага. Но тот вдруг обратился в огненно-красного дракона и метнулся ему навстречу, перехватив в воздухе. Они столкнулись, впиваясь зубами в бронированные бока друг друга, и тут же скрылись в тумане.

И там, над серой пустотой, вылетели в ослепительную прозрачность верхней атмосферы. Два солнца горели над ними и три луны; под ними во все стороны стелился серовато-белый туман, изрезанный глубокими ущельями и медленно катящимися волнами. Огромные кучевые облака воздвигали закругленные вершины. Драконы, как дерущиеся ястребы, кружили по небу, налетали и отскакивали, пытаясь пробить защиту противника, задеть глаз или крыло. Иногда они к своей силе присоединяли латентную силу воздуха, ударяя молнией друг в друга, направляя порывы ветра в крылья, чтобы сбить противника. Атаки зеленого дракона становились все яростнее, красный дракон уже не просто защищался, а дрался за собственную жизнь.

Еще раз сцепились они клубком и рухнули в облачные слои. Молнии сверкали и трещали вокруг, озаряя серый туман. Далеко внизу появилось большое темное пятно: джунгли поднимались навстречу. Красный дракон вывернул шею и сумел схватить плещущее зеленое крыло — со всей мощи разорвав перепонку.

Раненое крыло сложилось, и зеленый дракон с криком понесся к земле, на лету превращаясь в старого человека. Комора со всего размаху рухнул на камни замкового двора, с хрустом сломалась его спина, будто кто-то наступил на вязанку хвороста. Со стоном вырвался последний вздох великого дракона — и невидящие глаза уставились в серое небо, где кружил его победоносный противник.

В толпе ахнули, кто-то даже вскрикнул. Но никто не оплакивал уход старика — у лоанеев не было жалости к слабым. Все по-

клонились победителю, который приземлился и в мгновение ока принял человеческий облик.

И заговорил:

— Я — принц Морлин, сын Морианы.

Снова ахнули в толпе. Если это правда — а не было причины не верить, — то этому лоанею, который выглядит так молодо, не менее пятисот лет.

— Я не хотел этого делать, — продолжал победитель. — Но мы, лоанеи, должны сплотиться, или нас уничтожат. Я хотел лишь предупредить вашего повелителя об опасности, но не знал, где его тайное жилище, и не мог перед ним предстать. Мне пришлось дать захватить себя в плен и привезти сюда — только так я мог увидеться с ним. Но монарх Комора не хотел меня слушать и лишь угрожал моей жизни. Что ж — теперь он мертв, а я снова могу предупредить вас.

Золотистые глаза Морлина наполнились холодным огнем.

— Нашему народу очередной раз грозит истребление. Нас ищут лоананы, и Камень Звезд покинул свое хранилище на Мере, попав в руки той, что провозгласила себя Триной Лиа. Но если мы соединимся со слугами Валдура, то победим ее и ее союзников.

Какая-то убедительная сила звучала в его голосе. Даже если бы не было демонстрации его силы, лоанеи не могли бы усомниться в его словах.

— Что же нам делать? — вышел вперед молодой лоаней. — Скажи, что нам делать, чтобы сохранить свободу!

— Прежде всего, — ответил Мандрагор, бросив небрежный взгляд на труп Коморы, — вам необходим новый вождь...

В тронном зале Халазара на Мере стояли, оглядываясь, два существа странного вида. Больше в огромном зале с его золочеными красными стенами и украшенным самоцветами троном не было никого. Одно из этих созданий было гоблином, изуродованным, как вся его порода: такой сутулый, что казался горбатым, с колтунами слипшихся волос на круглой голове, с остроконечными кривыми ушами и плоским обезьяньим носом. И тонкого шитья желтая мантия с пурпурным шлейфом только подчеркивала его уродство. А второй был настолько искривлен и сморщен грузом годов, что его можно было принять и за гоблина, и за необычайно уродливого человека, или за помесь того и другого. На нем была простая черная мантия, а на шее — тяжелая золотая цепь.

— Сколько еще нас заставят ждать? — произнес он, закипая от гнева и начиная расхаживать по залу.

— Не терпится, Наугра? Валеи ждали появления этой аватары тысячи лет, а ты ворчишь из-за нескольких секунд? — сказал второй собеседник, пожимая сгорбленными плечами.

Первый глянул на него презрительно:

— Чего стоит твое время? Ты всего лишь вожак черни, и вежливость тебе не положена. Но я — регент Омбара и не слуга никому, чтобы ждать.

— А это небольшой трюк Мандрагора. Он не питает уважения ни к кому и дает нам это понять.

Гоблин подошел не спеша к трону зимбурийского монарха, где на алой подушке лежали корона и скипетр. Взойдя по мраморным ступеням, он поднял золотые регалии и сел на трон.

Второй был к нему спиной в это время, но когда Наугра повернулся и увидел это, он остановился как вкопанный и зарычал:

— Дурак! Вон с трона!

— Это ты хмуришься на меня, Наугра? — спросил гоблин. — Знаешь, при такой роже, как у тебя, трудно понять.

Он возложил корону себе на голову. Она оказалась велика и съехала на одно ухо.

Регент зашагал к нему.

— Брысь оттуда, Роглаг! — прошипел он. — Или я тебя сам вышвырну!

Он поднял скрученную ревматизмом руку в угрожающем жесте.

Царь гоблинов осклабился, спрыгнул с трона и обезьяньей шаркающей походкой направился к нему навстречу.

— А ты уверен, что не хотел бы видеть меня на месте этой твоей аватары? Мне бы эта должность подошла.

— Кощунствуешь! — прорычал регент. — Наш бог и господин никогда бы не опустился до твоей мерзкой оболочки.

— Просто шутка, — ответил Роглаг. — Но не вижу, чем Мандрагор лучше. Я его хорошо знаю: он всего лишь пользуется привилегиями и защитой, которые ты ему дал.

— Мы его признали своим правителем, — сухо сказал регент.

— Но он же не правит, — возразил Роглаг, поигрывая скипетром. — Что от него толку? Отчего бы не найти кого-нибудь более подходящего?

— Наши авгуры сказали свое слово, и мы не можем теперь объявить, что они ошиблись, — буркнул Наугра.

— Ну так скажем, что Валдур передумал. Или можно к Мандрагору подослать убийц, а потом найти замену.

— Кого, например? — спросил новый голос.

Собеседники резко обернулись. В углу стоял высокий мужчина, и его алые одежды почти сливались со стеной. Холодными золотистыми глазами он смотрел на Роглага.

Роглаг взвыл и бросился плашмя на пол. Корона слетела с его головы и покатилась по алому ковру.

— Я же не хотел... я только пошутил! Клянусь...

— Пустое, Рог, — перебил его Мандрагор. — Я не в обиде. Ничего другого я от тебя и не ожидал. Теперь скажи, что там делается в Омбаре? Как идет кампания?

Он подошел к трону, подняв по дороге корону и скипетр, и положил их на сиденье.

— Я победил, — ответил Роглаг, несколько придя в себя, но не поднимаясь с пола. — Моего соперника больше нет. Я — самый могучий гоблин в Омбаре. Царь Угаг привлек на свою сторону огров, а они поумнее моих троллей. Ну, червяки вообще поумнее троллей, но уж приходится обходиться тем, что есть. Гули ничью сторону не приняли — они предпочитают после боя все подчищать. И бой они любят. — Роглаг захихикал, Мандрагора передернуло. — Но Угаг думал, что его умные солдаты обеспечат ему победу.

— Очевидно, он ошибся? — приподнял бровь Мандрагор.

Гоблин кивнул:

— Вот потому, что они такие умные, огры поняли, в какую бойню их ведут, и дезертировали пачками. А мои тролли — скотинка послушная, прямым ходом зашагали в бой. И я его просто численностью задавил.

— Ах ты, моругей! — засмеялся Мандрагор. — Не лезь ты в аватары, Рог: только общий враг может объединить ваши сварливые народы. К счастью, он у вас есть.

— Это кто же?

— Да Трина Лиа, дурак! — рявкнул на него регент.

— Сама по себе Трина Лиа меньше всего нас беспокоит, — ответил Мандрагор. — Я ее видел. Это тихая девочка, которая больше всего любит играть с котятами и щенками. Ласковое кроткое создание — вы в вашем мире таких называете слабаками.

— И поделом, — с надеждой сказал царь гоблинов. — Слабое сердце — слабые мозги, как у нас говорят.

— В настоящий момент юная принцесса Эйлия интереса не представляет. Бояться надо ее сторонников — армий, готовящихся в великий крестовый поход во имя нее, чтобы очистить космос от зла — то есть от нас. И когда они пойдут по другим мирам Империи, правитель царства валеев будет их целью — особенно если

его сторонники объявят его воплощением Валдура. — Роглага снова затрясло. — Так что пока вы, моругеи, тут грызлись друг с другом, я приобретал новых союзников. Я теперь предводитель лоанеев.

— Той малости, что от них осталась! — фыркнул Наугра. — И от силы их тоже остались одни ошметки.

— Верно, — невозмутимо согласился Мандрагор, — и потому я нашел и другую подмогу нашему делу: зимбурийцы, также последователи Валдура. Но их я не поведу в бой. Эту задачу надо поручить другому.

— Я ответил на твой призыв, принц, — произнес регент бесцветным голосом, — поскольку тоже ищу способ разгромить Трину Лиа. Но нам нужно, чтобы наши армии вела к победе истинная аватара.

— Мне это не интересно — нет-нет, избавь меня от перечисления всех этих мелодраматических пророчеств, что были сделаны при моем рождении, — быстро добавил Мандрагор, не успел еще регент раскрыть морщинистых губ. — Надоело мне уже их слышать. Вот Роглаг готов был сделать тебе одолжение и взять на себя роль аватары, но, кажется, передумал.

— Я бы ему и не дал этой роли, — презрительно бросил регент. — Он свою пользу принес: разгромил своего соперника, объединил моругеев. Я лишь воспользовался его амбициями.

— Ни один моругей в здравом рассудке не согласится быть этой твоей аватарой, — продолжал Мандрагор, — теперь, когда Трина Лиа сидит на лунном троне. Я тоже с благодарностью отклоняю эту честь, значит, вам нужен другой спаситель.

— И ты можешь кого-то предложить? — сухо спросил регент.

— Да. О мой царь! — Мандрагор повернулся к входу в зал. — Отчего ты не входишь?

Раздались медленные шаги, и у входа в зал появился царь Халазар. При виде Роглага и регента он отпрянул к двери.

— Что за дьяволов ты призвал? — вскрикнул он, съеживаясь.

Царь Роглаг припал к земле — воплощенное самоуничижение.

— Я не дьявол, о государь, я всего лишь недостойный моругей, преклоняющийся перед тобой.

— Моругей? Семя демонское! — сказал Халазар, не входя в зал. — Значит, правдивы рассказы об этих существах? Откуда же они явились?

— Царь Роглаг и регент Наугра обитают на Омбаре — планете, обращающейся вокруг красной звезды Утара в Энтаре — созвездии Модриана-Валдура. Моя же родная планета называется Немора, и она тоже далеко отсюда, среди внешних звезд.

— Вы все пришли из Звездной сферы? — спросил Халазар, оглядывая их с невольным благоговением. — Разве может кто-нибудь — даже дух-нежить — взойти на высочайшее небо?

— Вне сомнения, ваше величество, — ответил Мандрагор. — И вы тоже на это способны. Я говорил, что могу доставить вас на Утреннюю звезду — отчего же не на другие звезды и планеты? Разве вы — не воплощение Валдура?

— Так говорят пророчества, — выдохнул Халазар. — Царь-бог, что будет править *всем* творением. Я принимаю вас в свои вассалы, о духи неба. Отныне вам выпадает честь выполнять мои приказы.

— Ваше величество слишком добры, — пролепетал Роглаг.

Мандрагор бросил на него предостерегающий взгляд.

Наугра нетерпеливо фыркнул и шагнул вперед. Подняв морщинистые руки, он что-то коротко пропел и махнул в угол комнаты, куда не доставал свет ламп. Воздух сгустился, заклубился, задрожал, как от жара, как отражение на поверхности потревоженного пруда. Из тени материализовались две эфирные фигуры. Одна — высокая, в мантии, угрюмая, другая — покруглее, с почти свиным рылом вместо лица, тяжелыми челюстями и толстыми губами, из-под которых торчали клыки. Они нависли над стоявшими в комнате, громоздясь выше любого живущего человека.

Мандрагору это не понравилось: Наугра слишком далеко зашел с этими детскими иллюзиями, и Халазар испугался.

— Я — Эломбар, — произнес тот, кто был повыше, — слуга звездного духа Элутара, раб Валдура.

— Я — Элазар, — загремел второй демон, — дух, правящий звездой Азар. Я присутствовал при рождении этого мира, видел всю его историю. Когда-то зелен он был и полон жизни, и тогда правил я там, великий царь джиннов, для коих смертные были лишь ничтожными рабами. Я правил всепланетным царством таких размеров, что никогда не ведали ни Мера, ни Арайния; я посылал армии среди звезд воевать с другими богами, и мне поклонялись мои смертные подданные. О, эти храмы из золота и серебра, сладкий аромат благовоний, ежедневные жертвы! Дни моей славы. Но на мой мир обрушились мириады падающих звезд, и смертные обитатели его мерли как мухи. Теперь Азар погиб, земли его стали пустыней, моря — пылью, города — развалинами. Но эта жертва была необходима. Ибо проход Азараха сквозь облако комет вызвал великую катастрофу и положил конец элейскому правлению на Мере.

— Люди погибли, ты сказал? Ты не мог спасти их? — спросил Халазар.

Элазар глянул на него презрительно:

— Это были всего лишь смертные, и они свою задачу выполнили. Зачем мне было бы их спасать?

— Но твоя сила ослабла. Чего стоит король или царь без множества рабов, что служат ему и возвеличению его славы?

Образ Элазара остановил долгий взгляд на богоцаре.

— Я ошибся в тебе, Халазар. Воистину ты и есть аватара, которую мы ждали.

Халазар испустил вой свирепой радости.

— А тогда, — произнес он, оборачиваясь к образу Эломбара, — когда нападем мы на Трину Лиа? Ибо, сдается мне, мы собрали такую силу, что даже она не сможет выстоять.

— Терпение, — произнесла высокая фигура низким глубоким голосом. — Нельзя наносить удар преждевременно. Ибо много великих сил служат дочери Ночи.

Оба видения низко поклонились и исчезли.

— Но что же мне делать? — с досадой спросил Халазар, поворачиваясь к своим смертным вассалам.

— Ждать вашего времени, ваше величество, — вмешался Мандрагор. — Народы Омбара и Неморы ждали даже больше всего вашего народа, чтобы увидеть падение врага. Теперь уже недолго. В наступивший день вас посетят духи и дадут совет.

— Да будет так!

Халазар повернулся и важно вышел из зала. Наступила тишина.

— Понимаешь? — обратился Мандрагор к Наугре. — Эти люди сделают то, на что не осмелится ни один моругей: они бросят вызов союзникам этой Трины Лиа, вытащат ее с родной планеты, где сила ее уменьшится, потому что нападать на нее в ее родной сфере — бессмысленно. Я уже помог Халазару послать один вызов, на который она наверняка ответит. Но остальное может быть труднее. Пока что лоананы не снюхались с людьми Меры и Арайнии, но они все же наблюдают за этими планетами. Если они поверят, что Эйлия и вправду персонаж из их пророчеств, они явятся ее людям и заключат с ними союз. Тогда ее армии будут уж никак не слабее всех ваших моругейских армий. — Он обошел золоченый трон, остановился, задумчиво на него глядя. — Впрочем, мне это безразлично. Судьба ваших народов — не моя забота. Но если Эйлия станет править всеми звездами, то для меня и моего народа не останется безопасного места. Так что мы союзники, по крайней мере на время, — валеи и лоанеи. Только не пойми меня неправильно: я не люблю почитателей Валдура и никогда их не любил.

— Можешь отвергать свое предназначение, принц, — возвысил голос регент, — но оно в конце концов тебя настигнет. Играй с этим своим игрушечным царьком людей, если тебе хочется, принеси его в жертву. Но в конце концов и ты взойдешь на алтарь Валдура, как бы ни хотел избежать этого.

Мандрагор резко повернулся, но слова регента были последним выстрелом отступающего: он уже вышел в двери. Роглаг метнулся за ним, не желая оставаться с принцем наедине. И снова воцарилась в тронном зале тяжелая тишина.

4
Собирается буря

— Он просто пустышка, как бы ни хвастался, — сказала Ана, оглядывая всех членов совета серыми незрячими глазами. — Халазар — не немерей. У него нет власти вызвать себе на помощь армии валеев из их миров. Но у него не должно было бы быть и власти послать сюда свой образ сквозь пустоту меж Мерой и Арайнией.

Мировой совет был спешно собран, чтобы обсудить появление царя Халазара и угрозу, которую он представляет. Ану пригласили выступить перед высшими сановниками, которые расселись вокруг широкого круглого стола в зале совещаний — все, кроме Эйлии, сидевшей в стороне на резном деревянном троне под синим балдахином. Так было сделано, чтобы и удовлетворить почитателей Эйлии, и не возмутить тех, кто был против ее правления: отдельное место указывало на особый статус и в то же время выводило Эйлию из круга советников. Она сидела на троне молча, напряженно, в царственном одеянии: белом платье и звездной мантии, с косами, уложенными короной на голове. Трое ее друзей и отец сидели в креслах по обе стороны от нее и тоже ничего не говорили — только смотрели и слушали.

— Я вижу в этом руку Мандрагора, — закончила Ана.

— Мандрагора! — воскликнул канцлер Дефара. — Тот самый человек, которого Эйлия изгнала из Халмириона!

— Тот самый, — мрачно сказал король Тирон, — если только можно назвать его человеком.

— Кто такой этот Мандрагор? — спросил Гвентин, губернатор внешних территорий.

— Любопытное создание, — ответила Ана. — Совершенно уникальное во многих смыслах. Он сын Бранара Андариона с Меры...

— Андариона! — ахнула Рамониа, губернатор Гавани Средних Морей, и на ее смуглом лице глаза стали шире. — То есть не тот же... не тот Андарион с Меры, что жил пятьсот лет назад? Маурийский король?

— Именно тот монстр, о котором говорится в анналах Меры, — сказал Тирон. — Принц Морлин, червь-оборотень, как его иногда называют, потому что мать его была лоанейкой.

Эйлия поежилась, как всегда бывало с ней при звуках этого имени. Морлин — имя из далекого прошлого, омраченного ужасом и переживаниями. И вот сейчас это имя обрело плоть — кошмар стал явью. Она оглядела зал, будто ища выход, но выхода не было, даже для глаз. Окна зала слишком высоко, из них ничего не видно, кроме тусклого золота заката и перистых крон высоких пальм.

— Но ведь ему тогда должно быть пятьсот лет, — возразил канцлер Дефара. — Даже элеи так долго не живут!

— Маги немереев умеют управлять природными ритмами своего тела, и многие из них продлевали себе жизнь. Самой королеве Элиане больше пятисот лет, — напомнила главная прорицательница Марима.

Губернатор Гвентин поднял седеющие брови:

— В голове не укладывается.

— Как же тогда ты объяснишь древние легенды, из которых совершенно ясно, что Элиана правила несколько веков?

— Ба! Многие монархи передавали свои имена наследникам. Наверняка было много королев с именем Элиана, а историки их всех соединили в одну.

— Друзья, друзья! — торопливо произнес канцлер, видя, как сдерживается Марима. — Не допустим среди нас пререканий.

— Я знаю, что многое в наших словах кажется невероятным, воспринимается как миф или волшебная сказка, — произнесла Ана своим спокойным голосом. — Но каждое из этих слов — правда. Вы воспринимаете как должное необыкновенную силу немерейских магов на Арайнии, их ясновидение и так далее, а на Мере эти же самые способности отвергаются как суеверия. Меня тоже на моей родной планете считают мифом: для меранцев фея Элиана — персонаж старых сказок. Но вот я здесь, перед вами.

— Но вы хотя бы — прошу прощения, конечно, — *выглядите* пожилой, — возразила Рамониа. — А видевшие Мандрагора утверждают, что он молод.

Ана кивнула:

— Своей долгой жизнью Мандрагор обязан наследственности. Лоананы живут по тысяче и более лет.

— Я его видел, — вмешался в разговор Дамион. — У меня на Тринисии было видение, я увидел Катастрофу. И он был там и выглядел точно так же, как сейчас.

Гвентин дунул себе в усы.

— Не станем же мы верить в детские сказки! — фыркнул он.

— Ты хочешь обвинить нас в лжесвидетельстве? — блеснула темными глазами Марима. Главная прорицательница оглядела сидящих за столом. — Мы все собственными глазами видели, как этот колдун перекинулся из человека в дракона прямо перед воротами дворца.

— И Мандрагор необычайно силен даже для лоанея, — добавила Ана. — В некоторых источниках указывается, что его мать Мориана сбежала из дворца Андариона, обернувшись лоананом, имея во чреве младенца, и вернулась в человеческий облик. Это могло повлиять на Мандрагора непредсказуемым образом. Например, глаза его больше похожи на глаза дракона, нежели человека, и в детстве он отращивал когти на пальцах. Не следует также забывать, что сам государь тоже был человеком лишь наполовину. В нем текла кровь фей — то есть он был потомком древних.

— Но, ваше величество, позвольте спросить! Я привыкла считать, что этот самый Морлин был убит сэром Ингардом Храбрым, — сказала Рамониа. — И так говорится во всех легендах.

— Так считалось много сотен лет, — ответил ей Тирон с угрюмым лицом. — Похоже, что сказители Меры ошиблись, и Морлин остался жив.

— Что еще ты можешь сказать нам об этом создании, королева Элиана? — настойчиво спросила Рамониа.

Ана минутку помолчала, затуманенный взор обратился внутрь, к древним воспоминаниям. Потом она медленно заговорила:

— Морлин был рожден в тайном месте в Зимбуре, когда его мать-лоанейка сбежала из Маурайнии. Там, в небольшом ковене уцелевших почитателей Валдура, Мориана родила сына. Жрецы приняли младенца, которого считали своим темным мессией, и назвали его Морлин — Ночное Небо, во имя Звездной Империи, которой будут когда-нибудь править. Дело его матери было родить его, а после этого она уже не нужна была рабам Валдура. Они не лечили ее, но дали ей умереть. — Ана покачала головой. — Так вознаграждает Темный Владыка тех, кто ему служит.

Эти жрецы скрывались, потому что Андарион запретил их религию, а зимбурийский народ, избавленный от ярма, преследовал оставшихся ее адептов. И принц Морлин воспитывался втайне. Его стражи не на шутку его боялись: зимбурийка, которая впоследствии созналась, что нянчила его, говорила, что с рождения он был покрыт чешуей и сбросил ее потом, как сбрасывают кожу змеи. Он был бодр и разумен с самого рождения и в младенчестве научился ходить и говорить — чего и следовало ожидать, если подумать, потому что драконята выходят из яйца полностью разумными и активными.

Жрецы Валдура постоянно кочевали вместе со своим подопечным, чтобы их не обнаружили, но все же их поймали, и собственные соплеменники казнили их. Многие хотели убить и Морлина, потому что жрецы говорили, будто он, когда вырастет, станет новым воплощением Валдура. Однако Морлину удалось сбежать, и он жил, скрываясь до тех пор, пока его не нашла я.

— И ты его не уничтожила? — воскликнула возмущенная Рамония.

Лицо Аны стало задумчивым.

— Нас, немереев, учат, что у ребенка нет души — он всего лишь дикий и пустой сосуд, лишенный разума, тело, ждущее прихода хозяина, который возьмет на себя власть. Когда я увидела, что на самом деле у него есть разум и свободная воля, я не смогла оправдать его уничтожение. — Голос ее потеплел. — Он был жалким маленьким созданием, уродцем, выращенным без любви и понимания. Из жестоких рук жрецов он ушел в жизнь, полную страха и погонь, был объявлен чудовищем, за ним охотились, как за животным. Я поняла, что не его природа, а ненависть зимбурийцев сделала из него дикаря. Когда я увидела его в пещере, его единственном убежище, маленького, изголодавшегося и перепуганного, я не смогла найти в себе силы причинить ему вред.

— Несомненно, что сам Валдур именно на это и рассчитывал, — заметил мастер Ву, качнув седой головой.

— Вероятно, так. Но кто может сказать, что я поступила наихудшим образом? Убить ребенка — любого ребенка — значило бы предать все, ради чего я жила — и во что верили немереи. Быть может, действительная цель Валдура в том и была — создать этого ребенка, чтобы вынудить нас совершить омерзительный акт его убийства, запятнать наши одежды и честь невинной кровью. Намерения нашего врага не всегда таковы, как мы полагаем.

Поэтому я оставила Морлина в живых и приручила его. Хотя тогда ему было всего десять меранских лет, я увидела в нем вели-

кий потенциал. Наследственность — полуэлей-полулоаней — давала ему невероятную силу. Я его привезла с собой на Тринисию и поручила заботам немереев Лиамара. Когда он был как следует обучен элейским понятиям справедливости и милосердия, я отвезла его в Маурайнию к его отцу. Сперва все было хорошо. Но в глубине души Андарион боялся сына. Он не мог справиться с собой и не видеть в юноше-драконе неестественный плод нечестивого союза. А остальное, — Ана вздохнула, — уже стало легендой.

Наступила тишина. Эйлия беспокойно глянула на Ану. Какой старой она кажется в уходящем свете дня, с выцветшими бельмами глаз и лицом, изборожденным морщинами лет и скорби! И ощущалась в ней усталость, которой не было раньше. Эйлию кольнуло страхом в сердце: вопреки своей хрупкой внешности Ана была здесь величайшим немереем, олицетворением силы и знания. Как же быть, если... если ее больше здесь не будет?

Наконец заговорил канцлер:

— Если этот червь-оборотень — человек-дракон, как он сам себя называет, — еще жив, то его следует убить или поймать, пока он больше ничего не натворил.

— Но как ловить существо, свободно перемещающееся среди звезд и по желанию меняющее облик? — возразила Рамониа.

— В этом мире он определенно не появится, — сказала Ана. — В сфере Арайнии уменьшается его сила. Что до преодоления пустоты между мирами, это можно сделать многими способами: маги Мелнемерона уже изучают средства внепланетных путешествий. Можно также призвать нам на помощь херувимов и небесных лоананов. Как правило, они не вмешиваются в дела людей, но они защитят Камень Звезд и ту, которая избрана им владеть.

Канцлер задумался.

— А ты не могла бы договориться с этим Морлином? — спросил он.

Ана покачала головой.

— Мы когда-то были близки, и еще несколько лет назад он бы ответил мне, если бы я позвала его через Эфир. Он не забыл, что я спасла его когда-то. Но теперь, когда я стала союзницей Трины Лиа, он считает меня врагом. Какая бы ни была между нами связь, она разорвана. И пусть он спас Трину Лиа и ее спутников на Элендоре, это он сделал не из сочувствия. Может быть, ему доставляло какое-то удовольствие иметь возле себя других людей, с которыми можно разговаривать. Но в то же время он похитил Лорелин, чтобы использовать ее, а остальных оставил на милость безжалостных зимбурийцев. Долгая жизнь, да еще в одиночестве, охладила

его сердце. Вряд ли он сейчас человек — в том смысле, в каком мы понимаем это слово.

— Но это ужасно! — воскликнула Рамония. — Как воевать с существом столь древним и сильным? В котором течет кровь древних и лоананов, кто может повелевать драконами и даже становиться драконом, если захочет? Какими только искусствами зла не овладел он за эти века? Как же сражаться с ним?

— Это будет трудно, — согласилась Ана. — В других мирах есть существа, готовые идти за Валдуром, — моругеи, например, и многие из них верят, что принц Морлин — предсказанная аватара их бога. Он это знает, и можно не сомневаться, что сумеет использовать. Также ясно, что он воспользуется народом Зимбуры на Мере.

— Это ему не поможет. Если он сюда придет, то ему надо будет сокрушить силу матери-богини, на что он не способен.

Это сказала благородная дама Синдра Волхв, глава немереев, устроивших праздничное зрелище. До сих пор она молчала. Ана обратила внимание на многочисленные украшения, висевшие у нее на шее и руках: для волшебницы драгоценности — не суетные побрякушки, но место обитания фамилиаров-духов, чья сила укрепляет ее собственную. На шее ее висел крупный резной камень, испускающий желтые лучи в свете уходящего дня.

— И не следует забывать, — продолжала Синдра, — что хотя наш народ и не знает искусства войны, но у многих есть врожденный талант, и они со временем могут стать немереями.

— Времени у нас может и не быть, — возразил Йомар. Он нетерпеливо ерзал во время всего этого обсуждения, а сейчас встал и шагнул вперед. — Зачем нам ждать, пока враг придет и нападет на нас. Почему нам не выследить Мандрагора? Если Ана права, то он должен быть на Мере.

Гвентин сердито посмотрел на него:

— Почему мы должны терпеть, что нас постоянно перебивают? Друзья Трины Лиа не имеют права говорить на этом собрании.

Эйлия посмотрела на кипящего Йомара.

— Пусть говорит, — сказала она повелительно, подавшись вперед на троне.

Обрети язык одна из мраморных кариатид, подпирающих потолок, советники не были бы поражены сильнее. Никогда до сих пор Трина Лиа не прибегала к своему праву совещательного голоса. Наступило ошеломленное молчание, которым Йомар тут же воспользовался.

— Я знаю, о чем я говорю, — без обиняков заявил он. — Вы не воевали, а я воевал. Я знаю зимбурийцев и я видел Мандрагора. С такими, как он, договориться невозможно — можно только драться.

— Бесполезный разговор — чтобы мы сражались с червем, — ответила Синдра. — Пророчество гласит ясно: только Трина Лиа может сразить аватару Валдура.

Наступило напряженное молчание. Эйлия побледнела. Не все из присутствующих верили в Трину Лиа или в пророчество. Увидев выражение ее лица, Йомар гневно повернулся к чародейке.

— Чушь и ерунда! — отрезал он. — Не впутывайте сюда Эйлию. Слушайте, что я вам говорю: мы должны послать против Мандрагора армию — я могу ее повести и показать, что делать. Ваши немереи пусть найдут путь через пустоту на Меру, а остальное я сделаю.

— Тогда агрессором будем мы, — возразил канцлер.

— Совершенно верно. Бить врага на его территории до того, как он придет и станет разрушать твою.

— Но мы все же можем убедить их словами разума, — выступила Рамония, глянув на Синдру Волхв. — Если они могут говорить с нами через пустоту, то наши немереи могут говорить с ними. Предложить их царю мир.

— Да он слушать не станет! — Йомар стиснул кулаки. — Вы что, не понимаете? Да видели бы вы половину того, что я видел... — Глаза его горели, и Эйлия подумала, какие ужасы мог он пережить, какие зверства, невообразимые для жителей Арайнии. — Дайте мне хоть обучить людей, научить их драться. Каждой стране нужна армия для самозащиты.

— Это вполне позволительно, — сказал канцлер после долгой паузы, которую не нарушил ни один голос протеста. — С условием, что они останутся на Арайнии и будут служить только нашей защите. — Головы за столом склонились в знак согласия. — Значит, решено. Немереи будут посылать свои сообщения, а тем временем будет обучаться армия — хотя только из предосторожности.

— Эйлию также надо обучить, — сказала Синдра. — Пусть маги Мелнемерона обучат ее путям немереев.

— Эта мысль и мне пришла в голову, — сказал мастер Ву. — И там ей заодно будет безопаснее.

— Мы рады принять ее. Вы согласны, ваше высочество?

Темные глаза Синдры обернулись к Эйлии.

Действительно ли была в ее словах едва заметная саркастическая пауза перед словом «высочество»? Действительно ли она сме-

рила Эйлию взглядом, отмечая недостаток роста? Нет. Эйлия решила, что из-за тревожности ей померещилось, и она видит скрытый смысл там, где его нет. А может быть, эта женщина была разочарована: многие ожидали, что Трина Лиа будет выше, красивее. Она с любопытством посмотрела в гордое лицо волшебницы, на ее развевающиеся иссиня-черные волосы. Синдре на вид было не больше двадцати пяти лет, но для чистокровных элеев, живущих где-то два арайнийских столетия, «молодой» означало «моложе шестидесяти».

Главная прорицательница Марима посмотрела искоса на Синдру и на Ву.

— Трину Лиа учить нечему! Она не просто волшебница, она посланница Божественного. Сила выполнить предназначенную ей задачу заложена в ней самой. И народ будет в недоумении, если ее отошлют куда-то учиться, как простую смертную.

Ву на секунду задумался.

— Тогда мы скажем, что она просто решила погостить в Мелнемероне, поделиться с немереями своей мудростью.

— Это, на мой вкус, слишком близко к обману. На этом пути ничего хорошего мы не достигнем. — Главная прорицательница помолчала и заговорила снова: — Делайте что хотите, — сказала она, обведя взглядом зал, — но все ваши усилия, военные и дипломатические, будут ни к чему. В этом Синдра Волхв права: для той угрозы, что встала перед нами, есть только одно решение. Только Трина Лиа может победить Морлина и его армии и только когда для этого наступит время.

Когда совет закончился, Эйлия осталась сидеть на троне, бессмысленно глядя в сгущающуюся темноту неосвещенного зала. Ана подошла к ней, положила руку ей на плечо.

— Эйлия, милая...

Эйлия обернулась к старухе, вгляделась ей в лицо.

— Ана — это правда? То, что говорит Марима? Насчет меня и Мандрагора?

— Таково пророчество, — ответила Ана. — Валеи, дети Тьмы — сторонники Валдура, — пожелают сделать Мандрагора своим правителем, и сказано, что Трина Лиа и аватара Валдура встретятся в бою... — Она замялась.

— И один из них будет убит, — прошептала Эйлия.

— Но не вы, ваше высочество, я в этом уверена, — сказала Марима.

— Я не могу, Ана! — простонала Эйлия. — Мне никогда не убить его! Никогда!

— Конечно, сейчас вы не способны совершить это деяние, ваше высочество, — рассудительно произнес мастер Ву, подходя ближе. — Ваша немерейская мощь еще не развита. Но вы показали свою силу, когда выступили против него у ворот дворца. И у вас хватило мощи его изгнать.

— Вы не понимаете! Не в том дело, что я боюсь встретиться с ним в бою, то есть я боюсь, но дело не только в этом. — Слезы выступили у нее на глазах. — Я никогда никого не убивала, даже животных. Я не могу отнять жизнь у человека — даже у него!

— Пусть даже судьба миров будет брошена на весы? — спросила Марима.

Эйлия отвернулась:

— Я же говорю, что это бесполезно — я просто не могу!

Настало короткое молчание, и снова заговорила Ана:

— Эйлия, милая, послушай меня. Мандрагор слишком умен, чтобы служить кому-то безоговорочно. И потому темная Сила старается овладеть им медленно, постепенно, незаметно для него. Чем дольше будет продолжаться это совращение, тем меньше Мандрагор будет Мандрагором. В конце концов он утеряет все, что осталось в нем от человека, и станет тем, чем стал Валдур, станет отражением своего господина. Ты еще молода, Эйлия, и все еще веришь, что смерть — худшая участь из всех. Но я тебе скажу, что бывает судьба и похуже, что потерять жизнь — это куда лучше, чем потерять душу. Теперь ты понимаешь, милая, как я могу хотеть добра Мандрагору и при этом желать его смерти? Чтобы он погиб, пока он — еще он, и сможет упокоиться в мире, а не станет орудием темной Силы? Это моя вина, что сейчас он жив и угрожает тебе. Ради тебя я жалею, что не обошлась с ним по-другому, когда впервые его нашла.

— О нет! — в ужасе сказала Эйлия. — Ты не могла убить ребенка! И я совсем тебя не обвиняю: я бы поступила так же.

Ана иссохшей рукой взяла девушку за гладкий подбородок.

— У тебя нежное сердце и благородная душа. Пусть же волею Великих Сил эти качества послужат твоему спасению, а не твоей гибели. То, что кажется жестокостью, Эйлия, может быть добротой, а видимость доброты может обернуться жестокостью. Жизнь Мандрагора не была для него радостью, как и для многих, кому он принес вред. За это вина лежит на мне. Когда придет твой черед встретиться с ним, я надеюсь, что ты не падешь жертвой моей ошибки и не повторишь ее.

Эйлия не ответила. Она знала, что сказать уже нечего, и ощущение грусти и несчастья окутало ее вместе с наступающей темнотой.

* * *

В этот вечер был праздник элиров, Высоких Богов, и город звенел музыкой и смехом. Фонарики и свечи украсили дома, мосты, изгороди садов, даже деревья, символизируя звезды Неба. Элдимия в эту ночь стала отражением звездного царства.

Тысячи горожан, веселящихся на празднике, ничего не знали о явлении Халазара три дня назад. Советники очень постарались, чтобы об этом не стало известно, и участники пира были приведены к молчанию клятвой. Дамион задумчиво рассматривал ликующие улицы: сияющие лица людей, которые ничего не знали и не хотели знать о войне, о религиозных расколах на Мере и вражде народов. Для элеев у Бога было не одно лицо, но множество их. Божественное неделимо и неназываемо, но оно отражается во всем, что им порождено: в камне и дереве, в звере и птице, в человеке и в духе. Тысячи храмов и святилищ было в Элдимии, да еще священные деревья, источники и холмы. Ошибка идолопоклонства — это определить Божественное одним образом и отвергнуть все другие, а потом почитать этот образ вместо того, несовершенным представлением чего он был. Множественность образов богов в культуре Арайнии должна была препятствовать идолопоклонству, а не насаждать его. Эти образы — как оттенки единого света, грани одного драгоценного камня. В этом мире Дамион снова обрел свою веру. Бог его прежних верований не уменьшился, а даже вырос в силе и величии.

Сейчас Дамион возвращался с богослужения, где прославлялся архангел Атариэль, которого почитали паладины. Древний рыцарский орден здесь, на Арайнии, продолжал существовать. Сперва это была лишь небольшая группа, посвятившая себя добрым делам, но после появления Эйлии ряды ордена стали расти как на дрожжах за счет воодушевленных юношей и девушек, которым грезились доблесть и слава. Молодежи нравилось носить доспехи и устраивать настоящие турниры, а Дамиона и Йомара они почти боготворили — эти люди бывали на Мере и видели настоящие битвы. Великий магистр пригласил Йомара главным учителем фехтования, а Дамион согласился стать капелланом. Сегодня он проводил службу и еще не успел снять рясу и пелерину с шестилучевой синей звездой на груди. Орден паладинов на Мере исчез, хотя многие еще тешили себя надеждами его восстановить, в частности, отец Дамиона Артон. И Дамион часто вспоминал о нем, посещая монастырь паладинов. Но его интересовали не столько идеи, сколько их носитель. Что за человек был Артон?

— Я думаю, что он был незаконнорожденным, как почти все сироты монастыря, — сказал он как-то Ане с невеселой улыбкой.

Ана посмотрела с интересом:

— Ну, я бы так не сказала. Твоя мать действительно не придавала значения таким мелочам, живя в диких и свободных горах, но твой отец весьма уважал условности. Не может быть, чтобы он не настоял на какой-то церемонии.

Сейчас он, шагая по широким прямым улицам города, глазел вокруг. Город казался и незнакомым, и привычным, архитектура его представляла собой смешение меранского и элейского стилей: приземистые арки и толстые колонны напоминали о большей силе притяжения на Мере, создавая контраст более обычным для Арайнии шпилям и островерхим крышам. На многих крышах сидели крылатые фигуры — быть может, ангелы и крылатые победы, столь обычные в меранских городах, но скорее — изображения волшебников древних. Как будто мелькала перед глазами какая-то возможная история Меры, в которой элейская культура не исчезла, но передала свою любовь к миру и красоте другим народам. Дамиону вспомнились элейские руины Тринисии и Маурайнии, заброшенные и заросшие, и с грустью подумалось, что и эта цивилизация тоже обречена.

Тем временем Эйлия удалилась в сады Халмириона. Обычно она старалась уйти в самые глухие уголки, где деревья росли тесно, где ручьи бежали, как хотели, а звери королевской охоты бродили свободно. Мать ее тоже любила эти уголки сада. Говорили, что звери подходили к ней и играли у ее ног, когда она здесь гуляла. Но сегодня в дикие рощи парка Эйлия не пошла, ей нужно было спокойствие. Она выбрала аллею с удобными скамейками, сверкающими на солнце прудами и гладким бархатом лужаек, со стройными кипарисами и скульптурными гротами. Она шла одна, если не считать фейрийской собаки, подарка Йомара, и еще Безни бежал за ней. Уставая, Эйлия присаживалась на бортик фонтана, где водяная дуга струилась, журча, из пасти бронзового льва. Так все красиво и так мирно, думала Эйлия, поглаживая спутанный мех собаки-имитатора. Трудно было представить себе, что армия вторжения с Меры положит конец всему этому — навсегда уничтожит спокойствие и гармонию.

В лицо Эйлии дунул свежий ароматный ветерок. Была весна, королевские сады полны цветов — магнолия, гардения, жасмин. Аромат плыл, как ладан от курильниц, наполняя сумерки чудесными запахами. Вечнозеленые кусты были подстрижены причудливыми формами — свернувшиеся змеи, птицы, кубы, шары, пи-

рамиды. Эоловы арфы, спрятанные в зарослях, издавали странные мелодии, и они сливались с мелодичным плеском бесчисленных фонтанов и водяных часов, колеса которых отсчитывали минуту за минутой.

Спустилась ночь, прогулочная дорожка осветилась живым сиянием Арайнии: мелкими светлячками, золотыми роями вертящимися в воздухе, как ожившие искры кузнечного горна, ночными сверкающими птицами с призрачно сияющими зеленью перьями. Свет звезд и небесной арки становился ярче, серебрил деревья. Наконец поднялась в своем сапфировом великолепии Мирия. Ее свет поначалу играл отражением спрятанного солнца, потом стал обычным синим и полился вниз, преображая Арайнию.

— А, вот ты где.

Она обернулась и увидела невдалеке Дамиона.

Он подошел и сел рядом. Ему подумалось, что она здесь хорошо смотрится: принцесса мирного царства. И к тому же она красива — царственное облачение она сменила на светло-зеленое платье, вышитое цветами. Волосы все еще лежали короной, но в них были вплетены цветы. Дамион поймал себя на том, что думает об Эйлии, вспоминает ее на балу, как она плыла по залу в фиолетовом платье, и волосы уложены под сверкающей тиарой. Он тогда уставился на нее, разинув рот, как дурак, а потом в смущении отвернулся. Но она в ту ночь была совсем другой — царственно-холодной, изящной, даже прекрасной. Он всегда думал о ней с нежностью — как о младшей сестренке, которой у него никогда не было, а вот теперь она стала взрослой женщиной, и более того — принцессой. Там, на балу, он испытывал что-то вроде благоговения, нечто такое, что не позволяло вот так просто подойти и заговорить. Он печально улыбнулся, вспомнив эту реакцию. Что она могла о нем подумать?

Она улыбнулась ему своей быстрой милой улыбкой, и он улыбнулся в ответ, обрадовавшись: это была та Эйлия, которую он знал, а не ледяная богиня из бального зала или монархиня на троне.

— Привет, Дамион! А тебе к лицу это облачение. Синий цвет тебя красит, — добавила она с легким ехидством.

— А ты как, Эйлия? — спросил он. — На заседании совета ты была бледновата. Я даже подумал, не захворала ли ты.

Большие серо-сиреневые глаза Эйлии казались еще больше от залегших под ними теней.

— Ой, Дамион, я, кажется, с ума сойду. — Но говорила она вполне жизнерадостно. — Посольство из Внутренней Элдимии

просило меня устроить на их земле дождь — а то у них уже которую неделю засуха. Я сказала, что не умею, а они ответили, что богиня совершит такое чудо, только они меня просят замолвить за них словечко. А если дождя не будет, я могу сказать, что богиня решила не удовлетворять их просьбу. А тут еще и Халазар — если даже рассказать народу, никто бы не обеспокоился. Они верят в меня, верят, что я все за них сделаю правильно. Хотела бы я тоже в это верить. И еще я хотела бы сделать хоть что-нибудь, чтобы заслужить ту любовь, которую они ко мне питают.

— Любовь — не награда за заслугу, Эйлия. Любовь — это дар.

Она бросила на него быстрый взгляд и отвернулась снова. Он смотрел на нее с нежностью. Многим девушкам такой его взгляд окончательно вскружил бы голову, но не Эйлии.

— Я просто любовалась звездами. Мера восходит — вон, видишь?

Они посмотрели на серебристо-голубую звезду, поднимающуюся над кронами, — это была планета Мера, везущая своих пассажиров-людей по кругу нового беспокойного года.

— Трудно поверить, что все, что мы знали, осталось там, в этой световой точечке, — заметила Эйлия.

— А я как раз подумал, до чего она мирно выглядит. Даже представить трудно, что там вообще велись войны.

Эйлия встала, и они оба пошли по лужайкам. Луна светила так ярко, что свет казался какой-то стихией, через которую шли они вдвоем, ощутимой стихией, подобной воде. Где-то в садах пронзительно кричал павлин. А потом тихий и далекий голос завел песню, тонкую трель, которая поднималась и опускалась, поднималась и опускалась, доносясь откуда-то с темной ветки дерева.

— Кто это? — спросил Дамион. — Я часто слышал эту мелодию, но понятия не имею, что за птица поет.

— Аранийская птица, — ответила Эйлия. — Она называется аттажен.

— По сравнению с ней соловей — ворона. Они живут в неволе?

— Нет. Их пытались приручить, но неудачно. В клетке аттажен не поет.

Она вздохнула, озадачив Дамиона: сказано было почти с тоской, будто образ птицы в клетке пробудил у нее какие-то не слишком приятные мысли.

Они подошли к большому фонтану, который Эйлия видела, когда первый раз оказалась в Халмирионе. Она села на бортик, а

Дамион остался стоять, глядя на сверкающие каскады и струи, бьющие из пастей морских чудовищ. Они оба долго молчали.

— Мне бы хотелось, чтобы со мной в Мелнемероне кто-нибудь был, — сказала наконец Эйлия. — Меня туда пошлют через несколько дней, как мне сказали.

— Но ведь Ву и Лира будут там с тобой?

— Я имею в виду — кто-нибудь из друзей. Я знаю, что ты обещал Йо помочь организовать армию...

Дамион кивнул.

— Только мы с ним в этом мире и видели настоящую битву, Эйлия.

— Но разве Лори тоже должна быть с вами? — настаивала она. — Она немерейка, и ей тоже надо пройти обучение.

«И если она будет в Мелнемероне, мне не придется мучиться, гадая каждую минуту, что между вами происходит», — подумала она виновато.

Она внимательно смотрела на Дамиона, ожидая его реакции.

Он улыбнулся.

— Лори хочет быть не чародеем, а воином, и Йо решил пойти ей пока навстречу. В Мелнемероне ей не понравилось бы.

«Мне тоже — но кто считается с моими чувствами?»

Эйлия прикусила язык, чтобы не высказать этот укор вслух, и тут же разозлилась на себя, что так подумала. Это значило бы обвинить Дамиона в черствости, хотя на самом деле он был одним из самых чутких людей, которых она знала. Он не мог понять, что значит для нее его присутствие, потому что она даже сейчас не посмела бы ему сказать.

— Кстати, мне сообщили из храма Орендила, что могут освободить меня от обета мира, и я смогу идти на войну, если надо будет. — Он оглянулся с серьезным лицом. — Чем больше я смотрю на этот мир и этот народ, Эйлия, тем больше мне хочется его защитить. Сражаться за него — и за тебя.

Он действительно подчеркнул последние слова — вложил в них какое-то тепло, даже нежность? Он что хотел сказать — что будет защищать Трину Лиа или кого-то, кто ему лично дорог? Она ведь часто обманывала себя, думая о Дамионе, воображала, что слышит больше, чем на самом деле было сказано, пыталась проникнуть в глубинный смысл его слов, который хотела в них найти. Нет, она тешит себя иллюзиями. Если бы он к ней что-нибудь чувствовал, он бы уже проявил это — например, остался бы с ней в Мелнемероне. Его способности немерея давали ему для этого идеальный повод. Вдруг ей стало страшно глядеть в его честные глаза —

она боялась не найти там то, что ей страстно хотелось увидеть в этой чистой синей глубине. И более чем равнодушия она боялась жалости.

— Ваше высочество? — Они оба обернулись — неподалеку стояла благородная дама Лира, и с ней Марима. — Вам пора облачаться для королевского приема.

Не говоря ни слова, Эйлия пошла к ним, потупив глаза, гончая и собака-имитатор направились за ней. Лира повела ее обратно во дворец, Марима осталась, поглядывая на Дамиона через прозрачную вуаль.

— Отец Дамион, — вдруг сказала она, — я вас должна спросить об одной вещи.

— Да, ваше преподобие? — поклонился он.

— Каковы ваши намерения относительно Трины Лиа?

— Намерения? — недоуменно повторил Дамион. — Боюсь, я вас не совсем понял...

— Вы, по-видимому, привязаны к ней. Мы знаем, что в прошлом вы были близкими друзьями, но... вы же не думаете о свадьбе с нею?

— *Свадьбе?* — поразился Дамион. — Я никогда... да как это вам пришло на ум?

— Следовательно, у вас нет таких намерений? Это удачно, поскольку иначе моим долгом было бы вам сказать, чтобы вы их оставили. Трине Лиа не подобает выходить замуж как простолюдинке.

Дамион уставился на нее. Ни от кого из священников в этом мире не требовалось целомудрие, и он был свободен жениться, если захочет. Марима вообразила, что он ухаживает за самой Триной Лиа? Для элеев соединение двух жизней союзом любви не было простым делом — ни легким капризом, ни заключением контракта на общее хозяйство. И целью такого союза не были исключительно дети. Элеи — долгоживущая раса на небольшой планете, и они не могут позволить себе слишком увеличивать население. Поэтому моногамия соблюдалась строго, повторный брак допускался лишь при условии смерти одного из супругов, а зачастую не допускался и тогда. Такой взгляд был усвоен подавляющим большинством немереев, живших в этом же мире. Эйлия, насколько знал Дамион, не одобряла это: она всегда была несколько романтична. Для нее запрет на брак казался жестоким.

— Ее мать была замужем, — напомнил он.

Марима кивнула. Лицо ее под вуалью было непроницаемым.

— Об этом говорилось в пророчестве, и это ожидалось. Но Эйлию люди воспринимают и как образ матери, и как богиню-девственницу.

— Разве это не парадокс?

— Да, это божественный парадокс, придающий ей великую силу. Она — мать своего народа, *потому что* она девственница — потому что у нее нет других детей, кроме них. Выйди она замуж, чтобы любить только одного смертного, и — хуже того — заведи она собственных детей, это навеки изменит образ, который сложился в преданных ей умах.

— Вы... вы ей этого не говорили?

— Еще нет. Она еще молода — по меркам элеев, едва вышла из детства. Мы не затронем эту тему, пока ей не исполнится лет пятьдесят. Но жестоко было бы поощрять в ней романтические желания. Мы надеемся со временем примирить ее с той ролью, которую ей должно сыграть.

Дамион почувствовал некоторое раздражение.

— Я полагаю, у нее в этом вопросе нет права голоса? — спросил он очень холодно.

Лицо за вуалью не изменилось.

— Мы все должны выполнять волю Сил, отец Дамион, — сказала она, и Дамион понял, что означают эти слова и для него, и для Эйлии.

В этот вечер, когда Эйлия вела открытый прием в тронном зале, город и окрестности потрясла самая сильная за все лето гроза.

О своем приближении она сообщила гневным рокотом грома, который эхом отдался в далеких горах, подкатываясь ближе, как приближаются шаги огромного зверя. Громады туч, рядом с которыми горы казались карликовыми, поднялись над хребтом Мириендори, темные, многобашенные, протянувшиеся на много лиг. Приближающийся грозовой фронт наползал, освещаемый изнутри взрывами молний, будто передразнивающими праздничные фейерверки, происходившие три дня назад. За считанные минуты туча поглотила луну, звезды и арку; могучий ветер прилетел с ней вместе и засвистел вокруг башен Халмириона.

Дамион нашел себе место близ входа в зал и встал, глядя на вливающиеся толпы, растекающиеся от стены к стене. В просторном зале было темно, светили только яркие звезды да перевернутый серп луны позади хрустального трона — Мелдрамирия. А на троне сидела фигура в белом, в мантии темной синевы, струившейся по ступеням, и в правой руке у нее был скипетр с наконечником

в виде звезды, а на голове — корона из серебра. Во лбу ее сгустком чистого огня сиял в оправе Камень Звезд. Это было точно рассчитанное зрелище, долженствующее вызывать у зрителя благоговейный восторг. Звезды в шлейфе Эйлии светились, ибо были вытканы из светящихся нитей, а сияние лунного трона подсвечивало ее волосы, образуя нимб. Никто не замечал ее худобы или весьма не впечатляющего роста — царственное облачение и приподнятый трон отвлекали внимание от таких мелочей. Дамион посмотрел на Ану, стоявшую неподалеку. Черты ее лица были абсолютно спокойны, но он достаточно хорошо знал старуху, чтобы ощутить ее скрытое волнение. Сама же Эйлия, как ему подумалось, держалась скованно: было видно, как она стискивает скипетр, и хотелось как-то ее подбодрить.

Камень во время церемонии ярко сиял. Никто не мог точно сказать, что это за самоцвет и какая сила кроется в его прозрачной глубине, что создает это сияние и другие странные явления, окружающие его, но его явная симпатия к этой девушке была дополнительным фактором, удерживающим ее на троне. Куда ни посмотри, всюду видны были восхищенные, обожающие лица — как всегда. Дети любили ее безгранично — быть может, из-за того, что она сама была так молода, женщины — и девы, и матроны — видели в этой девственной и все же материнской фигуре свое отражение, а для мужчин она была любимой матерью-дочерью. И даже суровые, закаленные, не сентиментальные люди, крестьяне и шахтеры с внешних территорий, могли прослезиться при одном взгляде на нее. Она была символом бесконечной мощи.

Эфирное пение хора в глубине зала стихло. Эйлия поднялась с трона и направилась к краю помоста. В кругу своих весталок она смотрелась как королева улья, окруженная трутнями. Ее чистый голос зазвенел над головами собравшихся.

— Услышьте меня! Наш древний враг снова восстал, чтобы угрожать нам! Началась осада нашего мира!

По толпе прошел говор, и Дамион с Аной переглянулись. Эйлия должна была наизусть прочесть приготовленную речь. Что же она такое делает?

Трина Лиа покачивалась из стороны в сторону, подняв руки. Правая рука размахивала скипетром, а Камень в короне сиял как маяк.

— Ночь дурных знамений! — выкрикнула она высоким, неестественным голосом. — Канун рокового дня! Призовите силу свою, немереи! Азарах выпустил против нас рой смертоносных стрел!

Прорицательницы в белом заклубились вокруг нее, как волны морские возле утеса, и на глазах Дамиона они двинулись к задней двери, увлекая с собой принцессу: через миг стал виден лишь ее звездный шлейф, задевший трон на пути, потом и он исчез. А толпа тем временем ревела в ответ на ее слова.

Дамион вспрыгнул на помост, вслед за процессией женщин рванулся в коридор и за поворотом увидел их. Они суетились вокруг, а Марима и еще одна прорицательница пытались посадить Эйлию. Девушка обмякла в их руках, голова ее упала на грудь, глаза закрылись. Скипетр у нее из руки вынули, но никто не осмеливался дотронуться до короны со священным Камнем.

— Она в обмороке! — воскликнул Дамион, пробиваясь вперед.

— Это невозможно! Трина Лиа не может упасть в обморок, как простая смертная! — возразила одна из прорицательниц. — Она в трансе экстаза...

Дамион склонился к девушке, не обращая внимания на протесты прорицательницы, и нащупал пульс. Лицо Эйлии было белым, как ее платье, и покрыто испариной, глаза затуманились.

— Она без сознания, говорю вам! — сердито сказал Дамион. — Расстегните ей мантию, снимите корону. И расступитесь, дайте дышать!

Обескураженные его напором, они не попытались ему помешать. Он освободил Эйлию от диадемы и тяжелой мантии, подсунул ей руки под колени, поднял и понес по коридору. Прорицательницы пошли за ним толпой, а он отнес лежащую в обмороке девушку в ближайшую комнату и положил на диван.

— Кто-нибудь, воды принесите! — велел он, укладывая Эйлию. — Эйлия, Эйлия! Ты меня слышишь?

Она услышала. Ее разум из темноты обморока вернулся к полному сознанию, глаза открылись, и она увидела над собой лицо Дамиона. Были и другие лица — она увидела отца, бабушку, Лиру, но лицо Дамиона было ближе всех и полностью привлекло ее внимание.

— Ой... что случилось? Я упала в обморок? Вдруг все стало темно...

— Все в порядке, — успокоил он ее.

— Что случилось? — снова спросила она.

— А ты не помнишь? — нахмурился он.

— Я... я собиралась произнести речь, — ответила она, морща лоб. — И тут все стало темно. Я же не упала на глазах у всех? — спросила она озабоченно.

— Нет, тебя успели вовремя увести. А ты — ты не помнишь, что ты говорила?

Эйлия посмотрела на него в удивлении, потом перевела взгляд на прорицательницу в белом.

— Говорила? — повторила она. — Я не помню, чтобы что-нибудь говорила, я так и не произнесла речь. Дамион! Что я говорила?

Она села, вцепившись в его руку.

— Ничего особенного — не волнуйся, — ответил он самым мягким голосом.

Эйлия откинулась на спину, закрыла глаза. Дамион смотрел на ее тонкую фигурку, бледное лицо — она казалась очень хрупкой, как статуэтка тончайшего фарфора, до которой страшно дотронуться, чтобы не сломать. У нее был припадок, какой-то нервный срыв? Неудивительно: у нее столько врагов, столько причин для тревоги. Как может кто-нибудь хотеть ей зла — этой невинной юной девушке, которая никогда никому ничего плохого и не думала делать? В Дамионе стал закипать гнев. Тому, кто желает ей зла, поклялся он, придется сначала убить его.

А Эйлии уже было намного лучше. У нее болела голова, но ничего удивительного: серебряная корона была тяжела, и даже после того, как ее сняли, пульсирующая боль в висках еще не прошла, будто тяжесть осталась: фантомная корона, которую снять нельзя. А в остальном все было в порядке, но так приятно было, что Дамион рядом и смотрит на нее, что она решила не приходить в себя *слишком* быстро.

— Я только чуть-чуть полежу, — сказала она и позволила себе утонуть в подушках, слушая шум бури. Такой буре Эйлия в другое время порадовалась бы, в глубине души сливаясь с этой силой, с этой дикостью и мощью. Но сейчас, лежа на кушетке и глядя на хлещущие в окно струи дождя, слушая несдержанную силу бури, она начинала ощущать беспокойство, тревогу.

Прорицательницы и придворные переместились в соседнюю комнату. В основном они прилипли к окнам, глядя на бурю, терзающую сад, сгибающую деревья и тревожащую гладкую поверхность прудов. От то и дело вспыхивающих молний ночь казалась светлее дня, представляя все в невероятных подробностях.

— Вот это да! — заметила Лорелин. — Только что молния совсем рядом ударила! Я такой бури не видела с самой Тринисии — Йо, ты помнишь? Ана сказала тогда, что ее наколдовал Мандрагор, чтобы прогнать нас с гор.

Какое-то движение за спиной заставило их обернуться. Раймон из Лотена, один из молодых придворных, вошел в комнату. Бархатный плащ на нем промок, волосы растрепались, глаза смотрели дико. Остальные обернулись к нему с тревогой.

— В жизни такого не видел! — выдохнул он.

— Действительно, сильная буря, — начал Тирон.

— Буря! — воскликнул Раймон. — Там, в воздухе, дикий огонь — не молния, а какое-то призрачное пламя перепрыгивает с крыши на крышу и ничего не поджигает. — Он свалился в ближайшее кресло. — В городе говорят, что это знак, предупреждение Небес.

В комнату вошла Марима с усталым лицом.

— В последние два часа я говорила мысленно со всеми немереями Элдимии и территорий. Они докладывают о чудесах по всей стране, о людях, впадающих в пророческий экстаз и предсказывающих несчастья, о животных, которые щетинятся и таращатся в пустоту, — в основном это кошки и арайнийские звери. Они видят духов — так говорят в народе. У некоторых немереев были видения о войне звезд в небесах, о планетах, сорванных с орбит свирепой звездой ада, летящей между ними.

— Но какова же причина всего этого? — воскликнул Тирон.

— Это началось, когда Трина Лиа заговорила в храме.

— Эйлия? Эйлия это все вызвала? — поразилась Лорелин. — Но как это может быть?

— У Эйлии задатки очень сильного немерея, — сказал мастер Ву. — Если она унаследовала хотя бы часть таланта своей матери, то когда-нибудь станет силой, с которой придется считаться. Но пока что эти силы еще дремлют, не сосредоточенные и не развитые. Мне кажется, что эта буря — всего лишь первое проявление пробуждающейся силы Эйлии, ответ на ее внутренние страхи и тревоги. Вряд ли она знает, что сама является источником силы. Такая мощь опасна, если ее должным образом не дисциплинировать.

На лицах присутствующих отразилось благоговение.

— Так что мы можем сделать, королева Элиана? — спросил Тирон, поворачиваясь к Ане.

— Ее надо немедленно отправить к немереям в Мелнемерон, — сказал мастер Ву. Круглое бородатое лицо коротышки-архимага стало серьезным. — Не через несколько дней, а сегодня же. Там ее защитят. Объединенной силе этих немереев не страшен ни один враг. Пока она будет там, они ее могут и обучать.

Ана задумалась.

— Мандрагор за ней следит, и то предупреждение, которое он послал с Халазаром, — скорее всего попытка заставить ее торопиться, раньше срока пустить в ход свою силу, поспешить на бой. Если мы обучим ее как немерея, то, быть может, подвергнем опасности ее жизнь. Пока она не представляет для него угрозы, он против нее не выступит.

— Но она хотя бы должна научиться защищать себя от него и его слуг. Он вообще может передумать и попытаться ее убить, — возразил Тирон.

— Я не вижу особого смысла в упражнении сил, которые могут быть погашены куском холодного железа. Она не должна слишком сильно надеяться на магию.

— Но и оставлять ее беспомощной тоже нельзя, — сказал Ву. — Она не боец. Силы, определившие ее судьбу, не одарили ее телесной мощью. Ей предопределено быть волшебницей, а не воином.

— Мы не знаем, как будет достигнута ее победа. Может быть, ее дар — вдохновлять силу других. А мы всегда можем дать ей больших и сильных телохранителей.

— Так мы и сделаем, — сказал Ву. — Но для нее нет более безопасного места в этом мире, чем Мелнемерон. Я только надеюсь, что еще не поздно. У ее врага были сотни лет на подготовку, а у нее будет лишь несколько месяцев. И она — единственная наша надежда: с ней мы выстоим или с ней падем.

5
Черная звезда

В пиршественном зале царского дворца в Зимбуре царило радостное настроение — отчасти потому, что царя Халазара там не было. Труппа акробатов проделывала свои трюки, уворачиваясь от корок и объедков, летевших в них из-за стола. Чем свободнее лилось вино, тем чаще летели куски, и наконец пол стал похож на мусорную свалку. Йегоси, главный евнух, мрачно смотрел на веселящихся из-за своего высокого стола и не спешил к ним присоединиться. Рядом с ним сидел старый седой воин в зимбурийской военной одежде — генерал Гемала, из северных зимбурийцев, пришедший под знамена Халазара и помогший ему свергнуть царя Зедекару.

Гемала стоял и во главе армий, завоевавших Шуркану. Он был храбр, тверд и бесконечно предан своему царю. Поэтому,

как мрачно подумал Йегоси, ему осталось жить не очень долго: смелые походы, предпринятые во славу его повелителя, привлекли к нему слишком много народного обожания, что Халазару совсем не нравится. Когда именно Халазару покажется, что популярность генерала угрожает ему, — только вопрос времени, а тогда Гемала будет предан смерти под тем или иным предлогом. Не проводи он так много времени в долгих походах, он бы не успел так поседеть.

Сейчас генерал недовольно смотрел на Мандрагора, сидящего на диване за высоким столом.

— А это кто? — спросил Гемала у Йегоси, не давая себе труда понизить голос.

— Новый придворный волшебник, господин, — ответил евнух.

— Да знаю я, что он волшебник, дурак! Я хочу знать, что это за чушь насчет того, что он там какой-то дух или что.

— Господин, умоляю вас, говорите тише!

— Ха! Он далеко, не слышит. Так что, наш царь поверил этому шарлатану?

— Уж не допускаете ли вы, что аватару бога можно обмануть? — язвительно поинтересовался Йегоси. Двор — не место для честного человека: Халазар был бы в ярости, узнай он про этот разговор. — Этот человек действительно необычен. Эти его глаза...

— Врожденное уродство, только и всего. Он такой же дух, как и я. Уж скорее он из этих мерзких тварей с Тринисии, из антропофагов, которых наши экспедиции привозили в клетках. Вон один такой рядом с ним сидит.

Он показал на Роглага, нагнувшегося над высоким столом и пожиравшего изысканные блюда.

— Тише! Это не антропофаг, это гоблин — весьма могущественное создание, потомок джиннов. Он к нам спустился из самой Звездной сферы!

— Это новый маг нам так говорит.

Мандрагор слышал каждое слово этого разговора. Слух у него был неестественно острый — еще одно преимущество лоанейской крови, как он обнаружил очень давно, при дворе Андариона, когда другие придворные его обсуждали, думая, что он не слышит. Сперва это его уязвляло, ему казалось, что так они проявляют свое презрение, и только потом он понял, что они просто думали, будто их слова ему не слышны. Для этого собрания он слегка изменил свою внешность с помощью магии. Густую копну волос он так и оставил, потому что она отлично скрывала по-драконьи заостренные уши. Но кожа стала румяной, а не бледной, черты лица смяг-

чились, и в сочетании с роскошными красно-золотыми одеждами это создавало впечатление ветрености и самовлюбленности. Он желал, чтобы его недооценивали — при зимбурийском дворе очень разумная предосторожность, — и из подслушанного разговора понял, что у него получилось.

Он бросил желчный взгляд на придворных. Этот бесконечный парад людей, как всегда, наполнил его скукой. Иногда, когда он ходил по улицам современных меранских городов, ему казалось, что он узнает какое-то лицо в толпе, но тут же становилось ясно, что не лицо он узнал, а тип. Пухлая массивная матрона, тощий юнец, лысеющий ученый, цветущая девушка. Столько на его глазах прелестных дев увяли и превратились в старых ведьм, что женская красота более его не привлекала. Глядя на прекрасную молодую женщину, он видел только, какой старухой она неизбежно станет: гладкие щеки обвиснут, морщины избороздят свежую кожу, потускнеют яркие глаза.

Генерал все еще мрачно смотрел на него, но Мандрагора это не волновало. На фоне махинаций лоанеев и моругеев хмурые взгляды старого генерала вряд ли могли его встревожить. Мысленно Мандрагор обратился к Роглагу, хотя на гоблина не смотрел.

Ну, Рог, что ты думаешь о наших зимбурийских друзьях?

Я среди них как дома, — жизнерадостно отозвался гоблин, отливая себе в кубок из кубка соседа.

Вряд ли они воспримут это как похвалу, но я готов с тобой согласиться. Только не таращись на женщин, если увидишь: зимбурийское наказание за взгляды на чужую жену весьма неприятно.

Роглаг шумно припал к кубку.

А жаль! Я тут заметил ничего себе дамочек — приятное зрелище для того, кому последнее время пришлось видеть только моругеек — и много лет подряд. Ладно, зато еда хороша, и представление тоже.

Мысли у него ползли неуклюже и медленно, и Мандрагор бросил на него острый взгляд.

Ты пьян? Лучше держи себя в руках, Рог: зимбурийский двор — место очень опасное.

Это для тех, у кого волшебной силы нет, — буркнул мысленно гоблин.

Волшебство тебе против яда не поможет. У них есть зелья, которые человека убивают на месте.

Яды?

Роглаг перестал пить и подозрительно уставился на свой кубок.

Яды, — повторил Мандрагор. — *Я бы на твоем месте смотрел, из чьего кубка пью. Просто на всякий случай.*

Вдруг в зале стало тихо. Мандрагор обернулся и увидел, что портьеры у двери раздвинуты, и в зал входит царь Халазар. За ним шагал единственный оставшийся в живых его сын принц Йари — мальчик лет десяти. Старшие братья несколько лет назад были казнены по обвинению в заговоре с целью захвата трона. За царем и принцем шла немногочисленная свита. Сдавленный звук пробежал по залу, будто листья зашелестели в порыве ветра, и снова наступила тишина. Халазар уселся за высокий стол и жестом велел свите последовать его примеру. В дальнем конце зала, за прозрачным занавесом, показались жены и наложницы короля. Процессия была длинной. В царском гареме были и бывшие жены Зедекары, и много женщин, доставленных жрецами Валдура, имевшими право входить в любой дом и уводить любую его обитательницу для царя. Каждый год десятки этих похищенных девушек привозили в столицу и проводили перед Халазаром, который выбирал в свой гарем тех, что ему понравились. Остальных не освобождали, а обращали в рабынь. Предполагалось, что участь жен и наложниц предпочтительнее, хотя по их лицам этого нельзя было сказать. Они были не более чем имуществом своего мужа-царя, немыми символами его величия.

В переднем ряду, вблизи занавеса, чтобы придворные могли хотя бы догадаться о ее красоте, сидела очередная фаворитка монарха — стройная четырнадцатилетняя красавица по имени Йемина со своей личной рабыней. В последней Мандрагор узнал принцессу Марьяну, дочь низложенного царя Шурканы. Она сидела тихо, опустив глаза, и на шее у нее был ошейник. Несомненно, Халазару было приятно унижение царственной принцессы.

— Да будет ведомо, — прогремел голос Халазара, — что Халазар, царь Зимбуры, — истинный и единственный бог-царь. В нашей царственной особе исполнены все пророчества, и под нашею рукою ходят джинны и духи Ночи! — Он показал на Мандрагора и Роглага. — И мы, по нашей воле, подняты были на высоты, где все тайны Небес открылись нам. И видели мы небесное тело, которое называется Утренней звездой, и видели на ней сияющую сферу волшебной страны, истинный рай, богатый зерном и лесом, золотом и самоцветами, где дикие звери столь приручены, что можно подойти к ним и сразить их с легкостью. Что же до городов — никогда я не видел ни такого блеска, ни такого беззакония. Но порочность людей того мира ничто в сравнении с порочностью их правительницы, ибо в раю, о котором говорю я, правит злобная колдунья Трина Лиа, дочь королевы Ночи.

Бог-царь обратил свое внимание на главное блюдо стола: жареного павлина, изысканно убранного собственными перьями. Мандрагор с отвращением увидел, как жирные, усаженные кольцами руки царя сдернули перья и разорвали тушку на части.

— Но недолго осталось ей править. Многие джинны и существа великой мощи встали против нее, готовые повиноваться нашей воле. С их помощью свергнем мы принцессу-ведьму, и богатства ее мира попадут в наши руки. Наши армии вторгнутся на Арайнию с помощью главного джинна Азара — да, именно той планеты, имя которой я ношу, — видите, как плетет свои нити судьба! Азар — соперник Арайнии, и с его помощью сокрушим мы все города Утренней звезды, перебьем их жителей, низложим ее правителя. И тогда мы разделим между нашими людьми такие трофеи, каких никогда раньше никто не видел. Золото и драгоценности, скот и рабы, богатые земли и их урожай — все будет принадлежать зимбурийцам! А эту Трину Лиа прогоню я, как жгучее солнце прогоняет с неба звезды ночи!

Он показал на царский герб у себя над креслом — золотое лицо, окруженное лучами, и ударил в герб жирным кулаком.

— Узрите же нас! Мы, аватара Голоса Божьего, Бессмертного, мы, воплощение Валдура!

Снова шелест листьев пробежал по собранию. Разве Зедекара и его предшественники не делали таких же заявлений? Мандрагор посмотрел на высокие окна зала и сосредоточился. Придворные дружно ахнули, когда над зубчатой стеной хлестнула молния, и так близко, что синий свет полыхнул почти одновременно с оглушительным раскатом грома. В собравшейся на улице толпе раздались крики, потому что небо над стеной было безоблачно.

Придворные съежились, и страх их был реален, как едкая вонь дыма. Халазар тоже пошатнулся и сейчас старался вернуть себе величественную позу.

— Глядите же! Это было знамение. Пусть герольды разойдутся по городу, разъедутся во все страны, завоеванные нами. Да станет известно, какие чудеса совершили мы. Да узнают люди, что истинный бог-царь явился! Прежде всего я сокрушу Маурайнию и Содружество. Затем, когда весь этот мир будет у моих ног, я вознесусь в небо и возьму Арайнию! И знамя Черной звезды да взовьется над ее землями!

Герольды, пожалуй, лишнее, подумал про себя Мандрагор, прислушиваясь к суматохе на улицах. Народ, от крестьян до придворных, сам разнесет вести. Караваны торговцев понесут известие о «знамении» по всем соседним землям, а шпионы Содруже-

ства уведомят западного монарха о том, что здесь произошло. Три тысячи лет назад одинокая молния в Маурайнии подвигла козопаса стать пророком и создала веру, распространившуюся по миру, как пожар. Кто знает, что могла сделать его нынешняя молния для этого мрачного деспота и его опустошительных орд?

«Ну вот, Эйлия, — подумал он, — что же ты будешь делать? Останешься на Арайнии, в безопасности, — или придешь на помощь миру, который когда-то называла родным?»

— Вперед! — проревел Йомар, вытянув перед собой обнаженный меч и пришпорив боевого коня.

В ответ ему его армия с ревом бросилась через каменную гряду. Внизу, в пустыне, находился противник численностью до трехсот человек пеших копьеносцев, поддержанных колесницами и конницей. Заходящее солнце пылало на наконечниках копий и обнаженных мечах, будто оружие уже окрасилось кровью. Но никто из людей Йомара не дрогнул. Они бросились в схватку, замелькали мечи и копья. Воздух звенел ударами мечей о щиты, выкриками и стонами умирающих, ржанием перепуганных коней.

Йомар отъехал чуть в сторону от битвы, несколько минут внимательно присматривался, потом поднял правую руку.

— Все! Хватит! — крикнул он.

Одетый в мантию немерей на ближайшем гребне холма поднял руку в знак понимания. Тут же вражеские солдаты исчезли, как мираж в пустыне — бронированные фигуры растаяли в воздухе, — и остались только люди Йомара. Они обернулись к нему с любопытством и ожиданием.

— Уже лучше, — сказал он и с этой скупой похвалой спрыгнул с седла.

Со своими арайнийцами — сплошь добровольцами — он приехал в эту пустынную сухую местность, слегка напоминающую пустыни Зимбуры, чтобы обучать их как силу вторжения. Люди Элдимии, напуганные после припадка пророчества у Эйлии, хотели, чтобы она повела армию, как было предсказано, но этого ее отец и телохранители не позволили бы. Ходили слушки, что Эйлия разыграла этот «припадок», чтобы получить под командование предсказанную армию, и хотя мало кто верил этому обвинению, не слишком бы хорошо выглядело, если бы она имела к этому какое-то отношение. А эти люди научились выносить жару, двигаться по пересеченной местности, а пессимистические предсказания Йомара, что большая часть из них запросится обратно, не пройдет и двух недель, не оправдались.

— Может, они ничего не знают о том, как драться, — признался он Дамиону, когда они вдвоем лезли обратно на холм, — но дух у них есть, надо отдать им должное. Лотар! — взревел он, останавливаясь и упираясь руками в бока. — Ты чего тут делаешь?

Молодой элейский рыцарь вскочил с валуна с виноватым видом, что его застали сидящим.

— Виноват, господин начальник! Я убит.

Йомар с досадой поморщился:

— Опять? Который уже раз за эту неделю?

— Шестой, господин начальник!

— И как на этот раз?

— Копьем в глаз, господин начальник! Смертельная рана.

— Убили один раз — это может быть случайностью. Шесть раз — это значит, ты беспечен. В бою тебе полагается стараться не быть убитым. Не знаю, что ты там делал, но больше этого не делай.

— Никак нет! То есть так точно, господин начальник.

Неподалеку несколько рыцарей упражнялись в фехтовании на мечах, двигаясь с таким изяществом, что это казалось танцем, а не боем, даже с тяжестями, которые Йомар заставил их привязать к ногам для воспроизведения более сильной гравитации на Мере. С ними была Лорелин. Она дралась, как мангуст с коброй — металась вокруг противника, бросалась вперед и назад, вызывала противника на выпад и уходила в сторону, заставляя его терять равновесие. Она обращала превосходство противника в силе и весе против него, используя приемы, усвоенные — как ни странно — в каанском монастыре, где она воспитывалась. Каанский народ, низкорослый по сравнению с другими, выработал приемы сражения, позволяющие побеждать врага больше и тяжелее себя. Бин-йара учила больше полагаться на скорость и ловкость, чем на грубую силу, и построена была на основе движений, подсмотренных у диких зверей, птиц, камышей, склоняющихся на ветру. Со временем эти движения усвоили каанские жрецы, потому что при их медленном исполнении в сопровождении медитации они достигали и другой цели: дисциплина тела и духа. Лорелин явно как следует изучила бин-йару, пока жила у каанских монахов, и Йомар не мог не отметить, что это сделало ее отличным бойцом. Он окинул взглядом учебное поле, глядя на гибкие тела, нападающие и парирующие удары. Они были хорошими бойцами, эти серьезные молодые люди, гордые своими доспехами.

Но достаточно ли хорошими? На Арайнии искусство войны стало искусством в буквальном смысле, как музыка или танцы. Лучники стреляли в цель, не обучаясь убивать, а соревнуясь в уме-

нии. Фехтование на мечах превратилось в вид спорта, потешные поединки стали праздничным представлением. На большом ипподроме Мирамара цирковые лошади вставали на дыбы, лягались и отскакивали в сторону, как в конном балете, и мало кто помнил, что изначально это были движения боевых коней в схватке — для защиты всадника от врага. Как будто арайнийцы за много веков превратили бой в какую-то разновидность красоты.

Все боевые искусства в этом мире существовали, но когда наступит время, смогут ли арайнийцы ранить и убивать противника? Эти вот ребята хотя бы научились «убивать» иллюзорного врага, состряпанного магами — призрачных воинов, которые умели орать, кричать и стонать, — но мальчики знали, что это всего лишь фантомы. А смогут ли они всадить меч в настоящее тело, убить живого человека?

— Должен быть у них где-то глубоко инстинкт убийства, — буркнул он. — А может, не так уж глубоко. Загляни в душу человека — найдешь зверя.

Дамион вспомнил череп огненного дракона, оскаливший в насмешке зубы. Такого монстра человек способен убить, а монстра внутри себя — способен ли?

— В общем, верно, — согласился он мрачно. — Но, Йо, важно ли, чтобы они умели убивать? Ведь по приказу совета нам никакой реальный бой не светит.

— Наплюй ты на этот совет. Народ напуган, а маги изучают способы вторжения на Меру. И я не пошлю туда ребят, которые себя защитить не смогут. Раймон! — гаркнул Йомар. — Опять беспечным становишься? Ринальд тебя убивать не хочет, но когда-нибудь тебе попадется противник, который всерьез решит тебя убить!

Человек в темном кивнул, но не ответил и не поднял забрало шлема.

— Раймон, ты не на сцене! Прекрати дурачиться и слушай! — заревел Йомар.

Рыцарь убрал меч и повернулся, послушно сняв шлем. На свет явилась копна черных волос и мальчишеское лицо — да, Раймон Лотенский был еще почти мальчишкой.

— Прошу прощения, господин начальник! — тоном упрека произнес он. — Я говорил вам, что хочу быть Неизвестным Рыцарем.

— Я его сам в рыцари посвящу, — пробормотал Йомар себе под нос, отходя в сторону. — Мечом плашмя — по заднице. Сопляк дурной!

— А как там с этими местными верблюдами? — спросил Дамион, проходя вместе с Йомаром по гребню холма. Йомар обнаружил, что местные копытные звери, живущие в Пустошах и называемые ипотриллы, отлично выживают в суровом климате. Это были крупные неповоротливые создания с длинными шеями, горбатыми спинами и змеевидными хвостами. Он велел Мелнемерону поймать их сколько получится и отдать немереям, заклинающим зверей. Дрессировка их оказалась медленным делом, потому что звери эти, хотя и не свирепые, отличались верблюжьим упрямством. Еще у них были острые клыки, торчащие из нижней челюсти, и этими клыками ипотриллы протыкали пустынные растения, похожие на кактусы, внутри которых была вода. Когда на зверей находило мрачное настроение, они вполне могли теми же клыками тяпнуть и человека.

— Немереи мне говорят, что приручили небольшое стадо, — ответил Йомар. — Лошадей мы тоже возьмем, но ипотриллы в пустыне будут полезнее, а почти вся Зимбура — пустыня.

Вдруг ему захотелось побыстрее там оказаться. Сколько раз ему в детстве мечталось вернуться в трудовой лагерь во главе армии, освободить всех рабов, а зимбурийцев прогнать! Детская мечта, выросшая из беспомощности и страха, он еще и тогда это знал, когда она являлась ему. Но вот сейчас Эйлия дает ему в руки целую армию и ставит его во главе. *Генерал Йомар!* Звучит, однако.

К нему подбежала Лорелин, раскрасневшись от борьбы и победы.

— Ну? — спросила она.

— Что «ну»?

— Да ладно, Йо, сам знаешь! Ты меня прогнал через такие испытания, которых здесь никто не проходил, и я их все выдержала. Ты меня берешь с собой на Меру?

— Нет.

Синие глаза блеснули негодованием.

— Почему?

— Потому что это слишком опасно.

Она сложила на груди руки.

— Йо, я отличный боец. С этим ты не поспоришь!

— И не собирался.

— Так в чем же дело?

— Дело, — буркнул он, — в твоем отношении. Ты слишком рвешься вперед, а это значит, что не относишься к делу достаточно серьезно.

— Эйлия говорила, что это будет миротворческая миссия, а не нападение.

— И она права. Нам твои бойцовские навыки будут не нужны.

— Ну, значит, это *не* опасно, и я могу лететь.

Спорить с Лорелин — это всегда значило ходить по кругу. Йомар посмотрел на нее усталым взглядом.

— Поговори с ней ты, — бросил он Дамиону и пошел дальше.

На пустоши сражались его бойцы. Да, действительно, если они отправятся на Меру, то лишь для того, чтобы напугать бога-царя и его союзников. Но у Йомара не было иллюзий, будто Халазар или Мандрагор послушно отступят. Вот если бы можно было поймать кого-то из них или обоих, а не рубить целые батальоны их солдат, которых принудительно берут в армию! В молодости Йомар рвался убить зимбурийского царя, а потом Зедекару свергли, и ненависть Йомара переключилась на его преемника Халазара; теперь же основным врагом стал Мандрагор, и он же — основной угрозой. Иногда же Йомару казалось, что враг на самом деле один: какая-то затаившаяся темная сила, рядящаяся в тела людей, как в маски, и меняющая их, когда носителя убивают.

— Драться нам придется, Дамион, — убеждал он друга несколько позже, когда они смотрели на учения рыцарей. Йомар показал на конных, скачущих гуськом по пустыне, поднимающих клубы рыжей пыли. — Но ведь они на самом деле не готовы. Эти вот паладины с их рыцарскими именами! Ринальд Железная Рука или там Раймон Львиное Сердце — детская игра! А Мартан Доблестный — это вообще предел! Он из тех, которых убивают первыми, — храбрый юный воин, который просится в первые ряды, веря, что добьется чести и славы, как в легендах. Верит в свою несокрушимость — и потому погибает. Я это сто раз видел.

Но драться рыцари все же умели. Годы обучения на ипподроме и ежегодные турниры как следует закалили их. Некоторым удалось спешить своих противников, а молодой Мартан вообще поражал их — хотя Дамион понимал, что в нем не нравится Йомару. Он слишком рисковал, слишком самоуверенно действовал. Юное лицо под светлым нимбом волос больше напоминало лик святого, а не воина. Раймон тоже проявил себя в своем стиле: его сшибли с седла, и пришлось его без особого достоинства уносить к целителям, но потом он снова вышел и сумел сбить с лошади рыцаря, который сбил его.

При виде этих боев надежда рождалась в сердце Дамиона. Может быть, арайнийцы все же не так беспомощны, как кажутся. Остается только проверить, как они смогут выстоять против свирепых воинов Зимбуры, если придется им встретиться в бою.

* * *

Эйлия поплотнее завернулась в меховую накидку — холодно было. К этому холоду привыкнуть удавалось не сразу — она забыла, каково это, когда зябко. И еще она устала, но это было проявление горной болезни, о которой ее предупредили, когда она приехала. С самого приезда она плохо спала и дышала неглубоко и часто, но пока что головных болей, сопровождающих горную болезнь, у нее не было. Немереи, наверное, к этим вещам привыкли или они нашли бы способ с ними бороться. Сейчас она была одета в простую белую рясу, как все немереи, потому что в Мелнемероне у нее особого положения не было. Белый цвет, как ей объяснили, выбрали за то, что он отражает весь свет, а остальные цвета — только часть. А черный вообще удерживает весь получаемый свет, ничего не отдавая. Ряса не была особенно теплой. Зато хотя бы были меха — снятые с животных, умерших естественной смертью, как она знала, потому что на арайнийских зверей никому охотиться не дозволялось.

Вокруг высились горы; зазубренные короны их были вдвое выше любой горы на Мере, но снегом покрывались только зимой. Водопады, окруженные туманами, падали с такой высоты, что казались колоннами облаков. Здесь тоже водились дикие животные Арайнии. Птица, которую Эйлия вначале приняла за орла, парила над снежными гребнями хребта, и лишь когда она села на пик, хлопая огромными крыльями, девушка оценила ее огромные размеры. Птица рох! И еще она заметила на утесах множество барсов с пятнистыми меховыми перепонками от передних до задних лап. Когда они перепрыгивали с камня на камень, эти перепонки расправлялись в воздухе крыльями, как у белок-летяг на Мере. Довольно комично выглядели эти большие кошки в полете — как летящая леопардовая шкура. Звуков здесь, наверху, было мало, и слухи из низин сюда не доходили. Как будто земля, поднимаясь вверх, притягивала к себе тишину небес. Но время от времени раздавалась едва слышная нота, будто пение рога, эхом доносящаяся с горных пиков. Там, как говорили немереи, живет немой зверь, у которого на голове растет единственный ветвистый рог с трубками на концах. Когда это создание стоит в потоке ветра, воздух звучит в этих трубках, создавая музыку, служащую зверю вместо голоса.

Эйлии вспомнилась вершина Элендора на Тринисии, хотя здесь, в горной долине, было всего несколько соединенных зданий, но уж никак не город. Строения состояли из того же серого гранита, что и горные пики, — не сложенные из обтесанных плит,

а вырезанные прямо из живого камня, и потому они казались его продолжением, будто башни, стены и арки окон созданы водой и ветром, а не инструментами в человеческой руке. Мелнемерон был действительно такой же древний, как и сама гора. Выделялся один золотой купол, сияя на солнце, а остальная часть комплекса идеально сливалась с окружением, будто исчезая в граните. Этот купол, как сообщили Эйлии, был обсерваторией. Тысячи лет подряд немереи изучали здесь звезды — не так, как меранские астрономы, астрологи или навигаторы, но как черты небесного царства, знакомого им не хуже окружающего ландшафта. В небесах этой планеты видно куда больше звезд, чем с Меры, а здесь, в горах, где атмосфера разреженнее, существовали идеальные условия для их изучения. Многие из этих звезд имели свои миры-планеты, и говорилось, что когда-то арайнийцы летали к ним и могли бы полететь снова, если бы только современные немереи сумели найти способ отомкнуть врата Эфира. Взгляд Эйлии скользнул к соседнему шпилю, торчащему из склона горы и отделяющему ее вершину от головокружительной пропасти. Наверху башенки стояла пара каменных статуй: два серых дракона, и каждый обернулся вокруг высокой колонны. Это были врата духов, вроде тех, что она уже видела на Мере. Узкий каменный мостик соединял башенку с вершиной.

Эйлии было жутко одиноко. Отец остался в Мирамаре, друзья уехали в Пустоши. Только Ву и Лира поехали сюда с нею.

Она стояла и смотрела, как меняется свет от золотого к розовому на восточных стенах башен и склонах гор, когда у нее за спиной раздался чей-то голос, и Эйлия слегка вздрогнула.

— Драконы — повелители Ветра и Волны, — произнесла благородная дама Синдра тихим голосом. Она стояла в нескольких шагах за спиной девушки, тоже глядя на врата. — Но они же — повелители Эфира. Самые древние существа во всем Творении после самих Древних. Сказано, что они витают над жилищами богов в Небесах и парят над течениями магии, что невидимо струятся сквозь нашу физическую плоскость. Никто не смеет войти в царство Эфира без их согласия, и в умах их содержится вся мудрость веков, коей они могут одарить лишь тех смертных, которых сочтут того достойными. Немногие немереи были удостоены чести быть учениками лоанана. Но уже много столетий ни один арайниец не лицезрел ни одного лоанана. Сейчас драконов здесь нет. Хотя никто не знает, где может оказаться дракон.

Эйлия вздрогнула, вспомнив страшное превращение Мандрагора. Синдра посмотрела на нее внимательно.

— Мне говорили, что ваше высочество и ваши спутники видели драконов.

— Да. И надеюсь еще когда-нибудь увидеть. — Эйлия вспомнила золотого дракона, который ее спас. — Но тогда я думала, что они — всего лишь животные. Скажите мне, Волхв, из этих врат магия ушла навеки? Я слышала, что немереи не могут их открыть.

Синдра повернулась к башенке.

— Ах эти Врата Земли и Неба! В самих этих статуях магии нет: они то, чем кажутся, — просто резной камень. Врата служат знаком, указывают наличие трещины, которая ведет из этого мира на какую-то дорогу Эфира. Лоананы — стражи и главные пользователи таких троп, и потому многие называют их путями драконов, но большинство из них сделаны древними. Они состоят из квинтэссенции и работают на магии, а ведут они через Эфир, подобно сети дорог на любом из других миров прежней Империи. Но арайнийские врата закрыты лоананами давным-давно, и меранские тоже, и никогда люди из наших миров не войдут снова в плоскость Эфира.

— Но почему? — спросила Эйлия.

— Мне неизвестно. Несомненно, у лоананов были причины, достаточно веские для них. — Но Эйлия уловила возбужденный блеск серых глаз отвернувшейся Синдры. — Здесь холодно, ваше высочество, вам следует отправиться к себе в комнату. Вон ваша горничная вас ищет.

Эйлия последовала за Синдрой обратно к главному входу, где их ждала графиня Лира. Длинный каменный коридор был весь покрыт резьбой и фресками на сюжеты элейских преданий: крылатые создания, герои в колесницах, запряженных крылатыми конями или херувимами. Много было стилизованных изображений драконов — влетающих и вылетающих из нарисованных туч, держащих на чешуйчатых спинах воздушные дворцы, плывущих по морям с пенными гребнями. Из их тел исходили волнистые линии — может быть, стрелы молний или лучи магической силы. Синдра остановилась и рукой показала на фрески с изображением ангелоподобных фигур в величественном зале:

— А вот это — древние при небесном дворе. Рядом с троном Эларайнии стоит ее дочь Элмирия: она готовится к сошествию в мир смертных. — Одеяние крылатой фигуры было белоснежным, длинным, развевающимся, а в волосах — звезды, подобно лепесткам цветов, под ногами — лунный серп. — Она предсказала свое пришествие немерейскому мистику Зартору три тысячи лет назад. И предсказала, что бросит вызов аватаре Валдура.

Синдра показала на другую фреску, где та же фигура билась с огромным драконом.

Лира бросила на немерейку острый взгляд.

— Принцесса Элмирия присутствует здесь, — перебила она, — почему же вы говорите о ней в третьем лице?

Синдра склонила голову.

— О, непростительная глупость с моей стороны. Мне до сих пор странно, что та, о ком говорят самые древние письмена, ходит по земле в образе человека. Конечно же, ваше высочество, вы помните точные слова, которые говорили Зартору.

Эйлия, ничего такого не помня, сделала смущенный жест, боясь, что Синдра ждет от нее повторения этих слов. Это какое-то испытание?

— И теперь, когда вы явились во плоти, ваше высочество, — сказала Синдра, — окончательная победа над врагами в ваших руках, как написано. Ваша сила, не наша, спасет миры.

Эйлии снова стало неуютно. Ей послышался какой-то невысказанный вопрос в этих словах, даже вызов, быть может. И трудно было смотреть в агатово-серые глаза элейки.

— Простите, — сказала она, сворачивая в боковой коридор, — мне нужно идти. Я кое-что вспомнила...

— Ваше высочество! — окликнула ее Лира. — Разве вы не пойдете к себе?

— Одну секунду, графиня. Мне бы хотелось увидеть одну вещь сейчас, когда село солнце.

Эйлия быстро направилась к обсерватории по прохладному камню коридора. Под просторным куполом больше никого не было, и она села перед огромным телескопом с золотой облицовкой. Она уже много раз смотрела в него с тех пор, как приехала, разглядывая звезды и планеты, но чаще всего направляла этот дальновидящий огромный глаз в сторону Меры. Глядя на синие моря и знакомые континенты первой своей родины, она мучительно гадала, что там происходит. Где теперь ее приемная семья, беспокоятся ли о ней — или уже сочли ее погибшей?

Глядя сейчас в окуляр, она заметила, что телескопом недавно пользовались: объектив смотрел на тройку звезд в созвездии Дракона. Она уставилась на три светлые круглые точки, сверкающие на темно-синем поле, и попыталась себе представить их как могучие солнца, пылающие в небесах своих планет. Этот мир и Мера были лишь самыми мелкими королевствами. За пределами неба лежала огромная вселенная света и тьмы, огня и пустоты — Импе-

рия Звезд. Когда-то люди по-настоящему летали к этим чужим землям, ходили по ним, видели их чудеса...

Тихий звук шагов заставил ее оторваться от телескопа глазами и от небес мыслями. Рядом стоял мастер Ву, глядя на нее.

— На что вы смотрите, ваше высочество?

— Мастер Ву, — сказала она, поднимаясь и поворачиваясь к нему, — можете ли вы рассказать мне о звездах и планетах и про Империю, которая, как вы говорите, их объединяла?

— О Талмиреннии — Небесной Империи? Да, ваше высочество. Я собирался какое-то время вашего обучения посвятить космологии. Так что именно вы хотите знать?

— Все, — просто ответила она.

— Все? Гм! Это серьезное заявление, когда речь идет о космосе.

Он сделал какое-то движение рукой, и вдруг исчез круглый зал обсерватории — Эйлия и мастер Ву парили в звездном небе. Быстро глянув под ноги, Эйлия не увидела земли. Она знала, что это всего лишь наведенный мысленно образ, но иллюзия была полной.

— Оглянитесь, — велел наставник, слегка улыбаясь.

Она оглянулась — и ахнула. Точка наблюдения была поднята на много лиг над планетой. Вдалеке виднелся синий шар, испещренный узорами облаков — длинными лошадиными хвостами перистых облаков, предвещающих дождь, совсем не так выглядящих сверху, как снизу. И всего в нескольких лигах оказалась арка небес. Отсюда видно было, что она все-таки не сплошная, но состоит из многих слоев ледяных обломков, лежащих в плоскости экватора. Обломки всех размеров — от величественных бело-синих гор размером с Халмирион и до мелких градинок — висели в невесомости над планетой, будто волшебством помещенные сюда. Солнце палило, не ослабленное завесой облаков или воздуха, и лучи его сверкали на ледяных поверхностях, когда ледяные горы поворачивались и кувыркались на лету. Это и было причиной алмазного блеска, который так часто она видела над аркой... и тут, хотя окружающая действительнось не изменилась, но изменилась точка наблюдения: Эйлия вдруг поняла, что она смотрит не на мир, над которым воздвигли арку, а на планету, окруженную кольцом. В великой внешней Ночи Мирия смотрелась светло-синим полушарием, но виден был и пепельный блеск ее темной стороны при свете звезд, мшистые побеги растительности в нимбе солнечного света. Никогда больше Эйлия не будет думать о Мирии как о *луне*. Это полноправная, хоть и маленькая, планета.

— Ваш друг Велессан Странник очень многое понял неправильно, — объяснил Ву. — Он был человеком своего времени и находился в плену ошибочных маурийских теорий о концентрических хрустальных сферах, о планетной системе, в центре которой его мир, а не солнце. Но то, что представилось ему в его видении в храме, было достаточно реально — неверной была лишь его *интерпретация* виденного. В пророческом видении, подаренном ему прорицательницами, он вообразил, что движется внутрь Неба, хотя на самом деле он двигался *наружу*, в пространство.

Арайния исчезла. Вместо нее в пустоте вырос огненно-желтый шар.

— Что это? — спросила Эйлия.

— Аркурион, — ответил Ву, — ближайшая к солнцу планета. Не слишком приятное место: там идут дожди из кислоты, озера состоят из расплавленной серы, реки — из расплавленного камня. Но саламандрам это нравится.

— Они... они не люди?

Она тут же поняла, что вопрос глуп: ни один человек не смог бы жить в раскаленном тигле этого мира.

— Нет. Любопытные создания, похожие с виду на рептилий, с чешуйчатыми боками и чем-то вроде руна на спине, защищающего от солнечного жара. Когда-то ваш народ высоко ценил шерсть и чешую саламандр, потому что они устойчивы даже к пламени огненных драконов. Кроме того, молодые особи плетут коконы — из которых элеи делали легчайшую материю, выдерживающую самый свирепый жар.

Видите ли, ваше высочество, существовали архоны, имевшие пристрастие к определенной среде. Древние воистину были искусными оборотнями — они первые открыли это умение. Некоторым нравилась вода, другие любили парить в воздухе, а третьи — прятаться в глубинах земли. Ундинам нравился облик с рыбьим хвостом вместо ног. Кобольды, жившие на Валдисе, приобрели приземистое мощное строение, более удобное в мирах с высокой гравитацией, а сильфы, освоившие воздушные океаны, создали себе изящные тела и широкие легкие крылья. Те же, кто водился с обитателями Аркуриона, переняли их подобие и название: саламандры. Здесь, на Арайнии, они были серафимами — людьми с птичьими крыльями. Кое-кто из этих элементалов привел людей в свои миры — кроме, конечно, Аркуриона, потому что ни один человек там жить бы не смог. Получеловеческие потомки ундин, гномов и сильфов похожи были на своих предков-элементалов.

Желтая сфера исчезла, сменившись другой — ослепительно белой.

— Таландрия, мир ундин. Когда Велессан «прибыл» сюда, он увидел водную планету и подумал, что находится в небесном царстве, состоящем только из этой стихии. Но на самом деле, естественно, он видел лишь глубины мира, состоящего из одного океана. Такова была Таландрия в его время, когда здесь жил морской народ. Но Великая Катастрофа изменила ее путь вокруг солнца, и моря ее вымерзли. Может быть, какая-то жизнь еще копошится под саваном льда, или останки древних существ лежат нетленные в холодных трещинах. Но направимся дальше.

Эйлия узнала, что у каждой планеты своя уникальная атмосфера и свои характеристики и каждая из них так же безжизненна, как и предыдущая. На Валдисе — иссушенный скудный пустынный ландшафт поблескивал в ночи разбросанными камнями. Но, как сказал Ву, кобольдам и их потомкам это не мешало, потому что жили они не на поверхности, а в глубоких пещерах, согреваемых расплавленным ядром. По этой причине они не слишком пострадали в Катастрофе, но им пришлось променять свой мир на другие миры Небесной Империи, где еще не были вычерпаны залежи руд и самоцветов. Ианта, пусть и прекрасная золотом клубящихся облаков, была необитаема, как и ее пять голых лун.

— Верхние слои атмосферы Ианты способны поддерживать жизнь, — сказал Ву, — но мир этот газообразный, сложенный из облачных слоев. Это и есть «небо воздуха и облаков», в котором Велессан видел крылатых сильфов. Но они прилетали на Ианту лишь играть на ветрах верхней атмосферы, а жили они на лунах с твердой поверхностью, как у Арайнии, и были так легки, что летать им было просто. Но Великая Катастрофа разрушила эти маленькие миры, и сильфам пришлось их покинуть.

Потом он показал полеты длиннохвостых комет, выпущенных разрушительным проходом Азараха. Сорвавшись в незапамятные времена со своих мест на небе, некоторые из них только теперь пересекали пути внутренних планет, а столкновение с такой кометой было бы для мира смертельно.

— Это все началось еще до знаменитого пророчества королевы Элианы на Старой Тринисии, — объяснил мастер Ву, — потому что на самом деле она вовсе не пророчествовала, а только предупредила о том, что будет. Мы, немереи, ищем способ изменить курсы этих комет и обезвредить их.

За пределами чародейства и махинаций людей и лоананов, кажется, развивался конфликт более масштабный, более древний и

более страшный, начавшийся с первых правителей вселенной. Ву показал Эйлии пугающий ландшафт Азара, пустой и холодный под злобным солнцем. Над этой картиной нависло угрюмое лицо Азараха — в небе, цвет которого из-за разреженности атмосферы был почти угольно-черен. Красный карлик миллиарды лет давал лишь скудное тепло и едва различимый свет своей единственной планете, и отсюда Мера и Арайния были едва-едва видимы. Огромное солнце Аурии, согревающее эти планеты, было лишь далекой желтой звездой в небе Азара, и далекое ее сияние не могло дать ни капли тепла поверхности. Мелкая луна неправильной формы кувыркалась в небе, как запущенный великаном булыжник, но тоже света давала мало. Равнины пестрели оспинами кратеров и похожи были на безжизненную луну, но над ними возвышались разрушенные стены строений, а почву вблизи усеивали кости созданий, живших так давно, что эти кости превратились в камень. Невдалеке Эйлия увидела скелет с черепом и все еще не отвалившимися конечностями; позвонки образовывали крепкую колонну с торчащими отростками, на тяжелом черепе выступали надбровные дуги, массивные челюсти выдавались почти звериной мордой. Но все же чем-то этот скелет кошмарно и гротескно напоминал человеческий.

— Это... это животное? — спросила Эйлия. — Большая обезьяна?

Но она знала, что это не так. Среди костей валялось оружие, большие каменные топоры, и один из них — неподалеку от руки скелета.

— Нет, — ответил Ву. — Это были люди — или их предки. Их называли троллями. Все расы моругеев происходят от людей, которых давным-давно вывезли на планету, называемую Омбар. Со временем жители Омбара... изменились. Одни говорят, что они смешались с архонами зла, другие — что изменились из-за условий этого мира. Многие расселились по другим планетам, включая Азар, который тогда был форпостом империи Валдура. Они вымерли, когда Азар прошел через кометное облако.

Эйлия не могла оторвать глаз от скелета. Мысль, что эти существа — ее родня, пусть даже очень далекая, наполняла ее ужасом и восхищением. Ву махнул рукой, и страшная сцена исчезла. Снова они плыли в звездной пустоте.

— За системой нашего солнца лежит кометное облако, а дальше — ничего, кроме Великой Ночи, пока не доберешься до ближайшей звезды. Звезды, как вы знаете, не вечны, хоть это утверждают поэты. У них есть свой срок жизни, как у людей, животных и

деревьев: просто они существуют очень долго, миллиарды лет. Возраст звезды определяется по ее цвету. Молодые звезды — голубые, потом они постепенно белеют, желтеют и, наконец, остывая, становятся красными. Потом некоторые сжимаются в тлеющие угли, а другие — большие, быстро вращающиеся и не имеющие собственных планет — взрываются и разбрасывают вещество по галактике, способствуя этим созданию новых планет. Есть такие, что превращаются в бледные звезды-призраки, или... — Он запнулся. — Если пристально посмотреть на созвездие Модриана-Валдура Энтар — Большой Червь, — можно увидеть звезду, называемую Лотара.

— Я ее знаю. Хвост Червя. Недалеко от звезды, называемой Глаз Червя, потому что, как считается, Валдур пожирает собственный хвост.

— Если вы посмотрите на Лотару в ваш большой телескоп, увидите, что она не круглая, как другие, а имеет странную форму.

Из звездного поля выплыла пара звезд, пылая ярче — ближе. Одна была красна, как раскаленный уголь в очаге, другая — светло-синяя с белым. И вторая звезда привлекла внимание Эйлии, потому что была вытянута или сдавлена до формы яйца или капли, и с острого конца высовывался язык огня, текущего сквозь пустоту, а потом в конце заворачивался кольцом.

— Видите? Энергия этого солнца вылетает из него с этого конца, а потом... исчезает.

Что-то в его голосе заставило девушку поежиться и закутаться плотнее в меха.

— Исчезают? Как это? Как может исчезнуть огонь звезды?

— Дело в том, что ее пожирают.

Тут уж Эйлия перепугалась, не понимая почему. Будто тень легла на ее разум.

— Пожирают? Кто или что? — спросила она тихо, будто не зная, хочется ли ей услышать ответ.

Он ответил не сразу, будто ему не хотелось говорить.

— Вы слышали легенды о Валтаре, черной звезде? Так это не легенды. Бывают в космосе такие вещи. Помните старую маурайнийскую басню о прожорливом чудовище, которое в конце концов пожрало само себя, пока не осталось ничего, кроме разинутой пасти? Некоторые звезды — их очень немного — делают что-то вроде этого. Они не взрываются в конце жизни, а коллапсируют, сжимаются. Такая звезда поглощает сама себя, собственный огонь и свет, и свет других звезд, и все, до чего может дотянуться. Валтара — звезда такого типа, черная звезда. Ее нельзя увидеть, потому что она ничего не излучает. Но когда она присасывается к сфере

своей звезды-спутника Лотары, она окружает себя светом украденной энергии, и это кольцо огня выдает ее местонахождение.

Эйлия невольно глянула на пылающий круг в конце потока. У него был черный центр, как жерло водоворота, и оно невольно притягивало взгляд, увлекало.

— И вот, — сказал Ву, — она называется Пасть Червя. Некоторые называют ее Пасть Ада.

Эйлия ощутила, будто качается на краю ямы. Она читала все мифологические упоминания Модриана-Валдура и о темном царстве Погибели, где он правит. Некоторые старинные авторы описывали ее как бездонную черную яму, а художники рисовали в виде разверстой пасти чудовища. Адовой Пасти. Действительно есть такое место? Валдур царствовал там сперва как ангел, если верить преданиям, потом как отвратительный дракон с короной на голове. Это тоже может быть мифом, а может и не быть. Ей вспомнилось, что говорил Мандрагор о древних и их способности менять облик, о крылатой форме, которую принимали они на Арайнии и на Мере, об их невероятно долгой жизни. Значит, может быть и правда в этих кошмарных фантазиях? Валдур, говорил Мандрагор, и вправду существовал, а Ана говорила о враге так, будто он до сих пор жив. Но разве может какое бы то ни было создание жить тысячи тысяч лет?

— А Валдур... он существует? — спросила она.

— Я думаю, он существовал. Создание, которое мы называем Модрианом-Валдуром, существовало много веков назад, так давно, что его история потерялась в мифах и легендах. Он жил в те времена вместе с теми своими сородичами, что тоже стали потом легендами.

Эйлия спросила слабым голосом:

— А эта черная звезда — она все поглотит? И наш мир, и весь космос?

— Нет, ваше высочество. Она может переварить лишь то, что попадает ей в пасть. Пока мы не будем подходить близко, нам ничего не грозит.

Эйлия глубоко и с облегчением вздохнула: темная дыра в небесах уже стала наполнять ее ужасом. И по-прежнему трудно было оторвать от нее взгляд. Ву махнул пухлой ручкой, изгоняя образ и удаляя звездное поле, и они вернулись в обсерваторию.

— Но такие звезды очень редки. Большинство подобны тем, что видны в ночном небе, изливающим свет в космос. Свет есть жизнь: наши предки это почувствовали, когда увидели, как растения вянут без света и люди чахнут без солнца. Ваше солнце — звез-

да, и звезды — солнца, многие обладают планетными системами, где может существовать жизнь. Без звезд не было бы не только света во вселенной, но и планет, а потому и живых существ. Дело в том, что планеты рождаются во чреве звезд, а живые существа на них пестует свет. Такова природа вещей: свет есть жизнь и бытие, а тьма — смерть и небытие. Это не поэтическая метафора, это реальность.

— На Мере, — сказала Эйлия, — почитатели Модриана закапывались в пещеры под землю, чтобы никогда не видеть ни света, ни мира, который он освещает.

— Да, такова философия валеев: ненависть к творению. Некоторые из их главных чародеев мечтали когда-нибудь уничтожить сами звезды — погасить весь свет, а потому — всю жизнь, изгнать ее из космоса. Но вы дрожите, ваше высочество, — заботливо заметил Ву. — Может быть, вам стоит уйти к себе и согреться?

— А Камень Звезд, — спросила Эйлия, уже шагая с мастером Ву по коридору, — это действительно творение архонов?

— Это объяснило бы легенду о его создании. Сокровище богов.

— Он кажется почти живым, — сказала Эйлия.

Мастер Ву задумался.

— У драконов есть кристаллы драконтия, входящие в состав тела. Но Камень Звезд — не живой, я полагаю. Это искусственно изготовленный Камень — старейший искусственный Камень в нашей вселенной. Не только его грани, но даже кристаллическая решетка сделаны по продуманному проекту. А его вещество кажется подобным алмазу, «хрусталю архонов».

— А сияющий свет?

— Этого я объяснить не могу. Сила какого-то рода, не из нашей плоскости.

Они приблизились к комнате Эйлии. Она отворила дверь в скромную келью и подошла к столику возле кровати. Открыла алебастровый футляр, в котором лежала драгоценность. Ее вынули из королевской короны и положили на обивку синего бархата. Ву вошел следом, и оба они в молчании уставились на самоцвет. Камень лежал, поблескивая огромной каплей воды: в нем не было изъянов — ни трещины, ни цветовые вкрапления не нарушали его совершенной прозрачности. Сейчас он не светился своим лишенным тепла сиянием, будто успокоился. «Камень» — слишком грубым казалось это слово для такого исключительного предмета. Только игра света и отражений на гранях делала его доступным глазу, будто это был воздух, обрамленный радугой, но при этом

алмаз ломался об его края. Он просто существовал, отвергая все объяснения.

— Я его почти что боюсь. Не могу понять, зачем из всех людей выбрали меня. Я не могу его защитить и не смею использовать.

— Вам не предназначено его защищать — совсем наоборот: это он создан, чтобы защитить вас. Как — я не знаю. Не думаю, чтобы содержащуюся в нем силу можно было использовать во зло, хотя вещество, из которого он сделан, все же принадлежит материальной плоскости и потому само по себе не является ни добром, ни злом — как всякий камень. Этим самоцветом может владеть кто угодно — иначе ни Модриан-Валдур, ни зимбурийский царь Гуруша не могли бы его присвоить. Наши враги желают его у нас похитить, и мы не знаем зачем, потому что использовать его они не могут. Может быть, они просто хотят, чтобы сила, в нем содержащаяся, стала вам недоступна.

— Когда я его трогаю, происходят странные вещи, — сказала Эйлия.

— Какие?

— У меня возникают... странные ощущения. Образы в голове, ускользающие, когда я хочу их рассмотреть. Вы пытались когда-нибудь, проснувшись, вспомнить сон, а это не получается? Вот такие вот. Предсказательницы мне говорят, что духи, хранящие Камень, посылают мне видения. Если так, то хотелось бы, чтобы они говорили яснее.

Но Эйлия вопреки своим словам ощутила облегчение. Когда Ву говорил о Камне так спокойно и обыденно, Камень переставал быть загадочным и пугающим. О нем можно рассуждать, даже, быть может, объяснить.

— В ночь большой бури в Мирамаре, я думаю, Камень как-то овладел мною.

— В некотором смысле так оно и было. Мы с Аной ощутили, что он пропускает сквозь вас энергию Эфира. То есть энергию, посылаемую из Эфира кем-то или чем-то неизвестным.

— Я не умею призывать свою силу по желанию, как немереи. Просто что-то происходит, и у меня нет над этим власти. Мастер, магия меня пугает. Что, если я, пользуясь ею, сотворю что-то ужасное?

Ву снова улыбнулся.

— Если это ваша самая большая тревога, — сказал он, — то я бы не стал об этом беспокоиться.

— Но сейчас я все равно ничего не могу сделать. Я даже не умею слышать мысленно, как Лорелин, а она это много лет делает.

— Вы понимаете каанский язык, принцесса? — вдруг спросил Ву.

— Каанский? — повторила Эйлия, озадаченная сменой темы. — Да нет. Лорелин на нем разговаривает, и Дамион немножко знает, а я — ни слова.

— Очень интересно. Потому что, видите ли, именно на нем я сейчас с вами говорю, и говорю уже двадцать минут. И вы каждое слово понимаете. — Она повернулась к нему, разинув рот. Он рассмеялся. — Видите? Вы уже слушаете мысленно, а не только ушами. Вы ощущаете мысль в оболочке произнесенных слов. Может быть, испытания раннего детства заморозили развитие ваших способностей. Или ваша мать своей силой подавила их, чтобы вы на Мере не выдали себя в младенчестве, используя магию. — Он запнулся. — Эйлия... я вам должен сказать одну вещь.

Лицо у него было, как всегда, невозмутимое, но что-то в его голосе Эйлию насторожило.

— Что именно, мастер? Что вы должны мне сказать?

— Некоторые немереи считают, что ваша мать вообще не была человеком.

— То есть они считают, что она была богиней?

— Не совсем так. Они думают, что она могла быть архоном.

— Архоном! — ахнула Эйлия.

— Да, последним. Несколько сотен лет назад на Мере, вероятно, еще жили последние из Древних — отсюда все ваши легенды о детях, зачатых от демонов, фей или падших ангелов. Древних тогда уже было мало, но раса вымерла не до конца. Один из них мог принять образ и подобие человека. Отсутствие у вашей матери родственников и ее неимоверные силы склоняют к мысли, что она могла быть одним из уцелевших архонов — может быть, даже *вождем* архонов этого мира. Ибо она взяла имя Эларайния и приняла титул королевы.

Эйлия села на кровать и схватилась за голову.

— Моя мать не была человеком! — Живописный портрет золотоволосой женщины поплыл у нее перед глазами. Ее мать — Древняя, архон. Как это может быть? — Но... но кто тогда я? — крикнула Эйлия в отчаянии.

Ву сел рядом и положил ей на плечо пухлую ладошку.

— Ну, ну! Я же не говорю, что это правда, и уж точно никто этого не может знать наверняка. Но я думал, что лучше будет вам знать.

Она сидела, отвернувшись от него.

«Я в это не верю. Не верю».

6
Дракон и феникс

— Войдите! — сказал Мандрагор.

Роглаг повиновался не сразу: в тоне принца слышалось что-то такое, от чего гоблин покрылся гусиной кожей. Он отворил тяжелую дверь и сделал три шага в комнату, но тут же резко остановился. Мандрагор сидел у широкого полированного стола из черного дерева, стоящего на лапах с когтями у дальней стены, и внимательно читал какой-то выцветший свиток пергамента. Свинцовые переплеты окон за ним были распахнуты настежь, некоторые разбиты, и осколки стекла поблескивали на каменном полу. А пол был забрызган кровью.

Мандрагор заговорил спокойно, не поднимая глаз:

— Если ищешь своего посланца, то его здесь нет. С ним произошел несчастный случай. Честно, Рог, мог бы сообразить, что не стоит посылать меня убивать кое-как обученного зимбурийца.

— Убивать? — Роглаг рухнул на колени в неподдельном ужасе. — На тебя кто-то напал? Но я никого не посылал!

На полу лежал кинжал — Роглаг его только заметил, — и лезвие его блестело среди осколков.

— Избавь меня от оправданий, Рог. Он сказал, что ты его послал. — Гоблин потянулся взять кинжал, и Мандрагор добавил, попрежнему не поднимая глаз: — И острие смазано ядом — я смотрю, ты мои уроки усвоил.

Роглаг отдернул руку от оружия.

— Честно говорю, это не я! — взвыл он.

Наконец-то Мандрагор поднял глаза и посмотрел острым взглядом:

— Ладно, поверю на этот раз, что ты говоришь правду. Но если не ты, кто тогда?

— Кто-то, кто не сообразил, это ясно!

Мандрагор поднялся, хмурясь.

— Валеям моя смерть ни к чему, Халазару тоже нет смысла меня убивать, да он вообще верит, что я бессмертный дух. Значит, кто-то из его бесчисленных врагов? Но ведь если бы кто-то смог заслать убийцу в Йануван, первой жертвой стал бы сам царь.

Роглаг задрожал.

— Не знаю, кто это, но меня он тоже ненавидит! Он хотел, чтобы я оказался виновен, если ты выживешь!

— Это не обязательно означает личную неприязнь к тебе: он тебя мог выбрать просто козлом отпущения. Я тут кое-что должен выяснить. А ты поищи стекольщика: пусть починят разбитое окно.

Мандрагор вздохнул вслед выскочившему гоблину. Значит, есть еще один враг, неизвестный. Не слишком большая неприятность, но все же ненужная. Кусачая муха в момент битвы с опасным врагом — мелочь, но может помешать сосредоточиться. Надо будет что-то с этим сделать, но сейчас есть заботы более срочные.

На Арайнию снова был послан вызов, и снова ничего не произошло. Эйлию *необходимо* вытащить с Арайнии, и поскорее — пока не кончилось ее обучение в Мелнемероне. Немора, новый престол его власти, будет лучшим местом для столкновения с ней: у него будет явное преимущество. Но более чем маловероятно, что ее удастся туда заманить: ее стражи никогда этого не допустят, и в любом случае не нужны ему ее армии на его планете. Лоанеи достаточно перетерпели, и нападение на их родной мир им не нужно. Мера вполне подошла бы — с Халазаром в качестве приманки: Эйлия должна поверить, что предназначенная судьбой битва ждет ее в этой сфере, и должна там оказаться, пока ее немерейское умение еще не окрепло. На самом деле она его не очень тревожила — пока что: сейчас она с почти трогательной неуклюжестью пыталась понять свою силу и научиться ею управлять. Чем-то она напоминала орленка, большеглазого, нескладного, покрытого пухом, который путается в собственных лапках и хлопает зачатками крыльев в пародии полета. Жалкое создание; и убить ее сейчас — мало удовольствия. Но хотя он предпочел бы сразить матерого орла в расцвете сил, в честной битве двух равных умений, Мандрагор знал, что должен нанести удар раньше. После всех этих столетий заманчиво было бы применить свою силу против по-настоящему достойного противника, но он не прожил бы столько столетий, если бы рисковал без необходимости.

И уговаривать себя быть терпеливым он тоже уже не может. Время поджимает: он должен знать, что происходит на Арайнии.

Сев на низенький диван и положив руки на колени, он сделал несколько глубоких вдохов — не сосредоточиваясь для медитации, но наоборот — посылая собственные мысли прочь из тела, в Эфирную плоскость, где могут встречаться разумы.

И она ответила в быстром повиновении, потому что оба они знали, что такая передача — риск. Немереев на Арайнии много, и любой из них мог перехватить такое эфирное послание. Он не стал посылать в тот мир свой образ — вместо этого она пришла к нему, ее эфирная форма соткалась перед ним в недвижном воздухе ком-

наты подобно призраку. Высокая женская фигура, одетая в красное, с ниспадающими темными волосами.

Придворная дама Синдра Волхв.

— Приветствую, принц, мой господин, — произнесла она, склоняя голову.

— Вы несколько месяцев не докладывали, — сказал Мандрагор. — Как она развивается?

Синдра изменилась в лице.

— Я сделала все, чтобы замедлить ее обучение. Я делала вид, что посылаю ей в разум слова и изображения, и выражала удивление, что она ничего не видит и не слышит. Но у нее есть дар, и этот старый учитель Ву раскрывает его. Самое большее, что я могу сделать, это создавать у нее впечатление, что силы ее непостоянны, в чем-то они действуют, в чем-то нет. Простолюдины с колыбели слышат сказки о чудесной Трине Лиа, — голос ее стал желчным, — и приучаются поклоняться ее человеческому воплощению. Я сама верила, что Дочь Матери, приняв плоть, явится могущественной и величественной, живой богиней, полной сил, а не жалким птенцом, претендующим ныне на трон Халмириона!

«А про себя ты ей все равно завидуешь, — подумал Мандрагор. — Ты бы сменила свое великолепное тело на ее, чтобы хоть раз почувствовать силу, которой она обладает, и ощутить обожание толпы».

Синдра говорила дальше:

— Она не истинная Дочь, как она может ею быть? Как могут люди не видеть, кто на самом деле эта мелкая самозванка, рвущаяся к власти? Нас всех обманули, обманула она и ее безбожные родители, а люди слепы! Они думают, что никогда в жизни не видели ничего более чудесного, и она купается в их обожании и сама верит в собственную ложь! Ее появление в городе приманивает несчетные толпы глазеющих паломников, а купцы жиреют и богатеют. Те, кто противостоит ее правлению, немногочисленны, несмотря на все мои усилия.

— Тогда следует заставить ее покинуть эту планету. Вы получили свиток от лоанеев? Никто не видел моего дракона, который его доставил?

— Никто. Свиток был там, где вы сказали, и я передала его предводителю немереев. Они теперь знают, как открыть врата неба и земли и послать армию на Меру. Но Элиана не позволит Эйлии возглавить идущую в бой армию, да у нее и нет такого намерения. Она желает уничтожить вас и всех валеев, но пока не решается на попытку. Эйлия все так же слаба и труслива, несмотря

на магию: она пошлет на смерть других, но сама жизнью рисковать не станет.

— Тогда я потерпел неудачу. Моя единственная надежда была, что возвышение вскружит ей голову и сделает неосмотрительной.

— Есть и другая надежда, принц. У нее есть еще одна слабость, которую вы можете использовать. Я следила за ней и узнала еще одну ее тайну. Эта девушка совершенно прозрачна, когда дело касается именно этого. Она думает, что никто об этом не знает, но она влюблена в священника, Дамиона Атариэля. Достаточно видеть ее лицо, когда произносится его имя. И я знаю, что он подумывает вступить в армию. Если вы захватите этого Дамиона, она будет полностью в вашей власти. Ради него, я думаю, она сделает все.

— Очень хорошо. Но сейчас так же далеко до этого священника, как и до самой Эйлии. Продолжайте за ней наблюдать. Но будьте предельно осторожны, ее окружают очень сильные немереи, и они могут догадаться, что у вас на уме.

Призрак снова поклонился и исчез. Мандрагор какое-то время сидел неподвижно, глядя в пространство. Очень удачно вышло, что Синдра честолюбива и стремится к власти: в ней нетрудно оказалось пробудить зависть. Повинна в этом меранская кровь ее отца, ибо она обрекла Синдру на меньшую силу и более короткую жизнь, чем у чистокровных элеев. Если бы она воспитывалась среди меранцев, то могла бы возвыситься, но она росла на родине своей матери, среди элеев, чья сила превосходила ее. Уже одно это могло быть достаточным, чтобы она выросла такой.

А тут еще появилась эта Трина Лиа, на которую излилось обожание всей планеты, — Эйлия Элмирия, отец которой тоже был меранским полукровкой. Однако маги и правители со всей Арайнии съезжались поклониться ей, когда она была еще младенцем, и авгуры объявили, что ее немерейская сила не уменьшится из-за крови ее отца, но будет столь же великой, как у ее матери. Синдра не могла не возненавидеть этого вундеркинда, и ржавчина зависти стала разъедать ей душу, превратившись со временем в жгучую ненависть, такую острую, что Синдра с помощью своей силы обратилась через Эфир к одному из старейших врагов Арайнии, тому единственному, который мог быть угрозой для Трины Лиа.

Архонесса Эларайнии почувствовала что-то, потому что покинула свой мир, прихватив с собой свое человеческое дитя. И для Синдры было величайшим потрясением, что Эйлия вернулась на

свой трон. Она начала за ней шпионить и оттого стала опаснее для себя и для Мандрагора: в конце концов она себя выдаст, и маги Мелнемерона обнаружат ее с ним связь.

— Мандрагор!

Он вздрогнул, услышав мысленный голос, поднял глаза и увидел нового призрака: маленькая хрупкая фигурка с волосами такими же белыми, как ее платье. Он вскочил, глазам своим не веря. *Элиана!*

— Чего тебе нужно, старуха? — спросил он сурово, подавляя страх. Не подслушала ли она его разговор с Синдрой?

— Я пришла к тебе призвать тебя пересмотреть твой образ действий, — ответила она спокойно. — Мандрагор, ты приближаешься к точке, откуда уже не будет возврата. Вернись к нам, к немереям. Еще не поздно, даже сейчас.

Она ничего не сказала о Синдре — значит ничего о ней не знает. Элиана теряет силу: было время, когда ничто не ускользало от нее. Он всмотрелся в постаревшее лицо, вспоминая его молодым, и вместе с этими воспоминаниями пришли и другие: тихий голос, длинные волосы у него на щеке, объятия, в которых было так спокойно... Со злобой встряхнувшись, он отогнал воспоминания. Не ради любви спасла она его, сказал он себе, но ради своих драгоценных принципов, а еще — чтобы смягчить его и подчинить себе.

Мандрагор посмотрел на явление холодным взглядом.

— Бесполезно, Ана, — сказал он. — Ты утратила власть над моей душой. Я никогда к тебе не вернусь.

При этих словах призрак Аны будто слегка расплылся, но когда она заговорил, голос прозвучал твердо.

— Мандрагор, я вскоре возвращаюсь на Меру. Мне не хочется воевать с тобой, но не сомневайся: я стану сражаться, если ты не оставишь мне выбора. Причинить вред Трине Лиа я тебе не позволю.

И она исчезла, оставив его в азарте какого-то предвкушения, за которым пряталась боль потери. Но оба эти ощущения он отбросил.

«Наконец. Наконец я от нее свободен».

Флот Халазара готовился отплыть. Против одной только Армады Содружество устояло бы, но сейчас у царя-бога была поддержка в виде армий из моругейских миров. Эти армии Содружество не могло надеяться разбить — даже один вид таких тварей, давно изгнанных в царство мифов, лишит мужества любого маурийского солдата.

Узнав это, Йомар вернулся в совет Арайнии, на этот раз в официальном статусе назначенного Эйлией генерала, и решительно заявил, что нельзя стоять в стороне, когда страдает братская планета. Одно дело — не сражаться за себя, совсем другое — не слышать чужой мольбы. Из Мелнемерона пришли новости, что немереи узнали наконец, как открыть воздушные врата в Эфир: Синдра Волхв, как говорилось, нашла давно утерянный свиток, содержащий древние предания. Совет после долгих обсуждений неохотно согласился, что армию можно переправить на Меру с помощью немереев, по пути, ведущему за эфирный портал. Но никаких боевых действий. Само присутствие этой армии в Зимбуре заставит перепуганных подданных Халазара восстать против него и свергнуть, при этом армия даже ни одной стрелы не выпустит. Йомару пришлось пойти на этот компромисс. Но он добился от совета разрешения для войск сражаться ради собственной защиты в случае нападения сил царя-бога, одновременно организуя эвакуацию на родную планету.

Те, кто обучался на паладинов, принесли официальные обеты в храме Мелнемерона, стоя в полном боевом вооружении и в плащах-мантиях ордена. Всю ночь они держали бдение при свечах перед алтарем Элмира, молились над своим оружием, а на рассвете Эйлия посвятила их в рыцари. Стоя перед алтарем — золотой птицей, держащей на крыльях мраморную плиту, — она взяла с этой плиты церемониальный меч и коснулась склоненной головы каждого из коленопреклоненных рыцарей. Меч был легок, так как не предназначался для боя, и лишь один раз задрожали руки Трины Лиа на его драгоценной рукояти. И в голосе ее тоже послышалась дрожь при словах:

— Встань, сэр Дамион Атариэль!

После церемонии придворная дама Синдра Волхв предложила всем гостям совершить прогулку по склону горы.

— Я покажу вам храмовую рощу, где тысячелетние деревья растут выше башен, и много еще других чудес, — сказала она.

Эйлия сменила официальное платье и венец на простую одежду для прогулок и вместе с отцом и друзьями последовала за Синдрой и мастером Ву вниз, к опушке.

— Армия будет здесь через день-другой. А эти чернокнижники действительно могут переправить меня с моими людьми аж до самой Меры? — спросил Йомар.

— Немереям удалось снова открыть проем во вратах, — ответил ему Ву. — Пустота опять стала проходимой, хотя к добру или к беде, еще предстоит нам узнать.

Тирон улыбнулся.

— Мастер Ву, я считаю себя человеком достаточно ученым, но просто не могу понять эти ваши эфирные переходы. Вы мне говорите, что они здесь, и в то же время их здесь нет. Как это может быть?

— Гм... — Ву наморщил лоб. — Позвольте мне небольшую аналогию, ваше величество. Представьте себе, что вселенная — это огромный круглый фрукт. Теперь представьте себе, что все существа материальной плоскости — это крошечные муравьи, ползающие по его кожуре. Они ничего не знают о внутренности фрукта, знают лишь внешнюю поверхность, кожуру. Однажды один из муравьев натыкается на дыру, проеденную каким-нибудь предприимчивым червяком, и входит в длинный туннель, пробитый в теле фрукта. Он ползет по нему через сердцевину и наконец вылезает из другой дыры в конце туннеля и оказывается на другой стороне плода. Остальные муравьи поражены, увидев своего собрата, возникшего из ниоткуда. Он им рассказывает про дыру от червяка, рассказывает, как по ней полз. Они поражены — ведь *ничего* нет, кроме кожуры, говорят они, и нет способа попасть с той стороны фрукта на эту, не проползя по его поверхности. И что это странное создание называет непонятным словом «внутри»? Насекомому-авантюристу никто не поверит, пока сам не проползет в дыру и не увидит туннель.

— Кажется, я понял, — ответил Тирон, подумав. — Да... материальная плоскость — это кожура, Эфир — внутренность, а эти ворота — вход в проеденный червяком ход, путь дракона.

— С помощью которого мы можем обогнуть материальную плоскость, как тот муравей обогнул кожуру. Но есть и другой вопрос, ваше величество: где расположен центр этого плода?

Король удивился:

— Центр? В сердцевине, естественно.

— Вот именно! И вы теперь понимаете, что муравьи, никогда не бывшие внутри фрукта, никогда и не видели центр вселенной: для них у нее центра нет. То же самое и у нас. Материальная плоскость центра не имеет, потому что представляет собой только часть реальности. Сердцевина всех вещей лежит не в ней, но вне ее. Можно всю жизнь лететь через Великую Пустоту и не достичь ее.

— Тогда не только наши армии могут достичь Меры, но и любой из нас может отправиться на любой мир Талмиреннии?

Ву склонил голову в знак согласия.

— И все же Эфир таит многие опасности, и весьма мудро будет не входить в него без проводника-немерея.

При этих словах Эйлию кольнула досада — она знала, что ей такое путешествие не светит. В грядущие годы через эти врата будут проходить посланцы других миров, но для Эйлии еще какое-то время — десятилетия, наверное, — путь этот будет закрыт. Ее долг — оставаться здесь, в безопасности, учась наращивать свою силу и тем защищать народ Арайнии. Но летать за пределы неба, в другие солнечные системы, к чужим солнцам и планетам! Видеть людей, с которыми уже сотни лет никто из уроженцев Меры или Арайнии не общался... Опять она, как давным-давно на Большом острове, отрезана, посажена в клетку, лишена странствий и знаний, к которым стремится ее дух.

«Если бы я только не была той, кто я есть! Может быть, все-таки это ошибка, и даже сейчас они ошибаются? Если во мне, в моих силах, нет ничего особенного? Я же как личность вполне ординарна. И что мать моя была из архонов — это чушь...»

Она честно старалась разбудить дремлющие способности, усердно училась и впитывала эликсир амброзии, который навевал ей сонные видения — они могли быть правдой, а могли и не быть. Она научилась владеть своим телом, как и умом, по своей воле управлять всеми ритмами его жизни — от дыхания до течения крови в жилах. Волосы у нее отросли, падали почти до бедер — небольшая вольность, которую она с некоторым чувством вины себе позволила. Столько нужно было исследовать новых путей, столько проверить своих новых возможностей, что по временам она терялась. И неизбежно присутствовало искушение: так легко было тайно проследить за кем угодно. Можно было точно знать, где сейчас Лорелин и Дамион, например, вместе они или нет... И хотя Эйлия не поддавалась этому соблазну, бессонницей она из-за него мучилась. Путем долгих сеансов медитации под пристальным наблюдением ей удалось восстановить несколько очень ранних воспоминаний: лицо матери и ее голос, катание на мохнатой спине собаки-имитатора под снисходительным взглядом Бении, тогда еще молодой. Она смогла вспомнить, как поднимали ее руки отца, чтобы показать фейерверк в честь дня рождения... давно забытые сцены раннего детства, куда более драгоценные для нее, чем любые успехи в чародействе. Только однажды она осмелилась увидеть будущее — так велик был ее страх перед ним. В глубоком трансе под амброзией она увидела фигуру Мандрагора, одетую в царственные одежды, стоящую вроде бы на крыше огромной башни. В темном небе над ним висела полная золотая луна — луна какого-то чужого мира, как решила она, и при свете этой луны лицо Мандрагора было

ясно видно. Он смотрел прямо на нее, и в нечеловеческих глазах горели вражда и ненависть.

При этом воспоминании Эйлия задрожала. Ву пытался потом ее успокоить, объясняя, что не все видения будущего сбываются: они не предопределены, это просто «проекции вероятности», вырастающие из текущих ситуаций и событий. Она от всей души надеялась, что Ву прав, что ей никогда не придется встретиться с этим ужасом лицом к лицу. Но если придется, ей точно понадобится вся сила, которую она сможет обрести, куда больше, чем есть сейчас.

«Я даже драться не умею, не то что Лорелин».

Эйлия вздрогнула. Она уже давно утратила представление о войне как о деянии возвышающем и героическом. Рассказы Йомара о битвах, в которых он сражался, полностью его рассеяли. Сейчас при упоминании войны в воображении всплывали сцены кровопролитий и хаоса: дым, мелькающие копья, смятение, орущие лошади и вопящие люди, мертвые тела, разбросанные на вытоптанной земле. Иногда ей хотелось быть какой-нибудь великой риаланской королевой-воительницей, храбро летящей на колеснице в окружении своих войск прямо в гущу битвы. Беда в том, что у нее, как она сама понимала, слишком богатое воображение для хорошего воина. Она будет заранее переживать не только свои раны, но и те, что нанесет своим врагам, и горе и раскаяние после этого! Она припомнила страдания Дамиона в лесу Тринисии после убийства антропофагов. Как можно жить, зная, что отнял жизнь человека, даже врага, даже при самозащите?

А эти молодые рыцари и солдаты Арайнии, только что завершившие обучение, — они понимают, *что* им когда-нибудь придется делать?

— Большинство. Но некоторые до сих пор думают, что все это игра, — ответил Йомар, когда она задала этот вопрос вслух.

Эйлия вздохнула.

— Они еще так наивны, они все думают, что война — это потрясающее приключение. Я очень рада, что у нас есть ты, Йо. Ты — единственный испытанный воин во всем этом мире, единственный, кто может сказать нам, что делать и чего ждать. Правда, любопытно: эти боевые испытания были для тебя ужасны, но ими спасутся бессчетные массы людей в двух мирах. Истинный спаситель ты, а не я. — Вдруг в горле у нее застрял ком, она импульсивно обернулась и обняла его. — Возвращайся, Йо, возвращайся целый и невредимый, прошу тебя!

— Постараюсь, — ответил он, смущенный такой демонстрацией чувств.

— А как там Лори? — спросила Эйлия, быстро меняя тему. — Она все еще хочет быть солдатом?

Эйлия помахала рукой высокой блондинке, что шла рядом с Дамионом. Лорелин не присутствовала на церемонии посвящения в рыцари и появилась только на пикник из-за своего «ослиного упрямства», по выражению Йомара.

Он тяжело вздохнул:

— Похоже, она все еще надеется, что я сдамся и возьму ее на Меру. А я не возьму. Дело все-таки может кончиться войной, а война — не женское дело.

— Риаланские женщины воевали плечом к плечу со своими мужчинами, давным-давно, а у меня такое чувство, что Лори по происхождению риаланка. Наверное, это у нее в крови.

Лорелин заметила, что они на нее смотрят.

— Я все равно думаю, что ты не прав, что меня не берешь, — сказала она.

— Женщины не воюют, — буркнул в ответ Йомар.

— Единственная цель моей жизни — защита Трины Лиа. Так сказала Ана.

Лорелин повернулась, указывая на старую меранскую королеву, которая шла неподалеку в сопровождении своей серой кошки.

— Ты ее уже защитила, заменив собой там, на Мере. Это Ана тоже говорила.

Лорелин встала перед ним, скрестив руки на груди и сверкая глазами.

— Она не говорила, что это все, что мне предстояло сделать. И я все еще понятия не имею, кто я и кто были мои родители. Как я оказалась в каанском монастыре? Откуда я узнала, что моя Цель — спасти кого-то другого? Я хочу вернуться на Меру и найти там ответы.

Йомар пожал плечами.

— Может быть, когда-нибудь ты туда полетишь. Но не сейчас и не воевать. Если ты погибнешь в бою, ты никогда своих родных не найдешь. И вообще Эйлия сказала, что ты решила вступить в ее дворцовую стражу.

При этих словах лицо Лорелин слегка прояснилось.

— Да, я завтра возвращаюсь в Мирамар для обучения и чтобы мундир подогнать. Но это не то же самое: мне там не придется увидеть битву. Вряд ли вообще когда-нибудь враг прорвется к Элдимии.

Произнеся эти исполненные пессимизма слова, она повернулась и зашагала прочь.

Ана подошла, когда они еще спорили, но в разговор вступать не стала. Затуманенные глаза будто устремились куда-то вдаль, к местам и событиям, совершенно к данному моменту не относящимся.

— Боюсь, я тоже должна лететь, — сказала она, помолчав. — Немереи Меры не смогут воевать с Мандрагором одни.

— Ана, ты не можешь нас оставить! — воскликнула Эйлия. — Ты мудрее всех нас. Я надеялась, что ты останешься здесь и поможешь нам!

— Прости, дорогая, — ответила старая волшебница, нежно кладя руку ей на плечо. — Но Мера — моя родина, и я нужна ей. Однако не страшись: я оставляю тебя в самых надежных руках. Здесь есть силы, вполне способные противостоять Мандрагору и его союзникам.

Эйлия только глядела на нее с отчаянием, не в силах ответить.

Они вышли на поляну, где водопад падал в горное озеро, и к нему собрались на водопой звери и птицы. Такая сцена могла бы разыграться на Мере, в Антиподах. Но звери были незнакомые: собаки-имитаторы, длинношеие камелеопарды, похожие на миниатюрных жирафов, четырехрогие музимоны и напоминающие антилоп-гну катоблепазы, покрытые, подобно броненосцам, чешуей. Посреди озера бултыхалось семейство бегемотов — здоровенные серые звери с тяжелыми головами и тупыми рылами с торчащими неровными зубами. И птицы: сверкающие пурпурные трагопаны, увенчанные не короной перьев, а похожим на рог костным выступом, белые каладруизы, выгибающие грациозные лебединые шеи. Они бродили среди зверей, даже нагло вспрыгивали им на спины. Когда люди приблизились, один зверь поднялся из воды и пошел им навстречу. Зверь напоминал рысь — если только может быть рысь величиной со льва. Йомар выругался, и рука его сама собой потянулась к оружию, которое он сегодня даже не думал надевать.

Мастер Ву удержал его руку.

— Это всего лишь гулон. Он не причинит тебе вреда: он не похож на ваших меранских зверей, мастер Йомар. В этом мире нет плотоядных существ, если не считать падальщиков.

Огромный кот смотрел на людей с любопытством и без малейшего страха. Теперь, когда они тоже перестали бояться, стало видно, что зверь прекрасен: длинная роскошная шерсть, тепло-золотистый окрас. Кошка Аны бесстрашно подошла к гулону и подняла голову, тыкаясь розовым носом в морду зверя. Он обнюхал ее,

махнул длинным пушистым хвостом, повернулся и побрел обратно в воду.

Эйлия и ее молодые меранские друзья смотрели и дивились. Отличие этого мира от их родного заключалось не только в непривычных формах зверей. Мир и покой, царившие здесь, были нормой, не временным перемирием из-за общей нужды в воде, но нерушимым и постоянным миром. Дикие звери наклонялись к воде попить, будто целовали свое отражение, и не оглядывались нервно, не вздергивали настороженно головы, пили сколько хотели, ничего не боясь. Худощавый леопард улегся у края воды, лакая длинным языком. Будь это меранский зверь, шкура его несла бы защитную окраску, позволяющую подкрадываться к добыче. Но здесь ему не нужно было охотиться, чтобы выжить, и леопард был весело раскрашен павлиньими оттенками, радужными пятнами на белоснежной шкуре. Пара удодов, самец и самка, беспрепятственно переходили дорожку, сопровождаемые выводком птенцов. Самочка была такая же цветастая, как самец, за ней тянулся шлейф перьев. На Мере оперение у нее было бы тускло-коричневым и серым, чтобы не выдавать ее, когда она сидит на яйцах. Но здесь, на Арайнии, защитная окраска была просто не нужна.

— Но ведь звери должны размножиться сверх меры и начать голодать? — спросил в недоумении Йомар у Ву.

— Отнюдь. На Мере живые существа лихорадочно размножаются, потому что скоро им предстоит погибнуть, а из детенышей тоже выживут немногие. Арайнийские создания такой необходимости не испытывают. Они размножаются только для поддержания численности и живут куда дольше меранских. Их цель — не просто выживание, но радость бытия.

— На Мере хищники убивают слабых и больных, — возразил Йомар. — Это улучшает стадо — усиливает его.

— Не сомневаюсь, — улыбнулся Ву. — Но здесь у нас множество растений с лечебными свойствами и источники с регенеративной силой, укрепляющие защитные силы организма против болезни. Такие же источники есть на Нумии, меранской луне: Эйлия сама в таком умывалась.

— Да, — подтвердила девушка. — Это вроде горячего источника, и от той воды я... взбодрилась как-то. И еще — там был замок странного вида. Это не постройка архонов?

— Без сомнения, — согласился Ву. — Нумия была среди их колоний. Они своей силой преобразовали ее из мертвого спутника в плодородную гостеприимную планету. То же самое они сделали с

вашей маленькой луной Мирией. Но Нумия была опустошена Великой Катастрофой и с тех пор необитаема.

— Я там даже чуть ли не видела кого-то в замке — кто-то высокий шел по двору. Наверное, мне почудилось.

— Вполне возможно, что некоторые существа еще ее посещают. Давным-давно Нумия использовалась как некий аналог карантина, где меранцы отмывались в целительных источниках перед прибытием на Арайнию. Так гарантировалось, что они не занесут в эту сферу свои болезни. И арайнийцы тоже как следует купались в своих водах перед тем, как пуститься через пустоту на Меру.

Любопытно, подумала Эйлия. Как будто эта планета — живая, сознательная сущность, активно действующая от имени своих обитателей. Она в своей сфере сопротивляется хищничеству, болезням и другим источникам страданий и каким-то таинственным влиянием преобразовала живущих на ней людей в добрых и почти святых арайнийцев. Она сама по себе была живым существом, огромным, сложным, со многими личностями. *Мать*, подумалось Эйлии, и ей показалось, что она поняла наконец теологию почитающих богиню элеев.

Интересно, что обо всем этом думает Дамион. Он все время, пока они шли, молчал, едва отвечая на вопросы, будто погруженный в какой-то спор с самим собой. Она подумала, каков мог бы быть источник этого конфликта, но не хотела обращаться к Дамиону прямо и потому повернулась к Йомару:

— А... а Дамион? Он на самом деле летит с вами на Меру?

— Надеюсь, — ответил Йомар. — Я бы хотел, чтобы он был рядом, потому что ему уже приходилось драться с зимбурийскими солдатами.

Она вздрогнула от образов, нахлынувших на нее при этих словах.

— Ты думаешь, там действительно будет бой?

— Надеюсь, — снова ответил он. — Что-то надо делать с Халазаром. В конце концов, он представляет для нас угрозу, и даже если бы не представлял, нельзя сидеть сложа руки и дать ему захватить всю Меру.

— Йо, ты меня устыдил, — сказала Эйлия, глядя на собственные руки. — Да, конечно, нужно помочь людям Меры, даже воевать, если потребуется. Я только... мне хотелось бы, чтобы был какой-то другой способ.

— Да не волнуйся так, — успокоил ее Йомар, неправильно поняв ее волнение. — Тебе воевать не придется. Для этого есть мы.

— Тогда что от меня пользы? — с отчаянием произнесла Эйлия.

Никто ей не ответил.

Не в силах более выносить собственные мысли, она отвернулась и пошла в рощу. Никто за ней не последовал, поняв, очевидно, что ей нужно побыть одной. В конце концов, в этих рощах ей ничего не грозило: ни ядовитые змеи, ни жалящие скорпионы, ни клыкастые хищники. Прошагав несколько минут, Эйлия остановилась и огляделась. Деревья на диких склонах росли настоящие арайнийские: раскидистый тенистый периндеус, ветви которого всегда дрожат и переливаются от крыльев порхающих голубей, привлеченных ароматными белыми цветами, древо жизни, где, переплетаясь, рассыпаются по темной коре ствола цветы и плоды, как звезды и золотые солнца. На Мере Эйлия и ее друзья видели деревья этой породы, но на меранской почве они растут низкие и тощие, здесь же — высокие и мощные, как могучие дубы. Сейчас она пораженно смотрела на необъятные стволы, что взметались в небо в облаках развевающейся листвы, опускала взгляд на мощные корни, похожие на лежачие меранские деревья. Будто лес из волшебных сказок, где живут великаны. Здесь, под сучьями, листья превращали свет солнца в игру зеленого золота. Непрестанное жужжание, которое Эйлия поначалу отнесла на счет насекомых или сверчков, исходило от густой листвы какого-то другого дерева, трепетавшей на ветру. И к хору этих поющих рощ присоединялись и другие звуки. Горный поток, питавший озеро, шумел невдалеке водопадом. Вода — всегда вода, где бы она ни была, и поет она здесь так же, как и на Мере. От этой мысли становилось спокойнее.

И еще — пели птицы. В этом горном лесу, кажется, не было пернатых меньше голубя и тусклее попугая, и все они пели, и каждая песня была так мелодична, так звучна, так полна чувства, что казалось, будто это не просто обращение к подругам и соперникам, но истинное пение, как у человеческих менестрелей. Одна песня более других привлекла внимание Эйлии, выделяясь из общего музыкального фона птиц, воды и листьев как чистый однотонный инструмент, доминирующий в оркестре. Такой настойчивой была эта песня, такой радостной, так живо повторялся ее припев из пяти нот, что Эйлия не могла избавиться от фантазии, будто поет не просто птица, но какое-то разумное существо, радующееся мощи и красоте своего голоса. Она машинально пошла на звук через подлесок, выискивая его источник.

Наконец ей удалось увидеть певца, сидящего на мшистой ветке гигантского периндеуса футах в тридцати от земли. Птица была размером с орла, но по строению напоминала фазана — длинные

хвостовые перья свисали подобием королевского шлейфа. Тело и голову покрывали алые перья, вдоль по шее сбегал золотистый гребень из перьев, тонких, как волосы женщины. Кроющие перья крыльев были желтые, перья поменьше — алые, под стать оперению тела, главные и дополнительные перья хвоста переливались фиолетово-синим. Под кроющими перьями висели невероятно длинные зеленые перья плюмажа, усыпанные павлиньими «глазами». Плюмаж, как у многих тропических птиц, казался нарисованным: подсвеченный единственным лучом солнца, он пылал всеми цветами радуги.

Сидели на сучьях и ветвях и другие птицы, но они были молчаливы и неподвижны, будто зачарованные пением.

Эйлия стояла и глазела, заслушавшись в восторге, но тут ветер пошевелил верхушки, и зеленые кроны взревели, как морской прибой. Все птицы, в том числе певец, тут же вспорхнули, на миг закрыв небо сверкающей радугой. Эйлия смотрела им вслед, разинув рот. Что могло бросить их в этот сияющий полет?

«На Мере, — подумала девушка, — я бы сказала, что их что-то вспугнуло, но здесь же такого не может быть...»

И тут неожиданно раздался шум, свист, и листва над головой вспыхнула пламенем.

Эйлия попятилась, потрясенная, не в силах оторвать глаз от пылающих сучьев. Разноцветная птица металась над головой, песня ее сменилась пронзительными отрывистыми криками. Что-то огромное, темное хлопало крыльями в небе, раздался раздирающий душу рев, и еще одно дерево охватил огонь. Что-то летало над кронами и поджигало их. Эйлия глянула вверх и увидела огромный силуэт, черный на фоне солнца, похожий на невероятную летучую мышь.

Огненный дракон.

Он поджигал лес, пытаясь окружить Эйлию стенами пламени. С верхних ветвей сыпались угли, задымились опавшие листья. Эйлия сначала остолбенела, но потом с криком животного ужаса подхватила юбки и бросилась туда, откуда пришла, не понимая, что этого и добивалось чудовище: выгнать ее на открытое место, где она станет легкой добычей.

Выбегая на альпийский луг, она вроде бы слышала тревожные крики, но очень далекие, слишком далекие, чтобы те, кто издавал их, могли бы прийти на помощь... Сейчас она вырвалась из огненной западни, но зато оказалась на виду, беззащитная.

Эйлия рванулась вперед, но длинные юбки путались в ногах, потом она пошатнулась, чуть не свалилась от порыва ветра, а крыла-

тая тварь поджигала траву вокруг, хлопая кожистыми крыльями. Девушка не удержалась и обернулась посмотреть.

Чудовище взмыло вверх с горного луга, оставив вонь дыма и падали. Когда-то в Тринисии она видала скелет огненного дракона — теперь этот скелет ожил, облачась в темную чешую. Для огненного дракона он был маловат, всего лишь чуть больше слона. Но вид у него был омерзительный: в отличие от лоананов у этого существа не было мохнатой гривы или остроконечных ушей, а было оно полностью покрыто чешуей. Тело сверху угольно-черное, снизу — кроваво-красное. Жар его дыхания обжигал как из печи, и воздух дрожал перед гигантской пастью зверя. У его ног съеживалась и горела трава.

Эйлия снова попыталась бежать, не веря на самом деле, что сможет удрать от чудовища или ускользнуть от выдыхаемого пламени.

— Спасите! — крикнула она хрипло. — Спасите меня!

Послышалась мелодичная трель — откуда-то с неба. Эйлия подняла глаза и увидела ту многоцветную птицу, чье пение недавно зачаровало ее в лесу. Она спикировала вихрем золотого и красного прямо в лицо девушки, и Эйлии пришлось уворачиваться от ее клюва и когтей. Горное озеро было прямо перед ней вместе со зверями, которые только начали разбегаться в стороны. Эйлия вильнула, чтобы не упасть в воду, но птица снова спикировала на нее, и девушка с криком свалилась в озеро. Вынырнула, отфыркиваясь и пытаясь отвести волосы от глаз. Над ней парила птица, молотя крыльями воздух. Эйлия сжалась, но птица больше не проявляла враждебности.

А была ли враждебность? Что, если птица загнала ее в воду намеренно, чтобы спасти от огня дракона?

Черное чудище снова развернулось в ее сторону, изрыгивая струи пламени, и птица снова бросилась вниз с пронзительным воплем, запорхала над головой. Но Эйлия уже сделала глубокий вдох и нырнула.

Когда ей стало уже невозможно больше задерживать дыхание, она вынырнула, на этот раз медленно и осторожно, выглянула меж камышей на краю озера. Птица все еще кружила над ней, будто не замечая, как это опасно и для нее тоже. В реве огненного дракона послышались такие нотки ненависти, что Эйлия нырнула снова. Донеслось рычание и новый порыв ветра, и огненный дракон глянул вверх — слишком поздно. Что-то огромное и сияющее спикировало сверху и оказалось между ним и его жертвой.

На миг показалось, будто само солнце спустилось на поляну, — так ярко горело огромное существо, спустившееся с небес. В полном изумлении Эйлия узнала золотого дракона, что спас ей жизнь на Тринисии. Он резко спустился, хлопая крыльями, и приземлился прямо перед огненным драконом. Тот зарычал в ярости и изрыгнул клуб оранжевого пламени.

Имперский дракон не шевельнулся. Глядя на летящий к нему огонь, золотистый зверь заревел с вызовом и насмешкой. Языки пламени налетели на невидимый барьер, стали распадаться, рассеиваться в воздухе, так и не дойдя до цели. Огненный дракон вытаращил глаза — при всей его силе и свирепости эта тварь не отличалась большим умом, — а золотой встал на дыбы и опустил когтистые передние лапы на спину врага, прижав его к земле. Бешено колотя хвостом, огненный дракон зашипел и задергался в попытке освободиться. Как-то он сумел поднять уродливую голову и попытался вонзить зубы в переднюю лапу противника. Золотой дракон отдернул ее, и огненный дракон сумел вывернуться и ударить когтями в бок своего врага. На глазах затаившей дыхание Эйлии ее заступник отпрыгнул в сторону, а огненный дракон развернулся и бросился к ней — сплошная черная пасть, пышущая жаром.

Но золотой дракон крепко прижал передней лапой хвост черного дракона и остановил его, когда тот еще и полпути до Эйлии не преодолел. Черный извернулся с криком, снова нападая на лоанана. Золотой дракон нанес удар, от которого враг покатился по земле. На этот раз из его ноздрей уже вырывалось не пламя, а лишь поток темной крови. Огненный дракон испустил долгий, прерывистый вздох, крылья конвульсивно дернулись. И он застыл.

Имперский дракон встал над ним. Распахнув пасть, он испустил громкий рев — то ли гнева, то ли триумфа. И вдруг начался дождь: грибной дождик при солнце из туч над вершиной горы. Он падал только на лес, гася очаги огня в зелени.

Птица вытянула шею вверх и снова запела. Потом она метнулась вниз и села рядом с драконом. Что-то будто замерцало, и — Эйлия моргнула — птицы больше не было. Рядом с драконом стояла миниатюрная рыжая женщина.

— Лира! — прошептала Эйлия. Ее фрейлина — оборотень!

Она обернулась к дракону. Его форма тоже менялась, превращалась в туманное сияние в воздухе, потом исчезла, и там, где он стоял, остался лишь пульсирующий бледный свет. Он тускнел, ста-

новился плотнее и превратился наконец в маленького старичка в белой мантии. Мастер Ву.

— Непростительная небрежность, Аурон, — сказала Лира, указывая на мертвого дракона огня. — Этот был молодой, слава богам, иначе могло быть куда хуже. Я и представить себе не могу, откуда он взялся. Но в будущем нам надо быть бдительнее.

Эйлия выбралась на берег, подошла к двум знакомым фигурам. Они замолчали, обернувшись к ней.

— Вы... — выдохнула она, глядя на мастера Ву, — вы были... драконом, который меня спас на Элендоре! Только это был не дракон, это все время были вы! А вы... — она повернулась к Лире, — вы тоже немерей! Я видела, как вы меняли облик!

— Мне кажется, что вы в плену заблуждения, ваше высочество. — Человек, которого она называла Ву, прокашлялся. — Да, мы немереи, но не люди. Я — тот, кого вы только что видели, имперский лоанан. И действительно, истинный облик Лиры — тот, что вы только что созерцали, тот облик, который она носит в своем мире.

Эйлия вытаращила на фрейлину глаза.

— В своем мире? — прошептала она.

— Я происхожу из рода т'кири, людей-птиц, — пояснила Лира, и ее лицо и голос были такими же спокойными и почтительными, как всегда. — Из огненных птиц, или фениксов, как иногда называет нас ваш род. Этот нелепый облик всего лишь личина для меня.

Ву улыбнулся.

— Он нелеп лишь потому, что ты его таким сделала. Вполне понятно, что для тебя клюв — признак красоты, но должен тебе сказать, что люди в большинстве своем не в восторге от длинных носов.

Лира бросила на него неприязненный взгляд.

— А ты, Аурон? Тебе действительно необходимо притворяться фигляром?

— Эйлия!

Принцесса обернулась на голос. По все еще дымящейся роще к ней спешили ее придворные, а впереди бежал бледный Тирон, за ним Йомар и Лорелин. Следом за ними шли Дамион, Ана и несколько немереев. При виде мертвого дракона Синдра побелела и остановилась как вкопанная.

— Ой... это что? — воскликнула Лорелин, таращась на свернувшееся кольцами чудовище.

— Огненный дракон, — ответила Ана так спокойно, будто речь шла о погоде.

Тирон подошел к трупу и с ужасом оглядел его.

— Давно уже подобные существа не появлялись в нашем мире. Я мог бы поклясться, что ни одного такого не осталось.

Ана кивнула:.

— Огненные драконы вымерли и на Мере, и на Арайнии много веков назад. Этот, я думаю, пришел извне — из какого-нибудь мира, захваченного Валдуром.

Пока все стояли, глазея в зачарованном ужасе на мертвое чудовище, Ана подошла к Ву и Лире. Серая Метелка уже была рядом с ними и терлась об их ноги в знак явного одобрения.

— Дракон и феникс, — сказала Ана. — Твои небесные покровители, Эйлия.

«Откуда она знает? Ее же здесь не было, когда они превратились», — подумала Эйлия.

— Я не говорила раньше, потому что очевидно было, что вы не хотите раскрывать эту тайну. Но я так понимаю, ваш народ теперь убежден в том, что она — Та Самая? Так, лоанан?

— Я убежден, ваше величество, — ответил Ву с поклоном. — И надеюсь теперь убедить и других. Будь у меня хоть малейшие сомнения после бури в Мирамаре, нападение вот этого существа, — Ву показал на огненного дракона, — их бы развеяло. Наши враги боятся Эйлии, и одно это уже подтверждает то, в чем я давно убедился. — Он повернулся к принцессе и опустился на одно колено. — Ваш слуга, ваше высочество, отныне и навсегда.

— Как и я, — добавила Лира, изящно приседая. — Если будет ваше соизволение, ваше высочество, я останусь у вас на службе, и мы с Ауроном отныне пребудем вашими телохранителями.

Эйлия раскрыла рот, но ничего не смогла сказать.

— Тогда я могу вернуться на Меру, — Ана нагнулась и подобрала кошку, — к той работе, что там меня ждет.

— Лоананы с радостью доставят тебя в твой родной мир, — произнес человек, который не был человеком, поднимаясь с колен. — Не страшись за Эйлию. Лоананы признали ее, и вся Империя последует нашему примеру. Среди ее сторонников будет множество людей с далеких миров.

Он еще раз поклонился в сторону Эйлии. И какое-то время на горном лугу слышалось лишь пение птиц да журчание потока. Потом Синдра Волхв тихо вскрикнула, резко повернулась и побежала в лес.

7
Врата неба и земли

Аурон пронизывал облака с приятным ощущением возвращенной свободы. Как приятно было снова принять свою естественную форму после столь долгого пребывания в тесном и ограниченном облике человека! На миг он отдался чувству полета, рычанию ветра в ушах, бесстрашному падению сквозь толщу атмосферы. Он вырвался из облачного слоя в чистый воздух, вышел из пике и выровнял полет, расправив крылья на все их шестьдесят аршин, и стал планировать над лунной поверхностью.

Мирия когда-то была безвоздушной пустыней, как свидетельствовали ее бесчисленные кратеры. Но мощнейший приступ волшебства в древние времена создал условия обитания для дышащих существ, превратил кратеры в круглые озера и озерца, одел сухую землю плодородной почвой для зеленых растений — если можно так назвать растения, которые на самом деле были светло-синими. Аурон скользил в воздухе над лунным лесом, над гигантскими деревьями, отбрасывающими еще более гигантские тени на синие луга, потом спустился к кратерному озеру, где лежали, полупогрузившись в воду, несколько лоананов. Когда до земли оставалось меньше длины крыла, он расправил маховые перья и опустился, мягко приземлившись на кончики когтей. Прозрачный разреженный воздух и резко очерченный горизонт создавали ощущение, будто он сел на горное плато. На гребне каменной гряды стояли два столба драконьих ворот, и на холме подальше поднимал к небу точеные башни мраморный дворец. В темно-синем небе висела Арайния, ярко-лазурная с освещенной стороны, окруженная мерцающими кольцами, и ее отражение переливалось в воде кратерного озера. Как красиво смотрятся планеты из пустоты, подумал он, и какими хрупкими они кажутся, будто их можно смять неосторожным прикосновением, как яичную скорлупу, расплескать бесценную жизнь, хранящуюся в ней.

Он прошел по пологому склону кратера и приблизился к императору, развалившемуся возле берега круглого озера. Орбион поднял глаза, и Аурон принял драконью позу подчинения, вытянув передние лапы и опустив голову к земле.

— Ваше величество, у меня есть доказательство, которое вы искали.

Император Орбион складчатым хвостом плеснул себе воды на серебристый бок.

— Рассказывай.

— Доказательством, которое я хочу представить, является молодой огненный дракон. Он напал на Эйлию в окрестности академии Мелнемерона. Если бы Талира и я не оказались рядом, она, несомненно, погибла бы. Мы едва не потеряли ее. Сотни лет уже ни один огненный дракон не живет на Арайнии, и не может быть случайностью, что этот выбрал Эйлию мишенью для своего нападения. За этим стоят наши враги, в чем я уверен. Они страшатся ее, и это доказывает ее подлинность.

Синие глаза задумчиво прищурились.

— Ты говоришь, что она едва не погибла. Как это может быть, если эта твоя принцесса была причиной великой бури в Элдимии? Будь она воистину Триной Лиа, разве не могла бы она противостоять любому огненному дракону — тем более молодому?

Золотой дракон смотрел на правителя, не отводя глаз.

— Принцесса сама молода, и ее сила еще не раскрылась. Бурю она вызвала не по собственной воле: это была бессознательная реакция на страх перед Морлином и его союзниками. Когда огнедракон напал, она оцепенела от столь близкой опасности, у ее разума не было времени отреагировать. Это еще одна причина, чтобы защитить ее. И она теперь знает, кто я, ибо я не мог спасти ее, не обнаружив своей истинной формы. Далее скрываться нет смысла. Сын Неба, невозможно теперь сомневаться, что она — та, кого мы ждали. Талира в этом убедилась, и уже некоторое время назад. Народ т'кири признает Эйлию как Трину Лиа. Давайте же возобновим связи с людьми, снова примем их в нашу Империю.

Император и его гвардия зашевелились в воде, взбив в пену ее безмятежную синеву. Отражение Арайнии задрожало и поплыло, разбиваясь на осколочки света. Аурон отвернулся, глядя на стоящий поодаль белый дворец. Арайницы задумали его как дополнительную резиденцию для предсказанной предводительницы, как место отдыха на покрытой садами луне, носящей ее имя. Но до окончания строительства Лунного дворца разразилась Великая Катастрофа, и строители-люди более не могли вернуться в эту сферу. Это неправильно получилось, подумал Аурон, и в нем зашевелилась злость. Это просто расточительно — вот так заключить их в их собственных разделенных мирах, отрезав от лоананов и друг от друга.

— Люди все еще беспокоят меня, Аурон, — произнес наконец император драконов. — И те их деяния, что я видел на Мере, это беспокойство увеличивают. Они опять собираются воевать друг с

другом, пока их миры не превратятся в пустыни. И я слышал, что теперь открыты ворота близ Мелнемерона.

— Да. Одна из немереев, придворная дама Синдра, нашла средства их открыть. Я говорю «нашла», но выходит, что ей помогал кто-то в поисках этих старых знаний. Когда провалилось нападение огнедракона и я открыл свою суть, она сбежала из дворца. Мы все думали, что она всего лишь испугалась, но потом видели, как она бросилась в портал, который раскрылся, чтобы ее принять. Что с ней сталось, мне неизвестно — Эфир полон опасностей, и она, быть может, никогда из него не вернется. Но я подозреваю, что огнедракона позвала она, и она велела ему найти Эйлию. Причем я не думаю, что она была бы в состоянии проделать такое своими силами. У меня есть уверенность, что ее совратил Морлин. И потому я молю ваше величество: позвольте мне защитить Эйлию, потому что он обязательно опять нанесет удар. Позвольте мне доставить ее в один из наших миров, где ей ничего не будет грозить.

Долгая пауза. Орбион размышлял, Аурон нетерпеливо ждал.

— Хорошо, — сказал наконец император, поднимаясь из озера и отряхивая влагу с крыльев. — Да будет так, как ты просишь. Смысла хранить тайну больше нет. Возьми девушку под защиту и охраняй не за страх, а за совесть. А другим лоананам я скажу, что они могут открываться арайнийцам.

— Уж кто-кто, но Синдра Волхв! Кто мог подумать, что она предаст? Немерейка, родилась на Арайнии, кто бы мог подумать?

Король Тирон взволнованно расхаживал по комнате.

— Я должна была предусмотреть, — сказала Ана. — Я же знала, что Трину Лиа будут осаждать все виды зла, что есть на свете.

— И этот самый Ву, который вообще не человек! — Тирон передернулся. — И Лира, прислужница Эйлии...

— Да. И это наше счастье, что они оказались друзьями, а не врагами. Но надо сознаться, я их обоих какое-то время подозревала.

— И ничего не сказала? — воскликнул Тирон.

Ана с безмятежным лицом продолжала гладить кошку.

— Не моя это была тайна, и не мне ее выдавать.

— Невероятно! Здесь никто, даже самые высшие маги, не умеют перекидываться, — сказала Эйлия.

Она тихо сидела в кресле возле окна, слушая спор Аны с отцом.

— Но эта практика хорошо известна на Мере и на Арайнии, как подтверждают ваши старые предания, — ответила Ана. — Маги людей научились этому от архонов.

Эйлия снова замолчала. Ей не хотелось размышлять о способностях архонов менять облик. Еще с тех пор, как Ву впервые сказал о неприятной теории немереев, она почувствовала себя еще дальше от утраченной матери, ощутила даже легкое отчуждение от себя самой. Утренние мысли о том, кто она такая, сменились мыслями о том, *что* же она такое. Если эта теория верна, то она утратила не только прежнее свое имя Эйлии Корабельщик, но и саму свою человеческую суть. Отец, когда она ему об этом сказала, заявил, что не верит. «И я не верю», — продолжала она твердить в своем сердце. Но ум не хотел оставить этот вопрос в покое.

— Шпионы — повсюду шпионы и предатели, всех видов и форм! — воскликнул отец. — И как нам надеяться оборонить Эйлию?

«Я — Трина Лиа, — подумала девушка. — Это мне полагается всех оборонять».

Тут кто-то тихо постучал в дверь. Знакомый голос окликнул:

— Ваше высочество?

Голос мастера Ву — *нет, не Ву*, напомнила она себе.

Дверь отворилась, и за ней стоял низкорослый пухлый маг, а рядом с ним Лира. Эйлия внимательно посмотрела на них. Лира была одета в пунцовое платье и пелерину из золотистого меха гулона. Старый колдун был облачен в ярко-синюю мантию, вышитую серебряными рунами, а поверх набросил шкуру леопарда в радужных пятнах. Такая же меховая шапка сидела у него на голове чуть набекрень. Это он нарочно так оделся, чтобы она чувствовала себя свободно? Как взрослый, собирающийся играть с ребенком? Эйлия смотрела, не в силах оторваться, на тоненькие линии морщин, расходящиеся от его глаз, на чахлый клок белых волос, выбившихся из-под шапки. Потом перевела глаза на ухоженные ручки и роскошные рыжеватые волосы Лиры. Все, все говорило ей, что перед нею — два человеческих существа, но они оба старше, чем может прожить человек, даже элей, даже Ана — и действительно, в человеческом образе они были старше любого живого существа на Арайнии, кроме разве что деревьев в горных лесах, накопивших тысячи годовых колец.

— Я уж не знаю, как вас теперь называть, — сказала она, отводя глаза.

— Ваше высочество может по-прежнему называть меня Лирой, если пожелает, — ответила женщина. — Мое имя — Талира, что очень похоже по звучанию.

Имя она произнесла так певуче, что Эйлия вспомнила птичью песнь.

— А меня зовут Аурон, — произнес мужчина. — Это настолько близко к истинному произношению, насколько способен человеческий язык. В моей родной речи оно звучит примерно как рычание льва: Орр-ронг.

— Хорошо, пусть будет Талира и Аурон. — Тирон стоял и смотрел, как человек-дракон садится в пустое кресло. Талира осталась стоять, сложив руки, — идеал образцовой фрейлины. — Скажите, давно ли вы... следите за моей дочерью?

— Я слежу за ней, — ответил Аурон, — с того самого дня, как доставил ее на Арайнию. Талира — не столь долго.

Эйлия перевела взгляд на женщину-птицу:

— Да-да, ты же появилась два года назад? И Аурон исчез, оставив меня в Халмирионе. — Она повернулась к нему: — А когда ты был Ву, я тебя лишь изредка видела.

Он улыбнулся.

— Но я не все время был Ву. Я принимал множество форм помимо этой, человеческой. Иногда я был птицей в ветвях у тебя над головой, карпом в пруду, пятнистой ящерицей на стене.

— Ты *шпионил* за ней! — воскликнул Тирон.

— Боюсь, что да. Но причины тому были достохвальные. Я полагал, что вашей дочери грозит смертельная опасность, и вы теперь видите, что я был прав. Мой правитель запретил мне показываться в истинном облике, и даже в человеческом виде я не мог быть с нею повсюду, так что приходилось принимать и другие формы.

— Но я на Мере видела твою истинную форму, — сказала Эйлия.

Он снял пятнистую меховую шапку и стал бессознательно вертеть ее в руках.

— А, да, тут уж я ничего не мог поделать. Принц Морлин держал меня в плену холодным железом, и я не мог изменить облик.

— А я думала, что он тебя приручил как верхового зверя. И не знала, что ты — мыслящее существо, как и я. Не обижайся, но я думала, что ты — всего лишь зверь.

Он взмахнул пухлой ладошкой.

— Я не обижаюсь. Я оказался на Элендоре, чтобы встретить твой отряд. Херувим, который надзирал за Тринисией, предупредил нас, лоананов, что какие-то люди хотят отыскать Камень,

и я знал, что может означать осуществление древних пророчеств. Поэтому я сразу же вылетел на Меру. И еще я хотел отогнать мятежных лоананов, которые летали вокруг Священной горы, хотя тогда и не знал, что ими предводительствует принц Морлин в образе дракона. Когда я прилетел, он спрятался, а потом захватил меня, когда я отдыхал в развалинах храма, где ждал тебя и твоих спутников. И он сковал меня во сне холодным железом. Он весьма хитер.

Круглое лицо помрачнело.

— Он знает учение немереев и совратил с пути немало приверженцев Белой Магии, людей и лоананов, переманив их на свою сторону. Он прожил много сотен ваших лет и за это время накопил множество знаний. Мой народ одно время надеялся изловить его и связать железом, как он связал меня на Элендоре, но ему каждый раз удавалось ускользнуть, а сейчас он нашел себе сильных союзников среди тех, кто служит Валдуру. Ни в коем случае нельзя недооценивать его, ваше высочество, как и переоценивать вашу способность ему противостоять.

Но тут мрачное выражение на лице Ву сменилось улыбкой, и он воскликнул:

— Но что это я? У вас же есть много и других вопросов к нам обоим!

Эйлия посмотрела на отца, на Ану.

— Есть. Но я не знаю, с чего начать.

Аурон сделал рукой неопределенный жест.

— Начните с чего угодно, и посмотрим, к чему мы придем.

— Ну хорошо... почему вы решили мне помочь там, на Элендоре?

— Когда Морлин меня приковал, я не мог убежать или мысленно связаться с херувимами. Они решили оставить Камень там, где он лежал, поскольку это была идеальная проверка той, кому он принадлежит: выбрать священный самоцвет среди массы драгоценных камней сокровищницы. Когда ты освободила меня, я, конечно, мог уже обратиться к ним. Они сказали, что ощутили прикосновение к Камню, но не знают еще, кто его коснулся. Я не видел тебя с камнем, но подумал, что ты можешь оказаться той, кого мы ждем. Я бы в любом случае тебе помог, раз ты меня освободила, но решил, что лучше всего будет доставить тебя на Арайнию — остановившись сперва на луне для очищения. Однако херувимы были по-прежнему не уверены. В конце концов, после некоторых споров, они решили доставить Камень на Арайнию, как и твоих спутников, и чтобы ты прошла испытание там. Если бы ты не доказала

свое право, они бы вернулись за ним и отнесли бы его обратно на Меру — ожидать истинного хозяина.

— У меня есть вопрос, — сказал Тирон. — Почему лоананы все это время прятались от людей, хотя нам были бы очень полезны ваши знания?

— Мы прячемся не от всех людей, сир. Есть ваши сородичи, живущие ныне среди звезд, дальние ваши родственники на далеких мирах, с которыми мы поддерживаем тесный контакт. Это от мереев, жителей Меры, и их близкой родни на Арайнии нам велено скрываться и разрешено лишь наблюдать за ними издали.

— После Великой Катастрофы, — добавила Талира, — народ Меры отверг чародейство, опасаясь, что это оно навлекло на людей гибель. В каком-то смысле они имели право бояться, поскольку всегда есть те, кто употребляют магию во зло. Также говорилось в те времена, что, если применение магии станет обыденным, люди обленятся и перестанут трудиться, не будут зарабатывать себе на хлеб, и честный усердный труд перестанет быть в почете.

— И это правда, — согласилась Ана. — Опасности магии так же велики, как ее дары.

— Правитель моего народа рассудил, что мы слишком активно вмешивались в историю Меры, — продолжал Аурон. — Что мы дали ее народам знание, к которому люди готовы не были. Посему мы повиновались его словам и на время отстранились, наблюдая за вами лишь издали. Человечество — очень любопытная раса, одна из самых интересных. Вы зародились не на Мере, а попали труда с другой планеты.

— Да? А что это была за планета? — спросила заинтересованная Эйлия.

Аурон и Талира одновременно покачали головой.

— Мы не знаем, — ответил человек-дракон. — Те, что доставили оттуда ваших предков, искали другую планету, как можно более похожую на их мир: третью планету возле одинокого желтого солнца, с большой луной. Вероятность, что две такие похожие планеты окажутся рядом, весьма мала, и потому мы полагаем, что ваш родной мир очень далеко. Мера вполне отвечала целям этих древних чародеев, хотя климат на ней суров, и жили там лишь немногие создания: свирепые либбарды, винторогие йалы и еще некоторые виды. Чародеи согрели воздух Меры и смягчили климат, чтобы ваша раса смогла там жить, а аборигенные виды мигрировали к полюсам. Там и стала жить и процветать человеческая раса и многие виды, привезенные с родной планеты.

— Скажи мне, зачем вы, лоананы, закрыли порталы на Мере и Арайнии? Вы считаете, что люди дурно влияют на другие миры? — спросил Тирон. Он все еще злился, судя по голосу.

— Нет-нет. В Эфир должно быть нелегко войти даже посвященному, а волшебство все еще очень ново для человечества. Древние меранцы открыли слишком много врат и слишком во многих местах: неопытные маги тех времен видели в драконьих путях всего лишь удобство, быстрый способ добраться из страны в страну. Я надеюсь когда-нибудь увидеть часть этих врат вновь открытыми, но это время еще не скоро наступит.

— Это снова напоминает мне старые легенды, что есть множество самых разных невидимых дверей в миры фей и джиннов, их только надо найти. Но Эфир — ты говоришь, что он не безопасен? — спросила Эйлия.

— Не совсем. Тело там разрушено быть не может, потому что в той плоскости оно преобразуется в чистую квинтэссенцию. Но разум может подвергнуться нападению: он может быть введен в заблуждение или же порабощен. В Эфире твой разум является единственным твоим оружием: доблестнейший из воинов не может там полагаться на силу мышц, поскольку они остаются позади. Чтобы войти туда без опаски, нужна сила ума, не тела. Но все же лишь немногие из эйдолонов, встреченных там, будут враждебными.

— Эйдолоны? Что это?

— Эйдолон — образ обыденной вещи. Это появляющиеся в Эфире формы, подобие живых существ: зверей, птиц, других созданий. Некоторые считают, что это — замаскированные боги или ангелы, которые появляются, чтобы испытать нас. Другие говорят, что это всего лишь образы, созданные нашим разумом. Некоторые из них *по виду* обладают разумом, как могут подтвердить те, кто с ними сталкивался. Адепты чародейства, которые «призывают духов» в ваш мир, на самом деле переносят эйдолон в материальную плоскость. Эйдолоны могут выполнять приказы, и они создают впечатление, что полностью разумны. Но мы не хотим, чтобы они вырвались из-под нашего контроля и захватили нашу плоскость. Поэтому мы закрыли врата.

Эйлию страшно заинтересовало это царство, где ее слабое тело не будет обузой, царство, где она раз в жизни сможет быть наравне с воинами.

— Ну хорошо, — сказала Ана, — а со своим императором ты говорил, Аурон? Что он сказал?

— Императором? — эхом повторил Тирон.

— Орбион, император Небес, — пояснил Аурон. — Он правит всеми мирами и царствами Небесной Империи.

— А что он за существо? — спросил Тирон.

— Он лоанан. Вначале, когда архоны склонились к упадку и исчезли из Талмиреннии, решено было, что император будет избираться из одной из четырех древнейших рас: лоананы, т'кири, танравины и херувимы. Император Орбион правит уже почти тысячу лет. — Аурон снова посмотрел на Эйлию. — Мне было дано его разрешение доставить Трину Лиа через Эфир в мой родной мир, Темендри Альфаран. Он находится в созвездии, которое вы называете Драконом.

— Нет! — Тирон подскочил к круглому коротышке. — Ана, этого нельзя допустить! Ты же сама говорила, что на Арайнии ее сила непревзойденна, а что может ждать ее в другом мире, какие опасности? Может быть, этого и хочет Морлин: увести ее отсюда, лишить защиты от его нападения!

— Она уже чуть не пала жертвой врага, — ответила Ана. — Я со многими другими хотела ее защитить и чуть не потерпела поражение. На Темендри Альфаране, окруженная величайшими и мудрейшими магами драконов, она будет в большей, а не меньшей безопасности.

— Там до нее не сможет добраться ни предатель, ни шпион Морлина, — согласился Аурон. — Ей не будет необходимости оставаться там навсегда — только лишь пока она не обретет достаточную силу для битвы с врагами. Что до народа Арайнии, вы его можете убедить. Потому что вам, сир, боюсь, придется остаться. Лоананы сделают исключение только для Эйлии, но больше ни для одного человека с Арайнии или Меры — пока император и монархи не дадут своего разрешения.

Тирон опустился на трон и склонил голову.

— Нет. Второй раз мне этого не вынести. Как тогда, когда ушла *она* — оставила дворец, взяв наше дитя, оставила меня.

— Отец!

Эйлия опустилась на колени рядом с троном, взяла отца за руку, всмотрелась в опущенные глаза. Сейчас они были рядом. Она полюбила его сперва за доброту и мягкость, потом за все, что было у них общего — например, тяга к знанию. Если и оставались у нее сомнения, что он ее настоящий отец, они давно развеялись. Теперь, глядя в искаженное душевной мукой лицо, она без немерейского чародейства видела, как он страдает. Однажды он уже потерял ее, потерял на долгие годы, потом обрел снова — только чтобы узнать, что она о нем не помнит и любовь ее принадлежит другой

семье. И сейчас, когда они наконец-то начали строить мост через разделяющую их пропасть, ее снова у него отберут. И у нее от мысли о разлуке тоже мучительно заныло сердце. Но она знала, что Аурон прав. Он не может защитить ее, и Тирон тоже не может. И трудно было сказать слова, которые Эйлия знала, что должна сказать, и еще труднее было подобрать правильные слова.

— Отец, они правы. Может быть, потом ты сможешь ко мне прилететь. Но я должна лететь с ними, прочь отсюда.

Сейчас, когда вот-вот исполнится ее желание увидеть иные миры, наполняли ее только горе и страх.

Позже в тот же вечер Дамион увидел ее, сидящую одиноко на парапете, окружающем плато. Она завернулась от холода в меховой плащ и глядела в небо, сидя спиной к Дамиону, и потому не видела, как он подошел. Кажется, она его и не слышала, потому что не обернулась, а все так же пристально смотрела на звездное небо. Дамион постоял, глядя на нее, не желая вторгаться в мысли, которые так овладели ею, и не желая говорить того, что пришел сказать. Еще он ощущал нахлынувшую на него волну нежности и жалости к этой девушке, зная, как она на его слова отреагирует. Она совсем рядом, но скоро их разделит такое расстояние, что даже представить себе невозможно, и годы и годы пройдут, пока они снова увидятся. И это если судьба разрешит им увидеться снова... Дамион поймал себя на желании, чтобы Эйлия обернулась и увидела его, и он тогда сможет заговорить, не нарушая ее покоя, который она здесь, быть может, нашла.

Но Эйлия все так же спокойно созерцала небеса, не замечая ни Дамиона, ни вообще окружающего мира.

Наконец у него кончилось терпение, он шагнул вперед и прокашлялся.

— Эйлия? Хорошо ли, что ты здесь одна? — спросил он.

— Я не одна. — Она показала на силуэт, похожий на облако, только силуэт этот двигался быстрее любого облака, скользил поперек арки небес. — Видишь — это лоанан. И еще несколько где-то рядом, замаскированные под другие создания, и они меня охраняют.

Она встала и повернулась взглянуть на врата Земли и Неба, нависающие на фоне облаков.

— Ана уехала. Я видела, как она уходила. Она прошла сквозь портал — и исчезла. Мне она сказала, что оставалась на Арайнии только присмотреть за мной, пока меня не согласились охранять лоананы. Как-то она знала или догадалась, что они на эту тему ду-

мают и рано или поздно примут решение. Так что сейчас она на Мере, и когда туда пройдет армия Йо, немереи для надежности запечатают портал. Аурон говорит, что есть и другая щель высоко в воздухе, куда только лоанан может добраться, и мы с ним двинемся тем путем.

Она снова подняла глаза к небу.

— Когда-то в детстве, на Большом острове, я любила смотреть на звезды и воображать, как буду летать среди них. И вот я действительно лечу к звездам. До сих пор не могу поверить.

— Вот там тебе действительно не будет ничего грозить, и потом будет о чем рассказать. — Дамион замолчал на секунду, потом сказал так: — Эйлия, я решил участвовать в кампании Йо на Мере.

Она не отвела глаз от неба.

— Да. Я боялась, что ты это сделаешь.

Он подошел, встал у парапета рядом с ней.

— Йомар — мой друг, Мера — мой мир. Я должен помочь им. Халазару надо дать отпор.

Теперь она повернулась к нему лицом. В свете звезд, как показалось ей, он был еще красивее с этим бледным лицом и почти горящими глазами — как архангел, чье имя он носил. И на лице его читалась спокойная решимость, которую можно увидеть у ангелов на фресках.

— Понимаю, — сказала она. — Но... но ты же не воин, Дамион. Я видела твое состояние, когда ты убил антропофагов на Мере! — Очень не хотелось ему напоминать, но Эйлия пришла в отчаяние. — Ты не рожден, чтобы сражаться и убивать. Помочь Арайнии ты можешь и по-другому.

Он очень мягко попытался заставить ее понять.

— У меня есть опыт, я прошел обучение. Не могу я самую трудную работу перекладывать на других. Я никогда бы себе не простил, если бы отпустил Йо и других навстречу опасности, а сам остался бы здесь, в мире и покое.

— А мне-то каково тогда? — крикнула она. Руки ее стиснули край парапета. — Я все время думаю, что будь я на самом деле королевой-воительницей из пророчества, я бы сама положила конец этой вражде, а не свалила бы эту работу на других!

— Ты еще недостаточно сильна.

— Но я надеюсь многому научиться у народа Аурона, стать когда-нибудь чародейкой. И тогда я смогу освободить Меру.

— Халазар не станет ждать, пока ты будешь готова, — и Мандрагор тоже не будет. Сейчас многим невинным людям грозит опасность, и что-то надо делать. И помни, войны еще может и не быть.

Мандрагор не отступит, но Халазар может испугаться и оставить свои мечты о завоеваниях. Но как бы ни повернулось дело, я хочу быть рядом с Йо.

— Наверное, что бы я ни говорила, ты уже не передумаешь, — беспомощно вздохнула Эйлия. — Но я все равно не могу не сказать: Дамион, не надо! Не иди на войну.

Вот сейчас самое время — сказать, что она любит его, что без него не может, что ей невыносима мысль потерять его. Этого хватит, чтобы его удержать? — жалобно подумала про себя Эйлия, и вдруг ей стало страшно говорить.

Он вытащил из-за пояса украшенный кинжал и протянул ей рукоятью вперед.

— Вот, возьми. Я хочу, чтобы он был у тебя.

Эйлия отшатнулась, как от змеи.

— Нет-нет! Я никогда не смогу пустить его в ход. Я ненавижу оружие.

— Эйлия, даже у роз есть шипы для защиты. Не дай боги, но когда-нибудь ты можешь оказаться в ситуации, где чародейство тебе не поможет. Мне будет спокойнее, если он у тебя будет. Прошу тебя.

Она неохотно взяла кинжал. Ощутила твердость рукояти; тяжесть оружия.

— Хорошо. Я его назову Шипом. Когда... когда вы выступаете?

— Армия отправляется завтра утром. Я еду как заместитель Йомара. Немереи откроют портал и переместят нас через Эфир на Меру. Мы должны попасть в пустыню в окрестности Фелизии — столицы. Драконы будут охранять нас с воздуха и предупредят о нападении с земли.

— Там будет Мандрагор, — почти прошептала она.

— Не беспокойся. С нами отправляется достаточно немереев. — Он отвернулся. — Сейчас мне пора. Наши силы собираются на склоне горы.

— Значит, ты приходил попрощаться.

Он взял ее руку, долго молча смотрел на нее, потом наклонил голову. У нее перехватило дыхание, щеки загорелись, но он поцеловал ее в щеку, не в губы. Отпустив ее руку и не сказав больше ни слова, он широкими шагами удалился в сторону склона. И ни разу не оглянулся.

Она смотрела ему вслед сквозь туман в глазах. Как только он скрылся, Эйлия подобрала юбки и быстро ушла в дом.

Оказавшись в своей келье, она закрыла дверь и подошла к столику. Достала из ящичка серебристую фляжку. Сняв крышку, плеснула немного золотистой жидкости в бокал. Как ученице немереев ей было позволено принимать амброзию когда хочется, но сейчас рука ее дрожала, когда девушка осушала бокал. Никогда она не принимала столько эликсира за один раз.

«Но мне его много понадобится, учитывая, куда я иду...»

Она проглотила последние капли жидкости, легла на кровать. Сердце у нее колотилось. Мало было надежды преуспеть там, где уже провалились усилия лучших дипломатов Мелнемерона, но она должна была попытаться. Вскоре Эйлия ощутила, что она плывет... разум отделяется от тела, ускользает... в Эфир. «Зимбура, — подумала она. — Фелизия, Йануван...»

И перед ее мысленным взором возникла громадная крепость из камня песочного цвета, с крутыми стенами, построенными древними руками. Она исчезла, ее сменил длинный зал с высоким потолком, весь красный с золотом, иностранный двор, заполненный придворными в ярких одеждах. Мандрагора она не видела. На облицованном золотом троне, инкрустированном самоцветами, сидел Халазар: она узнала тяжелое лицо в черной бороде, как было у его эфирного призрака. Но сейчас не он, а она была фантомным гостем. Где-то позади завизжала женщина, головы повернулись к ней, и Эйлия поняла, что ее видят.

— Что это? Кто это? — закричали голоса.

Эйлия глянула вниз, увидела собственный воздушный силуэт в белом платье.

— Не бойтесь, — обратилась она к людям.

Снова подняв голову, она пошла вперед, раскинув руки умиротворяющим жестом. Сквозь суматоху тронного зала шла она на нематериальных ногах и остановилась перед помостом. Она обратится к его двору, как он обращался к ее, но совсем по-другому.

— Народ Зимбуры! — начала она.

Один из телохранителей Халазара заорал и метнул в нее копье. Трудно было не сморгнуть, но она заставила себя стоять неподвижно, и оружие пролетело через ее эфирный контур, не причинив вреда. Придворные разбежались в стороны, а копье со стуком ударилось об пол и проехало вперед под вопли ужаса. У Халазара глаза готовы были выскочить из орбит.

— Дух! Это дух! — крикнул кто-то.

Эйлия возвысила голос:

— Я — Трина Лиа. — Двор ахнул в сотню глоток. Эйлия продолжала обращаться к сидящему на троне. — Зачем ты воюешь со

мной, царь? Зачем встал на путь, который несет лишь смерть и разрушение? Я тебе ничего не сделала. Я хочу лишь мира для обоих наших народов.

— Злая колдунья! — вскрикнул Халазар, отшатываясь назад. — Изыди! Изыди! Джинны, я призываю вас!

— Царь Халазар, послушай меня...

— Морлин! Роглаг! Элазар! Приказываю вам явиться! — ревел Халазар. Изо рта у него шла пена, лицо побагровело, как его мантия, и казалось, его вот-вот хватит удар.

Эйлия вдруг поняла, что это бесполезно: этот человек глух к рассуждениям. Она лишь наполнила его душу страхом. В отчаянии она отпрянула назад, прочь от Йанувана и Зимбуры. Тронный зал растаял, и Эйлия увидела перед глазами потолок собственной кельи.

«О, Дамион, я пыталась...»

Йомар поднял глаза на колонны портала, высвеченные утренним светом на вершине пика. Даже показалось — или это была игра воображения? — что какое-то марево колышется между каменными драконами, будто зеркало миража. Рассудок говорил ему, что на том конце этих зияющих ворот — пустое небо и крутой обрыв к альпийским лугам, но немереи заверили его, что его люди не полетят через врата навстречу смерти, но пройдут в Эфирную плоскость и оттуда — на Меру. Насчет этого самого Эфира Йомар не очень разбирался, но это была не главная его проблема.

Лоананы. Почему-то от них у него мурашки ползли по коже. В истинном своем виде они были достаточно внушительны, но хуже всего — эта их способность маскироваться под человека. Если так легко смогли обмануть его Мандрагор и Аурон, то сколько еще драконов может скрываться в этом мире? Нескольких он видел после саморазоблачения Ву: высокие изящные люди вида абсолютно человеческого, хотя иногда не утруждавшие себя деталями маскировки. Бывало, они забывали сделать себе морщинки вокруг глаз или на костяшках пальцев. От этого Йомару бывало жутковато. Но все же они благоволили людям и уже оказали немереям огромную помощь.

Йомар сделал глубокий вдох.

— Готовы? — крикнул он Дамиону.

— Готовы, генерал! — крикнул в ответ Дамион и подъехал к Йомару. Тот повернулся, оглядел построенные ряды солдат и кавалерии. Остался доволен. Нехватку опыта солдаты компенсировали силой тела и духа. Отовсюду на генерала смотрели молодые

лица, сверкала броня, мотались гривы лошадей, рвущихся в бой, как и их наездники. Более сотни колесниц, несколько батальонов пехоты, пятьдесят обученных рыцарей, кавалерия и несколько самых сильных из волшебников — хотя Йомар более склонен был полагаться на солдат. И еще много целителей-немереев. Йомар почувствовал, как растет в нем надежда. Даже если дойдет до битвы, есть шанс на победу.

— Слушайте меня! — крикнул он своим войскам. Вдали послышались голоса немереев: они мысленно улавливали его слова и повторяли тем, кто стоял слишком далеко. — Вы все знаете, зачем мы идем на Меру. Это будет *по-настоящему*, вам понятно? И пусть лишь те, кто хочет сражаться, идут за мной. — Он замолчал, слушая, как немереи повторяют его слова многоголосым эхом, отражающимся от обрыва. Потом наступила мертвая тишина. Пойдут ли за ним эти люди? Или страх лишит кого-то мужества, страх при виде узкого каменного моста и страшной пропасти за вратами?

Никто не промолвил ни слова, не шевельнулся. Потом приветственный крик взлетел над строем, сперва неровный, потом он усилился, подхваченный другими, и перешел в рев. Йомар свирепо осклабился.

— Отлично! Тогда вперед!

Как единое целое двинулась армия — колесницы, рыцари и впереди кавалерия. Грянули фанфары, заржали в ответ кони. Камень зазвенел под ударами сапог и копыт, и каждый ощутил себя частицей несокрушимой силы — камнем в лавине. Армия шагала к мосту, к вратам. Один за другим проходили люди каменный пролет портала и исчезали с лица планеты.

8
Темендри Альфаран

Драконий путь оказался светящимся бело-золотистым туннелем, закругленным и извилистым, как змея: все время впереди был поворот, скрывающий дорогу. Спеша вперед со своей крохотной пассажиркой, Аурон ощущал растущий наплыв чувств: он был все ближе и ближе к дому. После многих лет добровольного изгнания он стосковался по родному миру, по обществу своих сородичей. Но он понимал, что везет Эйлию в изгнание, изгнание такое же

одинокое, потому что было договорено, что она почти все свое время будет проводить с лоананами.

Поначалу Эйлия почти ничего не говорила, только цеплялась за его гриву.

Очень странное ощущение. Почему я не могу вспомнить, как тогда летела с тобой через Эфир? — сказала она наконец, общаясь мысленно. — *Мы же должны были там пролетать по дороге с Меры на Арайнию.*

Он повернулся к ней огромным изумрудным глазом.

Трудно запомнить место-которого-нет, — ответил он. — *Когда мы выйдем на той стороне, мысль о нем снова ускользнет от тебя, ты это почувствуешь, хотя ты — обученный немерей и потому не забудешь полностью. А насчет странного ощущения — это тебя переносят. Ты стала эфирной, тело превратилось в чистую квинтэссенцию, как у эйдолона.*

Эйлия тронула себя за лицо, пощупала складки платья. Он это заметил и сказал:

Ты видишь и ощущаешь тело, потому что твой разум к этому привык. На самом деле мы с тобой сейчас всего лишь части квинтэссенции, летящие через высшую плоскость.

Эти слова Эйлии не очень понравились. Она прижалась к хризантемового цвета гриве, цепляясь за рога дракона. Крылья дракон прижал к бокам, потому что на самом деле он не летел — наверное, поэтому, подумала девушка, на древних картинах небесные драконы иногда изображены без крыльев.

На что они похожи, эти люди других миров? — спросила она, помолчав.

Есть такие же, как меранцы и элеи, чуть отличающиеся от жителей Меры и Арайнии, — ответил дракон. — *Есть и... другого вида. Понимаешь, принцесса, очень много времени прошло с тех пор, как твои предки были расселены архонами со своих родных планет на другие планеты древней Империи. Они — твоя кровная родня, но жизнь на других мирах и иной климат сказались на их облике. Есть еще и те, кого архонты намеренно изменили, и их вид покажется тебе сперва... несколько гротескным.*

Впереди вспыхнул свет, золотистое сияние сменилось на игру ярких цветов — лиловый и индиговый, мазки темно-розового, все это вертелось и переливалось, как масляные круги на воде.

Смотри, — сказал Аурон. — *Это моя родина!*

Эйлия моргнула, у нее закружилась голова от резкой перемены вида. Они вынырнули из Эфира и снова оказались в знакомой материальной плоскости. Но это не была Великая Пустота, издав-

на знакомая, холодный черный вакуум, скудно присыпанный звездами: здесь звезды соединялись в густые рои и огненные тучи, а за ними лежали области разноцветного сияния. Это, как сказал ей Аурон, была большая туманность, возбужденная к свечению звездами. Среди этих звезд были голубые и ослепительно яркие, проявляющие свою крайнюю молодость на путях вселенной, другие были едва ли не зародышами, бесформенными светящимися комками, сгущающимися из плаценты пылевых облаков туманности. Небольшая группа звезд, полностью сформировавшихся, все еще соединялись друг с другом пылающими синими нитями. Весь этот участок небес был звездной детской.

Эйлия не сразу смогла обнаружить планету на фоне этого радужного сияющего моря. Она, как и Арайния, сверкала ледяными кольцами, но облачная мантия у нее была непрозрачна и меняла цвета. По сфере шли горизонтальные полосы синего и золотого, фиолетового и светло-зеленого, там и тут вдруг вспыхивало горящим глазом красное пятно. Планету окружали яркие самоцветы лун, а в далеком небе пылала звезда, служившая планете солнцем. Эйлии показалось, что она не только видит планету, но и *слышит* — глубокий рокот, похожий на дальний гром, постоянный, как водопад, безмятежный, как храмовый хор, он будто отдавался в мозгу. Музыка планетной сферы, величественно плывущей в космосе.

Какой красивый мир! — ахнула Эйлия. — *И какой огромный!*

Планета заполняла почти все небо впереди.

Да, это почти звезда. И стала бы звездой, будь она чуть побольше. Это Альфаран, планета-родина, — объяснил Аурон. — *Темендри Альфаран, куда мы летим, как раз под нами. Это одна из лун Альфарана. Держись крепче, принцесса,* — добавил Аурон, — *потому что здесь почти нет воздуха, кроме той капельки, что вокруг меня.*

Эйлия вцепилась покрепче. Золотой дракон метеором летел по чужому небу, прижав крылья к бокам. Девушка в изумлении смотрела на раскинувшийся внизу пейзаж, будто нарисованный ребенком или безумцем: резкие яркие цвета — синие, оранжевые и сернисто-желтые деревья, поля красной травы, светящиеся розовым озера и реки, лиловая вода. Потом только она сообразила, что вода, конечно же, отражает пылающие цвета туманности. Но деревья... в такой массе они скорее напоминали веселые клумбы, чем леса. За ними лишь мазок зеленого — не растительного, но как будто горная гряда с изумрудными пиками полупрозрачного камня.

Может быть, они и в самом деле изумрудные...

Дракон уже спустился ниже и сбавил скорость. Он расправил огромные золотистые крылья, но не хлопал ими, а продолжал

только парить, используя набранную при спуске инерцию. К востоку лежала вода, широкая бухта одного из лунных морей Темендри Альфарана, и она сверкала под солнцем. Вдоль берегов бухты что-то блестело: формы хрустальных и металлических конструкций. Это был город — но такой город, который никогда не строили люди и никогда бы им такой не приснился. Самые красивые из человеческих городов кажутся хаотичным нагромождением, когда смотришь на них с воздуха, но этот город был построен существами летающими и построен так, чтобы он и с воздуха был красив. Купола, шпили и площади расходились радиальным узором, как лучи от звезды, и многочисленные фонтаны и бассейны переливались в бесчисленных оттенках небесных отсветов, как сапфиры или аметисты. Их окружали резные каменные конструкции, и казалось, что вода в руках лоананов — как драгоценный камень в руках ювелира.

Наконец-то крылья дракона пришли в движение, и он полетел еще медленнее. Город внизу уплывал назад, его сменила поверхность океана. Лоанан грациозно парил над бухтой поменьше, и его отражение казалось каким-то золотым драконом Воды.

Добро пожаловать на Темендри Альфаран, ваше высочество, — сказал мысленно дракон, приземляясь на ковер мягкого розового мха прямо у белого берега.

Эйлия тихо-тихо сидела на шее дракона, оглядываясь вокруг. Над верхушками деревьев виднелись шпили города, а за ними еще выше поднимались голубовато-зеленые хрустальные пики гор, почти прозрачные у верхушек, где их пронизывало солнце. Это зрелище внушало благоговение, потому что пики были выше любых гор, которые девушка в жизни видела, даже гор Арайнии, но и они казались карликами рядом с огромными сестрами-лунами Темендри Альфарана и колоссальной окольцованной планетой в ярких полосах облаков и пятнах бурь. Эти луны и планета висели в небе как фигурки мобиля или обнаженный внутренний механизм гигантских часов. Здесь действительно не нужны были бы часы — по крайней мере в ясные дни, — при таком росте и ущербе лун и их тенях, отмечающих каждый прошедший час. А дальше виднелась туманность — исполинским, никогда не гаснущим полярным сиянием — или закатом, приснившимся безумному живописцу. Среди водоворотов и арабесок фиалкового, красно-розового и синего многие звезды были видны отчетливо, большие и сверкающие сквозь горячее белое солнце, стоящее высоко над горизонтом.

— Сколько же здесь должно быть затмений! — заметила Эйлия. — И какое яркое тут солнце!

— Эта звезда моложе вашего солнца, — ответил дракон. — Ее называют Анатарва.

— Да, я знаю Анатарву! Одна из самых ярких звезд на небе. Только думать, что она еще и солнце...

Эйлия соскользнула по спине Аурона на мох и встала, стиснув рукой шкатулку, где лежал Камень Звезд. Другого багажа при ней не было: Аурон ей сказал, что все нужное ей здесь будет, хотя ей как-то неуютно было без своих вещей. В воздухе стоял слабый сладковатый запах, как от плодов или цветов, накладывающийся на какую-то неизвестную пряность.

— Никто не знает, что мы здесь? — спросила она, оглядываясь. В непривычном пейзаже никого не было.

— Я думал, что лучше не афишировать твое прибытие, — ответил Аурон. — Просто на случай, если где-нибудь здесь затаился враг.

Эйлия снова оглянулась на город. Среди шпилей роились драконы: такие маленькие на далеком расстоянии, они производили впечатление не силы, а изящества. Прозрачные крылья и длинные стройные тела напоминали стрекоз. И цвета тоже были стрекозиные: металлический красный и зеленый, синий и золотой.

— Мы идем в город? — спросила Эйлия, показав рукой.

— Пока нет, — ответил Аурон. — Тебе небезопасно в городе: там живет много существ, слишком много, чтобы нам за всеми следить. Ты останешься пока в гостевом доме лоананов.

Он пошел вперед, показывая дорогу, по полям розового мха, направляясь к чему-то вроде парка, где мимо ярких цветных деревьев бежала тропинка. Теперь Эйлия видела, что они не просто напоминают цветы, но и являются ими — стройные растения, высокие, как вязы, с гладкими зеленовато-белыми стволами и разноцветными лепестками размером с подсолнухи. От них-то и шел сладкий аромат.

— Твоя родина прекрасна, Аурон! — воскликнула девушка.

Он улыбнулся.

— Ты еще почти ничего не видела.

Тропу обступали эти древоподобные растения, и запах сгустился в теплом и влажном воздухе. Эйлия и дракон миновали рощицу более низких растений, у которых сучья склонялись чуть не до земли. Их отягощали огромные коробочки, некоторые из них уже лопнули, и из трещин вываливалась белая шерстистая масса.

— Что-то вроде хлопковых растений, — сказала Эйлия, подойдя поближе. — Но какие они большие!

Самые маленькие коробочки были ей по пояс.

— Это боромец, — ответил Аурон. Видно было, что ему ее интерес приятен.

Послышалось шуршание за деревом, и Эйлия заглянула за него. Там почти рядом стояло какое-то животное, белое, размером с овцу, и мирно паслось. Таких зверей Эйлия никогда не видела: вместо глаз — два ровных зеленых овала, и морда тоже светло-зеленая. Подойдя из любопытства ближе, Эйлия увидела, что создание это вроде бы зацепилось за ветку. Оно пыталось освободиться, но гладкий зеленый стебель держал как привязь. Присмотревшись, девушка увидела, что зверь вовсе не зацепился за ветку: он *вырастал* из его спины.

«Или само животное выросло из ветки!» — сообразила Эйлия, увидев вокруг белого зверя рассыпанную шелуху большой коробочки. Она протянула руку, потрогала спину животного. Хлопок — руно состояло из хлопка!

Она засмеялась от радостного удивления.

— Древесный агнец! — Она процитировала слова Бендулуса: — «Зверь сей не рождается живым, ниже из яйца вылупляется, но вырастает вместо того на древе, подобно плодам и орехам. В начале жизни своей слеплен он с ветвью, на коей вырос, и траву поедает у корней древа того».

Аурон улыбнулся.

— Да, здесь это создание называют «боромец», но действительно — ты видишь перед собой то, из чего Бендулус взял своего «древесного агнца».

Теперь Эйлия заметила несколько таких созданий, бродивших вокруг и поедающих мох. Из мохнатых спин торчали обломанные стебли. Растения или животные? Вроде бы и то, и другое — и в то же время ни то, ни другое.

— Это истинные обитатели Темендри Альфарана, — объяснил ей Аурон, когда они двинулись дальше. — Прежний мир лоананов давно перестал быть пригоден для жизни. Мы его покинули тридцать миллионов лет назад, прихватив с собой кое-каких животных и некоторые растения, но стараемся не мешать ходу естественной жизни на планетах, где селимся.

Аурон поднял руку, приветствуя троих людей, вышедших из леса. В среднем можно было безошибочно узнать элея: мужчина средних лет, гладкое лицо, светлые волосы, одет во что-то вроде мантии из белого полотна до щиколоток. Но у его спутников был

более экзотический вид. Один из них был пожилой мужчина с длинной белой бородой, но такой низкорослый, что макушкой едва доставал первому до пояса. Третьей была женщина в светлом развевающемся платье — во всяком случае, лицо и фигура у нее были женские, но была она неимоверно худой и хрупкой, хотя все равно изящной. С ее плеч спадала переливающаяся радужная пелерина, метущая дорогу. Эйлия подошла ближе, и «пелерина» заиграла и зарябила, разделяясь на четыре части, отошедшие в стороны — по две с каждой стороны.

— Крылья! У нее крылья! — прошептала Эйлия.

— Это сильфида, — шепнул Аурон в ответ.

Трое вежливо поклонились, когда девушка и дракон прошли мимо, гном будто бородой подмел землю. Эйлия поймала себя на том, что по-дурацки уставилась на него, и вспомнила, что говорил ей Аурон: люди по-разному развивались на планетах, на которые их вывезли. И можно было ожидать даже таких крайних расхождений.

Ее взгляд обратился к женщине в белой одежде, идущей по дороге впереди.

— Отчего у нее волосы зеленые? — спросила Эйлия, понизив голос.

— Она — дриада. Легенда говорит, что ее народ происходит от союзов между людьми и *гамадриадами* — духами, населяющими деревья. Как бы там ни было, а они очень хорошо чувствуют деревья и другие растения. Волосы зеленые, потому что в них заводится микроскопическое растение, называемое водорослью.

— А посмотри, вот человек вполне обыкновенного вида, — зашептала Эйлия почти с облегчением, увидев пожилого седовласого мужчину, выходящего из дверей низкого белого здания среди деревьев справа от дороги. Он махнул рукой, приветствуя Аурона.

— Внешность бывает обманчива, — ответил Аурон с улыбкой и повел Эйлию к этому зданию. — Привет, друг мой Хада! Рад нашей встрече. Это принцесса Эйлия.

Стены в доме были покрыты резной мозаикой, колонны — золотым листом, а в центре атриума играл фонтан.

— Очень рад видеть тебя снова, — с тяжелой одышкой ответил старик и сдержанно поклонился.

— Кстати, менять облик ради нас не было необходимости, — сказал Аурон.

— Весьма благодарен. Должен сказать, что в моем возрасте перекидываться весьма утомительно, — ответил человек, и вдруг его

контуры зарябили и растаяли. На его месте появилась снежно-белая лиса размером с волкодава.

— Как жизнь, Хада?

Лиса оскалилась длинной волчьей улыбкой.

— Перед тобой прилетала делегация драконов и обвинила эту твою Трину Лиа в агитации за войну против их народа и меранских зимбурийцев. Я так понимаю, что это она?

— Да, — ответил Аурон, и лис наклонил голову.

— Зимбурийцев? — вскинулась Эйлия. — Это же они нам угрожали!

Лис кивнул вытянутой мордой.

— Да, но лакеи Морлина это отрицают, естественно. — Улыбка стала шире. Он улыбался как человек, или это выражение означало у его породы что-то другое? — Он хочет выставить тебя агрессором, строителем Империи, скрыв таким образом собственные подобные стремления.

— А принца Морлина уже видели? — спросил Аурон.

— Не здесь. Он использует других как шпионов и как свои орудия, наблюдает и выбирает время. Ходят слухи, что он стал предводителем лоанеев и открыл свое истинное имя тем лоананам, что идут за ним.

— Спасибо, старый друг. Надеюсь, ты будешь с нами, когда мы вскроем эту ложь.

— Ни за что на свете не упустил бы такую возможность, — ответил лис и коротко взлаял, что было очень похоже на смех. — Мне тут только надо кое-что сделать, но я вскоре к вам вернусь.

Он повернулся и затрусил в глубь дома. Эйлия с удивлением увидела, что фонтан и мозаика исчезли, а дворик превратился в небольшой мшистый сад с аккуратно разложенными камнями и миниатюрными кустиками.

— Он тоже лоанан? — спросила Эйлия, когда они пошли дальше.

— Нет, это его истинная форма, — ответил Аурон. — Он кицунэ — из лисьего народа. Они великолепно умеют принимать людской облик и наводить иллюзии. На самом деле дом у него очень простой и скромный, но он любит менять его вид просто ради собственного удовольствия. Кицунэ любят разнообразие.

— Но как могут люди быть лисами? С какого они мира?

— С того же, откуда твои предки. Архоны не только людей вывезли с Изначального мира. Многих других созданий они тоже взяли с собой и некоторых поселили на чужих планетах. Их потомки развивались не так, как их родичи на Мере. Примитивные создания, превратившиеся в лис, барсуков, змей, тюленей, лошадей,

кошек и волков на Мере, стали на других мирах кицунэ, тануки, нагами, селками, пьюками, кошкодаками и ликантропами. Как и людской род, эти создания приобрели способность мыслить, а также силу немереев. Ради удобства они часто принимают людской облик.

— Но... но ведь их предки были *животными!*

— Как и ваши на самом-то деле, — сказал Аурон. — То же верно и для всех рас. Например, мы, лоананы, происходим от морских рептилий, которые миллионы лет назад жили на нашей родной планете.

И киты с дельфинами, которые плавают в морях Меры, тоже разумны, сколько бы вы, люди, ни считали их просто животными. Элеи это знали и научились издавна с ними общаться. В океанах этой планеты тоже есть дельфины и киты, потому что между водами планет, как и между сушами, тоже есть эфирные порталы. Я постараюсь тебя представить некоторым из китов.

Быть представленной *киту!*

— Как будто все древние сказки ожили — говорящие животные, волшебные растения...

— Все мы — говорящие животные. Все мифы растут из семечка правды, — сказал Аурон. — Элеи и меранцы все еще смутно помнят дни, когда они жили бок о бок с этими народами Империи. И может быть, что в далеких мирах вещуны-немереи видят другие миры и расы и представляют себе, как видят их. Ты еще не видела большинство рас, обычных для этого мира: многие из них даже отдаленным родством с человечеством не связаны.

Здесь все, как заметила Эйлия, говорили по-элейски, хотя произношение иногда слегка отличалось. Архоны, объяснил ей Аурон, научили этому языку каждую встреченную молодую расу — может быть, чтобы облегчить потом общение между ними.

Цветочный лес сменился открытым пространством. Там стояли дома, построенные из мрамора и алмаза. Они вполне могли быть творением рук человека, но Аурон объяснил, что их построили драконы. Эйлия вздохнула. Как аристократы играют в крестьян, напяливая на себя сермягу и проводя каникулы в сельских домиках, так и лоананы, очевидно, играют в людей: вряд ли это для них больше, чем досужее занятие, снисходительная забава. Зачем им принимать людской облик, если их разум помещен в такое прекрасное, огромное, сильное и грациозное тело? И что они думают о том человеческом облике, который временно принимают? Их забавляют эти голые, нескладные, неуклюжие тела, такие маленькие, слабые и невзрачные по сравнению с их настоящими? Ей

вспомнилась лекция в Королевской Академии на Мере, и как живой зазвучал занудливый голос магистра Севера, цитирующий слова философа Элониуса: «И я заявляю, что Человек есть не менее чем Образец для Природы: ради суверенной Красоты его Формы, ради Благородства его Внешности и Достоинства его Осанки, но главным образом — за его владение Разумом, коий поднимает его до уровня Ангелов». Эйлия никогда не испытывала особой видовой гордости, особенно если ею оправдывалось жестокое обращение с животными. Но сейчас она не могла не ощутить некоторый укол этой гордости.

— У вас, лоананов, столько всего, — заметила она с некоторой горечью. — Интеллект, магия, сила, умение летать. Зачем вам вообще принимать наш облик?

— Потому что мы завидуем вам, — просто сказал Аурон.

— Завидуете людям? У нас же ничего нет такого, чего вам могло бы хотеться.

— Большие пальцы.

Эйлия споткнулась и остановилась.

— Прости, ты сказал: «большие пальцы»?

— Именно так. Противостоящий большой палец — вещь чудесная. Он позволяет держать орудия, строить — что-то создавать своими руками. Ни одно другое существо этого не может, и даже мы, лоананы, должны принимать ваш облик, если хотим строить. По этой причине мы называем вас Создателями.

— Но ведь архоны умели строить...

— Они тоже научились этому у вас. Они ведь умели точно предвидеть будущее, и еще до того, как вы зародились в своем родном мире, вы уже существовали как возможность — то, что может стать реальностью. Архоны в те времена часто одалживали ваш облик, но никогда не могли сделать его полностью своим. Они лишь открыли его, а с ним — все те вещи, которые вам позже предстояло сделать. Например, вот такие.

Он показал на многоцветное небо. Эйлия тоже подняла глаза, и перед ней предстала еще одна ожившая легенда: корабль, плывущий в небе, как в море. Между облаков повис сияющий золотом киль, и держали корабль в воздухе холщовые паруса с каркасом, похожие на крылья. Они то медленно ходили вверх-вниз, то застывали расправленные, и корабль парил, как чайка. Теперь до Эйлии дошло, сколько предметов, летающих вдали, она приняла за драконов, а это на самом деле были вот такие корабли.

Аурон тихо засмеялся:

— Вы, люди, никогда не перестаете нас удивлять. Отсутствие крыльев, оказывается, не препятствует полету! Вы просто делаете себе крылья!

— Корабль, Который Плывет над Сушей и Морем! — выдохнула Эйлия. — Значит, здесь искусство строительства таких кораблей не было утрачено!

— Да, и эти корабли могут входит в порталы Эфира, отправляясь к другим мирам.

— Как бы мне хотелось на таком покататься! Я всегда мечтала уметь летать, мне даже снится это иногда.

Он посмотрел на нее внимательно.

— Я думаю, принцесса, в тебе может быть доля крови лоананов.

— Во мне?! — воскликнула она, пораженная.

— Да. Твоя жажда полета, умение вызывать бурю — это некоторые указания. И действительно, в давно ушедшие времена многие из нашего народа принимали людской облик и смешивались с твоими предками. Тело помнит то, чего не может знать разум. Твоя сущность, дитя, записана в крови и в костях. Твоими предками со стороны отца вполне могут быть лоананы. В далекие дни на Арайнии вместе с людьми жили обратившиеся в людей драконы, и у многих представителей ее народа есть в предках один-другой дракон. У большинства это родство настолько далекое, что уже практически не сказывается, но в тебе, потому что от матери ты получила такую силу, любая примесь драконьей крови усилится и обретет истинную мощь.

— От матери... Аурон, я все никак не могу с этим смириться — с тем, что о ней говорят!

На это Аурон не ответил, а сказал совсем другое:

— А вот с кем тебе надо обязательно познакомиться, принцесса!

Что-то непонятное лежало в тени цветочного дерева: какое-то огромное животное, по крайней мере с виду. Сделав несколько шагов, Эйлия разглядела, что это, и глаза ее, и без того пораженные чудесами, расширились в благоговении. Ее не было с Дамионом и его спутниками, когда их спасали на Мере херувимы, и она никогда не видела ни одного представителя этой замечательной расы, прославленной в священных скульптурах и мифах под именем грифонов. Херувим был великолепным созданием с львиным телом, с крыльями и клювом большой хищной птицы. На голове между совиными ушами возвышался гребень из золотистых перьев. И он не выглядел нелепым, как горгулья: птичьи и звериные элементы тела гармонировали друг с другом. Сложенные крылья

плотно прижимались к бронзовым бокам, перья остроконечных ушей оттеняли перья гребня. Херувим поднялся, расправляя крылья, захлопал ими, и белый свет солнца высветил маховые перья, будто они сами засверкали.

— Это один из Стражей Камня, — сказал Аурон. — Его имя, Фалаар, переводится на ваш язык как Охотник-За-Солнцем. Он здесь, чтобы охранять Камень, пока его носительница будет занята своими уроками.

Огромное создание приблизилось величественной львиной походкой. Херувим посмотрел вниз, на алебастровую шкатулку в руках девушки, и издал серию трубных кличей, которые тут же сами по себе перевелись у нее в голове в официальное приветствие:

— Радуйся, Носитель Камня. Я прислан защитить тебя и то, что несешь ты.

— Это честь для меня, — ответила она, склоняя голову. — Я никогда не видела никого из твоего народа, Фалаар, но я в глубоком долгу у него за спасение жизни моих дорогих друзей на Тринисии.

— Я был среди них, твое высочество, и я отнесу эти слова тем, кто был со мною на Мере. Но это был всего лишь наш долг: ради таких деяний создали нас архоны. Мы творение их, а не дети природы.

В трубном голосе херувима звенела гордость.

— Это объясняет ваш причудливый вид, — заметил чей-то голос откуда-то сверху. Все подняли глаза и увидели что-то вроде весело раскрашенного детского бумажного змея, застрявшего в ветвях цветущего дерева.

— А, вот и ты, Талира! — воскликнул Аурон.

Огненная птица слетела с ветки и встала рядом с ним.

— Причудливый? — У херувима встали дыбом перья на шее, мех на спине ощетинился. — Это ты нас называешь причудливыми?

— Э-э... гм! — вмешался Аурон. — Очевидно, Талира имела в виду, что ваше анатомическое строение очевидным образом не могло получиться путем естественного процесса приспособления.

— Это верно, — сказал Фалаар, смягчаясь. — Мы не возникли из слизи, как простые смертные, но созданы расой архонов как соединение сильных сторон многих видов. И некоторые архоны приняли наш облик и сочетались с нашими предками, и потому мы — одной крови с ними. — Огромный зверь поднял гребень так, что он стал напоминать плюмаж на царском шлеме. — Наши предки были элиры, старейшие и сильнейшие из архонов, обладавшие

властью над самими звездами. И потому магия звезд подчиняется нам, а не мы ей. Люди, драконы, даже элайи боятся холодного железа, но не мы, херувимы. Мы неуязвимы для него. Я хорошо буду охранять твой Камень, принцесса.

— Можешь оставить Камень с ним, — сказал Аурон.

Эйлия наклонилась и опустила шкатулку у ног Фалаара. Тот лег и накрыл шкатулку мощными передними лапами.

— Вот и хорошо! Теперь, когда с этим разобрались, я пойду в гостевой дом и приготовлю ее высочеству комнату, — заявила Талира и упорхнула в вихре красных, зеленых и золотых перьев.

Аурон положил Эйлии руку на плечо.

— Пойдем, ты познакомишься кое с кем из лоананов. Кажется, сейчас птенцы вылупляются.

Девушка и дракон вышли на широкую расчищенную поляну. Эйлия поняла, что это пространство предназначено для драконят: много прудиков, плоские камни, чтобы на них загорать, и камни повыше, где молодые дракончики могли испытывать крылья в первых полетах. Вода парила, нагретая снизу искусственно, но в подражание естественным горячим источникам, и поверхность прудов светилась смягченным отражением красок туманности. Драконята в разных стадиях развития, некоторые с крыльями, некоторые еще без, плескались в воде и валялись на берегу. Среди первых были недавно «оперенные» — мембраны между нервюрами крыльев были похожи на тонкую мыльную пленку, натянутую между пальцами. У детенышей постарше крылья были потемнее, непрозрачные, крепкие на вид. В основном все это были эфирные драконы, хотя несколько было и золотой окраски имперских лоананов. Аурон остановился и принял облик дракона. Громким рокочущим голосом он позвал драконят, и они бросились к нему гурьбой, вытягивая шеи и тараща горящие энтузиазмом глаза. Потом они стали резвиться вокруг взрослого дракона, теребя его за бока и за ноги, забирались ему на спину, как щенята, играющие с большим псом.

— Хватит, молодежь! — сказал наконец Аурон. Бережно поймав молодого эфирного дракона, он стал шутливо катать его по земле, и серебристый детеныш выл от восторга. — А ты, Галлада? — обратился Аурон к другому детенышу. — Ты сегодня летала?

— Нет! — задиристо ответила молодая имперская драконица, расправляя янтарные складки крыльев. — Надоело мне учиться летать! Я хочу выйти в Эфир, как ты!

— Все в свое время, — наставительно сказал взрослый дракон. — Никто не летает, не научившись ходить, и не уходит в тун-

нели драконов, пока не будет обучен держаться в воздухе. А теперь, несносные создания, посидите минутку тихо, если можете. Я хочу представить вас Эйлии, принцессе Арайнийской.

— Она теперь будет с нами играть? — спросил маленький бескрылый драконенок.

— Она ваш новый школьный товарищ, будет вместе с вами изучать миры Империи. А теперь к инкубатору.

На краю ближайшего пруда лежала груда вроде бы хрустальных шаров, окруженная загородкой и сверкающая на солнце. Эйлии они напомнили круглые стеклянные буйки, на которых меранские рыбаки ставили сети.

— Эти сферы, которые ты видишь, — яйца моего народа.

Эйлия пригляделась и увидела, что внутри яиц извиваются какие-то миниатюрные фигуры. Вдруг одна из прозрачных сфер лопнула, и дракончик стал проталкиваться наружу. Эйлия смотрела, затаив дыхание, как он выбрался и лег поблескивающим комочком на каменный край. Через секунду он пополз к фиолетовой воде пруда. У него на этой стадии не было ни ног, ни крыльев, и он был похож на змейку. На голове возвышались крошечные бугорки будущих рогов, но кристаллы драконтия еще не проявились. Возможно, у детеныша были и жабры.

— Я чувствовал, как он вырывается из яйца наружу.

— Это имперский дракон! — воскликнула Эйлия. — Он золотой, как и ты.

— Да. Мой народ хотел вывести особый тип дракона, побольше и с дополнительными когтями, чтобы охранять Небесную Империю и ее правителей. Так появилась наша порода.

Эйлия в восхищении смотрела, как дракончик нырнул в пруд и начал плавать, раздувая жабры.

— Через несколько столетий он будет выглядеть очень похоже на меня, — сказал Аурон. — У него отрастут ноги и крылья, и он будет ходить и летать. И драться, если понадобится.

Они пошли дальше, к морю. На берегу росли любопытного вида деревья, и их переплетающиеся корни торчали из воды, как мангровые заросли. Среди листвы мелькали быстрые тени, слишком большие для насекомых или колибри, но кружащие точно так же, и висели плоды с грубой кожурой вроде кокосовых орехов, которые время от времени с плеском срывались в воду. Эйлия лениво глянула на один из таких орехов, и вдруг он лопнул и оттуда показалось что-то — пушистая масса вроде пуха одуванчика или тоненьких перышек. Эта масса развернула два крыла и взмыла вверх с быстротой стрекозы. На секунду эта штука зависла над девушкой,

и стала видна длинная шея, подобная стеблю, и почти птичья голова. Растительное создание взлетело вверх с лиственным шуршанием зеленых крыльев и исчезло в деревьях.

— Много здесь сегодня жизней началось, — сказал Аурон.

Солнце наконец-то село, и туманность засияла ярче. Волны осветились вдоль гребней огромным окольцованным шаром Альфарана и его адъютантов-лун. Одна большая волна поднялась, и в ней видны были темные силуэты на фоне освещенного неба, как листья в янтаре. И эти силуэты были живые. Они плавали в волне, взмывали вместе с ней, выпрыгивали из пенного гребня в воздух. Слышно было, как они кричат в прыжке — пронзительный звук, среднее между смехом и птичьей песней. Но чудеснее всего было приветствие, которое они мысленно посылали ей.

Все было правдой, все, что говорили мифы и легенды, старейшие из преданий, старше неба и земли. В удивлении Эйлия забыла даже драконов и животных-растений. Они же все это время существовали, плавали в морях Меры — они, говорящие звери. Не надо было лететь к звездам, чтобы их увидеть. Сколько раз ее приемный отец говорил ей, как эти «животные» играют с детьми, подталкивают к берегу тонущих моряков? Как же она не поняла эти ясные признаки мысли и разума? Человечество никогда не было одиноко, только по страшному невежеству полагало себя таким. Эйлия будто вернулась к рассвету своей расы, к самому началу времен, будто человечество никогда не впадало в ошибки, исказившие его историю, но могло заново начать жизнь, на этот раз — в гармонии с окружающим миром.

Она вдруг рассмеялась во весь голос и побежала к воде навстречу дельфинам.

Дамион стоял молча, в изумлении оглядывая Зимбурийскую пустыню.

Зрелище было давящее: лига за лигой катились под небом, почти выбеленным жарой, холмы тускло окрашенных дюн. К востоку уходила гряда низких коричневых холмов, будто львиный прайд спал под палящим солнцем, а вдали высились мощные спины гор — хотя Дамиону они показались просто большими холмами, настолько он привык к парящей громаде горных пиков Арайнийских хребтов. Позади нависали две каменные фигуры, обезглавленные и выветренные. Они лежали на песке, вытянув передние лапы. Еще виднелись на их боках остатки обломанных крыльев, а между лапами стояли разбитые колонны из того же темного песчаника. Врата, построенные элеями, — наверное, самый старый из эфирных

порталов Меры. Сквозь их невидимую щель и явились несколько дней назад арайнийцы, ошеломленно моргая, как внезапно разбуженные.

А к западу не было ничего, кроме пустыни. Кажется, можно было разглядеть мерцание марева, будто водной глади, там, где песок встречался с небом, — и ничего больше.

— Великая пустыня. Мой народ зовет ее *Муандаби*, — сказал подошедший сзади Йомар. — Звал, когда эти земли были нашими и еще не явились зимбурийские захватчики.

— Должен признать, — ответил Дамион, — что не понимаю, как можно сражаться за такую землю.

— Она не всегда такая, — пояснил Йомар. — В Муандаби чередуются циклы сухой и влажной погоды. Дожди приходят лишь раз в шесть лет, но тогда эта пустыня превращается в огромный луг с тысячей водопоев, где пасутся и пьют самые разные животные: антилопы, носороги, слоны. По крайней мере раньше так было. Теперь сезона дождей не бывает десятилетиями. В моем народе говорят, что проклятие засухи идет от зимбурийцев. Когда-то были плодородные земли и у реки, но зимбурийцы привели свой скот, и он выел эту землю до пыли. Теперь здесь ничего расти не будет. — Йомар рассеянно пнул ногой ком сухой земли. — Так они действуют, зимбурийцы. Приходят, отбирают землю у ее обитателей, истощают все пастбища и деревья вырубают, чтобы больше места им было. Потом, когда всю почву сдует ветром, потому что ни деревья, ни трава ее больше не держат, они идут дальше, оставив за собой пустыню. Вот так.

— Так это сделали *люди?* — воскликнул Дамион в возмущении.

— Так это же они не назло никому. Просто их слишком много, в том вся их трудность. Всегда не хватает еды. Бедняки не заглядывают дальше сегодняшнего ужина, а до следующего зеленого сезона еще дожить надо.

— Его просто не будет, если так поступать.

— Они тогда просто двинутся дальше — объявят войну, отберут землю еще у кого-нибудь и ее тоже разорят.

Дамион помолчал, вспоминая пышные леса и луга Арайнии.

Потом они с Йомаром вернулись в лагерь. Он расположился возле скудных полей рядом с главным городом. Мелкие ирригационные канавы несли грязные воды близлежащей реки к сухим полям, где грустно прозябали жалкие ростки посевов. Обитатели фермерских лачуг сбежали при появлении арайнийской армии раньше, чем Йомар и его люди могли бы их убедить, что опасности нет. Брошенные дома придавали земле еще больший оттенок запусте-

ния. Дамиону печально было думать о беднягах, которые в ужасе бежали — *от нас*, напоминал он себе. И не важно, что страх этот был необоснован, — от этого он не становился меньше.

Вокруг стоячего пруда в конце оросительного канала расположились палатки арайнийской армии, в том числе большой шатер самого Йомара и его офицеров. Ипотриллы стояли рядом с надменным выражением на длинных мордах — только им не досаждала жара и сушь. Лошади жадно пили воду из пруда и паслись в чахлых камышах, растущих вдоль берега. Где-то за горами лежала Фелизия, столица Зимбуры, и голый каменный бастион Йанувана.

Дамион и Йомар прошли среди палаток, слыша обрывки разговоров, глядя, как солдаты чистят оружие или играют в кости. Под чахлой тенью навесов жара стояла немилосердная. Дамион увидел неподалеку Лотара и Раймона — оба переоделись в свободную легкую одежду, но Раймон для красоты оставил у себя на голове шлем с опущенным забралом. Йомар это тоже заметил.

— Шуточки, — сказал он раздраженно. — Этак его солнечный удар хватит. Эти дураки могут о чем-нибудь думать, кроме своих волшебных сказок? Мы сейчас на территории врага, что угодно может случиться в любую минуту.

При этих словах Дамион ощутил волнение. Да, там, за этими выжженными холмами, — Фелизия, Халазар, Мандрагор, их армии. Противник с большой буквы. И опасность затаилась в холмах... так близко! Но насколько же лучше наконец встретить опасность лицом к лицу, бросить ей вызов — и победить!

— А кто командует их армией? Этот твой генерал Мазур?

Так звали человека, который выкупил Йомара с царской арены и заставил стать солдатом и шпионом.

— Нет, Мазур был человеком царя Зедекары. Его убили, когда Халазар свергнул Зедекару. Сейчас генералом стал Гемала — тот, кто привел Халазара к власти.

Они вошли в большой шатер, где собрались предводители армии, рыцари и немереи. Великий элейский волшебник из Мелнемерона, Эзмон Волхв, поднял глаза, когда они вошли. С внушительной фигурой, облаченный в синюю со звездами мантию астроманта, с сединой, выдающей возраст не менее ста арайнийских лет. Перед ним стоял стол, заваленный картами и заставленный наблюдательными кристаллами.

— Я ощущаю, что противник собирается выступить против нас, — сообщил он Йомару. — Но наших врагов окружает барьер, подобный стене черного дыма. И это говорит мне, что на их сторо-

не тоже есть немереи. Скорее всего маги Валдура, искусные в темных чарах.

Йомар поморщился — ему даже сейчас трудно было воспринимать разведданные от чародея. Он предпочитал простые факты.

— А что там наши друзья-драконы? Они видят какие-то наземные перемещения?

— Да, и много. Армия собрана, но из-за этого чародейского барьера мы не можем сказать, когда она собирается атаковать и собирается ли. Я информировал короля Тирона и совет Арайнии, и они советуют нам оставаться здесь, но быть настороже.

— Если они нападут, то скоро — ночью, — сказал Йомар.

— Ночью? — переспросил Дамион. — Но ведь ночью им тоже ничего не видно?

— Они возьмут факелы. В этой стране никто днем не сражается, — пояснил Йомар. — Иначе солдаты зажарятся в доспехах. Не нравится мне это, — сказал он уже одному только Дамиону, когда они вышли из шатра, и показал в сторону города. — От них пока что ни знака, они даже не показали, что знают о нашем присутствии.

Дамион глянул вверх, где два союзника-дракона барражировали в краснеющем небе.

— Можно подождать. Может быть, из-за наших летающих друзей зимбурийцы нас испугались, — предположил он с надеждой.

— Может быть, но Халазара они все равно боятся больше, — ответил Йомар. — И Мандрагора. Много бы я дал, чтобы знать, где он сейчас.

Напряжение в лагере усилилось, когда по-пустынному быстро спустилась ночь. Немереи будто накручивали друг друга, и тяжелое настроение передавалось как заразная болезнь. Дамион поднял глаза на луну, на ее знакомый узор пятен и кратеров, здесь, в небе Антиподов, перевернутый, и подумал, какая она большая по сравнению с маленьким спутником Арайнии. Как говорит арайнийское предание, эта луна тоже была когда-то обитаемой: светлым зеленым садом Нумии была она, пока кометный дождь Катастрофы не превратил ее в безжизненный булыжник. Сам он в своем видении далекого прошлого Тринисии видел этот яркий диск зеленым и окруженным белыми облаками. Сейчас он изрезан шрамами и гол, как лицо, обезображенное оспой. И сама Мера едва избежала подобной судьбы.

Он повернулся, чтобы идти к себе в палатку, и тут глаза его уловили какое-то движение в небе: едва заметную вспышку света, что появилась и пропала, как падающая звезда... Ему показалось?

Нет, вот опять — вспышка пламени над дальними холмами. И не метеор: эта штука взлетала, а не падала. И летела со стороны Фелизии.

В тот же миг раздался крик лоанана — сверху, над головой. Нечленораздельный звенящий крик, как звон огромного колокола — тревога! Даже нетренированное немерейское чутье Дамиона уловило оттенок предостережения. Другие драконы подхватили крик, и Дамион уже сам бежал к лагерю, вопя, чтобы разбудить спящих и предупредить часовых.

— Драконы огня!

9
Битва в пустыне

Зимбурийские солдаты стояли, со страхом глазея туда, где в пустыне светились огни вражеского лагеря. Между собой они говорили шепотом, будто враг мог их услышать даже с такого расстояния.

— Зубы Валдура, сколько их!

— Говорят, что все они чародеи, все до одного!

— У нас свои чародеи есть.

Говорящий покосился в сторону фигур, столпившихся возле слона генерала Гемалы. Лица этих людей не видны были под темными клобуками, и к счастью: эти изуродованные черты могли напугать кого угодно. Это были гоблины, порожденные (как говорилось) страхолюдными джиннами в далеких сферах. Халазар позвал их сюда из их царства духов, лежащего за пределами мира смертных.

— Это с ума сойти! Сколько еще будем мы терпеть, чтобы эти проныры торчали на нашей земле? Атаковать надо! — нетерпеливо бросил Гемала с высоты своего паланкина на слоне.

Слон беспокойно переступил. Это был боевой слон, куда больше, чем те, которых используют на улицах городов, слон с угловатым лбом и большими веерами ушей. Огромные бивни у него были заточены, а не затуплены, и когда он мотнул головой, солдаты с обеих сторон попятились. Махаут в броне держал бодец наготове, а в другой руке у него был лук.

— Нет, — ответил один из гоблинов. — Ждем. Только если они двинутся, будем атаковать, и только по приказу принца.

Гемала вскипел.

— Принца? — Он привстал в паланкине. — Кто такой этот Морлин, чтобы командовать людьми бога-царя? Он слуга царя или его господин?

Гоблины не удостоили его ответом. Гемала прищурился и снова сел, но, глядя в сторону вражеского лагеря, судорожно стискивал рукоять боевого меча.

Дамион увидел справа третью вспышку. Это огненные драконы бросали вызов родичам. В ответ донеслись боевые кличи драконов: лоанан не нападет на другого лоанана, но они ненавидели огненных драконов, мутантную пародию на себя. Дамион увидел мелькнувшие на фоне луны крылья — лоананы входили в боевой разворот. Взревели рога в лагере, вторя крикам драконов, повсюду вскипело движение. Гасли костры, затаптываемые сапогами, слышался топот ног по песку. Паники не было, как с удовлетворением заметил Дамион, спеша за собственными доспехами. Сердце колотилось — и от страха, и от возбуждения грядущей битвы.

Йомар со своими офицерами и немереями был в шатре. Был там и сэр Лотар, бледный при свете ламп.

— Начинается, сэр Дамион! — сказал он. — Все-таки они решили напасть.

— Драконы огня, — произнес другой рыцарь. — Слышал я о них...

— Шевелимся! — коротко скомандовал Йомар. Он явно был в своей стихии, расхаживая туда-сюда и отдавая короткие команды. — Взять все емкости для воды, сколько сможете найти — ванны, лошадиные ведра, кухонные горшки, ваши собственные шлемы, — все, в чем вода может держаться. Всем к оросительным каналам и поливать все, что под руку попадется!

Он оглянулся на Дамиона и пояснил:

— Мы всегда таким способом защищались от горящих стрел. Не дает пламени распространиться. Может, конечно, сейчас и не поможет — все тут высохло. Если эти пожухлые посевы загорятся, будет огненная буря.

Дамион вышел из шатра вслед за Йомаром. Там и там в небе загорались освещенные молнией облачка, но сияли они красным: дыхание огненных драконов. Если они снизятся к лагерю...

Но тут между облаками заплясали в ответ стрелы истинных молний. Лоананы отбивались своим оружием — властью над погодой, извлекая энергию из атмосферы и обращая ее против врагов.

Йомар вспрыгнул на высокий камень. В темноте, нарушаемой только перемежающимися красными или синевато-белыми вспышками, он увидел, как собираются к нему его люди.

— Это отвлекающий маневр! — заревел он. — Я знаю! Продолжайте наблюдать за холмами — сейчас будет наземная атака! Они просто связывают лоананов боем и отвлекают нас, чтобы мы не заметили!

Дамион бросился на склон, и от увиденного оттуда у него перехватило дыхание. Далеко в пустыне мигали красные огоньки, с каждой минутой придвигаясь ближе.

— Это их армия! — заорал он, подбегая к Йомару. — Они идут.

Йомар резко обернулся к своим людям:

— Слушайте все! На нас идет войско, численность я пока не знаю. Помните, чему учили на Арайнии: не нападать, пока они не нападут. Но после первой же стрелы, первого пушечного выстрела с их стороны — идем в атаку. Всем ясно?

Люди закивали.

— Готовьтесь, — велел он, спрыгивая с камня. — Рыцари верхом в первых рядах, за мной. Идем клином, как отрабатывали на Пустошах. Зимбурийцы всегда ставят генералов в тыл, потом опытных солдат, а рекрутов — в первые ряды, потому что их не жалко. И это ошибка. Новички никогда не выдержат атаки: смутятся и побегут, и через них можно легко прорваться.

Дамиона кольнула мысль: призывники, не желающие драться, перепуганные, наверняка из бедняков — и чьи-то мужья, отцы... но поздно было на эту тему переживать. Он опустил забрало и оправил доспехи. Что толку от них против пушечного огня? Ядра тоже сделаны из железа, так что чародейство против них бесполезно.

Дамион вскочил в седло и взял копье из рук подавшего его солдата. Ни возбуждения, ни страха он уже не испытывал, только глубокую печаль.

— Спятили? — рявкнул Гемала, вытаращив на гоблинов сердитые глаза. — Генерал здесь — я! Что знают о войне чужаки из других миров?

— В своих мирах мы много выиграли войн, — ответил один гоблин. — Небеса — совсем не такое мирное место, как ты думаешь.

Верховые и пешие солдаты выстроились длинными рядами поперек высохшей степи, но вперед не двигались. Просто стояли, будто ждали приказа или сигнала.

— Почему они не нападают? Боятся? — спросил один из телохранителей Гемалы.

Боятся! Вообще-то может быть, подумал генерал. Солдаты бога-царя заслуженно пользовались блестящей репутацией. Сам генерал не проиграл ни одной битвы. А если верить донесениям Морлина, силы дочери Ночи были только что сформированы, набраны среди изнеженного народа на планете, которой никогда не надо было себя защищать. Непреодолимые пространства ограждали Арайнию — до сегодняшнего дня. Теперь найден способ преодолеть это расстояние, и скоро уже владения бога-царя протянутся даже к дальним звездам. Но чужие войска явились на Меру первыми, и надо было дать им понять, что Зимбура не терпит соперников.

— Да, они нас боятся! Видишь, они не решаются начать первыми. Надеялись, что мы струсим и побежим — от *них!* — и они завоюют наши земли, даже не вынув меча!

И не успел ни один из гоблинов ничего сказать, как генерал подался вперед в своем паланкине и, выхватив меч из ножен, взметнул его над головой.

— Вперед! Вперед, во имя бога-царя Халазара! — выкрикнул он в пораженной страхом тишине.

И тут же солдаты зашевелились, будто вышли из транса, и бросились с ревом вперед.

— Вот оно! — крикнул Йомар. — Они идут! Защищайтесь — и защищайте Арайнию!

Первая волна кавалерии полетела вскачь, образуя клин с Йомаром на острие. Неопытные воины первых рядов почти сразу сломались и кинулись бежать, как предсказывал Йомар, швыряя копья, которыми должны были остановить натиск противника. В прорыв бросились галопом паладины, за ними — пехота и отряды немереев на ревущих ипотриллах. Верховые лошади зимбурийцев, не видавшие подобных тварей, завизжали от ужаса, вскидываясь на дыбы, сбрасывая всадников. Ипотриллы раздраженно кидались и лязгали зубами — в свете факелов зловеще блестели их страшные клыки.

— Вперед! — кричал Йомар, бросаясь первым с обнаженным мечом.

Рыцари скакали за ним, а идущая следом пехота сметала ошеломленных зимбурийцев, как волна сметает сор. Впереди послышался грохот, поплыли клубы дыма, и пушечное ядро пролетало, визжа, над головами наступающих. Но они скакали вперед, разви-

вая преимущество, сквозь сумятицу бывших рядов армии противника. Силы зимбурийцев были рассечены надвое, и в обеих половинах царило смятение.

Вдруг со стороны зимбурийцев раздался вопль. Йомар глянул вверх, увидел огромную тень над головами, закрывающую звезды. И выругался.

Пришла очередь арайницев смутиться, когда над ними пролетел дракон, крыльями взметая пыль с дюн. Это был лоанан, а не огненный дракон, но не из союзников арайнийцев, потому что пикировал на их ряды. В свете факелов Йомар увидел развевающуюся бронзовую гриву и красно-золотую чешую, желтые глаза с вертикальными зрачками, как у кота. Эту тварь ни с чем нельзя было спутать.

— Мандрагор! — заорал Йомар. — Лучники — это не лоанан, это Мандрагор! Стреляйте в него!

Дико заржали лошади, шарахаясь от пролетающего красного дракона. Когда лучники готовы были отпустить тетиву, лоанан уже кружил далеко в небе. Туча песка поднялась под ним в воздух. Он использовал свою силу, чтобы устроить песчаную бурю!

— Стреляйте! — снова крикнул Йомар, но тут же ему набился полный рот песка.

Тем временем Дамион старался постоять за себя в общей схватке. Это было ужасно, но в то же время будто не взаправду. Вокруг — хаос, шум, движение. Сквозь завесу пыли и дыма прыгали тени, что-то орали. Кто здесь враг и кто свой? Вдруг из красноватой пелены выступила огромная черная тень, яростно трубя и хлопая гигантскими ушами, взметая пыль столбами ног. Визг, рев — и громада бросилась в гущу сражения, не обращая внимания на команды махаута.

«Слон — слон генерала! Он в панике, топчет людей...»

Дамион отвернул голову коня и дал ему шенкеля, заставив отпрыгнуть в сторону с дороги слона, потом взмахнул адамантиновым клинком, рассекая тени, что пытались загородить ему путь. Конь споткнулся, попытался снова отпрыгнуть и свалился на бок, скинув Дамиона на землю. Он отполз подальше от бешено бьющих копыт коня и оказался в мелкой лужице. Но это была не вода: подняв голову, Дамион увидел, что руки у него вымазаны темными потеками. Темно-красными...

Ужас хлестнул бичом, и Дамион вскочил на ноги, беспорядочно отмахиваясь мечом от воющих теней, не зная и не интересуясь теперь, кто тут враги, а кто нет, только чтобы не подпустить их к себе.

Йомар теперь понял, что случилось. Призывники в панике бежали от наступающего клина всадников, но теперь, ослепленные летящим песком, потеряли всякое чувство направления, и многие из них в том же остервенении бросились обратно. Они кишели вокруг рыцарей и одной своей численностью ненамеренно преуспели — смогли отсечь клин от идущих за ним сил, оставив Йомара и его кавалерию среди паникующей кишащей орды. И Йомар теперь уже тоже не мог сказать, в какую сторону от него его армия. Куда ни повернись, видны были только вихри песка, дерущиеся тела в броне и лошади его рыцарей, встающие на дыбы и пытающиеся сбросить всадников. Но тут Йомар увидел нечто, возвышающееся над битвой, и бросился пробиваться к боевому слону генерала.

Песчаная буря, устроенная Мандрагором, свое сделала. Не зная, где теперь армия, Йомар не мог отдать приказ ни наступать, ни отходить. Но одно он мог сделать.

«Я уберу генерала. Возьму в плен или убью — не важно, лишь бы убрать его из сражения».

Объектом его вражды были предводители врага. И в любом случае армия противника еще больше смешается без своего вождя. Йомар стиснул каблуками бока лошади и бросил ее вперед. На ходу конь лягался задними ногами, расчищая себе место в сече. Потом Йомар изо всей силы послал его прямо на слона.

Генерал его видел, в этом Йомар не сомневался. Слон взмахнул головой, поворачиваясь к Йомару, отгораживая его от своего седока мощной плоскостью лба и змеящимся хоботом. Махаут натянул лук, но Йомар неустрашимо рвался вперед. Стрела, вылетевшая из коричневого мрака, бессильно клацнула по шлему и отлетела в сторону. Слон взметнул голову, мотая ею из стороны в сторону, и стало видно, что копья его клыков — слишком серьезный барьер, даже не будь над ними еще и вооруженного махаута. Йомар отвернул коня и поскакал вокруг, пробиваясь сквозь верховых телохранителей, отбивая мечом удары их ятаганов. Он для них был слишком силен, и когда Йомар усилил напор, телохранители посыпались с седел или отступили, обезоруженные. Бок генеральского слона вырос перед Йомаром, и он повернул лошадь так, чтобы скакать рядом. Потом он изо всей силы нанес рубящий удар по передней ноге слона. Животное взревело и рухнуло передними ногами на колени, а Йомар спрыгнул с коня.

Махаут свалился с шеи слона, уронив лук, потом вскочил на ноги. Обернувшись, он увидел перед собой Йомара и выхватил меч, но клинок Йомара уже входил ему под правую руку. Погонщик

свалился. Йомар обернулся и взобрался на шею слона, полоснул мечом по занавесям паланкина и вспрыгнул на мягкое сиденье. И тут он взвыл от бессильной ярости — его добыча исчезла. Куда — ему некогда было даже гадать, нельзя было терять время. Боевой слон снова поднимался на ноги. Йомар подбежал к передней стене паланкина и посмотрел вперед. С высоты он увидел своих людей — группа их находилась справа на расстоянии выстрела из лука, посреди толпы, ощетинившейся мечами и копьями, как частоколом стальных рогов. Две лошади уже без всадников — рыцари взяты в плен или убиты? Что-то надо предпринять, пока их не перебили всех. К ним скакали гвардейцы генерала.

Склонившись к шее слона, он острием меча как стрекалом уколол того в шею, заставляя повернуть. Слон повиновался с протестующим воплем. Йомар направил его чуть в сторону от окруженных друзей, на верховых нападающих. Вскрикнули люди и заржали лошади, когда он врезался в толпу, расшвыривая всадников, как веточки. Йомар погнал слона дальше — пешие солдаты разбегались в панике, освобождая арайнийцам дорогу сквозь частокол стали. Рыцари бросились следом за Йомаром. Засвистели стрелы, направленные в Йомара и его слона, и зверь замотал головой и заревел, когда несколько их вонзилось ему в бок. Но от боли он лишь прибавил скорость, и впереди люди разбегались в стороны, открывая путь в пустыню.

Они вырвались из схватки — на свободу. Всматриваясь в летящую пыль, которая уже осела, оставив легкую дымку, Йомар видел вдали отступающие войска — некоторые в доспехах паладинов. Пикировали сверху и парили над ними лоананы, выводя арайнийскую армию из боя. Вернув меч в ножны, Йомар спрыгнул со слона навстречу ехавшим за ним всадникам. Как минимум троих не хватало: не видно было ни Раймона, ни Мартана. И где Дамион?

— Там, — выдохнул Лотар в ответ на вопрос, показывая в гущу схватки. — Что с другими двумя, я не знаю — может быть, отступают с остальными, но сэра Дамиона я видел. Но добраться до него не мог, он был окружен. Генерал Йомар, куда вы?

Йомар не ответил. Он изо всех сил бежал к гуще мечей и тел, выхватывая на бегу клинок.

Высоко над бурей и над битвой кружил красный дракон под чистыми звездами неба, глядя на то, что он сотворил. Туча песка таяла и оседала, и за ней видна была арайнийская армия, отступающая к порталу, через который пришла.

Удовлетворившись этим зрелищем, дракон взмыл еще выше и полетел к городу за холмами.

* * *

Солнце поднималось над пустыней, когда генерал Гемала вошел в тронный зал Йанувана, все еще в покрытой пылью и кровью броне, держа шлем под мышкой. Сопровождаемый столь же потрепанными и усталыми офицерами, он появился перед Халазаром без доклада, упал на одно колено и объявил:

— Все кончено, ваше величество! Славная победа на нашей стороне! Силы Трины Лиа полностью разгромлены. Те, кто не был убит и взят в плен, убрались с нашей земли, чародейством вернувшись в свою сферу.

— Должен вас поздравить, генерал, — протянул Мандрагор, небрежно опираясь о спинку Халазарова трона. — Вы необыкновенно изящно обратили в бегство армию неумелых и необученных юнцов.

— Это были достойные враги — мужи оружия.

— Младенцы оружия! — передразнил его Мандрагор. — Арайнийцы о войне понятия не имеют.

Генерал бросил на него злобный взгляд.

— Это настоящие воины, и мы, те, кто с ними *сражался*, очень быстро это поняли. И с ними были чародеи и крылатые чудовища вроде тех, что служат нашему царю. Но мы нанесли бы врагу еще больший урон, если бы нам не помешала какая-то странная песчаная буря: злое волшебство врага, быть может. А быть может, и нет, — добавил он, глядя Мандрагору прямо в глаза. — Хотя зачем бы кому-нибудь из наших чародеев мешать нам в битве.

— И в самом деле, зачем? — ответил Мандрагор с деланным недоумением. Про себя он кипел. «Идиот! Как он посмел первым напасть на войско Эйлии, превратив нас в агрессоров? Уж что мне меньше всего было нужно!»

Иногда предполагаемые союзники доставляли хлопот не меньше, чем враги. Как он и боялся, Синдра себя выдала: она своей волшебной силой дотянулась до темного холодного разума какого-то огненного дракона и послала его убивать Эйлию. Попытка провалилась, а изменница-арайнийка с тех пор застряла одна на Неморе, пробравшись через эфирный портал. Толку от нее теперь не было, и не стоило ожидать, что она вернется из своего изгнания. Синдра предпочла жить среди лоанеев, а не среди гуманоидов Неморы — ошибка, за которую она еще поплатится. Люди еще могли бы уважать ее, но не драконий народ — эти к ней отнесутся с презрением, и вряд ли у нее за время изгнания улучшится характер. Но ему до этого уже дела нет. Произошло и худшее: Трина Лиа не только не появилась на Мере со своей ар-

мией, а оказалась под бдительной охраной на Темендри Альфаране, где за ней будут день и ночь следить величайшие волшебники среди драконов. От злости Мандрагор тихо зашипел про себя. Она же там может проторчать много лет, наращивая знания и мощь под их защитой и руководством! Но зато она хотя бы покинула Арайнию. Посмотрим, нельзя ли будет как-нибудь обмануть и защиту лоананов.

Он снова прислушался к докладу Гемалы.

— Мне пришлось спрыгнуть со слона и сражаться в пешем строю, — рассказывал царю генерал. — И все равно трудно было отличить врага от своего. Но мои люди выстояли, и весь наш народ возрадуется моей победе.

Глаза Халазара стали ледяными.

— Ты хочешь сказать — *моей* победе?

Коротко стриженная седая голова склонилась чуть не до земли.

— Разумеется, ваше величество.

— Мы довольны, — объявил царь, хотя ни в голосе, ни в лице его это не отразилось. — Ты должен быть за это вознагражден. Но... никогда не появляйся в нашем царственном присутствии в таком недостойном виде. Это неуважение.

Йомар медленно ехал по пустыне, мимо людских и конских тел. Над головой кружили стервятники. Как ни старался Йомар, но за всю ночь битвы ему не удалось найти Дамиона, а к утру стало ясно, что битва проиграна. В конце концов пришлось искать укрытие в заброшенном сарае. В последний раз, когда он смог сделать вылазку, ему предстало зрелище смерти и разрушения. Во всей округе, казалось, не осталось живой души. Жар солнца придавал телам, к которым он прикасался, обманчивое сходство с теплом живых, но никто не пошевелился, когда Йомар тряс его, и не проявил никаких признаков жизни. Некоторых уже похоронила песчаная буря, других он закопал сам, как смог. Уцелевшая армия исчезла — очевидно, ушла через портал, потому что больше в этой пустыне деваться было некуда. Без лоананов он не мог открыть туннель сквозь Эфир и вернуться на Арайнию. Он застрял здесь, как и те из его людей, кто остался в живых. Вся кампания обернулась грандиозным провалом. Халазар не устрашен и не свергнут, а только одержал очередную победу, и многих молодых арайнийцев Йомар привел сюда на гибель.

«Моя вина, — думал он. — Я их сюда привел. И все зря...»

Потом он нашел Дамиона.

Священник-рыцарь лежал на песке, окруженный мертвыми зимбурийцами. Открытые глаза смотрели без выражения, и Йомара он не заметил. Он дышал, и кровь из раны на голове запеклась на волосах.

Йомар остановился.

— Эй, Дамион! — негромко окликнул он.

Синие глаза закрылись, потом открылись снова.

— Привет, Йо. У меня на мече кровь, видишь, — сказал Дамион неразборчиво. — А эти люди убиты. Наверное, значит, я их убил. Странно, знаешь: ничего не помню...

Боевой шок. Некоторым так и не удается от него оправиться: они сходят с ума или страдают припадками и кошмарами всю оставшуюся жизнь. Наклонившись вперед, Йомар сильно его встряхнул.

— Очнись, Дамион, ты мне нужен! Дамион, слышишь?

Наконец священник вздрогнул и прохрипел:

— Да, слышу, все в порядке.

Краска вернулась на его лицо, и он сел.

— Ты первый, кого я живым вижу, — мрачно сказал Йомар. — Пошли посмотрим, нет ли еще уцелевших.

Сэра Мартана они нашли неподалеку. Белый плащ был залит кровью, лицо и волосы засыпало песком. Когда они подходили, он зашевелился и взглянул на них, не узнавая, потом закрыл глаза и застонал. Йомар глянул на рану у него в боку, где пробило броню, и покачал головой, посмотрев на Дамиона. Священник склонился возле Мартана и стал выполнять последний обряд. Когда он читал молитву, умирающий вдруг открыл глаза, таращась в небо.

— Вон там, там! — прошептал он растрескавшимися окровавленными губами.

— Что? — спросил Дамион, наклоняясь к нему, но Мартан был уже мертв.

Йомар был мрачен.

— Я знал, что он погибнет.

Они с Дамионом огляделись. Неизвестный Рыцарь лежал недвижно возле Мартана, и тоже был весь окровавлен. Эта пара хорошо дралась, если все лежащие вокруг зимбурийцы пали от их мечей. Йомар наклонился поднять забрало Раймона. Дамион отошел в сторону — видеть юное лицо павшего рыцаря ему не хотелось.

Рубленая рана на голове болезненно пульсировала. Что же произошло? В памяти было пусто. Тел на песке было мало для всей

армии. Арайнийцы отступили? Лоананы отнесли их в Арайнию или же их захватили в плен и отправили в Фелизию?

За спиной раздался крик, и Дамион оглянулся. Неизвестный Рыцарь, явно еще не собирающийся умирать, стоял лицом к лицу с Йомаром, который орал и размахивал руками. Шлем рыцарь снял, и Дамион застыл при виде лица под шапкой коротких светлых волос.

— Не могла я остаться! — вопила Лорелин, мотая головой и размахивая руками. — Нечего мне там делать было! Армии все нужны, кто может драться, ты сам так говорил. И я помню, Эйлия рассказывала, как королева Лирия оделась пажом и пошла в битву со своим принцем-рыцарем. И еще Эйлия говорила, что жизнь — как книга, только ее мы пишем сами. И я решила, что *вот это* в моей книге должно быть!

Йомар чуть ли не визжал:

— Ты с ума спятила? Тут же война! И ты здесь не останешься.

— Лори? — ахнул Дамион.

— Дамион! До чего ж я рада тебя видеть! — бросилась к нему девушка. — Я когда заметила, что тебя окружили, попыталась к тебе прорубиться, но меня стащили с лошади, и пришлось драться...

Лорелин осеклась, увидев Мартана, безжизненно лежащего на земле.

Йомар проследил за ее взглядом.

— Вот! — рявкнул он. — Он убит — видишь? Убит! Тут тебе не игрушки, это всерьез.

Лорелин побледнела как бумага. Медленно, шаг за шагом, подошла она к телу. Потом поцеловала юношу в лоб и накрыла ему лицо.

«Он теперь всегда будет молодым», — подумал Дамион. И тут ему в голову пришла другая мысль.

— Лори! Так это ты помогла ему убить всех этих зимбурийцев? — спросил он с ужасом.

— Пришлось, — ответила она. — Я не хотела, Дамион, но иначе они бы убили тебя.

Лорелин подошла к телам и присела возле них, склонив голову. Почти сразу слезы, не пролитые по Мартану, потекли у нее по щекам.

Дамион в изумлении покачал головой.

— Она — истинный паладин.

— Идиот она истинный! — застонал Йомар. — Разве ты не видишь, что это игра?

Дамион смотрел, как молится Лорелин по мертвым солдатам. Может быть, действительно она слегка играла роль — все жесты чуть преувеличены. Когда он подошел, она подняла к нему полные слез глаза.

— Дамион, я в самом деле не хотела их убивать! У меня не было выбора!

Почему-то ему стало немного легче: горе ее было настоящим. Ни один паладин никогда не хочет убивать, но ее огорчение было искренним, он слышал это в ее голосе. Пусть она проявила себя воином, но ее душевная чистота не пострадала от ее деяний. А для него такого облегчения от бремени нет. Он может стереть пятна крови с меча, но не из памяти. У него перед глазами навечно останутся лица навсегда молодых зимбурийцев.

Наконец Лорелин встала.

— Что мы должны делать, Дамион? Я боюсь взывать мысленно — любой чародей может меня подслушать, в том числе *он*.

— Ты права. Тогда лучше мысленной речью не пользоваться. Может быть, наши лоананы вернутся в поисках уцелевших.

— А может быть, и нет, — сказал подошедший Йомар. — Да, влипли мы, ничего не скажешь. Посреди пустыни — и без лошадей!

Дамион тупо посмотрел на него, потом огляделся. Вокруг во все стороны лежал только песок. Жалкие поля засыпала песчаная буря, изменившая пейзаж до полной неузнаваемости. Дамион стал смотреть на холмы, чтобы сориентироваться.

— Где наш лагерь? — спросил он.

Йомар прищурился.

— Должен быть к востоку отсюда.

Они двинулись в путь. Солнце поднялось выше, волны жара дрожащим воздухом прокатывались по дюнам. Пришлось остановиться и снять доспехи — жар и их тяжесть стали невыносимы.

Добравшись наконец до лагеря, они в отчаянии остановились.

Все палатки были сожжены и полузасыпаны песком, река и каналы захлебнулись грязью. Несколько сараев сгорело. И ничто не шевелилось: никого не было.

Йомар, осмотрев повреждения, тихо выругался.

— Есть несколько фляг с водой, надо бы их с собой взять. — Он выпрямился. — Придется уходить. Если повезет, найдем еще людей из нашей армии. Вдруг кто-то блуждает в песках. Не может же быть, чтобы *всех* убили или взяли в плен.

Позади раздался пронзительный рев. Обернувшись, люди увидели голову ипотрилла, высунувшуюся из-за невысокой дюны. Тварь поднялась на ноги, стряхнув с горбатой спины груду песка.

Отряхнувшись, зверь повелительно хрюкнул, но не двинулся с места. Очевидно, был еще стреножен.

— Зато транспорт есть, — сказал Дамион, освобождая животное.

Зверь сразу бросился к оросительному пруду, забитому теперь мокрым песком, и стал шумно пить.

— Ты с этой скотиной управишься? — спросил Йомар.

— Надеюсь. Хорошо бы Эйлия здесь была, она с животными находит общий язык.

— Вот только еще одной бабы мне здесь не хватало. Ладно, пошли.

Ипотрилл был согласен нести людей, хотя сначала слегка поворчал. Собрали всю уцелевшую провизию, уложили на широкую спину, и еще для двоих место осталось. Дамион шел у головы животного: ни узды, ни повода не было, потому что зверем должны были управлять немереи. В конце концов Дамион уговорил его идти, подманивая торбой с провизией. Вытянув длинную шею, ипотрилл пошел за ним.

— Куда идем, Йомар? — спросил Дамион.

— Только в одно место можно пытаться пробиться. Рабы говорили, что далеко в этой пустыне есть оазис, место, где всегда зелено, идут дожди или не идут. Считается, что это там, где лежат развалины города Мохары и полно естественных колодцев. Время от времени рабы сбегали и уходили через пустыню — мы их никогда больше не видели. Кто говорит, что они погибали от жажды, кто — что вообще там города никогда не было. Но из лоананов некоторые говорят, что видели зеленое пятно в пустыне. Может быть, это настоящий оазис, даже если никакого брошенного города там нет. Считается, что это к западу отсюда.

— Долгий путь — через всю пустыню.

— Другого нет. На север и на юг — точно только пустыня, а на запад — Халазар.

И они медленно двинулись в дюны.

К полудню жара стала невыносимой.

— Повяжите чем-нибудь головы, — велел Йомар. Он спешился, и его место на спине ипотрилла занял Дамион. — А то эта ваша белая кожа подрумянится коркой.

Процессия двинулась, и Йомар снова принялся отчитывать Лорелин:

— Ну ты и придумала — сюда заявиться, где так опасно! Убил бы прямо.

Дамион не смог сдержать улыбки.

— Да, тогда уж точно никаких опасностей. А скажи, Лори, как ты это устроила? Как достала доспехи Раймона?

— Он сильно пострадал, когда упал в Пустошах, и целители сказали, что у него что-то в спине вышло из строя, и нужны недели, чтобы привести в порядок. Так что я надела его доспехи и заняла его место.

— Ага, а то я удивлялся, как он так быстро вернулся в строй. Я к нему заходил незадолго до того, и он лежал пластом и страдал от боли.

— Так и было. Это меня ты видел на турнире. Поначалу я только хотела показать Йо, что умею сражаться верхом, а потом хотела снять шлем и объявиться. Но сообразила, что он тогда все равно меня не возьмет. А уж обманув всех один раз, я смогла это сделать и еще раз. Правда, мне пришлось посвятить в тайну Раймона. Он был рад, что кто-то займет его место — переживал, что из-за его оплошности у Йомара на одного рыцаря меньше. Мы взяли клятву с целителей, и пришлось сказать еще Мартану и Лотару, но никому больше.

— Но... — У Дамиона голова шла кругом. — Лори, это же значит, что тебя тоже посвятили в рыцари на Мелнемероне. Посвятили под чужим именем!

— Нет, Эйлия окрестила меня «сэр Неизвестный Рыцарь», как попросил ее Раймон.

Йомар не унимался:

— Из всех дурацких, безмозглых...

— Йо, без толку, — перебил его Дамион. — Ей придется здесь остаться, потому что нет способа отправить ее обратно.

Йомар от души выругался. Они с Лорелин продолжали еще пикировать друг друга, и Дамиона их остроумие всерьез достало. Ипотрилла, очевидно, тоже, поскольку он свои негативные чувства выразил явно — два раза остановился, и пришлось его приводить в движение кнутом и пряником.

С каждой минутой становилось все труднее. Воду следовало сурово экономить, и уже каждому грезились озера и ручьи, кувшины с ледяной водой. Рты пересохли, в горле у всех першило, губы и языки распухали. Все уже молчали, и слышалась только поступь широких копыт ипотрилла. Пылающая ярость солнца на песке жгла глаза. Лорелин растянулась вдоль горба животного, полузакрыв глаза, и кожа у нее покраснела от солнца там, где в импровизированном тюрбане были щели. Дамион скорчился на мешках, содержащих скудные припасы, и, прищурясь, всматривался в горизонт.

«Оазис, — думал Дамион, пытаясь представить его себе. — Деревья. Растения. Вода... вода...»

Он медленно погрузился в полубессознательное состояние и снова будто перенесся в сады Халмириона. Повсюду ароматные цветы, кустарники, деревья и — мучительные — звуки фонтанов, музыка играющей воды. На краю фонтана сидит Эйлия, лицо ее в обрамлении цветов, а глаза большие и нежные и странно полны надежды, и глядят они в его глаза... Дамион попытался с ней заговорить, и она растаяла вместе с садом — пустынный мираж.

Солнце спускалось мучительно медленно. Поднялся ветер, горячий и сухой, закружил песок у гребней дюн, бросая в лицо людям. Дамион очнулся от ступора, когда ипотрилл внезапно дернулся. Споткнулся, сейчас рухнет? Дамион посмотрел вниз — животное паслось.

Вся земля вокруг была укрыта жесткой травой, острыми былинками. Впереди раскинулась плоская равнина, истыканная колючими кустами и приземистыми скрюченными деревьями. А вдали — какое-то темное шевеление...

— Оазис, — просипел Дамион.

Лорелин встрепенулась, моргая.

— Уже недалеко, — так же хрипло ответил Йомар.

Солнце уходило за горизонт, огромное, красное, под облачной грядой, и на пустыню быстро опускалась ночь. Холодный ветерок зашевелил жесткие листья и ветви мелких чахлых деревьев. «Недалеко, — думал Дамион. — Недалеко...»

И тут ипотрилл взметнулся на дыбы с таким ревом, от которого ночь содрогнулась. Лорелин с воплем свалилась на землю. Йомар повернулся с проклятием, а Дамион спрыгнул на землю рядом с ним и пытался успокоить животное.

Ипотрилл упал на узловатые колени, и Дамион увидел торчащие у него из шеи стрелы.

— Прячься за ним! — крикнул Йомар, рванув Лорелин к себе.

Рев зверя сменился затихающими стонами, и шея вытянулась на песке. Не успели путники спрятаться за ним, как пустыня зашевелилась человеческими фигурами. Они выпрыгнули из-за камней и кустов будто по волшебству: темнолицые, вооруженные луками, копьями и кривыми ятаганами.

Раздался голос, и Йомар вздрогнул и встал. Он закричал в ответ на том же языке, и Дамион понял, что понимает его: это был элейский, но с каким-то странным и сильным акцентом. А люди эти были мохарцы.

Йомар, продолжая разговор, зашагал к ним.

— Все хорошо, — услышал Дамион, — все в порядке! Мы все вместе — мохарцы.

Дамиону показалось, что в последняя фраза прозвучала ритуально.

— Откуда вы идете? — раздался оклик.

— Из пустыни. Мы ехали на спине этого зверя.

— Что за зверь? Мы приняли его за одного из демонов Халазара.

— Это не мохарец! — заявил кто-то другой. — Это дух, джинн. Он ездит на чудовищах...

— Ай! Джинн!

— Перестаньте! — рявкнул Йомар. — Я человек, такой же, как и вы!

— Кто с тобой? — спросил первый голос.

Дамион и Лорелин встали и осторожно глянули на вооруженных людей, все еще направляющих на них копья и луки.

— Это мои друзья... — начал Йомар, но его перебили:

— Бледнолицые! Это зимбурийцы!

Копья подались вперед.

— Нет! — крикнул Дамион и сорвал с головы повязку, показывая светлые волосы. Лорелин последовала его примеру.

— Он не зимбуриец, и женщина тоже, — сказал Йомар.

— Женщина? — Темнокожие воины сгрудились вокруг. Вид у них был страшноватый: все в черной коже, с ожерельями из звериных когтей и зубов. — Мы думали, оба мужчины.

Их прервал рев ипотрилла, который забил длинным хвостом по песку. Люди отпрыгнули, но зверь уже застыл, и кровь его впитывалась в песок. Дамиону стало жаль это создание, привезенное со своей мирной планеты воевать в чужом мире. Но тут же его внимание вернулось к мохарцам.

— Это он! Я его знаю! — крикнул предводитель, показывая на Йомара. — Это Йомар из Фелизии! Полукровка!

Говор прошел по толпе. Предводитель мохарцев шагнул к Йомару и выразительно сплюнул ему прямо под ноги.

— Вон, собака! Змея! В твоих жилах — кровь зимбурийцев, и ты дерешься под их знаменами! Предатель! — заорал он, оборачиваясь к своим людям. — Это полузимбуриец, холуй, орудие Халазара, предатель мохарского народа! Он вступил в зимбурийскую армию и сражался за них. Халазару нужны такие людишки — шпионы и предатели, недостойные имени мохарцев! — Он снова обернулся к Йомару: — И тебя, ублюдок-полукровка, послали сюда шпионить за нами? Ты сбежал — это ты сейчас будешь рассказы-

вать? И ты уйдешь с нами в наши укрытия, притворишься другом, а потом побежишь доносить своим хозяевам, где мы? Этого не будет, предатель. Мы тебя убьем с твоими друзьями-шпионами!

Наступило короткое молчание. Дамион и Лорелин задержали дыхание.

— Ты — сын свиньи, — отчетливо сказал Йомар.

Дамион закрыл глаза, думая, насколько это больно, когда тебя проткнут копьем.

— Сыном свиньи назвал я тебя! — гаркнул Йомар. — Легко тебе говорить — тебе, свободному, никогда не жившему в провонявшем всеми болезнями трудовом лагере! Что ты знаешь о страданиях рабов? Я не просился в их армию — меня взяли силой, меня поработили и бросили на арену для развлечения! И там я сражался за всех мохарцев — побеждал всех зимбурийских гладиаторов, что против меня выставляли. Там я *был* мохарцем — символом, чтобы зимбурийское отребье видело тех, кого им никогда не уничтожить. Духом Мохары! — Йомар выставил грудь вперед и гордо поднял голову, бросая вызов даже при виде наставленных в него копий. — Когда они увидели, что могут только меня убить, они решили казнить меня публично. Я был готов умереть, но меня выкупила армия...

— Ты должен был отказаться повиноваться им и умереть с честью! — зарычал предводитель.

— Глупец! Зимбурийцы *хотели* моей смерти — они хотят смерти всех нас! Вот почему я выбрал жизнь — чтобы драться с ними и дальше. Я знал, что придет день — и я дезертирую, проберусь на корабль, убегу к своему народу. Подниму восстание и вернусь во главе его. Я — мохарец, говорю тебе, а мы, мохарцы, не задираем лапки кверху и не подыхаем. Мы бьемся — и остаемся жить.

Люди стали переглядываться, некоторые неуверенно.

— И я дезертировал, — продолжал Йомар. — И я вернулся — во главе армии. Армии, слышишь? И мы только вчера дрались с проклятыми зимбурийцами.

— Это правда — мы видели в пустыне следы битвы, — подтвердил один из воинов. — И странные огни в небе.

— Но кто за тебя сражается? — спросил другой. — Шурканские повстанцы или люди Содружества?

Йомар задержался с ответом, соображая, сказать правду или ему не поверят. Сам он сомневался во всех старых сказках — теперь пришла его очередь встретиться с недоверием.

— Я удрал из Зимбуры, — медленно сказал он, — в страну, которая называется Тринисия.

Громкий ропот прошел по толпе воинов.

— Да — Тринисия! — крикнул Йомар, перекрывая голоса. — Она существует, и существует Элдимия, земля богов. Я был и там, и там, узнал эти страны и их народы.

— Ты лжешь.

— Лгу? Посмотри на зверя, которого вы убили, — ты видел когда-нибудь такого?

И опять неуверенное бормотание людей. Наконец снова заговорил предводитель.

— В Тринисию и Элдимию мы всегда верили и верим. А сомневаемся — в твоих словах, полукровка. Если ты лжешь, то ты кощунствуешь против богов. Но мы посмотрим. Сейчас мы отведем тебя и твоих спутников в оазис и там решим вашу судьбу.

10
Летучий корабль

Имперский дворец, как показалось Эйлии с первого взгляда, должен был внушить благоговение даже лоанану. Адамантиновая крыша парила на такой высоте, что под хрустальным сводом главного зала собирались небольшие облачка и висели белой дымкой. Дворец стоял на пологих холмистых лугах к северу от города драконов, но Аурон объяснил Эйлии, что все сооружение может быть поднято на воздух левитацией и даже перенесено в другие миры Империи, если Орбион выполнит соответствующий обряд. Однако сейчас, входя в широкие хрустальные двери, Эйлия опустила голову и почти не обращала внимания на окружающее. Вести от немереев Арайнии пришли ужасные: ее миротворческие силы подверглись бешеной атаке зимбурийцев и были разгромлены, выжившим солдатам пришлось спасаться в Эфир с помощью лоананов, и многие молодые бойцы были убиты или взяты в плен. План напугать Халазара обернулся катастрофой. Лоанан сообщил, что Дамион и Йомар не найдены среди убитых и по улицам с прочими пленными их тоже не проводили. Но и на Арайнию они не вернулись. Лоананы не могли связаться с ее друзьями, не выдав врагу их местонахождения. Некоторые драконы пытались провести поиск через Эфир, но безрезультатно, и вынуждены были отступить под натиском огненных драконов Морлина.

И еще Аурон ей сказал:

— Молодой Раймон на Арайнии заявил, что скрылся и вместо себя позволил отправиться на Меру Лорелин.

— Лори тоже там!

«Как это на нее похоже — сбежать и воевать вместе с мужчинами! Смелый поступок, доблестный — это мне надо было сделать, если бы я стоила того почета, что мне оказывают люди».

— Она не вернулась. И она тоже не убита, значит, может быть сейчас с Йомаром и Дамионом. На Арайнии она оставила записку, что это ты ее вдохновила: ты ей сказала, что жизнь — это книга, которую пишет сам живущий.

«Значит, это тоже на моей совести».

По крайней мере ее друзья живы — сейчас. Если бы только она могла убедить другие миры Империи встать на ее сторону в битве против Мандрагора и Халазара! А до тех пор ее друзья должны затаиться и ждать, рискуя каждый миг попасть в плен, оставаясь на территории врага. И она ничего не может сделать. Эйлия глянула на шкатулку с Камнем Звезд, которую несла с собой, и стиснула ее в ладонях. Но никакого движения силы в ней не ощутила.

Огромный хрустальный зал был заполнен самыми разными созданиями. Ум Эйлии, угнетенный несчастьем, начал наконец-то что-то воспринимать и узнавать существа из древних легенд: дриады, сильфиды, гномы, фейри, амазонки. Были здесь и люди-животные, принявшие здесь, в этом огромном пространстве, свои естественные формы: кицунэ, тануки, пьюки. Эти последние были похожи на маленьких изысканных лошадей, более хрупкого сложения, чем кони Арайнии, и глаза их светились разумом. Громадная птица, больше Талиры, сунула голову под крыло с бронзовыми перьями. Рядом с ней находилось существо с телом льва, крыльями птицы и головой женщины. Эйлия видела множество таких изображений на воротах больших имений, но эта была не из камня — живая плоть и еще перья и мех. Лицо ее было яростно-красиво, с золотыми глазами и путаницей бронзовых волос, как львиная грива.

Идя со своей охраной по бесконечному пролету, Эйлия старалась не таращиться на окружающих ее существ. Был здесь и Мирмеколеон, и его мохнатая голова млекопитающего странно контрастировала с шестью многосуставчатыми ногами и хитиновым панцирем на теле, и Кетцалькоатль со змеиным телом, украшенным радужными зеленоватыми крыльями и перистым гребнем, похожим на церемониальный убор в волосах. В одной из соседних камер плескалась морская вода, и за хрустальной стеной плавали океанические создания — дельфины, макары и водные драконы.

Были и другие существа, которых Эйлия не узнала, — посланцы неисчислимых чужих миров. Все они внимательно смотрели на Эйлию в полной тишине, пока она шла с Ауроном, Талирой и Фалааром. Наверняка они интересуются, действительно ли она та, о которой говорят пророчества. А может быть, они не верят в древние предсказания?

Она подняла глаза к возвышению в конце зала.

— Это и есть небесный император? — шепотом спросила она Аурона, который шел рядом с ней в драконьем облике.

На возвышении стоял драконий трон Талмиреннии — громадное каменное кресло, укрытое листовым золотом, и извилистые изображения небесных драконов образовывали его спинку, боковины и подлокотники. А на троне сидел человек — старый, высохший, с белой бородой, водопадом спадающей на грудь. Одет он был в золотую мантию, вышитую серебряными драконами и звездами, и высокая корона кованого золота покоилась у него на голове. Но тело казалось слишком хрупким для всех этих украшений. Искривленные руки с выступающими венами дрожали на резных головах драконов, образующих подлокотники, и только глаза, синие и ясные на изборожденном морщинами лице, казались живыми. Шесть имперских драконов выстроились по бокам трона.

— Это он, — ответил Аурон. — Орбион, повелитель драконов и император императоров. Он принял облик человека в знак расположения к тебе, но он действительно так стар, как кажется. Ему почти тысяча пятьсот меранских лет. И изменение облика требует от него напряжения.

— Тогда он должен перекинуться обратно, — предложила Эйлия огорченно. — Я не хочу, чтобы он из-за меня терпел неудобства.

— Нет, это обычай императора неба — менять форму, входя в какой-нибудь мир. Он обращается в подобие тех, кто там живет, а предоставляя аудиенцию, он принимает образ того, кто ее просил. Этот обычай император будет соблюдать, как бы ни было ему трудно. И он не хочет проявлять слабость перед отступниками среди лоананов. Это — демонстрация его мощи.

Они тем временем дошли до помоста, и все, в том числе Эйлия, сделали жесты повиновения, присущие их расам.

— С благополучным прибытием, — произнес сухой старческий голос. — Насколько я понимаю, ты хотела бы говорить с этими посланцами миров. Желаешь ли ты обратиться к собранию сейчас, принцесса?

Эйлия поклонилась и обернулась к созданиям, нервно прокашлялась и начала подготовленную речь. Она уже привыкла обращаться на Арайнии к большим аудиториям, но никогда еще не говорила перед столь многочисленным собранием. Перед таким странным собранием разных существ, из которых лишь немногие хоть как-то были похожи на людей.

— Народы Империи! Я — Эйлия Элмирия с планеты Арайния, долго жившей изолированно от ваших миров. Мой народ желает воссоединиться с вами и видеть восстановление мирной торговли между нашими планетами.

Бронзовая птица вытащила голову из-под крыла, и Эйлия поразилась, увидев, что лицо у нее было человеческое, хоть и с резкими чертами.

— Почему вы были отрезаны? — спросила птица пронзительным голосом.

Эйлия не предвидела, что придется отвлечься от выученного текста, и несколько мгновений помедлила с ответом.

— Люди Меры сами отделились, заявив, что не хотят иметь дело с магией или с иными мирами. Лоананы в мудрости своей решили дать человечеству время пожить одиноко, а элеи Арайнии положили разделить изоляцию меранцев, а не изгонять тех мереев, что жили на их планете. Но с моим появлением лоананы объявили, что мы готовы вернуться в небесный союз, если вы все на это согласны.

— И это ты, та, которую зовут Трина Лиа? — спросила какая-то сильфида. Собрание шевельнулось.

— Да, это я, — ответила Эйлия и подумала: «И что дальше?»

Сильфида подошла ближе. Она была высока и худощава, одета в белое, и две пары крыльев переливались перламутром. Сильфида раскрыла их полностью, будто салютуя.

— Мой народ долго тебя ждал. Если ты та, о которой говорит пророчество, мы рады тебе. — Она присела в реверансе, коснувшись земли кончиками крыльев. — Слыхала я, что ты сокрушишь приспешников Валдура раз и навсегда.

— Вы не поняли, — быстро сказала Эйлия. — Я пришла *предотвратить* войну, защитить все народы от любых нарушителей мира, которым мы сейчас все наслаждаемся. И не хочу ничего плохого тем, кто желает жить в согласии с другими.

— Ты лжешь! — загремел чей-то голос.

Эйлия, разинув рот, уставилась на шагнувшего вперед дракона. Он сверкал красной чешуей, и на минуту девушке в ужасе показалось, что это Мандрагор в драконьем обличье. Но потом она

увидела, что этот дракон побольше, и грива у него темная, а не светло-коричневая.

— Это Торок, царь драконов Земли, — шепнул ей Аурон.

Эйлия вежливо склонила голову, как монарх, приветствующий монарха.

Красный дракон приблизился скользящей походкой, как крадущийся к добыче кот. Сернистого цвета глаза сузились.

— Так это и есть то создание, о котором ты говорил? — обратился он к Аурону. — И оно ждет, что я склонюсь перед ним?

— Нет. И если ваше величество не может найти в себе запасов вежливости, чтобы обращаться к Эйлии прямо, то можно было бы хотя бы называть ее «она», а не «оно», — ответил Аурон резко.

— Она — человек. Моим народом человек править не будет!

— Кажется, ты глубоко презираешь людей, и все же ты настаивал, чтобы мы приняли лоанеев, — заметил Аурон.

Красный дракон зарычал в ответ:

— В них — кровь наших предков. И эту кровь следует уважать, сколь бы низок ни был сосуд. У Эйлии и ее народа такой связи с нами нет.

— Откуда ты знаешь, что она происходит не от лоананов? Мне это кажется вполне вероятным.

— И ты можешь представить доказательства?

— Естественно, нет, и какая разница? В пророчествах не сказано, что обладатель Камня должен быть драконьей крови.

— Есть еще один претендент на титул, — возразил Торок. — И в его жилах течет кровь не только архонов, но и лоананов.

— Мандрагор! — прошипел Аурон.

— Ты отрицаешь его происхождение от архонов?

— Нет, меня беспокоит его личная биография. Он — отщепенец и ренегат худшего сорта.

— И вее же я и многие из моего народа выбрали бы его владеть Камнем ради его драконьей крови. Валеи уже выбрали его своим вождем и будут в мире с нами, если мы тоже его признаем. — Желтые глаза царя драконов снова повернулись к Эйлии. — А вот такой мелюзге не подобает править Звездной Империей.

Аурон заслонил Эйлию собой, опустил голову:

— Торок, ты говоришь как сопливый юнец, не как царь. Размер значения не имеет.

— Мудро допустить, чтобы подобное создание правило всей Небесной Империей? Ты видел, как эти люди сами собой управляют? У них же бесконечные войны.

Этого Эйлия уже не могла вынести.

— Я не желаю править! — крикнула она. — Не хочу начинать войн, хочу только, чтобы все жили в мире!

— Мы всегда желали жить в мире со всеми созданиями вселенной. Вот почему мы всегда делились с людьми знанием. И если они обратили наше знание на службу безумию, нашей вины здесь нет.

— Они были слишком молодой расой для того учения, которое твой народ им дал! — возразил Аурон. — Поэтому виноваты не они, а вы. С тех пор они стали мудрее.

— Мудрее? — фыркнул дракон. — Они теперь так же не способны ее воспринять, как и тогда. Вот почему мы давным-давно смешали нашу кровь с их кровью, чтобы создать расу получше. И то же до нас сделали архоны. Но вы, остальные лоананы, обратились против нас и против лоанеев. Вы рассеяли их среди звезд, их, существ нашей крови. Вы позволили слабым людям восторжествовать над мудростью и мощью.

— Вы создали расу чудовищ, — сказал Аурон, — относившихся к прочим людям жестоко и презрительно. Мы лишь исправили вашу ошибку и освободили людей из рабства лоанеев.

Красный дракон нагнул голову и зарычал:

— Если эта твоя Трина Лиа — истинный предводитель, она встретится с Морлином в смертельном поединке, как принято у лоанеев, чтобы определить, кто истинный наследник. Разве не о таком говорят пророчества людей? Скажи им, зачем ты пришла, человек! Ты хочешь пойти войной на Морлина и на лоанеев!

— Нет! Сын Неба! — Эйлия обернулась к императору, назвав его официальным титулом. — Я пришла лишь просить твой народ помочь моему в нашей борьбе против аватары Валдура. Я прошу помощи, чтобы *не допустить* войны!

Живые глаза на древнем лице смотрели бесстрастно.

— Не мне давать ответ, принцесса, — произнес старый, высохший голос. — Право ответа принадлежит этим существам, эмиссарам различных миров и звездных государств. Сторонники Валдура поклялись встать против нас и пойти войной, если мы вмешаемся в дела людей, примем чью-то сторону.

Высокая женщина в броне шагнула из толпы и опустилась на колено.

— Сын Неба, все расы, несущие в себе кровь людей, согласны вот в чем: мы принимаем эту женщину как ту, о которой говорили пророчества. И мы принимаем людей Меры как наших кровных братьев, которым нужна помощь.

И Хада-кицунэ шагнул из толпы вперед. Он оставил свой истинный вид ради человеческого облика — признак поддержки Эйлии.

— Мой народ также считает людей своими родичами, ибо давным-давно наши предки жили в одном и том же мире, и кровь людей смешалась с нашей, поскольку мы умеем принимать их облик. То же самое говорят наги и ликантропы, тануки и кошкодаки, пьюки и силки. Но мы не ведаем искусства войны и не можем надеяться на победу над союзниками Морлина. Есть в Империи расы подревнее наших, которые помнят битвы против валеев, и нам нужна их помощь, чтобы достичь успеха.

Царь драконов Земли прыгнул вперед и закричал, бросая вызов:

— Я буду говорить от Морлина и народа его! — Желтые глаза Торока, устремленные на Эйлию, сузились в щели. — Это человеческое создание нами командовать не будет!

За его словами Эйлия почувствовала скрытое дыхание враждебности — предназначенное только ей.

— Я не командую вами, — ответила подавленная Эйлия. — Я только прошу вашей помощи.

— Ты просишь нас нарушить мир и пойти воевать с нашими сородичами!

По толпе посланников прошел ропот. Шагнул вперед мантикор — большая тварь со светло-коричневым мехом, с почти человеческим лицом и мохнатым суставчатым хвостом.

— Мы не станем воевать даже с теми, кто не нашей крови! — взревел мантикор, разинув пасть так, что Эйлия увидела острые зубы в несколько рядов, как у акулы. — Зачем нам идти против этого принца Морлина? Что он такого сделал?

— Многое, — ответила Талира. Она вылетела вперед и зависла над собранием. — Но куда важнее, что он собирается делать дальше. Он хочет править валеями и расплодить еще больше лоанеев, подобных ему, чтобы бросить вызов нашей Империи и занять место Орбиона.

— А почему бы и нет? — спросил Торок. — Разве он хуже вот этого ничтожного создания?

— Но я не хочу править! — снова вскричала Эйлия. — Никогда у меня не было такого желания!

Император опустил на нее взгляд.

— Судьба обладающего Камнем — править после меня. Не вечно мне царствовать. Я много веков ждал твоего прихода: архоны недвусмысленно сказали, что править будешь ты. И мудростью своей они предусмотрели это за много столетий до сего дня. Трина Лиа станет принцессой Звезд, правительницей Небесной Империи. Именно поэтому я построил этот трон, вырезанный в подобие мо-

его народа, но по форме подходящий твоему. Человеческий трон для правителя-человека.

— Откуда ты знаешь, что она и есть та, кому надлежит его занять, о император? — заревел Торок, и все присутствующие драконы Земли показали огромные зубы. Имперские драконы на помосте зашипели в ответ, и крылья их захлопали, как знамена на внезапном ветру.

— Мир! — велел император. Хотя его человеческий голос был слаб, сила не ослабевшего разума заставила замолчать всех. — Принцесса, возможно, тебе надлежит представить собранию доказательства своих прав. Покажи всем, что попало в твои руки.

Солнце скрылось за огромным диском Альфарана, и синеватый мрак, подобный тени вечера, заполнил зал. Эйлия подняла алебастровую шкатулку.

— Смотрите же! — провозгласила она. — Вот Камень Звезд!

И она вынула драгоценность из футляра.

Луч света ударил из Камня, пронизывая туман плененного облака, вылетел из хрустального свода высоко над головой. И в нем взмыла фигура, похожая на летящую птицу — птицу огня, и взмыла она из глубин Камня. Она тоже взлетела к облачной кровле и скрылась с глаз. То самое знамение, которое видели арайнийцы, когда Эйлия приняла свой трон — Камень подтвердил выбор владельца. Посланники зашевелились, и благоговейный говор взметнулся, как шум моря, отражаясь от адамантиновых стен. Макары в водяных камерах подняли из воды слоновьи головы и затрубили.

— Это знак! — воскликнул один из драконьих монархов. — Знак! Эйдолон из Эфира — это сам Элмир!

Царь земных драконов проворчал в ответ:

— Или знак, или колдовской фокус. Откуда нам знать? И если даже она и есть Предсказанная, так что с того? Это подтверждает лишь, что ты пришла принести войну, как гласит пророчество. И мне не нужна ни война, ни ты! — Торок встал на дыбы, расправив багровые крылья. — Морлин хочет для нас свободы, и мы свободны!

— Свободны! — воскликнула Талира. — Назовешь ли ты свободным того, кто продал душу Темному? И если вы не поостережетесь, такова же будет и ваша судьба! И даже разговоров о свободе тогда не будет!

— Морлин не хочет войны, — ответил красный дракон. — И я пришел передать его слова. Он просит Трину Лиа прибыть на его родную планету Немору для переговоров. Сам он к ней не придет,

поскольку его жизни слишком часто грозила опасность от ее союзников, но гарантирует ей безопасность, если она явится.

— Об этом и речи быть не может, — решительно ответила Талира раньше, чем Эйлия успела заговорить.

— Видите? — обратился Торок к собранию. — Его предложение отвергнуто. Если будет война, то не по вине принца.

Император Небес встал.

— Мы обо всем подумаем, — объявил он, — и все соберемся здесь завтра к вечеру и посмотрим, удастся ли нам достичь согласия.

С этими словами он спустился с трона в сопровождении имперских драконов, ясно давая понять, что аудиенция окончена.

— Ну вот, я все провалила! — сказала Эйлия Аурону и Талире, сидя с ними в саду возле гостевого дома.

— Но ты попыталась, — ответил дракон, — и это важно. Никто не скажет, что ты не хотела решить дело миром.

В саду было полно народу, и все — такой неземной красоты, что больше похожи были на ожившие изваяния, чем на людей. Женщины — все молодые, с кожей как безупречный фарфор, мужчины — как идеальные герои, высеченные в мраморе. Лоананы, как правило, предпочитали принимать облик особей молодых и стройных, когда перекидывались в обличье других видов. Но теперь уже Эйлия к этому привыкла, и глаза ее едва останавливались на них. Только Аурон по-прежнему перекидывался пухлым небольшим человечком — наверное, чтобы Эйлии было проще. Огненная птица в своем истинном обличье сидела на спинке каменной скамьи, где расположились Аурон и Эйлия. Здесь же был и Хадакицунэ — в истинном облике. С ними были еще две змеи побольше питонов, с капюшонами, которые они умели надувать и убирать, как кобры, и создание с черным мехом, чем-то похожее на обычного кота, только ростом с леопарда.

— Ну вот! — воскликнула Талира, кося на Аурона рубиновым глазом. — Вот еще один, за кем нужно присматривать, — царь Торок! Он явно приспешник Мандрагора.

— Он говорит не за всех лоананов, принцесса, — успокоил Эйлию золотой дракон. — Даже не за всех драконов Земли.

Она посмотрела на Аурона.

— Получается, что мы с Мандрагором раскололи твой народ? Мне очень жаль, Аурон.

— Нет, принцесса, этот раскол очень стар. Восходит ко временам, когда мой народ только начал жить рядом и смешиваться с твоим.

— Тогда я должна убедить Торока, что ничего плохого не замышляю.

— Боюсь, вряд ли получится, — ответила Талира.

— Фалаар, а твой народ ничего не может сделать? — спросила Эйлия херувима. Он лежал в позе сфинкса на мшистой земле, подняв голову.

И голос его был мрачен.

— Когда в последний раз мой народ пошел воевать, само лицо Небес затмилось. Мы боимся того, что может случиться, если мы выступим снова против сил Валдура. Боимся мы не за себя — для нас нет большей чести, чем пасть в бою, — но миры людей будут опустошены чародейными силами, которые мы пустим в ход.

— Ты говоришь о возможности новой Катастрофы? — спросила Эйлия.

— Да, этого мы и боимся. И потому мы смотрим и ждем, и сторонники Валдура смотрят и ждут, а в ваших маленьких мирах идут войны. Но они — ничто по сравнению с тем разрушением, что могло бы случиться, вступи в войну наши силы.

Эйлия в отчаянии обернулась к Аурону:

— Неужели ничего нельзя сделать? И даже император ничего не может?

— Он прожил более тысячи твоих лет, и сила его и власть уже не те, что были когда-то. Тело его слабеет, и вряд ли много пройдет времени, пока он уйдет в Эфир и умрет. Наши враги это тоже знают. Он сделает все, что в его силах, но он не господин своих народов, а слуга.

— Все расы, в которых есть кровь людей, поддержат Эйлию во всем, что она сочтет нужным сделать, — сказал Хада, глядя на кошкодака и двух наг. — И Чукала, королева мирмеколеонов, заявила, что она на стороне Эйлии: она как ульевое создание симпатизирует правителю-женщине. Ее народ, конечно, последует за ней. И херувимы с нами, и огненные птицы. Но мантикоры не на нашей стороне, а остальные еще не решили. Боюсь, что войны не избежать, — заключил он, качая головой. — Не только лоананы расколоты, но вся Небесная Империя.

— Будь проклят этот Мандрагор! — зло сказала Талира. — Что он надеется от всего этого выиграть?

— Если бы я только могла отправиться к нему и поговорить с ним, как он просил! — вздохнула Эйлия. — Может быть... может быть, я бы его убедила.

— Слишком опасно, — отрезала Талира.

— Я могла бы отправиться в виде эфирной проекции, как к Халазару.

— Нет, дитя. Ты не понимаешь, насколько опасен Мандрагор, насколько изощрен и убедителен может он быть. Я даже не столько его силы боюсь, а хитрости и коварства. Жертв своих он ловит в паутину слов — не лжи, но полуправды. Не говори с ним!

— А что, если нам с ним встретиться здесь?

— Сюда он не придет, — ответила Талира. — Он скажет, что лоананы ему уже угрожали и здесь ему находиться опасно. Я его знаю! Он тебе это предложение сделал нарочно, зная, что ты должна будешь его отклонить. Теперь выходит, что он ищет согласия, а ты надменно рвешься к войне. Можно прямо сейчас начинать готовиться к битве.

— Конфликт звезд! — Аурон покачал головой. — Он может превратиться во вторую Войну Небес.

Эйлия встала.

— Извините, мне надо отдохнуть. День у меня вышел долгий и довольно тяжелый. Я очень устала.

Талира согласилась:

— Да, уже поздно, и тебе нужен отдых. Завтра еще очень много дел.

Эйлия оставила их и медленно пошла к гостевому дому. Ее переполняла боль за погибших в бою. Даже если придумал все Йомар, утверждала план она, и ответственность на ней. Таких битв больше быть не должно.

Звезды горели над головой, большие, яркие и чужие: старых знакомых созвездий, сопровождавших ее в прежних странствиях, здесь не было видно. А эти странные звезды, казалось, глядели на нее — как глаза: внимательные, они будто судили, будто измеряли ее. Какое бы решение ни приняли народы Империи, результатом будут неимоверных масштабов страдания и муки.

«Этого не должно быть, — подумала Эйлия, охватываемая ужасом. — Это я всему причиной, все случилось только потому, что я — это я».

Она склонила голову под лучезарным взглядом звезд.

Еще пока она слушала разговоры других, у нее начал складываться замысел. Но чтобы действовать согласно ему, ей придется собрать все свое мужество и всю мудрость, какая есть, потому что на этот раз ее действия определят не одну только ее судьбу, но бессчетное количество судеб. Ей вспомнились ее собственные слова, те слова, которыми она вдохновила Лорелин: «Жизнь — книга, раз-

ница лишь в том, что пишут ее те, кто в ней живут. Они решают, что случится и как все кончится».

Эйлия огляделась, войдя в прихожую. Никого. У нее наверняка есть стража, охранники, перекинувшиеся во что-нибудь безобидное. Но она тоже может сыграть с ними шутку: не перекинуться, этого она пока не умеет, но замаскироваться может. Эйлия быстро и молча вызвала иллюзию: подобие элейской женщины, высокой и светловолосой, одетой куда роскошнее, чем в простой абрикосовый хитон, который был на ней. Красота такой женщины произвела бы фурор на Мере, но здесь она была вполне обычной.

Никто не остановил ее, когда она вышла. Маскировка действовала — Эйлия поняла это по тому, что лоананы никогда не выпустили бы ее одну.

Она пошла по саду. Вокруг деревьев кружила поденка, листья-крылья шуршали, как бумажные веера. Фонтаны, подсвеченные снизу многоцветными огнями, взметали плюмажи ослепительно голубые, золотые, алые, рассыпавшиеся огненным дождем в собирающейся темноте.

Эйлия шла дальше, через ухоженные парки, к краю города. Так мог бы выглядеть Мирамар в день карнавала, подумалось ей при взгляде на оживленные улицы. Ее окружали диковинные создания — мех, перья, чешуя, причудливые украшения. Но это были не участники маскарада, а настоящие живые существа: гости со всех миров Империи, приехавшие посмотреть на товары и чудеса мира драконов. В дальнем конце улицы медленно брела группа людей, в буквальном смысле поросших волосами с головы до ног — клокастый мех покрывал даже лица и руки. Эйлия даже не сразу поняла, что это люди, а не какие-то обезьяны. Лесовики, наверное, — Дикие Люди меранских легенд. Группа сатиров скакала под музыку какого-то инструмента, похожего на флейту, закинув назад рогатые головы, и голые торсы переходили в непривычно мохнатые и странно выгнутые назад козлиные ноги. Медные автоматы в виде лошадей топали по улицам, неся на себе всадников и не проявляя ни малейшей усталости. Нет, мифотворцы древности не были праздными мечтателями: они просто записывали все, что видели здесь и в других далеких мирах Талимиреннии.

Эйлия с деловым видом шла по широким проспектам города, пока не дошла до верфей. Здесь стояли на якорях небесные корабли, такие же обычные, как и морские, и паруса-крылья сложены были над ними, как крылья бабочек. Были маленькие, размером

не больше шлюпки, были и огромные и многокрылые, с богато украшенными баковыми и ютовыми надстройками.

— Могу я чем-нибудь быть полезен? — прозвучал у нее над ухом чей-то голос.

Она обернулась. Позади стоял тенгу, довольно своеобразное создание. Похож он был на большую птицу с оперением цвета зеленой листвы и крючковатым клювом, но что-то в нем было странно человекообразное: голова круглая, с большими темными глазами, а у концов крыльев — что-то вроде клешней, похожих на руки. Говорил он по-элейски каркающим попугайским голосом. Тенгу подмигнул, неумело подражая человеческой мимике, и махнул концом крыла в сторону воздушных кораблей:

— Вы немерейка, благородная госпожа? Если да, то все эти изящные крылатые чудеса сдаются в аренду.

— Не слушайте вы его! — крикнул другой голос на незнакомом языке, который пришлось мысленно переводить. — Тенгу верить нельзя, благородная госпожа. Наймите лучше мой корабль.

Вперед вышло другое любопытное создание, ковыляющее на коротких ножках. Это был каппа — что-то вроде обезьяны, но в панцире, как у черепахи. — Не верьте этому *петаску!* Тенгу все коварные до ужаса, а этот еще хуже всех! Совести у него как у...

— Каппы? — подсказал тенгу.

— У гоблина, у помеси гоблина с...

Тенгу протянул крыло, поставил клешню каппе на голову и вдавил ее внутрь панциря. Послышались приглушенные звуки возмущения, волосатые ручки замелькали, как крылья мельницы.

— Не обращайте внимания, госпожа, — сказал человек-птица. — Каппы очень приставучие. И глупые. Говорят, что у них мозги из воды состоят, — сообщил он театральным шепотом. — Вот почему они никогда не нагибаются — чтобы мозги из носа не вылились. — Он концом крыла показал на один из кораблей. — Я вижу, вы дама со средствами и — позволено мне будет сказать — вполне добропорядочная. Не надо платить сейчас! Заплатите по возвращении, если захотите.

Бушприта у корабля не было, нос у него был изогнут в виде рогатой головы дракона, и светлые самоцветы глаз блестели, как иней. Нос и весь корпус укрывали черепицей чешуйки, блестящие, как листовое золото. Крылья — широкие полотна желтой парусины — растягивались каркасами из золоченого дерева. С кормы, подобно удлиненному румпелю, торчал шест, кончающийся чем-то вроде плоского веера, и он напомнил Эйлии игрушечные ветря-

ные мельницы с деревянными крыльями, которые мастерили для детей жители Большого острова.

Внутренний голос вопил, предупреждая. Еще оставался шанс: можно было отклонить это щедрое предложение и вернуться тут же в гостевой дом.

— Я бы хотела сперва осмотреть его внутри.

— Конечно, госпожа!

В сопровождении тенгу Эйлия взошла по деревянным сходням на палубу. Она, как и корпус, была выложена золотистыми чешуйками, твердыми, как металл, и такими же гладкими — даже ноги скользили. Вместо стекол в иллюминаторах был небьющийся адамантин, тщательно зашпаклеванный по краям на случай, если кораблю придется выйти из Эфирной плоскости в пустоту — чтобы воздух не уходил.

— Вход здесь, — сказал тенгу и толкнул какой-то рычаг, открывший низкую прямоугольную дверь в кормовую рубку. — Корабль герметичен, и здесь — переходная камера.

Они прошли через тесный тамбур и по металлическому трапу спустились в длинное помещение с низким потолком и оббитыми стенами.

— Это чтобы избежать травм, когда выходим из сферы гравитации.

В помещении стоял стол, а на нем лежали карты: звездные и карты континентов других планет. У передней стены под иллюминатором стояла консоль, и на ней много странных рукояток и торчащих рычагов. В центре ее находился хрустальный шар величиной с голову Эйлии.

— Каким бы сильным немереем вы ни были, одна только ваша сила не поднимет этот корабль достаточно высоко и быстро, чтобы на нем можно было путешествовать. Вот здесь и вступает в действие механизм, превращающий его в орнитоптер — корабль, летающий по-птичьи. — Тенгу потянул за медную рукоять в форме летящего орла. Послышался лязг шестеренок, и Эйлия увидела в левом иллюминаторе, как огромное крыло вытянулось под прямом углом к корпусу. — Чтобы летать, нужно просто сложить две силы — магию и механику. Вот так летают и драконы.

Эйлия повернулась осмотреть хрустальный шар. Он был прозрачен, как стекло, но в глубине его будто мелькали искры света.

— Это оракул, госпожа. Такой же, как на всех наших звездных кораблях. В нем — сила, идущая из Эфирной плоскости, и он показывает порталы, ведущие туда. Он также согласовывается с силой немерея и может предупредить об опасности или показать то,

что его попросят. Дух кристалла, покажи нам какой-нибудь другой мир, — велел тенгу, погладив шар концом крыла.

Дрожащее свечение исчезло, и в глубине шара возникло изображение. Вглядываясь в него, девушка увидела пейзаж какой-то неизвестной земли. Стоял лес, не похожий ни на что знакомое: листва у деревьев была красная, золотая и пунцовая — резкие и яркие оттенки осени, но признаков увядания заметно не было и опавших листьев на земле не было. Как будто это был у них такой обычный цвет. Солнце стояло в небе, большое, красно-золотое, как закатное — только стояло оно в зените, и его лучи рассеивались в ветвях, как зарево. Порхали между деревьями огненные птицы, парили на ярких, как самоцветы, крыльях. И гнезда их не были неряшливой кучей веточек, а были как маленькие беседки, тщательно украшенные цветами, стебельками и яркими камешками. Они распевали на лету те же радостные песни, что пела в альпийском лесу Талира.

— Я их слышу! — воскликнула изумленная Эйлия.

Сцена сменилась пейзажем другого мира: цвета холодные и спокойные настолько, насколько живыми и огненными были краски мира Талиры. Плавно переходили друг в друга оттенки синего и светло-лилового. Сквозь повисшие занавеси туманов виднелся лес, светло-синий и голубой, лиловый берег, уходящий в туманное синее море, аметистовое небо, где висела огромная луна в три четверти. Шелестели синевато-зеленые кроны. Из леса выходил гибкий, грациозный зверь цвета слоновой кости, чуть больше оленя и чуть меньше лошади. Длинный хвост кончался распушенной кисточкой, а грива была как у лошади, только мягче и роскошнее, и пеной спадала вдоль шеи. Разинув рот, Эйлия уставилась на это чудо. Среди экзотических сокровищ южных морей у ее приемного отца был засушенный морской конек, и Эйлия часто восхищалась, как его выгнутая шея и голова точно копируют шею и голову настоящей лошади. Здесь она видела то же чудо, то же сочетание привычного и неожиданного. Но не это остановило ее взгляд, а рог, единственный прекрасный рог, и никаких обрывков или выступов, свидетельствующих, что когда-то был еще один. Рог, завитый спиральной раковиной, мягко поблескивающий собственным перламутровым светом, будто в его извивах затаился световой луч. На краткий миг это создание остановилось, привстав на остриях раздвоенных копыт, приковав к себе взор Эйлии этим рогом, причудливостью морского конька, благожелательной улыбкой агнца. Потом одним лёгким и воздушным движением зверь унесся в лес, не поскакал конским галопом, а ушел грациозными прыжками, как газель.

— Тарнавин, — выдохнула Эйлия. — Единорог! Я никогда раньше не видела...

— Видите? Этот корабль может доставить вас в любое место Империи — буквально любое, — сказал за спиной голос тенгу. — Сила, заключенная в этом камне, откроет вам дверь в Эфир, а этот путь поведет вас в мир, который вы желаете увидеть. Идите, госпожа! Один пробный полет, и если вы не будете довольны, платить не надо. Я знаю, что вы, элеи, достопочтенный народ.

Эйлия сжала край консоли. Возможность манила, как открытая дверь, но она исчезала, как просвет между облаками. Сейчас — или никогда: за такую возможность надо хвататься сразу или упустишь ее на всю жизнь. Заглушая внутренний голос, отчаянно советовавший отступить, она заставила себя ответить:

— Спасибо, я согласна.

Круглые черные глаза засверкали.

— Отлично, госпожа...

И вдруг он замолк. Эйлия в недоумении посмотрела на него и поняла, что он уставился в иллюминатор, рядом с которым она стояла. Снаружи была темная ночь, и стекло отражало истинный вид Эйлии, одетой в абрикосовый хитон. Эйлия чуть не ахнула.

Она забыла об отражениях.

Слишком поздно было теперь натягивать иллюзию и на иллюминатор. Тенгу с расширенными от удивления глазами чуть попятился, когда она обратилась к нему.

— Да, я скрыла от тебя свой истинный облик. Я — Трина Лиа Эйлия Эларайния. И у меня... очень срочное дело. Ты понимаешь? Если ты никому не скажешь о моем полете, пока я не улечу, я тебе даю слово, что оплачу проезд — ты можешь потребовать платы прямо из королевской сокровищницы Арайнии. Если... — она отвернулась, — если же мне не удастся вернуться, тебе возместят и стоимость корабля. Приемлемо ли для тебя это?

Он колебался. «Он не согласится на такую сделку, откажется, и можно будет вернуться в гостевой дом, забыть эту минуту безумия». Но он не отказался.

— Ваше высочество... — пробормотал человек-птица.

Казалось, он хотел что-то спросить, потом явно передумал, представив себе богатства королевской сокровищницы. Склонив голову в зеленых перьях, он попятился прочь, и дверь за ним закрылась — будто захлопнулись ворота тюрьмы. Обратного пути не было.

Эйлия повернула рукоять в виде орла, потом положила руки на хрустальный шар. Он был прохладен на ощупь, но Эйлия мыс-

лями ощутила, как бьется сила в этом шаре. Что-то живое и мощное, не из этой плоскости, такое, что могло по желанию переходить из материи в Эфир — и взять с собой Эйлию, если она объединит свою силу с этой силой. Кораблик содрогнулся, потом поднялся, слегка вращаясь, и Эйлия увидела, как пропадают внизу огни города. Крылья-паруса вспарывали воздух, нос в виде головы дракона показывал на звезды, как стрелка компаса, тянущаяся к северу. Через несколько минут исчезли из виду земля и море.

Как быстро!

Мелькали в иллюминаторах клочья облаков, похожие на пар: раздутые кучевые, потом плоский слой перистых, подобных тонкому льду. Нависали сверху Альфаран и его луны, небо становилось глубже, а туманность — ярче. На глазах небо из синего стало черным. Полет больше не казался Эйлии бегством, он превратился в приключение. Сердце билось от восторга при виде этих чернеющих высот. Звезд стало больше, и не постепенно, как при наступлении ночи, а сразу. Целые легионы звезд выступали там, где только что было темно и пусто. Где-то в глубине души — драконье наследие, быть может, — жила память об этом пьянящем миге свирепой радости, сметающей прочь все страхи. Она впервые летела по собственной воле, летела туда, куда хотела лететь, и не нуждалась ни в чьей помощи.

Эйлия протянула руку к пульсирующей силе в шаре.

— К небесному порталу, — велела она. — И покажи мне путь через Эфир к Неморе.

Часть вторая

ИГРЫ БОГОВ

11
Заим

Роглаг спешил по коридору Халазарова дворца.

Тусклый серый свет падал длинными лучами из высоких окон, но эти отдельные лучи не столько разгоняли мрак залов, сколько подчеркивали его. На полу вились и ползали живые змеи, заставляя гоблина внимательно смотреть, куда ставить ногу. Он мог бы остановить атакующую змею чародейством, но если хоть одна ужалит его, пока он не видит, яд разойдется по жилам слишком быстро для любого противоядия. Все новые зверушки Мандрагора ядовиты — естественно, он их для этого и заводил: их присутствие сдерживает шпионов и убийц. Его зверинец служил почти отражением его ума: как часто бывает у любимцев, чувствующих настроение, они показывали состояние хозяина. Роглаг ощутил укол ужаса, подумав о встрече с принцем. Мандрагор, как показывало положение вещей, вряд ли радостно воспримет плохие новости.

Перед дверью в покои принца Роглаг остановился. Дверь была приотворена. Он осторожно постучал — ответа не было. Гоблин открыл дверь и заглянул.

Комната тоже была освещена тускло. Войдя, гоблин с опаской оглядел ее. Принца видно не было, но Мандрагор не всегда пребывал в облике человека: когда он хотел запугать слуг, то появлялся в виде зверя: гигантской змеи, например, или дракона. Роглаг шагнул вперед, и что-то зашевелилось с сухим шелестом на огромном, похожем на трон кресле принца. В падающем от двери свете тускло блеснули чешуйчатые кольца. Гоблин вздрогнул.

Просеменив вперед, он склонил колени перед троном. Змея на троне подняла голову и зашипела, шея ее раздулась широким клобуком. Да, принц не в духе.

— Простите, что пришел незваный, ваше высочество, но я только что узнал... — начал он, приняв еще более униженную позу и подобострастный тон, чтобы не вызвать еще больше гнева.

— С кем это ты беседуешь, Роглаг?

Голос Мандрагора — и сзади! Гоблин вздрогнул и резко обернулся.

— Я думал, это принц изволит быть там...

Мандрагор засмеялся:

— Нет, это мое последнее приобретение — королевская кобра. Правда, красавец? Я его нашел в низовьях реки.

— Она... он... ядовитый?

— Крайне. Тебе повезло, что он тебя не укусил: ты бы умер почти сразу. Да, так зачем ты пришел?

Мандрагор небрежно поднял змею, и она тут же успокоилась и повисла, как веревка. Держа длинную чешуйчатую тварь за шею, он сел на свой трон.

Роглаг стал докладывать, потом задрожал, когда пальцы Мандрагора стали выбивать зловещую дробь на подлокотниках.

— И больше ее не видели, — закончил Роглаг.

Руки Мандрагора стиснули подлокотники.

— Что? — Гоблин сжался в комок, когда Мандрагор поднялся во весь свой гигантский рост. Кобра снова раздула капюшон, ударяя головой в воздух. — Она действительно удрала от своих хранителей? Жизнью клянусь, сам не знаю, хорошая это весть или нет.

— Я думаю, хорошая, — нервно сказал гоблин. — Я думаю, храбрости ей не хватило, и она удрала.

— Или ей надоело сидеть взаперти, и она вырвалась на свободу. Но что она теперь собирается делать? Она знает, что силы вызвать меня на бой у нее нет — пока нет. Неужто она думает, что сможет сама собрать армию? — Мандрагор будто говорил сам с собой, потом снова обернулся к царю гоблинов. — Разошли своих гоблинов и кого-нибудь из огненных драконов по всем мирам, куда она могла полететь. И если ее найдут, сообщи мне *немедленно*.

Король Тирон смотрел с самого высокого балкона в Халмирионе на пеструю толпу, собравшуюся на холме. Пришедшие беспокойно ожидали известий от Трины Лиа. Пока ее не было, люди хотели слышать от Тирона успокаивающие слова, и он изо всех сил старался выполнять эту обязанность. Но страшные известия об исчезновении дочери, которое сперва со страхом сочли за похищение, лишили его сна и покоя. А теперь стало ясно, что она не была похищена, а сбежала.

Он поднял руки жестом благословения, потом вернулся в дом и пошел в комнату к дочери. При виде ее вещей, дышащих невинным детством, у него на глаза навернулись слезы.

«Доченька, Эйлия, — что за проклятие подарили тебе мы с твоей матерью при рождении? На какую жизнь — или какую смерть — обрекли?»

— Бедный ягненочек, бедный ягненочек!

Так причитала няня Бениа, услышав новости, пока он не отослал ее спать, напоив успокоительным зельем. «Действительно, ягненочек, — подумал он мрачно. — Очень подходящее слово, если учесть древний меранский обычай. *Жертвенный агнец...*»

А какую роль он сам в этом сыграл? Только любил свою жену и дочь и утратил их обеих? И все?

— Ты — наш символ, — говорила ему Марима. — Символ каждого смертного: Возлюбленный Богини.

— Не очень существенная роль.

— Благороднейшая из всех. Не будь тебя, Эларайния не сошла бы с Небес. Не будь тебя, Дочь Матери не родилась бы во плоти, чтобы жить среди нас. Ты — дверь, через которую в наш мир людей вошли и Мать, и Дочь. Когда ты стоишь на балконе, ты представляешь нас всех.

Но Тирон никогда не хотел славы. Он хотел лишь вернуть двух женщин, которых любил.

Эла... и он мысленным взором снова увидел ее: не королеву и богиню, обожаемую народом Мирамара, но жену, любимую женщину. Он снова видел берег сверкающей под солнцем бухты, густой зеленый лес почти до уреза воды, нависшее скальное плато Гиелантии и его заоблачные вершины. Море вблизи берега становилось светло-бирюзовым и прозрачным, как стекло: виден был выглаженный песок дна и разноцветные рыбки, медленно плавающие в воде, и каждую из них темным близнецом сопровождала отчетливая тень. Эла сидела на камне, расчесывая водопад золотых волос. Они уже почти просохли и развевались на легком морском ветерке. Она была похожа на русалку. Потом уже она будет в шелках и атласе, в золотой парче, с драгоценными диадемами на голове, превратится в живого идола, торжественно пройдет по улицам города. Но здесь она была дикой богиней лесов, а он — ее единственным почитателем. Тирон постарался удержать воспоминание подольше.

Она повернулась к нему и сказала о ребенке.

— Ты ждешь ребенка? — воскликнул он, садясь на песок.

Ее смех заиграл, как волосы на ветру.

— Пока нет! Когда-нибудь. Это будет дочь.

— Откуда ты знаешь? — спросил он.

— Для меня знать — это как видеть. Ты видишь, как идут к берегу эти волны одна за другой и разбиваются на песке. Ты же не можешь сказать, *как* ты это видишь? Ты просто открываешь глаза и видишь. Вот так и у меня с тем, что должно произойти.

— Так наша судьба неизменна? — спросил он, хмурясь. — И выбора на самом деле нет, раз все предопределено? И мы были обречены встретить другу друга и полюбить, Эла?

— Обречены? — переспросила она, будто не понимая слова. — Ты ведь сам решил искать меня? И я видела твой приход, как вижу издалека волны. Но человек может уйти прочь от берега, от волны, или радостно пойти ей навстречу. Наше дитя рождено по свободному выбору, любовь моя. Мы встретились, как волна и пловец, и от этой встречи поднялись брызги. — Эла легко вскочила с камня и подбежала к нему, оплела его руками. — И вот сейчас у нас этот миг, любовь моя, миг счастья. Так радуйся ему!

Она не имела в виду жить мгновением, как он тогда подумал. Она хотела, чтобы он бережно сохранил эту сцену в сокровищнице памяти и мог потом в утешение ее вспомнить. Предвидела ли она свое бегство и смерть, как предвидела рождение Эйлии? И судьбу своей дочери — знала ли Эла?

Снова мысли его вернулись к жертвам, к легендам, которые говорили о древних зимбурийских обычаях. Говорилось, что они выбирают юношей и девушек безупречной красоты, на год устраивают им жизнь в роскоши, одевают в шелка и кормят изысканной пищей. Но когда год кончается, молодых людей ведут процессией в храм, как откормленных тельцов, чтобы возложить их жизнь на алтарь Валдура. И Эйлия — она такая же жертва, как они, взращенная в нежности и уюте этого дворца в Халмирионе лишь затем, чтобы вступить в предопределенную борьбу, в которой ей предсказано погибнуть. Тирона наполнила горечь. Она не какое-то там орудие богов, она его родная дочь, плоть от плоти его. И даже если правда, что она — воплощение чего-то божественного, то само это воплощение — его дитя.

— Эйлия! — позвал он вслух. — Если твои стражи тебя не найдут, клянусь тебе: я сам отправлюсь искать тебя и переверну все миры, пока не найду.

Йомар выглянул из открытой двери хижины, в которой заключили его и его друзей.

Вокруг мохарской деревни, в сердце оазиса, стояли развалины, и стены их были покрыты резными каменными фигурами, на-

водящими страх. В одной из украшенных ниш сидел мужчина, подогнув ноги и положив руки на колени. Перед ним горел костерок — культовый огонь, как подумал ночью Йомар, когда увидел его и решил, что это — каменное изображение. Но день показал, что это — живой человек, пожилой и иссохший, одетый только в набедренную повязку. Глаза его были полуоткрыты, но он не шевелился, даже ни разу не сменил положение. Каждая пядь древнего каменного фасада у него над головой была резной, и казалось, что камень извивается и танцует. Черты лица у каменных фигур были мохарские: гордые широкие ноздри и выпяченные губы, волосы заплетены в тугие косички.

«Значит, это правда», — подумал Йомар.

Он помнил по лагерю рассказы старших о Затерянном Городе Мохары. В детстве его завораживали эти сказки, но к зрелым годам он их отмел, как мечты о том, чего нет. Исчезнувшие города и царства — дома, наполненные сокровищами давно ушедших царей, — конечно, эти сказки придумывались для утешения злосчастных рабов, чтобы внушить им чувство, будто их род и племя — весьма почтенны, пусть они и не свободны. Но вот они — эти каменные лица, глядящие на него с суровым и захватывающим дух достоинством.

«Это правда. Все это у нас было, давно когда-то».

— Ты все еще не слышишь своих голосов, Лори? — донесся до него вопрос Дамиона.

— Нет, ничего не слышно. Как будто у меня где-то в уме, в глубине, пусто. И когда я пытаюсь послать мысль, тоже никто не отвечает. Что-то странное здесь есть, в этом месте, — сказала Лорелин. — Если здесь и есть немереи, я ни одного не могу найти. — Она подошла к Йомару. — Это твои предки все это построили? — спросила она, показывая на развалины.

— А как же? Ты думала, зимбурийцы способны создать что-то столь величественное?

Видно было, что вопрос его задел.

Лорелин с удивлением уставилась на него. Она никогда не слышала, чтобы он говорил с такой гордостью — и страстностью. На миг он даже стал похож на одного из этих резных каменных царей-воинов. Она замолчала, рассматривая этого нового Йомара.

А он смотрел на город.

— Мохара когда-то была великим царством. Старики рассказывали. Валдур наложил на мой народ проклятие — так они говорили — и разделил племена и посеял между ними раздор, чтобы зимбурийцам было проще пройти через южные степи и порабо-

тить нас. Когда король Андарион объявил зимбурийцам войну, тысячи мохарских рабов в Зимбуре подняли восстание, и зимбурийцы были разгромлены. Но наши города лежали в развалинах, и мы не вернулись к ним: люди говорили, что на них по-прежнему лежит проклятие. Мохарцы попытались кормиться от земли, как было в древности. И тогда снова пришли зимбурийцы. Теперь весь мой народ строит дороги и мосты для бога-царя. Труд рабов.

— А как оно было, в лагере, Йо? — спросила Лорелин. — Ты никогда не рассказывал.

— Это не описать. Чтобы понять, там надо побывать.

Но Йомар понял, что хочет им рассказать. О своей матери, которая умирала от лихорадки, а над ней стоял колдун и мрачно качал головой в ответ на слезные мольбы Йомара, о старике, который ухаживал за ним, когда после смерти матери и он свалился и был брошен подыхать в грязи, о мухах, о невыносимом зное, о побоях, о голодных детях, плачущих ночь напролет.

И он стал рассказывать, а они слушали.

— Людей заставляли работать до смерти — в буквальном смысле. Старых, больных, неспособных работать — бросали подыхать. Иногда солдаты убивали кого-нибудь — просто так, на выбор, чтобы остальные боялись и слушались. Я... я просто выдерживал, как и все остальные. А потом...

— А потом пришел лев, — сочувственно подсказал Дамион.

Йомар потрогал трофейный клык, висящий у него в ухе.

— Да, лев. Мне пришлось идти и убивать этого проклятого льва-людоеда.

И его тогда забрали на арену драться со львами, и с другими зверями, и с людьми, а потом взяли в армию и заставили быть шпионом. Он смел тогда надеяться, что убежит. Но Зефрону Шеззеку было сказано присматривать за Йомаром в оба: Шеззек был полукровкой, идеальным шпионом со своим румяным лицом и зеленоватыми глазами, каких не бывает у чистокровных зимбурийцев. Шеззек давно мертв, но иногда во сне его лицо является Йомару, и эти глаза следят за каждым его движением.

— Йо, как же ты заставил себя вернуться? — воскликнула Лорелин.

Йомар стиснул зубы.

— Потому что надо было положить этому конец. Рабству, трудовым лагерям — раз и навсегда.

Дамион поднял на него глаза. Лицо мохарца стало суровым, непроницаемым — как было при первой их встрече. Теперь он знал причину

— А что это за изображения на развалинах? — спросил он, меняя тему. — Ты не знаешь?

— Не всех. Вот этот, наверху, — Заим, у которого копье в руках. Это воин, который когда-нибудь придет и освободит Мохару. О нем много говорили в лагерях — такие разговоры дают рабам надежду. Могу только сказать, что он не торопится. — По бокам Заима стояли две фигуры с крыльями, охраняя его. — Ангелы, — кивнул в их сторону Йомар. — Мой народ в них тоже верит. Остальные статуи, наверное, мохарские боги. Аккар и Найа и еще Калиман и древние цари.

Лорелин посмотрела на него недоверчиво.

— Твоим царям оказывали божеские почести, как Халазару?

— Нет! — Йомар поморщился. — Только зимбурийцы поклоняются живым царям! Мохарские цари становились богами только после смерти. Тоже ерунда, конечно, но ни один мохарец не считался божеством, пока он жив.

Он снова обернулся к хижинам, долго и жадно глядя на людей снаружи, на женщин, несущих глиняные кувшины с родниковой водой, на младенцев у них за спиной, на детишек, играющих в войну с палками-мечами, на молодых людей, которые точили мечи и копья, переговариваясь между собой. Мохарцы, такие, как должны быть: свободные, счастливые, ни перед кем не склоняющие головы. Такой должна была быть его родина.

Дамион тоже замолчал, разглядывая каменные развалины. Только тринисийское царство было старше этого, да и оно почти все время существовало отдельно от остального мира. Настоящая цивилизация Меры начиналась *здесь*, задолго до того, как предки элеев стали искать своих мерейских родичей в других землях. Мохарская цивилизация возникла первой, раньше каанской, или шурканской, или цивилизации западных народов. Дамион почувствовал, что смотрит будто в заколдованное окно, и оно показывает прежние времена, самое утро людского мира.

Время шло и начинало тяготить пленников. Что собираются делать с ними их тюремщики? Лорелин, чтобы успокоить мысли, стала выполнять упражнения бин-йара, стоя на одной ноге и расставив руки в стороны, подобно крыльям. Упражнение «Птица-в-полете» предназначено для отработки чувства равновесия и сосредоточения ума, но Йомар подумал, что выглядит оно смешно. Он мрачно отвернулся и направился к двери. Стоящий снаружи часовой — высокий мужчина с ожерельем из клыков бородавочника поверх белой полотняной рубахи — остановил его копьем.

— Еще один шаг, и ты умрешь.

Йомар ощетинился.

— Я мохарец, и мое место здесь, с моим народом!

— Может, ты предпочел бы общество зимбурийцев?

Йомар сжал кулаки.

— Повтори еще раз — и будешь *свои* зубы носить на шее!

Дамион испугался было, что сейчас дело дойдет до драки, но часовой ограничился злобным взглядом. Почти сразу подошел другой воин, а за ним еще несколько человек. Воин был Унгуру, предводитель тех, кто взял их в плен.

— Отвести их к старейшинам, — скомандовал он. — Настало время суда.

Пленников повели под наставленными копьями и ятаганами к центру деревни. Они шли медленно, хотя их подталкивали копьями. Все они измучились и устали, а Дамион на ходу то и дело подносил руку к голове: рана от меча начинала болезненно пульсировать.

На площади, окруженной хижинами, стояли в ряд мохарские старейшины. Они были неописуемо величественны, одеты в длинные ярко-рыжие, бронзовые и пурпурные балахоны поверх мешковатых штанов. Головы старейшин покрывали тюрбаны, тоже ярко выкрашенные, а тюрбан вождя украшали крупный самоцвет и пара страусовых перьев. По бокам стояли телохранители с большими искривленными ятаганами. Мужчины помоложе, женщины и дети толпились у них за спиной, таращась на это зрелище.

— Услышьте наш суд! — произнес один из старейшин — высокий мужчина в накидке из леопардовой шкуры поверх балахона. — Мы говорим, что ты, Йомар, шпион и доносчик, купленный деньгами Халазара...

— Ложь! — выкрикнул Йомар. — Кто обвиняет меня? Пусть мне скажут, я вызываю его на поединок!

Унгуру скривил губы.

— Ты не мохарец, у тебя нет права вызывать.

Дамион ощущал волны страха и гнева, исходящие от Унгуру и его соплеменников. Их можно было понять — они день изо дня жили в страхе перед вторжением зимбурийцев. Йомара окружили копья воинов, и он стоял в злобе и отчаянии, как загнанный зверь.

Раздался крик какой-то женщины. Она показывала рукой на развалины.

— Шаман, шаман!

Другие подхватили крик. Сидящий человек зашевелился в своей нише: может быть, суматоха пробудила старика от транса. Удивленные возгласы пронеслись над толпой, когда он встал, медлен-

но и тяжело поднявшись со своего каменного трона, и направился к собранию. Кроме повязки из козьей шкуры, на нем были только нитка звериных когтей и зубов и ничего больше. Шаркающей походкой старик подошел к пленникам, остановился перед ними и заговорил.

— Я знал, что вы придете, — прозвучал скрипучий голос. — Я просил, чтобы к нам пришла помощь для битвы с нашим врагом, и мне был сон в ответ. Во сне я видел вас.

— Ты немерей? — спросил Дамион.

— Так это называют элеи. Да. — Старик кивнул. — Скажите, что вам было поручено, я пойму. Я — Вакунга. Я вижу сны для этого племени, и боги говорят со мной.

— Ты знаешь, зачем мы здесь?

Старик кивнул.

— Да. Я видел это во сне. Ты, и воин, и женщина, но главное — ты. Твое появление у нас определит дальнейший ход событий, я еще не могу сказать как, но я это чувствую. И вы все были в Месте Снов. Это я тоже чувствую.

— Ты говоришь об Эфирной плоскости? — спросила Лорелин. — Мы через нее сюда попали.

— Да. Вы пришли от дочери Утренней звезды. — Вакунга показал на небо. — Это она вас послала.

— Что ты о ней знаешь? — спросил Дамион.

— В нашем племени есть предание, что звезда Утра и Вечера иногда спускается на землю в обличье женщины. Однажды она выберет себе смертного супруга и родит от него дочь. И это существо когда-нибудь спасет не только Мохару, но и весь мир.

Дамион узнал сюжет элейской легенды. Элеи принесли сюда свои предания и традиции много веков назад. Вакунга смотрел на него глубокими темными глазами.

— И вы жили у нее на высотах, и она послала вас с неба вниз помочь нам в нашей борьбе.

— Да, — ответил Дамион. Это было, как ни крути, очень близко к правде.

Шаман повернулся и обратился к толпе на старомохарском. Тут же воцарилась мертвая тишина. На лице Унгуру и еще нескольких молодых людей выразилось недовольство.

— Что он говорит, Йо? — спросила Лорелин.

— Говорит, что нас сюда послали боги, — ответил Йомар, внимательно слушая. — Он говорит... он говорит, что Заим — это я!

— Но ты же не Заим, — возразила девушка. — И нас не посылали боги. Надо сказать им, что они ошиблись!

— Лучше пусть ошибаются, чем всаживают нам копья в спину, — возразил Йомар. — Ни нам, ни им от этого вреда не будет... смотри!

Группа женщин бросилась вперед, держа в руках охапки цветов. Смущаясь, они положили эти цветы у ног путников, глядя любопытными глазами. Вождь шагнул вперед, выражение его лица под пышным тюрбаном было непроницаемо. Потом он склонил свою гордую голову.

— Лорелин права, Йо! — обеспокоенно сказал Дамион. — Надо это прекратить.

— Вряд ли у тебя выйдет, даже если захочешь, — ответил ему Йомар. — Эти люди отчаянно ищут надежду. Ну думают они, что мы — слуги богини, и что? Это куда лучше, чем быть убитыми.

В ту ночь в деревне был пир. Троих гостей со звезд торжественно усадили в плетеные тростниковые кресла, повесили им на шеи венки, и мохарцы исполнили танец благодарности Вечерней звезде, воздевая руки к Арайнии, сияющей в ясном небе, восславляя богиню и ее посланцев.

Йомар явно наслаждался своим новым положением. Щеголяя свежей боевой раскраской на лице и теле, он говорил со своими соплеменниками на их древнем родном языке и веселился вместе с ними. Дамион и Лорелин чувствовали себя несколько забытыми, глядя на прыгающие языки костра и танцующие в свете пламени фигуры. Йомар отодвигался от них, входил в это чуждое племя, о котором они так мало знали.

— Зато он вернулся к своему народу, — сказал Дамион. — Он этого всегда очень хотел.

— Знаю, но... но как будто он уже не наш Йо, — ответила Лорелин, пытаясь высмотреть раскрашенную фигуру их общего друга среди других танцующих. Ей от этой мысли было грустно.

Но когда на востоке занялся рассвет, Йомар наконец вернулся к ним — триумфально перепрыгнув через догорающие угли костра.

— Идут разговоры, что лучше не защищать этот древний город, а самим нападать на зимбурийские фермы. Люди устали прятаться и бегать, они хотят *сделать* хоть что-то.

— Они хотят напасть на фермеров? — спросил Дамион. — Ты сам говорил, они тоже народ подневольный.

— И все равно они украли нашу землю, — твердо сказал Йомар.

Дамион отметил это «нашу» и возразил так:

— Это сделали их предки. А этим тоже деваться некуда. Наш настоящий враг — Халазар, а не они. С ним мы пришли воевать.

— Да. Но есть еще и мысль освободить рабов из лагерей. Только нас немного, и вряд ли мы справимся с войсками бога-царя. Вся арайнийская армия не смогла их победить! Мы можем лишь надеяться совершить несколько набегов.

— Я помогу! — с энтузиазмом предложила Лорелин. — Он прав, Дамион, надо делать все, что в наших силах, пусть это и немного. Иначе вся экспедиция на Меру превращается в один сплошной провал. Домой вернуться возможности нет, значит, надо драться — как сможем.

— Не знаю, как мохарцы воспримут воина-женщину, — задумчиво сказал Йомар.

— Если кто-нибудь из них хочет вызвать меня на поединок — всегда пожалуйста, — заявила Лорелин, с вызывающим видом тряхнув стриженой головой. — Тебе не удастся меня оставить в стороне, Йо.

— Ладно, — вздохнул Дамион, — я с вами. Я обещал помочь, Йо, и помогу.

Подняв глаза, Дамион заметил стоящего неподалеку Вакунгу. Старик, как понял он, смотрел не на Йомара, а на него, и смотрел очень пристально.

Спокойствия ему это не прибавило.

12
Отверженный

— Моя вина! — стонал Аурон. Дракон метался туда-сюда по саду гостевого дома, как собака, ждущая прогулки. — Моя вина... я свой священный долг провалил ко всем чертям!

— Я тоже, — грустно сказала Талира. Гребень и крылья у нее были печально опущены. — Я недостойна быть ее хранителем.

Фалаар поднял голову с лап и глянул на обоих золотыми глазами.

— Речи твои правдивы, но деяния нужны сейчас, а не слова.

— Что? — завизжала Талира, срываясь с земли цветастым вихрем и нависая перед херувимом. — В жизни меня так не оскорбляли.

— Слова были твои, — ответил Фалаар, озадаченно наклонив голову набок.

— Простофиля! А кто тебя просил соглашаться? — Талира подлетела к Аурону и села перед ним на землю. — Не беспокойся так, Аурон, мы найдем ее.

— Но где ее отыскивать? — спросил Фалаар. — В ее распоряжении летающий корабль, и сквозь Среднее Небо она могла направиться в любой мир.

— Она не сбежала. — В голосе Аурона прозвучала нотка гордости. — Я своего детеныша знаю. Она не побежала от опасности, она направилась ей *навстречу*. Она полетела к Мандрагору — встретиться с ним, вести с ним переговоры. Вы слышали сами, как она снова и снова просила ей это разрешить.

— Милостивое Небо! — ахнула птица огня, в ужасе воздевая крылья. — Он же не будет с ней разговаривать, он ее убьет!

— Значит, мы должны искать ее на Мере или на Неморе, — заключил херувим. — Ибо, если предположение твое верно, лоанан, она направилась в один из этих миров.

— Мы? Разве ты с нами? — удивилась Талира. — Не должен ли ты стеречь Камень Звезд?

— Драгоценности архонов здесь ничего не грозит, — ответил херувим. — Мой народ за ним присмотрит. Я же буду помогать тебе и Аурону в поисках. И мы не должны медлить с ее розыском. Нехорошо Эйлии долго быть вдали от Камня Звезд. — Он посмотрел на алебастровую шкатулку между своими передними лапами. — Это для нее и путеводная звезда, и магнит, ведущий ее к истинной цели. Без него она может сбиться с пути и быть для нас потерянной.

— Переговоры предлагались на Неморе, — сказал Аурон, поднялся на дыбы и расправил золотистые крылья. — Значит, туда нам и надо. Если даже уже поздно будет предотвратить их противостояние, мы сможем хотя бы помочь ей.

Эйлия проснулась и увидела иллюминатор, заполненный звездами. Это было такое же ночное небо, какое она часто видала из окон домов. Но сейчас на нем пылала голубая звезда, больше всех на свете звезд, виденных с поверхности планеты, кроме солнца. А вслед за ней взошла звезда поменьше и желтая. Многие звезды, говорил ей Аурон, в космическом танце ходят парами, как вот эти две: Мераур и Мерилия, солнца Неморы. Кораблик завис в пустоте недалеко от планеты, и в нем она, Эйлия, потому что планета была еще недостаточно близко, чтобы захватить звездный корабль силой своего тяготения, и Эйлия зависла в воздухе, будто девитируя. Волосы раздувались вокруг нее облаком вместе со звездными картами и мелкими предметами, которые она не догадалась рассо-

вать по ящикам. Даже приятно было заснуть в таком положении, и каждая клеточка тела могла полностью расслабиться. Но сейчас она уже проснулась и снова задумалась о ситуации, которую сама создала. Она сбежала от тех, чьим долгом было защищать ее. Корабль вошел в атмосферу. Там было темно как в погребе, витали ядовитые дымы, насыщенные поднятым пеплом. Никто и ничто дышащее, даже огненный дракон, не может влететь в такое облако и выжить.

«Но мне ничего не грозит. Этот корабль сделан неуязвимым для всех внешних атмосфер».

Геральдические драконы и их всадники отстали, как только стало ясно, куда она направляется, но огненные драконы продолжали кружить вокруг орнитоптера: с плотно прижатыми крыльями они пикировали вниз, как дротики в полете. Саламандровый шелк парусов они сжечь не могли, но вполне могли разорвать когтями и зубами. А одной магией орнитоптер в полете не удержать...

Эйлия быстро повернула колесико возле рукоятки в виде орла, разворачивая корабль и одновременно передвигая рычаг, регулирующий частоту взмахов крыльев. Прямо перед ней сейчас громоздился серо-черный клуб дыма и пепла. Огненные драконы позади разинули пасти, но скорость полета не позволяла им плюнуть огнем: пламя только подожгло бы их самих.

Орнитоптер нырнул в дым. Сразу же окна заволокло тьмою, и нельзя было понять, летишь вниз или вверх. Но вскорости Эйлия разглядела тускло-красное свечение внизу, и с каждой минутой оно становилось все сильнее. Она выглянула в боковой иллюминатор, и перед ней предстало видение ада: совсем рядом бурлило огненное озеро, и поверхность его кипела фонтанчиками расплавленного огня.

— Вверх! Вверх! — крикнула она, хватаясь за рукоять, и корабль повиновался. Но на подъеме раздался жуткий треск, будто огромный сук откололся от дерева. Эйлия с ошеломительной внезапностью вырвалась назад к солнцу и увидела, что одно из крыльев-парусов оторвано, и с ним — половина опорной мачты. Кораблик трепетал и падал, как раненая птица.

С оглушительным грохотом, в клубах пара и брызгах пены, упал он на поверхность моря.

Было темно, и вокруг была вода, холодная вода, липнущая к коже. Где-то в темноте была мать, но Эйлия ее не могла найти. «Мама! — рыдала она в ужасе, беспомощно шлепая по затопленной темной каюте. — Мама, где ты?»

Она протянула руку — и очнулась, отплевываясь и задыхаясь. Ночь кончилась, в иллюминаторах пылал яркий свет. «Вспоминаю... летучий корабль, огненные драконы... вулканы...»

Эйлия лежала на оббитой стенке каюты: корабль болтыхался на боку, и сквозь зияющую дыру в носу вливалась, булькая, вода. Эйлия села, не до конца проснувшись, подошла к двери — ее сорвало с петель при ударе — и выбралась на корпус.

Вокруг раскинулся зеленый океан. Неподалеку находился маленький островок, зеленый холмик в море с кочками пышной растительности у вершины. По сравнению с единственным другим видимым клочком суши — голым островом с дымящимися горами — он выглядел гостеприимнее. Эйлия сняла ботинки и привязала их шнурками к шее, потом прыгнула в воду. Вода оказалась теплой, как в южных морях Арайнии, и спокойной. Минут через пятнадцать неторопливого плавания Эйлия вышла на остров. Берег был не песчаный, как у атоллов, а сложен из какого-то серого твердого камня вроде базальта. Оказавшись на берегу, девушка встала и оглянулась на потерпевший крушение кораблик.

Его не было. И даже следа не было от кораблика с драконьей головой, если не считать нескольких позолоченных дощечек, покачивающихся на волнах, и пенистого водоворота там, где судно утянуло в пучину. Эйлия легла, свернулась в комочек в промокшем платье, и тут потрясение наконец ее настигло, и она прочувствовала, в каком отчаянном положении оказалась. Она на пустынном острове без малейшей надежды на спасение или выручку.

Через какое-то время она все же заставила себя встать, надела мокрые ботинки и пошла вокруг острова за неимением лучшего занятия. Остров действительно оказался небольшим: через несколько минут Эйлия вернулась туда, откуда вышла. По форме остров напоминал каплю, с одного конца тоньше, с другого толще, и в середине выше, чем по краям. Через весь остров шла травянистая гряда. Нашлись на нем плодовые деревья, темно-красные или синие ягоды, но, протянув за ними руку, она тут же ее отдернула, подумав с тревогой, что ягоды могут быть ядовитыми. Потом до нее дошло, что на острове нет ни ручейка, ни озерца пресной воды. Эйлия нервно сглотнула слюну, пытаясь припомнить, сколько времени человек может прожить без воды, пока не умрет от жажды Жар от двух солнц палил остров нещадно, и во рту уже пересохло. Взывать через Эфир она не решалась из страха, что Мандратор и его драконы услышат и обнаружат ее. А от тихого плеска волн о берег острова становилось еще хуже.

Эйлия вернулась на берег. Серый камень уходил в воду примерно на два-три человеческих роста, потом резко обрывался. Зайдя на мелководье, девушка внимательно всмотрелась, впечатленная крутизной обрыва. Никакой другой суши до горизонта не было, и даже в каком направлении материк, Эйлия понятия не имела.

Потом она подумала, что на этом островке мало где можно спрятаться, если огненные драконы вернутся за ней, а они почти наверняка это сделают. Поможет ли здесь иллюзия, или использование магии только насторожит другие чародейские существа, позволит им ее обнаружить? Она посмотрела себе на руку, на сапфировое кольцо. Это был «самоцвет вдохновения», проводник для энергии из Эфира. Аурон говорил, что если она прибегнет к этой силе, то сможет вызвать в эту плоскость чистую квинтэссенцию в виде огненной молнии. Но удастся ли ей отразить атаку сразу нескольких огненных драконов? «Еще немереем себя называешь!» — едко сказала она себе. И чего она не слушалась своих опекунов? Мандрагор явно не намерен был вести с ней переговоры, хотел лишь заманить в ловушку. И она, как дура, ему подыграла.

Начинал мучить голод. Последний раз она ела еще на Темендри Альфаране, и это было будто много лет назад, а вся провизия погибла вместе с кораблем. Эйлия осторожно пожевала лист какого-то растения, но он оказался горьким, и тогда она в отчаянии попробовала ягоду. Ма-а-аленький кусочек, решила она про себя. Чтобы не отравиться. Ягода оказалась сладкой, как дикая земляника. «*На вкус* не ядовитая», — сказала девушка про себя, понимая, что от усталости уже не может судить здраво. Но вкус был очень соблазнительным, и сочная мякоть утоляла и голод, и жажду.

— В конце концов, не страшнее, чем умереть с голоду, — рассудила Эйлия вслух.

Сок бальзамом успокаивал пересохшее горло. Эйлия стала рвать ягоды и есть, пока не насытилась. Двойные тени вокруг уже стали длиннее, а никаких признаков отравления девушка не ощущала и решила, что ягоды безопасны.

Сознание, что остров дает ей еду и в какой-то степени питье, очень успокаивало. Избавившись от основных физических страданий, она теперь могла оценить положение более хладнокровно. Но не успела она этим заняться, как послышался булькающий звук, и на круглом конце острова вылетела в воздух дымящаяся струя гейзера, забрызгав листья теплыми каплями.

Значит, остров все-таки вулканический. Оставалось только надеяться, что это не признак начала извержения.

Не успела она об этом подумать, как примерно на расстоянии полета стрелы от другого конца острова возникло какое-то движение, участок шевелящейся пены на фоне спокойной мертвой зыби. Может быть, там какой-то выход вулкана, и это его подводный выдох нарушает ритм волн? На глазах у Эйлии это движение превратилось в бурлящий фонтан с пеной в середине. Она встревожилась, когда почти сразу ощутила резкий толчок, а за ним — долгую дрожь. Потеряв равновесие, девушка рухнула на колени. Все-таки извержение? Или...

В голове возникла невозможная мысль. Эйлия, спотыкаясь и оскальзываясь, побежала к вершине гряды и огляделась.

Теперь она видела, что от узкого конца острова расходятся углом две борозды пены, как кильватерный след корабля, только побольше. Сомнений больше не было — «остров» двигался. Два гигантских плавника, серые, как камень, и покрытые прилипшими моллюсками, поднимались и погружались по обе стороны, а за более узким концом взбивал воду колоссальный хвост. Послышался глубокий вздох, и еще один гейзер вылетел на круглом конце: теперь было видно, что это не одна струя, а две, очень близко друг к другу, и можно было разглядеть два темных влажных отверстия, откуда они били.

Никакой это был не остров. Невероятно, но Эйлия оказалась на панцире какого-то гигантского морского животного, и оно несло ее вместе с какими-то паразитическими растениями у себя на спине к неведомой цели.

Дворецкий Йегоси беспокойно расхаживал по залу совета. В Йануване всегда было опасно из-за заговоров и интриг, но сейчас над ним нависла тень большего страха, ощущение затаившегося зла. Все началось с появления этого таинственного Морлина — Мандрагора, как он предпочитал, чтобы его называли, — и его гоблинов. Придворные жались по углам, испуганно перешептываясь, а рабы рассказывали страшные сказки про новых обитателей замка, и эти слухи доходили до самого двора. Гоблины — эти странные полулюди — были отпрысками злых джиннов, а то и воплощением этих самых джиннов. Они, как говорили слухи, за стенами своих жилищ выполняли гнусные обряды. Это они заменили всех сторожевых псов во дворце на *баргвестов*: страшных тварей со своей планеты, вдвое больших зимбурийской овчарки, красноглазых и черных как сажа. Еще ходили слухи о кры-

латых чудовищах, что летают в небесах по ночам и выдыхают пламя. Но больше всего боялись Мандрагора, потому что этот фамилиар царя умел читать в умах людей, наводить на них чары и вызывать злых духов: говорили, что он беседует с ними по ночам в своей башне.

Только вчера ночью над замком видели летающую страшную тварь — огромную, красную, с рогатой головой и крыльями, как у огромного нетопыря. Чудище пролетело над башней, хлопая крыльями, а потом уселось злобной горгульей на башне над самым тронным залом. Кто говорил, что это зловещие знамение, кто утверждал, что это сам Мандрагор, только превратившийся силой волшебства. Кто знает теперь, что правда и что выдумка?

— Ну, Йегоси, куда все подевались?

Йегоси вздрогнул, оборачиваясь на голос. Мандрагор стоял у него за спиной, появившись будто из ниоткуда — обычный его фокус. В Йануване полно тайных ходов, построенных давным-давно для спасения царственных особ в случае войны или восстания, но Йегоси знал, где эти ходы расположены, и вроде бы Мандрагор ни одного из них не использовал. Либо он ходил беззвучно, как тень, либо умел становиться по желанию невидимым.

— Я так понимаю, что здесь должно было произойти заседание совета, — пояснил принц.

Йегоси кивнул.

— Наша работа еще не окончена: война с дочерью королевы Ночи не закончилась битвой в пустыне. Царь не будет доволен, пока Эйлию не свергнут с ее небесного трона. Это она, сказал он, навлекла на Зимбуру бедствия, это влияние ее злой звезды вызвало засуху и запустение земли и голод в нашем народе.

— Нет, правда? — Мандрагор приподнял бровь. — А разве не Халазар велел своим подданным строить фермы в пустыне и заводить детей больше, чем могут прокормить?

— Тише! Колдун ты или не колдун, а таких вещей никогда не говори! И вспомни: Трина Лиа сама явилась к нашему двору и грозила нам. Говорят, что она выше любого мужчины, и глаза у нее извергали огонь. И она поклялась, что все мы погибнем.

Мандрагор нахмурился.

— Она действительно это сказала?

— Ваш покорный слуга, — Йегоси поклонился, — в этот момент прятался под столом, но я отчетливо слышал, как она говорила о смерти и разрушении для нашего народа. Разобрал я не все — потому что придворные очень испугались и все кричали и метались, — но это я слышал.

— Немного же времени понадобилось, чтобы власть ее испортила, — заметил Мандрагор.

— Для этого никогда не надо много времени, ваше высочество.

Мандрагор посмотрел на главного евнуха с интересом. Тайна успеха при зимбурийском дворе состояла, по-видимому, в том, чтобы быть полезным и при этом не высовываться. Не дай бог нацелиться на трон или показать, что ищешь власти или влияния. Женщинам и евнухам в Зимбуре запрещено занимать официальные посты, и потому Йегоси, незаменимый в той роли, которую играл, вряд ли мог считаться угрозой в глазах своего хозяина. Очевидно, он счел, что такая жертва стоит гарантии безопасности?

Дверь открылась, и оба собеседника посмотрели в ее сторону, но это был только мальчик, Йари. Маленький принц небрежно ввалился в зал, посасывая леденец, и оглядел их обоих взглядом, от которого Йегоси побледнел.

— Ты, жирный! — Принц со смехом ткнул пальцем в сторону Йегоси. — А ну, прыгай, жирный! Выполняй приказ! Я — сын бессмертного Халазара, ты меня должен слушаться. Прыгай!

Йегоси, дрожа, повиновался, хотя от усилия пот потек струйками по его пухлой физиономии.

— А ну, не останавливайся, а то прикажу тебя казнить, — веселился мальчишка, танцуя вокруг подпрыгивающего евнуха. — Пузо жирное! Я — принц и могу тебя повесить, если захочу. А ты, — он ткнул пальцем в Мандрагора, — тоже будешь делать, что я скажу.

— Веди себя прилично, невоспитанный мальчишка, — ответил Мандрагор.

Йегоси споткнулся и растянулся на ковре. Мальчик от удивления проглотил леденец, потом злобно выпятил нижнюю губу.

— Ты как со мной разговариваешь? Я — наследный принц!

— Наследный принц? Как же ты можешь наследовать трон, если твой отец бессмертен? — спросил Мандрагор.

Йари посмотрел злобно, но как-то неуверенно.

— Я могу тебя казнить за такие слова!

— Вряд ли. Я — призрак. А убить того, кто уже мертв, нельзя, понимаешь? — ответил Мандрагор наставительным тоном.

— Ты не дух! — в бешенстве крикнул Йари, сжимая кулаки. — Генерал Гемала сказал, что ты — просто человек! Что ты — злой колдун со злой силой, но всего лишь человек! И сказал, что тебя надо убить.

Золотистые глаза Мандрагора похолодели.

— Вот как?

— Не гневайтесь, принц! — взмолился Йегоси с пола. — Во дворце всегда ходят ложные слухи.

— Это правда! — настаивал Йари. — Он при мне говорил, я слышал. Он меня не видел, но я слышал.

«Гемала, — подумал Мандрагор. — Ну конечно. Это он подсылал ко мне убийц. Сторонники Гемалы верны ему так же, как и его царю: вот почему тот человек рискнул жизнью, вот почему он солгал, будто его послал Роглаг. Выгораживал своего генерала и вносил раздор в стан врага».

— Он тебя убьет! — злобно усмехнулся Йари. — Гемала тебя убьет! Я слышал, он сам сказал.

Мандрагор посмотрел на него сверху вниз.

— Царь скоро придет, чтобы держать совет со своими советниками. Беги играй или пойди выпори кого-нибудь, в общем, делай, что тебе нравится. У нас, взрослых, дела есть.

Мальчик хмуро вышел — к облегчению Йегоси.

— Он чудовище, чудовище! — захныкал евнух, поднимаясь.

— Нет, он ребенок.

Особо сентиментальным по отношению к детям Мандрагор никогда не был. Очень живыми были воспоминания, как его били и кидали в него камнями детишки в зимбурийских деревнях, хотя с тех пор миновали сотни лет. Дети, в конце концов, всего лишь люди, и жестокость — только одна из неприятных черт, общая у них со старшими. А ребенок, избалованный и избавленный от наказаний с самого детства, ребенок, которому кланяются и разрешают все, что он хочет, — каким же еще он может быть?

— Халазар тоже не чудовище, — добавил Мандрагор. — С тиранами не в том беда, что они жестоки, Йегоси, или злы, а просто в том, что тиран — это обычный *человек*, только не на своем месте. Человеческая суть, а не бесчеловечность, делает его тем, что он есть. Не будь Халазар богом-царем, живи он в трущобе, а не во дворце, был бы он просто раздражительным и невыносимым пожилым господином, который бьет своих жен и орет на уличных мальчишек, чтобы не шумели, когда он спит. Чудовищно только то, что он сидит здесь, на троне, где ему совершенно делать нечего. И принцесса Эйлия — тоже не чудовище: когда она считала, что ничего особенного собой не представляет, то была вполне приятной девушкой. Истинный враг — это власть, Йегоси, и она родилась вместе с тем, что вы зовете цивилизацией. Когда люди жили в пещерах и собирали себе еду в лесах, тиранов не было.

Он замолчал, потому что Халазар уже подходил к тронному залу. Они услышали монарха куда раньше, чем увидели: дикие кри-

ки и проклятия полетели по коридорам. Двери распахнулись с грохотом, и Халазар влетел с пеной у рта — в буквальном смысле, — нечленораздельно ревя. Его окружали перепуганные помощники и советники и сопровождали регент Омбара и Беренгази, первосвященник Валдура.

— Нуждаешься ли ты в совете, о царь? — спросил Мандрагор.

Разгневанный властитель испустил горловое рычание, как зверь, но ответа не дал. За него ответил Беренгази.

— Говорят, что несколько уцелевших из армии принцессы-ведьмы сбежали в разрушенный город. Рабы об этом узнали и сделали из них героев. Мохарцы говорят, что один из этих иноземцев и есть их Заим.

— Я не знаком с этим титулом, — заявил регент.

Беренгази объяснил:

— Заим — мессия из мохарских легенд, муж, ниспосланный богами, который придет и освободит их от нашего правле...

— Да как они смеют! — взорвался Халазар.

— А двух других беглецов называют ангелами в человеческом обличье, посланными служить Заиму. Они светловолосы и бледнолицы, как ангелы, которых рисуют западные варвары. Не только мохарцы, но и некоторые зимбурийцы того деревенского края обращаются к ним и к их религии почитания богини Утренней звезды.

— Я этого не потерплю! — бушевал бог-царь. — В Зимбуре есть единственный истинный бог, и это я! И меня не свергнет какая-то богиня и ее лживый пророк. Гемала! — обернулся он к генералу. — Почему ты не схватил этих негодяев?

— Мои люди боятся входить в Старый Город, ваше величество, — ответил генерал. — Они говорят, что на нем лежит проклятие, и никто, вошедший туда, живым оттуда не выйдет. И действительно, из посланных нами разведчиков не вернулся ни один.

— Пусть они лучше боятся меня! — отрезал царь. — Если они ослушаются, я сниму им головы, так им и скажи!

— А у этого пророка, Заима, есть имя, как у прочих людей? — внезапно спросил Мандрагор.

И снова ответил священник, потому что Халазар был слишком зол.

— Наши лазутчики говорят, что Заима зовут Йомар, а двух других — Лорелин и Дамион.

— Эта троица! — воскликнул Мандрагор. — Значит, они явились с арайнийскими войсками. Они выжили — и их здесь броси-

ли. Халазар! — Он резко повернулся к богу-царю. — Ты не понимаешь, какой подарок тебе свалился в руки! Излови этих троих любыми средствами, но чтобы ни один волосок с их головы не упал — пока что. Они — близкие друзья Трины Лиа!

Бог-царь посмотрел на него в недоумении. Слово «друг» ему ничего не говорило. Мандрагор вздохнул.

— Они ее союзники, близкие помощники — особенно тот, которого зовут Дамион, так мне говорили. Я когда-то слышал о волчице, попавшей в западню, где ее ждала особая приманка: ее собственный самец, привязанный к дереву. Найди тех, кто ей дорог, и Эйлия будет в твоей власти.

— Я назначу за них награду, — сказал царь. — Объявлю, что она будет выплачена любому, кто их доставит. — Он сердито нахмурился. — Я одержал над ее войсками великую победу, но каждый день терзаюсь сознанием, что дочь Ночи до сих пор жива и может снова против меня выступить.

— Вряд ли, ваше величество, — возразил Мандрагор. — Трина Лиа не захочет посылать бойцов, которые уже проявили в битве свою беспомощность. И еще менее вероятно, что она захочет встретиться с вашим величеством в поединке. Так что причин для беспокойства нет.

— Я должен сразиться с ней лично! Только я могу сразить дочь королевы Ночи, ни одна смертная рука на это не способна. Но моя божественность проявилась лишь недавно. Что, если она нанесет удар, пока моя сила еще недостаточно велика? Я не могу — не должен — потерпеть от нее поражение. Невообразимый позор для любого человека — пасть от руки женщины. Такой человек стал бы посмешищем для всех потомков.

— Ты не простой человек, о Голос Валдура, — с нижайшим поклоном сказал Беренгази.

— Да, это так, но и она не простая женщина.

— Ты сомневаешься в себе, о царь? — спросил Мандрагор.

Халазар выпрямился.

— Нет, в сердце своем я знаю, что я царь и бог. Но я не знаком с битвами подобного рода. Есть пословица: когда боги воюют меж собой, звезды сотрясаются. Теперь я знаю, что пословица говорит правду.

Мандрагор думал, что потеря стольких жизней настроит арайнийцев против Эйлии — прямой причины первой за сотни лет войны, сотрясшей их мир. Но он недооценил их слепой преданности ей, и надо будет искать другие пути свергнуть ее. Он до сих пор не

знал, куда девалась Трина Лиа, но этого не знали и ее союзники. Взять в заложники ее друзей — это может быть весьма полезно. Один из возможных способов управлять столь могучей личностью: захвати тех слабых, которых она любит.

Регент Омбара тихо заговорил с Мандрагором, когда они выходили вместе из зала.

— Даже если Трина Лиа не явится на Меру, все же хорошо, что мы в этом мире создали мощный плацдарм.

— Моими усилиями, — напомнил Мандрагор.

— Твоими? — улыбнулся Наугра. — Нет, это Валдур тебе подсказал все это сделать. Ты только хотел посадить Халазара на свое место, сбить с толку врага и отвлечь его от себя, но теперь ты видишь, что получилось: власть валеев установлена на Мере. Ты слышал, что этот Маракор подписал пакт с Зимбурой? И их кронпринц женился на наследнице трона Маурайнии? Вскоре весь этот мир будет наш, и наши войска соберутся здесь перед вторжением на Арайнию. Об этом ты не думал, принц. Тебя вообще не интересует, что будет с Мерой.

— На самом деле думал, — ответил Мандрагор, направляясь к лестнице в свою башню. — Я всегда восстаю против затянувшейся заразы архонского влияния, где только она мне попадается, а Арайния — один из главных их миров. Но я не уверен, что твой Валдур чем-нибудь лучше, чем его соперники.

— Он хотел положить конец их господству во вселенной...

— Только чтобы установить свою тиранию.

Регент скривил губы.

— Много ты понимаешь!

— Ты очень неуважительно себя ведешь, — заметил Мандрагор. — Не боишься, что я могу тебе за это отплатить, если приму когда-нибудь трон, который ты предлагаешь?

Морщинистые губы раздвинулись в искривленной улыбке:

— Но когда ты примешь царствование над Омбаром, ты уже не будешь собой, принц. В тот день Валдур изгонит твой дух из этой смертной оболочки и заменит его своим.

«Я бы не слишком рассчитывал на это, друг мой, — подумал про себя Мандрагор, поднимаясь в свои покои. — И твои слова запомню».

Но неприятный осадок от разговора остался.

Едва он вошел к себе, как воздух в углу задрожал, и появилось эфирное изображение Роглага.

— Ну? — коротко бросил Мандрагор.

— Мы нашли Эйлию.

Мандрагор нащупал кресло и сел.

— Не может быть. Где она?

— На дне моря.

— Что?

— Она пыталась на звездном корабле проникнуть на Немору — несомненно, хотела найти тебя и сразиться. Но один из твоих крылатых дозоров погнался за судном, оно врезалось в гору на одном острове и рухнуло в океан.

Мандрагор медленно выдохнул. Эйлия — погибла в неморском океане! Может ли это быть?

— В последний раз, когда я поверил, что она утонула, оказалось, что она вполне жива, — сухо ответил он.

— Но с тех пор ее не видели. И не было никаких чародейских проявлений и призывов о помощи через Эфир, — сообщил гоблин.

— Это ничего не доказывает: она могла где-то затаиться. Пусть лоанеи продолжают поиски тела. Сколько народу об этом знает?

— Только всадники дозоров и драконы. И они еще не знают, что это был корабль Трины Лиа: для них это был просто нарушитель, и они его сбили. Я узнал описание корабля, на котором она скрылась с Темендри Альфарана, но им не сказал.

— Хорошо. Тогда веди поиск сам и возьми с собой одного из верных мне лоананов. Если найдешь останки, сообщи. Но я подозреваю, что она жива, и буду так считать, пока не будет доказано обратное.

Но сам он вопреки своим словам желал верить, что все это так легко кончилось для них обоих.

Эйлии снился сон: об изумрудных глубинах и водных безднах, об огромных плантациях растений, похожих на водоросли, поднимающихся во много раз выше самого высокого дерева, отбрасывающие вниз зеленоватые тени и солнечные пятна, подобно земному лесу. Здесь было излюбленное место морских змеев и многоруких кракенов, здесь же был и ее, Эйлии, дом, и обиталище всего ее рода. Она медленно и задумчиво скользила по глубинам, шевеля огромными плавниками, пока дрожь и рокот не вернули ее к действительности.

Протерев глаза, она села и обнаружила, что лежит на травянистом склоне острова-животного под взглядом двух пылающих солнц.

«Что за странный сон! И какую же кашу ты заварила! — выговаривала себе Эйлия. — С твоими дурацкими представлениями о мужестве! Вот и пропадешь здесь, погибнув от солнечного удара. Ужасно героически!»

Огромная морская тварь ровным ходом шла вперед. Больше всего Эйлия страшилась, что животное захочет нырнуть в глубину и утащит ее с собой в эту влажную смерть. Как утверждал «Бестиарий» Бендулуса, известно, что аспидохелоны поступали так с моряками, которым не повезло развести костер на том, что они принимали за остров. Черепаший панцирь казался таким же непробиваемым, как скала, на которую он был похож, но кто знает...

Если не считать огромных машущих плавников и китового хвоста, Эйлия зверя толком не видела, потому что он почти весь был под поверхностью, как айсберг. Он, конечно же, не проявлял ни малейшего интереса к мелкому паразиту-человечку, путешествующему на его спине. Эйлия подумала о монстрах, которые явились ей в сонном видении: гигантские морские змеи, орки, как огромные рептилоподобные рыбы с обтекаемыми телами. Не приходилось сомневаться, что броня аспидохелона была естественной защитой от их нападений. Эйлия содрогнулась, вспомнив, как плыла без всякой защиты через вот это самое море к «острову». В глубинах здесь живут такие чудища, что могут проглотить ее за один раз.

К счастью, никто из водных охотников не стал угрожать ее «черепахе». Рано утром, когда солнца еще не подожгли Восточное море, ее пути скрестились со сколопендрой, которую Эйлия в сером предутреннем свете приняла за трирему, гребущую сквозь волны. Она готова была ее окликнуть, когда та подплыла ближе и стали видны сегментированный хитиновый панцирь и длинные машущие усы. Эйлия узнала гигантское ракообразное из легенд — тварь плыла, загребая многочисленными ногами, как невероятных размеров жук-плавунец. Девушка затаила дыхание, боясь, что аспидохелон втянется в грандиозную битву, которая для нее будет роковой, но два чудища спокойно проплыли мимо друг друга, как расходящиеся корабли.

Эйлия снова села и обратила взгляд к горизонту, опустив подбородок на руки. Шли часы, день разгорался ярче. Глаза так утомились игрой моря и двух солнц на востоке, что Эйлия не сразу поняла, что перед нею.

Тогда она вскочила на ноги и бросилась к краю панциря.

На восточном горизонте виднелась длинная темная полоса. Земля! В отчаянии Эйлия бросилась на мшистую спину аспидохелона и застучала кулачками, плача и приговаривая:

— Земля! Плыви к земле!

Но, конечно, «черепаха» этого делать не будет — она создана для глубин и не будет рисковать возможностью сесть на мель.

Но прошло время, и Эйлия убедилась, что земля стала ближе. Решиться ли ей пуститься вплавь? Кто знает, какие чудовища могут таиться в воде между ней и берегом? Уже видна стала растительность, пышная, зеленая, а за ней — горы в белых облаках. Аспидохелон явно направлялся к берегу. Уровень воды постепенно понижался, обнажая панцирные бока чудовища и большие чешуйчатые плавники. Теперь уже видна была вся громадная голова, покрытая водорослями и ракушками, как валун, обнажившийся на отливе.

«Она выбросится на берег и погибнет, если еще подойдет ближе», — подумала про себя Эйлия. А что, если это она влияет на огромное животное? Вот это сновидение из глубин — наверное, пока она спала, у нее сформировалась мысленная связь с аспидохелоном. Ей говорили, что ее сила будет расти быстрее, чем она, Эйлия, будет об этом знать. И что, если она как-то передала черепахе свое желание попасть на сушу? Во внезапном отчаянии из-за судьбы огромного зверя, Эйлия бросилась к боку черепахи, за плавником, и спрыгнула в прозрачную зеленую воду. Черепаха спасла ей жизнь, пусть и ненамеренно, и надо отплатить ей тем же.

Эйлия плыла к берегу, и светлый песок дна становился все более и более различимым. Вскоре она уже брела и шлепала руками больше, чем плыла, и наконец, тяжело дыша, выбралась на гладкий песчаный берег.

За ней раздалось шуршание, и огромные волны рухнули на песок, чуть не стащив девушку обратно в море. Обернувшись, она увидела величественное зрелище: за ней громоздился огромный аспидохелон, каменно-серый, а то, что она сочла «островом», было лишь пятнышком на его спине. По форме аспидохелон напоминал большого кита, но был рептилией: панцирь и кривые передние лапы определяли его в морские черепахи. На миг прямо на Эйлию уставился гигантский глаз размером с храмовое окно и зеленый, как глубины, откуда он вышел. Потом черепаха неуклюже, с трудом развернулась и направилась в открытый океан. И уже вдалеке среди волн огромный хвост чудища взметнулся на фоне неба, и гигантское создание исчезло в глубине вместе с выросшими на нем незадачливыми деревьями.

Эйлия осталась одна на чужом берегу.

13
Храм Валдура

— Что за шум? — спросила Лорелин, переставая точить меч и поднимаясь на ноги.

Вечерняя тишина уже накрыла деревню в оазисе; свет приобрел винно-красный оттенок. Несколько полуголых детишек еще играли на площади перед хижиной вождя, но остальных уже забрали домой. Женщины собирались группками у дверей, нанизывали бусы, болтая за работой, а дети прижимались к ним или спали у них на коленях. Мужчины почти все ушли в дозор, и некоторые уже возвращались. Сейчас в деревню вернулся Унгуру со своими разведчиками и приволок какого-то молодого человека — отчего и поднялся шум.

— Этот зимбуриец пытался подойти к оазису, — сказал Унгуру, без особых нежностей швырнув пленника наземь. — Убить?

— Он был один?

Это спросил Макиту, вождь мохарцев, выйдя из своей хижины.

— Да, верхом. Мы застрелили под ним лошадь.

— Хорошее животное загубили, — выдохнул молодой пленник на хриплом элейском, с запинками. — Жаль, хотя и не моя была коняка.

— Он бы не пришел один, если бы замыслил дурное, — рассудила Лорелин. Унгуру стоял над пленником, судорожно сжимая рукоять меча. — Смотри, он даже не вооружен.

— Это правда. Я пришел — пришел с мирными намерениями...

— Лазутчик! — прошипел Унгуру, поднимая меч. — Ты хотел найти нас и получить награду от своего царя!

— Нет. — Лорелин встала между зимбурийцем и мечом, глядя мохарскому воину прямо в глаза. — Его следует отвести к Йомару. К Заиму, если ты забыл. Ему решать, что надлежит сделать. Кто-нибудь, найдите Йомара и Дамиона.

Глаза Унугуру вспыхнули, как много раз видала Лорелин это у Йомара, и кто-то из воинов недовольно заворчал, но остальные были на ее стороне. Этот ангел со странными глазами цвета неба служил Заиму, чья власть исходит непосредственно от Утренней звезды. Почувствовав настроение собравшихся, Унугуру неохотно опустил меч и посмотрел на Макиту, а тот кивнул головой в тюрбане.

— Пленника сперва представить Йомару.

Как только Йомар и Дамион появились, зимбуриец тут же отверг все обвинения в любом злом умысле.

— Я пришел, чтобы быть на вашей стороне, — повторял он. — Видите, я даже без оружия. Я всего лишь крестьянин по имени Киран Йарисс, а не слуга царя. Я буду рад помочь его врагам, и у многих в нашей стране те же чувства.

— Зимбуриец на стороне мохарцев? — скривился Унгуру. — Вы нас ненавидите. Вам только бог-царь дорог.

Он сплюнул на песок.

— Дорог? — Глаза пленного вспыхнули. — Да чтоб он сдох, этот Халазар! Он нам устроил нищую жизнь, он и его жрецы! Они нас держат в бедности и голоде, наказывая, если у нас меньше трех жен и если эти жены не приносят детей. Им плевать, есть ли нам, чем этих детей кормить. Я хочу только одного: достойной жизни для моей семьи и чтобы еда на столе была. А Халазар — обманщик, как все боги-цари, что до него были. Его враг — наш друг. И когда-то элейский народ уже освобождал Зимбуру.

Он с надеждой покосился на стоявшего неподалеку Дамиона.

— Можно ли верить этому зимбурийцу? — спросил Йомар Дамиона. — Унгуру прав, это может быть шпион, пришедший нас обмануть и заманить в западню.

— Но он же рисковал жизнью? — возразил Дамион. — Не могу себе представить, чтобы человек так поступил, если не дошел до настоящего отчаяния.

Йомар фыркнул:

— Или если он не псих-фанатик, повинующийся своему богу-царю.

— Эти фанатики Валдура в городе — исключение, если я правильно понял. Судя по слухам, зимбурийцы куда больше заинтересованы выжить, чем служить Халазару. Они — вполне практичный народ. Этот человек не кажется психом или фанатиком. А если человек не псих, то сумасшедшие поступки он совершает только под давлением тяжелых обстоятельств.

Дамиону казалось, что гневные слова против Халазара молодой пленник говорил искренне.

Не все мохарцы были готовы согласиться с доводами Дамиона, ангел он там или нет. Старая ненависть живуча. Но в конце концов большинство согласилось, что включить в свой план хотя бы некоторых зимбурийцев стоит.

— Нам нужны лазутчики, — напомнил Дамион. — И только зимбуриец может свободно пробраться в город. И рассказать нам, что там творится.

— Ха! Зимбуриец нас продаст, как только ему солдаты денег предложат, — сказал Унгуру. — Бледнолицые верны только своим — хотя драться не станут и за них, если не заставят.

Киран Йарисс вскинул голову и ответил с внезапным блеском карих глаз:

— Мы — бойцы. Мы бьемся, чтобы жить. И бьемся с тех самых пор, как поселились в степях Южного полуострова, где пустошь и холода. Наша воля к жизни дала нам там выжить, позволила в конце концов сдвинуться к северу, где теплее. И ничто перед нами устоять не могло. Мы завоевали империю Каана, взяли земли кааннев и выгнали их за море, на островные колонии, откуда они уже не вернулись. Мы — воины, мы — зимбурийцы, потому что мы любим жизнь вопреки ее суровости — иначе бы мы никогда не выжили долгие века на суровом Юге.

— Дети Валдура! — сплюнул Унгуру.

— Так вы нас зовете. Но когда-то, до того, как явились жрецы Валдура и потребовали, чтобы мы почитали его, мы молились тем же богам, что и вы, мохарцы. От вас мы узнали о небесной богине Найе и ее супруге Аккаре, что обитает на земле. Теперь почитать их в нашей стране запрещено, но зимбурийцы не забыли старой веры.

— Лгун! — рявкнул воин и развернулся к Йомару. — Почему ты не заставишь его молчать?

Йомар колебался. Сердцем он был с Унгуру, но время, проведенное вдалеке от Меры, притупило старую ненависть и расширило кругозор. Конечно, есть зимбурийцы, у которых не меньше причин ненавидеть Халазара, чем у мохарцев, и даже больше — на них сильнее давит его тирания. Что еще лучше, их недовольство может оказаться заразным. Обернуть народ Халазара против него — это было бы огромным успехом.

— Ладно, Йарисс, — наконец неохотно сказал Йомар. — Попробуем. Но если ты нас предашь, зимбуриец, то тяжко расплатишься. Я тебя сам найду — обещаю.

Йарисс широко улыбнулся.

— Я тебя не подведу, — поклялся он. — Это я делаю ради своей семьи. У меня сейчас две жены, одна из них — вдова моего брата, погибшего в бою. Я должен был взять к себе ее и ее детей. У меня у самого от первой жены их четверо. Наша ферма разрушена войной, и мне пришлось бы, чтобы выжить, везти семью в город. Я тебе вот что скажу: народ не питает ненависти к мохарцам или людям Запада. У всех зуб на Халазара, хотя открыто сказать такое никто не смеет. И сыну Йемосы они станут служить охотно.

— Это еще кто такой? — спросил Йомар.

— Ты.

— Чего? — вытаращился Йомар.

— Ты ведь не знаешь, кто были твои родители, Йомар? А я знаю. Генерал Йемоса, великий воин и человек чести, был любим в народе, потому что он использовал свое богатство и положение для помощи бедным. И Халазар, и царь Зедекара его ненавидели за любовь людей. Но Зедекара боялся против него что-нибудь предпринять, а Халазар просто не мог. Потом родственники первой жены генерала публично от него отреклись — он, сказали они, покрыл их позором. В его доме была рабыня, мохарка, в которую Йемоса был влюблен с юности. Они вместе выросли в доме его отца. Йемоса, глядя на Нехари, видел не рабыню, а только красивую девушку. Втайне она ответила взаимностью на его любовь, и он освободил ее от всех обязанностей рабыни и поклялся сделать ее своей женой официально. Когда об этом узнал Халазар, от тут же увидел наконец повод казнить генерала, а Нехари и ее ребенка послал в лагерь рабов. Я думаю, что этим ребенком был ты, Йомар.

Йомар вперился в него.

— Ты сказал, что Йемоса любил эту женщину? Он ее использовал — она была рабыней в его доме. И ты сам сказал, что он женился на других.

Но он вспомнил скорбь в глазах матери, слезы, которые она беззвучно лила, когда думала, что никто ее не видит. Обычные, ежедневные страдания раба? Или что-то другое?

— Женился он только потому, что отец его заставил. Эти другие были дочерьми богатых и влиятельных людей, и чувств у него ни к одной из них не было. Использовал, говоришь, рабыню? Рискуя арестом и казнью? Любил он ее, и она его. Это единственное объяснение. Твой отец был хорошим человеком, Йомар, что бы ты там ни думал, — сказал Йарисс. — Если ты ненавидишь его, ты ненавидишь что-то в себе.

— Ненавижу, — согласился Йомар. — Зимбурийскую половину.

— Жаль. Потому что горожане любили бы и тебя, если бы знали, чей ты сын. Йемосу в эти плохие времена вспоминают все чаще.

Киран Йарисс отвечал долго, и все с интересом слушали. Да, войска Гемалы взяли много арайнийских пленных. Они остались живы, но сидят в подземельях Йанувана. Другим повезло меньше. Некоторые зимбурийские рекруты, которые пытались бежать из армии, должны были быть казнены в храме Валдура в эту самую

ночь. Самый младший был четырнадцатилетний мальчишка, которого мать спрятала от вербовщиков, но выдал сосед — за деньги. Голос молодого крестьянина дрожал от гнева.

— Осужденных посылают в храм, чтобы они услышали официальный приговор от жрецов, а потом во дворе храма их казнят. Халазар еще не решается приносить человеческие жертвы на алтарь, но всем понятно, что к этому идет. Его необходимо свергнуть.

— Мы должны их спасти! — воскликнула Лорелин. Все уставились на нее, в том числе Йарисс.

— Спасти приговоренных? Ты с ума сошла. Как мы это сделаем? — ответил Йомар. — Их же держат в подземельях.

— Ты же слышал, их должны провести к храму по улицам. Он говорит, что их всего полдюжины. Неужто мы их не отобьем у стражников?

Унгуру посмотрел недоверчиво.

— Спасать зимбурийцев? Этого только не хватало.

— Эти люди, — ответил Дамион, — умирают из-за нас, из-за вторжения нашей армии. Эйлия хотела бы, чтобы мы их спасли, если сможем.

Йарисс посмотрел на них внимательно.

— Это было бы хорошо, — сказал он, — если бы вы смогли это сделать. Тогда граждане Зимбуры встали бы на вашу сторону. Случалось, что богов-царей свергали, и это может случиться снова. Люди не сопротивляются Халазару, потому что он кажется всемогущим, и они утратили мужество. Спасите смертников, и вас за это будут любить, а главное — поймут, что у вас тоже есть сила.

Дамион направился к развалинам, где в одиночку медитировал Вакунга, как всегда он делал в конце дня. Старик был в глубоком трансе, но при звуке шагов Дамиона поднял глаза, потом кивнул, будто подтвердилось его предположение.

— Иди сюда, — сказал он, как всегда коротко. — Рассказывай.

Дамион сел в нише рядом со стариком и рассказал про известия, которые принес крестьянин. Шаман слушал внимательно.

— Все, что ты говоришь, — правда. Прийти на выручку беспомощным — дело благородное и принесет тебе восхищение. Но я боюсь этого колдуна, которого вы зовете Мандрагором. — Он посмотрел сквозь арочный вход ниши на темнеющее небо. — Был когда-то давным-давно мохарский шаман — вы таких называете немереями, — который научился менять облик. Он чаще всего становился черным леопардом, потому что восхищался этим зверем за его красоту и проворство, и вскоре стал тяготиться собствен-

ным человеческим телом из-за его слабости и несовершенства. В конце концов он перестал принимать любые другие формы, кроме леопардовой, а презрение к человеческому телу сменилось презрением к людям. Он считал себя выше всей деревни и через годы стал ненавидеть людей и охотиться за ними, как дикий зверь — только с жестокостью и коварством, которых ни у какого зверя нет. Люди не понимали, что это за леопард такой, который убивает своих жертв, но не пожирает. Этот странный черный леопард охотился только ночью и был настолько хитер, что не попадался ни в какую западню или засаду. Люди стали опасаться, что это — злой дух, каким-то проклятием спущенный с цепи на людей. Но нашелся в племени один юный воин не только храбрый, но и мудрый. Он пришел в этот старый город, потому что знал о великом лежащем здесь сокровище: черный камень, больше человека, упавший с неба.

— Падающая звезда? — спросил Дамион.

— Да. Великий чародей из мохарцев видел, как она упала, давным-давно это было. Племя боялось подойти к ней, а чародей, когда приблизился, увидел, что его силы тем слабее становились, чем ближе подходил он к небесному камню. Он тогда понял, что это мощная вещь, дар богов, и закопал камень в землю. Потом над ним построили этот город, и вот почему никакая магия здесь не действует и ни один злой дух или колдун не может и близко подойти.

— Холодное железо, — сказал Дамион. — Камень из железа, и он одолевает любое волшебство.

— Даже при этом я все равно вижу здесь сны, потому что их посылают мне высокие боги звезд, которых вы называете элирами и которые не боятся железа. Но продолжаю мой рассказ: этот воин знал о закопанном камне с неба, нашел его здесь и отломил от него кусок, чтобы сковать оружие. Этим оружием он смог загнать шамана-леопарда в его исходное обличье и сразить его.

Наступило молчание, прерываемое только далекими голосами из деревни. Кажется, там затевался новый спор. Но Дамион еще был под властью рассказа.

— Страшная история. Это правда?

— Да, это правда. Каждому шаману в молодости рассказывают эту историю, чтобы его предостеречь. — Лицо Вакунги стало мрачно-серьезным. — Есть опасность, когда оборачиваешься зверем: дух следует за телом, и в конце концов человек начинает сочетать в себе худшее от человека и зверя. Этот Мандрагор, как ты говорил, часто пребывает в виде дракона. И это плохо, очень плохо.

— Почему? Драконы не звери, и они не злы.

— Дело вот в чем: я тоже часто слышал, что они и мудры, и добры. Но они привыкли к своим большим удобным телам и о них не думают. А для человека вдруг получить такой дар, такую мощную форму — опасно. Он может начать с презрением относиться к человеческому в себе и поверить, что стал высшим существом. Дракон *сам себя* не считает огромным, как ты не считаешь себя гигантом — хотя ты гигант по сравнению с мелкими животными. Но человек, который принимает непривычную форму дракона, погружается в непривычную силу и огромность. Вот в чем разница. Я думаю, Мандрагору нужна не мудрость дракона, но лишь его сила и размеры: он хочет быть не просвещенным существом, а лишь более крупным и сильным животным. Это ложный путь, и многие до него шли этим путем к собственному краху.

— Откуда ты все это знаешь? — спросил завороженный Дамион.

— Мой тотем рассказывает, и он никогда не ошибается.

— Твой — кто?

— Духовный помощник. Входящий в Великие Сны обычно встречает там свой тотем — духа, который проводит его по жизненному пути к цели. Мой появляется передо мной в облике пустынной лисицы. Я его много раз встречал в своих видениях, и он много раз за эти годы делился со мной мудростью. И я привык внимательно прислушиваться к его словам — он мудрый старый лис. — Шаман улыбнулся. — Если тебе предстоит быть истинным немереем, ты должен будешь войти в Сны и говорить со своим тотемом.

Дамион поднял глаза и увидел, что к ним идет Йомар. Издали еще доносились возбужденные голоса.

— Что там, Йо? Что стряслось?

— Эта девчонка — ходячее несчастье, — бросил Йомар, подходя. Но с какой-то странной интонацией, будто вопреки раздражению не мог подавить смешинку. — Мы обсуждали план, как освободить смертников. Лорелин, как обычно, требовала, чтобы ей дали сказать, и воины подняли ее на смех, говоря, что женщина воином быть никак не может. Она предложила это доказать, вызвав их на бой — всех сразу. Трое приняли вызов.

— И что?

— Двое до сих пор без сознания. Третий на правую ногу наступить не может. — Йомар вскинул руки. — Трое выведены из строя, и это накануне набега!

— Если она так может, то она стоит троих мужчин. Возьми ее с нами, Йо.

— Мне просто противна мысль о женщине в бою. — Йомар плюхнулся рядом с Дамионом, положив руки на колени.

— Мне тоже. Это против всего, чему меня учили. Сама мысль, что женщину могут ранить или убить, невыносима. Но с чего мы взяли, что мы можем терпеть боль, а женщины — нет? Они, в конце концов, рожают, а это должно быть больнее, чем мы себе можем представить. Но они это выдерживают. Сам знаешь, они не стеклянные.

Йомар неохотно кивнул.

— В лагере женщины часто выдерживали тяготы лучше мужчин и жили дольше.

— Так вы придумали план?

Йомар посмотрел мрачно.

— Если это можно так назвать. Сейчас обсуждаем.

Дамион вместе с ним вернулся в центр деревни, где вели горячий спор мохарские воины. Лорелин тоже была здесь — стояла на коленях в сторонке и молилась в молчаливом раскаянии. Мужчины теперь держались от нее на почтительном расстоянии. У Дамиона возникло чувство, что с этого направления можно не ждать неприятностей: для них же самих было бы лучше счесть ее ангелом. Намного почетней получить по морде от бессмертного духа, чем от смертной женщины.

Несколько возможных планов действий после горячих дебатов было отвергнуто. Единственный план, при котором всех бы сразу не перестреляли, был самым отвратительным: просто послать в город несколько бойцов с Кираном Йариссом, переодев их его женами. Когда будут проводить смертников, они сбросят маскировку, убьют сторожей и освободят заключенных. А когда стражники мешать не будут, никто их в городе не задержит: зимбурийские граждане вмешиваться не станут, если гнев по поводу будущей казни так силен, как утверждает Йарисс.

Унгуру возражал.

— Насчет переодеваний в женское платье — я даже обсуждать не буду! Это бесчестье!

— Согласна, — поддержала его Лорелин. — Я тоже ни за что этого делать не буду.

Йомар уставился на нее с неподдельным раздражением.

— Но ты же женщина!

— Я не трус, чтобы скрывать от врагов лицо! — отрезал Унгуру. — Воины так не делают.

— Ладно! — Йомар вскинул руки кверху. — Делайте как хотите. Скачите прямо на зимбурийцев на своих степных конях с геройским боевым кличем. Вас нашпигуют стрелами, зато хоть с честью умрете.

Старый шаман, узнав о плане, не выдвинул возражений. Он только раздал всем маленькие костяные талисманы и кусочки шкуры.

— Священные дары, мохарские талисманы удачи, — объяснил вождь племени Дамиону и Лорелин, с недоумением разглядывавшим выданные им кусочки. Некоторые были взяты от ящериц или грызунов, другие — от более крупных животных. — Дух зверя живет в его костях и шкуре — так мы верим — и входит в того, кто ими владеет. Человек, носящий шкуру льва на собственной коже, становится силен и бесстрашен, а владелец кожи газели — легок на ногу. Змея жалит с быстротой молнии, а ящерица всегда уходит от врага, потому что оставляет хвост у него в зубах и убегает.

Йомар поднял шкурку за хвост, посмотрел на нее с явным отвращением.

— Шкурка тушканчика, — сказал шаман. — Этого зверька очень трудно поймать, и потому это мощный талисман удачи.

— Этому, кажется, не слишком повезло, — заметил Йомар, убирая шкурку.

— Ты говоришь как зимбуриец, — вспыхнул Унгуру, — и смеешься над нашими обычаями!

— Он — Заим, — спокойно и твердо сказал шаман, шагнув вперед.

От его вида безмятежной убежденности у Йомара снова вспыхнуло раздражение.

— Ты что, в самом деле в это веришь? Что мне судьбой предназначено что-то там такое? — буркнул он, когда Унгуру и другие воины отошли.

Вакунга улыбнулся.

— Я не говорил, что тебе судьбой предназначено быть вождем, Йомар. Может быть, эта часть легенды о Заиме — всего лишь мечта нашего народа, как ты сказал. Так что из того? У тебя есть сила сделать эту мечту явью.

— Ладно, хватит! Пора в путь, иначе вся удача этого мира ничем не поможет смертникам.

— Еще одно, — остановил его Вакунга, протягивая узел из леопардовой шкуры.

— Это еще что? Я что, и это должен на себя надеть?

— Не это.

Шаман развернул узел, и Дамион вместе с Лорелин ахнули одновременно.

В шкуре был клинок. Простой, без украшений ятаган из серого металла. Но сама его простота была красива суровой красотой.

— Это Звездный Меч, — сказал Вакунга. — Выкованный из звезды, упавшей в пустыню. Его сила обращает вспять любое волшебство, и даже джинн против него не устоит. Он уже послужил изгнанию злого шамана. Я вручаю его тебе, Заим, для битвы с колдуном-драконом и его чародеями. Это единственное оружие, которым можно с ними сражаться.

— Железо! — воскликнула Лорелин. — Чистое железо. Он прав, Йо: никакая магия не коснется тебя, пока у тебя этот клинок!

Йомар молча взял меч и взвесил его на ладони. Оружие для изгнания магии! Впервые за все это время сердце его забилось яростной надеждой.

Йарисс вывел верховой отряд к брошенной ферме неподалеку от городских стен. Там у него стоял развалюха-фургон и пара разномастных упряжных коней, серый и гнедой, оба одинаково понурые. Спешившись, воины оставили своих лошадей на привязи и забрались в фургон.

— Там кое-какая одежда есть, — сказал Йарисс. — Немного, но это лучшее, что мне удалось отыскать.

Нашлось несколько свободных бесформенных платьев из ткани, очень похожей на мешковину, несколько тонких шарфов и шалей нейтральных цветов: коричневый, мышино-серый и черный. Судя по их потрепанности, вытащили их из мусорной кучи, хотя на самом деле их бросили убегающие владелицы.

— Ужас какой, — прокомментировала Лорелин, примеривая шаль. — Не могу сказать, что высокого мнения о зимбурийской моде.

— А им не полагается быть красивыми, — пояснил Заим. — В Зимбуре считается вульгарным для женщины привлекать к себе внимание на публике. На самом деле Халазар даже издал декрет, что ни одну женщину вообще не должны видеть на улице — под страхом смерти. Высокородные дамы обходят его тем, что их носят в паланкинах с задвинутыми шторами, а бедным приходится выкручиваться. Шарфами полагается закрывать лица: они достаточно тонкие, чтобы сквозь них смотреть, но не настолько, чтобы разглядеть лицо. Шаль надо обернуть вокруг головы, и руки под нее спрятать. Пока ты следуешь букве закона и ни одну часть твоего тела никто *не видит*, можешь идти, куда хочешь.

— Что ж, хотя бы маскировка хорошая, — заметила Лорелин и исчезла под шалью.

— И помните, что вы — жены: вы должны почтительно идти за мной, гуськом. Впереди первая жена, потом вторая и так далее. Последними идут наложницы. Не налезайте друг на друга: вам полагается идти аккуратной цепочкой, чтобы каждый прохожий мог сосчитать, сколько у меня жен. Таков обычай. И ни за что на свете не забегайте вперед меня, или вас обвинят в недостойном поведении. Когда мы смешаемся с толпой у храма, тогда можете рассредоточиться, и никто уже не заметит.

В город они въехали через Западные ворота, попав прямо в жуткий район, где жили, кажется, только тени, которые осторожно выглядывали из разбитых окон или прятались в переулках — живые призраки, бедняки.

— Как видите, места живописные, — сказал Йарисс.

Дамион и Лорелин нечасто видели такую нищету, даже в самых трущобных переулках Раймара или Йардйаны. Фургон проехал мимо воняющих мясных рядов, где стойла были под завязку набиты птицей, свиньями, козами и, к отвращению Дамиона и Лорелин, крысами и ящерицами и даже самыми разными насекомыми. Для столь большого количества зимбурийцев все съедобное годилось на стол. Но через некоторое время дома стали больше и как-то приятнее с виду. Люди столпились во внутреннем дворе какого-то здания, ворота приоткрывались, пропускали очередного посетителя и закрывались снова. В центре толпы стояла девочка в красно-золотом платье, и ее маленькая фигурка была отягощена грузом цветочных гирлянд и драгоценных камней.

— Что это тут происходит? — спросил Дамион.

— Свадьба, — ответил Йарисс.

— Свадьба? Но ей же не больше двенадцати!

— Зимбурийский закон требует женить молодых. Так больше детей получается.

Лорелин посмотрела на запруженные народом улицы.

— Зачем тут надо *больше* детей? И без того народу слишком много.

— Повеление Халазара. Мы должны заполнить все земли и завоевать все народы. Больше людей — больше солдат. Зимбурийский мужчина теперь может заводить себе столько женщин — и детей, — сколько захочет.

— Но как он их прокормит?

— Никак, естественно. Часто семьи разоряются, и дети голодают. Младенцев женского пола вообще почти всех убивают, не давая шанса умереть от голода. Их здесь ценят куда меньше, чем мальчиков, а приданое девочки вообще может разорить семью до полной нищеты. Этой невесте очень повезло, что она осталась в живых.

— А зачем вообще давать приданое? — спросила Лорелин. — Если по закону мужчина *обязан* жениться, не нужно приданое, чтобы его заманить.

— Приданое — традиция. А насчет того, что убивают девочек при рождении... — Йаррис мрачно мотнул головой. — Я как подумаю о своей дочери и о жизни, которая у нее будет, так уж не знаю, не лучше ли ей было умереть.

— Киран, я из-за тебя чувствую себя полной свиньей, — тихо сказала Лорелин. — Твой народ тоже страдает, а арайнийцы вряд ли вообще знают, что бывают такие страдания.

Фургон миновал просторную арену, где стояли на пьедесталах статуи, изображающие битву гладиаторов с быками и львами. Ворота были закрыты, но из-за круглых стен доносились крики толпы. Йомар напрягся, вспомнив давние ужасы, а Лорелин положила ему руку на покрытое шалью плечо. Он промолчал.

— Оттуда слышен запах крови, — тихо сказал Дамион.

Киран Йаррис поднял голову, сворачивая на другую улицу.

— Нет, это из храма — мы уже близко. От ежедневных жертвоприношений животных каждый храм Валдура воняет, как скотобойня.

Вскоре стало видно большое здание — точнее, то, что от него осталось. Высокий храм был полуразрушен, сильно поврежден и силами элеев, и освобожденными зимбурийскими крестьянами сотни лет назад. Рабы многих рас трудились на развалинах: шурканцы, мохарцы, каанцы и люди какого-то племени, подобных которым Лорелин и Дамион раньше не видели: светлокожие, очень мускулистые, с покатыми лбами, тяжелыми челюстями и выраженными надбровными дугами. Даже у их женщин были очень мускулистые руки и плечи. Йаррис назвал их дагодами: очень древняя раса из пустынных областей дальнего юга, как он сказал, и почти вымершая. Они ценились у работорговцев за невероятную силу и умение переносить любые трудности и лишения.

В разломанных саманных стенах стоял идол, подсвеченный мерцающими жертвенными огнями: каменный колосс, рядом с которым копошащиеся люди казались карликами. У идола были два крыла, как у ангела, расправленные в стороны, и перья на вне-

шних краях изгибались языками пламени. Вокруг гигантской фигуры развевалась царская мантия, и эта мантия и крылья были облицованы листовым золотом. На голову статуи была возложена корона, тоже украшенная листовым золотом и блестящими самоцветами по краю. Но лица у статуи не было — его черты закоптились и расплавились, как при сильном пожаре.

Дамион поднял глаза вверх.

— Помнишь рассказ Эйлии о древней Священной Войне и об идоле Валдура? — шепнул он Лорелин. — Это должен быть он! Смотри, видишь, спереди в короне углубление? Там находился Камень Звезд.

— Одни говорят, что Камень уничтожил лицо идола своей магической силой, — сказал Йарисс, — другие — что горожане сами разбили лицо статуи во время Священной Войны. Халазар решил восстановить это лицо, но придать ему свои черты, конечно же.

— Ну и наглость! — взорвалась Лорелин. — Как он смеет считать себя богом, мерзкий и глупый коротышка...

— А ну, заткнулись все! — прошипел разозленный Йомар. — Услышат. Мы уже почти у двери.

Йарисс остановил фургон и привязал лошадей к кольцу в каменной стене.

— Оставьте копья и все оружие, которое не можете унести с собой, и накройте мешковиной, — велел он. Потом вывел их в колышущуюся толпу у главного входа и быстро подался обратно. — Здесь никто не заметит, что вы без сопровождения, — шепнул он. — Я буду ждать вас прямо в фургоне, чтобы убраться побыстрее.

Они вошли в просторный внутренний зал с разбитыми колоннами и приблизились к идолу. У его каменных ног находилась низкая квадратная дверь: вход во внутреннее святилище. Там приносились жертвы, и только жрецам был разрешен туда вход. Там было темно и страшно и, как говорят, находились алтарь и шахта-колодец, куда кидали трупы жертвенных животных — потому что никому из смертных не дозволялось есть освященное мясо. Дамион уставился на темную дверь, захваченный ужасом и еще каким-то непривычным для себя чувством — не страхом, не мрачным очарованием, а смесью этих ощущений. Сделав над собой усилие, он оторвал взгляд от двери.

Нарушители знали, что в своей женской одежде не смеют приближаться на выстрел к священной двери — или будут избиты за такую дерзость. Но у них было преимущество невидимости: ни один мужчина не снизойдет до взгляда на эти мрачные фигуры, затаившиеся и ждущие в тени, так что нежелательного внимания они не

привлекут. Они медленно прошли вдоль стен и молча встали за колоннами.

Потом из святилища вышел верховный жрец. Беренгази приносил в жертву животных: руки блеснули красным в свете факелов, когда он вознес их вверх.

— Привести осужденных! — крикнул он, и другие жрецы появились из боковых приделов и встали рядом с ним.

Дамион и его друзья быстро разделились и разошлись. Ударили барабаны, и звук их приближался. Шестерых заключенных крестьян вели солдаты, каждого по двое. Трое из смертников были стариками, остальные трое — едва ли не мальчишками. В толпе раздались всхлипывания женщин и глухие ругательства мужчин. Солдаты покрепче стиснули рукояти оружия.

— Как вы можете? Это же наши люди! — крикнул из толпы кто-то, у кого злость превозмогла страх. — Это же наши люди! А захватчики, взятые в плен, не казнены!

— *Пока* не казнены. А эти, которые умрут сегодня, ослушались своего бога-царя, — сурово ответил командир конвоя. — Они куда более виновны, чем враг, потому что их священный долг был — служить Халазару.

Йомар смотрел, еле-еле заставляя себя сдерживать гнев.

«Казнь в храме — как же! Это возвращение обряда человеческих жертв, и все это знают. Сегодня они берут заключенных, завтра не будут утруждать себя предлогом. И сколько будет невинных жертв — женщин, детей...»

Он подтолкнул локтем Дамиона и Лорелин, и они стали медленно продвигаться вперед.

У Дамиона сердце стучало как молот, во рту пересохло. Он теперь жалел, что не поехал в Мелнемерон: хороших бойцов здесь хватало, а вот чародей был нужен позарез. Эйлия все-таки оказалась права.

Жрец в черной мантии увидел, что они приближаются, и нахмурил брови.

— Сейчас! — шепнул Йомар.

Повстанцы встали вокруг смертников. Беренгази полыхнул по ним взглядом, полным праведного негодования.

— Эй, бабы, — назад! Я говорил, что никаких призывов к милости не будет!

— Но, ваше преподобие, — начал Йомар визжащим фальцетом, придвигаясь к первосвященнику.

— Нет! Как ты смеешь ко мне обращаться, женщина! — загремел жрец. — Выйди из храма! Где твой муж? Раз не умеет держать

тебя в руках, пусть тоже выйдет. Немедленно покиньте это святое место!

Он повернулся спиной, жестами что-то объясняя остальным жрецам.

— Выйду, и ты со мной! — заревел Йомар своим настоящим голосом. Сбросив шаль и плащ, он выхватил мелькнувший железной полосой меч, обхватил рукой изумленного Беренгази за шею и приставил острие к его горлу. — Пойдешь с нами, преподобный, и эти смертники тоже. Назад! — рявкнул он на солдат. — Все назад, или вашему первосвященнику конец!

Ошеломленная толпа качнулась назад, и солдаты после минутного остолбенения выхватили оружие. Но было поздно: Дамион, Лорелин, Унгуру и остальные уже сбросили женскую одежду и метнулись вперед, сверкая мечами. Первым упал капитан, а потом выронили мечи солдаты, зажимая смертельные раны.

Дамион и Лорелин разрубили веревки, связывающие заключенных.

— Вы еще можете быть свободными! — крикнула Лорелин. — Оставьте Халазара!

Народ зашевелился, забормотал. Стихли молоты в руках рабов-каменотесов.

— Теперь уходим! — скомандовал Йомар, и они бросились по проходу храма, уволакивая с собой первосвященника.

— Теперь, если только Киран в фургоне... — выдохнула на бегу Лорелин.

В тревоге они оглядывали улицу, но не было ни следа фургона или возницы. Йаррис исчез.

— Говорил я вам! — крикнул Йомар через голову брыкающегося первосвященника. — Говорил, что ему нельзя верить! Он нас всех предал!

Группа спустилась по ступеням, волоча с собой освобожденных смертников.

— Назад! — крикнул Йомар погнавшимся за ними жрецам, не отрывая меча от горла Беренгази. — Назад, или вашему хозяину конец!

«Мне сильно не повезло, если среди них есть желающий занять его место», — подумал Йомар мрачно, но жрецы растерянно остановились.

— Йо — вот он! — крикнула Лорелин, показывая рукой.

Йаррис гнал к ним изо всех сил, хлеща взмыленных лошадей, и его по пятам преследовала небольшая группа конных стражников. Он так резко подогнал фургон, что стражник, который был

больше остальных, влетел в заднюю стену, и конь его рухнул на колени. Унгуру тут же прыгнул на всадника, сбросил его с лошади и сам сел в седло. Лошадь, все еще ржущая от страха, поднялась на ноги, и Унгуру издал яростный крик восторга, выхватывая меч. Стражники тут же поняли, что их ножи и дубинки — не оружие против этих воинов, и попятились.

— Все в фургон! — крикнул Дамион, подталкивая ошеломленных смертников. — Живо! Тут сейчас будет полно солдат!

Все набились в фургон, Йомар так и не выпустил первосвященника.

— Где ты был? — рявкнул он, оглядываясь на Йарисса.

— Поругался со стражниками, — ответил тот, тяжело дыша. — Они хотели обыскать фургон. Если бы нашли оружие, меня бы арестовали. Я рванул с места и ездил и ездил кругами, надеялся только, что вы управитесь раньше, чем меня догонят.

С криком «Н-но!» он взмахнул вожжами и яростно взметнул кнут.

Лошади бросились в бешеный галоп. Унгуру ехал рядом, завывал, размахивая мечом, и глаза его сверкали дикой радостью. Какой-то стражник схватил левую лошадь под уздцы и вспрыгнул ей на спину. Йарисс полоснул его кнутом, но удар пришелся на броню и шлем. А стражник выхватил нож и собирался обрезать упряжь. Крестьянин отчаянно хлестал его кнутом, но это не помогало.

Унгуру увидел это, бросил коня вперед, поравнялся с упряжной лошадью и взмахнул мечом. Стражник пригнулся и пырнул лошадь ножом в бок. Конь заржал и вскинулся на дыбы. Фургон резко остановился.

Унгуру спрыгнул с седла, взмахнул мечом, и стражник упал с располосованной от плеча до локтя рукой.

— В фургон!! — крикнул Йомар, обращаясь к Унгуру. Мохарский воин оглянулся в поисках трофейного коня, но тот уже покинул в ужасе поле боя. Тогда Унгуру подбежал к фургону и перепрыгнул через борт, как раз когда экипаж дернулся вперед.

Стражник с поднятыми руками покатился по земле, и соратники в погоне растоптали его копытами коней.

Беренгази воспользовался тем, что Йомар на минуту отвлекся, и вырвался из его хватки. Дамион и Лорелин скрутили его, свалили и сели сверху.

— Быстрей, быстрей! — кричал Йомар.

— Они быстрее не могут! — крикнул в ответ Йарисс. — Серый ранен!

Фургон прорвался через рынок, раскидывая опешивших продавцов вместе с прилавками. Повсюду валялись груды овощей, трепыхалось порванное тряпье, поворачивались удивленные лица. От бортов фургона, громыхавшего уже по главной улице, отлетали гнилые щепки. У лошадей пена шла изо рта.

Лорелин сбросила последнюю маскировочную тряпку и наложила стрелу на лук, тщетно пытаясь попасть зарубкой на тетиву, пока фургон мотало, как лодку в бурю. Часть преследователей, увидев прицеливающегося лучника, стали отставать. Но были еще солдаты у городских ворот — с луками и копьями.

Лорелин выстрелила, промахнулась и обернулась к Йомару.

— Что теперь? — крикнула она.

Он рывком поставил Беренгази на колени и держал перед собой, приставив к его горлу меч.

— Всем лечь! Они не рискнут убивать первосвященника. — «Надеюсь». — Давай, крестьянин, гони! Не останавливайся!

Йарисс повиновался, бледный как пепел. Стражники на воротах, увидев фургон, который явно не собирался останавливаться, наставили копья и луки, а Йомар выставил Беренгази перед собой живым щитом. Когда стражники узнали жреца, у них глаза полезли на лоб, оружие задрожало в руках.

— Вели им нас пропустить, — прошипел Йомар. — Или я тебя прямо сейчас проткну.

— Тогда они тебя убьют, — прохрипел в ответ первосвященник.

— Может быть. Но ты этого не увидишь.

Йомар острием меча уколол толстяка в бок, и тот завизжал, как недорезанная свинья.

— Пропустите! Пропустите! — закричал он солдатам во все горло.

В Зимбуре все бойцы обучены повиноваться беспрекословно. Солдаты немедленно отступили от ворот.

— Давай, давай! — вопил Йомар.

Когда фургон проезжал ворота, в борт его впилась стрела, но солдаты за ним следовать не решились. Быть причиной смерти первосвященника — верный способ призвать свою.

— Сделали! — заорала Лорелин, отбрасывая лук. — Получилось!

Йомар, сам себе не веря, только качал головой.

Фургон мчался вперед в облаке пыли, туда, где оставили верховых лошадей.

14
Джунгли и город

Эйлия провела ночь в широких ветвях гигантского дерева, похожего на баньян. Ей пришлось уйти с берега в джунгли из опасения, что враги могут заметить ее на широком белом песчаном пляже: вдали она заметила огненных драконов, летающих в облаках, и решила, что густая древесная сень — лучшее убежище. Оказавшись под ее зеленой защитой, Эйлия вздохнула спокойнее. Но просить помощи через Эфир по-прежнему не решалась.

На дереве было не очень уютно, зато куда безопаснее, чем на земле. Немерей во сне так же уязвим, как любой смертный, а эти чужие джунгли казались местом негостеприимным. Чародейством можно обнаружить ауру жизни их обитателей, но Эйлия не могла бы определить, кто из них опасен, а кто безобиден. Она беспокойно дремала, скорчившись в узком уголке между двумя ветвями, и несколько раз просыпалась до рассвета. И каждый раз исполнялась страхом.

Никогда она больше не будет считать, что ночь и день — два равных, но противоположных понятия, как две стороны одной медали. Теперь она знала, что так называемый «день» — всего лишь явление, присущее планетам с атмосферой: свет солнца рассеивается в слоях воздуха. За солнцем и атмосферой лежит Великая Ночь с негаснущими звездами и бесконечной тьмой, бездна, глубиной и размерами превосходящая любое воображение. И лес тоже не был гармоничным и спокойным лесом Арайнии. Здесь шла бесконечная, непрерывная война, живые создания убивали и пожирали друг друга, здесь даже лианы и деревья дрались из-за солнечного света, переплетаясь и душа друг друга ветвями и усиками в своем стремлении к небу, закрывая друг другу свет солнц. А плесень и лишайники в сырой подстилке джунглей питались образующейся гнилью. Эйлия слушала, как тенистые рощи наполняются ревом, визгом, рычанием и скрежетом своих ночных обитателей, и дрожала. Будто сам Хаос выл первобытными голосами — грубыми, бессмысленными, безжалостными. Ей мерещилось время, когда ее собственная раса еще не возникла, когда родной мир был домом для зверей — мир без философии, без религии и науки, без сознания, мир, где единственным законом была суровая и дикая борьба за жизнь. И она сжималась в комок на своем дереве, стараясь не думать о тварях, которые такие звуки издают.

Наконец-то наступил восход, и подобного восхода Эйлия никогда не видела. Восходящий край желтого солнца, возникнув над стенами тумана джунглей, превратил и их, и все небо на востоке в искристое золото, а когда желтое поднялось повыше, за ним поднялось второе, и его яростный светло-синий свет смешался с первым, и небо стало нефритово-зеленым. И целый хор криков — низких, пронзительных, резких, звучных — приветствовал двойной восход. Где был беспросветный мрак, возникли джунгли, выступив из тени, удлиненные угрожающие силуэты стали деревьями с извилистыми мшистыми ветвями, и темнота, царившая в нижнем этаже леса, ушла.

Эйлия стала осторожно спускаться по стволу, цепляясь за лианы. Уже в нижних ветвях дерева что-то пролетело мимо нее, издавая пронзительные крики. Сперва она решила, что это летучая мышь, потом — что птица. А это летающее мелькнуло мимо нее еще раз, потом село на ветку у нее над головой и сварливо заверещало. Создание это напоминало скорее пресмыкающееся, чем птицу, — у него был клюв и мясистый гребень, как у молодого кочета, но крылья голые и кожистые, а еще — длинный чешуйчатый хвост. Да, конечно, это был кокатрикс. Бендулус в своем «Бестиарии» о них писал.

Кокатрикс завизжал и снова спикировал на нее.

— Кыш! — крикнула она, пригибаясь и отмахиваясь свободной рукой. — Не нужны мне твои яйца!

Она теперь заметила кучу веточек в развилке дерева у себя над головой. Эйлия попыталась связаться с кокатриксом на уровне эмоций, проникнуть в его разум, но тупая тварь соображала медленно, и девушке пришлось побыстрее спуститься по лианам до корней дерева и побежать прочь.

Когда яростное хлопанье крыльев осталось позади, Эйлия перешла на шаг. Плотные слои листвы поглощали почти весь солнечный свет, и внизу было сумеречно. Но от нещадного зноя лиственный барьер почти не защищал. Воздух был удушающе влажным, казалось, он даже испускает пар, как кипящий котел. После часа пешего пути Эйлия обливалась испариной, дышала неглубоко и часто. И даже хитон стал невыносимо горячим, прилипал к влажной коже. Пришлось остановиться, снять с себя нижнюю одежду и нести под мышкой. И все равно влажность давила. Она знала, что скоро ее положение станет отчаянным. Нужна была еда, пресная вода, укрытие, а потом — найти способ покинуть эту планету. Каким-то образом, почти не надеясь что-нибудь из этого найти, Эйлия заставляла себя идти вперед. Климат здесь был столь не-

выносим, что даже слабая надежда куда-нибудь от него уйти давала силы тащиться дальше.

Деревьям, казалось, конца не будет, но должен же где-то быть ручеек или озерцо. Эйлия с надеждой пыталась уловить журчание воды, но ничего не слышала, кроме криков еще каких-то лесных созданий.

Наконец она стала подходить к небольшой прогалине в джунглях — не заросшей, но все равно закрытой от солнц мрачным сводом сучьев окружающих деревьев, и тут где-то совсем рядом раздался высокий вопль ужаса, и что-то выбежало из джунглей.

Помня, что она в чужом мире, Эйлия попыталась приготовиться к чему-то, выходящему за пределы ее опыта, к такому, чего и вообразить нельзя. И все-таки глаза отказывались понимать, что это такое они видят. Эта штука была похожа на колесо без ступицы и без спиц — круглый серый обруч, который катится быстро и явно по своей воле. Эйлия лишь глазела, разинув рот, как оно катится через прогалину. Что за диковина?

Серый обруч исчез в кустах слева. Листья на них зашуршали, закачались, а потом оттуда высунулась голова. Размером примерно с кошачью, лысая, чешуйчатая, и приделана она была к очень длинной и гибкой шее, тоже покрытой чешуей. Потом появилась вторая голова, прямо перед первой. Эта была чуть побольше, размером с собачью, и морда подлиннее. И все же эти две головы были одинаковы, с одинаковыми круглыми глазами и остроконечными ушами. Эйлия решила, что первое животное — отпрыск второго.

Голова побольше осторожно двинулась вперед, вторая держалась прямо за ней. Эта штука вылезла из кустов, и Эйлия ахнула, глазам своим не веря. Длинная шея зверя отходила от двуногого тела, как птичье, и ноги были с когтями, а еще на теле торчала пара маленьких рудиментарных крыльев. А самое странное — это то, что голова зверя поменьше торчала на конце длинного конусообразного хвоста этой твари. На глазах у Эйлии хвост — или это была шея? — выпрямился, и вторая голова обвела прогалину взглядом.

В подлеске снова раздался треск — и тут же *обе* головы испустили каркающий тревожный крик, и нескладное мелкое двуногое упало на спину, будто притворяясь мертвым. Большая передняя голова сцепилась зубами с задней, две шеи выгнулись вместе со спиной, тело превратилось в кольцо. Когтистая нога сильно оттолкнулась от земли, и обруч помчался вперед.

Но поздно. Треск стал ближе, и из зелени кустов подобно змеям высунулись извивающиеся темные щупальца — только у каж-

дого на конце была зубастая пасть, из которой то и дело выстреливал тонкий язык. *Гидра!* Эйлия застыла как вкопанная.

Она знала, что во многих мирах есть гидры: когда-то очень давно Валдур их выпустил в больших количествах на планеты своих врагов, архонов, чтобы отравляли воздух и наводили ужас на обитателей. Но неизвестно было, естественным путем произошли эти животные или были созданы искусственно. Двухголовая зверушка завопила, в спешке налетела прямо на дерево, свалилась и сжалась в комок, а тем временем шеи двигались вперед, и за ними показалось приземистое туловище на четырех коротких когтистых ногах. Быстро на этих кривых конечностях гидра двигаться не могла, но ей и не надо было: дыхание ее ядовито и поражает жертву более чем за дюжину шагов. Двухголовая зверушка снова вскрикнула — это уже был не вопль, а трепещущий, прерывистый звук. Эйлия ощутила за этим криком смысл, искаженный страхом, но все равно распознаваемый как мысль: «Нет! Не надо! Только не это!»

Странное создание было мыслящим, разумным.

Ощущение своей физической слабости заставляло Эйлию сочувствовать всем беззащитным животным. Сейчас чувства опередили мысль. Она прыгнула вперед, забыв об опасности, о том, что открывает себя любой магической силе, и всю свою немерейскую мощь направила на создание иллюзии перед многочисленными глазами гидры. Будто из воздуха соткался огненный дракон — глыба черной чешуи и рогов, заполнивший всю поляну. Из пасти его рвалось пламя.

Гидра отпрянула, и все ее головы тревожно зашипели. Потом, с неожиданной быстротой развернув неуклюжее тело, чудище исчезло в чаще, и треск его поспешного отступления затих вдалеке. Эйлия осталась на поляне одна с этой маленькой диковинкой, а та лежала в ужасе, пораженная появлением новой и еще более смертельной опасности.

— Да нет, он был не настоящий! — обратилась к ней Эйлия, выходя вперед и оказываясь у ног иллюзорного дракона. Взмахом руки она прогнала его. — Это только волшебство, тебе теперь ничего не грозит.

Очень осторожно хвостовая голова зверушки поднялась и взглянула на Эйлию. К ней присоединилась передняя, тоже направив на девушку взгляд.

— Ты волшебница! Великая немерейка! — прощебетало существо, приближаясь в униженной позе. Обе головы опустились вниз, и задняя все еще нервно поглядывала на кусты, где исчезла гид-

ра. — Ты нас спасла! Мы тебе благодарны, вечно будем тебе служить, о благословенная чародейка!

— Все в порядке, — рассеянно ответила Эйлия, тревожно оглядываясь. Только теперь она поняла, как сильно рисковала. Если тут поблизости были волшебники, они обязательно ощутили этот прилив мощи, который она взяла из Эфира. — Не думай больше об этом. Мне пора идти дальше, но... скажи мне, ты знаешь, где живет правитель этого мира? Он же не здесь?

Она очень надеялась, что не здесь, потому что Мандрагор наверняка обнаружил бы ее обращение к магии.

— Правитель! Да-да, мы знаем, — отвечала зверушка, ласкаясь к ее ногам. — Недалеко, в большом городе. В Лоананмаре. Мы тебя проводим, о волшебница!

Было ясно, что зверушка, найдя себе сильного и благожелательного защитника, совершенно не хочет расставаться с Эйлией.

Эйлия собралась уже сказать, что на самом деле совершенно не собирается идти к Мандрагору. Она хочет лишь покинуть эту ужасную планету и вернуться к своим опекунам. Но самой ей этого никогда не сделать, а в городе может быть, например, портал или какие-то другие средства перенестись в Эфир. Как бы там ни было, а вечно в джунглях прятаться не получится. Уже начинала кружиться голова от зноя, недоедания и недостатка сна. Надо будет рискнуть пойти в город, спрятаться и замаскироваться в надежде найти способ покинуть планету.

А зверушка еще придвинулась и заговорила:

— Позволь нам представиться: нас зовут Твиджик.

— Рада нашему знакомству... э-э... Твиджик, — ответила Эйлия. — Так не отведете ли вы меня в этот свой город, будьте так добры?

Ей уже хотелось уйти отсюда подальше. Наверняка выброс силы выдал ее местонахождение, и вскоре сторожа этого мира снова начнут за ней охоту.

— Да-да, мы уже идем. Сюда, госпожа.

Она была бы рада почти любому обществу после столь долгого одиночества, но Твиджик оказался неожиданно ценным проводником. Эйлия так и не разобралась, самец это или самка — он называл себя «мы» и мог быть и тем, и другим — гермафродитом, как дождевой червь, или даже вообще не иметь пола и размножаться каким-то неизвестным способом. Не желая поднимать столь щекотливую тему, Эйлия не стала спрашивать. Зато вскоре она узнала, что он (или она, или оно) отлично разбирается, как выжить в

джунглях Неморы. Твиджик показал ей плоды, которые можно есть, и те, которые есть нельзя, чтобы не отравиться (этих было куда больше), и учил ее, как избегать других опасностей. Получалось, что ее импульсивный акт милосердия был более чем щедро вознагражден. Опасностей было куда больше, чем она думала.

— Осторожно, — предостерег ее Твиджик, ведя через густую рощу, где свет солнц превращался в зеленый сумрак. — Бывают йакули здесь в деревьях.

— Йакули?

— Древесные змеи с чешуйчатыми выростами, как крылья. — Передняя голова зверушки качнулась из стороны в сторону, высматривая опасность, а задняя смотрела на Эйлию. — Йакуля будет ждать на ветке, очень тихо, потом прыгнет на того, кто идет внизу.

Эйлия, посмотрев вверх, увидела, что то, что она приняла за висящие пучки лиан, на самом деле — большие зеленые змеи, свернувшиеся вокруг сука.

Много было и других опасных тварей, как объяснял Твиджик, спеша выбраться из рощи. Скиталы — змеи, умеющие менять цвет чешуи с потрясающим эффектом, завораживающие своих жертв до полной неподвижности, а их родичи — гипналы — пользовались чем-то вроде гипнотического танца. Керасты, или рожковые змеи, использовали как оружие не клыки, а изогнутые рога на голове. Еще были гивры, гигантские змееподобные создания, живущие в реках и хватающие животных, пришедших на водопой, и страшные вирмы, у которых мощные задние ноги, но передних нет совсем: жертву они хватают огромной пастью и глотают целиком. Но хуже всего — ехидны, многоногие рептилии, дышащие ядом, как гидра. Они куда меньше и потому еще опаснее: ехидна может незаметно подобраться почти вплотную.

— Как вы живете в таком ужасном месте? — воскликнула огорошенная Эйлия.

— У нас нет выбора, нет иного места. Здесь все знают о ядовитых тварях, умеют их остерегаться. Есть такие завры — маленькие ящерицы, которые чуют яд других рептилий и убегают в тревоге. Люди их носят в клетках, чтобы змеи не застали врасплох.

— А нам такие ящерицы не встретятся? — спросила Эйлия.

— Мы не знаем. Но уже недалеко такое место, где есть люди.

Эйлии подумалось, что люди могут быть по-своему опаснее зверей. Ее начинали беспокоить мысли об этом неизвестном городе и его обитателях. Примут они чужого человека или нет?

— А как называют твой народ, Твиджик? — спросила она, пытаясь отвлечься от тревожных мыслей.

— В вашем языке нас называют амбисфенами, — ответил Твиджик. — Мы очень осторожно живем в джунглях, всегда оглядываемся, всегда быстро двигаемся.

Чтобы это показать, амбисфена тут же замахала шеями, оглядываясь вперед и назад, потом повалилась на спину и снова свернулась в обруч. В таком состоянии, как уже видела Эйлия, он умел двигаться на удивление быстро.

— Стой! — крикнула она, пускаясь в бег. — Я за тобой не угонюсь!

Твиджик уперся ногами в землю, тормозя когтями. Потом снова встал прямо, подняв обе шеи.

— Мы будем ходить медленно для тебя.

Где-то уже ближе к вечеру небо стало затягивать тучами, и цвет его с зеленого изменился на сероватый. Переменилось и освещение, стало сумрачно, как под водой, а вскоре и полило. Амбисфене-то не очень мешал дождь, стекающий по круглым чешуйчатым бокам, а Эйлии пришлось подобрать юбки и мрачно шлепать по грязи. Хитон, который она несла в руках, сильно пообтрепался от хождения по кустам. Впереди тусклой серо-зеленой массой стояли джунгли и бесконечные, казалось, ряды деревьев. Дождь вскоре перестал, так же быстро, как и начался, но сменился густым паром. Эйлия чувствовала, что задыхается.

Краем глаза она заметила какое-то движение и резко обернулась с таким криком, что ее проводник ответил двойным визгом.

— Что это? — ахнула амбисфена, тараща все четыре глаза.

Но Эйлия только повторила за ним:

— О небо! Что это?

То, что она приняла за поросшую листьями ветку толстого дерева, двигалось — изгибалось, виляло в разные стороны при полном отсутствии ветра. И другие сучья за этой «веткой» тоже шевелились, мотались, и с них капала вода. Эйлия глазела на ближайшую и заметила, что листья и веточки на конце ее не из нее растут, а из оторванной ветки, зажатой между парой длинных зубастых челюстей. У гигантской рептилии были маленькие темные глазки и чешуйчатая серо-зеленая кожа, грубая, как кора. И гребень из острых чешуй на шее.

— Стой! Стой! — крикнул Твиджик, когда она повернулась бежать. — Они не опасны!

— Нет опасны! — закричала она в ответ.

— Нет, смотри — они едят только листья!

Эйлия взглянула. Огромные змеи паслись в листьях дерева, как камелеопарды. И тогда девушка увидела, что это вовсе и не змеи —

длинные чешуйчатые шеи росли из больших серо-зеленых тел с суставчатыми хвостами. Массивные ноги она приняла за древесные стволы, а тела были скрыты листвой. Двинувшись дальше, они с Твиджиком увидели целое стадо этих чудищ, и у боков некоторых из них паслись детеныши: колоссальные младенцы ростом со взрослого бегемота.

— Кто это такие? — спросила Эйлия.

— Создания из другого места. Не с Неморы, но привезены сюда Первыми. — Твиджик показал передней головой на пасущихся гигантов. — Теми, кто жил здесь давным-давно, еще до лоанеев. Много-много лет назад они пришли, привезли этих. Они назвали этих зверей *танатон* — поедатели деревьев.

Эйлия снова ощутила почтение к силе архонов. Что за существа разводили этих огромных тварей как домашних зверьков?

Они пошли дальше, оставив гигантских рептилий спокойно пастись. Шли они довольно долго, пока за деревьями не замелькала большая река — быстрая и бурная, с красновато-коричневой водой. Примерно час девушка и амбисфена шли по ее берегу и дошли до маленькой деревянной пристани с хижиной. При виде ее Эйлия обрадовалась. Хижина была развалюхой, и стены вместе с крышей давно прогнили, но это явно была человеческая постройка, очень скромная по размерам, созданная такими же существами, как сама Эйлия.

— Теперь мы будем ходить по реке. Она идет возле города, — сказал Твиджик.

— Спасибо, но не сразу, если ты не против, — ответила Эйлия. — Снова начинается дождь.

Они стали ждать, скорчившись под навесом. Твиджик свернулся, положив переднюю голову на лапы. Эйлия подумала, что про себя называет его «он», а не «оно». Когда именно произошла такая смена, она не помнила, но Твиджик был для нее теперь личностью, а не просто инопланетной диковинкой. Сейчас он крепко заснул — по крайней мере передняя голова заснула, а задняя, как с интересом отметила Эйлия, смотрела внимательно, и шея-хвост ходила из стороны в сторону, будто выискивая любые признаки опасности. Эйлия еще раз отметила, что ее вмешательство в конфликт на стороне амбисфены было ей небезвыгодно: с таким спутником можно не беспокоиться, что на тебя нападут во сне. И это было хорошо, потому что она вымоталась. Растянувшись на полу, она положила под голову свернутое платье, невидимые солнца зашли, и плюшевым занавесом упала темнота.

При первых утренних лучах Эйлия встала, потянулась, разминая болезненно затекшие мышцы, и огляделась в хижине. Еды нигде не было видно, но в буфете у стены нашлись кое-какие вещи, явно для тех, кто пользуется этой пристанью. Висело несколько соломенных шляп с широкими полями и стояли крепкие деревянные посохи: как объяснил Твиджик, от змей. Эйлия взяла себе и шляпу, и посох, а еще — свободную грубую одежду, чем-то напоминавшую джутовый мешок. Поколебавшись, она сняла с себя тонкое золотое ожерелье и оставила его в уплату. Не мудро было бы начать контакты с этим народом с кражи.

Эйлия и Твиджик двинулись дальше вверх по реке. Вокруг высились странной формы холмы, очень узкие у основания и заостренные у вершин — она уже видела их с воздуха. Неровные скальные выходы свидетельствовали о мощных силах земли, о вырывающемся на поверхность огненном гневе планеты, и холмы эти громоздились над рекой, прорезая слой листвы, и создавали гнетущее впечатление. А у некоторых — да, были лица. Огромные человеческие лица, и еще поменьше фигуры людей и животных, и в темном сером камне прорезаны были двери, кое-где проглядывающие сквозь оплетающую их растительность.

— Старый город, — сказал Твиджик, перехватив ее взгляд. — Никто теперь здесь не живет. Мы идем в новый город, где много людей. Холмы вырезали в старые дни. Большой город стоял здесь, город народа лоанеев. Много есть подобных, но никто здесь теперь не живет. Нет лоанеев. Джунгли глотают города.

Они подошли к ближайшему холму, и Эйлия уставилась на уцелевшие изображения правителей древнего города: люди в величественных мантиях, с гордыми суровыми лицами смотрели на нее из-под слоя мха и перевитых древесных корней.

— Лоанеи — дети драконов, — пояснил Твиджик.

Значит, это и был народ Мандрагора. Теперь Эйлия видела сходство: изящные, надменные черты лица, высокие худощавые тела. Эйлия отвернулась от внимательных взглядов каменных глаз, испуганная этим напоминанием о сильном и коварном враге, еще раз упрекнула себя за то, что так легко попалась в западню, и подумала, удастся ли ей выбраться с этой планеты, не встретившись с *ним*.

Еще примерно через лигу пути по реке джунгли на удивление внезапно сменились расчистками, полными пней, и распаханными полями, засеянными овощами и зерновыми. Всходы казались здоровыми и обильными. Эйлия слыхала, что вулканическая почва очень плодородна, а здесь, как и на островах, вулканическая

активность была высокой. Там и тут парили горячие источники и били фонтаны гейзеров. Пар был похож на дым от больших пожаров.

Все ближе был город Лоананмар. Эйлия спешно поставила иллюзию, которая любому случайному зрителю показала бы ее в виде ничем не примечательной девицы с простым широким лицом, каштановой косой и карими глазами. Звездное сапфировое кольцо, единственный оставшийся у нее предмет украшения, также был этой иллюзией скрыт. Твиджик ничуть не удивился ее внезапному превращению, решив, очевидно, что это очередная демонстрация той силы, которую он уже счел божественной и беспредельной. Они вместе прошли в каменные ворота, образованные двумя статуями рычащих драконов, сидящих на задних лапах. Их сторожили двое часовых в старых и ржавых доспехах, с забралами, вытянутыми, как морда зверя, руки в металлических перчатках сжимали древки алебард. По форме и размерам они были похожи на людей, но когда один из них поднял забрало, чтобы рассмотреть Эйлию внимательней, она увидела, что он не человек, а из семейства псовых: длинная морда, покрытая коричневым мехом, черный нос, который, подергиваясь, нюхал воздух. Киноцефалы — одна из рас моругеев, выведенная Валдуром как сочетание часового и сторожевой собаки. К ее облегчению, ни один из псов-часовых не запретил им войти в город.

Проходя по Лоананмару, Эйлия с любопытством оглядывалась. Это была людная столица, с полными народа улицами, с разносчиками, несущими на плечах шесты с корзинами и нахваливающими свой товар — свежая рыба, хлеб, странного вида тыквы и какие-то овощи. Кто-то гнал гусей и коз, у одного молодого человека была наброшена на плечи змея, и непонятно было, то ли это ручная тварь, то ли обед, то ли он заклинатель змей. Этого Эйлия так и не узнала. В больших прудах плавали живые карпы, но не с декоративной целью: в пруды запускали сетки и вылавливали бьющихся рыб.

В городе, как заметила Эйлия, был только один храм: величественное строение с сусальным золотом, с кучкой луковичных куполов и страшной зубастой бронзовой тварью, охраняющей двери. Эйлия заглянула в храм, проходя мимо, и увидела, что пол засыпан сухими листьями и мусором. Был в святилище бассейн, а за ним — гигантская зеленая каменная фигура лоанана в короне. Когда-то она тоже была покрыта сусальным золотом: яркие желтые следы еще видны были на короне и на краях чешуек. Но храм был пуст и вид имел грустный и заброшенный.

Снова темнело, и какой-то зловещей становилась обстановка. Почти все дома возле реки были простыми деревянными лачугами с покосившимся стенами и провисшими крышами. Люди и моругеи разных видов лениво сидели у дверей, полуодетые в рванье. На грязных улицах дрались и вопили детишки. На углу в каком-то ступоре сидела молодая женщина с остекленевшими глазами и грязными спутанными волосами, и на коленях у нее лежал, обмякнув, истощенный младенец. Она смотрела прямо перед собой, не реагируя ни на прохожих, ни на своего ребенка. По его лицу ползали мухи. Нищие в немой мольбе протягивали ладони, но Эйлии было нечего им подать. Пара оборванцев осмотрели ее задумчиво, когда она проходила мимо. Наверное, подумалось ей запоздало, надо было навести иллюзию мужчины, а не женщины. Но сейчас слишком много людей ее видели. Покрепче сжав посох, Эйлия прибавила шагу, но, как заметила она с облегчением, оборванцы за ней не пошли, и защищаться не было необходимости. Ее не учили пользоваться посохом или кинжалом, который у нее все еще был с собой, и не стоит в городе устраивать ненужную демонстрацию колдовства. Даже если Мандрагора здесь нет, его шпионы и подручные могут быть повсюду, ожидая его возвращения.

Она остановилась на мрачной маленькой площади, где на высоком пьедестале стояла бронзовая статуя. На пьедестале были нацарапаны ругательства, и какой-то остряк забрался на статую и вставил между бронзовыми губами глиняную трубку. Неподалеку расположилась гостиница, возле ее дверей дымили два факела. Пока Эйлия смотрела, оттуда выбросили двоих посетителей. Они размахивали руками и ругались. Девушка замерла и подумала, не было ли в джунглях безопаснее. И тут же из дверей гостиницы высыпала еще группа мужчин.

— Нет, вы только посмотрите! — заорал один, подбегая и хватая Эйлию за руку. Другой рукой он выбил у нее из рук посох.

— Я ее первый увидел, Рад! — сказал другой.

— Куда ж ты после заката выходишь, девонька, — продолжал первый, не обратив внимания на его слова. — В такое время опасные люди на улицах бывают. Вроде меня.

Он осклабился ей прямо в лицо, обдав зловонным дыханием. Эйлия отчаянно огляделась, но прохожие не проявляли интереса к этой сцене. Некоторые даже отвернулись и прибавили шагу.

— А это что за червяк?

Кто-то из приятелей нападавшего схватил амбисфену за переднюю шею. Твиджик завертелся и заверещал обеими головами — звук был такой, как будто неумело играют на трубе. Ничего не по-

может, безнадежно подумала Эйлия, придется использовать чародейство и снова себя выдать. Но не успела она собрать силу, как из гостиницы вышла еще одна фигура.

— А ну оставь ее, Рад! — крикнула вновь прибывшая — маленькая женщина в красном платье. На голове у нее был красный с золотом шарф, из-под которого выбивались прямые седые пряди, а в ушах висели золотые кольца. Встав руки в боки, она глядела на того, кто держал Эйлию за руку.

Рад пожал плечами.

— А чего такого? Просто уродливая уличная девка.

— Для таких, как ты, она все равно слишком хороша, Радмон Тарг.

— Тебе что, женщина, язык отрезать? — рявкнул на нее Рад, выпуская Эйлию и делая шаг к маленькой женщине.

— Попробуй, Крысомордый, — ответила она, не двинувшись с места. — Я на тебя порчу наведу, мало не покажется. Настоящее ведьминское проклятие на тебя наложу, когда еда превратится в грязь у тебя во рту, твое питье — в болотную воду, и ложе твое всегда будет полно клопов. И это еще цветочки. — Она шагнула к нему. — Сказать тебе, когда ты умрешь, Рад? — спросила она тихо.

К удивлению и огромному облегчению Эйлии, Рад и его дружки мрачно попятились, явно устрашенные такими ярко описанными угрозами. Обидчик Твиджика выпустил амбисфену, и Твиджик тут же спрятался за юбками Эйлии.

— Грязь болотная, — презрительно бросила женщина вслед ушедшим. — Не бери в голову, девонька. Можешь теперь идти со своей зверушкой.

Эйлия посмотрела в темные искрящиеся глаза и почувствовала, что видит родственную душу.

— Нам некуда идти, — решилась она. — Мы здесь ничего не знаем.

— Недавно в городе? — Женщина склонила голову в шарфе, звякнув серьгами, и посмотрела на Эйлию задумчиво. — Вы, сельские, все время рветесь сюда, в город, а тут, оказывается, не лучше, а еще хуже. Ладно, не бери в голову, сегодня у меня в гостинице переночуешь.

— У меня нет денег. — Эйлия рассталась с ожерельем, но не была готова отдать сапфировое кольцо матери. — Я могла бы что-нибудь делать в уплату — посуду мыть, например...

— Этого не надо. Есть у меня пара свободных комнат, одну я тебе на ночь отдам. Пошли! А то темнеет, и здесь ты другого места не найдешь.

Эйлия смотрела на женщину, тронутая до самого сердца ее щедростью.

— Спасибо. Но... может быть, я могу помочь? Готовить, убирать...

— Брось, ты не только это умеешь. Должна еще что-нибудь уметь. Может, петь умеешь?

— Я... я могу истории рассказывать, — предложила Эйлия, минутку подумав. — Такие, которых тут никто не слышал.

— О, вот это дело! — сказала женщина. — Это их развлечет, а то флейтист им уже надоел, они в него тарелками швыряются. Заходи, устраивайся. А меня Маг зовут. Просто Маг, и все — других имен нету.

— А меня... Лиа. — Если Маг и заметила короткую заминку, то виду не подала. — А это — Твиджик. А вы на самом деле... колдунья?

Маг пожала плечами.

— Люди говорят, а я не спорю. Если они меня боятся, то в нашей округе это неплохо. Говорят, что бабуля моя была ведьмой, и у меня осталась ее старая книга, вроде бы полная заклинаний да заговоров, хотя как по мне, так это просто всякие отвары да настои. Вот что у меня бывает, так это картинки в голове, будто сны днем. А заклятие я ни на кого не могу наложить. Однажды я одному мужику сказала, что помрет, если не возьмет себя в руки, — горький пьяница он был и не мальчик уже, ему кто угодно мог бы это сказать. Ну а вышло так, что он в тот вечер и помер, — так нализался, что в рыбный садок свалился и утонул. Тогда и пошел слух, что я ему предсказала, а то и сама устроила. Чушь собачья, зато у меня репутация, а это здорово помогает, когда надо такого гада, как этот Рад, за дверь выставить.

«Картинки в голове!» Здесь, в этом зловонном мраке чужого и страшного города, живет немерей. Как будто жемчужину найти в навозной куче. Вдруг Эйлия ощутила свое родство с этой растрепанной и простой бабой.

— А власти ничего с этим Радом сделать не могут? — спросила она сочувственно, следуя за Маг к гостинице.

Женщина презрительно фыркнула:

— Власти — это кто? Смотрящий?

— Смотрящий?

— Ты не слышала про Смотрящего? Как он двадцать лет назад совершил Великий Переворот и сбросил теократов? Вон, это его статуя стоит на площади. Его изображения в каждом квартале стоят, чтобы люди могли выразить ему свое почитание.

Эйлия поняла, что ее невежество слишком велико даже для крестьянки из глухой деревни.

— Я что-то слышала, но не все, — осторожно сказала она.

— Ну, когда-то были в этом городе люди, что говорили, дескать, мы — драконьей крови, а правда это или нет, не знаю, но требовали они себе особых прав и привилегий, потому как дети бога-дракона. И почитали они царя-дракона, который, они говорили, жил здесь когда-то и когда-нибудь еще вернется, а они учредили для него жрецов. И поставили этих жрецов господами над нами всеми, и те забрали себе все лучшее, а нас оставили в бедности. Тогда нашелся один человек — Браннион Дюрон — и сказал, что хватит этого с нас, и теперь отныне и навсегда все люди равны, все делятся и у всех доли одинаковы. Он себе набрал тайную армию, он и его друзья поднялись против угнетателей, как он их называл. И все решили, что кровь драконов истреблена, а жрецов всех загнали в разоренный храм царя-дракона. И Дюрон сказал, что никакого нет царя-дракона и не было никогда и ни боги, ни духи нами тут не правили, это нам лапшу на уши повесили. И назвал он себя Смотрящим, и сказал, что теперь нам надлежит жить в мире и довольстве. Хотя не могу сказать, что я много того или другого видела, да и никто тут не видел.

— А можно мне с ним увидеться? С вашим Смотрящим? — спросила Эйлия со вспыхнувшей надеждой. Кажется, город все-таки не принадлежит Мандрагору. Может быть, этот Смотрящий поможет Эйлии покинуть планету.

— Боюсь, что нет, деточка. Он никого не принимает.

— Но он же ваш вождь? Разве не к нему вы идете, когда вам нужна помощь? Может, он бы мог что-нибудь сделать с Радом и ему подобными.

— С этими? Они на него работают! Собиратели называются: ходят и собирают деньги и товары по своим ценам за то, что нас «защищают» — хотя от кого, не говорят. Нам бы неплохо было, если бы от них самих защита была. А так — почти все, что имеем, переходит в ихние карманы.

Последние слова она произнесла, понизив голос, будто боясь, что ее подслушают.

— Вот этот Рад и приходит каждый раз ко мне в гостиницу, когда выпить хочет, и приходится ему наливать, хоть я его на дух не переношу. Он убивает тех, кто становится у него на дороге.

— Тогда вы сильно рисковали, когда за меня заступились. Надеюсь, вам не придется за это пострадать, Маг.

Женщина только снова пожала плечами.

— Пора уже, чтобы кто-нибудь ему выдал. Мне давно хотелось это сделать.

Эйлия и амбисфена вошли вслед за ней в гостиницу. В главном зале было шумно и душно, полно здоровенных неопрятных посетителей, сгорбившихся над кружками местного варева или нюхающих какое-то зелье, похожее на растертые лепестки цветов. Их сладковатый запах прибавлял тошнотворности дымному воздуху. Возле двери громоздился тролль, и его маленькие глазки под нависшими выступающими бровями следили за всеми, кто был в зале.

— Это Горг, — сказала Маг, кивнув троллю. Проходя, она хлопнула его по плечу, и он что-то буркнул в ответ. — Я его наняла поддерживать тут порядок, плачу едой. И он своего хлеба стоит. Неплохой мужик — для тролля. Просто ему хочется есть, спать и жить — как всем.

Выйдя к стойке, Маг махнула Эйлии рукой в сторону пустого стола. Эйлия на него взобралась, взволнованно прокашлялась и начала рассказывать свои истории, на ходу приспосабливая их к публике: захватывающие легенды и предания, полные волшебства и приключений. Она рассказала «Волшебное кольцо», и «Медную лошадь», и «Царь и пастушка». Люди постепенно замолкали и начинали слушать, некоторые даже в нужных местах смеялись.

Когда она закончила третью сказку, появилась Маг и отвела девушку в кухню — накормить, как обещала: яичница из яиц какой-то неизвестной птицы и два ломтя серого хлеба.

— Ничего лучше нет, — извинилась Маг.

Но проголодавшаяся Эйлия набросилась на еду, поделившись с Твиджиком, который безопасности ради забился под ее стул.

Обслуживать гостей Маг помогала какая-то молодая девушка. Эйлия смотрела, как она ловко расставляет тарелки и принимает заказы у грубоватых посетителей.

— Какая красивая девушка, — заметила она.

Это не был праздный комплимент — всего лишь констатация факта: девушка отличалась выдающейся красотой — стройная, грациозная и с большими темными газельими глазами. И застенчива она была, как газель: глаза под длинными ресницами почти все время были опущены, будто опасались собственного разрушительного эффекта.

— Это моя дочь Май, — улыбнулась Маг. — Ну да, я понимаю, что ты думаешь: что ей давно уже пора бы уйти из дома и жить своей жизнью.

— Своей жизнью? Но ей же не больше пятнадцати.

— Четырнадцать исполнилось. А у вас, у деревенских, молодежь еще в эти годы дома сидит?

— Там, откуда я родом, так, — честно ответила Эйлия.

— У нас в городе они уже считаются взрослыми. Все говорят: да выбрось ты ее на улицу! Пусть выплывает или тонет, как все. Только Май у меня робкая и еще не готова быть с мужчиной. А заставлять я ее не буду, пока сама не созреет. — Маг вздохнула. — Круто нам приходится, только вдвоем вертимся.

— А отец ее умер?

— Он-то? Нет, уж как мне ни хотелось бы. — Маг скривилась, меся тесто. — Я с ним, с мерзавцем, черт знает сколько лет прожила, и он палец о палец не ударил. Я всю работу делала, глиняные горшки лепила и занавески плела на продажу, чтобы прокормиться. А тут он — раз! — и приводит в дом какую-то бабу: новая у него возлюбленная и уже с дитем. Все, говорит, будем жить счастливо, одной большой любящей семьей. Все будет хорошо, говорит... только получилось так, что госпоже и ее младенчику все самое лучшее, а нам с Май работы вдвое больше, чтобы еще два рта прокормить.

— И такое часто случается? — спросила Эйлия.

— В этом городе — да. Это мир для мужчин, и уже давно. Смотрящий браки не одобряет — говорит, не должны люди друг другом владеть, как вот звери лесные друг другом не владеют. Так что мужики чего хотят, то и делают — берут себе женщину и дальше живут по-своему, а нам, женщинам, либо делать, что говорят, либо — вон тебе дверь, иди себе. Мне уж последней каплей было, когда один из его дружков — такой же никчемный бездельник — стал к Май клинья подбивать — с его подначки, разумеется. Все пытался наедине с ней остаться, авансы ей делал. Она, бедняжка моя, перепугалась, и тут у меня наконец-то глаза открылись. Я ее в охапку и за дверь, и мы вдвоем вот это заведение поставили. Уже пару лет так живем. Мне бы раньше смыться, дура я, дура. Но помоги мне небо, любила я его, мерзавца никчемного!

Маг от души шмякнула тесто о посыпанный мукой стол. Эйлия, видя, что затронула больную тему, больше ничего говорить не стала и скромно вернулась к еде.

Потом она заметила, что Маг больше тесто не месит, никакой работы не делает, а стоит и на нее смотрит.

— Странная ты, — неожиданно сказала женщина. — С виду — ничего особенного, уж прости, и ничего на себя не напускаешь. А у меня почему-то такое чувство, что кормить тебя надо бы едой куда лучше и подавать на золоте.

Эйлия, собиравшая остатки желтка корочкой, остановилась и натужно засмеялась.

— О чем это ты?

Глаза у Маг стали сонными, невидящими.

— В тебе другая женщина — прекрасная дама, как принцесса из сказки, и в белом платье. Она сквозь тебя просвечивает, как луна сквозь тучу... О чем это я? Замечталась, сплю наяву. — Маг встряхнула головой, золотые кольца серег блеснули в свете факелов. — Не обращай внимания, на меня, бывает, находит. Так, а теперь расскажи мне, откуда ты и почему здесь совсем одна.

Было очень неловко, потому что Эйлия не любила врать и слишком мало знала об этом мире, чтобы притвориться, будто здесь живет. Но было понятно, что Маг тоже знает о нем не слишком много: она всю жизнь живет в этом городе. И Эйлия сплела сказочку, как выросла на далеком хуторе в глуши, рано осиротела, и пришлось ей жить одной. Эту часть она попыталась проскочить поскорее, зато подробно рассказывала о дороге в город, куда можно было включить сколько угодно деталей из ее настоящего путешествия по джунглям.

— Маг, а можешь ты рассказать мне про этого царя-дракона? — попросила она, закончив.

Подозрение у нее возникло сразу, как только она о нем услышала.

— Мало что. Его уже сотни лет как никто не видел. Я знаю только то, что мать мне рассказывала, а ей — ее мать. Он жил в большом холме за городом, в том, где всегда вокруг пар и туман. Это он насылает дождь, так говорят, а когда сердится — молнию и гром. И может принимать любое обличье — зверя, птицы или человека. Моя мать говорила, что ее прабабка ей говорила, будто имя его — Морлин, но больше никто вроде бы этого не помнит.

Получается, Эйлия угадала: эти люди когда-то воздавали Мандрагору божеские почести. И вполне могли бы снова. Он с виду не старел, умел повелевать погодой, и им не обязательно было знать, что и без него дождь будет идти. В их глазах он был бессмертен — и неуязвим. Несомненно, он в далекие дни правил этим городом, позволяя его жителям себя почитать, потом по каким-то причинам надолго оставил его, предоставив горожанам жить как смогут. Может быть, ему просто надоела его роль или его прогнали лоаны. Как бы там ни было, если он вернулся, то явно с намерением остаться и устроить все по своему вкусу.

— Но на самом деле, — говорила Маг, — царь-дракон не человек, а дракон — один из небесных драконов, самый главный из них.

В старом храме есть его статуя — дракон в короне. Она когда-то была золотая, статуя эта, и с самоцветами вместо глаз, но Собиратели все ценное из храма выгребли, когда его закрывали. Они сказали, что он не настоящий бог, иначе не дал бы им этого сделать. Но есть люди, что еще продолжают ему поклоняться — втайне. Смотрящий хотел это запретить, но искоренить так и не смог, так что теперь предпочитает не видеть. О нем не полагается говорить — прилюдно хотя бы. Я лично просто его боюсь, царя-дракона. В него сегодня мало кто верит, а я думаю, что он просто удалился на время и когда-нибудь вернется. А тогда ему вряд ли понравится то, что он увидит.

Вдали пророкотал гром, и Маг вздрогнула.

— Ну вот, дура, накликала. Такие разговоры до добра не доводят. — Она живо встала. — Доела? Пошли тогда, покажу тебе твою комнату.

Эйлия вслед за хозяйкой поднялась по скрипучим деревянным ступеням, Твиджик не отставал. Выглянув в окно, девушка увидела, что у гостиницы есть внутренний квадратный дворик с горячим источником посередине. В дымящемся озерце купались несколько человек.

— Вот это твоя комната, милочка, — сказала Маг, открывая дверь. — Прямо рядом с моей, так что, если кто-нибудь тебе будет досаждать, просто стукни в стенку.

Эйлия вошла в тесную комнатку, где стояли кровать и шкаф для одежды. Она выглянула из окна, откуда открывался вид на город. Высоко над острыми вулканическими холмами, за крышами, горел в ночи яркий огонь, подобный звезде. Но свет от него был призрачно-зеленым, и на глазах у Эйлии он быстро плыл по небу, пока не скрылся за туманами, что окутывали самую высокую вершину. Для метеора предмет двигался слишком медленно и светящегося следа не оставлял.

— А что это было, Маг? Ты видела?

— Ты раньше никогда не видела такого? Это дракон-фонарь. Ну, мы их так называем. Выходят из моря и плывут над землей, обычно в это время года, когда погода спокойная, и мотаются вокруг башен Запретного Дворца и шпилей храма, светятся при этом, как лампы. Старые люди говорят, что это магические штучки, которые посылают драконы, живущие под водой, чтобы почтить святые места.

— А что это такое на самом деле?

Эйлия смотрела на холмы, заинтригованная этой новой загадкой, но таинственный свет больше не появлялся.

— Никто не знает. Смотрящий и его прихвостни говорят, что это всего лишь что-то вроде болотных огней или огней на мачтах, и болтаются они возле башен потому, что это самое высокое место в городе. Но последнее время их становится больше. Я драконов-фонарей видала в детстве и не помню, чтобы их столько было. Некоторые спускаются с неба, а другие, говорят, выходят из моря и пропадают в облаках. Смотри-ка, погода меняется.

Поднялся ветер, срывая туман, клубящийся на вершинах. На самой высокой вершине пар отодвинуло в сторону, будто чтобы показать остроконечные башни высокого замка.

Эйлия невольно вскрикнула.

— Там живет *он?* Царь-дракон?

— Жрецы его там жили лет двадцать назад. Они-то его для себя построили, то есть рабы для них построили, там на холме, который ему посвящен. Сейчас там жить никому не позволено приказом Смотрящего: сделали музей. Скоро три сотни лет пройдет, как царь-дракон являл себя последний раз, но уж если он вернется, то вернется туда.

Эйлия как завороженная смотрела на крепость на вершине. Она узнала высокую центральную башню внутренней цитадели, четыре шпиля, устремленные в небо. Именно здесь явилось ей видение боя с Мандрагором.

15
Силки расставлены

Гарем Йанувана занимал целое крыло замка, и жили там около двухсот женщин — жен и наложниц Халазара. Когда-то крыло предназначалось для приема гостей, и роскошь его сохранилась с тех пор: гарем мог похвастаться уютными двориками, с плитками ручной росписи и фресками, мраморными ваннами размером с рыбный пруд. Так многочисленны были женщины и так причудлив был капризный выбор Халазара, что некоторые жены и наложницы, бывало, по месяцам не попадали в его комнату. А некоторые вообще никогда — крестьянские девушки, выбранные жрецами в деревнях и привезенные сюда силой, в слезах и страхе. Халазар часто совсем забывал о них, и они становились париями гарема, с ними обращались как с рабынями. Родители их, и без того нищие, совершенно разорялись на приданое, которое должны были

выплатить царю. Женщины, пользующиеся благоволением Халазара, жили в относительном уюте и неге, а вокруг играли царственные дети и комнатные собачки. Но и эти женщины были пленницами. Огороженный стеной сад — все, что видели они из внешнего мира.

Гаремом правили евнухи, и их можно было подкупить, чтобы рассказали, что происходит во дворце и в мире. Ни один мужчина не мог войти в это крыло под страхом смерти. Но Мандрагор не считался смертным мужчиной и посещал гарем свободно. Здешние сплетни казались ему интересными: цепочка евнухов отлично передавала известия, и гарем был центром, куда сходились слухи со всего двора.

Сегодня он сидел на мраморной скамье, наигрывая на зимбурийском ситаре. Особого интереса к музыке у него не было: одно из многих средств, к которым он прибегал, чтобы развеять скуку, накопившуюся за несколько веков жизни. Не было инструмента, на котором он не умел бы играть, и играл на каждом хорошо. Женщины гарема, которым в его присутствии можно было не закрывать лицо, бросали на него долгие взгляды, потом спохватывались и отворачивались. Даже тем, кого Халазар не замечал, не разрешено было заводить себе любовников.

Сегодня темой сплетен было спасение дезертиров повстанцами из Мохары.

— Про них такие чудеса рассказывают, про этих воинов, — говорила одна из царских жен. — Один из них что-то вроде пророка, который когда-то дрался на арене гладиатором, потом сбежал. И говорят, что ничто живое — ни человек, ни зверь — не могут его победить. А в бою ему помогают два ангела, один в серебряной броне, говорят, и меч у него алмазный. Он с виду — как светловолосый северный варвар, волосы у него золотые, а глаза — синие, как небо. И второй тоже не из мира этого, не мужчина и не женщина...

— А где же эти повстанцы прячутся? — скептически перебила ее другая.

— А ты не слыхала про затерянный город, который мохарцы построили давным-давно? Он далеко в пустыне и окружен деревьями и водой, и крыши там золотые, а столбы серебряные. И есть роскошный дворец, где лежат в саркофагах древние мохарские цари и царицы, и саркофаги эти вырезаны из алмаза, и тела забальзамированы, как живые, кажется, вот сейчас встанут. Дверь этого дворца стерегут наводящие ужас духи — джинны с львиными лапами и крыльями орлов, и если кто минует этих стражей, то ждет его еще

худшее, ибо цари и царицы закляты могучим заклятием, и оно падет на того, кто потревожит их покой. Те немногие воры, которым удалось уйти живыми, недолго наслаждались своей добычей...

Волшебные сказки, подумал Мандрагор. Не раз и не два летал он над этими развалинами в обличье дракона и знал, что там разве что щебень от них остался, хотя изобильный водой оазис вокруг — это правда. Беглые мохарские рабы, что нашли там приют, жили в тростниковых и деревянных хижинах и вряд ли представляли собой угрозу для вооруженной мощи Зимбуры. Куда больше Мандрагора обеспокоил исходящий откуда-то из этих развалин безмолвный вой чистого железа. Мохарцы, как и элеи, мало пользовались этим металлом до недавнего времени и в основном применяли его в виде сплавов. Вряд ли они пойдут на армии Халазара с холодным железом. Тогда, быть может, такое оружие они куют против Мандрагора? Или просто используют металл как щит против его чародейства? С тех пор он облетал это место только на большой высоте и предупредил своих лоананов и гоблинов, чтобы они туда не приближались. Пусть уж лучше солдаты бога-царя пойдут на штурм! Они могут быть и слабее, но им хотя бы ничего не грозит от холодного железа, кроме острого лезвия.

— Принц Морлин! — Он обернулся и увидел, что на него смотрит Ашвари, старшая из жен Халазара, когда-то — царица при царе Зедекаре. — Зачем ты приходишь сюда, в гарем, снова и снова? Дух недоступен чарам смертных женщин — так говорят по крайней мере.

— Говорят правду, — ответил он, не переставая играть.

Она протянула руку и положила ее на струны.

— Брось! Ты сам знаешь, что никакой ты не дух! Кто ты на самом деле — и что здесь делаешь? Если Халазар догадается, что ты — всего лишь смертный, тебя больше не пустят в гарем — и очень может быть, что и голову снимут. В опасную игру ты играешь.

Он посмотрел на нее поверх ситара.

— Уверяю тебя, что не играю ни в какие игры.

— Мы все знаем, что ты хочешь свергнуть его и стать царем вместо него, как стал царем он сам, свергнув Зедекару! Ты при нем изображаешь оракула, как он при Зедекаре. От нас не ускользнуло, принц, что ты, усилив власть царя и его веру в тебя, заставил людей еще больше его ненавидеть. Ты готовишь его падение, а не его триумф. — Взгляд насурьмленных глаз был устремлен в лицо Мандрагору. — Захватив трон, Халазар решил взять себе женщин Зедекары, чтобы тем его опозорить. И ты тоже так поступишь — возьмешь нас в свой гарем?

Мандрагор вздохнул. Как он устал от людей, особенно от зимбурийцев!

— В последний раз повторяю: мне не нужен трон. Только безумец может хотеть царствовать в этом змеином гнезде интриг! И я буду тебе благодарен, если ты такие слухи распускать не будешь. Меньше всего мне надо, чтобы Халазар впал в панику и стал подсылать ко мне убийц.

— Значит, ты все-таки смертный. — Лицо Ашвари стало мрачно-серьезным. — Принц, я должна предостеречь тебя. Если ты все-таки ищешь трона, берегись. Генерал Гемала поклялся, что сперва убьет тебя.

Нетрудно было понять желание женщины уберечь Мандрагора от беды. Он был ее единственной надеждой, ее и всего гарема. Если Халазар умрет своей смертью и передаст трон сыну, то законы наследования требуют, чтобы каждая обитательница гарема была убита и предана земле вместе с умершим монархом. Не потому, что ему в загробной жизни нужна будет их служба, но потому что позор будет на его имени, если хоть одна из его рабынь станет собственностью другого. У этих женщин нет другого назначения в жизни, кроме как ублажать его, а если его не станет, им незачем жить. Рабыни его были приведены к присяге служить всю жизнь ему одному, и им не подобает служить никому другому. Каждый день, каждый час своей жизни они это помнят, эти жены и рабыни, от умной и зрелой Ашвари до девочки-невесты Йемины, все дрожат от страха, что их стареющий господин вдруг падет жертвой припадка или умрет во сне. А вот узурпатор может пощадить их и оставить себе. Чувство отвращения к этому варварству и прилив жалости к этим обреченным узницам нахлынули на Мандрагора и, очевидно, отразились у него на лице, потому что Ашвари хотела еще что-то сказать. Но ей помешало появление Йегоси, который размахивал руками и вопил:

— Он сумасшедший, сумасшедший!

— Ты про царя? — спросил Мандрагор.

Главный евнух смахнул пот со лба.

— Вчера какие-то бедные женщины из города пришли к воротам замка молить за своих голодных детей — зимбурийских детей, говорили они. Каменное сердце сжалилось бы над ними, но он велел их казнить за дерзость и вывесить тела на стенах замка. И он убил капитана Йофи из дворцовой стражи — не за преступление или оплошность, а чтобы у него был дух-слуга, сообщающий ему сведения из Нижнего Мира, и ему нужен был человек, которому он доверяет! А на той неделе, на арене — вы не поверите, но это

правда, — медведь задрал двух гепардов, которых на него натравили. Халазар хотел, чтобы победили гепарды, потому что это были охотничьи гепарды из царских конюшен. Вы не поверите, но медведя официально обвинили в государственной измене, отдали под суд, и его публично обезглавил придворный палач! Он с ума сошел, говорю вам.

Мандрагор покачал головой.

— Нет, не сошел. Он просто показывает народу, что он и царь, и бог, и может делать все, что пожелает. Это предупреждение любому, кто посмеет ему противостоять.

— Но сколько еще народ будет это терпеть? Еще немного — и начнется бунт, замок возьмут штурмом, а нас всех перебьют. Разве что бунт будет здесь, внутри, — дворцовый переворот...

Он с надеждой посмотрел на Мандрагора.

Принц снова начал равнодушно перебирать струны.

— Так ничего не изменить, Йегоси. Просто у вас будет другой деспот.

— Уж лучше это, чем торжество толпы! Оно *слишком* многое переменит.

— А отчего вы тогда сами его не свергнете? Здесь, в гареме, он беззащитен как нигде. Секундное дело — сунуть ему в ребра кинжал. Но никто из вас ничего не делает.

— Мы боимся.

Йегоси старался не смотреть в глаза Мандрагору, а Ашвари опустила голову на руки.

— Да. Не ваш царь держит вас в плену, а ваш страх.

Тут вошел другой евнух, и все взгляды обернулись к нему. Тот поклонился.

— Йегоси и принц Морлин, ваше присутствие немедленно требуется в тронном зале.

Йегоси побледнел. Мандрагор отложил ситар и поднялся со скамьи, не изменившись в лице.

— Что ж, пойдем узнаем, чего он хочет.

Халазар был весьма не в духе.

Наследного принца Йари сегодня выпустили на арену, и на глазах у публики он убил привязанную антилопу полудюжиной стрел. Мальчишка вошел в тронный зал, горя от возбуждения и держа за рога отрезанную голову антилопы. Первой, убитой им. С древних дней мужчина-зимбуриец мог считаться взрослым лишь после первого убитого им животного — обычно на охоте, хотя самые бедные довольствовались убийством свиньи или курицы на

церемонии возмужания сыновей. Но Халазар восторга сына не разделял. Скорее его этот обряд обеспокоил.

Если Йари уже не ребенок, не значит ли это, что он, Халазар, стареет? Собственная сердитая физиономия смотрела на него из зеркала в спальне. Да, среди черных волос в бороде — еще один седой! Все появляются и появляются беспощадные напоминания о смертности вопреки всем обещаниям джиннов.

— Как это может быть? — бушевал он. — Я — бог! Как я могу стареть подобно любому смертному? Они мне солгали?

И его окатило холодной волной страха, тут же погасившего гнев. Ему хотелось убить сына, остановить его взросление!

— Я бессмертен! — сказал он одутловатому покрасневшему лицу в зеркале.

Но в голову ему закралось сомнение. Где же его божественная сила, которая, как говорили, скоро проснется? Эти духи его обманули ради каких-то своих интересов?

Он вылетел из спальни и бросился по каменной лестнице вниз, в тронный зал. Там его уже ждали Мандрагор, Гемала, Йегоси и преемник Беренгази.

— Давай-ка я угадаю, — сказал Мандрагор. — Это опять Йомар и его компания?

При имени Йомара Халазар побагровел и грохнул кулаком по столу, от чего Йегоси вздрогнул.

— Поймать их и убить — убить! Я назначил награду за их головы, я ее повысил — сколько сейчас, Йегоси?

— Десять тысяч серебряных, ваше величество! — проблеял Йегоси.

— И все равно никто не привел мне этих негодяев, живых или мертвых! — Халазар рванул себя за волосы. — Меня уже тошнит от них, слышите? Они напали в пустыне на мой караван, похитили товары и забрали рабов!

— Ваше величество, эта война не похожа ни на одну, что вашему величеству приходилось вести. Эти трое пришельцев воюют с тобой, царь, не за твою землю, но за сердца твоих людей. Зимбурийцы не предают тех, кто им помогает.

— Что? Из-за нескольких жалких дезертиров мои подданные выступили против меня? Я пошлю солдат сжечь десяток домов, отрезать пару дюжин голов, и тогда посмотрим, как они будут сочувствовать бунтовщикам! Но мои солдаты — почему они до сих пор не принесли мне головы моих врагов?

— Бунтовщики прячутся в развалинах в пустыне, — ответил Гемала. — Развалины служат им крепостью, и у них там много ис-

точников пресной воды. В моих людей летят стрелы и копья, а еще им приходится выдерживать жар пустыни.

— Оправдания, вечно оправдания! Остался ли хоть один человек в Зимбуре, верный моей воле? Где мой начальник стражи?

— Убит, ваше величество, — задрожал Йегоси, — по вашему приказу.

— Почему же его до сих пор не заменили?

— Может быть, возникли трудности с поиском желающих занять такую должность? — предположил Мандрагор с простодушным лицом.

Халазар обернулся к нему в гневе.

— А ты, дух? Почему ты еще не поймал этих преступников, при всей твоей чародейской силе?

— Ваше величество забывает, что у мятежников тоже есть союзники-чародеи, которых они могут призвать, чтобы те их скрыли. — Мандрагор решил промолчать о железе, которое он ощутил там, в руинах. — Но у меня есть план, — продолжал он, шагнув вперед. — Вы приготовите новых жертв, но на этот раз будете готовы к попытке этих воинов их спасти. Казни зимбурийцев на время следует прекратить: люди этого не стерпят. Вместо этого подойдет принцесса Марьяна — она иноземка и рабыня. Пошли ее в Долину Гробниц, предположительно как жертву огненному дракону, который там обитает. И подготовь засаду.

Гемала поморщился.

— А если чудовище нападет на моих людей?

Мандрагор должен был признать, что такая возможность существует: глупость и жестокость огненных драконов вошла в поговорку, и они нередко пренебрегали приказом своего хозяина.

— Я отошлю дракона прочь из долины. Ночью, чтобы никто не знал, что его нет в логове.

— Истинный воин не прибегает к подобным хитростям, чтобы добиться победы, — с презрением бросил Гемала.

Мандрагор приподнял брови.

— Так мне оставить дракона в долине? Как прикажете.

— Молчать, Гемала! Ты не схватил преступников при всем своем хваленом воинском умении! — рявкнул на него Халазар. — Подготовь все, как велел принц Морлин. Да будет так.

«Как мне надоели эти игры!» — думал Мандрагор, уходя из зала. Мало смысла ловить друзей Эйлии, если она действительно погибла. Но точно этого никак не узнаешь. О результатах поисков на Неморе пока ничего не сообщали, но чем дольше не могли найти ее тело, тем сильнее крепло подозрение, что она все еще жива.

«Надо самому лететь ее искать, — думал он. — На Неморе моя мощь сильнее. Пытаясь найти и уничтожить меня там, где я живу, бедная дурочка поставила себя в очень невыгодное положение. Но сейчас я не могу лететь, пока здесь дело не окончено. Все-таки может оказаться полезным захватить заложников. Тогда мне вообще не надо будет биться с Триной Лиа...»

Деревня в оазисе росла. После многих набегов на трудовые лагеря в пустыне освобожденные мохарцы и зимбурийцы присоединялись к повстанцам, пополняя их ряды. Каждую ночь открыто горели костры по всему оазису, звучали песни. Повстанцы расставили на подходах ловушки, ловчие ямы и сети, и все время в руинах скрывались лучники. В оазис все-таки вошли несколько разведчиков и зимбурийский отряд — люди, боявшиеся Халазара больше, чем повстанцев. Их поймали еще на полпути к деревне. Из мохарцев некоторые хотели перебить всех, но Дамион и шаман настояли, чтобы их оставили пленниками. Некоторым предложили вступить в ряды мохарцев, как поступил Киран Йарисс. Когда ни один из них в город не вернулся, другие солдаты проявляли еще меньше охоты идти в оазис. Киран доносил, что среди призывников назревает бунт.

Нашлись несколько фанатиков среди захваченных в плен солдат, которые не были благодарны, что их пощадили. Они говорили, что это жестоко — брать пленников живыми. «Ничего я так не желаю, как умереть за бога-царя!» — кричал один из них, когда его привели в деревню. Лорелин присмотрелась к нему. Глаза его горели лихорадочным огнем, щеки пылали нездоровым румянцем.

— Если бы Халазар был действительно богом, — сказала она, сложив руки на груди, — он бы любил своих людей. Не бросил бы их на войну, на смерть.

Солдат не отвел глаз.

— Халазар-Валдур превращает нас в великую нацию, — возразил он, — и предлагает нам весь мир. И мы должны заплатить ему за это, пусть даже жизнью. Наши жрецы говорят, что маурийский бог — слабак, потому что тем, кто идет за ним, не дает ничего.

— Ну и твой тебе пока тоже не дал весь мир. Вы еще не выиграли войну, которую затеяли. Ты разве не видишь, что вы для него — всего лишь орудия, средства отомстить миру?

— Отомстить? Не понимаю твоих слов. Наш бог карает порочных и безбожных. Много веков назад он разрушил царство элеев огнем с неба.

— А что они ему такого сделали, позволь узнать? — гневно спросила Лорелин.

— Он — бог. Кто мы такие, смертные, чтобы вопрошать богов? Валдур одной рукой дает награду и жизнь, другой — разрушение и смерть. Он в своем праве.

— Гм... там, откуда я родом, «двуличный» не звучит комплиментом.

Беренгази улыбнулся, глядя на нее.

— Все вы обречены, все и каждый. Аватара Валдура обрушит еще на вас свою месть.

Проходивший мимо Йомар обернулся к нему.

— Тихо, ты, а то отпущу тебя домой — по частям.

Беренгази угрюмо покосился на него, но замолчал. Он явно не разделял тягу своих соотечественников к мученичеству.

— Кто-нибудь видел Дамиона? — спросил Йомар, оглядываясь.

— Он пошел в развалины, к Вакунге, — ответила Лорелин.

— Опять? Он теперь целые дни торчит с этим шаманом.

— А что такого? Он хочет побольше узнать о своей немерейской силе — как ее вызывать по желанию, как маги делают. Он думает, что от него будет больше пользы как от мага, а не как от бойца. Может быть, он и прав. Он уже научился понимать любой язык, как я.

Йомар сам не знал, почему это увлечение Дамиона чародейством так его тревожило. Он отлично знал, что народ сильнее верит, будто он Заим, еще и потому, что с ним — два чудесных золотоволосых «ангела». Особенное почтение внушала и мохарцам, и зимбурийцам Лорелин — это непонятное, не от мира сего создание, не мужчина и не женщина, которая умела драться, даже не обнажая оружия. Но и Дамион их интриговал. Они думали, что он, поскольку божествен, делится с Вакунгой небесной мудростью, и мало кто знал, что на самом деле поток информации идет в обратную сторону. Только Унгуру и несколько его близких друзей сохраняли скептицизм. Йомара наполняла тревога, смешанная с усталостью, из-за роли, которую ему пришлось играть, — усталостью от постоянного притворства, от груза ожиданий народа. Впервые до него дошло, каково пришлось Эйлии, когда она увидела толпы обожающих ее арайнийцев.

Он вышел из деревни и пошел к развалинам, где нашел шамана и священника за беседой под древней стеной. У Дамиона были закрыты глаза, руки расслабленно лежали на коленях, а Вакунга что-то тихо шептал ему на ухо.

— Дамион! Дамйон, очнись! — окликнул его Йомар, решительно подойдя к медитирующему священнику и наклоняясь над ним.

У Дамиона задрожали веки, потом открылись.

— Не следовало его прерывать, — мягко заметил Вакунга, когда Дамион встал и застонал, потягиваясь.

— Что это он делает? И что ты с ним делаешь? — спросил Йомар подозрительно.

— Помогаю ему найти путь. Тот путь, что ему предназначен.

— Йо, все нормально, — вставил Дамион. — Он действительно мне помогает. Я теперь понимаю, что имеет в виду Лорелин, когда говорит, что у нее есть Предназначение. Я сюда прибыл не сражаться и убивать, а узнать, какое Предназначение у меня.

— Дамион, перестань молоть чушь, — поморщился Йомар. — Только потому, что люди считают тебя ангелом...

Дамион улыбнулся.

— Йо, это же ты мне велел с этим не спорить.

— Но это было только вначале, когда нашей жизни грозила опасность. И я не говорил тебе, чтобы ты сам в это верил!

Священник стал серьезным.

— Йо, пусть я не ангел, но я точно знаю, что во мне есть сила, которую я могу изучить, чтобы пользоваться ею, и еще... есть у меня какая-то миссия. Что-то, для чего я *предназначен*.

— Спятил, — сказал ему Йомар.

Дамион не ответил. Он так и смотрел в пространство с безмятежным выражением лица. Мохарец ощутил небольшой укол тревоги. Опять боевой шок? Бывало, что солдат вроде совсем оправлялся от этой болезни, и вдруг она возвращалась, когда он пытался вернуться к обыденной жизни. Некоторые умирали от нее постепенно, и разум с телом угасали одновременно. То же самое бывало в лагерях рабов с людьми, которые больше не могли выносить страданий. Им уже было не помочь, как не поможет лекарь смертельно раненному. Вид таких людей вызывал у Йомара сострадание, пока он не научился подавлять скорбь и отворачиваться. И тогда он поклялся себе, что сам никогда не сдастся так жалко, но умрёт в бою, когда придет его час. Вот так и вышло, что он в ярости гнева бросился на пришедшего в лагерь льва, не страшась его клыков и когтей. Для него это тогда и не лев был вовсе, а царь Зедекара, и надсмотрщики, и сама пустыня в ее неумолимой жестокости. Спустя годы этот поступок казался ему актом не мужества, но безумия. Не виноват был лев, что его охотничьи угодья разрушили люди, а дичь разогнали. Убить его — это как убивать подневольных солдат армии Халазара: истинный враг был не тот, кото-

рого ты сразил. А когда ты окровавишь меч, враг этот издевается над тобой из своего недоступного укрытия, смеется над твоими мелкими и бесполезными победами.

У Дамиона глаза были закрыты: он снова ушел куда-то, куда Йомар за ним пойти не мог. Воин пожал плечами, повернулся и отправился обратно в деревню.

Лорелин ушла под навес из звериной шкуры, который ей поставили, и Йомар минуту постоял, глядя, как она лежит на мехах. Лорелин спала, вкладывая в это занятие ту же тщательность, что и во все свои действия: она лежала на спине, вытянув руки и ноги, все мышцы тела полностью расслаблены, спала изо всех сил. Йомар залюбовался ее худощавой грацией. Он чувствовал, что она в любой миг могла вскочить, полностью готовая к бою, как пробудившаяся от дремы тигрица. Но что-то он ощущал и помимо ее физической силы: безупречную чистоту, как в каком-то редком кристалле. Дух ее не был способен ни на какое двуличие или фальшь, на нее можно положиться во всем, доверить собственную жизнь. Идеальный товарищ по оружию, который никогда не побежит, не отступит, всегда выполнит свой долг — если его не убьют. Она вполне могла сама о себе позаботиться, и все-таки Йомару почему-то хотелось защитить ее. Не потому ли отчасти он так против ее участия в боях? — подумалось ему. Не потому ли, что ему невыносима мысль, что ее могут убить или ранить?

«Я люблю ее», — подумал он в изумлении. Как молния из Эфира — откровение.

Он смотрел, и она заворочалась, зевнула, открыла глаза и, увидев его, улыбнулась. Его вдруг потянуло сказать ей то, что он сейчас о ней думал, но слова не пришли, и Йомар упрекнул себя, что никогда не умел переводить мысли в слова. Этого искусства жизнь воина никогда от него не требовала. Вот Дамион — тот знал бы, что сказать. А он, Йомар, только стоял как пень, и миг прошел.

Лорелин посмотрела на Йомара и ощутила прилив теплого чувства, такого сильного, как до сих пор не знала. Вопреки их нередким стычкам было в нем что-то столь же твердое, прочное, надежное, как в земле под ногами. Такие чувства, как знала Лорелин, часто возникают среди товарищей по оружию: те, кто вместе встречал опасность, не могут не привязаться друг к другу умом и сердцем, несмотря на мелкие различия. Она села и снова улыбнулась, и на миг ей показалось, что в его глазах мелькнуло ответное тепло, и он будто вот-вот что-то скажет. Но что хотел он сказать, так и осталось неизвестным — вечернюю тишину нарушил громкий крик, и мгновение было упущено.

— Весть! Я принес весть!

Крику вторил стук копыт.

Йомар раздраженно обернулся.

— Ну что еще? — резко спросил он.

Киран Йаррисс въезжал в лагерь на степной лошади, которую ему выделили.

— Что за шум? — снова спросил Йомар.

— Новости из города, — ответил запыхавшийся Йаррисс, соскакивая с седла. — Объявлено, что, раз вас никто не может поймать, бог-царь будет убивать людей, пока вы не сдадитесь.

— И как им предстоит погибнуть, Киран? — спросила Лорелин, вскакивая на ноги. — Опять в храме?

— На этот раз нет. Их станут отдавать огнедышащему дракону, у которого берлога в Долине Гробниц. Жертвы будут приносить каждый день. Первой будет пленница благородных кровей — дочь царя Шурканы, которого убил Халазар. Ее держали в замке рабыней, но сейчас ей предстоит умереть.

— Нет! Этого нельзя допустить! — заявила Лорелин. — Когда она умрет, Киран?

— Сегодня на закате. У гробницы Зедекары.

— Значит, у нас еще есть время собрать отряд.

— Что-то мне это не нравится, — сказал Йомар. — Почему в Долине? Это слишком далеко от города. Почему не на арене, не в храме? Очень похоже на засаду. Нас ловят на приманку, выманивают.

— Йо, мы не можем дать этой девушке умереть, — возразил Дамион. Он вместе с Вакунгой тоже пришел в деревню на шум.

— Не ходи, — сказал шаман.

— Я нужен моим друзьям. И Халазар...

— Ты не понял. Халазар здесь ни при чем. Это колдун-дракон вас ловит — и тебя особенно. Если он тебя схватит, это может быть конец нам всем — в том числе дочери Утренней звезды.

Дамион опешил.

— Неужто я настолько важен?

— Важно все. Наводнение начинается с одной капли, песчаная буря — с одной песчинки. Вот таков и ты, Дамион, по крайней мере сейчас. Потому что сейчас все зависит от тебя. Пойди в этот набег, и ты выберешь неверную дорогу, — предупредил его старик. — Ты потеряешь путь. Ты должен остаться и учиться, а не скакать с оружием в руках, как все.

— Может, действительно следует оставить Дамиона, — предложила Лорелин. — Остальные могут идти.

— Послушай ее, — сказал Дамиону шаман. — Она и другие бойцы едут навстречу опасности, но для тебя там куда опаснее. Это будет конец многим чужим жизням.

Священник неохотно повиновался.

— Возьми мой меч, Лорелин. Адамантиновый клинок прочнее твоего. А я останусь.

«И ладно, — подумал Йомар. — Если он с ума сошел, то лучше ему быть здесь».

Воины готовили коней и оружие, а Дамион задумчиво смотрел на них.

— Вы там поосторожнее, ладно? — попросил он. — Если Йо прав и это западня...

— Не бойся, будем начеку, — заверила его Лорелин, пристегивая к бедру меч.

К набегам люди готовились каждый день, отрабатывая выпады и защиты на мечах, испытывая копья и луки. Когда солнце опустилось и ветер стих, бойцы оседлали коней и надели доспехи. Собравшиеся мохарские женщины проводили их пронзительными криками, как полагается провожать воинов на битву. Когда небольшой отряд пустился прочь по пустыне, Дамион озабоченно смотрел ему вслед.

— Удачи! — крикнул он.

И смотрел, пока люди не скрылись в темнеющей дали.

Быки, запряженные в телегу, были белые без единого пятнышка — цвет жертвы. В праздничные дни приносили в жертву ягнят, голубей, других белых животных, а в старые времена людей, приносимых в жертву на алтаре Валдура, облачали в белые одежды и сажали на белых коней. Марьяна это знала: еще живя в доме своего отца, она, любопытствуя об обычаях и нравах других народов, прочла много книг с рассказами путешественников. Так что, хотя никто не говорил ей о причине неожиданного путешествия, она отлично поняла, что это означает, когда ее одели в белое и возложили цветы на распущенные волосы. И упряжка белых быков с венками на рогах подтвердила страшное предположение.

Телега в сопровождении верховых стражников ехала медленно по широкому сухому руслу, иногда останавливаясь, когда колесо цеплялось за крупный камень или попадало в одну из многочисленных трещин, зияющих, как пересохшая пасть.

Вскоре русло стало глубже, потом открылось в широкую долину, ложе древней реки. Ее давно ушедшие воды вырезали в земле странные силуэты: высокие вертикальные формы, будто окаменев-

шие деревья или статуи на пьедестале. Но в красных стенах каньона были и другие формы, уже не природой сделанные: покатые фасады храмов, портики с колоннами, вырезанные прямо в камне, и украшенные крышки гробниц с фризами, живописующими славные деяния покоящихся в них царей. Пугающие колоссы, каменные великаны с головами шакалов или крокодилов, сторожили входы. Здесь в далекие дни хоронили усопших зимбурийских царей со всеми их домочадцами: женами, наложницами, рабами — всеми, кроме детей. В этой долине сотни людей под угрозой меча принимали яд и ложились в землю рядом с царственными саркофагами.

Заброшенное было здесь место, и сейчас особенно: огромные куски и без того высохшей земли были искорежены и обожжены огнем, и от немногих жестких пустынных кустов остались обгорелые палочки. А вокруг повсюду валялись обглоданные и обгоревшие кости животных: коров, коз, лошадей, даже массивные скелеты слонов — подношения неутолимому голоду твари, что устроила здесь свое обиталище. Маленькая процессия, идущая сейчас по высохшему руслу реки, знала об этом страшном существе. Лица у солдат посерели, а лошади закидывали головы и фыркали от вони жженой извести и падали, густо наполнявшей воздух. Одна вдруг вскинулась на дыбы, испуганное ржание отразилось эхом от стен ущелья. Всадник выругался — у него тоже нервы были на пределе. Быки заревели и заупрямились, но их ударами бича заставили идти вперед.

А молодая женщина, лежащая связанной в телеге, давно уже миновала страх и ушла в забытье, когда вся окружающая действительность кажется нереальной. Когда-то она была принцессой, изнеженной, избалованной, любимой овдовевшим отцом и четырьмя старшими братьями, и все они теперь мертвы, убиты солдатами Халазара. Перемена судьбы была столь быстрой и необратимой, что Марьяна через плен и последующее рабство прошла как в трансе. Предстоящее последнее испытание хотя бы обещало положить конец этим страданиям. Поэтому она поплакала только немного, когда поняла, что конец дороги уже близок, а с ним и конец ее жизни. Про себя она молилась, чтобы после смерти встретиться с родителями и братьями.

Но через какую ужасную дверь придется войти в рай!

Она попыталась представить себе другую сцену: притвориться перед самой собой, что идет по дороге, ведущей к родному дому, возвращаясь с приятной прогулки. Марьяна закрыла глаза, стараясь представить себе вместо тряской телеги открытую царскую ка-

рету отца. Ей даже послышались тонкие колокольчики на упряжи яков, упорно и ровно везущих карету вверх. И еще много этих бородатых быков пасется высоко в горах на альпийских лугах, потому что як для шурканца — то же, что лама для маракита, северный олень для риаланца: источник молока, мяса и шкур, подъяремный скот и выкуп за невесту, самая древняя в мире валюта. У ее отца, поскольку он был царем, стада исчислялись тысячами. А дальше еще — дикие горные долины, где пасутся стада диких мастодонтов и шерстистых носорогов, но здешние закрытые от ветра склоны давно уже превращены в террасы, и выращивают на них растения с незапамятных времен. А над ними — древние развалины, вырезанные в скальной толще гор, — пещерные города, построенные исчезнувшими элеями. Марьяна будто видела их перед собой и видела дворец в горах с мощными стенами и сторожевыми башнями, и доброе, ласковое лицо отца, и братьев с веселыми дразнящими глазами. Наверное, она действительно близка к своему концу, раз так ясно видит их...

«Они ждут меня в моем последнем доме...»

Снова телега подпрыгнула, наехав на камень, и глаза девушки невольно открылись. Впереди высился хмурый фасад из колонн и статуй, вырезанных в толще горы, и вход без двери зиял непроглядной тьмой. Марьяна отвела глаза прочь, и ее изможденное тело содрогнулось. Уже так скоро...

— Вон его логово, — сказал капитан. — Самая большая гробница.

— А зверь точно на нас не нападет? — спросил кто-то.

Капитан покачал головой.

— Этот гоблин клялся, что нет. Он вроде бы не просто скотина, а с разумом, как человек.

— И все равно можно жертву здесь оставить.

— С ума сошел? Да если она каким-то чудом удерет, Халазар с нас головы снимет. Привязывайте ее к колонне, и уходим.

Солдаты выполнили приказ, а потом будто собрались уходить, но тут что-то лязгнуло, и капитан зашатался: в шлеме его торчала стрела. Солдаты потянулись к оружию, но без толку: их враги прятались в проеме другой гробницы с противоположной стороны долины. Засвистели еще стрелы, и солдаты бросились в поспешное бегство, подвывая на ходу и бросив принцессу, привязанную к колонне у входа в гробницу.

Освободители выбежали из темного проема и бросились к девушке — кто пешком, кто на лошади. Марьяна подняла глаза, и в голове у нее прояснилось, когда она увидела своих спасителей.

Высокий золотоволосый воин соскочил с коня, разрубил мечом путы Марьяны. Принцесса вскрикнула.

— Сэр Дамион! — И она бросилась к ногам воина, плача и целуя его руки в железных перчатках. — Я слышала легенды о тебе, которые рассказывали женщины...

Ошеломленная Лорелин сообразила вдруг, что в серебристой броне ее вполне можно было принять за Дамиона.

— Я не... — начала она, но Марьяна не слушала, плача от радости, цепляясь за ее руку и поливая ее слезами.

— Сэр Дамион! Как мне отблагодарить тебя?

Лорелин снова попыталась указать ей на ошибку, но тут все вдруг замолчали, услышав низкий рокот, будто голос самой земли, из глубины гробницы. Во мраке разинутого прохода появились два ярких огня, будто лампы в невидимых руках, и послышалось хриплое дыхание. Пришел дракон.

Марьяна подняла крик:

— Бежим! Бежим!

— Отходим! — крикнул Йомар своим людям.

— Нет! — крикнула в ответ Лорелин. — Он нас догонит и всех перебьет, сожжет огнем с воздуха! Его надо убить здесь, на земле.

И она снова вскочила на коня, пришпорила фыркающего жеребца в сторону входа гробницы, к ожидающим горящим глазам.

В жилах степного мохарского коня текла кровь элейских скакунов, и он подчинился приказу, хотя прижал уши к голове и закатил глаза. Лорелин ухватилась за меч. Был шанс, что ей удастся нанести смертельный удар, пока тварь не набрала воздуху, чтобы изрыгнуть пламя...

Послышался рев, и с неуловимой быстротой жалящей змеи из дыры вырвалось огромное тело. Лорелин натянула поводья, не отрывая изумленных глаз от чудовища. Это был не огненный дракон в эбеновой броне, но лоанан, и крылья его и чешуя были красны, как камень, на котором он стоял.

— Мандрагор! — воскликнула она, потрясая адамантиновым клинком. Клинок светился синим пламенем. — Это ты, Мандрагор! Иди и сражайся с нами!

— Лори! Тебе нельзя с ним биться! — крикнул Йомар.

Но она лишь снова взмахнула пылающим лезвием и бросила коня в галоп, прямо к дракону.

Он припал к земле, потом взмыл в воздух, как раз когда она ударила. Увидев это, Лорелин попыталась придержать коня, но слишком уже разогналась. Как только она оказалась в его тени, он сложил крылья и упал камнем. Передняя лапа разодрала зад коня,

заставив животное встать на дыбы, потом метнулся вперед хвост, сбив коня с ног. Лорелин успела спрыгнуть, когда конь с диким ржанием упал набок, молотя копытами воздух. Тут же рядом оказался Йомар, влетел в схватку, чтобы Лорелин оказалась в сфере действия железного меча. Снова дракон взмыл в небо, уходя от железа, потом закружился между стенами долины, снова нырнул вниз. Йомар попытался достать мечом пролетающего над головами дракона, но тот был слишком высоко.

И тут на них обрушились враги — теперь в западне оказались мохарцы. Десятки, сотни воинов полезли из проема огромной гробницы. У некоторых были искаженные фигуры, несоразмерные черты: это были гоблины, метнувшие огненные молнии в Йомара. Но чародейские огни тут же погасли, как только он поднял Меч Звезд. Тут один из мохарцев с криком бросился перед Йомаром, и стрела, выпущенная зимбурийцем, попала в него. Он упал со стрелой в груди — это был Унгуру.

— Нет! — вскрикнула Лорелин, подбежала к упавшему, бросив меч, и положила его голову себе на колени. Свой меч павший воин еще стискивал в ладони. Глаза у него открылись, повернулись к Йомару, который тоже склонился к нему.

— Заим, — прохрипел раненый, и голова его откинулась назад и потяжелела на коленях Лорелин.

— Унгуру! — шепнула она, глядя в темные глаза, уже ничего не видящие. Ее потрясло, как мгновенно гаснет искра жизни.

Высоко в небе взревел красный дракон. Еще раз низко пролетев над головами, он лег на крыло и полетел в сторону Йанувана.

— Кто из вас Дамион Атариэль? — спросил зимбурийский солдат, вытягивая меч из ножен.

— Его с нами нет... — начал Йомар, но его перебил крик другого солдата:

— Он врет! Вот, вот этот — это он и есть! Рабыня его узнала, она назвала его по имени — я слышал!

Йомар обернулся в изумлении. Солдат показывал на Лорелин.

— Вот это Дамион! Воин с волосами как золото.

— Ты ослеп? — рявкнул на него Йомар. — Это не...

— Нет, Йо! — не дала договорить Лорелин. Она обернулась к солдату. — Это правда. Я Дамион.

Зимбуриец осклабился.

— Не сильно страшный воин. Ты же просто мальчишка.

Йомар смотрел в полном отчаянии. Эти зимбурийские солдаты никогда не видели женщины, похожей на Лорелин: она отлича-

лась от низкорослых, робких, закутанных в шаль зимбуриек, как день от ночи. Вряд ли и гоблины поймут разницу. А цвет волос у нее действительно тот же, что у Дамиона. Лорелин намеренно поддерживала их заблуждение — но зачем? Сколько времени она рассчитывает морочить им голову? Или она думает, что они убьют ее на месте, и так она спасет настоящего Дамиона?

— Это не Дамион, — возразил он, выступая вперед. — Я вам говорю, что его с нами нет.

— Ты Дамион или нет? — спросил солдат у Лорелин.

— Да.

Она даже глазом не моргнула.

— Нет! — одновременно с ней заревел Йомар.

Он пошатнулся, когда солдат обернулся и ударил его наотмашь.

— Лгун! Защитить его хочешь?

— Прекратить! — Этот командный голос принадлежал генералу Гемале, идущему через ряды своих людей. — Связать всех и отвести к царю. Мертвеца похоронить здесь. Это был враг, но он хорошо служил своему хозяину. И он оказал нам услугу, назвав имя хозяина с последним своим вздохом. Мы теперь знаем, кто это. — Тяжелый взгляд остановился на Йомаре. — Мы поймали их вождя. Того самого Заима.

В тронный зал их ввели в цепях. Лорелин и Йомар шли с суровыми лицами, Марьяна всхлипывала, мохарские пленники шли подавленно. Халазар сидел на троне с глазами черными и непроницаемыми, как у гадюки. Рядом с троном стоял Мандрагор, облаченный в красную мантию.

Гемала посмотрел на него с вызовом.

— Поскольку ты был занят слишком важными делами, принц, чтобы участвовать в бою, приз пришлось брать мне и моим людям. Мы взяли Заима и того, о ком ты говорил, что Трина Лиа в нем души не чает: сэра Дамиона.

— Мои поздравления тебе и твоим людям, генерал, — отвечал Мандрагор. — Уверен, что вам понадобилось все ваше мужество и смелость, чтобы взять в плен эту девушку.

— Девушку? — заморгал Гемала. — То есть как?

— Это женщина, а не мужчина, старый ты дурак. Тебе объяснить разницу?

— Сэр Дамион — *женщина?* — ахнул какой-то солдат.

Мандрагор возвел золотые глаза к потолку.

— Нет! Дамиона *здесь нет*.

— Как? — загремел Халазар, краснея от гнева. Он бросился на злосчастных конвоиров, бранясь и раздавая затрещины. — Безмозглые псы, безголовые болваны! Никогда не можете сделать дело как надо! — Он обернулся к Лорелин и Йомару, тяжело дыша. — Я поймаю этого Дамиона, слышите? Я его поймаю, даже если придется казнить всех жителей этого города — мужчин, женщин и детей! А вы... — он шагнул ближе, пылая черными глазами, — ваши головы сегодня же будут торчать на воротах!

Марьяна ахнула и разразилась слезами. Халазар ударил ее наотмашь, и она растянулась на полу без сознания.

— Эту обратно в гарем, пленников — в подземелье. Кроме этих двух. Им — немедленно головы долой!

— Нет, — сказал Мандрагор.

— То есть как нет?

— Вашему величеству они нужны живыми. Они знают, где Дамион. Найди его, царь, и Эйлия у тебя в руках. А вам, Йомар и Лорелин, я советую сказать, где Дамион.

Лорелин встретила его взгляд ясными голубыми глазами.

— Я не скажу.

— Тебя пытать будут, дурочка.

— Мне все равно.

— Ничего ты от нас не узнаешь, — добавил Йомар.

Охранник ударил его с такой силой, что он пошатнулся, рухнул на пол — тяжело ударился, не имея возможности подставить скованные руки, и Лорелин подбежала к нему и нагнулась.

Мандрагор повернулся уходить.

— Оставь их в живых, царь, и не дай им самим с собой ничего сделать, даже если придется сковать их по рукам и ногам. Они должны жить, чтобы рассказать нам все, что знают.

— Ты смеешь мне указывать? — возмутился Халазар. — Мне, твоему господину?

Мандрагор посмотрел на него холодным взглядом, с таким презрением, что скрывать его он больше не мог. Боги в небесах, как же ему все это надоело!

— Последуй моему совету, царь, иначе тебе придется об этом пожалеть, — только и сказал он. Потом добавил: — А теперь я пойду к себе.

Он развернулся и вышел из зала.

Халазар сердито глядел ему вслед и минуту подумывал приказать провести казнь — чтобы показать свою власть. Потом он увидел, что маги-гоблины окружили Лорелин и лежащего Заима, передумал и велел отвести этих двух в подземелье вместе с прочими.

* * *

Мандрагор быстро шагал через огромный приемный зал. Вечерние тени уже ложились в углах и за мощными колоннами, слуги зажигали лампы на длинных цепях. Стояли на страже часовые, и железо их оружия неприятно пульсировало, но он едва замечал их присутствие. Его раздирали противоречивые эмоции.

Что за жалкие фигуры эти двое — Йомар с его несокрушимым упрямством и Лорелин, вся в розовых мечтах о рыцарстве! Даже угроза смерти не заставит их говорить, в этом Мандрагор был уверен. Лорелин, в частности, явно решила стать мученицей: паладины всегда были до смешного уверены в награде на Небе. Ни один зимбуриец не мог подумать без страха о встрече с Валдуром Ужасным, но паладины верили, что их бог добрый и любящий, и смерть им не страшна. Мандрагор вдруг ощутил подавленность. Почему его все еще интересует судьба людей, когда уже столько времени прошло? Их жизнь и смерть должны идти своим чередом и к нему отношения не имеют... почему это вдруг он подумал о смерти?

Поглощенный своими раздумьями, он слишком поздно заметил опасность. Человек, выскочивший сзади, застал его почти врасплох. Чей-то локоть сдавил горло, и когда он схватился за него двумя руками, кинжал, направленный в сердце, соскользнул по ребру. Лезвие у него в мозгу ревело железом — звук металла, который мог бы предупредить его о приближении убийцы, если бы его не заглушал фон другого оружия. Мандрагор вывернулся, и крик его, крик боли, ярости и тревоги, всколыхнул часовых, и даже Халазар выглянул из тронного зала со своими придворными.

Генерал Гемала стоял неподвижно, все так же держа в руке кинжал с железным лезвием. Мандрагор одной рукой зажимал рваную рану на груди, под разорванной красной мантией, а другую поднял и согнул как клешню перед лицом неудачливого убийцы.

— Ты! — вскричал Халазар. — Я так и знал!

— О царь, — начал седой воин, — у меня были причины. Разве я плохо тебе служил? Я был с тобой с самого начала — послушай меня, царь. Этот человек — не дух, всего лишь злой волшебник, и он служит себе, а не тебе. У меня на глазах он позволил себе отменить твой приказ — только что! Он хочет убить тебя и занять твое место. Я уже давно раздобыл этот кинжал холодного железа и ждал случая. Мне не удалось убить его, но смотри, о царь! — Он вытянул руку с окровавленным лезвием. — Слышал ли ты когда-нибудь, чтобы у духа текла кровь?

— Я восхищаюсь твоим мужеством и преданностью, генерал, — прошипел Мандрагор сквозь зубы. — Но все равно я тебя убью, — добавил он, шагнув вперед.

— Нет, мне решать его судьбу! — зарычал царь. — Стража, в подземелье генерала! Он умрет сегодня — медленно, под пыткой... нет, Мандрагор, отпусти его! Я сказал, что он умрет *медленно!*

— Ваше величество, я умоляю... — кричал Гемала, пока его уволакивали.

Мандрагор широким шагом пошел прочь. Сквозь пульсирующую боль, туманящую разум, стало проступать растущее отвращение. Убийства и интриги! Уже тошнит от них. И сейчас он был близок к тому, чтобы потерять жизнь, а нанесенная железом рана останется, даже если он сменит обличье.

Не приманивал ли он опасность нарочно, подумал он, чтобы ее пряной остротой отогнать скуку? Если да, то больше он этого делать не будет: он стал беспечен, и это чуть не кончилось плачевно. Какие еще интриги ждут его в этой проклятой стране? Пусть гоблины проследят за Йомаром и Лорелин и ищут Дамиона в пустыне. А у него есть свое царство и свой народ, которыми надо править, и еще более опасный враг, который даже еще не найден.

Давно уже пора было вернуться на Немору.

16
Запретный Дворец

Эйлия провела в гостинице две ночи и про себя заметила, что на дереве спалось лучше. Грохот общего зала проникал сквозь все щели покореженных сучковатых половиц вместе со звяканьем ламп и вонью дыма и эля. Вышибале-троллю работы явно хватало, судя по выкрикам и грохоту спускаемых с лестницы тел. Каждый раз Эйлия сжималась, когда слышала тяжелые шаги вверх по лестнице и мимо ее двери. Твиджик так же нервничал, как она, одной парой глаз наблюдая за дверью, другой — за окном.

По вечерам Эйлия вместе с Май подавала еду посетителям в общем зале или помогала на кухне Маг, а Твиджик бегал за ней, как собачка, часто попадаясь под ноги. В конце концов Эйлия уговорила его посидеть под столом.

— Не могу понять, — говорила Маг. — Эти маленькие двухголовки считаются самыми боязливыми тварями на свете. Никогда

не слышала, чтобы кто-нибудь из них терся возле людей. Они страшно пугаются всех, кто больше их.

— Наверное, я не слишком страшная, — сказала Эйлия.

А про себя порадовалась, что никто здесь не понимает речей амбисфены. Твиджик мог бы проболтаться, что держится возле нее ради магической защиты.

Работая, Эйлия обдумывала свой следующий ход. Здесь явно не было небесных кораблей: она осторожно спрашивала, но в ответ получала только недоуменные взгляды. Как ей объяснили, только драконий народ такие вещи может знать, а драконов здесь уже сто лет никто не видел, да если бы они и были, то с обыкновенным человеком даже говорить не стали бы. Может быть, найти кого-нибудь из приспешников Мандрагора и заставить его ей помочь? Да, но если сам принц будет с ним? Лоанея она еще могла бы надеяться одолеть, а Мандрагор — дело другое. У него столетия боевого опыта с бесчисленными сильными противниками, а ее никогда никакому бою не учили. Конечно, в конце концов стали бы учить — будь все так, как планировали лоананы, она бы с Мандрагором еще много лет не встретилась. Так что же ей делать? Бежать от него или сразиться с ним?

«Однажды я его уже победила», — сказала она себе на третий вечер.

Не ты, — возразил внутренний голос. — *Ты была тогда в своем собственном мире, и его сила совместно с силой Камня прогнали Мандрагора. Здесь с тобой Камня нет, и ты на его земле, в его мире.*

«Я не могла взять с собой Камень. Не могла рисковать тем, что Камень попадет к нему в руки. Он бы его использовал как символ, как доказательство для валеев, что он действительно их бог».

Верно — но сейчас при тебе нет его силы. Ты одна.

Одна. Это слово эхом отдалось в сознании. Аурон и Талира не знали, где она, а из бедняги Твиджика союзник не слишком полезный. Он свое сделал — привел ее в Лоананмар.

Эйлия потянулась к собственной магии, постаралась ощутить ее присутствие в себе, этот объемный резервуар нерастраченной энергии. Да, у нее есть сила даже без Камня, но нет практических навыков, необходимых в битве за жизнь.

Она вышла во двор, где Маг варила еду на земляной яме возле горячего источника. Он парил, как кипящий котел, а рядом с ним был источник поменьше, тоже бурлящий, где отмывались миски и кастрюли. Свирепое сияние обоих солнц заполняло двор, но уже не казалось таким жарким. Задувал ветерок, шевеля плотные кро-

ны низких деревьев, и бежали по небу облака нежно-зеленого цвета весенних листьев.

— Приятная погода, правда? — спросила Маг. — Сегодня ночью так резко поменялась.

Эйлия что-то промямлила в ответ. Она не сводила глаз с крепости на вершине вулканического холма, нависающей над крышами города. Не взбиралась по каменному обрыву дорога, не было ворот в ее стенах. Как говорила Маг, добраться туда можно только по воздуху, хотя считалось, что в горе есть пещера, выводящая в погреба крепости. Из входа этой пещеры все время идет пар, как дым из пасти огненного дракона, и войти туда никто не осмеливается.

— Кстати, — вдруг сказала Маг, — я там вытащила твою постель на солнце и положила тебе в комнату мое старое платье. Очень удачно, что мы примерно одного роста. И как ты умудрилась уйти из дома без смены одежды? Боюсь, что это твое желтое белье мне не починить — все в лохмотьях. Жаль. Такое красивое плетение, такое тонкое, как туман. Никогда такого не видела.

Белье? Эйлия вдруг вспомнила альфаранский хитон: его негде было спрятать в пустой комнатушке, и Маг его нашла. Эйлии не слишком понравилось выражение любопытства на лице хозяйки. Она заставила себя улыбнуться и ответить небрежно:

— Ой, спасибо, Маг, только его можно просто выбросить.

— Выбросить — скажешь тоже! Такое тонкое, хотя и рваное. В этом городе ни у кого ничего подобного не найдешь. Отдай мне, я из него чего-нибудь сделаю.

— Ну, разве что на тряпки порвешь.

Эйлия старалась говорить небрежно, опасаясь пробудить интерес в Маг. Эх, надо было выбросить раньше...

У женщины глаза загорелись.

— Ох, спасибо! Но я думаю, до тряпок дело не дойдет. А ты себе оставь мое старое платье, конечно. Но тебе все равно еще одежда нужна будет.

— Спасибо, — ответила Эйлия, — но я подумала, что не буду я в городе оставаться. Наверное, вернусь домой.

При слове «домой» сердце кольнуло тревогой — за дом, за отца, за Халмирион, за друзей, с которыми сейчас неизвестно что происходит. И как же все-таки покинуть эту планету? Эйлия не смогла сдержать дрожи в голосе и вдруг ощутила сумасшедшее желание — рассказать этой доброй женщине все, всю правду, а не эту тщательно обдуманную ложь. Ох, разделить бы это бремя с кем-нибудь!

— А как насчет пожевать? — спросила Маг, вставая и отряхивая землю с колен.

Эйлия не успела ответить, как что-то пронеслось в небе, и она пристально посмотрела вверх, прикрыв глаза ладонью. Но это, к счастью, была всего лишь птица с ярким оперением, кружащая подобно ястребу на зеленом фоне. Крылья ее сияли, как кованое золото, пуская зайчики на каждом взмахе. К ее удивлению, Маг побледнела настолько, насколько можно было при бронзовом цвете ее кожи.

— Ты видела? Видела?

— Я видела птицу, — ответила Эйлия, не понимая.

— Это не птица, это был *он*. Одна из его многих форм — птица с золотыми перьями. Такой больше в мире нет.

— Он? — переспросила Эйлия, чувствуя, как забирается в сердце страх.

— Царь-дракон. Иногда он вылетает из той дымной пещеры на склоне горы, приняв этот вид — облик золотой птицы. Мать мне говорила об этом, давным-давно, я еще девчонкой была. Это вроде как знак, он говорит, что нас всех видит. Если я когда-нибудь такую птицу увижу, говорила моя мать, я к ней отнесусь очень почтительно, потому что это он. Это значит, он вернулся!

Мысли у Эйлии завертелись вихрем. И она тоже уставилась вытаращенными глазами на птицу, улетающую за крыши, с глаз долой. Неужто это в самом деле был Мандрагор? Или просто местное суеверие?

— Этот царь-дракон, Маг, — объяснила она поспешно, — я думаю, что знаю, кто он. Там, откуда я родом, рассказывают историю о чернокнижнике — муже большой силы, который жил сотни лет назад. Он легко мог бы убедить людей, что он — бог, используя свои способности перекидываться и наводить морок. Если я права, то тогда ваш царь-дракон — не миф, а настоящий, и я боюсь, как бы он действительно не вернулся в Лоананмар. Он жил здесь когда-то, думаю, и однажды удалился, но о нем осталась память, и ваш народ продолжал его почитать. Я должна предостеречь вашего предводителя. Одно дело — посбрасывать его статуи, но с ним, если он пришел вернуть себе город, вам не воевать. Если ваш Смотрящий попытается противиться Морлину — то есть волшебнику, — его можно заранее считать мертвым...

— Нет! — Маг испугалась еще сильнее. — Ничего ему говорить нельзя! Браннион Дюрон — Смотрящий — на такие темы рассуждать не разрешает! Насчет магии и прочего в этом роде. Это Раду и его ни на что не гожим прихвостням я могу сказать, что я ведьма,

но Дюрону... да людей арестовывают и просто за слова, что они верят в богов, драконов, таинственные страны среди звезд. И тут уж не поможет плач, что ты из глухой деревни и законов наших не знаешь. Дюрон скажет, что ты его бабьими сказками пугаешь, и бросит тебя в тюрьму.

— Но все равно людей надо предупредить. Если Морлин вернулся, надо немедленно всем бежать.

— Дюрон скажет, что ты распускаешь ложные слухи и это надо прекратить. — Маг перешла на свистящий шепот. — Хочешь правду? Вот она: Смотрящий — тиран, ничуть не лучше всех тех, кто до него был. Много лет назад он перебил всех, кто смел выступать против него, и с тех пор всякого, кто выступит против его закона, уводят собиратели — и больше никто этих людей не видит. За ними приходят домой глубокой ночью, забирают, и никто не знает, что происходит с ними дальше. А собиратели знают, где ты живешь, Лиа.

Эйлия искренне удивилась.

— Но я же всего одна.

— Ты можешь у других вызвать ненужные мысли. Он не терпит ни малейших отклонений, послушай меня. Я думаю, он боится, что культ бога-дракона не умер, но живет где-то втайне. Старое жречество может восстать и свергнуть его.

Еще одна причина для Эйлии покинуть Лоананмар.

— Тогда, Маг, мне лучше уйти куда подальше, как только я выскажу свои предостережения.

Больше к этой теме не возвращались. Маг пожарила карпов и заварила горький зеленый чай, пока Эйлия обслуживала клиентов, а потом ее сменила Май, пока Эйлия ужинала. Она проголодалась и ела с жадностью и с удивлением обнаружила, что горячий чай создает ощущение прохлады и свежести. Пока она ужинала, солнца зашли в гущу багровых и пурпурных облаков, и наступили бирюзовые сумерки. Выглянув из заднего окна, девушка увидела, что замок на горе превратился в угрожающую тень, а вокруг его башен играют светящиеся многоцветные шары. Без сомнения, это были те самые «драконовы фонари» вроде того, который она уже видела. Они будто были сделаны из света или квинтэссенции: как яркие бесформенные эйдолоны, называемые блуждающими огнями, которые умеют призывать из Эфира опытные немереи для иллюминации. Не признаки ли это возвращения царя-дракона? На фоне темной глыбы замка были и другие огни, как горящие в ночи глаза: освещенные окна, десятки окон. Высоко на главной башне горел красный огонь, прямо под короной шпилей.

Маг тоже это заметила.

— Видишь? — спросила она, сжимая плечо Эйлии. — Кто-то снова поселился в Запретном Дворце.

Но внимание Эйлии переключилось на шум, исходящий с улиц: барабаны, похожие на грохот голосов. Шум рос, как разбухает река в половодье. Процессия, или что оно там было, приближалась.

— Это еще что? — спросила Эйлия у Маг и увидела, что лицо женщины искажено страхом.

— Они увидели драконовы фонари — те, кто еще верит. Теперь они принесут жертву — в искупление от гнева за годы небрежения. Такое бывало в давние дни. Жрецы храма выбирали девственницу — невесту дракона. Ее приводили на замковый холм, к царю-дракону, и если он был доволен жертвой, то посылал дождь на посевы. Понимаешь, Лиа? — Маг вскочила на ноги. — Он здесь — он вернулся! Иначе бы они никогда не осмелились на это. Правлению Смотрящего пришел конец!

Эйлия бросилась к двери. Во мраке горели факелы, стучали барабаны. Собирались зеваки, многие высовывались из окон и с балконов. Потом на глазах у Эйлии из-за угла на улицу вышел дракон.

Это было всего лишь изображение, имитация из ткани и бумаги, закрепленное на деревянной раме. Несли ее с дюжину выстроившихся цепочкой человек. Длинное цилиндрическое тело покрывала красно-золотая чешуя, от него отходила пара веерообразных крыльев из дерева и бумаги, а масса многоцветных лент обозначала гриву. Глазами служили два раскрашенных деревянных шара, вращающихся в орбитах. При виде головы, мотающейся из стороны в сторону и щелкающей деревянными челюстями, зашелся в крике какой-то ребенок. Потом дракон двинулся вперед на руках несущих его людей. А за ним шла процессия юных девушек, все в белых длинных платьях и в вуалях, сплетенных из похожих на лилии цветов.

— Девственные невесты, — сказала Маг, вглядываясь через плечо Эйлии. — О святые небеса, Лиа! Они придут за моей дочерью, за Май! Она красива и юна, и она до сих пор девственна. Она с ними пойдет и предложит себя, и я не посмею отказать — теперь, когда я знаю, что *он* вернулся. Надо было, оказывается, положить ее с тем мерзавцем! Тогда бы хотя бы *этого* можно было бы не бояться. — Маг со стоном заломила мозолистые руки. — *Он* вернулся, вернулся забрать свое царство, и эти бедные девушки — откуда им было знать? Они все думают, что это новый фестиваль, повод повеселиться, но *он* здесь, и он возьмет то, что ему предложено. И

он покарает всех неверующих — а если я спрячу свою дочь, он покарает *меня*...

Она замолчала, прижимая к губам дрожащие руки.

— Маг! — повернулась к ней Эйлия. — Я пойду посмотрю, что там происходит. Не бойся! В мире есть и другие силы, кроме царя-дракона, силы добра. Поверь мне, ты не отдана на его милость.

Но сама Эйлия, произнося эти слова, с грустью думала, стоит ли давать отчаявшейся женщине такие обещания.

Маг покачала головой.

— Лиа, с *богом* никто сражаться не может.

Эйлия набрала побольше воздуху.

— Но я клянусь тебе, что он — не бог. Он живое создание, смертное, он просто очень давно явился в ваш мир из другого мира.

— Откуда ты знаешь? — уставилась на нее женщина.

— Я — *знаю*. Я... я тебе не все рассказала, Маг. Есть вещи, о которых никто здесь, кроме меня, не знает. И с этим колдуном *надо* драться. — От этих слов укрепилась ее решимость. — Послушай, Маг. Я могу выдать себя за твою дочь, пойти к царю-дракону вместо нее...

— Нет.

Этот голос прозвучал у них за спиной. Там стояла юная Май с выражением экзальтации на лице, и темные глаза сверкали в свете факелов. — Я пойду с ними, с другими девушками. Я не боюсь! Я верю в доброту царя-дракона! Он вернулся избавить нас от нашей тяжелой жизни и покарать таких, как Рад и Смотрящий. — В лице ее читались вера и любовь. — Когда я была маленькой, я все мечтала, как чудесно будет, когда он вернется и все снова станет как надо.

Маг попыталась что-то сказать, но только всхлипнула и закрыла лицо руками. Эйлия сказала:

— И я пойду с тобой, Май. Я тоже девственница. Она хотя бы будет не одна, Маг.

Женщина ничего не сказала. Май подошла к матери, поцеловала ее в лоб и выскользнула на забитую людьми улицу.

Маг вскрикнула и поймала Эйлию за руку.

— Да-да, Лиа, — иди с нею! У тебя же есть сила, дар — вроде моего, да? Я же чувствовала его. Не знаю, кто ты и зачем ты пришла, но если ты хоть что-то можешь сделать...

Эйлия погладила ее натруженную руку.

— Обещаю, я сделаю все, что смогу. А ты присмотришь за Твидджиком? Кто-то же должен вместо меня.

И она осторожно отняла руку и выбежала вслед за Май.

* * *

Храм уже не был заброшен: он сиял огнями и был полон молодых девушек от двенадцати до двадцати лет, облаченных в вуали и белые платья. Эйлия, вспомнив то, что узнала про Лоананмар, усомнилась, что все они девственницы. Слушая их возбужденную болтовню, она подумала, что Маг была права, и люди считают все это лишь безобидным уличным фестивалем. Она поискала глазами Май и увидела ее, стоящую одиноко возле священного бассейна и пожирающую глазами идола. Несколько стариков в грязных мантиях с вышивкой, изображающей дракона, умащали каменные стопы изваяния и бормотали песнопения, в которых Эйлия отчетливо услышала много раз повторяемое имя Морлина. Она повернулась и вслед за хохочущими девицами вошла в комнату слева от святилища, где пожилая женщина раздавала вуали и белые платья. Смотрящий был прав в своем подозрении, что культ дракона жив. Явно, что этой ночи предшествовали обширные и тайные приготовления. Эйлия вместе с другими девушками разделась до белья, потом взяла предложенный длинный наряд и послушно натянула его через голову.

В храме ударил гонг, и другая группа жрецов вывела девушек, уже в платьях и вуалях. Эйлия пристроилась в хвост процессии. Они двинулись по улицам, мимо толп зевак, и наконец догнали группу, идущую за бумажным драконом. Некоторые из девушек начали петь и плясать. Все дальше и дальше шел этот странный парад по главным улицам, потом прочь из города, в царство горячих источников и булькающих грязевых луж. Процессия подошла к самому подножию вулканического холма, все глаза поднялись к горящему огнями замку, и жрецы велели остановиться. Смех и болтовня стихли. Девушки в саваноподобных одеяниях заволновались, сбиваясь в кучки. Май вопреки своим прежним словам явно оробела, и глаза ее больше не сияли. Она стояла тихо рядом с Эйлией и потянулась взять ее за руку.

— А что теперь будет? — шепнула она. — Теперь придет — *он?*

— Не знаю, — ответила Эйлия. — Держись ко мне поближе.

— Услышьте! — Пожилой жрец в мантии с изображением дракона вышел вперед и обернулся к девушкам. — Наш господин вернулся с небес сокрушить неверных и снова воцариться над миром. Одна из вас станет в эту ночь невестой дракона! — провозгласил он. — Всю жизнь будет она связана с ним и никогда не станет невестою смертного! Не сомневайтесь, что это честь, счастливый жребий, недоступный большинству женщин.

Послышалось несколько сдавленных смешков, но большинство девушек промолчали.

Эйлия слушала с отвращением. Какой ужасный ритуал будет здесь исполнен? Она посмотрела на дымящееся жерло пещеры в холме. Неужто там прячется Мандрагор в образе дракона, ожидая, быть может, этого предложения жертвы? И что он станет делать?

Тут ухо ее резанул пронзительный визг, и рука выдернулась из ее руки.

Жрецы обступили Май, наложили на нее свои унизанные перстнями руки. На глазах у Эйлии они сорвали с нее вуаль. Май в паническом страхе извивалась, стараясь вырваться.

— Лиа! Лиа! — кричала она.

— Стойте! — крикнула Эйлия. — Возьмите меня вместо нее!

Верховный жрец глянул на нее сверху вниз и презрительно фыркнул.

— Тебя? Да тут и посмотреть не на что. Он тебя не захочет. Иди домой вместе с ними со всеми, наш выбор сделан.

Девушки побежали обратно, как вспуганные овечки, бледные фигуры тут же исчезли во мраке за кругом света от факелов. Май стояла недвижно, только грудь у нее часто-часто вздымалась и опускалась, как у пойманной птицы. И она не сводила глаз с Эйлии.

— Давайте я с ней пойду, — предложила Эйлия. — Что плохого будет, если предложить ему две жертвы вместо одной?

Мужчины переглянулись и пожали плечами.

— Если хочешь, — бросил верховный жрец и дал ей бумажный фонарь. — Идите. Он вас ждет в пещере.

Эйлия и Май медленно двинулись вверх по каменистой тропе, ведущей ко входу в пещеру. «Действительно, как в пасть огненного дракона», — подумала Эйлия и не смогла подавить растущий ужас. Она подняла глаза на стоящую на вершине крепость. Огромная твердыня выглядела отсюда еще внушительнее, будто нависая над девушками. Зубчатая стена с башнями и барбаканами могла бы сама отпугнуть любых атакующих, но были еще на стенах каменные драконы, безмолвно ревущие раскрытыми пастями. И напоминали они статуи драконов на разрушенных стенах Халдариона на Мере.

Впереди зиял вход в пещеру, и Май подалась назад. Эйлия, взяв ее за руку, шагнула вперед. Туман скрыл ее лицо, и слабый свет не в силах был далеко отогнать окружающую тьму. Подняв фонарь повыше, Эйлия пошла по грубо выбитому в скале туннелю, уходящему вниз, в сердце потухшего вулкана. Май шла за ней, боясь отстать. Чем ниже, тем жарче становилось в туннеле — может быть,

вулкан все-таки не до конца потух? Мысль эта не успокаивала. Эйлии уже мерещились бурлящие озера лавы под ногами... но вскоре наклон уменьшился, и туннель стал почти горизонтальным. Девушки вышли на открытое пространство, в естественный зал. Там было очень тепло и сыро, и камни блестели в свете фонаря не только от влажности: они все были покрыты кристаллами, как внутренность огромного жеода. Может быть, эти кристаллы способствуют чародейским силам Мандрагора?

В противоположной стене открывался другой туннель.

От воды, наполовину заполнявшей каверну, поднимался пар. Значит, это что-то вроде естественной камеры, и вода нагревается теплом из глубин вулкана. Хотя пар от воды шел, она не бурлила — Эйлия предположила, что она не будет обжигающе горячей — как ванна. Она знала, что драконы любят такие естественные котлы и могут валяться в них целыми часами, если не днями. Не прячется ли здесь царь-дракон, скрываясь в густом пару?

Вдруг Май ахнула и вцепилась в руку Эйлии. Кто-то или что-то двигалось по противоположному туннелю. В глубине его показался свет лампы, и появился человек. Он был одет в мантию с драконом, как жрецы, но мантия была чистой и вышитой золотом. Человек был очень высок, длинные черные волосы сколоты золотой заколкой, и видны были изящные патрицианские черты лица. Он сразу напомнил Эйлии статуи из развалин в джунглях: несколько ухудшенный вариант, быть может, но все же можно было узнать лоанея.

Человек оценивающим взглядом посмотрел на Май, полные губы чуть искривились в улыбке. Она задрожала, когда он пошел к ним, обходя дымящийся бассейн.

Человек улыбнулся шире.

— Милости просим! Давно уже ожидается это приношение, как и кара для тех, кто не веровал. — Он протянул свободную руку и тронул Май за щеку. Девушка сжалась и отпрянула, глаза ее вылезали из орбит, но она молчала. Человек повернулся и нахмурился, глядя на Эйлию. — А ты кто и зачем здесь?

— Меня зовут Лиа. А это — моя подруга Май. Я просила, чтобы меня отпустили с нею, — объяснила Эйлия под взглядом внимательных глаз из-под приподнятых бровей.

— Вот так так! Что ж, ты сможешь, я думаю, быть при ней служанкой. А теперь пойдемте со мной.

Он показал рукой дорогу, и Май двинулась было, повинуясь, но Эйлия осталась на месте.

— С тобой? Не понимаю. Нас прислали как невест царю-дракону. Почему он не пришел за нами?

— Невест! — рассмеялся он. — Так, значит, вас называют — но это всего лишь формальность. Вряд ли у нас будет для вас время. Я вас отведу ко двору царя, и если никто из придворных никого из вас не выберет, то вернетесь в городской храм жрицами.

У него не было достаточной немерейской силы: адепт чародейства уже прозрел бы маскировку Эйлии. Она сделала глубокий вдох, собирая свою силу, и пошла за ним и за Май.

Туннель, по которому их вели, был очень похож на первый: грубо вырубленный в скале и узкий. Но в конце его оказалась деревянная дверь, окованная медью, а за ней — каменный проход, широкий и освещенный. С алыми коврами на полу. Эйлия и Май шли за человеком в мантии по многочисленным коридорам, и наконец сверху послышались музыка и смех — из высоких резных дверей.

Напротив дверей и, очевидно, расположенного за ними просторного зала оказалась приемная, очень похожая на приемную в Халмирионе. Здесь девушек встретили служанки и заставили переодеться в красные мантии с просторными висячими рукавами, а вуали тоже сняли и заменили тяжелым убором из лент красной ткани, вышитых, как и мантии, золотыми драконами.

— Но нам ничего не видно! — возразила Эйлия, когда ей на голову надели этот убор. — Мы же не видим, куда идти!

— Вас поведут за руку. Вам не положено до времени смотреть на божественную сущность.

Что ж, подумала Эйлия, зато не придется тратить силы на поддержание иллюзии, раз лица не видно. Мандрагор не учует от нее волшебства, пока не станет слишком поздно.

Служанки вывели их из приемной, держа за руки и за локти. Эйлия услышала звук открываемой двери.

— Войдите и приблизьтесь к трону дракона, — кратко проинструктировал служанок лоаней.

Девушки пошли на ощупь, ощущая ногами мягкость толстого ковра. Глянув вниз, Эйлия увидела, что он такой же алый, как ее мантия, с золотыми узорами. Зал, наверное, был огромный: они довольно долго шли, очевидно, по центральному проходу, и если судить по голосам, народу здесь собралась не одна сотня.

Служанки шепотом велели девушкам остановиться и стоять тихо. Эйлия и Май повиновались. Эйлия чувствовала, как растет в ней напряжение. Здесь ли Мандрагор? Стоит ли попытаться его ощутить, или это значит слишком рано предупредить его о себе?

— Новая невеста, ваше величество, — сказал сзади лоаней подобострастным голосом.

С возвышения раздался глубокий бас, и Эйлия вздрогнула узнав его обладателя.

— Мне кажется, я вижу двух, — произнес он. — Меня глаза обманывают, Эррон, или же я вижу *двух* женщин, когда ты объявляешь об одной?

Человек нагнулся и сорвал с девушек вуали — Эйлия быстро вернула иллюзию на место.

— Избранная невеста — вот эта дева по имени Май. Ее спутница, Лиа, также взыскует чести предстать перед вашим величеством. Если вашему величеству она неугодна, она может быть служанкой.

Эйлия и Май огляделись. Тронный зал был исполнен в темно-зеленом мраморе и освещен огромными лампами, свисающими с потолка на золотых цепях. Вокруг колонн, поддерживающих свод, вились облицованные золотом драконы, и красные рубиновые глаза будто готовы были сжечь стоящих внизу людей. Алый ковер тянулся по центральному проходу и всходил на помост. На помосте стоял трон, тоже золотой, сделанный в подобие четырех драконов — два составляли подлокотники и два встали на дыбы спинкой трона. Это была имитация императорского трона дракона — возможно, в знак того, что лоанеи считают себя истинными наследниками императора. За троном в стене находилась дверь, завешенная тяжелыми красными портьерами. Стоявшие вокруг трона люди в роскошных мантиях оглянулись на двух девушек. Они, как и тот лоаней, были высоки и изящны, с тонкими резными чертами лиц.

Но глаза Эйлии смотрели на того, кто занимал трон.

Мандрагор был великолепен в царских регалиях — черный шелк тоги с широкими рукавами под красной мантией, стекавшей с трона и лежащей у его подножия озером крови. И тога, и мантия были покрыты узором из вышитых золотом драконов, а на голове Мандрагора возлежала золотая корона в форме рубиноглазой змеи, кусающей свой хвост.

Мандрагор не смотрел на Май. Он не сводил глаз с Эйлии, и золотистый взгляд пронизывал ее насквозь; она ощутила, как он проникает через наложенную иллюзию, как солнечные копья сквозь утреннюю дымку. Он резко поднялся, высокий и прямой, глядя ей прямо в глаза. Рубин блеснул на нее огнем, будто вызов. Мандрагор тут же, не говоря ни слова, повернулся и вышел сквозь портьеры за троном.

Отбросив маскировочную иллюзию, отшвырнув служанок одним взрывом силы, Эйлия вспрыгнула на помост и устремилась за ним.

17
Логово дракона

— О бог стекла! Услышь нашу мольбу! — Загорелый юноша-жрец склонился в почтительном поклоне, и венок из лесных цветов качнулся. Перед жрецом стоял магический кристалл, все еще закрепленный на обломке консоли утонувшего звездного корабля, и кристалл тускло блестел в свете факелов, высоко поднятых вокруг него. — Хорош ли будет наш улов, о дух стекла? Одарит ли нас своей щедростью царь-дракон, что властвует над водами? Будут ли грозить нам орки или морские змеи?

Кристалл заиграл, и в нем замелькали сети, полные рыбы. Жрец простерся ниц на песчаном берегу.

Жители рыбацкой деревушки, замершие в почтительных позах, абсолютно не заметили появления у себя за спиной Аурона и Талиры. Лоанан и т'кири были в людском обличье, одеты просто и внимания не привлекали. У них на глазах жрец отвесил еще один поклон, а потом народ встал, женщины, дети и старики двинулись к хижинам, где горели лампы, а мужчины взяли сети и пошли к утлым лодкам.

— Ну, Аурон! — шепнула Талира, как только лодки вышли за внешний риф. — Все уплыли.

Опекуны подошли к шару.

— Говори! — приказала Талира. — Что стало с твоей пассажиркой, оракул? Жива она или погибла в крушении звездного корабля?

Сфера не ответила.

— Бесполезно, — сказал Аурон. — Сила внутри этого кристалла подчиняется законам архонов. Она не может шпионить ни за каким существом, ни для какой цели.

— Это не шпионство! — взорвалась Талира. — Это дело жизни и смерти! Она могла утонуть или попасть в плен! — Огненная птица повернулась к Аурону. — Ладно, так что нам делать? Потянуться к ней силой, связаться с ней ментально мы не можем — *он* или кто-нибудь из его прислужников может нас услы-

шать. И если она скрывается, мы ее выдадим Мандрагору. Она откликнется, ощутив наше присутствие, позовет нас, и тогда он ее схватит.

— Значит, надо просто ее искать. Можем посмотреть вдоль берега и попытаться взять след по запаху. Она должна была выбраться на берег невдалеке от места крушения.

— Аурон! — Голос Талиры слегка дрогнул. — Мы не знаем, выбралась ли она на берег.

Аурон повернулся к хрустальному шару.

— Хоть это ты можешь нам сказать, эйдолон? Жива она? Засветись, если да!

В шаре что-то мелькнуло, потом, после паузы, когда у обоих опекунов замерло сердце, хрусталь наполнился чистым сиянием.

Они оба покинули берег и деревню и направились к Фалаару, который ждал их в джунглях. Талира снова перекинулась птицей. В сумерках ее перья засветились, как у герсинии, — ярким пламенем.

— Надо спешить! — пронзительно крикнула она, взмахивая крыльями. — Я точно чувствую, что ей грозит страшная опасность!

Огромная голова Фалаара чуть наклонилась.

— Я не хотел бы, чтобы с ней что-нибудь случилось. От Камня будет мало проку без руки, что его держит.

— Камень и только Камень! — заверещала Талира. — Ты только об этом и думаешь? У тебя чувства есть, ты, здоровенная недостойная тварь?

— Друзья, прекратите! Нам нужно срочно найти Эйлию, — прервал их дракон. — Этот мир полон опасностей, и наше превращение могло насторожить Мандрагора. Он к волшебству очень чуток. Немедленно надо идти в этот город!

— То есть ты веруешь, что ее высочество именно там? — спросил Фалаар, будто не замечая все еще злящуюся птицу.

— Я на это надеюсь. Поскольку она еще жива, а будучи человеком — хотя бы отчасти, — она, естественно, будет искать защиты у своего рода, а не прятаться в джунглях.

— Снова, значит, принимать людской облик, — вздохнула Талира. — Как же мне это надоело! Но показываться в истинном виде я не могу: меня тут же пристрелят на суп или ради перьев.

— Я вообще не могу менять облик, — неохотно признался херувим. — Нет у меня этого искусства.

— Значит, тебе придется пока остаться здесь, в джунглях, — решил Аурон. — Мы тебя позовем, если нужна будет твоя помощь.

* * *

Эйлия бежала по винтовой лестнице в узком каменном колодце. Мандрагора она не видела, но слышала сверху звук его шагов. Он не убегал — не ощущалось от него страха, и убежать он мог бы проще, воспользовавшись волшебством. Он как будто хотел, чтобы она шла за ним. Но куда? В какую-то западню?

Эта мысль заставила ее замедлить бег. Но пока она обдумывала, мудро ли поступает, показался последний поворот каменных ступеней, и над головой появились луна и звезды. Эйлия вынырнула из витков лестницы на широкую площадку наверху башни, окруженную четырьмя остроконечными шпилями. Это была она — башня из ее видений. И он стоял здесь — у дальнего края. Он не стал принимать облик дракона, не стал искать спасения в воздухе. Он просто стоял, прислонившись спиной к парапету, и ждал, пока она подойдет на десять шагов. И тогда заговорил.

— Надоело мне бегать от немереев. Здесь мой дом, и на этот раз я его намерен защищать.

Эйлия остановилась. Она забыла невероятную мощь голоса Мандрагора, и его глубокое звучание напомнило ей бронзовый гонг.

«Он не должен знать, что я боюсь, — напомнила она себе. — Как бы я ни боялась, нельзя, чтобы он понял».

— Так что если желаешь — бейся со мной. Я слышал, что твои силы очень хорошо отшлифовали и развили лоананы. Это для тебя хорошо, если ты все так же привередлива, как была. Теперь ты можешь убивать, не пачкая рук и не рискуя собственным здоровьем.

Он пытался заставить ее напасть первой. Теперь она ощущала исходящую от него злость — и страх тоже. Под его безмятежным обликом кипела смесь эмоций, которая могла взорваться насилием от малейшей искры. Сюда он пришел драться за свою жизнь, выбрал это место для поединка. И сцена перед глазами Эйлии была очень похожа на одно из ее видений. Не было ли такого же видения и у него?

— Я не хочу биться с тобой, Мандрагор, — ответила она. Ощущались ли ее опасения в голосе, в позе? Она вспомнила Дамиона, своих друзей, и голос ее стал тверже. — Но я не хочу, чтобы и дальше люди умирали ради этого пророчества — если это действительно пророчество. Если должен быть бой, то пусть в нем будем только мы двое, и не надо приносить в жертву целые армии и тысячи невинных жизней.

Он помолчал, и она ощутила исходящую от него неуверенность — будто он совсем не тех слов ожидал от нее. И еще одно она ощутила: знакомую, мучительную ноту противоречия. Он страдает? И тут же до нее дошло, что это. Кто-то каким-то образом ранил его железом, и это его ослабило, притупило его колдовскую силу. Теперь она может его победить. У нее есть кольцо и магическое умение его использовать: вызвать из глубин синего самоцвета спящию там энергию, разорвать стену, отделяющую материю от Эфира, а образовавшийся взрыв направить на него. От этой мысли радостно и гордо защемило в груди — ощущением силы. Но Эйлия подавила восторг — ей стало очень неприятно. Она не за этим пришла.

Но было поздно: он прочел мысли на ее лице, и собственные его черты стали еще холоднее.

— Наверное, я должен был упомянуть, что твои друзья сейчас у меня в руках — точнее, в руках у Халазара, что то же самое. Приказать, чтобы их убили, — дело одной секунды. Ты сможешь убить меня достаточно быстро, чтобы этого не случилось? Станем ли мы проверять?

Она чуть не рухнула от такого удара, но усилием воли удержалась на ногах. Дамион и остальные — в плену! Правда ли это? Или он опять лжет?

И снова он прочел ее реакцию.

— Значит, мы в тупике. Разве что жизнь твоих друзей — приемлемая цена за мою голову.

— Но почему, Мандрагор? — спросила она наконец. — Что мы тебе сделали?

— Я бы мог задать тот же вопрос лоананам и всем немереям, — ответил он. — Что сделал я, чтобы меня гнали по всему космосу, как волка? И когда наконец я нашел себе дом, далеко от их драгоценной Империи и ее народов, — почему же они меня опять преследуют?

Праведное возмущение помогло Эйлии справиться с собой.

— Ты обманул здешних людей — заставил их верить, что ты — бог! И когда они тебя отвергли, ты снова прилетел обратить их в рабство! И ты думаешь, немереи такое допустят?

Он поднял руку.

— Одну минуту! Я полагаю, ты пребываешь в заблуждении, принцесса. Я вернулся сюда, потому что здесь — мой дом. Я ничего не хочу от людей Лоананмара: не я придумал эту нелепую религию, но они.

— Но ты позволил им почитать тебя как бога — они построили в твою честь храм...

— Что ж тут такого? Людям надо кому-то поклоняться, это в их природе. Этот замок построен на вулкане, где было ранее священное место. Когда я прилетел сюда впервые — это было еще задолго до строительства замка, — я стал жить в глубокой пещере. Люди видели иногда меня в драконьем облике, и это напомнило им их прежних хозяев-лоанеев, и в их воображении я занял место бывшей богини вулкана. Обожествление — это не по моей части

— Но невесты...

— Новая версия старого обряда: девственницы для вулкана, человеческие жертвы, которые предки этих людей бросали живьем в кальдеры как приношение своей богине Элнеморе. Только теперь невесты не отдают жизнь, а просто предстают передо мной — раз в год, как в старые времена, чтобы обеспечить дожди и всходы. Только теперь, разумеется, их бог действительно может выполнить просьбы смертных.

Они теперь настороженно кружили друг около друга.

— А эти бедные девушки? — спросила она. — Что ты с ними делал?

Только бы он дал ей причину его ненавидеть — пусть признается в какой-нибудь отвратительной жестокости или варварстве, чтобы она могла заставить себя нанести ему удар, убить... Но он лишь пожал плечами.

— Это было не более чем символическое объединение. После обряда невесты становились весталками в моем храме. Причин вмешиваться я не видел. В конце концов, я не так уж сильно отличаюсь от бога: я далек, равнодушен, вижу все, но в их жизни не участвую. Пусть поклоняются мне, если хотят, — это не такой злобный культ, как поклонение вулкану. И чем это хуже арайнийского культа, который сложился вокруг тебя? Ты же не веришь в эту чушь фанатиков, будто ты — дочь богини?

Она не могла отрицать это, глядя ему в глаза. Он вернул ей ее обвинение.

— Но я не требую жертв, — возразила она, и даже самой ей это возражение показалось слишком слабым.

Он невесело рассмеялся:

— Не придирайся к мелочам. Ты тоже строишь из себя богиню, Трина Лиа. Хотя отметим справедливости ради, что тебя при обожествлении спрашивали не больше, чем меня. Ты не природное существо, но результат хитрых планов архонов — как и я. Твоя мать из архонов действительно любила твоего отца или просто вос-

пользовалась им, чтобы создать тебя? Уж если говорить правду, то даже моругеи больше люди, чем ты, Трина Лиа. Пусть я чудовище, но и ты тоже.

Она молчала. Он же, увидев, что стрела попала в цель, добавил:

— А насчет твоего заклятого архонского самоцвета — ты понимаешь, что это за Камень Звезд? Ты же знаешь, кто им владел до тебя: сам темный бог!

Эйлия поежилась, но не отвела глаз.

— Я думала, ты не веришь, что Валдур был богом.

— Я и не верю. Я только верю, что в легенде о падении Валдура есть какая-то крупица правды. И вот эта архонская погремушка — не привязала ли она тебя к жизни, которую ты не выбирала? Должен сознаться, что, когда я услышал о твоем бегстве от опекунов, подумал было, что ты взбунтовалась и вернула себе свободу. Но нет, ты лишь прилетела выполнить свой долг! — Голос его стал резким, желчным. — И как только ты его выполнишь, тут же полетишь обратно в свою тюрьму-дворец, к Камню, жаждая скорее вернуться в рабство.

Надо было отбросить неприязнь к насилию и напасть на него сразу же, поняла Эйлия. А сейчас было поздно. Его слова проникли ей в душу, отразили ее самые глубокие мысли, и она не могла не слушать.

— Ты помнишь иллюзию, которую я для тебя навел? — продолжал он бить в ту же точку. — Я хотел, честно говоря, вернуть тебя на Меру. Ты бы пошла в монастырь, как собиралась, провела бы счастливую и полезную жизнь в скрипториуме и библиотеке. Но сейчас уже поздно. Ты уже не та Эйлия, и к прежнему существованию тебе не вернуться никогда. Разве это не так? — У него это выглядело невосполнимой утратой. — Да, я все об этом знаю, спасибо Синдре, которая слышала больше, чем ты думала.

— Если ты все это знаешь, зачем спрашивать? — только и нашлась она сказать.

— Я хочу, чтобы ты сама себе призналась в своих чувствах, вслух. Эйлия, я не могу отослать тебя обратно, в твой дом, на остров. Та жизнь окончена. Но я могу тебе предложить другое. Останься со мной, с другими лоанеями. Мы тебя примем как равную, позволим тебе быть собой. — Золотые глаза смотрели на нее не отрываясь. — Три дня. Дай мне этот срок, чтобы тебя убедить. А ты можешь попытаться убедить меня, что права ты. Мы будем вести себя очень цивилизованно, а потом, — он шагнул к ней, — потом, если никто из нас не убедит другого, мы вернемся на эту башню и закончим то, что оставили незавершенным.

Она знала, что за три дня он станет чуть сильнее, более боеспособен. Но он предлагал ей именно то, зачем она прилетела на Немору: возможность просить, спорить, уговаривать, договариваться. И может быть, обойдется без применения ее новообретенных умений: ранить и убивать. Перед мысленным взором Эйлии встало лицо старой Аны, послышалось сожаление, прозвучавшее в ее голосе, когда она говорила о спасенном младенце. Она побуждала тогда Эйлию не поддаваться ослабляющему сочувствию, но сейчас — как можно получить предложение мира и не принять его? И если вспомнить о ее друзьях в Зимбуре...

Она ответила на огненный взгляд золотых глаз.

— Согласна, — сказала она. — Но с одним условием.

Глаза подозрительно сощурились.

— Каким же?

— Та девушка, что была прислана сюда со мною, Май. Пусть ее отошлют домой.

Лицо Мандрагора осталось безразличным.

— Невеста? Мне она не нужна, она вольна идти. Как и ты, кстати. Никто не станет удерживать тебя здесь против твоей воли. Позови своих опекунов, если хочешь, и лети с ними домой. Подраться мы всегда успеем.

— Я останусь здесь, — сказала она.

— Очень хорошо. — Вдруг его тон стал очень любезным. — Но сейчас поздно, и ты устала. Я велю лоанеям приготовить тебе комнату.

Люди-слуги провели ее в большие роскошные апартаменты с узорным лепным потолком и золоченой мебелью. Очевидно, лоанеи тайно восстанавливали прежнюю роскошь дворца. Ноющие ноги с наслаждением погрузились в мягкость алого ковра. Сквозь открытую дверь была видна спальня, кровать, завешенная тончайшими занавесками от насекомых. Другая дверь вела в ванную с мраморной ванной, утопленной в пол. Вдоль стен висели гобелены; от ваз, наполненных цветами, шел тяжелый густой аромат. Безмолвно танцевала в стенной нише алебастровая статуя нимфы. Стояли флаконы с ароматическими мазями, духами, золоченые гребни и щетки, шкатулка, до краев полная брошей и ожерелий.

Окна выходили во внутренний двор, прогулочный садик, усаженный папоротниками и цветущими деревьями.

Но Эйлия вопреки роскоши обстановки держалась настороженно и испуганно. Если к концу своего пребывания она не сможет переманить его на свою сторону, то будет смертельный поеди-

нок. И видение, которое у нее было, все еще может сбыться, она не смогла обойти его. Вынув из ножен серебряный кинжал Дамиона, она села, не отводя взгляд от лезвия. С ним она сегодня будет спать.

В окна что-то застучало, и Эйлия подняла глаза, вздрогнув. Стекла блестели и отсвечивали, небо посерело. Очевидно, Мандрагор решил вознаградить дождем приношение невесты.

— Невероятно. Она прилетела не вызвать меня на поединок, а ответить на мое предложение о переговорах. Она знает теперь, что оно было неискренним, но все равно пытается заключить соглашение. Воззвать к лучшим сторонам моей натуры!

Принц вернулся в тронный зал и собрал советников. Эфирные образы царя Роглага и регента Омбара также плавали перед ним в воздухе — они оба вернулись на родную планету. Роглаг при последних словах Мандрагора заржал было и тут же поперхнулся от взгляда золотых глаз дракона-оборотня.

— Как ты мог оставить ее в живых? — резко спросил черноволосый лоанец, который приводил невест. — Сама Трина Лиа! Разве не ты, принц, говорил нам, что она опасна? Это же безумие, беспечность! Она уничтожит нас всех!

— Ей до тебя нет дела. И это ты, Эррон Комора, привел ее в крепость — привел прямо ко мне! — Мандрагор говорил резко, со змеиным шипением, как бывало лишь тогда, когда он гневался всерьез. — Так кто же из нас беспечен? Или ты все это время знал, кто она, и привел ее, чтобы она меня убила?

Эррон побледнел.

— Ваше величество, клянусь, я не знал, кто она! Она слишком хорошо замаскировалась.

— Еще не поздно ее убить, — прозвучал голос от двери. Там стояла Синдра Волхв, одетая в длинное зеленое платье лоанейской работы, и темные волосы спадали ей на плечи. — Передумайте, принц, и избавьтесь раз и навсегда от этой угрозы.

Призрачные глаза Наугры смотрели на Мандрагора.

— Послушай ее, принц. Это случай, дар судьбы. Ты должен убить Трину Лиа, если хочешь быть нашей аватарой и пользоваться защитой Омбара.

Мандрагор резко встал с трона.

— Я обдумаю этот вопрос и сообщу вам свое решение.

Образ Наугры потускнел и растаял, но образ Роглага остался. Мандрагор подошел к ближайшему окну, открыл его и постоял, глядя вдаль.

— И что ты будешь делать? — спросил Роглаг.

Принц не ответил. Призвав свою магию, он начал превращение. Через миг с ковра поднялась яркая птица и вылетела из окна наружу.

Золотая птица — это была его привычная старая форма, не скопированная ни с одного реального пернатого, но изобретенная им самим, когда он впервые занялся переменой облика. В полете она была быстрее сокола, крик ее был пронзителен и мощен, он поднимался и падал, как волчий вой: услышав эту предупреждающую ноту, другие крылатые существа старались держаться подальше. Несколькими взмахами золотых крыльев Мандрагор взлетел на зубцы стены, паря на столбе горячего воздуха от кипящих ключей. Перед ним раскинулся город, и огни его сияли даже в этот поздний час. В центре горел огнями храм, будто огромный каменный фонарь.

Мандрагор вспомнил время, когда не было внизу на земле света, кроме считанных сальных свеч в глиняных хижинах вдоль реки. Лоанеи не взяли с собой своих рабов, когда лоананы прогнали их из этого мира, и со временем потомки освобожденных размножились и укрепились. Он нашел их, когда прилетел искать их ушедших хозяев, и тогда объявил пещеру на холме своим домом. Медленно и неудержимо росло у него на глазах человеческое поселение, отодвигая джунгли и загрязняя реку. Когда, по его мнению, их стало слишком много, он напал на поселок в облике дракона, распугал скотину, испортил погоду так, что посевы сельчан попеременно сек град и сушил суховей. Но со временем люди пришли снова; их манила золотоносная река и плодородная вулканическая почва. Снова и снова он нападал на них, и всегда они со временем возвращались.

Однажды небольшая группа их принесла прямо ко входу пещеры убитую козу. Он с презрением наблюдал за ними, прикинувшись ящерицей на ближайшем камне. Он знал, что так они убивали крылатых змеев, подбрасывая отравленную приманку. Неужто они считают его тупым животным, которое попадется на этот трюк? Но через несколько часов он заметил, что кокатриксы, пировавшие на трупе, остались невредимы. Значит, эта коза была честно принесена в дар? Или как подкуп? Или... и тут его осенило, что это: жертвоприношение в его честь, дабы умилостивить его. Наверное, есть у них смутные воспоминания о страшном народе драконов, которых почитали предки. Было что-то жалкое в этом жесте мольбы, и хотя в ту же ночь он снова напал на поселок, сделал он это без усердия, нанеся на этот раз только мелкий вред.

Но за долгие годы изгнания он позабыл, как упорны бывают люди. А они, увидев, что их приношение с презрением отвергнуто, послали другую делегацию, и эта уже несла кучу безделушек кованого золота и драгоценные камни. Это его привлекло куда больше мяса — соблазнительная и лучистая сила. Он наконец покинул пещеру, не в силах противиться искушению, собрал драгоценности и унес к себе в логово. С этого дня он больше не предпринимал набегов на деревню, и она расцвела, разрослась в огромный город.

Вот так и возник этот любопытный культ. Подношения шли, и через некоторое время у Мандрагора пропало отвращение к людям, и их присутствие даже его развлекало. Он глядел, как ширится этот поселок, иногда даже навещал его в облике человека. И это чуть не стало для него роковой ошибкой. Он увлекся человеческой женщиной, юной весталкой своего же храма, и открылся ей. Тайно от Мандрагора город посетил лоанан в человеческом обличье, обнаружил этот культ и заподозрил, что его основатель — лоаней. Лоананом был имперский дракон Аурон, посланный Орбионом собрать известия о принце Морлине по всем мирам. Еще тогда он стремился защитить Трину Лиа, до рождения которой еще должны были пройти столетия, выискивая ее нареченного врага. Аурон бросил Мандрагору вызов, и тому пришлось бежать. С тех самых пор Мандрагор лелеял жестокую ненависть к Аурону за изгнание из дома. В отчаянии он бросился искать убежище среди сторонников Валдура в мире Омбара, куда никогда не залетали лоананы. И на многие годы ему пришлось там остаться.

Золотая птица спланировала к окну Эйлии, как влетела когда-то в окно башни Халазара в свою первую ночь в Зимбуре. Сев на край подоконника, Мандрагор застыл, глядя внутрь. Окно было открыто, как и все окна замка в эту жаркую ночь. Мандрагор спорхнул на пол и вернулся в человеческий облик. Звук его шагов, когда он шел к кровати, поглощал ковер. Одной рукой он раздвинул газовые занавески и стал глядеть на спящую.

Эйлия лежала, наполовину укрывшись атласной простыней, лицом вверх, в совершенно беззащитной позе. Тонкая рубашка, надетая на нее служанками, не закрывала худые руки и шею, и с закрытыми глазами она казалась неожиданно уязвимой. Грудь медленно поднималась и опускалась под легкой простыней. Убить ее было бы делом одного мгновения — она даже сама давала ему в руки оружие. Серебряный кинжал лежал на подушке, выпав из ее пальцев. Мандрагор осторожно взял его, взвесил на руке. Бедная Эйлия. Она допустила роковую ошибку, слушая своего врага, же-

лая перемирия. Будь она умнее, она бы попыталась убить его на месте.

Он снова глянул на фигуру спящей, желая, чтобы она пошевелилась, чтобы затрепетали веки, чтобы она что-то пробормотала, оказалась на грани пробуждения. Как легко было бы тогда пустить в дело нож! Увидев его над собой, она бы наверняка напала, защищая себя внушительной силой, которой владеет. Он бы вполне имел право обороняться. Но Эйлия спала беспробудным сном, спала как мертвая, если не считать тихо вздымающейся и опускающейся под одеялом груди. Она дышала медленно, ровно, мирно и не шевелилась. И лицо ее было спокойным и бледным, лишенным выражения, даже не трепетали густые ресницы в мимолетном сновидении. Вдруг она показалась ему ребенком — будто сон вернул ей детскую невинность. Мандрагор стоял как вкопанный, глядя на нее.

Потом он медленно положил кинжал обратно и неслышно направился к окну. «Она сделала мою победу слишком легкой! Просто бросила ее мне на колени. И зачем, на самом-то деле, мне убивать эту девочку? Не ее я опасаюсь. Я слушал, что говорила о ней Синдра, и не подумал почему-то, что рисуемый ею образ Трины Лиа искажен ненавистью и завистью. Эйлия не жаждет власти и господства, она всего лишь беспомощная пешка в играх архонов, лоананов и немереев. Мои истинные враги — это они».

Он мог бы надеяться победить любых других врагов, не прибегая к волшебству. Раса его матери была необычайно высокой и сильной, и он несчетные годы потратил на развитие своих физических возможностей. Он мог стрелять из лука или фехтовать мечом с себя ростом, перепрыгнуть стену в рост человека, перебить доску ударом голой руки. Но всего этого было мало. Эти умения давали ему преимущество перед противником-человеком, но злейшими его врагами были существа, превосходящие его размерами во много раз и неимоверно более сильные. В физическом состязании с наименьшим из них у него не было бы ни одного шанса, и много могло быть ситуаций, когда его подведет и волшебство. Если бы только можно было сменить это тело на другое...

Вдруг резкой болью ударило в шею сбоку, будто впилось раскаленное лезвие. Ударило там, где когда-то давным-давно ударил меч его отца в руках рыцаря Ингарда. Нередко бывает, что рана от волшебного оружия проявляется как стигмат, такая рана может даже гноиться и кровоточить. И сейчас боль ощущалась и в другом месте, на левом боку: именно там его снова ударил этот меч на Арайнии, в битве с товарищами Эйлии.

Он пошатнулся, прислонившись к оконной раме, схватился рукой за шею. Да, на коже вздувались два рубца. Проявление, вызванное напряжением и страхом, и эти эмоции надо подавить, тогда раны исчезнут. Он несколько раз глубоко вдохнул, успокаивая дыхание, волей прогоняя боль. И она почти сразу ослабела, стала тупой и далекой. Мандрагор с усилием выпрямился. Он забрался на подоконник, нагнулся и бросился вниз, призвав из Эфира силу, чтобы принять облик дракона.

Кожа его сменилась на броню металлических чешуй, руки согнулись когтистыми лапами, кровь забурлила в жилах, разгоняемая мощным мотором драконьего сердца. У него теперь были глаза и когти орла, крылья и уши летучей мыши, а зубы сменились бивнями, способными рвать сталь как бумагу. Этими измененными глазами он способен был увидеть соринку в пыли, а уши воспринимали диапазоны звуков, неведомых человеку. Два длинных вибрисса торчали на морде, слегка шевелясь, ощущая воздушные течения. Сознание расширилось вместе с черепом, развернувшейся сетью охватывая столетия памяти, которые не удержать человеческому мозгу, — инстинкты и рефлексы, чуждые человеческой сути, странные темные желания, груды накопленных знаний, рудные жилы мощи.

Огненно-красные крылья выгнулись дугой, и дракон ринулся со стены вниз. В этом виде даже простое падение, безусловно смертельное для человека, было ему нипочем. И мало какое оружие могло его ранить. В этой форме ему было спокойнее всего — если бы только ее можно было держать долго! Когда-нибудь он научится постоянно оставаться драконом, навеки покинет человеческое тело. Он будет жить как лоанан и забудет о прежней жалкой человеческой жизни. Истинные драконы начинают жизнь крошечными беспомощными личинками, и человеку, которым он был, тоже нужно время, чтобы развиться в нечто более сильное и великое. Потому что теперь придется создать новые способы защитить себя.

«Когда-то я думал использовать Трину Лиа — может быть, это еще возможно. Можно ведь выбить меч из руки противника и самому поймать его за рукоять. Оружие само по себе не враг, враг тот, кто его против тебя направит. Слуги Империи — мои враги, а не это несчастное создание. Если я переманю ее на свою сторону, все ее чародейские силы будут в моем распоряжении. И я могу взять это их самое мощное оружие — которое они так неуклюже выпустили из рук, — и повернуть против них. Когда сила Эйлии объеди-

нится с моей, мне не нужны будут валеи — никогда больше не нужны будут, и страх не будет нужен, и ничего из этого».

Соблазнительная мечта. Но как уговорить Трину Лиа стать его союзником, повернуться против ее бывших защитников?

18
Танец дуэлянтов

Проснувшись, Эйлия огляделась в изумлении. Ей так часто последнее время приходилось просыпаться в непонятной обстановке, что она совершенно не понимала, где находится. Потом вспомнила. Зал аудиенций — башня — Мандрагор.

Она села и тут увидела, что кинжал переложили. Она свой Шип положила рукоятью к себе, чтобы при необходимости сразу его схватить. Теперь же он лежал к ней острием.

Эйлия сразу поняла, чья рука переложила кинжал. Он заходил в комнату — стоял прямо над ней, пока она спала!

Девушка вздрогнула.

Но он ничего ей не сделал. Она жива.

Это само по себе было маленьким триумфом. Она ему доверилась, и он доверия не обманул. Инстинкты ее были правы. Спасибо Ане и паладинам, что в нем сохранилось понятие о доблести, память о кодексе чести, которому он когда-то следовал. И если это так, его, быть может, еще можно спасти.

Эйлия отбросила одеяла и отодвинула сетчатый полог. Солнца уже взошли, и комната в их резком сиянии была все так же изящна, но потеряла немного своего гламура из волшебной сказки.

Эйлия помылась в мраморной ванне, расчесала и заплела волосы, потом еще раз оглядела свои покои. В гардеробе оказалось множество тонких платьев — очевидно, имущество той, которая собиралась воспользоваться этой комнатой до того, как ее отдали нежданной гостье. Эйлия не стала трогать платья и надела ту одежду, что выдали ей в храме.

В дверь постучали. Эйлия осторожно приоткрыла ее и выглянула в щелку. Там стояла пожилая сгорбленная женщина, волосы ее закрывал шарф. В руках у нее был поднос, накрытый куполообразной серебряной крышкой.

— Я вам принесла ваш завтрак, благородная госпожа.

Эйлия открыла дверь, и горничная шаркающей походкой вошла в комнату и поставила поднос на стол у окна.

— Прошу вашего прощения, принцесса, — сказала она, поднимая крышку, — но его высочество велел нам первыми пробовать все блюда, на случай, если ваше высочество опасается яда.

Эйлия рассеянно кивнула, думая, что маловероятно, чтобы Мандрагор пощадил ее этой ночью только чтобы убить ядом. Какой был бы в этом смысл? Она смотрела, как служанка пробует блюда из риса, яиц и вареной рыбы. Потом она попросила служанку посидеть с ней и поговорить, пока она будет есть. Удивленная и несколько встревоженная, та подчинилась.

— Можно ли спросить, как вы здесь оказались? — начала Эйлия.

— Меня предложили шестьдесят лет назад. Тогда часто делались такие приношения. Моя мать не могла меня прокормить, и я пошла в храм. Мне тогда было всего семнадцать, и видит небо, как я боялась! Но там было все, как всюду, — только все побольше. Меня сделали весталкой и дали мне крышу над головой и кусок хлеба каждый день, но никогда не разрешали отлучаться. Но все равно это было больше, чем было у меня дома, где нас было очень много, а еды очень мало. Когда пришел Смотрящий, всех весталок выбросили на улицу, кроме тех, что его дружки для себя оставили, — я до сих пор еще слышу, как они кричали, бедняжки. А меня не взяли, хвала небу, потому что я уже совсем не молода была, и пришлось мне как-то самой жить, и так я жила — в голоде и бедности. Потом я услышала, что в городе видели золотую птицу и в замке снова живут люди, как в старые времена, и тогда я пришла и предложила, что снова буду служить. Конечно, храмовой девой меня не взяли, зато привели сюда и сделали горничной.

Эйлия слушала с сочувствием. Бедняга никогда не видела в жизни доброты — естественно, что теократы стали для нее благодетелями. Ее использовали они, а теперь — лоаней. Это было возмутительно, но сейчас Эйлия ничего сделать не могла.

Она попробовала рис с блюда, но обнаружила, что есть ей не хочется.

Остальное утро она бродила по замку сама по себе.

— Здесь всегда спят днем, — объяснила ей та же старая служанка, — и просыпаются вечером. Они, драконы, — создания ночи. Боюсь, госпожа, что до вечера вам придется самой себя развлекать. Сегодня ночью будет бал, как я понимаю — в вашу честь.

Замок действительно был величествен, очень напоминал Халмирион: мраморные палаты самых разных цветов, прекрасные из-

ваяния в нишах, золотые канделябры размером с сажень — куда ни глянь. Помимо пиршественного зала и огромного тронного зала имелся еще и бальный зал с позолотой и фресками на стенах и оранжерея таких размеров, что гравийные дорожки вились, скрываясь, вокруг деревьев в кадках — все под стеклянным куполом. Эйлия нашла дверь во внутренний двор, куда выходило окно ее комнаты, двор, где был бассейн с золотыми рыбками, деревья и кусты роз. Жар от солнц обжигал шею дыханием кузнечного горна, когда Эйлия вышла на траву. Сад был недвижен. Даже карпы застыли в тени листьев кувшинок. Может быть, поэтому лоанеи предпочитали вести ночную жизнь: не из-за жутковатого пристрастия к темноте, а просто чтобы избежать гнетущей жары.

К вечеру, однако, тишина и пустота дворца стали вызывать беспокойство. Эйлия ушла в свою комнату и увидела, что здесь кто-то побывал: на столе стояли холодные закуски, а на кровати лежало красное шелковое кимоно и великолепное вечернее платье. Платье было цвета роз, вышитое на юбке и рукавах шелковыми цветами, отороченное у воротника, манжет и у подола кружевами тоньше инея. Эйлия приложила его к себе: вырез был на ее вкус слишком глубок. Предыдущая его владелица, очевидно, была шире в плечах, и руки у нее были длиннее, и подол явно был укорочен. Но в общем и целом оно неплохо подходило ей. А цвет очень Эйлии шел. Оглядевшись, она увидела пару розовых шлепанцев, также украшенных розетками, и примерила. Они подошли идеально: конечно, легко было, пока она спала, снять с ее ноги мерку. Но что-то было в этом почти магическое, и Эйлия, к собственному неудовольствию, ощутила какой-то дурацкий радостный трепет. Она быстро убрала все вещи и пошла в ванную.

Ванная была так же величественна и роскошна, как все палаты Эйлии, с большой мраморной ванной, утопленной в пол, с кранами с горячей водой. Эйлия подумала, не из горячего ли озера в горе она берется. Были здесь и ароматическое мыло, и притирания, которые используют арайнийцы. Только зеркальные стены ванной заставили ее остановиться. Здешние жители наготы не стесняются: Эйлия каждое утро с удивлением видела десятки голых купальщиков обоего пола, плещущихся в горячем источнике у гостиницы Маг. Да, она выросла на Мере, в обществе, где стыдливость и скромность были давней традицией. Только на Арайнии начала она чувствовать, одеваясь в одиночестве своей спальни, невинное животное удовольствие от того, что у нее есть плоть — что она *воплощена*. В такие минуты она оживала так, как никогда в

одежде, и разум тоже узнавал дрожь радости без вины. Но эта ванная с таким обилием зеркал — нет, это слишком много, чтобы просто радоваться своему телу. У Эйлии возникло чувство, будто ее подталкивают к самовосхищению, и она отвела глаза от своих отражений и шагнула в пенную ванну.

Она долго отмачивала и отмывала волосы. Потом вытерлась насухо, надела кимоно и поела. Надо было ждать, пока наступит ночь и появятся лоанеи.

Совсем по-другому смотрелся бальный зал, когда в нем собрался народ. Он был живой, наполнен светом, красками, звуками. Эйлия нерешительно остановилась у дверей, глядя на танцоров, крутящихся под быстрые ритмы музыки, на пары, обнимающиеся на мягких диванах и стоящие за большими пальмами в кадках. У женщин были тщательно уложены волосы, крупные кудри и локоны громоздились над головах, платья вздувались кринолинами. Цветы повсюду — вываливаются из изящных ваз, оплетают подсвечники, рассыпаны на столах с закусками. Посреди зала — хрустальный фонтан, и в середине его фонарь освещает летящие капли. Все это обманчиво приятно и обманчиво знакомо: такое вполне могло быть на любом из официальных приемов, которые посещала Эйлия как принцесса Арайнии. Нет сомнения, что программа развлечений хорошо продумана именно с этой целью: чтобы она почувствовала себя свободно — и ослабила защиту. Поддаваться этому Эйлия не должна. Это не легкое веселое развлечение, а опасный отвлекающий маневр, задуманный сильным и умным противником.

Она настороженно огляделась, но Мандрагора нигде не увидела.

Она вошла в комнату, высоко подняв голову, чтобы не выдать собственное напряжение. Диадемы у нее никакой не было, но она уложила косы короной в напоминание о своем титуле. И все же ей не слишком понравилось, как смотрят на нее другие гости.

— Добрый вечер! — произнес голос у нее над ухом, когда она остановилась рассмотреть фонтан. Она резко вздрогнула, к собственному неудовольствию, и обернулась.

Мандрагор был великолепен в бархатном черном камзоле, черных брюках и сапогах. Короны на нем сегодня не было, и густые светло-каштановые волосы свободно спадали на плечи. На груди у него был медальон: красный эмалевый дракон, вставший на дыбы в золотом круге. Эмблема Морлина, принца-дракона. Может быть, та самая вещица, которую он носил пять веков назад при дворе на Мере...

— Ну, как тебе нравится? — вежливо поинтересовался он, обводя рукой зал.

— Это... это великолепно, — ответила Эймия, взяв себя в руки. Она разглядывала искусно подобранные букеты, каскады цветов, придающие величественному залу вид огромного дерева. — Ты не пожалел сил.

— Случай того стоил, — ответил Мандрагор и предложил ей руку в бархатной перчатке. — Бал дается в твою честь, если тебе это неизвестно. Оставь, принцесса, — сказал он тоном легкого упрека, — неужто ты до сих пор мне не доверяешь? Ты прожила под моей крышей ночь и день, и я не причинил тебе ни малейшего вреда. Но, быть может, ты предпочла бы свой двор, где десятки влюбленных поклонников добиваются твоего внимания, читая тебе плохие стихи?

— У меня нет поклонников, — ответила она, неохотно принимая его руку.

— Нет?

Он приподнял бровь, и она поняла, что он сам это отлично знает.

Она отвела взгляд.

— А кто этот человек с длинными черными волосами, который впервые привел меня к тебе? Почему он так сердито на тебя смотрит?

— Это Эррон Комора. Сердито смотрит, потому что он меня ненавидит, — объяснил Мандрагор. — Я убил его деда, бывшего великого дракона.

Он не хвастался, он говорил с холодным безразличием, которое почему-то отталкивало сильнее бахвальства.

— Значит, он хочет отомстить за деда, — сказала Эйлия.

— Отомстить? Отнюдь. Он сам надеялся убить старика, как только наберет достаточно силы. Отец его уже пытался это сделать, но неудачно, и неудача была для него роковой. Эррон был слаб, но знал, что когда-нибудь великий дракон состарится и одряхлеет и драться не сможет. Тогда убить его будет легко — и ему откроется дорога к трону. Но я его опередил, и этого он мне никогда не простит. Думаю, мне придется его устранить, — равнодушно добавил принц, — но мне не хочется слишком отталкивать от себя лоанеев. Я пока за ним слежу. Большой силы у него нет, но есть весьма мерзкий и хитрый ум.

— Но это ужасно! — воскликнула Эйлия. — Как можешь ты жить с таким народом?

— Ты все время говоришь как Ана, — ответил он с неодобрением. И резко обернулся. Тут же все головы отвернулись от них, и гости сразу возобновили беседу.

— Ну и любопытный же народец, и пронырливый, — сказал Мандрагор беззлобно. — Отчего ты улыбаешься, принцесса? Нет-нет, улыбайся и дальше. Так приятно видеть, когда тебе улыбаются без затаенной злобы или насмешки. Может быть, найдем для разговора не столь людное место?

Он снова предложил ей руку, и она пошла за ним из зала и по коридору. Он остановился перед закрытой дверью и толкнул ее.

— Ну вот, — сказал он. — Здесь можно поговорить.

Эйлия огляделась с любопытством, когда входила. Помещение напоминало музей с кучей странных предметов.

— Моя личная коллекция диковинок, — сообщил Мандрагор. — Некоторые из них я собирал в облике дракона. Можно сказать, крал, хотя люди, у которых я крал, сами были ворами: бароны-грабители и тираны-короли. Еще в детстве я всегда собирал блестящие предметы — тогда я, конечно, не знал почему. Старался окружать себя красивыми вещами. — Он говорил, глядя на нее. — Приятно для разнообразия видеть тебя в цветном, а не в вечном белом. Тебе самой это никогда не надоедает?

Он показал рукой на розовый сад.

Но Эйлии интереснее было посмотреть коллекцию. Она узнала каанскую вазу, шурканскую вышивку, элейскую арфу. Был здесь человеческий бюст, очевидно, медный, на пьедестале из того же металла. Эйлия отметила, что челюсть закреплена на петлях, как будто должна двигаться.

— Такой автомат называется когитатор, — ответил Мандрагор на ее вопросительный взгляд. — Если ты задашь ему вопрос, он рассчитает ответ и сообщит его. Двенадцатый шурканский царь обладал вот такой бронзовой головой — дар от элеев, как гласит легенда. Это она и есть.

— А как она к тебе попала? — спросила Эйлия, заинтересованная вопреки собственному желанию.

— Долгая история, как-нибудь на днях расскажу.

Эйлия повернулась к стеклянному аквариуму с водой, какими-то странными водными растениями и...

— О Небо! Что это такое? — воскликнула она.

Это существо было похоже на угря — серебристая лента, но по всему телу были рассеяны несколько круглых темных глаз, а головы как таковой не было видно.

— Не знаю. Я нашел это на одной планете за пределами Талмиреннии.

— Как, ты бывал *за пределами* Империи? — спросила Эйлия, не зная, верить или нет.

— Бывал. Ах, что только мог бы я тебе показать! Тебе, которая всю жизнь прожила на Мере да на Арайнии! Представь себе, что ты прожила жизнь в паре захолустных деревушек, ни разу носа не высунув наружу, не видя мира с его лесами, горами, океанами и городами! Есть такие вещи во вселенной, что тебе и не снились!

Она вспомнила свое детство на острове, жажду увидеть все, что можно увидеть.

— Я бы тебе показал необозримые туманности и пульсирующие звезды. Я бы взял тебя на планету, где деревья показываются из земли на рассвете, вырастают и плодоносят к полудню и умирают на закате. Или показал бы тебе мир с двумя атмосферами: одна густая от пара, покрывающего все низменности планеты, а верхний слой, куда выдаются горные пики, — прозрачен и разрежен. Некоторые из жителей этих возвышенностей плавают на летающих кораблях по Облачному морю, что разделяет их, как океан разделяет континенты. Остальные живут под серой завесой, никогда не видя жителей гор, разве что какой-нибудь корабль терпит крушение и падает вниз. А те, что живут в верхнем царстве, не могут дышать в нижнем: они там задыхаются, будто тонут в воде. И никакие легенды о верхних людях не доходят до жителей дна Облачного моря, — говорил Мандрагор. — А еще есть архоны. Они построили огромные города, руины которых еще видны на далеких-далеких мирах. Я бы тебя взял на замороженную планету, где города не из камня, но из льда, добытого в огромных ледяных полях. Разноцветные венудоровые лампы все еще горят в ледяных комнатах, и свет их пробивается через холодные стены как через матовое толстое стекло, и сами дома в ночи светятся. Есть там и ледяные замки, ледяные мосты, башни, монументы и ледяные статуи странных существ и созданий. Но и следа не осталось от их создателей.

— Аурон говорит, что в разных мирах они принимали разный облик. Его предкам они явились в виде драконов.

— Это правда. Какова их собственная, истинная форма — не знает никто. Они никогда ее не открывали, и мертвых своих они не хоронили в могилах, как люди.

— А ты что-нибудь находил такое, чтобы хоть предположить, как они выглядели? — с любопытством спросила Эйлия.

— Пока нет. Однажды на маленькой одинокой планете я нашел останки, которые могли бы принадлежать архонам: множество больших саркофагов с надписями на элейском, а внутри них — огромные скелеты, в два раза больше человеческих. Но из надписей я понял, что это просто люди, поселившиеся на планете в незапамятные времена, и у них тела увеличились постепенно из-за низкой гравитации планеты.

— Великаны! Настоящие великаны! — Эйлию вдруг пронзило желание видеть, знать. — Так ты не просто эти годы прятался, ты еще и исследовал!

Он бросил на нее острый взгляд.

— Дорогая моя принцесса, я вынужден был скрываться всю свою жизнь! Моей матери пришлось скрыться, чтобы родить меня, — из страха, что лоананы ее убьют, чтобы помешать ей.

— О нет! Они не стали бы...

— Вероятно, нет, но она этого боялась. И они бы меня у нее забрали — в этом я не сомневаюсь; нашли бы способ изолировать меня и ограничить мои силы. Некоторые из немереев Тринисии прямо хотели, чтобы меня убили. Ана не допустила этого, но и свободы у меня тоже не было.

— А потом появился Двор Андариона.

— Моего отца... — Мандрагор задумался. — Он страшился меня и ощущал свою вину за то, что любил мою покойную неоплаканную мать. Мы никогда не были близки, хотя я изо всех сил старался ему угодить: все мои великие деяния были ради *него*, но без результата. Я должен был называть его «сир» — как все прочие, — но так как это слово может означать и «отец», я не особенно возражал.

Мандрагор замолчал, и лицо его замкнулось, будто он сказал больше, чем собирался.

Эту историю Эйлия знала почти всю свою жизнь. И сейчас ей представлялся случай узнать больше, узнать то, чего не знали рассказчики.

— Так почему же ты пошел против него?

— Никогда я не шел против своего отца! Я действительно не знал, что со мной происходит, — меня мучили ужасные сны, и некоторые даже думали, что я схожу с ума. Но я понятия не имел, что мои настроения сказываются на погоде или на посевах. Мои лоананские силы проявились лишь много позже. А потом энергии, которые я бессознательно освобождал, стали тревожить ветер, облака и реки. Мне снились кошмары, что я дракон, что я террори-

зирую округу. По крайней мере я думал, что это были кошмары: я не знал, что образы, вспоминаемые мною после пробуждения, на самом деле — воспоминания, что во сне я покидал замок и *становился* драконом. Во мне было два существа, и дракон — это была форма, которую обретали самые глубокие мои страхи, но я не знал, что я на самом деле был бушующим чудовищем своих кошмаров. Когда мне сказали, что снившиеся мне нападения на деревни бывали на самом деле, я решил, что должен как-то установить контакт с диким разумом этого дракона.

Эйлия слушала как завороженная. Очень убедительно звучал его голос, и Эйлия не сомневалась, что он говорит правду — по крайней мере то, что сам считает правдой, — а не открытую ложь.

— Элиана узнала, что происходит, и поняла, что во мне проснулись способности матери. Когда об этом услышал Бранар Андарион, он решил, что я делаю это нарочно, — продолжал Мандрагор. — Он всегда боялся меня и был, я думаю, рад поводу обрушиться на меня — уничтожить меня наконец. После знаменитого боя в пещере с Андарионом и Ингардом я, очевидно, бессознательно превратился в дракона, когда упал в воду раненный. Дракон может задержать дыхание почти на час — этого хватило, чтобы мой отец решил, что я утонул. Когда я пришел в себя, то понял только, что лежу на берегу подземного озера и кровь хлещет из раны на шее. Она была глубокой, но не смертельной, и я побрел по подземельям в замок, только чтобы найти его опустошенным и верных мне людей — убитыми. Я кое-как добрел до покинутой больницы, где смог перевязать рану, но покидать пределы крепости боялся и несколько недель прожил один в этих заброшенных руинах. Точно как в моем зимбурийском детстве, только хуже, потому что на этот раз на меня напали те, от кого я ждал награды.

Как только у меня хватило сил, я добрался до эфирного портала — их довольно много осталось в Маурайнии, — и хотя они все были закрыты, я овладел искусством их открывать. И сбежал с Меры.

— Но ты вернулся.

— Да, через много лет. Я видел падение Лиамара и начало Темных Веков. После этого я возвращался на Меру лишь от случая к случаю, присматривать за учеными Запада — в особенности за легендами о Тринисии. Будучи драконом, я накопил груды сокровищ в других мирах и использовал их, когда мне нужны были богатства на Мере. Каждый раз, посещая планету, я принимал чуть

иной облик, становился новой личностью. И тщательно следил за тем, чтобы старить себя иллюзией с течением времени.

— Мне вспоминается история, — задумчиво проговорила Эйлия, — о маракитском дворянине Властелине Драко, который не старел. Однажды он исчез из своего замка, а через шестьдесят лет его узнала старуха, которая видела его еще девочкой. Она клялась, что властелин ни на день не постарел. Пошел слух, что этот Драко был алхимиком и открыл эликсир вечной молодости.

— Да, наверное, иногда я бывал небрежен, — признал Мандрагор.

— И еще же есть призрак Академии...

— А это совсем другое дело! Призракам полагается столетиями околачиваться в одном и том же месте. Легковерные считали, что я — призрак, а скептики вообще отрицали мое существование. Пока Элиана не обнаружила меня в развалинах моего прежнего замка, ни одна душа на Мере не знала, что я до сих пор жив. Когда стало ясно, что она не таит против меня зла и верит моему рассказу о том, что случилось давным-давно в Маурайнии, я обрадовался, что одним врагом у меня меньше.

— А потом появилась я.

— Да. Жрецы, которые меня вырастили, вечно пугали меня рассказами о великой ведьме-королеве, что однажды придет меня уничтожить. Они верили, что моя мать была демоном какого-то рода, и говорили, что раз я — отродье демона, то буду ненавистен тебе, и ты возжелаешь моей смерти. Ты была монстром моих детских кошмаров.

— Ужас какой! Мне очень жаль.

— А тебе такую же ложь говорили обо мне, не сомневаюсь. Со временем мои детские страхи прошли, но я знал, что ты — создание архонов. Как же я тебя возненавидел! Твоего рождения ждали, его праздновали, тебя осыпали дарами и любовью. Я решил украсть тебя у тех, кто хотел вылепить твою жизнь по своему вкусу, — вот как Ана забрала меня у ковена Валдура и освободила меня от их интриг. Вот тогда я встретил Синдру, которая хотела того же.

«Значит, Синдра все эти годы была предательницей!»

— Рассказывай дальше, — попросила Эйлия.

— Твоя мать узнала о нашем заговоре — очень острое у нее было архонское чутье. Она скрылась на звездном корабле, не желая более подвергать свое дитя опасности. Что с ней случилось, принцесса, я не знаю — тела ее не нашли. Твое тоже, и я заключил, что вы обе утонули. Но все равно не успокоился.

— И когда ты услышал о Лорелин...

— Естественно, я решил, что это ты. И тот факт, что Ана вроде бы тоже так считала, меня убедил. Я провел вашу компанию в храм, дал вам обнаружить святилище. Если бы зимбурийцы вас поймали, вы бы им сообщили, что Камня давно нет. В тот день будто весь космос собрался на вершине Элендора, и даже имперский дракон прилетел в поисках Трины Лиа, но он допустил ошибку, заснув, охраняя закрытые врата, и я приковал его во сне. Потом эти двое твоих пронырливых друзей нашли меня, когда я отдыхал на своих сокровищах, завладели мечом моего отца и пустили его в ход против меня. Но в результате они лишь унесли пустой ящик, и потому я их не преследовал.

Я увез Лорелин в Элдимию, зная, что Ана вскоре оправится от слабости и пустит по нашему следу Аурона или Стражей. Я решил, что пусть себе считает Лорелин истинной принцессой — тогда мне ничего грозить не будет. Но я даже не подозревал, что Истинная — это ты, не подозревал до тех пор, пока ты не оказалась в месте своей силы, в Халмирионе, а тогда было уже поздно. Ну вот тебе моя исповедь.

Эйлия кивнула, понимая. Сколько здесь было правдой, она не могла знать, но ясно было одно: он так же боролся против своего наследия и предназначения, как она сама. И он пощадил ее, когда мог убить.

Из огромного зала снова послышалась музыка. Мандрагор внезапно повернулся и взял ее за руку.

— Но хватит мрачных разговоров, уверен, что тебе они надоели. Я хотел, чтобы тебе здесь было хорошо. Хочешь потанцевать?

Она пошла за ним по коридору в бальный зал. Странные здесь танцы, подумалось ей: ни процессий, ни изысканных фигур. Танцевали отдельные пары по всему залу, крутились медленно, как двойные звезды, обращая внимание на другие пары лишь чтобы избежать столкновений. И танцевали, обвив друг друга руками почти в объятии; Эйлии это казалось чуть ли не непристойным. Но отказаться она не могла.

Эйлия робко положила руки на плечи Мандрагору, глядя на других дам. Он обнял ее за талию, и она ощутила дрожь его рук от сдерживаемой радости.

— Я же забыл, — тихо сказал он, приблизив к ней лицо. — У вас в Арайнии так не танцуют.

Он оказался не так высок, как ей помнилось, но ведь она выросла с их последней встречи. Эйлия позволила повести себя в танце. Это было нетрудно — просто надо было повторять его дви-

жения, а они были медленнее, чем в сложных танцах Арайнии. Но она не могла долго выдерживать взгляд его золотых глаз и все время отворачивалась.

Вдруг ее внимание привлекло лицо в толпе — Синдра. Женщина была бледна, глаза ее горели злостью. Эйлия ахнула.

— Что такое? — спросил Мандрагор.

— Синдра Волхв, — ответила Эйлия. — Она здесь?

— Тебе нет причин ее бояться.

— Она меня ненавидит, это ты сам мне сказал.

— Ничего сделать она тебе сейчас не может.

Но Эйлия отступила, освобождаясь от рук Мандрагора.

— Ваше высочество, простите, я... я устала. Кажется, мне нужно отдохнуть.

— Вон там есть кресла у стены. Не хочешь ли посидеть? И освежиться — бокал вина, быть может? У нас есть превосходные вина, в том числе столетнее красное из погребов Гарона Седьмого, царя Маракора. Я сам видел, как отжимали это вино, и могу ручаться, что в него пошли лишь отборные грозди. — Он улыбнулся.

Она покачала головой.

— Благодарю, но я не пью вина. Я хотела бы пойти к себе, если можно.

— Разумеется. — Ей показалось, что он слегка раздосадован, но скрывает это любезностью. — Тогда до завтрашнего вечера.

Это было предупреждение, что она пока что не привлекла его на свою сторону, и времени для этого осталось мало.

Дамион стоял один в пустыне, глядя на звезды.

Результат налета оказался ужасающим, хуже, чем можно было себе вообразить. Он боялся, что друзья будут убиты, но оказаться в плену, живыми — зная достаточно о Зимбуре, он понимал, что это значит. А сегодня снова пришел Киран Йарисс с известиями об указе Халазара, развешанном по всей Фелизии: если Дамион сам не сдастся, его друзья будут на рассвете казнены.

Ему объяснили, что выручать их — дело безнадежное: твердыня Йанувана устоит перед любым штурмом. Только огромная армия могла бы прорваться — и даже мятежная армия Халазара в свое время победила лишь с помощью предателей в самой крепости. У небольшой группы мохарских воинов и зимбурийских повстанцев просто сил не хватит.

— Очень печально, — сказал Макиту, — но ничего не поделаешь.

Мохарцы уже видели столько смертей, что стали к ним почти невосприимчивы. Весть о гибели Унгуру и о пленении Заима они приняли сперва с горем и гневом, потом оставили эмоции и вернулись к повседневной жизни. Надежда была утрачена, но не вся — пока что. А для Дамиона мысль о судьбе, ждущей Йомара и Лорелин, была невыносима.

Он закрыл глаза, и перед ними встало видение, бывшее у него накануне ночью.

В этом видении была Эйлия, одетая в развевающееся платье такой белизны, что оно будто само светилось, а может быть, это светилась она. Эта девушка из сновидения была и одновременно не была той Эйлией, которую он знал: она сияла, как звезда, далекая и величественная.

— Ты должен помочь мне, Дамион, — умоляла она, протягивая к нему руки в длинных широких рукавах. — Я сделаю, что должна, но я не могу одна. Помоги!

Он открыл глаза. Над ним сияла вечерняя звезда, бледная и одинокая, и все еще слышался в ушах молящий голос Эйлии.

Я не могу одна! — звенело от края до края неба.

— Дамион?

Он обернулся и увидел шамана. Вакунга стоял, недоуменно наморщив лоб.

— Отчего ты стоишь здесь один, когда все спят?

Дамион слабо улыбнулся.

— Ты же не спишь, мастер.

— Я ощутил от тебя что-то. Сильные эмоции, заполнившие Эфир. Ты видел сны?

— Не могу понять.

Он рассказал шаману, что сейчас видел и слышал мысленно. Сон — или пророческое видение? Больше похоже на воспоминание — о никогда не происходившем. Он никогда не видел Эйлию такой, как в этом видении, облаченную в свет.

— Может быть, это просто мои страхи, — сказал он, шагая вместе с шаманом по дюнам. — Я так за нее боюсь, и еще больше — за Йомара и Лорелин. Ты знаешь, что Халазар обещал освободить их, если я сдамся сам.

— Знаю.

— Почему я так всем нужен, мастер Вакунга? Ведь истинный вождь был Йомар. Почему все так хотят заполучить меня?

— Может быть, ответ был в твоем сне.

Он снова увидел красивое полузнакомое лицо, услышал слова мольбы.

— Ты хочешь сказать, что как-то это связано с Эйлией? Но как?

Старик ничего не сказал.

— Лори и Йо — я прямо вижу их лица. Они в лапах Халазара, и *я могу их спасти!* — Дамион застонал от бессилия. — Я хочу это сделать, мастер! Отдать себя в руки царя, чтобы они жили.

Вакунга задумался.

— Можешь идти, — сказал он. — Не вижу причин, почему нет.

Дамион уставился на него.

— Но ты же был против раньше! Ты говорил, что это будет гибель для нас всех.

Шаман поднял глаза к небу.

— Говорил, пока дракон-чародей был здесь. Сейчас он улетел, вернулся в свой звездный дом. Дорога теперь не та, по которой ты пошел бы раньше.

— То есть я могу помочь Йо и Лори? И *никому* при этом не принесу вреда? Как я могу точно это знать?

Шаман повернулся к нему.

— А отчего ты не хочешь выйти в плоскость сновидений?

— В смысле, помедитировать?

— В моем народе говорят, что когда мы думаем, будто бодрствуем, на самом деле мы спим, — ответил шаман. — А когда засыпаем, то просыпаемся для снов. Чем ждать, чтобы сон пришел к тебе и дал тебе ответы, поищи его там, откуда они приходят.

С этими словами шаман медленно пошел прочь. Дамион смотрел вслед сутулой фигуре старика, уходящего шаркающей походкой. И когда фигура растаяла в темноте, он опустился на колени и стал чертить на песке.

Резьба на развалинах стен в оазисе относилась к древнему прошлому. Мохарцы сегодняшних дней и лет все изображения наносили не на камень, а на песок, потому что песок по натуре своей изменчив, перелетает с каждым дуновением ветра, и образы, начертанные на нем, не проживут достаточно долго, чтобы стать идолами. Никогда больше вожди племен не пойдут войной на богов друг друга.

Вакунга научил Дамиона, как рисовать вокруг себя шаманский круг, виток за витком, мысль за мыслью, заметая следы ног, пока не придешь в неподвижный центр. Сейчас он такой и нарисовал. Сперва самый внешний с его свирепыми стражами: львами, шакалами или фантастическими зверями собственного воображения. Далее кольцо волнистых линий, изображающих ров круговой реки. Потом внутренняя стена со шпилями башен, оз-

начающая крепость. В ней — круг пустого, нетронутого песка, где сел сам Дамион, скрестив ноги. Пусть внешний мир вихрится бурей, но здесь — ее неподвижное око. Дамион вспомнил звездообразный город Лиамар на вершине Элендора. Подобно этому кругу, понял он сейчас, город был мандалой, и Храм Небес стоял в ее центре.

Он закрыл глаза и стал глубоко дышать. Здесь не было амброзии, которая могла бы облегчить переход, и его разуму придется искать путь в Эфир своими силами.

Дамион долго просидел неподвижно, и звезды медленно поворачивались над ним. Мохарский шаман мог бы повторять про себя какую-нибудь мантру снова и снова, пока тело и ум не пришли бы в гармонию. Почему-то Дамиону вспомнились стихи из его детства, которые он запомнил, потому что там было про рыцаря.

Мой милый жил в златом дворце,
Каких не видел свет:
Там пол как в дорогом ларце,
А стены — самоцвет.
И плыл через волшебный сад
Цветочный аромат.

О, сад чудесный! Там вдвоем
Гуляли мы сам-друг,
Фонтаны пели соловьем,
И пролетал досуг.
И был чудеснее, чем сад,
Его влюбленный взгляд.

Уехал милый рыцарь мой
В кольчуге и броне,
С мечом, копьем — такой лихой
На боевом коне.
И долго таял стук копыт
За кущами ракит.

А путь опасностью чреват,
Для рыцарей жесток:
Там змеи охраняют клад
И золотой замок,
А ведьма варит приворот —
Заманит, уведёт.

В темнице темной и сырой,
Обманут колдовством,
Ужели милый рыцарь мой
Томится под замком?
Как узнику, что взаперти,
Любовь свою найти?

Иль сможет все же он опять
Узреть чудесный сад —
Очнуться и затосковать
И броситься назад,
Где, чуя темную беду,
Его стою и жду:
Когда же милый рыцарь мой
Воротится домой?*

Это, как говорили ему наставники, древняя аллегория о разделении души и разума. Элеи верили, что последний отчуждается от первой в момент рождения, и его путь в царстве смертных в новой броне живой плоти похож на странствия рыцаря в неизвестных краях. Разум забывает о предыдущей жизни в царстве духов и оставляет душу в печали, как покинутую возлюбленную. И только смерть тела воссоединяет их в Небесах.

Отчего сейчас вспомнилась ему эта аллегория?

Он сидел не шевелясь, сосредоточившись в собственной внутренней тишине, пока весь остальной мир не исчез из его мыслей, пока не исчезли сами мысли, и он поплыл в пустоту, где странно менялось его сознание, не пробуждаясь и не засыпая и все же осознавая — себя, темную внутреннюю бездну, собственное тихое дыхание и что-то еще помимо этого, что не было ни звуком, ни образом, но постоянным потоком и прибоем какой-то непостижимой силы...

Засверкали во тьме радужные грани — Камень Звезд, талисман Эйлии. Он пылал перед глазами, светился своим загадочным светом, взывая к нему, Дамиону.

— Тысяча оттенков, один сияющий свет. Многие суть одно, и одно есть многие...

Из камня возник силуэт птицы, будто проклевывающейся из лучезарного яйца. Большая птица, состоящая из света, плыла сквозь мрак, освещая его. Она подплыла поближе, и он увидел, что птица состоит из мириад птиц поменьше, от голубей до орлов, от фазанов

* Перевод стихов М.Б. Вайнштейна.

до журавлей. И они человеческими голосами кричали в этой своей стае в форме птицы:

— Элмир! Кто покажет нам Элмира, птицу небес?

— Вы — Элмир, — отвечал он им — Вы сами — то, что ищете

— Многие суть одно, и одно есть многие! — крикнули они в один голос.

Золотое свечение разгорелось ярче, и тысячи крылатых силуэтов слились снова в одну большую огненную птицу. Но тут свет стал тускнеть и гаснуть. На глазах пораженного ужасом Дамиона Элмир остановился в полете. Вокруг него обмотались извилистые кольца змеи, черной как ночь. Элмир ударил змею когтями и клювом, а змея погрузила клыки ему в грудь, и показалось, что сейчас они рухнут вниз, в темноту, и пропадут оба.

— Нет! — крикнул он птице света — Ты должен жить! Нельзя, чтобы тебя одолели!

Огненный глаз птицы повернулся к нему, и Дамиона ослепило, как будто он глянул на солнце. Но он успел увидеть в этом взгляде призыв.

— Да, я помогу, если в силах. Покажи, что мне делать! — вырвался у него крик из самого сердца, из самых глубин его существа.

И из темноты прозвучал ответный крик, будто клич дикой птицы в пустыне без надежды и утешения:

— Аккар!

Видение исчезло. Дамион пришел в себя, заморгал, огляделся. Серебрились в лунном свете пески.

— Аккар, — прошептал он.

Бог, Который Всегда Возвращается. Древний бог мохарских мифов, умирающий осенью под скорбь своей супруги Найи: ее слезы — это и есть зимние дожди. А весной она возвращает Аккара к жизни. Так рассказывал Киран Йаррисс, и шаман говорил так же.

— Каждый год богиня спускается в подземный мир и возвращает оттуда своего утраченного возлюбленного, — говорил Вакунга.

Миф о плодородии, подумал тогда Дамион. Много таких мифов в мире в языческих преданиях. Как спускается под землю небесная богиня в поисках своего супруга, так спускаются к нам весенние дожди и впитываются в почву. Она освобождает его из подземной тюрьмы и выводит на свет, и семя освобождается от оболочки и выходит на свет цветущим растением. Такова основа всех этих старых сказок.

Но миф — это не просто фантазия или сказка: это вещь живая, мощная, часть мира, в котором разум смешивается с материей, царство сновидений влияет на реальность. Сейчас это стало его реальностью, и от нее не уйти. Каждый его шаг, в любом направлении, ведет его, Дамиона, к неизбежной судьбе.

Птица небес показала ему его путь.

Когда умирает Аккар, небесная богиня Найа спускается и льет по нему слезы. Дочь Утренней звезды тоже должна спуститься на землю и вернуть ей жизнь и мир, дабы исполнилось пророчество... Нити мифов, спряденные древними, переплетаются здесь, и в их невидимой сети лежит возможное будущее.

Думая об этом, он вдруг увидал, как при вспышке света, какую форму это будущее должно принять. Здесь ожидало Эйлию ее место. Ей предстоит покорить сердца зимбурийцев, шурканцев, мохарцев и слить их воедино. Она станет в их глазах аватарой самого почитаемого их божества, навеки свергнув бога-царя с его культом. Но сперва Дамион должен приготовить ей путь. Халазар его убьет, если Дамион отдаст себя в его руки. Он может убить заодно и Йомара с Лорелин, наплевав на договор. Но миф — силен, сильнее Халазара — или смерти. И смерть не опровергает мифа, а лишь усиливает его. Для этих людей он станет живой аватарой — как была Эйлия для народа Арайнии.

Эйлия... Он вспомнил ее такой, как видел в последний раз в Мелнемероне, с большими нежными глазами, наполненными тревогой за него. «Эйлия, прости меня, — сказал он про себя, глядя на Вечернюю звезду, сияющую в ясном вечернем небе. — Я люблю тебя, и ради тебя я делаю это...»

И он ощутил, или ему показалось, что ощутил, бесчисленные невидимые сущности вокруг — ангельские сущности, ускользающие, неуловимые — и отзывчивые. Он едва не вообразил себе, что видит их — яркие сияющие фигуры вокруг себя, они утешали и ободряли его. Дамион ощущал благоговение — и одновременно странное родство с этими невидимыми стражами, будто они с ним — одной крови. Будто видение открыло ему дверь где-то в сознании, о которой он даже не подозревал. И через эту дверь вошла сила, и не только она: еще и знание, что он — тоже божественная сущность. Потому что разве не этим является человек — духом, облаченным в плоть и скрытым в ней? Тело — далеко не все, это лишь одежда. А свою истинную суть он теперь ощущал как ядро неугасимого огня.

И эту сущность Халазар не мог бы уничтожить, как не мог бы стереть звезды с неба. На это у него силы нет.

Дамион быстро и решительно поднялся Долгожданный ответ был дан ему, как предвидел старый шаман Он теперь знал, что ему делать.

Дамион шагнул вперед и вышел из круга ветра и песка

19
Отбив и ложный выпад

На второй день пребывания в Запретном дворце беспокойство Эйлии начало сменяться страхом. А Мандрагор, напротив, не проявлял никаких признаков тревоги или нетерпения. Он был любезен и внимателен, к Эйлии относился как радушный хозяин, принимающий почетного гостя. Он ходил с ней по замку, рассказывая его историю, водил на долгие прогулки по садам внутреннего двора. «Ты здесь не пленница», — говорил он, и это было правдой. Она могла идти, куда ей хотелось, в те часы, когда ей это взбредало в голову, получать к столу любой деликатес, который только пожелает. Не было никаких официальных функций или церемоний, не надо было читать и подписывать правительственные указы, сидеть на заседаниях. Бремя руководства, необходимость отрабатывать все, что получаешь, была снята с нее: она наслаждалась всеми радостями королевской жизни без ее обременительных обязанностей. В ее покоях появилась книжная полка, заставленная томами инопланетной учености, истории, поэзии. Когда она упомянула, что интересуется живописью, в комнате сразу же оказался набор кистей и красок. Для нее устраивались развлечения, концерты, представления магов. Во время одного из них многоцветное сияние, которое она видела до того, заставили плясать вокруг башен крепости и повисать призрачными лампами в ветвях деревьев. Как она и подозревала, эти огни были проявлениями Эфира.

— Они безвредны, — объяснил Мандрагор. — Эти «блуждающие огоньки» сродни эйдолонам, но так слабы, что не могут принять материальную форму и остаются просто сгустками квинтэссенции. Немереи, как тебе известно, их призывают как осветительные огни, а лоанеи используют как знамения, чтобы внушать своим подданным благоговение и страх. В глубоких водах есть подводный дворец из алмаза, где когда-то обитал царь-дракон, а до того — архоны, которые его и построили. Вот почему драконьи

фонари, которые видела твоя подруга, поднимались из океанских глубин. Мой народ хотел напомнить тем, кто на суше, что наступит день, и вернется царство лоанеев. Это теперь и произошло. Но не бойся: пока правлю я, им не будет позволено обращать людей в рабство, как когда-то.

Эйлия большую часть своего времени проводила в дворцовой библиотеке, где ей было разрешено читать любые книги, которые только попадутся ей на глаза. Помимо множества томов давно утраченной литературы и фольклора здесь был еще и обширный раздел черной магии: полки, уставленные томами в черных переплетах. Их Эйлия тщательно избегала, помня, что послужило причиной падения самого Мандрагора. Он в ответ на ее тревоги только смеялся.

— В знании нет опасности, принцесса, — отчитывал он ее. — Опасность лишь в невежестве.

Но многое другое она читала с энтузиазмом: истории, написанные исследователями и поселенцами других миров, рассказы о войнах и подвигах древних времен. Иногда Мандрагор составлял ей компанию в библиотеке, указывая на тома, которые могли бы ее заинтересовать — конечно, сам он их прочел все, — и рассказывал о мирах, на которых побывал, о людях, которых там видел. Он знал многих исторических лиц Меры и Арайнии — людей, которые для нее были всего лишь именами на уроках истории, — и Эйлию слегка смущало, когда он рассказывал о них как о случайных знакомых.

— А, Ингард Храбрый, — говорил он. — Действительно был храбр, этого у него не отнять, и мечом владел отлично. Еще он был шумный, неопрятный и зачастую хамоватый. Все-таки он был воспитан волками, а это сказывается.

Или:

— Говорил я Валивару Девятому, что Зимбуре никогда не покорить Маурайнию, но он настойчиво продолжал свои набеги.

Или:

— О, я вижу, ты читаешь Бендулуса. Он никогда не умел просто излагать факты. Однажды он мне сказал с абсолютно честным лицом, что гадюка припадает ухом к земле, слушая шаги своей дичи, а другое ухо зажимает хвостом.

Очень трудно было представить себе, что этот радушный хозяин и собеседник вскоре предпримет попытку ее убить, если она не встанет на его сторону. Это было, как думалось ей, вроде игры с полуприрученным зверем, который в любую минуту может выпустить когти. Не было никаких признаков, чтобы на него дей-

ствовали ее аргументы, и Эйлия начала терять надежду. Время истекало, а еще она все сильнее тревожилась из-за Синдры Волхв. Хотя эту женщину она больше не видела — наверное, Мандрагор велел ей не попадаться Эйлии на глаза, — ей казалось, что Синдра все время где-то рядом, как ядовитые испарения в воздухе. Не может ли Синдра отравить ум Мандрагора неприязнью к ней, Эйлии?

— Ты проигрываешь, — заметил Мандрагор в тот вечер, когда они в сокровищнице играли в стратагему.

Эйлия подняла глаза, пытаясь понять, только ли об игре он говорит.

— Я проигрываю, потому что ты мошенничаешь, — ответила она тоном легкого упрека, глядя на золотые и серебряные фигуры на доске. — Конные рыцари не бьют слонов. Это против правил.

— Так ты все-таки следишь за игрой. А по правилам я никогда не играю, — ответил Мандрагор, не поднимая глаз от доски. — Те, что пытаются связать себя кодексом чести, обречены на поражение. В любом игре побеждает сильнейший — или хитрейший, но не честнейший. Твой ход. — Он выпрямился и откинулся на спинку кресла.

Не могло быть сомнений, что он говорит не о настольных играх.

— И все же лучше вести себя честно, — заявила она, минутку подумав. — И ты сам в это веришь, иначе бы ты не чтил договор, который заключил со мною.

— Ты сама веришь в то, что говоришь, принцесса, или же просто повторяешь уроки, которые в тебя вдолбили? Вспомни, ты здесь свободна, и твои мысли — тоже. Ты можешь делать, говорить и думать что только пожелаешь, и никто здесь тебя за это не осудит. То небольшое царство, что я создаю, будет уникальным. Никто и ничто не войдет сюда без моего разрешения, ни свет или тьма, ни добро или зло не будут здесь править. Буря, что бушует снаружи, пусть дует мимо моей двери — я не впущу ее. — Он оперся подбородком на руку, задумчиво разглядывая Эйлию. — Ты тоже жаждешь свободы, или ты бы не была здесь. Ты сбежала от своих опекунов.

— Сбежала? Я искала тебя для переговоров, чтобы установить перемирие!

— Так ты себе сказала. Но разве в самой глубине души ты не желала быть свободной? Не обрадовалась, когда вырвалась наружу одна, без цепей, без стражи?

Опять он требует от нее честности.

— Да, — ответила она тихо, вспомнив дикую радость, когда она взяла на себя управление летающим кораблем и послала его в Эфир.

— Ну вот, теперь, когда ты здесь, зачем тебе возвращаться?

— Потому что я не могу жить лишь для собственного удовольствия! Я нужна народу Арайнии.

— В самом деле? Хорошо, а ты сама? Что нужно самой Эйлии? Зачем приносить себя в жертву людям, которые ради тебя палец о палец не ударили? Ты воистину их любишь или тебя привязывает к ним лишь безрадостный долг? И род человеческий всегда был к тебе неизменно добр?

Она нехотя припомнила жестокость девушек в маурийском монастыре, дни, полные издевок и колкостей, превращавшие ее жизнь в мучение.

— Ты хочешь научить меня ненавидеть, — сказала она спокойно, выпрямляясь и глядя ему в глаза. Он знал, что ей пришлось пережить, и хотел этими воспоминаниями причинить ей боль и пустить мысли по кривой дорожке. Но разве для этого он не должен сам понимать, как ощущается такое страдание? — Они тебя действительно сильно обидели? — спросила она в неожиданном вдохновении.

— Что? — спросил застигнутый врасплох Мандрагор.

— Дети, что кидали в тебя камнями и обзывали тебя, когда ты был ребенком, в Зимбуре. Эти шрамы так и не зажили?

На миг, на краткий миг казалось, что он действительно застигнут врасплох. Но тут же золотые глаза превратились в закрытые ставнями окна. Он резко встал из-за стола, подошел к высокой арфе и стал подбирать на ее струнах дрожащий мотив.

Не зная, одержала она победу или потерпела поражение, Эйлия попыталась сменить тему на нейтральную.

— Я и не знала, что ты играешь на арфе, Мандрагор.

— Одно из преимуществ долгого срока жизни состоит в том, что можно стать мастером практически в чем угодно. Я в свое время делал многое — и был многими.

Он продолжал перебирать струны.

— Я знаю эту песню, — сказала она, пытаясь поддержать разговор. — Она написана на слова баллады Барда, которую я всегда любила.

— Правда? — Он состроил гримасу. — Она с жуткими длиннотами и до тошноты сентиментальна. Я не числю ее среди своих лучших достижений.

До нее дошло не сразу.

— Ты...

— Я, — мрачно ответил он. — Я и есть так называемый Бард из Блиссона. Прошел я через этот поэтический этап. Неужели твоим достопочтенным ученым не приходило в голову, что их безымянный бард слишком долго жил? Для любого человека написать такое объемное собрание сочинений за каких-то сорок лет — задача совершенно невыполнимая.

Эйлия стояла, остолбенев. Не может быть. Он лжет. Этот холодный циник — автор тех стихов, которые она так любит?

— Но ведь эти стихи так благородны, так чувственны! — возразила она, не думая.

— И столь подлый и черствый человек, как я, не мог создать таких шедевров. Что ж, такая точка зрения вполне солидна.

— Прости... я не хотела...

Но было поздно, слова уже сказаны. Он уронил руку со струн арфы.

— Что-то сегодня душно в этой комнате. Я думаю, можно выйти на башню подышать. Ты не составишь мне компанию?

Она поняла, что это — напоминание о незаконченной дуэли, которая вскоре произойдет, если она не сдастся или не убедит его. Сердце ее заколотилось, но вновь она смогла ответить небрежным тоном.

— Да, это будет приятно, — сказала она, вставая и выходя вслед за ним на вершину башни.

Внизу раскинулся пейзаж, покрытый множеством теней от трех малых лун Неморы. Эйлия встала у парапета, пытаясь собраться с мыслями. Мандрагор подошел и встал рядом, глядя на огни Лоананмара. Помолчав, он снова заговорил:

— Сколько там теперь огней! Я за этим городом и его обитателями не первый век наблюдаю. Это было по-своему интересно...

— Ты о них говоришь как о скопище муравьев, — заметила она.

— Муравьев! — фыркнул он. — У муравьев было бы больше порядка. С этой высоты человечество кажется размером с насекомых — и сильно им проигрывает в сравнении. Всегда одна и та же история, снова и снова: повстанцы поднимают бунт, чтобы свергнуть власть тиранов, но лишь только добьются успеха, сами занимают их место. Их теперешний Смотрящий — не более чем тиран.

— Это так, — признала Эйлия. — Хотя я верю, что сперва он хотел как лучше.

— Конечно. Люди этой породы всегда хотят как лучше — сперва. Прекрасная пора была у него и его подручных — когда они устанавливали законы и справедливость и убивали всех, кто с ними не соглашался.

Она вздохнула.

— Хотела бы я знать, что случилось с тем младенцем, что я видела. У которого мать была пьяна или опоена.

— Весьма вероятно, что он уже умер.

— Жаль, что я не могла его спасти.

— Зачем? Эта женщина только заведет следующего ребенка, и он тоже будет голодать. Эти люди плодятся и умирают как насекомые — да они и есть насекомые. Понимаешь, восприятие со временем тоже меняется. Мне трудно вызвать в себе сочувствие к этим человеческим подонкам. Если я начинаю кого-то из них жалеть, тут же до меня доходит бесполезность этого занятия — заботиться о чем-то столь скоротечном.

Эйлия отчаянно искала аргументы, которые могли бы его переубедить. Тогда был бы мир... мир, завоеванный без войны. Она не тешила себя иллюзиями насчет Мандрагора. Даже не знай она о прошлых его преступлениях, она не могла не замечать вопреки всем его усилиям его черствость, аморальность, себялюбие. Но эти недостатки, наверное, неизбежны в том, кто живет так долго: видя, как умирают поколение за поколением его собратьев, нельзя не отрешиться от эмоций, чтобы не сойти с ума, а века одинокой жизни способствуют эгоцентризму. И она поймала себя на том, что замечает, как неосознанно царственна его осанка, какой мощный разум светится в острых, далеко зрящих глазах. Она видела в нем едва заметные следы того человека, которым был он когда-то, — королевский сын и храбрый рыцарь, следы, которые не стерли даже пять столетий. Уничтожить то создание, в которое он превратился, — значило бы лишить этого человека шанса на новую жизнь.

А он продолжал говорить негромко, глядя на город:

— Когда архоны посетили впервые этот мир сто миллионов лет назад, он был населен почти одними рептилиями. Ты видела огромные длинношеие создания в джунглях — танатонов, потомков тех, что были завезены сюда архонами. Теперь они существуют только здесь: их род давно уже вымер. Когда архоны снова вернулись в этот мир, они обнаружили птиц и зверей с мехом, воцарившихся вместо них, и среди последних были предки человеческой расы. Никто не знает, кто теперь живет на исходной планете. Может быть, что люди так и не возникли на ней — или возникли и вымерли. Может быть, человечество — как гигантские рептилии, что жили до него: неудачный проект, построенный силой жизни.

Эйлия подумала о страдающем населении здесь и на Мере, о мудрых и добрых элеях, о своих родственниках и друзьях — и все это одна сплошная неудача? Потом вспомнила ласковый голос

Аурона: «Мы называем вас создателями. Вы, люди, никогда не перестаете нас удивлять».

Она сделала глубокий вдох.

— Мандрагор, вся моя суть говорит мне вот что: «Если один младенец не имеет значения, то ничто вообще значения не имеет».

— Похоже, что ничего вообще, Эйлия. Оставь человечество идти своим путем. Пусть идет к погибели, если хочет. — Он отвернулся от пейзажа, будто в отвращении. — Эти люди расскажут тебе величественные и славные истории о своем городе, своей истории, своих идеалах. Но с этой высоты я видел, как расползается этот город-государство, и я видел, что он на самом деле такое: огромная раковая опухоль, своим неуправляемым ростом отравляющая землю вокруг себя. Люди любят думать, что моругеи — противоестественные, отвратительные создания. Но они чудовищны лишь по своей внешней форме. Война, убийство, каннибализм — что бы они ни делали, нет в этом ничего такого, чего не делали бы люди в то или иное время. Под своей уродливой оболочкой они совершенно от вас не отличаются, вот почему они внушают вам отвращение. Вот, например, царь Роглаг — он низкий, порочный, коварный, подлый, абсолютно лишенный совести, щепетильности или высоких чувств. Но он никогда не всадит мне нож в спину, потому что я не дам ему подойти сзади. По-настоящему опасны те, кто предлагает тебе вечную дружбу и верность. Рог может мне сделать любую пакость, но никогда не сможет обмануть моего доверия.

Ложь и передергивания — к этому она была готова, но не к этой беспощадной атаке правды. Она молча смотрела на город и на миг увидела его новыми глазами. У него были все черты человеческой души, поняла она, с ее возвышенными пиками и черными провалами, с ее смесью мрака и света.

— Но я вижу и добро там, внизу, — возразила она, вспомнив Маг и ее щедрость.

— Да, там оно есть, — неожиданно согласился он. — Своего рода добро, хотя и не то, о котором ты думаешь. Возьмем, например, розы в садах дворца.

— Розы? — повернулась она к нему. — При чем здесь они? Я считаю их красивыми.

— Правда? А мне они кажутся уродливыми. Переростки, слишком большие — многие даже аромата не имеют. Их подкрутили, поменяли, чтобы подходили под некоторые человеческие понятия о красоте. А эти жирные изнеженные собачки, которых так любят придворные дамы, — можешь ли ты поверить, что их предками

были волки, охотящиеся в диком лесу? Люди не могут устоять против искушения извратить природу, создавая уродства, и то же верно и для архонов. Древние хотели создать новый вариант человечества. — Он стоял, пристально вглядываясь в сад. — Красивых, нежных, безобидных людей. Своих комнатных песиков.

— Элеи счастливы.

— Слишком счастливы. Они живут в раю дураков, и потому они обречены: куда им против вторжения моругеев или зимбурийцев, против мощной, жадной, ненасытной жизненной силы, которую эти расы воплощают. Элеев просто сметут.

— Но это ужасно! — воскликнула она.

И опять в его словах была правда.

Он пожал плечами.

— Таково положение вещей. Бога как такового не существует — есть лишь идиотическая сила, порождающая жизнь и системы живых существ, но у нее нет ни предвидения, чтобы не совершать ошибок, ни ума, чтобы их исправлять. И все же она хозяйка не такая жестокая, как архоны, которые гнули и выворачивали природу ради своих целей. У силы жизни хотя бы нет любимчиков: ко всем живым существам она относится одинаково, с одним и тем же высоким безразличием. И вот так, случайным поиском, она создала нечто драгоценное: свободу. Только это и важно — свобода зверям бегать в диких лесах, свобода людям управлять своими делами самим, даже уничтожить себя, если до этого дойдет, свобода для Эйлии поступать со своей жизнью так, как она хочет. Ты бы никогда не выбрала ту роль, что тебе дали. Так оставь ее, освободись от нее. Останься на Неморе.

Без толку; их разговор всегда скатывался к одному и тому же.

— И оба будем жить здесь в изгнании? — спросила она. — Оба навеки отрежем себя от человечества?

— А почему это тебя волнует? Сейчас, когда ты знаешь, что никогда к нему и не принадлежала?

К ночи щели зрачков расширились, и глаза Мандрагора превратились в озерца тьмы. Эйлия с трудом отвела взгляд от них к начинающим появляться звездам. Одна была большая, красная, как тавро, другая, побледнее, сияла совсем рядом. Эйлия задержала дыхание. Конфигурация слегка отличалась от привычной, но ошибки быть не могло. Это горел огненный шар Ютары, Глаза Змея, а рядом с ним его скрытая спутница Лотара — черная звезда, которую ни один глаз не видит.

— Как они близко! — воскликнула она. — Я про валейские миры.

— А, да. — Он тоже поднял глаза к небу. — Я там бывал. На Омбаре, планете, которая вращается вокруг Ютары, и могу тебе сказать...

— На Омбаре! — выдохнула Эйлия. — Ты был — там!

Зрачки его превратились в черные дыры, впитывающие свет, будто сами стали черными звездами.

— Да. Любопытное местечко. Он так медленно вращается, этот Омбар, что период вращения совпадает с оборотом по орбите, и одна сторона планеты вечно обращена к солнцу, а другая лежит в вечной тьме. На Омбаре ночь — это не время, а место. И это место мы все хорошо знаем, хотя мало кто из Талмиреннии когда-либо там побывал. Дело в том, что моругеи рассказывают много историй о Ночной Стране и тварях, что прячутся там в темноте, а за многие века эти истории нашли дорогу в самые мрачные сны человечества.

Почему-то его слова и осознание, что он побывал в мире зла, наполнили ее каким-то ужасом. Она чуть отодвинулась, и он поспешно сказал:

— Хватит об этом, давай о чем-нибудь другом. Второй день прошел. Ты рассмотришь мое предложение?

— А что, если я его не приму? Не верю я, что ты причинишь мне вред, Мандрагор, — ответила она, ободренная внезапным воспоминанием о кинжале, повернутом к ней острием. — Ты уже мог это сделать. Что бы о тебе ни говорили, я видела тебя настоящего, и ты — не убийца.

— Польщен, — сухо произнес он. — Убийца — нет, надеюсь, что нет. У меня действительно имеются зачатки совести. Иногда случаются ее угрызения, вроде приступа подагры. Но Камень и твои так называемые опекуны изо всех сил стараются превратить тебя в неумолимую и неодолимую Силу, а это уже совсем другое дело. Ты — орудие архонов, последнее оставшееся проявление их воли властвовать над мирами. Не тешь себя иллюзиями, Трина, — я буду сражаться с тобой, если придется, если ты и твои союзники меня вынудите. Не воображай, что меня остановят какие-то дурацкие сантименты, или твоя молодость, или то, что ты — женщина. Я *всех* своих противников принимаю всерьез, хотя я не столь беззаконен, как думают некоторые. Напротив, я повинуюсь единственному закону, который признает и сам космос: закону джунглей, закону выживания. Это немереи спорят против порядка вещей, а не я.

Она почувствовала, что говорит он это без намерения ввести ее в заблуждение. Слова его были искренни, глубоко прочувство-

ваны, как бы ни были ошибочны лежащие в их основе верования, и она поглядела на него с внезапным пониманием.

«Дай мне помочь тебе — дай спасти тебя! — молила она молча. — Оставь валеев и вернись к нам — и бедная старая Ана возрадуется твоему возвращению...»

— Когда-то вид звезд и меня радовал, — сказал он, глядя вверх. — Они мне казались таинственными и волшебными. Но сейчас уже никаких романтических иллюзий о них у меня не осталось. Они всего лишь шары раскаленных газов, не более того. Хотя иногда, когда я вижу их в ночном небе, они вызывают мысль о росинках на паутине: какой-то чувствуется в них мощный и непостижимый замысел. Если этот космос — всего лишь хаос, то есть, наверное, что-то еще худшее: злобно раскинутая сеть, в ячейки которой все мы запутались. Может быть, мы действительно обречены на битву друг с другом, Трина Лиа. Трижды я пытался не дать тебе взойти к твоей силе, чтобы избежать этой дуэли. Трижды я потерпел неудачу. Может быть, так просто предназначено, и никакие наши действия не могут этого отменить.

— Нет. Есть свободная воля, я в этом уверена! Как это может быть, что все предопределено? Тогда не было бы ни добра, ни зла, потому что не было бы никаких *решений*. Мандрагор, тебе самому эта мысль не нравится, и это значит, что ты веришь в такое предназначение не больше меня.

— Все, чего я хотел в этой жизни, — это быть свободным. Сперва моя жизнь принадлежала моей матери, которая родила меня по своим собственным причинам, потом она была отдана Валдуру, ибо мне было предназначено быть его орудием, потом — Трине Лиа, потому что должен был настать день, когда она отберет у меня эту жизнь, потом — Ане, потому что она спасла ее. Я принадлежал в разное время разным людям, но никогда — себе. До этих дней. — Он оперся о парапет, и его длинные светло-каштановые локоны танцевали на ночном ветерке. — Хороший вечер для полета, — сказал он негромко. — Тебе когда-нибудь хочется принять облик лоанана, Эйлия?

— Иногда, — созналась она.

Ее манила сила и величественность, свобода полета, неодолимая мощь, которые дает драконье тело. Быть драконом — значит не бояться ничего.

— Я мечтаю о дне, когда навеки смогу забыть человеческий вид, а с ним — все, что привязывает меня к жалкой массе человечества.

Она посмотрела ему прямо в лицо.

— Не человеческое в себе ты ненавидишь, Мандрагор, а себя самого. Ни в одном теле ты не найдешь покоя, если его не будет в твоей душе.

— Опять Ана, — коротко бросил он. — Я уж надеялся, что говорю с настоящей Эйлией.

Он резко повернулся, отошел от нее и вспрыгнул на парапет. Секунду он там простоял, на самом краю, а потом — Эйлия затаила дыхание — резко поднял руки и бросился вперед, как ныряльщик в пруд. Раздался звук крыльев, разрывающих воздух, и красный дракон взмыл в лунное небо. Через минуту он исчез из виду.

Эйлия осталась у парапета, сердце ее колотилось. Он изменил облик, чтобы продемонстрировать ей возвращение своей силы: рана от железа зажила. Показать, что ее единственное преимущество утрачено. Тщетно прошел и этот день, и остался только еще один.

Дамион стоял в тронном зале Йанувана. Руки у него были скованы, за его спиной и по бокам от него стояли вооруженные охранники. Он не обращал внимания ни на них, ни на окружающую изысканную роскошь, но не отводил глаз от человека, который сидел перед ним на золотом троне с драгоценными инкрустациями и солнцем в короне лучей над изголовьем.

— Он подъехал на коне к воротам Фелизии и объяснил солдатам, кто он. Они ему тут же связали руки и привели в Йануван.

Так доложил капитан стражи, пока слуги и придворные во все глаза пялились на пленника. Дамион ничего не сказал и ни разу не отвел глаз от царя. Он ожидал от себя множества разных эмоций, но жалости в их списке не было. Однако именно ее он ощутил при виде этого человека — создания материи в ее блистательной роскоши. Этот человек верил, что может жить вечно и править миром, в котором обитает. Разве не было безумное желание Халазара грезой любого человека? Кто не мечтал победить смерть, овладеть враждебными силами природы и вырвать у них жало? И все втуне — блестящие одежды, трон, временная власть. Вдруг сидящий перед ним человек показался жалким, его претензии на царственность и божественность — печальными и бесполезными. Глаза Дамиона затуманились, образы расплылись.

— А, теперь ты плачешь! — злорадно вымолвил Халазар, подаваясь вперед. — Ты считал, что благородно поступил, придя сюда, — так, Дамион Атариэль? Но теперь ты здесь, и ты понял, что с тобой будет. Их ты не спас, а себя погубил. Что ж — плачь!

— Это над твоей судьбой я плачу, — спокойно объяснил Дамион.

— Над моей?! — взревел Халазар, вскакивая с трона. — Как ты смеешь! Смеешь плакать обо мне?! Прекрати! Прекрати, я тебе приказываю!

Он подскочил к Дамиону и ударил его кулаком в лицо. Дамион пошатнулся.

Но как ни странно, не было страха в глазах пленника. Ох, эти глаза! Холодные, бесстрастные, с этим беспокойным странным цветом, как у неба или моря. Халазару почудилась в них бесконечная глубина, и на миг его охватил безотчетный ужас.

— Я бог-царь! — завизжал он прямо в лицо Дамиону.

Только этот крик получился пустой, как раскат эха. Перед этими спокойными немигающими синими глазами все величие тронного зала вдруг обратилось в ничто, все триумфы и победы потеряли свое значение. Этот человек жалел его и тем низводил на уровень чего-то низшего. За это мерзавец должен умереть — но не сейчас, еще не сейчас. Его следует не просто убить, а сломать. Он должен корчиться от страха перед богом-царем, признать его своим господином.

— Бичевать этого преступника, — приказал Халазар. — Потом бросить в камеру. Не давать ни хлеба, ни воды. Наглость лечится голодом.

Дамион не сопротивлялся, когда его уводили. Халазар злобно смотрел ему вслед и все еще тяжело дышал. Он начинал опасаться, что потерял лицо перед слугами, когда так раздраженно набросился на пленника.

«Заим будет казнен, но этого я не убью. Нет! Я проведу его по улицам города, перед народом Зимбуры — перед этими дураками, которые шептались, будто он ангел. Я им покажу, что он всего лишь человек. И я сделаю из него приманку для Трины Лиа, как говорил Мандрагор!»

Йомар и Лорелин не могли ни есть, ни спать. Запертые в отдельные камеры вдали от остальных пленников, они перешептывались, пока тюремщик с бичом не пообещал их высечь, если не перестанут. Не сомневаясь, что он свою угрозу выполнит, они послушались. В первый вечер они видели, как мимо их камер проволокли седого мужчину в военной форме. Голова его свесилась на грудь, но он был похож на того генерала, который их захватил. Всю ночь до них доносились его дикие крики под пытками, потом они стихли — не приходилось сомневаться, что навсегда. Если зимбу-

рийцы так обращаются со своими, то что ждет бунтовщика Заима и его соратников?

— Йо, — тихо позвала Лорелин. — Сюда кто-то идет. Слышишь?

Йомар поднял голову с деревянной скамьи, где лежал. Приближающиеся шаги не принадлежали старику-тюремщику, что приносил им скудную еду — хлеб и воду. Скорее это был стук сапог — солдаты. Что дальше?

Он сел, уставившись на появившихся людей.

Между ними с избитым в синяки лицом и в разорванной рубашке тащился Дамион.

Лорелин вскрикнула и подбежала к двери.

— Дамион! Тебя тоже? Только не это!

Он улыбнулся ей.

— Я сдался, чтобы спасти вас. Царь сказал, что отпустит вас, если я сам приду.

Йомар уставился на него.

— Таков был договор — нас за тебя? А ты знаешь, что Халазару нельзя верить? Он нас все равно убьет и тебя тоже. Ты угробил свою жизнь зазря.

— Не зазря, — твердо возразил Дамион, когда стражники бросили его в камеру. — Объяснить я не могу, но я должен был так сделать. Поверь мне.

— Ну знал же я! — воскликнул Йомар в отчаянии, когда его и Лорелин вытащили из камер и поволокли по коридору. — Боевой шок. Он совсем спятил! Теперь все мы в лапах Халазара.

— Мандрагора, хочешь ты сказать, — шепнула Лорелин. — Настоящая власть здесь — он. Но что он хочет с нами делать?

— Эйлия, — ответил Йомар. — Ему нужна Эйлия. Для этого он все и затеял. Если он...

Но тут стражники растащили их в стороны.

20
Победный удар

По неровной дороге, что вилась сквозь папоротники джунглей, шагали два ничем не примечательных человека: приземистый коротышка с длинной белой бородой и маленькая женщина с острыми чертами лица и рыжеватыми волосами. Никто из прохожих

не обращал на них внимания. Почти все шли быстро, несмотря на жару, редко-редко бросая взгляд из-под широких полей шляпы. И все, как заметили эти чужаки, шли в одну сторону.

— Скажи мне, друг, будь любезен: город в эту сторону? — спросил Аурон у человека, который вел под уздцы волов, запряженных в телегу с пожитками.

— В эту, в эту, только лучше сейчас туда не ходить, — буркнул человек. — Мы все уходим.

— С чего это? — спросила Талира, но человек лишь прикрикнул на волов, подгоняя их.

Небо было ясное, но недавно прошел дождь: земля на дороге была влажной и покрыта кое-где лужицами, от которых под зноем двух солнц шел отчетливо видимый пар. Как-то любопытно локализованный был ливень, потому что еще за сто ярдов на дороге не было ни луж, ни грязи. Аурон и Талира пошли дальше своим путем и вскоре вышли на открытое место: джунгли не стали редеть, а резко кончились, сменившись буреломом стволов и пней. Дальше лежали поля, за ними — каменные и деревянные строения большого города, и над ним на крутом холме — крепость с башнями.

У обочины отдыхала группа бродяг, расположившись на пнях и бревнах.

— Не стоит туда ходить, — бросил один из них с мрачным видом, когда Аурон и Талира проходили мимо. — В Лоананмаре власть переменилась. Смотрящий собрал манатки — и ходу.

Аурон остановился.

— И кто теперь правит?

— Прежние жрецы вернулись со всеми своими правилами: то делай, того не делай. Всю власть себе забрали от имени своего царя-дракона.

— Царя-дракона, — повторил Аурон, и они с Талирой переглянулись.

— Ага. Так что лучше туда не ходите, я плохого не присоветую.

— Боюсь, у нас нет выбора, — ответил Аурон. — Мы ищем одну девушку, которая тут недавно проходила. Может, вы случайно ее видели — молодая дама, довольно худощавая, с длинными золотыми волосами и фиалковыми глазами?

Самый здоровенный и лохматый из компании заржал и осклабился.

— Нет, но я бы знал, что с ней делать. Эта вот, что с тобой, тоже ничего, только носяра больно длинный.

Он внезапно вскочил на ноги и схватил Талиру за руку. Она тут же другой рукой аккуратно влепила ему пощечину. Раздался

отчетливый треск, и бродяга взвыл, зажимая нос рукой. С верхней губы закапала кровь.

— Ах ты ведьма! — зарычал он. Его друзья уже вскочили.

— Не стоило тебе этого делать, — тихо сказал Аурон Талире. — Теперь стычки не избежать.

— Да заткнись ты, старый червяк! — прошипела Талира. — Заколдуем их быстро и пошли.

Он ответил яростным шепотом:

— Никакого чародейства! Мы слишком близко к *нему*. Ее единственный шанс — чтобы мы пробрались неузнанными! Как нам иначе подобраться и ее спасти?

Бродяги их окружили.

— Что с ними будем делать, Рад? — спросил один у вожака, который все зажимал нос. — Надо бы поразвлечься, а то как Смотрящий сбежал, совсем заскучали. В змеиную яму — или в реку, к водяным виперам?

Но не успели еще он со своими дружками подойти, подшучивая и издеваясь, как из стены джунглей у них за спиной раздались тяжелые шаги и хриплое дыхание какой-то огромной твари. С воплем взлетели в воздух несколько кокатриксов.

— Ах вы, суки вонючие! — заорал Рад на своих людей, обращаясь в бегство. — Говорил я вам, что надо было через реку уходить! А теперь вы своим ором сюда линдвурма приманили или чего еще похуже!

Не говоря ни слова, все его сообщники бросились бежать следом.

— Трусы!

Даже перед лицом опасности Талира не удержалась, чтобы не пустить шпильку вдогонку разбойникам.

Треск подлеска стал громче, закачались деревья, полетели во все стороны ветки, листья и обрывки лиан, и обитатель джунглей вышел на солнце, разминая мощные лапы и расправляя крылья. Перед Ауроном и Талирой он остановился, глядя на них янтарными глазами.

— А, это ты, Фалаар, — сказала женщина-птица. — Ну и то хорошо.

— Я решил, что лучше всего мне ждать как можно ближе к городу, — объяснил херувим, — чтобы в нужде побыстрее прийти на ваш зов.

— Что ж, на этот раз ты избавил нас от необходимости прибегать к волшебству, — сказал Аурон. — И наше счастье, что эти люди сбежали до того, как тебя увидели. Они могут не знать, что такое

херувим, но стали бы рассказывать истории, и если бы их услышали Мандрагор или его подручные, то поняли бы, что защитник Камня здесь. Лучше всего тебе будет вернуться и снова спрятаться, по крайней мере до тех пор, пока мы не найдем Трину Лиа. — Он повернулся к Талире. — Я думаю, теперь мы пойдем в город.

— Я никуда в этом мире больше не пойду в человеческом образе! — заявила Талира. — По крайней мере по собственной воле.

— Я тоже.

Аурон снова перекинулся, приняв на этот раз вид желтой собаки.

— Ну и молодец, — буркнула Талира. — А я других форм принимать не умею.

Подождите здесь оба, и я посмотрю, что мне удастся разузнать.

Пес повернулся и потрусил в сторону города.

Через несколько минут Аурон добрался до старых каменных ворот. Он остановился и посмотрел — шерсть у него на загривке поднялась дыбом. Украшающие их фигуры не были похожи на спокойных лоананов эфирных порталов, но вырезаны были свирепыми и зловещими, с оскаленными клыками и выпущенными когтями. «Лоанейская работа», — подумал он с отвращением: эти драконы должны были наполнять зрителей страхом и благоговением.

Пес побежал дальше по улицам Лоананмара. Для всех наблюдателей он был обычной жалкой дворнягой, каких полно в городе. Даже псов он мог обмануть, потому что запах был подлинный. Парочка местных собак попыталась устроить с ним перебранку и даже подраться, но он с легкостью от них убежал. Он всегда считал, что для разведки в людских городах собачий облик очень полезен. В образе человека его бы могли остановить, допросить, а бродячая собака может бегать где хочет — хотя помня о пристрастии некоторых людей к собачьему мясу, Аурон не забывал придать себе вид тощий и неаппетитный. Собачье обоняние и острый слух, весьма превосходящие человеческие, тоже были не лишними. Аурон бежал по мрачным улицам, а его ноздри каждую секунду работали, расшифровывая запахи. В основном он на них не обращал внимания, хотя если люди смотрели, то обнюхивал мусор в сточных канавах, чтобы не выходить из роли.

В основном он шатался возле таверн и постоялых дворов, делая вид, что ищет объедки, а на самом деле прислушиваясь к разговорам. Он повертелся и у большого храма в центре города, заглядывая в дверь и прислушиваясь к службе, пока какой-то жрец не прикрикнул на него и не прогнал. Аурон понял, что Мандрагор здесь правит как некий бог-царь. Даже от одного этого имени

шерсть у пса на загривке встала дыбом, и он рыкнул сквозь зубы. Похоже было, что Эйлия ничего еще против своего врага не предприняла. Так где же она?

Томительные часы поисков не принесли результата. Аурон уже собирался бросить это занятие, как вдруг из очередного переулка уловил идущий из дверей гостиницы знакомый запах. Запах Эйлии.

Он узнал его сразу и вбежал в дверь, взвизгнув, когда стоящий у дверей здоровенный тролль попытался его ухватить. Он уклонился, нырнул под стол и бросился на кухню.

В кухне резала мясо на доске молодая девушка. Запах исходил от нее. Сама Эйлия под защитой иллюзии? Но он не ощущал от нее чародейской силы. Аурон принюхался, чуткие ноздри затрепетали. Да, определенно запах Эйлии. Но как это может быть?

Девушка, почти ребенок, увидела его и отпрянула с криком:

— Мама, здесь собака! Бродячая!

Седая женщина с золотыми кольцами серег выбежала из зала, неся в руках горшок кипящего варева. Поставив его на стол, она уставилась на Аурона.

— Ох, бедняга! Май, мне кажется, он не кусается. Скорее надеется на подачку. Смотри, как к мясу принюхивается!

Он принюхивался на самом деле не к мясу, а к длинному газовому шарфу, повязанному на голове девушки. Запах Эйлии держался на ткани. Она тоже носила этот шарф, в этом Аурон не сомневался. Запах уже выветривался, но носила она его долго, раз он столько держится.

— Бедняга, — повторила женщина ласково. — Голодный небось — смотри, какой тощий! Ты иди в столовую, а я ему дам кусочек чего-нибудь.

Она снова повернулась к столу. Как только девушка вышла, а женщина отвернулась, Аурон мигом обратился в человека и остался стоять, пока женщина снова не повернулась к нему с обрезками мяса в руке. У нее глаза полезли на лоб, и кусочки мяса упали на пол.

— Ох! — выдохнула она. — Вы-то откуда взялись? Как вы меня напугали!

— Не бойтесь, — ответил он с улыбкой, протягивая руки успокаивающим жестом. — Я просто ищу одну девушку, ее зовут Эйлия.

Она посмотрела недоуменно и слегка настороженно.

— Не знаю никакой Эйлии. Боюсь, вы не туда пришли.

— Я уверен, что она здесь была. Шарф вашей дочери...

— Шарф как шарф, я его сделала из нижней юбки одной молодой дамы...

— Дамы?

— Ну, это я про себя ее так называю, хотя она была бедной и вроде бы простой. Но хорошая была девушка, с добрым сердцем. Где она такую ткань достала, я не знаю. Лиа ее звали.

Лиа. *Звезда*. У Аурона часто заколотилось сердце. Он заглянул в зал. Теперь, человеческими глазами, он увидел, что шарф того же теплого абрикосового цвета, что и хитон, который был на Эйлии, когда Аурон ее в последний раз видел. У собачьих глаз цветное зрение не очень развито и таких тонких оттенков не различает.

— Вы говорите «была», «звали». Что с ней сталось? — спросил он настойчиво.

Женщина отвела глаза.

— Мы не знаем. Жрецы царя-дракона призвали к жертвоприношению, и моя Май себя предложила. Лиа пошла с нею, чтобы ее поддержать. Драконий народ потом Май отпустил, а Лиа больше не вернулась. Вот все, что я знаю. Даже и говорить не хочется — очень я за нее тревожусь.

— Я тоже, — сказал он хрипло.

Она посмотрела на него и протянула руку.

— Вообще-то меня зовут Маг. Это мой дом, и любой друг Лиа — здесь желанный гость. С нами уже живет один ее спутник.

— Спутник?

— Небольшое такое создание, ее зверушка. — Маг через открытое окно показала во двор. — Вы вряд ли таких видели. Это амбисфена из джунглей.

Аурон посмотрел. Действительно, таких существ он еще не видел: не млекопитающее, не рептилия, не птица; двуногое тело с головой на каждом конце. Казалось невозможным, чтобы в природе существовала такая диковина, но он действительно ничего подобного не видел ни в каком списке творений архонов. Животное скорчилось в углу, большой головой поедая лист салата, а головой поменьше вертя из стороны в сторону. На часах стоит, подумал он. Очевидно, задняя голова еще служит и для обмана врага — как темные пятна у некоторых рыб на хвосте, чтобы большие рыбы нападали на добычу не с того конца.

— Таких робких тварей, как амбисфены, больше нет, — сказала Маг. — Их даже мало кто видел, потому что они при виде человека сразу убегают — так мне говорили. Этот вот привязался к Лиа — почему, не знаю. Наверное, догадался, что у нее сердце доб-

рое. Я его держу у себя и кормлю ради Лиа, чтобы отплатить за ее доброту ко мне и к Май.

Аурон, вспомнив, как ласково она с ним говорила, когда он был собакой, не сомневался, что она бы это в любом случае сделала. Он осторожно подошел к амбисфене. Та уронила лист и задрожала.

— Нет-нет, я ничего плохого тебе не сделаю, — сказал Аурон, устанавливая мысленный контакт. И присел, чтобы стать меньше и не казаться таким страшным. — Я только хочу тебя спросить про девушку, про Лиа.

— Мы не знаем, мы не знаем! — заверещал зверек. Импульсы его мыслей летели с пугающей скоростью.

— Ну не надо, я же тебя ни в чем не обвиняю.

— Вы его понимаете? — с удивлением спросила Маг.

Он кивнул.

— Я ее друг, — продолжал он говорить. — Прошу тебя, скажи, где вы встретились с Лиа?

— В джунглях, — ответила передняя голова. — В самой-самой чаще джунглей. За нами гнался многоголов.

— Гидра? — догадался Аурон.

— Да, да! Мы думали, мы погибли. Но она пришла, добрая дама, вышла из деревьев.

— В джунглях? — воскликнула Маг, когда Аурон ей перевел.

— Она спасла нас — показала большое страшное чудовище, и многоголов испугался. А потом чудовище исчезло. Она волшебница, немерейка она.

— Что еще ты можешь мне о ней рассказать? — спросил Аурон.

— Она не такая была с виду. Худее, и волосы длинные. Глаза сиреневые, волосы светлые — как свет от лампы. Она потом изменила свой вид, волшебством, когда мы вошли в город.

У Аурона сердце подпрыгнуло.

— Это она!

Радость расцвела в нем и тут же увяла, снова сменившись ужасом. Эйлия здесь, в городе, но она пошла на встречу с врагом и не вернулась. Что же с нею сталось?

Эйлия шла по незнакомой местности, посеревшей от засухи: тропа, вьющаяся по холмам, была покрыта высохшими травами и мертвыми колючими кустами, под небом, выцветшим, как кость на солнцепеке. У входа в пещеру на позолоченном солнцем склоне ближайшего холма столпились люди в простых пыльных одеждах.

В руках у них были палки, камни и серпы, которыми они размахивали, как мечами, и кричали в страхе и злобе:

— Убьем его, убьем! Убьем чудовище!

Эйлия из любопытства сошла с тропы и поднялась на склон, к темной пещере. Там что-то шевелилось...

— Я его вижу! — пронзительно закричала позади женщина в шали. — Берегись!

Она метнула камень величиной с кулак, и ее спутники взвыли, потрясая оружием. Не обращая на них внимания, Эйлия подошла и заглянула в темный вход, но тут же отпрянула, потрясенная увиденным.

— Уйди! — крикнул ей какой-то мужчина. — Это чудовище — чудовище!

— Нет! — крикнула в ответ Эйлия. — Вы все с ума сошли? Это дитя!

У задней стенки пещеры сжался мальчик, худой и бледный, длинные волосы его перепутались и слиплись от грязи. Эйлия присела к нему и протянула руки, но он не шевельнулся.

— Мальчик, не бойся! — сказала она тихо, поднимаясь и подходя ближе, пригибаясь под низким сводом пещеры. Он задрожал, но не стал ни бросаться на нее, ни убегать. Глаза его были закрыты. Снова присев, она взяла его на руки, ощутила, как напряглось маленькое тельце.

— Оставьте его в покое, — велела она сельчанам, которые столпились у входа, заслоняя свет.

Она посмотрела на лежащего у нее на руках ребенка: несмотря на бледность и худобу, на заляпанное грязью лицо, он был красив утонченной красотой. Тут он пошевелился, и глаза у него открылись. Эйлия увидела, что это нечеловеческие глаза, золотистые глаза рептилии, и когда он открыл рот, сверкнули клыки.

— Чудовище! — взвыла в ужасе и отвращении женщина в шали. Стоящий за ней мужчина занес серп для удара. Эйлия с криком выпустила мальчика, закрывая его руками от серпа, — и проснулась.

Золотой день струился в занавешенное окно. Все это был только сон. Но она все равно ощущала присутствие Мандрагора — близко, как будто он с ней в одной комнате. И вдруг она поняла, что сейчас произошло. Ей явился кошмар, явно повторяющийся, его раннего детства в Зимбуре. Он временно вернул разум Мандрагора в детство, и спящий испустил ментальный вопль, который дошел до ее спящего разума и вызвал отклик, вернувшийся в его сон. Теперь он тоже проснулся и ощутил ее присутствие, и Эйлии на

миг стало приятно, что она, в свою очередь, сумела показать ему, как он уязвим. Теперь он в обороне. Каков же будет его следующий ход?

Она встала и оделась с тяжелым сердцем. Сегодня. Сегодня должна быть дуэль, если она не сможет ее предотвратить. И вечер уже приближается.

В дверь постучали.

— Кто там? — настороженно спросила Эйлия.

— Это только я, ваше высочество. — В дверь заглянула старая служанка. — Я вам вот это принесла, от принца.

Она протянула хрустальную вазу, полную роз — темно-красных цветов из дворцового сада. Эйлия взяла их неохотно, и женщина с поклоном удалилась, закрыв за собой дверь.

Оставшись наедине с розами, Эйлия стала расхаживать по комнате. Их тяжелый, насыщенный аромат, который был силен даже в саду, на открытом воздухе, вскоре заполнил комнату.

— Что, если бы я собиралась пойти к нему? — бормотала она про себя. — Если бы я ему сказала, что останусь, что останусь с ним, как он просил? Быть может, он все-таки был прав, и это принесет добро?

Не ищет ли она отчаянно способа уклониться от этой роковой дуэли? Но если можно спасти чью-то душу, избежать войны, если она просто сдастся и останется здесь? Такие альянсы случались: отпрыски враждующих королевских домов соединялись в брачном союзе и создавали мир между своими царствами.

— Он же на самом деле не зло, и во многом мы с ним похожи. Я никогда не желала ему вреда, и сейчас, когда я стала понимать его лучше, мне сама эта мысль невыносима. Но я должна с ним драться — или подчиниться ему. Может ли это спасти его — и Небесную Империю, — если я сдамся, если останусь с ним? Или это лишь обречет нас обоих, сделает ренегатами, презираемыми и преследуемыми *обеими* сторонами?

Она потянулась за розой. Шип, острый, как змеиный зуб, впился в палец, и выступила красная капля. На глаза навернулись слезы. Она посмотрела на кинжал на ночном столике. «Даже розе нужны шипы», — сказал ей Дамион.

Он ей тоже снился — в кошмаре, где он бился с темным отвратительным змеем. Тварь обвила его кольцами, и как Эйлия ни старалась, не могла его освободить. От этого сна она очнулась, сжимая руки в тщетном усилии оторвать от него черные кольца. Потом она какое-то время лежала без сна, убежденная, что ему действительно грозит ужасная опасность. А потом задумалась, не было

ли это проявлением чувства вины? Не предала ли она его и своих друзей одной только мыслью о том, чтобы принять предложение Мандрагора? Вероломство Синдры, волшебницы из немереев, было достаточной низостью. А то, что делает она, — разве не хуже намного? И еще она ощущала другое предательство, с еще более неожиданной стороны: тело ее будто обрело здесь независимую волю и выступило против разума.

Немереи физическое тело считали зверем, с рождения управляемым смертным миром, частью которого оно является, управляемым его желаниями. Со временем разум учится его контролировать, как всадник сдерживает лошадь поводьями, чтобы она себе не причинила вреда. В детстве Эйлия однажды видела, как пони взбунтовался против мальчишки-всадника и не стал слушать его приказов, а пошел на чей-то огород пастись. До сих пор она помнила покрасневшее от стыда лицо мальчишки, тщетно пытающегося подчинить себе лошадку, и издевательский смех прохожих. Когда тело борется с волей, учили ее немереи, последняя *обязана* повести первое, иначе будет нарушено необходимое равновесие. Когда она любила Дамиона, все составляющие ее личности были в согласии. Но теперь она стала ощущать лишь более глубокий призыв, который коренился в плоти, и против него восставали ее мысли, пока ее не стало рвать на части в двух противоположных направлениях. Она теперь ощущала тягу не тогда, когда думала о Дамионе, а когда думала о Мандрагоре. Устыдившись, она затолкала это чувство в какой-то дальний уголок сознания, не желая сознаться в нем даже себе самой. Только теперь, после сновидения Мандрагора и ее бурной реакции на него, она наконец с большой неохотой признала эту правду. Это не было просто проходящее увлечение, какое может быть у любой девушки по отношению к красивому мужчине, но что-то более серьезное. Она предавала Дамиона дважды.

При чем здесь предательство? — спросил внутренний голос. — *Дамион тебя не любит и не полюбит никогда. Ты не обязана ему верностью — в этом смысле. И свободна искать любви в других местах.*

Она выбежала из комнаты, не в силах больше выносить тяжелый аромат, и бросилась вниз по лестнице. Лоанеев еще было очень мало, и когда Эйлия остановилась возле двери бального зала и заглянула внутрь, там был только один человек. Сердце у нее дрогнуло и часто забилось. Возле стола стоял Мандрагор, наливая себе какую-то красную жидкость из хрустального графина. На звук ее легких шагов он обернулся и поднял глаза.

Она собралась заговорить, но он поднял руку ладонью к ней, и она промолчала.

— Я собирался послать за тобой. Я вернусь с тобой вместе — на Темендри Альфаран. Ты меня не убедила. Но я не буду биться с тобой — теперь, когда я узнал тебя, узнал по-настоящему. Я не смогу поднять на тебя руку.

Он уступил! Ей все-таки не надо будет сдаваться самой. Чувство облегчения заполнило ее всю, вместе с легким уколом разочарования, который она тут же подавила. Он поедет с нею, бросит лоанеев и слуг Валдура, станет истинным лоананом. Ее друзья спасены, и войны больше не будет.

— Как я рада, как рада! — сказала она, входя в комнату и подходя к столу. — Мандрагор, обещаю тебе, ты не пожалеешь об этом.

— Выпьешь со мною? — Он показал на графин. — Я знаю, ты не особенно любишь вино, но за это надо выпить. Как по-твоему?

Не желая оскорблять его гостеприимство перед лицом такого великого согласия, она взяла предложенный хрустальный кубок. При свечах темная жидкость играла огненным рубином и издавала аромат густой и сильный, как запах тех роз. Эйлия пригубила. Вкус был сильный и сладкий, но оставлял горечь на языке. Боясь показаться грубой, она заставила себя сделать еще глоток. Почему он тоже не пьет? Он не поднес свой бокал к губам, только смотрел, как пьет она. Страшное подозрение охватило ее.

— Нет! — задохнулась она.

Волна головокружения ударила ее, комната медленно завертелась перед глазами. Он ее отравил? Она отвернулась прочь, и головокружение стало сильнее. Мандрагор взял ее под руку. Лицо его расплывалось и дрожало перед глазами.

— Прости, — сказал его голос откуда-то издалека. — Но так лучше...

— Нет, нет!

Она вырвалась, сделала неверный шаг в сторону и свалилась на кресло. Она хотела бежать к двери, но дверь будто сама двигалась, колебалась перед глазами, потом дверей стало две. Какая же из них настоящая? Эйлия заколебалась, потом глаза заволокло туманом, и пол надвинулся снизу, сбив ее с ног.

Дамион стоял, глядя через прутья решетки.

— Что же хочет от меня ваше величество? — спросил он.

Халазар расхаживал перед камерой, будто это он, а не Дамион, сидел за решеткой. Руки его стискивали складки золотой мантии. Остановившись, он сердито глянул на Дамиона.

— Хватит с меня твоей наглости! — просипел он. — Мне ничего не нужно ни от тебя, ни от кого-нибудь другого! Я — бог-царь, божественный не менее, чем царственный. И ты должен называть меня соответствующим титулом, или ты умрешь. Ты должен поклоняться мне!

— Но зачем, ваше величество? — спросил молодой человек. — У вас целый корпус жрецов, чтобы вам поклоняться, и еще ваши подданные. Вы сказали, что от меня вам ничего не нужно и уж тем более не нужно мое поклонение.

Синие глаза смотрели спокойно и ровно.

— Я тебе говорю, что я бог! — крикнул царь.

Дамион медленно кивнул.

— Ты действительно божествен, Халазар, и это не что иное, как правда. Твоя единственная ошибка в том, что ты веришь: божественность только в тебе, а не во всех людях, во всех тварях на земле и в небе.

Царь схватился за прутья решетки, вперился взглядом внутрь. Он дышал громко и тяжело, будто после долгого бега.

— Это *тебя* называют божественным, да? Духом, ангелом? Так это ложь. Я подвергну тебя испытанию, и эту ложь увидят все. Ибо создание божественное нельзя убить. Я тебя пошлю на арену, в гущу медведей и львов. И люди увидят, как тебя разорвут на куски и сожрут, как звери будут драться за твои кости. И все узнают, что ты всего лишь смертный. — Он выпустил прутья и шагнул назад, и тут ему в голову пришла другая мысль. — Или... или пойдешь в храм. Да, в храм, на алтарь: так в давние времена поступали с пленными. Человеческая жертва, первая за много веков — и не последняя, потому что теперь я царь и бог. Тебя возведут на мой алтарь, чтобы видели все, — и они устрашатся меня. Меня, обладающего властью даже над духами.

Царь отвернулся от камеры и понесся по коридору.

«И я покажу Мандрагору, кто здесь хозяин! — бушевал он про себя. — Он посмел приказывать мне сохранить жизнь этого человека — мне! Чтобы я повиновался собственному слуге? Я убью этого Дамиона, если мне захочется! И Заима тоже. Мандрагор вернется — а его драгоценные пленники мертвы. А эти его гоблины, его шпионы — они мне не помешают, потому что их я тоже убью. Я теперь знаю, что их волшебство можно победить простым железным клинком».

Через несколько часов за Дамионом пришли солдаты в сопровождении тюремщика. Его вывели из камеры и раздели, а потом облачили в простой белый балахон.

— В храм Валдура, — велел тюремщик солдатам. — По приказу царя.

— По улицам идти небезопасно, — сказал один солдат. — Народ волнуется с тех пор, как Гемалу казнили. И еще этот мохарский пророк завтра должен погибать на арене, а они помнят, что он спасал зимбурийцев, и злятся.

Лохматый тюремщик только пожал плечами.

— Это не мое дело, — сказал он, сел на свою скамью и достал фляжку с вином. — Вам сказано — вы и делайте.

Дамион пошел со стражниками не сопротивляясь. На внешнем дворе замка стоял белый конь в венках из белых хризантем. Дамион в изумлении уставился на лошадь. Это не Артагон, белый скакун Мандрагора? Он узнал шрам на задней ноге лошади, оставленный ударом зимбурийской плети. Солдаты, которые захватили Дамиона и его спутников в Маурайнии, взяли также и белого коня как жертвенного скакуна для Трины Лиа, и Артагон попал на Тринисию с пленниками-людьми. Но как же здесь оказался конь? Зачем было везти его в Зимбуру? Это рука судьбы его привела?

Конь узнал Дамиона, фыркнул и обнюхал ему лицо, когда Дамион оказался рядом. Да, это не совпадение, но еще один знак, что он идет по пути судьбы. Элейский конь был доставлен сюда для того, чтобы везти Эйлии к алтарю смерти, как планировалось изначально, но придется коню нести его. Вместо нее на алтарь взойдет он.

— Артагон, — тихо сказал он и почесал лошади нос.

На него самого тоже надели белые венки и заставили сесть на коня. Потом двое стражников связали ему руки и сели на своих лошадей. Ведя белого жертвенного коня в поводу, они выехали из ворот в город. Жители встретили Дамиона приглушенным говором, но он знал, что их едва сдерживаемая ярость направлена не на него. Их возмутил вид человека в белом одеянии, приносимого в жертву: они явно не сомневались, что это — лишь начало, что такие жертвы вскоре не будут ограничены только заключенными и военнопленными. Он ехал со своей стражей по улицам, и толпа напирала все ближе к лошадиным бокам, пока стражникам не пришлось отгонять народ, угрожая мечами. Шум нарастал, и на храмовой площади стал ревом, подобным ветру с бурного моря.

Стражники грубо стащили Дамиона с коня и повели по широкому центральному пролету храма, прямо к подножию каменного колосса. Один держал пленника, а другой стал стучать в дверь святилища рукоятью меча.

— Впустите! — крикнул он. — Именем бога-царя Халазара!

Дверь приоткрылась, и выглянул молодой послушник в грязной черной рясе. Глаза у него были пустыми — непонимающие глаза дурачка. Солдат отпихнул мальчишку с дороги и решительно вошел, сопровождаемый Дамионом и вторым стражником.

В темном помещении с низким потолком в нос ударял запах крови — и старой, и свежепролитой. Атмосфера страха и отчаяния ощущалась почти физически, и Дамион запнулся при входе. Его стражники осклабились, вообразив, что наконец-то их странно безучастный подопечный испугался. Им невдомек было, что не страх поразил его, а жалость, горе не за себя, но за всех тех жертв, что были здесь до него. Эта страшная комната звенела их мукой: следы прежних терзаний ощущались в самом воздухе. Потом Дамион снова стал спокоен. Это он не призраков ощутил, а всего лишь эхо прошедшего. Души древних жертв давно почили в мире, завершив свои страдания.

— Мы привели к вам языческого воина Дамиона, — обратился солдат к старому жрецу, стоявшему со склоненной головой перед простым каменным алтарем. — Это слуга дочери королевы Ночи, трофей, предлагаемый Валдуру.

— Тьфу! Это еще что? — сплюнул старик, подняв седую голову. Глаза его не обернулись к вошедшим — они смотрели куда-то на потолок, в угол. Шрамы сплошь покрывали глазницы, и Дамион понял, что старик слеп. — Ничего лучше не может предложить Халазар, кроме крови варвара? Сначала вы посылаете нам свиней и коз, потом — еретиков! Неужто нет ни одного верного зимбурийца, что хотел бы умереть ради своего бога? В прежние дни ради такого прошения надо было принести в жертву десятки юношей и дев. Неужто Халазар думает, что Валдур даст ему победу над Триной Лиа за жизнь этого никчемного варвара?

— Кощунствуешь! — прикрикнул на него страж. — Царь Халазар и есть воплощение Валдура на земле! И ты думаешь, он сам не знает, что ему приятно? Если он желает крови варвара, он получит ее.

Старик выпрямился.

— Кощунствуешь ты. Когда Валдур снова явится, то придет он могучим и великим воином, а не старым дураком, никогда меча в руках не державшим.

— Богохульник! — вскричал второй солдат, выпуская Дамиона. — Узнает об этом Халазар-Валдур! Это он вернул к власти вас, жрецов, он же и отберет ее, если пожелает.

Скрипнула, выходя из ножен, сталь меча.

Слепой жрец даже не повернул голову на звук.

— Мы ему ничего не должны. Его роль была предопределена: только для того он и родился на свет — вернуть нам силу. Когда он уже не нужен будет Валдуру, бог его отшвырнет в сторону. Он уже живет бесцельно, пережив единственное свое назначение, и его самомнение выросло до размеров кощунства. А пленника вашего я, так и быть, приму на алтарь, но лишь для того, чтобы навлечь на Халазара дальнейшее проклятие. Нечистая кровь пятнает святое место. Завтра, на закрытии фестиваля, я принесу его в жертву. Он умрет вместе с солнцем, как велит обычай, но ни минутой раньше. И если истинный бог Валдур разгневается на такое приношение, то да ведает он, что я здесь безвинен, и да падет весь его гнев на Халазара. И тогда ваш бог-царь может и не дожить до следующего утра.

Стражники бросили Дамиона наземь перед алтарем, потом вышли и хлопнули дверью. Сразу же святилище погрузилось в глубокую тьму. Светильников здесь не было — старому жрецу они, естественно, не были нужны. Много лет жил он уже в этом храме, ибо ослепил сам себя, чтобы избавиться от созерцания творения, которое считал обманом, сплетенным низшими богами. Свои обязанности он исполнял на ощупь и по памяти, убивал жертвенных животных, нащупывая бьющиеся сердца, ощупью находил путь, пока опыт не научил его, сколько шагов от алтаря до двери и где в полу колодец без крышки и барьера для защиты от смертельного падения. Послушник никогда не покидал своего поста у дверей, кроме как по команде хозяина, и слушался его голоса как неоспоримой истины.

Дамион лежал в абсолютно черной темноте, ощущая под собой холодный камень, и начинал потихоньку дрожать. Он смирился с этой судьбой, оставив круг на песке, но тело его обрело собственную волю, независимую от разума и даже от бессознательных сновидений. Древняя цель, записанная в каждом нерве, в каждой жилке, и этой целью была — жизнь. Ее пробудил мимолетный страх, который ощутил Дамион на пороге святилища, и хотя Дамион преодолел его, руки его сами по себе стали бороться со связывающими их веревками, а ноги пытались бежать по каменному полу.

И тогда перед его глазами снова появился образ Эйлии, и он понял в этот миг, как сильны в нем любовь к ней и восхищение ею и насколько стоит она любых его усилий, даже подвигов, даже этой страшной жертвы. Закрыв глаза, он ушел в собственную внутреннюю темноту, в глубокое убежище, куда не было дороги боли. И лицо Эйлии было с ним.

21
Удача меняется

Великая зимбурийская арена была построена рабами в древние времена из больших глыб красного гранита, и на ее песчаном овале вполне могли сойтись в бою два батальона. Здесь сражались гладиаторы в расцвете сил, здесь бросали зверям провинившихся рабов и просто пленников. Здесь погибали в старые дни паладины, и даже немереи вели безнадежный бой против превосходящих сил чернокнижников. В правление Халазара жестокие представления давались даже чаще, чем раньше, и более изобретательно и масштабно. Говорили даже, что меньше стало в Зимбуре диких зверей, потому что их вылавливают для царской потехи.

На верхних ярусах располагались богатые зрители, пируя и наслаждаясь зрелищем, а статуи Валдура и младших богов смотрели на все это раскрашенными глазами. Глубоко под этими облицованными мрамором ложами, будто ад для этих небес, располагался подземный лабиринт освещенных факелами коридоров и стойл. Здесь ждали своей судьбы приговоренные, пока пойманные звери — медведи, быки, страусы, носороги и большие кошки — беспокойно метались за железными решетками, а гладиаторы точили мечи и разминались, ожидая выхода на арену. Это была странная комбинация оружейной, подземной тюрьмы и зверинца. Сырые стены будто впитывали в себя боль и отчаяние заключенных и выдыхали его липкими миазмами. Кое-кто из жертв выцарапывал последние послания на сырых камнях, каждый на языке своей родины. Среди этих каракулей и карикатур были следы, оставленные много лет назад молодым Йомаром, когда он ждал своей очереди драться. Оскорбления в адрес зимбурийцев, оставленные в немом вызове. Он не знал тогда, что останется в живых, и уж точно ему не снилось, что он вернется сюда...

Сейчас он сидел на деревянной скамье в оковах с другими пленниками: мохарскими повстанцами, арайнийскими воинами, взятыми в битве в пустыне. Лорелин с ними не было, и он не знал, куда ее увели. Были здесь и немереи, среди них и великий Эзмон Волхв, но железные оковы не давали им пустить в ход чародейство. Здесь они сидели уже двое суток, переведенные из подземелий Йанувана. Пленники тихо разговаривали, но Йомар уставился на грязный каменный пол, отполированный поколениями приговоренных. Сколько их здесь погибло? — подумал он. Не на одну войну хватило бы столько убитых. И теперь он снова здесь — даже не

гладиатором, а безоружным пленником, обреченным на казнь. Тусклыми глазами глядел он на железные решетки, где сидели два льва со спутанными облезлыми гривами и один саблезубый кот. Он был бы похож на безгривого льва, если бы не короткий хвост и не клыки: два костяных клыка-ятагана спускались вниз из верхней челюсти. Огромный кот вставал на дыбы, стоило только кому-нибудь пройти мимо его клетки, ревел и бил страшными клыками сквозь прутья.

Йомар вздрогнул, исполняясь злых воспоминаний о прежних битвах с подобными зверями на этой арене. Но он знал, что не с этим противником придется встретиться ему и его товарищам по несчастью. Шепотом передавались слухи о новых и ужасных зверях для арены, привезенных гоблинами с их страшной планеты — Омбара.

Щелкнул в воздухе бич. Люди подняли взгляды и увидели надсмотрщика. Он стоял, широко расставив ноги, и скалил зубы в насмешке.

— Ну, вы, лодыри! А ну марш на арену! — Он злобно усмехнулся теперь лично Йомару, которого отлично помнил. И был явно рад, что Мулат снова в его власти. — И ты тоже, дружок. Думал, сбежал, да? Они так часто думают, которые сюда приходят. Иногда кто-нибудь находит лазейку, вырывается на денек-другой. Но подыхают все — и люди, и звери. Отсюда только один путь.

Он захохотал, будто сказал что-то до невозможности смешное. Йомар не ответил.

Скованные пленники пошли цепочкой мимо железных прутьев, вверх по лестнице и заморгали, когда короткий туннель вывел их внезапно на свет. Везде простирался песок, кое-где уже заляпанный кровью, а вокруг — ярус за ярусом кресел и крытых галерей. Но на верхних уровнях зрителей было мало, а царская ложа пустовала.

Пленники сгрудились на горячем песке и ждали. Йомар разглядывал лежащий неподалеку труп животного, один из многих, валяющихся на арене. Тоже саблезубый. Огромный кот был в буквальном смысле разорван пополам, будто когтями великана. Он сглотнул слюну. Что же это за звери с Омбара?

— У вас, конечно, ни у кого нет умения заговаривать зверей? — мрачно спросил он у немереев.

— Даже если было бы, — ответил Эзмон Волхв, поднимая скованные руки, — мы все равно не смогли бы им воспользоваться.

— Снять им кандалы с рук и ног, — велел надсмотрщик своим подручным. — Кроме тех, у кого цепь на шее: это немереи, и долж-

ны быть скованы железом. А остальные пусть свободно размахивают руками и ногами. Иначе пленники погибнут слишком быстро, а царь хочет развлечься.

Мохарских повстанцев и арайнийских солдат расковали и остриями копий заставили выйти в середину арены. Йомар разглядел какие-то едва видные контуры позади арочных входов трех больших клеток на той стороне. Он подошел поближе, и сердце его начало стучать до отчаяния знакомо. Это были выбранные звери, их сегодняшние противники, точнее, палачи, потому что ни он, ни его товарищи их нападения не выдержат. Когда он подошел еще ближе, контуры превратились в огромных тварей, порождения кошмара. Высоченная птица, больше верблюда, с хищным загнутым клювом, длинной шеей и ногами толщиной с молодые деревца. Завидев Йомара, птица бросилась к решетке, просунула клюв сквозь прутья и оглушительно завизжала. Во второй клетке лежала груда чешуи и роговых пластин, чем-то напоминающая крокодила, только намного больше. А в третьей — Валдур его знает, что оно такое было. Больше всего это похоже было на животное, с которого содрали шкуру, или на плод, извлеченный из чрева матери раньше, чем он сформировался. Первое слово, что приходило в голову, — «уродство». Бесформенное, желеобразное; сквозь кожу и прозрачное, как у медузы, тело просвечивают пульсирующие сосуды и бледные сухожилия. А из середины аморфной массы таращится единственный красный глаз.

Из туннеля, откуда они вышли, выбежал гонец.

— Царя сегодня не будет. На улицах беспорядки, стражи не гарантируют его безопасности. Но он желает, чтобы пленных все равно казнили. Есть опасения, что их сообщники могут попытаться их отбить.

— Ну так что делать будем? — взревел распорядитель арены, задрав голову к верхним рядам. — Кого пускаем: большую птичку, афанка или нук-елаве?

С нижних рядов слышался только рев, и слова верхнего яруса невозможно было разобрать.

Распорядитель арены довольно усмехнулся.

— Как, говорите? Нук-елаве? Значит, я правильно услышал. — И он со своими помощниками направился обратно в туннель. — Выпускай третьего зверя! — крикнул он, проскочил в отверстие туннеля и запер железную решетку.

Со скрежетом поднялась решетка, закрывающая третью клетку. Блестящая масса нук-елаве поднялась, высунула одноглазую

голову и выползла на песок арены. Теперь, на свету, когда тварь уже не лежала, истинная ее форма была видна зрителям. Двадцать футов в высоту, четыре вывернутые наружу конечности, но из боков вырастало множество непонятных отростков, плоских и похожих на плавники, будто тварь была не сухопутная, а водная. Широкая голова почти пополам разделялась огромной ухмыляющейся пастью, напоминающей китовую. А над нею таращился красный глаз, расположенный так далеко впереди, что у любого другого зверя он был бы на кончике морды. Тело твари было багряно-красного цвета, и теневые контуры внутренних органов и массивных костей выделялись в солнечном свете.

Даже закаленный воин с трудом выдержал бы такое зрелище. С губ пленников сорвались крики ужаса, и те, с кого сняли оковы, дрожа, сбились в кучу.

— Ну, нечего жаться, как овцы! — рявкнул на них Йомар. — Рассыпались! У этой твари только один глаз, собьем ее с толку!

Огромная одноглазая голова покачивалась из стороны в сторону, будто раздумывая, кого из жертв выбрать первой. Потом тварь бросилась к двоим, которые были ближе остальных друг к другу. Двигалась она с ужасающей быстротой для такого огромного зверя. Пленники вскрикнули и бросились бежать — в одну и ту же сторону. Йомар выругался и бросился вслед за хищником и жертвой.

— Нет! В разные стороны бегите! Собьем ее с толку, я сказал!

Но они ничего не понимали от страха.

Йомар на бегу отчаянно оглядывал арену. Что он может без оружия? А вокруг только песок, даже ни камня, ни ветки нет. Кости от убитых зверей лежат, но что толку от них против такого чудовища?

И тут он увидел труп саблезубого.

Нагнувшись, он схватил большую кость ноги, не сбиваясь с шага, потом повернулся и прыгнул к телу мертвого кота. Бросился на песок рядом с ним и стал колотить костью по морде, оглядываясь через плечо, как нук-елаве гоняет по арене свою дичь. Наконец ему удалось выбить один гигантский клык из челюсти мертвого зверя. Йомар стиснул его за окровавленный корень и почувствовал, как от оружия все тело его наполняется храбростью. Может быть, потому что теперь хоть какое-то оружие у него было или потому, что, как говорил шаман, в него вошла сила духа убитого зверя. Вдруг он пожалел, что нет рядом Лорелин с ее силой, быстротой и спокойным непоколебимым мужеством. Хорошо бы она стояла сейчас с ним бок о бок в этой битве с чудовищем.

Сзади раздался страшный крик. Метнулась огромная когтистая лапа, сбив одного из двоих на песок и придавив сверху. Раскрылись клыкастые челюсти.

«У твари только один глаз. Ослепи ее, и она будет беспомощна».

Но этот глаз — над огромной яростной пастью, полной клыков. Сможет ли он забраться на спину зверю и добраться оттуда до глаза?

Уходя от циклопического взгляда, Йомар бросился к спине зверя и взлетел на нее. Желеобразная кожа на ощупь была липкой и противной, но Йомар вбил в тело клык, как скалолаз вбивает крюк в стену. Зверь, уже смыкавший челюсти, яростно взбрыкнул задними ногами. Йомар свалился на песок, на миг оглушенный. Потом смог подняться на четвереньки. Пасть твари уже была занята жертвой — человек еще кричал и размахивал руками и ногами. Нук-елаве тряхнул головой из стороны в сторону, потом лег на песок разделывать добычу, как это делает лев.

И Йомар сразу бросился на него, на этот раз спереди.

Он перегнулся через мечущегося человека, прямо к прозрачной морде чудовища. Из орбиты посередине черепа глядел красный глаз. Свободной рукой захватив песка, Йомар метнул его в это глазное яблоко. Глаз закрыла прозрачная пленка века, зверь заревел. При этом он разжал челюсти и выпустил добычу.

Йомар взвыл в ответ, потом подобрался и метнулся — не назад, а вперед, почти в самую пасть зверя, в поблескивающую багряную пещеру, откуда из темной глотки мощное дыхание несло невыносимую вонь и оглушающий рев. Ухватив беспомощного товарища свободной рукой, Йомар дернул его изо всех сил. А другой рукой полосовал изнутри пасть и болтающийся багровый язык, оставляя глубокие раны. Повреди зверю пасть, подумал он, и у него может пропасть желание тебя схарчить.

Большой желтый клык оставил кровавую царапину у него на предплечье, и челюсти со стуком сомкнулись. Но никто не оказался между ними: обезумевшая жертва выпала на песок и лежала там, не осознавая ни опасности, ни спасения, а Йомар отпрыгнул в сторону и замахал руками, привлекая внимание чудовища. Оно двинулось к нему, огромные челюсти широко распахнулись.

И снова он прыгнул вперед, прямо в пасть зверя, используя нижнюю челюсть как подножку. Схватившись левой рукой за верхнюю и взмахнув правой, он всадил зуб в гигантский глаз.

Раздался оглушительный рев, зуб вырвался из руки. Йомар свалился назад, а зверь завертелся на слоновьих ногах, мотая головой и пытаясь нащупать глаз передними лапами. Ему удалось выбить

окровавленный зуб, и тот упал на песок, но Йомар достиг своей цели: чудище ослепло. Обезумев от боли и ужаса, оно вертелось, металось из стороны в сторону и от этих вращений оказалось еще ближе к первой жертве — этот человек уже зашевелился, пытаясь подняться. Стоит ему попасть под мощную ногу, и ему конец. Йомар бросился к упавшему клыку саблезубого кота и снова подхватил его. Покрытый запекающейся кровью зуб скользил в ладони, и Йомар, вываляв его в песке, взял двумя руками. Нук-елаве остановился неподвижно, тяжело дыша, бесформенная голова склонилась на сторону. Понятно: лишившись зрения, зверь искал добычу по запаху. И вдруг он бросился прямо на Йомара, вытягивая передние лапы: раздавить невидимого мучителя, отомстить за свои раны!

Йомар, уходя от удара, низко наклонился и нырнул между передними ногами, оказавшись прямо под провисшим брюхом. Снова выпрямившись, он ударил клыком вверх. Зуб, предназначенный для пробивания толстой мохнатой шкуры мастодонтов, легко вошел в мягкое подбрюшье. Очень удачно, что жизненно важные органы были видны снаружи, иначе непонятно было бы, куда бить. Изо всей мочи Йомар бил и бил клыком вверх. Он пробивал пульсирующие сосуды, раздутые органы, мешки легких, хлестала кровь и какие-то жидкости с мерзким запахом. Потом Йомар бросился на песок, покатился и успел выбраться из-под зверя прежде, чем у того подкосились ноги, как сломанные столбы, и с жутким воем зверь рухнул на песок.

Мертвый.

Дикий шум публики грянул с тройной силой. Йомар поднял глаза, стирая с глаз кровь и пот, и увидел, что люди лезут на арену поверх барьеров. Неужто он выжил в схватке, только чтобы его разорвала на части озверевшая толпа? Против *этого* никакой клык саблезубого не поможет, а мышцы кричали от усталости. Йомар попытался подняться, но рухнул на колени.

Толпа хлынула и разомкнулась вокруг него, как волна. Его схватили многие руки, но в их прикосновении не было злобы, и в голосах тоже. Его подняли в воздух, на плечи. И посреди толпы мелькнуло знакомое лицо.

— Браво, браво, сын Йемосы! — кричал Киран Йарисс. — Слава твоя переживет века! В жизни не видел я такой смелости!

Улыбки на лицах, смех повсюду — и сквозь усталость Йомар наконец осознал правду. Люди были на его стороне — все это время! Громоподобная ярость не на него была направлена, но на его

врагов. Теперь, когда он мог слушать, он разобрал гул слов «Заим» и «Йомар», распеваемых мощным хором.

— Мы пришли бы к тебе на помощь и раньше, но боялись зверя. – Киран протолкался сквозь толпу поближе к усталому Йомару, и державшие его на плечах снова поставили его на ноги. — Людей разозлило то, что было сделано с тобой — и с Гемалой тоже. Армия разделилась, половина солдат взбунтовалась. Многие отказываются стрелять в толпу, бушующую вокруг Йанувана, и некоторые даже подстрелили тех своих товарищей по оружию, которые этому приказу подчинились.

— Не верю, — пробормотал Йомар. Неужто это случилось наконец, и эти люди восстали все-таки против своего правителя? Невероятным усилием воли он собрался с мыслями. — Помогите этому человеку, — велел он. — Кажется, он ранен. И найдите кузнеца снять оковы с тех, на ком они еще есть. Это немереи, и нам понадобится их помощь.

— Но ты тоже ранен, — заметил Киран, показывая рукой.

Йомар посмотрел на кровоточащую руку.

— Царапина. Дай мне чем-нибудь ее перевязать — кусок твоего пояса, например, — и все будет в порядке. Сейчас нам надо в Йануван, я буду говорить с восставшими солдатами — и мне нужен меч! У Халазара есть еще в тюрьме мои люди и двое моих друзей. Ты не знаешь, что сталось с Лорелин, Киран?

Киран помрачнел.

— Ее послали в гарем рабыней царских жен. А твоего друга Дамиона — в храм, для жертвоприношения.

— Что?

Перевязывавший себе руку Йомар остановился.

— Вот потому отчасти народ и гневается — люди опасаются, что вернутся старые времена. Дамиону предстоит умереть на закате... Йомар! — Киран бежал, не успевая за широкими шагами Заима. — Лорелин может грозить опасность побольше. Толпа уже ломится в двери Йанувана. Если они ворвутся, Халазару придется удирать подземным ходом, оставив гарем!

— И что?

Йомар ни разу не сбился с шага и не оглянулся на бегущего рядом Кирана.

— Стражи должны будут последовать обычаю, чтобы охранить честь царя. Весь гарем будет перебит — в том числе рабыни.

Йомар не ответил. Усталость и рана были забыты. Расталкивая перед собой народ, он перешел на бег.

* * *

— Что там за шум? — спросила Лорелин, подходя к окну гарема.

Она была одета в коричневый балахон рабыни, шею перехватывал железный ошейник. Наложницы и жены царя, разряженные как птицы, посмотрели на нее.

— Вроде как голоса — сотни и сотни голосов, — сказала она. — Ничего не видно через эти дурацкие шторы. Как вы их открываете?

Одна из царских жен подошла к окну, где стояла Лорелин.

— Шторы всегда закрыты, чтобы только свет проходил внутрь. Нельзя, чтобы нас видели в окнах! Нас тогда накажут за нескромность.

Не говоря больше ни слова, Лорелин подняла руку и откинула штору прочь, открыв неприглушенный свет, вид на зубчатую стену Йанувана и мощеные дорожки внешнего двора. Зимбурийки заморгали, заговорили недовольно, прикрывая глаза ладонями, будто их слепил даже тихий свет раннего вечера.

Тут мальчишка лет десяти, с пухлым лицом, который валялся неподалеку на диване, сел и недовольно взглянул на Лорелин.

— Отойди от окна, рабыня! — велел он. — Тебя за это выпорют. А ты, Ара, — это женщине, стоявшей рядом с Лорелин, — ты показалась в окне, где тебя могли увидеть стражники! Ты, жена царя! И тебя следует наказать.

— Ты ему позволяешь так с собой разговаривать? — удивилась Лорелин, когда женщина съежилась и залилась слезами.

— Молчать! — сказал мальчишка. — Она должна делать, что ей говорят. Отойди от окна — немедленно!

— Слушаюсь, сын мой.

И она отодвинулась.

Лорелин вытаращила глаза.

— Это твой сын? Ты боишься своего дитяти?

— Он наследный принц, Йари. Его братья умерли, и выше его — только Халазар.

— Чушь! — фыркнула Лорелин. — Тебе должно быть стыдно. Взрослая женщина, а позволяет ребенку собой помыкать.

Густо подведенные глаза опустились под ее взглядом.

— Таков закон. Правят мужчины, сколько бы лет им ни было. Если мужчина умирает, главой дома становится его сын, будь он даже еще ребенком.

— Значит, закон дурацкий. И самое время его изменить. — Внимание Лорелин отвлекла суматоха во дворе, и она повернулась

к окну. — Похоже, что там армия и дворцовая стража! — воскликнула она. — И дерутся они *друг с другом!* Но почему?

Принцесса Марьяна подошла к окну, посмотрела и показала рукой:

— Смотри!

Там сотни безоружных оборванцев бежали по двору, следуя за армией.

Лорелин испустила победный крик:

— Народ! Народ восстал! Понятно! Солдаты не захотели больше стрелять своих сограждан и восстали — вломились в крепость и теперь ищут Халазара!

Женщины завыли и запричитали. Лорелин обернулась к ним.

— Да не бойтесь вы! Никто вас в преступлениях Халазара не обвинит. Вас отпустят, не сомневайтесь, отпустят по домам. Ничего лучшего и быть не могло!

— Да нет! — выговорила одна из царских жен сквозь слезы. — Ты не понимаешь. Нам не жить, сама увидишь.

— Что ты несешь? — спросила Лорелин, но женщина лишь разразилась рыданиями, и многие подхватили ее вой.

У главного евнуха лицо стало пепельно-серым.

— У дворцовой стражи есть приказ на этот случай, — сказал Йегоси, запинаясь, но и он ничего добавлять не стал.

Пока шел бой внизу, вдруг отворилась дверь в дальней стене, и вошли двое вооруженных стражников. Один держал меч наголо, а другой нес большую флягу, которую поставил на стол.

— Все кончено, и вам предстоит выполнить последний долг, — сказал первый стражник.

— Царь убит? — пронзительно крикнула одна из жен царя.

— Нет, он жив, но ему необходимо бежать из дворца, и Йари с ним. Взять с собой вас всех мы не можем. И вы должны умереть, чтобы не опозорить царя, став добычей других мужчин. Рабы тоже умрут, — добавил он, глянув на Марьяну и Лорелин и на стоящего за ними Йегоси. — Все обитатели гарема должны принять яд. Будьте смелы и умрите с честью за вашего царя, служа ему до последнего вздоха.

— А зачем ты обнажил меч? — дерзко спросила Лорелин, глядя на оружие.

— Та, кто откажется принять яд, будет убита мечом. Таков закон.

Женщины снова завыли и стали цепляться друг за друга. Некоторые из евнухов тоже заплакали. Если бы у них только хватило смелости навалиться на охранников, с досадой подумала Лоре-

лин, — просто числом бы задавили. Но это были не свободные люди, а робкие создания, выращенные для покорности. С тем же успехом можно пытаться натравить стадо овец на пару волков!

Лорелин сжала зубы.

— Если так, то я буду первой.

Она протолкалась мимо остальных и вышла к столу. Второй стражник как раз наливал темно-коричневую жидкость из фляги в кубок.

— Сперва жены, потом наложницы! — отрезал он. — Рабы идут последними.

— А какая разница? — спросила она, дерзко глядя ему в глаза.

— Пусть ее, — посоветовал стражник с мечом. — Эта *должна* умереть в любом случае, от яда или меча, чтобы ее сообщники не освободили. Приказ Халазара.

— Ну и хорошо, — сказала Лорелин. — Я приму яд. Хотя бы сама возьму свою жизнь, а не буду умирать от меча труса.

Взяв чашу со стола, она поднесла ее к губам.

И вдруг неожиданным движением кисти плеснула все ее содержимое в лицо второго стражника.

Он заорал, схватился за лицо руками, будто в ужасе, что яд как-то впитается сквозь кожу. Ослепленный собственными дикими усилиями, он покачнулся, и Лорелин, схватившись за рукоять его меча, выдернула оружие из ножен. Первый стражник, придя в себя от изумления, занес меч — но поздно, клинок Лорелин уже вошел под его руку. Стражник рухнул на пол.

— Возьми его меч! — крикнула Лорелин Марьяне, пока зимбурийки с криками метались вокруг, еще более напоминая перепуганных овец. Уцелевший стражник свернулся в углу, постанывая от страха и держась за лицо. Марьяна поглядела на Лорелин, будто не верила своим глазам.

— Что ты делаешь?

— Надо отсюда убираться, — ответила Лорелин. — Надо помочь повстанцам. Эй, помоги-ка мне натянуть его одежду и доспехи, — она показала на убитого стражника, — а сама возьми его меч!

— Не могу, — пролепетала Марьяна, съеживаясь. — Я никогда никакого оружия не держала в руках. Это бесполезно, госпожа Лорелин, — я не так сильна, как ты, и не так смела!

— Ты *должна* быть и сильной, и смелой, — отмела Лорелин ее возражения, натягивая доспехи. — Ты — царица Шурканы. Вы должны быть смелой ради своей страны, ваше величество.

Марьяна уставилась на нее, соображая. Впервые за все время плена она поняла, что смерть отца и братьев делает ее наследницей

трона. Ведь Шуркана пала, и как тогда может быть наследник у трона Лотоса? Но сейчас Халазар свергнут, и она поняла наконец: она свободна — и Шуркана свободна вместе с нею.

«Царица».

Марьяна дрожащими руками подобрала упавший ятаган. Отлично уравновешенный клинок, не такой тяжелый, каким казался на взгляд, и оказалось, к удивлению Марьяны, что она ловко им владеет.

— Молодец! — одобрила Лорелин, натягивая шлем. — Да прекрати ты хныкать! — Это дрожащему стражнику. — Если бы яд должен был тебя убить, ты бы уже умер. И это ты после всех своих разговоров насчет «умереть с честью»!

Лорелин схватила флягу и, разбив оконное стекло рукоятью меча, выбросила во двор вместе с ее содержимым.

— Вперед, ваше величество! — крикнула она, устремляясь к двери.

Лорелин и Марьяна выбежали в коридор, ведущий к большой центральной лестнице. Снаружи доносились звуки: проклятия и лязг стали о сталь.

Халазар бурей ворвался на стену. Рычащая беснующаяся толпа собралась вокруг центральной цитадели, и дворцовая стража выстроилась против нее несколькими батальонами. Халазар сжимал кулаки, глядя налитыми кровью глазами на собравшихся внизу бунтовщиков. С высоты они казались насекомыми, кишащей мелочью, которую можно раздавить сапогом. Если бы это было так!

Снова и снова он приказывал солдатам бить по толпе из пушек и стрелять из луков. Солдаты повиновались, падали в толпе убитые и раненые — и все же толпа росла, как какой-то рычащий монстр, отращивающий себе новые головы взамен отрезанных. И с каждой атакой народа рос в армии раскол. Одно дело — нападать на мохарцев или шурканцев, совсем другое — стрелять по своим. Многие из рекрутов родились на этих самых улицах, у них были жены, друзья, родственники среди горожан. А многие открыто взбунтовались. Кто-то срезал с виселицы тело генерала Гемалы — без сомнения, чтобы похоронить. Открытое нарушение царского приказа.

Халазар скрипнул зубами. И Мандрагор не откликнулся пока на призыв о помощи.

— Я его покараю за такое неповиновение! — прорычал царь. — Когда он придет, я закую его в холодное железо, как его гоблинских слуг!

Гемала предупреждал его перед смертью: «Этот Мандрагор никакой не дух! Да, он волшебник страшной силы, но все равно смертный. Ты сам видел, царь: у него текла кровь! Разве может течь кровь у духа? Он с самого начала обманул ваше величество!»

— Правду говорил Гемала, — выдохнул Халазар, кипя. — Мандрагор обманул меня. Что ж, мы снова пустим ему кровь, хоть он и колдун! Я его повешу на той виселице, где был Гемала!

Он сбежал со стены. Схватив меч из рук ошеломленного стража, он побежал вниз по широкой главной лестнице цитадели.

Вдруг он увидел, что через коридор бегут двое: женщина в коричневом балахоне рабыни и дворцовый стражник.

— Вот главные двери! — показала рабыня, в которой Халазар узнал принцессу Марьяну. — Стоит снять засов, и народ войдет.

Он с яростью посмотрел на стражника. Еще один предатель — прямо в его доме! И этот страж дал рабыне меч! Ярость овладела царем, и он бросился вниз по лестнице, как обезумевший бык.

— Грязный предатель! — зарычал он. — Помогать моим врагам?

Не обращая внимания на Марьяну, он в ослепляющем гневе набросился на стражника. Меч стражника свернул в воздухе, отбив клинок Халазара. Отбивая град ударов стражника, царь старался выбить у него меч и убить его, но тут острая боль ударила в плечо, и царь вскрикнул, оборачиваясь. Там стояла Марьяна, держа в трясущихся руках меч. С окровавленным острием.

— Нет! — закричал стражник. — Оставь его мне!

Голос казался знакомым, но царь был слишком зол, чтобы сейчас об этом думать. Выбив меч из неопытной руки Марьяны, Халазар занес клинок для обезглавливающего удара, но тут же его руку полоснул меч стражника. Он обернулся, нанося удары в ответ, неуклюжие из-за боли, но вкладывая в каждый удар свой вес. Стражник уступал. И тут, когда царь занес меч для очередного сокрушительного удара сверху, левый бок пронзило мучительной болью. Он опустил глаза, непонимающе глядя на торчащее из груди острие.

Он медленно повернулся и увидел ее — Марьяну. Она снова подобрала меч и вогнала в него. Нет. Это невозможно. Женщина не может...

Он рухнул на колени, меч лязгнул, ударившись об пол. Он, повелевавший неисчислимыми легионами, не мог добиться повиновения собственных рук и ног. Они предали его, отказались выполнять приказы.

Царь свалился набок. И там, растекаясь по полу, струилась его кровь — убегала, дезертировала из тела длинными красными стру-

ями. Сила пропала, в глазах мутнело. Он был уже не бог, всего лишь человек, которому недолго осталось жить. И умирал он от руки женщины — даже не Трины Лиа, но низкой рабыни.

Этого не могло быть. Халазар-Валдур умереть не может — так умереть.

Глубоко в горле зародился стон, стон смертельно раненного животного. Или человека, смертного человека, который не является богом и никогда им не был... Он падал в беспросветную тьму, где нет ни исцеления, ни надежды. Уже не Халазар-Валдур, а просто Халазар, который должен умереть смертью мужчины. Пусть он хотя бы умрет от руки мужчины, а не женщины! Почему этот предатель-страж не ударит, будь он проклят, когда видит, как лежит перед ним беспомощным его господин? Жизнь быстро покидала Халазара, но оставалась еще возможность достойной гибели от мужской руки. С бессильной угрозой смотрел он на стражника. «Убей меня, убей! Если я умру от руки женщины, я умру в позоре. Пусть я умру от твоей...»

Но стражник снимал с себя шлем...

Увидев это лицо, Халазар безмолвно раскрыл рот в ужасе и отчаянии. И долгий вопль полного поражения вырвался из его уст.

Главные двери прогнулись и разлетелись, открывая проход, и в них хлынули мятежники. Осажденная стража дворца дрогнула и обратилась в бегство под напором превосходящих сил. Люди топтали тех, кто не успел убежать, крушили гобелены, золотые безделушки, вазы, крича и вопя.

Один из мятежников огляделся и увидел бегущую по залу Лорелин. Это был Йомар. Она бросилась к нему с воплем, и он улыбнулся ей во весь рот.

— Вот это день! Можешь себе представить, меня освободила толпа! Но где Халазар?

— Вот. — Лорелин показала на окровавленный труп, валяющийся на каменном полу. — Он убит, Йо.

— Уверена? — Йомар с надеждой пошевелил труп острием меча, но тот не отреагировал. — А жаль, — буркнул он. — Мне бы хотелось самому получить это удовольствие. Что ж, хоть одному из нас оно досталось.

— Это не я, — ответила Лорелин. — Смертельный удар нанесла Марьяна.

Шурканка все еще сжимала окровавленный меч.

— Кончено, — сказала она тихо, бросая клинок. — Мой отец и братья отомщены.

Йомар повернулся к Лорелин.

— А ты как? Не ранена? — спросил он, кладя руку ей на плечо.

Она покачала головой.

— Йо, с тобой есть еще воины? Надо поставить охрану у гарема. Женщины там напуганы, и я боюсь, как бы толпа не обидела детей. Среди них есть маленькие чудовища, особенно Йари, но они не виноваты, что они — дети Халазара, и за это их убивать не надо.

Не выпуская ее руку, Йомар побежал вперед, таща ее за собой.

— Со мной арайнийцы. Я их пошлю охранять женщин и детей. И Марьяну тоже. Возвращайтесь в гарем, ваше величество, и ждите там! — крикнул он через плечо.

Молодая царица остановилась.

— Прошу вас, — настойчиво сказал он. — С вами там ничего не случится, даю слово. Лорелин, пошли со мной.

— Куда? — спросила она на бегу.

— В храм Валдура. Дамиона отправили туда — умереть на заходе солнца.

Лорелин ахнула:

— Тогда побежали быстрее, Йо! Солнце *уже* заходит!

Дамион лишь смутно ощущал твердый камень алтаря, на который его положили жрец и послушник. Последний по команде своего хозяина приотворил дверь, чтобы следить, как опускается на небе солнце. Жрец держал в иссохшей руке древний церемониальный кинжал с бронзовым лезвием и рукоятью из человеческой кости. Но Дамион не тратил мысли на эти мелочи. Он лежал неподвижно, закрыв глаза, завороженный чередой образов, играющих у него в голове. На темном фоне закрытых век они снова стали отчетливыми. Проход в цепях по людным улицам, убежище в оазисе, битва в пустыне, все прошло снова, как возвращающаяся при отливе вода. И снова он был в Арайнии, в Халмирионе, и глядела на него Эйлия в короне цветов.

«Эйлия, — подумал он. — Эйлия, я люблю тебя!»

Теперь перед глазами проходило первое их приключение: Камень, остров Тринисия. Образы летели с захватывающей дух быстротой. Ана — Лорелин — свиток — семинарские годы — приют...

Где-то далеко-далеко прозвучал голос старого жреца:

— Еще не время, мальчик? Скажи, когда время наступит.

И медленный, заикающийся голос послушника ответил:

— Солнце умирает, господин. Небо красное. Но, господин...

— В чем дело, мальчик? Что там за шум снаружи?

— Идут люди. Они кричат. Их много, они очень злые. — Голос послушника дрожал.

— Закрой дверь и запри на засов! — В голосе священника не было страха, только какое-то странное злорадство. — Кончилось царство Халазара. И осталось лишь одно: последний акт кощунства, чтобы погиб он навечно.

Послышался хлопок закрываемой двери, и тьма перед глазами Дамиона сгустилась еще больше, когда пропал последний наружный свет. Но еще яснее стали в этой черноте образы внутренних видений. С трепетом изумления Дамион ощутил, как его разум уходит еще дальше: к дальнему берегу морей мысли, где лежат обломками кораблекрушения фрагменты еще более раннего прошлого. Утерянные воспоминания — сад — цветы — два лица: мужчина и женщина. *Отец и мать.* Нет, это уже не воспоминания, а реальность. Женщина в белом с зелеными глазами и золотыми локонами волос стояла перед ним в темноте, призывая его...

«Я помню тебя теперь, — сказал он ей мысленно. — Помню все! Значит, это и есть смерть — вспомнить все, что мы утратили? И смерть воистину есть сон — или снится нам жизнь, а смерть — это пробуждение?»

Руки ее и глаза манили его, манили в ее объятия.

22
Невеста дракона

Аурон кружил высоко в небе над башнями Запретного дворца. Летал он, перекинувшись кокатриксом, но даже в этом виде сильно рисковал, так близко подлетая к твердыне врага. Отчаянная тревога за Эйлию толкнула его к такому риску. Он мог лишь надеться, что при таком количестве лоанеев в крепости эфирные пульсации от его преобразованного тела примут за собственные, если кто-нибудь их почует. Говорили, что драконий народ днем спит, так что можно было рассчитывать ускользнуть от внимания часовых. И все равно лететь над твердыней Мандрагора надо было быстро.

Он взмахнул кожистыми крыльями и решился спланировать ниже, под тень центральной башни. Что-то он там такое увидел: одинокая фигура, женщина, высокая, идет по саду. А если это...

Он спустился по спирали в тяжелый теплый воздух и сел на лужайку в нескольких шагах от женщины. Она была одета в платье

красного шелка, вышитое узором золотых драконов, и волосы были причесаны непривычно. Но это была она. Аурон не мог поверить в свою удачу. Она уставилась на него расширенными глазами, а он превратился в привычного ей человека и шепнул:

— Эйлия!

— Аурон! — ахнула она.

— Ваше высочество, не волнуйтесь, мы прилетели за вами — Талира, Фалаар и я. Бежим, пока Мандрагор вас не видит. Я могу унести вас на спине.

Он снова потянулся за силой, готовясь к превращению в дракона. На этот раз его обращение к силе привлечет внимание тех, кто внутри. Принц бросится за ними в ту же секунду, призвав своих лоананов. Но удрать можно будет, если лететь изо всей силы и призвать умение управлять погодой...

Эйлия тихо вскрикнула и отскочила на пару шагов.

— Нет! Уходи! Оставь меня в покое! — закричала она.

В удивлении он выпустил из рук контроль над силой, которую призывал. Подбежал к ней, протягивая руки.

— Эйлия, это же я! Я прилетел тебя спасти! Хотел предупредить тебя, что иду, но не решился разговаривать мысленно через Эфир, чтобы Мандрагор не подслушал. Быстрее, я могу тебя отсюда увезти!

И снова Эйлия отступила. Лицо ее было бледным и исполнено чем-то вроде отвращения.

— Не подходи ко мне! — крикнула она. — Ненавижу вас! Ты и твои друзья похитили меня и сделали пленницей на твоей планете! Мандрагор меня предупреждал, что ты явишься и снова попытаешься меня похитить! Мандрагор! — Она повернулась и крикнула в сторону замка: — Мандрагор, на помощь!

— Эйлия...

Раздался шум бегущих ног. В отчаянии Аурон обернулся снова кокатриксом и улетел через стену, когда стражники-лоанеи уже высыпали в сад.

— Она обернулась против нас! — в ужасе вскричала Талира. Она сидела в человеческом облике на кухне у Маг вместе с Ауроном и хозяйкой. — Ты думаешь, Мандрагор ее совратил — заставил поверить в свою ложь?

Аурон покачал головой.

— Нет. Она под какими-то чарами, не иначе.

Но он с содроганием вспомнил брезгливое отвращение в глазах Эйлии.

«Может ли быть, чтобы он действительно научил ее нас ненавидеть? Переманил ее на свою сторону, извратил ее мысли?»

— Я слыхала про зелья, которые покоряют чужую волю, — сказала вдруг Маг. — Драконий народ в давние времена ими пользовался. И есть такое, которое начисто привораживает человека к кому-нибудь другому.

— Это что такое? — спросила Талира, резко поворачивая рыжеватую голову к хозяйке.

— Приворотное зелье называется. Человек по уши влюбляется в первого, кого увидит.

— Вот оно! Эйлия никогда бы против нас не пошла! — воскликнула Талира, будто все время так и думала. — А противоядие от этого зелья есть, Маг?

— Да, в старой книге моей бабушки. Мне просто никогда раньше оно не было нужно. Сию минуту посмотрю состав.

Когда Маг вышла из кухни, Талира сказала Аурону:

— Аурон, мы должны проникнуть в замок. Инкогнито.

— Принц теперь начеку и увеличит число часовых. И Маг права: сама Эйлия будет драться с нами. И воспользуется всеми силами, которые есть в ее распоряжении. Ах, умница Мандрагор! Использовать против нас нашу ударную силу!

— Но что-то делать надо. Мы не можем просто ее здесь бросить.

Наступило долгое молчание — они оба задумались. Из-под стола высунулась небольшая головка, и другая, побольше, появилась с другой стороны стола. Твиджик схватил фрукт из миски, на которую оба не обращали внимания, и снова убрал обе головы.

— Есть одна мысль, — сказал наконец Аурон. — Нам понадобится помощь Фалаара, чтобы ее исполнить, но я думаю, должно получиться. Нам нужен, правда, кто-нибудь, кому Эйлия до сих пор доверяет, чтобы отнести ей весточку. Никому из нас она теперь не поверит.

— А ты не можешь снова перекинуться каким-нибудь зверем? — спросила Маг, возвращаясь с книгой.

— Мандрагор учует рядом с собой магию — и его лоанеи тоже. Я едва ушел в тот раз, и то потому, что большинство их еще не проснулись.

— Тогда я, — предложила Маг. — Эйлия мне верит, и я у нее в долгу за Май.

— А стража тебя пропустит? — спросила Талира. — Тебя могут узнать: всем известно, что вы с дочерью дали Лиа приют. И то, что ты немерейка, тоже не тайна. Они заподозрят, будто ты зна-

ешь, что она — Трина Лиа, и хочешь ей помочь. Вряд ли они тебя впустят.

— А может быть, *мы* туда проникнем? — сказал голос с пола.

Все трое посмотрели в изумлении. Это говорил Твиджик, амбисфена. Передняя голова снова высунулась и посмотрела на всех круглыми темными глазами.

— Мы пойдем. Драконий народ нас не боится. Никто не боится амбисфену. Мы пойдем ради чародейной госпожи.

— Ну, будь я... неладна! — сказала Маг, когда Аурон перевел ей эту речь. — Чтобы двухголовый на такое пошел? Неслыханно. А он сможет или по дороге растеряет всю свою храбрость и убежит?

— Мы сделаем, — сказал Твиджик, вылезая из-под стола и глядя в глаза людям обеими головами. — Для нее. Для госпожи-волшебницы.

Ночи здесь были красивы — этого она раньше не замечала. Небо меняло цвет от зеленого до невероятно темного, бирюзового, и луны рассыпались по нему жемчугами. И дворец лоанеев, построенный как крепость, обращенная наружу, не уступал по роскоши Халмириону, обращенному внутрь.

Халмирион... он теперь казался Эйлии даже в воспоминаниях изысканной тюрьмой, клеткой, куда ее посадили и где держали насильно. Как это Аурону хватило глупости думать, что он вернет ее туда? Эйлия наслаждалась жизнью в Запретном дворце. Все тревоги отлетели от ее разума, последнюю ночь она провела в веселье среди придворных, ей служили невольники, подававшие сласти и прохладительные напитки. Она блаженствовала в ароматической ванне, ее умащали благовонными маслами.

И был с нею Мандрагор, ее возлюбленный. Все ее часы были полны мыслей о нем. Он учил ее принимать форму дракона — с помощью упражнений в глубокой медитации, — учил ее ощущать гигантское бронированное тело, когтистые лапы и мощные крылья. Скоро он научит ее принимать эту форму наяву, и она будет лоананом летать с ним в небе, познав такую свободу, которую никогда еще не испытывала. И единственное, что омрачало ее счастье, так это то, что *он* не всегда казался так счастлив, как должен был бы быть. Он отворачивался от нее иногда и вздыхал, и она тут же клала ему руку на плечо или гладила по длинным мягким волосам.

Она откинулась на диван в бальном зале, слушая успокоительную песнь фонтанов. Карпы в бассейне высовывали жадные морды, ожидая изысканных кусочков, которые она им кидала, а во-

круг люди играли на музыкальных инструментах, смеялись и болтали. Узоры света, отбрасываемые струями фонтанов на потолок, играли, как ставшие видимыми музыка и смех. Эйлия глубоко вдохнула, ощущая аромат лесных цветов, которым ее надушили. Лоанеи всегда были правы, подумала она. Они понимают, в чем смысл жизни. И они любят всякую красоту, и ее красоту тоже. Синие тени, которые ей нарисовали на веках, краска на ресницах — от этого глаза казались больше. Помада и румяна подчеркивали бледность слоев рисовой пудры. Волосы сверкали драгоценностями и поднимались массой переплетенных кос, повторяя извилистые кольца драконов на алом вечернем платье. И пальцы украшали длинные острые искусственные ногти — имитация когтей дракона.

Удовольствие. Это и есть цель и самая суть жизни. Ради этого одного приходит человек в мир — взять все, что может, из того, что хочет. Быть как звери лесные, что не рассуждают, не утруждают разум вопросами, но только едят и размножаются, а потом умирают. Прожить как можно дольше и как можно дольше сохранять молодость, красоту и здоровье. Она подняла глаза к потолочному фризу с нагими фигурами. Ни жирных, ни обвисших тел. Все молоды и прекрасны — слишком прекрасны, на ее вкус, вдруг осознала Эйлия. Она нахмурилась. Резец скульптора придал им невероятное совершенство гладкой кожи, круглых мышц, классические черты. Ни один живой человек не может выглядеть так, как эти каменные идолы, и ход времени не может ничего в них изменить. Эйлия вздрогнула — на миг она по-настоящему позавидовала этим фигурам. Что, если Мандрагор сравнит ее красоту с красотой этих фигур и найдет, что она оставляет желать лучшего?

«Я должна научиться менять себя, превращаться. Во мне не должно быть недостатков, несовершенств. Я изменю свой рост, лицо, руки и ноги. Я сделаю себя совершенством, и его глаза никогда не взглянут на другую женщину». Потому что если бы люди были животными, то всегда побеждало бы самое лучшее. Самый красивый и сильный из зверей отвлекает возможных брачных партнеров от своих соперников, блистая султанами перьев, гривами, ветвистыми рогами. Она села прямо и подозрительно оглядела зал. *Соперницы!* Есть у нее здесь соперницы? Осмелится ли кто-нибудь? Эта вот молодая лоанейка у окна — высокая, изящная и прекрасная, даже слишком прекрасная. Наверняка Мандрагор ее заметил и любовался ею — как могло быть иначе? Горячая злость поднялась в груди Эйлии, прожигая ленивую завесу

блаженства. На Неморе принято менять возлюбленных, как меняют блюда за столом, без привязанности — или не с большей привязанностью, чем к еде. Как у животных. Но это не для нее: она любит Мандрагора, и для нее никого другого нет. Если бы только быть уверенной в *его* любви!

«Никто не отберет у меня Мандрагора. Если хоть одна попытается, я убью ее!»

Пронзительный, нечеловеческий вопль раздался в коридоре, и Эйлия, раздосадованная помехой, выглянула. Что за игры затеяли эти придворные? Крик раздался снова, потом смех и топот бегущих ног, несколько молодых лоанеев ввалились в зал, катя перед собой палкой что-то вроде толстого серого обруча.

— Что это? — спросил кто-то, когда обруч свалился набок и оказался каким-то сжавшимся зверьком с головами на каждом конце.

— Никто не знает — какая-то тварь из джунглей, — засмеялся юноша, который держал палку. — Как-то оно пролезло в замок — спорить могу, через подземный ход, и мы решили с этой штукой поразвлечься.

— Это амбисфена, — сказала Эйлия, подходя поближе. — Со мной увязалась одна такая, когда я шла по джунглям. Они умеют говорить — для тех, кто умеет слышать. Мне странно, что она решилась прийти сюда: почти все боятся Запретного дворца, а амбисфены очень трусливы.

Зверек приподнял переднюю голову, все еще тяжело дыша от страха.

— Мы пришли помогать тебе, о прекрасная госпожа-чародейка! — прощебетала она.

Эйлия была поражена.

— Твиджик, это ты? Что ты делаешь в замке, глупое ты создание? Я же просила Маг за тобой присмотреть.

— Мы пришли быть твоим слугой, переносить вести и все, что прикажешь. Мы не забыли твоей доброты и защиты. Не отсылай нас прочь!

— Ну ты и прилипала! Ладно, не огорчайся, можешь пока остаться.

Она вернулась на диван, а он забился под сиденье.

Больше она не обращала на него внимания, потому что вошел Мандрагор. Восторг наполнял ее, когда он появлялся, и сладкое ожидание — когда его не было. Его внимание — для этого только она и жила: тихо сказанное слово, ласковое прикосновение, срезанный цветок, вложенный в ее руку.

— Я хочу, чтобы ты был так же счастлив, как я, — тихо-тихо сказала она, когда он сел рядом с нею. — Любишь ли ты меня так, как я тебя люблю?

И она в тревоге ждала ответа.

Он повернулся и поцеловал ей руку. Эйлия издала вздох облегчения и потянулась погладить его волосы. А он будто одновременно хотел и отстраниться, и поддаться этой ласке. Что с ним такое? Она мысленно задала ему этот вопрос, и он ответил вслух, будто не хотел допускать ее в интимные глубины мысли:

— Ничего.

— Я всегда буду любить тебя, — сказала она нежно.

— Знаю. — Он посмотрел на нее странно. — В том-то и трудность.

И он снова встал, оставив ее одну, брошенную. Когда он вышел из зала, она отвернулась и зарылась лицом в подушки.

— Ну? Так когда же свадьба?

Эйлия посмотрела в сторону насмешливого голоса. Синдра стояла над ней и улыбалась.

— Ты о чем? — спросила Эйлия. — Чья свадьба?

— Как чья? Твоя, конечно. С принцем Морлином.

Синдра без приглашения села на диван.

Эйлия посмотрела на нее с презрением.

— Ты так мало знаешь об этом мире, хотя живешь здесь дольше, чем я? — спросила она презрительно. — Ты не знаешь, что у лоанеев нет брака? Они не владеют друг другом.

— Что ж, очень жаль. Это помогает не дать мужчине шляться вокруг.

— Мандрагор не такой, как другие. Он любит только меня.

— Ты уверена? — Синдра наклонилась поближе. — А отчего же он до сих пор не объявил тебя своею? Может, ты для него только забава?

Краска бросилась Эйлии в лицо, и она вскочила на ноги.

— Возьми свои слова обратно, — прошипела она, — или, суди меня небо, я убью тебя прямо на месте — ради Мандрагора и меня самой. Ты позоришь нас обоих!

Лицо Синдры сохранило насмешливое выражение.

— Я всего лишь стараюсь помочь тебе, милая моя принцесса. Могла бы проявить какую-никакую благодарность. А насчет убить меня — что ж, это может оказаться труднее, чем ты думаешь.

В прищуренных глазах сверкнула неприкрытая ненависть.

— Ты коварная змея! — крикнула Эйлия. — Ты мерзкая ведьма из сточной канавы! Ты разве не знаешь, что моя сила во много

раз больше твоей? Мандрагор учит меня ею пользоваться, и я могу тебя сжечь в пепел, если захочу.

Она взметнула руку, и с сапфира на перстне сорвалась молния чистой квинтэссенции. Она ударила Синдру, сбила с ног. Но женщина тут же вскочила, сверкая глазами, и сама метнула молнию. Эйлия презрительно-небрежно отшвырнула в сторону направленный в нее огонь и снова атаковала Синдру, отправив ее к дальней стене. Синдра рухнула на пол.

— Хватит! — резанул голос от двери.

Эйлия застыла, пораженная, все еще протягивая руку. В дверях стоял Мандрагор, и вид у него был рассерженный. Возлюбленный принц сердился на нее. Нет, хуже — в его глазах читалось настоящее отвращение. Он отвел взгляд, повернулся, не говоря ни слова, и зашагал прочь.

Синдра поползла по полу к ближайшему дивану и залезла на него.

— Видела? Видела, какое у него было лицо? — Она будто плевалась словами. — Он тебя ненавидит, видеть не хочет! Можешь прямо сейчас умирать, ты его не получишь!

У Эйлии упало сердце, и мир потемнел. Забыв о Синдре, она бросилась прочь из зала.

Мандрагор нашел Эррона Комору в его личных покоях. Придворный отдыхал.

— Что ты с ней сделал, прах тебя побери? — крикнул он, вбегая в комнату и хватая лоанея за плечи.

— С Эйлией? Ничего, ваше высочество, — ответил Эррон, съежившись. — Это все зелье действует, как я вам и говорил.

— Ты мне не сказал, что у нее полностью изменится характер.

— Этого и не случилось. Вы просто видите сейчас другую сторону того же характера, ту сторону, что до сих пор тщательно подавлялась. Зелье сняло определенные... ограничения, которые она ранее на себя наложила. Вот почему мы, лоанеи, больше не используем это зелье на наших вассалах. Считалось, что оно вызовет в них повиновение, наполняя направленным на нас обожанием. Но они только дрались друг с другом за наше внимание.

Мандрагор ничего больше не сказал, просто повернулся и вышел из комнаты. Стыд — этой эмоции он не испытывал уже веками, в буквальном смысле, и забыл его едкое жало. Падение Эйлии случилось только из-за ее веры в него — она приняла зелье, думая, что он не подмешает туда ничего вредного для нее. И вот теперь... Мандрагор вспомнил развевающиеся волосы, напудренное лицо

и алое вечернее платье, подчеркивающее грациозную длинную шею и тонкую талию. Руки он сжал в кулаки до боли. Это выражение бесконечной преданности на ее лице, где раньше было только сочувствие, — это вызывало полное отвращение. В некотором смысле перед ним стояла не Эйлия, а какой-то автомат, существо без истинных чувств, предмет, которым следует командовать. Он, который ценит свободу более всего на свете, украл эту свободу у нее.

«Но лучше так, — настаивал внутренний голос. — Так не она управляет мною, а я ею. Власть у меня».

Да, действительно, под властью зелья она никогда ему ничего плохого не сделает — даже подумать об этом не сможет. Ее сила сведена к нулю: она воспользуется ею лишь по его приказу. Им не придется биться на дуэли, которая ужасала его, и Эйлию нет необходимости убивать. Вместе они выстоят и против немереев, и против валеев, их слитая воедино сила сокрушит любого врага.

Но держать ее в таком омерзительном трансе?

Существует зелье-противоядие, и вряд ли его трудно добыть. Но он не может себе позволить освободить Эйлию от власти зелья. Слишком поздно Мандрагор увидел, в какую западню себя загнал. Освободи он девушку, она тут же поймет его коварство, как только вернется в нормальное состояние, и разгневается на него. Может быть, это хитрый Эррон задумал с самого начала? Да нет, ему уже мерещатся заговоры в каждом углу. Но освободить Эйлию невозможно. Значит, единственное решение — ее убить?

В последнем донесении гоблинов с Меры говорилось о пленении Дамиона. Но хотя Мандрагор велел им следить за священником, он уже понимал, что держать этих заложников — бесполезный шаг. Эйлия не из тех, кто позволяет личным чувствам возобладать над долгом. Надеяться подчинить ее себе таким способом — бессмысленно.

Он пытался привлечь ее на свою сторону, играя на ее любви к знанию и желанию сбежать из заточения. Он хотел заинтересовать ее возможностью превращения в дракона, возможностью отказаться от человеческой сути — но она колебалась, и в результате ему пришлось больше времени проводить в образе человека. Как следствие, он становился все более человеком с каждым днем, проведенным в этом теле, и мысли его и сама природа соответственно мельчали. Внезапно ему вспомнилась храмовая девственница, что выманила его из логова сотни лет назад. Он тогда увлекся девчонкой, не загадывал вперед, не думал, что будет делать, когда начнет подходить к концу краткий срок ее жизни, станет увядать ее красота и жизнь начнет угасать в ней, а он так и останется неизмен-

ным. Были у него мысли «состарить» себя иллюзией ради нее, но разум его отгонял от себя мысли о будущем. Не думает же человек об увядающем цветке, когда срезает его и ставит в вазу? Какой же он был дурак! И такое безумие он сотворил именно в образе человека. Если он не найдет способа навеки оставить этот облик, он пропал.

Дракона в себе он чувствовал почти осязанием: зверь вертелся, бил крыльями в отчаянном усилии вырваться, освободиться. Снова дала знать о себе рана на груди от железа и старые шрамы на боку и на шее: они пульсировали тупой, изнуряющей болью. Он глянул в зеркало: да, опять эти красные рубцы.

По длинной лестнице поднялся он на площадку центральной башни, ища ясности сознания, которая приходила с обликом дракона. Сердце у него воспарило, когда он отбросил свою человечность и всю мелкую суету, с нею связанную, и поднял крылья к ветру. Он был теперь хозяином всех стихий, одинаково свой на земле, в воде, в воздухе. И он полетел прочь из города, глядя, как обитатели его показывают вверх и разбегаются в ужасе. Над рекой, над полями. Разбегались какие-то козьи стада и их пастухи, и люди в панике были не умнее своих животных. Теперь Мандрагор мог только пожалеть этих бедных людишек. Он-то человеческую слабость легко откладывал в сторону, для него это было лишь временное неудобство, а им такое было недоступно.

И теперь, как обычно, когда он принял облик дракона, все его тревоги уже не казались такими важными. Чувства его к Эйлии таяли — теперь он видел в ней всего лишь небольшое и слабое существо, не имеющее для него значения, если не считать потенциальной угрозы, которую она по-прежнему представляла.

И почему вообще ее убить *должно быть* так трудно?

Воздух был тяжел и жарок, и кожа Эйлии покрылась испариной. Томясь, она подошла к окну и выглянула. Занимался день, облака окрасились снизу сернисто-желтым, и воздух тоже пожелтел. Как будто свет и воздух сплавились вместе в какую-то густую смолу, окружив каждый лист и каждую веточку сада под окном, зафиксировав их неподвижно. Эйлия прислонилась к стеклу. Все тело болело, она устала, будто долго бежала. Вокруг было тихо, ничто не шевелилось, все было безмолвно. Затишье перед бурей: бездыханное, напряженное, заряженное бедой. И это не была обычная буря: местный климат отражал настроение Мандрагора. Если это напряжение атмосферы хоть сколько-то показывает, что он чувствует, то всем лучше ходить поосторожнее, даже ей.

Вдруг что-то мелькнуло в облаках над головой — пролетело, описало круг над четырехрогой башней, одиноко стоящей в клубящемся темном тумане, как остров в бурном море. Это был красный дракон с бурой гривой, и рядом с огромными шпилями он казался не больше летучей мыши. Эйлия не сомневалась, что это Мандрагор. Она отпрянула от окна, вдруг испугавшись этого лоанана, этого другого Мандрагора, хоть и любила его. Почему он принял образ дракона?

Она смотрела, как он взмыл вверх и исчез в низко нависших сернисто-желтых облаках.

Она вспомнила, с каким отвращением смотрел он на нее, — нет, это невыносимо. Эйлия заплакала, срывая с себя украшения, которые он дарил ей. Нет, она недостойна его, недостойна его любви! И это проклятое сапфировое кольцо, источник всех бед, — она швырнула его прямо на пол! Лучше было бы тянуть ту же пустую жизнь на Арайнии, пленницей в своем дворце, презирая себя за то, что позволяет людям верить в свою божественность. Но возврата тоже уже нет. Не может она жить без своего принца.

Она расхаживала по комнате, беззвучно плача, и тут ее взгляд упал на серебряный кинжал на ночном столике.

Шип. Кто-то ей его дал когда-то давным-давно — нет, не Мандрагор, кто-то другой. Она уже забыла кто. Но сейчас острое лезвие предлагало единственный возможный выход. Да, Синдра права — невозможно жить без Мандрагора. Куда лучше — совсем не жить.

Эйлия взяла кинжал со столика и взвесила на руке.

Послышалось застенчивое царапанье в дверь, будто в комнату просилась собака.

— Кто там? — бросила Эйлия раздраженно.

— Это мы, Твиджик.

Не скрывая неудовольствия, Эйлия открыла дверь. Амбисфена поспешно скользнула внутрь, опустив переднюю голову на длинной шее, а задняя нервно моталась, осматривая коридор. Потом Твиджик увидел у нее в руке кинжал, направленный прямо ей в грудь. Этот кинжал и слезы на глазах сказали ему все. Вытянув переднюю шею, он просунул голову между Эйлией и острием.

— Нет, госпожа, не надо! Нельзя!

— Не лезь! — оттолкнула она его голову.

— Госпожа, просим вас! Лоанеи нам сказали, что мы можем вам послужить. А принц нам дал поручение — сказать, чтобы вы шли к нему.

— Поручение? Сказать мне? — Сердце ее радостно подпрыгнуло, но она все еще не могла поверить. Мандрагор ее не выносит, презирает, всегда будет презирать. Его исполненный отвращения взгляд был у нее перед глазами. — Почему он не позвал меня мысленно?

— Он не желает — госпожа Синдра и другие волшебники подслушать могут. Он хочет — вы пришли и видеть его одного, в тайной пещере в сердце горы.

— В логове? Когда? — спросила она, задохнувшись.

— Сейчас. Сразу. Лампу взять и быстро идти.

Странно: она же видела, как летел в небе красный дракон. Но, значит, это был ложный маневр, отвлечь Синдру и других. Он вернется, перекинувшись в другой вид, войдет в пещеру, и снова они будут вместе. Эйлия обняла Твиджика так, что он испуганно пискнул обеими головами.

— Ой, Твиджик, как я рада! Значит, он не презирает меня, не ненавидит! Он велит мне прийти к нему — втайне! Чтобы никто не знал!

— Идем. — Зверек подбежал к двери. — Быстро, быстро!

Она побежала за ним по лестнице. Замок был безмолвен, его обитатели уснули или спрятались от дневной жары в уюте своих комнат. Нижние коридоры опустели. Твиджик подвел ее к двери в грубо вырубленный в скале ход — вниз, вниз, к пещере, где парит вода. На краю озера Эйлия остановилась, выискивая взглядом сквозь клубы пара алого дракона. Но ничего в воде не шевелилось.

— Вверх по тому туннелю, — нетерпеливо позвал Твиджик. — Вверх, к выходу.

Она шла за ним, но не видела никаких признаков Мандрагора в его привычных обликах. Потом, когда она приближалась к выходу из туннеля, раздался шум крыльев, и на порог опустился дракон, сунул огромную голову в пещеру. В свете солнц его чешуя блестела не красным, а золотым. Как у...

— Нет! — вскрикнула Эйлия, останавливаясь.

«Здравствуй, Эйлия», — сказал ей мысленно Аурон.

И рядом с ним приземлилась огненная птица. В клюве она держала стеклянную бутылку, наполненную какой-то светло-зеленой жидкостью.

Эйлия обернулась к Твиджику.

— Ты! Ты меня обманул! Ты заодно с ними!

— Ты должна пойти с нами, Эйлия, — сказала Талира. — Не бойся, мы тебе ничего плохого не сделаем.

— Вы думаете, я куда-нибудь с вами пойду? — крикнула она и шагнула к ним. — Я вас ненавижу! Мой принц скоро вернется, и когда он найдет вас, вам конец!

— Мандрагор нам ничего сделать не сможет, и ты тоже, — пророкотал Аурон. — Любое волшебство против нас бессильно. Посмотри вверх! В небо.

Он отодвинулся, давая ей увидеть, и она заметила — мелькание золотых крыльев над восходящими клубами пара — это парил над ними херувим, подобно ястребу. Как она могла считать это страшное уродство, этого мутанта — красивым? И в ужасе она увидела, что это чудовище держит в клюве кусок черного камня, и от этого куска идет жуткое рычание. Холодное железо! Да, ведь херувим нечувствителен к его магии. Через секунду она будет бессильна — если не действовать быстро.

Резко развернувшись, она схватила Твиджика за ногу и переднюю шею и выбросила его из пещеры, с крутого обрыва вулкана. Его двойной крик быстро растаял в воздухе.

— Ну? — крикнула она победно. — Будете спасать своего шпиона или нет?

У Аурона не было выбора. Он взмыл в воздух и полетел вниз, спасать амбисфену. Херувим расправил крылья — остановить свое падение, и поднялся вверх, зная, что холодное железо лишит дракона способности летать. Талира отлетела в сторону, все еще сжимая в клюве флакон, и Эйлия метнулась мимо нее и бросилась в пропасть.

Она никогда еще не перекидывалась, не принимала облик дракона, но Мандрагор учил ее тщательно и терпеливо. Сейчас она ощутила, как тело ее расширяется, как квинтэссенция течет в него из Эфира, увеличивая его размер, увидела, как разворачиваются у нее по бокам огромные красные крылья. И эти крылья знали, что им делать: они подняли Эйлию вверх, в небо, подальше от херувима. Лоанан уже поймал амбисфену — она знала, что так и будет, — и еще потратил время, чтобы опустить зверька на землю. Теперь он снова поднимался, но слишком отстал от Эйлии. Она издала гордый и вызывающий боевой клич дракона и взмыла выше.

И теперь наконец разразилась буря, и ее сдерживаемая ранее сила вырвалась на волю, выпущенная гневом Эйлии, в сверкании молний и раскатах грома. И посреди темных туч Эйлия увидела, как летит к ней ее возлюбленный на широко расправленных пламенных крыльях. Спешит ей на помощь. И она полетела к нему навстречу изо всех сил, но бесились окружающие ее ветра, а летать в такой турбулентной атмосфере она не умела. Ее мотало, бросало из стороны в сторону, как сорванный сухой лист.

Она изо всех сил била крыльями, летела вперед, но силы уже оставляли ее, крылья и драконье тело постепенно таяли, рассеивались, как туман на солнце... Херувим! Это он за ней гонится, догоняет, и она мысленно слышала страшный рев небесного железа. Эйлия вскрикнула, услышав на этот раз собственный женский голос. Крылья исчезли, магия была изгнана. Она падала, падала...

— Лови ее! — крикнул сзади Аурон.

И ее схватили: на ней сомкнулись когти Фалаара. Они ее не поцарапали, не впились, а охватили, как согнутые ладони. Зеленое лицо Неморы уже не летело к ней вышибить из нее жизнь.

Эйлия обернулась и увидела красного дракона, ведущего с Ауроном воздушный бой. Талира с зажатым в клюве флаконом изо всех сил летела к Фалаару. Эйлия взвыла в голос от бессильной ярости и муки. Ее принц в беде — она не могла ощутить его боли из-за грохота железа, но слышала ее в его криках, перекрывающих гром. Она задергалась в когтях херувима, но освободиться не могла.

«Любовь моя, о любовь моя, как осмелились они на тебя напасть! Я их покараю за это — я их сброшу с неба!»

Но сделать она ничего не могла.

Из облаков появились еще драконы — лоананы Мандрагора и огнедраконы с Омбара пришли на помощь ему и ей.

Талира перехватила флакон из клюва в лапу.

— Аурон! Брось его! — крикнула она пронзительно. — Мы у порога портала!

Золотой дракон вышел из боя и устремился к ним.

— Быстрее! — кричала огненная птица. — Вот он — портал! Открывай драконий путь, и исчезаем!

— Нет! Пусти меня! — визжала Эйлия, плакала и дергалась в когтях Фалаара.

Потом исчезло бурлящее серое небо Неморы, и все четверо влетели в извилистый туннель Эфира.

23
Прощание

В саду Халмириона, где сидела Эйлия, вовсю цвели летние цветы: гибискусы размером с тарелку, фейерверки розовой и винно-красной бугенвиллеи, массивные тяжелые розы. Взлетевшими лепестками порхали меж цветов бабочки, и их раскрашенные

крылья были куда больше, чем у их сестер на Мере, а за изгородью и розами взлетали султаны фонтанов куда выше, чем бывало на том далеком мире. Это был «золотой час»: солнце медленно садилось, и медовые лучи его играли в струях фонтанов и лепестках цветов.

Противоядие Маг сделало свое дело: к Эйлии полностью вернулся здравый рассудок. Но сейчас, в этом саду, в одиночестве, серая гнетущая пелена заволакивала ее мысли. Она понимала, что чуть не навлекла гибель на всех своим сумасшедшим полетом на Немору. Она намеренно игнорировала все предупреждения о вероломстве Мандрагора. Она могла бы всю жизнь прожить его покорной нерассуждающей рабыней; хуже того — он мог бы использовать ее силу против тех, кто ей больше всего дорог. И во всем этом виновата была бы она сама. Эйлия с отвращением вспоминала, что творила под влиянием зелья: злобное нападение на Синдру, предательство бедного верного Твиджика. Мерзкое питье не изменило ее характера, оно лишь извлекло из скрытых глубин его самые темные, звериные стороны, и она, увидев эту тьму, вынуждена была ее признать с ужасом и стыдом. «Это я такая на самом деле — в глубине души?» — думала она в ужасе. И теперь, когда эти злые скрытые ранее страсти выпущены на волю, может ли она надеяться скрыть их снова — или они всегда будут под самой поверхностью?

А самой ужасной тайной она не делилась ни с кем.

Она готова была влюбиться в Мандрагора. Злая ирония этой истории: принц, знай он об этом, мог бы не травить ее зельем. Если бы он не поработил ее таким образом, она бы вскоре отдала ему себя добровольно.

Отец ее заверил, что ее миссия не оказалась полным провалом. Почти все другие расы Небесной Империи теперь встали на ее сторону — такое впечатление оказала на них ее отчаянная попытка, готовность рисковать собой, чтобы предотвратить войну. А то, что ее дипломатическую попытку встретили враждой и вероломством, отвратило народы от Мандрагора и его союзников. Так что чего-то все-таки она достигла, но это мало утешало, потому что война становилась неизбежной.

Но этого было мало, чтобы успокоить чувство вины. «Я что-то в нем увидела — может быть, эхо благородства его отца, или это было его собственное — что-то глубоко похороненное хорошее. Он автор стихов Барда из Блиссона — может ли написать такие слова тот, в ком ничего хорошего не осталось? Это лишь про-

мелькнуло и исчезло, но именно оно вызвало у меня желание ему помочь».

Даже для ее ушей это звучало жалкими оправданиями. Может быть, легче было заставить себя в это поверить, чем напасть на него — и уничтожить.

«И я выбрала этот путь из слабости?»

Она забыла советы Аны и предупреждения своих опекунов и бросилась очертя голову договариваться с хитроумным врагом. И все это было из ложной скромности, которая (Эйлия теперь сама это с отвращением поняла) была всего лишь скрытой надменностью. «Я не так уж важна, как они все думают», — говорила она себе, но при этом свое суждение ставила выше чужих. Она убедила себя, что недостойна своего положения и назначенной ей миссии, и уверила себя, что знает лучше их, что надо делать. Стоило ей только полностью поверить Аурону, Талире и Ане, и она бы никогда не оказалась на Неморе.

Тусклыми глазами она смотрела, как идет к ней по дорожке отец. Тирон казался необычно бледным, осунувшимся. Подойдя, он взял ее за руку.

— Эйлия, милая, лоананы привезли с Меры Йомара и Лорелин, целых и невредимых. Они хотели бы говорить с тобой, — добавил он негромко.

«Только Йо и Лори?»

Сердце сжалось мучительной болью, но Эйлия не могла ни двинуться, ни сказать хоть слово — она только смотрела, как идут к ней Йомар и Лорелин, медленно, и лица у них такие же изможденные, как у отца. Они остановились, молча глядя на нее, и она смотрела на них и тоже молчала. Слова были бы лишними. И все же Йомар прокашлялся и заговорил. Впервые она услышала, как дрожит его низкий голос:

— Эйлия... Дамион... он...

Печаль повисла в воздухе густым удушающим туманом. Он снова попытался начать:

— Дамион... Дамион...

— Я знаю, — сказала она.

— Я их всех убью! — кричала Лорелин. Они с Йомаром стояли вдвоем среди удлиняющихся теней сада. — Всех этих гадов, моругеев, валеев, всех их за это убью!

Йомар смотрел на дикий блеск в когда-то ясных и чистых глазах Лорелин и тревожился. В этот миг она выглядела какой-то внушающей страх незнакомкой, а не женщиной, которую он любил.

— Нет, Лори! — Он шагнул к ней, схватил за руки. Она стряхнула его пальцы. — Ты — паладин. Если ты убьешь из мести, тебе придется совершить покаяние, помнишь?

— А мне плевать! — выкрикнула она.

Он снова поймал ее за руки, и она опять задергалась, но вдруг обмякла и зарыдала на его груди — не как девушка, а как плачет мужчина — мучительными всхлипами, сотрясающими все тело.

— Послушай, — заговорил он, когда чуть миновала острота ее скорби. — Халазар уже свой долг уплатил. Вы с него получили, ты и Марьяна.

Лорелин подняла на него красные глаза.

— Мандрагор до сих пор жив. Так что помоги мне, чтобы и он заплатил свой долг. Ты теперь можешь сражаться с ним, Йо, у тебя Меч Звезд. А я привезла с собой меч Дамиона — адамантиновый меч, принадлежавший королю Андариону. Он уже дважды нанес рану Мандрагору — и снова сумеет, Йо, и третий удар может сделать то, что не удалось первым двум!

Йомар крепко обнял ее.

— Клянусь, Лори! Когда на Мере все будет закончено, мы с тобой вместе отправимся за ним. И вывесим его голову над дверями его же храма, пусть его подданные там поклоняются ему!

Синие глаза Лорелин встретились с его глазами, свирепыми, как пламя.

— Согласна!

С высокой ветки в кроне дерева, оба в облике птиц, Талира и Аурон смотрели, как двое молодых людей идут в сторону дворца. Потом огненная птица мысленно обратилась к Аурону:

Опасность еще не миновала, и нанесенный вред, боюсь, не удастся исправить. Мандрагор научил Эйлию пользоваться силами лоанана — силами, для которых она еще не готова, которыми она боялась пользоваться, пока была в здравом рассудке.

Аурон в образе герсинии с глазами, видящими в ночи, неловко переступил с ноги на ногу.

Но сейчас она опять в своем уме. У него больше нет на нее влияния.

Это без разницы, Аурон. Она отведала вкус этих сил и помнит, каково это — ими владеть. Кто знает, не будет ли у нее соблазна снова принять образ дракона, править стихиями, раз она теперь это умеет? Так пал сам Мандрагор, не забывай. Ана была права. Силы Эйлии всегда были опасны для нее самой, и она не может разучиться тому, чему научилась. Что будет с нею, с нами со всеми?

Аурон не ответил, и они остались сидеть молча в густеющих сумерках.

* * *

Мандрагор расхаживал вдоль парапета замка лоанеев, и плащ развевался за ним облачной тенью. Снова судьба вмешалась в решающий момент — или он сам ошибся? Был так же слеп, как Халазар?

Он слышал, что тело бывшего бога-царя повесила разъяренная толпа — на той же виселице, где раньше был Гемала. На зимбурийских базарах ходила популярная острота: «Вознесся Халазар превыше других мужей!»

— Ты знаешь, что там говорят? — докладывал один из уцелевших гоблинов, сбежавших с Меры. — Говорят, что Дамион был воистину ангелом, как верили мохарцы. Теперь жертв не будет вообще, храм оставлен, и говорят, что Заим так и планировал с самого начала! То есть он послал одного из своих слуг-ангелов на алтарь, божественной заменой человеческой жертвы, каковых больше теперь на алтаре никогда не будет. Сам Заим все отрицает, но люди цепляются за эту легенду и еще больше любят Йомара за это. Тело Дамиона никогда не достанут: слишком там глубокий колодец. Вот и рождаются слухи, что он просто исчез, ушел в высшую плоскость. Это говорит даже Фарола, слепой жрец, который его убил.

— Убийца Дамиона сказал бы что угодно, лишь бы отвести от себя гнев толпы.

— Это не так, потому что он не изменил своих слов даже под пыткой. Фарола заявил, что после нанесения смертельного удара он услышал шум, как от сильного ветра, и тело исчезло с алтаря. И в этот момент что-то слегка задело его по лицу, так что он взметнул руки вверх, а потом ощутил это еще раз — вроде как веер из перьев, но схватить его он не смог, так как длилось это всего мгновение. Что это было, он не знает. Люди, конечно, говорят, что это были ангельские крылья, что Дамион принял свою истинную форму и улетел на небо. А полоумный послушник твердит только, что его ослепил сильный свет, от чего он закрыл глаза и забился в угол.

— Свидетельские показания слепца и дурачка, — вздохнул Мандрагор. — Но им поверят.

И они были в чем-то правдивы. Дамион Атариэль действительно трансформировался во что-то более мощное, в такое, чему не страшно никакое оружие.

«Этот зимбурийский жрец не убил человека — он породил бога. Если с Дамионом трудно было сладить, когда он был человеком, насколько же он теперь сильнее, когда стал божеством! Он будет жить вечно в воображении толпы.

И еще воздвигнется его святилище в сердце Эйлии и будет жить, пока она не умрет. Возлюбленный идеал, ставший еще совершеннее в воспоминаниях, — это гарантия, что никогда она не полюбит никого из живущих...»

Вдруг эта мука стала невыносимой. Он сквозь Эфир попробовал дотянуться до Аны по тонкой нити, что связывала их, той нити, что всегда так его злила. Но сейчас там никого не было, нить была обрезана — на этот раз на том конце. Наконец-то Ана предоставила Мандрагора его собственной судьбе. Как она его и предупреждала, он оказался там, где прощения уже нет. Эйлия давала ему шанс избежать войны, и он оказался недостойным этого шанса. Примирения не будет уже никогда. Простить его, замешанного в гибели ее возлюбленного Дамиона? Она бы скорее его уничтожила — и сейчас она уже может это сделать. Он сам показал ей всю полноту ее силы, даже научил принимать облик дракона. И его жалость к ней — роковая его ошибка! — позволила ей выжить здесь, в его замке, и ускользнуть от него. Единственный его шанс от нее избавиться, шанс, который она ему дала, был упущен. Когда снова встретятся он и Трина Лиа, это будут две одинаковых силы, и встретятся они на дуэли, после которой выживет только один.

Ничего не видя, Мандрагор сбежал с лестницы во внутренний двор, споткнулся и растянулся на земле. Поглядел вверх, увидел созвездие Червя с его красным злобным глазом. Выхода не было. Эйлия снова под защитой своих опекунов. Снова Камень Звезд в ее руках. Если бы только существовала действительно какая-то сила, темная первобытная сила, к которой можно воззвать, добавить ее к своей...

— Зову на помощь, — шепнул он очерченному звездами контуру.

И тут же пожалел об этих словах: они будто повисли в воздухе темным дымом, отравляя воздух и обвиняя Мандрагора. Эти слова были признанием слабости, и хуже того — веры. Веры в Валдура — не давно умершего архона, а бога валеев! Неужто он до этого дошел?

Мандрагор обернулся драконом, отбросив слабость, и несколькими взмахами крыльев улетел из замка в ночь.

Его разбудил неумолимый жар солнц. Он потянулся, понял, что лежит на чем-то твердом: на камне. Вернулся, значит, в человеческий облик.

И рядом послышался чей-то голос:

— Достойный сосуд.

Он открыл глаза, заморгал, увидев человека и по грубым чертам морщинистого старого лица понял, что тот не меньше чем на половину гоблин. Мандрагор сел и увидел, что он голый. Мантия лежала на земле в нескольких шагах от него: наверное, он содрал ее с себя, когда возвращался в человеческий вид. Почему он ничего не помнит?

Он огляделся — и не мог понять, как сюда попал. Повсюду развалины, остатки какого-то древнего города еще долоанейских времен. Развалины полузасыпаны, в нескольких лигах от них дымится вулкан — виновник гибели города.

А старик все смотрел на него, улыбаясь и кивая.

— Да, подходящий экипаж для воли моего Господина. Ты знаешь, что теперь принадлежишь ему.

Мандрагор встал. Человеческие понятия стыда и скромности были от него достаточно далеки, но что-то в ликующем взгляде старика вызвало у него желание набросить мантию. Морщинистый гоблин хихикнул:

— Э нет, поздно! Что отдал, обратно не заберешь. Ты заключил сделку и должен ее выполнить.

— Не знаю, что ты лепечешь, старик, — оборвал его принц. Но по коже пробежал холодок, хотя было тепло.

Старик махнул клешнеподобной рукой в сторону большого прямоугольного камня, на котором лежал Мандрагор.

— Ты же знаешь, что это такое? Это высокий алтарь старого храма, святилища Валдура. Его почитали здесь, его и Элнемору, еще до того, как явился твой драконий род. Давным-давно на этом камне ему приносили жертвы. И ты сейчас принес в жертву себя, но жертву живую.

— Перестань молоть ерунду, — коротко бросил Мандрагор. — Мне совершенно неизвестно, что это за камень.

«Но как я оказался здесь?» — подумал он тревожно.

— Ты боишься, — заметил старик с осуждением. — Этого не нужно. С твоей жертвой к тебе пришла великая честь и великая сила.

Мандрагор остановился.

— Сила? — переспросил он, прищурившись.

— Разумеется! — Старик показал в небо. — Даже сейчас целые армии моругеев и огнедраконов ждут твоего приказа. Ты поведешь нас к победе!

— Он правду говорит, — произнес другой голос.

Мандрагор повернулся. В развалинах стояли два эфирных образа, которых Наугра призывал в тронном зале Халазара, — Эла-

зар и Эломбар. В бесполезном предостерегающем жесте Мандрагор взметнул руки.

— Не подходить! — крикнул он. — Наугра, это ты? Пришел угрожать мне?

— Глупец, мы пришли к тебе на помощь. Ты — наш принц, наш избранный воитель. Твои родители были самыми сильными немереями за всю историю вселенной. В тебе — кровь архонов и лоананов. Ты — средоточие величайшего плана Господина, а твои родители были бессознательными орудиями воли его. И ты победишь Трину Лиа!

— Нет, — ответил он хрипло. — Я не стану. Не буду больше пешкой в ваших интригах!

— Тогда тебя убьют — Трина Лиа и ее присные. Ты думаешь, они оставят тебе жизнь — предателю-немерею и драконову отродью? Их воины Йомар и Лорелин публично поклялись сразить тебя мечом из железа и клинком из адамантина, а голову твою повесить в твоем храме. Лоананы и херувимы готовы идти на тебя войной, и их поддерживают почти все прочие миры. Можешь подыхать, как загнанный в угол зверь, а можешь драться и победить. Выжить. Выбирать тебе. Мы тебе поможем — но ты должен объявить себя аватарой.

Мандрагор поднял голову.

— Хорошо. Я *буду* драться — но только за себя, понятно? И никогда — за Валдура!

Загадочная улыбка тронула губы Эломбара.

— Это то же самое, — сказал он.

А старик рядом ликующе захихикал.

Мандрагор отвернулся.

— Я согласен на ваши условия.

— Решено, — сказало видение, и в ушах Мандрагора слово это прозвучало похоронным звоном.

Уже не первую неделю шел в Мирамаре дождь, хотя и не время для него было. Немереи говорили, что так скорбь Эйлии влияет на климат. Верующие считали, что это богиня-мать горюет вместе с нею. От Аны ничего не было слышно — похоже, она скрылась куда-то со своими немереями, но старый мохарский шаман держал связь с чародеями Арайнии, сообщая обо всем, что происходило в Зимбуре.

— Многие говорят, что им являлся Дамион в разрушенном храме, — говорил Вакунга. — Они ждут, что явится небесная богиня

оплакать земного бога, и тогда расцветет пустыня и исполнятся пророчества.

— Она должна лететь в Зимбуру, — сказала двору Марима. — Он прав. Я чувствую в этом руку судьбы.

Лорелин покачала головой.

— Этого не будет. Неужто ты думаешь, что она хоть когда-нибудь там появится? Ей очень дорог был Дамион.

Эйлия по целым дням не выходила из своей комнаты, и боялись, что она заболела. Лебеди и элеи, говорила пословица, выбирают спутника раз в жизни, и когда умирает один, второй недолго задерживается на этом свете. Эйлия давным-давно выбрала сердцем Дамиона и по крайней мере мысленно связала себя с ним навсегда. Наедине с собой Эйлия ярилась на Халазара и Мандрагора, она даже на Дамиона злилась, что он отправился на Меру, когда она просила его остаться дома, за то, что отдал свою жизнь, без которой она, Эйлия, жить не может. Когда злость проходила, ею снова овладевала скорбь, сбрасывая в темные глубины, где нет ни света, ни надежды. Иногда в снах приходил к ней Дамион и присаживался на кровать. Она слышала его голос, как он рассказывает, что на самом деле этого не было, просто вышло недоразумение. И в этот момент она просыпалась, как всегда.

И вскоре ей захотелось вообще никогда не просыпаться, только видеть сны, не прерываемые явью.

Как-то тяжелой ночью она никак не могла заснуть, только металась и ворочалась, мечтая о сонном зелье, дающем тот выход, которого она жаждала. Комната стала голубой от лунного света. Эйлия тихо, чтобы не разбудить Талиру, в облике птицы сидящую на спинке кресла, натянула халат и вышла. Бениа дремала в прихожей, прикорнув на диване. Эйлия прошла мимо нее на цыпочках и открыла дверь в коридор. Там было пусто.

Она босиком прошла по ковру коридора, мимо двери отцовой спальни. Оттуда не пробивался свет, но из щели под дверью бывшей комнаты матери струилось теплое сияние.

Значит, он там. Она сейчас поговорит с ним, утешится его теплыми руками и ласковым голосом. Эйлия тихо постучала, потом распахнула дверь.

— Отец?

Комната оказалась розовой пещерой тепла и света — занавески опущены, лампы горят. Отца нигде не было.

Но комната не была пустой.

В кресле у окна кто-то сидел — женщина в простом розовом платье. У нее были длинные золотые волосы до пят, поблескиваю-

щие в свете ламп. Голова женщины склонилась, и лица не было видно за водопадом волос.

Эйлия остановилась, завороженная.

— Мама? — сказала она, задыхаясь.

Женщина подняла голову, и это было лицо с портрета на стене — синие глаза, гладкая белая кожа, тонкие черты лица. Но нет — мать не может так выглядеть сейчас. Даже элейская женщина както должна была бы перемениться за двадцать лет.

— Я сплю! — горько сказала Эйлия, забыв, как хотела именно заснуть.

Женщина протянула руки:

— Элмирия — дочь моя! Иди ко мне.

И Эйлии стало все равно, сон это или нет. Она бросилась в объятия женщины, зарылась лицом в покрытые шелком колени, в струи мягких волос.

— Мама, мама, ты вернулась! — всхлипывала она.

— Доченька, я никогда тебя не оставляла. Дорогое мое дитя, я бы с радостью приняла на себя все твои страдания. Но мужайся, потому что еще не вся надежда потеряна.

Ласковые руки взяли лицо Эйлии в ладони, стерли слезы. На правой руке что-то блеснуло синим: сапфировая звезда в кольце.

— Я теперь в Эфире, и твой Дамион тоже. Он не покинул тебя навеки. Вот посмотри. — Она протянула руку, отодвинула шелковую штору с окна. В ночи светилось одно из окон башни. — Он ждет тебя в Эфире, как и я. И ты еще увидишь нас обоих до того, как все это кончится. — Эларайния сняла с пальца кольцо со звездным сапфиром и надела его на палец Эйлии. — Это твое кольцо, то самое, что я завещала тебе давным-давно. Получи его сейчас и помни.

Она наклонилась и поцеловала дочь в лоб.

Комната растаяла. Эйлия плыла вверх сквозь слои тихого свечения, туда, где свет был ярче. Это был Эфир — или Высокое Небо? И она тоже мертва? Ее глаза открылись к свету, неясному и ослепительному. И из этого свечения сгустилась форма — похожая на птицу с огненными перьями, с венцом на голове. Это Элмир? Значит, она на Небе — и снова увидит Дамиона, снова будет с ним! И они никогда больше не расстанутся!

Эйлия поспешно села и увидела, что это всего лишь Талира на своем насесте-спинке, и в окно льется свет утреннего солнца. А она лежит в своей постели. Отчаяние охватило ее, придавило неимоверной тяжестью. Но тело ее, молодое тело, радовалось воз-

вращению жизни. С предательской радостью оно восстанавливало себя, потягиваясь и шевелясь почти по собственной воле.

При виде спящей Талиры Эйлия почувствовала внезапный укол совести. Огненная птица казалась очень усталой, но она не спрятала голову под крыло — очевидно, боясь пропустить хоть малейшие признаки возвращения принцессы к жизни. Талира и Аурон, ее отец и ее друзья — какие тревоги и страдания пришлось им пережить, пока она спала? Потом она заметила черные флаги на каждой башне и вспомнила, что это она сама велела вывесить знаки траура.

— Сон, всего лишь сон. Мамы нет, она умерла, и он тоже...

И не просто умер, вспомнилось ей, а исчез, не оставив ничего, даже тела, которое можно было бы похоронить.

И никогда не будет гореть огонь в его окне, никогда больше.

Эйлия повернулась на другой бок, и слезы выступили у нее на глазах. И тут она резко села, в удивлении таращась на свою правую руку.

На безымянном пальце блестел звездный сапфир.

Этого не может быть. Она оставила его во дворце Мандрагора на Неморе. Как же он оказался здесь, на ее руке?

Она вскочила на ноги и заметалась по комнате, разбудив испуганную Талиру.

— Эйлия, милостивые небеса, что это с тобой? — заверещала огненная птица.

Эйлия не обратила внимания, даже не услышала. Она накинула халат и вылетела в коридор. Там стояли Йомар и Лорелин, бодрствовавшие вместе со стражей и ее отцом. При виде Эйлии они разинули рты.

— Дамион не погиб! — крикнула она.

Они уставились на нее с тревогой. Босая, с дикими глазами, непричесанная, она казалась полубезумной.

— Эйлия, — начал осторожно Тирон. — Эйлия, дитя мое, Дамион ушел от нас...

— Да! — прервала она его. — Да, он ушел, но не умер! Я его видела, его и маму. Я была права, она не ушла, и он тоже! — Эйлия обернулась к страже: — Объявите народу, что я выздоровела и собираюсь в путешествие.

— Но куда, ваше высочество?

— На Меру. Найти Дамиона. — Она повернулась к отцу, Лорелин и Йомару. — Я видела его во снах — только это не были сны, это были видения. Он ушел в Эфир, избежал смерти, как мама много лет назад. Эти зимбурийцы действительно *видели* его, завис-

шего меж двух плоскостей. Старый жрец и послушник говорили правду!

— Эйлия, я не могу тебе позволить ехать куда бы то ни было, — заявил Тирон. — Ты нездорова...

— Нет! Я знаю, что я права!

Тирон переглянулся с ее друзьями. Дикая надежда вспыхнула в глазах Лорелин.

— Это не бред, Йо! Посмотри! Она его *видела*.

— Йо! — Эйлия вложила свои руки в его ладони. — Ты поможешь мне? Я должна покинуть Арайнию на попечение отца и вернуться на Меру. Пойдешь ли ты со мной, поможешь мне? И мы найдем там Дамиона, Йо. Все, что говорят о нем в Зимбуре, — правда. Он всего лишь изменился, превратился в нечто новое и сильное. — Она повернулась к подбежавшим стражникам, привлеченным ее криками. — Снимите черные флаги, они не нужны. И созовите советников.

Они смотрели на нее, не понимая.

— Но, ваше высочество...

— Выполняйте, что сказано! — прикрикнул на них Йомар.

Эйлия повернулась к своим покоям.

— И нечего жрицам со свечами все время передо мной ходить. Обряд света больше выполняться не будет.

— Но...

Эйлия прошла мимо них, не слушая.

Надежда и радость вернулись к ней, подобно половодью унося сомнения, скорбь и самообвинения. Дамион... ей представились парящие в цветочном раю бабочки, прекрасные крылатые создания, вылупляющиеся из коконов низменных червеобразных личинок. «Он изменился, превратился во что-то большее, более сильное». Теперь она знала, кому принадлежит ее сердце и где лежит истинное ее предназначение.

Через несколько часов Эйлия, все еще бледная, но с новым выражением решительности на лице, вышла на крыши Халмириона в сопровождении своих друзей и советников. Одета она была в белую мантию мага, и единственным ее украшением было сапфировое кольцо.

В небе что-то блестело, как золотая звезда, — приближался дракон. Мощный крик вознесся от собравшейся внизу толпы, не расходившейся, пока Эйлия болела, и теперь собравшейся в надежде услышать вести о ее выздоровлении. Эйлия в ответ на этот крик подняла руку, странно уверенным и притом изящным жес-

том, так сильно не похожим на ее прежние робкие движения, что это произвело впечатление даже на ее друзей.

— Посмотри на нее! — шепнула Лорелин. — Не хотела бы я быть среди ее врагов.

Глядя на принцессу, Йомар почувствовал, как оживает в нем надежда.

— Ради всех богов, может быть, *она* сможет привести нас к победе!

Эйлия поцеловала отца, серьезно и грустно поглядела на своих друзей.

— Найдите меня в Зимбуре, когда там окажетесь.

Аурон подлетел в буре золотых крыльев и склонил шею перед принцессой. Она взобралась и устроилась за его гривой, и дракон взмыл в небо. Он все уменьшался и уменьшался, улетая вдаль, превратился в едва заметную блестящую точку на фоне арки небес, в искорку на лице луны, ищущую далекую дверь в воздухе и мир, лежащий за этой дверью.

— Улетела! — вздохнула Лорелин.

— Скоро мы будем с нею, — сказал Йомар. — И все на Мере наладим как следует.

И они молча смотрели вверх, пока золотая искорка не исчезла совсем.

ПРИЛОЖЕНИЕ

[illegible]

Глоссарий внеземных терминов

Аан (эленси). Буквально «Господь» или «Владыка». В западной теологии — Верховное Существо, творец Неба и Земли.

Азар, эленсийское *азар*, «смятение». Название планеты карликовой звезды Азарах (*см.* ниже).

Азарах, эленсийское *азар* + *рах*, «несущий(ая) смятение». Название небольшой тусклой звезды, захваченной гравитационным полем системы Аурии. См. «Глоссарий земных терминов»: *Крушение*.

Аккар: (мохарское). Бог земли, супруг Найи, богини неба.

Алмайлия, эленсийское *Алм'айлия* от *алма* + *эйлия*, «путеводная звезда морей». В тексте переводится как «Звезда Морей». Один из титулов богини Эларайнии.

Ана (эленсийское). Ведунья и наставница Трины Лиа. *См. Элиана*.

Андарион, эленсийское *аан* + *дарион*, «предводитель рыцарей». Титул, данный королю Маурайнии эпохи Золотого Века Браннару.

Арайния, эленсийское *ар* + *айн-ия*, «родина/сфера света». Вторая планета системы Аурии.

Аркурион, эленсийское *ар-кури* + *он*, «светлый факелоносец». Первая планета системы Аурии.

Аурия, эленсийское *аур* + *иа*, «место/сфера света». Элейское название солнца.

Аурон, эленсийское *аур* + *он*, «сосуд жизни». Имперский лоанан, друг и защитник Трины Лиа.

Бин-йара (*каанск.*). Боевое искусство, практикуемое каанцами. Основано на стойках и дыхании, а также на медитации.

Вакунга, мохарское. Шаман последних свободных племен мохарцев.

Валдис, эленсийское *вал* + *дис*, «обитель тьмы». Пятая планета в системе Аурии.

Валдур, эленсийское *вал* + *дур*, «темный» или «носитель тьмы». Имя, данное богу Модриану после его падения. Впоследствии зимбурийские жрецы присвоили это имя своему верховному божеству.

Валеи, эленсийское *вал* + *еи*, «дети тьмы». Почитатели Модриана-Валдура.

Вартара, элейское *вар* + *тар-а*, «пасть червя». Черная звезда в Энтаре, созвездии Модриана-Валдура. Называется также «Пасть ада».

Гемала (*зимбурийское*). Генерал армии царя Халазара.

Дамион: от эленсийского *даи* + *мион*, «желанный гонец». Священнослужитель Веры, спутник Трины Лиа.

Догода, догодцы (*догодское*). Раса, живущая на южном полуострове Антиподов, возможно, потомки неандертальцев, на нашей планете давно вымерших.

Заим, мохарское. Согласно мохарской легенде, назначенный высшими силами спаситель, который в свое время освободит мохарцев из рабства.

Зимбура, зимбурийское. Страна на Антиподах на Мере.

Ианта, эленсийское *и-ант* + *а*, «многооблачная». Шестая планета системы Аурии, газовый гигант.

Ингард, эленсийское. Знаменитый рыцарь и друг короля Андариона.

Йегоси, зимбурийское. Главный евнух во дворце Халазара.

Йомар, мохарское. Один из спутников Трины Лиа, воин со смешанной мохарской и зимбурийской кровью.

Каан, архипелаги. Каанское. Страна между западным и восточным континентами Меры, состоящая из многих цепей островов.

Каанцы, обитатели Каанских архипелагов на Мере.

Кантикант, эленсийское *канти* + *кант*, буквально — «книга (многих) книг». В Кантиканте, он же Священная Книга западной Веры, насчитывается семь разделов, или «книг». Три самых древних имеют элейское происхождение: «Книга Начал», где излагается история сотворения и падения мятежных богов (впоследствии это слово заменили на «ангелы»); Книга Царств с изложением истории элеев, впоследствии отнесенной маурийскими учеными к мифам, и пророческая Книга Судеб, которая, как считают некото-

рые авторы, написана сивиллами. Остальные книги написаны маурийцами: «Книга Песней», древний сборник гимнов, «Книга Мудрости», сборник притч и пословиц, «Вторая Книга Царств», изложение маурийской истории, и «Книга Бытия» — видение Земли, Неба и Погибели пророка Орендила. Благодаря эсхатологическим мотивам элейская «Книга Судеб» помещена в конце канона. См. *Писания* в «Глоссарии земных терминов».

Киран Йаррисс, зимбурийское. Зимбуриец, союзник Заима.

Лиамар, эленсийское *лиа* + *мар*, «звездный город». Священный город на вершине Элендора в Тринисии.

Лоанан, эленсийское *ло* + *ан* + *аан*, «повелитель ветра (и) воды». См. *Дракон* в «Глоссарии земных терминов».

Лоананмар, эленсийское *лоанан* + *мар*, «город драконов». Самый большой город на планете Немора.

Лоанеи, эленсийское *ло* + *ан* + *еи*, «дети ветра и воды». Раса существ, произошедших от союзов между людьми и принявшими людской облик лоананами.

Лорелин, эленсийское *лора* + *эл-лин*, «дочь священного неба». Одаренная немерейка и подруга Трины Лиа.

Лотара, эленсийское *лот* + *тар* + *а*, «хвост червя». Звезда в Энтаре, созвездии Модриана-Валдура. Звезда-спутник Вартары, «черной звезды».

Маракор, маракитское. Страна к югу от Маурайнии на Мере.

Маурайния, эленсийское *маур* + *аин* + *иа*, «родина (племени) маур». Главная страна на западном континенте.

Мелдрамир, эленсийское *мелдра* + *мирия*, «трон луны». Трон Трины Лиа в Элдимии.

Мелдриан, эленсийское *мелдри* + *аан*, «властелин тронов». Древняя планета, столица Небесной Империи со времен архонов.

Мелнемерон, эленсийское *мел* + *не* + *Мера* + *он*, «хранилище преданий Не-мира (Эфира)». Место на Арайнии, где собираются немереи обмениваться знанием.

Мера — эленсийское слово, означающее «земля» или «почва». Обитатели третьей планеты системы Аурии называют так свой мир.

Мераалия, эленсийское *мера-ал* + *лиа*, «камень звезд». Звездный камень архонов.

Мереи, элейское *мера* + *еи*, «дети земли». Собственно люди (в отличие от элеев, лоанеев и прочих измененных рас).

Мерендалия, эленсийское *мерендал* + *лиа* + *а*, «столбовая звездная дорога». Млечный Путь, видимый в ночном небе, у элеев считался обиталищем высших богов.

Мирамар, эленсийское *мир* + *мар*, «лучезарный город». Столица Элдимии.

Мириа, эленсийское *мири* + *а*, буквально «лучистая». Элейское название луны планеты Арайния.

Модриан. Эленсийское имя для божества, предводителя небесных богов (подчиненного, однако, верховному божеству Высших Небес). По легенде, он восстал и был повергнут другими богами Земли и Неба, заключившими его в Пропасть Погибели. См. *Валдур*.

Мориана, эленсийское *мори* + *аана*, «госпожа/хозяйка ночи». Титул, данный божеству луны Меры, также имя королевы Бранара Андариона.

Морлин, эленсийское *мор* + *лин*, «ночное небо». Сын короля Андариона и королевы Морианы.

Моругеи, эленсийское *моруга* + *еи*, «дети ночных призраков», они же отродье демонов. Мутантные гуманоиды, почитающие Валдура. Считается, что эти создания — неудачные порождения истинных людей и злых инкубов. Это название охватывает множество рас, из которых здесь названы антропофаги, тролли, огры и гоблины. Первые три подвида размножаются «правильно», передавая свои свойства последующим поколениям, но среди гоблинов не найти двух одинаковых индивидов, и даже отпрыски не похожи на родителей. Однако интеллект у гоблинов выше, чем у других подвидов, и они намного искуснее в чародействе.

Мохар, мохарское. Страна к югу от Зимбуры, в настоящее время — оккупированная территория.

Мохарцы, мохарское. Народ на юге Антиподов.

Найа, мохарское. Богиня неба в мохарской мифологии.

Немереи, эленсийское *не-Мера* + *еи*, «дети не-мира». («Немир» — буквальный перевод названия нематериального измерения, здесь упоминаемого как Эфир.) Существа, способные общаться с помощью лишь своих разумов, а также обладающие иными экстрасенсорными способностями.

Немора, лоанейско-элейское. Мир, когда-то населенный лоанеями, теперь там живут люди.

Нумендоры, эленсийское *Нумиа* + *эндори*, «горы Луны». Горная цепь в Тринисии, куда входит Элендор.

Нумиа, эленсийское. Элейское название луны Меры.

Орбион, эленсийское. Имя небесного императора.

Раймар, эленсийское *рай* + *мар*, «город пламени». Столица Маурайнии, местоположение Высокого Храма Единой Веры, где хранится Священный Огонь Орендила.

Риалайн, эленсийское *риала* + *айн*, «родина (племени) риала». Страна к северу от Маурайнии.

Селенна, эленсийское *сел* + *энна*, «мантия тумана». Высочайшая вершина горной цепи Мариэндоры, считавшаяся когда-то у элеев священной.

Синдра, эленсийское. Немерейка смешанной элейско-мерейской крови, предавшая Трину Лиа.

Таландрия, эленсийское *тал* + *ан-дри* + *иа*, буквально «место сплошной соленой воды». Четвертая планета системы Аурии.

Талира, т'кирийское. Друг и страж Трины Лиа (буква «р» в имени произносится как среднее между «р» и «л»).

Талмиренния, эленсийское *тал* + *мир* + *ен* + *иа*, дословно — «место средоточия высокой власти». Элейское название Небесной Империи.

Танаура, эленсийское *тана* + *аура*, «древо жизни». См. *Элворон*.

Танатон, от элейского *тана* + *тон*, «поедатель деревьев». Крупные ящеры, обитающие на Неморе. Есть основания считать, что эти гигантские рептилии не зародились на планете, а произошли от завроподов нашего юрского периода, завезенных на планету архонами.

Тарнавин, эленсийское *тар-на* + *вин*, «белый враг змей». Единорог.

Твиджик: амбисфена с Неморы.

Темендри Альфаран: мир, колонизированный лоананами, где обитают и встречаются многие расы.

Тирон, эленсийское *тир* + *он*, «несущий благословение» или «благословенный». Имя отца Трины Лиа.

Т'кири. Раса птиц, называемых среди людей «жар-птицами» за яркое светящееся оперение.

Трина Лиа: эленсийское *трина* + *лиа-а*, «принцесса звезд». Предсказанная пророчеством владычица, ожидаемая элеями, дочь планетарного божества Эларайнии.

Тринель, эленсийское *трин* + *эль*, «царственная и божественная». Титул Трины Лиа.

Тринисия, эленсийское *трине* + *ис* + *иа*, «царственная возлюбленная земля». Страна элеев на Мере, покинутая после Великого Крушения.

Тринолоанан, эленсийское *трино* + *лоанан*, «царь/правитель драконов». Самец, предводитель лоананов.

Унгуру: мохарское имя, произведенное от элейского имени маурийского героя Ингарда. Воин свободных мохарцев, воевавший вместе с Заимом и отдавший за него жизнь.

Утара, эленсийское *ут* + *тар-а*, «глаз червя». Красная звезда в Энтаре, созвездии Модриана-Валдура.

Фалаар: херувим, страж Трины Лиа. Имя передано фонетически приблизительно и означает «Солнечный охотник».

Халазар, зимбурийское *хал* + эленсийское *азар*, «рожденный под Азаром». Имя царя Зимбуры в дни Эйлии. (В тех западных языках, где нет звука «х», это имя произносится «Калазар»).

Халдарион, эленсийское *хал* + *дарион*, буквально «замок-рыцарь». Древняя крепость паладинов в Маурайнии, позднее в ней находилась Королевская Академия.

Халмирион, эленсийское *хал* + *Мирия* + *он*, «замок-луноносец». Дворец Трины Лиа в Элдимии.

Хелантия, эленсийское *хел* + *ланта* + *иа*, «облачная страна, принадлежащая богам». Страна в Арайнии, где якобы обитали низшие боги.

Шуркана, шурканское. Страна к северу от Зимбуры на Антиподах.

Эйлия (эленсийское *эй* + *лиа*, «путеводная звезда»). Девушка-островитянка, на Мере примкнувшая к экспедиции, ищущей Камень Звезд. Впоследствии оказалась Триной Лиа.

Элайи, эленсийское *эл* + *лайи*, «низшие боги».

Эларайния, эленсийское *эл* + *Арайния*. Имя богини планеты Арайния, она же мать Трины Лиа.

Элворон, эленсийское *эл* + *вор* + *он*, «содержащий дух и материю». Элейская концепция, близкая к инь и янь, и приписываемая, как все знания элеев, учительству богов. Обычно Элворон изображается как птица Элмир (дух, небо, святость, порядок) и дракон или змей Вормир (материя, земля, кощунство, хаос), чаще всего первый у вершины, второй у подножия древа жизни. В философии элеев противопоставление Материи и Духа снимается силой Разума, который их объединяет или «примиряет».

Элдимия, от эленсийского *эл* + *дими* + *иа*, «прекрасная страна богов». Страна в Арайнии, куда бежали элеи после Великого Крушения.

Элеи, эленсийское *эл* + *еи*, «дети богов». Древняя раса, на Мере более не существующая. Элеи обладали особыми способностями разума, которые среди них считались результатом божественного происхождения.

Элендор, эленсийское *эл* + *эндор*, «святая гора». Почитающаяся священной гора в Тринисии, на вершине которой был построен святой город Лиамар.

Эленси: язык элеев. От эленсийского *эл* + *энси*, «святой язык» или «язык богов».

Элиана, эленсийское *эл-и* + *аана*, «повелительница воинства духов» или «королева фей». Королева Тринисии в Золотом Веке.

Элиры, эленсийское *эл* + *лира*, «высшие боги».

Элмир: эленсийское *эл* + *мир*, «мощь духа». Концепция Духа, в элейском изобразительном искусстве представляемая в виде птицы.

Элмирия, эленсийское эл + мириа. Имя, данное Трине Лиа при рождении.

Глоссарий земных терминов

Приводимые ниже слова взяты из наших земных мифов, языков и культур и используется для обозначения параллельных понятий, найденных в мирах и культурах, которые здесь описаны.

Аватара: термин, взятый из индуистской традиции, здесь означает либо физическое проявление бога, либо его явление в виде смертного существа таким образом, что можно говорить о представлении божественной сущности в буквальном смысле.

Аликорн: рог единорога. Считается, что в его основании находится драгоценный камень, а сам рог обладает чудотворными целебными свойствами.

Амбисфена: название двухголовой змеи средневековых мифов, здесь использовано для обозначения животного с Неморы.

Амброзия: у элеев был эликсир, данный им, как гласит предание, богами, который добывался из плода, именуемого «пищей богов». Говорилось, что он усиливает латентные способности немереев.

Антропофаги: деформированные люди, одна из рас моругеев. Это имя (дословно «пожиратели людей») присвоено расе, очень похожей на описанную в средневековой европейской мифологии.

Апокрифы: термин для обозначения многочисленных элейских письменных источников, которые по тем или иным причинам не были включены в Священную Книгу западной Веры.

Архоны: термин, используемый для расы древних существ, некогда господствовавших в галактике и почитавшихся как боги.

Многими считаются прообразом элайев, «низших богов» в элейской мифологии.

Аспидохелон: китоподобное создание из нашей мифологии. Иногда моряки по ошибке принимают его за остров. Если они у него на спине разводят костер, животное погружается в воду и топит их. Похоже, что в основе этого мифа лежат сведения о существующем животном с планеты Немора, хотя как об этом узнали наши сказители, остается загадкой.

Баромец: в средневековых преданиях — растительный барашек из тартара, мифическая овца, вырастающая на дереве. Здесь этот термин использован для живых существ с планеты Темендри Альфаран.

Боги: см. *Силы*.

Венудор: драгоценный камень, светящийся собственным внутренним светом.

Волшебный народ: термин, которым в кельтской мифологии обозначают фей, здесь применяется к народу элеев.

Гломерия: иллюзия, которую феи умеют наводить на смертных. Наводить иллюзии умеют и некоторые волшебники из людей.

Демон: элайя, дух, тесно привязанный к материальной плоскости. Здесь это слово иногда используется в классическом смысле: «деймон» греческой мифологии — сверхъестественное, но не обязательно злобно настроенное создание, что в корне отличается от современного понимания демона.

Дракон: наиболее древняя разумная раса в известной вселенной, драконы, или лоананы, являются гигантскими ящерами, ни в малейшей степени не похожими на чудовищ западного мифа; они скорее ближе к китайским драконам «лунь»: это в высшей степени мудрые, почти богоподобные создания, благие по природе (за некоторыми исключениями). Они способны менять облик, умеют использовать силу стихий и могут жить тысячу лет и более. Пришли они из той области галактики, которую меранцы знают как созвездие Дракона, и путешествуют между звездами, используя гиперпространственное измерение, известное как Эфирная плоскость.

Драконтий: согласно народным поверьям, «магический камень» или самоцвет, находящийся в голове у дракона. Действительно, в черепе лоананов есть некая кристаллическая субстанция, которая, как утверждается, усиливает экстрасенсорные способности животного.

Древо жизни: древо пищи богов, символическое представление вселенной в виде дерева.

Иномирье: термин, используемый для названия Арайнии, куда бежала основная масса элеев после Крушения на Мере.

Ипотрилл: в геральдике — зверь с телом верблюда, головой кабана и хвостом змеи. Может быть, прототипом его является арайнийский зверь, название которого здесь использовано.

Квинтэссенция: «пятая стихия» древней меранской космологии; субстанция, высшая по отношению к четырем материальным стихиям — земле, огню, воде и воздуху. Небесные тела и божественные существа считались состоящими из квинтэссенции. Наиболее вероятно происхождение этого понятия от элейской концепции *элотана*, лучше всего передаваемой термином «чистая энергия».

Крушение: название великого катаклизма 2497 года. Примерно за десять тысяч лет до того небольшая «блуждающая звезда» Азарах, вероятно, коричневый карлик, вошла в солнечную систему Меры и была захвачена гравитационным полем солнца. Проходя через кометное облако, она обрушила на внутренние планеты дождь комет. Эта бомбардировка продолжалась спорадически лет тысячу. По описаниям Крушения на Мере — «падающие с неба звезды», землетрясения, извержения вулканов, пылевые облака (отсюда название «Темные Века») — можно заключить, что с планетой столкнулось одно или несколько разлетевшихся на осколки кометных ядер. Следы на луне и других планетах тоже согласуются с предположением о кометной бомбардировке. Это отражено и в мифах, в которых бог Модриан-Валдур послал своего подручного Азараха разрушить мир: все такие высшие духи ассоциировались со звездами. Азарах привел с собой и одну планету — зловещий Азар элейских преданий.

Мандрагор: приблизительный перевод маурийского имени Яргат, «человек-дракон».

Небеса: термин, которым элеи именовали три плоскости существования: материальную, эфирную и духовную. Первая, Низшие Небеса, охватывает все физические явления, звезды, планеты и окружающий их вакуум. Вторая, Средние Небеса, — это размерность, где обитают «эфирные» существа, такие, как элиры и элайи. Подобные существа могут по своей воле покидать Средние Небеса и возвращаться туда; при этом кажется, что они таинственным образом появляются в материальной плоскости и исчезают из нее. Третья, Высшие Небеса, является обителью

самых возвышенных духов. В элейском искусстве эти три неба изображались в виде трех концентрических кругов, где Высшие Небеса образуют внешнюю сферу, подобно Примум Мобиле в средневековой европейской космологии. (Погибель, область Модриана-Валдура, в этой элейской модели не изображалась, поскольку считалась царством Несуществования.) Как и в наших средневековых моделях, вселенная считалась замкнутой самодостаточной системой. Но в отличие от этих моделей, элейская конструкция не предназначена была для буквального описания реальности; элейская космология учила, что эти три плоскости не разделены, но находятся в текучем сосуществовании, что в живописи или скульптуре отобразить невозможно. Ранние маурийские астрономы пользовались термином «небеса» для описания своей концентрической системы «планетных сфер», которая очень похожа на средневековые описания нашей солнечной системы. См. *Сферы*.

Небесная Империя: царство архонов. Созвездия в ночном небе Меры считались странами этих дивных существ, звездными государствами, где они обитали. Более поздняя мифология темных веков описывала эту Звездную Империю как мистическую страну в небесах.

Орнитоптер: дословно «птичье крыло», термин для любого аппарата, который летает с помощью машущих крыльев, подобно птице. В нашем мире такие аппараты больших размеров непрактичны, но летающие корабли элеев держатся в воздухе отчасти с помощью магии.

Переход: процесс, с помощью которого смертный может войти в Эфирную плоскость, став существом чистой квинтэссенции (энергии).

Писания: термин, относящийся к Священной Книге западной Веры. См. *Кантикант*.

Праздник: день отдыха, подобный воскресенью или субботе, соблюдается народами Меры, которые пользуются элейским календарем. Меранский год на тринадцать дней длиннее нашего, и элеи делили его на тринадцать месяцев по двадцать семь дней. Каждый месяц делился на три недели по девять дней. И наконец недели разбивались на триады: за каждыми двумя низшими днями, предназначенными для обычной работы, шел высокий день, когда работникам предоставлялся отдых до полудня или после. В третий высокий день недели, он же праздник, работать не разрешалось, и люди посещали службы в храмах.

Сивиллы: пророчицы, святые старой элейской религии, которые, как считалось, общались с богами и получали от них видения будущего.

Силы: элиры и элайи, существа, почитаемые элеями как боги, впоследствии считались ангелами у последователей западной Веры. Считалось, что элиры обитают на звездах, а элайи — на земле и ходят среди смертных, принимая облик людей или животных. Утверждалось даже, что они вступали в союзы со смертными, и так появилась раса полубогов, названных элеями. Считалось также, что элайи держатся в определенных местах как невидимые духи (гении места) и могут быть привлечены к материальным предметам «гармоничной» природы, например, кристаллическим решеткам или самоцветам.

Содружество: термин, использованный здесь для двух разных союзов дружественных наций. Меранская история делится на две эры: древнюю и новую. Древняя эра — это период, предшествующий созданию старого Содружества, в которое входили семь царств (Тринисия, Риалан, Маурайния, Маркор, Каан, Шуркана, Мохар). Новая эра начинается созданием этого союза и продолжается через его распад после Темных Веков в третьем тысячелетии н.э. до его частичного восстановления в виде Западного Содружества (Риалан, Маурайния, Маракор). События, о которых говорится в нашей книге, происходят в ранние годы четвертого тысячелетия н.э.

Сферы: как и наши предки, маурийские астрономы когда-то ошибочно предполагали существование концентрических небесных сфер, являющихся орбитами планет. В их случае этих сфер было семь. Каждая сфера считалась состоящей из чистого хрусталя (поэтому она и невидима), и она составляла отдельное Небо, а также содержала одну из известных планет, луну или солнце. Мера находилась в центре. Эти ошибочные воззрения породили такие тропы, как «планетные сферы» или «Седьмое Небо». (В своем описании путешествия по семи сферам Велессан Даурец добавил еще три неба элейской космологии, увеличив число небес до десяти).

Феи: элайи. Иногда так обозначаются и их смертные отпрыски, элеи.

Херувимы: грифоны, крылатые создания, служащие силам небесным верховыми животными и стражами. Слово «херувим» восходит к древнееврейской мифологии и использовалось для обозначения божественных созданий, имеющих вид грифонов (не путать

с более поздней версией эпохи Возрождения — крылатыми купидонами).

Хобгоблины, хобы: небольшие гоминиды, состоящие в родстве с человеком; склонны к проказам, но не к настоящему злу. Не следует путать с более опасными гоблинами. Многие из них обладают чародейскими способностями.

Эйдолон: в Эфирной плоскости — иллюзорное «тело» духовного существа, которое позволяет последнему взаимодействовать с другими такими же телами; кроме того, любая сущность в Эфирной плоскости, напоминающая что-либо материальное.

Эфир: измерение чистой энергии, находящееся вне материальной плоскости или «над» ней.

Содержание

Камень Звезд 5
Империя Звезд 369
Приложение 735

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ **ПЯТАЯ** КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ Буква

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 176, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», XL ТЦ Мытищи, Мытищи, ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95
- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «ТК», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радищева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий», т. (812) 333-32-64
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Бэрд Элисон

Камень Звезд

Империя звезд

Из цикла «Трон Дракона»

Художественный редактор М.В. Седова
Компьютерная верстка: С.Б. Клещёв
Технический редактор Т.В. Сафаришвили

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.003857.05.06 от 05.05.06 г.

ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, 27/32
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «ХРАНИТЕЛЬ»
129085, г. Москва, пр. Ольминского, д. 3а, стр. 3

Издано при участии ООО «Харвест».
Лицензия № 02330/0056935 от 30.04.04.
Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
Республика Беларусь, 220600, Минск, ул. Красная, 23.

Камень Звезд...

Таинственное сокровище, обладающее ВЕЛИКОЙ МАГИЧЕСКОЙ СИЛОЙ.

Согласно древнему пророчеству, тот, кто обладает Камнем Звезд, держит в своих руках СУДЬБУ МИРА...

Пророчество – это всего лишь красивая легенда?

Но в мрачные времена, когда безумный тиран-завоеватель и его союзник – принц драконов-оборотней, владеющий могущественной драконьей магией, – собирают огромную армию, готовую вторгнуться в мирные земли, – времени на поиски истины в легенде остается все меньше.

Юные храбрецы, уже неоднократно спасавшие жизнь противостоящей Тьме принцессы Эйлии, принимают командование над армией последних защитников Света – а сама принцесса вступает в смертельно опасную игру с принцем драконов...

ISBN 978-5-17-045985-8

9 785170 459858